Ч 43/571
В 15

Чокан ВАЛИХАНОВ

Избранные произведения

535147

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ НАУКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ЭТНОЛОГИИ им. Ч.Ч. ВАЛИХАНОВА

Чокан
ВАЛИХАНОВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Издательство «Арыс»
Алматы
2009

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5Каз)
Ч75

Министерство культуры и информации Республики Казахстан
Комитет информации и архивов
Программа выпуска социально-важной литературы

Редакционная коллегия: Г.Анес, Б.Байжанов, Р.Бекназаров, Э.Валиханов, В.Галиев, М.Кул-Мухаммед, Б.Кумеков, А.Кривков, С.Мажитов (председатель), А.Нухулы, Ж.Туймебаев

Ч 75 Чокан Валиханов. Избранные произведения / Сост.: **Мажитов С.Ф., Анес Г.К., Валиханов Э.Ж.** – Алматы: Изд-во «Арыс», 2009. – 584 с.

ISBN 9965-17-651-5

535147

В настоящее издание вошли работы, принадлежащие перу выдающегося казахского ученого, демократа-просветителя Чокана Валиханова, – его дневники, заметки и статьи, которые отражают реальный быт и жизненный уклад народов, населявших в бытность территорию Казахстана, Средней Азии и Восточного Туркестана. Его труды по этнографии, географии, истории и культуре, отражающие дух своего времени наиболее полно, выделяются на фоне общих исследований реальностью, ощущением непосредственного соприкосновения с историей.

Книга представляет собой огромный интерес для ученых-исследователей, историков, этнографов, фольклористов, аспиратов, студентов и предназначена для широкого круга читателей.

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз)

ISBN 9965-17-651-5

© Изд-во «Арыс», 2009

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ И ЕГО НАСЛЕДИЕ В XXI ВЕКЕ

С наступлением нового тысячелетия возник момент, связанный с воссозданием целостной картины умонастроений и поступков в казахстанском обществе, обусловивших формационные сдвиги в гражданском и этническом самосознании и сформировавших современный образ Казахстана в подвижном социокультурном контексте. Самый поверхностный анализ историографических залежей относительно периода с момента принятия Декларации о независимости обнаруживает, что в отечественном гуманитарном знании еще не сложилась гармоническая система взглядов, позволяющая четко и недвусмысленно ответить на вопрос: какое место займут Ч.Ч. Валиханов и его наследие в казахстанском обществе в XXI веке?

Развитие истории Казахстана во второй половине XIX века опиралось на многовековые традиции предшествующего периода. Эти корни способствовали дальнейшему усилению различных пластов материального и духовного потенциала казахского народа. Сюда вошло замечательное наследие восточных народов, влияние демократической русской культуры. Свое непосредственное влияние на происходившие изменения в мировоззрении людей оказали изменения, которые происходили в экономической и политической жизни казахского общества.

Во второй половине XIX века ярким событием была деятельность Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина и Абая Кунанбаева. До последнего времени в литературе, посвященной им принято употреблять термин «просветители». Было бы, по крайней мере, абсурдным предполагать, что во второй половине XIX – начале XX вв. на весь казахский народ приходилось всего три просветителя. Это определение вошло в жизнь в соответствии с постулатами советской идеологии, отрицавшей наличие в казахском патриархально-феодальном обществе в дореволюционную эпоху, людей с высоким интеллектуальным и духовным содержанием. Не случайно в советское время был распространен миф об отсутствии казахской историографической традиции в период от Чокана до первых советских историков-марксистов. Это был намек на отсутствие письменноой историографии в казахском традиционном обществе. Немалую роль здесь сыграла и пресловутая теория «наименьшего зла», призывавшая подчеркнуто говорить о прогрессивных последствиях «присоединения» Казахстана к России. Объявленная война против всего «патриархального» и «дореволюционного» в национальной культуре народов Российской империи уводила общественное сознание от идеалов чистого знания, поскольку последнее прямым образом противоречило просветительству как таковому. Нивелирование национальной самобытности, принятое в советскую эпоху, имеет свои истоки со времени превращения России в «тюрьму народов». Поэтому понятно, почему только трем названным деятелям была отведена роль просветителей от имени властвующего режима. Между тем их наследие послужило поводом для начала реформаторского движения в лоне колониальной системы.

Чокан Чингисович Валиханов (1835-1865 гг.) явился первым казахским ученым с демократическими воззрениями на социально-политические и культурные процессы, происходившие в казахском обществе. Он по праву занимает одно из ведущих мест у истоков современной истории независимости и казахской национальной культуры. Он является выходцем из султанской среды и прямым потомком Абылай хана. Его отец Чингис получил в свое время восточное и европейское образования. Чокан Валиханов воспитывался в Омском кадетском корпусе. Его учителями были высокообразованные преподаватели Гонсевский, Ждан-Пушкин, Лобановский. После окончания кадетского корпуса он служил адъютантом Западно-Сибирского генерал-губернатора. Духовный мир и научный кругозор Чокана Валиханова был обогащен благодаря общению его с деятелями казахской степи – биями, султанами, родоначальниками и с представителями русской науки и литературы. Глубокий след оставило в нем пребывание в Петербурге в 1860-1861 гг. Большое влияние на формирование Ч.Ч. Валиханова оказала его дружба с Г.Н. Потаниным, ссыльным писателем Ф.М. Достоевским, ученым-путешественником П.П. Семеновым-Тянь-Шанским.

В наследии Ч.Ч. Валиханова важными являются исследования «Киргизское родословие», «Исторические предания о батырах XVIII века», «Дневник поездки на Иссык-Куль» и другие. Со слов киргизских певцов-сказателей, он записал отрывки кыргызского эпоса «Манас». Кстати, на сегодняшний день имеется информация о том, что существует казахская версия «Манаса». Об этом очевидно в ближайшем будущем состоится обстоятельный разговор, поскольку Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, которому в этом году исполняется 65 лет, планирует специальную научную экспедицию по выявлению источников о наследии Ч.Ч. Валиханова в ближнем и дальнем зарубежье.

Труды по истории, географии, этнографии Казахстана и сопредельных стран Центральной Азии заслуженно снискали Ч.Ч. Валиханову имя выдающегося ученого. Научная деятельность Ч.Ч. Валиханова была высоко оценена русскими учеными. Однако, до сих пор остается неисследованным широкий пласт документов, связанный с тем, как реагировали на экспедицию Ч.Ч. Валиханова в Кашгар в Европе. Общеизвестно, что англичане еще до этого исторического события пытались пробраться в этот закрытый уголок Азии. В свете сказанного предстоят весьма интересные исследования компаративного характера, связанные с анализом источников из Англии и материалов периодической печати того времени. Весьма большой интерес к данной проблеме проявляют индийские исследователи, в частности госпожа Ванита Сингх – супруга бывшего Посла Индии в Казахстане Ашока Кумара Мукерджи.

XXI век внес свои коррективы в понимание значения наследия Ч.Ч. Валиханова. В 2010 году исполняется 175 лет со дня его рождения. Неоценим вклад, внесенный Чоканом Чингисовичем в сокровищницу мировой культуры. На протяжении более 140 лет творческое наследие выдающегося сына казахского народа является стержнем общественно-гуманитарных знаний о Казахстане и сопредельных народов, демонстрирует уровень развития казахской культуры, и в частности, науки.

175-летие Ч.Ч. Валиханова призвано стать определенным итогом развития исторических, общественно-политических и гуманитарных знаний о Казахстане, значитель-

ным событием в духовной жизни независимого Казахстана. Комплекс мероприятий, посвященных этой дате включает отдельные блоки по изучению и пропаганде богатого наследия ученого, среди которых:

- Издание новой версии собрания сочинений Ч.Ч.Валиханова в виде многотомника на казахском и русском языках, с учетом новых материалов и комментариев, как наиболее значительного собрания всех произведений ученого без купюр и идеологического пресса прошлого;
- Издание избранных трудов Ч.Ч. Валиханова на английском языке, а также альбомов и буклетов по произведениям ученого;
- Проведение Международного форума, посвященного 175-летию Ч.Ч. Валиханова, а также научно-практических конференций по регионам Казахстана;
- Издание научных и научно-популярных книг, освещающих жизнь и деятельность Ч.Ч. Валиханова, значение его наследия в условиях современного Казахстана;
- Издание библиографии трудов Ч.Ч. Валиханова и литературы о нем;
- Издание сводного каталога «Наследие Чокана Валиханова», который будет включать сведения о процессе увековечивания наследия ученого, включая паспорта историко-культурных мест, памятников, музеев, учреждений, улиц и т.д.
- В целях более глубокого распространения наследия ученого необходимо освещать его жизнь и деятельность в СМИ, в том числе на телевидении и в кино;
- Создание на месте рождения Ч.Ч. Валиханова в Кушмуруне (Костанайская область) историко-культурного заповедника.

В 1950-60-ые годы было осуществлено издание собрания сочинений выдающегося ученого в 5-ти томах под руководством академика А.Х. Маргулана. К 150-летнему юбилею ученого было осуществлено 2-ое дополненное издание трудов Ч.Ч. Валиханова под общим руководством Б.Е. Кумекова. Первое и второе издание воспроизводили графическое наследие ученого, при этом малотиражное первое издание в достаточной полноте, во втором издании воспроизведены были не все рисунки ученого. Оба издания были малотиражны и ныне стали библиографической редкостью. В свое время А.Х. Маргулан составил список из тех работ, которые не вошли в Собрание сочинений Ч.Ч. Валиханова. Список насчитывает 91 название, большая часть из них принадлежит перу Ч.Ч. Валиханова. В опубликованных изданиях есть разночтения в текстах, что определяли идеологические постулаты того времени.

К 150-летию Чокана был подготовлен указатель литературы, куда вошли издания, вышедшие за период с 1957 по 1982 гг. Единодушное признание заслуг ученого было достигнуто и на юбилейной конференции 1985 года, где состоялся обмен мнениями философов, экономистов, географов, филологов, востоковедов, археологов и этнографов Казахстана, России, республик Средней Азии и Закавказья.

При переиздании нужно учесть все достижения и в то же время недостатки первых двух изданий, а также издания 1904 года под редакцией Н.А. Веселовского. В изданиях собраны значительные комментарии и апробирован тщательно выверенный научно-справочный аппарат. Вместе с тем требуется современное прочтение многих из них, в том числе даты, характеристики, понятийные категории и т.п. Новое изда-

ние собрания сочинений ученого должно ликвидировать эти существенные пробелы и представить общественности независимого Казахстана документальное издание трудов Ч.Ч. Валиханова, при этом необходим достаточный тираж издания. Собрание сочинений Ч.Ч. Валиханова должно быть создано по проблемам, как принято в отношении творческого наследия ученых. Наиболее важные проблемы должны концентрироваться в отдельных томах. Наряду с этим до сих пор не получила широкого освещения деятельность Ч.Ч. Валиханова как художника, а альбом из первого издания стал библиографической редкостью. Биография ученого также имеет существенные пробелы, особенно петербургский период его жизни и творчества. Более глубокого осмысления требует окружение Ч.Ч. Валиханова, в том числе деятельность его предков, родителей и близких родственников. Проведение комплекса названных мероприятий дает возможность на долгий срок очертить все научное и творческое наследие ученого.

Научное наследие Ч.Ч. Валиханова безгранично и современно. Воздействие идей выдающегося казахского ученого на развитие многих социально-политических проблем казахского общества в прошлом и настоящем Казахстана имеет непреходящее значение. Особенно это важно для формирования новых взглядов на историю и культуру казахского народа.

В последнее время историческая мысль Казахстана все более акцентирует свое внимание на проблеме формирования, особенностях и историческом значении государственности на территории Казахстана. Обветшалые представления о государстве лишь как об аппарате подавления пересматриваются в научных трудах многих ученых – историков, юристов, политологов и других обществоведов. Развиваются идеи и модели достаточно твердого понимания цивилизованных основ государства, в том числе и государственности казахского народа. Как правило, ученые-теоретики указывают на разнообразие традиционных связей казахского общественного устройства с процессом формирования собственно государства. Здесь необходимо отметить, что традиционность понимается как форма существования казахского общества на протяжении длительного времени, как основополагающее начало казахского этноса. В то же самое время традиционность не самодовлеющая величина, и имеет свои разнообразные свойства. Если традиционность воспринимается как всеобщая категория самобытной характеристики казахского этноса и его институтов, то универсальность ее хозяйственных, социально-политических, ментальных начал также универсальны, и в то же время разнообразны по своим особенностям. «Многоукладность, создающая значительную дифференциацию хозяйственно-социальных структур, приводит к разнообразию традиционности; в ней можно выделить различные варианты и уровни, каждый из которых выступает как более «традиционный» по отношению к более продвинутому, «последующему уровню» [1].

Известный ученый-правовед М.Т. Баймаханов отмечает, что при оценке казахской государственности недостаточно руководствоваться только формационным критерием, ограничиваясь отношением ее к числу государств, сложившихся на базе азиатского способа производства и феодализма. Формационный критерий, как правило, беря за основу классификации социально-экономические и политические факторы, не-

дооценивает роль социокультурных, духовных, религиозных, нравственных и иных социальных ценностей в обществе [2].

Именно многие системообразующие факторы казахской государственности впервые в исторической мысли Казахстана были представлены и получили свое развитие в трудах Ч.Ч. Валиханова. Наиболее выпукло формирование и развитие казахской государственности с позиции представителя казахского народа, т.е. объекта и субъекта казахской исторической мысли прослежено в трудах выдающегося ученого. Он писал: «Ядро Казацкого или Кайсацкого народа состояло из целых родов, подродов и аулов Узбекских, но по самому свойству этого добровольного и свободного союза особливо, а если принять в соображение быстрое его увеличение до 1 млн. народа в течение полувека, нет сомнения, что в состав его вошло еще немало чуждых Узбекам разноплеменных и разноименных родов, откочевавших по каким-нибудь неудовольствиям от своих соплеменников» [3].

Наибольший интерес представляет мысль ученого о добровольности начал государственности у казахов, иными словами это уже форма общественного договора, т.е. союз, скрепленный не авторитетом подавления, а авторитетом общественного мнения. Тем самым закрепляется понимание общенародных, а точнее общеэтнических интересов и ценностей, свойственных казахам. Регулятивным началом государственности Ч.Ч. Валиханов считал демократические проявления – «саморазвитие, самозащищение, самоуправление, и самосуд» (в смысле самостоятельного управления судебной властью – Э.В.). Историческая картина откочевки Керея и Жанибека от государства Абулхаира получает новое осмысление в середине XIX века через труды Ч.Ч. Валиханова. Отделение родов и племенных образований от государства Абулхаира было актом «саморазвития» казахского этнополитического государственного образования. Правовым же инструментом этого государственного образования было традиционное право казахов.

Что же имел ввиду Ч.Ч. Валиханов, подчеркивая раздельно значение рода, подрода и аула? Опираясь на солидную источниковую базу, он показывает на этом примере процесс трансформации соседских общин в государственность. Известно, что кровнородственная община – это лишь форма общественного бытия в период первобытнообщинного строя, а соседские общины (для казахского кочевого общества в большей степени территориальные) формируются из отдельных хозяйств и родов второго и высшего порядка. Соединение отдельных родов и аулов, как твердо и недвусмысленно подчеркивает Ч.Ч. Валиханов, представляло собой начала государственности у казахов в XV и середине XVI веков. При этом он подчеркивал и четкую территориальную принадлежность этих родов, подродов и аулов, обозначая их дефиницией «Узбекские». Как впоследствии был исследован вопрос политогенеза казахской государственности в трудах русских и советских востоковедов, именно ханство Узбека положило начало формированию не только политического ядра казахского народа, но и определило его этническое своеобразие. Далее Ч.Ч. Валиханов определяет добровольность и свободное волеизъявление «родов, подродов и аулов Узбекских». Тем самым закладывались политические основы Казахской государственности. Иными словами, происходил разрыв между старыми иерархическими группами, который происходил на уровне всего

общества. Таким образом, если принять во внимание концепцию ученого, произошел отбор новых критериев, нежели пол, возраст, происхождение и родство, а именно – политических, приведших к важному признаку государственности – управлению, когда принимаются решения, касающиеся в целом всего общества. В качестве итога формирования государственности Ч.Ч. Валиханов показывает демократическую основу, что есть один из важнейших компонентов государства. В то же самое время мысль исследователя о добровольности союза родов и племен казахского государства подводит нас к выводу об общественном договоре, как своеобразном симбиозе кочевой демократии с функционально оправданными государственными устройствами. Для нас здесь весьма важно то, что на примере анализа процесса формирования и развития государственности казахов Ч.Ч. Валиханов пришел к выводу о мощном демократическом начале, существовавшем в кочевом казахском обществе [4].

В казахской государственности очень большую роль играли вопросы, связанные с деятельностью суда биев, как уникального правового института. Ч.Ч. Валиханов в силу различных обстоятельств большое внимание уделял этой проблеме. Наиболее значительный его труд, в котором представлены итоги исследований в этом направлении – «Записка о судебной реформе», в котором последовательно проанализирована система традиционного права казахов. Исследователь очень резко отзывался о насильственном сломе традиционного образа правления в среде казахского общества после реформы 1824 года. Он писал: «Народ неграмотный, кочевой, со своеобразными понятиями и обычаями, был подчинен ни с того, ни с сего бюрократической централизации, со всеми ее мудреными институциями, атрибутами и названиями канцелярскими, непонятными до сих пор не только киргизам, но и русским» [5]. По мнению ученого, это имело очень серьезные последствия. Ч.Ч. Валиханов их называет даже «бедовыми». В действительности, создание новой административно-территориальной системы в Казахстане привело к взрыву народного возмущения казахов, самым мощным проявлением которого стало восстание дома Касымовых. Оценивая характер суда биев, Ч.Ч. Валиханов писал о том, что он вполне приемлем для тогдашнего состояния казахского общества, а реформы только лишь навредят всей судебной системе, действовавшей в Казахстане. Вместе с тем, ученый указывал на тот бюрократический туман, который окутал саму идею реформирования судебной власти и был на руку лишь местному начальству, т.е. колониальным властям. При этом Ч.Ч. Валиханов представил смягченную характеристику, так как данный документ был запиской официального лица вышестоящей администрации. Характеризуя борьбу отдельных лиц за преобразование суда биев в той форме, которая была предложена местной администрацией, он подчеркивал искусственность всей реформы, ее разрушительные свойства и последствия для общественного устройства казахов.

При детальном разборе суда биев, ученый развивает идею об определенной демократизации в среде казахского общества, и это вполне соответствует исторической действительности. Если бы отсутствовали элементы демократии, то вся система казахской государственности чрезвычайно быстро бы оказалась в неразрешимой кризисной ситуации, а это, в свою очередь, повлекло бы за собой ее быструю ликвидацию.

Указывая на его древность и жизнеспособность, Ч.Ч. Валиханов отмечал: «Суд биев, несмотря на 40-летнее русское влияние, остался таким, каким был он за сотни, может быть за тысячу лет до нас» [6]. Таким образом ученый твердо и неизменно отстаивает идею казахской государственности как вполне сформированного компонента традиционного казахского общества. В то же время из «Записки о судебной реформе» была вытравлена главная вещь – стремление Ч.Ч. Валиханова на демократической основе решить важнейшую социально-политическую проблему – сохранить в первозданном виде суд биев. По мысли ученого, суд биев был значительным социальным институтом, регулирующим отношения между властью и народом, между традиционным волеизъявлением и новациями, происходившими в обществе. Настаивая на неизменности суда биев, ученый предлагал смягчить удары колониализма, исходя из реалий того времени. Представители новой буржуазной прослойки казахского общества выступали против таких подходов и решений со стороны Ч.Ч. Валиханова и потому реформы в основной своей части были приняты в угоду колониальной администрации.

В силу различных обстоятельств, казахскому ученому приходилось выражать свои мысли зачастую не прямо, а косвенно, эзоповым языком, и потому необходимо проводить детальный анализ вопроса или проблемы. Так, очень часто Ч.Ч. Валиханов останавливался на вопросах религиозного устройства в системе государственности. В совокупности, мысли ученого вполне совпадают с современными представлениями о власти, как о возможности психологического принуждения, когда власть в представлении религиозного сознания имеет определенный социальный смысл и контекст. Так, Ч.Ч. Валиханов, описывая биографию Абылая, указал на его качества хана как раз в этом смысле: «Непонятно, каким образом этот хан, действуя деспотически против свободных льгот, освященных временем, умел облечь свои действия в такую форму, что потомство считает его святым и при набегах, для придачи себе храбрости призывает его имя» [7].

Подробно изучая труды Ч.Ч. Валиханова нельзя не отметить ясно и четко изложенные факты о глубине исторического сознания казахского народа. В этой связи он писал: «Нет ни одного достопамятного события, ни одного замечательного человека со времени самобытной жизни этого народа, воспоминание о котором не остались бы в народной памяти» [8]. Глубокий интерес исследователя к историческим личностям, к фигурам значительного масштаба, в целом к истории своего народа является сообразным отражением исторического сознания казахского народа.

Феномен Ч.Ч. Валиханова заключается в том, что им была найдена та формула самоутверждения и самовыражения, которая свойственна человеку казахской ментальности при его соприкосновении с достижениями мировой цивилизации. Он опередил в этом отношении своих современников – казахов и в этом заключается его трагедия. Не найдя среди своего народа круга общения своего уровня, он не мог пойти против своей этнической идентичности и вписаться в лоно иной культуры с иным социальным статусом. Колониальная система не сделала Ч.Ч. Валиханова ни своим прислужником, ни своим адептом, но и радикальным противником режима он не являлся.

Комплекс мероприятий, отмечаемых в нынешнем году в связи со 175-летием выдающегося сына казахского народа – Чокана Чингисовича Валиханова, уникального

ученого-историка и этнографа, мыслителя, просветителя, и дипломата, показывает, что в настоящее время возникла актуальная необходимость системного исследования его историко-культурного наследия и поиска новых источников из стран ближнего и дальнего зарубежья, имеющих к нему непосредственное отношение.

Многие страницы жизни и деятельности, научного наследия Ч.Ч. Валиханова нуждаются в специальном изучении и детализации. До сих широкая общественность Казахстана не получила ответы на такие важные и весьма принципиальные вопросы, как детали экспедиции Ч.Ч. Валиханова в Кашгар; его пребывание в Париже; сведения западных разведывательных служб об экспедиции Ч.Ч. Валиханова в Кашгар; периодическая печать Западной Европы об экспедициях и открытиях Ч.Ч. Валиханова и др.

Актуальность научного и духовного наследия Ч.Ч. Валиханова в условиях суверенитета определена мировоззрением и научным методом ученого, основанными на демократических убеждениях. Не потеряли своей научной значимости многие теоретические положения Чокана. Актуальны его суждения о перспективах этно-политического развития Центральной Азии, культуре и ментальности народов Центральной Азии. Потребности независимого развития диктуют необходимость разработки перспектив изучения новых пластов исследовательских проблем по наследию Чокана. Необходима дальнейшая разработка источниковой базы его трудов, его отношения к источникам. Постановка вопроса о более глубокой оценке трудов Чокана актуальна и сейчас. Необходимо дальше изучать связи Ч.Ч. Валиханова с освободительным движением в России. Перспективное направление, в связи с тенденцией стирания из памяти деятелей российского освободительного движения, – исследование взаимоотношений Ч.Ч. Валиханова и Герцена, Чернышевского, Добролюбова. Наиболее важным, возможно, окажется исследование идейных связей и деятелей национально-демократической интеллигенции второй половины XIX – начала XX веков. Важно проанализировать школы и направления чокановедения. Эта задача может быть решена в рамках выполнения монографических и диссертационных исследований. В наше время актуальной будет и разработка патриотики и широкая пропаганда наследия Чокана среди молодежи.

Развитие чокановедения является одним из важнейших приоритетов историко-культурного наследия казахского народа. Объясняется это тем, что данное направление общественно-гуманитарного знания слабо разработана и не носит системного характера. Как правило, бум мероприятий в связи с очередным юбилеем ученого ограничивается изданием его уже известных трудов, их переводами на казахский язык и проведением конференций и круглых столов. Между тем назрела острая необходимость в поисках новых материалов о Чокане Валиханове, подходы к которым требуют использования новых методов и решений.

На этом фоне приятно отметить, что сегодня Казахстан и в частности Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК, которому присвоено его имя в 1961 году, является признанным мировым лидером в выявлении, изучении и публикации источников по жизни и наследию Ч.Ч. Валиханова. Нашими фундаментальными публикациями, широко используемыми в разных странах, так и внутри страны, открыт новый этап в развитии чокановедения.

Для успешного осуществления предлагаемых проектов сложился научный коллектив профессиональных исследователей, обладающих высоким уровнем теоретической подготовки, глубоким знанием жизни, деятельности и наследия Ч.Ч. Валиханова с многолетним стажем научно-исследовательской работы. За последние 20 лет в нашем Институте было подготовлено большое количество специалистов, кандидатов и докторов наук, защитивших диссертационные работы по общим и частным проблемам отечественной исторической науки, в т.ч. и по многим проблемам, связанным с наследием Ч.Ч. Валиханова.

Для возрожденного Казахстана ключом к сбережению нации, стабильности общества, национального единства и общественного согласия стал ориентир на богатое историческое и культурное наследие казахского и других этносов страны. Возрастающие темпы глобализации актуализировали задачу выработки универсальной модели сохранения этнической самобытности и неповторимости, что уже во второй половине XIX века волновало представителей интеллектуальной элиты казахского народа, в числе которых особо выделяется имя Чокана Чингисовича Валиханова.

Примечания

1. *Ерасов Б.С.* Социокультурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. – М., 1982. – С. 16.
2. *Баймаханов М.Т.* Становление казахской государственности // Избранные труды по теории государства и права. – Алматы, 2003. – С. 216.
3. *Валиханов Ч.Ч.* Статьи из «Географическо-статистического словаря Российской империи» // Собрание сочинений. – Т. 4. – С.198.
4. *Валиханов Ч.Ч.* Записка о судебной реформе // Собрание сочинений. – Алма-Ата, 1985. – Т. 4. – С. 95.
5. *Валиханов Ч.Ч.* Записка о судебной реформе // Собрание сочинений. – Алма-Ата, 1985. – Т. 4. – С. 80.
6. *Валиханов Ч.Ч.* Записка о судебной реформе // Собрание сочинений. – Алма-Ата, 1985. – Т. 4. – С. 89.
7. *Валиханов Ч.Ч.* Аблай // Собрание сочинений. – Алма-Ата, 1985. – Т. 4. – С. 116.
8. *Валиханов Ч.Ч.* Киргизское родословие // Собрание сочинений. – Алма-Ата, 1985. – Т. 2. – С. 157.

С.Ф. МАЖИТОВ,
директор Института истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки МОН РК,
доктор исторических наук, профессор

Э.Ж. ВАЛИХАНОВ,
заведующий отделом истории Казахстана
в новое время ИИЭ КН МОН РК,
кандидат исторических наук, доцент

Академик А.Х. МАРГУЛАН

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

Чокан Чингисович Валиханов, выдающийся казахский ученый, просветитель и демократ, был провозвестником новой эпохи – эпохи пробуждения национального самосознания нерусских народов России, их стремления постигнуть свою историю, овладеть сокровищами знаний, накопленных человечеством. Выходец из среды кочевого народа, он сумел подняться до вершин научного и общественного прогресса, занять почетное место в рядах ориенталистов России. Его путешествия на Тянь-Шань, в Джунгарию, Восточный Туркестан, научные труды и исследования явились важным вкладом не только в русское, но и мировое востоковедение. Он одним из первых поведал миру о неведомой и загадочной Кашгарии, написал ряд интересных исследований об этой колониальной окраине Цинской империи, сообщил ценные сведения по истории, этнографии и политическом положении Средней Азии, оставил оригинальные труды по истории Казахстана.

Общественно-политическая деятельность Ч. Валиханова – его страстная борьба против мракобесия, невежества и религиозного мусульманского фанатизма, стремление приобщить казахский народ к передовой русской и мировой культуре – способствовала пробуждению самосознания угнетенного казахского народа. Чокан Валиханов (его мусульманское имя – Мухаммед Ханафия) прожил короткую, но яркую жизнь. Он родился в ноябре 1835 г. в семье султана Чингиса Валиханова – внука знаменитого казахского хана Аблая. Отец Чокана был образованным человеком. В 1834 г. он закончил училище Сибирского линейного казачьего войска в г. Омске, затем был на различных должностях в аппарате управления сибирскими киргизами (казахами Среднего жуза), дослужился до звания полковника царской армии и даже получил наследственное дворянство.

Чингис Валиханов тесно общался с широким кругом интересных людей – чиновников, офицеров, ученых. Он оказывал помощь в проведении научно-исследовательских работ в Степи, собирал и доставлял в Омск юридические и статистические сведения о казахах, отправлял различные предметы быта и изделия казахов на этнографические выставки в Москву и Петербург, записал множество народных преданий, поверий, легенд. Таким образом, уже в детстве Чокан оказался среди людей образованных, с разносторонними духовными интересами, живущих интеллектуальной жизнью.

Детство мальчика прошло в основном в усадьбе его любимой бабушки Айганым Сырымбете (ныне село Володарское Кокчетавской обл.). В духовном развитии Чокана она сыграла не последнюю роль, привив своему внуку любовь к

народной старине, преданиям, сказкам, поэзии казахов. Рассказы бабушки Айганым, песни знаменитых на всю Сары-Арку сказителей – жирау, акынов – рано пробудили у мальчика интерес к духовной жизни своего народа, в значительной степени повлияли на его дальнейшее развитие.

Осенью 1847 г. Чокана отправили в Сибирский кадетский корпус – лучшее учебное заведение Сибири в те годы, созданное в 1845–1846 гг. в Омске на базе бывшего училища Сибирского линейного казачьего войска. Здесь он изучал историю, литературу, географию, физику, математику, геодезию и другие дисциплины, овладел французским и английским языками (не говоря уже о русском), усовершенствовал свои знания в арабском языке. Программа обучения в Корпусе была весьма насыщенной и обширной, преподавали интересные квалифицированные специалисты. Одаренный мальчик, к тому же казах, делающий большие успехи в учебе и подающий несомненные надежды на будущее, привлекал внимание как преподавателей Корпуса, так и многих образованных представителей омской интеллигенции, в частности К.К. Гутковского и С.Я. Капустина. «Чокан, сын султана Чингиса, – вспоминал друг и однокашник Чокана по Корпусу, а впоследствии известный ученый и путешественник Г.Н. Потанин, – был принят в семействе Гутковских как родной сын». Казах Ч. Валиханов, знакомый с передовыми журналами того времени, в частности с «Современником», по свидетельству того же Г. Н. Потанина, был для своих товарищей по Корпусу «окном в Европу». Интерес Чокана к науке, путешествиям, к углубленному изучению прошлого тюркских народов за годы учебы окреп, стал более осознанным.

В 1853 г. Ч. Валиханов окончил Сибирский кадетский корпус и вскоре после выпуска был назначен адъютантом генерал-губернатора Западной Сибири и Области пограничных киргизов Г.Х. Гасфорта. Это назначение позволило молодому офицеру не только глубже познакомиться с политическим и экономическим положением края, но и осуществить свою мечту об исследованиях неведомых стран и народов.

Летом 1855 г. Ч. Валиханов в качестве офицера по особым поручениям сопровождает Г.Х. Гасфорта в экспедиционной поездке по только что образованной в составе Западно-Сибирской губернии Семипалатинской обл. Во время этой поездки Чокан знакомится с расселением казахов, изучает политическую обстановку в приграничных районах Казахстана, собирает сведения исторического и географического характера. После возвращения в Омск наряду с выполнением служебных обязанностей Валиханов с головой уходит в изучение литературы и источников по истории Казахстана и Средней Азии, составляет родословные, генеалогические таблицы казахских ханов и султанов, переводит на русский язык казахские пословицы и поговорки, разрабатывает проект новой системы управления казахами Старшего жуза.

Весной 1856 г. поручик Ч.Ч. Валиханов в качестве переводчика откомандировывается в распоряжение полковника М.М. Хоментовского, возглавлявшего экспеди-

цию в северные районы Киргизии для приведения к присяге принявшего российское подданство рода Бугу и улаживания межфеодальных распрей. С научной точки зрения эта поездка оказалась для Чокана весьма плодотворной. «Мы, – писал впоследствии ученый, – имели честь участвовать в этой экспедиции и, находясь два месяца среди дикокаменных киргиз, успели собрать разные положительные сведения, преимущественно изучая их предания и язык». Дневники, зарисовки, коллекции Ч.Ч. Валиханова и сегодня представляют собой важный источник для изучения истории и этнографии киргизского народа. Во время этой экспедиции Чокан впервые записывает отрывки из знаменитой киргизской поэмы «Манас» и переводит их на русский язык.

Чокан Валиханов одним из первых вводит в научный обиход новый пласт исторических источников – устное народное творчество казахов и киргизов. Он впервые ставит и пытается решить ряд узловых проблем истории тюркских народов Азии, таких, как проблема этногенеза, роль ислама, социально-политическое устройство и др.

Результатом поездки в Семиречье и Киргизию стал ряд исследований и статей Ч.Ч. Валиханова, среди которых можно выделить «Географический очерк Заилийского края», «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды», «Дневник поездки на Иссык-Куль» и др., где широко освещаются история, этнография и современное (XIX в.) положение казахов и киргизов, проживавших в Заилийском крае. Забегая вперед, отметим, что за исследование и цикл работ по Киргизии – по ходатайству П.П. Семенова (с 1906 г. Семенова-Тян-Шанского), которого Чокан сопровождал в одной из поездок по Северной Киргизии, и Е.И. Ламанского – 21 февраля 1857 г. Ч.Ч. Валиханов избирается действительным членом Русского географического общества.

В конце лета 1856 г. он в составе Российской дипломатической миссии направляется в Кульджу для переговоров о возобновлении русско-китайской торговли.

Пребывание в течение нескольких месяцев в западных владениях цинского Китая, знакомство с жизнью и бытом народов этого края расширили круг научных интересов Ч. Валиханова, послужили своеобразной подготовкой к его знаменитому путешествию в Восточный Туркестан.

Удивительно точны и остроумны зарисовки наблюдательного Чокана. С сарказмом описывает молодой ученый «умнобрюшных» мандаринов, с сочувствием вглядывается в тяжкую жизнь простого народа. «Сколько мы замечали, – пишет он в своей работе «Западный край Китайской империи и город Кульджа», – все в Китае относительно государственного управления напоминает Азию. Здешний цзянь-цзюнь – это совершенный трехбунчужный паша. Он пьет, ест на счет народа. Мясники доставляют каждый день мясо, портные шьют платье, каменщики поправляют дом. Поборы и злоупотребления превосходят границы. Что же касается до взяточничества, то китайцы не уступают в этом и самому персидскому шаху».

После возвращения из Китая Чокан Валиханов принимается за изучение истории русско-китайских отношений и вообще политики России в Центральной и Средней Азии в XVIII – начале XIX в. Вместе с Г.Н. Потаниным он работает в Омском архиве, изучает полуистлевшие страницы грамот, указов, донесений, отчетов.

В 1857–1858 гг., тесно общаясь с передовыми людьми своего времени – Ф.М. Достоевским, поэтом-петрашевцем С.Ф. Дуровым, поддерживая активную связь с журналом «Колокол» А.И. Герцена, Ч. Валиханов становится убежденным сторонником прогресса, поборником просвещения и демократических преобразований. Г.Н. Потанин, возвратившийся в 1858 г. в Омск, не узнал друга. «Чокан, – пишет он, – постепенно усваивал новые идеи, приносимые книжками журналов, и, когда я вернулся в Омск, это был преобразованный человек». Изжив иллюзии в отношении царя, он стал убежденным поборником демократии. Однако Ч. Валиханов не смог подняться до понимания радикальных мер для коренного переустройства общества, не встал на путь революционной борьбы с существующим строем. Он занимается наукой, просветительством, публицистикой, разработкой проектов реформ в Казахстане.

В 1857 г. в Восточном Туркестане вспыхивает антицинское национально-освободительное восстание, возглавляемое потомками бывших кашгарских ходжей, в частности Валихан-тюре. Для выработки правильной политической линии России в отношении происходивших событий необходимо было, говорилось в распоряжении военного министра Н.Ф. Сухозанета от 28 августа 1857 г., «узнать в подробностях и с точностью настоящее положение дел в Кашгаре, степень силы и важности восстания, все случайности успеха в отдельном существовании этого владения и сочувствие народа к прежней магометанской династии». Таким образом, идея и предложение русских ученых организовать и направить в Кашгар научную экспедицию нашли наконец поддержку в официальных кругах. Встал вопрос о наиболее подходящей кандидатуре для выполнения этой сложной и опасной задачи.

«Ч.Ч. Валиханов, – писал П.П. Семенов, – был единственным из состоявших в то время при генерал-губернаторе офицером, который, будучи послан в национальном, киргизском костюме в Кашгар, мог бы, по своему развитию и талантливости, собрать драгоценные для России сведения о современном состоянии не только Кашгара, но и всего Алты-Шара и разъяснить причины происходивших в то время смут в Китайском Туркестане».

Это путешествие было для Валиханова самым опасным и в то же время самым главным событием в жизни. Вместе с торговым караваном под именем купца Алимбая 2 октября 1858 г. Чокан добирается до Кашгара и находится там до 11 марта 1859 г. Все это время он собирает материал согласно программе, разработанной им совместно с П.П. Семеновым и К.К. Гутковским. Это был уникальный материал о самых различных сторонах жизни Кашгарии – экономике, политическом положении, финансах, истории, этнографии и т. д. Ч. Валиханов

разыскал и вывез редкие восточные рукописи, собрал несколько интересных коллекций горных пород, средневековых монет, а также гербарий и многое другое. Дневники Валиханова о поездке в Кашгар, его научные труды и исследования об этой неизвестной науке стране стали важным вкладом в русское и мировое востоковедение. «Поездка эта, – говорилось в Отчете РГО за 1865 г., – представляет собой замечательный географический-подвиг со времен Марко Поло, за исключением несчастного Адольфа Шлагинтвейта, убитого в этом городе, о чем Валиханов привез первые положительные сведения».

В ореоле славы отважного путешественника Чокан Валиханов в феврале 1860 г. (по другим данным, в декабре 1859 г.) приезжает в столицу России. Петербургский период в жизни казахского ученого насыщен напряженной исследовательской работой, интересными встречами, учебой.

Штаб-ротмистр Ч. Валиханов служит в Азиатском департаменте министерства иностранных дел, нередко появляется в Генеральном штабе, посещает лекции в университете, выступает на заседаниях Русского географического общества, преподает тюркские языки в Высшей школе при Азиатском департаменте, выступает на страницах известных журналов, работает над переводами старинных восточных сочинений, участвует в составлении карт Центральной и Средней Азии. К числу наиболее значительных работ, написанных им во время пребывания в Петербурге, относятся «Очерки Джунгарии», «Аблай» «Из «Тарихи-Рашиди»» и др. Повседневно общаясь с выдающимися русскими писателями и учеными, Чокан пробуждал у многих из них интерес к Казахстану и Средней Азии.

Болезнь легких заставила его весной 1861 г. оставить столицу. Он едет к себе на родину, в аул своих родителей и вновь возвращается к сбору фольклорного материала, пытается бороться против суеверий и невежества народа, произвола и насилия власть имущих. «Я думал как-то сделаться султаном, – с горечью писал Чокан Ф.М. Достоевскому, – чтобы посвятить себя [работе на] пользу соотечественников, защитить их от чиновников и деспотизма богатых киргизов». Действительно, Ч. Валиханов выдвигал свою кандидатуру на должность старшего султана Атбасарского округа. Несмотря на одержанную победу, высшее начальство края в лице нового генерал-губернатора А.О. Дюгамеля не утвердило его. Демократические убеждения Ч. Валиханова, его стремление помочь своему народу преодолеть безграмотность и нужду встретили враждебное отношение чиновного Омска, натолкнулись на глухую стену непонимания и ненависти в Степи.

В этот последний период своей жизни Чокан активно выступает «просвещенным ходатаем» своего народа. Он принимает активное участие в разработке проекта судебной реформы в Казахстане. Его «Записка о судебной реформе» – одно из самых ярких и глубоких публицистических выступлений против необдуманных и несвоевременных преобразований в Казахстане, в частности против упразднения суда биев. «Россия в числе сыновей своих, – писал Чокан Валиханов, имеет немало народностей иновсрческих и инородческих, которые ведут образ жизни, диаметрально противоположный образу жизни коренного русского

населения, имеют нравы и обычаи, диаметрально противоположные нравам и обычаям русских славянского племени. Понятно, что преобразования, проектированные для христианского и оседлого русского населения, по вышеизложенным причинам не принесут никакой пользы и будут бессмысленны, если будут всецело применены к кочевым и бродячим инородцам Европейской и Азиатской России». Он рекомендует администрации и правительству «быть чрезвычайно внимательным и крайне осторожным» при проведении реформ, затрагивающих судьбы миллионов людей. В этой и других подобных работах Чокан Валиханов предстает как истинный гуманист, защитник угнетенного народа.

Весной 1864 г. Чокан присоединяется к отряду полковника М.Г. Черняева и участвует в военных действиях русских войск против кокандских феодалов, захвативших южные районы Казахстана. Однако, возмущенный жестоким отношением Черняева к местному населению, он оставляет армию и уезжает в аул своего родственника, старшего султана казахов рода Албан – Тезека, откуда пристально следит за развертывающимся мощным национально-освободительным движением неханьских народов Синьцзяна, изредка приезжая за корреспонденцией в Капал. В газете «Русский инвалид» (1865, №51) появляется его последняя статья о дунганском восстании в Западном Китае.

535147

10 апреля 1865 г. Ч. Валиханова не стало. Похоронен он был неподалеку от подножия Алтын-Эмельского хребта. Жестокая продолжительная болезнь и преждевременная смерть не дали Чокану Чингисовичу выполнить даже часть задуманного. Однако и то, что он успел сделать за свою короткую, как полет метеора, жизнь, вызывает преклонение перед его необыкновенными способностями, жаждой знаний, широтой охвата и глубиной анализа научных проблем. Он был первым европейским (в смысле образования) ученым, побывавшим в практически неизвестных науке землях – Киргизии, Восточном Туркестане, где собрал ценный и чрезвычайно важный в научном отношении материал. Востоковеды России единодушно признали в лице Чокана Валиханова феноменальное явление.

Огромная заслуга его состоит в том, что он сумел глубоко и верно понять историческую необходимость взаимного сближения России и Казахстана. Этот замечательный ученый-просветитель являет собой блестящий пример торжества идей дружбы и взаимного обогащения культур русского и казахского народов, всех народов, населяющих нашу необъятную Родину.

Раздел I

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О КАЗАХАХ, О КЫРГЫЗАХ И ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ

ПИСЬМО ПРОФЕССОРУ И. Н. БЕРЕЗИНУ[1]

|| Прочитав издания Ваши: Ханские ярлыки и Библиотеку восточных историков и узнав от бывшего моего наставника Николая Федоровича Костылецкого[2] о предложении Вашем, – поискать в языке киргизском[*1] значение нескольких слов в ярлыке Тохтамыша[3], не употребляющихся в нынешнем татарском языке, – я отыскивал в языке нашем через расспросы старых киргиз и нашел [ряд] слов, которые спешу послать к Вам.

Прочитав Ваш перевод ярлыка Тохтамыша к Ягайлу[4] и перевод тарханных ярлыков Тимур-Кутлука[5] и Саадат-Гирея[6], я нашел несколько слов, [которые] употребляются до сих пор у киргиз Средней [орды], и решился сообщить Вам их современные значения у нашего народа. Если замечания мои будут несколько [полезны] Вам, то цель моя достигнута.

По [преданиям] своим, киргизы почитают себя [потомками] татар Золотой орды[7], которая в героических поэмах – джирах – называется نوغايلى ننك اوز يورت[*2], а героем всех их поэм – золотоордынских ногаев: Идигей[8], его бегство к Тамерлану[9] и изгнание им. [Песня о] Тохтамыше составляет огромную и любимую [поэму], и могила его [находится] на горе Улутау; сказание о Уракмирзе[10] из рода [караул], Ир-Кокше и Ир-Кушай[11] – богатыри времен [Золотой] орды, суть герои их поэм[*3]. Все данные, собиранием которых и теперь занимаюсь, если не[*4] || но зато подтверждают[*5], что народ казак (так называем себя мы) образовался от союза разных племен турецких и монгольских во время междоусобий в орде, начавшихся тотчас после смерти Бердибека[12], а не народ древний, о котором писал Фирдоуси[13]. Каждый потомок Батыя хотел быть ханом и иметь народ: так я думаю, образовались ханство Крымское, Казанское, орда Чорайгаковская, союз узбеков – шейбанов и казаков[*6]. Предание киргиз о своем происхождении оправдывается сказаниями Вашей Шейбани-намэ[14] и جامع التواريخ, которая написана киргизом Большой орды джалаирского рода, имеющего гребенчатую тамгу[15]. Автор говорит о себе: (см. стр. 169)

بو تواريخ [*7] قه اوراز محمد خان حضر تلرى ننك اتا اناسيدين قوللوق قيلا كيلگان جلاير تراق تمغالى ايردى؛ جنكز نامه كتابيدين فارس تيليندين [ترك تيليگه او كوردى. قايوسن سونك زماندا بولغان لارنى اوز استنباطيندين تصنيف قيلدى][*8]

[*1] [казахском]

[*2] Край рукописи оторван.ц

[*3] Многочисленный ногайский народ.

[*4] Против этих слов на полях Ч. Валихановым написано: Кучум был султан киргизский.

[*5] Поврежден край листа.

[*6] Как думает Геродот нашего народа Левшин, [без] сомнения, слово казак и может казачество [сход] но, но кейкабадовские казаки, полагаю, [не] имеют никакого отношения с нашим казаком. *(Примечание Валиханова).*

[*7] Не достает какого-то слова. *(Примечание Валиханова).*

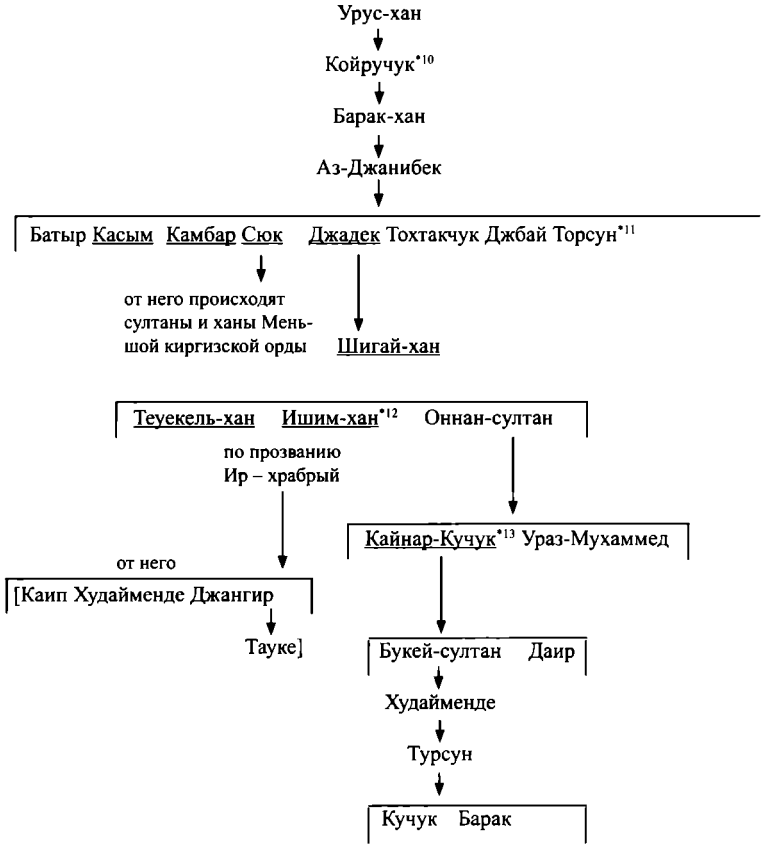
[*8] Обстоятельства появления этих летописей таковы: был жалаирец из рода гребне-тамгового, служивший еще родителям Ураз-Мухаммед-хана; он эту книгу по «Чингис-намэ» перевел с персидского язы-

Ураз-Мухаммед[16], к которому он приехал для службы от отца и матери его, был киргизский султан (стр. 50, ч. II История. Описание киргиз-кайсацких орд и степей, Левшин[17]); в Сибирских летописях он называется казачьим царевичем Солтаном (см. «Сибирские || летописи», приложение к статье П.И. Небольсина[18] «Покорение Сибири». Спб., 1849; Отеч. Записки, 1848, том LX, LXI, кн. октября, ноября и декабря).

[Там говорится:] «По наипозех днях князь Сейдяк[19] изыде из града Сибири[20], с ним же царевич Казачьей орды Солтан[21], да царя Кучюма[22] думный карача[23], с ним же воинских людей 500 человек; доидоша же до места, иже именуется Княжей Луг, и начаша пущати ястребы за птицами». (Летопись Саввы Есипова)[24].

Родословная Ураз-Мухаммед-хана в جامع التواريخ (стр. 140–145, داستان اوراز محمد خان بن اوندان)*9 чрезвычайно верна с родословными таблицами киргизских султанов, собранными здешним пограничным начальством. Привожу для примера и сличения:

Родословная султанов киргизских



ка, [а события, случившиеся в последующее время, описал на основании собственных исследований]. «Сборник летописей» (Жалаири), с. 169-170.

*9 «Рассказ о Ураз-Мухаммеде, сыне Ондана», с. 162–165.

*10 Точнее *Кюорчук*.

*11 Подчеркнуты те, которые есть в جامع التواريخ *(Примечание Валиханова)*.

*12 В جامع التواريخ Ишим назван султаном. *(Примечание Валиханова)*.

*13 В جامع التواريخ назван просто Кучук. *(Примечание Валиханова)*.

|| Посланный царя Иоанна [в] 1569 году к ногаям говорит о нападении на улусы[25] их казацкие орды Акназара[26] царя, Шигая[27] царевича и Челыма царевича. По «Сборнику летописей» جامع التواريخ Акназар حق نظر был сын Касыма[28], Шигай был сын Джадека[29], Джадек и Касым дети Джанибека[30], но имени Челыма там нет – не Тугум ли? Этот Акназар известен притеснениями своими башкир [в] 1556 г. Англичанин Дженкинсон[31], бывший в Бухаре [в] 1556–59 [гг.], говорит о войне ташкентцев с казаками*[14]. Не война ли Бурундука[32] с Шейбани-ханом?[33]

Автор جامع التواريخ, описывая избрание Ураз-Мухаммеда в касимовские ханы (стр. 168) [и] представляя форму престола ханского, говорит о правой и левой руках. На стороне ميسره [майсара] показаны два бека – один из рода аргын, другой из рода кипчак*[15], на левой ميمنه – маймене][34] джалаирец Кадер-галибек[35] и [Саманай]бек из рода манкут.

Автор, как джалаир[36], подробно говорит об этом племени, начиная его с времен Огуз-хана[37], и в конце книги подробно [излагает генеалогию своего рода, начиная от Чингиса до времен Кадергали]*[16].

|| Во всех ярлыках Золотая орда называется اولوغ اولوس*[17] и у тюркских историков и <в преданиях> народных она означает [часть] целой страны или народа и никогда не называется ордой; киргизы говорят*[18]: نوغايلى ننك اور يورت < где اولوغ اولوس заменяется тяжелым юртом>. Мне кажется, слово орда اوردو имело и прежде в Золотой орде такое же значение, как [теперь] у киргиз и калмыков, и означало в обширном смысле место столицы хана, в тесном – его ставку. Золотая орда – золотой шатер и юрта, в которой сидел хан; впоследствии оно обратилось в название всех ставок городских, где жили ханы. Так что слова ак орда, кук орда, сары орда нужно принимать не как название улуса или юрты, а как название главной стоянки, резиденции ханов. При отправлении этого ярлыка Тохтамыш был, как видно это из ярлыка, на летних кочевках у Дона и жил в юрте, в том смысле, как полагаю я. В подлиннике и в современном переводе орда разумеется в смысле: во-первых, اوردو دان دا – орда на Дону, во-вторых, а тои ярлык писан оу Орде на устьи Дону. Да и самые слова современного перевода: «давали выход белой орде, те нам наше даише»*[19] доказывают, что и здесь под белой ордой разумеется юрта хана, место, где сосредоточены все власти, и единственное место, куда собирались все доходы. «Те нам наше даише» доказывает, что все доходы поступали самому хану; [так] как ханы беспрестанно сменялись одни другими, а потому слово орда и особа хана означали одно и то же. Мои воззрения показывают, что они общего народного названия, как можно догадаться, не имели; каждое племя сохраняло свое название, например, кунраты[38], найманы[39], || кипчаки[40] и проч. (см. جامع التواريخ).

*[14] [казахами]

*[15] Средняя киргизская орда делится на пять главных родов: аргын, кипчак, конрат, найман и уак-кирей. Большая орда состоит из рода собственно уйсун, дулат, джалаир, чапрашты, албан и в совокупности под одним именем уйсуна. *(Примечание Валиханова).* В «Сборнике летописей» (Жалаири) сказано: Чишбек из аргынов и Ногай-бек из кипчаков.

*[16] «Сборник летописей» (Жалаири), с. 171.

*[17] *Улуг улус (тюрк.)* – великий улус.

*[18] Далее два слова не разобраны.

*[19] Кавычки наши.

В جامع التواريخ русская Золотая орда соответствует اديل جايق*[20]; для выражения заволжского улуса говорится Синяя орда, Кук-Дениз, или больше Сыр-Куван.

Черный песок قراقوم, как можно полагать из слов современного перевода: вышел на мене Аксак Темир – Железная нога с Черного песка.

Пески Каракум лежат в Киргизской степи в пространстве от устья реки Сыр-Дарьи до реки Сарысу. Все пути из Средней Азии на Оренбург, Троицк и Гурьев идут через него.

Глагол توتمق [тутмак] употребляется у киргиз именно так, как здесь. Они говорят [и] пишут вместо пишу, извещаю توتتوم – держу.

Деление на اونك قول، سول قول*[21] существует и теперь у дикокаменных киргиз – ун киргиз и сул киргиз. К главным представителям первого принадлежит племя бугу, второго – солту. جامع التواريخ делению на правую и левую руки дает древнейшее начало – шесть сыновей Огуз-хана, родоначальника тюркских племен, управляли правым и левым крылом в таком порядке (см. جامع التواريخ , стр. 14):

*[22] دست راست

[اونك قول]

كون خان	اى خان
قائيى بايات	يازر دوكار
القراولى،	دوردرغه، ياپارلى
قراولى	

يولدوز خان

اوشر، قريق، بكدلى، قارقين

*[23] دست چپ

سول قول

كوك خان	تاق خان
ايدور، پچنه	سالور ايمور
جاولدور، چش	الايونتلى،
	اوكوز

دينكيز خان

يندو، يكدر بوكدور

قنيق

Здесь видно, что племена разделялись во всем порядке на два крыла и каждое крыло имело свой арьергард.

[И до сих пор] на Востоке и Бухаре беки всегда по значению родов, которых они представляли, имеют места по правую и левую строну царского; через это очень часто происходят споры между беками. Это что-то в роде русского || местничества.

|| [Автор] جامع التواريخ описывая трон царя Ураз-Мухаммеда в Касимове, приводит план трона, || [на котором] обозначены места ميسره، ميمنه – правая и левая руки, и приводит имена беков, занимавших [стороны] ميمنه [правую] и [ميسره левую]. Чтобы доказать значение и влиятельность беков джалаирских при потомках Урус-хана, он показывает место их при троне на стороне ميسره – левой. Джалаиры, по словам автора, сильнейшие между الاچ منكى اراسندا занимают левую руку, а канглы в 200 человек стоят на стороне ميمنه – правой. Это доказывает, что и у народов, образовавшихся из Джучиева улуса, левое крыло было старше и почетнее.

*[20] Едиль Джаик Волга и Урал.

*[21] Правая и левая рука.

*[22] دست *(перс.)* рука; راست – правая.

*[23] چپ левая.

Но [так] как нет никаких данных, которые бы допускали в политическом устройстве Золотой орды такого деления, то обращение Тимур-Кутлука, лучше его ярлык, обращенный к угланам правого и левого крыла, можно понять именно в смысле угланам стороны ميسره и угланам стороны ميمنه .

[Теперь о некоторых словах, встречающихся в ярлыке Тохтамыша к Ягайлу*24].

||...глаголам تيلانمك желать и تيلانچى просить как нищий; от него تيلاماك просящий, т. е. нищий. [В ярлыке сказано]: по их изменническим просьбам вперед пришел.

Что касается до قيغان يدا , то я не знаю и не слыхал подобного слова и в татарском (сибирском), и в киргизском [языках], и едва ли [оно] существует. У киргиз есть слово قيماق – оставлять без жалости, без внимания, قيغاننك موچننك منان منى – вправду ли [ты] меня оставляешь? – голосит киргизка-жена, раздирая свое лицо при смерти мужа.

تير باماك – у киргиз означает беспрерывное качание и употребляется больше в смысле качания колыбели بالا تيرباتمك

تاربيب كيتماك – значит разойтись, разбиться. توزماق – употребляется для выражения нестройного бегства народа, как слово بوسماق .

تارپمق – ударить копытом, лягнуть. Говоря о лошади, нельзя употреблять этого глагола (нужно непременно тепмек تيپمك).

34. Слово мунганалды я, несмотря на все усилия и расспросы между киргизами, найти не смог. У них рабы, как и у татар, называются قول [құл], но, так же как и у калмыков, разделяются на военнопленных اولحالاسقان قول [или более употребительно джесыр, на купленных, благоприобретенных, которые называются джетым «сирота». В таком народе, как наш قزاق [казак], где господствовало право сильного, безродные, бессильные люди не могли иметь самостоятельности и делались рабами султана или бия, и от этого могло произойти слово جتيم в смысле раба[44]. Даже ничего похожего на [45]مونغانالدى, на банзарово монханиуля не нашел. Есть глагол مونكلق, от него مونكلى – несчастный, печальный, مونك – печаль, одинакового значения с قايغو، قايغولى». Постараюсь справиться об этом слове у дикокаменных киргиз и если найду, тотчас уведомлю Вас.

اولجا в техническом языке барантовщиков значит добыча, от него اولجالاس – артельный.

بسه – монгольское бяся еще.

В Енисейской губернии говорят языком тюркским, [в частности] карагасы – бродячее инородческое племя. В языке этого народа деньги называются мунган, а серебро–акмунган. Может быть, это слово имело и должно иметь другое значение. Мунгимо у тунгус золото [может быть] сравнено [с] славянским языком и примерно к значению денег. Уже в позднейшие времена прилагательное ак – белый, подтверждает это мнение,– не имеет мунган – в значении денег и серебра. [В] отношении к банзарскому монханиул бэдэргэ – закабаленный раб, но не купленный. Бог нас пожаловал: враждовавших угланов и беков всевышний нам продал, т. е. дал в нашу полную власть... в кабалу. (См. Вестник Императорского Русского Географического || общества, 1854, книжка VI).

---

*24 Начало отсутствует: утерян один лист рукописи.

39. Не знаю, почему بازار گان [46] должно означать одних тохтамышевых негоциантов? (اورتاق[47] как мне кажется, выражает часть общего, компанейство, а не компанейцев; в последнем смысле оно было бы اورتاقچى и, кажется, что частица родительного падежа نك стоит по ошибке писца вместо ن, ибо окончание на نك делает как بازار گان купцов, так и اورتاق компанию ягайловскими, а между тем как последующее يوروش سونلار «пусть ходят» выражает взаимность действия (или отношения). Если читать بازار گان اورتاقلارين داخى يوروش سونلار – [пусть] по прежнему порядку пробродят на удовольствие наши негоцианты или компании, в современном переводе – гости пусть одни с другими компанию имеют, отправляются, – и будет согласно современного перевода: гостям путь чист, и вашим и нашим торговцам.

|| [Касаясь ярлыка Тимур-Кутлука], почему бы не читать تومان ادكو باشليق темник Эдигу, ибо تومان باشليق начальник тумана, ибо باشليق употребляется и теперь между сибирскими татарами и باستيق между киргизами в смысле главного начальника. Всякий чиновник русский у них называется бастык. По употреблению этого слова в двух ярлыках Тохтамыша к Ягайлу и Темир-Кутлука, оно стоит в смысле главного визиря, приближенного или русского темника, а потому تومان بكى، تومان باشليق، تومان باشلى, означает темник, первый при хане вельможа. Мне кажется, что Джучиев улус, как кочевая орда, никогда не имел правильного административного устройства и никаких постоянных чинов, кроме свиты ханской, как-то: بارسچى، قوشچى، يساول и прочих чинов, постоянность которых требовал интерес ханский, как: даруги, баскаки, битикчи, тамгачи, тартнакчи и т. д. (см. стр. 11, Ханские ярлыки, III)*[25]. Были угланы, принцы, потомки ханов. Были беки или бии – родовые представители племен. До Чингис-хана каждый род, каждое племя монгольское имело своих ханов; Чингисхан, соединив все племена под свою власть, мог не уничтожить совершенно значение этих ханов, которые иногда даже обращались в беков, но, напротив, вступал с сильными из них в родство и даже поддерживал их родовые права, например,– конратов, джалаиров и пр. (см. Абулгази*[26], Шейбани-намэ, جامع التواريخ). Нет сомнения, что относительно других покоренных народов он держался этого же принципа. || Следовательно, угланы и беки были достоинства, получаемые по происхождению, а не чины.

Разделение угланов на великий, средний и нижний можно объяснить тем, что и в государствах Мавераннагра до сих пор при обнародованиях ханских ярлыков пишется اولوغ كچوك لارغه т. е. великим и малым, разумея под ним возраст управляющих войском, которые собираются на случай нужды и становятся по сторонам он اونك [и сол] *[27]. Один или два из этих беков всегда был при хане, в частности в должности визиря, и управлял улусом [в качестве] министра; или один был امراء بك а другой управлял волостями в звании... Как можно полагать разно: в первом случае اولوغ امراء بك , а в другом – تومان باشلى и туман башлык. Таковы Кутлубуга[48] Асан при Тохтамыше, Едгу при Темир-Кутлуке и его преемниках (см. جامع التواريخ). Целый ряд таких вре-

*[25] *И.Н. Беренш.* Ханские ярлыки, т. III. Казань, 1850.

*[26] *Abulghasi Bahadur chani* Historia Mongolorum et Tatarorum nunc primum tatarice edita autoritate et munificentia ellistrissimi Comitis Nicolai de Romanzoff Imperii Russici Canzellarii Supremi. Casani, MDCCCXXV ex Universitatis Imperialis Typographio.

*[27] Край листа оторван.

менщиков, начиная с хана Тогтагу, назывался اولوغ امراء بك (см. стр.100 جامع التواريخ, главу داستان اوروس خان). Таковы были беки улусные или удельные. Мне кажется, бек ордынский, князь людской اولوس بكى، ايل بكى[49] были разные выражения одного того же достоинства, ибо اولوس – удел и ايل – племя должно быть одно и то же; под именем уделов можно разуметь ايل ибо этот*[28] же управлял в войне людьми своего ايل и по числу управляемых نفر[50] назывался тысячник, сотник, десятник, полным ратным; управляя каким-нибудь городком, он назывался городный.

[О слове машаих]. В киргизской степи много гробниц, каменных мечетей, называемых стан или там, [которые] носят названия по именам своих основателей и над чьим телом поставлены [эти памятники]. Такие места называются: аулие – святой и машаих. Эти тамы служат местом для их религиозного зиарета*[29], и они обращаются к этим авлие и машаихам как [к] патронам своего народа и т. д. يا سيرنينك قرق مشايخ، يا جان انا*[30].

Букаул употребляется в степи и теперь. У киргиз [-кайсаков] есть поговорка ازغانه اسقا بوكاول بولما، ازغانه ايلگا بيك بولما*[31] здесь букаул в смысле разносителя блюд. Глагол بوكامك у киргиз в большем употреблении и означает делать препятствие, останавливать (توقتاتمق). От него بوكاو – препятствие, بوكاو سالماق – [соорудить плотину, задержать] и т. д.

Сообщая значение некоторых слов, сохранившихся в языке киргизском [казахском], прошу извинения Вашего, что в число этих замечаний ввел несколько своих гипотез. Если это письмо удостоится Вашего внимания, то я с величайшим удовольствием готов сообщить Вам песню يساول قاراول[51].

|| Занимаясь собранием*[32] известий о народе казак, я обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой, если Вам случится при разборе и чтении разных восточных историков встретить что-нибудь о слове казак[52], о казачестве قزاقلقدا[53] и о народе казак, сообщать Вашему покорному слуге. Этим обязали бы как нельзя более. Не имея никаких других источников под рукою, кроме истории Абульгази[54] (Румянцевское издание), Вашей Шейбаниады и جامع التواريخ , чрезвычайно важной в этом отношении, я не имею никаких средств проверить отрывочное указание Левшина при его «Описании Киргиз-кайсацких орд». В известиях арабских историков, как я полагаю, не должно быть ничего о казаках, ибо, я уверен, народ этот образовался не ранее XIV [века][55] при распадении Джучиева улуса. Кятиб Челеби[56], как видно из истории Левшина, говорит кое-что о казаках татарских. Интересно знать, когда жил этот географ и интересно знать это известие на языке турецком.

Клапрот[57] Magasine Asiatique напечатал перевод описания киргиз-кайсаков из китайской географии Дай-цин-И-тун-чжи[58], но, к несчастью, здесь нельзя достать этого журнала. Левшин на основании утверждения нашего знаменитого ориенталиста Сенковского[59] говорит, что Фирдоуси в истории Рустема упоминает о народе казак и

*[28] Описка, следует: бек же.

*[29] *Зиарет* – посещение могил предков.

*[30] О, сорок святых [отцов] Сыр-Дарьи, о Жан-Ана!

*[31] «Азғана асқа букаул болма, азғана елге бек болма» – «Не будь букаулом (распорядителем) малого угощения, не будь беком малочисленного народа.

*[32] В левом углу листа рукой Валиханова сделана пометка: يورتوول، اقطاچى (اقتاچى) .

о ханах казацких: на стр. 42 Левшин, как видно, приводит слова Сенковского: «Народ сей весьма» и прочее; но странно, где это удалось видеть им народ казак до Чингисхана и в числе чингисовских племен; по крайней [мере], Абуль-гази, Шейбани-намэ, جامع التواريخ для тех периодов не упоминают о казаках, даже не употребляют слова قازاقلق دا , которое употребляется от... и было [в употреблении во время] Шейбани-хана. Бабер[60] в своих «Записках» говорит о хане казак-Арслане, имевшем 400 000 воинов. Любопытен текст этого места из записок этого государя-писателя. И нет ли что-нибудь о них в записках Тимура или в его историках?

Комментарии

Черновой отрывок, не имеющий заглавия, сохранился среди бумаг, позднее назван «Черновые записки Валиханова по востоковедению». Отрывок написан в виде ответа на письмо востоковеда И.Н. Березина к Н.Ф. Костылецкому (1852), через которого он обратился к Валиханову с просьбой расшифровать некоторые историко-этнографические термины, встречающиеся в ханских ярлыках. Дата ответа Валиханова неизвестна. Но из содержания ответа видно, что он написан под свежим впечатлением после выхода в свет книги И.Н. Березина «Ханские ярлыки» (Казань, 1850). В ответе дано толкование ряда архаических слов из ярлыка Тохтамыша. Для подкрепления своих аргументов Валиханов привлек сведения из «Сборника летописей» Жалаири *[1].

Печатается впервые по тексту ССВ, т. I, с. 121–130; черновой отрывок хранится в ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, №469, лл. 10–14.

[1] *Березин Иван Николаевич* (1818–1896) – русский востоковед; с 1846 г. профессор Казанского, а с 1858 г. – Петербургского университета. Автор многочисленных трудов по истории и филологии народов Востока, преимущественно тюрко-монгольских. В 1848–1853 гг. он опубликовал серию изданий под общим названием «Библиотека восточных историков», куда вошли историческое сочинение «Шейбани-наме», «Джами' ат-таварих» («Сборник летописей») Жалаири и сочинение Абулгази «Родословная тюрков». Большой заслугой Березина является издание труда «Сборник летописей» известного историка монгольской эпохи Рашид ад-дина, осуществленное в 1853–1888 гг.

Из других публикаций Березина очень важна «Турецкая хрестоматия» (тт. 1–3, 1857–1876 гг.), в которую вошли классические образцы народного эпоса казахов, узбеков, туркмен и других пародов Средней Азии.

Березин поддерживал связь с многочисленными корреспондентами, учеными, через которых собирал памятники народной литературы тюркоязычных народов. Особенно тесную связь он имел с преподавателем Сибирского кадетского корпуса Н.Ф. Костылецким, своим старым другом по Казанскому университету, через которого он получал образцы казахской литературы. Костылецкий помог Березину установить деловые связи с Ч.Ч. Валихановым. (О Березине см.: *В.В. Бартольд.* И.Н. Березин как историк. Соч., М, 1977, т. 9, с. 737–756: *А.Н. Самойлович.* И.Н. Березин как тюрколог. ЗКВ, т. 1, 1925, с. 161–172; *С.А. Венгеров.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. 3, СПб., 1892 (автобиография); Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета (1804–1904 гг.) под ред. Н. П. Загоскина, ч. 1. Казань, 1904).

[2] *Костылецкий Николай Федорович* (1818–1869) – один из наиболее передовых преподавателей кадетского корпуса, был горячим сторонником идей русских революционеров-

*[1] جامع التواريخ Джами' ат-таварих («Сборник летописей») – см. комментарий к «Извлечениям» из جامع التواريخ. В дальнейшем это издание везде именуется «Сборник летописей» Жалаири или جامع التواريخ.

демократов, друг и наставник Ч.Ч. Валиханова. Костылецкий получил образование сначала в Омском войсковом училище, затем учился на восточном факультете Казанского университета, который он окончил со степенью магистра восточной филологии. Кроме казахского он в совершенстве знал и другие тюркские, арабский и персидский языки. Костылецкий являлся наставником большой группы казахской молодежи, обучавшейся в Сибирском кадетском корпусе. В 1865 г., обвиненный по делу «сибирских сепаратистов», он был уволен из кадетского корпуса.

[3] *Тохтамыш* (Токтамыш) (ум. в 1406 г.) – потомок Чингисхана, во время феодальных междоусобиц (70-е годы XIV в.) бежал от преследования Урус-хана, нашел убежище в Самарканде у Тимура, который был соперником Урус-хана.

В 1381 г. Тохтамыш совершил переворот в Золотой Орде, и, разбив ее временщика Мамая, стал ханом Дашт-и Кыпчака. Стремясь возродить прежнее могущество Золотой Орды, ослабленное после битвы на Куликовом поле (1380 г.), Тохтамыш совершил несколько походов на запад; великий князь литовский Ягайло вновь стал его вассалом. Укрепив свою власть, Тохтамыш отрекся от своего покровителя, стал вести самостоятельную политику, часто идущую против интересов Тимура.

О годах правления Тохтамыша ясное представление дают ярлыки, приводимые в данной работе Валиханова, и монеты, чеканенные Тохтамышем в золотоордынских городах.

«Ярлык Тохтамыша к Ягайлу» написан после его сражения с Тимуром на р. Кундузчи (1391 г.) и представляет собой одну из древнейших дипломатических грамот на кыпчакском языке. (См.: *И.Н. Березин.* Ханские ярлыки, т. II; Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлуга и Саадат-Герея. Казань, 1851; *В.В. Радлов.* Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга. ЗВОРАО, т. III, вып. 1, с. 1–40; Ярлыки Тохтамыш-хана и Саадат-Гирея, пер. Я. Ярцева, с примеч. В.В. Григорьева. Одесса, 1844; *Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский.* Золотая Орда и ее падение. М.–Л.. 1950, с. 103–105, 112–113).

[4] *Ягайло Ольгердович* (ум. в 1434 г.) – великий князь литовский, с 1386 г.– король польский.

[5] *Тимур-Кутлук* (Темир-Кутлуг) (ум. в 1400 г.) – сын Темир-Малика, внук Урус-хана, племянник Едиге; один из сильных соперников Тохтамыша, впоследствии хан Золотой Орды (1395–1400 гг.). До 1395 г. Темир-Кутлуг – малоизвестный царевич (оглан) Белой Орды, затем, примкнув к эмиру Тимуру, старому врагу его деда, он стал возвышаться. В 1395 г., после разгрома Тохтамыша, Тимур сделал его ханом Дашт-и Кыпчака. Темир-Кутлуг правил номинально, фактически управлял государством его дядя Едиге. До нас дошли также монеты, чеканенные от имени Темир-Кутлуга в Сарай ал-Джадиде, Орду ал-Джадиде, Сарае, Хаджи-Тархане, Старом Крыме, т. е. на всей территории Золотой Орды, в 1397– 1400 гг. (см.: *И.Н. Березин.* Ханские ярлыки, т. II; *В.В. Радлов.* Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга, с. 1–40; *Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский.* Золотая Орда и ее падение. М.–Л., 1950, с. 103–109).

[6] *Саадат-Гирей* – хан крымский (1523–1527 гг.), сын Менгли-Гирея, внук Хаджи-Гирея – основателя феодальной династии крымских Гиреев. После неудачного похода на Москву был свергнут князьями и бежал в Турцию. (См.: *Н.М. Карамзин,* История государства Российского, т. VII. СПб., 1892, с. 128–151). Ярлык его, опубликованный И.Н. Березиным, писан в 1523 г. (ЗООИД, 1849).

[7] Не казахи почитают себя потомками «татар Золотой Орды», а лишь социальная группа чингизидов, относящих себя к «белой кости» (ақ сүйек).

[8] *Идигей* (правильно: Едиге; в литературе также: Едигуй, Идигу, Идиге, Идике и т.д. 1340–1419) – сын Кутлу-Каба, владетеля Каратауского города Кумкента, убитого Урус-ханом; один из влиятельных эмиров (бек) Белой Орды из племени мангыт. На исторической арене появился одновременно с Тохтамышем в период феодальных междоусобиц, когда Белая Орда фактически отделилась от улуса Джучиева (Золотой Орды).

Во время этих междоусобиц Едиге примкнул к оппозиции Тохтамыша, одного из претендентов на престол Золотой Орды. Покинув Урус-хана и порвав связи с отцом, Едиге установил тесный контакт с Тохтамышем и вместе с ним ушел к Тимуру. Когда власть в Золотой Орде перешла в руки Тохтамыша, он изменил своему соратнику и вместе со своим племянником Тимур-Кутлуком бежал от него и стал служить Тимуру, помогая ему в борьбе с Тохтамышем. После победы над Тохтамышем (1391 г.) Едиге покинул и Тимура; захватив власть в Золотой Орде, он стал фактически ее правителем, хотя номинально управлял ею от имени хана Тимур-Кутлука и других своих племянников.

В 1399 г. Едиге разбил литовское войско на р. Ворскле; в 1409 г. совершил поход на Русь, разорил много городов, осадил Москву, но взять ее не смог. В 1410–1412 гг. власть в Орде вновь перешла в руки сыновей Тохтамыша, а Едиге, отвергнутый, спасся в Хорезме, но не надолго. Он вскоре был убит близ Сарайчика сыном Тохтамыша Кадырберды. (См.: *Ч.Ч. Валиханов.* Сочинения. Спб., 1904, с. 224; *В. В. Бартольд.* Отец Едигея. ИТОИАЭ, т. I (58). Симферополь, 1927, с. 18–23; Соч., т. 2, ч. 1, М., 1963, с. 797–804; *Жирмунский В.М.* Сказание об Идиге. – Тюркский героический эпос. Л., 1974, с. 351–386).

[9] *Тамерлан* (Аксак-Тимер*[1], Тимур) (1336–1405) – эмир – правитель Мавераннахра и смежных территорий Средней Азии, знаменитый завоеватель и полководец; сын бека Тарагая из племени барлас. В молодости принимал участие в феодальных междоусобных воинах. В 1370 г. Тамерлан принял титул великого эмира и стал единолично управлять страной от имени подставного хана-чингизида. Он опирался на кочевую знать оседлых феодалов и духовенство. В 1388 г. взял Хорезм; после трех больших походов (1389, 1391 и 1394–1395 гг.) разгромил Золотую Орду.

Свою государственную деятельность, направленную на объединение Средней Азии, Тимур сочетал с военными походами в соседние страны. В последние годы жизни государство Тамерлана включало в себя Мавераннахр, Хорезм, Хорасан, Закавказье, Персию и Пенджаб.

[10] *Урак-Мирза* – по-видимому, это ногайский мурза Урак, племянник Мамая, внук Муса-Мирзы.

[11] *Ир-Кокше и Ир-Кушай* (правильнее: Еркокче и Еркосай; в литературе также: Ир-Гоше, Ир-Кусай (Кушай), Ир-Госай (Гошай) – знаменитые богатыри – отец и сын – происходят из рода уак (VIII в.), позднее вошедшего в состав Среднего жуза. Замечание Валиханова, что самые имена витязей нам неизвестны, не отражает фактическую действительность. Напротив, Еркокче и Еркосай – самые популярные богатыри, воспетые в казахском народном эпосе. Казахи рода уак, населяющие Ишимскую степь, до сих пор считают Еркокче своим родоначальником. О нем и его сыне Еркосае существует героическая поэма с многочисленными вариантами. В эпосе «Манас» Ир-Кошай – старший богатырь, «отец народа», населяющего горы Улутау. (См.: *Ж. Копеев.* Еркокше. РОБАН КазССР, №929; *Г.Н. Потанин.* Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки. ЖС, 1917, II–III, с. 80–85).

[12] *Бердибек* (ум. в 1359 г.) – сын Джанибека I, внук Узбека, золотоордынский хан из династия джучидов. Со времени его правления (1357–1359 гг.) начинаются многолетние феодальные смуты, впоследствии кончившиеся падением Золотой Орды. Зачинателем смут был сам Бердибек, который умертвил своего отца Джанибека и воссел на ханский престол. Это событие отражено в народных преданиях в виде поговорки, гласящей «Нар мойыны Бердібекте кесілді» «Шея дромадера отсечена при Бердибеке», т.е. династия батуханидов пресеклась при Бердибеке. (См.: *Абулгази.* Шеджере-и тюрк. Изд. Демезона. СПб., 1871).

[13] Новейшие историко-филологические исследования сочинения «Шахнаме» персидского эпоса Фирдоуси (932–1020 гг.) подтвердили вывод о том, что у данного автора не содержится этнического термина «казак».

---

*[1] «Хромой Тимур» – прозвище, данное современниками Тимуру за его хромоту.

[14] *«Шейбани-наме»* – историческое сочинение начала XVI в. Автор – Камал ад-дин Али Мухаммед ал-Харави, более известный по прозвищу Бинаи (ум. в 1512 г.), служил при дворе Тимуридов.

В сочинении прославляется деятельность основателя узбекского ханства Мухаммеда Шейбани. Оно содержит также ряд интересных сведений по истории народов Средней Азии и, в частности, Казахстана (в период отделения казахов от узбеков в XV–XVI вв.). Впервые издано И.Н. Березиным в 1851 г. в серии «Библиотека восточных историков» (ч. I, Казань, 1851).

[15] *Тамга* – знак собственности в родовом обществе кочевников Центральной Азии, им отмечали скот и различные предметы, принадлежавшие роду (племени) или изготовленные его членами – оружие, посуда, ковры и т.п.; позднее – знак семейной и личной собственности. Личные тамги ханов служили своеобразными феодальными гербами, они изображались на ярлыках (указах), официальных документах, государственных печатях и на денежных знаках, т.е. являлись и знаками власти.

[16] *Ураз-Мухаммед* (ум. в 1610 г.) – сын султана Ондана, племянник хана Тевеккеля; в русских летописях именуется «царевичем Казачьей орды»; в 1588 г. в городе Сибири (см. ниже) был взят воеводой Данилой Чулковым в плен вместе с князем г. Сибири Сеид-Ахмедом Бекбулатовым и Карач-мурзой (впоследствии автором сочинения «Сборник летописей» Жалаири). В том же году они были отправлены в Москву. В 90-х годах XVI в. Ураз-Мухаммед неоднократно упоминается в военных и дворцовых разрядах, как участник походов и дворцовых торжеств (в 1590 г. он участвовал в походе против шведов, в 1593 г. – против крымских татар). В 1600 г. Борис Годунов назначил его «царем» в г. Касимов (на Оке).

Царское правительство тогда охотно использовало отпрысков бывших восточных династий, выдвигая их в качестве вассальных владетелей для окраин. Некоторые из этих вассалов, например, Ураз-Мухаммед, были пожалованы владениями в пограничной полосе за службу по обороне окраин. В 1608 г. Ураз-Мухаммед примкнул к Лжедимитрию II, но в ставке Лжедимитрия, заподозренный в измене, был предательски убит. (См.: *В.В. Вельяминов-Зернов.* Исследования о касимовских царях и царевичах. СПб., 1864, ч. II, с. 398; *И.Я. Березин.* Библиотека восточных историков, т. II, ч. I. Казань. 1854; *Г. Ф. Миллер.* История Сибири, т. I. М.–Л., 1937, с. 274–276. 495–496; *Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский.* Золотая Орда и ее падение, с. 416, 417).

[17] *Левшин Алексей Ираклиевич* (1799–1879) – русский ученый и государственный деятель, один из основателей Русского географического общества; известен своими исследованиями по истории и этнографии казахов; ему принадлежит капитальная трехтомная работа «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей» (СПб., 1832).

[18] *Небольсин Павел Иванович* (1817–1893)–русский историк, этнограф, исследователь истории Сибири, торговых отношений Сибири со Средней Азией, член Русского географического общества. Из многочисленных 370 работ, богатых фактическим материалом, наиболее интересные: «Очерки волжского низовья» (ЖМВД, 1852, ч. 39); «Очерки торговли России со Средней Азией» (ЗРГО, 1855, т. X, с. 1–442); «Покорение Сибири» (СПб., 1849).

[19] *Сейдяк* (Сеид-Ахмет) – князь сибирский, сын Бекбулата, племянник Едигера (Ядигера). В 80-х годах XVI в. он возглавляет борьбу за наследственное владение и выступает против Кучумхана из династии чингизидов. В 1588 г. Сейдяк вместе с Ураз-Мухаммедом и Карач-мурзой был взят в плен и привезен в Москву. Дальнейшая его судьба не известна. (См.: *Г.Ф. Миллер.* История Сибири, т. I, с. 189–197, 274–276, 474–475).

[20] *Сибирь* (Искер, Кашлык) – город на Иртыше, выше впадения р. Тобола в р. Иртыш; в XVI в. культурный и политический центр Сибирского ханства, столица Кучум-хана. В окрестностях Сибири находились и другие города – Сузгун-тура, Бицик-тура. Название «Сибирь»

дано русскими воеводами по имени всей страны, о которой первые сведения они получили от местных жителей. Город был взят Ермаком 26 октября 1581 г. и разрушен им дотла. Сведения о городище Искере, по результатам раскопок на нем, см.: *Б.Я. Пигнатти.* Искер-Кучумово городище. ЕТГМ, 1915, вып. 25; *А.А. Дмитриев.* Кучумов Искер на Иртыше. ИОАИЭКУ, т. XVI, вып. 3.

[21] *Царевич Казачьей орды Салтан* – см, Ураз-Мухаммед (коммент. 16).

[22] *Кучюм* (правильно: Кучум, ум. в 1598 г.) – сын Муртазы из династии золотоордынских шейбанидов, последний хан Сибирского Юрта. Завладел ханством около 1556 г., свергнув прежнего владетеля Едигера из династии Тайбуги. Владения Кучума простирались на юге до нынешней Северо-Казахстанской области, на западе до устья р. Туры (Тарханный городок), на юго-востоке до Барабинской степи, на севере граничили с Обско-Иртшыским низовьем. Кучум обложил данью все народы, населявшие обширную Западно-Сибирскую равнину, ввел впервые мусульманскую религию. Однако местное население оказало сильное противодействие принуждению к принятию новой веры. Центром культурной и политической жизни ханства был город Искер (Кашлык, Сибирь). В 1581 г. был разбит Ермаком и отступил вверх по Иртышу. Выше Омска он основал новую резиденцию под названием Черный городок. На многократные предложения московских царей сдаться он неизменно отвечал отказом. Потерпев окончательный разгром в 1598 г., Кучум переселился в Ишимскую степь, затем к ногаям, где и умер. (См.: *Г.Ф. Миллер.* История Сибири, т. I, с. 197–201, 299).

[23] *Карача* (вернее, *Карачи)* – не имя, а титул советника Кучума, потом Сейдяка; настоящее его имя – Кадыргали Жалаири.

Звание Карачи в средние века давалось высшим сановникам, служащим при ханских дворах. На казахском языке существует специальная поговорка: «Хан кдсында карачи» – «Хан всегда с карачой». Карачи значит советник хана, его «думный». (См.: *Г.Ф. Миллер.* История Сибири, т. I, с. 274–275, 487).

[24] *Есипов Савва* – летописец, дьяк архиепископа Тобольского. Его летопись написана в 1636 г. и сохранилась в двух редакциях: основной и пространной. Основная редакция состоит из 35 глав, начинается с повествования о завоевании Сибири и заканчивается сообщением о смерти Кучума. В пространной редакции более подробно изложена деятельность Ермака и история завоевания Сибири. Летопись Есипова впервые широко использована историком Миллером, издана Г.И. Спасским, затем П.И. Небольсиным.

[25] *Улус* – первоначально племенной союз, образованный в пределах определенной (племенной) территории. В феодальную эпоху – удельные владения (улус Джучи, улус Чагатая и т. д.). В более широком значении под этим словом понимается государство, народ, нация. Всенародные праздники казахи раньше называли «Ұлыстың ұлы күні» – «Великий день улуса», т. е. праздник всего народа, нации.

[26] *Акназар* (Хакназар) (1538–1580) – сын Касыма, внук Аз-Джанибека, один из могущественных ханов XVI в. При нем происходит усиление и централизация феодальной ханской власти, объединение сил казахов киргизов и ногайцев против захватнических устремлений бухарского хана. Погиб в междоусобной феодальной войне.

[27] *Шигай* (ум. в 1582 г.) – сын Ядика (Джадика), внук Касым-хана, казахский хан второй половины XVI в. Находясь во вражде с ташкентским правителем Баба-султаном, он заключил дружественный союз с бухарским ханом Абдуллой и помогал ему в борьбе с Баба-султаном. Последний, преследуемый войсками союзников, бежал в Улутауские горы и там погиб. До конца своей жизни Шигай оставался единомышленником Абдуллы. За это бухарский хан пожаловал ему Кумишкент, где он умер в глубокой старости.

[28] *Касым-хан* (ум. в 1523 г.) – казахский хан, сын Джанибека, внук последнего владетеля орды Барак-хана. Наследовав ханство от отца, Касым-хан стремился возродить былое значе-

ние восточной части улуса Джучи (Орды). Он объединил под своей властью не только казахов, но и часть ногайцев, каракалпаков и киргизов. Касым-хан стремился укрепить систему удельного владения; богатейшие земледельческие области юга (бассейн Нижней Сыр-Дарьи, Каратау, районы Сайрама, Таласа и Чу) он раздавал своим родственникам и приближенным – сыновьям, братьям и крупным бекам, а сам обосновался в Каратале, расположенном недалеко от города Сыгнака.

В народных преданиях с именем Касым-хана связывается создание феодального кодекса законов – «Қасым ханның қасқа жолы» («Проторенный путь Касым-хана»). Текст свода до нас не дошел, народная легенда не передает полного его содержания, но из нее видно, что этот кодекс был направлен на укрепление феодальной собственности.

[29] *Джадек* (Джадик, Ядик) (XVI в.) – сын Джанибека, брат Касым-хана, родоначальник феодальной династии казахских ханов. Избран ханом еще при жизни Касым-хана, когда последний находился в преклонном возрасте. Погиб в междоусобной войне с ногайским мурзой Шигимом (Шах-Мамаем), погребен в Ургенче, возле мавзолея поэта Бакырган-Ата (Сулеймена).

[30] *Джанибек* (Аз-Джанибек, в литературе Абу Са'ид) (ум. в 1477 г.) – сын последнего владетеля орды Барак-хана, правнук Урус-хана, сумевший объединить древнеказахские племена, основатель Казахского ханства и один из его первых ханов. Объединение казахских племен произошло в середине XV в., после распада Золотой Орды (в Дашт-и Кыпчаке) и улуса Чагатая (в Средней Азии). Как основателю ханства, объединившему значительную часть казахского народа, ему было дано почетное прозвище Аз-Джанибек (Мудрый Джанибек).

[31] *Дженкинсон Антони* (XVI в.) – английский купец, дипломат, неоднократно посещал Москву и Московское государство, дважды ездил в Персию и Среднюю Азию. В 1558 г. через Астрахань и Мангышлак проезжал в Хорезм, был в Бухаре как представитель московской и английской торговой кампании и как официальный посол Ивана Грозного. Сохранился дневник его путешествия по Северному Прикаспию и Средней Азии, в котором он описывает бедственное положение ногайцев, пострадавших от джута и войны, а также победу казахского хана Акназара над Бухарой. (См.: Известия англичан о России. ЧОИДР, кн. IV, М., 1884, с. 1–105 и др.).

[32] *Бурундук* – сын Гирея, внук Джанибека, казахский хан. предшественник Касым-хана, управлял (конец XV в.) номинально, фактическая власть находилась в руках его двоюродного брата, сильного хана Касыма. Лишенный авторитета и власти, Бурундук оставил Дашт-и Кыпчак, переехал в Самарканд и там умер.

[33] *Шейбани-хан* (Мухаммед-Шейбани) (1451–1510) – сын Шахбодака, внук Абулхаира; основатель узбекского ханства и династии ханов-шейбанидов. Возглавил муждоусобную борьбу против казахского Касым-хана, организовал зимний поход (1509 г.) в Сузак и Улутау, но потерпел поражение. Погиб во время сражения с иранскими войсками под Мервом.

По Абулгази, Шейбани-хан был не только государственным деятелем и полководцем, но и незаурядным стихотворцем.

ميمنه *маймана,* ميسره *майсара* – арабские термины для обозначения правого и левого крыла (флангов войскового строя), соответствуют тюркским *оң* и *сол,* монгольским *барунгар* и *джувангар.*

[35] *Кадергалибек* (правильнее: Кадыргалибек) – советник Кучума, затем Сейдяка. Кадыргалибек – сын Хошумбека, внук Темчик-бахадура, происходил из гребне-тамгового рода казахского племени жалаир. Перейди в оппозицию к Кучум-хану, он вместе с Ураз-Мухаммедом примкнул к Сейдяку, усилив тем самым престиж последнего. Русские летописи сообщают, что Сейдяк «стал сильнее после того, как к нему пришли некий царевич Казахской Орды (Ураз-Мухаммед) и Карач-мурза, незадолго до того присоединившийся к нему». В 1588 г. во

время «забавления ястребиной охотой на берегу реки Иртыша», Кадыргалибек вместе с Ураз-Мухаммедом и Сейдяком был взят воеводой Чулковым в плен и отправлен в Москву. Здесь он составил известное сочинение جامع التواريخ «Сборник летописей» (см. ниже, комментарий 48 к «Извлечениям из جامع التواريخ»).

[36] *Джалаир* (казах, *жалайыр*) – представитель племени жалаиров – одного из древних и основных племен, входящих в состав Старшего жуза. По казахским генеалогическим преданиям, жалаиры – главнейшая ветвь племени уйсун. По исторической генеалогии основную линию жалаиров составляют чуманаки (чуйские племена), отождествляемые некоторыми учеными с древними чумгунь и сырманаками (сырдарьинские племена или огузы). Из других жалаирских родов интересно отметить имена киргиз, огуз, ак-марка, кара-марка *[1] (у древних огузов ак-коюнлу и кара-коюнлу*[2]), ельтезер и т.д. Наличие в составе жалаиров указанных племен достаточно убедительно говорит об их тюркском происхождении.

В раннем средневековье жалаиры, как одно из крупных племен, играли активную роль в истории Средней Азии, принимали деятельное участие в образовании династии в Средней Азии и Иране. После монгольского завоевания часть жалаиров переселилась в Зеравшанскую долину и слилась с узбеками. Казахи племени жалаир в основном расселялись в Семиречье, в долине р. Каратала, занимая территорию к югу от оз. Балхаша до Джунгарского Алатау (см.: *Н. Аристов.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов. ЖС, 1894, III–IV, с. 407–408, *С. Аманжолов.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959, с. 43–46).

[37] *Огуз-хан* – легендарный родоначальник тюркских народов, в частности огузских племен, живущих в низовьях Сырдарьи (VIII–XI вв.). С его именем связана большая полулегендарная эпопея «Огуз-намэ», объясняющая родословную Огуз-хана, происхождение и развитие древнетюркских племен. Поэма переведена с тюркского на все основные языки мира.

[38] *Кунраты* (кунграты, правильнее – конграты) – древнее племя, известное с VIII–IX вв. Сыграло значительную роль в истории Средней Азии XIII–XVI вв. В улусах кочевых узбеков Дашт-и Кыпчака конграты, объединившие многочисленные тюркские роды, явились значительной политической силой.

Основная часть конгратов вошла в состав казахского народа, другая, незначительная часть, присоединилась к каракалпакам и узбекам.

Конграты входили в состав Среднего жуза, но в конце XVIII в., в связи с неблагоприятной политической ситуацией, отделились от него и присоединились к Старшему жузу. (См.: *А.И. Левшин.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей, т. I. СПб., 1832, с. 160–165; *Н.И. Гродеков.* Киргизы и каракиргизы Сырдарьинский области.

Ташкент, 1889, с. 11; *А. Нурекин.* Аристократическая каста в кунградскол роде. «Туркестанские ведомости», 1873, № 43; *Н. Наушабаев.* Манзумат Казакия. Казань, 1903, с. 27, на кат. яз.; *М. С. Муканов.* Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974, с. 58–65.

[39] *Найманы* – одно из древних, как считает большинство исследователей, тюркоязычных племен, игравшее активную роль в истории в период XII–XV вв. По Рашид ад-дину и Плано Карпини, найманы жили в горах Большого Алтая и на Иртыше, распространяясь на востоке до Каракорума, на западе до Чингисского хребта, который в то время назывался Найманкух (Найманский хребет). Во время монгольского нашествия (начало XIII в.) часть найманов (балгалы и баганалы) была оттеснена войсками Чингисхана и отошла к горам Улутау (Центр. Казахстан). В XIII–XV вв. найманы один из основных компонентов, составивших основу казахского народа. Небольшая их часть растворилась среди народов Средней Азии.

*[1] Ақ-марқа – белый ягненок, қара-марқа – черный ягненок.

*[2] Ақ-қоюн – белый баран, қара-қоюн – черный баран.

Основная масса казахских найманов живет на территории своих предков, занимая верхний Иртыш и местности от Западного Алтая до Тарбагатая. (См.: J. Klaproth. Magazine asiatique ou Revue geographique et historique de I'Asie Centrale et Septentrionale, publie par J. Klaproth, t. II Paris, 1826, p. 326-328; H.H. Howorth. History of the Mongols from the 9 th to the 19 th century. V. I. London, 1876, p. 693; *Н. Аристов.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. ЖС, III–IV. СПб., 1896, с. 361; *К. Халитов.* Тауарих Хамса. Казань, 1911, с. 226– 227; *Н. Наушабаев.* Манзумат Казакия...; *С. Амаижолов.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка..., с. 52–61; *P. Poucha,* Trinact tisic kilometru Mogolskem. Praha, 1957, p. 128, 159).

[40] *Кыпчаки.* В XIII–XV вв. они составили основное ядро казахского народа, в который впоследствии влились и другие племена. В позднее средневековье часть кыпчаков переселилась на территорию, составляющую ныне Ферганскую область Узбекской ССР; небольшая часть кыпчаков вошла в состав киргизов, каракалпаков и башкир.

Основной регион проживания казахов из кыпчакского племени – Тургайская и Кустанайская степи и районы, примыкающие к Южному Уралу. Значительная часть их живет на Сырдарье, в Акмолинской, Павлодарской, Омской и Карагандинской областях. (См.: *Махмуд ал-Кашгари.* Диван лугат ат-турк, тарих та'лифи 466 сана-и хиджрийа. Мусаххих Келисли Му'аллим Риф'ат. Т. I, Стамбул, 1333/1915, с. 32; *В.Г. Тизенгаузен.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884; т. II, М.–Л., 1941).

Область кочевания кипчакских племен достигала на западе до Причерноморских степей. Вся степная обширная территория от Иртыша вплоть до южнорусских степей была известна как Дашт-и Кыпчак («Степь кыпчаков») в XIII–XV вв. *В. В. Бартольд.* Сочинения, тт. 1,5. М., 1963, 1968; История Казахской ССР, т. 2. Алма-Ата, 1979.

[41] الاج منكى *(алач мыңы* – тысяча алачей) – согласно «Сборнику летописей» Жалаири, союз крупнейших племен, наряду с канглами, жалаирами и катаганами, игравшими главную роль в Белой орде во время правления Урус-хана. Видимо, это первый союз казахских племен, так как в XV–XVI вв. указанный термин становится одним из этнонимов казахского народа. В Сборнике говорится: اورس خان نينك ميمنه ميسره بو ترور: يغنى ميمنه اونك قول، ميسره سول قول ايرور. اقوام قنقى ايرور ايكى سان نفر، اقوام الاچ منكى ايرور اوچ سان نفر قوم قتغن . Далее отмечается, что «среди алач алаиры» мыны главнейшие гребне-тамговые жалаиры» – الاچ منكى اراسندا اولوغى تراق تمغالى جلاير بولغاى .

Приведя родословную главных беков из жалаиров, автор пишет: «Из алач мыны они [жалаирские беки] были главные» الاچ منكى نينك اغاسى بولا كيلكان بولار ترور.

[42] قيغان يدا – этот перевод неточен, такого слова нет; Валиханов его не нашел ни в одном из тюркских языков. Правильно должно быть ايل قريغينا – к границе государства'. Вся фраза читается: الارنينك الا كونكول بيلا تيل يايب ايل قريغينا يتا كياكاندا... – «[Мы знали]: когда они с злым умыслом, распространяя слухи, подошли к границе нашего государства...». Слово ايل قريغى – граница государства часто встречается и в средневековых памятниках; تيل يايماق , распространять слухи. (См.: МСМА, ч. I–II. М.–Л., Изд. АН СССР, 1938, с. 198).

[43] تيربامك – качать, шевелить, трогать – форма метатезы; точнее: تيبر اماك – шевелить, волновать, возмущать. Речь идет о восстании, происшедшем в Золотой Орде. Правильно вся фраза читается так: تيبراكان دين ايل تيبراب – اول يمان كشى لار بورون – «от того, что эти дурные люди возмущались (تيبراب) и народ восстал». Слово تيبراندى، تبرانماك также зафиксировано в древнекыпчакских документах (См.: МСМА, с. 296).

[44] От арабского слова يتيم –'сирота, одинокий'.

[45] مونغانالدى – неточно, такого слова нет. В подлиннике написано: مونغالتدى *(мунгалтды)* – 'огорчил, обидел, опечалил', в переносном значении–'наказал'. Слово مونك –'забота, печаль, горькая доля, участь', отсюда مونكسز –'беззаботный'. Слово тоже зафиксировано в древних актах. (См. МСМА, с. 241).

[46] بازاركان –'купец, торговец, гость'; в древнекыпчакских памятниках записано: بازاركان لبق قيلدى '[он] занимался торговлей' или زيان قيلدى بازاركان 'торговец потерпел убыток'. (См. МСМА, с. 271, 302).

[47] اورتاق 'компаньон, товарищ'; اورتاغ قيلدى انينك بيلا заключил с ним товарищество'; или اورتاغلاشتى انينك بيرله (اورتاقلاشتيلار) –'стали компаньонами'. (См. МСМА, с. 271).

В ярлыке сказано ясно, что речь идет именно о негоциантах Ягайла; اورتاقلارينك –'твои купцы'. Если бы имелись в виду купцы обеих стран, то стояло бы: اورتاقلاريميز –'наши купцы'. Следовательно, частицу притяжательного местоимения надо расшифровать как اورتاقلارينك а не اورتاقلارن (их купцов), так как ярлык обращен ко второму лицу (к Ягайлу), а не к третьему.

[48] *Кутлубуга* (Кутлу-бука, XIV в.) – золотоордынский бек, служивший при Тохтамыше в качестве посланника (эльчи) в восточноевропейских государствах.

[49] اولوس بكى، ايل بكى – По турецкому словарю Вефик-паши улус делится на или, иль – на уймаки, уймак – на бои, бой – на уруки (роды). *Бартольд В.В.* Сочинения, т. II, ч. 2, с. 394.

[50] نفر – букв. «группа, люди» (араб.), счетное слово для людей – «[столько-то] человек».

[51] يساول *ясаул* (монг.) – лицо, ведавшее расстановкой войск в бою и на парадах и вообще делами воинов (отсюда русское 'есаул'). Ясаулы занимались также подсчетом военной добычи и брали из нее часть, принадлежащую хану قاراول (или قراول) *караул,* из монг. харул – первоначально обозначало обязанности загонщика или наездного в облавной охоте; в военной терминологии у кочевников – передовой отряд, который начинает сражение или сообщает о появлении неприятеля, а также сторожевая (караульная) служба, часовые и т. п.

[52] О времени появления и значении термина «казах» см.: *Самойлович А.* О слове казах.– Антропологические очерки. Л., 1927; *Ибрагимов С.К.* Еще раз о термине «казах».– Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. ТИИАЭ АН КазССР, т. 8. Алма-Ата, 1960.

[53] *Казаклык* (казачество) – образ жизни казака, т. е. человека, по какой-либо причине ушедшего от своего племени, рода или потерявшего власть и скитавшегося на окраинах государства, юрта или на чужбине и часто добывавшего себе средства на жизнь своим оружием.

[54] *Абулгази* (1603–1663) – хивинский хан и писатель XVII в. Знаток истории тюркских народов Средней Азии и Казахстана, автор известных сочинений «Шаджара-и турк» («Родословная тюрков») и «Шаджара-и таракима» («Родословная туркмен»). Подлинник «Родословной тюрок» впервые найден в Тобольске в 30-х годах XVIII в. и после выдержал ряд изданий на русском и европейских языках. Одним из наиболее ранних изданий является перевод Тредиаковского с французского перевода в 1770 г. Первое издание книги в России осуществлено в 1825 г. по заданию министра иностранных дел Н.П. Румянцева, отчего оно прежде называлось «румянцевским». Лучший перевод сочинения Абулгази, сделанный проф. Казанского университета Г. Саблуковым, впервые напечатан в III части «Библиотеки восточных историков», издававшейся И.Н. Березиным (СПб., 1850), затем в 1904 г. вышел отдельным изданием.

[55] Новейшие исследования о времени образования казахской народности подтверждают мнение Ч. Валиханова. Совокупность исторических, археолого-этнографических, антропологических и лингвистических источников позволяет утверждать, что процесс образования казахской народности в XIV–XV вв. в основном завершился. (История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1979, т. 2, с. 255).

[56] *Кятиб* (Катиб) *Челеби* (Хаджи Хальфе Мустаф, 1608–1657)– турецкий ученый, историк и географ, автор сочинения «Зерцало мира» (1732 г.) – كتاب جهان نما لكاتب چلبى. استانبول، ١١٤٥ . На основании данных этой книги Валиханов составил схематическую карту Средней Азии XVI– XVII вв. Карта эта хранится в Архиве АН СССР (ф. 23, оп. 1, ед. хр. 17, л. 49).

[57] *Клапрот Генрих Юлий* (1783–1835) – известный ориенталист, путешественник, автор

многочисленных работ по истории тюркских и монгольских племен. С 1802 по 1811 г. провел в России. В 1806 г. был избран членом Российской академии наук. Участвуя в посольстве графа Головина в Китай, изучал язык и быт сибирских народов, а также монголов, маньчжуров и китайцев. Его труды широко использовались русскими ориенталистами в своих исследованиях по Центральной Азии. Многие из них поддерживали с Г.Ю. Клапротом тесные научные контакты. Ч. Валиханов, подобно многим своим предшественникам, в своих трудах неоднократно ссылается на его работу «Tableaux historiques de I'Asie,depuis la monarchie de Cyrus jusqu a nos jours accompagness de recherches historiques et ethnographiques sur cette partied du monde. Paris – Londres – Stuttgard – Gotha, 1826.

[58] *Дай-цин-И-тун-чжи* – «Общее обозрение Дайцинской (Маньчжурской) империи». Историко-географическое описание Китая и подвластных земель при маньчжурской династии в XVIII в. По изданию 1774 г. и по следующим изданиям состоит из 24 томов и 356 глав. Монголии и Синьцзяну посвящены главы 344–356.

[59] *Сенковский Осип* (Юлиан) *Иванович* (1800–1858) – русский ориенталист, критик и журналист. С 1819 г. состоял при русском посольстве в Стамбуле, позже совершил ряд путешествий по Сирии и Египту, где изучал арабский язык. В 1822 г. Сенковский заведывал кафедрой восточных языков в Петербургском университете. Издал ряд работ по истории, этнографии и филологии мусульманского Востока, написанных на французском и польском языках. С 1833 г. Сенковский известен как беллетрист, сотрудничавший под псевдонимом «Барон Брамбеус» в юмористических журналах.

[60] *Бабер* (правильно: Бабур) Захир ад-дин Мухаммед (1483–1530) – потомок Тимура, сын правителя Ферганы Омар-Шейха. Двенадцати лет унаследовал от отца его владения, но в результате междоусобных войн был оттуда изгнан. В 1525 г., после тщательной подготовки, вторгся в Индию, в 1526 г. захватил Дели и Агру. В дальнейшем, распространив свою власть на большую часть Индии, основал государство великих моголов. Бабур оставил свои мемуары в виде историко-художественного произведения – «Записки Бабура» (Бабур-наме), написанные на староузбекском (чагатайском) языке. Текст его мемуаров впервые издан в 1887 г. Н.И. Ильминским в Казани. Перевод на русский язык (М. Салье) издан в 1948 г. в Ташкенте. Кроме «Записок», Бабуру принадлежит сборник лирических стихотворений «Диван» (издан факультетом восточных языков Петроградского университета в 1917 г.; перевод на русский язык (Л. Пеньковского) издан в 1943 г. в Ташкенте).

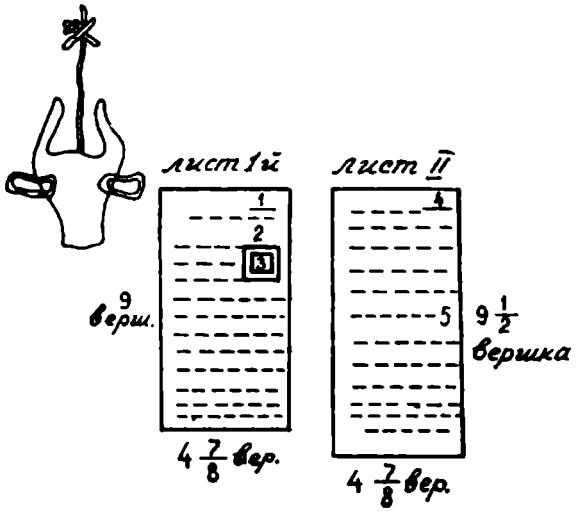
[ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ КНИГИ] ПРОФ. И.Н. БЕРЕЗИНА «ХАНСКИЕ ЯРЛЫКИ»

|| I. Ярлык Тохтамыша-хана к Ягайлу, Казань, 1850.

Ярлык этот был найден в 1834 [г.] князем М. А. Оболенским[1] в Главном архиве Министерства иностранных дел, в числе бумаг, находившихся некогда в Краковском коронном архиве и бывших в руках польского историка Нарушевича[2], и в 1850 году был издан им в Казани, с верным снимком с подлинника (fac-simile) и с замечаниями ученых ориенталистов Френа[3], Шмидта[4], Ковалевского[5], Казем-бека[6] и Гаммера[7]. При этом же издании были приложены снимки с русского перевода, найденного вместе с грамотой, и арабская транскрипция, сделанная г. Казем-беком. Грамота Тохтамыша писана от 795 [г.] гиджры, следовательно, в 1392–1393 г. от рождества Христова 8 числа месяца Раджеба[8].

Ярлык писан на двух листах лощеной бумаги, из которых первый длиной в 9 вершков[9] и другой в $9^1/_2$ вершка; ширина того и другого в $4^7/_8$ вершка. В обоих находится знак бычачьей головы.

Ярлык писан на древнетюркском языке уйгурскими письменами. Первая строка, означенная №1, писана золотом и значит, по чтению Казем-бека «Тохтамыш мое слово», а по чтению господина Березина «Тохтамышево слово», как бы ни было в подлиннике: по монгольской транскрипции Банзарова[10] и по арабским транскрипциям Казем-бека и Березина: по первому توقتاميش سوزم, по второму توختاميش سوزوم; 2-я – печать золотая с надписью куфическими буквами на арабском языке, по чтению Григорьева[11] в середине السلطان العادل توقتاميش и вокруг [легенда] بسم الله الرحمن الرحيم لا اله الا الله محمد رسول الله т. е, правосудный султан Тохтамыш. Во имя Бога всемилосердного и проч. Гаммер переводит так: Le sultan, le juste Toktamisch; au nom de Dieu le clement et etc. и после фразы لا اله الا الله – Dieu est le maitre de l'Empire и замечает, что последняя фраза была, вероятно, девизом этого султана, ибо встречается в его монетах.



|| Для сличения привожу тексты транскрипции Казем-бека и Березина.

Березин

توختاميش سوزوم
يا غايل اغا
اولوغ اورنغا اولتورغان
ير كاى ين انكلاتو قوتلو بوغا
اسان باشلى ايلچى لار ايتوك
ايردى سن داغى كلچينك نى
بيزكا ايتنك اردى بورونغو
ييل بكبولات خوجامدين باشلى
بير نچه اوغلان لار بكيش
توردوچاق بردى داود باشلى
بكلار ادكو اتلى كيشى نى
تيمر كا الدير دين چيقاروب
ايمش لار اول تيل بيل اكلدى
اردى الارنينك ال ا كونكول
بيل اتيل اينيب ايل غارى
قيغان يدا كلكان دا انكلاب
ييغيليب سانچيش ماغا تورغان
دا اول يمان كشى لار بورون
تيبر كان دن ايل تاربيب اول
ايش داغى اول چاقلى بولغان
ير كاىى اول اردى تكرى
بيزنى يارليغاب دوشمان لوق
ا ا قيلغان بكبولات خوچامدين
بكيش توردوچاق بيردى داوود
باشلى اوغلان لار بكلارنى
مونغانال دى امدى بو ير كانو
انكلاتو اسان تووولوخوچا باشلى
ايلچلارنى ايتتوك امدى داغى
بولسا بيزكا باقار ايل لارنينك
چيقيش لارين چيقاروب بارغان
ايلچيلاركا بير كيل خزينه غا
تكورس ون لار بس [بورونغو
يوسونجا بيزير كان اورتاق لار
ينك داغى يوروش] سونلار
اولوغ اولوس نينك توروس ونغا
داغى ياخشى سى اول بولغاى
تيب التون نيشان ليق توتوق
تغغو ييل تاريخ ييتى يوز
دوقسان بيشى دا رجب اىى
نينك سكزينكى دا اوردو دان دا
.ارورداب يتكولميش.

Казем-бек

توقتاميش سوزم
يا غايله خان
اولوغ اورداغه اولتورغان
اير كانين انكلاتو قوتلوبوغا
اسن [حسن] باشلى ايلچلار
يورتوب ايردق سان داخى
كيليچينك نى بيز كا يوروب
ايردن [ايردنك] بورونغو ييل
بيكبولات خوچه مادين باشلى
بيرانخه اوغلان لار بيكش
توردوخاق بردى داوود باشلى
بيكلار ايتوكو اتلى كيشى نى
تيمر كا ايلدر ديب خاغريب
ايرمش لار اول تيل برله كلدى
ايردى الار ننك الاكونكول بيله
تيل اينيب ايلقارى كيچكانيده
كيلكانده انكلاب ييغليب
ساچيشماغه تورغاندا اول يامان
كشى لار يوروب تابار اكاندان
ايل تارباب اول ايش داخى اول
چاقلى بولغان اير كانى اول
اير دى تنكرى بيزنى يارلاغاب
توشمان ليق قيلغان بيكپولات
خوچا مادين بيكيش توردوچاق
بيردى داوود باشلى اوغلانلار
بيكلارنى موغا قيلدى ايمدى
بو اير كايى انكلاتو اسن تولو
خوچه باشلى ايلچيلار نى يور
يديب ايمدى داخى بيلسه بيز
كا باقار ايل لارنينك چاخيش
لارين چيغاروب بارغان ايلچيلار
كا بير كيل قاسين خان تكور
سون لار باخا بورونغو يوز دنليك
بازير كان اور تاقلارينك داخى
يوروش سيلار اولوق اولوس
نينك دوروس باخاداخى ياخشى
سى اول بولغان ديب ايلتدك
ايسن ليق يرليق تووق دينغان
ايل تاريخ يتى يوز توقسان
بيش ده راجاب ايى نينك
سيكزينكى ده اوردو دان ده
ايردكده ديد كتميش.

|| О.М. Ковалевский к Н.А. Полевому[12]. Ярлык писан [в] 1392 году[13], когда Тохтамыш, лишенный престола могущественным разрушителем царств Тимуром, бежал на Дон.

|| Слово Тохтамышево к королеви польскому.

Ведомо даем нашему бра(ту) аж есмь сел на столе великого царства. Коли есмь первое сел на царском столе, тогда есмь послал был к вам Асана и Котлубугу[14] вам дать ведание и наши посли нашли ва(с) под городом, под Троки[15] стоячи вы на послание есте к нам посла вашего Литвина на имя Невоиста Оу другом пак лете стала межи на замятия наш племенъни (к) Бекбулат и Хожа Медин[16] бучинился нам ворог и оуста на на (с) и еще к тым Бекгич и Турдучак Берди Давыд Тикня[17] головнии мои были слуги и тии стали нам ворог и оу мене служаче и почали коромолити на мене послалися одного на имя Идикгия до Аксак Темиря[18] на мене лиго мысляче. По тых посланию по Идикгиеву посольству вышел на мене Аксак-Темирь Железная нога от Чорного Песка[19]. Тогда Аксак пришел так тайно на нас аже не было нам никакое вести а ни слова алиж озрели есмо его оу нашой державе Мы па не поспели есмо и спрятали всее силы нашее только што около на наш двор есть и с тыми стали есмо против того Аксака. Тыи исныи Бекбулат наш ворог нас выдал и побегл о нас. Коли тои лихии Бекбула[т] побегл тогда вси люди вся рать на бег повернулися. То дело потом стало. Бог нас пожаловал опя[ть] наши неприятели ворози дал нам всих оу наши руки. Мы их сказнили так что опять не будут нам пакостити. Ныне послал есмь к вам слуги наши Асана и Тулу-Очжю[20] то поведати вам нашему брату абы то ведали вы што межи тьоее || земле суть княния волости давали выход Белой Орде то нам наше дайте, а што будеть вашее державы под нами а мы за то не стоим вам ищите своего а мы вам дамо. А еще что было межи нас как здавна гостем путь чист и вашим и нашим торговцам. Без приим без пакости всякому члвку и чорным людем промъсл. На то все послали есмо сей наш ярлык и с нашею печатью золотою, абы то крепко было. А той ярлык писан оу Орде на устьи Дону курячьего лета а месяця иричепа[21]. Как отць нашь, какотци ваши были заодно, послы сылали межи собою, а мы такоже хочем с вами быти. Аже будет ва(м) надобе помочь на кого ворога вашего, яз сам есмь готов за того тобе на помочь всею моею силою, а только весть нам дайте. А коли па потом коли нам вы надобе вы нам таковы же будьте.

На обороте первого листа русской грамоты Тохтамыша (эта грамота писана так же на двух листах хлопчатой бумаги, из коих каждый длиною $6^3/_4$ вершка[22] шириною, подобно татарскому, в $4^7/_8$ верш[ка]. На первом из них виден ясно знак бычачьей головы) находится польский перевод: №3.

I nasi poslowie nalesli was pod miastem iednym stoiacych (Имя посла Литвина не означено). Teraz poslalem do was slugi nasze Asana y Tochtulucza, oznaymuiac wam, naszemu bratu, abyscie o tym wiedzieli A co miedzy ziemia twoi sa Ksiazecie wlosci dawali docho Bialey Ordzie, to nam nasze daycie a co bedzie w waszey dzierzawie pod nami, my o to staz nie bedziem szukaycie w sobie, amy wam damy. I co bylo miedzy nami zdawna gosciom gosciniec wolny y etc.

|| В примечании к ярлыку Темир-Кутлука[23] (стр. 23).

Деления на اونك قول и سول قول существуют и у бурутов قرغز.

مشايخ (стр. 27), по переводу автора, духовный судья, у киргизов машаих однозначаще с واليه – святой اوليه, например река Сыр имеет гробницу 40 покровителей-святых, которые называются سرننك قرق مشايخى. Сырнын керк машаих[25].

بو كاول توتقاول (стр. 29). У киргиз есть поговорка از غانه ايلگه بك بولته، از غانه اسقه بوكاول بولمه – не будь беком бедному народу и не будь букаулом малому обеду. Следовательно, букаул значит разноситель блюд на ханском обеде[26].

شوسون (стр. 31. №13– напиток, شوسون بر – дай пить.

قوشچى (стр. 32, №14). Автор перевел птичник, сокольник. В Средней Азии и у киргиз сокольник и знающий это дело называется قوش بك или قوش بكى; под именем قوشچى разумеются прислужники во время похода, род нукеров (قوش – кош, кошевой).

قالا или قلا *1 (стр. 36, №25). Киргизы [теперь так именуют] все русские деревни и крепости, а все туркестанские города, напротив, именуют كنت [кент].

Замечания к книге г-на Березина «Ханские ярлыки»

|| Ярлык пятый*2

Стр. 41, №34. Киргизы тоже делятся на белую и черную кость; белое означает все высокое и благородное, а черное принимается в смысле черни, простой киргиз называет себя кара-казак (простой киргиз).

ساليق или [28] ساليغ (стр. 43). У киргизов-барантовщиков называется место, где оставляют скарб свой и лошадей перед нападением на аулы, род лагеря.

ييل سانى[29] ايلدين (стр. 47, №49). У киргиз есть слово ييل ساين , что значит каждогодно. Принимая слово سانى – за ساين , можно это перевести так: от народа каждогодно...

اوسال [30] (стр. 47, №57) в киргизском языке значит слабый, небрежный, не надежный, худой, اوسال كسى – нехороший, ненадежный человек, اوسال ايشلامك – сделать небрежно, не крепко.

رينجتمك (стр. 48, №62) – опечалить, оскорбить, обидеть.

ارنه (стр. 49, №63) – выговаривается киргизами ارينه и значит: конечно, ارينه سولاى – конечно так.

Ярлык II Сеадат-Гирея[31].

يولاوچى (стр. 51, №45), по объяснению автора: всякий посланный за чем-нибудь. يولاوچى у киргиз – всякий путник и путешественник.

Имена собственные قوجوق، ايتق، تنكرى بردى существуют у киргиз и в настоящее время.

اقتاچى على بى (стр. 54, №99) в киргизской саге Чора (таминец Чора-батыр) есть Актачи-Али-бий, называемый иногда اقتاچيننك على بى – актачинский Али-бий. Этот Али есть бий, по поэме, родоправитель отделения актачи в орде уральских или сарайчикских ногайцев; его род разорен героем поэмы киргизом Малой орды таминского рода, Нариковым сыном, батыром Чорой. Чора – современник Кучума и взя-

*1 Точнее, قلعه – в традиционной орфографии, воспринятой во всех языках, пользовавшихся арабской письменностью.

*2 Тарханный ярлык Тохтамыша от 1391 г.

тия Казани. Слыша о намерении урусов взять правоверную Казань, Чора отправился на помощь падающему царству; дорогой пирует у Кучума, хана Истекского (киргизы башкир зовут истеками или остяками*3) и, не доезжая 12 верст до Казани, пускает стрелу, которая страшным визгом своим ужасает русских и дает знать мусульманам о приближении богатыря кайсацкого.

اوندر – سبا*4 – большой мех с кумысом.

اركه [эрке] – монгольское – власть, сила; у киргиз означает человека, которому мы из любви предоставляем над собою власть. Так называют эрке любимых детей.

توساميش – распоряжение [ведение, управление].

Чингис-хан был у Ван-хана[32] названным сыном – укыли бала или укыли куду. Рашид-эддин[33] говорит, что Эке-Бисур يكه بيسور из племени хорлас состоял с Чингисханом в отношениях друга молодости بقا خونى (по чтению Березина, багаин-хони).

Рашид-эддин говорит, что уйгуры и множество племен уважали и помнили Туку-хана توكو خان, который был в древности великий государь, родился, по преданию, от дерева. Один из найманских ханов Инак-хан-эке*5 в честь его носил имя Туку-хан.

Прозвища цецен سجانك، سجان، ساجان , бахадур بهادر , буйрук مركان мерген, бахши, текин تيكين . Титулы хан, гурхан, ван, гован, нойон, тайши и бек.

Имя одного бека сунитского, состоявшего при Гулагидах[34] было جغتاى كوچك . Когда со смертью Джагатая имя это сделалось заповедным قوريق , его стали называть Сунтай, потому что он был из племени сунит.

Когда заболел брат жены Кабул-хана قبل خان монгольского, то был приглашен татарский шаман. Когда же больной умер, то родственники больного убили шамана.

Слово бай – прозвание тюркское, очень древнее. Первый уйгурский владетель был منكو باى Монкобай. Один из современных Р[ашид ад-Дину] уйгурских беков назывался ايغور باى [Уйгурбай].

Идикут уйгур, вероятно, знал лучше, чем господин Березин.

Под именем انغر جاق и аргамчи ارغمجى надо разуметь не повинность и дары, как думает господин Б[ерезин], а седло и веревки, т. е. [то, что] столь необходимо для степного воина.

Шусун – букв[ально] напиток.

اولاغ – подвода.

Эпитет золотой был в большом употреблении у монголов для обозначения величия, блеска, силы и знатности [например, Алтан хан[35]] – золотой царь, алтан дептер [золотая книга], золотое лицо – التون جوز

Ярлык[36] Давлет-Гирей-хана[37]

اولوغ اولوس ينك او[ن]ك قول ينك وسول قول ينك // تومان مينك يوز اون بلكان اوغلانلر بى لرينكا ايچكى كنت لرينك وشهرلرينك داروغه بكلرينه مفتى ومدرس لرينغه قاضى ومحتسب لرينغه مشايخ صوفى لرينغه امام ومؤذن لرينغه كمى جى و كوبرجى لرينغه قوشجى بارسجى لاربنغه اعمل متصرف لارينغه

*3 Во всех преданиях киргизских Кучум есть хан башкирский, а не султан киргизский. *(Примечание Валиханова).*

*4 *Саба* большой кожаный мех с высокой горловиной (өндір), в котором приготавливают кумыс.

*5 Против этого на полях рукой Валиханова даны: اكه، اقا، بوقا – бука, ака, эке – титулы древних племенных вождей; несколько ниже: фучин فوچين، بيكن бикен.

ديوان بتكاجى لارينغه يورور اشار يولجى يولاوجيلرينغه كوب ايلكا بارجا توزنجا بلكا بلكان لار كا بو كاويل ويساويل لرينغه قيوما ايش اوزره تورغانلرغا بان بو يرليغ بليغ سعادت تيليع خاقانى وتوقيع رفع عظمت ترصع ممالك جهان بانى حكمى اولدركى اوشبو دارنده فرمان همايون مثال بتمثال فرخنده فال دولت منوال قدوت الاماثل والاقران تايغان احمد بى ينك على پاشا اولان برله دعوالو ونزاعلو بولغان يرلرى اوزرينه يرليغ شريف واجب التشريف موجبنجه قدوة العلماء المتورعين وافضل الفضلاء المتشرعين مولانا محمود دام فضله // وزاد افضاله واروب بحسب الشرع كوروب سيزوب النه سجل صورنى ويروب حدود اربعه سى بو در كه ذكر اولنور قره صودن صورت ويريلوب قبله طرفى مونكال باى ينك قره اغاچ وطرفى شرقى على پاشا اوغلان وطرفى غربى ارقا يولينه منتهى طرفى شمالى عبد السلام بى يرينه منتهى بو حدود برله محدود بولغان يرلرينه ومزبور منلا محمودك سجلاتينه كوره وسيزوغى موجبنجه بزدن داغى ال نشانليغ و كوك مهرليغ نامه يرليغ اوتول قيلوب ات تار توب دولت اشكمزدين اتى اوزوب دخى اول حدود ايله ذكر اولان يرلرى انعام وسيورغال ايدوب قولينه بو ال نشانليع و كوك مهرليغ بو ملك نامه نى ويرديم وبيوردوم كه بعد اليوم مزبور احمد بى اول يرلركا متصرف بولغاننده كيم كيمرسه دخل وتعارض ايلميه لر الوغ كيجك سلطانلر بولسونلار واوغلانلر بى لر بولسونلر واوزكه يصاويل قوللريمز بولسونلر دخل وتعارض ايلميه لر رنجيده ورميده بو جانب خاقانمزدن سيورغال وعنايت اولنمش در الار بلكاى لار وجه من الوجوه وسبب من الاسباب ونوع من الانواع مانع ودافع ومنازع اولميه لر ودخل وتعارض ايليانلرى حاكم الوقت اولانلر منع ودفع قيلغاى لار انج كوكل برله تينج اولتوروب بز كا وبزي اوم روغ اوروغلريمزغه دعا والقيش ارتوره تورغايلار ديو قولينه طوته تورورغه يوزوك نشانليغ يرليغ ويريلدى محرمرا شهر محرم الحرام سنة ٩٧٧ [قره صو].

|| Слово Давлет-Гирей-хана*6

Великого улуса уланам[38] и биям[39] правого и левого крыла, начальствующим тьмой, тысячью, сотней, десятком, даругабекам[40] внутренних селений и городов, законоведам, наставникам, судьям, ведателям метрик[41], набожным старцам, отшельникам, священникам, муэззинам[42], ладейщикам, мостовщикам и письмоводителям, проходящим и едущим путникам и путешественникам, многому*7 народу, всем сущим властям, букаулам[43], ясаулам н всем причастным к какому бы то не было делу. Далее, повеление великого и могущественного владыки мира в этом всесильном хаканском ярлыке таково:

вследствие спора и тяжбы за земли владетеля сего августейшего фирмана знатного в роде Тайган Ахмет-бия с Али-Паша-уланом, был послан по священному и обязательному ярлыку знаменитый из скромных ученых и превосходнейший из законоведов Маулана Махмуд (да возвысятся его добродетели), который осмотрел все по законам, сделал чертеж и дал ему (Тайган Ахмет-бию) в руки копию с составленного им акта. По чертежу, сделанному в Карасу, границы с четырех сторон определяются так: на юге – Караагач, принадлежащий Мунал-баю, на востоке – земли Али-Паша-улана, на западе границей служит Степная дорога (Арка юлы), а на севере земли Абу-Салям-бия[44].

Основываясь на удостоверении и на чертеже известного муллы Махмуда, поднес (Тайган Ахмет) к нашему счастливому порогу лошадь и испрашивал от нас ярлык с красным знаком и голубою печатью на земли, определенные вышеупомянутыми

*6 ААН, ф. 23, оп. 1, д. 11, лл. 55, 57–57 об.

*7 Т.е. многочисленному.

границами. Приняв благосклонно лошадь, я наградил и пожаловал ему земли в описанных выше границах, дал в руки это царское письмо с красным знаком и голубой печатью и приказал: дабы на будущие времена никто, не исключая больших и малых султанов, уланов и биев и других, не чинили насилия и обид вышеупомянутому Ахмет-бию, когда он будет владетелем пожалованных земель. Ясаулы и слуги наши также да не делают ему притеснения, обиды, беспокойства и страха, ибо он нашей ханской милостью обласкан и пожалован. Да будет так ведано всем. Воспрещается им под каким бы то ни было видом, на каком бы то ни было основании и какими бы то ни было средствами и путями заводить споры и причинять ему [обиды].

Тех же, которые нанесут ему оскорбление и обиду, местные власти обязаны останавливать, обуздать и удалять.

Пусть он, сидя спокойно, с чистым сердцем воссылает молитвы и благословления за нас и за род наш. Так говоря, для держания в руках дан ярлык с приложением перстеневого знака.

Писано в благословенном месяце Мухаррам лета 977.[45]

Карасу[46].

Комментарии

(Ярлык Тохтамыша хана к Ягайлу, Казань, 1850 г.)

Печатается по тексту ССВ, т. I, Алма-Ата, 1961, с. 131–141.

Черновое начало рецензии на книги проф. И. Н. Березина, вышедшие в 1850–1851 гг. («Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам)». СПб., 1850: «Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея», Казань, 1851). Рецензия заключает тюркский текст ярлыка Тохтамыша к Ягайлу, данный в сравнительной транскрипции Казембека части текста ярлыка на польском языке, приведенные в книге «Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу, 1392–1393 гг.», Казань, 1850, и комментарии Валиханова. Сохранились в виде Разрозненных листов среди бумаг в особой папке, носящей название «Записки Валиханова по востоковедению» (ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, №469, лл. 2–2 об., 3–3 об.). Валиханов не дал своего перевода ярлыка, ограничившись лишь приложением древнерусского его варианта, в котором имеется ряд разночтений и добавления; этот вариант считается двойником дипломатического письма Тохтамыша к Ягайлу.

Листы 7, 8 об., 16 и 16 об. содержат примечания Валиханова к ярлыку Тимур-Кутлука, к тарханному ярлыку Тохтамыша и к ярлыку Саадат-Гирея.

Рукопись дат не имеет, вероятнее всего, что она написана после того как Березин через Костылецкого обратился к Валиханову с просьбой расшифровать некоторые архаические слова, встречающиеся в ханских ярлыках. Из переписки Березина с Костылецким видно, что с этой просьбой он обратился сначала к Костылецкому, но последний не мог дать ему положительный ответ. В письме от 7 августа 1852 г. Костылецкий пишет: «Два письма от Вас – первое с Лещевым и второе с И. И. Захаровым получил и доселе не ответил и я благодарил Вас за присылку «Путешествия по Дагестану и Закавказью» и «Ярлыка Тохтамыша».., что касается, некоторых слов в «Ярлыке Тохтамыша», не поддающихся никакому словопроизводству, то при всем желании моем помочь Вашему горю, я не могу... Правда, я переписываюсь с некоторыми из моих учеников, разбросанных в степи по разным приказам*[1]. Первым из учеников Костылецкого на его предложение откликнулся Ч. Валиханов.

*[1] НБТГУ, архив Г.Н. Потанина № 129/б, л. 5346.

[1] *Оболенский Михаил Андреевич* (1805–1873) – историк-архивист, директор Московского главного архива Министерства иностранных дел. Собиратель и издатель письменных и вещественных источников. Список его трудов опубликован в журнале «Русская старина» (1873, №2).

[2] *Нарушевич Адам Станислав* (1733–1796) – крупный польский историк, поэт, переводчик древних авторов. С 1755 г. профессор Виленской академии. Автор многотомной работы по истории польского народа и работы по истории Крыма с древнейших времен до конца XVIII в.

[3]*Френ Христиан Мартин Йоахим* (в России – Христиан Данилович, 1782–1851) – академик, видный русский востоковед, с 1807 г. профессор восточных языков в Казанском университете; один из основателей, а е 1818 до 1842 г. – директор Азиатского музея Академии наук. После избрания академиком Френ вплотную занялся изучением восточных источников – древних рукописей, монет и надписей.

Х. Френ был выдающимся знатоком восточной нумизматики. Из многочисленных работ, посвященных этой проблеме, до сих пор не потеряли своего значения следующие его сочинения: «De Academiae Imp. Scientarum Petropolitanae Museo numario moslemico...» Petropoli (СПб.), 1818; «Das Muhammedanische Münzkabinett des Asiatischen Museums der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersbursg», SPb., 1821; Recensio numorum muhammedanorum Academiae Imp. Scientarum Petropolitanae...», Petropoli, 1826; Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении...», СПб., 1832; и др. В историю русской тюркологии Х. М. Френ вошел как автор описаний тюркоязычных рукописей и издатель текста «Шаджара-я турк» Абулгази (XVII в.). О научной деятельности и трудах Х. М. Френа см.: *Dorn B.* Das Asiatische Museum der kaiserl. Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. SPb., 1846; *Дорн Б.* Академик Френ и его ученая деятельность.–УЗАН, т. 3, вып. 3, СПб., 1855, с. 429–465; *Савельев П.С.* О жизни и ученых трудах Френа. СПб., 1855; *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики. – Избр. соч., т. 5, М., 1958, с. 71–75.

[4] *Шмидт Яков* (Исаак) *Иванович* (1779–1847) – русский ориенталист, специалист по монгольскому и тибетскому языкам, адъюнкт-академик Петербургской академии наук. Его главные труды: «Грамматика монгольского языка» (СПб., 1831); «Монголо-немецко-русский лексикон» (СПб., 1835); «Тибетско-немецкий словарь» (СПб., 1841).

[5] *Ковалевский Осип Михайлович* (1800–1870) – русский ученый-монголовед. С 1833 по 1860 г.– профессор Казанского университета, а с 1862 г. – профессор Варшавской главной школы. Основные труды Ковалевского: «Краткая грамматика монгольского книжного языка» (1835 г.), двухтомная «Монгольская хрестоматия» (1836–1837 гг.), трехтомный «Монгольско-русско-французский словарь» (1844–1849 гг.), «История монголов», «История монгольской литературы», «История буддизма».

[6] *Казембек Александр Касимович* (Мирза Мухаммед-Али) (1802–1870) – видный русский востоковед; по происхождению азербайджанец, получил схоластическое мусульманское образование. С 1827 г. – профессор Казанского университета по персидской и турецко-татарской словесности, а с 1849 – руководитель кафедры персидской словесности Петербургского университета, член-корреспондент Петербургской Академии наук. Написал труды по истории Кавказа, Персии, Средней Азии и Крыма, по истории ислама; им составлена общая грамматика турецко-татарского языка. Является автором ряда других работ на турецком, арабском и персидском языках.

[7] *Гаммер* (Хаммер-Пургшталь Йозеф) (1774–1856) – австрийский дипломат и историк-востоковед, крупный специалист по истории Золотой Орды. Важнейшие работы: *Hammer-Purgstall J.* Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth, 1840; Geschichte der Ilchane, das ist der Mongolen in Persien. Bd I-II. Darmstadt, 1842–1843.

[8] 8 раджаба 795 г. х. соответствует 20 мая 1393 г.

[9] *Вершок* – русская дометрическая мера длины, равная 4,45 см. 9 вершков составляют около 40 см, $9^1/_2$ вершков – 42,3 см, $4^7/_8$ вершка – 21,7 см.

[10] *Банзаров Доржи* (1823–1855) – бурятский ученый, этнограф и востоковед. Важнейшие работы Банзарова – его диссертация «Черная вера или шаманство у монголов» (1846 г.) – первая научная работа о шаманизме; «Папзе, или металлические дощечки с повелениями монгольских ханов» (ЗАНО, т. II, 1850).

[11] *Григорьев Василий Васильевич* (1816–1881) – русский востоковед, член-корреспондент Петербургской академии наук, исследователь истории, географии и древностей народов Средней Азии и Казахстана. Наиболее значительные его работы: «О скифском народе саках. Историческая монография». (СПб., 1871); «О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству», М., 1842; «Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости» (ЗРГО, 1861, №2, с. 105– 138); «О куфических монетах, находимых в России и прибалтийских странах, как источниках для древнейшей отечественной истории (ЗООИД, т. I, Одесса, 1842, с. 115–166). Издал перевод двух томов «Землеведения» Риттера с комментариями и дополнениями; «Восточный или Китайский Туркестан». Вып. II (СПб., 1873). Главнейшие статьи Григорьева вошли в сборник «Россия и Азия» (1876 г.). Будучи управляющим областью оренбургских казахов, Григорьев посвятил ряд работ освещению истории культуры казахского народа. Он был лично знаком с Валихановым, и большая часть важнейших рукописей Валиханова хранится в архиве Григорьева (ЦГАЛИ, ф. 159, №179).

[12] *Полевой Николай Алексеевич* (1796–1846) – русский журналист, писатель, историк. С 1817 г. сотрудничал в петербургских и московских журналах. В 1825–1834 гг. издавал журнал «Московский телеграф».

[13] Валиханов ошибся в перечислении даты (см. прим. 8).

[14] *Асан* – имя не идентифицировано; *Котлубуга* (Кутлук-Бука)–джучидский эмир, сын Урус-хана, правившего Белой Ордой в 1361–1375 гг. *(Лэн-Пуль Ст.* Мусульманские династии. Пер. с англ. В. В. Бартольда. СПб., 1899, с. 192; МИКХ, с. 42). О посольствах Тохтамыша к литовскому королю Ягайло в 1381 и 1392–1393 гг. см.: *Spuler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland. 1223–1502. Leipzig, 1965, 8. 131–132; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., 1950, с. 324; *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды, М., 1975, с. 152, 211; *Султанов Т. И.* Письма золотоордынских ханов. Тюркологический сборник. 1975. М., 1978.

[15] *Троки* – наследственное владение литовского князя Витовта, захваченное Ягайлом, но затем возвращенное им в 1432 г. в числе других наследственных владений, при назначении Витовта пожизненным правителем княжества Литовского в качестве своего наместника. Город Троки (совр. Тракай) находится примерно в 20 км к западу от Вильнюса.

[16] *Бекбулат, Хожа Медин* (точнее – Ходжам-дин), *Бекгич* (в тексте: Бекиш или Бикеш), *Турдучак* и т. д.– имена не идентифицированы. См. также: *В.В. Бартольд.* Отец Едигея.– Сочинения, т. 2, ч. 1. М., 1963, с. 801–802.

[17] *Тикня* – в тюркском оригинале письма это имя не упоминается. По-видимому, это князь Тегин Ширинский, современник Тохтамыша.

[18] *Идикгий* (иначе – Идигу, Эдигю, Едыге) – бек, эмир племени мангыт, при Тохтамыше занимавший пост «управителя дворца», а после его смерти – фактический правитель Золотой Орды; умер в 1419 г. *Аксак* (букв. «хромой»), *Железная Нога* – прозвища эмира Тимура (1370–1405).

[19] *Черный Песок* – пустыня Каракум.

[20] *Тулу-Очжя* (Тулу-ходжа) – имя не идентифицировано.

[21] *«...курячьего лета а месяца иричепа».* Год курицы по тюрко-монгольскому животному циклу начался около 6 февраля 1393 г. *Иричеп* – искаж. араб. رجب 'раджаб' (7-й месяц по мусульманскому лунному календарю); см. также прим. 8.

[22] $6^3/_4$ вершка составляют 30 см.

[23] *Темир-Кутлук* (Темюр-Кутлуг, Тимур-Кутлуг) – золотоордынский хан (1395–1401), ставленник Тимура, номинально правивший после смерти Тохтамыша.

[24] Деление на «правое» и «левое» крыло (здесь: *оң қол* и *сол қол* – правая и левая рука) среди степных племен Евразии известно с глубокой древности.

[25] *Маша'их* и *аулийа* – оба слова представляют собой первоначально формы мн. ч. от араб. شيخ *шейх* и ولى *вали;* в Средней Азии и Казахстане употреблялись в ином значении и воспринимались как ед. ч. (ср. араб, *сахаба* – см. прим. к «Предания и легенды...»).

[26] *Букаул* – точнее, распорядитель ханского обеда (см. также: *В.В. Бартольд.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. т. I, М., 1963, с. 447).

[27] قوشچى *(кушчи).* Это слово Валиханов объясняет не как «сокольник», а как «прислужник во время похода», и производит его от слова قوش лагерь и قوشچى (кошчи) – служитель лагеря.

[28] سالیغ، سالیق (салық, салығ). Валиханов дает только одно значение этого термина – лагерь, стан. *Салъщ* еще означает подать, налог, повинность, взимаемая ежегодно' (в поздних источниках и актовых документах обычно упоминается в паре с الیق *алық* или الیغ *алыг,* иначе الغوت وصالغوت *алгут ва салгут,* и т. п.). *Салық салмақ* – обложить податью, налогом.

[29] ییل سانی – неверное чтение, правильно прочитано Валихановым: ییل ساین *(йил саин)* – ежегодно. В ярлыке речь идет о неослабном взимании ежегодного налога.

[30] اوسال، اوصال – слабый, непрочный, расшатанный; отсутствие дисциплины. اوسال قیلماینچا – не допуская расхлябанности (разгильдяйства, беспорядочности). Речь идет о дисциплине, покорности, о безоговорочном платеже ежегодного налога. В древнекыпчакских документах это слово встречается довольно часто. Например, اوسال قیلدی – сделал непрочно, с промахом; اوسال سزقیلور – сделал основательно, без упущения (МСМА, ч. I–III. Изд-во АН СССР М.–Л., 1938, с. 271).

[31] *Сеадат* (Са'адат)-*Гирей* [I] – крымский хан, сын Менгли Гирея, правил в 1524–1532 гг.

[32] *Ван-хан* – правитель Восточной Монголии (конец XII в.) из племени кераит, при котором выдвинулся предводитель монгольской аристократии Темучин (Чингисхан).

[33] *Рашид-эддин* (Фазлаллах Рашид ад-дин б. 'Имад ад-даула Абу-л-Хайр б. 'Али Рашид Хамадани, 1247–1318) – государственный деятель, врач и историк при дворе хулагуидских ханов Ирана, в 710/1311 г. составил «Собрание летописей» и многотомный труд по всеобщей истории, первый том которого заключал в себе подробную историю монголов. Этот труд, наряду с «Историей завоевателя мира» Ата-Малика Джувейни (ум. в 1283 г.)[1] является основным источником по истории Центральной Азии XIII в.

[34] *Гулагиды* – искаженное наименование династии Хулагуидов (Ильханов), монгольских правителей Ирана XIII–XIV вв. *Джагатай* (Чагатай) – сын Чингисхана, улусный хан Мавераннахра, Семиречья и Восточного Туркестана (1227–1241), основатель династии Чагатаидов.

[35] *Алтан-хан* (Золотой хан) – прозвище урянхайских князей, владевших землями в Южной Сибири. После XVIII в. их владения частью вошли в Россию и частью – в Китай.

[36] Ярлык Давлет-Гирей-хана сохранился в виде двух рукописных копий – черновика, написанного рукой Валиханова, и белового экземпляра с черновым же русским переводом, сделанным Валихановым. В черновике между строками намечен русский перевод восточных терминов. Публикуется по авторизованной копии – Архив АН СССР, ф. 23, оп. 1, №11, лл. 55–57 об.

[37] *Давлет-Гирей* – хан крымский (1551–1577), внук Менгли-Гирея, племянник свергнутого казанского хана Сахиб-Гирея. Многократно ходил войной на Москву, но во всех походах терпел поражение. Постоянно требовал от царя Ивана IV отдачи Казани и Астрахани, предлагая взамен свою дружбу. При последнем походе в битве под Москвой (1572 г.) крымцы были полностью разгромлены. (См.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского, тт. VIII–IX, СПб., 1892).

[38] *Уланы* (угланы, огланы) – сыновья господствующей феодальной аристократии (ханов и султанов), члены царствующей династии, занимавшие высшие военные и административные должности в Золотой Орде, в феодальных ханствах Крыма, Астрахани, в улусе Чагатая и Белой Орде. Они играли главную роль при обсуждении военных и политических вопросов, поставленных на курултаях и при выборе ханов.

[39] *Бии* – влиятельные родоначальники, пользовавшиеся наследственными правами; в феодальной иерархии стояли на втором месте по рангу после султанов.

[40] *Даругабек* (даруга, в древнерусских документах: *дорога*) – губернатор, наместник золотоордынского хана, главный надзиратель над взиманием повинностей в пользу казны.

[41] *«...еедателям метрик»* – так переведен термин *мухтасибларинга;* араб. *Мухтасиб* означает должность базарного надзирателя, следившего за точностью соблюдения мер и весов, в сословном отношении стоит рядом с *кази* (или *кади*) – мировым судьей.

[42] *Муэззин* (араб. مؤذن *му'аззин;* в русском языке обычно в искаженной форме – *муэдзин,* низший служитель мусульманского религиозного культа, созывающий пять раз верующих на молитву. В Средней Азии и Южном Казахстане обычно назывался азанчи (от араб. اذان 'призыв к молитве' + перс. چی – суффикс деятеля); казах. *азаншы.*

[43] *Букаул* (бакаул) – начальник пограничной заставы, служитель кордона. Происходит от *бäкмäк* – 'охранять, стоять на страже'. Возможно и другое объяснение: от *букмäк* – 'скрадываться, замаскироваться, устроить засаду'. Однако и в этом случае речь идет о кордонной (пограничной) службе. Этот термин нельзя путать с بوكاول – *букаул* (см. прим. 26) – распорядитель ханского обеда, церемонимейстер.

[44] *Абу-Салям-бия* – имя искажено, в тексте *'Абд ас-Салам бия.*

[45] Мухаррам 977 г. х. соответствует 16 июня – 15 июля 1569 г. н. э.

[46] *Карасу* (Карасубазар) – город в степном Крыму, одна из резиденций крымских ханов. С 1944 г. – Белогорск.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ جامع التواريخ *1

|| فصل اول در تاريخ глава первая, история

Повесть: племя огуз разделялось на 24 колена, происшедших от известных его детей, от близких и других родственников, (от тех), которые с ним были вместе. Племена: уйгур[1], к и п ч а к, к а н г л ы, карлук[2] и к и л и ч*2. Эти племена [بولدى] پيدا *3 были. Все это известно на основании мусульманской истории, а также по пятикнижии еврейского народа مسطور ترور. Ной, да будет с ним мир! землю от северо-востока*4 до юга на три قسم [части] разделил: во-первых, Х а м у[3] (его собственные дети были отцами Судана[4] اوز اوغلانلارى سودان اتاسى ايردى) или черных – зенги, его потомки в индустанском государстве; средину отдал Саму, он – отец арабов и фарсов; (персияне) или аджем и арабы – его потомки; третий, который (суть) Яфес – отец тюрков, иначе некнижные[5] народы, на северо-востоке его потомки. (Так) Яфеса на восток отправил. Термины могулы и тюрки стали употреблять впоследствии, ибо тюрки Яфеса Абульджа-ханом называют ابولجه خان совершенно не зная, что этот Абдульджа-хан собственный сын Ноя, да будет с ним мир!

С того времени все могулы-иснаф*5 и тюрки в степях сидячие его потомки. Его пояснения в таком виде представляются (تقرير قلينىدى Абульджа-хан, сидящий в сахаре, был صحرادا اولتوروشلق. Его летние кочевки Уртаг и Кортаг[6], называемые горы, были, которые очень великие и высокие были. В тех местах город стоит [под именем] Анджа-Там[7] اول يرلاردا شهر ترور انجاتام и зимовки его в том месте находятся*6 تورور; название мест: Юрсук[8], К а к т а н и К о р к у р у м[9] يورسوق، قاقتان و قرقورم , а назвали Каракурум[9] впоследствии. Город Талас[10] и Кари-Кирм[11] طلاس قارى قرم улерка юкрак трур*7. Оный город древний и очень великий. Которые كيم ايرسنا видели, говорили, (что) у того города от начала до конца в окружности на ц е л ы й д е н ь, имеет 40 ворот. В настоящее время то место полно мусульманами и мусульманам принадлежит. У этого Абульджа-хана был сын именем Д и б - Я к у й. Значение, смысл д и б –

*1 Джами ат-таварих. Сборник летописей (Жалаири). Библиотека восточных историков, Изд. проф. И.Н.Березина. т. II, ч. 1. Казань, 1854.

*2 У Рашид ад-дина: *калач*

*3 В тюркском подлиннике بو خلق لار پيدا بولدى – эти народы появились.

*4 В книге «Сборник летописей». История монголов. Сочинение Рашид-эддина. Введение о турецких и монгольских племенах. Перевод с персидского с введением и примечаниями И. Н. Березина. ТВО РАО, 1858. ч. V, (в дальнейшем: изд. И. Н. Березина) написано: *от юга до севера*; в книге: *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I, кн. 2. Изд. АН СССР, М.–Л., 1952 (в дальнейшем: акад. изд.): *с севера на юг.*

*5 От اصناف *(аснаф)* – племена.

*6 В рукописи описка: يورور – живут.

*7 Поблизости находятся от того места.

высокое место престола, якуй – великое, сильное и счастливое племя قوم у этого сына (Абульджа-хана) воинские снаряды شوكت اسبابى и царствование, и все было выше. От сего отца 4 сына; их имена Кара-хан, Ур-хан, Кор-хан и "Коз-хан قراخان، اورخان، كزخان، كرخان. || Вообще مجموع то племя было неверное, Кара-хан в былых местах отца жил اتاسى يورتوندا. В том месте родился сын Кара-хана.

Затем повторяется общая басня о рождении О г у з а и о выборе им жен. Огуз женился на двух красавицах, но оставил в почтительном отдалении يراق دا что они не хотели уверовать в единого бога н е б а, и полюбил, и женился на третьей сестре, кузине своей, предварительно поговорив с ней об условиях своей любви; она должна была поклоняться и верить в единого бога. Встретил эту баснословную принцессу на берегу реки, гулявшую со своими рабынями, которые мыли белье. Говорится о войне его с отцом, очень сходно вообще с повествованиями Абуль-гази и Шейбани-намэ. Война продолжалась 75 лет, наконец, Огуз واولوس لشكرنى تمام جاميش قيلدى. عافيت الامر اوغوز انلارغه غالب بولدى، انلارننك ولايتلارين تاتلاش صيرم دين بخاراغه ديكاچ الدى، بارچه سى اوغوزغه مسلم بولدى все покорил от Татлаша[*8] и Сайрама[12] до Бухары. «Те народы, которые с братьями и с детьми были отдельно, разно от Огуза باشقه они северо-восток[*9] сделали местопребыванием; все вообще могулы их потомки». В то время они (могулы) все были кяфиры[*10], впоследствии их роды большим племенем сделались. Когда Огуз народ себе подчинил и на царство вошел, в том месте поставил золоченый[*11] [шатер]; сделал великий праздник (торжество) и своих родственников и почетных в места посадил, всем подарки и честь воздал, и все войска свои в свои места поставил, а со всем народом – племенем خلق قومى بيلان в правой стороне был: уйгуры название дали: Баят بايات могущество и довольство; тамга ункун[*12].

جامع التواريخ، غازان، 1851.داستان اوروس خان || [*13]

В те времена, о которых мы повествовали, Чингис-хан разделил войска между детьми своими, дав каждому по четыре тысячи. Этому Джучи[14] дал четыре тысячи войска. Он умер на Волге, и все его войско досталось второму сыну его Бату[15], этого Бату Саин-ханом называют. Он, Саин-хан, всеми западными странами, народами Ибирь – Сибирь, Буляр بولار (Булгар), башкирцы باشغردنى, русские, черкесы, немецкий курал نمچ كورال Крым, Дешт-Кипчак до Темур-капка[16] называемого управлял. Сам اوزى также на берегах Волги смерть нашел. После многих случаев улус достался Тохтагу-хану. Тохтагу тогда был не в ладу с Ногаем[17] (توقتاغه نوقاى); много раз с Ногаем сражение чинил, наконец, بالاخر сломал Ногая. С семнадцатью некоторыми كيم ايرسا Ногай бежал к башкирам باشغردغه كلار, хотя и был болен. На дороге русские схватили:

[*8] В изд. И.Н. Березина: *Телаш,* в акад. изд.: *Талас.*

[*9] В изд. И.Н. Березина и акад.: *они поселились на восток* [от Огуза].

[*10] Неверные.

[*11] В тюркском подлиннике за этим словом следует خرگاه – шатер.

[*12] Далее Валихановым опущен перевод текста тюркского оригинала (с. 25–70), содержащего историю тюркских племен. Автор сразу перешел к изложению событий, происшедших в XIV и XV вв.

[*13] Сборник летописей. Казань, 1851, повествование об Урус-хане.

русским сказал – я Ногай; когда русские схватили и везли его к Тохтагу, в дороге вдруг он умер اوروس توتب توقتايغه[14]* اليب كيلاتور ايردى يولدا اوق اولدى . Тохтагу несколько лет государем был на Волге, после чего اندين سونك Тохтагу умер. اول توقتايغه نچه ييل لار پادشاه لق قيلدى ايديل بويونده، اندين سونك توقتايغه اولدى . Из его рода никто не остался. Бачкир-бек при Токбуге великим эмир-беком сделался باشقو توقبوغا بيكى اولوغ امراء بيك يولدى я читаю последнее слово يولدى словом بولدى [был]; после Хуразми-беком был خوارزمى Муса[18] с Ямгурчой[19] от одной матери были. После сего сын Ямгурчи Агиш[20] اغيش беком были улусом он управлял اولوسنى اول بيلادى я читаю اولوسنى اول بيلادى; после Хасан[21] был, но улусом управлял Алчагир-мирза[22] الچغير مرزا после Хасан-бека Шидак[23] سيداق сын Муса-бека был беком. После Шейх-Мамай[24] мирза улусом управлял, но беком не был. После этого беком [стал] сын Мусы-бека Юсуф-бек[25]. После (опять) сын Мусы Измаил[26] был беком, и после бекство не выходило из рода его до наших времен, но другие с почестей сошли все.

داستان حاجى محمد خان بن بيك قوندور اولان[15]*

Было время, когда Кадырберды-хан[28] قادر بردى с Эдиге-беком сражение чинил; из Яика выходит речка Илек*[16], от него три ключа выходит*[17] اندين اوچ بورته چيقار . Из этих трех ключей на среднем Кадырберды-хан с Эдиге-беком страшную сечу سنچش чинил. В то [время] Хаджи-Мухаммед был еще уланом. Один народ другого начал побеждать بر ولايت بر ولايت قه اوتوب بارور ايردى[18]* . Узунбулак-баhадур был высокого роста (написано так سنليغ ايردى، اوزن بولاق بهادور يويلوق я читаю: سنليغ بويلوق ايردى).

|| Стрелы (его) были очень длинны; после Эдиге-беку сообщили: его Идиге перед себя позвал и спросил: «Откуда и куда идешь?» Он отвечал: «Я иду в народ куральский كورال ولايتى». Эдиге сказал: «Ты будь со мной, если бог поправит мое дело, я сделаю тебя ханом». Он согласился, и в этом походе Хаджи-Мухаммед-улана в войске مقدمه *[19] сделал. Страшно бились. Кадырберды-хана из золотого лука косо подстрелил قادر قادر بردى خان نى التونليغ قوللوغين كسا اتتى ; я читаю بردى خان نى التونليغ قوللوغين كسا اتتى قول اوغيمن , после этого пал и Эр-Куша ير كوشه ; его Нукас-Алтун-баhадур убил. Между потомками Узбека сказание следующее: говорят будто Идиге-бек тоже убит, Мансур[29] сделался беком и Хаджи Мухаммед-улана сделал ханом; один ханом, другой беком быв, жили, в повествованиях известны между узбеками (اصلى يا اوزبيك). Мансур-бека убил Барак-хан[31], после того Хаджи-Мухаммед-хана[31] в один день тоже Барак-хан убил (يراق خان; я читаю براق خان) еще Хаджи-Мухаммед-хана сын Махмутек[32] محموتك ханом был, его сын Кулук قولوق хан, его сын Ивак[33] يباق хан, его сын Муртаза[34] مرتضى хан, его дети: Джан-Кирай – جان كراى سلطان , Акмет[35] اقمت كراى (читаю احمد كراى), Кирей-султан и К у ч у м - х а н. Потомство Хаджи Мухаммед-хана кончается.

---

*[14] توقتاى Токтай. (уменьшительная форма) от توقتاغو – Токтагу.

*[15] Сказание о Хаджи-Мухаммед-хане, сыне Беккондор [Беккондыі]-улана[30].

*[16] Так в тюркском подлиннике. Точнее: р. Илек впадает в Яик; (Урал).

*[17] Точнее: в него (Илек) впадает три ключа под названием Борте.

*[18] Можно читать и так: *перемешались пределы вилайетов* [провинций] .

*[19] مقدمه – предводитель, главнокомандующий.

داستان بولخایر خان بن تولوشیق اولان [*20]

Булхаир-хан[36] в государствах: Ташкенде и Туркестане государем был. Его гробница в городе Сигнаке سیغناقدا его, сын Шах бутак-султан شاه بوتاق سلطان . Булхаир-хан был с сыном Нуреддин-мирзы[37] (написано نورادین нужно نورالدین) Укас-беком[38] в большой дружбе; говоря так, что из одной чашки пили[*21] [мёду], один из одного края, другой из другого, и говорят, что в одно время один хан [ом], другой беком был تیورلار (я читаю ایتورلار) еще, сын Шахбутак-султана Шибак-хан, его сын Тимур, его сын Кукбури کوك بوری от него Кучум; Союнджек и Габдулла-хан тоже Булхаира-хана потомок, его сын Борhан برهان хан, Джанибек-султан тоже из рода Булхаир-хана; его сын Искандер-хан, его сын عبد الله [Габдулла]-хан. Кучум-хановы дети عبد اللطیف [Габдуллатиф]-хан, его сын ذوالنون [Зуннун] султан, султан Сейт-хан, Джумарт-хан султан. Султан Мухаммед-хановы дети (в подлиннике: سلطان سید خان جومارت خان سلطان محمد سلطان محمد سلطاننك اوغلانلری ترور... سلطان ترور قاچوردی شمال طرفیغه اچلیق سوسالیق ترور, я читаю بولوب یورور ایردی .

Эти строки нельзя иначе понять и перевести как султаны...бежали قاچوب ایردی на запад[*22] شمال طرفیغه в голоде и жажде будучи там находились: سونك تاپاقراول صالدی یتم بهادورنی اندین وغیری в караулы поставили Ятым-баhадура یتم بهادورنی после Тубол-баhадура توبال بهادور и после аргына Караходжу ارغون قراخواجه Сами же с несколькими нукерами[*23] (беспечно) лежали[*24].

[*20] Сказание о Булхаир-хане сыне Тулушик-улана.

[*21] В тюркском подлиннике: بر عسلنی – меду.

[*22] Описка, следует: *на север.*

[*23] *Нукер* – воин, дружина.

[*24] Повествование о нападении Едиге на султанов оставлено без перевода.

[*25] Имя отца Тулушик-улана в جامع التواریخ *(Примечание Валиханова).*

[*26] Имени отца Абулхаира по Шейбани-намэ не значится и на генеалогической таблице потомков Шейбани-хана означено точками. *(Примечание Валиханова).* В Шейбани-намэ принято написание отого имени через а: Абулхаир-хан. *(Примечание Валиханова).*

[*27] Одинаково как в Шейбани-намэ и جامع التواریخ *(Примечание Валиханова).*

[*28] В Шейбани-намэ – Мухаммед Шибани-хан. *(ПримечаниеВаликанова).*

Тимур*29	Губайдулла	Джанибек султан*31	→ Зюлнун-султан,
↓	↓	↓	
Кукбури-сул.	Борhан-хан	Искандер-хан	→ султан Сеидхан,
↓	↓	↓	
Кучум*30	Сюнджек	Габдулла-хан	→ Джумартхан-султан
			→ Мухаммед-султан

|| Идиге Кучуков сын ايديكه كوجوك اوغلى Нуреддина-мирзы войска был مقدمه; нашед врасплох караул Ятим-баhадура, и всех, всех (برين برين – выговаривается барин) убил, хан сам в неведении был, так убили كل شىء هالك الاوجهه له الحكم واليه ترجعون*32.

Известные и знаменитые дети хана Тохтамыша توقتامش суть: 1. Джелалледдин-султан, 2. Кучук-султан, 3. Джапар-берды جفاربردى султан, 4. Калимберды كليم султан, 5. Кадырберды-хан, а дочь называли Джанике جانيكه, ее Идигебий взял ايديكه بى الدى (в супружество). Когда Идиге-Кучук (?) взял Джанику ايديكه كوجوك جانكه نى الغاندا, Кадырберды-хану было 3 года. Джанике выпросила его у Идиге-бека и однажды с одним или с д в у м я براو ايكاو секретно в Крым отправила. И после 11 лет, будучи Кадырберды-хан с крымским войском через Волгу-реку перешед (اوتالجيب) с Идиге-беком сражение учинил и в одной битве Идиге-бека убил. Крымского войска главные вожди говорили: «Этот год: лето здесь прокочуем, лошадей в тело приведем, тогда для битв силы и возможности будут более (قريم لشكرى امرء اولوغ لار بوييل يازغى سين يايلامش قيلاليك اتيمز سيمور تالنك تا اوروشقه قوت شوكت پيدا بولغاى).

Это очень не понятно и нет смыслу, я прочитал так: قريم لشكرى (ننك) امراء اولوغ لارى ايدى لار بوييل يازغى سين; это лето يايلاو قيلالنك اتمز؛ лучше اتيمر и т. д.

بموضع когда зимой قشقيسن пойдем, то и Волга замерзнет сказали. Эти слова не понравились [اول سوزنى يراتمادى]. Волга замерзнет – кто же не пройдет, Идиге умрет – кто не пойдет; ايديكه اولسه كيم بارماس *34 [ايديل تونكسه كيم كچمك :مصراع تركى*33. Волга скоро не замерзнет, Идиге скоро не умрет. Подобные заклятия خروج совершив, страшное сражение начали, Идиге был ранен, хан тоже с раною был, два войска между собою сошлись (покончили) مصاف قيلشتى*35 Ичкилин сын ايچكلى اوغلى Хасан39 держал اختيه اتين*36 Идигебия. Известив Кадырберду-хана, что Идиге здесь находится: пришел и убил. Кадырберды-хан тоже от той *37 [раны] вскоре после того, несколькими днями позже, умер.

---

*29 В Шейбани-намэ – Мухаммед-Тимур-султан и сыном его назван Фулад-Султан, а Кукбури-султан внуком. *(Примечание Валиханова).*

*30 В Шейбаниаде его нет. *(Примечание Валиханова).*

*31 О предках Джанибек-султана в جامع التواريخ не говорится. Джанибек-султан тоже из рода Булхаир-хана. *(Примечание Валиханова).*

*32 Коран, XXVIII. 88: «Каждая вещь гибнет, кроме Его лика. У Него решение, и к нему вы будете возвращены» *(перевод П.Ю. Крачковского).*

*33 مصراع تركى – тюркское двустишие.

*34 Описка точнее كيچماس.

*35 Сражались.

*36 Мерина Едиге.

*36 В тюркском подлиннике: زخيم دان – от ранения.

Тимур-Кутлук داستان تيمر قتلوق خان بن تيمربيك اولان [*38]

На Идиле (Волге) есть государство Хаджи-Тархан (Астархан) حاجى ترخاندا о нем сказания в хрониках, в разных местах следуют. С Идиге-беком он, Тимур-Кутлук, один хан, другой бек были. [Спустя] несколько времени[*39], большое потомство оставив, отошли (в тот мир). У Тимур-Кутлук-хана сын Тимур-хан, его сын Пулад-хан, его сын Кичик-Мухаммед-хан, его сын Ахмед-хан. У Ахмед-хана от трех жен было 9 сыновей. Вот они: سلطان حسن مرزاننك قرنداشى بيكاى بيكم دين توغان от сестры Султан Хасан-мирзы [Бикей-бикем] родились: Мурта з а - х а н, Идиге-султан, Хусеин-хан, Даулет-султан; от Бер-бикема بر بكم – Шейх-Ахмед-хан, Кужак-султан; قوجاق Джанай-султан; от Уйшун-бикема اويشون بكم – Сеид-Махмуд-хан, Сеид-Ахмедхан и Баhадур-султан; Улуг-Мухаммед-хана дети: Махмутек-хан, в казанский народ отправился, его сын Ибрагим-хан, его сын Махмет-Амин-хан, Габдуллатиф-хан и Кауhаршад-ханым كوهر شاد خانيم;

|| у Кичик-Мухаммед-хана [еще] были Махмуд-хан, Ахмед-х а н, Якуб-султан, Бахтияр-султан. Тимур-Кутлуково потомство кончено.

О Хаджи-Гирей-хане[40] داستان حاجى كراى خان сыне[*40] Дулук-Кияс-улана دلوك قياس, Даулетходжа-улана, Таштемир-улана, Темирходжа-улана, Кара-Куяс-Кобеджек-улана قره قوياس كوباجك اولان. После убиения старшего брата Хаджи-Гирей-хана Джан-Гирей-султана[*41] он в бегах будя, у Чакырганбая в услужении جاغرغان بايغه находился; беки, между собою в несогласии идя[*42], нашед его, Хаджи-Гирей-султана, в ханы избрали року[*43], 906 (от гиджры) в месяце جمادى الاخر[*44]. В роде султан сын султана Али-Кул-Чора башлык قل چورا; из рода оймас Балтадж-бай باى بالتاج باى اويماس ايلى ننك с 10 человеками; рода качи Кошай мастер с 10 чел. كاجى ايل ننك قوچاى اوسته; рода срда Кул-Алибай – 10 чел. سردا ايلى ننك قلى على باى; рода чижик Ямгурчи с Кизил-Куртом چيجيق ايلى ننك يمغورجى بيله قزيل قورت 10 чел; рода шабчи Джан-Чора-бек в 10 чел. شابشى ايلى جان جورابيك; рода уанта с родом нурма [из] Кул-Урус[а] и Алика в 10 чел. ونته ايلى بيلان نورمه ايلى ننك قل اوروسى داغى عليكه ; шейх-заде рода Колуш-мирза в 10 чел. قولوش; еще 10 чел. из рода акчора; 4 дома кибак-черемыс تورت اويلى كيباك جرمس из рода таклы Мухаммед-бек تكلى в 10 чел.; из Старого юрта Джадигер-бай, Касым-Сеид-бай в 10 чел. جادكار; из рода кара-даулет [Кунак-уста] قوناق اوسته в 10 чел. خيربى ايل ننك بخشنده حافظ، بر اون كشى[*45] от карагайши Тушанак в 10 чел. توشاناك; рода темирчи Ногай, сын мастера, в 10 чел. чел. Вот которые привезли и избрали в ханы Хаджи-Гирей хана. Конец تمام.

[*38] Сказание о Тимур-Кутлук-хане, сыне Темирбек-улана.

[*39] В тюркском подлиннике: نچه وقت قه ديكاچ

[*40] Сказание о Хаджи-Гирей-хане.

[*41] В тюркском подлиннике: قونكرات بيكلار[ى] اولتوركاندين سونك после убиения конратскими беками.

[*42] В тюркском подлиннике: بيك لار اوز ارالاريندا برى برين اولاشا المای беки, между собою не имея согласия...

[*43] То есть году.

[*44] Название шестого месяца мусульманского лунного календаря.

[*45] Из отделения хаирби Хафиз в 10 чел.

||...*46 называемый был. Этот терме – بوترمه (?) на Идиль-Джаике*47 [появился]*48. Его сын Кзиджи قزيجى*49, он на Идиль-Джаике, его сын Ислам-Кия اسلام قيا. он тоже на Идиль-Джаике, его сын Кадыр-Кия قادر قيا он тоже на Идиль-Джаике, его сын Кутлу-Кия قوتلوقيا, он в Кумкенте قم كنت, его сын Идиге-бий, да будет над ним благословение божие! رحمت الله عليهم اجمعين. (Оного) Кутлу-Кия Урус-хан اوروس خان сделал шahидом. Но اما у Баба-Тукласа بابا توكلاس было [еще] 4 сына. Один был государем پادشاه в Кагбе*50, другой лежит около Кагбы, а третий (еще другой) лежит в Хиве اور كانج, а четвертый – в Крыму, на Уч-Утлуке قريم دا اوچ اوتلوكدا. По другому сказанию روايت, у Баба-Тукласа (более) известных детей было три: один именем Абас عباس, на правой стороне Кагбы, другой – Габдул-Рахман-ходжа خواجه, он тоже лежит в Кагбе; еще другой же, имя его Терме ترمه, он [на] Идиле-Джаике [появился]*51. Сеиду-Накибу سيد ناقب из гроба пророка, посланника божия صلى الله да будет над ним мир! подали голос; второй Алем Муртаза-Сеид علم مرتضى سيد; третий – высокочудный عزيز كرامت отец Баба-Тукласа. Когда Узбек اوزبيك сделался мусульманином, отправил в священную Кагбу Узак-Чору, тогда, привезши этих трех мужей, сделались мусульманами.

Идиге-бек بيك управлял улусом Тохтамыш-хана, его деяния حكايت в разных местах, в его дастане, в книгах должны быть. В подлиннике: اننك حكايت لارى اوز استانيدا هر يردا شرح كا تيلاسا كيلور; я читаю: вместо استانيدا – داستاندا; тоже بموضع на берегах Волги ايديل بويندا отошел. Его (потомство) род до Тагаята великим родом отошел. В наше [время] из него явился Уку-Шрак اوكو شراك. Едиге-бек на 63 году смерть нашел от раны, в битве (с) Кадырберды-ханом... (Они) были знаменитые مشهور дети, во многие времена (великими) многочисленными быв, отошли.

Дастан Ураз-М у х а м м е д-х а н а, сына Ундан-султана[41] сына Шигай-хана, сына Ядек-хана, сына Джанибек-хана, сына Барак-хана, сына Куйручук-хана[42], сына Урус-хана.

Время, которое объявлено*52 ابا واجداد [предки] Ураз-Мухаммед-хана со всеми родрородственниками اوروغ قريندااش в одну пришлись, [كيلدى] داستاندا قلم دا*53 ибо نچوك كيم от Урус-хана до Джанибек-хана четвертое колено بطن В то время ان زمان (т. е. впереди) было сказано, теперь также объявляем, [что] его [Джанибеков] дети до внуков многочисленной фамилией (родом) отошли; تا [та] до настоящего времени много известны (и сильны) معلوم مذكور (смысл этих слов почти один – явны, известны). Они, каждый из них, несколькими родами будучи برار اوروغ بولوب , в своих владениях

*46 Пропуск в тюркском подлиннике.

*47 Слово ايديل جايق [Идиль-Джаик] употреблено здесь как название страны по Яику и Волге, т. е. равное названию Кипчак. В преданиях и сказках киргиз [казахов] страна, где была Золотая Орда, называется не иначе, [как] Идиль-Джаик. *(Примечание Валиханова).*

*48 В тюркском подлиннике: حاصل بولدى .

*49 В изд. И.Н. Березина описка: قريجى .

*50 *Кагба (Кааба)* – священный храм мусульман в Мекке

*51 В тюркском подлиннике: حاصل بولدى.

*52 В тюркском подлиннике: اين زمان كيم ياد قيلندى

*53 В одной повести изложены.

ولايت государями быв, в счастии отошли (вместо پادشاهليق بيليب я читаю: پادشاه ليق قيلوب نامدر بولوب اوتتى لار ; их نام*54 объявлен и кончен. [Дети Джанибека] первый Касым-хан قاسم خان, родившийся от Джаганбикем جغان بيكم, изрядное время в улусе отцовском он царствовал, все окрестные народы себе обратил. Его деяния в разных местах будут*55 известны и многочисленны*56. Конец концов в Сарайчике смерть нашел. И теперь его (بو كوندا انينك , я читаю بو كون انينك) гробница в Сарайчике [находится]. Его сын Акназар-хан حق نظر родился от Ханык-султан-ханши خانق سلطان خانم; его деяния явны и многочисленны. Акназар-хан в междоусобиях смерть нашел, его потомство уже не царствует انك اوغلان لاريدين پادشاه ليق بو كون تايدى .

К а н б а р-с у л т а н во всех случаях هر حالدا был с Касим-ханом вместе (за одно), был главнокомандующий войсками مقدمه لشكر. Его отродью نسلى گا царствовать не пришлось پادشاه ليق تيكمادى .

Уса к-х а н اوساك خان. Его сын Булат-султан; им царство не далось پادشاه ليق تيكمادى; конец концов, Булат-султан с детьми в драке ногайской نوغاى اوروشيندا шаhидом сделался.

Современник Касим-хана Д ж а д е к-х а н جاديك خان в битве с Шагим-мирзой[43] на Змеиной горе ييلانلى توبادا с одним или двумя بر بر اوغلى برلان сыновьями сделался шаhидом. Его гробница в Хиве, на Бакырганате стоит بقير غان اتادا [ترور], там погребли دفن قلديلار.

У Джадек-хана жен и наложниц много было и детей было тоже много; более известные и славные дети نامدار مشهور суть следующие: Т у г у м-х а н توغوم خان, Букей-султан بوكاى , Шигай-хан شيغاى, М а л и к-султан. Мать этих двоих (последних) была Абайкан-ханша. Тугум-хан, дети его называются девять рыжих توقوز سارى (в подлиннике: توغوم خان، انينك اوغلانلارى توغوز سارى تيب ايتورلار т. е. Тугум-хан, его дети девять рыжих называются); с сыном Малика Башикен*57-султаном с девятью рыжими сыновьями в пределах Джагата сделались шаhидами جغات حديندا; Утузти اوتوزتى султан известен и славен معلوم مشهور. От Букея-султана не было потомства. Бауш-Буйдаш-хана باوش بويداش сын был Адик-султан اديك, его сын Буйдаш-хан. Потомство Адик-султана известно под названием Бишугул – пять сыновей. Буйдаш-хан и все члены фамилии Бишугул – 24 султана в битве с сыном Барак-хана Дервишем сделались шаhидами.|| اما بويداش خان براق اوغلى درويش خان توقوشيندا تمامى بيش اوغول نسلى يكرمى تورت سلطان اندا شهيد بولديلار . Пяти сыновьям не пришлось царствовать, اما но в том народе اول ولايت دا некоторые (из них) недолго ханами были, но не замечательны и не известны اما برانجه اول ولايت دا كلته خانلار بولديلار، نام معلوم مشهور بولمادى*58. Бурундук-хан بوروندوق его род лишился сана بوروندوق خان ترور، انينك نسلى مرتبه دين توشدى . Ахмед-хан احمد خان; Узбек, иначе Ахмед-ханом называемый, он тоже некоторое время ханом был, в битве с Шидак-беком шаhидом сделался, Урак-мирза اوراق مرزا шаhидом сделал*59.

---

*54 نام здесь в смысле славы.

*55 В тюркском подлиннике: كيلور – встречаются.

*56 В тюркском подлиннике: معلوم مشهورترور известны и прославленны.

*57 В тюркском подлиннике: باشبيك Башибек.

*58 كلته خان لار купые ханы.

*59 Далее в тюркском подлиннике следует рассказ о Тахир-хане. *(Опущен Валихановым).*

Шигай-хан, его شيغاى خاننك деяния и всегдашнее богатырство известны и замечательны. Конец концов بر بولوب*[60] смерть нашел. Его гробница (и) теперь в Кмушкенте كموش كنت под покровительство Али-Ата погребли على اتانينك پناهندا دفن قلديلار. У Шиган-хана жен было много, известных и замечательных было три орды*[61], от них родившиеся дети следующие: С е и д к у л-султан سيدقل , У н д а н-султан اوندان , от Алтун-ханым-баим-бикем التون خانم بايم بيكم [родились]; Тукай-хан توكاى خان, Ишим-султан ايشيم, султан Сабирбек صابر بيك – ханша*[62], мать этих трех от Джагатовой Яхши-бикем (они) родились. Али-султан, Сулум-султан صولوم, Ибрагим-султан, Шаhим-султан شاهيم мать их*[63] от дочери Бурундук-хана, от Дадам-ханым родилась اناسى بوروندوق خاننك قزى دادم خانمدين توغان ايردى. Унан*[64]-султановы деяния в разных*[65], если желаете تيلاسا, будут; [он] чрезвычайно великий بسيار اعظم بهادر богатырь глубок был*[66]. (Всегда) во всех случаях и в натягивании (всякого) лука [он] чрезвычайный богатырь был*[67]. Во время Шигай-хана [он] начальником войска был. Его деяния حكايت известны и явны. Конец концов, (его) калмыки сделали шаhидом, [в] 30 лет смерть нашел. Его гробница [находится в Туркестане] под убежищем Ходжа-Ахмед-Есави, да будет милость божия! [там] его погребли*[68]. У него жен и наложниц было много. Разные народы покорил и у меж себя тоже взял اوز ارالاريندان هم اليب ايردى. Известных и замечательных орд*[69] у него было две. От них родившиеся дети следующие: Алтун-ханым, Усяк-хана сына, Булат-султана дочь, от нее родились государь ислама [Тевекель- хан], Ураз-М у х а м м е д-х а н, Татлы-ханым تاتلى خانم , Чуюм-ханым چويوم خانم дочь Кимсен султана, сына Бурундук ханова كيمسين سلطان , от нее родился Куджек-султан كوجك; он у государя ислама, Тевкель-хана, начальником войска был, он в том народе по сие время обретается*[70].

---

*[60] По-видимому: پر بولوب – став святым угодником.

*[61] *Орда* означает кибитку ханскую. Почтенные жены имеют свою кибитку. Киргизы и теперь, желая спросить сколько у султана жен, спрашивают: сколько у султана *орд* (юрт). *(Примечание Валиханова).*

*[62] Должно быть неправильно поставлено. Султан Сабирбек – ханша: нельзя понять. Следующие слова доказывают, что слово خانم не должно быть [т. е. лишнее], этих трех мать от Джагатовой Яхши-бикем родилась. Можно бы читать так: ханша, мать этих трех, родилась от Джагатовой Яхши-бикем توكاى خان، ايشيم سلطان، سلطان صابربيك خانم بو اوچوسى نينك اناسى جغات ننك بخشيم بيكم دين توغان но это оборот, не свойственный татарскому языку. *(Примечание Валиханова).*

*[63] Слово мать их اناسى совершенно лишнее и препятствует правильному чтению, как предыдущее بو اوچوسى‌نينك اناسى خانم. Если отбросить эти слова, то читается очень понятно. Слово اناسى и т. д. بو خانم придает мысль будто ханши – матери этих султанов – родились: 1-я от дочери Яхши-бикем и вторая от Дадим-ханым, дочери Бурундук-хана. *(Примечание Валиханова).*

*[64] В тюркском подлиннике: اوندان – Ондан.

*[65] В подлиннике: هر يردا – в разных местах.

*[66] В подлиннике: تيرانداز بهادر ايردى – богатырем-стрелком был.

*[67] Я читаю: ياغى كرلكدا – كرمك – глагол, употребляемый у киргиз, значит натягивать, растягивать. *(Примечание Валиханова).*

*[68] انينك قبرى تركستاندا خواجه احمد يسوى [رحمت الله عليه نينك پناهندا دفن قلديلار] и т. д. *(Примечание Валиханова).*

*[69] См. выше об орде. *(Примечание Валиханова).*

*[70] اول ولايت دا بوعهدده حيات ترور *(Примечание Валиханова).*

У р а з-М у х а м м е д-х а н восьми лет лишился великого деда своего Шигай-хана в смятениях междоусобных, еще تقی в 13 лет свой отец اوز باباسی Ундан-султан шаhидом сделался и от него остался; еще*71 через несколько времени несчастием تارلیق بیلان перед Сеидбек-бием سیدبك بی перенес угнетения (унижение) گرفتارلیق چکتی. Шестнадцати (же) лет явился готовым к услугам государя всего кристана*72 Бориса Федоровича44 اون التی یاشیندا جملة الکرستان پادشاه باریص فیدراویچ نینك قوللوغینه حاضر بولدی لار. От того времени до сего был к службе государя Бориса Федоровича готовым; господии государь тысяча по тариху*73, в конце года свиньи помиловал раба (своего). Был год мыши45, звезды были под برج месяца великого рамазана, 15 дня, по воле Бориса Федоровича, всея России государя, направо, налево приближенные*74, церемонные беки стояли – описывает представления Борису, который дал ему в удел Касимов46, сделал подарки и оказал внимание پادشاه حضرتلاری سهور غال لار انعام لار بخش قیلدی، کرمان شهرین سهورغال قیلیب بردی . Подробно описывает приезд Ураз-Мухаммеда в Касимов, с толмачем-алпаутом47 и о избрании его в ханы тариху 1000, году мыши, счастливого месяцу зюлхадже, 10 дня, в четверг بنجشنبه , когда ему, Ураз-Мухаммеду, было 20 лет (см. стр. 166 и 167)*75.

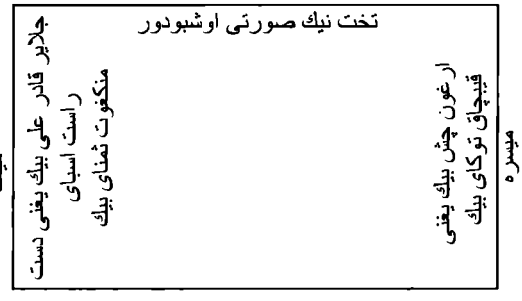
|| В جامع التواریخ (стр 170). Правая и левая рука (крыло) Урус-хана [изображена так]: میسره [левая], میمنه [правая].

الاج منکی اقوام قوم алач-мены – 3 сана [большое число]; اقوام قوم канглы –2 сана.

У народа канглы между ними до сего времени знатные есть اولوغ لاری معلوم ایرور. Но между алач-мены старшие с гребенчатой тамгой джалаиры должны быть بولغای Со времени Чингис-хана, через разные степени مرتبه مرتبه بیلان (старшинство) досталось [сначала] Тебре-беку, от него Шейх-Суфи-беку, от него Айтули-беку, от него Итбака-беку, от него Карач-беку досталось, от него Конка-беку قونقه досталось. В этой алач-мены старшими были они, [да] между узбеками известны и уважаемы بو الاج منکی نینك اغاسی بولا کیلگان بولار ترور، اوزبیك یا اراسندا معلوم مشهور ترور

|| جامع التواریخ стр. 168.

Изображение престола хана касимовского Ураз-Мухаммеда:



*71 В тюркском подлиннике: برنچه وقت – некоторое время

*72 [Написано] جملة الکرستان – *всех христиан.* (*Примечание Валиханова*)

*73 В 1000 г. по летоисчислению хиджры.

*74 *Карачи* приближенные у киргиз. *(Примечание Валиханова)*

*75 جامع التواریخ

*76 У Валиханова میسره и میمنه написаны за чертой, тогда как в подлиннике они находятся внутри плана.

В средине надпись: «Вид престола этот»; на правой стороне надпись ميمنه, на левой ميسره, что значит, по объяснению самого автора: правая и левая рука*[77]. (См. стр. 170 يغنى ميمنه اونك قول، ميسره سول قول ايرور). На правой стороне означено место джалаирца Кадырали-бека и Исбай мангута Саманай-бека[48]. Зачем тут يغنى دست راست и на стороне يغنى دست چپ ميسره؟*[78]. На левой – имя аргынца Чиш-бека и кипчака Тукай-бека. Затем (стр. 169) заключает в себе описание набожности и جمارتلق благотворительности Ураз-Мухаммед-хана и оканчивает его словами: بو سببدين كوندين كونكا پادشاه اسلام ناصر الدين ابو الفتح اوراز محمد خانغه دولت اقبال بيلان ايل اشاب يوز يشاب تا ابد الابد كاجه دولت انكا يار بولسون انشا الله تعالى مين يا رب العالمين سبب اولتورورکم، کم بو تواريخ قه اوراز محمد خان حضرتلارى نينك اتا اناسيدين قوللوق قيله كيلكان جلاير تراق تمغالى ايردى*[79]. Эти слова замечательны: автор говорит о себе: «[пишущий] эту летопись (بو تواريخ قه*[80] что-нибудь недостает...) от отца и матери Ураз-Мухаммед-хана для службы (к нему) приехавший был, имеющий гребенчатую тамгу, джалаирец». Далее: (см. стр. 170). «Из книги Чингис-намэ с персидского на тюркский язык переложил, которое случилось после, из своих познаний, при божьей помощи اوز استنباطندين الله تعالى توفيق بريب تصنيف قلدى сочинил ради восхваления (скоро прошедшей توز اوتماك) справедливости государя Бориса Федоровича... кончено». Затем говорит о содержании своей летописи. [Автор] прямо говорит родословную Кадырали-бека, означенного на правой руке ميمنه: К а д ы р а л и-б е к, сын Хошум-бека,сына Тамджек баhадура, Иранджи-баhадура, сына Адамшак-мирзы, [брата] Карач-бека, сына Кубая, сына Канбара-мирзы, сына Айтули-бека, Итбака-бека. Во время Чингиса*[81] был Сартак-ноян, его дети джалаир Сба سبا его потомки джалаир Тебре-бек تبره بيك его потомство Шейх-Суфи-бек, а его потомок Айтули-бек известен и почтен معروف مشهور دور У потомков Урус-хана великим эмиром был اولوغ امراء بزرگ.

* * *

|| Язык جامع التواريج совершенно джагатайский, очень близкий к нынешнему киргиз [-кайсацкому], имеет, впрочем, несколько слов и оборотов не совершенно ясных. По своему изложению она [книга] также замечательна. Здесь басен менее, нежели в Абульгази и Ш е й б а н и-н а м э. Начало, или слово Борису, написано языком очень понятным и довольно витиевато, во всяком случае это замечательный памятник татарской панегирики. Слова и обороты очень замечательны, многие речи до сих пор существуют у киргиз*[82] كتاب جامع التواريخ دور*[83] از مجلد اول از – باب اول ديباجه. Довольно

*[77] Правая, левая рука выражает почесть; два бека, как представители народа, садились всегда о правой и левой руке. *(Примечание Валиханова).*

*[78] دست راست и دست چپ *(перс.)* – правая и левая рука.

*[79] Поговорка, до сих пор употребляемая киргиз[-кайсак]ами. *(Примечание Валиханова).*

*[80] Должно быть: بو تواريخ نى ياز غوچى – пишущий эту летопись.

*[81] Одно слово не разобрано.

*[82] [казахов].

*[83] Глава первая, предисловие из первого тома книги «Сборник летописей».

ново в татарских хрониках перечень племен не книжных, а сидящих в степях, причем говорит о их происхождении и местах кочевок и разделяет их на тюрков-монголов и монгол-тюрков*84 (см. стр. 16). فصل اول*85 здесь у него, вопреки тюркским историкам, Яфес делается младшим сыном Ноя и порядок старшинства детей этого патриарха совершенно библейский.

А б у л ь д ж а-х а н по جامع التواريج есть имя Яфеса, отца тюрков, Диб-Бакуй и Бакут его сыны. Целый: ряд имен от Диб-Бакуя до Огуза пропущен. Автор говорит только, что Ной Абульджа-хана отправил на северо-восток и ханы: Кара-хан, Ур-хан, Кор-хан и Коз-хан там от него произошли بولار اندا پیدا بولدی . Миф об Огузе удержан вполне: от колен, отделившихся от Огуза прежде и ушедших на восток, произошли монголы, а оставшиеся и ушедшие на запад – суть т ю р к и. (См. стр. 13.) О происхождении племен кипчак, к а н г л ы и к л и ч[49].

Истории предков Чингис-хана и особенно его жизнь п походы рассказаны довольно точно и с хронологическими цифрами. Замечательно затем разделение войск при Чингис-хане на правое и левое крыло, туманы, тысячи и имена беков и ноянов, ими управлявших, и особенно извлечение из Ясака*86 Чингис-хана. Также замечательно толкование автора значения слова Чингис. نچوك پادشاه لار بار ایردی بو اقلیم دا هر برسی سین کور خان دیب ایتور ایدی؛ انلار سننك قولونکدا مقهور بولدی لار وسننك اتینك بو معنی دین جنککزی ایردی*87، یعنی پادشاه لار پادشا هی بولدونك и.т.д. (стр.21).

|| Слово Борису написано почти на чисто татарском языке, без арабских и персидских [слов], в остальных главах встречаются довольно часто, но вообще автор избегает их. Грамматически принятых форм и правил совершенно нет, одно и то же слово в разных местах встречается различно تیب – دیب [диб, тиб], стр. 20; بیله – برلا [биля, брла,] стр. 21; بیله ن [пилян] стр. 20; بیلان [билан], стр. 24; на стр. 21 окончание حق قه, на стр. 22 عحب قه، حق غه [хақға], [ғажабқа]; برجه [барджа], بیرچه [бирча] стр. 22 и т. д. Особенно разнообразием письма отличается окончание родительного падежа نینك [нинҥ], ننك [нінҥ] (стр. 23), مونك [муҥ]; часто при окончании дательного падежа впереди слова стоит تا [та] и в конце دیکاج [дигач – то и другое означает до] جنوب دین تا شمالغه دیکاج*88. Та же частица تا [та] заменяет иногда окончание غه [ға] یافث نی کون توغوش تا بیاردی*89. Попадаются также и частицы تپا [тана] или تبا [таба] (стр.23) اوغوز تبا اطلاندی کون توغوش تپا مقام ایتی لار*90. Есть также в книге много мест довольно темных, происшедших, нет сомнения, от ошибок переписчика[50]. Очень часто или почти [всегда] буквы ي [й] и ب [б] смешиваются: براق خان – یراق خان [Барак-хан – Йарак-хан]; вместо یراق [йырак] یزاق [йызак] (стр.21); [вместо دیب باقوی – Диб-Бакуй] – دیپ یاقوی [Диб-Якуй] и проч.

*84 Здесь допущена неточность, нужно: *монголо-татар,* ибо в тюркском подлиннике сказано (с.19) نچوك کم اکثر اتراکنی منغول تیب ایتورلار انداغ کیم موندین ایلکاری تاتار غالب ایردی. جمله نی تاتار تیب ایتور ایردی لار

*85 Раздел первый.

*86 То есть *Ясы* – кодекс Чингис-хана.

*87 В этом климате [крае] были разные цари. каждого из них называли гурханом, они были покорены тобою [Чингис]; поэтому твое имя стало Чингис, т. е. ты стал царем царей.

*88 С юго до севера.

*89 Яфеса отправил на восток.

*90 Поехал к Огузу; обосновался на востоке.

Вместо прошедшего и настоящего употребляется будущее время (см. стр. 19) قرقورم [Каракорум]. Из слов и оборотов, встречающихся у киргиз, я укажу на некоторые (стр. 16); زمانه دا [заманада] вместо زماندا [заманда – в то время] и последующие: انلارننك قوت دولت لارى اونكين ولايت لاردا اتى چاولى اتى چاولى چيقتى[*91] (стр. 17) произносится а т ы чууы ч и к т ы – имя громким сделалось. Помнится, один стих плача жены по мужу اياولم؛ اتى چاولى اياولم – اق نايزانك تور تاياولى[*92]; ([аяулым] происходит от глагола. اياماق [аямак] – жалеть).

Автор вместо татарского اوزگا [өзгә] или باشقه [башқа] другой употребляет اونكين [онген][*93]. Киргизы употребляет все эти три слова для выражения [слова] другой (стр. 24). نچوك بر يسادى ايرسا بغايب ارو صاحب جمال وخوب صورتليغ.[*94] Слово ارو [ару]– чистый; хороший у киргиз не употребляется и совершенно им не известно[*95], у них есть только глагол ارولاماق – омывать покойника[*96], но тем не менее в древних киргизских поэмах встречается; Урак, герой одной поэмы из времен Золотой орды, родом конрат, обиженный в разделе добычи, взятой от русских канглами, которых было много, || жалуется на свое одиночество и говорит:

قانكغلى دان التاو كيلدم ديب،
اوراققه زورليق قلمانكز؛
قايراتنه منگان سونك،
بوره لار كيسا جات بولار،
قلچ چاپسا ميرت قيلار؛
سويرو اتان بولسادا،
اونينك باسين جينالار،
قويان قولتوق كيرما قاس،
ارو چيچاى بولسا ايگه.
ارو چيچاى بولسادا،

سويراى سويراى كوچارگا،
سويرو تاولار بولسا ايگه؛
سويرو تاولار بولسادا،
اونان سويراب كوچارگا،
سويرو اتان بولسا ايگه.
سونككولى اولدار تووسا ايگه...
المانينك كوكنانده يوق ايگه،
جالغزدا توغان سوم باسم
بارمنان يوغم كوب ايگه.[*97]

كچمك [кечмек] – переправиться, (ياىلاق [яйлақ] – летние кочевые места и قيشلاق [қышлақ] – зимние стойбища. Юрт – народ – ايل [эль,] но юрт имеет у нас еще одно значение: место кочевания и стоянки [тоже] называется юрт, в этом смысле употреблено и здесь قراخان اتاسى تورغان يورتوندا ايردى، قراخاننك اوغلى توغدى اول يردا[*98] (стр.20).

Некоторые слова и обороты мне не известны, по крайней мере в языке киргизском не существуют.

[*91] Их могущество и богатство известны в других владениях.

[*92] Прославленный мой, дорогой, белая пика твоя стоит подпертая.

[*93] Теперь произносится: اونكه [өнге] – другой.

[*94] Расцвел, сделался весьма красивым.

[*95] Неточно, слово, ارو – *ару* (чистый, непорочный) часто употребляют казахи. Ару апа (святая мать), ару кыз (непорочная девушка) – обычные эпитеты казахского эпоса.

[*96] ارولاماق – аруламак, (от того *же* корня ару – чистый) не *омывать,* а *чистить огнем* то место в юрте, где умер человек. Очищенное место (арулаган-жер), после того как уберут юрту, засыпается камнями шга землей и образуется небольшая насыпь.

[*97] См. перевод песни Урака в настоящем издании, с. 205.

[*98] Кара-хан жил на родине твоего отца, там и родился сын Кара-хана.

Значение слова منكر [муңкэр] мне не известно, есть у нас слова منكراو [меңреу] – идиот, простак (стр. 21) منك (منم) سوزومنى تنكلامادى منكر بولدى. دوبون بايانننك نچه خاتونى الان قوا اتليغ ايردى[99]*. Значение نچه здесь я не могу понять. Слово تابونمق [поклоняться] употребляется здесь в смысле поклонения единому богу, но татары и киргизы слово это употребляют для выражения поклонения идолам, огню, луне и проч., которое между ними до сих пор существует. Говорят بوتقه تابونمق اوتقه تابونمق[100]*, но о боге едином الله [алла] употребляют مناجت ايتماك، سينماق، قولچلق[101]* и проч.

Автор пишет и бек, и бий и дает бию переносное значение разумного, умного человека (стр. 20). О матери Огуза اول خاتون كيم بى واستا[102]*. В этом смысле киргизы говорят بى كشى[103]* от бий есть у нас глагол بى لك [билік] – суд, удовлетворение, не отсюда ли بيلامك [билемек – управлять] (стр. 20) دريا قريغى [дарья қырығы] в древнекиргизских поэмах قراغى; этого слова у нас теперь не знают. У нас говорят قاباغى [қабағы – берег] и ياغاسى [яғасы – берег]. Слово يازى [язы], как видно из следующих примеров: يازيغه انكغه چيقتى[104]* (стр.22).

اول يازيدا اولوغ لشكر يغلدى[105]* имеет значение: степь, поле; [вместо يازى] киргизы говорят يازيق поле, гладко – в переносном; слово يازى [язы] не знают.

قونك سو [қоңсы] у киргиз – бедные, живущие при людях достаточных и богатых; قونك سو قونماق [қоңсы қонмақ] значит соединиться или присесть к кому-нибудь (см. стр. 23)[106]* دريا // اراسيندين قرچين لار قمش لار ييغيب (стр. 27–28); بر يكى قونك شوسى بار ايردى سال بغلاب دريانى كچتى[107]*.

|| Слово قرچين [қырчын] как название растения у нас не употребляется, хотя в той же поэме «Урак» и говорится قوم غه بتكان قوبرچين كيسوب الوب سال ايتتوم[108]*, но на мой вопрос, что значит قوبرچين [қобырчын] самые почтенные староухи كارى قولاق не могли сказать ничего положительного. На озере Балхаше, и песках Аккум и по Чую. говорили они, растет болотное растение вроде тростника, но тонкое и очень легкое. Киргизы его называют к она и употребляют на легкие плоты.

Собственно к о р д ж у н есть название дорожных мешков. Можно бы тут допустить и это значение, но слова دريا اراسيندين ييغيب[109]* совершенно делают не уместным такое положение.

جبارليق، سپاهى ليق، بهادرليق، قوت شوكت ليق باى ليق عيش وفراغت ليق قوى معظم اولوغ پادشاه برچه حالدا قوى حال (стр. 30)[111]* تيماك بولور[110]* (стр 60.). Слова, как видно из употребления ايردى لار[112]*.

---

[99] [Он меня не послушал и стал [моим] противником. У Дубун-баяна была жена по имени Аланкуа. Мукэр *(араб.,* правильно: *мункир)* означает *противный* в смысле враждебный, отрицающий.

[100] Поклоняться идолу, поклоняться огню.

[101] Поклоняться, молиться, покоряться.

[102] Эта женщина была властная и деятельная.

[103] Властный человек.

[104] Языга анға чыкты – выехал на охоту на равнину.

[105] Ол языда ұлұғ ләшкэр йығылды – на той равнине собралось большое войско.

[106] Имел одного-двух консы (қоңсы).

[107] Собрав на берегу реки камыш и связав плот, он перешел реку.

[108] Срубив растущий на песке тростник, связал плот.

[109] Срубив на берегу реки.

[110] Великий царь – могущественный, искусный в ратном деле, благоденствующий в жизни.

[111] Мысль автора не закончена.

[112] Во всех обстоятельствах был сильным, могущественным.

Слово مال [мал] никогда не встречается в сей книге без добавления توار قرا [туар қара], должно полагать, что توار слово древнее, заменявшее слово يلقى [илки, жылқы]. Нет сомнения, что все слова и термины кочевой жизни должны хорошо сохраняться у киргиз. Под словом مال киргизы разумеют вообще скот – в смысле богатства, который прежде составлял единственное богатство киргиза, теперь же это слово употребляется в смысле вообще богатства, а один скот – простой قرا [қара], а توار قرا – есть название табунов конских; توار однозначное с يلقى .

Молодые киргизки, вышедшие замуж, не могут называть по имени всех своих родственников и киргиз, старших ее мужа, всего рода, к которому она принадлежит, почему и киргизки всегда дают им имя, составленное из других слов, но имеющее прежний смысл; место имени اوروس [Урус] говорят كسچه [кесче] или چواس [чуас] и вместо имени يلقى باى [Илқыбай, Жылқыбай] говорят توار باى [Туарбай] и проч.

Этот обычай у некоторых баб переходит в ужасные пределы. Есть такие ханымы, которые совершенно избегают всякого звука во всех словах, напоминающего сколько-нибудь запрещенное имя. Так, если заветное имя было, положим, Айбатыр, то для нее совершенно не существуют слова вроде اينالمق[113]*، اى ايامق، ايغر، ايدا، ايماق и пр. (стр.33). *[114] قامچى بويلوغ اير ازغول نى قويمادى – сравнение камчи бойлуг и теперь в полном употреблении; вы часто услышите от киргиза *[115] سول زماندا من قامچى بويلى بالا ايديم

На стр. 33 в строке 10 по ошибке вместо ي стоит *б:* باريب اچيب – اجيب ياريب توزوب كيلماك. Эти три слова выражают бедствие кочующих племен, подвергнувшихся чапу [нападению] или б а р а н т е. Первое слово происходит от اچ لق – голод, второе выражает истощение от принужденной диеты – подготовление лошади через диету на байгу (в бег) – [и] называется у киргиз جاراو ات، جاراتمق [жарау ат, жаратмақ]– название подготовленной так[им образом], вообще не жирной, но [в] совершенно нужной степени [лошади].

|| СЛОВАРЬ НЕ УПОТРЕБЛЯЮЩИМ[СЯ] ТЕПЕРЬ ТАТАРАМИ СЛОВАМ, ПОПАДАЮЩИМСЯ В جامع التواريخ

тюркские и монгольские

اوروغ – семейство, род, прозвище, название

قوم – племя اوكوس، بسيار اوكوس قوم

كثرتى – [многочисленность, множество]

اوتمك – пройти, в хрониках употребляется в смысле прошедшего бытия, так говорится: بسيار اولوغ بولوب اوتتى لار – чрезвычайно сильным быв, отошли [в мир иной], т. е. были народом сильным; то же значение имеет слово كچمك – переправиться, отойти

اصلى، اصل – происхождение, корень

*[113] ай – луна, айғыр – жеребец, айда – гони, аймақ – округ, район, айналмақ – кружиться, аямақ – жалеть.

*[114] Қамчы бойлуғ ер-ұғұлны коймады – [Не пощадил никого из мужского пола, даже дитя ростом с рукоятку нагайки].

*[115] Сол заманда мен қамшы бойлы бала едім – в то время *я* был мальчиком, ростом с рукоятку нагайки.

ایری – муж
ایر – мужчина, храбрый
نچه – сколько? много, как, насколько, в смысле равно, также
مطلق – совершенно, полно, все
توغان – родственник, [родные]
توغان اغا، اینی – братья старшие и младшие
تا – до, пока
|| کیم – [до тех пор пока تا کیم]
پیدا – [появление, возникновение]
نسل – род, потомство
سونکره، سونکرتین – после, впоследствии
صحرادا اولتورماق – сидеть в степях
صحرادا اولتوروشلوق قوم – [племена, живущие в степи]
یایلاق – летние кочевые места
قیشلاق – зимовые места
اینالاسی – [окрест, вокруг]
قوت – счастье
قوتلی، قوتلیغ – счастливый, от него قوتلوغلامق – поздравлять
کوچ – сила, от него – ارتوق کوچلوك – лишний, больше, выше; сравнительная степень – ارتوغراق
یورت – юрт, народ, равнозначное
ایل // یورتی – место кочевания племени, место стоянки. В таком значении употребляется и у киргиз, в таком же употреблении и здесь: قراخان اتاسی تورغان یورتوندا ایردی، اول یردا قرا خانینك اوغلی توغدی. [Кара-хан находился в юрте (в местах), где жил его отец, там же родился и сын Кара-хана]. Слово اول یردا совершенно доказывает предпол[агаемое] мною значение слова (с. 20 التواریخ جامع)
ایمماق – сосать здесь свое правописание ایماك
تابوتمق – поклоняться божеству, в настоящее время этот глагол употребляется у татар-мусульман для выражения поклонения идолам بوتقا تایونماق , но здесь стоит в смысле поклонения единому богу
بی – то же, что بك и судья; в переносном смысле: [всякий разумный человек. بی کشی، بی خاتون , от него بیلك – суд, удовлетворение и управлять بی لامك
ساقلانمق – опасаться, принять осторожность; в جامع التواریخ в том || же смысле поставлено слово ساقلاندی [остерегался] (с. 20)
دوست توتماق – [дружить]
قریغی، دریا قریغی – берег реки
کر یووماق – мыть белье
یراق – даль, далеко
یراق تورماق – [находиться вдали в переносном смысле:] быть холодным, не расположенным

نياز – [нуждающийся]; نيازلق – حق قه نيازلق ايردى – [стал нуждаться в Боге]
كيلين – невеста, молодуха, [невестка, сноха]
ايغاق – [ясно, очевидно]
ايغاق چى – доказатель, свидетель || (стр. 24)
لشكر تارتماق – войска вести
مقام – местопребывание; вроде киргизского مكان [местообитания]
قزينداشلار – родственники, с этим окончанием اولوغلارين слово великий اولوغ означает вельмож, буквально: почетных
التون – золото
التونلى – золоченный, с золотом, а не золотой, тогда должно быть: التون
توى – пир, праздник, торжество: و پادشاه ليق تيكدى ايرسا اول يردا التونلى خرگاه تيكدى، اولوغ توى قيلدى. جامع التواريخ (стр. 24) – [Если бывали торжества или возводили на престол падишахства, то там ставили золоченный шатер и устраивали большое пиршество]
اورون – место; اورونليغ اورنيغه اولتورتدى (с. 30) [взошел на достойные места]
قران كامكارليق – [почитание Корана]
جبلرليق – [величие, слава]
سپاهى ليق – [военнослужащий]
بهادرليق – [отвага, героизм]
نچه چاقلى – (ياشلاغانلار، ياشاغاتلار) – [прожили долгое время]
اوينك تونكلوكى – [отверстие вверху юрты]
اروپكزه – чистый
مال يعنى توار فرا – [богатство, т. е. кони]
چايماق – у киргиз части, расстилать, развешать. В جامع التواريخ (с. 32) слово это встречается под ортографической формой يغار ايردى مالين توار قراسين
كونكلى تنماق – быть довольным, успокоиться
توكال – полон, верен в числе
يسير ايتماك – взять в рабство детей, жен разграбленного племени (у киргиз и др. татар)
قساس قلماق – в кабалу взять
[و]طن قلماق – сделать пристанищем
مقبول – лучший, превосходный
قتل قلماق – [убивать]
كونكول ليك – храбрость (с. 41) بهادرليق بيلان و كونكول ليك بيلان مغول بيلان بسيار توقوس قلدى – [храбро и с отвагой много раз сражался с монголами]
يناش – возле, рядом
سيوركار[116]*ايردى – оказывать почести, наделять
قارماق – состариться
قاريب ايردى –
اگرچه – хотя
بويو سونلوغ – [подчинение, покорность]

---

*116 Это то же, что سيور غال – лень, удел.

كينكاش – беседа, совет
سيورغال – подарок или выражение существенное любви или расположения. Из слова انى بسيار سويورغار ايردى и из слов Т[емир] К[утлукова] ярлык [а] سيورغاب достоверно видно, что существ[ует] глагол سيورغامك , у киргиз سيوركامك и от него سيوركاب есть местное изменение глагола سيورغامك . Оно имеет значение призреть, пожаловать, вообще покровительственную любовь и милость высшего
الاشا – низкий, меньший ростом; у киргиз говорится الاسا
پاكزه – чистая, чистота. По свидетельству автора اوتجكين جامع التواريخ значит младший в семействе, то же, что киргизское كنحه. Ему должно было принадлежать все имение от отца и матери اتا اناسيننك اوتى، يورتى، مالى توار قراسى، اوى ترليكى كچيك اوغلى غه قالور[*117] (стр. 44)
اوزماق – перегнать
ايكار – седло
اوپكالامك – اوپكا – اوفكا – (обида, обижаться)
قو، قوى – высокий, великий, славный, превосходный
قو حال – прекрасное состояние
سنكون يعنى اندين سونك – [затем, после этого, впоследствии] (стр. 73)[*118]

арабские и персидские

مفصل معلوم ايرماس – (подробный)
تبعه – [подданные, подвластные]
تفصيل دا معلوم ترور – [в изложении становится ясным]
قسم – [часть]
مغول ايرماس ايردى نه – نه – [не являлись монголами]
لفظ – [диалект, язык, слова] بو لفظ سونك زماندا چيقتى – (это слово появилось в позднейшее время)
تاجيك – [таджик]
عنايت – [заботливость, благорасположение]
غالب – [побеждающий, победитель]
هنوز – [теперь, еще]
اكثر – многие
مخصوص – [особый, присущий, относящийся]
موجب порядок, в виде
اشهل جسم – [синеокая плоть, синеокий дух ангела]
منسوب [родство, относящийся к какому-либо, чему-либо]
حكايت [рассказ, повествование]
نقل [как рассказывают, передают]

[*117] Очаг родителей, место кочевок и стоянок (юрт), имущество, табуны коней (توار قراسى) и вся домашняя живность остаются (в наследство) младшему сыну.
[*118] Переводы терминов, показанные в квадратных скобках, выполнены Н.Н. Мингуловым.

مسطور ترور – [известно, подчеркнуто]
جنوبي، جنوب – юг
شمال – страна северо-восточ[ная]
مملكت – [страна, государство]
محقق – [доискивающийся истины]
منفق – [согласный, единодушный союзник]
اصناف – [род, сорт]
تقرير قيلندى – [изложено, заявлено]
عظيم – [великий]
دروازه – ворота
مقيم – [живущий, обитатель]
تابع – [подданный, подвластный]
منصب – [высокая должность]
شوكت – [могущество, величие] от него شوكت اسبابى
مجموع – [собранный, соединенный, целый]
تزريع – стр. 21, пример: محب – [любящий бога], (محب حق قه بولسانك) [если с любовью отнесешься к богу]
اشكارا – явно, открыто
بغايت – [весьма, очень]
صاحب جمال – [красивый], господин красоты
فرزند – дитя, мальчик
عجب – удивительно
بموجب سوزى رسيده بولدى، عاقل غه كيردى اثر ارشاد حق تعالى دين ايردى – [смысл его слов дошел до нее; она осознала и последовала по наставлению Всевышнего Бога]
غايت خوب – [очень, чрезвычайно хорошо]
نصيحت – [наставление, назидание]
التفات – [внимание, расположение]
محبت – [любовь]
كنيزك – [девица, служанка], наложница
صحبت قيلماق – [беседовать, вести компанию]
مطيع بولماق – покориться кому-нибудь, согласиться с мнением
موافقت – [согласованность, пригодность]
معركه – [шайка, общество]. стр. 22 اويناسا، يورسا معركه دا اول تيلنى ايتور ايرديلار – [во время групповых игр, прогулок – пользовались этим языком (жаргоном)]
غيرت لانمق – [воспрянуть, возгордиться]
فرصت – [момент, удобный случай]
عظيم مقبل – [счастливый]
اتفاق قلماق – намереваться, намерение иметь
وقيف بولماق – подготовленным быть, предуведомленным быть
فى الحال – тотчас, тогда же
مسخر قيلماق – покорять, достать

خرگاه – шатер
التونلی خرگاه – [золоченный шатер]
ولایت – [вилайет]
پادشاه لیق تیکدی – престол дошел [достался]
خلعت – [пожалование, почетный халат]
خلعت لار سهور غاللار بردی – [почетными халатами жаловал] (с. 24)
تعمت دولت – [благодеяния, власть]
ابتدا – начало
میسر – [способствующий, делающий доступным]
قوت شوکت – [величие]
عیش – [жизнь, радость]
فراغت لیق – [отдых, покой]
صدف – [жемчужная раковина, перламутр]
غواص – водолаз
حاصل بولماق – (получаться)
بطن پاك – پشت پاك – (чистый телом и душой; чистый помыслами)
مقدمات – (прежде, раньше)
تقریر – (рассказ устный; утверждение)
موجود بولماق – (существовать, быть, присутствовать)
ایشارت – [знак, намек, сигнал]
حامله کلتورمك – حامله بولماق – быть беременной
معتبر بزرگ – [многоуважаемый]
تواریخ – хроника
مشایع بولماق – наступать
مناجات قلماق – воззвание
نازل بولماق – [с]низойти
روایت – сказание
قوپماق – [трогаться, подниматься, отторгнуться]
اویقودین قوپقاچ – [соскочить со сна, вскочить с постели]
رویلار – повествовали
روی زمین – земное лицо
عهد قیلدی – завещал
جانب – страна, [сторона]
اعظم – величайший
معجزه – чудо
کیفیت – дело
معروف ومشهور – известно и ведомо
اکره – [более отвратительный, самый презренный]
مسخر ومسلم بولدی – вручено и отдано

Комментарии

Это «Сборник летописей» – историческое сочинение, излагающее события, происшедшие в Казахстане и Средней Азии в период XIII–XV вв. Написано на смешанном казахско-чагатайском языке с широким применением народных пословиц и поговорок, употребляемых и поныне в казахском языке. Текст без перевода издан проф. И.Н. Березиным в серии «Библиотека историков», т. II, ч. 1 (Казань, 1854). В тюркском подлиннике этого названия нет, оно дано издателем И. Н. Березиным.

Автор сочинения Кадыргали Жалаири (см. прим. к с. 124) – уроженец Казахстана, из племени жалаир, поколения тарак-тамгалы (гребне-тамгового). Автор о себе сообщает: بو تواريخ قا اوراز محمد خان حضرتلارى نينك اتا اناسيدين قوللوق قيلا كيلكان جلاير تراق تمغالى ايردى – «Сочинитель этой летописи был жалаирец из рода гребне-тамгового, служивший еще родителям Ураз-Мухаммед-хана».

Сочинение Жалаири написано в Москве в конце XVI в. и посвящено царю Борису Годунову. По замечанию И.Н. Березина, Жалаири писал эту книгу уже в зрелом возрасте. Это был человек сведущий, умудренный опытом, хорошо знавший жизнь русского общества того времени. Однако «автор умер прежде наступления в русской земле смутного времени,– говорит Березин,– в котором принял участие Ураз-Мухаммед. Иначе он не оставил бы дополнить свою летопись последними событиями».

Работа Жалаири дошла до нас в двух списках рукописной копии, которые теперь хранятся в НБКУ и в НБ ЛГУ. В предисловии к своей работе автор пишет: بو تواريخ قا ... جنككز نامه كتابيدين فارسى تيلينين ترك تيليكا اوكوردى. قايوسين سونك زماندا بولغانلارنى اوز استنباطيندين ... تصنيف قيلدى «Эту историю по книге «Чингис-намэ» перевел с персидского на тюркский язык, а другие события, происшедшие в последующее время [XIV–XVI вв.], описал по собственному исследованию».

Несмотря на эту оговоры, многие ученые считают сочинение Жалаири целиком переводом рукописи Рашид ад-дина. Между тем известно, что Рашид ад-дин умер в первой четверти XIV в. и не мог писать о событиях, происшедших после него. В сочинении же Жалаири, помимо сведений, взятых им из «Сборника летописей» Рашид ад-дина, освещены события, происходившие в XIV, XV и XVI вв., в частности, он касается истории распада Золотой Орды и улуса Чагатая, образования ряда ханств – Казанского, Астраханского, Казахского и других.

Относительно первого раздела сочинения Жалаири можно сказать, что местами – это перевод Рашид ад-дина, не буквальный, а сокращенное переложение на тюркском языке, с некоторыми добавлениями автора-переводчика. Причем из текста видно, что автор стремился исправить некоторые грубые ошибки в восточной терминологии, личных и географических именах, встречающихся в рукописных списках Рашид ад-дина.

Следует сказать, что сходство названий этих двух исторических сочинений создало большую путаницу в науке и помешало по достоинству оценить содержание труда Жалаири. повествующего о событиях XIV–XVI вв. По оценке Валиханова, работа Жалаири – один из важных источников по истории Казахстана, и в отношении полноты сведений о казахах она занимает одно из первых мест.

Автограф Жалаири не сохранился. При копировке его рукописи копист не разобрал ряд терминов и фраз, допустил ошибки и искажения. К ошибкам копииста прибавились промахи и опечатки издателей и корректоров. Все это отрицательно сказалось и на качестве перевода Валиханова. В извлечениях дан выборочный перевод, сохранившийся в виде черновой тетради. Валиханов стремился сделать дословный перевод, но местами излагал текст своими словами. Из целой книги в 117 страниц Валиханов перевел только ту часть, которая имеет

отношение к истории Казахстана. Из первой части он перевел повествование о расселении древнетюркских племен и извлечения из уложения Чингисхана. Эта часть нами опущена. Перевод снабжен комментариями Валиханова, словарем тюркских и персидских слов, часть которых оставлена им без объяснения. Точная дата перевода неизвестна. Предположительно, оп был осуществлен в 1853–1854 гг. и находится в тесной связи-с рецензированием других изданий И. Н. Березина.

Печатается по тексту ССВ. т. I, с. 142–168. Автограф хранится в Архиве АН СССР (ф. 23, оп. 1, №17, лл. 29, 31, 38–41, 48, 51; №10, лл. 1–2).

[1] *Уйгуры* – один из древних народов Центральной Азии. Впервые собственно этноним *уйгур* появляется в древпетюркской надписи (VIII в.). Древнейшие и ближайшие предки уйгуров входили в племенное объединение хуннов (IV в. до н. э. – III в. н. э.) в состав Жужанского, а затем Тюркского каганатов. В середине VIII в. в Монголии с центром па р. Орхоне образовался Уйгурский каганат. Власть уйгурского кагана распространялась от Алтая до Маньчжурии на востоке и до Гоби на юге, в его состав входили десять племен уйгуров и девять племен огузов, а с 758 г. и земли енисейских кыргызов. В 840 г. Уйгурский каганат пал под ударами кыргыз. Основная масса уйгуров переселилась в Восточный Туркестан и западную часть Ганьсу, где создали независимое государство с центрами в Турфане (847–1369) и Ганьсу (847–1036). В обществе уйгуров высокого уровня достигли земледелие, городская культура, ремесла, они имели свою письменность. После завоевания Цинской империей Восточного Туркестана в 50-е годы XVIII в. несколько десятков тысяч уйгуров было переселено в Илийский край Синьцзяна. На территории Казахстана (Семиречье) уйгурское население появилось в результате переселения их из Илийского края после подавления Цинамп народно-освободительного движения неханьских народов. (*Д.И. Тихонов.* Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства (X–XIV вв.). М.–Л., 1966; История Казахской ССР, т. 3, Алма-Ата, 1979; *А.Г. Малявкин.* Уйгурское государство IX–XIV вв. Новосибирск, 1981).

[2] *Карлуки* – один из древних тюркоязычных этносов. Первые сведения о них, как обитателях склонов Алтая, в письменных источниках относятся к середине V в. В VI–VII вв. карлуки входили в состав Тюркских каганатов. В 766 г. карлуки захватили власть у тюргешей в Семиречье, где произошло формирование их политического объединения. В 766–775 гг. одна ветвь карлуков захватила Кашгарию, а в конце XIII в. другая их ветвь распространила свое влияние на Фергану. Таким образом территория от Семиречья и Кашгарии до среднего течения Сырдарьи и Ферганы находилась под властью карлукского джабгу. В середине X в. карлуки вошли в состав Караханидского государства. Вплоть до монгольского периода сохранились небольшие владения карлуков с центрами в Каялыке, Алмалыке и Узгенде. Значительная часть карлуков, переселившаяся в Среднюю Азию, составила основное ядро и процессе сложения узбекского народа. (*К. Шаниязов.* Узбеки-карлуки (Историко-этнографический очерк). Ташкент, 1964; *В.В. Бартольд.* Сочинения, т. V. М., 1968).

[3] *Хам, Сам* (Сим), *Яфес* (Иафет) – по библейской легенде, три сына патриарха Ноя, пережившие всемирный потоп и ставшие родоначальниками: первый – африканских, второй семитских, третий – тюркских народов.

[4] *Судан* (араб., «Страна черных») – обширная область в Северной Африке, к югу от Сахары; на западе омывается Атлантическим океаном, на востоке граничит с Абиссинским нагорьем.

[5] *Некнижные народы* – термин, употребленный автором «Сборника летописей» Жалаири. По его трактовке, некоторые народы лишены священных книг, таких, как Тора (библия) и Коран, якобы посланных с неба. Эти народы он называет некнижными.

[6] *Уртаг* (Ортаг) и *Кортаг* (Кертаг) – горы, расположенные к северу от пустыни Бетпак-Дала, в Центральном Казахстане. По древним преданиям, зафиксированным Рашид ад-

дином (начало XIV в.). эти горы служила летними пастбищами легендарного Абулджа-хана, родоначальника некоторых тюркоязычных племен. По Абулгази, они были летними яйлаками Кара-хана, внука Аланджи-хана, улус которого, проводя лето в тучных пастбищах северных степей, на зиму возвращался к берегам Сырдарьи. (См.: *А.Н. Кононов.* Родословная туркмен. Сочинение Абулгази. Изд. АН СССР. М–Л., 1958, с. 40).

Абулгази отождествляет Уртаг и Кортаг с Улуг-Тагом и Кчик-Тагом, известными горами, которые носят эти названия поныне (по казахскому произношению: Улутау и Кишитау) и расположены в 60–90 км к северу от джезказганского рудника. А.А. Семенов в примечаниях к «Сборнику летописей» Рашид ад-дина (М.–Л., 1952, т. I, с. 80) предполагал, что эти горы, «возможно, относятся к современной горной цепи Каратау». Эта догадка не имеет никакой реальной основы. Уртаг и Кертаг находятся в 80 км южнее от железнодорожной станции Жана-Арка близ р. Сарысу.

Названия гор Уртаг и Кортаг искажены переписчиками Рашид ад-дина и осложнены при транслитерации с арабских их начертаний в русский алфавит. Чтение *кӧр, кур* и тем более *каз* не может быть принято. Правильные начертания этих названий даны в «Сборнике летописей» Жалаири и в сочинении Абулгази اورتاغ – Ортаг, كرتاغ – Кертаг. (См.: *И.Н. Березин.* Библиотека восточных историков, т. II, ч. 1. Казань, 1854, с. 19; *Л.Н. Кононов.* Родословная туркмен. Сочинение Абулгази, с. 14).

[7] *Анджа-там* – انجاتام (у Рашид ад-дина: *Инандж* (Инанч اينانچ) – легендарный город, находившийся в пределах гор Ортаг и Кертаг (Центральный Казахстан) в период раннего средневековья, по-видимому, тождественен с Болган-Ана, развалины которого находятся на р. Кенгир, при ее впадении в р. Сарысу. Ближе к Ортагу на р. Сарысу находятся руины древнего мавзолея Жубан-Ана (там же – небольшой холм – остатки древнего замка), которые трудно отождествить с легендарным городом Анджа-там (Инандж).

[8] *Юрсук* – يورسوق (искаженная форма исторического топонима *Борсук* – بورسوق название известных барханных песков, расположенных между железнодорожной станцией Челкар в Аральским морем. Переписчики Рашид ад-дина, механически копируя его труды, превращали топоним Борсук то в Юрсук (يورسوق), то в Борсун (بورسون), так как малейшее отклонение или отсутствие диакритических знаков арабского письма всегда приводит к весьма грубым ошибкам. У Рашид ад-дина и Абулгази сказано, что низовье Сырдарьи с прилегающими к Аральскому морю барханными песками (Борсук Каракум, Какиян) служило зимними пастбищами для скотоводческих племен. Приаральские барханы и ныне являются прекрасными пастбищами, дающими защиту скоту зимой и во время гололедицы.

[9] *Каркорум* – قارقورم (Каркум, Каркурум)–искаженные формы исторического топонима Каракум (черные пески, название приаральских барханных массивов, расположенных между низовьями Сырдарьи и Тургайской степью; теперь отгонные участки ряда районов Кустанайской и Карагандинской областей). Каркорум не нужно путать с Каракорумом – каменными осыпями, часто встречающимися в горах Алтая, Тарбагатая и Джунгарского Алатау или с Каракорумом – столицей монгольской империи. Правильное начертание слова Каракум дано в сочинении Абулгази, который пишет: ...قراخان اورتاغی کرتاغی‌نی یایلار ایردی قیش بولغاندا سیر قراقوم وبورسوقنی قیشلار ایردی – «Карахан летовал в горах Уртаг и Кертаг... Когда наступала зима, он зимовал в устье реки Сыра, в Каракумах и в Борсуке». (См.: *А.Н. Кононов.* Родословная туркмен. Сочинение Абулгази, с. 12).

[10] *Талас* (طلاس , в трудах арабских географов– в форме *Тараз*) – древний город в долине одноименной реки, берущей начало с Таласского Алатау; в монгольское время назывался Янги, позднее – Аулие-Ата, современный Джамбул. Известен с VI в. как одна из резиденций Тюркского каганата и в этом значении упоминается в орхонских надписях и в записке

византийского посланника Земарха. Особенно большого расцвета город достиг в период правления караханидов (X–XII вв.), когда стал крупным торговым и политическим центром и сильной крепостью. В XIII–XIV вв. Талас был резиденцией монгольских вассальных ханов, а богатая долина р. Талас, с окружавшими ее садами и горными пастбищами, была определена заповедной зоной *(корук,)* находившейся в личном пользовании феодальных владетелей. Город пришел в упадок в XVI в., в период феодальной междоусобицы, и возродился только в XVIII в.

[11] *Кари-Кирм* – قارى قوم (Кары-Кырм – Старый Кырм) – очевидно, имеется в виду давно исчезнувший город, носивший это название, расположенный в районе Каратау или в долине Таласа. К Старому Крыму или Солхату в Крыму не имеет отношения.

У Рашид ад-Дина это название читается как два самостоятельных слова: قارى وسيرام *Кары и Сайрам,* т. е. название двух отдельных городов. Поэтому чтение Кары-Сайрам (через дефис) неверно.

[12] *Сайрам* – у арабских географов *Испиджаб* – в раннее средневековье крупный торговый город и культурный центр, расположенный в плодородной равнине между обширными областями Шаша (Ташкента) и Таласа, на перекрестке больших караванных путей, шедших с запада на восток и с юга на север. Сайрам развивался одновременно с городами низовий рек Сырдарьи, Таласа и предгорий Каратау. На его месте теперь находится большое селение в 12 км от города Чимкента. (См.: *П.П. Иванов.* Сайрам. – СТВИ. Ташкент, 1923, с. 46–56).

[13] اوروس خان *Урус-хан* (XIV в.) – потомок Джучи, прадед первых казахских ханов Джанибека и Гирея, один из влиятельных владетелей Ак-Орды или Восточного Кипчака. Ак-Орда в качестве полузависимого феодального владения стала выделяться еще в середине XIII в., тогда же она была отдана старшему сыну Джучи Орда-Ежену (Ичен), родоначальнику ханов Восточного Кипчака, а затем владетелей Казахского улуса. Территория Ак-Орды на западе граничила с землей улуса Шейбана (другого сына Джучи), на востоке простиралась до Иртыша, на юге примыкала к Сырдарье, на севере доходила до западносибирской и зауральской лесостепей. Центр улуса первоначально находился в Семиречье, затем переместился на Сырдарью (Сыгнак).

Урус-хан известен как строитель столицы Ак-Орды города Сыгнака. Вел борьбу (нередко успешную) на два фронта – против Тимура и против золотоордынского хана Тохтамыша. На некоторое время ему удалось объединить под своей властью Золотую Орду и Восточный Кыпчак. Борьба, начатая Урус-ханом, была продолжена его потомками, в результате чего образовался политический союз казахских племен, объединившихся затем в Казахское ханство. (См.: *А.А. Семенов.* Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. I. Сталинабад, 1954; *Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский.* Золотая Орда и ее падение. М.–Л., 1950, с. 306–315).

[14] *Джучи* (1187–1227)–старший сын Чингисхана, глава династии джучидов в Золотой Орде, или Дашт-и Кыпчаке. Принимал активное участие во всех важнейших военных предприятиях своего отца. После победы над главными соперниками монголов и уничтожения ханств сильнейших племен – найманов и кереитов, он возглавил ряд завоевательных походов, в ходе которых покорил много племен, обитавших в Южной Сибири, на Алтае, в Джунгарской степи и Восточном Туркестане.

В 1219–1221 годах Джучи во главе основных военных сил Чингисхана вторгся на территорию Казахстана и Средней Азии; начав военные действия в районе Джунгарских ворот, монгольские войска опустошили все города Семиречья, долины рек Чу, Таласа и Сырдарьи, захватили и разграбили крупнейшие культурные и политические центры Средней Азии. После завершения завоевания Средней Азии и Казахстана Джучи получил в качестве

улуса Дашт-и Кыпчак, территория которого тогда простиралась от Иртыша до Яика и далее на запад. Ставка его находилась к западу от Иртыша, в горах Улутау. Мавзолей Джучи находится в Улутауском районе, на левом берегу р. Кенгир, в 45 км к северо-востоку от г. Джезказгана. (См.: *В.В. Вельяминов-Зернов.* Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. II. СПб., 1864, с. 307–308; *В.В. Бартольд.* История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, с. 86. Соч., т. 2. ч. 1. М., 1963, с. 258–259; *Г. Г. Герасимов.* Памятники архитектуры долины реки Кара-Кенгир в Центральном Казахстане. Алма-Ата, 1957, с. 23–28, рис. 32–36).

[15] *Бату* (Батый, в восточных источниках Саин-хан, ум в. 1255 г.) – второй сын Джучи, внук Чингисхана. В 1236 г. во главе большого войска вторгся в пределы Восточной Европы и в течение нескольких лет завоевал Поволжье, Кавказ (до Дербенда), Крым и северо-восточные русские княжества. В 1240 г. провел опустошительные походы по территории Польши, Венгрии и Далмации. Героическим сопротивлением русского народа войска Батыя были сильно ослаблены и в 1243 г. он возвратился в Дашт и-Кыпчак, где основал феодальное государство, известное в литературе под именем Золотой Орды, или улуса Джучиева. (См.: *Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский.* Золотая Орда и ее падение, с. 68–75).

[16] *Тимур-Капка* (Железные врата. Каспийские врата, Дербендский проход) – узкий горный проход в Юго-Восточном Дагестане, между восточным отрогом Большого Кавказского хребта и Каспийским морем в районе города Дербенд.

[17] *Ногай* (ум. в 1300 г.) – главный военачальник улуса Джучиева при Берке-хане (1256–1266 гг.) и его преемниках. Выдвинулся благодаря близким родственным связям с ханским домом, способностям в военной тактике. Ногай был всемогущим временщиком, сменив одного из ханов. В борьбе за власть он жестоко расправлялся со своими противниками. Его политика привела к феодальным распрям в Золотой Орде. Самодержавная власть Ногая вызвала протест со стороны других беков, особенно среди приверженцев хана Тохту (1290–1312 гг.). Ногай был убит во время междоусобной войны.

[18] *Муса* – сын Ваккаса, правнук Едиге, ногайский мурза, правивший Большими ногаями в конце XV и в первой четверти XVI вв.

[19] *Ямгурчи* (XVI в.) – брат Мусы, правнук Едиге, один из феодальных владетелей ногайского улуса.

[20] *Агиш* (Тел-Агиш) – сын Ямгурчи, ногайский мурза (XVI в.), двоюродный брат Ших-Мамая.

[21] *Хасан* (XVI в.) – ногайский князь, брат Мусы и Ямгурчи, правнук Едиге.

[22] *Алчагир* (точнее, Алачгир) – один из сыновей Мусы, брат Юсуфа и Ших-Мамая.

[23] *Шидак* (Сейдяк) Сеид-Ахмед – сын Мусы, ногайский князь, правитель города Сарайчика и земель, прилегающих к реке Яик.

[24] *Шейх (Ших)-Мамай* (XVI в.) – ногайский князь, сын Мусы, брат Юсуфа. Известен своей приверженностью к Московской Руси и торговлей с ней.

[25] *Юсуф* (XVI в.) – ногайский князь, брат Ших-Мамая, отец знаменитой Суюм-бике, родоначальник князей Юсуфовых.

[26] *Измаил* – ногайский князь, владетель астраханских ногайцев, сторонник Московского государства; в 1555–1557 гг. добровольно признал себя вассалом Ивана IV.

[27] *Бекконды улан* (ум. в 1280 г.) –джучид, сын золотоордынского хана Менгу-Тимура.

[28] *Кадырберды* – сын Тохтамыша, один из эфемерных ханов Золотой Орды на ее исходе, ярый враг Едиге, которого Кадырберды убил в 1419 г.

[29] *Мансур* (XV в.) – второй сын Едиге.

[30] *Беккондор* [Бекконды]-*улан* – см. выше, прим. 27.

[31] *Барак-хан* (ум. в 1428 г.) – сын Куюрчука, внук Урус-хана, владетель Ак-Орды, один из строителей ее столицы города Сыгнака, родоначальник казахских ханов. Известен

своей длительной борьбой с Улугбеком, внуком Тимура, которую он вел из-за городов, расположенных в низовьях Сырдарьи. Борьба кончилась поражением Улугбека в районе Сыгнака в 1427 г.

[32] *Махмутек* (Маметек) – джучид (1437–1445 гг.), сын Улуг-Мухаммеда, основателя Казанского ханства.

[33] *Ивак* (Ибак) – джучид, дед сибирского хана Кучума (XV в.), известен тем, что способствовал установлению связей Сибирского ханства с Русским государством. Убит в 1495 г.

[34] *Муртаза* (XVI в.) – отец сибирского хана Кучума.

[35] *Акмет* (Ахмад, ум. в 1481 г.) – джучид, сын Кичик-Мухаммеда, последний хан Золотой Орды. Безуспешно совершил несколько походов на Москву. Известен тем, что отправил посольство с ярлыком к великому Московскому князю Ивану III. Иван III отверг притязания Ахмада, а пайцзу (металлическую бляху, приложенную к ярлыку) бросил и растоптал. Ахмад погиб в сражении с крымскими войсками.

[36] *Булхаир* (правильно: Абулхаир, 1412–1469) – сын Давлет-Шейха из джучидов; в 17 лет был избран ханом при участии и поддержке господствующей верхушки местных племен (найманов, кунгратов, карлуков, уйсунов, кенегесов и др.); местом избрания являлся г. Тура (в Сибири). Он сумел подчинить своей власти население на территории от низовьев Сырдарьи и Аральского моря до Яика и на северо-восток до Иртыша, создать феодальное государство. В 40-х годах он завоевал города Сыгнак, Сузак, Узгенд и прилегающую к ним местность в низовьях р. Сырдарьи. Он вмешивался в феодальные распри тимуридов. В середине XV в. от государства Абулхаира отделилась большая часть населения и образовался особый союз племен, объединившихся затем в Казахское ханство, во главе с ханами Джанибеком и Гиреем.

[37] *Нуреддин* (Нур ад-дин, ум. в 1440 г.) – сын Едиге.

[38] *Укас* (Уакас – правильнее, Ваккас) – сын Нур ад-дина, внук Едиге, глава сильного в то время племени мангытов, вокруг которого стал формироваться Ногайский улус. Важную роль играл Уакас при возведении Абулхаира на престол, а затем во всех его внешних мероприятиях. Уакас искал поддержки у Абулхаира в борьбе со своими противниками как в Ногайском улусе, так и в Золотой Орде.

[39] *Ичкили Хасан-оглан* – один из сыновей Тохтамыша, хана Золотой Орды.

[40] *Хаджи-Гирей* (ум. в 1466 г.) – основатель династии крымских ханов Гиреев. В качестве претендентов на ханский престол впервые заявил о себе в 1427 г., одержав победу над своими братьями, он утвердился на престоле в 1433 г. Свою власть в Крыму Хаджи-Гирей укрепил, опираясь на местных татарских феодалов. Большую поддержку ему оказала и Литва, заинтересованная в ослаблении Золотой Орды.

Во внешних связях Хаджи-Гирей придерживался польско-литовской ориентации. В 1465 г. он нанес удар золотоордынскому хану Ахмету, чем способствовал падению Золотой Орды.

[41] *Ундан* (Ондан) – казахский султан, сын Шигая, брат Тевеккель-хана, отец Уразмухаммеда (см.: комментарий 16 к статье «Письмо профессору И.Н. Березину»), служившего в Московском государстве при Борисе Годунове (конец XVI в.)

[42] *Куйручук* (правильно: Куюрчук) (XV в.) – джучид, сын Урус-хана, дед казахских ханов Джанибека и Гирея, правитель Ак-Орды. После разгрома Тохтамыша (1395 г.) Тимур поставил Куюрчука ханом Золотой Орды, но не надолго.

[43] *Шагим-мирза* – ногайский князь, правитель Сарайчика до Сейдяка (Сеид-Ахмета).

[44] *Борис Федорович Годунов* (ок. 1551–1605 г.) – русский царь, правивший накануне смутного времени.

[45] *Был год мыши...*– В датах пожалования Ураз-Мухаммеду города Касимова, а также воцарения в нем вкралась неточность. По исследованию В. В. Вельяминова-Зернова, Ураз-Мухаммед получил г. Касимов 15 рамазана 1008 г. гиджры, что соответствует 20 марта 1600 г., а день его воцарения в Касимове – четверг, 12 июня того же года. (См.: *В.В. Вельяминов-Зернов.* Исследование о Касимовских царях и царевичах, *ч.* II, с. 450,451).

[46] *Касимов* (по-татарски: *Кермень-Шахар*) – городок на берегу р. Оки, ныне город областного подчинения в Рязанской области, известен с 1152 г. В 1376 г. был разрушен татарами, впоследствии восстановлен на новом месте в километре выше прежнего его расположения по течению Оки. До 1471 г. он назывался Мещерским городком, впоследствии был переименован в Касимов. Свое новое название город получил от имени Касыма, брата казанского хана Махмутека, сына Улуг-Мухаммеда, внука Тохтамыша. В 1446 г. Касым, изгнанный братом, перешел на службу к московскому великому князю Василию Темному. За долгое и полезное служение Василий Темный передал Касыму в 1452 г. Мещерский городок на р. Оке. Касимов являлся центром княжества вплоть до 1681 г.

[47] *Толмач-алпаут* (الباغوت تيلماچ *албагут-тильмач)* – крупный феодал-землевладелец, занимавшийся государственными делами в качестве переводчика и парламентера. В.В. Вельяминов-Зернов считал, что «это боярский сын в качестве толмача» *(В.В. Вельяминов-Зернов.* Исследование о Касимовских царях и царевичах, *ч.* II, с. 402).

[48] *Кадырали* (Кадыргали) *-бек, Саманай-бек* – беки и карачи (см.: коммент. 35 к ст. «Письмо профессору И.И. Березину»), помогавшие Ураз-Мухаммеду воцариться в Касимовском княжестве, вассальном Москве.

[49] Вместо *клич* должно быть *калач.*

[50] *...от ошибок переписчика.* – Главнейшие дефекты и пробелы рукописной копии И.И. Березин также относит к вине копииста, который, переписывая копию с автографа Жалаири, не смог разобраться в специфике терминов и допустил ряд ошибок и искажений.

ИЗ «ТАРИХИ-РАШИДИ»

|| «Тарихи-Рашиди», находящаяся в музее Академии наук, переведена с персидского на тюркский, кашгарский язык Мухаммед Садыком Кашгари[1] по повелению кашгарского хаким-бека Юнус Таджи تاجی, сына Искандер-Вали, сына Эмин-Ходжи. (О Эмин-Ходже см. [Иакинф], Описание Джунгарии и Восточного Туркестана). По желанию этого бека переведена прежде Мухаммед Садыком и «Тарих-Табари»[2] (с арабского) تاریخ طبری. Кроме того, переводчик известен и оригинальным сочинением «Тазкиряи-Ходжакан»[3] تذکرهء خواجه کان, которое составлено им по повелению жены кашгарского хаким-бека Османа, сына Хади-бека Яркендского (میرزا هدی بیك), Рахима-Агачи رحیمه اغاچه [в] 1182 г. гиджры.

Автор оригинала «Тарихи-Рашиди» Мухаммед Хайдар, сын Мухаммед Хусейна, известный более под именем мирза Хайдар Куркана, был визирем кашгарского хана Абдул-Рашида. Он происходил из фамилии Дуглат от эмира Булачи امیر بولاجی دوغلات, которая была в родстве с ханами. Ханы брали жен из этого рода.

|| Автор в 13 лет, [перенесший] ужасные страдания для сироты был взят на воспитание султаном Сагид-ханом, که یتیم لیك نیك نهایتی دور*1, который так любил его, что он [Хайдар] возбуждал зависть детей и братьев [хана]. 24 года он находился при хане и по его позволению [упражнялся] в словесности, поэзии и в сочинении книг, и в рисовании, и в мастерстве золотых дел и возбудил удивление народа, [стал мастером] в токарном искусстве, в кузнечном [деле], в дипломатике. «[Если] говорить обо всем, что знаю, [то] границы [повествования] пойдут далеко.. В простом обращении, в беседе, в войне, в стрельбе из лука, в охоте и وانجه که امور سلطنت دا*2 – во всем этом я был ученик хана. Но от детей его я перенес много худых дел», [– пишет о себе Мухаммед Хайдар].

Султан Махмуд[4] в 899 г. [хиджры] в Шаше отдал за отца автора старшую сестру свою Хуб-Нигар-ханым خوب نگار. Здесь отец его 9 лет был правителем, и на 9 году управления родился автор.

|| Генеалогия кушбеги Могул-улуса или Чете.

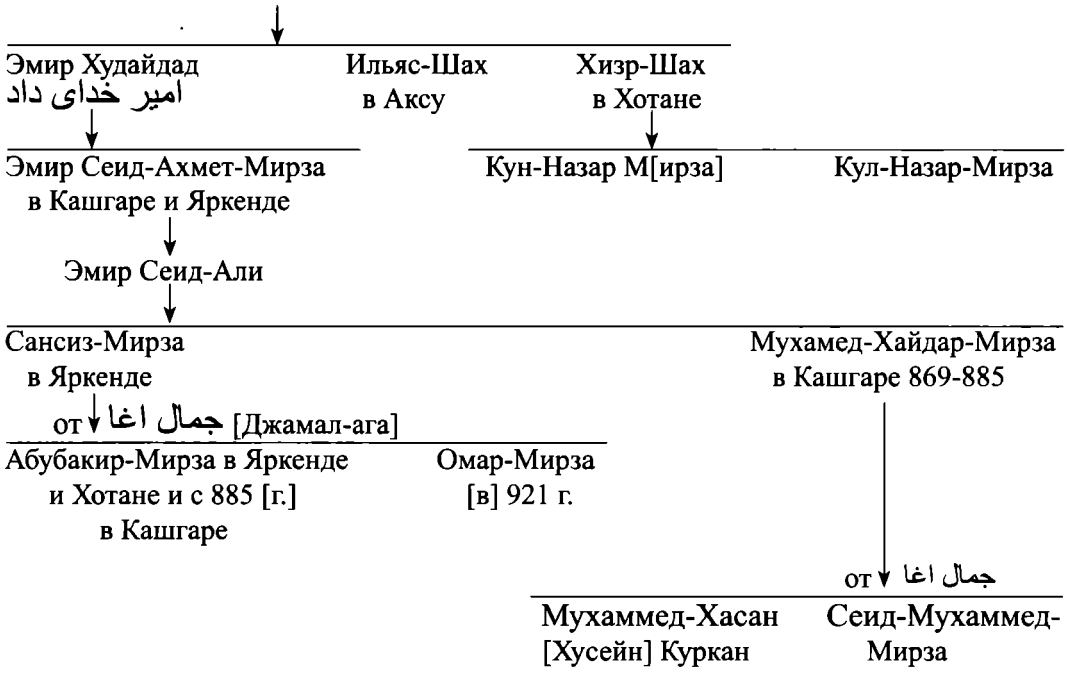
Баурту Дуглат

باورتو ↓3

1		3	4	5
Эмир Тулек	Эмир Булачи	Эмир Шамс-эддин	Эмир Камар-эддин	Ших-Давлет
امیر تولك	امیر بولاچی ↓	امیر شمس الدین	امیر قمر الدین	شیخ دولت

*1 Что было благим завершением его сиротства. (*Перевод В.К. Шуховцова*).

*2 А также в делах правления.



Хайдар говорит, что деяния монгольских ханов были известны по преданиям, [но] в его время уже не было людей, знавших даже по устной передаче и [сумевших] так сохранить их. Он начал в 951 г. гиджры свою историю, приняв за образец изложение Зафар-намэ[5] Шереф-эддина ظفرنامهء شرف الدين. История начинается Туглук-Тимур-ханом, основателем Могул-улуса и первым принявшим ислам; ибо от Чингиса до Туглук-Тимура упоминают все лучшие историки, но история последующих ханов [была] не известна. «Тарихи-Рашиди» разделяется на два отдела: первый заключает [историю отрасли джагатаидов, происшедшей от Туглук-Тимур-хана]. Вторая часть содержит обстоятельства [из жизни] самого автора: то, что слышал, видел о ханах и султанах джагатайских, о узбеках и о неприятностях, которые имел он от своих родственников – ханов. Потому автор повторение событий, предшествовавших этому государю и известных от других историков, считает так же неразумным, как рыть колодец на берегу великой реки Евфрата, и оканчивает [свою историю] Рашид-ханом, по имени которого и названа летопись «Рашиди». История окончена в 962 г. (1554 г.), заключает в себе историю ханов, владевших восточной частью Джагатаева улуса, родоначальником которых был Эсенбуга, которые имели пребывание в Аксу, Кашгаре и Яркенде. Автор этих ханов называет монгольскими (могул) مغول владения их Могулистаном, Могул-улусом, а народ – монголами, хотя они были мусульмане*[3].

Основываясь на сочинении Улугбека «Улус Арбия» اولوس اربغه (Четыре удела), Хайдар говорит, что один из четырех улусов называется Могул-улус и разделяется на две части: Могул и Джагатай, которые враждовали и презирали друг друга. Могулы

*[3] То есть уйгуры, дуглаты и киргизы.

называли джагатайцев Кара-улус*4 а джагатайцы их – Чете جنه*5. Улус Джучиев также разделили на две части, которые называются у нас и у персидских [историков] ордами: Волжская орда [или] Золотая (у русских, у Рашиддина и Вассафа), у мусульман Кук орда (Синяя), а другая – Ак орда. <Когда Джагатай разделил свое царство, Баурту, деду эмира Булачи, дал:>

بو وقتکه جغتای خان مملکت نی تقسیم قیلدی باورتو بوکه امیر بولاجی ننك بباسی ایردی مانکلای سوبه نی انکا بر کان ایدی. ماکلای سوبه عبارت دور مشرق رویه دین حد شرقی کوسان وتاربوکور وحد مغربی سام غر وچقشمان که آخر ولایتی فرغانه دور وحد شمالی اسغ کول وحد جنوبی جرجان وسریغ ایغور. بو حدودنی مانکلای سوبه دیرلار*6.

В Манглай-субе в эпоху эмира Булачи были следующие большие города: بو حدود ایچره نچند شهر عظیم بار ایردیکه اولوغی کاشغر)*7 Кашгар, Хотан ختن, Яркенд*8 یارکند , Каусан کوسان, Ахсикент اخسیکند, Анджан اندیجان, Аксу اقسو Атбаши ات باشی. Столицей Булачи сделал Аксу (стр. 20. О Туглук-Тимуре, стр. 21 [«Тарихи-Рашиди»]).

امیر بولاجی انی خان کوتردی وتمام مغولستان بلکه اکثری یورت چغاتای خانغه مسخر بولدی.*9

[Несколько слов] о фамилии Маулана Рашиддина, который обратил Туглука в ислам.

Автор сочинения пользовался сведениями от потомка этой фамилии и его современника, от святоши Маулана Ходжа-Ахмеда. Родоначальник их – Маулана Шуджаг-эддин مولان شجاع الدین, брат последнего муджтехида حافظ الدین کبیر بخاری [Хафиз-эддин Кебир Бухари]. خواجه حافظ الدین دین کین ینه مجتهد کل پیدا بولما دور*10

Чингис-хан при взятии Бухары убил Хафиз-эддина, а Шуджаг-эддина переслал в Каракорум قراقوروم. Впоследствии قراقوروم بر هم یکانده*11 дети его переехали в большие города: Лоб и Кетек لوب و کتك между Турфаном и Хотаном. Здесь прошли несколько поколений; о жизни их автор, хотя и слышал от Хидр-Ахмеда, но забыл. Последний из них шейх شیخ جمال الدین*12 проклял этот многогрешный город, не хотевший слышать его поучений, и с муэзином выехал в Кучу[6] کوچار. Город после его выхода через несколько часов был засыпан песком.

Наконец приехал он в Байкуль, в окрестностях Аксу, где первый раз встретился с Туглуком. (Стр. 22–24 «Тарихи-Рашиди») Маулана Рашиддин, сын шейха اقسودین

---

*4 Очевидно, описка; должно быть: *кара-унас*.

*5 В персидском подлиннике и кашгарском переводе описка: سویه (суйе).

*6 В то время, когда Чагатай-хан делил страну [на уделы], Манглай-субе (авангардная область) была передана Баурту, деду эмира Булачи. Манглай-субе расположена на востоке [улуса]. Восточную ее границу составляют Каусан и Тарбукур, западную – Самгар и Чикишман, что является краем [концом] области Ферганы. Северная граница – Иссык-Куль, южная – Черчан и Сары-уйгур. Территорию в этих рубежах называют Манглай-субе.

*7 В пределах этих границ [т. е. Манглай-субе] было несколько крупных городов и крупнейший из них Кашгар.

*8 В персидском оригинале вместо Яркенда – Узгенд (اوزکند).

*9 Эмир Булачи провозгласил его [Туглук-Тимура] ханом и весь Могулистан и даже большая часть Чагатаева улуса подчинилась хану.

*10 После Ходжи Хафиз ад-дина [такой] муджтахид [достигший высшей ступени в знании религиозных законов и права] больше не появлялся.

*11 Когда Каракорум был разрушен.

*12 Шейх Джамал ад-дин.

مغولستانغه باردی*[13] следовательно, хан был тогда на кочевках (стр. 26, «Т. -Р.»). Это доказывается тем, что хан тогда же потребовал к себе в палатку خرگاه ایچره Тулека[7], اول زمان منسب دوغلاتی واولوس بیك لیکی الکا [برلکان] ایردی*[14] Там был и эмир جراس (Не Чарас[8] ли?).

В конце жизни владения Туглука распространились до Самарканда, но в нишане*[15], который был дан Туглуком эмиру Булачи (предки Булачи имели нишан и от Чингис-хана) и который достался по наследству автору, значится, что он писан в Кундузе: поэтому надо полагать крайним пределом завоеваний хана – Кундуз. (Стр. 38, «Т. -Р.»).

* * *

|| [Генеалогия Туглук-Тимур-хана]*[16]

الانقوا کورك لوك [Алангоа прекрасная],
بودانجر [Боданжар],

بوقا [Бука], دومن [Думин],
قایدو [Кайду], بایسنغر [Байсункар],
تومنه [Тумнэ], قبل [Кабул]
[Бортан], یوسوکای [Есугей], جنکز خان
برتان [Чингис-хан], چغاتای [Чагатай], مامکای (موتاکان),
[Мамакай, Мутугэн], قریسو (یسونتوا) [Кара-Йису, Йисун-Туа],
Барак براق , دواخان [Дуахан],
Исен-буга ایسان بوغا

Туглук-Тимур-хан*[17]
توغلوق تمور خان
↓
Хизр-Ходжа-хан
↓
Мухаммед-хан
↓
Шир-Али-углан
↓
Ваис-хан
↓
Юнус-хан*[18]
873-892
от дочери Бадахшанского шаха
Махмуд-Султана Шахбигим
↓
Султан Махмуд Султан Ахмед,
992 или Алача-хан
↓
Мансур-хан Султан Искандер Бабаджан-Султан Сагид-хан Эмин-Ходжа
909-950 939
↓
Шах-хан Мухаммед-султан

Исенбуга-хан
↓
Дост-Мухаммед-хан
866-873
↓
Кафяк-Султан-углан
в Турфане – Чалише

↓
Рашид-хан

*[13] Из Аксу приехал в Могулистан.

*[14] Тогда [т. е. в момент восшествия Туглук-Тимура на престол], чины, занимаемые дуглатами, и титул улус-бека были переданы ему [Тулеку].

*[15] Нишан (перс.)–ханский указ; тюркский эквивалент – یرلیغ йарлиг.

*[16] Родословная написана арабским шрифтом, но порядок расположения имен слева направо, по нисходящей линии.

*[17] Против этого столбца на полях рукой Валиханова написано: «[В] 929 году киргиз Мухаммед напал на Туркестан и Сайрам и начал грабить мусульман из ревности к вере и исламу. Поступки эти хану показались неприличными и он напал на киргиз и пленил Мухаммеда».

*[18] Против этого столбца на полях написано: خواجه نصر الدین عبد الله خواجه تاج الدین کوسنه اولادی مولانا رشید الدین Ходжа Насреддин Абдулла потомок Маулана Рашид ад-дина, ходжа Тадж ад-дин Каусани; ниже: Султан Халиль-хан, Султан Хаджи Мансур-хан که قرغزغه حاکم ایردی, который был правителем киргизов, пленил и переселил их в Чалиш.

|| [В] 777 [г. хиджры] Тамерлан идет в поход [на] Джете. Авангардом (манглай или чапауль) назначил зятя своего Мухаммедбека, сына Мусы, Абаса и Актимур-багадура, которые, идя день и ночь, настигли Камар-эддина قمر الدين на Ишти-Куле*19 بوغام استى كولده или بوغانام اسيغ كول , разбили его улусы, взяли множество пленных. Камар-эддин бежал. Между тем Тамерлан достиг Кочкара قوشقار . Здесь получил известие, что Тохтамыш-углан ищет его помощи и покровительства от притеснений Урус-хана (в рукописи اورش خان , в другой الياس خان اولابك). Тамерлан послал узбека Эмир Тюменя امير تمن для встречи провождения Тохтамыша, а сам повернул в Узкент اوزكند, а оттуда в Самарканд. Здесь принял Тохтамыша с честью и призвал*20 توى, одарив [гостя] платьем, поясом, шапкой, палатками, людьми, верблюдами ايكه اوتاقغا بردى (с литаврами, знаменем, свитой متعه واقمشه*21 слоном). Между тем Камар-эддин заболел в كولمه قجوراده*22 (по персидской рукописи استسقا عارض بولدى اول مقدارغه يتى كه كولهء سورا*23) سينى اشيب زرداب بولوب اقتى دابو*24.

Когда дошло до него известие о движении Тимура в Могулистан, он не имел сил сесть на лошадь для битвы и скрылся в лесу с двумя нукерами, где его и не могли отыскать. Это был пятый и последний поход Тамерлана.

Хизр-Ходжа был младший сын Туглук-Тимура, остался [от отца] в пеленках; его скрыла от избиения Мир-ага, мать эмира Худайдада; когда ему было 12 лет, то для спасения от преследования Камар-эддина, его отправили из Кашгара в горы между Кашгаром и Бадахшаном в сопровождении 12 человек اراذل*25 подлых كس از احاد الناس*26. Все они сделались впоследствии вельможами امرا и питомцы*27 их существуют ныне. Один из них был جكرا*28 – по персидской рукописи, جكراكه – по тюркской. От него происходит эмир Таджи تاجى, другой تاجرى из Хоразма, от него эмир Кунджи كونجى, третий Саяди (سيادى) из Чалиша. Его потомок эмир Кушчи, по прозванию Кукелдаш كوكلداش. Преследуемые Камар-эддином беглецы бежали в Хотанские горы, но должны были и оттуда удалиться в страну Сары-уйгур, جرخان*29 Лоб لوب и Кудек (كتك или كدك) и 12 лет там жил, [Хизр-Ходжа], пока после смерти Камар-эддина был вызван Худайдадом и избран ханом. Хизр-Ходжа заключил мир с Тимуром и дочь свою توكل خانم*30 отдал ему в супружество. در ظفر نامه همچنين مثبت است وشرح آن حال مثبت ترور كه شرحى طويل طولى دارد مخلص آن اينست خان در ايام طفر نامه ده انداغ и проч.*31

*19 То есть Иссык-Куле.

*20 Устроил توى (той) – торжество, пир.

*21 Разными товарами и мануфактурой.

*22 Кульмакджура.

*23 Кула-и Сура.

*24 Открылась водянка; дошло до того, что тело его опухло и потекла сукровица.

*25 Презренных, низких, подлых (*араб.*).

*26 Самых вспыльчивых (раздражительных) из людей (*перс.*).

*27 Описка: по-видимому, *потомки.*

*28 Джекра.

*29 По-видимому, описка, следует: چرچان (Черчен).

*30 Тавакул-ханим.

*31 В «Зафар-намэ» тоже есть подобное [описание] и приводится разъяснение этого обстоятельства. В общем, хан в те дни... (*перс.*).

ترور خلص اول تروركه خان اول ايام سلطنت دا ختاى طرف и проч.*32 Хан вел газат в Турфане طورفان Караходже قراخوجه принадлежавших Китаю, и восстановил там ислам, и они *33 до сих пор мусульмане. Вторая столица могулистанских ханов после Кашгара есть она*34. В то время как производилось введение веры خاننك يغبه سيكا بر اطلس وبر كوك اوى توشوب دور مقصود نقل اول كه جان كمال آنساب دا ايردى...*35
درسهم خان يك اطلس ويك گاو كبود افتاده است مقصود كه خانى بوده است مسجد دولت اسلام طغلقتمور خان...*36 В это время умер Тимур. В Зафар-намэ сказано, что, покорив все страны запада, Тимур решил завоевать восточные: Китай особенно. 600 тысячам войска дал за семь лет вперед жалованье علوفه. Так как между Мавераннахром и Китаем населенности мало, то приказал каждому солдату взять по две коровы и по две козы, выступил в Туркестан, где зимовал и послал к Хизр-Ходже посла, чтобы тот приготовил побольше провианту и фуража (соломы *37).
آنچه ممكن باشد در زراعت سعى نمايند ولشكررا از ورقه سامان كنند*38 تاكه لشكر كه ازوق بسيار بولغاى*39. Автор слышал от отца, что весною этого года улус стоял при Коктубе كه موضع مشهور جته است*40 праздновали توى قلديلار новый кумыс. Таков был старый обычай بقانون ورسم قديم , когда Худайдад подал хану чашку с кумысом, пришел кто-то и сказал, что сил сопротивляться нет, надо исполнить все его требования, дать قونالغه وساوس или قونالغه وسوسون بروب خراج گذرليق قيلماق كيراك *41. Хан не успел допить чашку, как получил другое известие, что Тимур умер. Все обрадовались.

* * *

Видно из исторических дат и по остаткам городов и каменных строений, что весь Могулистан в древние времена бы населен густо оседлым и просвещенным народом и, надо полагать, что в то время писались книги и летописи, но, к несчастью, до наших времен не осталось от тех времен никаких памятников, кроме развалин башен, мечетей и зданий, и народ забыл культуру, оставил города и живет в палатках и погряз в невежестве и дикости. Как бы то ни было со времени обращения моголов в ислам, никто из них ничего не имел. Историки Мавераннахра*42, Хорасана, Ирана посвящали свои труды своим государям и пренебрегали ханами Чете. Ходжа Рашид-эддин (да будет возвеличен) в «Джами' ат-Таварих», Ходжа Хамдулла Мастуфи*43 خواجه حمد الله مستوفى в „Избранной летописи" تاءريخ گزيده, Мавлана Шереф-эддин Али Эзди شرف الدين على يزدى в „Книге побед" ظفر نامه. Мавлана Абдуразак عبد الرزاق в „Систематической хронике" تاريخ منظوم и Мирза Улуг[бек] в „Четырех улусах" اربعهء اولوس и другие мало говорят о наших ханах. Во время молодости вашего покорного слуги, когда он впервые

*32 То же самое по-уйгурски с добавлением: хан в те торжественные дни в сторону Китая...

*33 То есть жители этих городов (уйгуры).

*34 Речь идет о городе Караходжа.

*35 На стрелу хана попались один атлас [?] и один серый бык. Целью повествования является то, что хан был в полном величии...

*36 То же, по-персидски.

*37 سامان – (саман) Валихановым понято как солома, по-уйгурски; по-персидски оно означает снаряжение, снабжение.

*38 По возможности, приложить усилие к земледелию и снабдить войско продовольствием (*перс.*)

*39 Чтобы у войска продовольствия было в достатке (*перс-уйгур.*).

*40 Известная местность в Чете.

*41 Дать ночевку, питье и покрыть походные расходы.

*42 Как здесь, так и в других местах у Валиханова: *Маврельнахр.*

*43 Точнее: *Хамдаллах Мустауфи Казвини.*

почувствовал любовь к древним сказаниям, между монгольскими эмирами было много таких, которые имели 100 и 110 лет и более; кроме того, дед и отец сообщили очень много сведений о прошедших временах. В этой части я буду говорить о том, что слышал и сам видел.

В 905 году بوكمينه ننك تولد قيلغان كونى*44.

Со того времени, как города Могулистана были разорены каракитаями مغولستان شهرلارى عبارت قراختاى دور دين ويران بولوب до времен Юнус-хана моголы были народом кочевым и никакого понятия не имели об оседлости. Начиная от Ташкента с окрестностями все степи принадлежали моголам.

С 905 до 908 года Чете наслаждалось спокойствием. В это время в Фергане управляли дети Омар-шейха Бабур и Джангир, Бухарой – Байсункар и Султан-Али-Мирза*45, которые враждовали между собою вследствие отпадения и ухода эмиров. Вражда велась и с Шахибек-ханом, сыном Шах-Будука, [сына] Абулхаира*46, который между джучидами (جوجى زاده) старейший (сильнейший). В Хорасане с блеском и величием сидел на престоле султан Хусейн-Мирза*47. Если возникали между отцами и детьми несогласия, он быстро уничтожал. В Иране царствовал шах Измаил, похититель престола. После смерти Узун-Хасана остался малолетний сын Якуб; при нем овладел уделом Измаил.

В Кипчаке, или улусе Джучи, был Бурундук-хан براندوق, которому принцы джучиды не хотели повиноваться *48. В Шаше, который известен под именем Ташкента, в это время был Махмуд-хан.

Чтобы говорить о Махмуд-хане, считаю нужным сказать кое-что о Юнус-хане. Между монгольскими ханами подобного не было. Он жил 74 года, между тем, как до него ни один монгольский хан не жил за 40 лет. В последние годы жизни, раскаявшись, вел отшельническую и богобоязненную жизнь и имел послушнические отношения и склонность к ходже Абдулле. Десять лет был учеником Шараф-эддина Эзди, автора «Зафер-намэ», много странствовал и испытал несчастья и лишения. В уме, храбрости и силе превосходил всех. У него было семь детей.

Султан Юнус-хан в первые годы своего царствования, по старому монгольскому обычаю, все время жил в улусах. Городов в Могулистане не было. Мусульмане Мавераннахра считали могулов за неверных и обращали пленных в рабство и продавали. Ишан Абдулла-Ахрар اعرار обнародовал по всем мусульманским странам, что подданные такого благочестивого государя, как Юнус-хан, не могут считаться неверными и чтобы их не продавать и не обращать в рабство. Хан, думая, что пока не будут моголы жить оседло, они не будут истинными мусульманами, хотел овладеть каким-нибудь городом и взял Ташкент, а младшего сына своего Ахмед-хана оставил в Могулистане; при нем же находился старший сын Султан-Махмуд-хан.

---

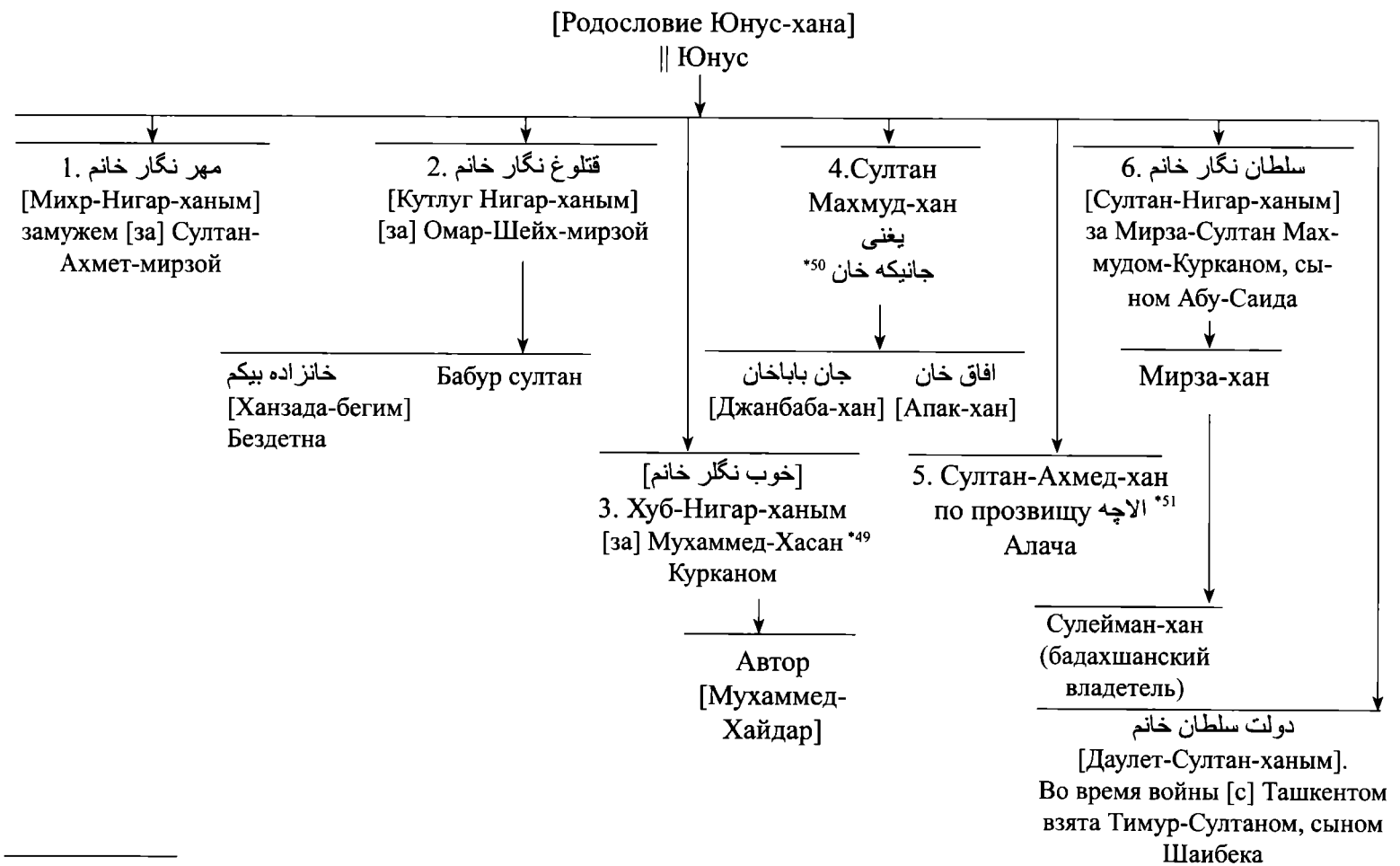
*44 В день рождения вашего покорного слуги. («Тарихи-Рашиди»).

*45 Бухарой – Байсункар и Султан-Али-Мирза обведено в рукописи замкнутой чертой.

*46 В персидском оригинале «Тарихи-Рашиди»: شاهى بكخان بن شاه بداغ سلطان بن ابو الخير – Шахибек-хан, сын Шах-Будаг – султана, сына Абулхаира.

*47 Против этих строк на полях приведена выписка из кашгарского перевода «Тарихи-Рашиди»: وجمعيت لارى بمثال باران كثرت دا ايردى – и население их было многочисленное, подобно дождевым каплям.

*48 Против этих строк на полях выписка из персидского оригинала «Тарихи-Рашиди»: سلاطين جوجى نژاد سر بر خط فرمان او داشتند وجمعيت ايشان بكثرت اقطار امطار مساوات مى جهت – принцы-джучиды покорно подчинялись ему, и население их по своей многочисленности равнялось дождевым каплям.



*49 Описка, точнее: *Хусейн, отец Мухаммед-Хайдара, автора «Тарихи-Рашиди»*.

*50 То есть Джанике – хан. (*Примечание Валиханова*).

*51 *Алача* – по-калмыцки اولتر كوچى – убийца. (*Примечание Валиханова*).

Комментарии

Печатается по тексту ССВ, т. 1, с. 437–450. Краткие извлечения из «Тарих-и Рашиди» Мухаммада Хайдара, сохранившиеся в виде автографа двух отрывков, из которых один называется «Выписка из Т.–Р.», другой – «Тарихи-Рашиди» (Архив АН СССР, ф. 23, оп. 1, д. 11, лл. 1–2 об., 7–7 об.; д. 10, л. 11–11 об.). Имеются также варианты чернового автографа (ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, д. 490, лл. 375–376). Отрывки представляют собой вольный перевод и извлечения из персидского и тюркского текстов «Т.– Р.» с комментариями Ч. Валиханова. Работа, вероятно, написана в Петербурге в 1860 г., после возвращения Валиханова из путешествия в Кашгар.

[1] *Мухаммед (Мухаммад) Садык Кашгари* – автор известного исторического сочинения «Тазкира-и Ходжаган», являющегося сокращенной редакцией его труда «Тазкира-и ‘Азизан» («Жизнеописание святых»). Обе работы, написанные на уйгурском языке, были завершены в 1768–1769 гг.

По мнению Валиханова, эти работы как бы служат продолжением «Тарих-и Рашиди» Мухаммада Хайдара.

Один из лучших переводов «Тарих-и Рашиди» с персидского оригинала на чагатайский язык также принадлежит перу Мухаммада Садыка Кашгари; список 1855 г. хранится в рукописном отделе ЛО ИВ АН СССР под шифром 590 d.

[2] *«Тарих-Табари»* («Тарих-иТабари» تاريخ طبرى «История Табари») – сокращенное изложение известной многотомной всеобщей истории «Тарих. ар-русул ва-л-мулук» («История пророков и царей»), составленной по-арабски известным историком Абу Джа’фаром Мухаммедом ибн Джариром ат-Табари (ум. в 923 г.). Перевод на персидский язык и обработка принадлежат перу Абу ‘Али Мухаммеду ибн Мухаммаду Бал’ами, вазиру саманидских правителей ‘Абд ал-Малика ибн Нуха (954–961 гг.) и Мансура ибн Нуха (961–976 гг.).

[3] *«Тазкиряи-Ходжакан»* (Тазкира-и Ходжаган) – см. выше, комм. 1.

[4] *Султан Махмуд, сын Юнус-хана* – см. генеалогическую таблицу Юнус-хана, наст, изд., с. 27.

[5] *«Зафар-наме»* – «Книга побед», сочинение Шараф ад-дина ‘Али Йазди (ум. в 1454 г.), историка военных походов Тимура; была составлена на основе официальных донесений, записанных мунши (секретарями), сопровождавшими в походах завоевателя. Это сочинение, написанное на персидском языке, в 1425 г. было поднесено автором преемнику Тимура Шахруху и с тех пор пользуется широкой известностью в исторической науке.

[6] *Куча* (иначе Кусан, или Кучар) – город в Восточном Туркестане, на пути из Аксу в Кашгар и Турфан.

[7] *Тулек* – дядя деда Мухаммада Хайдара. См.: Генеалогия кушбеги Могуд улуса или Чете (ААН. ф. 23, оп. 1, д. 1 об.); наст. изд. е. 15–16.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ О БАТЫРАХ XVIII в.

1. Аблай-хан[1], в одном набеге на джунгаров[2] отправил вперед для разведывания 1000 ч[еловек], разделив на два отряда под начальством двух храбрых батыров: карабужур канджигалинца Джанатая[3] и из того же рода Богенбая[4] – старшего*[1] Батыры долго не возвращались; Аблай начал беспокоиться не на шутку; о судьбе этих батыров спросил у барда (певца) своего Бухар-джирау[5], «Что сделалось с моими молодцами и отчего они так долго не возвращаются?» Бухар отвечал:

«Джанатай пройдет через Талкын,[6] Богенбай пройдет Кульджаном[7]. А Хан-Баба[8] назад прибежит. У Джанатаева Талкына проходы тесны и опасны». Джанатай мой в беду попался, думает Аблай. «Джанатай пойдет, пройдет в улусы и возьмет, от края оторвет. Джанатаем взятую белолицую девицу хан Аблай-султан да возьмет». Сам Аблай говорит, что только однажды, именно тогда, когда сбылось это предсказание, ему казалось, что от радости макушка его задевает небо*[2].

2. Однажды Аблай должен был ретироваться от отряда китайцев и был ужасно печален и сердит, зная, какое может иметь влияние на легкомысленных киргиз эта маленькая неудача. Тогда один из бардов его Татикара-джирау[3], для одобрения*[3] бегущих кайсаков и для самого Аблая пел так:

«Бежавшие китайцы снова начали движение, натянулась тетива из куланьева хребта. Крепкореберный и широкожелудочный Аблай, перенеси это одно дельце. У врага-китайца клячи как копчик изловчились, нет – хан Аблай не бежал, нехорошее слово «бежал»,– он двигался только косо. Басентинец Серымбет[10], стрелы бросая, бился. Не ищи ума при бегстве! Нет хладнокровия при торопливости! Баян[11] уаковцев*[4], да мы и это видели! Когда он, поворачиваясь назад, копьем работал».

3. Аблай собирал народ, чтобы предать на разграбление (чапу)*[5] аул одного уйсунского бия Эрденэ-батыра за какой-то относительно его проступок. Хан был на этот раз [так] недоступен, что никто не решался вымолвить словечко в пользу виновного, тогда по просьбе народа Бухар-певец решился и затрубил так:

«О Аблай! Аблай! Подобно ари и гури*[6] возносится и соперничает с горами твоя слава; не помещаются в пяти воротах отпущенники-рабы твои*[7]. Перейдите за

*[1] В смысле старейшего в народе.

*[2] Задевать небо – «тубеси-кокке жетер» – выражение, означающее верх радости, чести и славы. (*Примечание Валиханова*).

*[3] Искажение переписчика, следует: *ободрения.*

*[4] Это любимец Аблая и первый храбрец того времени. Родом был из уак-кирей и был убит в одном из набегов на калмыков с братом своим батыром Сиры: отчего часто называют их вместе Сары-Баян. (*Примечание Валиханова*).

*[5] Собственно: шабу – нападение, атака.

*[6] Ари и гури – сфера абсолютного пространства, что за 7-м небом. (*Примечание Валиханова*).

*[7] Отпущение рабов есть на востоке одна из первых добродетелей и есть первый признак великодушия. (*Примечание Валиханова*).

Алатау, потушите гнев, если потушите, то не придет ли с 80 вьюками вещей*[8] Эрденз называемый, твой пестрохалаточный раб».

4. По преданию, Аблай, выехавший из Туркестана в степь к Абулмамет[12]-хану, как к самому близкому родственнику, приехал с дядькой своим Уразом на одной лошади и обстоятельства заставили его жить несколько времени инкогнито у одного богатого киргиза караульского рода, отделения якшилык Даулетбая, где он, как говорят некоторые, был при табуне лошадей. Жена Даулетбая не без удивления заметила, что молодой иностранец никогда не просит пищи, пока не дадут, и что тогда берет очень неохотно; а из нечистых чашек совершенно не пьет. Это совершенно не киргизское поведение: эксцентричность обратила внимание хозяина, который тогда через расспросы у Ураза узнал о его происхождении, тотчас увез его к хану Абулмаммету, одарив его лучшею лошадью из табуна. Этот-то выбранный конь был тот знаменитый Чалкуйрук (пламя - хвост), первый сподвижник похода молодого султана, Чалкуйрук, на котором Аблай составил себе имя батыра и уважение киргиз.

5. Плен Аблая у Галдан-Черена[13]. В одном из нашествий джунгаров на киргиз Аблай убил на единоборстве сына Галданова Чарча. Галдан, узнав о смерти любимого сына своего, приказал виновника его, кто бы он ни был, где бы он ни находился, схватить.

Калмыки, посланные для сего, настигли его врасплох на охоте, схватили с несколькими биями, с знаменитым батыром Худайберды атыгаевского рода Джапеком*[9] и привели к Галдану.

На вопрос, где ты убил моего сына, Аблай отвечал: обвинение пало на меня, а был убит народом, через меня исполнилась воля народа над сыном твоим Чарчем. Галдан был так доволен этим ответом, что несколько раз повторил: мён, мён, остановил палачей и велел запереть в юрту и иметь строгий надзор. Тогда-то начались мучения Аблая: мать Чарча каждый день ходила смотреть на убийцу сына казаков (киргизов) , каждый день исправно мучила их угрозами и проклятиями, отпускала изрядную порцию энергического проклятия, сопровождала их не менее энергическими жестами и приговоривала: «Как ты мог убить его? Разве можно было убить его?» Аблай не вытерпел и однажды, когда по обыкновению после предварительных сентенций, [она], скрежеща зубами, поднесла кулак свой к его лицу, сделала обычный свой вопрос, он отвечал: «Где не умирал такой блудный раб, как твой сын, старая калмычка!». Она бросилась к мужу, требуя смерти дерзкого казака, и Галдан, боясь чтобы она в самом деле не убила бы Аблая, отпустил его[14] и Джапака-батыра, взяв в аманаты (заложник) сына последнего, который по ловкости своей на охоте и храбрости прослыл под именем Рыжего киргиза (Сары-казака)[15].

6. Когда спросили у Аблая, кого он из батыров более уважает из всех 3 орд, он отвечал: «Из предшествовавших мне мужей двое заслуживают удивления: Казыбек[16] каракесековец, который возвратил от Галдана 90 своих пленных, и Дерпсалы уаковец, также возвративший своих пленных. Первый взял просьбой и был сам у Галдана, а последний устрашил врага, сидя в своем ауле. Из моих батыров басентинец Малайсары[17] по богатству, храбрости и по характеру и уаковец Баян по уму и храбрости стоят выше всех».

*[8] Штрафу (аиб). (*Примечание Валиханова*).

*[9] Искажение переписчика, следует: *Джапаком*.

7. Байгозы[18] батыр тарактинец. Во время преследования торгоутов[19], бежавших из России, киргизы расположились на бивак, варили в своих походных котлах сушеное конское мясо, разводили в турсуках курт с водой; словом завтракали и подкреплялись на целый день. В палатке сидел Аблай и в другой Джаныбек[20] батыр чакчаковец – аргын, известный по своей чрезвычайной гордости. Батыр сидел молча и курил табак, тогда молодой киргиз дерзко подъехал к его палатке и, с лошади протягивая руку, сказал: «Джаныбек-батыр, дай-ка трубку!» Джаныбек не обратил на него внимания и, чтобы показать совершенное презрение, с достоинством выколотил трубку о каблуки своих красных сапогов, бережно и медленно положил в свою калту (карман). Скоро хан снялся с поля, и каждый род сгруппировался под своим значком, выехали вперед батыры в кольчугах, в шлемах с перьями, с луками и стрелами, подошли к хану и образовали тоже кружок. Так вели совет: решено сделать нападение на неприятеля, хотя и в превосходном числе. Для расследования решено было послать караул, вызывали охотников, первый вышел тот молодой человек, который просил трубку у Джаныбека. На вопрос Джаныбека-батыра у посланных после возвращения их с разъезда*[10], тот же молодой киргиз отвечал: «Не много и не мало». Бой начался, калмыков было 10 тысяч; киргизы потерпели ужасный урон, наконец не выдержали и бросились бежать. Впереди всех один высокий калмык на черной, как ночь, лошади с знаменем в руке вбивался в ряды киргиз, сбросил многих с седла. Джаныбек находился при этой ретираде, кажется, в доброй среде бежавших, но говорил громко: «Жаль, что не родилось ни одного киргиза, который мог бы убить этого болвана*[11]». Тогда наш знакомец, тот молодой человек, о котором мы уже говорили, выехал вперед, обернулся, натянул стрелу; тетива взвизгнула, калмык закачался на лошади и упал, стрела завязла в щелку (?) и пошла зигзагами. Молодой батыр был так недоволен, что стрела его пошла не прямо, проговорил: «Этот, кажется, был в шкуре самого аллаха». Смерть знаменосца произвела смятение в рядах неприятеля. Киргизы воспользовались, ударили назад и обратили калмыков в бегство и таким образом вырвали победу из рук неприятеля. Тогда Байгозы (это было имя молодого человека), закурив трубку и подходя к Джаныбаю*[12]-батыру, сказал: «Батыр, вот время, когда можно курить». Так начал свое батырство Байгозы тарактинец, и с этого времени все узнали его имя.

8. Балталинец Уразумбет[21]-батыр славился удивительною ловкостью и быстротою действия. Баенбай*[13]-батыр [бага]налинец рассказывал, что ему однажды случилось быть вместе с Уразумбетом: ночью поехали они на аул калмыков из 8 юрт; они решились напасть – сказано и сделано; пока он, Баянбай, успел перебить калмыков в двух юртах, как явился Уразумбет-батыр, объявил, что он доканал всех. Он получил двойную добычу.

9. В одной из пещер в степи засели калмыки. У входа сидел один стрелок с знаменитым тогда корама[22] черным ружьем (калмык из него стрелял сайг через Иртыш); после смерти нескольких смельчаков, никто из батыров не смел идти. Вдруг выезжает на буланой лошадке сыргелинец Ильчибек[23]-батыр и отправляется на

*[10] Очевидно, пропущен сам вопрос: «Много ли врагов?»

*[11] Правильно: *балуан* – силач.

*[12] То есть к Джаныбеку.

*[13] Точнее: *Баянбай.*

калмыка мелкой рысцой. Все ожидают с трепетом, что он сейчас падет. Ильчибек, доехав таким образом довольно близко, вдруг устремился, калмык приложил фитиль – осечка и не успел приложить еще раз, как был изрублен батыром.

Когда его спрашивали о причине того, что он ехал все рысью, он отвечал: «Калмык хотел моей лошади и дожидался, чтобы я подъехал ближе, я же рассчитывал, что пока я буду ехать, на фитиле образуется большой нагар и после даст осечку». У киргиз вошло в пословицу – фитиль с нагаром курунова*[14] черного ружья.

10. Валихан в молодости был известен за большого чудака и «тентека»*[15]. Он был причиной одной войны с калмыками, которые покорились Аблаю и пришли в степь, чтобы остаться при нем. Поспорив с молодым нойоном[24] за девушку. Вали пнул его и изломал тяжелыми каблуками тогдашних античных сапогов ребра бедного калмыка.

11. Между башкирцами известен во время Аблая Исет-батыр; рассказывают, будто он имел однажды встречу с Аблаем, схватил его под мышку и понес с такою же легкостью, как бы свою шапку.

12. Киргизы Средней орды сделали набег на дикокаменных киргиз, «киргизы» были предуведомлены и были готовы для встречи известных гостей. Кайсаки бежали. Неприятель преследовал их до реки Или. Казаки переправились вброд. Киргиз Темирджан-батыр, увлекшись, зашел с малым числом удальцов, преследовал их на киргизский берег за Или. Тогда канджигалинец Томача-батыр, видя, что манап увлекся слишком далеко и не имел товарищей, повернул назад и воткнул копье под самую грудинку лошади с такой силой. что благородное животное разом село на задние ноги. Манап быстро соскочил с лошади и бросился на сергелинца Джаулубай-батыра; канджигалинец Исет-батыр, увидев опасность товарища, дал удар копьем– манап повалился на землю. Томача-батыр, он был низкого росту, но с великой душой, он сел на него и распорол живот – это был сокол, затравивший лебедя. Белое обнаженное тело батыра осталось в поле, белея подобно белому сазану*[16]. (Манапами называются родоначальники дикокаменных киргиз). Темирджан был красив в полном смысле: бел и дороден. Киргизы увидели смерть любимого манапа, начали преследовать с ожесточением. Сергелинец Джаулубай был взят в плен, сошел с лошади, чтобы стрелять, затем [были] взяты киргизы Усен-батыр и Алтай, Байгозы-батыр. Байгозы-батыр был выбран по жребию, как жертва за смерть манапа. Его спросили, кто убил батыра? Он отвечал твердо: я не хочу быть доказчиком ни на кого.

Его посадили, обратив лицом к востоку, отмерили 40 шагов, и бурут с длинным ружьем сел напротив и начал медленно наводить оружие.

Сам Байгузы рассказывал после, что решительно ничего не думал и не боялся: «Завязав крепко на голове*[17], я сидел, ожидая выстрела, но не замечая того, когда брат покойника пришел ко мне и сказал: «Брат мой был шаит. я не хочу крови, ты, казак, свободен». «Я не мог подняться, кровь в жилах совершенно остановилась, и пот градом лил с лица». Он был выменен на одного из братьев Темирджана, бывшего

*[14] *Корун.* (Корум) имя меткого стрелка и легендарного изобретателя дальнобойного фитильного ружья.

*[15] *Тентек* озорник.

*[16] Белый жир. *(Примечание Валиханова).*

*[17] То есть обвязав крепко голову.

в плену у Аблая, и Джаулубай вышел с обещанием доставить выкуп. За него жизнью поручился товарищ по плену киргиз Усен. Он пас баранов и через несколько месяцев при благоприятном случае бежал.

Вот плач сестры по Темирджану.

«В табуне сивая лошадь, у которой, если поворочу, будет болеть шея. Подобный ханскому сыну братец, если не потяну, будет болеть у него сердце; братец – что же я сделаю? Боже, как бояк*[18] в бокше*[19], как саяк в табуне, как манат (китайская материя). Подобного ханскому сыну, брата не помяну – будет болеть сердце, ох, братец, что я сделаю, боже!»

13. Последнее преследование бежавших торгоутов в преданиях народа известно под именем «пыльного похода». В этом походе народу было более сан (без счета), хан стоял на сборном месте, не двигаясь; он дожидался храброго батыра Баяна, несмотря на ропот других батыров. Наконец явился с 540 человеками и он предстал перед ханом: «Куда, что прикажешь, я исполню». Хан обратился к народу и сказал: «Вот зачем я так долго ждал Баяна». В это-то время кандигалинец Джанатай-батыр, державший передовой караул с отрядом в 500 человек в расстоянии суточной езды, был убит калмыками. Это случилось так: брат Джанатая Уйсунбай, делая разъезды, взял у калмыков 3 верблюдов; когда по возвращении у него брат же его Аркандар-батыр попросил должную саугу (добычу), Уйсунбай-батыр отвечал: «У калмыков верблюдов много, есть у тебя руки – можешь сам взять: болезни у тебя нет». Аркандар, глубоко оскорбленный этими грубыми словами, чтобы в свою очередь доказать брату свое удальство, с 7 товарищами, с знаменитым Конайем, сыном Куян-Кузды (заячьи глаза), напали на стадо калмык, взяли 9 верблюдов. Аркандар отправил добычу с 7 товарищами вперед, сам отстал, чтобы остановить или заманить в противную сторону направляющуюся погоню.

Сначала товарищи видели как Аркандар искусно умел заманить их в противную сторону, потом видели, как будто батыр окружен. Взошедши на гору, увидели, наконец. Показалось – со всех сторон идут. Туй! Аркандар убит. Когда узнал Джанатай о смерти любимого своего брата, сделал проклятие и поклялся против убийц: «Или умру, или напьюсь вашей кровью!» Велел подать лошадей, с 500 человек отряда ворвался в ставку калмыков, их было 10 тысяч, и утонул в битве – битва была страшная, киргизы шли на смерть. Уйсунбай с распоротым животом, держа внутренности в полах своего халата, дрался и спрашивал: «А что, Джанатай-батыр, с распоротым животом можно ли жить?» Все пали, остался Джанатай и 8 человек и сын его Токыш. Джанатай слез с лошади, подал ее сыну, говоря: «Отправляйся домой, пробейся, ибо не будет человека, который при случае мог бы за меня отомстить»,– и пал. Когда Аблай узнал о смерти Джанатая, плакал неутешно, говоря: «Не дававший себя точить, черный булат мой!»

Все войско (ходом чабдул*[20]) быстро устремилось на Или и до прихода калмык окружили все броды.

Калмыки остановились, послали семь человек послов, во главе которых высокий черный калмык в огромной, как котел, лисьей шапке, сошед с лошади за несколько сажен, подошел к хану и приветствовал: «Алла джар (Бог помощник)! Уса и Серен-

*[18] Краска.

*[19] Сума.

*[20] Говорят также: *шабуыл* – атака, нападение, налет.

хан послали меня: калмыки и казаки были братья, будем же и теперь ими, примите белые юрты – дань и будем мирны!» «Пошел!» – сказал хан, собрал батыров и начал совещание, выразив свое мнение: «Белые юрты надо взять, обнадежить и потом уже разграбить».

Баян отвечал: «Нет! Не берите белых юрт, не старайтесь обманывать: Уса и Серен обманули верхний и нижний Китай, обманут и тебя».

Хан два раза повторял свое, он два раза отвечал свое. Хан остался на своем.

Калмыки стали в расстоянии коча*[21] баранов (переход 8 и 9 верст). Два дня ждали, нет калмыков, нет белых юрт, после (?) узнали, что прошло два дня, как они снялись и ушли. Баян взялся преследовать с 1000 человек, догнал в то время, когда они вошли в Китай, и не успел захватить только 40 саженями; на возвратном [пути] от воды, испорченной трупами калмыков, они заболели болезнью кара тышкак (черные испражнения) и погибли и погиб знаменитый Баян.

14. Галдан спрашивал у Аблая, когда тот был у него в плену: «Какие государи выше других?» – «Кондакер*[22], русский белый царь, Ижен*[23]-хан, Галдан, после я сам». «Мен, мен!» – говорил Галдан. «Управляешь малым народом, но достоин большого народа», – сказал Аблай.

Комментарии

Печатается по тексту ССВ, т. I, с. 220–227. Автограф не сохранился. Текст был напечатан по отрывочной рукописной копии – ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, д. 491, лл. 1–32, и опубликованному ранее тексту в ЗРГО (СПб., 1904, т. XXIX).

Мысль о собирании казахских исторических преданий зародилась у Валиханова еще в 1852 г. во время учебы в Сибирском кадетском корпусе. По словам Г.Н. Потанина, над этим вопросом Валиханов не раз размышлял. «Он мечтал сделать открытия в древней истории Востока посредством данных, которые представляют народные предания и остатки киргизской старины». Вероятно, работа написана в 1855–1856 гг. С некоторыми искажениями она впервые опубликована в Сочинениях Ч. Валиханова (ЗРГО ОЭ, т. XXIX, СПб., 1904, изд. под ред. Н. И. Веселовского).

[1] *Аблай-хан* (1711–1781 гг.) – казахский хан Среднего жуза, один из наиболее авторитетных государственных деятелей в Центральной Азии нового времени. В первой половине XVIII в. приобрел большое влияние среди казахов благодаря своим умственным и организаторским способностям, особо проявившимся в борьбе с джунгарами. В 1740 г. принял российское подданство. Источники характеризуют Аблая как дальновидного политика, деятельность которого была объективно направлена на создание централизованного и самостоятельного казахского государства. В 1771 г он был избран ханом Среднего жуза и в 1778 г. официально утвержден в этом звании Российским правительством (см.: *Н.Г. Аполлова.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в., М., 1960; *В.Я. Басин.* Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1971; *В.С. Кузнецов.* Цинская империя на рубежах Центральной Азии, вторая пол. XVIII–первая пол. XIX в. Новосибирск, 1983).

[2] *Джунгары* (ойраты) – под этим названием были известны западно-монгольские племена; соседние тюркоязычные народы называли их калмыками. В первой половине XVII в. эти

*[21] Точнее: *коша*, от слова *көш* – кочевка, кочевой караван; көш жер – расстояние в один привал.

*[22] Под этим названием раньше у казахов были известны сельджуки, а в более позднее время Крымское ханство.

*[23] Так называли казахи китайских императоров.

племена составили сильный союз – Джунгарское или Ойратское государство, оттеснившее на второй план восточных монголов. Ойратское государство достигло наивысшего могущества в конце XVII в. и в первой половине XVIII в. – в период правления ханов Батура, Цеван-Рабтана и Галдан-Цэрэна.

[3] *Джанатай* (точнее Жантай) – батыр Среднего жуза, рода канжигалы (XVIII в.). В ряде исторических и поэтических преданий и спевах устного народного творчества казахов фигурирует как герой борьбы с джунгарами. (См.: «Қазақ әдебиеті тарихы», I т., Алматы, 1948, 307–308 б.).

[4] *Богенбай* – батыр Среднего жуза, рода канжигалы (его прозвище Канжигалы карт Богенбай). Один из организаторов и руководителей казахского народного ополчения в борьбе с джунгарами (20–30-е годы XVIII в.) О нем сложено в устном народном поэтическом творчестве казахов много легенд и преданий. Широко известна историческая поэма «Богенбай», возникшая на основе преданий и исторических спевов о нем.

Восхваление подвигов Богенбая, а также других известных героев борьбы с джуигарами – Кабанбая, Казбека, и др. – в исторических преданиях XVIII в. сопровождается большой идеализацией этих образов в соответствии с традициями героического эпоса. В этих идеализированных образах Богенбая, Кабанбая и других батыров, лишенных каких-либо отрицательных черт, которыми в той или иной степени обладали их прототипы – реальные исторические личности, отразились чаяния народа, мечтавшего об идеальном герое, защитнике простых людей от чужеземных завоевателей. (См.: *С. Аманжолов.* Богенбай-батыр. Алматы, 1946).

[5] *Бухар-джирау* (правильнее, жырау) Калкаманов (1693–1787) – известный казахский певец-импровизатор, автор многих песен дидактического характера, получивших большую известность.

Несмотря на классовую ограниченность творчества Бухар-жырау, выражавшего интересы патриархально-феодальной верхушки казахского общества, в его произведениях нашли верное отражение отдельные исторические события того времени. Он воспевал освободительную борьбу казахского народа против джунгар и народных героев этой борьбы – Богенбая. Кабанбая, Джаныбека и др. Будучи тесно связанным с ханом Аблаем, Бухар-жырау поддерживал и одобрял его политику лавирования между Россией и Китаем. Лишь в конце своей жизни он подошел к пониманию необходимости союза с Россией.

В творчестве Бухар-жырау появляются элементы, ставшие потом свойственными казахской письменной литературе. (См.: «История казахской литературы», т. 2, Алма-Ата, 1979, с. 33–51).

[6] *Талкын* (Талкан, Талкы) – военная крепость около Хоргоса, недалеко от Кульджи.

[7] *Пройти Кулъджаном* – т. е. вырваться из рук врага, искусно ведя бой, проявляя ловкость и отвагу (от имени древнего богатыря Кудьджана, бесстрашного воина и замечательного тактика).

[8] *Хан-Баба* (XVIII в.) – сын знаменитого Барака, соперника хана Абулхаира. В исторических преданиях символизирует тип малодушного, бесславного воина. (См.: *А.И. Левшин.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей, т. II, СПб., 1832, с. 63)

[9] *Татикара-джирау* (жырау) – крупнейший казахский певец-импровизатор и сказитель цервой половины XVIII в. В его песнях и поэмах наряду с сохранением основных традиций устного народного творчества уже появляются элементы, ставшие позже характерными для письменной литературы.

[10] *Серымбет* (Сырымбет) (XVIII в.) – один из знаменитых батыров рода басентиин, отличившийся в борьбе с джунгарами.

[11] *Баян* (первая половина XVIII в.) – батыр Среднего жуза, рода уак-кирей, герой освободительной борьбы казахов против джунгарских завоевателей. В исторических предани-

ях XVIII в. и в устном народном творчестве казахов широко известен исторический спев «Баян-Батыр», содержащий описание его героических подвигов и гибели в бою. (См.: «Қазақ әдебиеті тарихы», I т., 308–309 б.).

[12] *Абулмамет* (правильно Абулмамбет; в литературе неточно: Абулмагамет, Абулмахамет и т. д., ум. в 1771 г.) – хан Среднего жуза, был провозглашен ханом в 1739 г., после победы над джунгарами.

[13] ...*Галдан-Черен* (Цэрэн) – джунгарский хунтайджи (1671–1745 гг.). Вел войны с Китаем и казахами. В 1741–1742 гг. явился организатором опустошительных набегов джунгаров на земли казахов Среднего жуза. В результате этих вторжений часть казахских кочевий в Семиречье была временно оккупирована джунгарскими войсками. После смерти Галдан-Цэрэна в Джунгарии усилились центробежные тенденции, начались феодальные междоусобицы. Это способствовало распаду феодального ханства и в 1758 г. оно было разгромлено маньчжурскими войсками.

[14] *Галдан, боясь, чтобы она в самом деле не убила бы Аблая, отпустил его...*– Вопреки народным преданиям, источники убедительно показывают, что Аблай был освобожден из джунгарского плена благодаря настоятельным требованиям российской пограничной администрации, которые были предъявлены джунгарскому нойону Мандже в Семиречье российским послом К. Миллером. (См. ЦГАДА, ф. 248, кн. 28/149, д. 190. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1961, с. 258–262; *Б.П. Гуревич.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII–первой половине XIX в., М., 1979, с. 77).

[15] *Сары-казак* – двусоставной этноним; термин *сары* часто употребляется в составе этнонима сары-кышпак, сары-аргын, сары-уйгур и др. в географической номенклатуре, а в области космогонии имел значение «западный». (См.: *А. Н. Кононов.* Семантика цветообозначенний в тюркских языках. Тюркологический сборник 1975. М., 1978). Вместе с тем известно также употребление слова *сары* в значении «большой», «широкий», «сильный».

[16] *Казыбек* – известный бий Среднего жуза, один из главных биев казахского ханства первой четверти XVIII в. По народным преданиям, Казыбек – один из авторов «Свода законов Тауке-хана», известного под названием «Жеты жаргы» («Семь истин»), фрагменты которого дошли до нас в записях Я.П. Гавердовского, Г.И. Спасского и А.И. Левшина (см.: РОЛОИИ, коллекция 115 №495; *Г.И. Спасский.* Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды. – Сибирский Вестник. СПб., 1820, ч. IX–XI; *А.И. Левшин.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей, т. III, с. 169–177).

Казыбек пользовался большим влиянием среди казахов Среднего жуза. По данным русских источников, Казыбек «почитался в орде за главного судью, с которым советовались даже Абулмамбет-хан и Аблай и без его согласия ничего знатного не предпринимали».

В исторических преданиях и народной поэзии Казыбек изображается как организатор общей борьбы против завоевателей-джунгар.

Сохранилось много изречений, афоризмов, образцов ораторского искусства, авторство которых приписывается Казыбеку. Значительная часть их опубликована в советское время.

Краткую характеристику Казыбека, как правителя Среднего жуза при Тауке, дает татарский ученый Марджани (у него Козыбек) в своем сочинении на татарском языке «Мустафад ул-ахбар фи ахвал Казан ва Булгар» (Казань, 1885, стр. 155). См. также: *А.И. Левшин.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей, т. II, с. 63; «Қазақ әдебиеті тарихы», I т., б. 271–272, 275, 308; *К. Байболов.* Төлебидің тарихы. РОБАН КазССР, №763. лл. 22–26; *его же:* Есім ханның жыры. РОБАН. КазССР №513, л. 398).

[17] *Малайсары* (Малай-Сары) – батыр Среднего жуза, рода басентийн, один из героев освободительной борьбы казахов против джунгарских завоевателей (XVIII в.). Его имя увеко-

вечено в географических названиях местностей, в частности, в долине р. Или, недалеко от Алтын-Эмельского хребта, т. е. там, где в XVIII в. происходила историческая битва казахских батыров во главе с Малай-Сары с джунгарами. (См.: «Қазақ әдебиеті тарихы», I т., 308 б.).

[18] *Байгозы* (XVIII в.) – батыр Среднего жуза, рода таракты (Акмолинская степь), один из героев борьбы с джунгарами.

[19] *...во время преследования торгоутов...* – Имеется в виду переход калмыков из междуречья Яика и Волги в 1771 г. через территорию Казахской степи на места их старых родовых кочевий – в район современного Синь-цзяна (бывшей территории Джунгарского ханства).

[20] *Джаныбек* – батыр Среднего жуза, рода сары-жетым шакшак, сподвижник Аблай-хана; стоял во главе одного из ополченческих отрядов во время борьбы с джунгарами.

В устном народном творчестве казахов Джаныбек выступает также как один из популярных судебных ораторов, отличавшийся большим красноречием, в частности, своими речами на межродовых судебных разбирательствах. (См.: «Қазақ әдебиеті тарихы», I т., 308–309 б.; «Жанибек-батыр», РОБАН КазССР, №955).

[21] *Уразумбет* (XVIII в.) – известный батыр Среднего жуза, рода баганалы (из улутауских найманов), один из героев борьбы с джунгарами.

[22] *Корама* – легендарное дальнобойное ружье казахского султана Ондана, погибшего во время войны с джунгарамн (XV в.). В поэтических преданиях султан назывался «узын окты Ондан» – длинностреляый Ондан.

[23] *Илъчибек* (XVIII в.) – батыр Старшего жуза, рода сыргелы, населявшего долину Чирчика и Келеса; один из героев борьбы с джунгарскими завоевателями, вторгшимися в Южной Казахстан. (См.: «Қазақ әдебиеті тарихы», I т., 308 б.).

[24] *Найон* (нойон) – монгольский княжеский титул.

ШУНА-БАТЫР

(Авантюрист XVIII ст.)

|| Киргизская степь не только в прошлом столетии, но даже и теперь еще служит убежищем среднеазиатским рефюжье*[1], в прошлом столетии здесь скрывались недовольные и обиженные со всех сторон света: из татарской Сибири, из Кокана, Джунгарии и с низовьев Волги; кроме множества дезертиров из простого народа, здесь укрывались нередко и люди аристократического происхождения, принимались с полным гостеприимством и даже всегда сохраняли свое высокое положение в этой кочевой орде. Так: Аблай-хан, туркестанский принц, бежавший в степь; в половине прошлого столетия два несчастных джунгарских принца Дебачи[1] и Амурсана[2] бежали из своего отечества вследствие политических событий, были гостеприимно приняты в степи и получили тотчас*[2] целое киргизское поколение [найманов] в управление.

К числу таких знаменитых рефюжье принадлежит Карасакал[3], возмутивший башкирский народ в 1740 г. и выдавший себя в степи за Шуну[4], брата тогдашнего джунгарского хонтайши Галдан-Черена. В степи он нашел убежище*[3] у Кабанбай[5]-батыра из рода кара-керей и с помощью его получил в управление небольшой удел из поколения найманов и принял новое название Кара-хана. Это был один из загадочных и счастливых степных авантюристов. Поселившись в степи, он сделался опасен как для России, так и для Джунгарии: первая боялась, чтоб он снова не возмутил башкирского народа, вторая была напугана его самозванством: какой-то Шуна, погибший претендент на джунгарский престол, был так любим джунгарским пародом, что последний готов был во имя его || восстать против тогдашнего хана Галдан-Черена. Джунгарские калмыки часто осведомлялись у русских, не знают ли они, где Шуна? Выбежавший из Джунгарии [в] 1746 г. калмык Монго Усюмов показал русскому начальству, что калмыки желают иметь своим владельцем Шуну-батыра, который будто бы командует русским войском; а если русское войско придет в Джунгарию без Шуны, то калмыки без боя не отдадутся*[4].

В 1748 г. у сержанта Комовщикова[6], бывшего в Джунгарии, один калмыцкий демичи Генден расспрашивал о бывшем брате Галдан-Черена Шуне-батыре, к которому будто бы желали идти в подданство нойоны – Дебачи и Эмаккули*[5], из которых первый бежал из Джунгарии в Киргизскую степь*[6] .

---

*[1] *Рефюжье (франц).* – беглец, скрывающийся от проследования.

*[2] Против этого в рукописи стоит знак NB. Очевидно, автор хотел дополнить текст.

*[3] Против этого – знак NB.

*[4] Архив при областном правлении сибирских киргиз. Рапорт капитана Быкова, 30 октября 1746 г. *(Примечание Ч.Валиханова).*

*[5] Можно читать: *Эмакуме.*

*[6] Архив при областном правлении сибирских киргиз. Рапорт полковника Павлуцкого, 22 апреля 1748 г. *(Примечание Ч. Валиханова).*

Очевидно, что это была их мессия, и когда Карасакал, убежавший в степь, стал выдавать себя за Шуну, то Галдан-Черен стал сильно опасаться за свое спокойствие и даже подкупал одного значительного киргизского султана, Барака[7], убить этого самозванца. Впрочем, надо оговориться, что современники не могли определенно решить, действительно ли он самозванец или настоящий Шуна, и в преданиях настоящих жителей степи существует только один образ Шуны, а имя Карасакала утратилось. Предания эти очень замечательны. Шуну знают на всем пространстве степей, которые принадлежат России; воспоминания о нем сохранились в поэтическом рассказе алтайских калмыков и у киргизов, и у волжских калмыков; киргизы говорят только, что Сна-батыр натягивал очень || тугой лук, который пробивал ... У волжских калмыков также есть предания о нем и, между прочим, о том, что он погиб в чернях, т. е. грязях устья Кумы. Самый большой рассказ о Шуне сохранился у алтайских калмыков. Мы заимствуем этот рассказ из «Томских Губ. Ведомостей»*[7].

По этому преданию, Шуна был калмыцкий богатырь и мудрец. Отец его Конгдайчь (т.е. джунгарский хан) имел еще сына Калдана*[8]. Шуна жил с наложницею Кара-Кыз, в которую влюбился брат его и женился на ней. Оскорбленный Шуна пригласил своих двенадцать друзей разгуляться по хребтам Алтая. Отъехав на одну версту от своего жилища, он рассказал им свое горе, натянул лук и пустил стрелу свою в юрту брата, стрела вонзилась в дверь; Калдан узнал по стреле ее хозяина и пожаловался отцу. Вечером Шуна возвратился с охоты; Конгдайчь призвал его к себе и велел, вырезавши ему лопатки и связавши сыромятными ремнями руки и ноги, бросить в подземелье, глубиной в 70 сажень. Это сделано было секретно, и никто не знал, куда девался любимец народа, только один старик, вхожий к хану, догадался об истине, сделал от своей юрты подкоп к темнице, и в продолжение семи лет питал узника. Сильный сосед и данник Конгдайча, черный калмык, узнавши, что не стало вещего богатыря Шуны, присылает к нему двух сорок, из которых одна была действительная, а другая – превращенная волшебством из вороны, с условием – если Конгдайчь отличит настоящую сороку от мнимой, то он, черный калмык, будет платить ему дань по-прежнему, если || же не отличит, то перестанет. Конгдайчь запечалился. Но старик, принося Шуне пищу, рассказал ему о горе его отца; Шуна сказал: «Велика ли это мудрость отличить сороку от вороны! Ты посоветуй моему отцу поставить шест, а после него навес и в ненастное время выпустить птиц; сорока полетит под навес, а ворона сядет на шест и закаркает». Таким образом птицы были разгаданы, и черный калмык остался данником Конгдайчу. Спустя два года после этого черный калмык опять присылает к Конгдайчу послов с таволожным кустом, чтобы отличить комель от вершины, опять Конгдайчь запечалился, и старик рассказал об этом Шуне; Шуна научил пустить куст на воду и тот конец, который пойдет вперед, будет вершина, а другой конец комель*[9].

---

*[7] 1858 г., №29, ст. Вербицкого под заглавием: «Народные легенды кузнецких телеутов». *(Примечание Ч. Валиханова)* [У Валиханова: *кулъчинских татар]*.

*[8] То есть Галдана.

*[9] Миссионер Вербицкий[8], вероятно, записал предание неверно, по физическим законам должно было случиться наоборот. Эта же загадка встречается в другом калмыцком предании о девице Коокю. Ханские судьи, испытывая мудрость этой девицы, послали к ней дерево, со всех сторон обтесанное, чтобы узнала, где вершина, где корень. Коокю бросила его на воду, корень потонул, а вершина всплыла наверх. «Сын Отечества», 1822, №7, ст.Воейкова «Описание калмыцкого народа». *(Примечание Ч. Валиханова)*.

Черный калмык опять остался данником, но через год он уже не загадку задает, а присылает железный лук, чтобы натянуть его. Однако лук был такой тугой, что никто этого сделать [не мог], брались тридцать человек || разом – и все безуспешно. Тогда Шуна научил своего старика заплакать перед ханом и сказать: «Своего батыра мы сами уничтожили, а теперь должны покориться даннику!» «Да не жив ли он?– спросил Конгдайчь. Надо посмотреть». Шуну вытащили из подземелья, он весь оброс мохом, плечи его зажили; но он отучился видеть солнечный свет, упал ниц и пролежал так целых полдня. Отец приказал вымыть его верблюжьим молоком и нарядить. Тогда Шуна спросил: «Для чего ты, родитель, меня, мертвеца, пошевелил?» Но отец, вместо ответа подал ему огромную чару вина. Богатырь выпил ее одним духом; подали другую чару – и эту он выпил и закусил целым бараном. Тогда отец передал ему свое горе. «Неси, родитель, лук», – сказал Шуна.Тридцать человек принесли лук. Он заложил тетиву одним мизинцем и лук погнулся. Тогда Шуна сказал отцу: «Ну, родимый батюшка, благославляй меня на путь: я тебе более не сын, ты мне не отец». С этими словами он оставил отечество. Далее рассказывается, что он был ханом Коканнии, потом, посадив на кокандский престол одного из своих друзей, он отправился в Москву, к Алексею Михайловичу[9], который полюбил его, назвал краснощеким и подарил ему дворец. По другому преданию, также записанному миссионером Вербицким, это появление Шуны при дворе Алексея Михайловича объясняется бегством.

Конгдайчь имел двух жен; от одной он имел сына Шуну и дочь Шюжды, от другой пятерых сыновей. По смерти Конгдайча между детьми возгорелось несогласие, братья составили заговор против Шуны, но сестра его, узнав о нем, предупредила Шуну, и он бежал под покровительство Алексея Михайловича; сестра была убита заговорщиками за открытие их замысла.

Мы имеем документ прошлого столетия, в котором рассказывается почти тождественная история того же Шуны; именно || русское правительство, опасавшееся намерений Карасакала, отправило в 1745 году в Киргизскую степь башкира Тюкана ....*[10] Рассказ этого Тюкана свидетельствует, что приключения Шуны были тогда очень популярны и у киргизов. Вот, вкратце, рассказ Тюкана.

Карасакал, услыхавши, что Тюкан привез Барак-султану саблю и грамоту за его вступление в подданство России, пригласил Тюкана к себе для переговоров о том же. Тюкан прожил у него четыре дня. Карасакал, знатный старшина Казбек-бий, Кибайбай-батыр*[11], после народного совета, уполномочили Тюкана передать Оренбургскому начальству свою просьбу о принятии их в подданство России, обещаясь оказать помощь в случае нападения джунгарского владельца Галдан-Черена. Тюкан говорит даже, что [они] «того ради утвердились, дабы им к тому во всякой готовности быть, и всем в улусах своих около их состоящим людям приказ отдали, дабы они ездили и всякую потребность свою исправляли на жеребятах и к дальнейшей нужде неспособных лошадях, а хороших и к войне надежных имели бы в бережении».

«Что касается до состояния оного Карасакала, то он, как и сперва, в Киргизской орде ... о себе употребляет, якобы он умершего зюнгарского владельца хонтайши сын, именем Шуна, и благословит ... и такой-де силы ныне уже не имеет». Чтобы он не убежал, хонтайша дал ему сорок слуг и приставил стражи тысячу человек; но Шуна

*[10] Пропущено одно слово, очевидно, фамилия Тюкана.

*[11] Искажение переписчика, следует: *Кабанбай – батыр.*

вместе с этими сорока слугами отбился от стражи, бежал через каракалпакскую и киргизскую степи к волжским калмыкам, к родной своей сестре, отданной в замужество за Аюку-хана[10], и поселился у ней. Хонтайша, || проведав об убежище Шуны, писал к Аюке, чтоб он выслал беглеца; калмыки, желая угодить хонтайше, поймали Шуну и хотели уже выдать, но, сведав то, означенная его сестра удавила одного калмыка и как Аюке, так и прочим калмыкам сделала такой вид, якобы тот мертвый Шуна и умер, между тем сам Шуна с шестью калмыками и одним киргизом Кабаком бежал к кубанцам, а от них к туркам и принял ислам со странным заветом никогда более не говорить по-калмыцки. А из турков же нечаянным случаем попал он к таким людям, которые имеют у себя песьи головы, а ноги скотские и едят людей, однако же и оттуда он ушел убегом и вышел в Россию, и был в Санк-Петербурге и Москве недолгое время; потом он пришел в Башкирию и жил двенадцать лет на*[12] огайской и сибирской дорогах, в Ерматлинской и Каратабинской волостях, наконец, в 1740 году сделался виновником народного восстания.

В Башкирии «... он сказал о себе башкирцу Аладжай-Гулу, якобы он родом кубанец, имя ему Султан-Гирей, и с ним согласились башкирцев в бунт привесть». Испытавши неудачу, он бежал в Киргизскую орду; здесь он объявил себя Шуной, братом Галдан-Черена, что подтверждали находившиеся при нем калмык и киргиз Кабак, сопровождавшие его во время всех его странствований между кубанцами, турками и башкирцами. Киргизы и старшины их поверили этому и предоставили ему в управление две тысячи годных к войне людей из поколения найман, не считая жен и детей.

«Он же, Карасакал, разглашает о себе, якобы может снег и дождь напустить, а когда оное случится, то сказывает, якобы он напустил; также больных от разных болезней вылечивает, чем понеже и другими || своими ...довольно одаривают». По «происшедшей об нем славе», что он, Шуна, из Джунгарии выбежали к ному три года назад Бак-Кашка, а в прошлом году одноматерный брат Шуны, Баргай, который был еще в детстве по приказанию хонтайши ослеплен и сослан в ссылку. Баргай спрашивал у Тюкана, признает ли он Карасакала за Шуну, ... «размышляя по его карасакаловой природе, что он не только за Шуну, но и на калмыка не весьма схож, и состояние от калмыцкого весьма разнествует». Но Тюкан уклончиво отвечал ему, что он своего брата лучше знать должен; в самом же деле и Тюкан того мнения, что это не Шуна, и что он его «инакого» не может признать как башкирцем потому, что он по-калмыцки не говорит, «обхождения ни мало не знает», и речь его «самая башкирская, сибирской дороги». От роду ему, по-видимому, лет сорок*[13].

Несмотря, однако ж, на эту очевидность самозванства, Галдан-Черен напугался этого авантюриста. Слухи, что Шуна жив и находится в степи, распространились до самой Джунгарии, что свидетельствуют и выбежавший Бак-Кашка и Баргай, а также и приведенные нами выше расспросы калмыков у русских о достоверности слухов, что Шуна возвращается с русским войском. При таком неспокойствии умов в Джунгарии Карасакал легко становился опасным для Галдан-Черена, так что после стал искать смерти Карасакала и подговаривал к тому [Барак-султана]. Барак-султан и Карасакал были «между собою согласны», но потом рассорились.

---

*[12] Против этого стоит знак NB.

*[13] Архив при Областном правлении Сибирских киргизов. Сообщения от Штокмана, 26 июня 1745 года. (*Примечание Ч.Валиханова*).

Когда Барак-султан послал к Галдан-Черену в замену прежнего аманата своего сына Шигая, то Галдан-Черен обещал ему отпустить его сына Шигая, если он поймает мнимого Шуну, «... на что он, Барак, якобы и склонился, и, умыслив*[14] к поимке его, Карасакала, способ сговором за его Карасакала [сестру] его поймать». Барак действительно успел сговорить свою сестру за Карасакала, но последний, узнав его намерение, ездить к нему «стал опасен» и «за страхом» откочевал от Барака в отдаленную степь, в близость к поколению каракисек-аргын, именно к кочевьям Казбек-бия. Этот бий вместе с Кабанбаем, у которого он прежде в «охранении» жил и через которого больше он и в «усильство» и в славу вошел, обещались защищать его от нападения Барак-султана.

Нет сомнения, что Карасакал и Шуна – две личности различные, но тем еще загадочнее этот башкир, успевший своими смелыми замыслами привести в испуг Галдан-Черена. Предание волжских калмыков указывает на устье Кумы, как на место смерти Шуны; но в этом же архиве мы нашли известие, что Карасакал умер спокойно в степи; именно выбежавший из Киргизской степи [Каркаралинского округа]. Акбай Сундуков показал, что он был взят в плен из Грачевской станицы киргизами ведения Барина (Баргая), брата Карасакала, «башкирского возмутителя», умершего назад тому два месяца (из бумаги к Неплюеву, 31 июля 1749 года). И то и другое известия могут быть верны, если они относятся к различным личностям.

Комментарии

Печатается по тексту ССВ, т. 1, 1961, с. 431–436. Впервые опубликовано в Сочинениях Ч. Валиханова, изданных под ред. Н.И. Веселовского (ЗРГО ОЭ, т. XXIX. СПб., 1904). Ссылка на работу В.И. Вербицкого «Народные легенды кузнецких телеутов» (1858 г.) позволяет датировать работу не ранее 1860 г.

[1] *Дебачи* (Дабачи, Даваци) (XVIII в.) – джунгарский владетельный князь из рода Цэван-Рабдана, один из претендентов на ханский престол в Джунгарии.

[2] *Амурсана* (ум. в сент. 1757 г.) – владетельный феодал Джунгарского ханства, сыгравший важную роль в национально-освободительном движении западных монголов (1755–1758 гг.). После смерти хана Галдан-Цэрэна (1745 г.) Амурсана пытался занять ханский престол. Встретив сопротивление со стороны других претендентов, он призвал на помощь маньчжуро-китайские войска. Но, убедившись, что маньчжуры хотят ликвидировать Джунгарское ханство, Амурсана возглавил народное антиманьчжурское восстание, которое было жестоко подавлено. Амурсана бежал в пределы России, где вскоре умер.

[3] *Карасакал* (Кара-хан) – предводитель башкирского восстания 1740 г., которое носило реакционный характер и было направлено против присоединения Башкирии к России. После подавления восстания Карасакал ушел в пределы Казахстана и нашел убежище у бия Казбека в Каркаралинской степи. Опасаясь заговора враждебных Казбеку казахских феодалов, Карасакал вскоре покинул Каркаралинскую степь, перешел на Черный Иртыш и здесь нашел нового покровителя в лице влиятельного вождя найманов батыра Кабанбая, у которого он оставался до самой смерти. См.: Материалы по истории Башкирской АССР, т. III, М.–Л., 1949, с. 524–539; *Р. Игнатьев*. Карасакал, лже-хан Башкирии. Труды научного общества по изучению быта, истории и культуры башкир при Наркомпросе БАССР, вып. 2. Стерлитамак, 1922, с. 38–66.

*[14] Против этого стоит знак NB.

[4] *Шуна* (Шоно-Лоузан) – сын ойратского хана Цэван-Рабдана, рожденный от брака с дочерью хана волжских калмыков Аюки-сетерджаб. В середине 20-х годов XVIII в., опасаясь гибели от руки Галдан-Цэрэна, бежал к волжским калмыкам, где умер в 1732 г. См.: *В.А. Моисеев.* Дело Шоно-Лоу-зана. – Общество и государство в Китае. Тезисы и доклады XIV научной конференции. М., 1982.

[5] *Кабанбай* (XVIII в.) – известный казахский батыр, один из вождей я организаторов борьбы с джунгарами. О нем сохранился богатый героический эпос, имеющий многочисленные варианты. Один из его списков хранится в ЛО ИВ АН СССР (Ленинград), в архиве проф. И.Н. Березина (ф. 5, оп. 1, лл. 174–177). (См.: «Қазақ әдебиеті тарихы». Алма-Ата, т. 1, 1948. с. 308; «Қабанбай батыр жыры». РОБАН КазССР, №996–999; *С. Аманжолов.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959, с. 52).

[6] *Комовщиков* – правильно Котовщиков.

[7] *Барак* (ум. около 1750 г.) – влиятельный султан Среднего жуза. В период 1723–1730 гг. он являлся одним из руководителей казахского народного ополчения в борьбе с джунгарами. См.: Барак-батыр (Народные предания по записи С. Сарыбаева). РОБ АН КазССР, № 1084.

[8] *Вербицкий Василий Иванович* (1827–1890) – этнограф, миссионер; окончил нижегородскую семинарию, после чего жил на Алтае среди местных племен, обращая их в христианство. Вербицкий изучил быт и язык алтайского населения, на основе чего опубликовал труды: «Алтайские инородцы», «Краткая грамматика алтайского языка», «Словарь алтайских и аладагских наречий тюркского языка».

[9] *Алексей Михайлович* (1629–1676) – второй царь династии Романовых, отец Петра I.

[10] *Аюке-хан* – хан (1709–1721 гг.) волжских калмыков-торгоутов.

АБЛАЙ

Аблай – в русских летописях называемый царевичем Сибирским.

Аблай – (Абулай) хан Средней киргиз-кайсацкой орды, живший в XVIII веке. Он происходил из младшей линии султанов Средней орды и имел в третьем колене общего родоначальника с Абульмаметом*1-ханом, с которым Аблай (в наших бумагах Аблай-султан, двоюродный брат хана) в 1739*2 году присягнул в Оренбурге на вечное подданство России. Дед его, тоже имени Аблай, был владетелем города Туркестана и прославился такими воинскими доблестями, что получил грозное и почетное название Кан-Ичер (кровопийца). Сын его, Вали, не мог поддержать славы отца; один из соседних владельцев, взяв Туркестан, убил его, и только преданность одного из рабов спасла жизнь тринадцатилетнего сына его, Аблая. Верный слуга бежал с своим питомцем в Киргизскую степь. Юный Аблай, отвергнутый знатными родственниками своими, вступает в услужение к богатому киргизу, рода якшилык*3. Смутные обстоятельства того времени дают возможность Аблаю выказать свою храбрость, сметливость и ум самым блестящим образом. Первое десятилетие XVIII века было ужасным временем в жизни киргизского народа. Джунгары, волжские калмыки, яицкие казаки и башкиры с разных сторон громили их улусы, отгоняли скот и уводили в плен киргизов целыми семействами. Холодные зимы, гололедицы и голод, как небесное испытание, увеличивали их бедствия. Один киргизский родоначальник в Оренбурге сравнивал печальное положение своих земляков[1] с положением зайца, которого преследует целая свора гончих. 1723 год особенно памятен киргизам своим роковым характером[2] и сохранился в народной памяти. В этот злополучный год, сопровождавшийся глубокими снегами и гололедицей, Галдан-Церен, джунгарский хонтайши*4 с несметным чериком (войском) вторгается в Киргизскую степь для наказания кайсаков и бурутов за прежние их набеги и буйства. Преследуемые повсюду свирепыми джунгарами киргизы, подобно стадам испуганный сайгаков (или серн, по народному выражению), бегут на юг, оставляя на пути своем имущество, детей, стариков, домашней скарб и исхудалый скот, и останавливаются: Средняя орда – около Самарканда, Малая – в Хиве и Бухаре, а буруты – в неприступных ущельях Болора и в паническом страхе достигают до окрестностей Гиссара. Не находя в среднеазиатских песчаных степях сытных пастбищ и вступив во вражду с новыми соседями, киргизы обращаются к границам могущественной России, чтобы искать ее помощи и покровительства. В это-то ужасное и кровавое время обращает на себя всеобщее внимание султан Аблай. Участвуя во всех набегах, сначала как рядовой воин, он показывает подвиги необыкновенной храбрости и хи-

*1 Точнее: *Абулмамбет*.

*2 Правильно: в 1740 г.

*3 То есть *жақсылық*.

*4 *Хонтайши* (хунтайджи) – титул правителя Джунгарского ханства.

трости. Полезные советы его и стратегические соображения упрочивают за ним имя мудрого. Аблай действительно перенес много испытаний и борьбы, пока значение его не возросло до того, что киргизы считали его воплотившимся духом (арвах), ниспосланным для совершения великих дел. Он был два раза в плену[3], раз у дикокаменных киргиз (бурутов) а в другой – у Галдана-Церена. Спасение его от Галдана считается чудом, тем более, что он убил его любимого сына, Чарча, и был выдан ему киргизами по настоятельному требованию могущественного калмыка. Как бы то ни было, в 1739 году мы находим его самым сильным из владельцев Средней орды, и русское правительство по преимуществу сносится с Аблаем и братом его, Султанбеком, потому, что настоящий хан, по свидетельству всех русских, посылавшихся в орду в то время, ничего не значил. Тевкелев[4], хорошо знакомый с ордою, говорил об этом султане, как о самом хитром и влиятельном из киргизских владельцев. В 1759 году Аблай посылал к русскому двору родственника своего, Юлбарс-султана, и просил награды, вследствие чего послана была ему грамота, назначено ежегодно 300 рублей жалованья и 200 пудов муки. Между тем в Средней Азии произошли события, которые способствовали Аблаю к достижению его честолюбивых замыслов и которые возвысили его еще более в народном мнении. В 1745 году умирает страшный для киргизов Галдан-Церен, и в Джунгарии происходят смуты за первенство. Калмыцкие тайдзи попеременно ищут помощи Аблая, который, по старой злобе на джунгар, пользуется случаем для их ослабления и поддерживает раздоры, принимая то одну, то другую сторону. Появление в Джунгарии победоносных войск императора Цян-Луна, которые с беспримерною в истории легкостью завоевывают Джунгарию, имело большое влияние на политику Аблая. Успешное разорение Джунгарии и Малой Бухарии возбудило, кажется, в китайцах воинственный дух и жажду завоевания. По-видимому, император Цян-Лун хотел повторить времена ханьской и танской династий. В 1756, 1758 и 1760 годах китайские отряды вступили в земли киргизов Средней орды[5]. Владетели киргизские: Нурали[6] – хан Малой орды, Абдульмамет – Средней и Аблай – спешили войти в сношения с Поднебесной империей[*5]. Аблай в 1756 году признал себя вассалом богдыхана[*6] и получил княжеский титул и календарь. Нурали послал посольство в Пекин; кокандский владелец Эрдене-бий[7] в 1758 году и впоследствии преемник его, Нарбута-бий, также признали покровительство «сына неба»[*7]. Несмотря на эту наружную покорность, среднеазиатцы были очень встревожены; падение сильной Джунгарии и завоевание единоверной Малой Бухарии навели на них панический и мистический страх, тем более, что, по господствовавшему преданию, суеверные мусульмане верили, что перед окончанием света китайцы покорят весь мир. Когда же в 1762 году явились к хану Средней орды Абульмамету и султану Аблаю китайские послы с 130 человеками и объявили, что по воле императора намерены с наступлением весны послать войска в Туркестан и Самарканд и просили людей, лошадей, быков и баранов для предполагаемой экспедиции, страх киргизов еще более увеличился. Они забыли на время междоусобные раздоры и составили союз, во главе которого стал знаменитый генерал Надира-шаха[8] Ахмет[9], владетель Кандагара и основатель династии дураниев. Аблай, хотя косвенно и уча-

[*5] То есть с *Китаем*.

[*6] *Богдыхан* – (богдохан – 'святой хан') – монгольское название императора Китая.

[*7] То есть *китайского императора*.

ствовал в союзе, но не прерывал сношений и все более и более сближался с китайским правительством. Он даже отправил в Пекин аманатом*[8] сына своего Адиля, но богдыхан, довольный покорностью Аблая, возвратил Адиля к отцу с богатыми дарами и милостивой грамотой. Между тем сам Аблай имел свидание с илийским цзяньцзуном (генерал-губернатором) около озера Сайрам-Куль и заключил с ним торговый договор, по которому открыты были в Тарбагатае (Чугучаке) и в Или (Кульдже) меновые базары, где киргизы выменивали на пригоняемый ими скот туземные китайские товары. Такое внимание богдыхана и особенно дары и титулы не могли не нравиться корыстолюбивому и честолюбивому киргизу. По мере сближения с китайцами Аблай явно стал избегать сношений с Россией и в 1771 году, избранный ханом, не хотел ехать на русскую границу для принятия присяги, говоря, что он давно утвержден в своем достоинстве народным избранием и грамотою «сына неба». Русское правительство все-таки послало чиновника в орду для приведения Аблая к присяге и для возложения на него знаков ханского достоинства (сабли, шубы и шапки) в тех видах, чтобы не возбудить в киргизах мысли о возможности быть ханом помимо нашего утверждения. Аблай в наставлении своим детям советовал более сближаться с Китаем, но хранить согласие с Россией. Китайцы, по его мнению, не могли быть никогда опасны для ханской власти, между тем, как в русском правительстве он видел сильную оппозицию туземной власти; притом и обстоятельства времени были такого рода, что киргизы всего менее нуждались в помощи России. Власть Аблая в орде была упрочена накрепко, и Большая орда (в наших бумагах усунские волости[10]) признала также его власть. Джунгары были уничтожены китайцами; торгоуты, разграбленные киргизами, особенно самим Аблаем, кое-как дотащились до Или, где и попались в хитрые сети китайской политики. Яицкие казаки, обессиленные пугачевским бунтом и принятые в руки правительства, не могли делать самовластных вторжений; оставались врагами киргизов только хитрые буруты и отчасти среднеазиатские владельцы, стремившиеся к отторжению от киргизских султанов Туркестана, Сузака, Сайрама и других городов между Чу и Ташкентом. Вера и убеждение в сверхъестественную силу, которая руководила Аблаем, дали киргизскому народу небывалую отважность. Аблай в 1770 году нападает на бурутов около реки Туро, совершив замечательный переход через Шату, и преследует этих горцев до Чуйской долины. Кровавая битва, происходившая около рек Кызылсу и Шамси, впадающих в Чу, где все буруты бились в союзе против Аблая, живет до сих пор в их преданиях под именем «джаиловского побоища». Буруты потерпели такое поражение, что из поколения толкан, рода султу осталось только 40 человек. Аблай вернулся в Кокчетав, свое любимое кочевье, близ сибирской линии, обремененный добычею, и пленные, приведенные им, были так многочисленны, что теперь потомки их составляют две волости под названием Яна и Бай-киргиз (т. е. новые и богатые киргизы). Война Аблая с Ташкентом и Ходжентом[11], в которой он проник до Джизаха[12], увенчалась взятием семи городов и кончилась уступкою ему городов Азрета[13], Сайрама, Чимкента, Сузака и др. и обязательством Ташкента платить ему дань. В 1774 году Аблай дал, по просьбе уйсуновских старшин, для управления ими, сына своего Адиля, построив ему на реке Таласе городок, который населил трудолюбивыми каракалпаками. Другим своим сыновьям, которых было 71, разделил он на уделы поколения

*[8] То есть *заложником*.

Средней и Большой орды, и сам, по примеру своих родоначальников, остался жить в Туркестане, где и умер в 1781 году и похоронен в фамильном склепе, под мечетью ходжи Ахмета-Ясеви. Такова политическая жизнь этого замечательного киргиза. Обязанный своему возвышению только личным достоинствам, он умел заслужить уважение народа, легкомысленного и необузданного в своих страстях, в такой степени, что уважение это имело какой-то мистический характер. После смерти Абульмамета народ единогласно избрал его в ханы, как более достойного из всех своих султанов, помимо наследственных прав, которые имели, по киргизским законам, дети Абульмамета. Русский очевидец этого избрания говорит, что все собравшиеся родоначальники, подняв его на тонком белом войлоке, осыпали похвалами за храбрость и проворство и пересказывали друг другу одержанные им победы, а что потом, когда изорвали на мелкие лоскутки и разделили между собой его верхнее платье, всякий доволен был доставшеюся ему безделкой и провозглашал достоинство избранного хана. Ни один киргизский хан не имел такой неограниченной власти, как Аблай. Он первый предоставил своему произволу смертную казнь, что производилось прежде не иначе, как по положению народного сейма, и усмирил своеволие сильных родоначальников и султанов, которые ограничивали советом власть хана. Сначала подобные нововведения возбудили против него неудовольствие султанов и биев. В 1781 году Даир-султан жаловался Оренбургскому губернатору и выставлял Аблая как похитителя власти, по справедливость принадлежащей ему. Родоначальники пытались, по древнему обычаю, идти на хана войной, как в Польше ходили на короля, но были разбиты Аблаевыми «теленгутами» (рабами) и должны были подчиниться его железной воле. Непонятно, каким образом этот хан, действуя деспотически против свободных льгот, освященных временем, умел облечь свои действия в такую форму, что потомство считает его святым, и при набегах для придачи себе храбрости призывает его имя. Весьма замечателен устный наказ его детям, который обнаруживает общий характер его тамерлановской политики: он советует им никогда не решать вполне междуродовых дел киргизских племен, ибо только несогласие и раздоры могут быть незыблемою опорою ханской власти.

В предании киргизов Аблай носит какой-то поэтический ореол; век Аблая у них является веком киргизского рыцарства. Его походы, подвиги его богатырей служат сюжетами эпическим рассказам. Большая часть музыкальных пьес, играемых на дудке и хонбе, относится к его времени и разным эпохам его жизни. Народные песни: «Пыльный поход»[14], сложенная во время набега, в котором был убит храбрый богатырь Боян; «Тряси мешки»[15]– в память зимнего похода на волжских калмыков, во время которого киргизы голодали 7 дней, пока не взяли добычи, – разыгрываются до сих пор киргизскими музыкантами и напоминают потомкам поколения Аблая прежние славные времена.

Комментарии

Автограф полностью не сохранился. Печатается по тексту ССВ, т. 1, 1961, с. 426–430.

[1] *Один киргизский родоначальник в Оренбурге сравнивал печальное положение своих земляков...* – Речь идет о знатном батыре Среднего жуза Букенбае, прославившемся з борьбе с джунгарами. В 1731 г. он стал одним из самых активных и последовательных сторонников

принятия казахами российского подданства. (См.: сб. Казахско-русские отношения XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1961, док. №25–74).

[2] *1723 год особенно памятен киргизам своим роковым характером...* – Имеется в виду «актабан-шубрунды» – великое бедствие, постигшее казахский народ в 1723 г, в связи с джунгарским нашествием. Однако ниже допущена ошибка. Вторжение джунгар в Казахскую степь осуществлялось в 20-е годы под предводительством не Галдан-Цэрена, а другого военачальника – Шуна-Дабы, племянника джунгарского хунтайджи Цэван-Рабдана.

[3] *Он был два раза в плену...* – Султан Аблай попал в плен к джунгарам в результате второго крупного нашествия в Казахскую степь, осуществленного преемником Цэван-Рабдана джунгарским хунтайджи Галдан-Цэрэном в 1741 г. Своим освобождением из плена он был обязан активным действиям российских послов и Оренбургской пограничной администрации во главе с И.И. Неплюевым. (См. настоящее издание, т. I, комм. 15 к ст. «Исторические предания о батырах XVIII в.»).

[4] *Тевкелев М.* – переводчик коллегии иностранных дел, позднее член Оренбургской экспедиции. В апреле 1731 г. был послан царским правительством в Младший жуз для приведения хана Абулхаира к присяге на верность России.

[5] История вторжений цинских войск в Казахстан в 1756–1760 гг., а также обстоятельства установления связей между цинским двором и рядом казахских феодалов и характер этих связей изучены в советской историографии. (См.: *Б.П. Гуревич.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX вв. М., 1979; *В.С. Кузнецов.* Цинская империя на рубежах Центральной Азии. (Вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Новосибирск, 1983.

[6] *Нурали-султан* (ум. в 1790 г.) – сын Абулхаира, хан Младшего жуза (1749–1785 гг.).

[7] *Эрдене-бий* (Ирдана) – кокандский владетель XVIII в.

[8] *Надир-шах* (Тахмасп Кули-хан, 1688–1747) – персидский шах (1736–1747), захватил и на некоторое время подчинил себе южные районы Бухары и Хорезма, но затем потерпел поражение от объединенных сил среднеазиатских ханств и возвратился в Персию.

[9] *Ахмет* – Ахмад-шах Дуррани (1747–1773), основатель династии Дуррани в Афганистане. (См.: *Ю.В. Ганковский.* Империя Дурани. М., 1958).

[10] *Усунские волости* – волости, заселенные казахами Старшего жуза.

[11] *Ходжент* (совр. Ленинабад) – один из древнейших городов в Средней Азии; западные «ворота», через которые проходил путь из Ферганской долины в Самарканд и в другие пункты Средней Азии.

[12] *Джизах* (Джизак) – ныне город областного подчинения и центр Джизакского района Самаркандской области Узбекской ССР. Расположен на р. Санзар.

[13] *Азрет* (искаж. араб.-перс حضرت Хазрат) – ныне г. Туркестан Чимкентской области. Название города происходит от постоянного эпитета похороненного там Ходжи Ахмада Ясави Хазрат-и Туркестан; Туркестаном в средневековье называлась область между Шашем и Сыгнаком по среднему течению Сырдарьи.

[14] *«Пыльный поход»* (по-казахски «Шаңды жорық») – название казахского кюя.

[15] *«Трясу мешки»* (по-казахски «Қоржын қақпай») – кюй, по преданию, исполнявшийся воинами Аблая в качестве намека на то, что в войске кончились припасы.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЗАИЛИЙСКОГО КРАЯ

|| Так, [Заилийским краем] при первом знакомстве русские назвали длинную полосу земли, лежащую между рекою Или и снежным хребтом Кунгей-Алатау[1], слегка к западу расширяющуюся. Расширение это начинается с устья Каскелена – небольшой речки, впадающей в Или при среднем течении последней. Полоса эта имеет большой склон к северу и прорыта множеством рек, сбегающих с Алатау; все они, без исключения, впадают в Или, одну из самых больших рек в Киргиз-кайсацкой степи.

Или (по-китайски Или, по-киргизски Иле, Ле) составляется из трех истоков: || Текес, Хашгол и Кунгес; из них первый есть самый главный, вытекает из хребта Музтаг или Ледяные горы, и имеет до соединения с Кунгесом течение на восток; уже по соединении всех их Или принимает направление на запад, орошает китайскую область Или и большой город Кульджу, принимает в себя множество горных речек с обеих сторон и под тем же названием вливается несколькими рукавами в Балхаш, из которых самый главный и глубокий есть Бурлю.

Протяжение Или едва ли не более 800 верст, ширина у русского пикета, близ устья Талгара, около 200 сажен, течение ее очень быстро || вследствие большого склона к Балхашу и изобилия вод Алатауских гор; вода в ней [исключая какие-нибудь два-три месяца зимы] очень мутная, дно неровное, изрытое ее беспокойным течением, берега глинисты, в некоторых местах высоки и круты, особенно правый берег. На всем протяжении своего течения она образует множество незначительных островов, покрытых тополем, мелким кустарником и изобилующих хорошим подножным кормом.

Левый же берег Или большею частью низменный, иногда песчаный, солонцеватый и покрыт камышами и кустарниками джигды, тополя, чингиля, ветлы, вербы, сексеула и карагайника. Ниже пикета, при урочище || Капчагай, на протяжении слишком тридцати верст, Или сперта высокими, неприступными скалами гор того же имени; далее она вырывается в песчаную степь и течет между песками, в густых и огромных камышах. Это одна из всех рек Киргиз-кайсацкой степи, которая так полноводна, что, проходя слишком 200 верст глубокими песками, достигает самого Балхаша с неизменным своим изобилием вод. При впадении своем она раздробляется на мелкие рукава, разбитые на небольшие лужины*[1], теряющиеся в песках дельты, состоящей из множества больших островов, называемых у киргиз-кайсаков *камау*[2], покрыта тополем и другим мел||ким лесом; здесь, отличные выгоны и превосходное киргизское хлебопашество.

Рыбы в Или мало; подобно другим рекам, принадлежащим бассейну Балхаша, она изобилует во множестве только маринкой и двумя другими родами мелкой рыбы: османами (форелью) и судаками. Кайсаки говорят, что в ней водятся сомы, но едва ли это справедливо. Зимою на Или бывает много дичи и зверя, которые сходятся туда с гор. Гуси, утки, драхвы зимуют на Или. Большие серые коршуны также проводят там

*[1] Т.е. маленькие плесы.

зиму. Осенью появляется множество пеликанов; в камышах по берегу обитают тигры и лео||парды, а также кабаны, дикие кошки и др.

Весенний разлив Или бывает не ранее марта месяца; осенью же она так мельчает, что в сентябре и октябре образуются броды, удобные для прохода скота, так, известны три брода: Огуз-уткель, между устьями Чилика и Тургена, Кыз-кечу, или Кыз-уткель, между Иссыком и Талгаром, немного ниже впадения с правой стороны р. Чингильды и Тамгалы-уткель, при урочище Тамгалы-Тас. Через последний идет караванный путь из Ташкента в Кульджу и на Семипалатинск и называется Джанайджол (Джа||наевский путь); второй замечателен исторически проходом бежавших из России калмыков*2.

В русских пределах, т. е. начиная от цепи китайских пикетов, Или имеет справа только два притока: Усек и Кушмурун*3, берущих начало из гор Уч-Куянды и Чингильды*4.

С левого берега, со стороны Кунгей-Алатау, который тянется параллельно Или с востока на запад, вливаются в Или следующие речки: Чарын, Чилик, Чабдар, Турген, теряющийся в солонцах, песках и камышах около Или, и Иссык (60 верст), || Талгар, Каскелен с притоками слева*5. Большая, Малая и Средняя Алматы (Яблонная), Аксай и Чемолган, Курту, не доходящая до Или и теряющаяся в песках, и Кура. Курту принимает в себя Джирень-айгыр, Каргалы; Чарын принимает в себя справа две Каркары, Кегень и Темирлик, а Чилик слева – Асы.

Почти все из сказанных речек до середины своего течения имеют направление на северо-запад, а потом делают поворот к Или. Все они обильны османами, отчасти маринкой, а Талгар, кроме того, – судаками. Течение их до поворота чрезвычайно быстро и следует по каменистому руслу, но далее, в глинистых и возвышенных берегах, они становятся более спокойными; вода вообще мутная; в горах нередко [эти реки] образуют красивые водопады, особенно р. Иссык, имеющая великолепный сорокапятисаженный || водопад. Талгар и Иссык, и вероятно все прочие, по словам кайсаков, берут начало из ледников. Последний из них по выходе несколькими ключами из-под льда образует горное озеро, имеющее версты три в окружности и составляющее резервуар этой речки.

Берега некоторых [речек] сопровождаются лесом, который в нижних частях перемешивается с большими непроходимыми камышами.

Горы Кунгей-Алатау, называемые также Большим Алатау[3], в отличие от Малого, лежащего к северу от Или, отделяют бассейн Или от бассейна озера Иссык-Куль; высшая точка его находится у верховьев р. Талгара и называется Талгарнын-талчоку*6. Она видна верст за 300. || Горы эти гораздо выше Малого Алатау[4], не так каменисты, покрыты толстым слоем чернозема, богаче растительностью и, как следует думать, произведениями царства ископаемого. Узкий хребет этот не шире пятидесяти верст, потому он очень крут и имеет мало удобных проходов; впрочем алатауские киргизы проходят его через верховья Алматов (Средних) в один день; восточная оконечность

*2 Против этого на полях пометка. *Ниже есть еще брод Уч-арал.*

*3 Иначе: *Бороходжир.*

*4 Точнее: с *Джунгарского Алатау.*

*5 Описка, следует: *справа.*

*6 Точнее:*Талгарнын Тау-Чоку* – Талгарский пик в Зайлийском Алатау.

его более отлога и образует удобный проход на Иссык-Куль и в Кашгар, называемый Сантас. Кроме того, есть еще малые удобные проходы для всадника через верховья р. Тургень.

На запад же он разветвляется на множество отрастей, из которых одна огибает оз. Иссык-Куль с юго-западной стороны и примыкает к Заиссыккульскому || Кыргызнын-Алатау[5], а другая уходит в Бетпак-Далу (Голодную степь) между Чу и Балхашом, а третья занимает пространство между верхними частями рек Чу, Сыр и Аму-Дарьей до самого Коканда. Самая западная ее ветвь между Чу и Сыром есть горы Каратау, оканчивающиеся над песками Каракум[6] крутым мысом Кушмурун.

Воды с Кунгей-Алатау скатываются на север, в Или, а на юг – в оз. Иссык-Куль; северная его сторона лесиста, южная – безлесна; это же явление заметно и в Малом Алатау. Причиною тому, я полагаю, [является] направление дождевых ветров, дующих преимущественно с запада, с Балхаша. В ущельях этого хребта || заключается все растительное богатство Заилийского края, но оно и не выходит из этих пределов. Яблонные, абрикосовые деревья, клен, ягодные кустарники: малина, барбарис, смородина и другие украшают собою горные речки только до выхода их из гор, а вслед за тем сменяются сначала мелким березняком, а потом тополем, ветлой, талом, к которым на Или присоединяется еще джигда; зато в горах нет этого последнего красивого дерева, чисто степного, из-под коры которого, особливо в подрубах, сочится клей. Точно таким же образом к Или постепенно исчезают и разнообразные цветы гор, а вместо них виден там и сям простой тростник – || чий, кураи, да повилика на камышах.

Яблоки здешние в диком состоянии мало уступают садовым кульджинским как на вкус, так и величиной своей; урожая на урюк (абрикосы) летом 1853 года вовсе не было: сильные весенние ветры и холода уничтожили цветы; урюка вообще повсюду много; самое плодородное и обильное место есть источники Алматов. По обе стороны этих урочищ лес так разнообразен, что эти места получили название у кайсаков *Чубарагач* (чубарый – лес), т. е. разнообразные деревья. Здесь есть и малина, и черная смородина, дикая роза, черный барбарис. || Выше яблонь и абрикосов начинается хвойный лес: ель и пихта, также осина; еще выше ель мешается изредка с березой и степными кустарниками, отличающимися твердостью – таволгой и ргаем. Засохшие стволы ели и можжевельник – самая крайняя растительность. Еще выше [находятся] камни и, наконец, снег. На главных высотах камни рисуются отвесными и дикими скалами очень значительной высоты. Иногда на значительной же высоте этого хребта находятся порядочные озера, которые служат резервуарами бегущих с гор рек. Так, близ истоков Иссыка находится озеро Джасылкуль[7].

Пахотные места киргиз-кайсаков лежат в десяти верстах от гор, где берега речек не так круты, позволяют им удобно выводить воду арыками из быстрых речек по своим пашням, и грунт || земли более плодороден. Кроме этих пахотных мест, киргиз-кайсаки сеют просо и пшеницу в нижних частях почти всех речек, где, несмотря на глинисто-песчаный грунт, урожаи бывают все-таки хорошие. Здесь урожай бывает еще более, чем на Копале. Колос проса достигает высоты трех футов. Сенокосные места здесь также богаты; подножный корм и сенокосы на сазах*[7] сохраняют свою свежесть до исхода сентября и вновь зеленеют с половины марта месяца. *Джунурч-*

*) *Саз* – влажные луговые места.

ка (мусюй), или, как зовут кайсаки, желтик, составляет в горных ущельях непроходимые сети, в которых запутывается лошадь. Повилика и хмель вьются по древесным стволам и растут по крутым скатам. Здесь природа гораздо богаче цветами, чем в Малом Алатау, и потому можно угадывать, что здесь возможно развести с успехом пчеловодство, если только не будут иметь влияние вечные белки гор. Мы находили здесь диких пчел, вырабатывавших свой мед в коробочках, образованных из плевы и подвешенных на стволы курая или другой травы, имеющей толстые стволы.

В горах пасутся маралы, тау-теке и дикие козлы, называемые киргиз-кайсаками *аккуйрук,* архаров меньше, а сайги живут в долине; куланы, которые есть в степи по правую сторону Или, здесь не видны. В чаще, в глубоких ущельях водятся медведи (муровятники), тигры (только летом), барсуки, красные лисицы и др.; волков здесь множество; попадалась даже черная лисица. В речках живут выдры, а по камышам – большие кабаны, которые вследствие изобилия в этой стране солодкового корня бывают чрезвычайно жирны. В долине водятся зайцы, куницы, лисицы, кролики, ежи, дикие кошки, черепахи и др. Киргиз-кайсаки внизу Или находили даже дикобразов.

В больших и густых камышах по Или водятся, и не в редкость тигры, рыси, изредка леопарды и другие хищные. Они нередко посещают киргиз-кайсацкие табуны и держат иногда в осаде аулы. Кайсаки отваживаются вступать с ними в борьбу и убивают их, а шкуры продают русским за 20 рублей серебром.

Птицы здесь бесчисленное множество; из дичи известны гуси, утки, турпаны, драхвы, рябки горные и долинные, голубки дикие и другие. Зиму здесь проводят лебеди и журавли: на Или живут пеликаны; на сухих тополях вьют свои гнезда аисты; в густой листве малакитника или жимолости поют соловьи и славки, а в долине – певучие жаворонки, щеглы и др. В горах, около больших утесов, в лесу вьют гнезда большие орлы, карагуши, серые коршуны, ястребы, а по камням видны каменные рябки и куропатки. По Или и другим речкам, поросшим камышом и кустарником, водится множество фазанов.

Овода, комаров и мошек на Или бездна в продолжение всего лета, все это от сырости, которая удерживается в камышах; к этому еще присоединяются ядовитые: каракурт (род большого паука), тарантул, фаланга и скорпион (бузаубас – телячья голова).

|| Эти насекомые водятся на всем пространстве от левого берега Или почти до самой караванной дороги, проходящей верстах в двенадцати от подножья хребта гор. Змей также много, но они невелики и длиною не бывают более 1,5 аршина. Они больше пресмыкаются по солончакам, где ужасно ядовиты; горные змеи менее ядовиты. Здесь мы встретили особый и новый род змей, доселе нам незнакомый в степи.

Кажется, чем далее к востоку, тем земля становится плодороднее; сами кайсаки очень хвалят земли к востоку. Среднее течение Или совершенно открыто сибирским северным ветрам, и только незначительный хребет || Чолак, да горы Аркарлы и Малай-Сары видны за нею; но выше Алтын-Эмеля Или заграждена с севера снежным хребтом Малым Алатау и его восточными отрогами.

От р. Каргалы, впадающей в Курту, к западу грунт заметно переменяется и вместо плодородного чернозема идут солонцы вплоть до Чу, а по направлению к Или – глубокие пески Муюн-Кум. На всем этом пространстве, исключая берега некоторых ключей, обвлажняющиеся маленькой водой, грунт едва и с большим усилием про-

изводит жесткий кокпек и ибилек (травы, известные только в степи), да мелкую полынь. Горы становятся голы, бесплодны.

Так начинается в этом краю Голодная степь, или Бетпак-Дала. Грунт ее серый, выгорелый, солонцеватый: || устье Или и берег Балхаша окружены на большое пространство убродистыми[*8] холмистыми песками или камышами, которые перемешиваются между собою. Около берега Балхаша и в низовьях Или рассыпаны мелкие озера с солью и с пресной водой (изобилующие карасями). Больше по Или нет нигде соли, и киргиз-кайсаки зимою, во время бессолицы, вываривают соль из солончаков, которая, как и вываренная соль, называется *чилама.* Этой последней, мало годной в пищу солью, обильны окрестности горок Бурулдай, между Чиликом и Кум-Кечу.

Климат Заилийского края общий – степной, крайности и непостоянства погоды – его отличи||тельная черта; зимою бывают морозы, хотя, считая средним числом, и гораздо умереннее, чем в северной части степи; летом жара доходит до 40° по R. Холода редко спускаются ниже 5° по R. Вообще климат благорастворенный, здоровый, летом дневной зной отрадно заменяется ночной прохладой, навеваемой с вершин гор. Весна чрезвычайно дождлива и ненастна.

Зима 1853 года, первая зима, проведенная русским отрядом за Или, была самая жестокая, какой не припомнят киргиз-кайсацкие старики. Это подает повод кайсакам очень оригинально думать, что русские так сроднились с зимой, что не могут с ней расстаться и таскают ее с собой, куда ни придут. Они говорят, что со времени основания || Копала там зимы стали холоднее и снега глубже. Все-таки и в эту зиму на Или снег был не глубже 1,5 аршина; ближе к горам – более 2,5 аршина; посреди зимы в горах были такие оттепели, что снег таял и показывалась на тропинках грязь. В год, нами проведенный на Иссыке, мы сделали следующие заметки: Или стала 8 ноября[*9], на Или сошел снег около 13 февраля, Или вскрылась ото льда 8 марта, разлив воды был в июле. Осень так же, как и весна, очень дождлива, но осенние дожди поливают одни горы.

В Заилийском крае дуют два ветра: северо-западный, с Балхаша, и восточный, сверху, называемый у киргиз-кайсаков *эби-джель,* и дует [он] исключительно весной. Последний теп||лый и сухой; первый всегда несет дождевые тучи и гонит впереди себя стену пыли, поднятой с сухой Бетпак-Далы и с прибрежных песков Балхаша. Постепенно стена эта приближается и вдруг пригибает камыш, роняет некрепкие юрты и мигом же проносится – наступает тишина и крупный дождь поливает землю. С какою быстротою несется эта буря, следует только заметить, что признаки ее на западе появляются не раньше, как за час, а, может быть, часа за три уже весь Заилийский край бывает орошен водою. К концу июля месяца уже вся трава в долине Или выгорает, камыш сохнет и только по речкам || и влажным местам (по сазам) и в ущельях гор растительность еще сохраняет свою свежесть. Яблоки созревают здесь в начале августа, абрикосы – в половине июля. В летние месяцы воздух редко охлаждается дождями.

Параллельно хребту через Заилийский край проходит караванная дорога из Ташкента, в недальнем расстоянии от гор; все речки, через которые она пролегает, удобно переходятся вброд; по речкам к Или и по горам пробиты тропинки, а иногда и большие кочевые дороги, по которым двигаются аулы во время своих перекочевок.

[*8] Т.е. рыхлыми, глубокими.

[*9] Здесь, как и ниже, время дано по старому стилю.

С октября месяца по всему протяжению Или на том и || другом берегу ее останавливаются на зимовку кайсаки, занимающие, сказать положительно, оба берега, начиная от цепи китайских пикетов до русского пикета при устье Талгара. Ниже в песках и сексеулах зимой пасутся их лошадиные табуны, и аулы стоят почти до Камау. По сходе снегов у подножья Алатау волости кайсацкие выступают на эти урочища и начинают пахать пашни[8].

У подошвы гор, около берегов речек разбросано множество курганов (насыпей) различной величины; я заметил, что некоторые из них, расположены по два; вершины у всех опали и образовали глубокие впадины, углубления. Об одном из них, заросшем уже лесом, нельзя || не упомянуть. Он находится под самыми горами, где вырывается в долину р. Талгар, обнесен глубоким рвом, поросшим уже яблочником, имеет от основания рва в высоту саженей 15, в окружности – не менее версты и называется *Курган-тюбе*[9] (Курган-сопка). На вершине его, которая имеет усаженную кустарником и яблонями негладкую плоскость, есть еще развалины древнего укрепления[10]. Обе эти древности кайсаки относят к временам Тохтамыша, но кому принадлежат действительно эти древние насыпи и курганы, неизвестно, а между тем много народов прошло через эту страну. Кроме этих древних развалин курганов, есть еще новейшие.

Комментарии

Печатается по тексту ССВ, т. с. 9–17. Беловая копия рукописи хранится в архиве ВГО (разряд 70, оп. 1, д. 14, лл. 1–15). Две другие копии (черновая и беловая) хрнанятся в архиве Ч.Ч. Валиханова (ААН, ф. 23, оп. 1, д. 12, лл. 1-8 об.; д. 22/3, лл. 22 об., 35 об.).

Беловые копии идентичны, они отличаются от черновой более четким построением и важными разночтениями. Видимо, это одна из первоначальных редакций. В беловике ААН немало ошибок, допущенных переписчиком.

Чешювая копия ААН переписана в отдельную тетрадку школьного формата небрежно и со множеством ошибок. В конце тетрадки имеются заметки без заголовков, не связанные с «Очерком Заилийского края». Черновая копия, видимо, снята с разрозненных листов, а потому местами нарушена первоначальная авторская пагинация. Но кое-где встречаются интересные разночтения с беловиком.

Авторство Ч. Валиханова устанавливается, во-первых, его ссылкой на эту работу и, во-вторых, повторением мыслей, высказанных в «Очерке Заилийского края», в других работах. Например, в «Очерке Заилийского края» он писал: «Зима 1853 года – первая зима, проведенная русскими за Или, была самая жестокая, какой не припомнят киргиз-кайсацкие старики. Это подает повод кайсакам очень оригинально думать, что русские так сроднились с зимой, что не могут с ней расстаться и таскают ее за собой». (ААН, ф. 23, оп. 1, д. 12, л. 4). Эта же мысль высказана и в «Кульджинском дневнике»: «Зима 1853 г. памятна в этом крае... киргизы говорят, что такой зимы они не помнят, и уверяют, что русские возят с собой холод». (См. *Ч.Ч. Валиханов.* Собрание сочинений, т. II. Алма-Ата. 1962, с. 96).

Самым веским доказательством авторства Ч. Валиханова является то, что в своей обзорной работе «Географический очерк Тянь-Шаня и бассейна оз. Иссык-Куль», в которой дано описание всех рек, берущих начало в Тянь-Шане, Ч. Валиханов нарочито опускает бассейн Или, приводя только ссылку на свои прежние работы «О Большой киргизской орде» и «За-

илийском крае» (см.: Собр. соч., т. 1.... с. 316). Эти две работы дошли до нас в виде копий в одной тетради (ААН, ф. 23, оп. 1, д. 22/3, лл. 4–9 и лл. 22 об.–35 об.).

Работа написана не позднее 1855 года.

[1] *...длинную полосу земли, лежащую .между рекою Или и снежным хребтом Кунгей-Алатау.* – В начале пятидесятых годов географического термина «Заилийский Алатау» еще не было, вместо этого во всех географических сочинениях, в том числе в трудах П.П. Семенова. А.Ф. Голубева, И.И. Захарова, Ч.Ч. Валиханова и других, употреблялось «Кунгей-Алатау». Исследователи были убеждены, что Алма-Атинский хребет и Кунгей-Алатау одно и то же. Дифференциация на Заилийский и Кунгей-Алатау произошла позднее. Заилийский хребет казахи раньше называли Алматы-тауы (Алма-Атинский хребет).

[2] *Камау* – дельтовая часть реки Или, непосредственно примыкающая к южному берегу Балхаша.

[3] *...Большим Алатау.* – Имеется ввиду весь массив Северного Тянь-Шаня в противоположность Джунгарскому, или Малому Алатау.

[4] *...выше Малого Алатау* (Кичи-Алатау) – одно из исторических названий Джунгарского Алатау.

[5] *...Заиссыккульскому Кыргызнын-Алатау.* – Речь идет о Терскей-Алатау, огибающем озеро Иссык-Куль с южной стороны.

[6] *...песками Каракум...* – не совсем точное определение. От западной оконечности Каратау до Приаральских Каракумов лежит еще огромная пустыня и низменность, заключающая в себе долины рр. Чу, Сарысу и озеро Тели-Куль. Каратау оканчивается в районе Нижней Сырдарьи, недалеко от ее правого берега.

[7] *...озеро Джасылкуль.* – Настоящее название горного озера, которому впоследствии было присвоено неточное имя «Иссык», его часто путают с названием озера Иссык-Куль. Иссык (собственно: Есік) – название не озера, а речки, берущей начало из озера Джасылкуль.

[8] *По сходе снегов у подножия Алатау волости кайсацкие выступают на эти урочища...* – т.е. занимают урочища, расположенные вдоль северного подножья Заплийского Алатау с востока на запад (Кеген, Турген, Талгар, Каскелен, Курдай).

[9] *...называется Курган-тюбе.* – Речь идет об одном из Талгарских городищ, расположенном при выходе р. Талгар из гор на равнину. Городище сейчас снивелировалось.

[10] *При самом исходе из гор Талгара есть еще развалины древнего укрепления.* – Имеется в виду Верхнеталгарское городище, теперь находящееся в черте города Талгара.

О КИРГИЗ-КАЙСАЦКОЙ БОЛЬШОЙ ОРДЕ

|| Заилийский край занят двумя главными родами Большой орды: албанами и дулатами с частью чапраштов, никогда отсюда не выходивших на правый берег Или. На востоке в Илийскую долину иногда выходят дикокаменные киргизы из рода бугу, родовые кочевья которых находятся на юго-восточной стороне Иссык-Куля, а на западе – из родов султы и сарыбагыш, чьи кочевья находятся также на юго-западном берегу того же озера и в окрестностях Пишпека (укреп||ления, находящегося за Чу и принадлежащего ташкентцам). Западная граница кочевьев албанов есть р. Турген; они кочуют даже и в китайских владениях, платя последним ничтожную дань. К западу от албанов, т. е. от Тургена, кочуют дулаты и чапрашты (смежно) до истоков р. Чу и далее за ней через р. Талас из ташкентских городов и укреплений.

Дулатовские кайсаки превосходят все другие роды [Большого жуза] как своею многочисленностью, так и воинственностью и богатством. Их в пять раз больше, чем албанов, в три раза, чем джалаиров, не говоря уже о других незначительных родах Большой орды. Некоторые поколения дулатов, албанов и большая часть чапраш||тов кочуют и на правой стороне Или. Оба эти рода еще делятся на несколько отделений и подразделений, но об этих разделениях будет подробнее объяснено в своем месте[1].

Заилийские кайсаки больше других находились под влиянием ташкентского владычества и, находясь в близком соседстве с отдельным независимым народом – киргизами (бурутами), принуждены были вести с ними борьбу, а потому до вступления русских войск за Или эти киргизы Заилийский край считали местом укры||вательства и оставались безнаказанно. Ныне, с запятием пункта за Или, вследствие преследования за преступления эти буйные племена сделались более спокойными.

Древние насыпи и курганы в Заилийском крае свидетельствуют о древнем присутствии каких-то народов. Владения народов уйсунь, уйгуров, джунгар сменяли одно другое[2]. Последний народ был завоеван китайцами в 1755 году[3], || а все владения этого народа Китайская империя включила в свои пределы.

|| Большая орда, кочевавшая по Таласу и далее к Ташкенту, под начальством Аблайхана двинулась на восток и после удачной и продолжительной борьбы вытеснила их за Малый Алатау и заняла свои давние места. Итак, эти места, по сказаниям кайсаков, вновь заняты Большою ордою у калмыков, и, следовательно, притязания китайцев на эту страну несправедливы, [так как] с появлением исконных жителей она стала независимою. Хотя до появления русских войск в этой части степи Большая орда и считалась под покровительством России || с 1824 года, но китайцы не переставали посылать в Заилийский край свои отряды для сбора ничтожной дани до 1840 г., в который они потерпели горестное и плачевное поражение от здешних чапраштов при урочище Тирен-Узек.

Отряд состоял из трех тысяч китайцев и, собирая ясак, намеревался пробраться к ташкентскому аксакалу для переговоров. Еще до сих пор китайцы не могут забыть

этого поражения и с глубоким негодованием отзываются о всяком кайсаке чапраштинского поколения.

|| В это же время с запада с еще большим корыстолюбием беспокоили Большую орду их единоверцы – кокандцы, собиравшие с них зякет (подать). По всему видно, что это обременяло кайсаков и кокандцам нелегко было принудить ордынцев к добровольному платежу зякета. Они употребляли для этого военную силу. Равномерно кокандцы хотели военною рукою заставить и алатауских киргизов платить им зякет, но последние сильно сопротивлялись и, имея неприступные горные кочевья, остались независимыми. Я говорю это о бурутах, кочующих в верхних частях Иссык-Куля.

|| Кушпек, знаменитый и умный наместник Ташкента, сам ходил с большими отрядами в Большую орду и к киргизам. Он построил несколько укреплений; впрочем еще до него в Заилийском крае около р. Каскелен ташкентским минбаши (тысячником) был построен в 1778 году ташкентский курган, но известнейший здесь варвар – султан Рустем[4] изменнически перерезал воинов, и курган их разрушен был до основания. Развалины всех сих курганов до сих пор живо видны в Заилийском крае.

Впоследствии осталось только || одно Тойчубеково укрепление[5], возобновленное в новейшее время, и через него действовали на сбор зякета. Но и оно в 1851 году под начальством казачьего полковника Карбышева [было] разрушено русскими войсками. После этого сбор зякета продолжался уже отрядами и то только около Чу.

До разрушения Тойчубековского замка в нем находилось постоянно человек 50 сартов*[1], которые вместо охранения спокойствия и сверх своей обязанности сами занимались грабежами караванов.

Прочное занятие пункта за Или в 1853 году русскими навсегда прекратило здешние беспорядки, и можно надеяться, что страна эта, через которую идут важнейшие || пути в Кульджу, Кашгар и к горным киргизам, в скором времени зацветет своею торговлею и богатством.

Комментарии

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 9–17. Рукопись хранится в ААН (ф. 23, оп. 1, д. 22/3, лл. 4–9). Существует беловая копия в Архиве ВГО (разряд 70, оп. 1, д. 14), восходящая к другой, ныне отсутствующей. Публикуемая кония датируется 1854–1855 гг., т. е. временем занятия Заилийского края и основания укрепления Верного. В составлении этой серии, видимо, принимал участие и Г.Н. Потанин, который также интересовался вопросами истории, географии, этнографии и культуры Казахстана. Возможность совместного написания подтверждается словами Г.Н. Потанина. Он пишет, что при беседе с Чоканом «все что меня заинтересовало, я начал записывать для памяти; сначала я носил эти записки в кармане... Впоследствии... завел большую тетрадь. В это время география и этнография Киргизской степи сделались для меня любимым занятием и Чокан помогал мне наполнять тетрадь своими рассказами. Таким образом, мы занесли в нее обстоятельное описание соколиной охоты у киргизов... Он рассказывал, я записывал». (См.: Сочинения Ч.Ч. Валиханова, СПб., 1904. с. XVI). Вполне вероятно, что статьи, входившие в тетрадь Г.Н. Потанина («Составные части киргизского пороха», «О хлебопашестве», «Юрта», «О киргиз-кайсацких могилах»), записаны им под диктовку Ч.Ч. Валиханова, и в них проявилась индивидуальная манера

*[1] В черновом списке вместо *сартов*: было *кипчаков*. Это более правильно.

нешнего столетия, и на официальные исчисления 20-х и 30-х годов. В эту последнюю эпоху было немало киргиз, имевших 10-тысячные табуны лошадей.

2. Что в наше время число скота у киргиз все более и более уменьшается, и падеж делается чаще и опустошительнее. В этом можно вполне убедиться, если сравнить исчисления 20-х и 30-х годов с исчислениями 40-х и 50-х годов.

Правда, что в прошлые времена киргизы продавали своих детей в русские станицы и за один куль муки, но причиною голода были не гололедица, не суровая зима, а войны и баранта. || В старину исходным пунктом всех киргизских мотивов и забот был скот. Мы устраивали свою жизнь, приноравливаясь к требованиям скотоводства. У наших предков постоянных зимовок не было, точно так же как и приуроченных мест для летних пастбищ. Когда в одном месте был голод, отцы наши уходили на другие, более благоприятные, не стесняясь никакими расстояниями.

Киргизы Меньшей орды лето кочевали под Оренбургом и в горах Мугоджара[3], а зиму проводили на Сыре и в песках Бурсук[4] и Каракум[5]. Киргизы Средней орды в одно лето из-под Семипалатинска шли к Троицку и обратно. При таком образе жизни понятно, что голодные зимы не имели такого рокового харак||тера, как теперь.

Посему обширный район кочевок должно считать самым важным и главным условием для скотоводства. Земля, достаточная для прокормления целого города, не будет удовлетворять одного киргизского аула, ибо каждый аул должен иметь особое зимовое место (зимовку) с зимними пастбищами, особые пастбища для весенних, осенних и летних стойбищ. Для зимовок требуются густые леса или лесистые горы, вообще места, которые могут защищать скот от зимних непогод. Для летних кочевок, напротив, – места открытые, привольные и обильные текущими водами или озерами. Летние кочевки выжигаются осенью для уничтожения личинок насе||комых, беспокоящих стада в летние жары, между тем как зимние остаются все лето нетронутыми, таким образом, киргизы, занимая, по-видимому, огромные пространства земли, в сущности, пользуются в данный момент только незначительной частью и потому постоянно нуждаются в земле.

На основании этих фактов можно думать, что разделение земель наших по округам и приурочение летних и зимних пастбищных мест известным родам и личностям должны считаться одной из главных причин, вредящих скотоводству. Теперь нужно из малого пространства земли извлекать наибольшую пользу, а это совершенно невозможно, пока скотоводство будет в киргизской степи единственным средством существования.

Устраивать конюшни || на несколько сот лошадей также невозможно, как приготовлять на это число фуражные запасы. Из всего сказанного следует, что для успеха скотоводства необходимы:

1) обилие земли и большой район для кочевок.

2) густые леса или лесистые горы для зимовок и открытые, привольные, безлесные места, обильные водою для летних пастбищ. Качество летних пастбищ и удобство зимовых стойбищ имеет громадное влияние на развитие скотоводства, но важнее всего для киргиз зимовые места. Без теплых зимовок табуноводство существовать не может. Оттого эта отрасль скотоводства процветает только в тех округах, которые имеют наиболее мест, удобных для зимних стойбищ. Кокчетавский округ[6],

северная часть Акмолинского[7] и Внутренний округ Семипалатинской области, покрытые сплош||ными лесами и тучными лугами, считаются самыми богатыми округами Сибирской степи.

В Атбасарском[8] бывшем округе и в южной части Акмолинского округа табуноводство уже уступает место овцеводству и разведению верблюдов, ибо песчаные и солончаковые равнины этой части степи производят растения, употребляемые исключительно овцами и верблюдами. Каркаралинский округ[9] имеет все условия, требуемые скотоводством: летние кочевки по Нуре и Баканасу и уютные зимовки в лесистых горах Кент и Казулык[10] и в камышистых прибрежьях Балхаша. Баян-Аульский округ, без сомнения, самый бедный в области сибирских киргизов. Киргизы, кочующие в Баян-Аульском округе, хотя и владеют прекрасными летними пастбищами в верховьях Нуры || и Ишима, но не имеют самого важного – зимовок. Территория округа представляет холмистую и каменистую равнину, в которой растительность держится только в ложбинах, глубоко забиваемых зимою снегом. Лесистые горы Баян-Аул[11] и Эреймень[12] кажутся среди этой печальной равнины как бы оазисами в негостеприимной пустыне. Горы эти действительно имели для киргиз значение оазисов, они служили зимовками для всех Тортугульских волостей[13]. Баян-Аул никогда не знал повальных упадков скота, в нем Азнабай приобрел 17 тысяч лошадей. Защищенный от непогод и в самые бескормные годы [скот] выносил кое-как зиму, питаясь иногда прутьями лиственных деревьев. Недаром дано группе этих гор название Баян-Аула, что по-калмыцки значит: || «благополучная гора» (Баян-ола). Эреймень теперь уже не принадлежит нам: он занят киргизами Акмолинского округа, хотя за него было пролито нами немало крови. Баян-Аул принадлежит станице; за Иртыш же, куда пригоняли наши предки часть скота на зиму, не пускают нас казаки. Таким образом, киргизы Тортугульских волостей остаются совершенно без зимовок и, вследствие этого, более других страдают от зимних непогод и от глубоких снегов. Также безвыходное положение в отношении зимовок заставляет тортугульских киргиз откочевывать для снискания себе пропитания в другие округа, в русские станицы; таких, безвестно отлучившихся, по последнему исчислению, оказалось более 500 семейств, не считая канджигалинских[14] и козгановских[15] киргиз, которые по||ступили официально в Акмолинский и Атбасарский округа.

Повергая такое бедственное положение народа Тортугульского участка на благоусмотрение Вашего высокопревосходительства, я решаюсь изложить здесь некоторые мои соображения относительно мер, какими можно было бы отвратить неизбежное разорение, грозящее Тортугульским волостям Баян-Аульского округа.

Так как киргизы эти страдают единовременно от неимения зимовых мест и так как в границах округа, кроме гор Баян-Аульских, нет других урочищ, могущих быть надежными зимовками киргизам, то я осмеливаюсь просить, Ваше высокопревосходительство от имени народа упразднить Баян-Аульский приказ, приписав подведомственные ему волости в состав других округов или же перенести на урочище Бель-Агач, лежащее по тракту, на половине || дороги между г. Акмолы и Каркаралинской станицей, и имеющее все удобства для поселения приказа: плодородную почву, сенокосные луга и положение на торговом пути и среди летних кочевой Баян-Аульских киргиз; последнее обстоятельство особенно важно для народных сборов во время ревизии

господина военного губернатора. Киргизы Баян-Аульского округа готовы взять на себя часть расходов не только по перенесению приказа на другое место, но и для переселения казачьей станицы, дав каждому казачьему семейству по три лошади.

Казаки Баян-Аульской станицы хлебопашеством не занимаются, а живут только оброком, который берут с киргиз, отдавая им в временное пользование станичные свои участки, следовательно, перенесение приказа и станицы на хлебородные места || будет одинаково выгодно как для казаков, так и для киргиз.

В заключение всего считаю долгом заявить Вашему высокопревосходительству, что при предстоящем размежевании земель для Баян-Аульской станицы я полагал бы справедливым прежде всего наделить зимовками и лесными участками коренных жителей киргиз, а затем оставшиеся места отдать казакам, так как по закону казаки должны быть наделяемы землей без стеснения киргиз в их пастбищах.

Комментарии

Работа написана в Омске 26 марта 1864 г. в виде официальной записки на имя генерал-губернатора Западной Сибири; написана она от имени дяди Валиханова М. Чорманова. Сохранилась в трех рукописных копиях, из которых одна под названием «Докладная записка подполковника Чорманова об упразднении Баян-Аульского приказа» хранится в Госархиве Омской области (ф. 3, он. 5, К-697, лл. 1–31), другая, авторизованная копия, – в НБТГУ (архив Г.Н. Потанина, лл. 1160–1167), третья – в ЦГАЛИ (ф. 159, он. I, №179, лл. 163–166 об.) Все эти списки по тексту совершенно идентичны. Только в списке ЦГАЛИ на полях последнего листа рукой Г.Н. Потанина сделана пометка: «Подлинник, написанный писарской рукой, получен мною от Мусы Чорманова, дяди Чокана Валиханова. Хотя он имеет вид официальной записки, поданной Степному начальнику от имени Мусы Чорманова, но я полагаю, что черновик был написан для дяди племянником». О том, что черновик принадлежит Валиханову, свидетельствует заявление в письме к К.К. Гутковскому от 4 марта 1864 г., в котором он пишет: «Теперь мы хлопочем о том, чтобы Баян-Аул перевести в Бель-Агач». Наиболее достоверной следует считать авторизованную копию, сохраняющую многочисленные поправки и добавления, внесенные рукой Валиханова. Она хорошо отредактирована, официальный тон изложения в ней снят и заменен научными объяснениями, и вместо прежнего официального заголовка («Его высокопревосходительству господину генерал-губернатору Западной Сибири») ей дан новый заголовок (карандашом) «О кочевках киргиз».

Печатается по тексту ССВ, т. I, с. 530–535. Впервые опубликовано М. Чормановым в СОВ, 1871, №33, затем в Сочинениях, изданных под ред. Н.И. Веселовского (ЗРГО ОЭ, т. XXIX, 1904, с. 321–326).

[1] *Баян-Аульский округ* – один из внешних тогда округов, в административном отношении подчиненный начальнику Пограничного Управления (позднее Областному правлению) сибирских киргизов. Был образован « 1832 г. (См.: *М. Кузьминский.* Краткое статистическое обозрение Западной Сибири. Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1839, т. 1).

[2] *Сибирские киргизы* – казахи Среднего жуза, населявшие территорию бывшей Акмолинской и Семипалатинской областей и частично Томской губернии.

[3] *Мугоджарские горы* (Мугоджары) – невысокие горы в Актюбинской области, составляющие южные отроги Уральского хребта. Состоят из двух параллельных каменных гряд, тянущихся с севера на юг на 400 км от верховьев р. Иргиза до Устюрта.

[4] *Бурсук* (Борсук) – см. наст. изд., т. 1, с. 390, комм. 8.

[5] *Каракум* – см. наст. изд., т. 1, с. 390, комм. 9.

[6] *Кокчетаеский округ* – один из внешних округов Области сибирских; киргизов. Образован в 1824 г. после принятия Устава о сибирских киргизах.

[7] *Акмолинский округ* – один из внешних округов и важный административный и торговый район, связывавший Северный Казахстан с южными областями; образован в 1833 г.

[8] *Атбасарский округ* – один из внешних округов, образованный в 1841 г. на границе между Тургайской степью и Областью сибирских киргизов.

[9] *Каркаралинский округ* – один из внешних округов и важный административный и торговый район, расположенный на большом тракте между Центральным Казахстаном и Семиреченским краем; образован в 1824 г.

[10] *Кент и Казулык* (Кент и Қазылық) – горы, входящие в систему Каркаралинских гор. Расположены на востоке и юго-востоке от г. Каркаралинска.

[11] *Баян-Аул* (искаженная форма, исторически правильное название – *Баян-Аула;* от монг. *Баян-Ола)* – гора счастья, благодати. Рядом с Баян-Аулом (в его системе) расположена другая гора – Жаман-Аула – некрасивая (плохая) гора.

[12] *Эреймень* (Ерейментау) – горы в Центральном Казахстане.

[13] *Тортугулевские* (Туртугульские) *волости* – имеются в виду волости Баян-Аульского округа.

[14] *Канджигалинские* (Канжигалинские) киргизы (қанжығалы) – подразделение племени аргын (Средний жуз). В своей основной массе жили в горах Ерейментау, на территории нынешней Акмолинской области, а часть – по левому берегу Иртыша, в районе нынешнего Павлодара.

[15] *Козгановские киргизы* (қозган) – подразделение племена аргын; располагалось по р. Ишиму, в Атбасарской степи, часть рассеяна по другим районам (Акмолинский, Баян-Аульский).

КИРГИЗСКОЕ РОДОСЛОВИЕ

|| Вот родоподразделение киргиз в том строго неизменном порядке, как принято у них. Самый порядок разделения, обусловливая собою право старейшинства и силу племени, что и, по понятию киргиз, выражается правом физического первородства предка, имеет большое значение в их родовом праве и принимается совершенно в генеалогическом смысле: посему форма отношений орд к ордам и родов одной орды между собою соответствуют правам кровного братства, а отношения родов к своей орде – отношению сына к отцу, к старшему роду старшей орды – отношением племянника к дяде; всего более характеризуется этот патриархальный родовой быт отношением в диспутах степных импровизаторов из разных родов о превосходстве и старейшинстве своего предка....*[1], но здесь не место о том говорить, а потому возвратимся опять к племенам киргизским.

К киргизам принадлежали и принадлежат еще по общему имени казак племена канглы, чанчклы[1] и кереиты[2], которые отделились от орд после смерти хана Ишима (жившего около 1630 г.) и теперь вместе с родом Средней орды конрад, отделившимся при хане Валии[3] [первая четверть XIX в.], кочуют в Бухаре, Кокане, Ташкенте и всего более на горах Каратау и по реке Талас [в соседстве] с узбекскими родами. ... Не считаю нужным говорить о древности кипчаков, канглы, [уйсунов] ..., джалаиров, найманов, кереитов[4], киритов, это должно быть известно сколько-нибудь знакомым с историей Чингиса и его завоеваний. Канглы и кипчаки, как сильные народы тюркские, упоминаются восточными историками еще в баснословную эпоху Огуза. Канглы, по свидетельству Абульгази, еще до нашествия монголов жили по Иссык-Кулю, Джуду*[2] и реке Таласу*[3], а кипчаки (Абульгази, Румянцевское издание, 49)*[4], || со времени Огуза до Чингис-хана, в продолжение 400 лет, жили на пространстве рек Дона, Волги и Урала, почему и страна, ими обитаемая, получила название Дешти Кипчак. Константин Багрянородный[5] называет турецкий народ пацинаков*[5] старожилами земель по рекам Атиль[6], Гейх[7] и Танаис[8]; вообще же пацинаки, куманы[9], узы[10], как

*[1] Оставлено место, очевидно, для написания казахского эквивалента слова *предок* – ата-баба.

*[2] Описка, точнее: *Джу*, т. е. река Чу.

*[3] Озеро Иссык-Куль лежит на точке совпадения границ Китая, Коканда и земель Большой Киргизской орды. В долине его, образуемой на севере горами снежными Кунгей и на юге Киргизнен-Алатау, кочуют собственно киргизы, для отличия от степных кайсаков назыв[аемые] дикокаменными, черными и бурутами.

Река Чу (Джу-Суы, у Абульгази, я принимаю за эту реку) вытекает из северной покатости гор Киргизнен-Алатау. Река Талас впадает в озеро Каракуль и берет начало из снежного хребта, разделяющего эту реку от Чу. В степной долине между рек Чу и Сыр по течению Таласа в горах Каратау кочуют и теперь киргизские [роды канглы, конграты, ысты, чашиклы и др.]. У Абульгази названия этих мест написаны так: [Иссык-Куль, Джу и Талаш]. *(Примечание Валиханова.)*

*[4] *Abulghasi Bahadur chani.* Historia Mongolorum et Tatarorum, nuns primum tatarica edita, auctoritate et manificentia I. C. N. de Romanzoff. Casani.1825, стр. 49 [тюркский текст].

*[5] То есть печенегов.

народы сродные, единоплеменные, были совершенно известны византийцам в конце VII века, а о куманах-половцах, принимаемых многими учеными за кипчаков, упоминается под 1078 годом.

В царствование Ботандата (Известия византийских историков, ч. 4, стр. 134) найманы, джалаиры и кереиты были народы монгольские, по свидетельству восточных историков, и имели еще до Чингиса своих ханов. Найманы жили около Каракорума[11], джалаиры и большие и малые ... составляли по ...[*6].

Кереиты были соседи найманов и, по словам Абульгази, были самые сильные из всех племен [اول زماندا کرایت دین کوچلی ایل یوق یردی[*7]] Конрады были монголы... Кияты [12] были в родстве с Чингисханом и с его последующими потомками, через что беки их... имели большое политическое значение и силу; дулаты, суваны и уйсуны встречаются в [«Сборнике летописей» Рашид-Эддина] под именами [дуглат, уйшин][*8] и являются в числе 10[*9] племен монгольских, происшедших от норунов[*10] и киятов [انیرون، قیات]. О движении народа усунь с северо-западных границ Китая в нынешний Илийский округ (в нынешние места кочевья Большой Киргизской орды) упоминают китайские историки еще за два века до Р. Х.[*11] Племя аргын[13] встречается очень поздно в числе народов монгольских Джагатайской орды. У Гулагу была жена из племени аргын.

Имен уак[14], кирей, сколько мне известно, нет между древними племенами монголо-тюркскими, но в киргизской поэме Эдиге в числе беков Тохтамыша есть представитель уаков. О происхождении имен алчин[15], байулы[16], алимулы[17] см. ниже.

Курлауты (древние монгольское племя)[*12] составляют теперь между киргизами отделение от рода кипчак[18]. Подобное соединение племени монгольского курлаутов к народу турецкому кипчак, в виде или качестве ветви его, действительно странно. Но, говорит Левшин[*13], есть союз разных монгольских и турецких племен от Золотой... и Джагатайской орды[19], соединившиеся вследствие общих интересов и известных обстоятельств в одно политическое тело. Примеры подобных союзов в истории монголо-тюркских племен нередки, мы знаем монгольский союз ойратов и турецкий – уйгуров.

В смутные времена, предшествовавшие основанию ханств Казанского[20], Крымского[21] и Астраханского[22], первые племена золотоордынские и джагатайские, раздробленные и разбросанные грабительскими смутами в разные стороны и страны, для обеспечения своих прав в местах своего кочевья составляли союзы и, пригласив какого-нибудь принца Чингисовой крови, провозглашали его ханом. Таким образом,

---

[*6] *Абульгази*. Указ. соч., стр. 53.

[*7] *Там же*.

[*8] *Рашид-эд-дин*. Сборник летописей. История монголов. Введение о турецких и монгольских племенах. ТВО РАО, V, СПб., 1858, стр. 166, 207.

[*9] Вероятно, описка, должно быть 16 [см. *там же*, стр. 10].

[*10] Обычно пишется: нирун – نیرون *там же*.

[*11] Отец [Иакинф]. Описание Джунгарии и Восточного Туркестана. СПб. 1829, стр. 42–43.

[*12] *Рашид-эд-дин*. Сборник летописей. История монголов.., стр. 76 78.

[*13] *А.И. Левшин*. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей. Ч. II. Спб., 1832, стр.42.

из разноплеменных родов составилась политическая отдельная община (قوم)*[14] независимо [от их происхождения]. Так основались и утвердились орды... Ногайская – в Сарыйчаке[23], Могул-улус[24] – в Ташкенте и Казак – в степях засейхунских[25]. Всего больше утверждается это предположение замечательным составом родов киргизских: между ними вы встречаете кипчаков племени золотоордынского, аргынов – племени джагатайского, уйсунов – соседей уйгуров и джунгаров. Для большей ясности рассмотрим самое предание их о своем «народоначале».

Народ казак (так называют себя и зовутся от своих азиатских соседей киргизы) разделяется на три сотни – юз*[15], которые русские называют ордами и которые по старшинству у них называются Большая, Средняя и Меньшая сотня (Улу юз, Урта юз и Кичи юз).

Большая сотня, или как принято орда, составляется из четырех главных основных родов: дулат, джалаир, абдан и суван, все они совокупно, в виде нарицательного имени, называются уйсун; название, происшедшее от имени сильного племени уйсунов, принадлежавших прежде к союзу вышепоименованных родов этой орды, но впоследствии присоединившихся к джунгарам и уйгурам; собственно же остатки их существуют и ныне и принадлежат в качестве отделения к роду дулат и называются сары-уйсун.

Среднюю орду составляют основные роды: аргын, кипчак, конрад, найман; второстепенные, присоединившиеся после – такие роды у киргиз называются || джетыру – семироды: уак и кирей. Меньшая орда состоит из двух коренных родов: алимулы, бай-улы и из одного ... – джетыру; алчин – собирательное имя всех родов Меньшей орды, так же как уйсунь – Большой.

|| Начало народа казаков или а л а ч, как казаков, предание это определяет довольно положительно: если Тамерлан, в первый свой поход в 1392 г. на Тохтамыша[26], убил детей А л а ч а[27] и первого хана казачьего, то приблизительно можно полагать, что сам Алач мог жить в средине XIV столетия. Нет сомнения, что казачество началось и развилось в Азии и перешло к русским от татар; в русских летописях (в Псковской) рязанские казаки упоминаются в 1444 году, когда они пришли на помощь к Москве и [сражались] против татар, а в Украине 1517, по свидетельству ... [историка] Окольского*[16], они ходили тогда на Белгород (Аккерман) под начальством гетмана своего Предислава Ланцкоронского[28] (см. Карамзина. Прим. 411 к V т. и IV гл.)*[17]. У татар они должны были развиться ранее. Привольные и обширные степи киргизские, как Украина для Руси, сделались местом стечения удальцов и батыров, искавших свободу и богатство в добычах. Если русские казаки, запорожские и донские, очень скоро составили отдельную и характерную народность, более или менее различную от великорусского населения, то нет сомнения, что смутные времена междоусобий орды, выгоняя не отдельные личности, как на Руси, а целые племена, способствовали к образованию отдельной казачьей общины из разнородных племен; – как русское казачество составилось из союза только разнородных и разноплеменных личностей.

---

*[14] قوم каум *(араб.)* – община, люди, союз, общество.

*[15] Точнее: *жуз*.

*[16] Okolski. Orb. Polon, т.III, стр. 318.

*[17] *Карамзин Н.М.* История государства Российского, т. V. СПб., 1842, стр. 174.

А потому начало союза А л а ч, татарских казаков, || как казачества, я принимаю вполне и думаю, что миф киргизский о Алаче и Аласе, как выражение этого начала, имеет основание. У народов азиатских свобода и независимость могли обусловливаться только в лице отдельного хана и своего родоначальника. Усиление казаков союзом разных выбежавших (بوسو) племен от орд Кипчаковской и Туркестанской, конечно, делалось и образовалось постепенно, исподволь. По старшинству племенных союзов они составляют старшие орды – Большую и Среднюю (см. выше родоподразделение киргиз) – перед казачеством (Малая орда, как мы заметили выше, происходит от первых бродяг-основателей). Можно полагать, что казаки присоединились к союзу племен, образовавшихся в степях киргизских. Кочевая степная жизнь и хищнические наклонности – общее свойство и наследие племен степных, кочевых, могло утвердить за новым союзом их новых поколений имя казак (قزاق), которое, как можно полагать из Шейбани-намэ, в то время имело значение довольно почтенное и означало возвышенность духа, здравость – соответствовало европейскому рыцарству*[18].

Кочевой степняк, для отличия от своих городских родовичей-соседей, узбеков и ногайцев, гордился именем казака – свободного степняка, кочевого человека. Г. Левшин говорит утвердительно, что в XVI столетии, в степях Кипчака и Чете[29], были два сильные владения: Улус-Могул под владычеством хана Дадана и Казак, и что в это-то время к казакам присоединились, или силою были присоединены, разные отпавшие от Золотой орды отделения многих народов, как-то: кипчаки, найманы, конрады, джалаиры, канглы и другие отрасли, коих названия ныне носят сильнейшие поколения, роды и отделения орд киргиз-кайсаков ... || Сообразив образование некоторых второстепенных родов киргизских при последних ханах, его можно легко объяснить или даже привести общее правило племенному образованию и соединению орд казаков. Аблай-хан в одном из своих чапу на киргизов [1757] (для отделения от киргиз-кайсаков русские народу этому дают прилагательное дикокаменный, черный, а китайцы называют бурут) вывез в свою орду несколько сот джесырей (пленников); эти буруты, кочуя вместе с атыгаевским[30] родом Средней орды от племени аргын, постепенно сливались и теперь составляют отделение этого рода под именем яна-киргиз и бай-киргиз и, для получения генеалогического права братства родов, производят себя от одного из 12 сыновей Даута (родоначальника атыгаев). Другой пример: род Большой орды – кереит – отделился от союза казаков и соединился с узбекскими родовичами кереитами, а небольшой остаток его, впоследствии возвратившийся в степь, пристал по соседству к Малой орде к се[миродскому] поколению и теперь составляет его отделение и производит себя от родоначальника этого поколения каракат ... а[?].

Сами же киргизы, как я заметил выше, названия своих родов объясняют именами родоначальников, предков; но о кипчаках, найманах, конрадах и о других основных родах говорят, как [о] народах древних, времен чингисовских, а современное соединение их в общий союз орд – каждое племя присоединившихся принимается за нечто неделимое ...*[19] и принимает значение генеалогическое.

---

*[18] В Шейбаниаде очень часто говорится, что мурза такой-то, багадур такой-то были славны в казачестве. Не даром запорожцы называли себя рыцарями! *(Примечание Валиханова.)*

*[19] Оставлено место, очевидно, для казахских слов *тұтас* или *бұтұн*.

Собственно прямыми потомками первых казачествующих батыров*[20], давших первичную самобытную жизнь союзу их, почитают Меньшую орду, основываясь на древнемонгольском законе, который, надо заметить, имеет у них до сих пор наибольшую силу и значение, – что право на наследие родителей, на их имущество ... принадлежит младшему сыну, или младшему члену фамилии – кендже[31]. Посему название алчин, собственное имя племени всей этой орды, производят от имени первого законника – бия Майки казаков. А л а ч а, одно отделение этой орды байулинского рода, называется прямо а л а ч а.

|| Узбеки туркестанские, как видно из родового деления их, составляли также союз племен, но союз гораздо обширный, нежели союз казаков. Вот роды узбеков бухарских: конрад – в Карши, мангит – в Бухаре, х и т а й – в Яр-Кургане, к и п ч а к – в Талекане, н а й м а н – в Зеидине, д ж а л а и р – в Пунджшамбе, с а р и и ябу – в Карши, с а р ы к и т а – в Кургане, диахли, минг, митан, бахрин, баркут, катаган, чендер, кара-калпак и другие. Кроме бухарских, род юз – в Кокане, лакай и юз – в Гисаре, конрат – в Байсуне и Оргендже – Хиве, дурман – [в] Кауадиане*[21], каттан – в Кундузе, мойтан – в Кумуше, канезы – в Гейбаке*[22] и Ташкенте, кипчак – в Болоре, Хиве, Кокане, ябу – тоже в Болоре. Между племенами крымских и кубанских ногайцев есть племена найман, кипчак и конрад и, что особенно замечательно, роды киргиз и казаков*[23] (у ногайцев кавказских). В числе волостей башкирских есть род кипчак, который относительно коренных волостей составляет башкирское отродье.

---

*[20] См. ниже предание киргизов о своем происхождении. *(Примечание Валиханова).*

*[21] Иначе: *Кабадиан* (ныне Микоянабад) – город, лежащий в долине р. Кафирнаган.

*[22] Вероятно: *Зейбак.*

*[23] Известно, что ногайцы в XVI веке имели города и кочевали в степях, которые теперь известны под названием киргиз-кайсацких. Границей их земель на востоке были, как можно полагать по сохранившимся преданиям и остаткам мечетей, им приписываемых,– горы *Алатау.* Дикокаменные киргизы, живущие в горах и долинах *Иссык-Куля,* говорят, что в землях их прежде кочевали ногаи и что сами они частию происходят от смешения с этими ногайцами. Говорят также, что на берегу их озера прежде было несколько городов ногайских, землетрясение оборвало берег. Озеро Иссык-Куль в бурные и ветреные дни очень часто выбрасывает на берег принадлежности домашней жизни. Сказание о ногайских городах могло быть последним объяснением этого явления. Как бы то ни было, ногаи с казаками, своими соседями на юго-западе, и киргизами на северо-востоке (киргизы жили по Енисею, Томи и рекам Черная и Белая Юса и на восток могли простираться до рек Абакана и Ангары) были в отношениях близких и приязненных, по крайней мере, предания киргиз, где говорят о *блаженных* временах соседства ногаев и казаков, и все джиры их, близкие этому времени, начинаются так. Ногаи в средине XVII столетия, теснимые с востока калмыками, в движении своем на запад могли увлечь за собою небольшую часть совместно кочевавших казаков и киргиз. Хотя в книге Большого Чертежа сказано, что ногаи большие кочевали по Уралу до Синего моря[32], но основываясь на известиях Миллера[33], что в пространстве степи Тарской было несколько улусов ногайских, плативших дань русским, и, наконец, на том, что волости и городки сибирские: Мерзлый городок[34], Тураш и Малогородские волости (за Тарой, вверх по Иртышу) и Вузюковы волости (близ озера Чан[35]), городок Тунус[36] [Заставный Кучумов городок] (по реке Туре), волости на Убинском озере у Барабе: Чангула, Лугуй, Келема и прочие, в 1594 году платили дань Алею-Мурзе[17] ногайскому (*Г.Ф. Миллер.* История Сибири, изд. 1750 г., стр. 272 и 295), можно полагать, что кочевья ногайские простирались гораздо далее на запад от Ишима, где были пределы одной Ногайской орды, куда бежал в последний раз Кучум.

Довольно странно и замечательно, что все почти кочевые народы среднеазиатских степей все древнее приписывают ногаям и многие почитают их своими предками. Так говорят каракалпаки, дикокаменные киргизы, которые, судя по скудным фактам истории этого народа, особенного родства и соседства иметь не могли. Отчего или откуда происходит имя ногай? В 1-й четверти XVI столетия в наших степях было большое брожение кочевых племен – независимость перекочевок; готовился переворот, нужна была новая жизнь. *(Примечание Валиханова).*

Соединение почти одних и тех же племен монголо-тюркского корня в составе трех разных народов, родовые права союза, обусловленные в параллель братского союза, наконец, подтверждающие предания и исторические показания Шейбаниады и Абульгази о войнах узбеков, где, сохраняя их родовые права и старшинство от ... родов и действуя ... чуждым ...., каждое племя в лице родоначальника бия действует отдельно, сообразуясь только с общим интересом олицетворенного союза в лице хана. Все это, очевидно, подтверждает мое предположение о происхождении их, как союза племен, от Золотой и Джагатайской орд, которые, вследствие смут и беспорядков в XV веке, сдвинуты с коренных мест жительства и приведены в смутное, беспорядочное движение или бегство (бусу)*[24] – совершенно раздробились на части и попали в разные || места и земли в смешении с ... отдельными частями других племен. Сначала [заботились] о самоохранении и сообразно с местными условиями мелкие части племен или искали защиты у более сильных, присоединяясь к ним в качестве [обособленной] части, или входили в более тесные, братские отношения, подотделения между собою, составляя общество, массу людей, для обеспечения себя от насилия племен сильных, т.е. менее раздробленных. Так могли образоваться первые союзы ...; какое бы то ни было соединение племен турецких кипчаков и аргынов, племен, образовавшихся очень поздно, при Гулагу, ясно указывает на позднейшее происхождение казаков и на происхождение их от смешения тюрков и монголов, но с значительным перевесом монгольского корня. Чрезвычайно трудно, почти невозможно, достоверно определить время начала самостоятельной, новой жизни этого союза, появления этого союза, как независимо целого народа, хотя народное предание относительно этого пункта и представляет довольно точные показания, но все они не факты исторические. Народные предания всякой жизни, особенно предания исторические, чрезвычайно любопытны, не хочу сказать важны; в этом отношении предания киргиз занимают почетное место по своей чрезвычайной простоте, ясности и по отсутствию сверхъестественного и баснословного и во многом подтверждаются известиями Абульгази и особенно [Джами'ат-таварих], которая замечательна уже тем, что написана киргиз-кайсаком. Несмотря на изустную передачу, в продолжение многих лет и через уста многих поколений, все древние джиры и предания, благодаря удивительным способностям и памяти импровизаторов и любви самого народа до песен, джиров, преданий и сказок о подвигах своих предков, сохранились до сих пор довольно чисто, и все их списки, собранные из разных отдельных частей обширной части степей, чрезвычайно сходны. О киргизах можно положительно сказать, что они сохранившийся остаток древней татарщины, со всеми их поверьями, обычаями, увеселениями, но с более умственными достоинствами – с огромным запасом исторических преданий поэтического свойства, с песнями импровизаторов, бывших в разные времена, с любовью к || музыке и увеселениям и с огромным кодексом определен-

*[24] Для выражения расстроенного и безалаберного бегства кочующих племен от нашествия или грабежа, или же по одним только слухам о предстоящей опасности существуют в языке татарском характеристичные глаголы: [босмак (босу) – обратиться в бегство, спасаться; уркмек – побежать от страха, от тревоги].

Примеров подобных движений у киргиз было несколько раз: однажды Средняя орда от реки Чу прибежала под Оренбург по слухам о движении зюнгарцев сделать чапу, а Большая в то же время дошла с Балхаша до Бухары. *(Примечание Валиханова).*

ных народных прав, судебных разборов и полицейских мер. Нет ни одного достопамятного события, ни одного замечательного человека со времени самобытной жизни этого народа, воспоминание о котором не осталось бы в народной памяти. Один воспет импровизатором, имя другого обессмертил в памяти предков какой-нибудь бессмертный знаменитый музыкант – чебезгичи*[25] или кобузчи. Каждый почетный киргиз-родоначальник знает всю генеалогию своего рода и, чтобы быть благовоспитанным и порядочным человеком, усердно изучает народное право под руководством старого бия, пользующегося в народе репутацией, юридическою известностью и совершенствуется в красноречии, приобретая на память множество поговорок, пословиц, забавных анекдотов и употребляя их для украшения своих речей, а последнее обстоятельство – сообщение им занимательности и отчасти забавного юмористического характера, до которого киргизы большие охотники*[26]. Но, увы, через десять лет мы можем сказать только: так было прежде; так сильно изменяется народ наш.

Из преданий о происхождении киргиз замечателен джир ахуна из племени аргын, из рода атыгай и поколения худайберды и отделения его баембет-чала, современника прадеда моего, хана Аблая. Знающих эту эпопею теперь очень мало, по крайней мере, я до сих пор не имел случая ее слышать. Говорят, что Чал в своем джире собрал все народные сказания, относящиеся до происхождения киргиз, и составил полную генеалогию ханов, родоначальников и племен, происшедших от Алача (разумеется весь народ) включительно до Худайберды-батыра, одного из 12 сыновей Даута, родоначальника 12 поколений атыгеевского рода. Мы не имеем под рукою этого эпоса, да и к настоящему случаю и не считаем его нужным, а потому вниманию вашему предложим || общее народное сказание, известное каждому киргизу, питающему хоть малую претензию на белобородство и старое ухо (каре-кулах[38] – много слышавший)*[27].

Давно, очень давно, был в Туране[39] государь по имени Абдулла, а по другим Абдул-Азис-хан, у этого государя был прокаженный сын, названный потому Алача – пестрый. Отец его, исполняя древний обычай изгонять всех одержимых этой прилипчивой язвой, изгнал и сына своего. В то же время многие подданные, недовольные жестокостью Абдуллы и побуждаемые голодом, отправлялись в степи, лежащие на север от р. Сыр, в пески Каракум и Бурсук, и начали казачествовать. Храбрые и удалые батыры усилились до трех сотен и приобрели в скором времени известность, силу и богатство. Проходит несколько лет, начинаются бедствия: шайка казаков всюду терпит беспрестанное поражение от соседей. Степная вольница чувствует голод, а безначалие и несогласие членов братства приводит их в расстройство и междоусобие. К довершению несчастия сам Абдаллах, пользуясь временем, начинает поиски,

*[25] Точнее: *сыбызгыши* – музыкант, играющий на свирели.

*[26] Киргизская поговорка употребляется как поразительное доказательство аргумента чрезвычайной древности... *(Примечание Валиханова).*

*[27] Предания, сообщенные Левшиным в его «Описании киргиз-казачьих орд и степей», совершенно не существуют между киргизами, одно из них есть переделка нашего. Киргизы никогда не сообщают русским своей старины и всегда выдумывают совершенно противное. Когда Пограничное управление сибирских киргиз, желая сложить для них свод законов народных, отправило чиновника Сотникова, поручило для совершенного знакомства с духом и обычаями спрашивать о преданиях, то киргизы, боясь, чтобы их, как народ казачества, не обратили в казаков, говорили совершенно противное, производя себя от Мухаммеда и арабов. *(Примечание Валиханова).*

и только сила провидения спасает их от конечной гибели. При таком плачевном ходе дел среди двух сотен является мудрый старец Алач (иностранец, чуждый) и говорит им речь до того сильную и убедительную, что казаки провозглашают его своим родоначальником и судьей, а по совету его приглашают прокаженного сына Абдуллы Алача[40] и ставят его ханом[*28]. Таким образом, степные бродяги-казаки, сделавшиеся уже благоустроенным обществом и в некотором смысле нацией (если слово это можно применить к народности кочевой), в ознаменование своей независимости, отдельности, в память именно своего хана Алача и отца-судьи Алача, назвались Алач или по числу сотен – Уч Алач (три сотни). (Довольно хитрое сплетение Алачей). Но, несмотря на внешнее перерождение, соседи и сам Абдулла смотрели на них все еще как на бродяг-разбойников, и название казак осталось за ними и тогда, когда Алач, с сыном Алача, в полном составе всех трех сотен, пользуясь голодом и болезнями в народе Абдуллы, заставил его письменно признать их независимость. Так Алач || сделался народом, Алача его ханом.

Далее предание говорит определеннее: Аксак-Темир (Тамерлан) в первый свой поход на Тохтамыша, проходя через кочевье казаков Каракума, заметил их, разгромил их улусы и повесил двух ханов – Амета и Самета[41] – и отправил к ним для распространения истинных правил веры и для искоренения шаманства учителей машаиха[42]. Все развалины мечетей, надгробных и могильных гробниц принадлежат как этим, так и впоследствии.... в степь...[*29]. До Тамерлана киргизы поклонялись духу предков – арваху, огню, как очистительной силе, луне, солнцу, земле и животным, составляющим их богатства, обоготворяя каждую породу в индивидуальном лице, так называемых: конский отец Онар-ата[*30], [Зенги-ата] (отец коров) и прочих не почитали за священность, но поклонялись всем ... вещам, приносящим человеку пользу.

|| По преданию киргиз неизвестно, когда явилась к ним фамилия Уруса и кто из детей его был первым ханом киргизским. Предания киргиз, хотя и говорят о Джанибеке, как о своем хане, но не менее того не сообщают ничего ясного на вопрос: сам ли он пришел к ним первый, или его предки. В [«Сборнике летописей» (Жалаири)] мы не находим также ничего определенного, только на стр. 14[*31] говорится, между прочим, что правое крыло войск Уруса составляли канглы в числе 2000, а левое – народ

[*28] Об Алаче [хане] предание – по всему видно, что оно происхождения позднейшего и сильно [переделано]. *(Примечание Валиханова).*

[*29] В киргизской степи очень много развалин: остатки городов, мечетей, [крепостных сооружений], так называемых бастионов, разбросанных по рекам южной и западной части степи, и приписываются преданием первые, т. е. города – ногаям; северная полоса богата курганами, каменными обелисками с изображением человеческого образа и бабами вроде тех, которые в Малороссии наз[ываются] татарскими, а в Сибири – чудскими. В восточной, кроме ... похожих на ногайские, встречаются курганы с обелисками [оба], бабы и несколько ламайских хитов. Один из них так называемый Аблай на реке [Аблайкитке] в 70 верстах от Усть-Каменогорска, построенный в XVII столетии... прозван Аблаем, описан подробно Палласом *(P.S. Pallas: Reise durch verschieedene Provinzen des Russischen Reiches)* и у Левшина. (Описание киргиз-кайсацких степей и орд, т. I, стр. 203). *(Примечание Валиханова).*

[*30] Искажение переписчика, следует: *камбар-ата.*

[*31] Ссылка на страницу неточная. См. «Сборник летописей» [Жалаири]. Библиотека восточных историков. Изд. проф. И.Н. Березина т 11 ч. I. Казань, 1854, стр. 170. [Тюркский текст].

Алач-Мены*[32]. По преданиям известно, что Джанибек был государь мудрый [аз], вот отчего киргизы называют его не иначе, как с эпитетом Аз[43] [Джанибек], и известно, что визирем его был умный и красноречивый Джиренче[44]-Чечен*[33]. Изречения, уподобления его как пословицы употребляются киргизами и теперь, а самое название его сделалось нарицательным именем оратора. На вопрос, когда пришли султаны фамилии Уруса, предания, как я уже заметил, отвечают совершенным молчанием – известно, что подданство их хана Алача прекратилось вместе с убиением его сыновей Тамерланом и известно также, что степь их служила местом укрывательства для всех разбитых и изгнанных из Орды принцев.

|| Но, несмотря на это совершенное безведение преданий Абульгази и [Жалаири], наконец, русские летописи представляют несколько хронологических данных, приблизительно объясняющих и определяющих эту эпоху и годину Джанибека, первого известного хана, по преданию киргиз. Общество казаков, уже однажды имевшее хана, не могло, как в видах своей самостоятельности, так по общепринятому монгольскому принципу непременно иметь среди себя представителей белой кости*[34] [ак сүйек], существовать без ханов или султанов. После детей Алача были у них ханы – это несомненно, но кто они? О фамилии Уруса исторически известно вот что: фамилия, из которой происходит Урус, по свидетельству Абульгази, была младшая от-

*[32] *Алач*, как говорено было выше, есть общее нарицательное имя союза казаков. Слово это с подобным эпитетом как здесь – Тысяча Алачей (Алач-Мены) у киргиз никогда не употребляется; они говорят о своем народе, как о союзе: Уч-Алач, Алты-Алач, Уч-Мен-Алач, Алты-Мен-Алач Как бы то ни было, прибавление [уч, алты, мен] к Алач не всегда принято в значении числительном, ибо вслед за ним тотчас говорится, что в народе Алач-Мены было ... душ, но по употреблению слова мены в другом месте этой книги (стр. 30) говорится о потомках [Чингис-хана], что все тысячи мира (دنيا منكى) находящиеся на лице земли (т. е. у потомков [Чингис-хана]), в своем ведении имея, управляли престолом, указывает на собирательное значение этого слова, как толпы, кучи общества. Если тысяча мира دنيا منكى , означает всю массу человечества, то Алач-Мены – тысяча Алачей значит союз, общество Алач. [Джалаирец] никогда не употребляет название своего народа, говоря о султанах и ханах киргизских, он говорит: в том народе царствовал, у того народа ..., только в конце повествует, что джалаиры было почетное племя у народа Алач-Мены. (*Примечание Валиханова*).

*[33] *Чечен* или Сечен значит мудрый, употребляется киргизами и теперь. Слово это древнемонгольское и имело такое значение: один из предков Чингис-хана, известный у восточных [писателей] под именем ..., назван у Санан-Сецена Пибибагай-Сэцэн (Gesch. der Ost. M.). Северные монголы халхасцы выговаривают слово это *Соцен*, Сэцень. (*Примечание Валиханова*).

*[34] Белая кость, так называются у киргиз султаны, ханы – потомки Чингиса и ходжи – потомки Мухаммеда. Простой народ, для отличия от них, называет себя – *кара* (черный). Султаны никогда не принадлежали и теперь не принадлежат к союзу *Алач*. При собственно народных сходках в оные времена на крик уран – алач обязались все казаки чистой *черной* крови, а султаны и рабы их, которые были || всегда из калмыков и киргиз, составляли другой круг и кричали – аркар. Хотя пословица киргизская – «без султанов не может быть народа, как без поддержки не может стоять юрта» – и показывает понятие народа о необходимости для отдельного народа [иметь] *иль* отдельной главы, но тем не менее относительно влияния на [массу] султаны не значили ничего. Киргизы говорят: ходжи-сарты, а султаны – наши рабы, объясняя это низкое уподобление своих глав ..., намеком на то, что они рабы, обязанные пасти стада и пугать своим присутствием..., поставлены для той же цели у них. Все управление народа находилось в руках старейших родоначальников и ханы их были только исполнители воли народной. В случае же неудовольствия черная кость [могла их сместить]. Султаны значением своим в последнее время обязаны хану Аблаю, который несколько раз разбил народное ополчение ... и тем уничтожил ограниченность власти, совершенно утвердился в орде и первый деспотически властвовал и приобрел право смертной казни, которая прежде принадлежала приговору всего народа. *(Примечание Валиханова).*

расль джучиханидов; родоначальник ее был Тогай-Тимур*[35]. По прекращении царствования линии бутуханидов дом этот, в лице хана Уруса, объявляет вместе с Тохтамышем, представителем другой отрасли этого рода джучиханидов, претенденство на Сарайский стол и впервые выступает на ханство в лице Уруса, царствовавшего до 1360 г.*[36]. По времени царствования и по сходству имени его можно принять за того хана, который царствовал после Кульпы, но известен в русских летописях под именем Науруза и был убит сыном своим ... ханом Хидырем; по крайней мере, в русских летописях никакого хана Уруса нет.

|| Вообще в историях об этом хане у восточных историков много противоречий: Григорьев (История монголов, стр. 41) говорит, что Урус по прямой линии происходит от Батыя и что он вел войну с Тамерланом, мстя за смерть сына своего Бугай-Салтана. Далее говорит, что Тимур-Кутлук был сын Бугай-Салтана. Эти известия диаметрально противоположны показаниям Абульгази; по автору [«Родословной истории] татар», Урус был потомок не Батыя, а Токай-Тимура, а Тимур-Кутлук, хотя и происходил от рода Токай-Тимура, но от другой линии: Джучи, Токай-Тимур, Уз-Тимур; у него два сына: Ходжа и Абой. Урус был внук Ходжи, а Тимур-Кутлук сын Али-Тимурбека был праправнук Абоя. (Абульгази, стр. 111)*[37]. Абульгази говорит*[38] из рода Ак- || мангыт был некто Кутлук-Каба, он имел одного сына и одну дочь, которую взял один из сыновей Эмир-Тимура. Тимур-Кутлук от них произошел на свет. Это известие явно противоречит его показаниям, очевидно, что имя Эмир-Тимур [امير تيمور] – описка переписчика вместо Кутлук-Тимура. Кутлук-Тимур, по Абульгази, имя деда Тимур-Кутлукова. Отец его, по Абульгази и [Жалаири], был Али-Тимур-бек оглан [على تيمور بيك او غلان] последний называл его просто Тимур-беком.

Как бы то ни было, Урус родоначальник киргизов был ханом Золотой орды во время царствования и изгнания из орды Тохтамыша, который бежал к Тимуру и жил у него до тех пор, пока по низвержении Мамая, при помощи его, мог сделаться ханом; и Урус был побит в войне с Тохтамышем, и его потомки, по уверению г. Григорьева (см. статью «История монголов»), укрываясь от преследования Тамерлана, должны были бежать в разные стороны; сын его Койручук был также ханом в орде. Карамзин, основываясь на переводе историка Шерефедина-Али-Эзди, говорит, что Тамерлан при втором походе своем в 1395 г. на Тохтамыша поставил в орде ханом Койручук-оглана, сына Урусова. Барак, сын его, по словам Абульгази, был ханом Золотой орды. Известно и из русских летописей, что в 1422 г. (примечание 24-е к 5-му тому II главы Истории Карамзина) приходил к Одоеву царь Барак с каким-то ханом Куйдодатом, или Chudandaht (История России Соловьева, примечание 27-е, т. IV). Шильдбергер

*[35] *Abulghasi.* Указ. соч., стр. 178–179. Царствование – Чингис-хан, его сын Джучи, его сын Тогай-Тимур, его сын Уз-Тимур, его сын Ходжа, у него сын Бадакул-Углан, а его сын *Урус-хан,* его сын Коюрчик-хан, его сын Барак-хан, его сын Абусаид, прозванный Джанибек-хан, у него 9 сыновей в следующем порядке: Иранджи, Махмуд, Касим, который, сразившись с Мухаммед-ханом Шейбанским, был виновником его смерти. После него Итик, Джаниш, Канбар, Таниш, Усак, Джаук. Мухаммед-Шейбани-хан был убит не Касим-ханом, а шахом Измаилом в 1510 г., следовательно, здесь ошибка; должно быть, Касим-хан сам сделался шахидом в этой битве, но никак не Шейбани-хан узбеков. Точно также Джадек [جادك] передано ошибочно через جاوك: ... *(Примечание Валиханова).*

*[36] *Карамзин Н.М.* История государства Российского..., гл. I, прим. 87. *Дербело.* Bibliothèque orientale.

*[37] *Abulghasi* Указ. соч. [Тюркский текст].

*[38] *Там же,* стр. 91.

в своем путешествии говорит, что после изгнания Керей-Бердея Кибаком (Thebac) Идигей взял царство Зегре, который был изгнан каким-то Machmoudom, но вскоре царь Waroch*[39] изгнал его и сам также был изгнан им же, пришел взять Зегре и убил Махмута. [Шильдбергер] называет этого Барака сыном Кырджака (нет сомнения – испорченное Койручук) и ставит его 36-м ханом в орде. Вот порядок ханов после Керей-Берды: 28) Керим-Берды, 29) Кебек (Тохтамыша сын), 30) Чегре, 31) Джабар-Керей-Берды (сын Тохтамыша), 32) Сеид-Ахмет, 33) Дервиш, сын Илаги, 34) Магомед, 35) Даулет-Берды, сын Таш-Тимура, 36) Барак, сын Кыржака, 37) || Геяс-уд-дин Шади-бек, 38) Мухаммед, сын Тимур-хана. В истории этот Варак, мы совершенно узнаем [как] нашего Барака, который, по свидетельству Абульгази, был изгнан Махметом, сыном хана... Ичкили Хасан-оглана, из фамилии также Тогай-Тимуровской.

|| Но миф о происхождении казаков мы не имеем никакой возможности [объяснить]: Абульгази, историк монголо-тюркского корня, в своем «Родословном древе тюрков»*[40] не обратил никакого внимания на киргиз, что и вызвало справедливое негодование почтенного описателя моей родины, господина Левшина, как ближайший сосед киргиз, он имел к тому удобный случай и повод, наконец, в видах благодарности за гостеприимство хана киргизского Ишима, укрывавшего его во дни его казачества в резиденции своей, Туркестане. Он должен был сказать что-нибудь подробное и обстоятельное, а не несколько брошенных вскользь родословий султанов киргизских от Чингиса до Джанибека.

В [трудах] Рашиддина[45] и Джувейни[46] и других восточных писателей, судя по времени и по содержанию, сведения более [сказывают об истории ханов] джагатайских и о ильханах[47], ничего о киргизах не может быть. В Шейбани-намэ мы не нашли также ничего, кроме некоторых отрывочных сведений, которые, впрочем, не показывают решительно ничего: Шейбани-намэ, стр. ... Мухаммед-Шейбани-хан перед походом своим на Мерв в 1510 г. загнал казаков на гору Улутав*[41]. Говорят еще: все [пошли вместе] с Бурундуком за Ташкент*[42].

Нет сомнения, что в отношении сведений о киргизах самое первое место занимает «Сборник летописей» издания Березина (Казань, 1854 г.)*[43], замечательный тем более, что представляет единственные памятники прошедшей жизни казаков, хотя исторических фактов в нем и нет, но полная генеалогия султанов и ханов казачьих дает нам возможность проверить современными данными хоть одно из [исторических] сказаний киргиз и поверить достоверность сведений самой книги с известиями русскими, находящимися в посольских бумагах и актах сношений с ногайцами.

«Сборник летописей» جامع التواريخ написан в конце царствования Бориса Годунова, около 1000 г. геджры, когда [правил городом Касимом] султан Ураз-Мухаммед[48] ....,

*[39] То есть Барак, сын Куюрчука.

*[40] Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописных татарских книг, сочинения Абульгази-Баядур-хана ..., а с французского на российский в Академии наук Третьяковским. Том. II, СПб., 1770, стр. 100. Этого известия в Румянцевском издании Абульгази на русском языке нет. Вообще в этом переводе много ...(*Примечание Валиханова*).

*[41] Шейбани-намэ. Библиотека восточных историков. Изд. проф. И.Н. Березина, т. I, СПб., 1849, стр. 164.

*[42] *Там же*, стр. 100, «Бурундук был хан казачий». *(Примечание Валиханова)*.

*[43] Сборник летописей (Жалаири). Библиотека восточных историков. Изд. проф. И.Н. Березина, т. II, ч. I, Казань, 1854.

с которым [находился в России автор хроники], неизвестный по имени .... Хроника эта написана чисто арабским*44 языком и ... переводным словом, зато узбековских*45, степных уподоблений, поговорок бездна.

|| Разделяя изгнание [Ураз-Мухаммеда], автор был сделан ханом [секретарем]. Автор говорит, что он написал эту хронику во имя гостеприимства и покровительства царя Бориса [Годунова]. Известно, что Ураз-Мухаммед-султан, впоследствии хан касимовский, был сын султана Ондана*46 и племянник киргизского и калмыцкого хана Тауке[49]. [В] 1587 г. султан этот был взят воеводою Данилой Чулковым в плен вместе с царевичем сибирским Сейдяком*47. В «Сибирских летописях» он просто называется царевичем Киргизской орды салтаном. В том же году он отправлен в Москву, где был принят ласково царем Борисом и через несколько лет сделан ханом касимовским. Автор этой книги, как видно из слов его, был земляк султана Ураз-Мухаммеда и принадлежал к роду (гребнетамгового)*48 из джалаиров تراق تمغالى جلاير и товарищ его неволи. Благодеяния и милости Бориса Федоровича к его хану и ему были причиною появления этой книги. Основываясь на этих указаниях автора о себе, ясно, что был он земляк султана Ураз-Мухаммеда и был из главного рода джалаиров [тарак тамгалы]. Джалаиры принадлежат к старшим родам киргизским и состоят в Большой орде.

* * *

В союзе узбеков были манкиты (каракалпаки) и киргизы. Отличительная черта народов, происшедших из узбекских поколений, выражается явно родоподразделениями, в которых вы видите название разных монголо-тюркских народов.

Кипчаки существуют между узбеками, киргизами, ногаями, найманами, тоже кереиты и т. д. По преданиям узбеков, вот название первого союза, т. е. 96 племен. Три поколения мын, юз и кырк под общим именем тюрк (это потомки древних тюрков), уки, ункоджи, джалаир и прочие. Собственно отдельный союз к а з а к о в произошел вторым из поколений [ногайских] и узбекских; время этого переворота неизвестно, но было незадолго перед Тамерланом, который в походе своем на Тохтамыша [1392] убил детей первого киргизского хана Алача.

После пресечения потомков Алача-хана, предание киргиз считает своим ханом Джанибека, сына [Барака]. Во всяком случае, по преданию, Джанибек был первым ханом казаков из фамилии Джучи-хана. Абульгази сыновей Джучи называет ханами казаков. Время управления Джанибека, когда две родные орды ногаев и казаков жили вместе, воспевается в киргизских поэмах, как золотой век. К этому времени принадлежит большая часть преданий, нравственные изречения Джиренчи-Чечена*49 (мудрого), [Аз]-Джанибека и ногайского философа Асана Горемычного (Асан-Кайгы)[50]

---

*44 Описка, следует: тюркским.

*45 В XV–XVI вв. казахов называли также узбеками.

*46 Пишется также: Оннан.

*47 Обстоятельство этого пленения, по сказанию летописи, чрезвычайно обстоятельно ...См. описание киргиз-кайсацких орд и степей, стр. 50; [П.И.] Небольсин. Покорение Сибири [СПб., 1849]; П.М. Строев, Есиповская летопись. По немнозех же днех князь Сейдяк изыде из града Сибири, с ним же царевич Казачей орды салтан. *(Примечание Валиханова)*.

*48 Тамга – у киргиз разные роды имеют свою тамгу и уран, всякий [военный] крик. Уран всех киргиз есть алач. (*Примечание Валиханова*).

*49 Это имя в копии искажено переписчиком.

употребляются степняками до сих пор. По преданиям, в то время было движение (بوسو)*50 с юга на север. Первое должно относиться к эмиграции узбекского хана всей [ордой], а второе могло произойти от усиления [джете] и от расширения их пределов к Или и Балхашу.

XVIII столетие[51] было временем ужасов и внутренних войн. Предания, относящиеся к этому времени, отличаются мрачным, погребальным характером. Чужеземные враги стесняют их с родных мест, разрывают родственный (союз) казах и ногай. Ногайцы, стесненные калмыцким Хо-Урлуком[52], уходят за Урал и Волгу, а казаки на юг, и в 1636 г. мы видим хана киргизского Ишима и Турупа*51 одного Туркестане, другого в Ташкенте. Знаменитый в степях «плач» на раздвоение ногаев и казаков играется до сих пор степными музыкантами на [кобызе] и исторгает слезы у старых аксакалов. «Когда сто тысяч ногайцев взволновались, когда Урмамбет-бий умер и самые черные леса загорелись», – поет степной Боян.

Поговорка: «Намутил, как пестрый жеребенок»*52 объясняется преданиями калмыков. В Кульдже я говорил с одним старым [туульчи] знатоком ойротской старины. Он пел мне все свои древние песни о движении Хо-Урлука, о победах над ногаями и казаками. В какой степени унылы и мрачны предания киргиз об этой эпохе, в такой степени восторженны и исполнены гордости предания калмыков. В этой песне я нашел ключ к объяснению вышеприведенной поговорки. Ногайцы в страхе каждый день ожидали нападения калмыков; калмыки, боясь силы ногайцев, не смели на них нападать. Вдруг ночью в улусах ногайских отрывается от привязи пестрый жеребенок и производит суматоху в стаде. Ногайцы... в страхе бегут, оставляя родную землю, скот, и после этого калмыцкий тайша Сары-Манджу сделал [чапу] в лесах [орских и обьявил], что отныне земли принадлежат им.

Комментарии

Печатается по тексту ССВ, т. 1, 1961. Автограф хранится в ЦГАЛИ, ф. 159, оп. I, №179, лл. 220–228 (лл. 227–228 переписаны Н. И. Веселовским). Автограф написан разборчиво и свидетельствует об интересе Валиханова к истории народов Средней Азии и Казахстана, который с большой силой проявился у него особенно в 1856–1857 гг. «Киргизское родословие» – одна из работ, о которых П.П. Семенов-Тян-Шанский сообщил на заседании Географического общества (1857 г.), рекомендуя кандидатуру Ч.Ч. Валиханова в его действительные члены.

Впервые опубликована в Сочинениях Ч. Валиханова (ЗРГО ОЭ, т. XXIX. СПб., 1904).

[1] *Чанчклы* (шанышклы) – одно из племен Старшего жуза. Основные районы их обитания: Ташкентский оазис, Келесская степь, долина р. Арысь, предгорья Каратау.

[2] *Кереиты* – одно из племен объединения Жетыру Младшего жуза. Основная масса кереитов зимою была сосредоточена в Присырдарьинском регионе. Летовки имели с северной стороны Приаральских Каракумов.

[3] *Вали-хан* (ум. в 1819 г.) – дед Чокана Валиханова, старший сын Аблайхана. После смерти отца в 1782 г. был признан ханом Среднего жуза, власть в котором разделял с Букей-ханом.

[4] *Керииты* – одно из крупных древних кочевых племен, известное в истории с XII в. Они обитали в районе от верховьев Селенги на севере до излучины Хуанхэ на юге, от Хангайских

*50 *Босу* – передвижение, переселение.

*51 Искажение переписчика, следует читать: *Турсун*.

*52 По-казахски: *Алатайдай бүлдірген*.

гор на западе до Буир-Нора и Халхин-гола на востоке. Этническая принадлежность кераитов один из наиболее дискутируемых вопросов в советской историографии. По мнению некоторых исследователей, они были монголоязычны (В.В. Бартольд, Б.Я. Владимирцов, Н.Н. Поппе, Л.Н. Гумилев и др.), по мнению же большинства исследователей они были тюркоязычны (Н.А. Аристов, Г.Е. Грумм-Гржимайло, С.А. Аманжолов, М.С. Муканов и др.).

Сторонники монголоязычности кераитов считают, что их более поздними потомками были отдельные ветви ойратских племен (см.: *У.Э. Эрдниев.* Калмыки. Историко-этнографические очерки. 2-е изд. Элиста, 1980, с. 52– 53. Критику этого положения см.: *В. П. Санчиров.* Этнический состав ойратов XV–XVIII вв. по данным «Илэтхэл Шастир». – В кн.: Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии. Элиста, 1977, с. 23–24). Сторонники тюркоязычной принадлежности кераитов полагают, что их позднейшим дериватом явились казахи родоплеменного объединения керей, ветви найманов каракерей и родоплеменного объединения Жетыру кереит (см.: *В.В. Востров, М.С. Муканов.* Родоплеменной состав и расселение казахов: конец XIX – начало XX в. Алма-Ата, 1968).

Кераиты на рубеже XII–XIII вв. имели раннегосударственное объединение, глава которого Ван-хан вел борьбу за политическую гегемонию среди кочевников Центральной Азии. В этой борьбе с монгольскими племенами Чингисхана Ван-хан потерпел поражение. Кераиты пользовались древнеуйгурским алфавитом, исповедовали христианство несторианского толка. В этой связи не исключено, что в этническом отношении кераиты были неоднородны. По мнению Л.Л. Викторовой, они включали в себя как тюрков, так и монголов (см.: *Л.Л. Викторова.* Монголы: происхождение народа и истоки культуры. М., 1980, с. 168).

[5] *Константин Багрянородный* (905–959) – византийский император (913–959 гг.), автор ряда сочинений, содержащих сведения о народах, живших к северу и северо-востоку от Черного моря.

[6] *Атиль* (Итиль) – одно из древних названий Волги.

[7] *Рейх* – название р. Яик (Урала) в латинских источниках.

[8] *Танаис* – древнегреческое название Дона, в устье которого находился город Тана.

[9] *Куманы* – то же, что половцы в русской литературе XI–XIII вв., т. е. кипчаки.

[10] *Узы* – огузы.

[11] *Каракорум* – столица государства чингизидов, в верхнем течении р. Орхона. Основана Чингисханом в 1220 г. См.: комментарии 65 и 74 к статье «Записки о киргизах».

[12] *Кияты* – одно из монгольских племен, родственное монголам Чингисхана.

[13] *Аргыны* – одно из казахских племен Среднего жуза. Происхождение их неясно. По мнению Н.А. Аристова, они упоминаются в Юань-ши в транскрипции a-r-hun. М.С. Муканов связывает их происхождение с карлуками. Первое достоверное упоминание аргынов в составе казахов относится к первой половине XVIII в. В дореволюционный период аргыны были самым крупным по численности племенем, обитавшим на огромной площади от Тургайской степи на западе от Иртыша на востоке, от Омской области на севере до Балхаша на юге. (См.: *М.С. Муканов.* Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974).

Гулагу (Хулагу) (1217–1265) – внук Чингисхана, сын Тулуя, основатель монгольской династии хулагидов в Иране.

[14] *Уаки* – одно из казахских племен Среднего жуза, происхождение которых связывается в народной традиции с кереями. Проживали в основном небольшими рассеянными группами на значительной территории от Тургая до Иртыша (см.: *Н.Э. Масанов.* К этнической истории уаков. – В кн.: Проблемы изучения и охраны памятников Казахстана. Алма-Ата, 1980, с. 129–135).

[15] *Алчин* – родоплеменное объединение казахов Младшего жуза.

[16] *Байулы* – родоплеменное объединение казахов Младшего жуза.

[17] *Алим-Улы* – родоплеменное объединение казахов Младшего жуза.

[18] *Курлауты* – отделение племени кипчак. – Имеется в виду род курлеут-кипчак, населявший Тургайскую степь.

[19] *Джагатайская орда* – см. наст. изд. том 1, с. 275.

[20] *Казанское ханство* – феодальное государство в Среднем Поволжье (1436–1552 гг.) с центром в г. Казани, образовавшееся в результате распада Золотой орды. Занимало территорию Волжско-Камской Болгарии, которая в 1236 г. была завоевана татаро-монголами. В 1445 г. сын золотоордынского хана Улу-Мухаммеда Махмутек положил начало существованию самостоятельного казанского ханства, утвердившись в г. Казани.

[21] *Крымское ханство* – феодальное государство на территории Крымского полуострова, Прикубанья, Приазовских и Северопричерноморских степей, возникшее в начале XV в. в результате распада Золотой орды. Просуществовало до 1783 г.

[22] *Астраханское ханство* – феодальное государство, возникшее в конце XV в. на развалинах Золотой орды.

[23] *Сарыйчак* (правильно: Сарайчик) – город на р. Урал, существовавший с XIII в. до начале XVII в. Развалины его лежат в 18 км выше города Гурьева. По описанию Ибн-Батуты (арабского путешественника XIV в.), Сарайчик был значительным торговым и ремесленным городом, здесь собирались купцы разных стран.

[24] *Могул-улус* (Могулистан) – феодальное государство, возникшее в Семиречье и Восточном Туркестане после распада улуса Чагатая в Средней Азии; центр улуса находился в Кашгаре и Алмалыке. Вслед за Валихановым проф. В.В. Григорьев также отмечал, что «монголовчете нельзя смешивать с настоящими монголами» *(В.В. Григорьев.* Восточный, или Китайский, Туркестан..., с. 315, прим. 51).

[25] *Сейхун* – древнее название Амударьи.

[26] *...в первый свой поход в 1392 г. на Тохтамыша...* – неверно, на самом деле поход Тамерлана против Тохтамыша состоялся в 1391 г.

[27] *...детей Алача (Алаша)* – термин, встречающийся в народных преданиях, Ч. Валиханов, видимо, понимал буквально. На самом деле эти слова в предании распространяются на весь казахский народ, т. е. «детьми Алаша» по преданию являются все казахи.

[28] *Ланцкоронский Предислав* (Пржецлав Ланцкоронский, ум. в 1531 г.) – польский воевода.

[29] *Чете* (джете) – название политического союза семиреченских и чуйских племен, возникшего в период распада улуса Джагатая. Деятельность этого союза была направлена против политики Тимура и тимуридов. (См.: *В.П. Юдин.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая...– В кн. Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1983).

[30] *Атыгаевский род* – подразделение племени аргын, входящего в Средний жуз. Казахи этого рода населяли современные Кокчетавскую и Северо-Казахстанскую области.

[31] *Кенджe* (кенже) – младшее потомство, младший сын, который, по обычному праву, наследует отцовское хозяйство.

[32] *Синее море* (по-казахски: Көкше теңіз) – одно из названий оз. Балхаш.

[33] *Миллер Герард Фридрих* (1705–1783) – известный историк и исследователь Сибири и Алтайского края, автор многочисленных трудов по географии, истории и этнографии народов Сибири и Казахстана, член Петербургской Академии наук. В течение 10 лет (1733–1743 гг.) обследовал архивы административных центров Западной и Восточной Сибири. Результатом этой работы явились 38 фолиантов копий актового материала («Портфели Миллера»). Главнейший труд Миллера «История Сибири» в двух томах.

[34] *Мерзлый городок* – перевод названия древнего городка в Западной Сибири (см.: *Г.Ф. Миллер.* История Сибири, т. I, с. 292).

[35] *Чан* – озеро, расположенное в Барабинской степи, в Западной Сибири.

[36] *Тунус* – городок времен Кучум-хана на нижнем Иртыше, сожженный в начале XVII в. (см.: *Г. Ф. Миллер.* История Сибири, т. I. с. 45, 296).

[37] *...платили дань Алею-Мурзе...*– Ногайский мурза, которому в конце XVI в. платили дань несколько ногайских городков Сибири. См.: *Г.Ф. Миллер.* История Сибири. СПб., 1750, с. 272, 295.

[38] *Каре-кулах* (точнее: кәрі құлақ) – старые уши, т.е. сведущие люди, хорошо знающие историю прошлых времен.

[39] *Туран* – легендарное название древней Средней Азии, противопоставляемое Ирану.

[40] *Алача* – легендарный родоначальник трех казахских жузов.

[41] *Амет и Самет* – по Жалаири, первые казахские ханы, казненные Тимуром во второй половине XIV в.

[42] *Машаих*– мусульманские религиозные наставники.

[43] *Аз* – мудрый, сведущий, великий; эпитет некоторых казахских ханов (Аз-Джанибек, Аз-Тауке). У казахов встречается личное имя Азберген (мудроданный), выражение аз-тенгри – великое небо.

[44] *Джиренче-чечен* (правильнее: *Жиренше-Шешен)* – имя легендарного мудреца, мыслителя, автора назидательных изречений. В казахских исторических преданиях изображается как защитник народа. В народных легендах образ Жиренше-Шешена смешивается с личностью другого поборника интересов народа, степного мыслителя *Асан-Кайгы.* В действительности это разные исторические личности: Жиренше-Шешен, по преданиям, жил в домонгольское время, а Асан-Кайгы – современник хана Джанибека (XV в.).

[45] *Рашиддин (Рашид ад-дин),* Фазл-Аллах (1247–1318) – знаменитый историк, общественный деятель государства ильханов (монгольских правителей Ирана и Закавказья). Наибольшую известность получил его труд «Джами'ат-таварих» («Сборник летописей»), посвященный истории монгольских завоеваний, а также описаниям государств Средней Азии и Закавказья в период господства монголов. Этот труд является одним из наиболее важных и подробных источников по истории Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири раннего средневековья.

[46] *Джувейни-Алаэддин Ата Мелик* (1226–1283) – придворный историк монгольской династии хулагидов, составитель труда по истории Востока «Тарих-и-джехан-гуша» («История завоевателя мира»),

[47] *Ильханы* – титул монгольских ханов династии хулагидов, правивших в XIII–XIV вв.

[48] Ураз-Мухаммед – см. наст. изд., том 1, с. 370.

[49] *Тауке* – в исторической науке принято именовать казахского хана конца XVI в. Тевеккель, а другого хана (конец XVII –начало XVIII вв.) – Тауке. Ч. Валиханов ошибочно Тевеккеля назвал Тауке.

[50] *Асан-Кайгы* (Асан-Печальник) – легандарная личность, воспетая в народных преданиях.

[51] *XVIII столетие...* – по смыслу текста должно быть «XVII столетие».

[52] *Хо-Урлук* – калмыцкий хан, возглавивший передвижение калмыков с просторов Центральной Азии на Волжские низовья. В 30-х годах XVII в. он откололся от основных ойратских владений и перекочевал сначала в район Тюмени и затем в Волжское низовье. В 1633 г. Хо-урлук в сражении с ногайцами нанес им большой урон. Погиб в 1644 г. при нападении на кабардинцев и черкесов.

ЧЕРНОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О КИРГИЗАХ

|| а) Летом 1746 года прибыли к Усть-Каменогорску 12 человек с бабами и детьми, которые показали себя киргиз-калмаками и объявили, что они «жили прежде около Краснояру, близ... своею киргиз-калмацкою землицею, под ведением Танбын-батыра датхи; назад тому сорок лет хонтайшан – отец Галдан-Чирина захватил их всего 300 с «черными зайсанами»: Салдыком, Зухарем, Бикбелем и сыном прежнего хана Танбын-батыра датхи – Чайлишем, которые и ныне живут в Урге. А бежали они из Урги за тем, что были разорены алманом*1 и войной, которую вел Галдан-Чирин с Абдакаримом[1], в которой войском командовали Сеятень*2 и Хотова; война эта и проч.». (Рапорт командира войск в Верхнеиртышских крепостях полковника Зорина[2] от 28 июня 1746 г. генерал-майору Киндерману). Генерал Киндерман[3], вероятно, после справок через Неплюева[4], от 20 августа предписал Зорину сделать тщательный расспрос этим выходцам, так как «ему сумнительно, кто такие киргиз-калмаки, чего нигде нет, || чтобы киргиз-калмаки прозывались; к тому же около Астрахани, кроме волжских белых калмыков, [никого] не имеется». И выразил при этом предположение, что выходцы эти, вероятно, из тех *волжских белых калмыков,* которые были отданы Аюке-ханом зюнгарскому хонтайдже, когда тот женился на его дочери. Зорин предписал коменданту Усть-Каменогорской крепости секунд-майору Беклемишеву расспросить выходцев обстоятельно обо всем: кто они, откуда пришли, не из волжских [ли] калмыков, отданных в приданое за ханскою дочерью, и пр. На этот раз ответы давал старейший из киргиз-калмаков Хотон, бывший при первом показании больным.

Сказка его так замечательна, [что] мы приводим ее в подлиннике.

«Жительство он (Хотон) имел с прочими киргиз-калмаками землицею во владении хана Танбын-батыра датхи в здешнем Сибирском крае, между Томским и Енисейским городами, против города Краснояра в степи, на речке, называемой Белым Юсом, от которого до их жилища от помянутого Красноярского города расстоянием тихой езды дни с три, платили ясак в казну ее императорского величества зверями || и [вместе с] прочими калмаками и ныне, слышно-де им, что [часть] из их родственников и прочих киргиз-калмаков там, в том ясаке ее императорского величества состоит. И тому назад будет лет с пятьдесят или более, а подлинно-де объявить они не помнят, приходили-де к ним из землицы хонтайши при зайсанах Духар, Сандык, Чинбил в 3500 человек; а стояли-де они особливым кочевьем всего мужского и женского пола тысячи с три дымов*3 и захватили-де оные зайсаны войском своим внезапно, увели в зенгорскую землицу силою, токмо без бою. И жили так в зенгорской

*1 Точнее: *албан.*

*2 Точнее: *Сейтен.*

*3 Т. е. семейств, обязанных платить ясак.

землице в Большой урге, и платили-де они Галдан-Чирину [алман]. А об Астрахани-де и о Красном Яру, который по Волге, они не знают и там-де не бывали, а то-де прежде всего объявили о Красном Яре близ Астрахани, не вытолковав через толмача, дети его Хотоновы,... де он в то время весьма был болен. А хонтайша-де женился на волжской ханской дочери до взятия их под свое владение». (Рапорт Зорина от 5 октября 1746 года).

Летом 1747 года было поймано на реке Чарыш*4 два человека – Тургей и Цай Хотоновы, которые назвали себя киргиз-калмаками. Это были те || самые выходцы, которые в 1746 году явились в Усть-Каменогорск и о которых отец этот Хотон (Котон) дал вышеприведенное показание. Как они попали на Чарыш, видно из их нового показания, которое заключает еще новые данные о киргиз-калмаках, потому мы приводим его целиком.

«Природы киргиз-калмацкой, ныне владения зенгорского владельца, а в прошлых давних летах отцы их кочевали на Сагайской степи, между Кузнецким и Красноярским городами, тогда-де ясак платили их императорскому величеству, а владельцу зенгорскому платили или нет, не знают, а ныне в помянутой Сагайской волости кочуют их два дяди родные: Харта, Идан и брат его родной же – Емчен Мергень и находятся в подданстве и ясак платят ее императорскому величеству; а отец его (когда сошел с зенгорской землицы, не знает), жили [они] в том владении вниз по реке Иле, на урочище, называемом Шоробе (где он родился), у ноена*5 зенги-калмака Бутуя в холопстве. В 1746 г. отец его Хотон (который, сюда едучи, умер в Алейской станице), видя себе от оного ноена Бутуя многие обиды, а оный его отец с ними, Тургеем и Цаем, пошли в зимнее время оттуда явиться в Российские места, дабы приняты были по-прежнему в подданство ей императорского величества» – весновали близ крайних зенгорских улусов.

б) || [Жили] в горах, а в летнее время явились к Усть-Каменогорской крепости, секунд-майору Беклемишеву, где и содержаны были восемь месяцев под караулом и потом отпущены в степь, и по отпуске жили они втроем по реке Ульбе в горах два месяца и приезжали в Усть-Каменогорскую крепость, просились, дабы их принять кочевать близ этой крепости, токмо сказано им было, чтобы обратно шли в степь, и после того месяца два жили пока по оной же речке Ульбе и оттоль пошли степью, чтоб перейти к Кузнецкому или Красноярскому кочевать с прочими иноверцами, и, будучи на реке Чарыш, между Колыванским заводом и Бикатунскою крепостью, отец их заболел и жили тут с неделю, и тут русские люди, наехав на них, поймали». (Рапорт полковника Павлуцкого от 19 июня 1747 г.)[5].

Мы не знаем, какое было сделано распоряжение Павлуцким относительно этих киргиз-калмаков, но надо думать, что они были выгнаны в степь с внушением впредь не шататься около русских крепостей. Так делали со всеми выбежавшими подданными хонтайши.

Весною следующего 1747 года мы опять встречаем киргиз-калмаков и, вероятно, тех же самых, ибо между ними упоминается имя Тургея Хотонова. Кузнецкая воеводская канцелярия препроводила в Бикатунскую крепость || киргиз-калмаков: Баята

*4 Точнее: *Чарын*.

*5 Точнее: *нойон*.

(Баяна в другом месте) Атасова, Тургея Хотонова и Чоя Баянова, взятых в Сагайских волостях, где они украли в русских деревнях четырех лошадей, из коих одну съели и трех продали, как неоднократно бывших в Верхнеиртышских крепостях. [Господин] Павлуцкий приказал их отправить в Семипалатинск и держать под караулом по приезда Юсуф Ходжи – зенгорского посланца, чтобы приехавших этих в 1747 г. с ним отправить к их нойону Дебачи. (Донесение Павлуцкого от 30 марта 1748 г.).

В этом году (предписание Павлуцкого майору Окунькову от 6 мая 1748 г.) вышеупомянутые киргиз-калмаки были отправлены к нойону Дебачи.

Судьба этих несчастных киргизов, прибегших под покровительство России, была не совсем завидна. Приехало их в 1746 году 12 человек с бабами и детьми. В 1747 г. мы находим их втроем без пристанища в степи. В 1748 году они были вынуждены украсть лошадь, чтобы утолить голод.

|| в) Рапорт полковника Павлуцкого от 2 июня 1747 г. [дает еще новые данные о киргизах].

Переводчик Девятияровский в бытность с поручиком Левашевым в Джунгарии и здесь в разговорах с купцами в Ямышеве слыхал довольно, что «имеются в землице зенгорского владельца других званий народы: первые – киргизы, они же и буруты; жительство имеют в городе Анджане, в расстоянии от Урги в западную сторону, например, ходу с месяц, кое-где в прошлых годах зенгорским владельцем, бывшим хонтайшою, где дом нынешнего владельца, взяты под его владение; а прежде того в прошлых же давних годах были оные под особливым владением и закон имеют мохаметанский, равный с бухарцами, а с зенгорцами отмену[*6]; и при жизни-де Галдан-Чирина в том городе командовать определено киргиз-калмаку Чирикчи[*7]; вторые именуются караколканцы[6], они же урянхайцы».

Комментарии

Печатаются по копии – ЦГАЛИ (ф. 118, оп. I, д. 339, лл. 8–9 об., 12–12 об.).

Черновой набросок принадлежит Ч. Ч. Валиханову и хранится в фонде проф. Н. И. Веселовского, которому, как и другие материалы, он был передан в 1889 году Г.Н. Потаниным как редактору первого издания трудов Ч. Валиханова.

Черновик написан на основе данных Омского архива и, вероятно, зимою 1856–1857 г., когда Ч. Валиханов после поездки на Иссык-Куль к киргизам усиленно занимался историей этого народа и вместе с Г.Н. Потаниным извлекал из архивов материалы о передвижении киргизов на территорию между Тянь-Шанем и Енисеем. Основные мысли Ч. Валиханова по этому вопросу подробнее изложены в работах «Очерки Джунгарии», «Дневник поездки на Иссык-Куль» и в «Записках о киргизах» (см. наст. изд. том 1, с. 306).

Печатается по тексту, впервые опубликованному в ССВ, т. 3, 1964, с. 117–120.

[1] *Абдакарим* – сын Шахруха, кокандский хан XVIII в. из династии Минг.

[2] Рапорты Зорина от 28 июня и 5 октября 1746 г. хранятся в архиве Ч.Ч. Валиханова (ф. 23, оп. I, д. 11 л. 51–51 об.).

[*6] Т. е. отличия; различаются по вере.

[*7] Т. е. из киргизского племени (рода) чирикчи.

[3] *Киндерман* – начальник крепостей, расположенных на Иртышской линии, создатель реакционного проекта десятиверстной полосы вдоль левого берега Иртыша.

[4] *Неплюев Н.Н.* – оренбургский генерал-губернатор.

[5] Рапорты полковника Павлуцкого от 19 июня 1747 г, и 3 июня 1748 г. хранятся в архиве Ч. Ч. Валиханова (ф. 23, оп. I, д. II, л. 53). Рапорты полковников Зорина и Павлуцкого были опубликованы Г. Н. Потаниным в книге «Материалы по истории Сибири» (М., 1867, с. 62–63, 127–128).

[6] *Караколканцы* – очевидно, название племени дано народу по имени султана, кочевавшего в районе теперешнего Каракола.

О МУСУЛЬМАНСТВЕ В СТЕПИ

|| Мусульманство пока не въелось в нашу плоть и кровь. Оно грозит нам разъединением народа в будущем. Между киргизами еще много таких, которые не знают и имени Магомета, и наши шаманы во многих местах степи еще не утратили своего значения. У нас в степи теперь период двоеверия, как было на Руси во времена преподобного Нестора. Наши книжники также энергически, как книжники древней Руси, преследуют свою народную старину. Наши предания, эпосы, юридические и судебные обычаи они заклеймили позорным именем войлочной книги[1], а наши языческие обряды, игры и торжества они называют не иначе, как бесовскими. Под влиянием татарских мулл, среднеазиатских ишанов и своих прозелитов[2] нового учения народность наша все более и более принимает общемусульманский тип. Некоторые султаны и богатые киргизы запирают жен своих в отдельные юрты, как в гаремы. Набожные киргизы начинают ездить || в Мекку, а бояны наши вместо народных былин поют мусульманские апокрифы[3], переложенные в народные стихи. Вообще киргизскому народу предстоит гибельная перспектива достигнуть европейской цивилизации не иначе, как пройдя через татарский период, как русские прошли через период византийский.

Как ни гадка византийщина, но она все-таки ввела христианство, элемент бесспорно просветительный. Что же может ожидать свежая и восприимчивая киргизская народность от татарского просвещения, кроме мертвой схоластики, способной только тормозить развитие мысли и чувств. Мы должны во что бы то ни стало обойти татарский период, и правительство должно нам в этом помочь. Для него это также обязательно, как для нас спасение утопающих. Для совершения этого человеколюбивого дела на первый раз следует только снять покровительство над муллами и над идеями ислама и учредить в округах || вместо татарских школ русские. Затем реакция обнаружится сама собою. Было время, когда русское правительство считало распространение европейского просвещения между некоторыми иноплеменными народами своими почему-то невыгодным для себя. По крайней мере такой политики держалось оно и в отношении кавказских мусульман и киргиз. Горцы и киргизы не допускались в кадетских корпусах на специальные классы, где преподаются военные науки. Закон этот теперь отменен, следовательно, признан ложным. По нашему мнению, Шамили[4] и Абделкадеры[5] могут являться только в странах мусульманского образования. Только истинное знание дает спасительный дух сомнения, и только оно научает его ценить жизнь и материальное благосостояние. С того времени, как правительство Соединенных Штатов стало цивилизовать ирокезов, гриков, шактоусов и других краснокожих, индейские войны почти в этой стране прекратились.

В Соединенных Штатах с 1858 года основано 162 школы для индейцев и индейский фонд для вспомоществования диким, желающим принять оседлость.

Ислам не может помогать русскому и всякому другому христианскому правительству, на преданность татарского продажного духовенства рассчитывать нельзя. Факт этот становится соблазнительно ясным, если принять во внимание отложение крымских татар во время кампании 1854 года[6]. Казанские татары расположены к России столько же, сколько и крымские. Распространению в Средней Азии и в Китае нелепой басни о том, что султан раздает короны европейским государям, что русские платили Блистательной Порте[7] дань и проч., мы обязаны казанским татарам. Эти несчастные || фанатики смотрят на султана так же глупо, как католики на папу, и не понимают, что нынешние наместники халифов столько же похожи на Солеймана и Амурата[8], как святейший отец Пий на Григория VII и Иннокентия IV[9]. Татары в старое время, когда ислам на берегах Волги не был в такой силе, как теперь, служили России и на ратном поле и в земском деле. Царь Шигалей[10] командовал русскими войсками во время Ливонской войны, а царь Петр Казанский был земским царем во время опричнины[11]. По мере распространения ультрамусульманского направления участие татар в государственном деле русского царства заметно слабеет. При Петре татары пристают к партии недовольных. В наше время татарские князья и мурзы служат приказчиками у своих единоверцев, а если и всту||пают в государственную службу, то, не иначе, как в земскую полицию, и, вероятно, потому, что здесь можно некоторым образом подвизаться за веру. Словом, со времени присоединения Казани и Астрахани к царству русскому, значит в продолжение 300 с лишним лет, [они] не дали своему отечеству хоть сколько-нибудь известного деятеля.

Нет никакого сомнения, что причиною отчуждения татар от русских и причиною всех плачевных явлений был магометанский пуританизм, другой причины не могло быть.

И у нас в степи все благодетельные меры правительства, все выгоды новых учреждений не приносят ожидаемых результатов именно вследствие того, что они парализуются возрастающим религиозным изуверством. Киргизы наши теперь более чуждаются русского просвещения и русского братства, чем прежде. О вреде мусульманского изуверства || и вообще всякого религиозного фанатизма на социальное развитие народов, после всего сказанного нами выше, мы считаем излишним распространяться. Известно, что и в Европе преобладание теологического духа проявлялось в народном развитии самым бедственным образом.

В последнее время сибирское начальство, кажется, начало сознавать ошибочность прежней покровительственной системы в отношении ислама. В этом также утверждает нас одна важная мера, принятая в 1862 году областным начальством в отношении киргиз, принявших христианство. В учреждениях об управлении сибирскими киргизами было узаконено, чтобы крещеных киргиз записывать в мещанское и казачье сословие, если они того пожелают, или не оставлять их в степи на прежних инородческих правах. Но до 1861 года всех крещеных киргиз записывали в мещане и в казаки, вероятно, для того, чтобы удалить их от прежней среды и тем самым дать им возможность || укрепиться на лоне новой веры. Мера эта похвальная в христианском смысле, в политическом отношении была величайшей ошибкой, ибо пример крестившихся киргиз с удалением из степи делался для киргизского народа беспоследственным. Мы не имеем никаких данных о числе киргиз, принявших

православие со времени основания внешних округов, но, надо думать, что число это было не незначительным. В некоторых казачьих станицах почти половина населения состоит из крещеных киргиз, например: в Ямышевской, Чистой и в некоторых других. В 1861 году или в 62 году, хорошо не помним, областное начальство в первый раз дозволило некоторым крещеным киргизам оставаться в степи на прежних инородческих правах. Мера эта, по нашему мнению, должна в будущем принести немаловажную пользу киргизскому народу. Киргизы до сих пор думали, что сделаться христианином – || значит сделаться казаком или мещанином. Теперь же, вследствие совместного житья и смешанных браков, религиозная вражда будет смягчаться, и крещение не будет, как прежде, разрывать родственных связей.

Приняв такую важную меру в интересах христианства, областное правление должно было принять вместе с тем и репрессивные меры в отношении ислама, ибо без этого не возможен успех христианства.

Мы далеки от того, чтобы советовать русскому правительству вводить в степь христианство каким бы то ни было энергическим путем, точно также не предлагаем ему преследовать ислам; подобные крутые меры ведут всегда к противным результатам. Христианство, вводимое между инородцами сибирскими через наших миссионеров и священников, по свидетельству компетентных людей, идет крайне неуспешно, и – что всего важнее – оказывает на народ не совсем благодетельное влияние. || Остяки убегают от православия в леса и так боятся проповедников русской веры, что скорее обращаются в ислам, чем в православие. Кастрен говорит, что остяки потому только не селятся по берегам Оби, богатой рыбою, что боятся русской веры, русских миссионеров. Еще князь Щербатов говорил, что инородцы жаловались ему на бесчеловечие и мздоимство попов своих, кои только грабить и мучить их приезжают («Очерки Сибири». – Библиотека для чтения, октябрь 1862 г.).

Гонение придает преследуемой вере, как замечено не раз, еще больше энергии и жизненности. Русский раскол представляет в этом отношении поучительный пример. Но мы просим и требуем, чтобы правительство не покровительствовало религии, враждебной всякому знанию, и не вводило бы насильственно в степь теологических законов, основанных на страхе и побоях. В силу представленных нами аргументов, достаточно рельефных, для пользы киргизского народа и в интересе самого правительства, по нашему мнению, необходимо принять || теперь же по примеру Оренбургского начальства систематические меры, чтобы остановить дальнейшее развитие ислама между киргизами нашей области и чтобы ослабить, а если можно – совершенно устранить вредное влияние татарских мулл и среднеазиатских святошей, тем более, что предоставляется правительству прекрасный случай сделать важный шаг на этом пути, уничтожив действие мусульманских законов в нашей области, согласно желанию самого киргизского народа. Затруднения при исполнении этой меры не может быть, ибо брак у магометан не есть таинство, а есть частный договор.

Вероятно, причиной, побудившей правительство дела о браках и разводах предоставить муллам, был грубый обычай киргиз – отдавать дочерей своих в замужество в слишком юных летах и большею частию без их согласия. Киргизы сговаривали детей своих иногда в колыбели. || Нам кажется, что обычай этот мог быть изменен и без участия мусульманского духовенства, следовало только предписать старшим

султанам и управителям под страхом ответственности иметь строгое наблюдение, дабы киргизы не выдавали дочерей ранее таких-то лет, дабы отцы не принуждали своих сыновей и дочерей вступать в брак без личного их согласия и проч. Полицейский надзор и дух времени сделали бы свое дело, но, конечно, не скоро. Баснословное количество жалоб, поступающих и теперь по брачным делам, указывает, что мусульманский шариат был совершенно бессилен [против] укоренившегося обычая. Пользуясь возникшим вопросом о духовном суде, можно было бы предпринять коренные реформы в духовном управлении нашей степи.

1-е. Отделить Киргизскую степь ведомства Оренбургского муфтия, как народ, различествующий от татар по исповеданию веры, и назначить особого областного ахуна, который бы состоял, подобно советнику от киргиз, || при общем присутствии областного правления.

2-е. Утвердить в звании мулл только коренных киргиз или киргизских ходжей, если будут настоятельные просьбы о том со стороны народа.

3-е. Не назначать мулл более одного в округе, а должность указных в волостях упразднить.

4-е. Не дозволять ишанам и ходжам, приезжающим из Средней Азии к татарским семинаристам, жить в кочевьях киргиз без определенных занятий и иметь строгое наблюдение, дабы они не образовали между киргизами дервишеских и мистических обществ подобно тем, которые существуют теперь в Баян-Аульском и Каркаралинском округах.

Но против такого зла, как ислам, недостаточно одних паллиативных мер. Отнятие судейских прав не лишит мулл того влияния, которое они будут иметь как священники.

Кроме мулл, у нас много и других вредных шарлатанов. || Мы говорим о татарах и среднеазиатцах, которые занимаются медицинскою практикою. Если б они пользовали доверчивых киргиз безвредными травками, подобно русским лекарям, мы не стали бы о них и говорить. Но дело в том, что господа эти лечат не иначе как насмерть, от всех грудных болезней употребляют они чилибуху[12], а иногда и сулему, от сифилитических болезней дают ртуть и киноварь в такой ужасной дозе, что больные большею частию отравляются. Кровопускание делают всем и каждому без всякой причины потому только, что Мохаммед заповедал это в коране. Наконец, в самом народе нашем таится много темных предрассудков и вредных обычаев. Вытравление плода, выдавливание его в последний период беременности, убийство дитяти после рождения у нас в общественном мнении преступлениями не считаются. Оттого по статистическим источникам преступления эти между киргизами не значатся. Но мы бы мало согрешили против правды, если б сказали, что половина совершеннолетних киргизских девиц, способных к плодотворению, не раз были преступны в детоубийстве. Обычай этот тем более ужасен, что прелюбодеяние в девичьем состоянии у киргиз не составляет большого порока и не приносит грешной такого позора и бесчестия, как в обществах европейских. А что делают киргизы с роженицами? Вследствие ли ранних и излишних половых наслаждений, или по узости таза, что, вероятно, происходит от постоянной верховой езды, роды у киргизок бывают большею частию трудные. Киргизы же ненормальные роды приписывают наваждению

злого духа и потому бьют, пугают рожениц, тянут им язык. Понятно, что при таких диких понятиях и, наконец, при совершенном || отсутствии акушерок и бабок, много беременных женщин умирает от родов или побоев. Много гибнет народу от тифа, от простуд, от сифилиса и других болезней от того только, что некому подать больным разумную медицинскую помощь. У нас полагается один доктор на округ и, кажется, для того только, чтобы писать медицинские свидетельства и рассекать трупы. Доктора эти обязаны прививать киргизам оспу, но киргизы боятся их более, чем остяки священника. На доктора киргизы смотрят, как на чиновника, и пользы от него не ждут. От оспопрививания убегают или откупаются.

Комментарии

Печатается по тексту ССВ, т. 1, с. 524–529. Оригинал хранится в ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, д. 479, лл. 1–8 об. Впервые в сокращенном виде опубликовано в Сочинениях Ч.Ч. Валиханова, изданных под ред. Н. И. Веселовского (ЗРГО ОЭ, т. XXIX, 1904, с. 194–201).

Работа написана под диктовку больного Валиханова в конце 1863 или начале 1864 года. Неточности орфографии и пропуски исправлены и восполнены рукой того человека, который писал под диктовку. Некоторые слова исправлены самим Валихановым (цевелизация – цивилизация, на Русси – на Руси, эпдосы – эпосы, конпетентных – компетентных и т. д.).

[1] *Войлочная книга* – перевод казахского термина «киіз-кітап». Казахские старики уверены, что раньше существовали старинные тексты, писанные на войлоке. Отсюда название «киіз-кітап».

[2] *Прозелит* – новообращенный в какую-либо веру; в данном случае – горячий приверженец ислама.

[3] *Апокриф* – сочинение, выдаваемое за священное писание, не канонизированное ортодоксальной церковью.

[4] *Шамиль* (1798–1871) – руководитель освободительного движения горцев Дагестана и Чечни против колониальной политики царизма. Движение, возглавляемое Шамилем, проходило под флагом мюридизма. В 1834 г. он был провозглашен третьим по счету имамом Дагестана. К 1840 г. освободительное движение достигло высшего подъема. В дальнейшем стали появляться и обостряться внутренние противоречия в деспотическом военно-теократическом государстве Шамиля, и мощь его стала ослабевать. Под натиском царских войск территория государства Шамиля постепенно сокращалась, и в 1859 г. он был вынужден капитулировать.

[5] *Абделкадер* (Абд ал-Кадир Алжирский, 1808–1883) – арабский эмир, сын Мухйи ад-дина ал-Хасани, в 1832 г. возглавил движение алжирских племен против французов. Созданное им независимое государство просуществовало до 1847 г., пало под ударами французских колониальных войск и марокканских наемников-феодалов. Сам Абд ал-Кадир закончил свои дни в «почетной» ссылке в Дамаске. В наши дни почитается алжирцами как национальный герой. Восстание Абд ал-Кадира происходило под флагом религиоано-политического объединения арабских племен Алжира. (*Н.Г. Хмелева.* Государство Абд аль-Кадира Алжирского. М., 1973).

[6] *...отложение крымских татар во время кампании 1854 г.* – Речь идет о попытке верхушки крымско-татарской знати восстановить Крымское хамство под эгидой Османской империи во время русско-турецкой войны 1853–1856 гг.

[7] *Блистательная Порта* – официальное название двора османских султанов в Константинополе.

[8] *Солейман* (Сулейман I Кануни) – турецкий султан (1520–1566). Его правление характеризовалось жестоким деспотическим режимом в завоеванных странах Ближнего Востока и Северной Африки и широкой османской экспансией в Юго-Восточной Европе. Претендовал на роль духовного лидера (халифа) всех мусульманских суннитов. *Амурат* (Мурад III) – турецкий султан (1574–1595), внук Сулеймана I, также известен своими притязаниями на халифский титул. (*В.В. Бартольд.* Халиф и султан. Соч., т. 6, М., 1968, с. 72–73).

[9] *Григорий VII* (Гильдебранд, 1020–1085) – римский папа, один из церковных реформаторов. *Иннокентий IV* – римский папа, в 1243–1254 гг. имел большое политическое влияние в Европе; поддерживал Тевтонский орден в его захватнической политике в Восточной Европе. В 1246 г. он отправил в Каракорум миссию во главе с Плано Карпини, чтобы склонить монголов на свою сторону.

[10] *Царь Шигалей* (XVI в.) – последний казанский хан.

[11] *Опричнина* – система мер, проведенных Иваном Грозным в 1565–1572 гг., направленных на разгром княжеско-боярской оппозиции и укрепление Русского централизованного государства.

[12] *Чилибуха* – древовидное растение семейства логаниевых, встречается в теплых предгорных зонах Азии и других континентов. Благодаря содержанию ряда алкалоидов (бруцин, стрихнин и др.) с давних времен служит для приготовления сильнодействующих лекарств и ядов.

ЗАПИСКА О СУДЕБНОЙ РЕФОРМЕ

|| В последнее время правительство наше деятельно занялось преобразованиями в нашей администрации, в судоустройстве и обратило особенное внимание на народное образование.

Некоторые из этих реформ коснулись и нашей степи, как, например, реформа судебная. Преобразования в судебной части, вероятно, поведут к изменению прежнего административного строя нашей области, и, нет сомнения, что вместо сложного, обременительного как для русского правительства, так и для киргизского народа бюрократического хаоса будет образовано в округах управление более рациональное и на началах самоуправления, которое принято теперь и для русских сельских и городских общин.

Ввиду таких важных преобразований, готовящихся для моей родины, я считаю долгом представить (благоусмотрению Вашего высокопревосходительства, как главному начальнику киргизского народа) некоторые мои соображения и заметки (относительно судебной административной реформы и отчасти касательно народного образования).

|| Россия в числе сыновей своих имеет немало народностей иноверческих и инородческих, которые ведут образ жизни диаметрально противоположный образу жизни коренного русского населения, имеют нравы и обычаи диаметрально противоположные нравам и обычаям русских славянского племени. Понятно, что преобразования, проектированные для христианского и оседлого русского населения, по вышеизложенным причинам, не принесут никакой пользы и будут бессмысленны, если будут всецело применены к кочевым и бродячим инородцам Европейской и Азиатской России.

Вероятно, вследствие этих соображений и был командирован советник областного правления Яценко[1] для || отобрания от сведущих в законах и судебных обычаях биев и султанов их мнений относительно предполагаемых для области преобразований по судебной части.

Но мнение народа, особенно народа невежественного и полудикого, не всегда может быть принято как выражение действительной народной потребности. На мнения же привилегированных классов общества следует смотреть не иначе, как на отрицательное выражение истинных народных нужд, ибо интересы знатных и богатых людей, даже в обществах высокоцивилизованных бывают, большею частью враждебны интересам массы, большинства. Народ груб и туп и вследствие этого пассивен, потому мотив и направление народных мнений зависит от тысячи случайных обстоятельств и от обстоятельств, по-видимому, мелких, ничтожных.

|| Человек дикий и неразвитый подобен ребенку, неумеющему вполне владеть своими внешними чувствами. Ему, как и ребенку, трудно согласовать ощущения свои с

действиями. Хотя стремление к улучшению внутренних и внешних условий жизни и присуще человеку и было ему присуще во все века и во всех степенях человеческого развития, но, тем не менее, цель эта редко им достигалась. Не понимая самого себя и не имея никаких положительных сведений об окружающей его природе, человек-дитя должен был в стремлении своем к улучшению идти ощупью, подобно слепому, и понятно, что он должен был больше ошибаться, принимая ложь за истину, вред за пользу. История представляет нам в этом отношении много поучительнейших примеров.

|| Посему нет вопроса общественного, который был бы так всемогуще важен, как вопрос о народных реформах. Нет сомнения, что все законодатели и реформаторы имели и имеют в виду общественную пользу, но понятия о том, что полезно и что вредно для общественного развития в разные века были различные и теперь между нами ходит много диких гипотез, которые по рутине и по привычке к прошлым преданиям принимаются многими на веру, как непреложные аксиомы, хотя науки ясно доказали их ошибочность и несостоятельность. В наше время самым важным и близким для народа считаются реформы экономические и социальные, прямо касающиеся насущных нужд народа, а реформы политические допускаются как средства для проведения нужных экономических форм, ибо || каждый человек отдельно и все человечество коллективно стремится в развитии своем к одной конечной цели – к улучшению своего материального благосостояния, и в этом заключается так называемый прогресс. С этой точки зрения, полезны только те реформы, которые способствуют улучшению быта человека, и вредны те, которые почему-либо мешают достижению этой цели. Всякая реформа, имеющая целью общественное благосостояние, тогда только может достигнуть предположенной цели, не подвергаясь разным случайностям, когда известны общественные нужды и средства. Джон Стюарт Миль[2] совершенно прав, говоря, что прежде, нежели давать новые нрава людям какого-либо сословия, необходимо прежде сделать точные ученые исследования об умственных, нравственных и политических качествах людей этого сословия. И в самом деле, доктор тогда только лечит больного с уверенностью в успехе, когда ему известны не || только болезненные симптомы пациента, но и основные причины болезни. От незнания общественных нужд и от излишней ревности к гуманным теориям очень часто вводятся у нас нововведения и реформы, совершенно ненужные в данный момент и при известном положении дел. Избегнуть ошибок подобного рода очень легко, если при введении разных реформ неуклонно следовать тому методу, который употребляется в сельском хозяйстве при культивировании растений. По этому методу, во-первых, необходимо изучить вполне самое растение, затем нужно знать, на какой почве оно произрастает, сколько требует оно света, теплоты и проч. Сущность теории заключается в том, чтобы доставить растению то, в чем оно нуждается и устранить все то, что ему мешает.

Условия племенного организма среды, климата и почвы должны быть всегда на первом плане, ибо все человеческие побуждения и мотивы обусловливаются совокупным влиянием физических и социальных условий. <Реформы бывают только тогда удачны, когда они правильны, т. е. тогда, || когда они основаны на тех неизбежных законах прогресса, при которых только и возможно здоровое развитие обще-

ственного организма. Реформа такого рода должна поощрять и ни в каком случае не останавливать.

Все революции, бывшие в Европе с 1793 года, происходили единственно от стремления правительства подавить свободное народное движение. Реформы же насильственные, привитые, основанные на отвлеченных теориях или же взятые из жизни другого народа, составляли до сих пор для человечества величайшее бедствие. Современные наши историки недаром все наши общественные болезни и аномалии приписывают сокрушительному и антинародному духу петровской реформы.

Вообще из сказанного нами не следует думать, чтобы мы принадлежали к последователям той узкой [теории] народности, которые смотрят || на народность как на нечто предопределенное от начала и думают, что она ... должна развиваться только сама из себя. Напротив, мы думаем, что усвоение европейского, общечеловеческого просвещения и энергическая борьба с препятствиями, мешающими достижению этой цели, должна составлять конечную цель для всякого народа, способного к развитию и культуре. Культура может изменить организм человека к лучшему, как культурный уход улучшает породу домашних животных. Чтобы сделать киргиза способным к восприятию европейских преобразовательных идей, нужно предварительно путем образования развить его череп и нервную систему. Организм не может принять того, до чего он не дорос.

В 1822 году Сперанский[3] составил Сибирское уложение[4], которое было в 1824 году введено в киргизскую степь. Народ неграмотный, кочевой, с своеобразными понятиями || и обычаями, был подчинен ни с того, ни с сего бюрократической централизации со всеми ее мудрыми инстанциями, атрибутами и названиями канцелярскими, непонятными до сих пор не только киргизам, по и русским.

Вместе с приказами, заседаниями, журналами исходящими и входящими навязали нам татарских мулл и татарское просвещение. Реформы подобного рода, собственно, мы и считаем бедственными для народа и вредными для прогресса>.

Мы сочли нужным сделать это длинное и, может быть, несколько докторальное вступление потому, что комитет, составленный при областном правлении для решения вопроса о судебной реформе в области сибирских киргизов, очевидно, был мало знаком не только с теми научными фактами, которые теперь приняты всеми || за аксиому, но и вообще с тенденциями и требованиями нашего времени, ибо основал свой вывод на одних «народных мнениях», собранных от «знатных» киргиз одним из членов комитета советником Яценко.

Народные мнения, как мы заметили выше, есть не что иное, как лепет неразумного дитяти, и потому народы неразвитые совершенно справедливо называются младенчествующими, мнения же султанов и биев еще менее заслуживают уважения, ибо интересы целой нации по строгой справедливости должны предпочитаться выгодам отдельного сословия.

Вопросы же о реформах требуют гораздо большей осторожности и более глубоких соображений, ибо от них зависит народное «быть или не быть».

Изо всех инородческих племен, входящих в состав Российской Империи, первое место по многочисленности, по богатству и, пожалуй, по надеждам на развитие в будущем принадлежит нам – киргизам. Мы занимаем одну обширную сплошную тер-

риторию, между || тем как другие инородцы разбросаны среди русского населения. Нас считается в русском подданстве до 800 тысяч, а с неверноподданными нашими соплеменниками мы превышаем миллион, тогда как всех татар в Европейской России, включая в это число башкир, ногайцев и киргиз Букеевской орды[5], полагается едва один миллион. Вся так называемая среднеазиатская торговля России есть не более не менее, как торговля наша: на долю Бухары, Коканда и других стран Центральной Азии приходится весьма незначительная пропорция в общем торговом балансе. Народ наш, наконец, не так дик и груб, как думает о нем русское общество.

<Очень часто случается нам читать и слышать фразы вроде: «что за киргиз-кайсацкие нравы! Это простительно какому-нибудь киргиз-кайсаку» и проч. Замечательно, что в подобных и обидных || для нас случаях народ наш всегда называется киргиз-кайсацким, а когда же нас хвалят, то называют просто киргизами или просто кайсаками. Из этого надо думать, что мнение о необычайной дикости и грубости нашей основано единственно на вокальном варваризме слова киргиз-кайсак>. Говоря серьезно, киргизский народ принадлежит к числу наиболее миролюбивых и, следовательно, к числу наименее диких инородцев русского царства. В этом отношении мы уступаем только бурятам, но и то потому, что буряты имели счастье принять самое гуманное и высокое учение – буддизм...[6]

Народ наш имеет богатую и нелишенную поэтических достоинств, растительную*[1] литературу, более близкую к индогерманскому эпосу, чем к восточным произведениям этого || рода. Наконец, что всего важнее, формы нашего общественного развития находятся в том самом безыскусственном периоде, когда они представляют наибольшую аналогию с. результатами высшего, культурного развития. На этом факте основаны все наши надежды на будущее. Сверх того, мы как потомки батыевских татар[7] связаны с русскими историческим и даже кровным родством.

Судьба миллионов людей, подающих несомненные надежды на гражданственное развитие, людей, которые считают себя братьями русских по отечеству и поступили в русское подданство добровольно, кажется, заслуживает большего внимания и большей попечительности в таких решительных вопросах, которые формулируются в шекспировское – быть или не быть. Отсутствие разумного самозащищения и всякого рода пассивность, по причине неразвитости, обязывают правительство || в отношении нас быть чрезвычайно внимательным и крайне осторожным.

Только вследствие невнимательности, которая, надо сказать, в отношении нас киргиз, уже вошла в привычку областного начальства, комитет, бывший при областном правлении, мог принять без всякой критической оценки мнения султанов, биев и других знатных киргиз за главное основание для своих работ и только по укоренившейся невнимательности мог утвердить в своем проекте те ненужные и вредные для народа преобразования и изменения, которых добивался привилегированный класс киргизского народа и которых не хотел простой, или, как выражаются степные аристократы, «черный» киргизский народ[8]. Для правильной оценки народных мнений стоило только комитету вникнуть в сословные отношения киргиз и в отношения их || к непосредственному русскому правительству. Наконец, комитет имел под рукою достаточно исторических и статистических фактов, чтобы про-

*[1] Искажение переписчика, должно быть: *замечательную.*

верить эти голословные мнения. Статистика и те данные, которые заключаются в делах областного правления, при всей их скудности заслуживают гораздо большего уважения и вероятности, чем мнения невежественных и диких аристократов невежественного полудикого народа.

В этой записке мы берем на себя смелость разъяснить и рассмотреть вопрос о судебной реформе в нашей области на основании более точных фактов и наблюдений. Мы пользовались некоторыми статистическими и историческими данными, взятыми из дел областного правления и окружных приказов.

* * *

Чтобы дать правильный взгляд на значение народных мнений, чтобы выставить их в истинном свете, я, как помощник и сотрудник || г. Яценко в возложенном на него поручении, считаю необходимым начать свои заметки подробным и точным обзором всех обстоятельств, сопровождавших ход наших занятий. Начинаю с того, как отбирались нами народные мнения и при каких условиях.

Во-первых, показания давали волостные управители, старейшины, султаны, бии и богатые киргизы, т. е. ордынские чиновники или ордынцы, имеющие в виду быть чиновниками. Народ, т. е. небогатые, нечиновные и нетитулованные киргизы, в даче мнений и в совещаниях по этому предмету участвовал очень мало, даже, можно сказать, вовсе не участвовал. Чтобы удостовериться в справедливости этого факта, стоит только посмотреть на печати и тамговые знаки, приложенные к показаниям: там все султаны и старшины. Простые киргизы по отдаленности летних кочевок от мест, где учреждены || приказы, приезжают на ревизию, только по крайней необходимости, и по окончании ревизии, истощив свои скудные запасы, тотчас же уезжают.

Удерживать народ для совещаний почетные киргизы, кажется, не старались, по привычке заочно располагать голосами и мнениями своих родичей, да и удержать голодных киргиз было бы для них не так легко. Некоторые султаны и бии, внесенные в список биев 1854 года[9] и участвовавшие при первых совещаниях по нашему делу, через день и два уезжали тайно в свои аулы, оставив печати в чужих руках, чтобы приложить их к народному решению, каково бы оно ни было. Затем оставались при приказах, как было уже замечено, одни ордынские чиновники и честолюбивые богачи. И эти лица, при чтении проекта, обнаруживали непростительное равнодушие, некоторые даже засыпали. Вообще никто || из киргиз, за небольшим исключением, не понимал или не хотел понять, в чем дело и чего от них хотят.

Причины такого непонятного равнодушия киргиз в этом столь важном народном деле были: во-первых, невежество и непонимание своих интересов, во-вторых, то, что киргизы не были заранее приготовлены к пониманию того, что им читали и на что от них требовали скорого ответа; равнодушествовали киргизы и вследствие недоверия к русскому правительству. Они сомневались в нашей искренности и думали, что спросы наши делаются для одной только формы или с какой-нибудь другой, невыгодной для них, целью. В каждом действии русского начальства киргизы видят одно только зло, посягательство на их свободу и льготы. И это очень понятно потому, что киргизы о русском начальстве судят по действиям своих || русских заседателей.

Объяснение мое может показаться для многих чем-то крайне сомнительным, пожалуй, найдутся и такие господа, которые будут обвинять меня в клевете на свой на-

род; я бы мог представить в оправдание свое множество примеров, где подозрительность киргиз и недоверие их к правительству и к русским чиновникам (что в понятии киргиз одно и то же) выражалось еще в более мелочной, в более ребяческой форме.

В сороковых годах поручено было одному из чиновников бывшего пограничного правления Сотникову[10] собрать юридические предания киргиз и их судебные обычаи. Этот чиновник, вероятно, желая начать сборник свой преданиями более древними, стал расспрашивать киргизских родоначальников, предварительно собрав их в приказы, откуда происходит и как сформировался киргизский || народ и что значит слово казак? (так сами себя называют киргизы). Киргизы стали рассуждать, к чему все это от них спрашивают и какая может быть польза русскому правительству от знания их происхождения. Какой-то проницательный кайсак заметил, что, вероятно, их хотят обратить в казачество, так как предки их, по преданию, были казаки. Мысль эта показалась для всех до того ясной и вероятной, что они скрыли от г. Сотникова настоящее предание о «казаках и трех сотнях» и показали себя выходцами из Турции или Аравии[11]. Долго в степи ходила молва, что Сотников хотел обратить их в казачество.

Мы, с своей стороны, не только не могли внушить киргизам должного доверия, но, говоря правду, сами возбуждали в них обычный их скептицизм. Привожу факты: является многочисленная толпа киргиз знатных и незнатных, словом все киргизы, || бывшие в это время в станицах и городах, где расположены приказы.

Во всех округах первый ответ был один и тот же и выражался всеми собравшимися единодушно: «Суд биев и съездов их, – говорил народ, – существует у нас издавна и заключает в себя все начала мирового суда, предлагаемого ныне русским правительством. Суд этот, – продолжали собравшиеся киргизы, – вполне удовлетворяет условиям нашего народного быта, поэтому суд биев и съездов их необходимо оставить в древней народной форме». Это очевидно, было решение народа, en masse*[2], решение кругов. Но г. Яценко, вероятно, вследствие правительственных инструкций и указаний замечал, что в мнениях своих они должны соображаться с основными положениями общего проекта преобразования, например: нужно, чтобы число биев || было определено положительной цифрой, нужно, чтобы бии были по выборам и проч.

Киргизы смущались, недоверие быстро овладевало толпой, начинались споры, совещания, и парод просил отсрочки. С шумом киргизы уходили на улицу, собирались в новые круги и через несколько времени возвращались к нам в другой раз, но в гораздо меньшем числе. Второе показание начиналось, обыкновенно, добавлением, что «суд биев и съездов их необходимо оставить в древней народной форме, допустив некоторые применения и (дополнения сообразно духу времени и обстоятельствам».

Добившись этой уступки, мы читали им пункты «проекта» относительно правила избрания и относительно обязанностей мировых судей.

Киргизы на каждый пункт делали свое мнение и всегда противоположно смыслу первого своего показания, т. е. добавляли и не применяли, а прямо разрушали и уничтожали суд || биев, о сохранении которого всецело просили сами. Мнения эти

*[2] То есть *большинства, массы (франц.)*.

выражались устами нескольких биев и чиновных лиц, а остальные почетные ордынцы ограничивали свое участие одними одобрительными жестами. По временам возникал в среде представителей народа крикливый диспут. Биям хотелось, чтобы их избрали на более продолжительный срок, чтобы им предоставили право принятия и решения дел по личному усмотрению и право участвовать в исполнении решений; хотелось биям, чтобы решения их в известных случаях не подлежали обжалованию, словом, корпорация киргизских судей стремилась к тому, чтоб киргизского бия, судебного практиканта, обратить в мирового судью, судебного чиновника. Волостные управители, по инстинкту самосохранения, горячо противились биям, видя в них прямое посягательство и на чиновническую власть, принадлежащую || теперь им.

После взаимных уступок дело при посредничестве старших султанов улаживалось таким образом, что бии не могли мешать управителям, управители – биям, а управители и бии – султанам. Почетные ордынцы-нечиновники были на все согласны, ибо для них, для будущих кандидатов на все эти должности, того и нужно было, чтобы степные власти не мешали друг другу эксплуатировать простой народ.

Из приведенного очерка наших работ по судебной реформе в области сибирских киргизов можно ясно усмотреть, что желание большинства массы народной заключалось в том, чтобы оставить суд биев в древней народной форме, а личный интерес чиновных, титулованных и богатых киргиз, напротив, в том. чтобы изменить суд биев в его основе.

Факт этот требует особенного || внимания при дальнейшем рассмотрении вопроса о судебных реформах в степи и знаменателен еще тем, что дает нам поучительные данные, как бесцеремонно богатые и почетные киргизы относятся к небогатым и непочетным своим родичам. Красноречивый пример бесцеремонности почетных киргиз к непочетным я имел случай заметить в Каркаралах. Там бии и султаны дали мнения свои, не посоветовавшись с «черным народом», и, между прочим, показали, что для их округа нужно назначить четырех главных биев, каких-то биев над биями. Мнение это, как оно ни было нелепо, я должен был внести в записку, и когда записка эта переписывалась в приказе, квартира моя была осаждена многочисленной толпой конных и пеших киргиз. Народ требовал уничтожения статьи о «биях над биями» и до тех пор не расходился, пока требование его не было || исполнено. Дело в том, что двое каких-то почетных старшин, имевших должности: один заседателя, а другой управителя, были удалены за лихоимство, по просьбе народа, от занимаемых ими должностей, и вот киргизские власти, вероятно, желая показать участие к собрату и пренебрежение к народу, решились для этих лихоимцев выдумать должность «бия над биями» и тем самым вызвали демонстрацию со стороны простого народа.

Мы надеемся, что всех этих acta et facta*[3] достаточно, чтобы видеть всю фальшивость и ложность знаменитых народных мнений. Комитет видел в этих мнениях потребность реформ и преобразований в суде биев, который, по показанию знатных ордынцев, не вполне будто бы удовлетворял современному со||циальному развитию киргизского народа; но мы же, считая себя в этом случае, в качестве очевидца, более компетентными, видим в этих мнениях интриги и низкие побуждения, с одной стороны, равнодушие и пассивность – с другой, невежество и дикость – с той и другой стороны.

*[3] *Актов и действий* зачеркнуто автором и дано только в латинской транскрипции.

Упрекая киргизскую знать в голословности, мы сами не будем голословны. С этой целью мы рассмотрим теперь суд биев в его сущности, чтобы увидеть смысл и характер этого института. Затем, на основании статистических и других достоверных фактов, постараемся определить, в какой степени суд биев удовлетворяет или не удовлетворяет современному развитию киргизского народа, и в заключение для окончательного вывода сравним, || насколько суд биев согласуется с главными началами проектированного правительством мирового суда и в какой мере последний применим к быту киргиз <или не применим вовсе>.

Суд биев в древней народной форме

1) Возведение в звание бия не обусловливалось у киргиз каким-либо формальным выбором со стороны народа и утверждением со стороны правящей народом власти; только глубокие познания в судебных обычаях, соединенные с ораторским искусством, давали киргизам это почетное звание.Чтобы приобресть имя бия, нужно было киргизу не раз показать перед народом свои юридические знания и свою ораторскую способность. Молва о таких людях быстро распространялась по всей степи, и имя их делалось известным всему и каждому. Таким образом, звание бия || было как бы патентом на судебную и адвокатскую практику. Дети лиц, носивших звание биев, имея большую юридическую практику, обыкновенно наследовали знания и вместе с тем и звания своих отцов.

Мы можем представить многочисленные примеры такой наследственности звания биев в киргизском народе. В каракисецком роде[12] Средней орды, в конце XVII века, был известный бий Казбек; потомство его до сих пор носит звание биев:

Казбек
↑
Бекбулат
↓
Тленчи
↓
Алчинбай

Впрочем из этого вовсе не следует думать, что звание биев было у || киргиз когда-либо наследственным. Бий Чорман, сын богатого и знатного киргиза карджасского рода[13], но не бия. Чорман, у которого предки никогда не были биями, тринадцати лет приобрел это звание, выиграв важный родовой процесс на одном народном сейме, и до смерти своей назывался Чорман-мальчик. Мы знаем много киргиз, которых отцы были известными биями, но которые сами не носят этого звания.

2) Закон родового быта, по которому члены одного рода считались как бы членами одного семейства, был причиною того, что бий-однородец в процессе своего родича с членом другого рода мог быть только адвокатом у своего однородца, но не судьей его. Понятия родства распространялись у киргиз и в отношении отдаленнейших || поколений. Например, Средняя орда разделяется на шесть главных родов: аргын, кипчак, конрад, найман, увак и керей, которые находятся между собой в от-

ношении братьев, посему истец конрадского племени в процессе с ответчиком из племени аргын имел полное право отстранить от суда всех биев области сибирских киргизов, как однородцев, следовательно и приверженцев своего ответчика, исключая биев баганалинских, кипчаковских, увакских и киреевских, составляющих всего около 15-ти волостей в области. Эта особенность родового быта киргиз послужила основанием права свободного выбора со стороны тяжущихся для разбора своего дела биев из всех лиц, носящих это звание на пространстве всей киргизской степи, чтоб доставить им полную возможность выбрать || вполне беспристрастного судью.

Так в 1758 году*4 султан Барак, один из сильнейших владельцев Средней орды, убив Абулхаира[14], хана Меньшей орды, избрал для суда над собою 4-х биев из биев всего киргизского народа. В числе его судей были: Тулебий[15] от Большой орды и Айтек[16] – от Малой.

Кочевой образ жизни, способствующий быстрым передвижениям с места на место и частым столкновениям одних родов с другими, привычка киргиз к разъездам и путешествиям, беспрестанные съезды биев и других почетных ордынцев из отдаленных мест на поминки, байги и на другие народные собрания и сборища давали и дают теперь киргизам легкую возможность отдать свое дело на суд || инородного бия или на суд какой-нибудь проезжей известности. Вообще киргизы любили и любят судиться у проезжих биев или у лиц, совершенно им незнакомых, чем у биев соседнего племени, с которыми у них есть частые сношения, следовательно, и родовые счеты.

3) Из воззрения на дело суда, как на дело частное, относящееся только до интересов тяжущихся, явился обычай за труд, принимаемый на себя бием, в известных случаях вознаграждать его штрафом, «бийден бийлаги*5», с тяжущегося, признанного но суду виновным.

4) Этот же взгляд на бия, как на частного практиканта, а на суд, как частное дело, был причиною того, что киргизские бии могли принимать к своему || производству и решению дела не иначе, как по просьбе тяжущихся или по сообщению административной власти и по той же причине не могли участвовать в исполнении своих решений.

5) Понятно, что такой свободный взгляд на суд и на судью не мог ограничивать право обжалования, и киргизам предоставлялось это право в самых широких размерах.

6) Но самую замечательную черту суда биев составляет, конечно, следующий обычай: когда не было против обвиняемого явных улик, но имелось только сильное подозрение, то бии прибегали к посредничеству честных родовичей, которые присягой обвиняли или оправдывали подсудимого. Число этих «присяжных» и круг для их выбора обусловливались важностью рассматриваемого || дела. Таким образом, присяжные выбирались иногда из близких соплеменников подсудимого, а иногда из целой волости или из целого округа.

7) Суд биев производился словесно, публично и во всех случаях допускал адвокатуру. Он был в таком уважении у народа, что не требовал и не требует до сих пор никаких дисциплинарных мер.

---

*4 Описка, точнее: 1748 г.

*5 Точнее: *бидің бийлігі* – вознаграждение за решение бия.

Вот суд биев, бывший в степи до основания окружных приказов в кочевьях Средней киргиз-кайсацкой орды.

Рассматривая внимательно суд биев, действующий теперь у киргиз нашей области, мы видим, при всем нашем желании найти в нем что-нибудь новое, прививное, – те же формы, те же начала древнего народного суда, которые || мы изложили выше. Суд биев, несмотря на 40-летнее русское влияние, остался таким, каким был он за сотни, может быть, за тысячу лет до нас. Стало быть, ни внутренняя инерция народа, ни влияние русских учреждений и законодательств не могли изменить его древних и простых форм, хотя русское правительство не раз думало дать ему более прочную, более официальную организацию. С этой целью был издан закон 1854 года, которым было поставлено: «звание биев оставить за теми, кто им пользовался до 19-го мая 1854 года; на будущее же время предоставить оное только султанам и аульным старшинам, прослужившим в этих должностях не менее 6-ти лет и отправлявшим какие-|| нибудь должности или чем-нибудь всемилостивейше награжденным, и не иначе, как по выбору общества и с утверждения окружного приказа (94 ст., том II, часть 2. Учр. об управлении инородцами)». Этот неудачный закон, имевший целью возвысить звание биев, дав им чиновничье значение, но прямым последствием которого было бы то, что звание биев перешло бы непременно в руки честолюбивых богачей, положительно не сведущих в народных обычаях и правах, к счастью киргиз, не имел никакого влияния на их народный суд, потому что число лиц, бывших биями до 19-го мая, оказалось и оказывается до настоящего времени достаточным для отправления у киргизского народа правосудия. Таким образом, древнейший суд биев действует и поныне в киргизской степи на тех главных началах, на которых действовал он до принятия киргизами русского подданства.

|| Если 40-летнее русское владычество, внесшее много совершенно новых элементов в общественную жизнь киргизского народа, не имело никакого влияния на древний киргизский суд биев, если суд этот мог устоять против неблагоприятных условий русского законодательства (например, закона 1854 года), ясно, что он вполне удовлетворяет настоящему развитию киргизского народа.

Удовлетворительность суда биев самым блистательным образом доказывается официальными источниками, именно незначительностью жалоб на первоначальное решение биев и почти совершенным отсутствием просьб от киргиз о производстве дел, подлежащих ведомству биев, по русским законам.

По справкам из дел окружных || приказов видно, что в Каркаралинском, Кокчетавском и Баян-Аульском округах жалоб на несправедливое решение биев и просьб о постановлении решений по русским законам в приказы этих округов в течение последних трех лет вовсе не поступало, хотя судом биев было окончено в Каркаралинском округе: в 1860–72, в 1801–77 и в 1862–22 дела. В Атбасарском приказе в 1861 году была только одна жалоба и с просьбой русского суда, но жаловался, впрочем, не киргиз, а казак. Всего более неудовольствий на решение биев встречаем мы за последнее трехлетие в Акмолинском округе, в границах которого проживает наиболее всего русских, татар, ташкентцев и других иноплеменников. В 1860 году в Акмолинский приказ поступило две жалобы, одна из них сопровождалась просьбой русского суда, в 1861–3, [в] 1862–4. В сведениях, доставленных Акмолинским приказом по

этому предмету, к сожалению, не показано племя и происхождение лиц, подававших жалобы. Надо думать, что просители были не киргизы.

Мы знаем, однако, несколько приме||ров, что киргизы действительно желали русского суда, но просители эти были ордынцы, заклейменные народным презрением, люди вполне безнравственные*[6], которые надеялись незаконными путями, через русских чиновников исправить проигранное на народном суде дело. Им было нечего терять. Так просил Коджук, известный кушмурунский конокрад, так просил Баубек, содержавшийся 2 года на гауптвахте в Атбасаре по многократным жалобам киргиз своего и Кокчетавского округов. По суду биев этот хищник, бывший некогда сподвижником Кенесары, был приговорен к уплате нескольких сот лошадей, но совершенно отказался от уплаты и, посаженный на гауптвахту, просил русского суда.

В пользу суда биев мы можем привести еще один крупный факт, говорящий сам за себя. Это то, что русские истцы или русские ответчики во многих случаях предпочитают суд биев русскому следствию. Известно достоверно, что в Кокчетаве в нынешнее лето было решено несколько десятков такого рода дел.

Теперь позволю себе приступить к главнейшей задаче по вопросу о судебной реформе в Киргизской степи Сибирского ведомства, именно: к сравнению главных элементов киргизского суда биев с 91 основными началами || мирового суда, проектированного для русских губерний. При первом общем взгляде на эти два, по-видимому разнохарактерные учреждения чувствуется, что между ними существует большое сходство, много общего в идее, но, разбирая каждый пункт отдельно, мы видим одну только разницу. Сходство заключается, например, в словесности и публичности делопроизводства, но здесь есть разница, если пускаться в тонкости: мировые судьи решения свои постановляют на бумаге, а бии не всегда; мировые судьи делают разбирательства свои публично только по делам гражданским, а бии по всем без исключения делам, подлежащим их ведомству. (Тонкости эти заимствованы нами вместе со статьями законов из комитетского проекта). Разница заключается:

а) По судоустройству

1. Бии существуют в неопределенном числе, мировые же судьи полагаются по нескольку на каждый мировой округ.

2. Бии никем формально не избираются и формально никем но утверждаются. Значение их основано на частном авторитете, который приобретают они так же, как в Европе поэты, ученые и адвокаты. Шекспир и Гете считаются || всеми за великих поэтов, но мнение о гениальности их основано не на декретах правительств и не на формальных выборах народа. Для выбора в мировые судьи существует определенный порядок и ценз.

3. Бий тогда только судья, когда к нему обращаются тяжущиеся, обращаются же к нему – пока он пользуется хорошим renommee*[7], только потеря авторитета лишает его бийского звания. Мировые судьи избираются на три года и, пока служат, пользуются постоянными правами и обязанностями.

---

*[6] В рукописи оригинала – *безграмотные* – искажение переписчика.

*[7] Авторитет, престиж *(франц.)*.

4. Бии не получают никакого содержания ни от казны, ни от народа, но берут «бийден бийлаги», а мировому судье полагается из земского сбора определенная сумма на содержание его самого и на расходы его по канцелярии.

5. Съезды биев бывают не периодичные, а случайные, а на съезды же мировых судей назначается определенный срок.

6. Мировой судья решает дела единолично, а суд биев однолично может быть только тогда, когда тяжущиеся || принадлежат к одному роду с бием и сами пожелают одного судью.

б) По судопроизводству

1. Мировым судьям подсудны: по уголовным делам – маловажные преступления и проступки, означенные в 19 ст. Угол судопр., и по гражданским – иски на сумму не свыше 500 руб. (ст. 1 Гражд. судопр). Биям же подведомственны все уголовные преступления и проступки, исключая означенных в 1167 ст., XV т., 2 кн. Угол. законов, прилож. к 183 ст. того же тома, 1 кн. Улож. §1, пункт 2 и дополнение к этому пункту по 2 продолжению, и все дела гражданские киргиз между собою и с лицами иноплеменными в случаях, когда последние, будучи истцами, подчиняются сами суду биев (1177 ст., XV т., 2 кн. Угол. зак. и 1133 и 1134 ст., X т., II ч. Гражд. судопр.).

2. Бии приступают к разбору дел только по жалобе частных лиц или по сообщениям полицейских и других властей. Мировые судьи, кроме этих случаев, разбирают дела по преступлениям и проступкам и по личному своему усмотрению и дознанию (24 ст., пункт 3 Угол. судопр.).

3. Бии разбирают и решают дела на своем языке, по своим[2] обычаям и законам, мировые же судьи, хотя и делают || разбор дел на местном наречии, но решают по совести или на основании общих законов Империи (28 ст. Угол. судопр.).

4. Решения биев могут всегда быть обжалованы, решения же мировых судей, в известных случаях, считаются окончательными и не подлежат обжалованию (30 ст. Угол. зак. и 3 ст. Гражд. судопр.).

5. Бии все дела разбирают публично, мировые судьи делают разбирательство публично только по гражданским делам (5 ст., Гражд. судопр.).

6. Во всех делах, решаемых судом биев, допускается адвокатура, в митровом же разборе упоминается о поверенных только по делам гражданским (5 ст., Гражд. судопр.).

7. Мировые судьи заносят решения свои в установленную для сего книгу, у биев подобной книги нет.

8. Решения биев приводят в исполнение султаны, управители и старшины, а окончательный приговор мирового суда исполняет сам мировой судья.

9. В суде биев бывают случаи, допускающие участие «присяжных» для решения так называемого у англичан вопроса о факте (question of fact); мировой же || суд обходится без присяжных.

Из этого сравнения киргизского суда биев с судом мировым очевидно, что мировой суд, несмотря на большую разницу в частностях, в общей идее и по практической цели своей имеет много общего с судом биев у киргиз, только мировой суд

изобилует большими формальностями и имеет более бюрократических атрибутов. По нашему мнению, суд биев – [это] не удивительно, если принять во внимание аналогию высшего развития с низшим, – имеет некоторые преимущества перед судом мировым, по крайней мере в отношении киргиз. Мы бы сказали абсолютное превосходство, если б не боялись, что нас могут заподозрить в преувеличении.

Вообще говоря, суд мировой не есть еще суд идеальный, лучше которого нельзя было бы и ожидать. И в Англии, в этой образцовой стране мирового суда, по свидетельству новейших исследователей, много юристов и государственных людей, которые не совсем довольны современным состоянием английских мировых учреждений. || Блекстон[17], Гнейст[18] и Шарль Конт[19] в сочинениях своих указывают на некоторые положительные недостатки британского мирового суда.

Главное достоинство суда биев, по нашему мнению, заключается в отсутствии формальностей и всякой официальной рутины. Значение бия основано на авторитете, и звание это есть как бы патент на судебную практику. Тяжущимся киргизам предоставляется свободное право обращаться к любому из лиц, пользующихся судейским renommee, как у нас больные обращаются к медицинским авторитетам, а подсудимые – к известным адвокатам. Официальные выборы никогда не могут удовлетворять этим высшим условиям, а у нас же в степи выборы под влиянием закона родового быта в настоящее время ограничиваются одними родовыми интригами и служат только к удовлетворению тщеславия богатых киргиз и к обогащению || русских чиновников, отлично умеющих в мутной воде рыбу ловить.

Если, согласно своекорыстному желанию киргизских чиновников и богатых табуновладельцев, избрание биев подчинить формальным выборам, то отправление правосудия в степи неминуемо перейдет при помощи денежных сделок и разных низких интриг, что случается у нас сплошь да рядом, в руки табуновладельческой и торговой знати, положительно не сведущей в наших судебных обычаях и в наших юридических правах. Свободный выбор судей из всех лиц, носящих звание биев, предоставленный тяжущимся, вполне заменяет выборы и даже более достигает той цели, с которой обыкновенно производятся выборы. Бии у нас теперь занимаются своей профессией по призванию и имеют причины дорожить своей репутацией. Сделавшиеся же выборными чиновниками они во всем будут походить на наших управителей, которые тянут со всех и всем сами платят.

|| Неблагонамеренный судья, при настоящем положении дел, без всяких скандалов может быть обойден: к нему никто не будет обращаться – и дело кончено. Если же этот неблагонамеренный судья будет выбран официально и на срок, то киргизам придется сносить все его гадости до выборного термина*[8]. Наконец, если судья будет человек богатый, то и выборы, пожалуй, не избавят народ от его несправедливостей.

Преимущество имеет суд биев и в том отношении, что он редко бывает единоличен; в нем допускается безграничная публичность, а иногда и нечто вроде участия присяжных; решения его подлежат обжалованию, между тем как мировым судьям в этом отношении дается слишком большая власть, тем более опасная, что судья может руководствоваться во многих случаях одними законами совестя, без всякой другой гарантии.

*8 То ость *времени*.

|| Суд биев в отношении киргиз выигрывает окончательно потому, что другие статьи общего проекта не применимы к быту кочевника, особенно главные статьи по мировому судопроизводству. Например, киргизы не могут быть судимы по русским законам. Причина очень простая. Во-первых, от киргиза, при другом племенном организме и других условиях среды и стихии, нельзя требовать одинакового понимания и взгляда на преступления и проступки, как от русских и от других европейцев, и, наконец, киргизы не знают и не могут знать русских законов, хотя при следствиях они наравне с русскими не могут отзываться незнанием закона. Киргиз, не понимающий ни одного русского слова, не может отзываться незнанием русских законов! (Нелепость и рутинность этого требования очевидны). Это, конечно, китаизм, так сказать, возведенный в перл создания. Выходит, что правительство || наше сознательно требует от своих подданных невозможного, как нечто очень возможное.

Нет никакого сомнения, что тот закон хорош для народа, который более ему известен, закон родной, под которым человек вырос и воспитывался, как бы закон этот ни был несовершенен, должен казаться ему лучше, понятнее и яснее самых мудрых законодательств, взятых извне или навязанных сверху. Между тем, обычное право киргиз, по той же аналогии высшего развития с низшим, на которое мы так любим ссылаться, имеет более гуманных сторон, чем законодательство, например <мусульманское, китайское и> русское по Русской Правде[20]. В киргизских законах нет тех предупредительных и устрашающих мер, которыми наполнены и новейшие европейские кодексы. У киргиз телесные наказания никогда не существовали. А законы родовые, по которым члены рода ответствуют за своего родича, при родовых отношениях приносят много практической пользы.

|| Начатие дел по личному своему усмотрению также неудобно применимо к киргизским биям. Это право обратило бы киргизского бия, судью, в полицейского сыщика, который бы стал невыносимо придирчив, чтобы получить побольше «бийден бийлаги», а участие в исполнении решений дало бы ему до известной степени предержащую власть. <Вследствие чего он [из] частного судебного практиканта обратился*[9] бы в полицейского...*[10]>. Такая посторонняя фикция прямо противоречит основной идее суда биев.

Из приведенных нами фактов и доказательств видно:

1. Что начала мирового суда, проектированные для русских губерний, во многих началах своих положительно не применимы в отношении киргизского народа.

2. Суд биев, действующий у киргиз теперь, при господствующем у них родовом быте и родовых отношениях, вполне удовлетворяет развитию народа, как продукт, непосредственно выработанный самим народом <из прошедшей [его] жизни, из продуктов его развития || и > под влиянием особенностей их страны.

3. Что суд биев имеет некоторые преимущества перед судом мировым, по крайней мере в отношении киргиз.

4. Что желания большинства массы киргизского народа, при отобрании от них мнений по вопросу о судебной реформе, было выражено в пользу древнего суда биев без всяких изменений и дополнений.

---

*[9] То есть превратился.

*[10] Пропуск в рукописи, должно быть: сыщика.

Принимая во внимание все вышеизложенные причины и руководствуясь той истиной, что для нормального роста народа, на какой бы степени развития он ни стоял, необходимы: саморазвитие, самозащищение, самоуправление и самосуд, мы приходим к тому неотразимому заключению, что суд биев следует оставить до поры до времени в том самом виде, в каком он был до издания закона 1854 года, а закон этот, как || рожденный под влиянием бюрократических идей, единственно в видах формализма и порядка, следует отменить. В наше время на регламентацию и формализм следует смотреть не иначе, как на анахронизм, или как на 10 тысяч китайских церемоний. Формализм и бюрократическая рутина обусловливали собой один только застой <и неподвижность> и служили до сих пор китайской стеной для всякой полезной общественной деятельности, останавливая свободное течение тех всечастных и вседневных преобразований и улучшений, которых требует живая народная сила. Чтобы привить какое-либо преобразование и чтобы потом сохранить его, необходимо, чтобы реформа эта соответствовала материальным нуждам и была бы приспособлена к национальному характеру того общества, для пользы которого она предпринята. || Всякое нововведение вне этих условий может быть безусловно вредно, и как явление аномальное может порождать только одни неизлечимые общественные болезни и аномалии.

Конечно, правительство наше никогда не согласится отдать суду биев те преступления и проступки, которые были судимы до сих пор по русским уголовным законам и составляли предмет особенного правительственного наблюдения. «Уголовными преступлениями в отношении к сибирским киргизам, – гласит 1167 ст. Зак. уголов. судопр., XV т., II часть, изд. 1857 года, – считаются: измена, убийство, разбой, баранта[21], возбуждение своих соплеменников против правительства, явное неповиновение установленным властям, преступления по должности, подделка и умышленный перевод фальшивых государственных бумаг || и монеты, поджог и принятие ложной присяги по делам, судимым на основании общих российских законов; за сии преступления, а также за преступления и проступки, учиненные киргизами не в местах кочевья их, а в городах и селениях, они приговариваются к наказаниям по общим законам империи». Мы находим, что за убийство, грабеж и хищничество непременно следует судить по русским законам, так как киргизские судебные обычаи в этом отношении крайне неудовлетворительны, оценивая жизнь человека во сто лошадей и в 6 хороших вещей. Но относительно баранты следовало бы сделать некоторые смягчения и уступки. В наших судах слово баранта имеет какое-то <несвойственное самому акту роковое>, страшное значение и считается самым важным преступлением после измены и убийства.

|| Между тем важность баранты основана у нас на одном только предании, предрассудке. Криминал заключается не в факте, а в зловещем звуке этого слова. Спрашивается, что называется в нашей криминалистике барантой? Вопрос о баранте не выяснен и ответа положительного не может быть. Областное правление [уже] несколько лет как требует от приказов разрешения этой загадки и не может дождаться. Стряпчий областного правления г. Кондратович толмачит баранту словом: угон с убийством, но объяснение это не более не менее как остроумная догадка. Мы постараемся объяснить баранту, как понимают ее сами киргизы. У киргиз баранта допуска-

лась иногда и законом. За воровство, грабеж, угон полагается а и п*[11], а за баранту – ничего. Барантой называется захват чужого скота или чужих вещей, вообще чужой собственности, за неуплаченный долг – калым или кун*[12]. Случалось в старину, что сильный племенным родством киргиз <не платил кун за убийство или аип за оскорбление, нанесенное им какому-нибудь менее сильному киргизу, или же>, совершив убийство или кровную обиду, не хотел идти на суд. Тогда, по решению родового сейма, оскорбленные и униженные шли на баранту и, сделав чувствительный захват, принуждали гордого обидчика дать законное удовлетворение[22]. После примирения убарантованный скот возвращался сполна, но без всякого аипа.

Баранта производилась явно, т. е. днем, и с насилием, в случав нужды, или же тайно, воровски. В последнем случае барантачи обязаны были не позже 3-х дней известить своих соперников, что барапта затеяна ими и за то-то. Иначе похищение, произведенное ими, считалось воровством. Понятно, что при явной баранте барантачи встречали готовый отпор, случались драки, убийства. Но все это может случиться и при угоне, который, однако ж, не считается уголовным преступлением.

|| Угон – это просто пабег, разбой, хищничество, когда без всякой причины и повода, с одной лишь корыстной целью нападают и угоняют табуны оплошных киргиз. В наше время баранта производится за долг, за неуплаченный калым и большей частью тайно, воровски.

Баранта, какая бы она ни была, как самоуправство, конечно, не может быть терпима нашим правительством, но, принимая во внимание взгляд народный на баранту и силу обычая, мы думаем, что правительство наше поступает слишком строго и, пожалуй, не совсем справедливо, придавая баранте первостепенную важность. Мы думаем, что баранту тайную, воровскую следовало бы передать суду биев, как род воровства, а на баранту открытую смотреть более снисходительно. Впрочем, почему бы и ее не передать в ведомство биев, если она не сопровождалась убийством, ведь это то же, что угон.

Но что бы ни было с барантой, остается немало других уголовных преступлений и проступков, за которые киргизы судились и, конечно, будут теперь судиться по общим уголовным законам Империи.

|| Устройство судебных мест для киргизских областей представляет некоторые затруднения, вследствие особых местных условий, которыми мы теперь займемся. Киргизы при отобрании от них мнений об этом предмете старались только об одном, чтобы уголовный суд был от них как можно дальше. Опираясь на то, что у них бывает очень мало дел, подлежащих уголовному производству, они предположили основать суд этот в Акмолах*[13]. Некоторые указывали, впрочем, на Омск, но г. Яценко это не одобрил.

Действительно, уголовных дел, подлежащих судебному решению, в нашей области до сих пор было очень мало.

В течение последнего трехлетия поступило на ревизию областного правления дел:

---

*[11] *Аип* – штраф, взыскание.

*[12] *Кун* – выкуп за кровь (за убийство).

*[13] Точнее: *Акмолинск* – теперь Целиноград.

в 1861 г. – 45
« 1862 г. – 27
« 1863 г. – 39
Итого 111

Из этого числа поступило:	в 1861	в 1862	в 1863
Из Кокчетавского приказа	31	7	13
« Атбасарского »	1	3	2
« Акмолинского »	3	5	4
« Баян-Аульского »	2	5	4
« Каркаралинского »	8	7	14
Итого	45	27	31*[14]

|| Из 111 дел решено:
в 1861 – 34
» 1862 – 35
» 1863 – 34
Итого 103

Мимоходом считаю не лишним заметить, что в завершенных делах обнаружено преступление едва по 43 делам!

Устройство суда в Акмолах для киргиз и для русских жителей степных станиц по крайней незначительности дел, подлежащих ведомству суда, будет только излишней и бесполезной тратой денег, если же суд этот будет, как предлагали некоторые, разъездной, кочевой, то сверх траты казенных денег он будет невыносимо обременителен для киргиз. Ямская повинность, как известно из опыта, была в прошлом столетии одной из главных причин неудовольствия русского народа на правительство. Сибиряки и сибирские инородцы до сих пор жалуются на тягостную для них выставку подвод под исправников, заседателей и попов. У киргиз же ямская повинность отправляется без всякого порядка и крайне неравномерно. Многие чиновники берут и теперь по 40 и 60 лошадей под один экипаж и ничего не дают подводчикам, кроме зуботычин. Последнее делают и частные лица.

Случается нередко, что некоторые «майоры» (так киргизы называют русских чиновников) не возвращают хозяевам взятых ими в подводы лошадей (без зуботычин).

По всем этим соображениям мы думаем, что нет никакой особенной надобности устраивать особый суд для нашей степи. Омск, где, вероятно, будет одна какая-нибудь степень суда, по географическому положению своему находится в условиях не менее выгодных, чем Акмола. Если для баганалинцев, кочующих по Чу и Сарысу, он будет значительно дальше Акмолов, зато для других, более населенных округов, он будет ближе и удобнее. Во всяком случае для киргиз гораздо выгоднее ездить в Омск на суд, чем принимать правосудие в своих волостях.

Еще вопрос о выборе присяжных. Признаться, трудно ручаться за беспристрастный выбор этих лиц и нельзя не бояться влияния знатных ордынцев и родовых сим-

*[14] Описка, следует: 37.

патий и антипатий*[15]. Чтобы избегнуть этого неудобства, нам кажется, что можно || бы выбор присяжных производить при суде, взяв список всех биев, решавших в предыдущем году какие-либо дела, и избрав из них по жребию присяжных. Содержание присяжных во время сессии суда, конечно, ничего не будет стоить, если принять в расчет ту экономию, которую приобретает казна, не учреждая для степи особого окружного суда.

Оканчивая свои заметки по судебной реформе, я не могу пройти молчанием другой не менее важный народный вопрос, вопрос о религиозном принципе, тем более, что вопрос этот получит теперь некоторую связь с судебным.

При даче мнений по судебной реформе киргизы всех округов нашей области, исключая, впрочем, Кокчетавский, просили: «дела о браках и разводах, находящихся теперь в ведомстве мулл, предоставить по-прежнему суду биев». Причины, вызвавшие эту народную протестацию, объясняются некоторыми || историческими фактами, которые мы теперь и рассмотрим.

Киргизы до вступления в русское подданство были мусульманами только по имени и составляли в магометанском мире особый суннитский раскол[23]. Мусульманские законы никогда не были приняты киргизами и были введены в степь путем правительственной инициативы, вместе с бюрократическими прелестями внешних приказов.

Мы не знаем и не можем понять, что имело в виду русское правительство, утверждая ислам, там, где он не был вполне принят самим народом.

Апостолом Магомета в Сибирской степи был великий Сперанский, назначавший мулл и предположивший построение мечетей и татарских училищ при окружных приказах. (См. Особое учреждение управлений инородцев, именуемых сибирскими киргизами, Св. законов, изд. 1857 года, т. II, часть 2).

Нас поражает это обстоятельство особенно потому, что тот же Сперанский говорит в своем «Учреждении», что киргизы – || мусульмане только по имени и что их легко обратить в христианство и проч. Что же, спрашивается, заставило этого замечательного, умного человека быть распространителем такого невежественного и дикого учения? Надо полагать, что в то недавно прошедшее время признать народ, входящий в состав Российской империи, не имеющим веры или признать верноподданных России официально за раскольников, хотя и мусульманских, находили не совсем приличным, а принять меры к обращению киргиз в христианство находили не совсем политичным по времени. Времена те миновали, прюдеризм*[16] не в моде.

Оренбургским пограничным начальством уже давно приняты меры, чтобы препятствовать развитию ислама в подведомственных ему степях; там запрещается татарам не только быть муллами, || но и жить долго в степи между киргизами. У нас же в Сибири правительство до сих пор держится в отношении мусульманства прежней покровительственной системы, и благодаря этому ислам делает в наших областях исполинские шаги. Вся степь наводнена полуграмотными муллами из татар и фанатическими выходцами из Средней Азии, выдающими себя за святых. С некоторого времени стали появляться в пограничных округах дервишествующие курды, ногайцы и турки. Личный интерес иностранных мусульманских странников и особенно

*[15] Речь идет о влиянии знатных ордынцев на результаты выборов.

*[16] Показная, не в меру щепетильная, ханжеская мораль.

татарских семинаристов (которых я считаю за самых фанатических поклонников пророка) заключается в том, чтобы довести киргиз своим влиянием до того слепого религиозного изуверства, при котором так легко живется всем этим старцам, паломникам и дервишам,

Пропаганда эта во многом ужо успела. В Ба||ян-Аульском и отчасти в Каркаралинском округах киргизы предавались ханжеству с ревностью, свойственной только новообращенным. Там живет под покровительством местных туземных властей много ишанов[24], ходжей из Бухары и Коканда и ежегодно приезжает и уезжает немало этой сволочи. Татарское духовенство, которому вверило русское правительство наше нравственное воспитание, занималось до сих пор только нравственным нашим растлением, брало взятки, учило ханжеству и вместе с среднеазиатскими выходцами обманывало доверчивый наш народ. Что татарское духовенство постоянно содействовало шарлатанству странствующих мусульманских пустосвятов и составляло с ними одну общую ассоциацию идей, может служить доказательством дело о Мансурове[25]. Все указные муллы были с ним в переписке, многие признавали себя его мюридами. Нужно знать, какие люди у нас в || степи занимают священнические места, кому вверена нравственная паства киргизского народа и суд в отношении такого трудного общественного вопроса, каков брак. У нас большая часть мулл из татар, и все они без исключения плуты. Это народ невежественный в высшей степени, едва знающий свою грамоту, но зараженный мрачным изуверством и диким суеверием. Во всех отношениях [это] темное царство <в самом обширном смысле>.

Правда, чтобы быть муллой, надо выдержать экзамен, который производится татарским муфтием[26], живущем в Уфе. Но успех экзамена зависит не от степени знания экзаменующегося, а от количества денежного пешкеша*[17]. Мы не знаем, есть ли где-нибудь на свете такие жадные лихоимцы, как наше русское мусульманское духовенство. К самому муфтию, этому высшему мусульманскому духовному лицу в России, нельзя иначе обращаться с || просьбой, как положив деньги в прошение. Вот что рассказывает один башкир о магометанском духовном собрании в Уфе. «Здесь надобно задобрить всех служащих, начиная с муфтия, секретаря, казы и писарей. Иногда приходится задабривать служителей и приближенных муфтия или казы» («Заметка башкира о башкирах». – Современник, 1863 г., №XI, ноябрь).

В татарском народе ходит много анекдотов и поговорок, подтверждающих то, что мы теперь сказали о татарских муллах. Но при всем том очерк наш вышел не так рельефен, как нам хотелось, мы не могли охарактеризовать и в сотой доле все то невежество, изуверство, шарлатанство и подлость, которые господствуют среди татарских попов. Впрочем, как бы ни была слаба наша характеристика, но факты говорят сами за себя.

Теперь мы будем говорить о состоянии народного образования в области сибирских киргизов, которые в настоящее время находятся бесконтрольно в руках мулл. Это прибавит еще несколько крупных черт к тому, что сказано нами выше о мусульманстве и о [его] священнослужителях. Почти в каждом ауле нашей области есть ко||чевая школа, где учителя по большей части татарские муллы или семинаристы. В Кокчетавском, Атбасарском и Акмолинском округах преобладают татары. В Баян-Аульском и Каркаралинском они в последнее время вытесняются среднеазиатцами.

*[17] Подношение, подарок.

Чтобы понять, в каком духе татарское духовенство воспитывает киргизское юношество, мы приведем один только пример: больше не нужно. В мусульманском населении города Петропавловска возник вопрос: грешно ли играть в карты и если грешно, то в какой степени? Обратились к одному мулле, известному по своей глубокой учености. Этот казуист, справившись со своими «темными книгами», объявил, что играть в карты мусульманам между собою – великий грех, но играть с русскими и с намерением обыграть их – дело похвальное, как род джихата*[18], подвизания за веру, которое завещал пророк своим последователям || в непременную обязанность. Профессор Березин в своей популярной статье о мусульманстве, напечатанной в «Отечественных записках» 50 годов, доказал, как дважды два – четыре, на основании текстов из корана и из книги преданий, что мусульманство и образованность – понятия несовместимые, даже враждебные, одно другое вытесняющие. Например, Магомет говорит, что [существует] семь небес (т. е. планетных сфер), следовательно, верующий магометанин должен отвергать все астрономические открытия со времен Птоломея[27], иначе он не будет правоверным. Магомет все современные ему космогонические, медицинские и другие предания и предрассудки ввел в свое учение как догмат и тем самым остановил движение опытных наук. <Правда, арабы упражнялись изрядно в математике, потому что Мухаммед не знал арифметики и не ввел ее в свой коран. Арабам нравилась философия Юркевича[28], нравилась потому, что она удобно применима ко всему, даже к учению Мухаммеда>.

Учение Магомета не может быть очищено, как || думают некоторые защитники ислама; в. нем невозможна никакая реформация. Какого можно ожидать возрождения от религии, которая имеет основанием своим дикие варварские предрассудки кочевых арабов шестого столетия, предания спиритуалистов, жидов и разные фокус-покусы персидских магов того же периода. Если таков ислам турков и персиан, то каков должен быть ислам татарский, составляющий в мусульманстве нечто в роде пуританизма. Татары отвергают поэзию, историю, математику, философию и все естественные науки, считая их искушениями для слабого человеческого ума, и ограничиваются одной мусульманской схоластикой и казуистикой. На татарском языке нет ни одной книги, которая не имела бы характер мракобесия. Понятно, что татары воспитывают в киргизской степи подобных им факиров, но свежая народная || сила не легко поддается мертвящему их влиянию.

Непосредственные сношения с среднеазиатскими владениями и, наконец, знание татарской грамоты дает киргизскому юношеству возможность читать романы, повести, поэмы и сказки на джагатайском наречии тюркского языка. Эпические и беллетристические произведения джагатайской литературы или пахнут учением Шамиля[29] (героические поэмы, имеющие сюжетом войны арабов с Греческой империей), или напоминают оды Горация[30] к Лигурину (роман о любви Мавлеви-Джами к прекрасному мальчику Мирзе-Хамдаму[31], или же вовсе не имеют смысла (поэма о любви соловья к розе, повесть о китайском принце, влюбленном в призрак светлой девы, которую он увидел во сне[32]).

Конечно, никто из благомыслящих людей ие станет оспаривать, что чтение педерастических || романов безнравственно и вредно и что чтение утопических книг, затемняющих здравый смысл фанатическим сумбуром, не может быть полезно.

---

*[18] То есть *джихад* (араб.) – борьба за веру.

Но никто из них не будет предполагать, что чтение героических романов может быть еще вреднее. В Бухаре во времена эмира Мир-Хайдара[33] было запрещено публичное чтение героической поэмы Абу-Муслим[34], потому что слушатели в фанатическом экстазе отправлялись толпами в Персию, чтобы там в войне за веру принять блаженную смерть шеидов (мучеников).

Вот те плоды, которые может дать киргизам татарское просвещение. Чудовищная фантастика, мертвая схоластика и ни одной реальной мысли. К этим вопиющим явлениям для полноты картины нужно присоединить еще то обстоятельство, что вся эта <мертвечина, долбление текстов из корана на арабском языке без всяких комментариев и переводов и заучивание на память всякой схоластической ерунды> вбивается киргизским детям не иначе, как палкой. «Тело твое, – говорят обыкновенно киргизы муллам, отдавая детей своих в учение, – кости мои»[35].

В «Северной пчеле» 1860 года один молодой киргиз г. Бабаджанов[36] описал необыкновенно ярко учение в татарских школах Букеевской орды. Факт этот замечателен тем более, что г. Бабаджанов, в качестве потомка Магомета и корреспондента «Северной пчелы», – ярый магометанин и, по-видимому, не враг татарского просвещения.

Начальство наше до сих пор мало обращало внимания на умственное образование киргиз и, жарко преследуя баранту, конокрадство и вообще дисциплинируя киргизский народ, не имело времени следить за действием мулл и странствующих дервишей. Но дело еще можно поправить, и реакция еще возможна....

|| Вероятно, причиной, побудившей правительство дела о браках и разводах предоставить муллам, был грубый обычай киргиз отдавать дочерей своих в замужество в слишком юных летах и большей частью без их согласия. Киргизы сговаривали детей своих иногда в колыбели.

Нам кажется, что обычай этот || мог быть изменен и без участия мусульманского духовенства: следовало только предписать старшим султанам и управителям, под страхом ответственности, иметь строгое наблюдение, дабы киргизы не выдавали дочерей ранее таких-то лет, дабы отцы не принуждали своих сыновей и дочерей вступать в супружество без личного их согласия и проч.

Полицейский надзор и дух времени сделали бы свое дело, но, конечно, не скоро. Баснословное количество жалоб, поступающих и теперь по брачным делам, показывает, что мусульманский шариат был совершенно бессилен против силы укоренившегося обычая.

Принимая во внимание изуверство и невежество || татар, исключительно занимающих должности мулл в нашей степи, и вредное влияние всякого ультраклерикального направления на социальное развитие народов, мы находим, что для ослабления влияния мулл и для умерения религиозного фанатизма следовало бы, согласно просьбе парода, дела о браках и разводах предоставить по-прежнему суду биев, тем более, что брак у магометан не есть таинство.

Преобладание теологического духа и в Европе проявлялось в народном развитии самым бедственным образом.

Об административной реформе пока еще нет речи, и потому мы не будем теперь затрагивать этот, по многим причинам, щекотливый для нас предмет. Административный вопрос для нас, киргиз, || имеет слишком большой интерес, чтобы говорить о нем вскользь. Мы полагаем, однако, что частное управление Оренбургской степи

при административной реформе наших областей может быть с большей пользой принято в соображение, как уже испытанное в продолжение многих лет. Оренбургское начальство, вероятно, имело время заметить его достоинства и недостатки.

Самый капитальный недостаток Оренбургского степного управления, конечно, заключается в том, что ордынские чиновники назначаются там не по выборам народа, а по усмотрению пограничного начальства. Право выбора самих властей, предоставленное нам, среднеордынцам, есть такое право, которым мы не можем не дорожить, хотя пользуемся им теперь и дурно, и нечестно.

Неправилен с научной точки зрения и тяготей для || народа кибиточный сбор, собираемый с зауральских киргиз. Хотя налог этот не выдерживает самой поверхностной критики, но некоторые наши пограничные администраторы по каким-то узким соображениям увлекались им до того, что думали ввести подымную [подать] и в нашу степь. Нет сомнения, что ясак[37], платимый сибирскими киргизами по числу скота, есть единственно возможная и вполне правильная, по новейшим теориям налога, подать, которая может быть без отягощения наложена на кочевников.

28 февраля 1864 г. Омск.

Комментарии

Печатается по тексту ССВ, т. 1, с. 494–522. Работа написана в 1864 г.» впервые опубликована Н. И. Веселовским (ЗРГО, ОУ, 1904, т. XXIX, с. 151–178); *Ч.Ч. Валиханов.* Статьи. Переписка. Составление, вступительная статья и примечания Х.Г. Айдаровой. Алма-Ата, 1947, с. 40–65; *Чокан Валиханов.* Избранные произведения. Алма-Ата, 1958, с. 196–236.

[1] *Яценко Иван Еремеевич* – чиновник Областного правления сибирских казаков. В 1852 г. Яценко был назначен председателем комитета при пограничном управлении для составления свода казахских законов. Для сбора материалов по казахскому обычному праву он часто организовывал поездки в степь. В одной из них (1862 г.) принимал участие и Ч.Ч. Валиханов, давший в своей записке осуждающую характеристику деятельности Яценко.

[2] *Миль Джон Стюарт* (1806–1873) – английский философ-позитивист и экономист, автор многочисленных научных исследований, в которых единственным источником знания признавал опыт.

[3] *Сперанский Михаил Михайлович* (1772–1839) – русский государственный и политический деятель. Его перу принадлежит проект «Устава о сибирских киргизах», утвержденный в 1822 г.

[4] *«Сибирское уложение»* – в данном случае имеется в виду «Устав о сибирских киргизах» (утвержден в 1822 г., официально вступил в силу в 1824 г.). Введение «Устава» было связано со стремлением царизма окончательно ликвидировать ханскую власть в Среднем жузе и укрепить колониальную систему управления.

[5] *Букеевская орда* – феодальное ханство, возникшее в 1801 г. на основе объединения части казахских племен Младшего жуза на территории, ограниченной на западе степями нижнего Поволжья, на востоке – рекой Урал. Административным центром орды был населенный пункт Урда (ханская ставка). См.: *С.З. Зиманов.* Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата, 1981).

[6] *Буддизм* – одна из «мировых» (наряду с христианством и исламом) религий. Возникновение буддизма относят к VI в. до н. э. Возникнув первоначально в Индии, впоследствии (V–VI вв. н. э.) буддизм распространился в юго-восточной Азии, Бирме, Китае, Японии, Тибете и Монголии.

[7] *... потомки батыевских татар...* – Речь идет о племенах, входивших в состав Орды (кыпчаки, ногайцы, канглы, найманы, конграты и др.), позднее составивших ядро казахского народа. (См.: *В.В. Бартольд.* История турецко-монгольских народов. Сочинения, т. V, М., 1968).

[8] *«Черный киргизский народ»* (перевод казахского термина «қара-қазақ» или «қара-букара» – название трудового казахского населения. Вместо *қара-қазақ* в литературе иногда встречается *қара-суйек* (черная кость) – термин, в действительности никогда не употреблявшийся казахами.

[9] *Некоторые султаны и бии, внесенные в список биев 1854 года...* – Речь идет о законе, принятом в 1854 г., по которому упразднялась должность старших султанов (в Среднем жузе) и султанов-правителей (в Западном Казахстане). Законом 1854 г. унифицирована система управления по единому для всей России образцу, включая судебно-следственные органы и прокуратуру. Валиханов выступает против закона, разоблачая его реакционную сущность, направленную на порабощение народных масс и на укрепление привилегии небольшой кучки казахской феодальной знати. (См.: «Особое Учреждение Управлений инородцев, именуемых Сибирскими киргизами». Свод законов. Изд. 1857, т. II, ч. 2).

[10] *Сотников* (ум. в 1845 г.) – чиновник для особых поручений при Пограничном управлении сибирских киргизов; образование получил в Казанском университете на восточном факультете, хорошо знал тюркские языки. В начале 40-х годов XIX в., занимаясь сбором юридических и генеалогических преданий казахского народа, он периодически выезжал в степь, часто посещал аул Валиханова. Впоследствии Сотников был сослан в Восточную Сибирь.

[11] *...показали себя выходцами из Турции и Аравии.* – Версия о происхождении казахов от арабов, и частности от Гаккаша (Уккаши), одного из легендарных сподвижников Мухаммеда, была записана еще академиком П. С. Палласом в 70-х годах XVIII в.

[12] *Каракисецкий род* (правильнее: каракесекский) – подразделение племени аргын, состоявшее из отдельных родов, с давних времен живших в Каркаралинской степи, расселялись на востоке до Иртыша, на западе – до водоразделов рек Сарысу и Моинты, на юге – примыкая к оз. Балхаш.

[13] *Карджасский род* (правильнее: каржасский) – казахский род, живший к востоку от Караганды, южнее и юго-западнее Баян-Аульских гор.

[14] *Абулхаир* (ум. в 1748 г.) – казахский хан, стоявший во главе Младшего жуза. В период борьбы с джунгарами он возглавлял общеказахекое ополчение. После захвата Южного Казахстана джунгарами (1723–1732 гг.) Абулхаир обратился к русскому правительству, изъявив желание вступить в русское подданство, официально принятое им в 1731 г. Этим актом было положено начало добровольного присоединения Казахстана к России.

[15] *Тулебий* (конец XVII – первая половнина XVIII в.) – знаменитый бий из Большого жуза, один из авторитетнейших знатоков свода казахских законов «Жеты-жаргы». В период объединения жузов он занимал должность верховного судьи и считался главным бием (ұлы бий). После распада ханства на отдельные феодальные владения Тулебий управлял только Старшим жузом. (См.: *А.И. Левшин.* Описание... ч. II., с. 63; *Марджани.* Мустафад аз-Ахбар, с. 155; *К. Байболов.* Төлебидің тарихы. РОБ АН КазССР. №763, лл. 1–122).

[16] *Айтек* (конец XVII – первая половина XVIII в.) – один из главных биев казахского ханства при Тауке. До Абулхаира управлял казахами Младшего жуза.

[17] *Блекстон* (Блэкстон) *Вильям* (1723–1780 гг.) – английский ученый-правовед, профессор Оксфордского университета, автор Commentaries on the Laws of England (Комментарии к английским законам, 1765–1769 гг.)

[18] *Гнейст Генрих Рудольф* (1816–1895 гг.) – немецкий ученый и публицист, с 1844 г. – профессор Берлинского университета. Гнейст приобрел известность после публикации своего исследования «История государственных учреждений Англии» (русский перевод С.А. Венгерова).

[19] *Конт Шарль* (1782–1832) – французский ученый-правовед, публицист, защищал идеи французской революции 1789 г.

[20] *«Русская правда»* – памятник древнерусского права, относящийся к XI–XII вв.

[21] *Баранта* (искаж. от *барымта*) – форма насильственного возмещения убытков, допускаемая казахским обычным правом.

[22] *...законное удовлетворение.* – Против этого сделана пометка, очевидно, автор имел намерение дать подстрочное примечание или дополнить свои высказывания другими данными, однако это не выполнено.

[23] *Суннитский раскол, сунниты* – представители одного из двух основных толков в исламе, распространенного во многих мусульманских странах, включая Среднюю Азию и Казахстан.

[24] *Ишан* – первоначально почтительное обращение к суфийскому наставнику (пир, шейх); позднее это слово вошло в титулатуру авторитетных представителей духовенства.

[25] *Мансуров Мухаммед Шериф* – самозванец, преследуя корыстные цели, выдавал себя за последнего пророка.

[26] *Муфти* – главный судья по шариату, выносящий решение (фетва) по духовным и юридическим вопросам.

[27] *Птоломей* (Птолемей) *Клавдий* (II в.) – древнегреческий ученый, астроном, математик и географ.

[28] *Юркевич Памфил Данилович* (1827–1874) – реакционный философ, идеалист, профессор Киевской духовной академии, выступил в журнале «Русский вестник» со статьей, направленной против философской системы Н.Г. Чернышевского. Валиханов, ссылаясь на Юркевича, в ироническом тоне осмеивает не только мусульманскую схоластику, но и философское мракобесие Юркевича.

[29] *Эпические и беллетрические произведения ... учением Шамиля...* – Речь идет о газавате – священной войне, получившей отражение в некоторых эпических поэмах феодального средневековья.

[30] *Гораций Флакк Квинт* (65–8 гг. до н. э.) – римский поэт.

[31] *Роман о любви Мавлеви Джами к прекрасному мальчику Мирзе-Хамдаму* – Имеется в виду популярный в Средней Азии «Рассказ о Мирзе-Хамдаме» (См. Собрание восточных рукописей АН УзССР, т. II., 1954, с.417).

[32] *... о любви соловья к розе, повесть о китайском принце...* – Речь идет о традиционных лирических сюжетах, широко распространенных в восточной литературе.

[33] *Мир Хайдар* – бухарский эмир из династии Мангытов (1799–1826), сын и преемник эмира Шах-Мурада (1785–1799).

[34] *Абу-Муслим* (Абд ар-Рахман ибн Муслим ал-Марвази; убит в 755 г.) – один из лидеров антиомейядского движения, в результате которого к власти халифата пришли Аббасиды. При нем было завершено арабское завоевание Мавераннахра. Подвиги Абу Муслима в войне за веру отражены в многочисленных поэмах, легендах, распространенных в позднесредневековой Средней Азии.

[35] *«Тело твое, кости мои»* (по-казахски: ет сенікі, сүйегі менікі) – формула, дающая муллам почти неограниченное право физического наказания учащихся детей. Как правило, жестокость мулл доходила до изуверства, наказание превращалось в истязание.

[36] *Бабаджанов Мухаммед-Салих* (1832–1871) – казахский этнограф, уроженец Букеевской орды. С 1861 г. член-сотрудник Русского географического общества по отделению этнографии. За большие заслуги в этой области в 1862 г. был награжден серебряной медалью. Являлся горячим сторонником русского просвещения и культуры, сближения двух народов. (См. *Н.П. Ивлев, Н.Э. Масанов.* Видный казахский ученый М.С. Бабаджанов. – Вестник АН КазССР, 1982, №11, с.06–65).

Ч.Валиханов имеет в виду его статью «Заметки киргиза о житье-бытье и участи его родичей» в газете «Санкт-Петербургские ведомости» №137 за 1861.

[37] *Ясак* – дань, подать, уплачиваемая натурой.

РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО КАЗАХСКИХ ХАНОВ И СУЛТАНОВ

|| Так, одна линия кайсацких султанов известна под именем султанов красного знамени и происходит, по преданию народа, от одного среднеазиатского выходца, искателя приключений. Родоначальник этой отрасли султанов Ондан*[1], по прозванию Длинностреляый, был из Курамы, что при Ангрене. Однажды на пирушке он, выпивши через меру, [сказал], будто убил одного знатного курамца. Натянув лук стрелой в 12 обхватов, он сел на черного аргамака и ушел от мести и пришел к другу отца своего Алибеку*[2] Агевскому за советом.

– Хороший ты малый, – сказал ему бек, – и жаль мне тебя. Здесь оставаться тебе нельзя. В степях зачуйских есть кочующие племена, которые уважают султанов и ходжей. Ходжой ты не можешь быть, но султаном можешь быть. Ты храбр и стрелок первой руки. Поезжай туда и выдай себя за султана.

Он вышел в Малые ногаи, а оттуда к кайсакам и по храбрости был признан за султана, и был хан предводителем войск. Знаменитый хан Ураз-Мухамед был сыном этого Озсана*[3]. Впрочем, автор [сочинения «Сборник летописей» Жалаири] называет Озсана братом [Тевекель-хана и Ишим-хана].

---

*[1] Полное имя:Узын окты Ондан اوزون اوقتی اوندان (казах.) – *Длинностреляый Ондан.*

*[2] *Алибек* – отец известного Толе бия.

*[3] *Озсан,* то есть *Ондан.*

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ КАЗАХСКИХ ХАНОВ И СУЛТАНОВ

Таблица 1

[*Родословное древо казахских ханов и султанов*] شجره، قزاق نينك خانلرى و سلطانلرى نينك دور

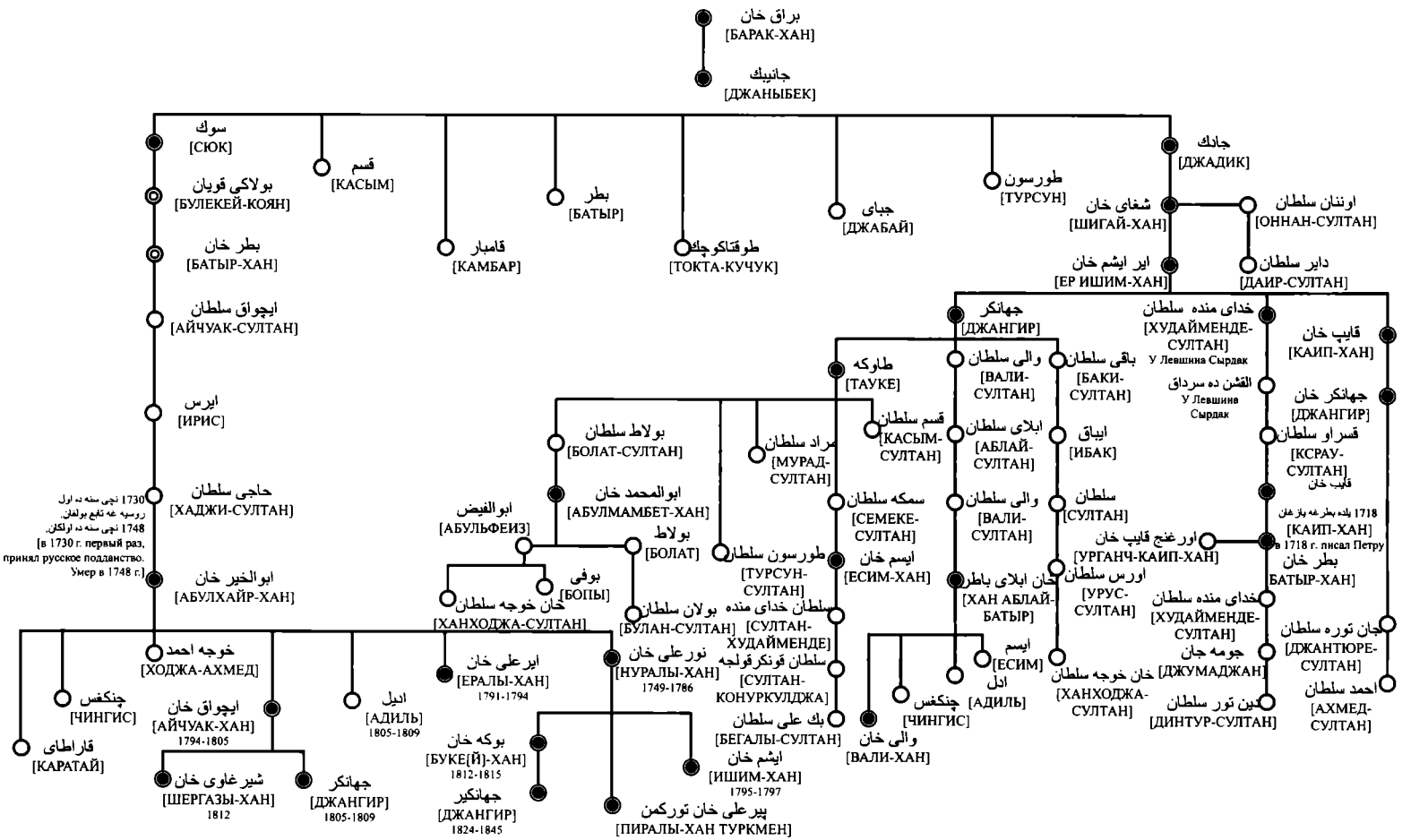


Таблица 2

АБЛАЙ-ХАН

Хан этот имел 12 жен, от которых имел 40 дочерей и 30 сыновей [1]. От первой жены Карачач-ханым, дочери Абулхаира, или Каипа хив [инского], Аблай не имел сыновей, кроме двух дочерей, из которых одна была замужем за Даир-ханом, сыном Бараковым, а другая – за султаном Худаймендой. 2 – Сайман-ханым – дочь каракалпакского бека Сагендек-Чувакбая, мать хана Валия. 3 – Бабак-ханым – дочь кашгарского бека Кендже-Сарта, выехавшего в Китай. 4 – ... из ходжей, сестра знаменитого святого киргизского Саргалдака. 5 – Топчай, или Тубч*1, – дочь калмыцкого князя Хочу-мергена, родственника Галдан-Черена, который был некоторое время у Аблая в Орде. 6 – Тохта-ханым – дочь тоже калмыцкого нойона. 7 – Татч-ханым*2 – добыча от дикокаменных киргизов; от нее Аблай имел 2 дочерей; одна из них был» выдана за сына хана Тауке – Турсуна (см. табл. 1. о Самеке-хане), 8 – Орес-ханым, прозвана Слу*3 (красавица) – добыча от калмыков. 9 – Тулак-ханым. 10 – Саин-Кобен. 11 – Чаган-ханым и 12 – Мунтум. Четыре последние жены Аблая были все калмычки и не имели детей. Девятая находилась в качестве помощницы при Сайман-ханым, десятая – при Карачач-ханым.

---

*1 В казахском оригинале: توپچ – Топыч.

*2 В казахском оригинале: تاپچ خانم – Тапыч-ханым.

*3 В казахском оригинале: تر غاوت اوروس سولو – Орес-слу из торгоутов.

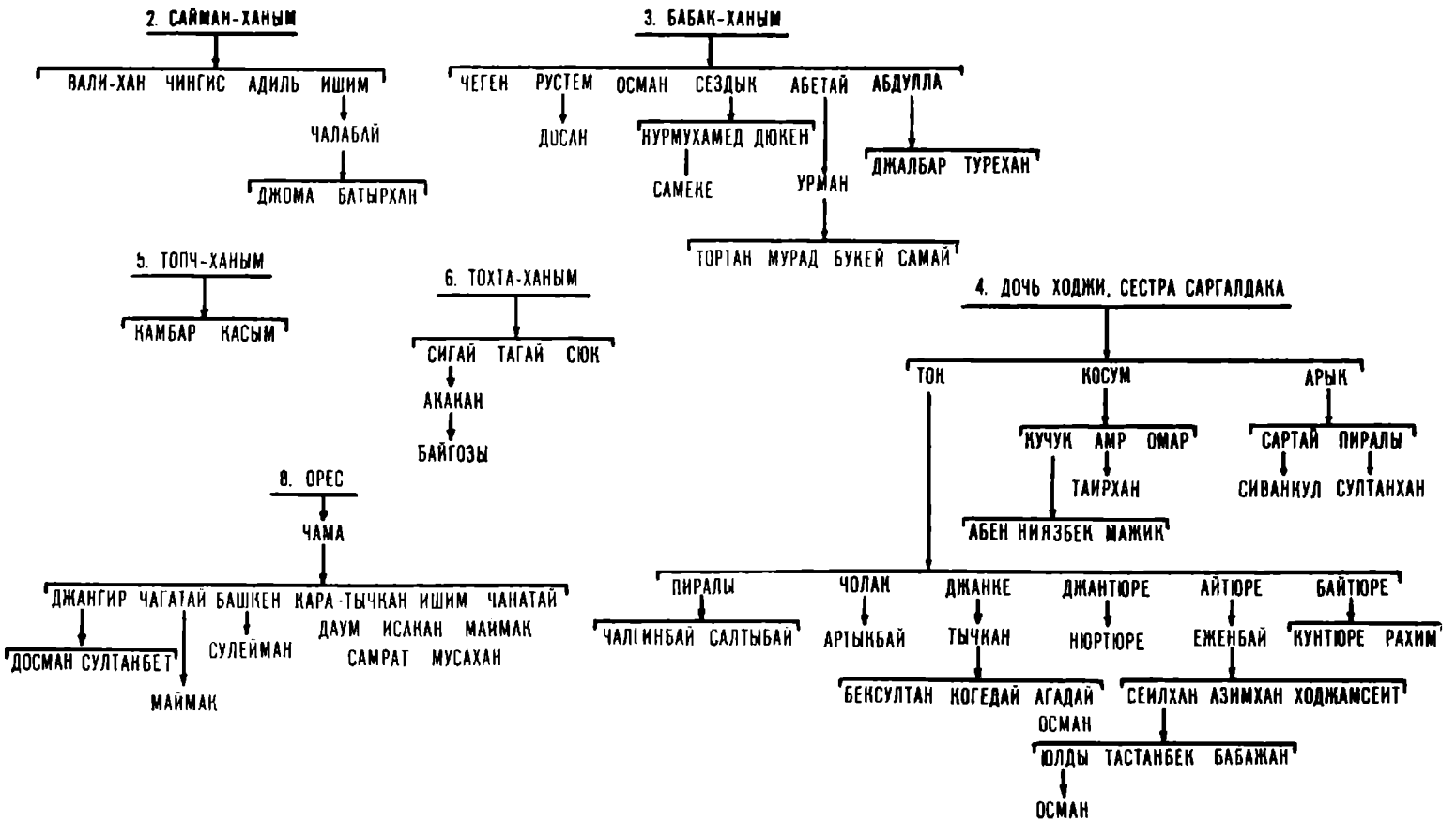
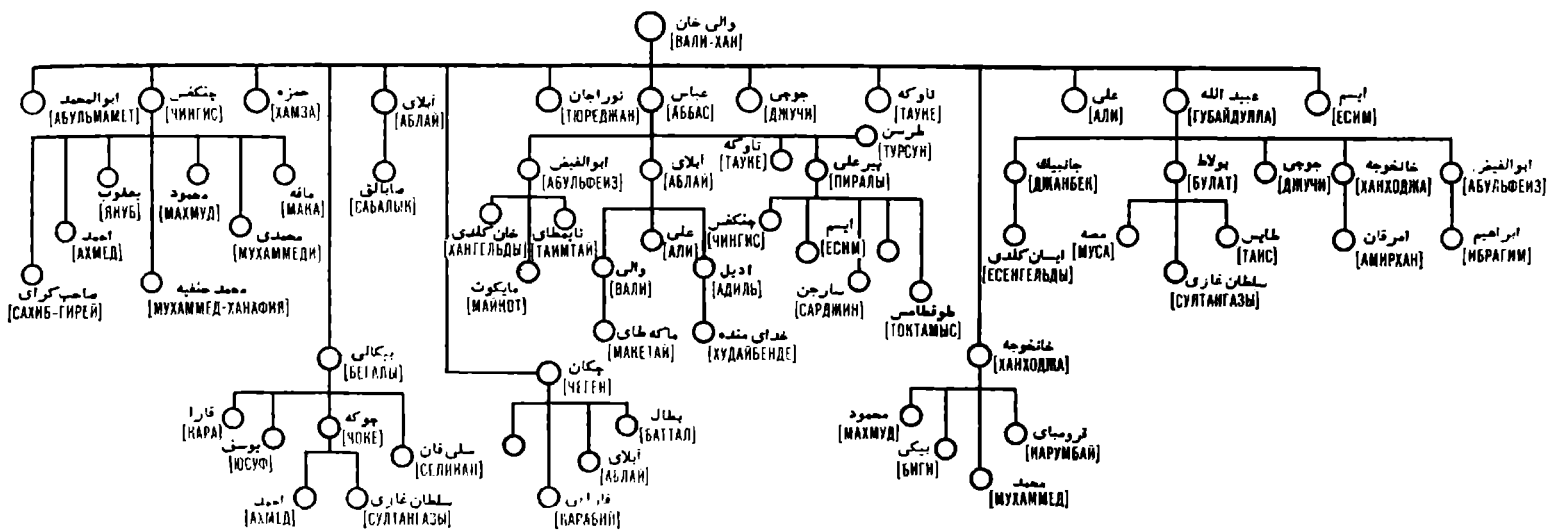

2. САЙМАН-ХАНЫМ
ВАЛИ-ХАН ЧИНГИС АДИЛЬ ИШИМ
ЧАЛАБАЙ
ДЖОМА БАТЫРХАН
3. БАБАК-ХАНЫМ
ЧЕГЕН РУСТЕМ ОСМАН СЕЗДЫК АБЕТАЙ АБДУЛЛА
ДОСАН
НУРМУХАМЕД ДЮКЕН
САМЕКЕ
УРМАН
ДЖАЛБАР ТУРЕХАН
ТОРТАН МУРАД БУКЕЙ САМАЙ
5. ТОПЧ-ХАНЫМ
КАМБАР КАСЫМ
6. ТОХТА-ХАНЫМ
СИГАЙ ТАГАЙ СЮК
АКАКАН
БАЙГОЗЫ
4. ДОЧЬ ХОДЖИ, СЕСТРА САРГАЛДАКА
ТОК КОСУМ АРЫК
КУЧУК АМР ОМАР
ТАИРХАН
АБЕН НИЯЗБЕК МАЖИК
САРТАЙ ПИРАЛЫ
СИВАНКУЛ СУЛТАНХАН
8. ОРЕС
ЧАМА
ДЖАНГИР ЧАГАТАЙ БАШКЕН КАРА-ТЫЧКАН ИШИМ ЧАНАТАЙ
ДОСМАН СУЛТАНБЕТ
МАЙМАК
СУЛЕЙМАН
ДАУМ ИСАКАН МАИМАК
САМРАТ МУСАХАН
ПИРАЛЫ ЧОЛАК ДЖАНКЕ ДЖАНТЮРЕ АЙТЮРЕ БАЙТЮРЕ
ЧАЛГИНБАЙ САЛТЫБАЙ
АРТЫКБАЙ
ТЫЧКАН
НЮРТЮРЕ
ЕЖЕНБАЙ
КУНТЮРЕ РАХИМ
БЕКСУЛТАН КОГЕДАЙ АГАДАЙ
СЕИЛХАН АЗИМХАН ХОДЖАМСЕИТ
ОСМАН
ЮЛДЫ ТАСТАНБЕК БАБАЖАН
ОСМАН

Таблица 3

[РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО ВАЛИ-ХАНА]



Комментарии

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 484–488. Автографы хранятся в ЦГАЛИ (ф. 118, он. 1, д. 339, л. 3) и ААН (ф. 23, он. 1, д. 7, лл. 1–5). Несколько генеалогических таблиц и краткие пояснения к ним, включающие сведения о родословии казахских ханов и султанов, начиная от Барака, потомки которого были родоначальниками трех казахских жузов; потомков хана Аблая от шести жен и потомков Вали-хана, деда Чокана. Эти таблицы записаны Ч.Ч. Валихановым в разное время и обработаны им на основе устной информации самих султанов, живших в его время, и литературных источников.

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ ЮЖНОСИБИРСКИХ ПЛЕМЕН

|| На пространстве юго-восточной части европейской России и по тундрам, лесам и степям всей Сибири живут оседло, кочуют и бродяжничают множество разноплеменных народов, известных у нас под именем инородцев. Народы эти принадлежат к финскому, тюркскому и монгольскому корню или же составляют любопытное соединение элементов от всех этих племен. Образ жизни, язык этих народов почти неизвестны, хотя Императорское Географическое Общество в своей полезной деятельности и старается собрать этнографические сведения о инородческих и иноверческих племенах России, но до сих пор мы не имеем ни одной капитальной статьи. Племена монголо-тюркские, живущие в юго-восточной Сибири, в стране по Алтаю и Енисею, – в стране, которая была колыбелью тюрков и монголов, – сохраняя до сих пор чистоту тюркского языка и обычаев, представляют обильную жатву наблюдательному филологу-монголисту. Академик Кастрен[1], бывший в Сибири, многих из них относит к племени самоедскому о т ю р е ч и в ш е м у с я и Саянские горы считает колыбелью финнов. Нет сомнения, что племена: финское, тюркское и монгольское имеют нечто общее как в совокупном влиянии их на развитие человечества в разные эпохи его жизни, так и в... языке. Родство языков финского, тюркского и монгольского признано уже многими учеными, особенно же – двух последних. Сибирские номады и бродячие звероловы тюркского и монгольского племен, исповедывая свое шаманство – жреческую веру, имеют в характере, жизни и языке более самобытства, нежели тюрки – османь[2] и татары казанские. Мухаммеданская религия [гасит] в них всякую искру самобытства, всякую национальность: возьмите казанских татар, они, как гласит нам история, потомки монголов батыевых || или смесь воинов Батыя с тюркским [племенем] – половцами. Скажите, пожалуйста, есть ли что-нибудь в волжском монголе напоминающее его происхождение? – Ничего. Казанцы, османы, крымцы так вдались в коран и ислам, что не имеют ни одной народной сказки и не сохранили ни одну древнюю песню. Единственное произведение казанской музы поэма Му[хаммедие] имеет содержание религиозное. В языке их вы встречаете на половину слов арабских и персидских. Что ни говорите, учение Мухаммеда вполне достигает своего назначения: обратить всех последователей в арабов и заставить их ни о чем не думать, ничего не уважать, кроме корана и его, Мухаммеда. В тюрках-мусульманах вы видите одну только односторонность направления религиозно-схоластического; во всем же другом они до крайности тупы и не способны ни к какой иной деятельности, – между же тем их языческие собраты, находясь на гораздо низшей степени образованности, умственно стоят выше. Бродячий якут, калмык, монгол, не говоря о его народной характерности, имеет свою поэзию, следовательно, свою самобытную сферу, хотя и

ограниченную, но свою сферу интеллектуальной, прогрессивной жизни. Прочитайте поэмы якут, кроме достоинств поэтических, по свидетельству Щукина[3] («Поездка в Якутск»), имеют и значение историческое. Оногой-бай (герой поэмы того же названия) вышел, по преданию народа, из Алтая [с] 150 человеками. Миф этот имеет основание: между карагасскими[4] татарами (в Енисейской губернии) есть волость, называемая до сих пор Саха; якуты тоже называют [себя] саха. Таких поэм у якут много: Элляй-батыр, начальник эмиграции, последовавшей за Оногой-баем, Багани-батыр, Немёй-бай-тойон. Каждая из них обессмертила для народа известные случаи разных эпох его истории. Поэмы, знакомящие с верой и религиозными обрядами народа, – это: Хорылан, Мохсогол, Еберен-Эмехсин, || романтическая, воспевающая любовь Кыланных-Кыс-батыр (Замечания о якутском языке Огородникова[5]. «Отечественные записки», 1846)*[1]. Карагасы (Енисейской губернии. Минусинского уезда), телеуты, кергиты*[2] (Томской губернии) и другие имеют также много преданий и сказок. Поговорки их заключают в себе много практических истин; например, пословица телеутов: «Раб знает иногда больше князя, да говорить ему не позволяют», «В бороде ума нет» и проч. Язык у всех енисейских и томских инородцев, сколько можно судить по словам, чисто тюркский, близкий, как справедливо заметил г. Чихачев[6], к джагатайскому, который считается из исследованных диалектов более коренным, с небольшою примесью финских и общетюркско-монгольских слов. Это было бы особенно полезно для тех ученых, которые стараются определить родство финско-тюрко-монгольского языка. Все до сих пор помещаемые замечания в журналах и брошюрах о языках якутском (Замечания о якутском языке. «Отечественные записки», том XLVII, Смесь; Известия Географического Общества...) и карагасском (ibid*[3]., князь Костров)[7] не дают никакого понятия. Выражение звуков тюркских русской азбукой без особых фонетических знаков чрезвычайно их уродует; сравнения же автора некоторых слов с словами тюркскими или монгольскими по карикатурной... последних, заставляют заподозревать и точность первых. Для совершенной пользы науки желающие познакомить нас с языком этих народов, при составлении словарей, что обещал относительно якутского языка г. Огородников, автор статьи «Замечания о якутском языке», еще в 1846 году, должны бы избрать или монгольский, или арабский алфавит, на которых утвердилось [правописание] этих языков: 1) для того, чтобы передача звуков была бы правильна, 2) для того, чтобы можно || было легко видеть уклонения и различия от подобных же слов, существующих в монгольском и татарском языках. Не считаю нужным говорить также, что для составления хорошего словаря или грамматики необходимо нужны фундаментальные знания монгольского или одного из диалектов тюркского языка. Без этого ничего не будет дельного.

Г. Огородников в своей статье делает следующие сравнения для подтверждения «весьма основательной догадки Шотта[8] о сходстве языка тюркского с якутским». Вот его доказки*[4].

*[1] *Огородников.* Замечания о якутском языке. «Отечественные записки», 1846. т. XLVII, кн. 8. Смесь.

*[2] Вероятно, описка, должно быть: *киргизы.* Абульгази говорит о последних, как об обитателях этих мест еще [до Чингиса]. Киргизы были в союзе ойратов. (Schmidt J.J. Geschichte der Ost-Mongolen). *(Примечание Валиханова).*

*[3] Jbidem *(лат.)* – там же.

*[4] Выражение заимствовано от г. Огородникова (Замечания о якутском языке. «Отечественные записки» – 1846, т. 47, кн. 8, Смесь, с. 22–27). *(Примечание Валиханова).*

Über die Jakutische Sprache (Archiv V. Erdmann)*5

Турецкие	Якутские
от aqhul	ol
должно быть اوغل [огул]	киргизы говорят также öl
avquv [?] – не знаю	ov
kungis [?] – не знаю, что это за слово	kümis – якутское, кажется, слово; нарицательное имя напитка из кобыльего молока.
ehder, ihder [?] – тоже бог знает, что за слово	eder
aral – должно быть ارال [арал] – остров	ary [арыы]
mojun, bojun موبون [моюн] – шея	moi[mooj – моой]

Прикажите после этого судить о неизвестном языке якутском, когда нельзя узнать под французскими слов турецких. Это сравнение принадлежит еще ориенталисту Шотту.

Г. Огородников предлагает азбуку из 21 буквы и приводит примеры, но от этого не легче. Однако ж из всех примеров и выписок очевидно, что преобладающий элемент – тюркский; формы грамматические общетюркские. Вот склонение: (смотри статью Огородникова).

Единственное число	Множественное число
Именительный – ого – мальчик (у Шотта oI теперь же ого)	
Родительный – огону, оголор и т. д.	оголор и т. д.
Дательный – огого	
Творительный – огонен	

Что-то не так; кажется, автор перемешал падежи: его творительный более походит на родительный[9], а родительный, кажется, вместо винительного.

Вот местоимения:

Личные я – мин у Ш[отта] (?)
ты – эн
он – кини (?)

Указательные сей – субу, бу; первое, кажется, происходит от [су]; киргизы говорят у с у.

*5 *W.Schott.* Über die Jakutische Sprache. Archiv für Wissenschaftliche Kunde von Russland, Bd. III. S. 312–332.

П р и т я ж а т е л ь н ы е мой – міэн [миэнэ]
твой – мене [эйиэнэ]
|| свой – беэмгене [бэйэм киэнэ],
у киргиз есть слово собственное
м о е.
С п р я ж е н и е: Асыэкха – [есть]
Я ем – асабын [аhыыбын]
Ты ешь – асагын [аhыыгын]
Он ест – асыр [аhыыр]
Мы едим – асабыт [аhыыбыт]

Из этого запутанного изложения ничего нельзя извлечь. Подобное руководство ни к чему не ведет. Слова почти все тюркские, но обезображены ужасно. Вот одна якутская поговорка: К и м б а р б у о л а э р е г я с о х б а р ы т ы л ы у н а н к е п е т я р ь, – о й д а р а н а[10].

Можно разобрать, что бу есть указательное [местоимение], ола – не знаю, эрегя – тоже, сох – тоже, бары от [бар] (у киргиз также [бар]), слова кепетяр окончание турецкое третьего лица изъявительного наклонения, о й д а р а н а, по уверению Огородникова, значит э х о; слово это, кажется, составное... ложбина, пещера, дупло и... крик. В сложности – крик ложбины, крик дупла. По автору, вся поговорка значит вот что: кто может (перевод не буквальный), н е у ч а с ь, (там, как можно полагать по частице указательной, б у этого нет) г о в о р и т ь н а в с е х я з ы к а х? – Эхо. Б у о л а э р е г я – кажется, близко татарскому [йер]. Тогда смысл будет таков: кто (есть) в этих местах (разумея свою землю) все языки знает? – Эхо.

По всему видно, что автор сам не очень силен в языке и не изучал его, а писал по расспросам. Через подобные замечания мы никогда не узнаем языки инородческие; надо ждать и ждать, когда какой-нибудь ученый, знающий языки тюркские и монгольский, исследует и укажет только на особенности, больше, кажется, не нужно. Посещение кочевьев инородческих Енисейской, Томской и Иркутской губерний принесло бы и историческую пользу. Географические сведения восточных историков достойны исследования. Открытие урочища Дулон-Булдак, по указанию Абульгази, дает им большую цену*6. Многие названия рек – Барфучин (Баргузин), Керулан, Онон и другие – существуют и теперь. Может быть Икар-Мурун, о котором писали так много, название «10 рек» существует также в языке туземцев?

|| К числу этих малоизвестных народов принадлежат киргизы, народ тюркский. По свидетельству Абульгази, они жили в Южной Сибири по рекам Селенге и Икар-Муруну (Ангаре)*7. Он их называет керкезы или киргизы...*8 и говорит, что они происходили от внука Угузова-Киргиза*9. Рашид-аддин относит их к числу лесных народов, обитавших в стране Бархуджин Тукум. При Чингис-хане и н а л о м (так назывались, по уверению Абульгази, князья этого народа) киргизским был Урус. Он покорился Чингис-хану и с послом его Бору отправил белого сокола с красными глазами и ногами. В китайских летописях под 1207 г. нашей эры говорится, что

*6 Вестник Русского географического общества. Банзаров. Продолжение. *(Примечание Валиханова).*
*7 Абульгази. «Журнал Министерства народного просвещения), 1843. Май. *(Примечание Валиханова).*
*8 Ibid *(Примечание Валиханова).*
*9 История первых четырех ханов из дома Чингисова. Спб., 1829. *(Прим. Валиханова).*

Чингис-хан послал двух чиновников своих, Алтана и Бору, к поколению кир-цзис и что вследствие того Идирнэрэ и Алдар (должно быть, послы князей киргизских) привезли лучших соколов. После Чингиса киргизы достались в удел Тулую, следовательно, остались на прежних местах и не участвовали в военной эмиграции других монголо-тюркских поколений. Рубруквис, бывший в 1254 году у великого хана Мункэ, говорит, что киргизы живут на север от Каракорума.

Где бы ни был Каракорум – в истоках Селенги или на верхнем ли Орхоне – киргизы все-таки остаются обитателями южной части Сибири и могли [распространяться] до Байкала. Буряты до сих пор курганы в новой*[10] Сибири называют киргиз-гер (киргизские домы). Фишер («Сибирская история») полагал, что Икар-Мурун есть Хуанхе, почему предполагал, что киргизы переселились в южную Сибирь гораздо позже Чингиса. Клапрот (Mémoires relatifs à l'Asie) опровергнул эту [гипотезу], приводя выписки из истории династии Юань (1280–1307) народа ki-li-ki-sz (читай kirkis).

Последующая история этого народа не известна до появления в Сибири русских и до столкновения казаков с киргизами и урянхайцами. Зато в течение всего XVII столетия в сибирских летописях мы встречаем их беспрестанно. То нападают они на Томск, Кузнецк, то соединяются с телеутами, с урянхайским алтан-ханом || или с джунгарским тайшием*[11]. [В] 1600 году Немча просил подданства и отправил для этих дипломатических переговоров [жену свою]. Матрона повела дела не совсем удачно, ее оскорбили, и киргизы в отмщение сделали набег на Тару и Томск. [В] 1607 году они были подданные русские, в 1642 г. – подданные зюнгарского владельца Б а т о р а, а в 1657 – [сына] алтан-хана урянхайского Лобзана. Кочевали они тогда по Белому и Черному Юсам, Абакану, на юге до Саянских гор. на запад до Томы и на восток до Енисея. (О киргизах смотри Фишера «Сибирская история»; Иакинфа «Историческое обозрение ойратов»). В исходе XVII века вдруг совершенно исчезают киргизы, их имя более не встречается в сибирских летописях.

По свидетельству Фишера, они были переселены зюнгарским [хонтайдзием], но куда, – он не знал, однако ж предположил, основываясь на слухах, что новое их место переселения должно быть около Тибета и гор Гиндукуш. Левшин говорит, что шведские офицеры, бывшие в Сибири, первые внесли в историю это событие (Левшин «Описание киргиз-кайсацких орд и степей»). Клапрот подтверждает это известие, ясно указывая на новое их место (Journal Asiatique, 1823 г.).

Чрезвычайно трудно предположить, чтобы целое племя могло вдруг исчезнуть и обратиться в один калмыцкий оток (отделение), как уверяет отец Иакинф. Иакинф уверен, что киргизы – буруты, когда последние есть совершенно отдельный от сибирских киргизов народ тюркского корня, а имя их кэргыз есть тюрецкое*[12]. «Сибирские казаки, – говорит автор, – имели дело с одним калмыцким о т о к о м, который назывался кыргыз». Подобные предположения ни к чему не ведут: в числе башкирских волостей есть род кирей, у ногайцев крымских и у кундуровских[11] татар Астраханской губернии также и у казаков (киргиз-кайсаков) – тоже. Неужели из этого следует, || что киргизы енисейские происходили от башкир, ногайцев или казаков, или обратно: башкиры, ногайцы и казаки происходят от киргиз.

---

*[10] Описка, следует: *южной*.

*[11] *Тайша* – то же, что таиджи, тайдзи – титул монгольских и калмыцких князей.

*[12] То есть тюркское.

Ученый монах не обратил внимания ни на восточные, ни, даже, на свои китайские источники, откуда черпал так много. Киргизы под именем хакасы, как народ родственный с тюркским хой-ху, упоминаются у историков Поднебесной империи (Klaproth, Mèmoires relatifs á I'Asie); в его истории Чингис-хана говорится о посольстве к народу кирцзис. Оток же киргиз между калмыками, мог образоваться из остатков киргиз после их переселения, или из военнопленных, как оно произошло у киргиз-казаков*[13] и у кундуровских татар; Георги[12] в своем описании народов, изданном в 1779 г.*[14], говорит: «Между ними (кундуровскими татарами) находится несколько бурутов, или Большой орды киргизов (автор везде мешает благодаря соседству Большой орды кайсаков с киргизами), которые в 1758 г. с некоторым числом зюнгарцев соединились. У башкир и ногайцев [они| могли попасть по той же причине. Башкиры еще в 1780 году угоняли скот из [Наймановских] волостей Средней киргиз-кайсацкой орды с реки Аягуза, а ногайцы, как известно из истории, так и согласно преданиям, обитали в степях киргизских до 1680 года, до движения [Хо]-Урлука, главы торгоутов[13], из Тарбагатая. Баранта существовала у кочевых степняков всегда и для набегов их не было препятствий (?) (о ногайцах см. ниже примечание).

Китайская география Дай-цин-И-тун-чжи говорит о каком-то народе тюркского племени полу или пулу, искони будто кочевавшем в местах нынешнего кочевья Черной орды*[15], и что они, китайцы, современники династии Танов, не имели с ними сношений. (Tableaux historiques de I' Asie. Journal Asiatique, 1823; Mèmoires relatifs á I'Asie). Основываясь на существовании в Кашгаре пулу, китайский географ выражает следующее предположение: «Имя полу, очевидно, сходное с бору и, нет сомнения, что народ пулу есть буруты». Автору непременно хотелось объяснить имя бурут, и только китаец может из полу делать бурута («Описание киргиз-кайсацких орд и степей» Левшина; «Отечественные записки»; Klaproth. Magasin Asiatique).

|| Интересно знать, откуда происходит слово бурут; сами киргизы называют себя просто киргиз или кара-кергиз, а о полу, буру и о бурутах не знают, кажется, ничего. Название это, как видно из вышеприведенного, совсем не китайское, а видно, что китаец хочет непременно ученым, мудрым образом объяснить это слово. Если между киргизами есть род и отделение бурут, то, по нашему мнению, оно могло произойти только от выходцев из племени бурут, которые, по Рашид-аддину, так же как и киргизы, были лесные народы и принадлежали к ойротам. (Журнал Министерства народного просвещения 1845 г. Май).

Сохранились ли у потомков сказания о прежнем кочевании их на Енисее и о движении на юг – мы не знаем. Известно нам одно то, что преданиями они очень богаты. По сведениям, собранным бывшим приставом от правительства при Большой киргизской орде майором Г. Франелом [в] 1849 г. по рассказам, видно, что они почитают себя потомками н о г а й ц е в, будто бы кочевавших тут до них. Киргизбай, родоначальник их, с двумя сыновьями, Атыгеном*[16] и Тагаем, удалился от притеснения ногайских князей, Манаса и сына его Семетея, с берегов Или в горы, лежащие на юг.

*[13] См. ниже о родовом разделении казаков. *(Примечание Валиханова).*

*[14] *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Второе издание. СПб., 1779.

*[15] Т. е. тяньшанских киргизов.

*[16] Точнее: *адыгене* – племенное название киргизов, *тагай* – то же.

Старший сын Киргизбая стал кочевать по вершинам реки Аму и Сыра, в возвышенной долине Памир, что лежит между горами Бадахшана*[17], а младший засел в горные долины Кунгей и Терскей, образуемые: первая – южным склоном гор Кунгей-Алатау и северным берегом озера [Иссык-Куль], вторая – южным берегом озера и северным склоном Киргизнын-Алатау вместе с течением озера. Нам известны только три рода собственно иссыкульских киргиз, а о родовичах их, живущих южнее, сведений не имеем; впрочем, по уверению китайцев, они состоят из 15 поколений.

Развалины древних городов и башен, разбросанные на берегу озера Иссыка*[18], также относятся народом ко временам ногайским. ||

Вообще же, сведения наши о Дикокаменной орде слишком ограничены; остается ожидать более новых сведений, собрать которые теперь, после вступления бугу в наше подданство, предстоит возможность.

Озеро Иссык-Куль... киргизских выбрасывает в бурную погоду разные принадлежности домашнего быта. Народ рассказывает или объясняет это явление так: в древние, ногайские времена было на берегу озера много цветущих городов и селений. Бог наказал жителей за распутство и безверие: восточная часть берега на значительное пространство оборвалась вместе с городами и селениями, и озеро проглотило весь этот безбожный смрад ногайский. Предания эти о ногайцах замечательны тем более, что они почти общи для всех кочевых среднеазийских племен. Киргиз-кайсаки тоже все развалины в южной и западной полосе своей земли приписывают также ногаям. Каракалпаки и башкиры также имеют притязания на ногаев. Пункт этот особенно достоин исследования, и я намерен говорить о нем более подробно[14] в другом месте и при другом случае, теперь же обратимся к к а з а к а м*[19].

Киргиз-кайсаки принадлежат по языку к народам тюркским и почитаются многими и по происхождению тюрками. Народность киргизская не была никогда предметом серьезного ученого исследования, даже дельных этнографических и нравоописательных статей мы не читали, исключая «Описания киргиз-кайсацких орд и степей» Левшина [и «Записки о киргиз-кайсаках Средней орды» Броневского] («Отечественные записки»), этого во многом достойного и замечательного труда, по в некоторых случаях стоящего ниже посредственности.

Многие труженики в области науки, говоря о гуннах, печенегах, узах, аварах, делали прямые заключения: киргиз-кайсаки и калмыки, обитающие в стране, откуда вышли гунны, суть потомки последних, возвратившиеся после падения монархии Аттилы[15] на Волгу и долго еще бывшие известными под именами кутигуров, арзигуров и проч. Действительно, трудно определить происхождение народа, подобного киргизам, народа кочевого, который не имеет письменности, следовательно, никаких памятников прошедшего. Не отрицаю, что такой предмет, как история и происхо-

---

*[17] Борнс, «Путешествие в Бухару», на стр. 297, т. III. говорит: «Возвышенная плоскость Памира лежит между Бадахшаном и Яркендом: на ней живет кочевое племя киргизов. Центром этой столовой земли служит озеро Сайрикул (Сарыкуль), из которого, как говорят, вытекают Яксарт, Окс и один источник Инда. Белого и черного хлеба в этой стране нет никакого; киргизы питаются одним молоком; далее: живут они в круглых хиргахах подвижных. Они тюркского племени и перекочевывают с места на место». *(Примечание Валиханова).*

*[18] То есть Иссык-Куля.

*[19] То есть казахам.

ждение кочующих народов, не представляя никаких данных, фактов, может повести только к разным темным догадкам, не доказывающим ничего; но все-таки, изучая внимательно этнографию народа, мы можем открыть, если не истину, то, по крайней мере, слабое отражение || ее, сколько-нибудь раздирающее густой слой тьмы неизвестной. Если поэтические сказания Гомера[16] и предания, собранные по слухам Геродотом[17], имеют сколько-нибудь достоинство историческое, если всякое искаженное, баснословное предание имеет в основании своем происшествие и истину, то, нет сомнения, что положительные и последовательные сказания киргиз, их образ жизни, обычаи и нравы современные, отражающие быт их предков и при сличении во всем согласные с историческими указаниями, могут иметь значение историческое. Как... произведения чисто народного ума, обусловливающие чувствования, жизнь и прогресс всей массы общества, наконец, как... произведения, вылившиеся из уст всего народа как от лица одного существа, они не лишены как исторического, филологического, так и психологического интереса.

Кочующие татары[18], хотя и исповедуют ислам, но, подобно языческим собратам, составляют совершенный контраст с оседлыми одноплеменниками. Мусульманская религия, принятая ими хотя давно, не имела на них разрушающего влияния, как на татар и других. Кайсаки были за 20 лет перед сим, до введения русским правительством [окружных приказов], правоверные по имени. Они по-прежнему усердно продолжали свои шаманские обряды и заклинания и чтили б а к с у, служителя духам. Ни один батыр в степи не знал, что за птица Мухаммед. Рассказывают за факт, что знаменитый в Средней орде султан Барак (умер [в] 1749 г.), слыша беспрестанно от татар и бухарцев восклицания вроде: «О, Мухаммед! Нет бога, кроме бога, а Мухаммед – пророк его», так заинтересовался им, что полюбопытствовал спросить: «Все татары и сарты, говорят: Мухаммед, да Мухаммед, должно быть, был малый разбитной». Но теперь уже совсем не то: в короткое время, с открытия первых округов в 1822 году, ислам благодаря заботам правительства сделал чудовищный прогресс. В каждом ауле есть мулла и подвижное медресе – школа; кто не содержит тридцатидневную уразу и пятивременный намаз, тот не имеет голоса и уважения родичей; словом, киргиз-степняк в фанатизме нисколько не уступает какому-нибудь стамбульскому дервишу*[20], кувыркателю ордена Мевлеви[19]... || Бог знает, лучше ли будет для благополучия будущего от нового религиозного направления в степи. Не лучше ли было бы оставить их при прежней терпимости? Киргиз, как подобает живо увлекающемуся сыну степи, по уши погрузился в [ислам] и не терпит ничего, что не согласно с кораном. Песни, древние поэмы, борьба, свобода женского пола и участие его в публичных увеселениях – все начинает выходить из употребления. Нашлось уже много ратоборцев гаремного заключения и бедные [жены] их, заключенные в юртах, украдкой вырезывают войлок юрты, чтобы смотреть [на] белый свет и на проходящих. Такова натура женщины: они мучатся и страдают до тех пор, пока не вкусят запрещенный плод. Старики жалуются на новизну; женщины симпатизируют тайно мнению стариков, молодежь большею частию колеблется – до женитьбы они вспоминают старину, а с женитьбою тотчас делают таубя (раскаяние) и исправно совершают требы; но заповеди и высокое подражание пророку (сунне) оставляют в

*[20] *Дервиш* – мусульманский странник.

стороне. Не лучше ли бы было оставить киргиз так, как они были прежде. Природные их таланты – устойчивость, их живой ум – в своей деятельности находят гранитный оплот в вере и разбиваются, и... прогресс массы их, хотя и делает большие шаги, но некоторые из них идут диаметрально противоположным ходом. В настоящее время, можно сказать, происходит незаметная, но сильная борьба старины с новизной: мусульманской, подражающей востоку, и русской. Так теперь. Подобное явление представляют и ногайцы, башкиры, так недавно барантовавшиеся с киргизами, в настоящее время совершенно отатарились. Знаменитые в степях музыканты башкирские ч и б и з г и ч и*[21] не поют и не исторгают более взгляды удивления и слезы умиления от слушающих батыров. Не слышно больше «плача на падение Золотой орды» – свобода их кончилась. Перерождаются и киргизы, вымирает племя каракалпаков, и старина татарская грозит падением и совершенным стиранием с лица Вселенной. «Будь воля аллаха! Мы все от бога и к нему возвратимся».

|| В Европе до сих пор господствует ложное понятие, представляющее кочевые племена в виде свирепых орд и беспорядочных дикарей. Понятие о кочевом монголе или киргизе тесно связано с идеей грубого и скотоподобного варвара. Между тем большая часть этих варваров имеет свою литературу и сказания – письменные или изустные. К числу первых принадлежат монголы и зюнгары, а к числу вторых – кочевые орды монголо-тюркского корня. Степной ордынец – киргиз стоит морально, по своим умственным способностям, гораздо выше оседлого простолюдина татарина или турка. Склонность к поэзии, особенно к импровизации, отличает все кочевые расы. Поэтический ум бедуинов и поэты-импровизаторы их хорошо знакомы европейцам. Все путешественники, посещавшие аравийские пустыни и шатры, писали с удивлением о голых мальчишках, которые на все вопросы выстреливали правильно сложенными, размеренными четырехстишиями. Такие же явления представляют и монголо-тюркские поколения. Влияние ли беззаботной кочевой жизни или постоянное созерцание природы, всегда открытого звездного неба и беспредельных и зеленых степей были причиною к поэтическому и умозрительному расположению духа этих степных кочевников – нам нет нужды знать: решение этого вопроса предоставляем ученым, наблюдающим природу, ее влияние на человека и следствия этого влияния. Мы же представим только факты и данные.

Из всех народов татарских, относительно поэтических способностей, киргизы едва ли занимают не первое место. Об них можно сказать то же, что заметил наш заслуженный ориенталист Сенковский о арабах: бедуин – || стихотворец от природы и по преимуществу поэт. Хотя в произведениях киргизских бардов нельзя заметить, в строгом смысле, той правильности стиха, как в поэзии арабов, но все-таки и они имеют известное правило и рифму. Язык киргизский, как выдающийся из диалектов тюркских, не имеет той обработанности и, так сказать, эластичности, как гиперболический и фигуральный язык араба; следовательно, и поэтические достоинства их должны быть различны. Как поэзия степей, она имеет отношение к поэзии Аравии, к жизни пустыни: однообразие сюжета картины кочевой жизни, описание раздоров племен и вражда их – еще более сближает это сходство. Во всяком случае поэзия киргиз, как верный очерк жизни, понятий и отношений своего общества, чрезвы-

*[21] *Чибизги* – длинная деревянная или камышовая дудка. *(Примечание Валиханова).*

чайно любопытна и представляет множество занимательных сторон. Этим очерком ограничим дальнейшие толки о поэзии и импровизаторах киргизских.

Обратимся к нашей основной идее. В историческом отношении поэтический дух народа замечателен: первое, потому, что через удивительную память импровизаторов все древние поэмы, воспевающие подвиги героев, многие из них, по древности языка, по многим словам, непонятным для нового поколения, и по историческим известиям о своих героях, принадлежащие ко времени Золотой орды, сохранились до нас без искажения; второе, что импровизаторы, жившие в разные времена, обессмертили в памяти народа замечательные происшествия своей эпохи так, что все они в совокупности составляют нечто целое; третье, все эти поэмы в совокупности с обычаями, пословицами, поговорками, и с их кодексом прав народных, составляя полную картину прошедшей исторической и духовной жизни народа, дают нам возможность к пополнению известных исторических данных и к определению их происхождения. Изумительно с какою свежестью сохранили киргизы свои древние предания и поверия, и еще изумительнее, что во всех отдаленнейших концах степи, особенно стихотворные саги, передаются одинаково и при сличении были буквально тождественны, как списки одной рукописи. Как ни странна кажется подобная невероятная точность изустных источников кочевой, безграмотной орды, тем не менее это действительный факт, не подлежащий сомнению.

Комментарии

Печатается по тексту ССВ, т. 1, с. 380–391. Автограф хранится в ЦГАЛИ, ф. 159, оп. 1, №179, лл. 8–14. Работа написана приблизительно в 1856 г., когда Ч. Валиханов занимался изучением истории и этнографии народов Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири.

Впервые опубликована в ЗРГО ОЭ, т. XXIX. СПб., 1904.

[1] *Кастрен Матвей Александрович* (1813–1852)– финский языковед и этнограф. По поручению Российской Академии наук осуществил ряд экспедиций с целью исследования почти неизвестных языков народов севера Европейской России и Сибири. Им написаны грамматики финского, зырянского (коми), марийского языков и ряд работ по эстонскому и лопарскому языкам. М.А. Кастрен является также составителем словарей и грамматик пяти самодийских языков – остяцкого, тунгусского, бурятского, карагасского и др. Несколько исследований ученого было посвящено эпосу «Калевала»; ему же принадлежит перевод его на шведский язык. М.А. Кастрен считается основоположником сравнительного изучения урало-алтайских языков.

[2] *Османы* (по-турецки – османлы) – название всех турецких малоазиатских племен, покоренных преемниками султана Османа I (1268–1324), основателя Османской династии турецких султанов, от имени которого и происходит общее название этих племен.

[3] *Щукин Н.* – русский писатель, публицист, автор ряда повестей, рассказов и научных статей, посвященных Сибири («Ангарские пороги», «Посельщик», «Письмо из Иркутска», «Поездка в Якутск». СПб., 1844 и др.). В 60-х годах XIX в. Щукин примыкал к группе «сибирских сепаратистов», которую возглавляли Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев. Арестованный в 1865 г. вместе с другими членами этой группы, Щукин был посажен в Омский острог, затем сослан в Архангельскую губернию, где умер на каторге. Ч. Валиханов имеет в виду работу Щукина «О происхождении якутов и их самоназвании от племени качинцев, называющих себя саха» (ЖМВД, 1847, июль. с. 257).

[4] *Карагасские татары* (карагасы) – под этим именем были известны в дореволюционной литературе тофалары, небольшая тюркоязычная этнографическая группа, кочевавшая по таежным пространствам северного склона Восточных Саян, в верховьях рек Уда, Бирюса, Кан, Гутар и других правых притоков Енисея.

[5] *Огородников Евлампий Кириллович* (1816–1889) – русский этнограф, автор ряда трудов, содержащих ценные статистические и этнографические сведения, касающиеся пореформенной России 60–70-годов XIX в. Ему принадлежат крупные статистико-этнографические работы: «Городские поселения в Российской империи» (1860–1865 гг.), «Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по «Книге Большого чертежа» (ЗРГО СЭ, СПб., 1877, т. VII, с. 1–265). Е.К. Огородников является одним из авторов многотомного издания «Списки населенных мест Российской империи». Ряд трудов Е.К. Огородникова был посвящен языку и этнографии народов Сибири. Ч. Валиханов ссылается на статью Е.К. Огородникова «Замечания о якутском языке» (ОЗ, 1846, т. 47, кн. 8, с. 22–27).

[6] *Чихачев Петр Александрович* (1808–1890) – русский географ, путешественник и геолог. Им составлена геологическая карта Апеннинского полуострова, предпринят ряд экспедиций по Малой Азии (1847–1863 гг), дано геологическое и географическое описание Северо-Западного Китая (1845 г.). П.А. Чихачеву принадлежит большая заслуга в исследовании Сибири и Казахстана, он составил географическое и геологическое описание Алтая, в том числе Кузнецкого угольного бассейна. Именем Чихачева назван горный хребет в юго-восточной части Алтая. П.А. Чихачев обследовал верховья Иртыша, дал описание Калбинского хребта. Много внимания русский путешественник уделял зарисовкам примечательных мест и исторических памятников Алтая и Верхнего Иртыша. Им зарисованы развалины тибето-монгольского буддийского храма Аблайкита на территории Алтая, дается описание жизни сибирских киргизов, ставится вопрос об их происхождении.

[7] *Костров Николай Александрович* (1823–1882) – русский историк, этнограф Сибири. Получил юридическое образование в Московском университете. Основные труды Н.А. Кострова: «Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии» (1876 г.), «Очерки юридического быта якутов» (1878), «Обзор этнографических сведений о самоедских племенах, обитающих в Сибири» (1879 г.), «Очерки быта минусинских татар» (Труды IV археологического съезда 1877 г. в Казани, т. I, 1884 г.), «Чулымские инородцы». Целый ряд других статей Н.А. Кострова по этнографии народов Сибири был опубликован в «Записках Сибирского отделения РГО», а также в журнале «Москвитянин» («Юраки», «Енисейские тунгусы»), в «Енисейских губернских ведомостях» и других изданиях.

[8] *Шотт Вильгельм* (1802–1880) – немецкий востоковед, выдающийся исследователь языков народов севера Европы и Восточной Азии, от финских и самоедских до китайского и японского. Совместно с М.А. Кастреном В. Шотт является основателем сравнительного урало-алтайского языкознания. Наиболее известные его труды: «Altaische Studien» (1865–1872), «Über das altaische oder Finnisch-Watarisch Sprachen-geschlecht» (1849), «Über die jakutische Sprache» (Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, Bd. III, S. 312–332»), «Über die ächt Kirg» (1865).

[9] *....его творительный более походит на родительный...* – В якутском языке нет родительного падежа и склоняемое Е.К. Огородниковым слово *«ого»* – мальчик – правильно дано для творительного падежа в форме *огонен,* хотя и с нарушением закона гармонии гласных (следует: *огонон).* Ч. Валиханов далее правильно указывает, что названный Е.К. Огородниковым родительный падеж фактически представляет собой винительный падеж якутского языка.

[10] *Ким бар... ойдарана.* – Судя по переводу: «Кто есть на этой земле, кто, не учась может на всех языках говорить? – Эхо», якутский текст (в современном написании) должен быть следующим: «Ким баарый бу сигрэ (или алыыга) уэрэгэ суох бары тылынан кэпсэтэр? – Ой дуораана».

[11] *Кундуровские (кундровские) татары* – астраханские ногайцы, жившие к востоку от низовьев Волги в ее дельтовой части.

[12] *Георги Иоганн Готлиб* (1729–1802) – известный европейский этнограф, натуралист и путешественник. С 1783 г. действительный член Петербургской Академии наук. В составе Оренбургского отряда академической экспедиции 1768–1774 гг. посетил юго-восток России. Поволжье, Урал, Северный Казахстан, Алтай, Байкал, Забайкалье. И.Г. Георги является автором первого обобщающего историко-этнографического исследования о народах России («Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей». СПб., 1776), в котором казахам уделено значительное место. Этот труд до сих пор не потерял своего значения в качестве ценного историко-этнографического источника. (См.: РБС, т. Гааг–Гербель, СПб., 1914; *С.А. Токарев.* История русской этнографии. М., 1966, с. 103–110; *Э.А. Масанов.* Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966, с. 65–75).

[13] *Торгоуты* – одно из крупных монголоязычных племен, входивших в состав западных монголов (ойратов) и калмыков. В прошлом обитали в северо-западной части Монголии и в Джунгарии. В настоящее время торгоуты населяют западные районы Монгольской Народной Республики (Кобдосский округ), часть их живет в низовьях Волги и составляет основное население Калмыцкой автономной области.

[14] *...я намерен говорить о нем более подробно...* – Намерение посвятить отдельную работу вопросам о взаимоотношениях ногайцев с казахами и каракалпаками выполнено Ч. Валихановым частично (см.: «Киргизское родословие» в настоящем издании).

[15] *Аттила* (ум. в 453 г.) – вождь племени гуннов. При нем западногуннский племенной союз достиг наивысшего могущества. Совершив ряд опустошительных походов на территорию Восточной Римской империи и Ирана, Аттила двинулся на запад и разорил ряд городов Северной Галлии. После поражения, понесенного полчищами Аттилы в битве на Каталаунских полях от объединенных сил римлян, франков, вестготов и бургундцев, они были вытеснены из Галлии. После смерти Аттилы военный союз гуннских племен распался.

[16] *Гомер* – легендарный древнегреческий поэт, жил между XII и VIII вв. до н. э. Ему приписывается создание великих эпических поэм «Илиады» и «Одиссеи».

[17] *Геродот* (ок. 484–425 гг. до н. э.) – древнегреческий историк, прозванный «отцом истории». Труд Геродота «История» ценен тем, что наряду с историей греков и персов автор дает широкое описание многих народов, с которыми греки соприкасались. В частности, Геродот сообщает важные сведения о народах южнорусских степей, а также Средней Азии и Казахстана. Труд Геродота до сих пор остается ценным источником для изучения древней истории многих народов. (См.: *Геродот.* История. Пер. Г.А. Стратановского. Л., 1972; *С.Я. Лурье.* Геродот, М.–Л., 1947; *А.И. Доватур, Д.П. Каллистов, И.А. Шишова.* Народы нашей страны в истории Геродота. М., 1982).

[18] *Кочующие татары* – имеются в виду астраханские ногайцы – карагаши, а также казахи приволжских степей.

[19] *Мевлеви* – орден турецких дервишей, прозванных европейцами вертящимися или танцующими. Название ордена происходит от слова *мавлана,* что означает «наш господин». Так называли когда-то Джалал ад-дина ар-Руми (1207–1273), одного из основателей этого ордена. Орден мевлеви был основан в XIII в. и просуществовал до 1925 г., когда декретом от 4 сентября 1925 г. все религиозные секты в Турции были упразднены.

ЗАПИСКИ О КИРГИЗАХ[1]

Введение

|| Дикокаменные киргизы сами себя называют просто «киргиз» и под этим именем известны у всех среднеазийских мусульман. Только киргиз-кайсаки иногда придают им приличные прилагательные: белошапочных (ак-калпакты) – [эпитет], характеризующий их костюм, и черных (кара). Последний эпитет требует пояснения. По генеалогическим воспоминаниям, киргиз-кайсаки принадлежат двум разным началам: белой кости – благородному, происходящему от воплощения солнечного света, и черному, происходящему от смертного человека без участия всякой сверхъестественности или, как называют, кул-катаны*[1]. Султаны, составляющие дворянство, белую кость, имеют сверхъестественное начало, как воплощение солнечного света, и простой народ (черная кость) считает своим родоначальником смертного человека Алача. У дикокаменных киргиз как владетели, так и киргизы имеют одного общего родоначальника и по происхождению составляют одно нераздельное тело – народ (demos). Очень понятно, что эта замечательная особенность [киргизов] обращала [на себя] особенное внимание кайсаков. Эпитеты д и к о к а м е н н ы е, закаменные даны им русскими для отличия от киргиз-кайсаков, а также характеризуют орографические свойства, особенности их земли. Китайцы без всякого участия туземцев дают, присваивают совершенно неизвестное им название бурут и разделяют на бурутов восточных и бурутов западных.

Территория дикокаменной орды. Границы и пространство

Племя киргизское в своем распространении занимает огромное пространство Средней Азии и далеко распространяется на юг. Поколения дикокаменных киргиз разбросаны своими кочевьями от Иссык-Куля до Гиссара и Бадахшана и от Сузака до Аксу и Уч-Турфана. Имея свои уединенные стойбища в неприступных долинах Болорского хребта и его отростков, в пределах земель, принадлежащих Китаю, Кокану, Каратегину, Гиссару и Бадахшану, они не имеют никакого политического единства, и даже родовые отношения за отдаленностью потеряли силу. Киргизское племя в своем распространении представляет замечательный факт.

Распространяются они, следовательно по направлению и положению горных хребтов, и потому [место] централизации большей части их поколений составляет горный узел, альпийская страна верхнего Сыра и Аму, хребет Алай. Оттуда на север по системе Тиан-Шаня[2] и Алатау они распространяются на севере и по вершинам Мустага, || Белурдага углубляются глубоко на юг до поперечной системы Гиндукуша.

*[1] Точнее: *кул-кутаны* плебей, простой люд, чернь.

Определить степень народонаселения всего киргизского племени при современной неизвестности и недоступности земель, ими обитаемых, совершенно невозможно. Даже сами киргизы не знают [ни] названия, [ни] числа главных поколений своей орды. Иссык-кульские поколения не имеют никакого сообщения со своими юго-восточными родовичами, знают друг о друге понаслышке и имеют самые темные и сбивчивые понятия. Вообще мы считаем нужным заметить, что сведения наши о южных далеких родах киргиз будут [еще пополняться]. По соображениям, численность душ всего киргизского племени...*2.

|| Роды Дикокаменной орды, как все пастушеские народы Азии, разделяются на множество отдельных и независимых поколений. Кочевьями своими [они] разбросаны почти на протяжении всего Куэн-Лунского хребта, от Бадахшана и Памирского плоскогорья, называемого, впрочем, Среднеазийским плато, до реки Чу и озера Иссык-Куля и до реки Текеса, впадающей в Или. Следовательно, определить кочевья дикокаменных киргиз чрезвычайно трудно, да и невозможно. У нас под именем «земель» дикокаменных киргиз разумеется озеро Иссык-[Куль] и горы, его окружающие. Китайцы же говорят, что буруты кочуют в горах между Анцидцяном и Кашгаром. То и другое справедливо. Действительно, централизация кочевьев большего числа родов находится около Анджана и в горах, лежащих от него на север до Чу и на запад до Чирчика, и на восток до китайских городов Аксу, Уча*3 и Кашгара, и на юг до Бадахшана. Здесь кочуют большая часть киргиз отдела он*4 и весь отдел сол*5, и роды, известные под названием «утуз уул»*6.

В пределах Малой Бухарии, около Кашгара, Аксу и Турфана кочуют многочисленные поколения чон-багыш (Аксу), черик (Уш) и найман (Кашгар). На Сарколе (Памире) – род найман и кипчак. Но так как земли эти принадлежат и, лучше [сказать], считаются во владениях Кокана, а Восточный Туркестан [во владениях] Китая, то и справедливо озеро Иссык-Куль, как кочевье трех независимых родов, может быть названо, в строгом смысле, землею или кочевьями дикокаменных киргиз. Зависимость дальних дикокаменных киргиз от Кокана [и] от Китая выражается ничтожною данью, но зато анджанские поколения, [вследствие] близкого соседства и беспрестанных столкновений, совершенно влиянию коканцев и даже языком и обычаями своими более подходят к сартам. Саяки и солту, кочующие по Таласу и Чу, с некоторого времени очень сблизились с коканцами. Горные поколения, кочующие в снежных высотах Куэн-Луня и около владения диких калча[3], не только что не признают никакой власти, но, по неприступности своих гор и по чрезвычайной дикости нравов, редко посещаются даже среднеазийскими торговцами. Борнс[4] и Вуд[5], видевшие их в Памире, придают им совершенно отличный от их иссыккульских собратий тип. Он говорит...*7.

---

*2 Цифровые данные в тексте отсутствуют. На полях пометка рукой Валиханова: *численность.*

*3 *Уч* (Уш) – сокращенное название города Уч-Турфан в Кашгарии.

*4 *Он* – правое (крыло).

*5 *Сол* – левое (крыло).

*6 То есть *тридцать поколений.*

*7 Намерение автора привести цитату не выполнено.

* * *

|| Собственно землю Дикокаменной орды составляют озеро Иссык-Куль и окружающие его долины: северная – кунгей и южная – терскей. Все земли, лежащие за пределами гор Киргизнен-Алатау[6], окружающие озеро в виде стены, принадлежат или, лучше [сказать], [на них] имеют притязания: на северо-западе киргизы Большой орды, на юге и юго-востоке коканский хан и на востоке Китай. Надо сказать, что, несмотря на эту претензию, большая часть дикокаменных киргиз кочует, а некоторые роды кочевали искони вне собственных гор, почему они поневоле приходят в соприкосновение с их владетелями и считаются их подданными, хотя в сущности зависимость эта ограничивается ничтожною данью. В земле собственно Иссыккульской зимуют род бугу, часть сарыбагышей и саяки, остальные же все с незапамятных в народе времен кочуют: солты на Чу, багыши по дороге между Турфаном и Кашгаром, черики и саяки на Атбаши. Весь отдел сол занимает горы и течения рек Нарына и Чирчика, || распространяясь на юг до Бадахшана[*8]. Род бугу на летних кочевьях доходит до гор Каркара и в Китай, до вершин Или, до речки Т е к е с. Посему мы займемся собственно землей дикокаменных киргиз, т. е. описанием долин озера и окружающих гор; для связи постараемся сообщить известное о землях окрестных и кочевьях. Сведения о северной части земель киргизских и о озере Иссык-Куль почерпнуты нами на месте и обозрены нами лично, но в рассказах, касающихся рек и мест, лежащих за горами Кунгей-Алатау на юг, мы предуведомлены, что они основаны большею частью на слухах, частью извлечены из записок семипалатинского купца[7]...[*9], бывшего в 1824 г. в Кашгаре. Пространство долины Иссыккульской определится с окончанием съемки, которая производится там по распоряжению Генерального штаба Отдельным сибирским корпусом.

|| Озеро Иссык-Куль есть только зимовье Дикокаменной орды. Они сеют тут свой хлеб и до сбора его удаляются в прохладные ущелья, где скот их не беспокоят ни комар, ни овод. От Джиргалана до Аксу и Кзылсу живут бугу, север занимают сарыбагыши. Течение речки Джиргалана считается лучшим местом по корму, [так] что оно бережется для зимовки отар. Равнинные места около озера, особенно долина Джиргалана, оставляются летом нетронутыми для зимней тебеневки скота. Весенним же и осенним прогоном скота служат горы, прохладные верхи которых лишены оводов и комаров, столь сильно беспокоющих скот, – скот хиреет. Конечно, единственный летний прогон – это горы: луговых трав, которые существуют по разливам рек, здесь нет, и камышовых заростов, служащих зимой кормом и оградой скоту, – тоже.

|| [В] 1856 г.[8] манап, родоначальник дикокаменных киргиз из рода бугу, кочующий на озере Иссык-Куле, Буранбай, с подведомственным ему родом в числе десяти тысяч кибиток, поступил в подданство России. По просьбе дикокаменных киргиз для приведения их к присяге и для съемки озера Иссык-Куля назначен был казачий отряд под начальством пристава подполковника Хоментовского[9].

Экспедиция в продолжение двух месяцев успела обозреть северо-восточную часть озера до рек Аксу и Зауки и снять план местности в двухверстном масштабе. Мы

[*8] Борнс видел их в Памирской долине. *(Примечание Валиханова).*

[*9] Пропуск фамилии купца.

имели честь участвовать в этой экспедиции и, находясь два месяца среди дикокаменных киргиз, успели собрать разные положительные сведения, преимущественно изучая их предания и язык. Дикокаменные киргизы говорят особенным диалектом тюркского языка, сродным с простонародным наречием жителей семи городов Китайского Туркестана. || Наречие их не подходит ни к одному из известных праязыков и заключает в себе множество слов, не употребляемых и не существующих в других языках, и некоторые самобытные грамматические изменения в склонениях и в спряжениях глаголов.

Предания их совершенно и довольно основательно противоречат мнению, утвердившемуся в ученом свете через известия Фишера[10] и Левшина, о них как о переселенцах из Южной Сибири по тем отрывкам, которые доселе помещены в «Записках Общества». Зная, что всякие известия о народах Средней Азии, особенно о таких малоизвестных, как дикокаменные киргизы, должны быть очень любопытны, я решился подвергнуть*[10] Географическому обществу, действиям которого по изучению Азии, я как азиатец, не могу не сочувствовать, свои заметки.

Географический очерк Тянь-Шаня и бассейна оз. Иссык-Куль

|| Восточная часть Центральной Азии, собственно Центральная Азийская возвышенность, со своими мировыми вулканами и загадочными народами остается до сих [пор] совершенно непроникаемой terra incognita*[11], несмотря на большие успехи географии в последнее время. Ежегодно читаем мы известия о путешествиях во внутрь Африки и Австралии, о великих открытиях, совершенных бесстрашными путешественниками в пользу науки, и до сих [пор] не было ни одной попытки проникнуть во Внутреннюю Азию. Неужели Азия – колыбель человека – менее любопытна, нежели Африка? Неужели труднее проникнуть в верховье Аму и Сыра, чем толкаться среди знойных песков Африки, среди лютых зверей...? Впрочем, англичане, обращающие особенное свое внимание на Азию, сделали несколько попыток. Лейтенант [остиндской] кампании Вуд в 1837 [г.][11] был на Памире, двое*[12] были в Хотане и Тибете[12]. Нам русским особенно непростительно пренебрежение к изучению Средней Азии, нашей соседки. Крайний пункт наш в Центральной Азии, укрепление Верное, лежит у подошвы киргизнен-Алатава, на самой северной окраине возвышенности. Впрочем Русское Географическое общество в короткие времена своего существования беспрестанной своей деятельностью расширило круг познаний в геоведении Азии. В «Записках Общества» были напечатаны, между прочим, [Сведения о киргизах][13] и капитальная статья[14] о Азии и карта [оз. Иссык-Куля].

Необходимость ученого исследования Средней Азии выражалась статьей Платона Чихачева[15], неутомимого нашего путешественника по Азии.

|| О карте озера Иссык-Куль. Господин Ханыков[16] составил в 1851 г. карту озера Иссык-Куль и его окрестностей между 40° и 48° с. ш. и 86°–102° в. д. (от Ферро) на основании исследований, сделанных в последнее время, и съемок.

---

*[10] То есть *представить*.

*[11] Неизвестная земля, неизведанная область *(лат.)*.

*[12] Далее слово не разобрано.

[В] 1853 г. она была [пере]составлена по получении сведений о новой съемке, произведенной по приказанию Генерального штаба.

|| Горы. Озеро Иссык-Куль окружено со всех сторон высоким снежным хребтом под названием Кунгей- и Киргизнен-Алатау. Горы Киргизнен-Алатау на юге соединяются с отрогами Белурдага цепью гор, носящих различные названия. Так, от гор Кашгар-Даван и Теректы-Даван, которые окружают одну из сторон Аму-Алай, идут горы: Тонмурун, Тоинтау, Теректытау, Кугурмытау, Ишекарт, Чакыркорум и соединяются с цепью Киргизнен-Алатау против выхода из нее речки Заукы*[13]. В свою очередь от Северного Алатау*[14] идут ветви на запад между реками Чу и Сыр-Нарын под названием Кетментюбе, Карабура, Кендыртау, Боролдай и оканчиваются горами Каратау, близ города Туркестана; другая ветвь под названием Учконур, Теректаш, Ргайтык, Терса и Мусбель идет также на запад по правому берегу Чу и оканчивается на южной оконечности Балхаша. На северо-востоке от Северного Алатау отделяется ...*[15].

|| На востоке Кунгей-Алатау и Киргизнен-Алатау, соединяясь, делятся на многие ветви, из которых главный Музар-Даван, Сырт, [он] отделяет вершину Или и частью идет на запад в долину между реками Аксу и Музарсу. Вообще все пространство около озера Иссык-Куль на север, запад, восток и юг перерезывается множеством гор, которые большею частью носят названия рек, выходящих из их подошв. Горы Каркара, Текес, Лабасы, Кушмурун, Темирлик, Кулук, Торайгыр, Соготы и Бугуту, лежащие в пространстве между реками Текес и Чуем, суть основные ветви Киргизнен-Алатау. Вершины реки Чилика образуют горную долину (плато), окруженную и прорезанную мелкими цепями, из коих более замечательны по удобству для летнего кочевья: Асы, Аркалык, Бакалы, Саускандык и проч. Высшая точка между ними есть сопка Талгарнен-Тау-Чоку. Озеро Иссык-[Куль] составляет подошву всей Среднеазийской плоской возвышенности, [так] как оно довольно высоко над уровнем моря. Горы Киргизнен-Алатау гораздо выше Кунгей-Алатау, который, после отделения [от него] цепи Кетменьтюбе на запад, огибает озеро в виде низкого хребта и называется Торайгыром. Вечный снег покрывает вершину хребта и не сходит в продолжение всего лета. Только при соединении Кунгей с Киргизнен-Алатау высота их уменьшается, образуя по течению Тупа*[16] узкую долину в одну версту ширины, которая имеет связь с долиной Каркара.

Средоточие земель Дикокаменной орды, как я уже заметил, составляет озеро Иссык-Куль, что означает на татарском языке теплый. Теплым оно названо потому, что в продолжение круглого года не замерзает. Окружность его полагают приблизительно до 450 верст, длину до 200 и самую большую ширину до 80 верст. Киргизы говорят, что в окружности его шесть дней скорой езды. Вода в озере горько-соленая, морская, не годная к употреблению. Берега его песчаны, покрыты чирганаком, кустарниковым растением вроде облепихи. Глубину оно имеет, как говорят киргизы, «недосягаемую». Волны в озере бушуют беспрестанно и представляют для [судоходства] большую трудность. Предание и находимые из озера вещи, конечно, суть

*[13] По местному названию *р. Джуука.*

*[14] Северный Алатау то же, что *Кунгей Алатау.*

*[15] Пропуск в рукописи. Вероятно, речь должна была идти о Джунгарском Алатау.

*[16] См. выше.

память*[17] о бывшем тут землетрясении или вулкане. Действительно || сернистый запах и выбрасываемая из озера вулканическая лава доказывают это, и в самой формации гор виден метаморфистический элемент. Долина, окружающая озеро, есть в строгом смысле не что иное, как подошвы гор. На северном склоне она нигде не имеет ширину более 5 верст и во многих местах так близко мысом подходит к берегу, что образует дефиле. Почва земли большею частью глиниста, местами покрыта камнями, дресвой. Южный берег гораздо шире северного, имеет ширину в шесть верст. Вообще по растительности и для хлебопашества южный берег представляет много удобств, между тем, как северный, начиная от Керсенгира до Кутемалды, весь покрыт камнями, затрудняющими даже верховую езду. Озеро имеет вид овальный, эллипсис, только реки Туп и Джиргалан на северном конце его образуют два обширных залива. Мыс Куке-Холосун, образуемый ими, в виде узкой косы углубляется далеко в озеро. На южном берегу мыс Карабулун образует также неровность. Против этого мыса озеро имеет ширину в 30 верст и оттуда начинает увеличиваться. Речки Сарыбулак и Курметы впадением своим образуют маленький полуостров, который замечателен своей неприступностью, топкостью окружающих болот. В 1854 г. во время междоусобной драки один аул, запершись в нем, спасся от грабежа. В него есть один вход при впадении реки Курметы и Керсенгира. Горы близко подходят к озеру. (Речка Карабатпак, идущая по болотам к озеру, представляет тоже природное укрепление).

Вода в озере, по свидетельству киргиз, начала уменьшаться. Так при Керсенгире дорога лежит теперь по бывшему дну озера.

В озеро Иссык-Куль впадает множество речек, вытекающих из снежных вершин хребта. Течение они имеют быстрое, дно каменистое. В горном своем течении прохожесть их образует скалы, покрытые еловым лесом, по берегам разными кустами: барбариса, таволги, смородины, ргая и проч.

|| По выходе в долину они делаются менее быстры, и берега открыты, разве, изредка попадаются кусты жимолости. Для переправ удобны во всякое время. Приливы всегда здесь бывают в августе, когда горные снега начинают таять. Самое большое их течение от 70 до 90 верст длины. Самые большие и главные [реки] – это Туп и Джиргалан.

|| Название рек, впадающих в озеро Иссык-Куль.

Со стороны терской (южной): 1. Джиргалан. 2. Уч-Аксу (Турген-Аксу, Керегеташ-Аксу и Арасанды-Аксу с теплым ключом). 3. Каракол, Рлык (Иртык), Чильпек, Джетыогуз, Кзылсу, Заукы, Тычкан, Тигирменты, Джарылчак, Танма, Тосар, Кунурулен (саз), урочище Алабаш (саз), Кутемалды.

Сторона кунгей (северная): 1-е Туп, в него впадают: Тобулготы, Актасты, Кенсу, Чонташ, Курумды, Кусча, Талдыбулак, Джиничке, четыре Чаты и Карабатпак, два Сарыбулака, Курметы, Ишаната, Карандызды, Кудургу, Ойтал, Дунбулак, Уч-Урукты (Чон-Урукты, Урта-Урукты, Баш-Урукты), Уч-Байсорн, Джаргылчик, Ики-Аксу, Карабурул, Кисенгыр (Калын-Сенгыр), Чонтал, Кулджамуюз, Турайгыр (озерко), Соготы, Талдыбулак и Кутемалды.

---

*[17] Чтение предположительное

* * *

|| Ледяной хребет гор, служащий основанием Среднеазийского нагория, известный у китайцев под названием Куэн-Луна (по Ав. Цян-Лун[18], Луковых гор, у мусульман под названием Белурдага и Мустага или просто называемый Болорским, отростом*[18] своим образует Центральноазийское плоскогорье и дает начало двум рекам*[19] Татарии Аму и Сыру, впадающим в Аральское море, и Эргол-Дарье, впадающей в Лоб-Нор (Звездное море). От него [Куэн-Луна] отделяется множество отраслей. На северо-востоке с [ним] соединяется основной горный [хребет], который, под названием Тиан-Шана (Небесных гор), направляется на восток, проходя на севере от городов Аксу и Уча, и идет до города Комула и Урумчи. || Ледяной хребет гор, идущий от Гиндукуша на север и составляющий основание Среднеазийского возвышенного плоскогорья и известный под названием Болорского хребта или же под китайским именем Куэн-Луна (Цун-Лин – Луковые горы), или под названием Мустага и Белурдага, а [у] туземцев под местными названиями Теректы, Кашгар-Даван, Тонбурун, Туинтаг и Когур-тыктау, соединяется на северо-востоке посредством цепи Аргутаг с основным же хребтом снежных гор, известным у китайцев под названием Тиан-Шана (Небесных гор). Хребет Тиан-Шан, иначе называемый Бэй-Шань*[20] (Белые горы), Сюэ-Шань (Снежные горы), идет сначала на NO–SW, потом в прямом направлении от запада к востоку на протяжении почти 6 000 ли. В китайских географиях он имеет множество местных названий: Саваци-Таг (на севере от Аксу), Мусурдаг или Музарт-Даван (по-китайски Бинь-Шань), по дороге между Кульджой и городами Уш и Аксу под 44° [с] широты, Хан-Тенгри-Ола (на север от Кучи), Нарт-Даван, Эбту-Даван, Хатун-Богдо-Ола, Алакуй-Ола, Богдо-Ола (между Урумчи и Комулом*[21]), и продолжается далее до Баркуля. По свидетельству китайцев, горы Богдо-Ола около Урумчи и отрасль, отделяющаяся от [Хан]-Тенгры на юг к Куче под названием Эшкебаш-таг, имеют вулканические кратеры – урумчи, пепельные ямы, из [которых] доставляют во множестве самородную серу.

Вопрос о вулканах Центральной Азии еще не решен, но дело не в том: часть хребта Тиан-Шана, известная у китайцев под монгольским названием Саваци-Даван, соединяется с Мусар-Даваном, проходит по южному берегу озера Иссык-Куль и называется от туземцев К и р г и з н е н - А л а т а у*[22]. Итак, горы, известные на картах Средней Азии, составленных в штабах Сибирского и Оренбургского корпусов, суть местные названия знаменитого Тиан-Шанского хребта, соответствующего китайским Саваци-Тагу. От Куэн-Луна по верховьям рек Аму и Сыра отделяется множество снежных отрогов, которые образуют горный узел, альпийскую страну, перерезанную всюду горами, так что общие названия хребтов не существуют, кроме наименования высших точек. От Теректы-Давана по южному берегу Сыр-Дарьи идет снежный хребет Алай-Даван, отделяющий систему притоков Сыра от Аму-Дарьи. От Тиан-Шана, или от Киргизнен-Алатау, идут отроги между рек Нарыном и Чуламаном – цепь Кугарт. Другой хребет Кетпентюбе отделяет систему рек Чу, Таласа и притоков Сыра. От

*[18] Между строк написано: *Эргол.*

*[19] Далее два слова не разобрано.

*[20] *Бэй-Шань* – юго-восточная часть Тянь-Шаня.

*[21] Уйгурское название города *Хами.*

*[22] См. комментарий 6 к наст. статье.

него берут начало: Кунегерата, Джумгал под названием Кетпентюбе, Кендер-Даван, Чанаш; он продолжается между реками Таласом и Джумгалом и потом между Чирчиком и Сыром. (Река Чирчик из гор Алай)*[23]. На северо-восток от Алая*[24] отделяется гора Карабура, которая соединяется с горами Каратау близ форта Перовский*[25]. От Кетпентюбе идет на север отрог снежных гор под названием Алабель, Кумарал, Кумуштаг и Кумбель, дающий начало речкам Кушай, составляющим при соединении реку Талас. Кумбель соединяется с горами Карабалты, которые направляются на запад между реками Чу и Таласом под названием Ашпара. Все эти горы покрыты вечным снегом, образуют горные сплетения с ущельями, бурными потоками. Высшей точкой между ними считается гора Кендер-Даван. Горы же Каратау, Боролдай и другие заметно низки.

|| Часть Тиан-Шана, известная под местным названием Киргизнен-Алатав, соединяется посредством отрогов своих на западе [с] Акадыром и на востоке горами Текестау и Каркарой, с горами Кунгей-Алатау, огибающими озеро Иссык-Куль на севере. Кунгей-Алатау, Северный Алатау на флангах своих также значительно понижаются. Характеристическую черту рельефа этих гор составляет двойственное разделение на два параллельных хребта, связанных в одной центральной точке. От горы Т а л - г а р н ы н - Т а у - Ч о к у, составляющий высшую точку Киргизнен-Алатава, берут начало две речки: одна из них Чилик, направляется прямо на восток и почти на фланге, поворачивает на север и впадает в Или; другая – Кебинь, или Кемин, идет на запад и впадает в реку Чу. Долина Верхнего Чилика с соответствующей ей долиной Кебина продольным сечением [делит] хребты на две цепи, северную и южную, [и] играет важную роль, составляя характерную черту в пластике исполинского Кунгей-Алатава. Итак, южная цепь гор Кунгей-Алатава через южные горы Торайгыр на западе и Санташем на востоке соединяется с Тиан-Шаном. Северная же цепь Кунгей-[Ала]тава на востоке от Талгора рассыпается на множество ветвей и делением рек образует несколько горных плоскогорий. Одна цепь, под названием Далачик и Бакалы, идет между верхним Чиликом и речкою Джиничке; другая: Аркалык и Саускандык, идет между Джиничке и Асы. Цепи же Асы и Бокай составляют крайний отрог к западу от гор Бугуты и Соготы; отделены от этих, [т. е.] проломлены рекою Чилик [и] служат как бы [их] продолжением, а гора*[26] Торайгыр – продолжением горы Бакалы. Северная подошва Алатава*[27] тоже отличается от туземцев названиями так: снежная точка, лежащая между долинами Талгара и Иссыка, носит поэтическое название Кизэмчек, между Тургенем и Уччабдаром – Чоладыр, далее Абдра-Текче и проч. На западе северная цепь Кунгей-Алатава, под названием Сары-Чубара, Кенлик, Сенгира, Сууктюбе, Учкингура, Беркташа, Курдая и Анракая, продолжается по правому берегу Чу и оканчивается песчаными буграми Хантау на южной оконечности озера Балхаша. Хребет гор, идущий по южному берегу Или между Текесом [и Или] параллельно ее течению и называемый илийскими китайцами Нань-Шань (Южные горы), западными своими оконечностями, Темирликом и Куулуком, как бы соединяется с

*[23] Чирчик берет начало в Таласском Алатау.

*[24] Точнее: на севере Таласского Алатау, который здесь ошибочно назван Алаем.

*[25] Точнее: юго-западнее города Аулие-Ата (ныне Джамбул).

*[26] Далее одно слово не разобрано.

*[27] То есть *Заилийского Алатау.*

южной цепью Кунгей-Алатава; возвышенное и замечательное plateatu*[28] трех Мерке служит перешейком. Река Чарын проламывает западную оконечность Куулука, образует ужасное ущелье, известное под названием Тиекташа. Реки Мерке текут параллельно протяжению возвышенного перешейка и также образуют ужасные промоины. Вся же система Северного Кунгей-Алатава совершенно отделяется обширной долиной реки Или от гор Малого Алатава*[29], который, под названием Алтын-Эмеля, близко подходит к реке Или против впадения в нее Чилика и потом поворачивает на запад под названием Чулак, довольно низкого хребта, оканчивается близ впадения реки Тургеня. Вот весь орографический очерк земель дикокаменных киргиз.

В гидрографическом отношении кочевья их [киргиз] принадлежат к системе трех главных и противоположных рек Центральной Азии: к системе Сыр-Дарьи и Чу [с] западной стороны, Эргола и Тарима, впадающих в Лоб-Нор, и реки Или, впадающей в Балхаш. Озеро Иссык-[Куль] и его бассейн составляют естественную и известную систему*[30].

Бассейн реки Эргола, впадающей в Лоб-Нор (Звездное море). Эрголгол и Кара-Дарья*[31] составляются из шести значительных рек. Река Тюменьсу, или собственно Кашгар-Дарья, берет начало из Куэн-Лунского хребта, из гор Кашгар-Даван несколькими притоками, из которых || более известны: Тогрмучук и Яманъяр. В него впадает в верховьях много горных речек, из них более замечательны по величине реки Артыш и Кзыл-Дарья (впад. слева). Яркен-Дарья, или Яркен-Естан, берет начало из Куэн-Лунского хребта выше древнего [городка] Сэрлэк двумя протоками. Справа принимает реку Тинкза, Обстан, вытекающую с северного склона гор Нань-Шань*[32]. Хотан-Дарья берет начало из северного склона Нань-Шана. Составляется из двух рек Юрункаша и Каракаша.

Аксу-Дарья вытекает из южного склона Тиан-Шанских гор (при соединении Киргизнен-Алатау с Музартом) под названием Кокирюм. Справа принимает реку Музардсу, слева – Иргырчак Каин, Капчагай и Кокшал.

По соединении реки Аксу-Дарьи с Кашгар-Дарьей, Яркен- и Хотан-Дарьей в урочище Аралсу река принимает название Тераместана*[33]. После принятия в себя справа: рек Укэт-Гол, или Шаяр-Дарьи, и Куча-Дарьи, или Ешкебаш-Гол, называется уже Эрголом и, приняв с севера реку Хайду, вливается в Лоб-Нор.

Озеро Лоб-Нор (105° в. д. и 43° с. ш.) имеет до 400 ли длины и ширины до 300 ли. Оно окружено со всех сторон родниками, которые бьют фонтаном подземную воду. По мнению китайцев, вода этого [озера] имеет подводное течение и дает начало Желтой реке, Хуанхе*[34]. Сведения эти взяты из китайских источников и, конечно, более вероятны, нежели рассказы туземцев. Известно, что китайское правительство, после покорения Джунгарии в 1764 [г.] и Восточного Туркестана в 1794 [г.], учреди-

*[28] Плато *(франц.)* – возвышенная равнина с ровной или волнистой поверхностью и более или менее крутыми спусками.

*[29] То есть *Джунгарского Алатау.*

*[30] Об Аму-Дарье. Но так как известия о ней очень скудны и ничего нет нового, то мы умалчиваем. (*Примечание Валиханова*).

*[31] Точнее: *Кашгар-Дарья.*

*[32] На исторических картах также: *Ниманъи-Ола, Ниманъи-Таг.*

*[33] То есть *Тарима.*

*[34] См.: [Н.Я. Бичурин]. Описание Джунгарии и Восточного Туркестана. *(Примечание Валиханова).*

ло ученый комитет под наблюдением европейских миссионеров для географического описания и для определения месторасположения разных пунктов.

Система реки Сыр-Дарьи. Река Сыр составляется из двух рек Нарына и Гулишана*[35]. Нарын, принимаемый китайцами за главную реку под названием Нарын-Гола, берет начало из южного склона Киргизнен-Алатау двумя протоками: Баскаун и Кокек и до соединения своего с Гулишаном течет по неприступной горной стране и принимает в себя множество горных ключей и речек, из которых замечательны справа Джумголата (впадающая против Анджана) и слева Атбаши, впадающая в верхних его частях, выше кургана Куртка. Джумгол берет начало из гор Кетментау, а Атбаши – из Болорского хребта из горы Тоинтау. Нарын течение имеет очень быстрое, ширина его доходит до 150 сажень. Река Гулишан берет начало из горы Тасбурун, принимает в себя также множество речек, из них более важны Уш, Ташата и Булакбаши, впадающие слева. После соединения Гулишана и Нарына река принимает название Сыр-Дарьи. Около Кокана, Анджана Сыр раздроблен искусно на несколько рукавов, каналов, из коих замечательны Ханарык и Шахрихан, соединяющие Сыр с Гулишаном.

Из рек, впадающих в Сыр, более замечательны справа Анкра из гор || Чанач*[36]. Чирчик вытекает из горы Алай двумя протоками, Салайгыр и Салар. Течение имеет быстрое и протяжение на 300 верст. По рассказам туземцев, воды его содержат золотоносный песок. || Город Ташкент стоит на сей реке и далее...

Река Сыр-Дарья имеет в начале течение на запад, ниже города Ходжкента*[37] поворачивает на северо-запад*[38] и, дошедши до урочища Акмечеть[19], переменяет течение свое на запад и впадает в Аральское море несколькими рукавами, образуя два отмелистые лимана, покрытые камышом. Средняя ширина реки от 90 до 140 и более сажень, глубина до $3^1/_2$ саж., в нижних частях более. Вкус воды приятен. Течение ее особенно в июне месяце очень быстрое, на 30 и 34 сажени в минуту. Верхние ее части очень плодородны. Дикокаменные киргизы имеют на ее истоках и на Атбаши богатые пашни.

В Кокане и Ташкенте растут фруктовые деревья, возделываются хлопчатая бумага, шелковица и виноград. По мере приближения к Аральскому морю грунт земли меняется: грунт делается песчаный, местами глинистый и с примесью мелкого камня и проникнут солью. От урочища Кошкурган русло реки покрыто густым камышом, а окрестности [его] бесплодны. Одни только дубравы. Синазка (Sexoalii anabasis) и гребенщики растут в большом количестве. Из трав растет только чий, джусан и ибелек.

Переправы на Сыре очень удобны по ровному течению русла, но средства, употребляемые к тому местными жителями, очень бедны. Даже в верхних частях он не имеет бродов. На Нарыне есть местами лодки, которые содержат дикокаменные киргизы.

Бассейн рек Чу и Таласа. Реки Чу и Талас составляют отдельный бассейн.

*[35] Современная Кара-Дарья.

*[36] То есть *р. Ангрен,* берущая начало из Чаткальского хребта.

*[37] Точнее: *Ходжента.*

*[38] Далее одно слово не разобрано.

Река Талас составляется из трех рек: Уч-Кошой. Верхний Кошой берет начало из горы Крумбель, Второй [Средний] – из Кумарал, Кумуштага и Третий [Нижний] – из горы Алабель. Река Талас выше урочища Нильдеата разделяется на два рукава и образует остров Кенкол. Выше коканского укрепления Авлие-Ата, между Нильдеатой и урочищем Ботамойнак, в него впадают слева речки Куркуревук и Бакаджир. Талас впадает в озеро Каракол. Озеро Каракол имеет до 36 верст в поперечнике и множество островов.

Речка Аса-Дуду берет начало из гор Карабура и впадает в озеро Аккуль, или Бийликуль. Она течет между Таласом и Чирчиком[20].

Река Чу берет начало из восточного склона горы Кетментюбе (который дает начало Джумголу) и под названием Кошкарата течет на северо-восток прямо на озеро Иссык-Куль, но, не доходя до него версты на четыре, вдруг поворачивает на северо-запад. Речка Кутималды, впадающая якобы в Чу из Иссык-Куля*[39], по исследованию господина Семенова, есть искусственный мелкий канал – арык, имеет течение в озеро Иссык-Куль. || В верхнем течении в Чу впадает множество речек, из них более замечательны справа: Чон-Кебинь, или Кеминь (Большой Кебинь), берет начало из высшей точки Кунгей-Алатавских гор, из Талгарского пика, и течением своим прямо на запад образует, как мы уже сказали, поперечную долину, играет важную роль в пластике Кунгей-Алатавских гор. Кичик-Кебинь (Малый Кебинь) берет начало из снежного верха, дающего начало Каскелену (впадающему в Или) и ключу Кебинин, впадающему в Большой Кебинь. Джаланач, Карасу (вытекает из северной цепи Кунгей-Алатау), Каштек*[40]. Караконуз, Агныкатты, Майбулак и другие мелкие речки, впадающие в Чу между курганами Пишпеком и Токмаком, замечательны более тем, что течением своим образуют ущелья, через которые лежат главные проходы на Пишпек и Токмак. Справа же впадают выше бывшего Сали-Кургана две речки, замечательные по длине: Кендыкташ и Далакайнар. Первая берет начало из горы Курдай и Музбель, вторая – из Анракай. Слева в Чу впадают Теректы, Хокукиз, Джель-Арык (все из горы Анырчак). Последняя впадает против впадения Кебина. Далее между Токмаком и Пишпеком: Кзылсу, Шамса, Иссыката, Аларча (на сей реке стоит Пишпек). Далее Сукулук, Карабалта, Кизтуган и Аксу. Все эти речки берут начало из хребта Карабалты. Из гор Ашпара берут начало две реки, замечательные по длине между речками, впадающими слева. Реки Коргаты*[41] и Макбал. Коргаты составляется из нескольких речек, известных под названием Мерке (на них стоит коканское укрепление Мерке-Курган), слева принимает речку Тарты. Река Макбал справа берет в себя речку Джарсу. Чу впадает в озеро, известное у туземцев под названием Кукинен-Кули, а на картах – Телекуль-Тата или Кабан-кулак. Чу имеет, по предположению туземцев, до 500 верст длины. Течение в верхних частях довольно быстрое. Имеет много бродов, из которых более замечательны Ит-Кечу, выше впадения реки Аксу, против Мерке-Кургана, и Чумышкасык против Пишпека. В верхних частях он имеет сжатое русло между ужасных скал и после впадения Кебина освобождается [из ущелья] и имеет довольно широкую долину. Грунт его берегов глинисто-песчаный и чем ниже, тем пустыннее.

*[39] Нифонтьев. (*Примечание Валиханова*).

*[40] Точнее: *Кастек*.

*[41] Точнее: *Курагаты*.

Система реки Или. (См. о Большой киргизской орде и Заилийском крае)*[42].

Озеро Иссык-Куль, или Истык-Куль, и его бассейн. Иссык-Куль – теплое озеро, у калмыков Тэмирту-Нор (железное) и у китайцев, известное под калмыцким названием или под названием Тузкуль (соленого)*[43], лежит в возвышенной горной долине, окруженное со всех сторон снежными горами: на севере Кунгей-Алатавом и на юге Тиан-Шаном, под местным именем Киргизнен-Алатау. Высота Иссыккульской долины, по гипсометрическому определению господина Семенова, имеет: абсолютную [отметку] 4,400 ф. Следовательно, Иссык-Куль есть вполне горное озеро.

Высота || окружающих его гор вполне определена, но по тригонометрическому определению, сделанному в укреплении Верном, высшая точка Кунгей-Алатава абсолютно поднимается на 12 000 ф. Южный хребет Киргизнен-Алатау имеет гораздо большую высоту. Судя по значительной высоте Иссык-Куля, можно полагать, что его долина составляет крайний уступ Среднеазийской возвышенности. Окружность его еще [не] определена мерою, но можно полагать около 450 верст, длина несколько менее 200 и ширина не более 80 верст. Киргизы говорят, что его окружность составляет шесть дней ускоренной езды. По китайским известиям, длину его полагают в 400 ли, а ширину в 200. По съемке, которая доведена до реки Зауки на южном берегу и до Аксу на северном, ширина определилась не более 60 верст. Форма, или контуры его берегов, совершенно изменилась новой съемкой. На расспросной карте, составленной топографом Нифонтьевым[21], и на литографии господина Ханыкова, Иссык-Куль имеет протяжение от северо-востока к юго-западу и оканчивается острым изогнутым к югу заливом, между тем, как в действительности он имеет протяжение прямо от востока к западу и имеет большое сходство с Тузкулем китайских карт. Китайцам даже была известна и долина реки Кебина, открытая Семеновым, что видно из карты, напечатанной в Париже в... Клапротом. Форма, данная Нифонтьевым Иссык-Кулю, была заимствована, по-видимому, с карты господина Левшина, приложенной к его «Описанию киргиз-кайсацких орд и степей», где, кажется, впервые дано ему косвенное направление.

Вот его действительное очертание. Реки Туп и Джиргалан, впадением своим на восточной его оконечности, образуют два больших залива. При впадении реки Зауки и Кзылсу образуется на южном берегу еще залив. Западная его оконечность имеет вид рыбачьего плёса, т. е., несколько сузившись, озеро опять расширяется и образует несколько заливов. Мыс Куке-Холосун, образуемый двумя восточными заливами озера, вдается в озеро гребенчатой косой. Мыс же, образуемый южным заливом, известен под названием Карабулуна.

Вода в озере горько-соленая и имеет небольшой гнилой запах. Глубина его, как говорят киргизы, недостигаема. Но едва ли кто пробовал его глубину. Киргизы с мистическим ужасом говорят [о] негостеприимных водах его и сохраняют предание [о возникновении озера], напоминающее библейское сказание о Содоме и Гоморре[22].

---

*[42] Имеется в виду рукопись «Географический очерк Заилийского края», хранящаяся в архиве Валиханова.

*[43] На карте, изданной Клапротом, озеро это названо... *(Примечание Валиханова.)*

При малейшем ветре воды его вздымаются ужасными волнами и [с] шумом набегают на берег.

П у т и с о о б щ е н и я*[44]. || Пути сообщения в земле дикокаменных киргиз, пролегая через проходимые верхи гор, собственно зависят от горных проходов. Эти пути можно разделить на караванные и верховые. Через озеро Иссык-Куль проходит несколько караванных путей, один в Кашгар через Зауку и Кзылсу, другой вокруг озера на Кутималды, третий через Керсенгир на Кутималды. Дороги эти не все одинаково удобны и через некоторые можно ходить не во всякое время года. Кроме этих главных дорог, есть еще малые через проходы Чаты, Тобулготы, Курметы, Байсоры, Урукты, Керсенгыр, Аксу, Каскелен. Рассмотрим сначала главные пути и проходы, через которые они лежат.

Исходный пункт всех дорог есть укрепление Верное...

К л и м а т. Климат озера Иссык-Куля гораздо умереннее, нежели в Семиреченском крае. В бытность нашу здесь в долине, хотя [днем] жары и доходили до 25–35°, термометр показывал утром 0°, а вечером бывает так холодно, что все должны спать под шубами. Ущелья гор, в весьма жаркие дни освеженные прохладою от снегов, представляют прекрасные летние пастбища для скота. Дожди бывают очень часто, но продолжаются не долго. В то время, как в долине идет дождь, горы покрываются белым, свежим снегом; бывают примеры, что даже в мае падает снег. Хлеб родится здесь сам 40, но созревает гораздо позднее, чем в Большой орде, где достаточно четырех месяцев. Хлеб родится хорошо и растительность летом бывает богата, особенно на подошве гор. || Зима здесь также умеренная, как и лето, но лежит гораздо долее, нежели в Заилийской долине. Снег падает в ноябре и тает в марте. Температура всегда выше*[45] 0°. А на южном склоне Южного Алатау*[46], называемом киргизами Сырт, всю зиму кочуют киргизы. На северном склоне Северного Алатау, в долине Торайгыра, в зиму не лежит снег, на урочище Бакалы тоже.

Е с т е с т в е н н ы е п р о и з в е д е н и я. Грунт земли в долинах рек, хотя не черноземный, но при особенном способе поливки, орошении земли для хлебопашества удобен. Берег озера по Терскею считается лучшим местом. На северной стороне сарыбагыши имели пашни от Курметы до Керсенгира.

Ц а р с т в о р а с т и т е л ь н о с т и. Естественная флора страны довольно разнообразна и имеет один характер с произрастанием в Заилийской долине, впрочем, несколько беднее (Bullet. Academ. Imp.*[47] de Шренка[23]). Особенно богаты растительностью склоны [и] подошвы гор. Еловые леса (сосны здесь совсем нет) растут по средней полосе гор. Верхи их покрыты вереском. Ргай, смородина, барбарис, таволжник, черемуха, кислица, местами балгын покрывают берега всех ручьев горных. Фруктовых деревьев нет, изредка попадаются яблони. Различные цветы: пионы, лилии, тюльпаны, разные широколиственные и высокие зонтичные растения растут во множестве. Ревень и раваш имеют кислую воду, доставляют питье. В долине растет

*[44] Автором поставлен знак NB (нотабене) и пометка, вероятно, он собирался расширить этот раздел.

*[45] Описка, следует: *ниже*.

*[46] Имеется в виду Сырт Центрального Тянь-Шаня.

*[47] Bulletin scientifique publiè par I'Acadèmie Impèriale des scienes dè St.-Pèterbourg.

обыкновенный кипец, четер, трилистник, юсан. Черганак, род облепихи, растет во множестве около озера. На берегу речки Ишаната есть единственная тополевая роща, называемая потому святою. Река Джиргалан есть лучшее место для скотоводства.

Царство ископаемых. Богатства минералогические Иссык-Куля мало исследованы. Основание гор составляет гранит с преобладанием полевого шпата и глинистый сланец. Дно озера покрыто гальцом[*48], кварцевой грязью со слюдой, кварц || и вулканическая накипь. Рудовых месторождений киргизы не знают. Говорят только, что на Джиргалане есть золотоносный песок. Железо добывается из озерного песка, где много зернистой железной россыпи. На Терскее также[*49] есть медь. Свинец покупают из китайского завода при реке Кегене.

Царство животных. Царство животных также беднее Заилийской долины как в видах, так и в неделимых. В горах водятся стадами: маралы (олени), дикие козы – таутеке, архары (муфлоны) и серны (елик), сайга (Antilopa saiga) и джейраны (по-киргизски: каракуйрук) пасутся в долине от Керсенгира до Кутималдов. В горах [их] не бывает. Куланов вовсе нет. Кабаны водятся по берегу озера в кустах чирганака. Заходят сюда тигры, барсы и пантеры. Медведей, волков (которые менее наших), лисиц (черно-бурых, красных), куниц, горностаев, сусликов, рысей много в южных лесах. Попадаются также выдры.

Птиц водяных достаточно. В заливах озера водятся утки разных пород, гуси, лебеди, пеликаны, бакланы (pelpignicus), черные аисты (карабай). Особенно они встречаются часто в неглубоких заливах Тупа и Джиргалана. Беркуты, соколы, ястреба, коршуны разных пород, перепелятники, копчики, лунь и мышеловка парят всюду.

По Тупу и Курметы в кустарниках много фазанов, и в долине и на камнях – рябчиков (чиль) (pahadolus) и горных рябчиков (килевден). Голуби и горлицы живут в скалах. Певчих птиц, по крайней мере в продолжение двух месяцев пребывания своего я нигде не видел, кроме жолтяка и дубоноса. Насекомых, столь вредных для существования, здесь мало: одни куркуры разных видов. Оводы и трутни беспокоят только в долине, но комаров и мошек мало.

Рыбы водится в озере, по-видимому, много: маринка (карабалык), язь (каныптер), под || язки, османы – род форелей (в реках) и чебаки.

[Легенда о возникновении озера Иссык-Куль]. || Одно только предание, замечательное по своей популярности в народе и оригинальностью, мы можем сообщить теперь. По уверению народа, на месте, где теперь Иссык-Куль, была прежде обширная равнина, заселенная богатыми городами. Один из ханов этого народа, народа неверного, до глубокой старости не имел детей. Сокрушаясь о предстоящей участи своей фамилии, он в отчаянии обратился к богу и просил дать ему сына хоть в образе осла. Молитва его была услышана: одна из жен его, гулявшая в это время в саду, встретила осла, который обнаруживал к ней чрезвычайное внимание. Султанша, по неисповедимой воле судьбы, почувствовала тоже удивительную нежность к длинноухому кавалеру. Завязалась интрига, плодом которой был младенец-сын. Старый хан был в восторге, что наконец Кок-Танры[*50] послал ему

[*48] То есть *галькой*.

[*49] Против этого слова на полях рукой Валиханова написано: *соль*.

[*50] Синее небо – *бог*.

наследника и спешил его увидеть. Хан нисколько не изумился, увидев длинную, в виде трубы, челюсть ребенка, и не удивился его длинным ослиным ушам, все было в порядке вещей. Он просил сына хоть в образе осла, и бог дал ему сына и в неисчерпаемой своей благодати украсил его только ослиными ушами. Ребенок вырос и после смерти отца сделался ханом под именем Джанбека. Государь он был умный и справедливый, только желание скрыть свои длинные уши заставляло его против воли приступить к предохранительной мере, которая, не посвященному в тайну его рождения, народу, казалась жестокостью. Все брадобреи, очищавшие его царскую голову, больше не возвращались в свои дома. Такое тайное и непонятное исчезновение брадобреев привело народ в ужас и никто не хотел заниматься этим, прежде доходным, теперь столь ужасным, ремеслом. Брадобреи вывелись. Хан должен был бросать жребий, чтобы выбрать себе жертву. Прошло много лет, погибло много народу, пока жребий не пал на единственного сына одного старика. Молодой человек, отмеченный перстом судьбы, принялся с особенным искусством за процесс бритья и в одно мгновение ока окончил свое дело и сказал: «Государь, шабаш!» Хан был удивлен. Он не хотел верить, чтобы можно было так скоро оголить его башку, схватил свои уши и действительно голова была бела и чиста как точеный шар. Сильно понравилось Джанбеку бритье молодого человека. Так [как] разум говорил ему, [что] при дальнейшем продолжении его [Джанбека] жизни он мог, || по прежде заведенному порядку, вывести*51 многих своих граждан, хан твердо решился покончить эту кровавую игру, и, передав свою тайну клятвенно молодому цирюльнику, сделал его своим визирем. Дружны были хан с визирем до того, что пили из одной чашки кумыз и ели из одной тарелки пилав. Справедливо, говорит пословица, если худая лошадь получит жир, то не позволит на себя сесть, а если бедный сделается богатым, то возгордится. Не умел с покорностью и довольствием перенести богатство и честь. Возгордился визирь, и гордость его погубила. Хан любил соколиную охоту, и визирь сопровождал его, и оба имели сокола. Однажды на дороге сокол визиря обогнал ханского и взял лебедя. В припадке радости, обуянный духом гордости, визирь в забытьи начал кричать: «Мой сокол лучше сокола хана Джанбека, у которого ослиная голова». Весь народ, присутствовавший на потешном зрелище, ясно слышал слова визиря и тотчас понял, отчего Джанбек извел брадобреев, стал их притеснять. Джанбек сгорел от стыда, бросился бежать в свой дворец, успев приказать только убить визиря. Между тем визирь опомнился, ясно увидел свое положение и в свою очередь бежал в горы. С этого времени Джанбек получил прозвание о с л и н о й г о л о в ы.

Долго скитался визирь в горах и только ночами посещал город. В один из своих ночных визитов в город он пришел к царскому колодцу с золотой покрышкой, который стоял среди города. [Визирь] вспомнил былые времена, когда он пил воду из этого колодца, вспомнил свое визирство и стал громко молить бога, чтобы он взял их*52 к себе, как нечистивцев, не достойных его милостей. Аллах был гневен на этот город за его разврат и безбожие. Аллах изрек: куп оряй куп! (да будет так!), и вода начала бить огромным столбом из колодца и в одну ночь на месте города стало озеро – озеро Иссык-Куль.

*51 То есть *уничтожить*.

*52 Жителей города.

Легенда эта, напоминающая Содом и Гоморр, имеет, как можно полагать, по вулканическим признакам озера, основанием своим землетрясение, разрушившее прибрежные города. В сильную бурю из озера выбрасывается разная утварь домашнего обихода, что утверждает народ еще более в справедливости легенды о Джанбеке-Ослиной голове.

Какие народы жили на озере до калмыков мы не знаем и нет возможности знать. У Абульгази, в сказаниях его о тюрках, озеро Иссык-Куль является колыбелью тюрков. На нем кочевал Яфет, сын Ноев, родоначальник тюрков. О г у з х а н имел тоже здесь зимовье, а до Чингиса тут были к а н г л ы. «Озеро Иссык-Куль, Чуй и Талас суть кочевые места канглов», – говорит историограф тюркского древа.

|| Д р е в н о с т и. Все пространство земель от Днепра, Урала до Амура и Зунгари-Ола представляется нам открытой голой степью, где бродят и переходят с места на место кочевники. Пространства этих степей, представляя все удобства для азиата-номада, для которого скот есть все, были постоянным – летом яйляком и зимой кишлаком.

Кочевой степняк ест и пьет и одевается скотом, для него скот дороже своего спокойствия. Первое приветствие киргиз, как известно, начинается следующей фразой: здоров ли твой скот и твое семейство? Эта забота, с какой наперед семейства осведомляются о скоте, характеризует [быт кочевника] более, нежели целые страницы [описаний].

Итак, с древнейших времен и до сих [пор] степи эти обитаются одними и теми же народами. Какие памятники своего существования могут оставить эти народы, снискавшие свое пропитание скотом, живущие в подвижных палатках и защищающие себя луком и стрелой? Что мог оставить недвижимое этот подвижный народ, кроме своих могил?

Древнейший обычай ставить насыпи на могилах людей, отличавшихся доблестями физическими и нравственными, конечно, был свойственен для всех диких народов. Немного нужно искусства, чтобы навалить громаду земли. Греки ставили тоже курганы, в Северной Америке находят также подобные насыпи. Китайские историки говорят о подобном же обыкновении у хуннов[24]. В степях Южной России, Сибири и Средней Азии идут целые ряды этих остатков старины, [которые] и были нередко предметом ученых изысканий. По открытиям в них делали разные заключения: одни представлялись жертвенниками, другие якобы имели военное сторожевое значение, но большинство || открытий и опровержений доказывало их могильное значение. В киргизской степи существует множество такого рода курганов. В них открыли человеческие кости, кувшины с пеплом и иногда кости животных. Все это могло быть принадлежностью могил, на которых доныне режут скот, поминая его [умершего] тризну, да и самый обычай степняков был такого рода, что любимая лошадь покойника погребалась вместе. Старинный обычай монголов зарывать жен покойников и рабов в качестве соумирающих и [у] манджуров хоронить вместе [с покойником] несколько свиней – [обычаи] подобного рода. На некоторых курганах попадаются плиты с изображением лиц. Подобные плиты ставятся зюнгарскими калмыками[25] и теперь на могилах знатных людей. Но, кроме этих камней, существует в киргизской степи еще несколько памятников формы другого рода. Находят в киргизской степи

развалины зданий, башен и проч., которые заставляют думать, что южная ее часть была населена когда-то оседло. Но, основываясь на современных обычаях киргизского народа, мы имеем повод думать, что и эти развалины – суть тоже посмертные монументы. Для того, чтобы представить этот предмет с надлежащею ясностью, мы скажем несколько слов о современных киргизских могилах или молах.

Киргизские могилы, обычай киргиз ставить по возможности богатые [памятники] подтверждает предположение, что это обычай общий всем кочевникам.

В Дикокаменной орде примером... Описание древностей озера Иссык-Куля и прочих сопредельных стран...

|| Судя по остаткам зданий, могил и насыпей, весь юго-восточный угол киргизской степи, начиная от Лепсы до Сыра, был населен когда-то, особенно течение речек Чу и Таласа, где всюду видны здания искусной работы, остатки водопроводов, надписи, иссеченные на скалах, курганы с изваяниями, в которых уже находили много разных вещей. Так как предмет настоящей статьи нашей есть озеро, то мы займемся исключительно древностями в пределах его. Дикие победители этих стран, влекомые духом разрушительности, обратили страну в голую и дикую степь. Только остатки древних городов и пепелища безмолвно свидетельствуют о древней населенности этой страны.

|| Западный край – Джунгария, нынешний Илийский округ, Семиречье и озеро Иссык-Куль, как прекрасные стойбища для кочевых народов, конечно, были любимыми кочевьями их с древнейших [времен]. По китайским историям, через эти места проходили, на сих местах утвердились и сильные орды. За 2200 лет*[53] до Р. Х. с границ северо-западного Китая, с Долгой стены[26] двинулись на запад юечжи[27] и заняли эти места, вытеснив народ сэ[28]. Вслед за тем являются усуни и, изгнав юечжей, основывают здесь свою орду. Усуни были народ сильный, владетели их имели в супружестве китайских принцесс. Семь столетий жили здесь усуни. В VI веке утвердились тут гаогюй[29] и после дулцы[30]. Китайская история сохранила нам много известий об этой стране и, конечно, известий достоверных, ибо со времени государя Ву-ди[31], при котором начались сношения с западными народами, Китай имел беспрестанные сношения с усунями, а при династии Танской[32] китайские войска проникли до Или. Ван-фан-и[33] разбил [западных тюрков] при реке Или, стал лагерем при реке Е-хэ*[54] и при Теплом море (Же-хай*[55]). Здесь были города Чигу[34] – столица уйсунов*[56], Тысяча ключей[35], Северная и Южная орды[36], Хынлос[37], Суйе-чен[38], Гунюе[39] и другие дулские города. Отыскивать их теперь нет возможности, ибо указания на места их сбивчивы. Чигу в 610 ли от Вын-су (Аксу) на северо-запад, от Тэмурту-Нора*[57] на северо-восток. Потом здесь были ойхоры[40]. В период Чингисхана, конечно, через долину Или шел Чингис на Туркестан. Около [этого] года мы находим в Абульгази эти страны под именем Алатава в числе владений уйгурских ханов. Повидимому, разные поколения джи монголов*[58] кочевали на сих привольных местах.

*[53] Описка, следует: 220.

*[54] Точнее: *Ие-Хэ* – китайское название р. Чу.

*[55] *Же-хай* – китайское название озера Иссык-Куль.

*[56] Точнее: *усуней*.

*[57] *Тэмурту-Нор* – монгольское название озера Иссык-Куль.

*[58] Точнее: *джете моголов*.

Разные вещи, находимые здесь: кольца с мусульманским именем Арслан, наконец, гробница Туглук-Тимур-хана, умершего здесь, доказывают, что в [XIV] веке он [район Алатау] принадлежал владетелю семи городов. Неизвестно, когда места эти заняли джунгары, вытеснив другие поколения, но как бы то ни было до XVI столетия они были на озере Иссык-Куль и занимали его вплоть до своего падения. Сколько здесь прошло народов, один только бог [ведает]. Конечно, все движения кочевников из песчаной Монголии должны были проходить этим путем, где столько отличных пастбищ, воды. Сколько тысяч табунов паслись, может быть, на них еще прежде!

|| Народное богатство. Скотоводство. Единственный источник народного богатства всех кочевников есть, без сомнения, скот, разведение которого составляет его единственный и главный промысел. На || благополучии скота основано его счастье.

Народные приветствия, сколько мы заметили, чрезвычайно как характеризуют нацию. Ленивый и флегматичный турок осведомляется – в кейфе ли вы? Турки славятся как лентяи. Персияне, которые славятся во всей Азии веселостью нрава и остроумием, предлагают фигуральный вопрос, в каком состоянии ваш благовонный мир? Срединный цветок или надворный Китай, где люди едят для того, чтобы жить, и живут для того, чтобы есть, по красе слов сих со временем выразился и в оригинальном привете: «Чели фани маю*[59]», – говорит узкоглазый сын Поднебесной империи, встретясь с вами во всякое время дня и ночи, т. е. – сыт ли ваш желудок? Не менее оригинально приветствие киргиза: «Здоров ли твой скот и семейство?»

Очень понятно, что скот, как источник благополучия и счастья киргиза, гораздо более значит для него, чем семейство. «Жена – в скоте, дети – в тебе»*[60], – говорит киргизская пословица. За скот можно купить жену и иметь детей. Мы нисколько не удивляемся понятию киргиз в этом отношении – оно в порядке вещей, если взять в соображение вседневную обстановку его жизни.

Предмет скотоводства в Дикокаменной орде составляет разведение лошадей, верблюдов, баранов и рогатого скота. Хотя скотоводство есть и общий промысел орды, но численность скота невелика в сравнении с киргиз [-кайсаками] Большой и Средней орды. Самый богатый дикокаменный манап не имеет лошадей более 3000, между тем, как у наших киргиз[-кайсаков] богачи считают табуны в 15 000 голов, а один богач айдабульского*[61] рода, Баян-Аульского округа Азнабай имел 25 000, Акмолинского округа бий Сапак – 18 000.

Верблюдов дикокаменные киргизы не держат, по неспособности их к горной езде, более 30, а во время ко||чевок все вьючат на лошадей. Число баранов у самых зажиточных туземцев не превышает 3000, только рогатый скот держат сравнительно в большом количестве и простирается его [число] от 50 до 100. Самые богатые роды в орде – это бугу, затем сарыбагыши, другие же имеют лошадей по стольку, сколько нужно им для езды и кумыса. Рогатый скот заменяет у киргиз отделения сол как лошадей для езды, так верблюдов для вьюка. Хороший вол, украшенный колокольцем и в богатом седле, заменяет памирским киргизам лучших бегунцов.

---

*[59] То есть *чиляофан мэию?* – буквально: поели ли вы?

*[60] По-казахски: *Қатын малда, бала белде.*

*[61] Точнее: *айдабул-каржасского.*

Лейтенант Вуд имел редкий случай видеть дикокаменную амазонку, гарцевавшую рысистом быке, как Европа, похищенная Юпитером[41].

Лошади в этой орде малорослы, но очень способны к горной езде и довольно красивы. Верблюды попадаются как двугорбые, так и дромадеры. Бараны, хотя || и одной курдючной породы, как и у кайсаков, по шерсть имеют более нежную и преобладающий цвет их белый. Калмыцкая порода овец, называемая туземцами, малиш*[62], разводится у бугу, кочующих в соседстве с Китаем. Молодые барашки этой породы дают белую и тонкорунную мерлушку. Рогатый скот, хотя здоровый и сильный, но дает мало молока. Только монгольская порода як (кодас), разведенная также у бугу, имеет в отношении молока большое превосходство над коровой обыкновенной породы. Коз разводят в незначительном количестве. Падеж скота, несмотря на долгую, сравнительно с Илийской стороной зиму и на ее суровость, случается редко. Сибирской язвы (Fièvre corbanculeuse), от которой так много погибает скота в нашей степи, нет; только другая болезнь на рогатый скот, называемая здесь сапр*[63], производит ужасное || опустошение. Если причина язвы есть, как предполагают киргизы, сухое лето и сухая трава, то скот дикокаменной орды, находясь постоянно на горах под прохладою снежных белков, защищается от действия и развития язвы*[64] самою природою.

Определить, хотя бы приблизительно, численность скота при недоверчивости и дикости орды нет никакой возможности. На вопросы же в подобном роде отвечают уклончиво и ложно, представляя вам итоги диаметрально противоположные с истиной. Но кайсаки, бывшие долго в плену у бугинцев, примерно показали: лошадей до 100 000, верблюдов до 10 000, коров до 50 000, баранов до 500 000.

|| Любимый корм киргизских лошадей составляет кипец (stina), у киргиз[-кайсаков] – бетеге и колючая трава и б е л е к, которая созревает только в сентябре месяце и потому составляет осенний подножный корм. Лошади в эти два месяца находят много этой травы и чрезвычайно как жиреют. Кипец растет по подошвам гор и около озера. «Человек без мяса не обойдется, лошадь – без кипца», – говорит киргизская пословица. Верблюды питаются здесь листьями облепихи, которая растет во множестве около озера. К о к п е к, корм верблюдов, и ю с а н (полынь), любимый баранами, здесь не растут, но, несмотря на это от зимы, которая бывает, впрочем, не очень продолжительна, бараны выходят в теле, питаясь стручковой травой, называемой четр*[65], и листьями.

Других промыслов, как-то звероловства, рыболовства, дикокаменные киргизы вовсе не зна||ют[42]. Охота за дикими баранами, козами, сернами составляет только забаву. Единственное поощрение к звероловству составляет ценность молодых, с кровью, рогов оленя в Китае как медицинская специфика, под названием л у ж у н. В Кульдже за хороший спелый рог платят целую ямбу (слиток серебра, ценою от 300 до 500 рублей серебром) и рысьих шкур, которые берут сарты, среднеазийцы

*[62] *Малиш* – порода тонкорунных овец.
*[63] Точнее: *сарп* – *ящур*.
*[64] То есть заражение язвой.
*[65] Точнее: *чытыр*.

за 5 баранов. С некоторого времени в горах начали ставить ловушки и капканы на куниц, мех которых очень выгодно меняют торговцам-татарам. Но все это в самом незначительном количестве.

Рыбы в озере Иссык-Куль много, но жители ловлею ее не занимаются, рыболовных снастей не имеют, || только в виде потехи саблями рубят рыб и колят копьями, разумеется, выбирая для того мелкое устье реки или залив. Богатые манапы в прошлые времена, как говорят старики, для обнаружения своего богатства в год раз бросали в озеро шелковые неводы, но это, как я сказал, делалось из одного тщеславия. В настоящее время даже снастей из верблюжьей шерсти, как у наших киргиз, [они] не имеют.

Только земледелие составляет общенародное занятие. Каждый киргиз сеет хлеб и – относительно потребности номада в этом продукте – в большом количестве. Почва земли вполне благоприятствует этому занятию: к а п*[66] зерна пшеницы дает 10 капов урожаю. Ежегодно засевают все киргизы рода бугу до 15 000 капов. Сеют они по преимуществу п ш е н и ц у, я ч м е н ь и п р о с о. Нечего говорить, [что] все это ограничивается собственным употреблением || хозяина. Из проса выгоняют бузу, а из бузы – водку, которую пьют они в ужасном количестве.

Южная долина по реке Аксу до урочища Барскаун и до реки Тычкан занята пашнями; на всех речках устроены у них водяные мельницы. Буранбай, манап бугу, устроил было фруктовый сад, в котором были посажены: виноград, абрикосы, яблони, персики, груши и другие фрукты; завел было он и огород, но все это погибло в междоусобной баранте с сарыбагышами. Способ орошения полей здесь такой же, как и в Западном Китае и Кокане,– посредством ирригации. Вот все про||мышленные занятия дикокаменных киргиз.

Из произведений народных рук славится в этой орде выделка войлоков, знаменитых своею прочностью. Для домашнего употребления женщины валяют из козьего пуха белые колпаки и бурки, называемые кебенек.

|| М е н а и т о р г о в л я. Торговля и мена производится дикокаменными киргизами в их аулах. Ни в Кульджу, ни в Кашгар, ни в Ташкент лошадей на мены у дикокаменных киргиз не гоняют, хотя кочуют [они] чрезвычайно близко к лучшим торговым пунктам Средней Азии – Кашгару, Ушу*[67], Кокану и Ташкенту. Торговые караваны из России, Кашгара и Средней Азии приезжают в Орду на лето или зиму. Из Кашгара привозятся разные прочные бумажные материи, преимущественно употребляемые туземцами, как-то: халаты из бумажной полосатой материи, называемой т и м п и, разных сортов, халаты из бумажного а р м я к у желтого, коричневого и черного цвета на вате и полосатую, вроде парчи, бумажную материю, называемую машура. Привозят также во множестве || белую д а б у разных сортов, выбойку и китайку разных доброт. Все эти товары с большою выгодою выменивaются на баранов. Лучший халат из яркенского тимпи, из бумажного армяка продается здесь на 4 барана. Дабу продают на барана – в дороговизну конец хорошей дабы в 12 аршин на рубаху и в дешевизну два конца (24 аршина), считая на две рубахи. Баран же в

*[66] *Кап* – мешок.
*[67] Точнее: *Ош*.

Кашгаре стоит от 5 до 10 тенга*[68], вообще средняя цена барану 8 тенга. При покупке же в самом Кашгаре дабы в 12 аршин стоит 1 тенга; продавая же два конца его за барана, они имеют на 6 тенга проценту. Проценты эти чудовищны: два халата из лучшего тимпи покупаются в Яркенде за 1 тилля[43] (золотая монета, имеет в себе || 20 тенга); выменивая на халат по 4 барана, они имеют процента на 44 тянга. На самый худой конец, при большом несчастии, считая барана в 5–7 тянга, процент равняется 27 тянга и за халат всюду имеют 20 тилля. Случаи же такого понижения цены на баранов бывают очень редки.

Даба употребляется дикокаменными киргизами обоего пола от владетелей до черного народа, и только кашгарские халаты носятся их мужчинами*[69]. Надо сказать, что здесь кашгарские товары решительно предпочитаются русским товарам, которые привозятся самых худших качеств и низких сортов. || Русские татары привозят сюда низкие сорта красного сукна, верверету, нанки, саржи, ситцу и миткаля низшей доброты, соображаясь с их вкусом. Железные и чугунные вещи и котлы, привозимые ими, имеют большую ценность. Все привозимое выменивают они на баранов, быков, на кожу и на разные меха. Сукно, стоящее в Ирбитской ярмарке 1 р. аршин, они выменивают на 2 барана; на барана, который принимается за единицу, дают 4 аршина верверету, 10 аршин нанки, 10 аршин саржи, 8 аршин ситцу и миткаля, которые в Ирбитской покупаются в 6 коп. Миткаль покупается охотно женщинами, которые не носят ничего, кроме белого. При продаже этих материй торговцы в виде поощрения прибавляют один аршин сверх условной мены. Такие подарки называются здесь с е р н - к а н а[44]. Особенно с охотой и с выгодой продавцу покупаются || дикокаменными киргизами красная кожа, котлы и другие чугунные вещи. Лучший сорт красного товара идет здесь на 6 баранов, средний – на 5 баранов, а низший – на 4 барана. За большие котлы платится баранами по числу четвертей окружности без трех; так, за котел, в окружности имеющий 11 четвертей, платят 8 баранов. Топор стоит молодого барана, чугунный кувшин также токту (барашка), очаг для котла – барана.

При мене в долг на баранов бывают условия. Если торговец осенью отдает что-нибудь на барашка, то барашек получается им весною бараном. 12 бараньих кож считают за одного барана. Лисий мех берут за барана, куницу – за два барана; два козленка (серкечь) равняются одному барану, а 6 баранов выменивaются на быка. Татары эти || приезжают из Семипалатинска и Петропавловска в Орду на зиму и летом сбирают все с ростом, т. е. как сказано выше, барашков – баранами, козлят – козлами. В торговле баран принимается за 1 р. сер., барашек за 50 коп. сер. Таким образом, баран с барашком на их меновом языке соответствует 1 р. 50 к. Как кашгарские торговцы, так наши татары, снабжая дикокаменных киргизов необходимыми в домашнем употреблении вещами и платьем, имеют при настоящем отчуждении самого народа от торговли большую выгоду. Сами же дикокаменные киргизы решительно никакой торговли не предпринимают и даже для сбыта в Китай оленьих рогов употребляют тех же татар-торговцев. Среднеазийские шелковые материи здесь со-

*[68] Малая серебряная монета; С тенга составляют наш целковый. *(Примечание Валиханова).*

*[69] В черновике (л. 40 об.) на полях рукой Валиханова написаны арабским алфавитом казахские (восточные) названия дорогих тканей: مانات – манат, موته – мауты, چوغه – чуга.

вершенно не покупаются, кроме нескольких манаповых жен[*70], и здесь лучший сорт || их друя[*71] стоит, как и в Средней орде, 4 барана. В Бухаре, Кокане и Кашгаре за вывоз зекату платится с 40 штук одна.

Степень зажиточности...[*72]

|| Промышленность. Дикокаменные киргизы по отдаленности и неприступности своих кочевок до сих пор сохраняют тот беззаботный пастушеский быт, какой имели, может быть, за несколько сот лет.

Начатки промышленности и торговли находятся здесь в самых ничтожных проявлениях. Нельзя сказать, чтобы народ этот был достаточно [зажиточным], напротив, много в нем, даже очень много бедняков (парии). Но нужда – вещий двигатель промышленности и торговли, заставляет изыскивать средство трудом.

|| Потребности у киргиза самые простые. Ему нужно иметь 10 баранов и несколько лошадей, чтобы быть сытым, [получать] кумыз и сыр; одной рубахи и халата, которые сделает жена, достаточно ему на целый год. Самые их владельцы, манапы, тоже не требовательны и довольствуются почти тем же, чем и простой черный бухара (простолюдин). Все потребности их заключаются в скоте. Из него они извлекают нужное для жизни: мясо, сало, кожи, пищу, одежду (армячину), замшу на шаровары, кошму и[*73]. Приезжие из Кашгара и России торговцы снабжают их одеждой, нужными материями, и по ограниченности [потребностей], малочисленности и отсутствием требований торговля эта, или правильно мена, ограничивается самым ничтожным количеством и суммой, хотя и не без барыша. Сами же туземцы еще не имеют понятия о выгодном сбыте своих баранов и проч., и вся их промышленность заключается в хлебопашестве и мене.

|| По сему при настоящем порядке дел, при господстве невежества жителей едва ли может быть развитие здесь какой бы ни было промышленности. Когда прекратится баранта и хищничество низов смягчится влиянием лучшего просвещения и когда народ познает цену удобства и комфорта, тогда только, может быть, торговля примет другой оборот и множество рабочих рук, которые теперь не занимаются ничем, кроме баранты, станут изыскивать другое средство к существованию. Впрочем и теперь некоторые начинают наниматься в вожаки к караванам, идущим в Кашгар и Кокан.

|| Образ жизни: кочевка. Дикокаменная орда, как народ кочевой, живет в войлочных шатрах наподобие калмыцких и как у кайсаков, с тою только разницею, что сфероидальный верх юрты гораздо ниже калмыцких, и, вообще, вся юрта имеет более нарядный щеголеватый вид. Весь верх юрты с внутренней стороны вышит арабесками из разноцветных фигур из войлока же; ленты, служащие поддержкой юрты, отличаются яркостью цветов и искусным расположением фигур. Внутренность же их жилища, в контраст с нарядностью внешнею, удивительно бедна: ни постели с шитым покровом, ни сундуков, покрытых коврами, ничего в подобном роде, как в юртах наших киргиз, в них не встретите. У самого богатого манапа их, Буранбая, в юрте было совершенно пусто, около стены шатра валялась куча войлоку, выбойча-

[*70] То есть покупают их только жены нескольких манапов.

[*71] Точнее: *дурия* – дорогая шелковая ткань.

[*72] Текст отсутствует.

[*73] Далее слово не разобрано.

тых простых бухарских одеял и на них, как бы на показ, были брошены покрытые китайкой подушки. Деревянные ковши, бурдуки с вином, деревянные местной работы чашки, котлы лежали повсюду в живописно-беспорядочном виде. Хозяйка дома, почтенная а я ч (дикокаменная женщина), восседала на бараньей шкуре. Спартанская жизнь и пустота юрты составляют, как говорили сами киргизы, их древний обычай.

Дикокаменные киргизы, как все номады, сообразуясь с кормом скота, все лето кочуют из одного места на другое, перекочевка эта делается так же, как у киргиз [-кайсаков]: навьючивают все на верблюдов и делают привалы верст в 25, называемые обыкновенно «коч», и в 15 [верст], называемые «козу-коч».

Кочевка есть для киргиз большой праздник: женщины одеваются во все лучшее и весь «коч» идут около своих верблюдов, распевая песни и прельщая дикокаменную молодежь. Разница в характере кочевания Дикокаменной орды с нашими киргизами состоит в том, что у нас много двухколесных арб, которые своим оглушительным концертом производят неприятное для слуха впечатление,– здесь их не знают. Бедные т о м а я к (вроде киргизских байгушей), за неимением верблюдов для вьюка и коней для езды, употребляют для этих нужд волов. В домашней жизни дикокаменные киргизы живут скромно и никакой претензии на комфорт не имеют: войлок заменяет ему постель и подушки. Богатый манап отличается от черного [народа] только тем, что каждый день ест барана и в неделю раз гонит кумысную водку, и напивается ею, что называется до чертей.

О д е ж д а. Одеваются они очень бедно, от богатого манапа до его раба все носят бумажные на вате кашгарские халаты, вместо рубахи имеют белый халат из дабы, который носят аяч с таким постоянством, что только || ветхость заставляет шить новый. Вообще более одной рубахи никто не имеет, это – обычай. Презрение к роскоши в орде этой доходит до печального цинизма – носить хорошее платье, быть в чистоте, значит сделаться предметом всеобщей насмешки и получить позорное название б а б ы. Женщины. впрочем, одеваются довольно чисто: белый цвет есть их принадлежность. Начиная от головных платков до рубашки, заменяющей им и платье, – все делают из белой дабы. Обычай этот предохраняет прекрасный пол дикокаменной орды от той превыспренности и нечистоты, в какой погрязают их достойные супруги.

В о о р у ж е н и е. Дикокаменная орда, несмотря на постоянные войны между и вне, в вооружении очень бедна, даже беднее киргиз [-кайсаков]. Длинные, как у киргиз [-кайсаков], копья, украшенные вместо флюгера кистью из конских волос, составляют их любимое и общеупотребительное оружие; айбалта (топорик) на длинной палке – тоже в большом употреблении. Сабли и ружья считаются за редкость. Только после убиения К е н е с а р ы*[74] у многих манапов в юртах в виде дорогого украшения стали являться турки (фитильное киргиз-кайсацкое ружье).

Пища [...] || Относительно таланта многоедания дикокаменные киргизы не уступают, кажется, ни одному народу. Огромные горы жирных мясных кусков целого барана торчат перед каждым на тарелках, как Талгарский пик, высшая точка Алатауских гор. Истинно гомерическую сцену представляет киргизский обед. Огромные 2-х фунтовые куски конского жира, бараньего мяса беспрестанно отправляются в рот и вскоре вся ужасная груда уничтожается. С быстротою уничтожив до 4-х фун-

*[74] В рукописи пометка – звездочка в круглых скобках, но текста примечания к ней нет.

тов мяса, киргиз принимается за кумыс и выпивает соразмерное количество этого напитка. Кочевой народ по преимуществу плотоядный: смотреть на процесс резания скота – как ловкий резак с неподражаемым искусством и с изумительной быстротой обдирает шкуру, делит на известные части и очищает – есть величайшее удовольствие. Для возбуждения аппетита, обреченную на смерть скотину представляют на показ гостям, говоря так:

الده نچه كون بولدى
الده نچه تون بولدى
سنده جازق يوق
بزده ازق يوق
جاڤ سعان ده قلدى
معان ده قلدى[*75].

Огромный курдюк образцового барана и округленный окорок лошади исторгает всеобщее удивление и еще более забирает охотников до еды.

|| Конина и баранина составляют их любимую пищу. [...]

При подаче блюд у всех азиатцев голова принадлежит почетному, а у них напротив: крестец и таз есть принадлежность почетного кунака[*76], а голова – ничтожного. [...]

|| Разделение на сословия: манапы и их значение.

Народ, как на сословия, разделяется на две касты: владетелей (манапов) и простого народа (кара-бухары). Манапы, как прямые потомки древнейшего родоначальника орды, имели первоначально патриархальное право отца семейства, но постепенно с течением времени власть эта увеличивалась и обратилась, в конце [концов], в деспотические отношения владетеля и рабов. Власть их в настоящее время в роде не ограничена: он полный господин черного народа, может их продавать и убивать. В этом отношении они представляют резкую противоположность с [киргиз-кайсацкими] султанами, которые, по историческим воспоминаниям народа, хотя и имели первоначальные юридические права владетелей, || но были всегда ограничены советом старейшин, представителей черного народа. Право равенства у дикокаменных киргиз имело противоположный результат – рабство. Стало быть и название ч е р н ы х (в смысле равных, свободных), которым так гордится Дикокаменная орда, есть только несоблюдаемая форма, предание. Все тяжкие, по понятиям киргиз, преступления, как-то: убийство манапа, увоз девки, растление, третичное воровство, наказываются смертной казнью. Урман, манап сарыбагышей, имел на реке Каскелене виселицу, на которой ежегодно висел вор для внушения вящего страха.

Мы уже сказали, что неограниченная, почти деспотическая власть манапов есть уже последующее введение и в некотором смысле злоупотребление властью отца семейства, бия, как назывались манапы прежде. Первые манапы (по объяснению туземцев, сильный, недоступный деспот) явились || недавно и то впервые у сарыбагышей. Бий сарыбагышей по имени М а н а п был первый т и р а н. Манапство понравилось биям другим родов и теперь манап есть нарицательное имя родоначальника

[*75] Много дней прошло, много ночей прошло, у тебя вины нет, у нас пищи нет, от врагов досталось и тебе и мне.

[*76] *Кунак* – гость.

каждого поколения орды[45]. При всем том, в роде бугу народ имеет больше значения, и сам Буранбай говорил мне, что у них в строгом смысле нет манапов.

Положительных доходов с народа манапы не имеют, кроме так называемого кормового сбора и то получается ими в виде добровольной помощи. Уважение простого народа к манапам безгранично <хотя основано на страхе>: никто не может мимо юрты родоначальника ехать на лошади и в присутствии манапа свободные выражения не терпятся, || даже в шуточном тоне. Особенно был знаменит своим манапством Урман, родоначальник сарыбагышей, умерший в 1855 году, и сын его Умбет Али*[77], наследовавший его власть в роде. Последний расстрелял любимую жену за то, что она заставила его повторить какое-то приказание два раза. Мрачность характера и недоступность доставляют манапам большую знаменательность. Жестокость называют они великодушием и ставят как первую добродетель всякого управителя.

|| Родоподразделение. Дикокаменные киргизы сами себя называют просто «киргиз» или кара-киргиз[46]. Кара – значит буквально черный и в тоже время имеет переносное значение – простолюдина.

Эпитет дикокаменных, закаменных и каменных дан им русскими для отличия от киргиз-кайсаков. Китайцы и калмыки, неизвестно почему, называют их бурутами и разделяют на восточных и западных. Черными [же] они называются потому, что не имеют и не имели представителей белой, чингизовой кости, а управляются своими манапами, власть которых, по генеалогическим воспоминаниям народа, основана на патриархальном праве старейшины, представителя старшей линии в роде.

Старейшина и его родичи происходят от одного родоначальника и потому составляют одно сословие – черных, простого народа (demos).

Калмыки и киргиз [-кайсаки] по происхождению разделяются на белую и черную кость. У калмыков и киргизов владетели (белая кость) и народ (черная кость) по происхождению принадлежат к двум различным началам. К белой кости принадлежат нойоны и зайсаны*[78] (у калмыков) и султаны – потомки Чингис-хана (у киргизов); по мнению народа, [они] происходят от солнечного света и, следовательно, благодаря их абсолютной сверхъестественности, || божественном происхождении*[79], пользуются властью и уважением.

[У киргизов] народ и бии, родовые их старейшины, как происходящие от смертного человека, составляют черную кость – простой народ.

Все кочевые народы тюркского корня имели и имеют форму подчинения [с] более патриархальным началом, между тем, как народы монгольские, или орды, бывшие в покровительстве монголов, в составе своем заключают два последних элемента – [белую и черную кость].

Степень народонаселения орды по разъединенности родов, отдаленности мест кочевок и трудности взаимных сообщений определить, даже приблизительно, трудно, но, по соображению почетных старейшин, численность всех родов орды, считая и

*[77] Он же: *Уметали.*

*[78] Чтение предположительное.

*[79] Описка, следует: *божественному происхождению.*

тех, которые кочуют по верховьям Аму, около озера Саркола (Сары-Куль), не должна превосходить Среднюю киргизскую орду*[80].

Черные киргизы разделяются на два главные отдела, или крыла: «он кол» – правое и «сол кол» – левое*[81]. Каждое крыло составляется из нескольких родов, которые заключают в себе тоже несколько подотделений, эти отделения уже тоже разделяются || на аулы, или, как называют туземцы, «аилы». Все главные роды имеют свои отличительные знаки, называемые «тамга», и свой воинский оклик «уран». Число дикокаменных родов бесчисленное, и сами киргизы не знают названий большей части их. Роды левого крыла, кочующие в недоступных долинах болорских, на высоком Памире и верховьях Аму- и Сыр-Дарьи, не имеют никакого сообщения со своими северо-восточными родовичами, друг о друге знают только понаслышке и имеют самые темные и сбивчивые понятия. А потому сведения наши о поколениях левого крыла будут чрезвычайно кратки как и о некоторых родах правой руки, кочуюших за Тиан-Шаном, около ки||тайских городов Кашгара и Аксу, и рекою Нарыном, около Кокана, Анджана, Маргеляна и других городов по верхнему Сыру.

Родоподразделение же близких к нам родов бугу и сарыбагышей (кочующих на Иссык-Куле), солту и саяков (кочующих между Чу и Нарыном) заимствовано нами от почетных представителей этих колен и будет передано с большою подробностью.

Происхождение и название родов народные предания объясняют именами своих предков, а потому система родового подразделения тесно связана с генеалогией родоначальников орды.

Киргизбай (см. предания), первый родоначальник народа, давший ему свое имя, имел только одного сына Ак-уула (белого мальчика). У Ак-уула, по || одному преданию, было два сына – Абл*[82] (Авел) и Кабил (Каин), а по другому – Абл и Кабил происходили не непосредственно, но в известном колене от Ак-уула. Потомство Абла составляет правое крыло, а Кабила – левое.

Тагай, внук Абла, имел от старшей жены 3-х сыновей: Богоарстана, Койлана и Килджира, и от второй жены-иностранки одного – Карачору. От первого сына произошли солты*[83], второй был родоначальником джадигеров, от двух сыновей третьего (Килджира) – Уразбакты и Даулеса – произошли бугу и сарыбагыши и от последнего, Карачоры,– саяки.

К фамилии Тагая относит предание еще двух родоначальников, им усыновленных, его племянника, который стал отцом колена монолдар, и одного раба, родоначальника поколения черикчей.

|| Чер, по объяснению дикокаменных киргиз, есть название какой-то болезни желудка[47]. Родоначальник черикчи, по свидетельству преданий, был одержим этим недугом.

---

*[80] В Средней киргизской орде, или, вернее, в ведомстве бывшего Пограничного Управления Сибирских киргиз, считалось до 342, 684. *(Примечание Валиханова).*

*[81] *Кол* – собственно рука. Из восточных источников видно, что Чингис-хан все поколения своего народа разделил на два крыла. Из ярлыков ханских видно, что такой же порядок существовал и в Золотой орде. Деление дикокаменной орды на он и сол, может быть, имело в начале то же значение. (*Примечание Валиханова*).

*[82] Ч. Валиханов пишет также: *Абыл.*

*[83] См. ниже генеалогические таблицы родов солты, бугу, сарыбагышей и саяков.

Эти семь родов, происходящие от детей Тагая или от лиц, усыновленных им, называются общим именем он кол – правого крыла, а дети Кабыла – сол, левого. Впоследствии к семи первоначальным родам он [правого крыла] присоединились в качестве главных родов еще несколько поколений, каковы: багыши, родственные саякам, адигене, тыгай и род базис*[84].

|| Названия второстепенных родов и отделений также происходят от имени сильных родоначальников, но подотделения, на которые разветвляются главные роды более близких нам эпох, подвергаются иногда изменениям.

|| Независимо от общего родового деления существуют еще в некоторых родах, кроме бугу, частные подотделения, происхождение которых неизвестно. В этом смысле киргизы в роде сарыбагыш делятся на нижеследующие отделения: асык, осяк, монолдар, абла, ишим, чертике, мундуз, таздар, колмакы, джетиген, долее, кытай, кипчак и другие. В ведении каждого манапа у исенгулов, черикчи и атеке есть эти роды. В роде султу мы встречаем тот [же] порядок. Судя по некоторым названиям, каковы – кытай, кипчак, мундуз – мы имеем повод думать, что фамильное имя семейств указывает на более древнее родовое их происхождение. Так к и п ч а к и могли происходить от рода кипчак, мундузы от мундузцев и т. д. Словом – это семейные наименования общин, из которых составлялся род.

Обратимся к описанию главных родов и укажем на их кочевые места. Собственно в так называемой земле дикокаменных киргизов, на озере Иссык-Куль, кочуют три рода – бугу, сарыбагыш и саяк. || Остальные же роды кочуют в землях Кокана, Китая и в горах Мустаг и Белурдаг до пределов Бадахшана. Род солту кочует по реке Таласу, в землях наместничества ташкентского, и платит хану кокандскому зякет (дань). Весь отдел сол кочует по реке Нарыну, [затем] по рекам Салару и Чирчику, впадающим в Сыр-Дарью, и разбросан в малочисленных аулах по долинам Болора, далее до пределов Бадахшана. Часть саяков и бугу также заходит в пределы Кокана на Нарын и в страну Джусагол. Чонбагыши, джадигеры и черикчи кочуют в китайских пределах около Кашгара и Турфана, в урочище Атбаши-Арпа.

|| Роды эти по месту их кочевок нельзя считать независимыми, тем более, что солту совершенно обложены всеми податями от Кокана и исполняют там военную службу, а некоторые манапы рода багыш приняты в китайский чин и находятся в пределах пограничных караулов империи. Только сарыбагыши и бугу, равно подчиняясь наружно Китаю и Кокану, имели некоторую независимость.

С 1855 года род бугу считается в нашем подданстве, и старший манап их Бурнбай имеет чин подполковника нашей службы. Сарыбагыши с 1851 г. находятся в постоянных сношениях с русским правительством, и многие из их манапов награждены от нас медалями и халатами.

|| [П о к о л е н и я п р а в о г о к р ы л а – о н к о л]. <Перечень второстепенных родов, подотделении и отделений, на которые разветвляется> каждый главный*[85] род, занял

*[84] Точнее: *бассыз*.

*[85] Подробное родоподразделение солту, бугу и сарыбагышей для любопытных прикладывается к концу этой статьи [в таблицах]. Неизлишним считаем заметить при настоящем случае, что все находящиеся [там] деления родов носят названия своих родоначальников и потому будут явственны из прилагаемой к статье генеалогической таблицы родов и родоначальников. *(Примечания Валиханова)*. См. приложение.

бы много времени и затруднил бы читателя множеством собственных имен. Здесь пересмотрим подразделение главных и соседственных с нашею Большой киргизскою ордою поколений правого крыла: он кол.

I. Род солты разделяется на четыре поколения: конту, булекбай, толкан и учбагыш [...]. Численностью солты превосходят как сарыбагышей, так и бугу, в нем считается до 20 000 юрт, хотя подымную дань Кокану платят за 1500 юрт. Солты летние и зимние кочевки имеют по рекам, впадающим в Чу, и по || притокам реки Таласа. Средоточие зимовок и пашней бутекбаевцев и толканов находится около кокандского коргана Пишпека, по рекам Карабалты, Сокулук, Кзылбельдеу, Аламедын и Аларча. Солты признают власть кокандского хана, платят ему зякет и обязаны по первому требованию его поднять оружие. Тамга их называется ай (луна) и имеет вид луны в ущербе, уран их – каратал.

II. Род бугу есть самый богатый из всех дикокаменных родов. В нем считается до 10 000 кибиток. Он состоит из трех главных поколений; алсеит, тенемсеит и арык. В свою очередь алсеит разделяется на пять отделений: баур, белек, кедек, бапа и джелден; тенемсеит – на || три: мортык, кабеле и шилтак, и арык – на два: сары и кучук. Белеки предпочтительны перед другими родами*[86], которые считаются самым сильным родом, и власть над всеми родами находится у манапа из этого поколения. Буранбай Бирназаров[48], потомок родоначальника Тагая в 9 колене и внук Алдаша, управляет бугинцами отделения алсеит. Зимние кочевья род бугу имеет на южной долине озера Иссык-Куль, называемой Терской. Река Зауке есть средоточие их хлебопашества и постоянное зимнее стойбище манапа Буранбая. На этой реке был поставлен им курган (городок со стеной) и разведен виноград. Во время кровавой распри с сарыбагышами в прошедшем году все [это] было уничтожено. На летнее кочевье бугинцы уходят в тенистую долину Каркара и за Текес, лежащий в черте китайских караулов, на южный склон Музарта и Тиан||-Шана, который известен у них под именем летней кочевки Сарыяз.

Род тенемсеит кочует постоянно на китайской и на коканской стороне и редко зимует на озере. Тамга у бугу имеет такую форму и называется джагалбай. Уран их джангораз.

|| Бугу значит олень. О происхождении этого названия в народе существует замечательный миф. Карамурза и Асан, (см. выше) || охотясь за оленями на горах Аламышик, увидели в стаде маралов прекрасную девочку и мальчика с оленьими рогами. Они убили мальчика, схватили девочку, которая с воплем бросилась на труп брата и долго неутешно плакала. Предание гласит, что вследствие проклятия рогатой девы Асан и Карамурза не имели потомства.

Родоначальник Мурзакул, которому представили чудесную деву, отдал ее в замужество за своего внука Яманкула. По свидетельству потомства, эта родоначальница была женщина не простая (в смысле сверхъестественном) и прославилась своей необыкновенной мудростью под именем Муюзбайбче (рогатой матери). Говорят, что впоследствии она лишилась необыкновенного украшения своего черепа и, омывая голову водой, приказала служанке выливать воду в места, где не ходит человек. Служанка, исполнявшая эту миссию, из любопытства, [а] может быть, не находя соот-

*[86] Далее слово не разобрано.

ветственного прикрытого места, решилась выпить заветную воду и от этого зачала сына и [дала] имя ему – Джелден (от ветра).

Дикокаменные киргизы свято чтят память этой рогатой матроны и до сих пор в горестных случаях своей жизни приносят ее памяти жертвы рода с мольбами.

Она считается покровительницей озера Иссык-Куля и, по мнению народа, дух ее витает над Иссыккульской долиной.

|| III. Сарыбагыши второй по численности [род] после бугу, считает слишком 10 000 юрт. Род этот славится своим мужеством [и] самовластием манапов. Сарыбагыши состоят из 4-х родов: исенгул (булат), черикчи (темир), надырбек и атеке (тнай). Первые три рода известны под собственным именем трех сыновей Учки (Учкенын уч-уул*[87]). Все пресловутые батыри, славные в памяти народа, были из этого рода. Зимнее кочевье его начинается от реки Курметы вниз по северной долине Кунгей до западного конца озера, до урочища Кутымалды. На лето сарыбагыши уходят в горы к верховьям рек Каскелена, Курты или на р. Чу. Тамга и уран сарыбагышей одинаковы с бугу, только для отличия делается || менее.

IV. Род саяк в 13 [тысяч] кибиток, состоит из четырех главных поколений: курманходжа, кулчугач, сикмамбет и каба. Поколение это кочует на юг от Иссык-Куля на озере Сонколе (в верховьях Таласа), по рекам Нарыну, Кошкората и Джусаголу. В конце прошлого столетия саяки славились во всей орде богатством, многолюдством, воинственным духом своих манапов, но теперь бедны. У саяков каждый род имеет свою тамгу, и древний оклик уран заменен везде именами батыров, живших [в] прошлом столетии, каковы Тайлак, Садыр.

V. Роды черикчи и VI – чонбагыши имеют постоянные свои кочевья [в] Восточном Туркестане около городов Аксу и Уш-Турфана, на южном склоне Тянь-Шанского хребта, который, по своей летней прохладе и по обильному корму для скота, считается лучшим летним кочевьем под названием долины Сарыяз.

Главное стойбище черикчей и пашни находятся в урочище Атбаши-Арпа. Черикчи и чонбагыши считаются самыми бедными и малочисленными поколениями Черной орды. В чонбагышах полагают не более 500 юрт, а черикчей до 1000 [...]

|| Роды: VII – багыши, VIII – монолдор, [IX] – адгене, [X] – тогай и [XI] – базис имеют кочевья свои вместе с поколениями сол в верховьях Сыра и в пределах Коканского ханства и по обычаям и языку своему с ним сходствуют.

|| II. Сол кол – левое крыло. Из поколений, составляющих левое крыло, более известны 4 главные рода.

I – сару, II – кутче*[88], III – мундуз и IV – кытай. Большая часть родов Дикокаменной орды правого крыла и отдел сол [левого крыла] кочуют в горах, окружающих Кокан, Анджан, Наманган, Маргелан и другие города Коканского ханства.

*[87] В конце прошлого столетия род сарыбагыши разделялся на четыре поколения следующего названия: булат, темир, тнай и надырбек. В роде булат представитель был Исенгул, в темирах – Черикчи-батыр, в надырбеке – Байбий и в тнаях – Атеке. Теперь же эти четыре рода называются: первый – исентул, второй – черикчи, третий – атеке, по имени батыров, сделавшихся известными; род же надырбек удержал свое прежнее название потому, что представитель его Бай-бий не был батыр и не сделал свое имя именитым. (*Примечание Валиханова.*)

*[88] Точнее: кушчу.

Названия поколений отдела сол, кочующих в пределах Кокана: 1) боре – в Уше, 2) мундуз (многочисленный род) – в Азрет-Аюбе (на восток от Кокана), 3) кесек – в Ауширате и в Маргелане, 4) бöру – в Наукате и в Учкурте (на восток от Маргелана), 5) к ы д ы р ч и, 6) тиит – на север от Учкурта, 7) туяляс – в Шахрхане (между Анджаном и Маргеланом), 8) бустан – там же, 9) ардай – в Лёхшате (между Тахт-Сулейманом и Анджаном), 10) муняк – в Таш-Ате, 11) багыш – в Булакбаши (речка, впадающая в Шахрхан выше Таш-Аты), 12) ч о н б а г ы ш – на Ханарыке, 13) канглы – в Асяке*[89] (между Маргеланом и Анджаном), 14) тарычи и 15) буйдайчи – в Сузаке [на юго-западе Джалал-Абада].

|| Вышепоименованные поколения от постоянно близких сношений с оседлым населением Кокана, необходимо*[90] подчиняясь влиянию узбеков, совершенно потеряли национальный характер и в нраве и в языке совершенно сходствуют с джагайскими*[91] турками.

Все они занимаются хлебопашеством, многие имеют сады и огороды и большею частью стоят аулами, нередко поблизости городов.

Эти роды, в случае опасности от коканских войск, поддерживают этот независимый дух. Во всех беспорядках и потрясениях в Кокане они принимают деятельное участие, чтобы грабить тех и других. Претенденты на Китайский Туркестан, ходжи, всегда находят в них ревностных союзников, и при вторжении Джангир-ходжи[49] [в] 1837 г. большую часть воинов его армии составляли киргизы.

|| Другая же часть родов левого крыла имеет свою кочевку в Болорских горах, от Кашгара до пределов Гиссара и Бадахшана. Поколение найман кочует около Кашгара, роды кипчак и кытай имеют стойбища свои на памирской долине, около озера Саркол, и распространяются кочевьями до окрестностей Гиссара.

Местные условия страны сообщили этим родам замечательную своеобразность. Лейтенант Вуд (Wood), бывший в верховьях Аму, видел этих киргиз и сообщает нам в небольшом очерке несколько данных о быте этих горцев. Уран общий для всего отдела кён.

История орды[50]

|| Исторические предания дикокаменных киргиз. Дикокаменные киргизы, как и все кочевые племена Средней Азии, сохраняют в виде семейных воспоминаний множество исторических преданий, легенд и поэтических сказаний, как о своих первых родоначальниках. История народов кочевых и вообще народов, не имеющих письменности, заключается [прежде всего] в их полубаснословных преданиях, нежели на фактах. Все кочевые племена имеют обыкновение сохранять в поэтической форме предания о деяниях своих героев и о важных происшествиях [в] народе и передавать их в виде домашних воспоминаний позднейшему потомству. Почетное сословие рапсодов [– главный носитель этих преданий].

*[89] Точнее: *Ассаке.*

*[90] То есть по необходимости.

*[91] Очевидно: *джагатайскими.*

|| Самое древнее и замечательное предание дикокаменных киргиз, нет сомнения, есть предание о своем происхождении. Родоначальником, отцом своим, они единогласно считают красную собаку, но обстоятельства такого необычайного явления они объясняют разно. Вообще же [эти] объяснения по духу своему происхождения позднейшего и произошли под влиянием мусульманства. Сделавшись правоверными, они составили несколько хитрых толкований, объясняющих или несколько отвращающих прямое участие красной собаки в их происхождении.

Вот обстоятельства собственно первоначального предания: дочь какого-то хана имела обыкновение в сопутствии 40 девиц-прислужниц делать дальние прогулки. Однажды, возвратившись домой после обычной прогулки, царевна, к великому своему удивлению и страху, видит одни только остатки своего аула – все было разбито неприятелем. На месте аула они нашли одно живое существо – красную собаку. Обязанность красной собаки при сорока родоначальницах Дикокаменной орды довольно темна, но как бы ни было и от каких причин ни было, царевна, за ней ее 40 прислужниц сделались матерьми, имея в товариществе один только мужской соблазн – красную собаку. Потомство 40 девиц, кырк кыз, начало называться по числу своих матрон народом киргиз. Это, как я уже заметил, собственно неизменённое предание. Вот комментарии.

Первое. Одни говорят, что в комплекте 40 девиц состоял в качестве девицы молодой человек, любимец царевны, одетый, разумеется, в женскую одежду. Он был самый близкий телохранитель и исполнял обязанность щекотателя пяток и других раздражительных частей царского тела. На востоке особы знатные, привыкшие к неге, любят на сон грядущий операцию ломания суставов*[92], щекотания и других приятных ощущений, производимых в болях. Все это делается для изнеможения, дабы лучше спать.

Вот другое более сложное и более хитрое объяснение, происшедшее очень недавно, и, конечно, не без участия грамотных мулл: жил был один дервиш дивана по имени Мансур и была у него сестра по имени Халаль, чистая. Как брат, так и сестра, влюбленные в величие бога, проводили дни свои в уединении, в посте и молитве. Сестра его имела более святости и ночи проводила в душеспасательной беседе с ангелами, подкрепляя свое слабое тело и душу для дел благих райским нектаром. || Соседи, заметив ночное исчезновение восторженной Халаль, вывели, как и бывает всегда при подобном поведении обольщенных девиц, непохвальное заключение. Скоро толки дошли до слуха брата. Хотя он и не верил толкам, но, повинуясь мудрым словам корана: «осторожность не мешает», начал следить и застал сестру свою в обществе небожителей, попивавшую райский нектар. Ангелы предложили ему, как брату их собеседницы, чашу райского напитка. Халаль, зная чрезвычайно восторженную натуру своего брата и боясь, чтобы, выпивши райскую воду, он не дошел до самой высшей степени апогея, восторга – до безумия, до божеского забытия, противилась. Но брат испил и сделался тем, что предугадала сестра. Мансур, забыв людей, забыв себя, взял посох странствователя, надел лебяжью шкуру на голову (неприменная принадлежность факиров), с именем аллаха в устах отправился, куда глядят глаза. Много земель, много городов прошел Мансур, много видел он народов, много

*[92] Вид массажа.

прошло лет, когда он явился в город Анджан (в Кокане). В городе была моровая язва, был голод. Увидевши Мансура, они [жители города] схватили его, как колдуна, как виновника всех несчастий своей земли и убили. Воля всемогущего исполнилась! Мансур, умирая, сделал одно только завещание; он обратился к другу своему Ташче-паршивцу и сказал ему: «Человек должен сделать для мира, потомства что-нибудь, это его непременная обязанность. При жизни я не сделал ничего. Возьми мое тело, сожги и брось в озеро, а там да свершится его тагдыр (предопределение)». Ташча исполнил. Озеро взволновалось, запенилось... все утихло. Только на берегу озера осталась выброшенная волнами пена в виде белого большого шатра. Дочь хана гуляла по берегу в сопровождении сорока девиц-фрейлин. Увидевши белую пену, царевна полюбопытствовала (любопытство сгубило род человеческий и Ева, женщина, была причиной!) и, взяв на палец, положила в рот, чтобы узнать вкус. 40 девиц сделали то же. Но представьте удивление их и отцов их, когда по прошествии нескольких месяцев они без особой причины забеременели. Отцы заподозрили дочерей сильно и, как прелюбодеиц предосудительного поведения, прогнали в степь, на север, за реку Чу. Сорок девиц, видя в царевне первую виновницу своего несчастья, начали укорять и довели ее до || того, что она на одной хилой кобыле бежала от своих подруг на север. За ней, невесть откуда, последовала красная собака. Три брата (родоначальники трех орд киргизов)*[93] нашли в степи эту красавицу, и один из них на ней женился. Когда умер отец, дети стали делить наследство, скот. Плод от морской пены, названный в память 40 киргизских девиц Киргизом, как старший, хотел иметь больше. Тогда другие дети, рожденные от человека, в гневе за дерзость спросили, кто его отец. Киргизбай не смог ответить. Братья рекомендовали ему как отца красную собаку, намекая, что мать его до замужества с их отцом имела соседство только с одной собакой. Доказав ему несправедливость требований, они дали ему 47 лошадей из 1000. Киргизбай бежал в Анджан, не оставляя, впрочем, свою претензию на старшинство, что и доказал похищением из материнской юрты узды и колотушки для сбивания кумысу. Узда и колотушка, по понятию степняков, есть эмблема старшинства. От этого Киргиза произошел народ киргиз. От сорока же оставшихся девиц произошли отуз-уул ичклик, народ, обитающий теперь за Анджаном к Кокану.

* * *

|| Дикокаменная орда не имела с самых древнейших времен ни ханов, ни султанов, ни беков, а управлялась своими старейшинами патриархально. Предание гласит, что однажды они, киргизы, просили хана (имя и из какого народа не известно, некоторые называют его Джанибеком). Киргизы просили этого хана дать им на княжение младенца-сына своего Джучи[51]. Хан согласился и, посадив сына своего на детское седло (ачамай)*[94], вручил его на руки посланцев. Но по дороге в Дикокаменную орду молодой хан попал в стадо куланов и, увлеченный ими, был убит.

Есть еще одно предание, замысловато дополняющее это событие. За Алатавскими горами по кашгарской стороне сохранились следы глубокого рва, который на-

*[93] Намек на три жуза казахов.

*[94] Ачамай – собственно, вьючное седло.

чинается у р. Коры*[95], составляющей вершину Каратала, и, прорезывая все горы, направляется через горный проход Ихлас на р. Или, и проходит далее к Кашгару, а оттуда склоняется на истоке реки Чу, где образует круг в окружности верст на сто при урочище Хантагы (Ханский трон). Ров этот [по преданию] был сделан отцом погибшего от куланов молодого хана. Лишившись единственного сына, он решил отомстить куланам жестоко и вырыл длинный и глубокий ров. Собрав всех своих подданых, он рассыпал их по всему пространству Алаевской*[96] степи и все стада куланов погнал на этот ров. Куланы падали в ров и погибали в таком множестве, что [только] последние два кулана (жеребец и кобыла) выбежали по телам их через ров и прошли в голодную степь, где и размножились опять. Вот отчего теперь нет куланов за Алатавскими горами и водятся [они] в западных частях киргизской степи.

Со времени несчастной потери этого хана дикокаменные киргизы более не пытались возобновить просьб и остались без ханов. А к с а к-К у л а н-Д ж у ч и-х а н был первый и последний хан этого народа.

Исторические известия. || История племен кочуюших и вообще народов, не имеющих письмен, заключается [более] в их полубаснословных преданиях, нежели на фактах, [и] представляется нам в виде хаотических противоречий, заимствованных из китайских и восточных историков, или же в простой и понятной для всех, но многознаменательной форме [так], что древнейшая судьба их покрыта мраком неизвестности. Главным источником для истории народов кочевых и вообще племен, не имеющих письмен, были и будут полубаснословные их легенды и отрывки известий из летописей цивилизованных пародов, с которыми они имели столкновения. Особенно это справедливо в отношении наших кочевников Средней Азии. История нам говорит о них очень мало, о других совершенно ничего. Самые древнейшие письменные известия о судьбах древних поколений кочевников монголо-тюркского племени мы находим в китайских летописях, а с XI века в сочинениях восточных историков. А потому история их представляется нам или ...

Обширные и привольные степи Средней Азии, обильные пастбищами и водой, были населены в наидревнейшие времена бесчисленными ордами отдельных кочевых поколений. Поколения эти, беспрестанно меняя места своих кочевок, являлись под разными || именами: то под родовым названием своего поколения, то под коллективным именем сильного, влиятельного рода. Одно племя усиливалось, соединяло все другие и давало им свое имя. Таковы были союзы племен – хунны, ойхоры и монголы. Миграция одного поколения, стесненного другим, порождала всеобщее движение, всеобщую перемену кочевок. Это-то обстоятельство и составляет величайшую трудность при исследовании происхождения современного нам кочевого поколения, тем более, что единственные для того источники – китайские летописи и восточные хроники – не отличаются последовательностью и точностью. Самый способ тонического переложения иностранных имен на китайские иероглифы через какие-нибудь китайские слова, по звуку близко подходящие к настоящему имени, недобросовестность китайцев, которые жертвовали при этом точностью для того, чтобы выразить своими иероглифами злую насмешку, наконец, непоследовательность,

*[95] Река Кора находится в горах Джунгарского Алатау.

*[96] Следует: *Заалатауской.*

с которою следили китайцы за переворотами орд варварских – особенно в период между династиями Тан и Юань[52], делает вопрос этот далеко не таким ясным, как бы следовало ожидать от множества фактов, сохраненных их историей.

В истории династии Юань являются кочевники, может быть, те же самые, которые были и прежде, но под другими названиями. Восточные источники, заимствованные из более точных источников, из преданий народа, из рассказов очевидцев и из официальных документов монгольских ханов, по повелению которых [они] и писались, относительно истории монголов и племен, из которых составлялся этот союз, конечно, имеют преимущество перед китайскими, которые, по-видимому, для Юанской истории заимствовались фактами из их хроник. (См. Ист. чет. ханов*[97]).

|| Связь истории Юанской с историей династии Тан совершенно прерывается.

Когда империя монголов разделилась на орды между детьми Чингиса и когда эти орды после долгих смут разделились еще на мелкие уделы между ханами, эмирами – в Средней Азии являются два новые элемента жизни – городской и кочевой, составившиеся из соединения победителей и побежденных. Кочевники эти являются или под совершенно новыми именами: узбеков, ногаев, казаков; пли под именами поколений, бывших еще до Чингиса, как например: киргизы, манкиты (или каракалпаки) и урянхай[53]. Эти новорожденные орды из союза монголов или орды, временно участвовавшие в коллективе племен монголов, чтобы опять встретиться под старым родовым именем, не имеют никаких историй, кроме преданий. Абульгази, историк монголо-тюркских племен, писавший свою историю после возрождения этих народов, и сам принадлежавший к узбекам, не старается нисколько разъяснить этот факт.

Вот три источника для истории среднеазиатских номадов, три источника, бессвязно разорванные двумя периодами в несколько десятков лет. Согласовать сказания одного с сказаниями другого, чтобы иметь связь и последовательность составляет труд, если не неодолимый, то, по крайней мере, тяжкий и почти невозможный без предположений и догадок. Китайские летописи благодаря трудам знаменитых ориенталистов Клапрота, Абель Ремюза[54], Сен-Мартена[55] разъяснены до замечательной ясности. Сказания восточных историков[56] тоже нашли многих комментаторов и разработаны Д'Оссоном[57] и проч. Только народные легенды, поэмы оставались до сих пор незатронутыми, может быть, по скудости источников и по малоизвестности и дикости современных кочевников. Нет сомнения, что предания как источники вспомогательные чрезвычайно важны для || объяснения исторических сказаний, довольно темных и отрывочных.

Дикокаменные киргизы, или буруты, как называют их китайцы, принадлежат к числу современных кочевых народов Средней Азии. О происхождении их существует множество мнений, писано очень много по двум первым источникам, но тем не менее история их есть вопрос нерешенный. Все ссылки на китайскую летопись относят их к числу самых древних поколений Средней Азии, где еще за [сотни лет] до Р. Х. [они] были известны под именем кян-куней, хякасов и киликидзи. Клапрот объяснил их кочевья из записей времен династии Тан и находит, что это был Енисей.

*[97] *Иакинф* (Н.Я. Бичурин). История первых четырех ханов из дома Чингисова. Пер. с китайского. СПб., 1829.

Абель Ремюза и Visdelou[58] причисляют их к числу шести голубоглазых рас и считают за племя индогерманское. Риттер[59] считает их за племя, происшедшее из смеси индогерманских усуней с тюркским хойху. Между тем сами китайцы отличают нынешних бурутов от киликидзи и называют их бурутами, производя [их] от народа полу, обитавшего при династии Тан в горах Тибецких. Восточные историки – Абульгази, Рашиддин*[98] – говорят о киргизах, обитавших по Икар-Мурну[60] (по Клапроту – Енисей, по Фишеру – Хуанхе). Русские в XVII столетии застали в Кузнецком округе беспокойное тюркское племя киргизов, которые нападали на Тюмень, Кузнецк. В конце XVII [в.] вдруг исчезает это поколение и не слышится более имени их. Фишер утверждал, что они были переселены по мирному договору русского двора с джунгарским ханом в кочевья киргизские, и нынешних алатавских и болорских киргиз <считал за киргизов енисейских>. Левшин разделял его идею, Клапрот тоже, так что и Риттер принял это положение в своем сочинении: «Землеведение Азии». Отец Иакинф[61] первый опровергнул это и принял за авторитет позицию китайской географии ...и считал нынешних киргиз, по его правописанию кэргизов, за племя тюркское, а киргизов енисейских за оток[62], поколение джунгар. Сами же дикокаменные киргизы не знают имени бурут и не помнят никакого переселения, а единогласно утверждают, что они старожилы Анджанских гор. В китайских летописях династии Юань и у Абульгази мы нашли указание <о народах киргиз>...

|| Единственный письменный источник для рассеяния этого мрака, бесспорно,– китайские летописи, уже признанные за авторитет многими европейскими учеными. Хронографическое изучение современных кочевых народов, их быта, обычаев, законов, преданий и языка представляет второй вспомогательный источник, который может служить к разъяснению первого.

* * *

К числу народов, подвергнувшихся исследованию и толкованию, принадлежат киргизы, известные в китайских летописях под именем кян-ку, хагас и кили-ки-дзи. Киргизы обитали еще до времени династии Тан в горной стране, на Кеме или Енисее (около 648). Visdelou в «Oriental», Ab. Remusat «la ville de Karacorum. Klapeoth Mèmoires relatifs de I'Asie»*[99], p. 163. Впервые упоминаются при династии Хань[63] кян-куни (кян-кюни) в соседстве с голубоглазыми дин-линями[64], обитателями северной страны Ма-Хин. При династии Тан мы видим кян-куней, которые соединяются [с] ха-кадзы и дин-линь, и они назывались иначе кэу-вэй или кие-ку (Риттер, стр. 3). «Имя кян-кюн, – говорит Риттер, – было изменено в кие-ку по древнему восточному обычаю, как [делали] в Китае при каждой перемене династии; еще позднее изменено в почетный титул: хэ-ку, хе-куд-зы (т. е. хекос) и ха-кацзы (т. е. хакас)». Ха-ка-дзы в сокращении хакас на языке хой-хэ значило желто-красные лица. Хакасы были высоки ростом, имели красные волосы и зеленые глаза (Клапрот «Mèm relat. De I'Asie» 88 и «Tabl. hist.*[100]» 168); по Визделу – голубые (Bibl. orient. suppl. 1780, p. 78–80, art. kie-kia-sze).

*[98] То есть *Рашид ад-дин.*

*[99] *Visdelou* Bibliotheque oriental. Suppl.1780. *Ab Remusat.* Recherches sur la ville de Karacorum. Paris; *Klaproth.* Mèmoires relatifs de I'Asie». Paris, 1824.

*[100] *Klaproth.* Tableaux historiques de I'Asie,ч. I, 1824.

Абель Ремюза считает их за один из шести голубоглазых народов Передней Азии и причислил к породе готской. (Rech.s. les langues tatares)*[101].

Клапрот, согласно филологическим своим изысканиям, причислял хакасов к восточно-тюркским нациям и говорил, что хагясы говорили одним языком с тюрками хой-ху (Tabl. 169).

Риттер в гениальном труде своем «Erdkunde von Asien»*[102] считает хакасов, согласно филологическому исследованию [Клапрота] (Tabl. hist. De I'Asie), за племя, происшедшее из смеси индогерманских усуней с тюркским хой-ху, ибо хагасы говорили тюркским языком.

Первые сношения китайцев с хагасами начались при династии [Тан] в 648 г., когда сильные хой-ху начали слабеть.

Император принял посольство их благосклонно и для того, чтобы иметь в них союзников, пожаловал резиденцию хакасскому владетелю [и] титул кян-кун-фу. В этот период кочевья их распространялись от Ян-ки (Харашара), где было стойбище их хана, до Орхона и Толы, до Холина[65] (Каракорума), столицы ойхоров (хой-ху). || Владетель хакасов был от империи пожалован тоже в должность ту-ту (дуду) провинциального губернатора и в достоинство командира левого фланга императорской гвардии. Сношения их с Китаем продолжались до 759 года, когда хой-ху, усилившись снова, оторвали их от непосредственных сношений с Китаем. Хагасы, беспрерывно воюя с хой-ху, [в] 840 году выдерживают окончательный перевес: разбивают стойбище ойхоров, убивают последнего их государя Ай-динли Мон-му-Мишихэ-хана, и их аже или оже*[103] принял на себя титул кахана, для супруги хатун, вместо бий кятунь-кие-кинь*[104], которым они пользовались от уйгуров. (Отец Иакинф, История о народ. Сред. Азии, отд. II)*[105].

Хагасы, усилившись на местах северных хой-ху, перенесли свое ханское стойбище на верховья Онона и распространились на юге до Тиан-Шана, завладели уйгурскими городами Аньси (Куча) и Бей-Тин*[106] (Урумчи). Могущество хагасов продолжалось не долго. В 976 г. они возвратились опять на верхний Енисей, а усиление западных хой-ху и потом владычество киданей ниспровергло их в то же прежнее политическое ничтожество. Имя их является в истории снова только при возрождении монголов под новым именем кили-кицзы.

Древние хагасы имели сношения, кроме Китая, с аравитянами на западе и тибетцами на юге. Аравийские купцы начали посещать [хакасов] в VIII веке. Первый географ Эдризи[66] упоминает о народе Torie odhcos в стране terra nigra, около гогов и магогов, который исповедывал мусульманство, имел мечети и знал арабский и персидский язык. Государей их называли хаган Одкос. Дегин[67] принял этого государя

*[101] *Ав. Remusat.* Recherches sur les langues tatares. Paris, 1824.

*[102] Между строк три слова не разобрано.

*[103] *Аже* (ажо, ажы) – титул древнекиргизского владетеля.

*[104] Клапрот объяснил этот титул хагасских владетелей так: киекинь (князь), бий и катунь. *Бий* слово древнетюркское и употребляется до сих пор почти у всех народов тюркских под формою: *бий, бек* и *бэй* в смысле родоначальник, судья и князь. *(Примечание Валиханова).*

*[105] *Иакинф* (Н.Я. Бичурин). История о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. СПб., 1851.

*[106] Можно читать также: *Бей-Чжен.*

за хакана ойхорского. Френ (Frähn Ibn-Foszlan's und anderer Araber)*[107] принял вместо Одкос Онгиш и Онги и считает, [что] под этим именем должно признать хакана хой-ху Оние, царствовавшего [в] 846–848 [г.]. Риттер же считает хакана Одкос за владетеля хакасского, который тогда властвовал на Тиан-Шане, Ко Кая по Эдризи (Риттер).

Клапрот говорит, что нравы древних хакасов были не так дики, [как] теперь. [Они] имели письменность и торговлю с аравийскими, бухарскими и хозарскими купцами (Memoires relatifs de I Asie).

Доказательством существования письменности [у] хакасов служит [то, что] в 874 [г.] при посольстве в Китай они просили императора прислать им календарь и классические книги...*[108](Visdelou, p. 79–80. Degvignes T)*[109].

|| Киргизы – старожилы Восточного Туркестана [...]. ...из народных преданий Дикокаменной орды видно, что они [киргизы] жили в горах около Анджана и на юг распространялись до Кашгара с незапамятных времен. Решить этот трудный вопрос мы не беремся – это дело ученых, более знакомых с историческими источниками; мы же постараемся привести все исторические данные, известные нам об этом народе, представим собранные нами предания народа о своем происхождении.

Единственный вспомогательный источник для объяснения этого вопроса – это изустные предания народа о своем происхождении и героические саги о подвигах своих родоначальников – батыров. Любовь к старине и обилие преданий отличают народы кочевые монгольских тюркских племен от оседлых их собратий. Простота и естественность [этих преданий] делает их высокоинтересными в историческом отношении.

Хотя предания дикокаменных киргиз не так разнообразны и многочисленны, как у кайсаков, но тем не менее [они] имеют несколько замечательных исторических сказаний и одну эпическую сагу «Манас»[68]. Предания их по характеру своему чрезвычайно древние. Одну из характеристических черт преданий древних среднеазийских народов составляет миф о происхождении их от какого-нибудь животного или зверя. По свидетельству китайских летописей, родоначальник народа гао-гюй (иначе телэ или чилэ) был волк. Тюгу (дульцы) происходили по женской линии от волчицы, а поколение туфан – от собаки (стр. 336). (См. Ист. в. ч. С. А., стр. 249 и 257)*[110]. Батачи*[111], родоначальник монгольских ханов, по свидетельству той же [книги], был сын «голубого волка» и «прекрасной лани». Тибетцы, как известно, и теперь считают себя потомками обезьяны. Ясно, что этот род преданий между кочевниками был самый древний и, по-видимому, почетный. Дикокаменные киргизы также считают предком своим красную собаку (кизил тайган), собственно красная борзая собака*[112].

---

*[107] *Frähn.* Ibn-Foszlan's und anderer Araber, Berichte über die Russen alterer Zeit. Text und Übersetzung mit Kritischphilogischen Anmerkungen St.-Petersb., 1823.

*[108] Предложение не закончено.

*[109] *C. Visdelou.* Biblioth Orientales; Deguignes, Historie generale ges Huns, Turcs etc. t. I.

*[110] *Васильев В.П.* История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII в., ТВО РАО, т. IV, СПб., 1857.

*[111] Следует: *Бортечене.*

*[112] Предание это напоминает такое же у тюгу, дульцев. *(Примечание Валиханова.)*

|| Матроной считают какую-то царевну. О времени не помнят, но говорят, что это было очень и очень давно. Таково предание в первоначальном своем виде. [Но] как мусульмане, у которых собака считается одним из самых нечистых животных*[113], дикокаменные киргизы при помощи некоторых позднейших басен и аллегорий стараются объяснить этот странный факт. Комментарии эти носят на себе, несомненно, следы новейшего стиля и, очевидно, составлены под руководством мусульманских мулл или ходжиев ...

Из этого и других преданий ясно, что народ считает себя старожилом Анджанских гор и совершенно не помнит о переселении своем или движении. Трудно предположить, чтобы такой важный факт, как эмиграция из родной страны и в такое короткое время, как двести лет, мог совершенно изгладиться из памяти народа, сохраняющего предания гораздо древнейшие. Рассмотрим этот вопрос по возможности, т. е. представим данные в пользу того и другого мнения, избегая решительного суждения, что было бы слишком опрометчиво при той запутанности данных, как увидим ниже.

Абульгази, историк преимущественно народов монголотюркских, говорит, что киргизы – народ тюркский. «Керкезы или киргизы كركز يعنى قيرعز – говорит он, – происходят от внука Огуз-хана Киргиза, – и делает тут же замечание: но в настоящее время киргизской породы людей мало; от монголов и других родов (выходцы) по недостатку «огня*[114] и воды» (т. е. а пастбищах и кочевках) пристали к киргизам, соединились и приняли имя киргиз, но сами знают, из каких они родов» (Hist. tat et mong. Румянцевское издание)*[115]. Они жили в соседстве с кем-кемджутами[69], которые разделялись на два поколения и «сидели» по Селенге и Икар-Муруну.

Киргизы владетелей своих называли инал. При Чингисхане иналом был Урус. Он покорился Чингис-хану и с посланным монголов Буру отправил белого сокола с красными глазами и ногами. Китайская история подтверждает это известие и говорит под 1207 г. нашей эры, что Чингис-хан послал двух чиновников своих Алтана и Бору к поколению кир-цзис и что вследствие того Идир-Нэре и Алдар (должно быть, имена старейшин киргизских) послали [Чингис-хану] лучших соколов*[116]. (Ист. ч. ханов из д. Чингисова, стр. ...)*[117]. Рашиддин относит их к числу лесных народов, обитавших в стране «Борхуджин Тукум»[70]. (Журнал Министерства Народного Просвещения, 1843. Май).

При разделе империи после Чингис-хана они достались в удел Тулую[71]. Монах Вильгельм Рубруквис (или Рейсбрук)[72], отправленный Людовиком IX в 1254 г.*[118] к монгольскому хану Мунке[73], говорит, что киргизы живут на север от Каракорума[74]. Так как Икар-Мурун был предметом долгих споров ученых, [то] Фишер (Сибирская

---

*[113] В конце слова стоит звездочка для авторского примечания, которое в рукописи отсутствует.

*[114] Тюркское слово *от* здесь означает не *огонь*, а *траву* и в скобках, оно объяснено правильно как пастбище. Текст Абульгази: اوت غه وسوغه (عاجز) بولوب – по недостатку травы и воды.

*[115] *Abulghasi Bahadür chani.* Historia Mongolorum et Tatarorum.... Casani, 1825.

*[116] *Иакинф.* История первых четырех ханов...

*[117] Плано Карпини, бывший в 1246 г. у монгольского хана Куюка, говорит, «что cyngis can (Чингис-хан) после покорения буру, тибетов послал отряд на Восток через землю kergis, который не покорил ее, а дошел до гор Каспийских (Caspicos montes). Известие это, по-видимому, заимствовано им из того же источника, как [и] рассказ о вине красной собаки [родоначальника] *(Примечание Валиханова).*

*[118] Точнее: в 1253 г.

история), полагавший его за Хуанхе (Желтую реку), думал, что киргизы переселились в Южную Сибирь гораздо позже Чингиса.

Klaproth || в «Mèmoires relatifs de I'Asie» опровергнул эту мысль, приводя выписки из истории династии Юань (1280–1367), где в описании земли народа ki-li-ki-szi (читай киргиз*[119]) узнаем Енисей и Ангару. Как бы то ни было, существование народа киргиз в Южной Сибири – факт, не подлежащий никакому сомнению, где бы ни был и как бы ни был спорен Икар-Мурун. Буряты все курганные насыпи по Онони, Шилке и Аргуни до сих пор называют не иначе [как] кыргизгыр (киргизские дома). Очень может быть, что в эпоху своей силы киргизы распространяли свои кочевья до пределов Аргуни (см. Журнал Министерства Внутренних дел, 1852, январь, кн. 1-я)*[120].

Последующая история этого народа неизвестна; какую роль играли они в истории монгольских племен и какое имели отношение к соседствующему союзу племен – ойратам, мы не знаем. В начале XVII столетия, когда русские казаки распространяли свои завоевания до Томи, мы находим их на Абакане, Чуе и Томи в соседстве с двумя сильными владениями монголов: Урянхайским и Дзюнгарским. В течение всего XVII столетия в сибирских летописях мы встречаем их беспрестанно: то нападают они на Кузнецк и Томск, то соединяются с телеутами[75] и с урянхайским алтын-ханом или с дзюнгарским хон-тайджием. В 1606 году князь их Номча[76] просил подданства [России] и отправил для этих дипломатических переговоров княгиню. Киргизская матрона повела дела не совсем удачно: ее оскорбили, и киргизы в мщение сделали набег на Тару и Томск. В 1607 году они были поддаными русских, [в] 1642– поддались зюнгарскому владельцу Батору[77], а в 1657 – алтын-хану урянхайскому Лобзану*[121]. Кочевали они тогда по Белому и Черному Юсам, Абакану, на запад до Томи, на восток до Енисея и на юг до Саянских гор*[122]. (См. Фишера «История Сибирская», Иакинфа «Обозрение четырех ойратов»)*[123].

В исходе XVII и в начале XVIII века вдруг исчезает имя этого народа и более не упоминается в сибирских летописях. Фишер полагал, что они переселены зюнгарским тайджием, но куда – он не знал. Но, основываясь на слухах, также полагал, что новое место их жительства должно быть около границ Тибета и гор Гиндукуш. Г-н Левшин (Описание киргиз-кайсацких орд и степей) говорит, что шведские офицеры первые внесли в историю это событие и утверждают, что переселение их было вследствие особого договора между русским двором и зюнгарским хон-тайджием. Если известие это заимствовано им из современных документов и если упоминаемый договор действительно существовал, то вопрос решается сам собой и нам остается, как говорится в старину, положить все упование на аллаха и сказать машаллах! Если же этого договора [не было и] предположение Фишера о переселении киргиз было

*[119] В Истории четырех ханов, которая есть также перевод истории династии Юань – «кир-цзис». *(Примечание Валиханова.)*

*[120] *Щукин И.С.* Очерк Забайкальской области. ЖМВД, ч. 37, стр. 15.

*[121] На полях Ч. Валихановым написано: *Нужно справиться у Миллера и Фишера.*

*[122] В Монголии на границе ее с Джунгарией есть озеро «Киргиз-Нор», на юг от озера Лобсы, на восток от Кобло. *(Примечание Валиханова.)*

*[123] *Фишер И.Е.* Сибирская история. СПБ., 1774; *Иакинф.* Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834.

основано только на известии, что около Гиндукуша живет народ киргиз, и было гипотезой, объясняющей странное исчезновение сибирских киргиз,– в таком случае мы считаем необходимым сказать несколько слов в пользу другого положения, подтверждаемого преданиями самого народа.

Очень может быть, что первое открытие существования народа киргиз в горах Анджанских затронуло ученых, занимавшихся исключительно сибирскою и монгольскою древностью, каковы были Фишер и Klaproth, и послужило им фактом для объяснения потерянных сибирской историею киргиз (Klaproth, Journal asiatique 1823 г.)*[124].

|| Отец Иакинф первый стал отличать сибирских киргиз от киргизов дикокаменных, принимая первых за оток или ноток (поколение) калмыков, вторых же считал за тюрков и для отличия от киргизов назвал их кэргизами. «Сибирские казаки, – говорит он, – имели дело с одним калмыцким отоком, который назывался киргиз»*[125]. В этом предположении, как и во всем, он основывался на китайских источниках, которые нынешних киргизов называют б у р у т, в том предположении (заметьте, предположении), что они происходят от народа булу, обитавшего в Луковых горах (Куэн-Лунь) при династии Тан. Китайская география «Дайцин и тун-чжи» говорит: «Пулу сходно с булу, следовательно, полу – буруты». (Клапрот, Magasìn Asiatique). Отец Иакинф в объяснениях к переводу китайского сочинения «Описание Западного края»[78] повторяет то же, но от своего имени: «Нынешние киргизцы прежде обитали по южную сторону Хотанских гор, неподалеку от северных пределов Тибета, и уже в IV веке появились на нынешних местах*[126] под китайскими именами: б о л у, б у л у и б о л ю й. Болу или булу сходствует со словом б у р у т, следовательно, бурут есть древнее имя кэргисцев, которым китайцы и монголы и доныне называют их». (Описание Джунгарии и Восточного Туркестана, Объснения, стр. XXVIII)*[127].

Мнение отца Иакинфа, что киргизы сибирские были ничтожный калмыцкий оток, даже не стоит опровержения. Из сибирских летописей очевидно, что киргизы были народ довольно сильный и совершенно отдельный от джунгаров. Если они добровольно вступили в джунгарское подданство, [то] точно так же свободно переходили от них к России и к алтын-хану. Доказательством того, что они говорили тюркским языком, служит то, что кайсаки (которые называют себя казак) получили название «киргиз» от русских потому, что наружностью и языком очень походили на киргизов. Нельзя отрицать существование калмыцкого отока с подобным именем, но оно решительно ничего не доказывает, ни к чему не ведет: между башкирами, кубанскими ногайцами и кайсаками есть поколение, называемое «киргиз*[128]. Вообще

*[124] В преданиях киргиз, как мы заметили выше и будем более подробно говорить ниже, не находится, кроме безусловно отрицающих, никаких легенд или сказок, если не прямо говорящих, то, по крайней мере, напоминающих на прежнее жительство их в Сибири. Правда в поэтической саге «Манас»... *(Примечание Валиханова.)*

*[125] *Иакинф.* Историческое обозрение ойратов... 1834.

*[126] За средоточие земель дикокаменных киргиз отец Иакинф принимает пространство между Кашгаром и Анджаном, что, впрочем, совершенно справедливо. *(Примечание Валиханова.)*

*[127] *Иакинф.* Описание Джунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. СПб., 1829.

*[128] У киргиз в Майлибалтинской волости Кокчетавского округа есть два рода, называемые *яна* и *бай-киргиз.* Они образовались из военнопленных «есырей», захваченных Аблай-ханом и переселенных в

собственные мнения отца Иакинфа, при всех его ученых заслугах, как-то тяжелы и напоминают своими формами прагматические замечания, приложенные к китайской летописи Г а н ь м у (Тунцзянганьму) для вящего назидания потомству.

|| Что же касается до мнения китайской географии о происхождении киргиз, принятого в Срединном царстве, в этом отношении за авторитет и притом оно, как основанное на созвучии слов б о л у и б у р у т, не может быть принято за факт, тем более, что сами дикокаменные киргизы совершенно не знают слова б у р у т и удивляются сами, почему и откуда взяли китайцы такое слово. Мне кажется, слово бурут имеет такое [же] происхождение и отношение к киргизам, как данное русскими кайсакам название киргиз.

Доказательством существования народа киргиз в нынешних местах Дикокаменной орды служит замечательный факт, переданный Абелем Ремюза и выписанный нами в извлечениях из Риттеровой Erdkunde von Asien[79].

Абульгази, кроме вышеприведенного, решительно ничего не говорит о киргизах и только раз в числе беков Джагатайской орды упоминает киргизского родоначальника Бек-Баглы баhадура, قرعز بك باعلى بهادور اويشون بافلى ميرزا который вместе с уйсунским Баклы-Мирзой открыл заговор найманов на жизнь Араб Мухаммед-хана[80]. Мухаммед-хан вступил на ханство в 1011 году гиджры, следовательно, событие это относится к тому времени, когда киргизы сибирские были еще на своих местах. При всей своей краткости этот факт есть единственное указание существования киргизов и в Мавренагре.

<Основываясь на этих данных и на показаниях самого народа, который совершенно опровергает это, не знает и не помнит о движении своем и единогласно считает своей родиной горы Анджанские, невольно приходишь к заключению, что не были ли киргизы [выходцы] анджанские? Действительно, что дикокаменные киргизы живут на нынешних местах, т. е. в горах от Кашгара до Анджана, издавна. Народное предание сохранило даже имена двух родоначальников, которые подчинились влиянию киргиз [-кайсацкого] хана Ишима, жившего в Туркестане около 1630 года.

Абульгази в своей истории не обратил никакого внимания на казаков [-кайсаков], ногайцев и киргиз, хотя, по-видимому, хорошо знал их обстоятельства. Изгнанный из Хорезма, он пользовался гостеприимством киргизского хана Ишима>.

Историю свою Абульгази писал именно [в] 1074 году гиджры, следовательно, почти современно с предполагаемым переселением киргиз. Невозможно думать, чтобы Абульгази упустил из виду такое важное событие, как эмиграция целого тюркского народа. Да и трудно предположить возможность насильственного переселения целого воинственного и энергического*[129] поколения народа, каковы были киргизы, из мест, где они родились и вскормились. Джунгары, даже в эпоху своего могущества при Галдане-Черене, не могли совершенно подчинить своей власти нынешних дикокаменных киргиз. Если бы и в самом деле переселение это существовало, то могли ли дикокаменные киргизы забыть такой важный и знаменательный факт!

степь. Эти киргизы теперь составляют подрод Атыгаевского [рода], а [в] отношении родовых прав считаются наравне с 12 сыновьями (поколениями) родоначальника Атыгая (главного рода). У башкир они могли образоваться по тому [же] закону. Что касается до ногайских киргиз, то это другой вопрос, достойный более серьезного обозрения. См. ниже. *(Примечание Валиханова).*

*[129] Чтение предположительное.

В каждой песне, сказке отзывалось бы оно, и тысячи поэм явились бы, оплакивающих долины и равнины Абакана и Юсу. В эпической саге их «Манас», правда, говорится о движении «ногайских» родов после смерти известного Кукотай-хана на север, к Черному Иртышу, но движение это относится к ногаям и было с юга на север. В ней упоминается Хангай и Алтай и хан калмыков. Это единственная легенда, косвенно напоминающая Алтай, где была орда алтын-хана урянхаев, и Хаангай – средоточие монгольских племен халки. Собственно же поэма эта имеет предметом своим описание подвигов ногайского мирзы батыра Манаса. Сами киргизы и казаки представлены в ней в виде двух соседственных и дружественных с ногаями, но отдельных народов. Кочевья их сконцентрированы на юге, по Чу, Таласу и далее на восток (см. ниже). <Доказательством старожительства дикокаменных киргиз в Восточном Туркестане служит еще то, что они говорят одним и тем же языком – тюркским>*[130].

|| К числу преданий, доказывающих их старожительство, принадлежат так называемые «Ногайские предания», относящиеся по слову и характеру своему к XV веку*[131].

|| Другой не менее замечательный и отрицательный*[132] факт переселения в преданиях дикокаменных киргиз – это предания о ногайцах, как народе с ним соседственном и дружественном.

Ногайцы, надо сказать, в преданиях всех нынешних среднеазийских кочевников: кайсаков, киргиз и каракалпаков, занимают почетное место. Множество легенд, поэм, относящихся к этому народу, заимствованные в те времена по соседству, сохраняются до сих пор.

Ногаями они называют татар Белой орды и собственно ногайцев. У них, как и [у] кайсаков, Идигей (золотокудрый вождь) имеет свою сагу и знаменитый плач на разрушение спокойствия ногайцев – «когда 10 тысяч ногайцев*[133] пришли в смятение, когда умер Урмамбет-бий, [когда] черные леса орские загорелись», [плач], существующий у киргиз [-кайсаков] и башкиров, поется и их песнопевцами, рчи.

Предание это относится к приходу калмыков, которые с Ори стеснили ногайцев и выгнали их за Яик. Мне случалось после слышать от старых калмыков все эти легенды о походе Ухарлыка*[134]. Обстоятельство это относится к тому времени.

Поэма «Манас» собственное единственное романтическое произведение киргизского народа, имеет, как мы уже заметили выше, героем ногайского батыра Манас[а]. Хотя эта эпическая сага, очевидно, и подвергалась вставкам и исправлениям в позднейшее время, что ясно из упоминаемых в ней солонах и шариках на шапке, но все-таки сюжет ее, или основание, конечно, имеет собственные задушевные воспоминания киргизского народа, судя по чрезвычайной любви и уважению их к этому степному эпосу.

*[130] Порван край рукописи.

*[131] Переход с первых строк листа 35 об. на листы 36–37, а затем возвращение на л. 35 об. сделано по указанию самого автора.

*[132] То есть отрицающий.

*[133] 10 тысяч [он сан] означает у них – *народ*. Должно быть, первоначально народы монгольские и тюркские выше этого не имели счета. В Китае под 10 тысячами также разумеют слово народ. Императору желают «10» тысяч лет – Ваньсуй. Они говорят: император имеет 10 тысяч вещей, т. е. все, сколько ему нужно. *(Примечание Валиханова.)*

*[134] Так произносили казаки имя калмыцкого хана Хо-Орлука.

|| В преданиях дикокаменных киргиз ногайцы кочуют по Чу, Таласу и на озере Иссык-Куль. В преданиях кайсаков они доходят до Аягуза. В «Манасе» герой поэмы кочует на Чу, Таласе, называемом иногда Анджанским, иногда даже Самаркандским. Вообще во всех этих преданиях кайсаки и киргизы представлены в виде отдельных народов, но менее сильных. Отношения между ними вообще дружественны, даже родственны. У кайсаков о временах их соседства с ногайцами говорится, как о золотом веке. «В счастливые ногайцев и казахов времена», – говорят их эпосы в начале всякого сказания. Ногайцы (Большие ногаи) кочевали в XV и в начале XVI века, как известно, от Эмбы и Ори на юго-восток (см. «Книга Большому Чертежу»[81]), в нынешней киргизской степи вместе с кайсаками (Слияние).

Абульгази ногайцев называет всегда манкит*[135]. По его повествованию, Едыгей был из белых манкитов, Кочум был убит манкитами. Границы земель их на юго-востоке нам не известны, но о нападениях их на Ташкент сохранились записи.

Нельзя отвергать вообще показания преданий кочевников о распространении кочевьев ногайских. Согласно им, нынешние кочевья Большой орды (Семиречье), Иссык-Куль были занимаемы их родами. Знаменитый в народных воспоминаниях кочевой философ «Асан Горемычный», по преданиям киргиз, кочевал на Джиргалане. По свидетельству Абульгази, в XIV веке нынешние земли дикокаменных киргиз принадлежали к Джагатайской орде и после – к уделу кашгарских ханов. Исен-буга, первый государь этого удела, получил в удел все города Малой Бухарии, Уйгурскую землю, Алатав и Могулистан (это, конечно, нынешняя Джунгария). Сын его Тимур-Туглук, принявший ислам, кочевал при реке Иле, в сердце Дзюнгарии. Могила этого государя находится в 35 верстах на северо-восток от Кульджи и известна у туземцев под названием мазара Туглук-Тимур-шаха. Следы владычества мусульман являются здесь всюду. Я сам видел несколько монет, принадлежавших этому государю, найденных в окрестностях его гробницы. Кроме того, в Семиреченском крае найдены были разные вещи, в числе коих и золотой перстень с мусульманскою надписью «Арслан». Ногайцы около этого [времени], распространив свои кочевья по степям до Сыр-Дарьи и Чу, могли занять эти места после переселения орды ханской в средоточие оседлых владений, в пространстве между Яркендом, Кашгаром и Хотаном, что произошло тотчас после смерти Туглук-хана, и занять Иссык-Куль и Семиречье, обильные пастбищами и благоприятные для скотовода. Ойратство четырех монгольских поколений[82] образовалось в горах Южной Сибири, [на р.] Или, в Тарбагатае. Движение их на юг, конечно, относится к тому самому времени, как и переселение Тушети-хана хошоутов в Хухунор и движение Ухарлыка торгоутов на север. Как бы то ни было, киргизы, согласно преданиям, кочуя около Анджана (в верховьях Сыр-Дарьи), были в соседстве с ногаями, которые, как известно по «Книге Большому Чертежу», жили в нынешней Киргизии от О р и до С ы р-Д а р ь и.

К этому периоду времени относится предание о первом и последнем хане Дикокаменной орды Д у ч и-х а н е по прозванию Алатай, который был сыном Джанибека, называемого некоторыми ханом ногайским, другими же – казачьим. Джанибек был, по преданию, первый хан казаков из дома чингизидов-джучиханидов. Абульгази, подтверждая эти предания, детей его называет казакскими ханами*[136].

*[135] *Abulghasi Bachadür chani.* Historia Mongolorum et Tatarorum..., стр. 127–128.

*[136] О ногайцах и о происхождении киргиз-кайсаков я имею в виду поговорить более подробно в другой

|| Сын Джанибека Касым был убит в знаменитом узбекском завоевании Мухаммед-Шибани-ханом, завоевавшим Мавранагр около 1505 г. и убитым персидским шахом Исмаилом[83] [в] 1510 г. Следовательно, согласно этим преданиям, в XV и XVI вв. киргизы были в горах Анджана.

Народное предание сохранило имя двух своих родоначальников, которые подчинились влиянию кайсацкого хана Ишима, жившего в Туркестане около 1630 г. (см. Абульгази)*[137], – следовательно, тоже ранее предполагаемого переселения, ибо в 1356 г.*[138] киргизы упоминаются еще в летописях. Итак, предания [киргизского] народа с точностью, достойной вероятия, отрицают господствовавшее мнение, почти фактически подтвержденное многими учеными о них, как о переселенных сибирских киргизах. Было ли это переселение действительно, или нет?

В этом кратком обзоре мы представили по возможности все известные нам исторические данные о киргизах, как о народе, обитавшем в Южной Сибири и переселенном на нынешние места кочевок в конце XVII века, и мнения противные ему, высказанные некоторыми учеными, и, наконец, заключение, согласно преданию народа и некоторым уважительным данным, представленным китайской историей и Абульгази.

По мнению нашему, предания народа в этом отношении заслуживают уважения, если упоминаемые достойным нашим ученым г. Левшиным, труды которого относительно истории среднеазийских кочевников будут всегда драгоценны, известия о договоре заимствованы от неофициальных современных источников. Впрочем, каждому представляем судить об том согласно тем указаниям, которые мы собрали. В следующей же статье представим [этот вопрос] в порядке исторического обзора Дикокаменной орды на основании народных сказаний и показаний старейшин.

|| Вот данные в пользу второго предположения. Во всяком случае, как кажется мне, совершенно отделять его [киргизский народ] от киргизов древних, как [делает] отец Иакинф, нет достаточного основания, а напротив – непременная связь их по одному только имени – уже очевидна. Это не пустое этимологическое сходство и созвучие.

Существование киргизов, как народа тюркского, возводится восточными историками в баснословную эпоху тюркской истории Огуза. Китайцы же под именем ki-li-ezu, кили-цзи-су и кир-цзис также знали их давно. Юстиниан[84] еще в [568] году получил в подарок от владетеля алтайских тюрок невольницу родом kirgis.

Южная Сибирь была постоянным местом их первобытного кочевания. Это неоспоримые факты. История кочевых племен с наидревнейших времен представляется нам в виде отливов и приливов из одной стороны в другую. Всякий политический переворот, война производили движение, перемену кочевок. Части разных поколений, увлеченные потоком общего движения, смешивались с другими поколениями и являлись на противоположных краях от старых своих кочевок. Примеры подобных явлений беспрестанны и повторяются с кочевниками до сих пор. Очень может быть, что отделение нынешних киргизов от сибирских собратьев принадлежит к одному

раз. *(Примечание Валиханова.)* См. «Киргизское родословие» в настоящем издании.

*[137] *Abulghasi Bachadür chani.* Historia Mongolorum et Tatarorum..., стр. 167.

*[138] Описка, следует: 1635 г.

из подобных движений, происходивших давно, может быть, до Чингис-хана, в эпоху движения уйгуров с Икар-Муруна или же при нем. Хотя из истории монголов и по современному жительству поколений Южной Сибири *и* видно, что они живут на тех же местах, где были при Чингисе, но из существования рода б о р г у т[85] между бухарскими узбеками и киргизов между ногайцами, и туленгутов между казаками – нельзя сомневаться в участии их, хотя, может быть, и в ничтожном числе родов, в военной эмиграции монголов. В Южной Сибири, в Томской и Красноярской губерниях мы и теперь между разными самоедскими поколениями находим бургутов (бурт), кэнтенги[86], урянхайцев, туленгутов[87] и хорин[88] (хоринские буряты) и другие племена, населявшие, по Рашиддину, лесную страну Бархуджин-Тукум.

Что касается до сибирских киргизов, то в существовании их и теперь в Томской и Красноярской губерниях мы, [на] основании некоторых данных, не сомневаемся. Известно, что сибиряки всем инородцам дают свои имена. Бурят они называют братские, якуты называют себя с а х а, чулымские татары – корзагал и проч. В «Статистическом обозрении Сибири»*[139], «составленном из официальных источников», мы видим, что в числе инородцев томских есть буруты и какие-то черневые татары. По крайней мере около 1825 года еще были в Сибири киргизы – и под своим именем киргиз. Господин Языков[89], пользовавшийся для примечаний к своему изданию «Путешествия к татарам» трудами Г. Спасского[90], знатока сибирской истории и народов и издателя замечательного [журнала] «Сибирский Вестник», говоря о древних киргизах*[140], || обитавших якобы близ реки Кянку, впадающей через Абакан в Енисей, говорит: «Теперь живут там киргизы, между коими есть одно племя, называющееся кереитами*[141]». Исчезновение же их в конце XVII века со страниц сибирских летописей, которые они пополняли изрядно своими набегами, могло произойти по тому же закону вымирания кочевых племен, как [например] знаменитые алтайские урянхайцы. Они существуют теперь в лице двух потоков, известных у нас под названием двух двоеданнических волостей. Одного только страшного набега достаточно, чтобы обессилить навсегда кочевой народ, лишить его скота, т. е. силы, обезоружить.

Быстрое исчезновение, падение самой Дзюнгарии служит разительным примером внезапного исчезновения [сибирских киргизов]. Еще сильные при Галдан-Черене, умершем в 1745 году, в 25 лет [ойраты] падают совершенно, и старинное имя ойротов исчезает не токмо из истории, но и из воспоминания соседей, и остатки их, как самые ничтожные варвары, пасут манджурский скот, раздробленные по разным концам обширных своих земель. В один год (1763) погибло до миллиона[91] народа*[142] и на пространстве лучших их кочевьев от Тэмирту-Нора (Иссык-Куля) до Тарбагатая не было ни одной кибитки. Примеров же условного разумного переселения в истории монголо-тюркских племен совершенно не видно. Ни сильные хунну, [ни] тугю и монголы не прибегали к подобной мере, хотя непокорные и строптивые поколения окружали их всюду.

*[139] *Гагемейстер Ю.* Статистическое обозрение Сибири. – I–III. СПб., 1854.

*[140] В рукописи далее одна строка испорчена.

*[141] *Языков Д.Я.* Собрание путешествий к татарам и другим восточным народом в XIII, XIV и XV вв. СПб., 1825, стр. 282, прим. 67.

*[142] *Иакинф.* Описание Джунгарии и Восточного Туркестана, ч. 2, стр. 102.

При всем том развить этот вопрос до известной ясности, принимая первое – дикокаменных киргиз за один и тот же народ с сибирскими киргизами, но переселившийся до Чингиз-хана или современно ему в Восточный Туркестан; второе, что сибирские киргизы исчезли не от переселения, как поняли прежде, а ушли вследствие разных неблагоприятных [обстоятельств], [и] живут на тех же местах, где жили прежде. Впрочем, все это нами сказано как предположение. Разъяснение этого, пока темного, предмета мы оставляем времени и новым изысканиям.

* * *

|| Народ киргизский, как племя от общего тюркского корня, упоминается у всех восточных и китайских историков. Абульгази говорит: «Киргиз – родоначальник киргизов, был сын Огуза (родоначальника тюркских народов) и проч. и т. п.».

Невозможно полагать, чтобы дикокаменные киргизы, будучи потомками енисейских киргиз, могли в такой короткий период времени забыть о эмиграции своей на юг. Удивительно также то, что в преданиях своих о Манасе, герое ногайском, они с древнейших времен ставят себя в Анджане, даже отца своего красную собаку*[143] قزل تايعان производят оттуда. О родстве своем с кайсаками, узбеками и татарами, как народами, происшедшими от Золотой орды, говорят все их саги: у них так же, как и у кайсаков, Едигей имеет свою сагу, где воспеваются его деяния. Даже на падение кочевой Ногайской орды у них существует плач, который начинается так: «Когда десять тысяч ногайцев взволновались, когда Урманбет-бий умер, когда черные орские леса загорелись...».

О пребывании на Енисее они решительно ничего не знают. В «Манасе», например, являются ногайцы на Чу под названием ташкентских, как в преданиях киргиз [-кайсаков] ногайцы кочуют на Аягузе. Но, впрочем, в «Манасе» кайсаки и киргизы представляются в виде отдельных народов, в общих интересах, связанных с ногайцами. Отношения между ними чрезвычайно дружественны, даже родственны. У киргиз тоже о временах единства ногайцев и кайсаков говорится как о золотом веке. «В счастливые ногайцев и казаков времена»,– говорят их эпосы в начале каждого сказания.

Понятно, что киргизы и кайсаки, кочуя с ногайцами вместе, почти соединенно (см. «Книга Большому Чертежу»), и происходя из остатков Золотой орды, могли быть дружны, как связанные общим происхождением, языком и преданиями. Но удивительно, чтобы киргизы, народ, не имевший никаких отношений с ногайцами, живший внутри Сибири на грани, в сношениях с калмыками, урянхайцами мог потерять все свои коренные предания и позаимствовать от других. Предположить это трудно, тем более, что ни с киргизами, ни с узбеками дружественные отношения у них не были*[144]. Мнение отца Иакинфа*[145] о разности киргиз сибирских от киргиз анджанских согласно с преданиями последних имеет основание. Хотя также трудно предположить, чтобы калмыки в период своего могущества не могли управиться [с] одним отоком и, наконец, чтобы такой народ, как киргизы, умевший сохранять свои

*[143] Кызыл-тайган *(кирг.)* – красная борзая.

*[144] На полях имеются написанные рукой Валиханова две строчки из известного стихотворения М.Ю. Лермонтова «Ветка Палестины». «Когда листы твои сплетали Солима бедные сыны»...

*[145] *Иакинф.* Историческое обозрение ойратов, или калмыков...

права от русских, зюнгар и алтын-хана, мог за несколько лет совершенно исчезнуть. Решить этот вопрос нет никакой возможности. Род киргиз в башкирских волостях и волости киргиз между ногайцами также намекают на родство их с ногайцами. Род киргиз между ногайцами никак не мог произойти от военнопленных, как произошел он у кайсаков. В те времена, когда ногайцы кочевали в степях, называемых ныне киргизскими, киргизы (буруты) были на Томи. Следовательно, делать такие дальние набеги ногайцам не было никакой возможности. Они должны были проходить через улусы зюнгаров, через Иртыш и через тысячи других препятствий. Наконец, сказание свежих преданий об отношениях биев, родоначальников их, к хану киргизскому Ишиму, царствовавшему в Туркестане около 1636 года, определяет время их исчезновения.

В 1646 году объявили зюнгары претензию на барабинцев, киргизов и карзагалов (История] четырех] ойратов] с. 57)*[146].

Со смертью Батора хон-тайдзи [1654] сношения наши с зюнгарами прекратились, а поэтому и о дальнейшей участи киргиз [мы] ничего не знаем[92]. Известие же Фишера о переселении киргизов в пространство между Коканом и Кашгаром могло действительно быть основано на созвучии слов.

О названии бурут, которое дают Дикокаменной орде китайцы, народ совершенно не знает, даже рода с подобным названием между ними нет, хотя китайский географ и говорит тоном положительным о бурутах, как о потомках народа пулу, обитавшего искони веков на местах кочевой орды (Klaproth, Magasin asiatique). Судя по генеалогии предков народа, орда эта была невелика численностью, и сами они говорят, что сильнейший их родоначальник Кукем, современник хана киргизского Ишима, имел 500 человек.

|| Язык. Дикокаменные киргизы говорят наречием тюркского языка, весьма близким к диалекту, господствующему в Восточном Туркестане. Наречие это, называемое некоторыми ориенталистами уйгурским, разделяется на письменное и народное. Письменное имеет большое сходство с джагатайским, между тем как народное содержит в себе множество своеобразных слов, может быть, древнетюркских, а также немало монгольских. Дикокаменные киргизы говорят несколько грубее и имеют [в языке] еще более монголизмов. Кайсаки понимают их с трудом: кроме множества чуждых для кайсаков слов, даже одинаковые слова имеют разное значение, часто диаметрально противоположное.

Для любопытных, изучающих тюркские языки, представляем небольшой словарь:

Купмак – встать. Слово это, хотя и существует у киргиз [-кайсаков], но не употребляется в разговоре, а заменено глаголом – турмак.

Муштамак – бить – урмак.

Чугылмак*[147] – собраться. У кайсаков [оно] есть, но не употребляется.

Саймак – колоть, у кайсаков – чанчмак*[148].

Аяч*[149] – женщина – хатун.

*[146] *Там же.*

*[147] По современной киргизской орфографии: *чогулмак.*

*[148] *Так же: саймақ, сайспақ.*

*[149] *Так же: аяш.*

Чон – большой, великий – улкан, улуг.

Мала [мали] – время. У киргиз [-кайсаков] мало употребительно, встречается в древних песнях, обыкновенно [вместо него] употребляется арабское [слово] в а к ы т и персидское – з а м а н.

Уй – рогатый скот – сыир.

Инек уй – корова.

Кона*150 – бык – угуз.

Масал – поговорка – макал.

Калп – ложь – утрук [тан, тану, танбак].

Нарк – обычай, закон – زانك зан.

Тан – не знаю (монгольское) – билмаймен.

Шульджен*151 – насмешка – килямядж*152.

Эрр [ыр]– песня – улен [жыр].

Эррчи [ырчи]– певец – уленчи [жыршы].

Комуз – балалайка – домбура.

Кияк – род кобзы – кобыз.

Аил – аул – аул.

Кышык – кривой – клый [кысык].

Тугер [токор]– хромой – аксак.

Дулой – глухой – санрау [дулей].

Асты – перед, начало. У киргиз [-кайсаков] это слово имеет противное значение и означает низ и конец.

Инныр*153 – асты копты – когда начали вставать.

Эми – теперь – имди [енді].

|| Названия же предметов и вещей совершенно различны.

Мык – гвоздь – чига [шеге, мық].

Тулга – очаг –[тулга, ошақ].

Кибяз [кебез]– бумага.

Шуру – корольки – марджан.

Кугяр*154 – бурдук – турсук, мэс [каукар].

Кук – лог – сай.

Зау*155 – скала – чын.

Чаучык*156 – чашка – тустаган [тостаған] и проч.

В выговоре замечаются следующие особенности: *к* переходит в *к*, вместо куль – озеро, они говорят кул; *б* – часто в *м* – буун и наоборот; *д* в *т*, даус – тывыш.

Букву *ш* произносят так, как татары, и не упускают подобно кайсакам. Повелительное наклонение [во] втором лице имеет окончание *гын:* вместо бар – б а р г ы н. Отрицание в 3-м лице выражают частицею *лек,* прибавляя ее к корню глагола. На

*150 Чтение предположительное.

*151 В современном киргизском языке: *шылдың*

*152 Точнее: *колемеж.* Говорят также *шолжын,* но в значении: баловник, шалун, баловень.

*153 Точнее: *иңир.*

*154 Точнее: *көөкөр.*

*155 Точнее: *зоо.*

*156 Точнее: *чөөчөк.*

вопрос – пришел? – ответ: كيله لك – киля-лик. К особенностям языка относится тоже ничего не значащая частица «иле», беспрестанно вставляемая между словами, и вспомогательный глагол і й м е к. Кроме разницы, заключающейся в словах, и самые обороты фраз отличны от общетатарских.

Также бросается в глаза отсутствие арабских и персидских слов, вкравшихся во множестве во все татарские языки. Мне случалось слышать всесветное мусульманское приветствие в таком изуродованном виде и употребляемое так некстати, что трудно было его признать: «Асалям алейкум» приняло форму «салау да салау малик», а слово «лягнат» – проклятие – под формою «нанять». Неизбежные с исламом восклицания «Машаллах!», «Барек Алла!» и прочие не успели еще утвердиться среди черных киргиз и не знать их простительно. Куки (крик отчаяния), а й д а й у ч а л а к о у з – похвалы, ауба (согласие). Клятва дается ими не арабским: уллахи, белляхи, уа таллахи, а фразой: «майнеке булаен» (значение которой я не мог добиться от самых знающих старейшин) и т а ш – т а р т а и н – буду возить камни.

Идея и сила сверхъестественного, благодательного для человека свойства, заключающегося, по мнению кайсаков, в некоторых предметах и животных, каковы: храмы, гробницы святых, одинокое дерево, сова и пр., выражаются у дикокаменных киргиз тюркским словом т у к с а н, что значит девяносто, между тем как наши киргизы прибегают для выражения этого понятия к арабскому «хасият» и финскому к е р е м е т ь.

Из этого краткого обзора || очевидно, что дикокаменные киргизы сохраняют в языке своем много первобытных форм тюркского языка, и изучение его для ориенталистов, занимающихся родственным монголо-тюркским языком, принесло бы много пользы.

С а м о р о д н а я с л о в е с н о с т ь. Древние киргизы, по свидетельству китайцев и мусульманских писателей, имели письмена и стояли, сравнительно других кочевников, в высшей степени культуры. Черные киргизы в этом отношении представляют факт, совершенно противоречащий законам свободного прогресса. В какой степени их предки, знаменитые изобретатели «не более 12 зверей[93]», превосходили своих современников, так и нынешние киргизы далеко превосходят своих соседей невежеством и дикостью. Во всей Орде нет ни одного грамотного человека, даже человека, знакомого с первыми правилами своей религии. Полуграмотные ташкенцы и татары теперь только явились у немногих манапов в качестве мулл и отправляют религиозные требы, разумеется, с грехом пополам. У одного родоначальника в колене бугу, сколько я слышал, дети начинают учиться грамоте – известие утешительное.

Единственные памятники умственного развития народа составляют изустные эпические сказания в формах прозаической и в стихе. Роды народной поэзии киргиз суть: первое – с к а з к и (джумок) جمق и предания о происхождении народа и о замечательных случаях из жизни знаменитых родоначальников. Сказки большею частью касаются мира духов и отношения его к миру действительному. Великаны (алпы), людоеды (ялмауз) и злые ведьмы (яланкыч) враждуют с человеком, который всегда выходит победителем. Герой сказки обыкновенно единственный сын какого-нибудь хана или богача и растет, как и в русских сказках, не по дням, а по часам. Он имеет не менее чудесного коня, который во время процесса сказания из годового же-

ребенка делается шестилетнею лошадью. Лошадь богатыря владеет даром говорить (арбу) и во всех случаях служит господину добрым советом. 20-летний богатырь с жестокостью оставляет рыдающую мать, старика-отца и отправляется искать приключений. Битвы с великанами подземного царства и алпамыс (существа вроде царя Кащея) и освобождение красавиц, томившихся в неволе [у] великанов, суть главные сюжеты сказок. [Вообще] дикокаменные сказки чрезвычайно сходны со сказками татар. Сказки имеют форму прозы, но говорятся всегда известным образом принятых выражений и разных прибауток. Исторические предания тоже не чужды фантастическою элемента.

Киргизские семейные воспоминания тщательно || сохраняются и передаются из рода в род, из века в век.

Второй род народной поэзии составляют эпические рассказы о войнах племен, о подвигах богатырей, [это] род поэм или героических саг. Из них нужно отличать собственно народные и заимствованные от кайсаков. Эпический эрр имеет размер и рифму. Хитрость стихосложения состоит в созвучии сравнений, т. е. в подборе созвучия начальных слов первого и второго стиха. Гоняясь за этим двойным рифмованием, они делают удивительно простые сравнения, чтобы только удовлетворить требования закона метрологии. Например, одна песня в «Манасе», песня о поминках Кукотай-хана, начинается так:

Алтын эрден каши икан,
Ата[лы] юртнын баши икан, т.е.
Был лукой золотого седла,
Был отец для всего народа;

или:

Кук дунаннын басы бар,
Кукотай-ханнын асы бар, т.е.
У серой лошади есть голова,
По Кукотай-хане есть тризна.

Здесь золотое седло (алтын эр) и серая лошадь (кок дунан) упоминаются для того только, чтобы доставить созвучие словам ата[лы] юрт и Кукотай-хан.

Нет сомнения, что главное и едва ли не единственное произведение народного гения дикокаменных киргиз в стихотворной форме есть сага «О Манасе». «Манас» – это энциклопедия, собрание всех сказок, повестей, преданий, географических, религиозных, умственных познаний и нравственных понятий народа в одно целое, [приуроченное] к одному времени, и все это сгруппировано около одного лица, богатыря Манаса. «Манас» – произведение целого народа, вырастившего плод, созревавший в продолжение многих лет,– народный эпос, нечто вроде степной Иллиады. Следы позднейших добавлений и украшений видны в ней с очевидною ясностью: может быть, самое сложение ее из прозаического [джумока] в поэтическое – всеми чертами есть произведение позднейших времен. Трех ночей не достаточно, чтобы послушать «Манаса», столько же нужно для «Манаса второго», его сына [«Семетея»].

Третий род [народного творчества] составляют песни, обыкновенно краткого содержания, употребляемые для напевов и в играх, и песни обрядовые. Таких песен очень немного, и все [они] большею частью имеют двусмысленное содержание.

Степных певцов, импровизирующих приличные к торжеству похвальные песни, как у кайсаков, нет. Вообще начатки поэзии в этом более воинственном народе гораздо слабее, чем у кайсаков.

|| Киргиз-кайсаки наделены от природы живым умом и удивительно впечатлительны [...]; у них в каждом роде есть импровизатор, воспевающий подвиги султанов и старину. У киргиз [-кайсаков] много героических эпосов, легенд и сказок, и киргизы любят песни и музыку. У дикокаменных же киргиз песни*[157] совершенно не в употреблении, только эпосы их из времен Золотой орды во всем сходны с киргиз [-кайсац]-кими. Только поэма «М а н а с» как по языку, так и по характеру есть произведение их народного ума. Манас сын Якуб-бая, бия одного ногайского поколения, кочевавшего по Таласу и Чуй. Манас рос не по годам, а по дням и шестнадцати лет сделался батыром. У Манаса чрезвычайно чувствительное сердце, он очень любит хорошеньких женщин. Чувствительность его превосходит границы. Получение руки ханской дочери Канкея, у которой «...лицо бело, как снег, и румянец ланит так красен, как кровь, упавшая на снег», не остановило его. Узнав, что у хана калмыцкого есть красавица дочь «с волосами, доходящими до пяток», он отправил своего отца-старика сватать красавицу. Хан оскорбился и дал следующий ответ: «Руби, руби лес, и возьми себе топливо – с равным себе сватайся. Вези, вези связками топливо – с подобным себе братайся. Моей дочери приличен ханский сын, твоему сыну прилична бийская дочь». Разумеется, что такого батыра, как юный Манас, сына Якуба, многим ногайцам глава Манас, угроза ханская не могла устрашить, он начинает войну и с оружием в руках добывает длинноволосую. Сбор красавиц этим не оканчивается. Манас начинает еще войну с каким-то ханом какого-то народа. Яблоком раздора по обыкновению – опять красавица, «... имеющая 15 лет возрасту, с запахом, подобным мускусу и с зубами как жемчуги». Словом, вся поэма состоит в восхвалении беспорядочного поведения какого нет повесы Манаса, жадного до похищения красавиц. В конце поэмы у Манаса в гареме собирается до 100 царевен разных наций, которые от слишком близкого столкновения, разумеется, начинают междоусобную войну, подражая в этом бранолюбивому духу времени. Странно и непонятно в поэме одно обстоятельство. У дикокаменных киргиз старики вообще, не только отцы, пользуются уважением молодежи. Но Манас же, герой поэмы, с отцом своим поступает слишком жестоко. Старик Якуб исполняет все трудные его поручения: он сватает красавиц, бродит для отыскания новых из страны в страну. И что же в награду за все это? Единородный его сын, Манас, за неуспешное сватовство наказывает его жестоко – угоняет у него скот и оставляет старика-отца и старушку- мать до приобретения нового скота без кумыса и мяса. || Обращение же к отцу всегда бесцеремонно. «Я нагляделся уже довольно [на] народы и землю, и вошел в возраст. Скажите отцу, чтобы он отыскал красавицу в народе». Якуб с послушностью достойною сына, седлает лошадь и рыщет из страны в страну до тех пор, пока лошадь его не высохнет, как ргаева палка, и известное тутоядное насекомое его не сделается величиною с воробья. Всех встреченных пытает Якуб такою речью: «Я отец громкого от Таласа до Чу храброго Манаса, Якуб-бай. Я не хан, но не хуже я хана – хан Якуб я. Единородному Манасу не находя приличную пару, весь горизонт я обошел. Замучил меня непреклонный Манас, не видел [ли] ты в народе красавицу?»

*[157] Имеются в виду лирические напевы.

Вот общий характер поэмы. Она замечательна в отношении языка и по чрезвычайно правильной географии описываемых местностей. В отношении историческом она любопытна, как картина прежних нравов и понятий дикокаменных киргизов, по упоминанию в ней разных народов, обитавших от Таласа до Или и до Кашгара. В «Манасе» на Таласе и Чу кочуют ногайцы, в Анджане – дикокаменные киргизы, и по Сарысу – кайсаки, на Или же и озере Иссык-Куль кочуют калмыки. В набегах на калмыков сталкиваются все народности, но отношения ногайцев, киргиз и кайсаков дружественны. Кроме «Манаса», [других] поэм нет.

Музыкальные инструменты их такие же, как у всех ордынцев: балалайка (комзо), дудка и чебызга (род флейты). Играющих на них очень мало, только молодые девицы любят импровизировать разные арии на дудке. Во время похода дикокаменные киргизы употребляют трубку, издающую резкий и неприятный крик сернай. Обычай этот собственно их; кайсаки военной музыки не знают.

|| Религия и умственные образования. Все дикокаменные киргизы исповедывают мусульманскую религию или, лучше, называют себя мусульманами, не зная ни догматов веры, ни его треб. Все обряды их и поверья до сих пор сохранили полный оттенок шаманства, справедливо считаемого первой религией среднеазийских рас. Поверья, обряды и заклинания шаманства их совершенно сходны с шаманским же элементом киргиз [-кайсаков]. С учреждением указных мулл, с построением мечетей, благодаря попечительству русского правительства, в Орде наших киргиз все эти поверья и обряды искоренились, но у дикокаменных они еще в силе: ни муллы, ни ходжи и другие || мусульманские учители не были еще среди этого народа. Не только грамотных людей, разумеющих элементарные начала веры, даже исполняющих пятивременный намаз и рузу между дикокаменными киргизами нет. Единственная заповедь ислама, которую они знают и исполняют, – это отвержение свиньи, как нечистого животного, зато другой радикальный принцип [мусульманской] веры – воздержания от вина, назло Мухаммеду-избраннику и его корану, попирается безбожно, вино составляет их радость и утешение. У них нет веселия без вина, как у древних руссов Владимира. О состоянии неподложной веры у дикокаменных киргиз вы можете судить из следующего факта, за неприложность которого я, как действующее лицо, ручаюсь.

В одном дикокаменном ауле между нашими кайсакскими биями и киргизскими манапами шел доверительный разговор о близком родстве этих двух народов, наконец дело дошло до веры: киргиз-кайсаки начали упрекать их в религиозном невежестве. Разумеется, что дикокаменные защищали себя. В жару прения один из кайсаков сделал испытательный вопрос: «Какие вы мусульмане, кто у вас пророк?» «Пророк, конечно, пайгамбар (пайгамбар – арабское слово, значит пророк)». «Да его имя?» Все почтенные манапы сильно призадумались и не смогли дать ответа. Я сам был свидетелем этого происшествия и прошу тому верить. Имя аллаха у них в большом употреблении, они называют его, как древние монголы, куктенгри (небобог). Огонь, луна, звезды суть предметы их обожания. Огонь есть высшая святыня. В чрезвычайных случаях дикокаменные киргизы с поясом на шее (такой же знак, когда поют псалом славы в средние века) приносят жертву огню, бросая в него жир. Духи умерших также получают значение божественное и в честь их ставят свечи,

приносят в жертву баранов. При обращении [к] огню и духу говорят следующее заклинание: «Мать огонь!*[158] или Отец дух!*[159] Памяти твоей поклон ... Тоба, Тоба! Помилуй». При этом жертвоприноситель сидит на одном колене, как стойка перед богом, и правой рукой делает на лбу знамение*[160].

Бахши, жрецы шаманства, имеют в этой орде большой почет и манапы гордятся этим титулом. Нынешний предводитель сарыбагышей Умбет-Али имеет это почетное прозвище. О шаманстве у кайсаков и киргиз я намерен говорить в другой раз и более подробно*[161].

|| Нравы и обычаи. Трудно определить в нескольких словах характер такого малоизвестного народа, как киргизы. Нужны факты, по которым должен судить всякий читатель. Предоставление таких фактов займет много времени, а потому мы ограничиваемся лишь некоторыми замечаниями [...]

Гостеприимство (святые гости, как у горцев), уважение их, как святых [...], почтение к старикам, повиновение главе – составляет их добродетель. Ругательства || между ними не терпятся. Оскорбление чести и осквернение матери ведут за собой войну. Месть за убийство есть заповедь.

|| Изустные законы, определяющие решение при различных делах, определяющие штрафы у них [киргизов], тоже существуют и в основании своем имеют общемонгольское степное право. Впрочем штрафы за воровство превосходят киргизские. За воровство одной лошади [у киргизов] вор платит хозяину 60 лошадей (!), решавшему бию – верблюда и бегунца. У киргиз [-кайсаков] же, напротив, штраф этот состоит из 20 голов лошадей разного возраста.

Дикокаменные киргизы более отважны, нежели кайсаки; беспрерывные междоусобные драки поддерживают этот дух в народе. В глазах наших был пример, Урман был убит родом бугу. Последовала война, кончившаяся совершенным разграблением бугу. Во всем роде не осталось ни одной юрты. Я проезжал через место происшествия: повсюду валялись кошмы, тела на пространстве четырех квадратных верст.

Женщины дикокаменных киргиз очень добры, детолюбивы донельзя. Все пленные киргизы восхваляют доброту женщин. Что касается до женской добродетели, то неприступность их – миф, впрочем, явное прелюбодеяние наказывается смертью.

В войне киргизы смелы, нападение их, первый натиск делается с [во] одушевлением. Впрочем, в бегство обращаются редко. Нападения они делают пешком. С пленными поступают жестоко, во все время держат их в колодках, руки и ноги заковывают железным прутом. Исход бывает двоякий: или продают в Китай и Кокан, или убивают.

Женщины пользуются влиянием на мужей, жены манапов не исполняют никакой работы. Даже у бедных людей женщины работают мало, словом мужья носят дрова... Неслыханное на мусульманском востоке извращение. К детям мужского пола отцы бывают строги, между тем, как дочери наслаждаются полным тарханством*[162]. Даже платья для дома своего не шьют. 18 лет девицы считаются уже засидевшимися.

*[158] По-казахски: *от ана.*

*[159] Атаның аруағы.

*[160] Таут, тау ету.

*[161] См. «Следы шаманства у киргизов», т. 4. настоящее издание.

*[162] То есть свободой.

15 лет есть возраст возмужалости девиц. Я сам видел много молодых а я ч – матерей семейства, которым было только 15 лет. Разумеется, что от такого раннего брака женщины стареют скоро. В 30 лет уже они старушки. Калым у богачей безграничен: 100 лошадей, 20 рабов, 10 беркутов и 10 ружей. Приданое не совсем соответствует калыму: 1 ямба, 100 халатов, сто одеял – это высший дар. Случаи такие бывают редко. Простой же народ продает дочерей по умеренной цене: 20, много 30, голов скота.

На праздниках свадебные игры бывают без песен, и игра состоит во взаимном лобзании девиц с джигитами.

Похороны делаются общие мусульманские. Поминки делаются очень богатые, байга бывает тоже богатая. На байгу в честь Ногая из рода салмеке в бугу призы для первой байги состояли: 8 тайтуяков*[163], 1 ямба*[164], 9 рабов, 9 белых верблюдов, 100 баранов и 50 лошадей.

Терпение к перенесению нужды составляет тоже их черту; для киргиза достаточно капа крупы, чтобы прокормиться несколько месяцев, зато при случае он ест за троих. На байге дикокаменные киргизы не гоняют девок, как у киргиз [-кайсаков]. Право это предоставляется только жениху.

[Свадебные обряды]. || Свадьба празднуется как у киргиз [-кайсаков] تاقيه سايدرما *[165]. При первом посещении жених должен палкой через отверстие кереги сбить с головы невесты (которая находится в юрте) девичью шапку, выражая тем, что она должна скоро проститься с девичьей своей жизнью. Если операция будет неудачна, жених за повторение платит выкуп. При отъезде же в дом жениха делается туй*[166]. В отдельной для того поставленной юрте собираются молодежь и девицы, усаживаются по двум сторонам женщины и мужчины. Начинается игра. Одна из девиц встает со своего места и выбирает молодца ударом платка. Джигит встает и говорит рифмованное четверостишие, за что получает в награду поцелуй. Процесс этого привилегированного лобзания делается так: [джигит и девушка] сначала становятся, касаясь спинами, потом вдруг оборачиваются, запечатлевают громкий поцелуй и расходятся.

|| Пир кончается так называемым «пошли вон». Это нечто вроде обряда «потушения свеч» у месопотамских эзидов[94].

В юрте делают мрак, один молодец выходит из юрты и кричит «пошли вон». По команде в одно мгновение каждый джигит берет девку и исчезает во мраке ночи...

Сватовство у них очень просто: приезжают три свата и едят барана, получают подарки и уезжают. Во время байги девку гоняет только жених невесты, больше никто. Зато гоняет до изнеможения. Джигита конвоирует молодежь, а девку – бабы.

|| Обряды при похоронах. После смерти каждого киргиза семейство его держит в продолжение целого года траур, который состоит в нижеследующем: на юрте стоит черный флаг, жена каждое утро и вечер должна неумолчно и гласно оплаки-

*[163] *Тайтуяк* (тайтұйақ – слиток серебра в виде копыта жеребенка.

*[164] *Ямба* (жамбы) слитки золота или серебра различной формы и веса, употреблявшиеся в Китае в качестве денег.

*[165] *Сбивание тюбетейки.* Один из видов свадебного обряда, исполняемый при первом посещении женихом невесты.

*[166] *Туй* (той) – пир, празднество.

вать, а при кочевке в придачу к тому царапать лицо. В продолжение целого года жена не переменяет одежду. Тризна в 10-й день и по прошествии года делается, как и у киргиз [-кайсаков], с байгой.

|| Во время поминок, когда кочевник изощряется для выдумки разных потех, дикокаменные киргизы превосходят все народы, следуя своему простому безыскусственному нраву. При нас была одна байга, на которой после байги, конного ратания, предложены были призы за борьбу победителю, за пение и проч. [...]

Лечение. Болезней в Дикокаменной орде мало: большею частью страдают глазными болезнями от действий горных снегов и чесоткой. Лекарей между ними очень много и употребляют единственное средство, как всеисцеляющее лекарство: что вы думаете? – воду. Выходит, что гидропатия существовала издавна и у народов даже диких. Больных купают в реке, даже и зимою, и заставляют пить беспрестанно воду. При нашем приезде у Буранбая невестка была больна воспалением горла и пила беспрестанно холодную ключевую воду. Подобное лечение холодной водой существует у туркестанцев семи городов. Крестьянин дальних деревень, занемогши какою-либо болезнью, обыкновенно купается в реке, не разбирая ни зимы, ни лета. В горячке, происходящей от запоров, тоже купаются в реке, или к заднему проходу приставляют трубку и внутрь пускают воду, чтобы содействовать послаблению вниз.

[Взаимоотношения с соседями]. || Кочевали они [киргизы] искони около города Анджана, что лежит между Коканом и Ташкентом[95]. Они в самые отдаленные времена вели войны с калмыками и туркестанцами. Известно по преданию, что потомки Абила и Кабила имели междоусобную войну. Дети Кабила, будучи сильнее и численнее абиловских, делали им притеснения.

Распря эта кончилась, наконец, победой детей Абила, и они, чтобы навсегда уничтожить, унизить врагов, положили законом для последующего потомства кун: цена за убитого Кабила назначена девятью головами меньше перед абилевскими. Кун же у дикокаменных киргиз – в 100 голов. Далее из преданий известно, что при отце Тагая они имели какие-то неприязненные отношения к какому-то хану Ир-Иче и впервые дали заложника, аманата. Этот первый аманат был Тагай. Иностранка, жена его, мать саяков, была дана ему в его пребывание ханом Ир-Ичей. Киргизы до сих пор, основываясь на этом обычае, дают киргизским султанам аманатов (ак-уйли)[96], детей из почетных фамилий, но киргизские султаны им не дают. Первое междоусобие и вражда сарыбагышей с бугу начались при Белеке (из бугу) и Булате (сарыбагыш). Булат был щедрый и благочестивый манап. Все свое имущество и скот раздал он бедным и дошел до того, что, когда жена его родила сына, он не имел барана, чтобы сделать обед. Булат пришел к жене Белека и просил барана.

Дикокаменная матрона отвечала || оскорбительно, намекая ему, что он может иметь баранов и она не обязана снабжать его обедом. Оскорбленный Булат (он был так беден, что приехал на воле) собрал свой род и при проходе Кудоре напал на коч бугинцев. Сарыбагыши заставили бугинцев проходить гусем мимо и выбрали девять красавиц, во главе которых была дочь Тугузбай-манапа, почему и эти девять девиц известны в преданиях под именем девяти дочерей Тугузбая (توعز بايدنك توعز قز). Вот начало вражды и превосходства сарыбагышей, их манапства. Манап значит сильный, превосходный.

Мы выше говорили, что дикокаменные киргизы вели постоянные войны, лучше [сказать] имели постоянные взаимные набеги с киргизами и калмыками. Во время зюнгаров перевес всегда был на стороне калмыков, и в памяти народа сохранился со всеми ужасами разрушительный набег Галдан-Чирена, принудивший их оставить реку Чу и бежать в Гиссар и Бадахшан, а кайсаков – [к] пределам Бухары. Этот бой был в 1723 г.[97] Кайсаки лишились Туркестана – столицы своих ханов.

С киргизами отношения их в те времена были более дружны и миролюбивы. Ишим-хан (живший около 1360 г.*[167]) имел в своем распоряжении родоначальника бия Кукема с چونك باعيش كوكم بى при помощи которого ему удалось низвергнуть Турсуна катаганского и чанчклинского. В память союза киргизов и казаков Ишим построил в Ташкенте башню, которая существует до сих пор и называется كوكمنك كوك كومبر *[168].

Тауке, сын Джангира, внук Ишима, управлял киргизами при помощи бия их Тиеса. Тауке-Тиеса признают вместе как воплощение] един[ства]. Эпоху же переселения*[169] их с Анджана и Чу на озеро Иссык[-Куль], на нынешние места кочевок, старики определяют временем разрушения царства хонтайдзиев, временем смут зюнгаров, после смерти Галдан-Черена. Тогда они с юга, киргиз [-кайсаки] с севера начали вторгаться на Илю и изгнали калмыков за реки Чилик и Чарын. Приход их, по исчислению стариков, участников эмиграции, начался в 1774 г.

При бегстве калмыков-торгоутов из России киргизы вместе с кайсаками грабили их жестоко, и, как говорят китайские историки, принесли более вреда беженцам, нежели киргизы[-кайсаки].

Набеги хана Средней орды Аблая в разные годы на их улусы еще свежи в народных преданиях. Аблай разбил род солты и саяков на Сарыбеле, на урочище Карабалта-Сукулук, где и убил знаменитого батыра, родоначальника солты Джаила*[170]. Особенно славится поход Аблая 1770 года, [когда] решалась судьба дикокаменных киргиз. В этой битве были все киргизы он и сол. Эта битва называется Джаилнын кыргыны – Джаилово побоище, а место битвы получило название Туйскен*[171]. Хан из Ташкента возвратил пленных. Сарыбагыши были им разграблены в горах Алатауских при верховье Чилика, а бугу – на озере Иссык-Куль. [Там был и] Атеке-Джирык, герой дикокаменных [киргиз] и прочие киргизы.

Киргизы терпели много поражений от Аблая.

|| Особенно памятен для дикокаменных киргизов набег Аблая в 1770 году, [в] котором выразился решительный перевес кайсаков и утвердились те отношения, которые теперь между ними и киргизами Большой орды существуют. Султан найманский Барак (Кукджал) جالدو باراق или كوك جال براق *[172] сделал набег на дикокаменных киргиз. Не находя никакого сопротивления, избалованный счастьем, он сделался слишком беспечным и, гордясь силою, осквернил святыню дикокаменных киргиз – могилу

*[167] Описка, следует: 1630 г.

*[168] Көкемнің көк күмбезі – синий купол Кукема.

*[169] Имеется в виду возвращение киргизов на Иссык-Куль после ухода оттуда джунгарских калмыков.

*[170] Против этого на полях рукой Валиханова написано جايل ننك قزى بكمجان – дочь Джаила Биксмжан.

*[171] Поле битвы.

*[172] Точнее: *Кокжал-Барак* или *Жалды-Барак* – буквально: гривастый или синегривый Барак.

Кошкар-ата. Дикокаменные киргизы, озлобленные его жестокостью, тайно условившись, собрались и ночью напали на его стан*[173]. Непобедимый Барак без всякого сопротивления бросился в бегство, оставил весь свой лагерь и был преследован до Или.

جالدو براق قاچقاندا
بايفاق بى اولگانده.*[174]

Киргизы приписывают это неожиданное бегство заступничеству святыни.

Аблай с сильным войском из аргыновцев, найманов и уйсунов для отомщения за поражение Барака перешел через верхние притоки Таласа, Уч-Кошай и под горою Крунбелес*[175] разбил сборные аулы солту и саяков, и с несметной добычей и пленными на возвратном пути через Кзылсу, Шамши, впадающих в Чу, он встретился с несметными полчищами киргиз он и сол. Дело происходило на Чу, в долине при впадении Аксу и Кызтугана. Сопка Токташнен-Каратобе была средоточием ставки кайсаков. Кайсаки остались победителями, хотя киргизы дрались насмерть, чтобы освободить своих пленных. Родоначальник солты Джаил с двумя сыновьями, Усен и Теке, пали на поле. Дикокаменные киргизы понесли ужасный урон: из рода чонбагыш остались только два аула, а из отделения чонтолкан только 40 человек.

Плач дочери Джаила Бикемжан بكم جان , бывшей женою Атеке, поется киргизами до сих пор, и воспоминание об этой битве еще свежо под названием джаиловского побоища.

|| Депутаты от всех дикокаменных родов отправились вследствие этой битвы в Кокчетав, прося мира, и впервые обязались не убивать друг друга и дали заложников: сам Исенгул – сына своего Наймана – от бугу, из рода арык – Джанбалу, от рода асык – потерь его нет, дали одного. Эти три рода были самые сильные. Солту тогда ничего не значили.

От Аблая они [киргизы] оставили Илю и заняли нынешние кочевья. По миру решили: от озера до Чу – кочевья киргизов, а от гор на Илю – кайсаков.

|| Из пленных киргиз Аблай составил две волости под названием Я н а-Киргиз и Бай-К и р г и з, которые до сих пор существуют в Кокчетавском округе в составе атыгайских родов. Вот все, что можно было узнать от стариков о прежней жизни их народа. Все эти известия совершенно не согласны с историческими данными о народе киргиз*[176].

|| Дикокаменные киргизы были всегда независимы, но, кочуя частью во владениях Китая, частью в землях ханства Кокан, некоторым образом косвенно подчинялись наружно их влиянию. Со времени покорения Зюнгарии и основания пограничных китайских пикетов Дикокаменная орда не стала продолжать своих набегов на калмыков и начала, ради кочевых мест, сближаться с китайцами. Многие родоначальники, манапы орды, имели от богдыхана (которого они называют и д ж а н-х а н) знаки шаров разных степеней, и нынешний представитель рода бугу манап Буранбай

*[173] Далее слово не разобрано.

*[174] «Когда бежал гривастый Барак, когда умер Байпак-бий» – отрывок из песни киргиз, сложенной по поводу победы над Бараком.

*[175] Так же: *Крунбель.*

*[176] Данный абзац написан на л. 32 и не имеет непосредственной связи с предшествующим текстом.

имеет красный шарик третьей степени. Несмотря на это дружество и наружную покорность, за 25 лет перед сим китайские пикеты, вдавшиеся в кочевья их, должны были сняться, и калмыки, кочевавшие около них, были в конец разграблены. Впрочем, некоторые роды этой киргизской орды – черикчи, чонбагыши, кочуя всегда на землях Поднебесной империи, около Кашгара, внутри караулов, подчинились совершенно, и один из них, родоначальник Акым-бий, [в] 1758 [г.] был пожалован в должность хакимбека в туркестанский город Ташмалык (см. [Иакинф]. Описание Джунгарии и Восточного Туркестана). Вообще же влияние Китая в орде незначительно и основывается только на выгодах. Более опасное и сильное влияние имели и имеют на них коканцы, действуя на их религиозный фанатизм и все налоги свои обличая в форму религиозного зекета.

Первые сношения [коканцы] начали с кипчаком, солту и сарыбагышами в царствование ташкентского хана Эмира (в период его правления). Султан Адиль, главный султан в Большой орде, считая Дикокаменную орду как бы [за] своих подданных, после мира аблаевского*[177], начал с Ташкентом войну. Предводитель киргиз Рустем взял семь городов.

Ташкенцы заключили мир, по которому обязались считать себя [в] вассальной зависимости. Рустем был назначен наместником. При таком ходе дел [в] 1815 [г.] Адиль под Ташкентом внезапно умер. Ташкенцы и дикокаменные киргизы, узнавши о смерти Адиля, вооружились. Дикокаменные киргизы тотчас взяли семь тысяч лошадей. Часть народа подчинилась Ташкенту, часть же бежала опять на Илю. С этой эпохи подчинились киргизы и кайсаки влиянию сартов.

Между тем хан, ташкентский Эмир-хан, усилившись кочевыми подданными (иляти халк), пошел на Кокан. Взявши его, перенес столицу туда. При преемнике его Мадали-хане (Мухаммед-Али) в Ташкент был назначен предприимчивый и храбрый наместник (кушбеги) Мамет-Алим родом из калчи*[178]. При этом кушбеги впервые явились сборщики зякета.

Вооруженной рукой кушбеги взял киргиз, потом кайсаков. Султан-Али в дулатах [и] влиятельный хаким в джалаирах бий Балгын были облачены в звание фарманачи*[179].

Род бугу за неисправный платеж зякета под самым озером на р. Джиргалане был ограблен самим кушбегием. В войске его были все киргизы Большой орды и киргизы солту, сарыбагыши.

Кушбеги поставил на озере в долине Терской курган К а р а к о л. || С этого времени ташкенцы начали сбирать зекет, сбор которого продолжается и до сих пор. Со времени беспокойства в Кокане, после смерти слабого и развратного хана Медет-Али, убитого бухарским ханом, Кокан, хотя и подчинялся наместникам от Бухары, но сбор зекета продолжался. После низвержения их и во временщину кипчаков сначала [на ханский трон] был поставлен для формы Шир-Али-хан*[180], сын дикокаменной

*[177] То есть мира с Аблаем.

*[178] قرا تيين – калча название народа, живущего между Коканом и Сарколом. Калчи имеют голубые глаза, светлые волосы, говорят на древнеперсидском языке. Главный город их Каратегин.[98] *(Примечание Валиханова.)*

*[179] Точнее: *парваначи.*

*[180] На полях пометка рукой Валиханова: *1845.* Очевидно, автор намеревался проставить годы правления

женщины из рода кошчу, с которой когда-то покойник Медет-Али имел связь. Временщик Мусульманкул, по прозванию Чулаг, и Нурмамбет-фарманачи управляли государством, низводили ханов: Шир-Али был убит, поставлен сын его Исенкул-датха. Кипчаки удержались только семь лет. [В] 1851 г. кипчаки пали. Худояр, брат Исен-кула, сел в Кокане. Во все это время зекет сбирался вполне с родов, близ кочующих, и с лошадей у бугу и сарыбагышей.

Налоги. Кой-зекет есть налог с баранов, с 40–1; тунлик-зекет есть подымная дань, с юрты – баран; хараж есть сбор с хлеба, с десятины (кирман) берут 3 барана; кул-бул*[181] – временный налог на подъем войска, с юрты одну тилля (3 барана).

Кроме этих налогов, сбирается в виде подарков «тарту» – лошади. Все войска кормятся на счет народа, независимо от кулбула. За решение дела в виде штрафа сбираются налоги на хана, наместника и попечителя. За убийство виновник платит 90 лошадей хану, наместнику – верблюда и ясаулу – двух лошадей и двух кунанов*[182].

В наше время говорят, что еще увеличены налоги с кочевников: бай-бул – налог, снимаемый с тех зажиточных киргизов, которые не сеют хлеб. Он состоит из 10 лошадей. В настоящее время [в связи] с построением наших поселений в Заилийском крае дикокаменные киргизы, видя спокойствие, которым наслаждаются кайсаки, стали сближаться. В 1855 г. род бугу принял [русское] подданство, и сарыбагыши, как слышно, имеют то же намерение. Ташкенцы продолжают все еще свои козни, то устрашая грабежом, то льстя самолюбию кочевников званиями фарманчи, дотхи и проч. Покойник Урман, представитель сарыбагышей, имел знамя и титул фарманчи.

|| Пользуясь слабостью коканцев, он успел себя поставить в такое отношение, что сам сбирал с других племен своей орды зекет и другие налоги, будучи в сущности совершенно независимым. Из всех племен среднеазийских сарыбагыши в эпоху правления Урмана были едва ли не первые по силе. Повиновение народа к главе и [его] единодушие делали этого манапа чрезвычайно опасным для Кокана. Урман разбил их курган на Кутималдах и сжег замок хана. После смерти его, пользуясь безначалием народа, коканцы делают большие притеснения, уводя всю волость на Талас. Вообще же расположение их лежит к России.

Род бугу, считающийся в нашем подданстве, несмотря на свою многочисленность, не так воинственен и в отношениях своих к соседям боязлив. [Но] недоверчивость их превосходит все границы. Роды саяк, солту и весь отдел сол почти совершенно приняли законы Кокана, а сол – даже язык и обычаи. Роды же, подчиненные Китаю, смотря по месту кочевок в Джунгарии или Кашгаре, подчиняются общим законам Империи. Первые – как калмыки, вторые – как кашгарцы.

Да в настоящее время влияние Кокана отражается более или менее на всех родах. Действуя фаталистическим*[183] духом корана, они часто напоминают им, что они мусульмане, выставляют принципы корана, относящиеся до войны с неверными – «джихада». Хотя киргизы Большой орды, наши подданные, хорошо знающие цель коканских прокламаций, и говорят, что мусульманства и в самих ахунах и муфтиях не видно в Кокане, погрязшем в страшный разврат, где не только, что заветы корана,

Шир-Али-хана (1842–1845 гг.).

*[181] Точнее: *кол-бул* (пул) – денежные сборы для содержания войска.

*[182] *Кунан* – жеребец-трехлеток.

*[183] Здесь и далее автор под словом фатализм подразумевает мусульманский фанатизм.

но и законы самой природы нарушены, где гаремы наполнены мальчиками – бадча, но при всем том находятся такие легкомысленные люди, которых, надо сказать, между киргизами много, что, увлеченные пышными фразами и храбростью речей, производят замешательства или бегут || за Чуй. Самые*[184] дикокаменные киргизы, по природной своей склонности к набегам, как нельзя лучше пользуются этими наставлениями и беспрепятственно делают чапу на наши степи. Во всяком случае коканцы делают много вреда распространению русского влияния на юго-востоке степи, возбуждая их [киргизов] неистовыми прокламациями и пользуясь периодической враждою киргизов к кайсакам. Укрепление Пишпек, основанное коканцами на реке Чу, среди стойбищ кочевых и л и а т о в есть притон, низвергающий набеги и разжигающий фатализм. Семиреченский край не будет до тех пор спокоен, пока этот притон фатализма не будет занят нашими войсками, тогда мы будем среди кочевников, на рубеже владений самого Кокана и не одна шайка этих разбойников не пройдет мимо безнаказанно. Самый южный пункт наших водворений в Средней Азии – укрепление Верное, лежит у подошвы Киргизских Алатавских гор, в четырех днях езды по ближайшим, но трудным проходам па озере Иссык-Куль. Все же течение Или и юг открыты совершенно до реки Коксу и Каратала, где основано в 1848 г. поселение, обращенное с 1853 [г.] в город*[185]. При таком порядке нет возможности пресечь наперед вредное влияние и сношение с враждебными племенами наших киргиз. Следствием этого было то, что большая часть дулатовских родов бежала в 1853 г. на Чуй, а шайки дикокаменных киргиз и отложившихся дулатов тревожат наши улусы и делают угоны, и грабят по большим дорогам караваны и транспорты.

Всего более влияние Кокана поддерживается тем, что честолюбие влиятельных биев и султанов находит более пищи. Пожалованные в достоинство парваначи илиатия (кочевого губернатора) они пользуются наружными знаками почтения, как и самые коканские узбеки. Русские же чины и должности, хотя дают им более существенную власть и положительное значение владельца родов, но мало льстят самолюбию. Мне часто жаловались султаны, что всякий русский считает себя выше их и всякий казак обращается с ними с видом покровительства, занимает почетный угол в юрте и треплет султана по плечу говоря: «Ну что, А б л е з к а, покажи мне свою жену». Действительно, нахальство и злоупотребления казаков и толмачей из этого сословия превосходят границы.

Приложение

РОДОПОДРАЗДЕЛЕНИЕ КИРГИЗСКИХ ПЛЕМЕН

|| Вся Дикокаменная орда разделяется на два главных отдела или крыла *он* (правой руки) и *сол* (левой руки).

Киргизы отдела *он* делятся на главные рода: сарыбагыш, бугу, солты, саяк, багыш, черик, джадигер, монолдар.

Киргизы отдела *сол* разделяются на множество родов, из которых более известные и главные: сару, кушчи, мондуз, кытай, кипчак, адгине и найман.

*[184] То есть *сами*.

*[185] Имеется в виду укрепление Капал.

Большая часть родов дикокаменных киргиз правой руки и весь отдел сол имеют кочевья свои во владениях Коканского ханства, около города Анджана и в горах его окружающих и по соседству; признают власть коканского ханства, платят ему зякет и отправляют военную службу сипаев.

Поколение черик, найман и багыш имеют кочевья свои около китайских городов Малой Бухарии: Аксу, Уча и Кашгара. Рода же левой руки, кытай и кипчак, распространяются на юг до Гиссара и Бадахшана. Неприступные высоты Куэн-Луна и возвышенная долина Памир составляют средоточие их кочевок.

Собрать подробные сведения о родоподразделениях всего киргизского народа нет возможности, тем более, что сами дикокаменные киргизы не знают ничего о своих собратьях левой руки.

В списке этом показаны второстепенные и подробные деления только тех родов, которые кочуют на озере Иссык-Куле, по рекам Чу, Таласу и Нарыну.

[*Таблица* 1]

Название родов и их подразделение	Примерное число юрт	Современные управители	Места, занимаемые летними и зимними кочевьями
1	2	3	4
Род он			
Он разделяется на рода:	До 10 тысяч юрт	С а р ы б а г ы ш разделяется на 4 рода, которые имеют своих манапов с равною властью и независимых друг от друга. Манап Умбет-Али Орманов [имеет] золотую медаль, золотую печать, золотую саблю	Пишпек стоит на р. Сокулык, в которую выше этого укрепления впадает р. К а р а б а л т а, а потом обе они впадают в Чу с левой стороны, ниже Пишпека верстах в 20-ти. В окрестностях ето на гладкой равнине, где стоит укрепление, солты сеют пашни, а по вершинам речек на ур. К з ы л - Б е л ь д е у, А л а м е д ы н, Аларча имеют летние кочевья. Зимние кочевья около Пишпека также принадлежат солтам из родов: булекпай и талкан.
1-й род *сарыбагыш* разделяется на отделения:			
1. О т д е л е н и е исенгул или булат			
2. Отд. тынай*[1] или атеке		Манап Джантай Карабеков (золотая медаль)	
3. Отд. чирикчи (Темир)		Манап Турегельды Абайдулин. Манап Калыгул Байбиев	
4. Отд. надырбек			
П о д р а з д е л е н и е исенгул в отделении, состоящем в ведении Умбет-Али:			Дикокаменные киргизы вообще кочуют целым родом вместе, но не аулами, как в Большой Орде.
а. Асык	до 600 кибиток	Бий Чал Тутельбаев (серебр. мед.)	Весь род и с е н г у л занимает зимними кочевьями места по Кунгею (северной долине озера Иссык-Куль) включительно от мыса к р. К у д у р г ы на запад по окружности озера до р. Кунур-улен, так как род этот многочислен, то половина его зимует по вершинам р. Чу, на урочищах: р. Кочка р, р. Б о к ы ш, К е м и н, Малый К е м и н, р. Кир-Тобулгы р. Бийчеке, р. Ики-Карабулак, ниже по р. Каштек, вокруг укр. Токмака, р. Уч-Кутур, р. Кара-кунуз и далее за р. Чу, по р. Джанарык, Уч-Талды-булак, Кызылсу, Шамси, Бурана, Кегеиты, Соготы. Летние кочевья: по верховьям описанных речек, в горах, имеющих частные названия по именам речек. Хлебопахотные места по речкам, вытекающим по обе стороны р. Чу, между речкою Бийчеке, до р. Кара-кунуз и на всем пространстве вокруг коканского укрепления Токмака. Кроме того, паш-
Асык разделяется на четыре мелкие поколения.			
1. Козусургуна	До 50 кибиток		
2. Бучман	До 60 кибиток		
3. Буре	До 100 кибиток		
4. Байкучук	До 300 кибиток		
б. Усюк*[2]	До 150 кибиток	Бий Казанак	
в. Чертыке	До 230 кибиток	Мурзабеков Чоды Сеитов	
г. Чагалдак	До 150 кибиток		
д. Абла	До 300 кибиток	Сары-Кучук	
		Шукуры Раев	

*[1] В войне тынай произносит имя Атеке, деда Джантая. (*Примечание Валиханова*)

*[2] Точнее: *осяк*.

1	2	3	4
е. Сабур	До 100 кибиток	Сарыбаш	нями своими занимают все урочища ниже Суултюбе до правого берега Чу. Количество юрт в ауле соразмеряется не числом, а достоинством и богатством старшего в ауле; так, богатый аул бывает иногда в 60 кибиток, а самый бедный в две-три юрты. ‖
ж. Чичей	До 80 кибиток	Чора	
з. Таздар	До 150 кибиток	Бердыбек Качикин	
и. Джантай	До 250 кибиток	Сююндук Кенджин	
й. Калмаки	До 350 кибиток	Байсерке Чирикчин	
к. Джалгер	До 40 кибиток	Байбута Байтов (серебр. мед.)	
л. Аюкэ	До 150 кибиток	Баястан Сатубалдин	
м. Мунулдур	до 350 кибиток	Сары-Туктар Конурбаев (серебр. мед.)	
н. Джарбан	До 125 кибиток	Ирдэнэ	
о. Ишым	До 150 кибиток	Бий Рай Темиров	
п. Джитыген	До 400 кибиток	Джанбулат Каракулов	
р. Бишкурен	До 600 кибиток	Аильчи Шамратов	
II. *Бугу* разделяется на три главные рода: алсеит, тенемсеит и арык. Род тенемсеит кочует в китайских пределах и не подчиняется Буранбаю.	До 11000 кибиток	Влиятельный манап Буранбай Бекмуратов, подполковник Российской службы, был жалован от русского правительства тремя почетными халатами, имеет саблю и золоченую печать. От китайского богдыхана пожалован степенью мандарина красного кораллового шарика.	Бугу имеет зимние кочевья свои и пашни на южном берегу Иссык-Куля, на лето переходят за черту китайских караулов, на р. Текес и на горы Музард – Даван, и на возвышенную долину Сырт или Сарыяз. Ради летних кочевок своих белеки и арыки ездят в Кульджу к цянцзюну с подарками, имеют китайские чины, платят китайцам дань, для сбора которой ежегодно на реку Тюп ходит китайский отряд под начальством генерала Олотской дивизии. Китайцы называют эти поездки свои обозрением «Объездной границы».
А. Алсеит в нем роды:		Манап Табулдыбий Бекбай Родовые манапы: Буранбай, Мурат-Али и Качибек Бий Борсук.	
1. Баур	До 400 киб.		
2. Бапа	До 300 киб.		
3. Билек	До 5000 киб.		
4. Кыдык	До 1750 киб.*3	Бий Иман	
5. Джельден	До 1000 киб.		

1	2	3	4
Б. Арык Разделение арыка [в нем]	До 25 000 киб.	Манап Токсаба Олжабаев, независимый от Буранбая, имеет китайский чин красного шарика, брат его Хакимбек был в 1824 г. в Тобольске и получил золотую медаль.	
а. Кучук	До 2000 киб.	Бий Тюлеген	
б. Ундан	До 200 киб.	Бий Тетей, бий Нурмамбет	
в. Сарыке	До 200 киб.	бий Мунач	
г. Сарыкалпак	До 100 киб.	бий Мурза	
Разделение билека		Влиятельные бий: манап	
а. Алдияр	До 500 киб.	Мурат-Али (имеет от русского правительства печать и халат) и Ажибай Бирназаровы, Бий Джагыш Бурамбай.	
б. Алдаш	До 4000 киб.*4	Родовые бии: Мурат-Али, Качибек, последний имеет чин штаб-капитана, золотую медаль и почетный халат, и Сулганкул, человек весьма уважаемый во всем роде бугу и известный своим богатством.	
в. Токай	До 200 киб.	Бий Малбай	
г. Токач	До 100 киб.	Бий Джаубасар	
д. Саты	До 30 киб.		
с. Токабай	До 200 киб.	Бия не имеют, а управляются манапом Мурат. Али || Бий Кокче.	
Подразделение		Бий Борсук	
Кыдык		Бий Бутахан	Большая часть кыдыков кочует постоянно в хоканских землях, на Нарыне и Кошкар-Ате
а. Худайбакты	До 250 киб.	Бий Чингиз Байбеков, влиятельный	
б. Джакшылык	До 300 киб.		
в. Торгай	До 500 киб.	Бий Койсоймас	
г. Джаманбай	До 400 киб.	Бий Танен	
Разделение бапа		Бий Бекбай	
а. Джолчора	До 100 киб.	Бий Султанай	
б. Чилпак	До 200 киб.	Родовой бий Бекбай	
Разделение джельден		Бий Омен Ниязов, брат его Джапалак имел от русских саблю и медаль.	
а. Куручбек	До 400 киб.	Бий Джаныбек	
б. Сары-Хатын	До 500 киб.	Родовой бий Иман	
в. Балике	До 100 киб.	бий Малбак	
Подразделение баур			
а. Сарыбаур	До 200 киб.	Берды-Кучук	
б. Карабаур	До 200 киб.	Байходжа	

[*Таблица* 2]

[О н к ы р г ы з]

|| 1-й главный род

Сарыбагыш-кыргыз, который разделяется на четыре отделения.

1-е отделение исенкул, в коем управляет бий Орман Ниязбеков, манап. Умер [в 1855 г.]. Первый сын его У м б е т-А л и Орманов, по прозванию А к с а к, второй – Рыскулбек Ниязбеков, третий – Шамен-Куттук Сейтов.

2-е отделение или атеке. Бий Джантай Карабеков, манап.

3-е отделение черикчи (темир). 1. Бий Турегельды Абайдуллин, манап. 2. Бий Раим Калыбеков (ничтожный бий).

4-е отделение надырбек. Бий К а л ы г у л Надырбеков, манап; в отделении, состоящем в ведении Ормана, в роде исенкул, под ведением Умбет-Али:

1. Калмакы-кыргыз. Бий Сююндук, Байсерке Чирикчин.

2. Асык-кыргыз. Бий Козубек-бай (умер), Чал-бий Тугельбаев.

3. Озюк-кыргыз (осяк). Бий Мырзабек (умер), Кизалек Мурзабеков.

|| Абла-кыргыз. Бий Рай (умер), Чукербай, сын Раев.

5. Ишим-кыргыз, ведения Рыскулбека, Бий Рай Темиров.

6. Чертике-кыргыз, ведения Умбет-Али, Ч о д е Сеитов.

7. Мундуз-кыргыз. Бий Мангыт, откочевал в Анджан, во владения коканского хана.

8. Отдел таздар (ведения Умбет-Али), Качике Бердыбеков. Во втором отделении, состоящем в ведении манапа Д ж а н т а я.

Асык-кыргыз. Бий Джумарт.

Таздар-кыргыз. Бий Нарбач.

Джетиген-кыргыз. Бий Сарыбай.

Долес-кыргыз. Бий Ширали.

Чертыке-кыргыз. Бий Алике.

Чечей-кыргыз. Бий Ишимбек, сын его Калча, который захватил Кенесару, а брат его Атамбек.

|| Монолдыр-кыргыз. 1. Бий Найман. 2. Бий Карбочбай.

Озюк-кыргыз. Бий Муратбек.

Кельдыке-кыргыз. Бий Абун-батыр.

Кытай-кыргыз. Бий Кудайберды-батыр.

Мундуз-кыргыз. Бий Бусурман.

В третьем отделении, состоящем в ведении манапа Турегельды.

Крык-Авур-кыргыз. Бий Ажибай.

Мундус-кыргыз. Бий С е и т – любимец Турегельды.

Асык-кыргыз. Бий Чилпак.

Кельдыке-кыргыз. Бий Истамбек.

|| Раимкалибек-кыргыз. Бий Баймурса – брат Раим Калибекова, манап.

Тоголок-кыргыз. Бий Кул.

Чертыке-кыргыз.Бий Карагулбий.

Алдыгене-кыргыз. Бий Джанбулат.

Джедыгер-кыргыз. Бий Аргынбай.

В четвертом отделении состоят в ведении манапа Калыгула.

Таздар-кыргыз. Бий Кумаке, ушел в бугу.

Абыкулу-кыргыз. Бий Зарпек, тоже в роде бугу.

|| 2-й главный род

Солты-кыргыз [кочует] на реке Чу, в ведении Коканском. В нем главный управитель бий Джанкарач Ишкожин, влиятельнейший.

Этот род разделяется на четыре отделения.

1-е отделение кунту. Управляет Наурузек Итемгенов, манап.

2-е отделение булекбай. Чингис Тулегабулов (умер), манап, влиятельный. Мектебек Куатов مقته بك

3-е отделение толкан. Джанкарач Ишкожын.

4-е отделение учбагыш. В нем манап Улжабулат Бектенев. (умер), но более известен Джанбек Асанов.

В 1-м отделении кунту есть меньшие отделения:

Чонмурун-кыргыз. Бий Тума.

Кашкабаш-кыргыз. Бий Джанкара Чабашев.

|| Сарман-кыргыз. Бий Исенгул.

Карамерген-кыргыз. Бий Атанбек Кебеков.

Токтабай-кыргыз. Бий Беккулу.

В отделении булекбай:

Байсеит-кыргыз. Бий Адучи (умер), Корчи сын.

Аксакбури-кыргыз. (Байсеит). Бий Джанбулат.

Джакуп-кыргыз. Бий Кожагельды.

Тата-кыргыз. Бий Адыл Котантаев.

Чилпак-кыргыз. Бий Карагул.

Монолдар-кыргыз. Бий Орус.

Кыпчак-кыргыз. Бий Адыл.

Акбура-кыргыз. Бий Токсан.

Токольдеш-кыргыз. Бий Илип.

|| Карасакал-кыргыз. Бий Акимбек.

В отделении Толкан-чонбагыш:

Асылбач-кыргыз. Бий Кока.

Монолдор-кыргыз. Бий Бердыкожа.

Толек-кыргыз. Бий Байжигит.

Чалти-кыргыз. Бий Тайтек Кармычаков.

Акбура-кыргыз. Бий Байботабай.

Сабатыр-кыргыз. Бий Тана.

1-й Джагачалыш-кыргыз. Бий Алжабай.

2-й Джагачалыш-кыргыз. Бий Найман Конушев.

Бешкорук-кыргыз. Бий Сартай.

Магак-кыргыз. Бий Тулкубай.

Джутма-кыргыз. Бий Орус Байгочеков.

|| Мамок-улы-кыргыз. Бий Дулат Бокунунов.

Эркебек-улы-кыргыз. Бий Мамырбай.

Алибек-улы-кыргыз. Бий Джапалак.

Багышек-кыргыз. Бий Бошмоюн.

Бишкорук-киргизовская волость. Бий Абай.

Тулек-кыргызовская волость. Бий Аман.

Сарыуютма-кыргызовская волость. Бий Бекбота.

Карасакал-кыргызовская волость. Бий Куттугоса Саманчин.

Когей-кыргызовская волость. Бий Ботей Чобашев.
Соекмурун-кыргызовская волость. Бий Токтабулат.
В 4-х отделениях толкан-ушбагыш находятся меньшие отделения или волости:
Баккул-кыргызовская волость. Бий Барын.
|| Кытай-кыргызовская волость. Бий Акбай.
Мунолдар-кыргызовская волость. Бий Ильчибек.
Асанбай-Балдыркская волость. Бий Джаныбек.
Итик-улы-кыргызовская волость. Бий Урустем.

3-й главный род бугу

[Живет] на стороне озера Терскей[*5].
В нем 1-е главное отделение белек, его управитель манап Буранбай Бекмуратов.
Отделение арык в нем манап Токсаба Олжабаев.
Отделение рода билек-салмеке, манап Чон-Карач Ракматов.
Отделение джелден, манап Джалмамбет.

4-й главный род саяк

[Саяки живут] в стране Джумгол, на озере Сонкол, в ведении Коканском. Он состоит из четырех главных отделений:
1-е отделение курманкожа, манап Дулат Чон-Медетов (умер).Чене Дулатов.
|| 2-е отделение кулчуган, манап Иралы Качекин (умер). Тулеке Иралин.
3-е отделение иман, Манап Байторы Джаманаков.
4-е отделение чора, манап Осман-батыр Тайлаков.
5-е главное отделение катаган, манап Моналдар.
6-е отделение каба, манап Алибек Кетиркеев.
7-е отделение алакуз, манап Шамеке (умер). Сытай бий.
8-е отделение Сикмамбет, манап Ишимбек Баймонкин.

5-й главный род черик

[Племя черик живет] в китайских владениях, в местностях, называемых Атбаче-Арпа, около Кашгара. Названия родов неизвестны. Ими управляет Ажибек Кармышак.

Сол кыргыз.

6-й главный род базис, управитель Чибилдый.
7-й главный род адигине, управитель Алимбек-датха.
|| **8-й род джедигер.**
9-й род багыш, управитель Сарымсак-датха.
10-й род тунгатар, управитель Нарбота.
11-й род кушчу (сол) управитель Калча.
12-й род сару (сол), управитель Нурак.
13-й род кытай (сол), управитель Сарыбаш.

[*5] То есть на южном берегу озера Иссык-Куля, в долине Терскей Алатау.

Комментарии

[1] Большая черновая незаконченная работа о киргизах сохранилась в автографе с вариантами – Архив АН СССР, ф. 23, №6, лл. 1–73, некоторые листы (1–24) переписаны рукой Г.Н. Потанина. Она содержит собственно историю, исторические предания киргизского народа, материалы по его расселению, экономике, социальному быту, обычаям, языку и литературе; в конце ее в виде приложения даны родословные таблицы киргизов.

Работа написана чернилами, имеет многочисленные поправки, дополнения и карандашные пометки, сделанные рукой Валиханова.

Начало работы над записками о киргизах относится к маю-июню 1856 г. Однако для работы над историей киргизов Валиханову было необходимо ознакомиться, во-первых, с подлинными архивными документами, хранившимися в Омске, затем с исследованиями отечественных и зарубежных историков, географов и востоковедов.

Нужно сказать, что поставленные в ней вопросы и собранные материалы, являющиеся результатом не только научных изысканий, но и непосредственных наблюдений Валиханова, имеют познавательное значение, а потому и представляют значительный вклад в нашу востоковедческую науку.

Автограф без названия, оно дано составителями 1 изд. по содержанию. Он частично вошел в «Избранные произведения» Валиханова (Алма-Ата, 1958), в настоящем издании воспроизводится по ССВ, т. 1, 1961.

[2] *Тиан-Шань* (Тянь-Шань) – Небесные горы *(кит.)*. Горная система в Средней и Центральной Азии.

[3] *Калча* (Гальча) – горные таджики, живущие по верхнему течению Зеравшана, в горах Каратегина, Дарваза и Бадахшана.

[4] *Борис* (Burnes) *Александр* (1805–1841) – путешественник, политический агент Англии; в 1821 г. вступил в ост-индскую армию в Бомбее, где изучил местные языки, географию страны. В 1831–1838 гг. путешествовал по странам, лежащим между Индией и Каспийским морем, в 1836– 1838 гг. был послом при князьях Индостана и Кабулистана. Убит в Кабуле во время народного восстания. Описание своих путешествий издал в Travels into Bokhara (Лондон, 1834) – русский перевод: *А. Борнс.* Путешествие в Бухару, тт. I, II. М., 1848; т. III. М., 1849. В 1842 г. в Лондоне вышло его другое сочинение «Cabool: being personal narrative of a journey to and residence in that city» – русский перевод: *А. Борнс.* Путевые записки сэра Александра Борнса в 1836, 1837 и 1838 годах, ч. I–II, М., 1847.

[5] *Вуд* (Wood) *Джон* – лейтенант английского флота в Индии, исследовал судоходность р. Инда, побывал в южной оконечности Памира (1838 г.); результаты этих исследований освещены в Indian Navy. New edition, edited by his son» (Лондон, 1872).

[6] *Киргизнен-Алатау* – под этим общим названием Ч. Валиханов следуя народному определению, объединяет систему горных хребтов Центрального Тянь-Шаня и гор, окружающих озеро Иссык-Куль – Кунгей-Алатау и Терскей-Алатау; в то же время Кунгей-Алатау Валиханов и Семенов-Тян-Шанский называют южной цепью Заилийского Алатау.

...семипалатинского купца.., бывшего в Кашгаре. – Речь идет о семипалатинских купцах, С. Попове и Пиленкове, ведших торговлю в первой четверти XIX в. в Кашгаре, Кульдже и Семиречье, а также в кочевьях южных киргизов.

В 1821–1824 гг. в Кашгар с большим караваном прибыл приказчик семипалатинского купца С. Попова казанский татарин Файзулла Сейфуллин, одновременно выполнявший официальные поручения западносибирского начальства. Эти купцы, заинтересованные в переходе киргизов в российское подданство, немало сделали в установлении торговых связей киргизского народа с Россией. В конце 1824 г. по их совету киргизские манапы рода бугу

отправили своих представителей к западносибирским властям для переговоров о покровительстве и помощи. Этим представителям был оказан радушный прием.

[8] [*В*] 1856 *г. манап* Буранбай Бирназаров, родоначальник из рода бугу, принял подданство России. Род бугу принял российское подданство в 1855 г. Дата 1856 г. относится к экспедиции Хоментовского на Иссык-Куль.

[9] *Хоментоеский Михаил Михайлович* – полковник, начальник военной экспедиции на оз. Иссык-Куль и Кунгей-Алатау (1856 г.), в которой принимал участие Ч. Валиханов. До 1856 г. – пристав казахов Старшего жуза и Алатавского округа. М. М. Хоментовский был одним из общих друзей Ф. М. Достоевского, П. П. Семенова-Тян-Шанского и Ч. Ч. Валиханова.

[10] *Фишер Иоган Эбергард* (1697–1771) – академик, историк и археолог, автор «Истории Сибири»; являясь участником академической экспедиции, он долго жил в Сибири (1739–1748 гг.), изучал историю и этнографию народов Сибири и написал обширный труд под названием «Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Landes durch die russischen Waffen» 1768 г., (русский перевод 1774 г.) Ч. Валиханов ссылается на эту работу.

Статьи Фишера о происхождении племен Сибири вышли в свет в издании историка А.Л. Шлецера.

[11] ...*Вуд в* 1837 [*г.*] *был на Памире.* – Вуд посетил озеро Сорколь (Зоркуль) не в 1837 г., а 19 февраля 1838 г. (см.: *П. Чихачев.* Об исследовании вершин Сыр- и Аму-Дарьи и нагорной площади Памир. ЗРГО, кн. III, 1849, с. 36).

[12] ...*двое были в Хокане и Тибете.* – Имеются в виду английские путешественники Муркрафт и Требек, проникшие в Тибет – Кашмир – Кабул – Бухару в 1819–1825 гг. На пути в Яркенд Муркрафт был задержан китайскими властями в тибетском городе Ладаке (см.: *П. Чихачев.* Об исследовании вершин Сыр- и Аму-Дарьи и нагорной площади Памир, с. 42; *И. Минаев.* Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб., 1879, §9).

[13] ...[*Сведения о киргизах*]. – Имеется в виду статья «Сведения о дикокаменных киргизах; доставленные от генерал-губернатора Западной Сибири» (ЗРГО, 1851, V, с. 140–153). Авторами этой статьи являются топографы Воронин и Нифонтьев (см.: *М. Венюков.* ЗРГО, 1861, кн. 4. с. 103).

[14] ...*капитальная статья о Азии...* – Имеется в виду статья П.П. Семенова-Тян-Шанского «Первая поездка в Тянь-Шань или Небесный хребет до верховья р. Яксарта или Сыр-Дарьи в 1857 г.» (ЗРГО, ч. 23 1858).

[15] *Чихачев Платон Александрович* (1812–1892) – ученый, путешественник. Путешествовал по южной и северной Америке, Испании, Северной Африке (Алжир) и Средней Азии. Напечатал о своих путешествиях ряд статей в русских и французских журналах. Наиболее важные из них: «Об исследовании вершин Сыр- и Аму-Дарьи и нагорной площади Памир» (ЗРГО, кн. III, 1849); «О барометрических измерениях вершин Пиренеев». За последнюю работу ему присуждена была серебряная медаль.

[16] *Ханыков Яков Владимирович* (1818–1862) – ученый-востоковед, член Русского географического общества. Вместе с братом Н.В. Ханыковым примыкал к Петербургскому подпольному кружку петрашевцев, изучал творчество и деятельность Н.Г. Чернышевского. Ханыков – один из талантливых исследователей истории, географии и этнографии народов Средней Азии и Казахстана. В 50-х годах XIX в. он составил карту Аральского моря и оз. Иссык-Куль. Наиболее известные труды Я.В. Ханыкова: «Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным» (ГИ, 1850, отд. 2, с. 519–599) – «Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году» (ВРГО, 1851 ч. I, кн. I, с. I–56); «Очерки состояния Внутренней Киргизской орды в 1841 г.» (ЗРГО, 1846, кн. II, с. 27–60); «Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства» (ЗРГО, кн. V, 1851).

[17] [*В*] 1853 *г. она была* [*пере*]*составлена...* – Имеется в виду литографированная карта, составленная Я.В. Ханыковым в 1851 г. После внесения в нее ряда дополнений и исправлений она была напечатана под названием «Карта северо-западной части Средней Азии» (ЗРГО, кн. X, 1855).

[18] *Цян-Лун* (Цунлин), по-китайски: Луковые горы (от каменного лука растущего в горах) – Памирские горы, лежащие от Кашгара на запад и составляющие продолжение Каракорума и Гиндукуша, с одной стороны и Алайского хребта – с другой. Местные народы называют их Памир Аргу-таг. (См.: *Иакинф.* Статистическое описание Китайской империи, ч. II СПб, 1842, с. 120).

[19] *Ак-Мечеть* (ныне Кзыл-Орда) – город, областной центр Казахской ССР. Расположен на правом берегу р. Сырдарьи. Ак-Мечеть возникла в первой четверти XIX в. как кокандская крепость. В 1853 г. после ее взятия русскими войсками она была переименована в Перовск. При Советской власти город получил свое современное название. В 1924–1929 гг. Кзыл-Орда – столица Казахской АССР.

[20] *Речка Аса-Дуду... течет между Таласом и Чирчиком.* – Имеется в виду р. Асса, которая образуется из двух рек – Терс и Куркуреу; первая берет начало с хребта Каратау, а вторая – в Таласском Алатау. Протекая невдалеке от р. Талас, Асса впадает в озеро Бийликоль.

Сведения Ч. Валиханова о положении р. Ассы по отношению к р. Чирчик неточны.

[21] *Нифонтьев* – ученый, топограф-геодезист, преподаватель Сибирского (Омского) кадетского корпуса, известен участием в экспедиции академика А.И. Шренка и топографическими съемками районов Северного и Центрального Казахстана, Семиречья и бассейна оз. Иссык-Куль.

[22] *...Содом и Гоморра* – города в Южной Палестине, которые, согласно библейской легенде, за грехи жителей были разрушены огненным дождем и сильным землетрясением.

[23] *Шренк Александр Иванович* (1816–1876) – русский ученый, ботаник, академик, один из первых исследователей Центрального Казахстана и Семиречья. В 1840–1843 гг. путешествовал по Ишимским, Улутауским и Сарысуйским степям, пересекая пустыню Бетпак-Дала, обследовал низовья рек Чу и Сарысу. Впервые описал местные архитектурные памятники. Все исследования А.И. Шренка по Казахстану написаны на немецком языке и полностью еще не опубликованы. Хранятся в архиве АН СССР (Ленинград). Главнейшие из них: «Reise und Forschungen in der Soongarischen Kirgisensteppe... Dritte Reise um Jahre 1842». (Путешествия и исследования по Зоонгарским киргизским степям в 1840–1843 гг. Третье путешествие 1842 г. 557 стр. – ААН СССР, ф. 317, оп. I, №7); «Das Ulutau – gebirge in seinen topographisch geographischen Verhältnissen» (Улутауская горная группа в своем топографо-географическом положении – там же); Notizen historischen Inhalts. (Заметки исторического содержания – ф. 317, оп. 1, №26, на 21 листе); «Notizen topographischen und etnographischen» (Заметки по топографии и этнографии – ф. 317, оп. 1, №25).

Кроме рукописей самого А.И. Шренка, в его архиве хранятся рукописи и чертежи геодезистов-топографов Нифонтьева («Топографическое описание южной части Киргизской степи», 1843), Фролова («Дополнение к описанию Киргиз-кайсацкой степи Левшина»), переводчика Лобанова («Описание юго-западной части Голодной степи») и др.

Большой интерес представляют записи Шренка в дневнике, веденном им с 18 марта по 28 сентября 1842 г. Согласно этим записям, путь Шренка пролегал с севера на юг по следующим маршрутам: Петропавловск – Кокчетав – р. Ишим – Атбасар – р. Терсаккан – горы Арганаты – Улутау – р. Джезды – р. Кенгир – Каражар – р. Сарысу – Джетыконур – р. Чу и обратно. Из этих маршрутов видно, какое большое значение имели исследования А.И. Шренка для изучения истории и географии Центрального Казахстана. Отсюда понятно, почему Валиханов высоко ценит труды Шренка и часто ссылается на его авторитет. Основная пе-

чатная работа Шренка, на которую неоднократно ссылается Ч. Валиханов, носит название: «Bericht uber eine im Jahre 1840 in die Ostliche Dsungarishe Kirgisensteppe unternommene Reise von Al. Schrenk». St. Petersb., 1842. Она издана К. Бером и Г. Гельмерсеном, имеется перевод С.А. Мейера (о Шренке см.: «Обозрение путешествий и географических открытий». ВРГО, 1851, кн. I, с. 113–114).

[24] *Хунны* (сюнну) – кочевой народ, обитавший в Центральной Азии к северу и западу от р. Хуанхэ и создавший в III–II вв. до н. э. на территории Монголии и Южной Сибири военно-племенной союз.

[25] *Зюнгарские калмыки* – западные монголы, в XVII–XVIII вв. жившие на территории Джунгарии, Тарбагатая и Семиречья. В русской исторической литературе они называются также джунгарами и ойратами.

[26] *Долгая стена* – Великая Китайская стена, построена в 214 г. до н. э. Она тянулась от крепости Щань-хай-гуань у Корейского залива на запад до р. Хуанхэ (область Нин-шо-фу), а отсюда шла прямо на юго-запад и оканчивалась в Линьтао (уезд Миньсян, провинция Ганьсу). Общая протяженность стены – 10 тысяч ли (около 5 тыс. км). Это – одно из грандиозных сооружений античности, венчающее беспримерный труд народных масс древнего Китая и сыгравшее огромную роль в укреплении его обороны.

[27] *Юечжи* – восточная ветвь ираноязычных сакских племен, обитавшая на территории Восточного Туркестана. Были вытеснены оттуда продвижением усуней и хунну в западном направлении. В начале н. э. обосновались в Семиречье, оттуда ушли на юг в Среднюю Азию, где разрушили Греко-Бактрийское царство. С Да-Юечжи (Большими Юечжи) связывают образование Кушанского царства.

[28] *Сэ* – в китайских источниках так называются саки – группа кочевых племен, родственных скифам и обитавших в первом тысячелетии до н. э. в Средней и Центральной Азии. Саки ведут свое происхождение от древнейших племен Южной Сибири и Средней Азии. К середине первого тысячелетия до н. э. наименование саков стало собирательным для различных племен Средней Азии. В начале II в. до н. э. аму-дарьинские саки входили в состав Греко-Бактрийского царства. В III–I вв. до н. э. часть саков, обитавшая на территории нынешнего Южного Казахстана и в Семиречье, по-видимому, вошла в состав усуней.

Основу хозяйства саков составляло кочевое скотоводство, но часть их была оседлой и занималась земледелием. Высокого развития у саков достигло искусство. Саки сыграли большую роль в этногенезе народов Средней Азии и формировании их культуры.

[29] *Гаогюй* – см.: *уйгуры,* наст. собр. соч., т. I, с. 389.

[30] *Дулцы* (правильнее: *дулу*) – древнейшее тюркское племя Алтая и Семиречья. По данным китайских источников, во II в. дулу кочевали вместе с сюнну между Тянь-Шанем и Алтаем. В VI в. они входили в состав Западнотюркского каганата, где составляли пять аймаков дулу и кочевали на правом берегу р. Или. (См.: *Н.А. Аристов.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. ЖС, вып. III–IV, СПб., 1896; *С. Аманжолов.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959, с. 33–36; *П П. Иванов,* Очерки по истории Средней Азии. М., 1958, с. 40–43).

[31] *Ву-ди* – китайский император династии Хань (140–87 гг. до н. э.).

[32] *Династия Танская* (618–907 гг.) – китайская феодальная династия периода развития дипломатических и торговых связей Китая со Средней и Западной Азией. С эпохой этой династии географические сведения о странах Западной Азии в китайских источниках начали встречаться гораздо чаще и стали более подробными. Одним из таких источников являются «Записки» Сюанцзяня.

[33] *Ван-фан-и* – китайский полководец во времена императора Гаоцзуа (650–683 гг.) династии Тан.

[34] *Чигу* (чи гу – букв. *красная долина)* – столица усуньского гуньмо (правителя), известна по описанию китайского путешественника Чжан-цяня, посетившего страну усуней около 136 г. до н. э. По Иакинфу, город Чигу лежал в Илийской долине к северо-востоку от оз. Иссык-Куль.

[35] *Тысяча ключей* (Мынбулак – по-тюркски, Цяньцюань – по-китайски) – название укреплений ставки ханов западнотюркского каганата. Местонахождение ее точно не установлено. Многие ученые относят ее к району Мерке (Джамбулской области), возле которого имеется большое количество родников и речек, спадающих с северных склонов Киргизского Алатау. Эта территория, изобилующая лесом и травой, служила местом для летних кочевок. Здесь обнаружено значительное количество поминальных сооружений с тюркскими каменными изваяниями. (См.: *Н.Я. Бичурин.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.– Л., 1953, с. 289; т. II, с. 300; т. III, с. 199; Труды Института истории, археологии и этнографии, т. 5. Алма-Ата, 1958, с. 204).

[36] *Северная и южная орды* – укрепленные ставки западнотюркских ханов. Южная ставка находилась в верховьях р. Чу (Суйе-хэ), недалеко от современного города Токмака. Она, видимо, тождественна с Урдакентом арабских источников в IX–X вв. Под северной ставкой (Бэйтин), расположенной на западной стороне гор Цзихэ (Цзу-хэ), вероятно, подразумевается город Талас (позднейший Аулие-Ата, ныне Джамбул). В китайских источниках сказано, что Хэлу поставил орду при тысяче ключах. Разделение Западнотюркского каганата на два владения произошло в 90-х годах VII в. в результате феодальной междоусобицы.

[37] *Хынлос* – древний город, расположенный в бассейне р. Или.

[38] *Суйе-чен* (Суйие) – китайское название большой крепости, лежавшей в Джунгарии на северо-восток от оз. Иссык-Куль. Крепость имела 12 ворот и много потайных ходов. Разрушена в 748 г. китайскими войсками (ААН, ф. 23, оп. I, д. 6, л. 77; *Н.Я. Бичурин.* Статистическое описание Китайской империи. СПб., 1842, ч. II, с. 312–313).

[39] *Гун-юе* – город на р. Чу, позднее ставка тюргешского хана (Туци-ши-учжилэ).

[40] *Ойхоры* – см.: *уйгуры,* комментарий наст. собр. соч., т. I, с. 389.

[41] *...как Европа, похищенная Юпитером.* – Похищение Европы – сюжет многочисленных картин, изображающих финикийскую княжну Европу на спине быка, образ которого, согласно мифу, принял влюбленный в Европу Юпитер, решивший похитить ее.

[42] *...звероловства, рыболовства дикокаменные киргизы вовсе не знают.* – Ошибочное утверждение, что киргизы в середине XIX в. не знали ни охоты, ни рыболовства. Напротив, они издавна были умелыми охотниками. Позднее охота и рыболовство служили значительным подспорьем в личных хозяйствах киргизов.

Наиболее древними видами охоты были охота при помощи лука и облавная. Особенно распространена была среди киргизов охота с ловчими птицами. Дрессировка орлов, соколов, ястребов у них была доведена до совершенства. В XIX в. охота с беркутами на лисиц и других зверей приобретает промысловое значение.

Рыболовство тоже является давнишним занятием киргизов, по крайней мере, у жителей побережья озера Иссык-Куль, богатого рыбой, а с 30-х годов XIX в. лов рыбы приобретает уже организованный промысловый характер.

[43] *Тилля* (делля) – золотая монета, равная четырем русским серебряным рублям XIX в. Применялась как денежная единица в Восточном Туркестане и в среднеазиатских ханствах.

[44] *Сернкана* (ширинкома – *перс.*) – букв. обычай давать деньги посредникам в торговых сделках (маклерам) на покупку сладостей.

[45] *Манапы* – киргизская феодальная знать, привилегированная прослойка киргизского общества XVIII–XIX вв. Их власть передавалась по наследству. Крупные манапы распространяли свою власть на весьма обширные территории с разноплеменным населением. В их

ведении находились прежде всего судебные функции. Нередки были случаи, когда крупные манапы передавали в наследство своим сыновьям целые родовые подразделения. Они эксплуатировали зависимое от них население, с которого взимался, кроме отработки, и натуральный оброк в виде скота и продуктов для манапского стола.

Происхождение титула манап не совсем ясно. Валиханов поясняет, что манапы – прямые потомки древнейшего родоначальника киргизов и в связи с феодализацией киргизского общества этот термин начинает обозначать феодального князька. Власть манапов держалась не только на авторитете и силе патриархальной традиции, но и на использовании полусвободных джигитов, своего рода дружины.

[46] *...сами себя называют... кара-киргиз.* – Киргизы сами себя никогда не называли кара-киргизами, и термин этот не является самоназванием киргизского народа. Он, вероятно, употреблен в сословном смысле, в значении черни, плебеев, в отличие от манапов – аристократической верхушки киргизского общества.

[47] *Чер* – по народной этимологизации болезнь живота. В переносном смысле – печаль, тоска, угнетенное состояние духа. Происхождение племенного названия чер, видимо, имеет еще другую основу, помимо приведенной Валихановым.

[48] *Буранбай Бирназаров* – В другом месте Буранбай назван сыном Бекмурата, что правильно. Бирназар – сын Бекмурата от старшей жены.

[49] *Джангир-ходжа кашгарский* (родился в 1783 г.) – сын Сарымсак-ходжи, представитель феодальной белогорской партии; в 1822 г. он поднял восстание в Восточном Туркестане против господства Китая; кроме населения городов его поддержали родоначальники киргизских родов: чонбагыш – Суранчи, саяк – Атантай и Тайлак, бассыз – Чебылды-бий. В мае 1825 г. Джангир-ходжа захватил Кашгар. Восстание, продолжавшееся в течение 9 месяцев, было подавлено; предводитель его был схвачен в 1826 г., отправлен в Пекин и через несколько лет там казнен.

[50] *История орды.* – Главы «История орды» и «Исторические известия» не являются продолжением одна другой, так как написаны в разное время и во многом повторяют, а местами дополняют друг друга. Редколлегия сочла нужным поместить обе редакции одну за другой.

[51] *...киргизы, просили... дать им на княжение младенца-сына своего Джучи.* – Вероятно, в основе этой легенды лежит покорение киргизов старшим сыном Чингисхана Джучи. Енисейские киргизы первоначально признали власть монголов без особого сопротивления, но в 1218 г. во время восстания прибайкальских народов (туметов и баргутов) киргизы отказали в помощи Чингисхану для подавления восстания. Тем не менее они были покорены монголами и первым их ханом, по народной легенде, был Джучи. *(Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. История монголов. ТВО РАО, ч. 5. СПб., 1858, с. 89, 90, 131).

[52] *Юань* – монгольская династия в Китае (1280–1367 гг.). Основателем ее был внук Чингисхана Хубилай (Кублай, Кубилай), правивший в Китае с 1280 по 1294 гг. Юаньская династия Китая продержалась около 90 лет, после чего была свергнута. (См.: Очерки истории Китая. М., 1959, с. 358, 388).

[53] *Урянхай* (урянхайцы) – под этим именем известны в русской дореволюционной литературе теленгиты – часть южных алтайцев, обитающих в долинах рек Чулышмана, Чуи, Аргута (нынешний Кош-Агачский район Горно-Алтайской автономной области).

[54] *Ремюза Абель* (1788–1832) – крупный французский ориенталист, профессор Парижского университета, президент Азиатского общества во Франции. На его труды по китайскому, маньчжурскому, монгольскому и тюркским языкам ссылался в своих работах К. Маркс.

Валиханов упоминает сочинение А. Ремюза «Recherches sur les langues tartares», t. I. Paris, 1820.

[55] *Сен-Мартен* (1791–1832) – французский востоковед, посвятивший ряд исследований истории народов Средней Азии, Кавказа и причерноморских областей.

[56] *Сказания восточных историков...* – имеются в виду китайские, монгольские, арабские, персидские, среднеазиатские и армянские историки.

[57] *Д'Оссон* – знаменитый французский востоковед, один из крупных исследователей периода монгольского завоевания. Ч. Валиханов имеет в виду сочинения Д'Оссона («Historie des Mongols depuis Tchinguis khan jusqu'á. Timour beg ou Tamerlan avec une carte de la I'Asie du XIII siècle», tt. I–4. La Haye et Amsterdam, (1834–1835).

[58] *Визделу* (Visdelou) – французский ориенталист, исследователь истории кочевых народов Средней и Центральной Азии. Он занимался, в частности, исследованием истории юэчжей, которых он считал отраслью восточных монголов, кочевавших, по его предположениям, в Нью-Лане (Нурхане), в Маньчжурии. Главная работа Визделу, на которую ссылается Валиханов: («Historie de la Tartarie» напечатана в «Supplement de la Bibliotheque orientale».

[59] *Риттер Карл* (1779–1859) – выдающийся немецкий географ. Автор классического труда «Erdukende von Asien» 1832–1859), частично переведенного на русский язык под заглавием «Землеведение Азии К. Риттера. География стран, входящих в состав Азиатской России или пограничных с нею государств». (СПб., 1859–1879). Ч. Валиханов неоднократно ссылается на эту работу Риттера. Судя по ссылкам, он пользовался как немецким оригиналом, так и русским переводом тех частей работы, которые были опубликованы в то время.

[60] *Икар-Мурну (Мурэн)* – вероятно, форма названия реки Ангары.

[61] *Иакинф,* до монашества *Бичурин Никита Яковлевич* (1777–1853) – сын сельского дьячка-чуваша, выдающийся русский востоковед, глава церковной миссии в Пекине. Прожив в Китае 14 лет, Иакинф глубоко изучил язык, историю и культуру китайского народа. В 1837 году он был избран членом-корреспондентом Российской академии наук и членом Азиатского общества в Париже. В трудах Иакинфа (Бичурина) собран богатейший фактический материал, позволяющий детально изучить историю, быт, духовную и материальную культуру народов Китая, Монголии, Казахстана и Средней Азии.

[62] *Оток* – в XIV–XVII вв. под этим термином обозначались объединения, на которые распадались улусы, крупные феодальные владения в Монголии.

Отоки составлялись как из родственных групп, так и из представителей различных родов и племен. Определяющим для отока была территориальная общность и связанная с ней феодальная зависимость от сюзерена, наследственного владельца этой территории. Оток представлял собой также определенную военную единицу, так как его ополчение составляло особую воинскую часть.

[63] *Династия Хань* (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) – вторая по счету династия рабовладельческого Китая. При ней устанавливаются дипломатические и торговые связи Китая с народами Средней Азии.

[64] *Дин-лины* – сибирские народы, обитавшие в древности на территории Минусинской котловины. Во II–I вв. до н. э. часть древних дин-линов стала известной под именем гяньгуней, хакасов. С того времени между этими племенами и Китаем устанавливаются тесные связи.

Некоторые исследователи считают, что дин-лины впоследствии вошли в состав рода алшин – казахов Младшего жуза. (См.: «Народы Сибири». (Д., 1956, с. 79, 378, 379; *С. Аманжолов.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959, с. 98; *В. Виноградов.* Киргизская народная музыка. Фрунзе, 1958, с. 16, 17, 19, 25).

[65] *...до Холина (Каракорума), столицы ойхоров (хой-ху).* – Резиденция ойхорских и монгольских ханов в долине р. Орхон.

[66] *Эдризи* (Аль-Идриси), Абу-Абдаллах-Мухаммед (1100–1166) – арабский географ-путешественник. Родился в Сеуте (Марокко), учился в Кордове. Путешествовал по Испании, Северной Африке, доходил до Малой Азии. Идриси жил при дворе короля Сицилии Рожера II (в 1154 г.), которому он посвятил географический трактат «Нузхат альмумтан» («Развле-

чение того, кто пламенно жаждет»). В этой книге Идриси сообщает сведения не только об арабских, но и о европейских странах – Италии, Франции, Иллирии, Германии, которые он собирал от путешественников, купцов и паломников, прибывавших в Сицилию.

В работе Идриси приводятся также сведения о славянах, о странах гузов и кангакши (кангюв) (низовье р. Сыр-Дарьи, Тургайская степь, район Улутау и Сарысу). В Круглой карте мира, приложенной к этому труду, имеются и легендарные сведения о стране мрака.

[67] *Дегинь Жозеф* (1721–1800) – французский синолог, историк, автор многотомной истории гуннов, тюрок и татар – «Histoire generale des Huns, des Turcs, des Mongoles et autres Tartares occidentaux», Paris. 1756–1758.

Эта капитальная работа представляет частично обработанный перевод китайских источников о народах Средней Азии с древнейших времен до монгольского завоевания.

[68] *«Манас»* – огромная эпопея киргизского народа, созданная в результате творческих усилий многих поколений певцов (ырчи) и специальных сказителей – манасчи. Возникший еще в период раннего средневековья (IX–X вв.), эпос «Манас» впоследствии переходит изустно из поколения в поколение, отражая героические события далекого прошлого и в первую очередь многовековую борьбу киргизского народа за свою свободу.

Как памятник древней эпохи «Манас» содержит элементы архаической богатырской сказки (Ертөстік) и черты сказочно-мифологического сюжета, восходящего к древним мифам пастушеских народов Средней Азии.

Эпос «Манас» привлекает внимание не только содержанием и формой поэтических тирад, а прежде всего своим колоссальным объемом. Для исполнения этой грандиозной эпопеи нужны не недели, а месяцы. По принципу генеалогической циклизации в «Манасе» синтетически объединены три эпические поэмы: о древнем богатыре Манасе («Великий поход»), его сыне Семетее и внуке Сейтеке. Все эти циклы хранятся в народной памяти в виде преданий. Текст поэмы дошел до нас в разных вариантах, наиболее ранним можно считать вариант Чоюке – киргизского певца середины XIX в. Из знаменитых манасчи в народе известны имена Сагымбая Орозбакова, Саякбая Каралаева, Багыша Сазанова и Шапака Рысмендеева.

Первую запись одного из эпизодов поэмы «Смерть Кукотай-хана и его поминки» произвёл Ч. Валиханов. Однако, судя по его высказываниям, сведения его об эпосе «Манас» были очень ограниченными. Он имел возможность ознакомиться лишь с небольшими отрывками поэмы или только одним из ее циклов («Поминки по Кукотай-хану»). Отсюда понятно, что он не представлял себе ни грандиозного объема поэмы, ни полного ее сюжета. Когда киргизские певцы говорили Чокану, что для исполнения поэмы «Манас» недостаточно трех дней и трех ночей, он считал это преувеличением. Но впоследствии даже неполная запись академика В.В. Радлова, произведенная вслед за Валихановым, уже включала 9500 стихов.

«Манас» как поэтическая энциклопедия киргизского народа стала популярной в советское время. В эти годы были сделаны полные записи двух наиболее обширных вариантов, из которых один записан от известного манасчи Сагымбая Орозбакова, другой – от замечательного сказителя Саякбая Каралаева. Каждый из этих вариантов сейчас представляет огромный фолиант, состоящий из десяти томов или около 250000 стихов. Имеется также краткая редакция эпоса «Манас», записанная от старого манасчи Шапака Рысмендеева.

[69] *Кем-кемджуты* – имеются в виду племена, обитавшие в верховьях р. Енисея, при слиянии рек Улу-Кем (Большая вода) и Кемчик (Малая вода). По данным китайских хроник, там жили древнекиргизские племена, которые были известны под разными искаженными наименованиями: гэгунь, гян-гунь, хягас. (См: *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей, т. I. М.–Л 1952, с. 123).

[70] *Борхуджин* (Баргуджин, монг.: Восьмиречье) – лесистая страна, лежащая к западу от оз. Байкал. (См.: *Ц. Номинханов.* Происхождение слова «калмык». «Вестник АН Казахской ССР». 1958. №11).

Некоторые ученые отождествляют эту страну с территорией вдоль реки Баргузин, одной из крупных рек, впадающих в Байкал.

[71] *Тулуй* (XIII в.) – четвертый сын Чингисхана. При распределении уделов ему, как младшему сыну и коренному наследнику, достался отцовский юрт – Монголия. После смерти хана Гуюка (1248 г.), сына Угэдея, верховная власть перешла к потомкам Тулуя.

[72] *Рейсбрук* (правильно: Рубрук) *Виллем* (1215–1293) – фламандский путешественник. В 1253–1255 гг. по поручению французского короля Людовика IX он совершил путешествие в Монголию во главе дипломатической миссии, ставившей целью наряду с пропагандой христианства среди монголов, выяснить возможности привлечения их к участию в крестовых походах. В представленном Рубруком отчете о своем путешествии содержатся подробное описание Каракорума, ценные сведения из истории и этнографии монголов, команов (кипчаков), канглы, уйгуров и других народов и племен.

[73] *Мунке* – один из могущественных ханов Монгольской империи (1251–1259 гг.), сын Тулуя, внук Чингисхана. Мунке был избран ханом на курултае в 1251 г. в результате острой борьбы между потомками домов Угэдея и Чагатая, с одной стороны, и Джучи и Тулуя – с другой.

Активное участие в борьбе за избрание Мунке ханом принял Батый, хан Золотой орды, находившийся во враждебных отношениях с домом Угэдея. При Мунке Монгольская империя уже разделилась на отдельные владения, но сам он стремился упрочить центральный аппарат управления империи. При Мунке было предпринято два крупных завоевательных похода: один во главе с его братом Хубилаем был направлен на окончательное завоевание Китая; второй, во главе с другим братом Мунке – Хулагу, ставил целью завершение покорения Ирана.

[74] *Каракорум* (Каракором, Каракоран, Хара-Балгасун) – монгольская столица, построенная при преемнике Чингисхана Угэдее около развалин старого уйгурского города того же имени, на левом берегу Верхнего Орхона, в 37 км от оз. Угэйнора (теперь юго-восточная часть Ара-Хангайского аймака Монгольской Народной Республики). Развалины Каракорума были найдены русскими учеными в конце XIX в. Раскопки, проведенные монголо-советской археологической экспедицией в 1948–1949 гг., дали очень яркий материал, позволяющий судить о культуре и жизни города XIII– XIV вв.

[75] *Телеуты* – небольшая тюркоязычная группа, часть южных алтайцев. По происхождению телеуты связаны с группой кочевых племен теле, входивших в VI–VIII вв. в состав Тюркского каганата. В конце XVI и начале XVII вв. они расселялись на юго-западном Алтае, в верховьях Черного Иртыша, по верхнему течению Оби и ее притоков, составляя оток в 4000 кибиток, находившийся в феодальной зависимости от Джунгарии. В 1609 г. телеуты вошли в состав России и в русских исторических документах XVII в. они именуются «белыми калмыками». До Октябрьской революции телеуты находились на ступени раннеклассовых, патриархально-феодальных отношений, занимались в основном скотоводством. Большая часть телеутов теперь живет по рекам Большому и Малому Бачату, в Беловском районе Кемеровской области, а незначительная часть в Майминском аймаке и в бассейне р. Черги (в Шебалинском аймаке).

[76] *Номча* (Немча, Немза) – тувинский князь одного из четырех княжеств, на которые делились енисейский киргизы в начале XVII в.; кочевал с подвластным ему населением в степях в районе рек Чулым и Абакан. В начале XVII в. тувинцы изъявили желание добровольно присоединиться к России. (См.: *Г.Ф. Миллер,*. Описание Сибирского царства, кн. I. СПб., 1750, с. 398, 406, 407).

[77] *Батор* (Батур) – джунгарский хунтайджи (1635–1654 гг.). В 1640 г. он составил законодательный кодекс «Степное уложение», который должен был служить руководством для

ведения военных, гражданских и уголовных дел. С 40-х годов XVII в. джунгарские феодалы во главе с Батором стали совершать нападения на казахские земли и к 1645 г. захватили значительную часть Семиречья.

[78] *«Описание Западного края»* («Сиюй вэнь цзянь лу» – Описание виденного и слышанного в Западном крае, изд. 1777 г.) – историческое сочинение, излагающее историю и географию Восточного Туркестана и Джунгарии. Автор Чунь Юань – маньчжурский чиновник, служивший долгое время в Восточном Туркестане. Отдельные главы были переведены на европейские (латинский и немецкий) языки Клапротом. Русский перевод этого труда осуществлен Иакинфом и называется «Описание Чжуньгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии». (СПб., 1829, ч. II); отдельные главы переведены также С. Липовцовым для «Сибирского Вестника» (1820–1823 гг.), издававшегося Г. Спасским.

Труд Чунь Юаня является одним из ценных письменных источников для изучения Синьцзяна XVIII в.

[79] *...факт... выписанный нами в извлечениях...*– Эта выписка из Абеля Ремюзы, переведенная на русский язык, хранится в архиве Ч. Валиханова (Архив АН СССР, ф. 23, оп. I, д. 156).

Текст этого абзаца является позднейшей вставкой автора, причем начало ее утеряно.

[80] *Араб-Мухаммед* – хан хивинский (1602–1623 гг.). Время его правления характеризуется усилением феодальной междоусобицы и частыми восстаниями. Араб-Мухаммед был отстранен своими противниками от власти и ослеплен.

[81] *«Книга Большому Чертежу»* – уникальное географическое сочинение на русском языке, написанное в XVI в. Полное его название «Древняя российская идрография, содержащая описание Московского государства, рек, протоков, озер, кладезей и какие на них урочища и на каком они расстоянии». Впервые издано Н.И. Новиковым в Петербурге в 1773 г.

Ч. Валиханов мог пользоваться одним из трех первых изданий книги (1773, 1792 и 1838 гг.), так как четвертое издание (1846 г.) носило уже иное заглавие.

[82] *Ойратство четырех монгольских поколений...* – имеется в виду монгольское племя ойратов, обитавшее в районе озера Байкал и в верховьях р. Енисея еще до появления Чингисхана. Ойраты состояли из объединения четырех поколений монголов – олетов, хошоутов, дурбэтов, торгоутов и назывались дурбан ойрат, что значит четыре ойрата. Они составили иль (народ). Чингисхан, покорив ойратов, разделил их на четыре тумена. С падением монгольской династии разгорается борьба между восточными и западными монголами, в результате которой наступает кратковременное господство западных монголов или ойратов. В начале XV в. они уже занимали территорию на запад от Монгольского Алтая и оз. Убса. Часть олетов находилась несколько восточнее и доходила до верховьев р. Селенги, на западе – до границ современного Казахстана. В начале XVII в. предводитель хошоутов Гуши-хан завоевал Тибет, а торгоуты вступили в пределы России и расположились в низовьях Волги. В середине XV в. ойраты составили союз под главенством ханов ойратского рода чорос. Они занимали территорию между оз. Балхаш, горами Тянь-Шаня и Алтайским хребтом. Созданное ими объединение в русской литературе носило имя джунгарского или ойратского государства.

Ойратское государство было раннефеодальным. Основой ойратского хозяйства было кочевое скотоводство. Внутренняя междоусобная борьба, разгоревшаяся в середине XV в., привело ойратское государство к упадку. В XVII в. оно вновь переживает подъем. Наибольшего могущества джунгарское государство достигло при хане Цеван Рабтане (1696/97–1727). При нем были покорены Турфан, восточная часть Ферганы и Старший жуз казахов. В 1758 г. китайские войска разгромили джунгарское государство. Территория Джунгарии была включена в состав Китая. (См.: *Н.Я. Бичурин.* Описание Джунгарии и Восточного Туркестана. СПб 1829, ч. I, с. XII; Очерки истории СССР IX–XV вв. М., 1956, с. 469; «Народы Сибири». М., 1956, с. 329, 382, 393; *Ц. Номинханов.* Происхождение слова «калмык». «Вестник АН Казахской ССР», 1958, №11; *Шара Туджи.* Монгольская летопись XVII в. М., 1957, с. 198).

[83] *Исмаил* (литературный псевдоним – *Хатаи*) (1486–1524) – персидский шах, основатель династии Сефевидов, глава шиитских общин. Начал свою деятельность в обстановке феодальных распрей и борьбы азербайджанских племен. Опираясь на торгово-ремесленное население городов, заинтересованных в прекращении феодальных междоусобиц, Исмаил овладел Азербайджаном, частью Армении, а затем подчинил своей власти всю Персию. В 1510 г. близ г. Мерва Исмаил одержал победу над узбекским ханом Шейбани. В результате этих завоеваний границы Сефевидского государства расширились и достигли на юге Персидского залива, на западе – р. Евфрат, на севере – Большого Кавказского хребта.

Исмаил содействовал развитию науки и искусства. В его столице – Тавризе – была создана библиотека рукописей.

[84] *Юстиниан* – византийский император, к которому тюркский хаган Истеми (по византийским источникам, Дизавул) в 568 г. отправил в Константинополь посольство с предложением об объединении сил в борьбе против Ирана и установлении торговых связей. Из Византии вместе с возвратившимся посольством было отправлено ответное посольство во главе с киликийцем, полководцем восточных городов Византии Земархом. Посольство нашло ставку Истеми в долине р. Текес, к северу от Кучи. (См.: «Византийские историки». Пер. с греч. С. Дестуниса. СПб., 1861, с. 379).

[85] *Бургуты* – бурятское племя, обитавшее в районе оз. Байкал.

[86] *Кэптенги* – одна из экзогамных фратрий кетов (сибирских племен); в нее входили инбаки – одно из трех делений кетов, принявших русское подданство. Каждая фратрия делилась на несколько родов. Кеты – единственные представители ряда племен, обитавших в XVII в. по среднему течению Енисея и говоривших на языках, отличных от языков тюркских, самодийских и тунгусских народов. В 1604 г. они вошли в состав России. В настоящее время кеты составляют часть населения Туруханского и Ярцевского районов Красноярского края. (См.: «Народы Сибири»..., с. 695, 696).

[87] *Туленгуты* (теленгиты) – коренное тюркоязычное население Южного Алтая. Туленгутов в исторических документах XVIII в. неправильно называли калмыками, урянхайскими калмыками и черневыми татарами (по признаку местожительства – в «черни», т. е. в дремучих лесистых районах Алтая). Туленгуты кочевали по долинам Чуи и Аргута, в Кош-Агачском и частично в Усть-Коксинском аймаках. В первой половине XVIII в. туленгуты вступили в российское подданство. (См.: «Народы Сибири»..., с, 219, 329).

[88] *Хорин* (хоринцы) – одно из пяти племен, на которые принято в специальной литературе делить бурят. Жило по обеим сторонам Байкала, на острове Ольхон, по рекам Большой и Малой Бугульдейкам. Согласно Нерчинскому договору с Китаем (1689 г.), а затем и Буринскому трактату (1728 г.), буряты были окончательно включены в состав России в пределах Забайкалья и Предбайкалья. (См.: «Народы Сибири»..., с. 219; «Летописи хоринских бурят». М., 1940, с. 19, 20, 36).

[89] *Языков Дмитрий Иванович* (1773–1845) – писатель и переводчик; непременный секретарь Российской академии, академик. Известен своим переводным трудом «Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях. Плано Карпини и Асцелина» (1822–1825 гг.) и изданием «Книги Большому Чертежу» (1838 г.).

[90] *Спасский Григорий Иванович* (ум. в 1864 г.) – русский ученый, историк. Автор ряда статей и исследований в области быта, материальной культуры и истории народов Сибири и Казахстана. Известен публикацией ряда археологических памятников Сибири и Казахстана. В начале 20-х годов XIX в. Г.И. Спасский издавал журнал «Сибирский Вестник», затем переименованный в «Азиатский Вестник». (См.: *Э.А. Масанов.* Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966).

[91] *В один год (1763) погибло до миллиона...* – Здесь Ч. Валиханов некритически повторил сведения из китайского источника «Сиюй вэнь цзянь лу», переведенного Иакинфом. Данные об истреблении миллиона джунгаров были сильно преувеличены, ибо все население Джунгарии исчислялось тогда в 600 тыс. человек. (См.: *Л.И. Думан.* Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. М.–Л., 1933, с. 72). Кроме того, это событие произошло не в 1763 г., а в 1757 г. и в живых осталось 30–40 тыс. человек, спасшихся бегством в Россию. (См.: *И.Я. Златкин.* История Джунгарского ханства. М., 1983, с. 303; *Б.П. Гуревич.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М., 1979, с. 116–118.

[92] *Со смертью Батора хон-тайдзи* [1654] *сношения наши с зюнгарами прекратились, а поэтому и о дальнейшей участи киргиз* [*мы*] *ничего не знаем.* – Это неверно, ибо вплоть до падения Джунгарии Россия неоднократно обменивалась с ней дипломатическими и торговыми миссиями. Известны посольства И. С. Унковского (1722–1724), Угрюмова (1732), а также джунгарские в Тобольск и Москву.

[93] *...их предки, знаменитые изобретатели «не более 12 зверей»...* – Ч. Валиханов, следуя за Аб. Ремюза («Recherches sur les langues tartares», т. I, с. 300), считает 12-цикловое летоисчисление изобретением киргизского народа. Однако, это изобретение, вероятно, принадлежит ряду тюрко-монгольских племен. Вопросы происхождения 12-летнего цикла изложены в известных работах: *Н.Ф. Катанов.* «Восточная хронология» (Казань, 1920); *И.В. Захарова.* Двенадцатилетный животный цикл у народов Центральной Азии». – Тр. ИИАЭ АН Каз. ССР. 1960, т. 8, с. 32–65.

[94] *Эзиды* (езиды) – часть курдов, принадлежащая к особой религиозной секте.

[95] *...около города Анджана... между Коканом и Ташкентом.* – Определение местоположения г. Андижана по отношению к городам Ташкенту и Коканду неточно. Автор, вероятно, имел ввиду два владения – Ташкентское и Кокандское ханства.

[96] *Ақ үйлі аманат* – «белоюртный заложник» – заложник из богатой влиятельной семьи. Белая юрта в данном случае – символ богатства и власти.

[97] *...разрушительный набег Галдан-Чирена... в* 1723 *г.* – Ч. Валиханов ошибочно считал, что поход джунгаров против казахов в 1723 г. возглавлял хунтайджи Галдан-Церен, тогда как в то время хунтайджием был Цеван-Рабтан (1696/97–1727), а поход, в котором его старший сын Галдан-Церен не участвовал, возглавлял его второй сын – Шуно-Даба.

[98] *...калча название народа... город их Каратегин.* – Физический тип калча (гальча) описан Ч. Валихановьгм неточно. Гальча в основном темноволосы. Далее, под названием Саркол, автор, по-видимому, имеет ввиду не хребет Сарыкол, являющийся восточной границей Памира и населенный в основном киргизами, а оз. Зорколь, расположенное в верховьях Аму-Дарьи, на границе с Афганистаном. Каратегин – это не город, а горная область в Таджикистане, занимающая долину р. Сурхоб, т. е. р. Вахш, в ее среднем течении.

ЗАПАДНЫЙ КРАЙ КИТАЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ГОРОД КУЛЬДЖА

[*Дневник поездки в Кульджу 1856 г.*]

|| 1 августа 1856 г.

Китайский пограничный пикет Борохуджир.

Случай привел меня в Китай. Вот уже 6 дней, как я выехал из Капала и ожидал у Т[атаринова][1] товарищей по путешествию. Проход Югенташ*[1], нет сомнения, есть один из самых благоприятных проходов во всем Алатаве, исключая разве Санташ, который еще более удобен. Югенташ значит буквально – каменная насыпь. Название это происходит от маленького кургана, сложенного из булыжника, как делается много могил у киргиз; кургана, подобного которому в степи тысяча. Но, как бы ни было, югенташский курган славен и дал название целой горной долине и проходу; народное предание основание его относит к одному из джунгарских ханов, хонтайджиев, кажется Б а т о р у[2].

Югенташская долина есть горное плато, образованное течением на западе речек Агныкатты, Каргалы, на востоке Усека, Борохуджира, который при впадении называется Турген. Это – низкая, болотистая котловина на горной возвышенности, покрытая множеством ручейков или родников, называемая саз. На севере идут снежные горы Алатава, на восток к Китаю при Югенташе отделяется ветвь, известная под разными названиями: Хабырген, [Ирен-Хабурга, Эрен-Хабурга] и проч. На запад идут ветви Кызылкия, Сатлы до реки Коксу. Через Югенташ эта цепь связывается с горами Алтын-Эмельскими. Путь по Югенташу не представляет никаких особенных затруднений, кроме нескольких довольно крутых логов, образующихся течением ключей, впадающих в Каргалы. В 1852 г. полковник Ковалевский проходил через него с отрядом казаков при орудии. Первый самый трудный лог называется Кескентерек. Он отделяет отдельную сопку Аралтюбе от югенташской возвышенности.

Югенташ не представляет особенно картинных видов, как другие горные проходы Алатава, и не производит на десятую долю того впечатления, которым наполняется ваше сердце при проезде через Санташ при реке Тюпе. Направо, налево виднеются серые сплошные громады гор, покрытые редкими лесами ели или же вовсе голые. Только ровная поверхность самого прохода, сплошной зеленый ковер мягкого к и п е ц а подзадорит вас, если вы охотник до колких растений, промчаться по нему стрелой и поджигитовать порядком.

После однообразных горных видов, беспрестанно торчащих скал, немолчно шумящих ключей, густо заросших цветов этот дивертисмент как-то приятно действует на человека. Все нам надоедает: живем на широкой и гладкой Руси – рвемся на Кавказ, где стоит белоснежный Казбек, хочется видеть Альпы, нужны горы, «столпообразные раины» и «звонко бегущие ключи»[3], а как бросит судьба в такую местность –

*[1] Точнее: *Уйгенташ.*

сначала восхищаешься, потом все это начинает надоедать: и «столпообразные раины» и «звонко бегущие ключи» и опять хочется на свободу, на дол, на ровную степь, где растет береза белая, родная сосна. Там дыхание как-то свободнее и мысли текут шире, там как-то привольнее... Все безгранично, как степь, – и желания и дела. Угрюмые, дикие виды гор, хотя живописные, как-то заботят, отягощают вас: то вас поражает великолепный водопад, вы как-то усиленно напрягаетесь мыслями, то какая-нибудь пропасть устрашает вас своей теснотой, громадные скалы, ревущие реки – все как-то сердито, во всем сказочно, || и вы настраиваетесь под этими впечатлениями к какой-то лихорадочной деятельности. Вам все чего-то недостает. Нет возможности жить в горах и быть народом веселым, беззаботным. Только степняк может знать цену золотой лени, он только может жить без горя, без печали, не думая о будущем... Только степняк может быть беззаботно счастлив. Он знает цену наслаждению покоем.

В горах могут воспитаться черкесы. Он, рождаясь, борется с природой, каждый шаг его есть риск. Вокруг стоят твердые, угрюмые скалы, внизу пенится, шумит, ревет, ворочает камни какой-нибудь Терек. Вот его учителя. Какие примеры! Какое хищничество в зверях и в птицах гор! Тяжелый гриф терзает окровавленный труп, хищный ястреб нападает на беззащитного фазана, а орел отнимает его добычу. Медведь, тигр наполняют ужасом лес и делают беспрестанные набеги на бедных оленей.

Совсем другой ландшафт, другая природа окружают степняка. Там свобода, счастье и между зверями, и птицами божьими. Широкая река или необъятное озеро тихо струят свои гладкие и светлые воды; утки, гуси, лебеди гордо плавают на водах, поднимают гомон, шум, но все это дружно... Никто никому не мешает. Легкая чайка роскошно купается в лазури небес. Степной жаворонок поет свою песню на высоте и сладко трепещет крылами. Во всем беззаботность и лень. Беспредельная, как море, степь покрыта тысячами разных трав, бедные цветочки, тонкие и мелкие, расстилаются зеленой скатертью. Ветер ли пробежит – равно зарябят и тихо зашумят травы. Всюду жизнь: пчелы, бабочки парят с цветка на цветок. Я сам степняк и увлекся степью, пора обратиться к предмету.

После перехода через югенташскую насыпь начинаются ручьи, которые сливаются и, в виде дуги, тянутся от холма Кушмурун до возвышенности Койтас. Эти ручейки по сырости местности называются сазом (солонцом), хотя, в сущности, совершенно не солоны. С Кушмуруна через Койтас мы вступили в холмистую местность. Это последние холмы от Алатава к степи, открывающиеся на Или. По ущелью Карасай мы переехали эту гряду и вступили в узкую долину Борохуджира. Речка эта имеет, как все речки Семиреченского края, быстрое течение и каменистое дно.

С возвышенности, по которой ехали мы, открывалось все течение речки. Она тонкой полосой струилась по узкой щели. Направо и налево окаймляли ее серые голые куски скал. Все было пусто и каменисто; только густая рощица красивых тополей приятно синела на этом пустыре, как тенистый оазис в песчаной степи. Вокруг паслись лошади и доказывали собой присутствие человека.

Это был китайский пикет, заключенный в естественный покров зеленых листьев. Часовой, стоявший на ближайшей горе, при нашем приближении заревел громко:

«Боран!» (человек). Несколько бритых голов, с хохлами на макушке, выглянули из-за глиняной стены и тотчас же || спрятались. Любопытство выражают только варвары, просвещенному китайцу не должно ни в чем уподобляться левополым[*2]. Мы в церемониальном порядке, устроенном по китайским правилам приличия и сознания своего достоинства, подъехали к берегу речки, имея впереди вершника, неизбежного в китайском этикете, и в благородном отдалении от караула стали разбивать свой стан. Когда мы устроились хозяйством и вошли в юрту, из караула показались китайцы. Один из них ехал впереди, и, как должно порядочному лое, господину, спустив повода, ступал самым тихим аллюром. Около шли другие посетители. Вверив свою лошадь попечительству какого-то оборванного калмыка, мандарин скоро вошел в юрту и, стоя с наклоненным вперед корпусом, начал, скребя горлом, как ученый скворец, свои приветствия. Во-первых, осведомился о состоянии наших желудков: «Чиляофан?» (обедали ли?). Потом спросил, или, как говорят китайцы, «понюхал», наше здоровье от имени цзян-цзюня[*3] и его товарища хебе-амбаня[*4], спросил о дороге, «понюхал», еще о чем-то и еще. Во все время речи крепко держался принятой позитуры, только по временам разводил руки. Его просили сесть. Красный и усталый от жары, он вынул грязную тряпку и начал утирать свое лицо.

Отдохнувши, он объявил в дополнение к сказанному, что он, как манчжу[*5] по происхождению, прислан самим цзян-цзюнем в качестве вожака для нашей встречи и препровождения в Кульджу и что он служит при торговом дворе в должности дулая – рассыльного. Он знал немного по-татарски и объяснялся с нами уморительной смесью слов китайских и тюркских; все длинные слова он сокращал или отделял на несколько однозвучий и произносил своим китайским прононсом.

Дулая, или, как его называли попросту, дулай, был мужчина хоть куда. Физиономия у него довольно приятна и более походит на тип нашего башкира, нежели китайца. Полное его лицо не так скуласто, как у китайца, узкие и выдавшиеся шишкой глаза расположены на прямой линии, а нос у него даже слишком поднят для субъекта племени монгольской породы. Редкие, но длинные усы зачесаны прямо и закрывают губу. Он, по-видимому, ими занят, ибо беспрестанно гладит щеткой и опускает прямо на рот, или же он старается ими закрыть черные и гнилые свои зубы. Одет он был в темно-синюю шерстяную курму[*6], под которой виднелся серый, приспособленный к верховой езде, халат с разрезом как спереди, так и сзади. Черная суконная шапка с двумя собольими хвостами доказывала, что он в командировке, а белый матовый шарик – его обер-офицерский ранг. Между тем как дулай занимал нас ученым разговором и тонким обхождением своим доказывал нам, варварам, свою обтертость, пришел солонский[*7] офицер[4] и от имени цзян-цзюня предложил дары. Уморительно было видеть, как поражались китайцы нашим отказом и как усиленно старались вра-

---

[*2] Пренебрежительное слово, употребляемое китайскими феодалами по отношению к людям другой национальности. Здесь в смысле – *не китайцы*.

[*3] *Цзян-цзюнь* – наместник, генерал-губернатор. Ему подчинялись области Джунгария (Бей-лу) и Восточный Туркестан (Нан-лу).

[*4] *Хебе-амбань* – помощник генерал-губернатора.

[*5] У Ч. Валиханова встречается двоякое написание этого слова: *манчжу и манджу*.

[*6] *Курма* – верхняя одежда.

[*7] От *солон* – военнопоселенец, обязанный пахать землю и снабжать китайское пограничное войско.

зумить нас в тонкости обычаев и церемоний, представляя подарки эти выражением доброго расположения двух дружественных наций, и доказывали, сколь было несогласно вежливости и достоинству большого человека (так называли они нашего полковника[5]) не принять дары.

Китайское правительство, как всякое азиатское государство, устраивает подобные подарки за счет народа, а офицера обязывает непременно доставить их по назначению, ибо снабжать гостя съестными припасами есть старый обычай империи. В случае отказа, т. е. непринятия даров, бедный офицер подвергается ответственности, неудачу приписывают неумению офицера поднести должным образом. Принимая в соображение это обстоятельство и еще чистосердечное признание китайца, что лицо его перед цзян-цзюнем будет черно, мы приняли двух баранов, 10 фунтов риса и столько же муки. У китайцев, как и у других азиатцев, черное лицо значит бесчестие, то же, что «руй сиях» у персиян.

2 число [августа].

От Борохуджира до р. Усека лежит песчаная голая степь, около Борохуджира всхолмленная и при третьем пикете обращающаяся в равнину, которая идет до самой Кульджи. Грунт земли глинист, состоит из рыхлых слоев песчанистой глины и мелкого мусора. Течение воды, весенние снега обрушили эти холмы, образовали яры и канавы. В степи нет никакой растительности, кроме ю с а н а (мелкая полынь), полыни (Artemisia), чернобыльника (Artemisa vulgaris)*[8], э б е л е к а*[9], колючих кустов мелкого карагана (Caragana) и ч е н г и л я*[10] (той же породы). Около речки растительность была более разнообразна: на берегу Борохуджира мы видели огромные кусты китайской конопли*[11] и чия*[12]. Кажется, одни ящерицы да змеи были хозяевами этих мест. Первые во множестве разных пород, зеленые и быстрые на бегу, последние – короткохвостые скользят всюду под ногами. Из птиц мы встречали только жаворонков и степную породу рябчиков (Syrrhaptes paradoxus Pall).

День жаркий, нет ни малейшего ветра, и солнце нагрело землю так, что нет возможности ступать ногой. По такой степи и в такой жар мы брели ровно 25 верст, пока не приехали к первому арыку от реки Усека. Усталые и томимые жаром, мы с особенным удовольствием воспользовались тенью нескольких серых ив, которые росли тут, и отдыхали в ожидании верблюдов наших, шедших позади. Мы ехали прямо на Усек, оставляя на правой руке за логом китайский пикет №3.

Китайские офицеры, сопровождавшие нас, тоже остановились, но выбрали местом отдыха шалаш хлебопашца-солона, где, как признались после, успели перекусить луку и выпить свою вонючую водку – джу, разумеется, за счет хозяина. Покончив свою трапезу, они, по-видимому, к великой радости бедного солдата, которого безвозмездно разорили чашкой кислого молока, приехали к нам и предложили сделать привал на Усеке, до которого, по их уверению, было только 3 версты. Так как вода в арыке была мутная и около не было корму для лошадей, мы, разумеется, с большой

*[8] *Ермень (казах.)*

*[9] *Эбелек* – перекати-поле.

*[10] *Ченгиль* (шенгиль) – колючий кустарник.

*[11] Вид дикой конопли.

*[12] Чий (ший) – степное растение, идущее на плетение циновок и укрепление построек.

неохотой сели на коней и опять, положив все упование на аллаха, подставили свои головы жгучим лучам китайского солнца.

Странный и печальный вид имеет подобная изнуряющая поездка. Кони, повесив головы, ступали мелким шажком, всадники сидели как-то вяло и, распустив поводья, думали бог знает о чем. На людях и скотах равномерно заметны были усталость и нехотение. Наши китайцы и тут действовали по правилам этикета, и тут устроили процессию, впереди которой тощий солон, вооруженный луком и стрелами, исполнял должность неизбежного динь-ма*[13] – гвоздь-человека. Господа чиновники на своих широких, как стул, седлах сидели бессмысленно и курили свою медную ганзу*[14]. || Черная из грубой дабы*[15] ... тряпка заменяла им уже шляпу; блином накрытая на голову, как у имеретинцев[6], папанаки*[16], она была обвита косой, чтобы не падала, а спереди нависшие на лоб углы бросала обильную тень...

И тут степь была тоже гола и песчана. Только по течению речки росли деревья, чему мы очень обрадовались, представляя себе, что под тенью их можем спокойно отдохнуть; но увы! и тут открылось, что остановиться на Усеке нет возможности за неимением корма. И действительно, всюду был песок и булыжник, ни одной травы, даже чистого места для ставки юрты не могли отыскать при сильной рекогносцировке. Однако ж мы решили тут, под деревьями, остановиться и подкрепить себя, т. е. желудок, на малую толику.

В приятном ожидании предстоящего обеда я отправился для купанья к реке, и люди стали заниматься приготовлением чая и закуски. Несмотря на это, жажда мучила так сильно, что я лишился последнего терпения и начал пить теплый кумыз. Жажда увеличилась еще более; я пробовал охладить напиток и приказал привязать бурдюк [к ветке и опустить] в реку. Пил кумыз с водой, но все напрасно. Наконец подали ожидаемый чай. Удивительней и незаменимый напиток этот китайский лист в жаркое время: ничто, решительно ничто не может утолить жажду, как чай. Слава аллаху! Отвели душу! Да так успокоились, что были в состоянии выпить водки и закусить китайской уткой, которую вместе с несколькими курицами и огурцами купили по дороге у хлебопашца-солона. Жар был так силен, что одна из птиц наших снесла тут же, на песке, яйцо.

Пока мы проводили время под ивовым кустом и совершали свою походную трапезу, верблюды успели переправиться через реку и направились на речку Бурхансу, обильную кормом и водопоем. Надо было, наконец, и нам садиться опять на коней. Подкрепленные чаем, мы бодро сели на коней и поехали шибко. Степь от Усека начинает несколько изменяться. Открылось огромное пространство, усеянное лесами; направо была Или, а впереди синели низкие песчаные долины. Странно, здесь, где только проходит вода, там является и усиливается растительная жизнь. По Усеку уже росли, кроме ченгиля и таволожника, довольно высокие стволы серой ивы Salix cinerea), джигдовника (джида)*[17], а несколько далее на арыках стали являться кра-

*[13] Искаженное китайское слово. В данном случае – *соглядатай, лазутчик.*

*[14] *Ганза* – мундштук, кальян, трубка для курения.

*[15] *Даба* – хлопчатобумажная ткань ручного производства разной расцветки.

*[16] *Папанаки* – большие войлочные шляпы с широкими полями.

*[17] *Джигдовник* (джида) – лох, плодовое дерево, характерное для среднеазиатских тугаев и оазисов.

сивые стволы ильма*[18] с ярко-зелеными листьями и барбарис. Чем далее, тем более степь оживает: печальный и безжизненный характер ее смягчается зеленью деревьев, которые делаются все гуще.

|| По арыкам, которых здесь тысячи, растительность густа, высока. Разные колокольчики, васильки и высокие прямые стволы мальвы с большими белыми или розовыми цветами, солодки, низкий тростник и другие растут густо как около каналов, так и на местах, где проходили прежде каналы. Вообще здесь заметно более жизни, хотя грунт тот же, как в безжизненной степи, окружавшей нас за Усеком. Еще более разнообразят и придают жизнь местности огромные поля, засеянные пшеницей, просом, кунаком*[19] и джугарой (гаоляном)*[20]. Особенно красивы высокие кривые колосья джугары со своими широкими, лоснящимися листьями яркого цвета. Смотришь и удивляешься: эту песчаную солонцеватую степь, на которой нет совершенно чернозема, которая сама по себе производит только горький юсан, колючий эбелек, бедные кусты терновников – кустов карагана и ченгиля, эту в высшей степени неблагодарную почву китайское терпение умело победить настойчивым трудом и заставило ее произвести то, что хотел он [человек]. Надо было быть китайцем, чтобы только подумать о возделывании такой пустыри. Но тем не менее он достиг своей цели и достиг легко. Взборонил землю без всякого предварительного удобрения, посеял и пустил по ним каналы, полные водой. Жгучему южному солнцу и живительному влиянию воды он обязан своим существованием.

Вот пример для наших земледельцев Астраханской и Оренбургской губерний, где такие местности считаются совершенно негодными и остаются без разработки. Посреди этих нив мы ехали и удивлялись, а земледельцы-солоны удивлялись нам и нашему узкому платью. Они оставили работу и смотрели, и делали свои замечания. Особенно мы занимали детей. Загорелые от солнца, с черным, как китайская канфа*[21], телом, эти мальчуганы бегали голые и, болтая своими хохолками на бритой голове, бросались к матерям, которые сами, тоже полные удивления, с трубкой в зубах, говорили: «Улус»! (русский).

Жизнь кипела всюду: там и сям стояли временные шалаши солонов, около сидели грязные бабы в китайских рубахах, голые дети жарились на солнце, между тем как муж, покрытый только шляпой, в длинном исподнем платье, молотил хлеб, сидя на лошади и волоча запряженный в нее валёк*[22]. По дороге также ехали их обозы. Огромные телеги на двух громадных колесах, наваленные разным хламом, глубоко изрывали песочную дорогу, оставляя от колес неизгладимый до большого дождя след. Погонщик, сидя на облучке странным китайским грибом, погонял лошадь длинной палкой, издавал какой-то дикий, протяжный звук: «Угу... угу...». Иногда попадались одноколки, полные пассажирами, от 6 до 10 человек, запряженные в 6 или 7 коней, на корню был всегда один, а другие запрягались впереди первого.

Мы было чуть не заблудились: за деревьями нельзя было видеть, где остановились наши ставкой. Тут-то мы стали обозревать окрестность. Налево, очень близко

*[18] *Ильм* – дерево, вид карагача.

*[19] *Кунак* – сорочинское пшено, по-китайски чумиза.

*[20] *Гаолян* (джугара) – маньчжурское просо, зерновое и кормовое растение семейства злаков, разновидность сорго.

*[21] *Канфа* – китайская шелковая ткань (атлас).

*[22] Точнее: ...муж... молотил хлеб, сидя на лошади, волочившей валик.

от дороги, шла холмистая гряда, направо вдали виднелась широкой лентой Или и около нее темнели силуэты городов и их окружающей рощи. || Это был город Тургенкент, стоящий при впадении Борохуджира в Или. Впереди пестрели отдельными рощами деревья, растущие по арыкам и по прибрежью рек, и пестрели густо, к Или они делались реже и, наконец, совсем исчезали так, что угол, образуемый впадением Усека в Или, был открытой степью. Зато около самой Или виднелись густые и темные леса. Пока мы смотрели в трубки и различали в отдаленных рощах белые пятна от городских стен, один из наших киргизов увидел между деревьями наши белые юрты. Мы ударили в нагайки и, буквально, помчались к своему стану, утешая себя перспективой долгого покоя. Среди кустов ильма (Ulmus campestris), густых ив расположились наши юрты, возле проведен был арык, окаймленный густой зеленью цветов. Облегченные от вьюков верблюды лениво дремали, а лошади, отпущенные на корм, встряхивали гривой, как бы не веря своему счастью и желая испытать, не сидит ли еще двуногий мучитель.

После утомительного и жаркого дня, полного труда, как особенно приятно в прохладный вечер лежать в юрте, в свободной одежде или еще лучше без одежды, и, поднявши вокруг юрты войлок для свободного течения ветра, отдыхать. Это своего рода высшее удовольствие, доступное не всякому. Одно только воспоминание о прошедшем и пережитом усугубляет его во сто крат. Одно досадно – комары, мошки и другие гнусы не дают возможности вполне наслаждаться степным комфортом и делать кейф*[23]. Не помню почему, но этот вечер остался в моей памяти по своей чрезвычайной приятности, как лагерь наш при Кудорге во время иссыккульский экспедиции[7].

Что-то особенно приятное, успокаивающее было в самой природе. Не холодно и не жарко – умеренная благая середина, чистый воздух, приятные виды и, наконец, эта живописность в самом расположении походного нашего стана, поднятые, почти сквозные, решетки белых юрт, возле костра и вокруг группы казаков с трубками, киргиз, готовящих на угле «тостик» – грудинку или хлопочущих около котла с мясом. Под тенью деревьев в различных позах отдыхают козаки, набросив несколько шинелей на ветви для тени. Возле них стоят копья конусом и ружья на сошках и разбросана амуниция. Около отрядного скарба, мешков с мукой, разных кулей лениво ходит часовой и завистливо посматривает на отдыхающих камрадов*[24]. Счугуренные*[25] (так принято киргизами на степном языке их называть лежащих верблюдов) верблюды лежат рядком, жуют жвачку, и от их тяжелого дыхания и от испарины поднимается синяя струйка пара. Между кустами разбросанно щиплют траву стреноженные лошади, подпрыгивая всем корпусом, чтобы идти далее. Вся эта картина освещена ярким, чудно розовым светом заходящего солнца; вода, листья на деревьях, летающие жуки, мухи, комары – все это блестит, светится тем же колером*[26].

Спал жар и оживилась природа. Воздух наполнился шумом тысячи разных насекомых, послышалось пение пташек в притальниках... Послышались крики гусей, уток и перепелей в соседних пашнях. || Началась какая-то шумная, хлопотливая, пол-

*[23] *Кейф (араб.)* – удовольствие, наслаждение, приятный отдых.

*[24] *Камрад (гол.)* – товарищ.

*[25] От казахского *шөгермек* – заставить верблюда опуститься на колени.

*[26] *Колер (лат.)* – цвет.

ная веселья жизнь, всюду – жизнь, противоположная мертвой тишине дня. Вечер возвратил к самосознанию и наших китайцев, которые все время спали под деревом, точно убитые.

Дулай явился опять с товарищем своим и опять привел двух баранов и [принес] опять риса. На татарском языке, по своему обыкновению лаконически, он «понюхал» здравье большого человека и стал опять доказывать, что подарки непременно следует взять. Вот для редкости образчик его джанголизма: большой человек... дорога далекая... спроси..., хорошо спал. Цзян-цзюнь и хебе-амбань..., скажи... большой человек... юсун бар (есть обычай), есть бараны... есть рис...., кое-что есть. Белый царь, Хуань-ди хамиту чиданде... равны, друзья... При этом он сложил два больших пальца и сказал: «Шу янзы». (Шу – татарское слово «вот», янзы – китайское – «сорт». Подобного сорта), и оканчивал: «Ступай, большой человек... скажи... юсун бар – есть обычай!» Для знающих татарский [язык] не излишне было бы привести собственный подлинник китайской речи по своей оригинальной замечательности:

چونك كچى – يول يراق – سورانك بار – يخشى كلنك بار – ثزان زون، خبه انبان ... ييارنك بار –
قوى بار – كورچ بار – نمه، نمه بار – چونك كچى سورانك، يوسون بار، اق پادشاه ايجن خان –
دوست، ايكايانك حاميتو چيداين، شوينكزى دوست.

На этот раз домогательства дулая были уважены в последний раз: баранов у нас было много и своих, а взяв их подарки, нужно было отдаривать и их. Чиновники были так довольны этим принятием, что с радости молодецки начали пить ром, который мы им предложили, и напились до того, что пустились в изъявление своего расположения и дружбы, выражая это особенно сильно складыванием ровно двух больших пальцев.

Дуньчи, переводчик, состоявший при них, предложил нам спеть свою песню и просил только дозволения офицерства. Сначала чиновники, действуя согласно этикету, не хотели, но потом сами стали подтягивать артисту. Дуньчи пел по-калмыцки, по-таранчински и, наконец, хватил импровизацию по-киргизски. Солоны живут вместе с киргизами и хорошо знают язык татарский. Всю ночь слышались около скрип телеги и пение калмыков, солонов и удивительный их ямской крик. Китайцы поют довольно приятно [...]

3 число [августа].

Весь проезд мы ехали по лескам и по арыкам. Беспрестанно попадались пашни, земледельцы и местами одинокие фермы мызников. Направо мы оставили города Яркенд, Тычкан, место пребывания сибо[8]-занги[*27], полкового майора (киргизы называют его чибчжэен)[*28], и шли прямо на Аккент. Мы ехали все по лесу, состоящему из ильма, джигдовника и ивы, мелкий ченгиль покрывал эти места также густо. Кроме растений, попадавшихся на ночлеге, по деревьям вились разные вьюны: хмель (Humulus lupulus), плющеобразный вьюн с белыми волосообразными [стеблями], лиловыми цветами покрывал кусты ченгиля так густо, что казался кучей собранного льна. Изредка попадался барбарис, шиповник (Roza cinnamonea). Грунт и здесь был тот же, даже местами обращался в сыпучий песок, но вода, обильно разлитая всюду,

[*27] *Сибо-занги* – китайский офицер из маньчжурского племени сибо.

[*28] *Чибчжэен*, точнее: *шыбжын (казах.)* – беспокойный, юла, егоза.

поддерживала своей влажностью растительную силу этих Habitusов*[29]. Сделав верст 15, мы увидели густую рощу высоких вязов, ив и красивых пирамидальных тополей, между стволами которых белели стены глиняных домов. Город довольно чист по наружному виду, окружен стеной.

|| Через деревянный мостик, брошенный на ров, мы въехали в город. На улицах, внутри оград домов, всюду росли ильм, ива и тополь, раскинув длинную тень. В городе была невозмутимая тишина, казалось, что мы въехали в необитаемый оставленный антик*[30]. Только из-за угла показавшаяся китайская девушка с двумя мальчуганами доказала истину. Солонка была очень смугла, но приятна лицом, на голове торчали какие-то цветы, волосы были убраны a'la chinois*[31] назад. На ней было синее китайчатое платье с широкими рукавами, убранными в два ряда белой тесьмой; дети были голы, головы их были «оголены». У одного из них, который был больше, на макушке торчала маленькая коса, а [у] маленького были оставлены [волосы на] одних висках, заплетенные, они походили на рога.

Дух империи – необщительность и замкнутость – выражался в первом городе: каждый дом стоял отдельно и был окружен стеной; казалось, что хозяин заперся в четырех стенах, как вассал средневековой Европы, для того, чтобы не видеть соседей, не говорить. На улицах было очень пыльно. По большим огородам, которые были за городом и на которых работали женщины и дети, и по пашням видно было, что солоны народ трудолюбивый и зажиточный. Храмина их была окружена садом из одних только пирамидальных тополей; резные врата и драконы служили вывеской. Что за красивые деревья эти тополя со своими белыми и прямыми стволами, как приятно рябит ветер их серебристые листья! Так и хотелось бы под тенью их раскинуть шатер и уснуть.

Странное желание, подумаете вы! Но кто бывал в утомительно долгих дорогах, тот, конечно, поймет всю прелесть этого простого, даже грубого желания. Выбравшись за город, в $3^1/_2$ верстах от города, мы стали на ночлег и принялись за чай. В городе наши люди успели купить дынь, арбузов, яблок и лакомились ими. Всю ночь нас сильно беспокоили комары.

4 [августа].

Рано. Подъем. Ударил барабан. Нам нужно было переехать наносные пески, образующие всхолмленную гряду, идущую до самой Или. Мы решили этот трудный для лошадей переход сделать при утренней прохладе и, как говорят казаки, по салкынчику*[32]. Через три версты оставили мы лесистое урочище Чубар-агач, которое идет от Усека до гор, и вступили в сыпучий песок.

От ночлега нас провожал китайский офицер с пикета. Мы стали от нечего делать разговаривать с этим старым воином. Он был родом солон и из б о х ш е й-урядников был произведен цзян-цзюнем во второй чин, и был в этом ранге уже полтора года. Старик рассказывал, что они, солоны, служат все в войске и получают чины смотря по отличию. Сам он был в нижнем чине восемь лет и говорил, что сын его должен

*[29] *Видов (лат.).*

*[30] Здесь *антик* – древний город.

*[31] *На китайский манер (фр.).*

*[32] Точнее: *салқыншақ (казах.)* – прохлада.

также начать службу с солдата. Это правило распространяется и [на] потомство их амбаня*[33]. Только умершие на войне могут передать свою пенсию сыну. На нем был камышовый колпак конической формы с красным волосом. Это виц-кивер, который служит только на местной службе. Командированный в другое ведомство, он надевает черную шапку с собольим хвостом и пером. Таким образом, разговаривая, мы въехали в глухую средину песков. Здесь они так глубоки, что образуют довольно высокие холмы. Странно, каким образом песок этот мог образовать целую цепь, вроде поперечной стены, как бы насыпанной рукой человека? Пески эти идут перпендикулярно течению [реки] на протяжении 50 верст и в ширину имеют верст 10.

|| Что за пустынные виды! Кроме громады песка, вы не видите ничего: какой-то голый куст степного растения, называемого киргизами юзген, покрывает его там и сям. Куст этот коленчатый, без листьев, нижние стволы серебристо-белого цвета, а тонкие веточки – зеленого. На нем есть что-то вроде цвета – высохшие листочки совершенно круглые в несколько рядов. Местами попадаются юсан и какое-то желтое уродливое растение с шишковатой иглистой головкой и еще какой-то злак – более решительно ничего. Следы змей, ящериц и крыс переплетаются и образуют хитрую и замысловатую сеть. Несмотря на то, что было рано и холодно, но короткохвостые ловкие ящерицы шныряли тысячами, а в одном месте лежала огромная черная змея. Видно было, что пресмыкающийся гад был полным и единственным хозяином этого страшного места.

Хорошо, что мы воспользовались утренней прохладой и прошли благополучно эту маленькую сахару. Верблюды любят песок; мягкие и мясистые их ноги ступают на уступчивые пласты песка, как на ковер, но и они заметно устали от беспрестанных подъемов. Много песков в Киргизской степи. Есть пески страшные, на несколько сот верст, но такой мертвой местности нет нигде. На берегах Или, Сыра и Сарысу лежат на огромных протяжениях песчаные пустыни, но жизни в них более: по крайней мере более растительности – саксаулы, джингили, чий и другие кусты образуют целые леса.

Слава аллаху! Наконец вышли на твердый материк. Удивительно заметный переход [нас] спускает с последнего песчаного холма, и характер местности резко изменяется: нет последовательности и переходов. Опять открылась ровная степь, но с другими растениями и с другим оттенком. Грунт сначала был каменистый – из галек и мусора. Джингиль – растение из породы божьего дерева с неизбежным в степях ченгилем разнообразило местность своими красивыми кустами. Чем далее, тем степь принимала характер, сходный с прежде пройденным; но деревьев ильма и джигдовника было мало, если и были, то в виде мелкого куста. Переходя реку Хоргос, мы терпели сильное нападение от бесчисленных полчищ комаров, которые своей многочисленностью образовали над нами густую тень. От усиливающейся жары другая тень была бы очень кстати, только не та, которую образовали комары. Нисколько не преувеличивая, смело можем сказать, что при Хоргосе мы чуть не сделались жертвами кровожадности этих насекомых. Густые камыши и береговая растительность, увлажненная водой, скрывала и рождала этих «нарочито гнусных тварей».

*[33] *Амбанъ* – начальник, генерал.

За рекой стоял китайский пикет, офицер которого встретил нас и провожал до ночлега. В виду грязных стен среднего поста мы разбили шатер, напились чаю и уснули глубоким, богатырским сном, хотя под головой у меня был просто погребец, углы которого сильно врезались в затылок. Я ничего не чувствовал и спал непробудно, как султан на мягких диванах своего гарема, уткнувшийся в роскошные и нежные формы какой-нибудь «розы наслаждения». Действительно, мне грезилось что-то в этом роде. Я чувствовал давление под головой, но мне снилось, что [это] была белоснежная рука красавицы, обнявшей мою голову. Я чувствовал жар, но мне казалось, что это ароматичное дыхание моей временной собеседницы. Нечего говорить, что мне было страшно досадно, когда разбудили и сказали, то верблюды уже на ночлеге.

|| Чем далее [мы] углублялись в Китай, тем более заметно было жизни и населения. Так, теперь перед нами прямо и налево виднелось несколько китайских городов и селений, или правильнее, синели рощи, в которые, в буквальном, в тождественном смысле слова, были погружены эти города. Надо отдать справедливость китайцам в этом случае, если б среди гадкой голой степи торчали бы одни стены их земляных низких домов, то и самый путь для странника, утомленного пустынной окрестностью, был бы во сто крат несносен и труден, как поездка по какой-нибудь нубийской долине. Зато что за удовольствие чувствуете вы, подъезжая к этим зеленеющим оазисам после той открытой для палящих лучей солнца беззащитной степи. Мы имели удовольствие проехать около одного из таких, так сказать, купающихся в роскошной зелени садов-городов – Хоргоса. Направо оставляли в 2 [верстах] расстояния город Чимфанзе с гостиницей для путешественников. Направо же, вдали, около гор, виднелось много подобных зеленых точек: то были селения солонов и сибо – Купчан Верхний, Средний и Нижний.

Хоргос есть главный город поселения; в нем живет полковой командир из сибо, называемый хожуртай, старший по амбаню, [подчиненный] бригадному генералу, который живет в Иле*[34] при цзян-цзюне. Он состоит из трех отдельных садов, т. е. форштадтов, отделяясь на версту один от другого. В Чимфанзе есть сады и огороды. Там купили наши люди яблоки, персики и разные овощи. Замечательно, что в поселениях мы ели огурцы, похожие на наши, большие и сочные, нисколько не походящие на китайский уродливый тонкий к и я р*[35]. В трех верстах от города, на реке, обросшей камышом, мы стали на ночлег. Около нашей стоянки был мир. Пешие, верховые китайцы, китайцы в разнаряженных экипажах, запряженных в разнородные животные, переезжали взад и вперед беспрестанно, подобно муравьям, хлопочущим в муравейнике. Всю ночь слышен был скрип их огромных, должно быть, худо смазанных кунжутовым маслом колес и крик погонщиков. По временам праздный сын Срединного цветка*[36] затягивал свою песню. [...]

В числе проезжавших особенно обратил наше внимание какой-то л о я, не столько сам он, сколько его экипаж. Мы второй раз увидели китайскую господскую одноколку. На двух колесах был посажен кузов, вроде миниатюрного домика, с окнами

*[34] Китайское название города Кульджи.

*[35] Огурец.

*[36] Синоним наименования китайского государства.

по сторонам. Он был обтянут синим холстом, и колеса были окрашены под тот же цвет. В корню и к нему, как говорится, гусем (иначе не ездят в Китае) были запряжены два лошака, увенчанные колокольцами. Над коренной стоял зонт из четырехугольного куска холста, он был прикреплен одним концом к верху кузова, другим – к двум сошкам, перпендикулярно воткнутым к концу оглобель. Впереди ехал, как и всегда, вершник, передовой, сзади был конвой. Кучер шел, как подобает сану всякого порядочного человека, возле экипажа пешком с длинной палкой [и] по временам пугал лошаков. Вообще ехали тихо, с достоинством. В первый раз это нас || занимало, но впоследствии увидали столько чудес в подобном роде, что не раз клали палец удивления в уста и все упование возлагали на аллаха. Машаллах![*37].

Комары были здесь так же неугомонны, как на Хоргосе, так что встав утром, [мы] чувствовали страшный зуд и изъян по всему лицу. Весь вечер я ходил с ружьем, но был ужасно несчастлив, слышал под ногами крик перепела, а найти не мог.

5 число [августа].

С камышистой речки, которая, между прочим, ознаменовалась открытием водяных змей, мы по направлению WSW прошли через пикет на деревню Урда-Хоза, где в тени огромного ильма, покрытого множеством воробьиных гнезд, разложили ковер и стали отдыхать под нежное воркование голубков, которых было тут довольно.

Надо сказать о дороге. Направо, около гор, мелькало множество рощиц; чем ближе к Иле, [тем они] делались гуще и гуще. Одна из этих рощиц есть оболочка мусульманского городища Темир-Кутлу-хан, со знаменитой гробницей этого хана, который считается святым. Дорога, по которой ехали мы, идет через засеянные пшеницей, кунаком, джугарой казенные поля или же по кочковатой и изрытой местности, по которой обильно растущие бурьяны, чертополох (Cirsium lanceolatum), подорожник (Plantago major) и остатки разных злаков доказывали, что и по ним ходила соха. При нас подняли фазана, но старания наши отыскать его были тщетны: он бегает быстро и скоро исчезает в густой траве. Огромные стволы деревьев и разрушавшиеся стены оставленных мыз угрюмо смотрели на наш проезд.

Под одним деревом сидели мусульмане – пахари – и ели свою скудную лепешку. От влияния ли солнца, под которым они жарятся круглое лето, или это заключается в породе, как бы то ни было, туркестанцы Шести городов чрезвычайно черны и имеют авганский тип лица. Впалые, углубленные глаза, тонкий и изогнутый, как турецкая сабля, нос, узкие губы и бедренная худощавость отличают их от других среднеазийцев. Влияние Китая отразилось на них как нравственно, так и наружно.

В противоположность жителям Западного Туркестана, славным на мусульманском Востоке своим фанатизмом, столица которых Бухара называется священным именем «неугасаемого светильника истинной веры» и которая в сущности есть притон, вертеп ханжей-улемов[*38], ишанов[*39]-серебряников, спорящих в продолжение нескольких лет только о наружных обрядах веры и которые из недр своих медресе изрыгают на всю территорию мусульманства мулл-изуверов вроде Мансурова[9], казимулл[*40] и

[*37] *Машаллах* – восклицание удивления, восхищения.

[*38] *Улемы (араб.)* – высшее сословие мусульманских богословов, занимающих места судей в мусульманских государствах.

[*39] *Ишан* – звание высшего мусульманского духовенства.

[*40] *Кази-мулла* – судья, занимающийся судебно-следственными делами по законам шариата, законовед.

других в этом роде лицемеров, так, в противность мусульманам названным, они более веротерпимы и не так привязаны [к] внешней рутине обрядности. Хотя, конечно, шаткость и нетвердость [в] вере ведут иногда за собой и нравственную деморализацию, но кашгарцы в основных, коренных принципах веры, может быть, сильнее какого-нибудь Мевлеви[10].

К числу хороших сторон кашгарского нрава надо отнести свободу женщин, которые участвуют во всех публичных собраниях и даже более – без них не может быть собрания меджлиса. || Что же касается до наружного влияния китайской цивилизации, то оно ограничивалось тем, что украсило бедро каждого таранчи[11] ножом, палочками для еды и голову – китайской шапочкой с кистью. Народ этот никогда не пользовался совершенно свободой; влияние этого рабства и зависимости наложило на их лица печать какой-то угрюмой и печальной безнадежности.

Обратимся к нашему рассказу. Между тем как мы, сидя под деревом, скинув сюртуки, наслаждались прохладной тенью листьев, любопытные китайцы собрались около костра, где нам готовили обед. Более правильные лица солонов заметно отличались от совершенно монгольского типа шампанов. Шампанами*[41] называются ссыльные на поселение и в каторжную работу преступники из внутренних губерний. Эти истые потомки династий Х а н ь (так называют себя китайцы) имели удивительно узкие с косоватым разрезом глаза, плоский, едва выдающийся нос и широкие скулы. Роста они были среднего, худощавы. Редкие клочки волос едва заметно торчали над широким ртом и на остром подбородке. Манджуры, сибо и солоны высоки ростом, плечисты, сложены очень плотно и тонки в талии. Лицом они походят более на наших башкир, чем на китайцев. Между ними нередко попадаются лица довольно правильного овала и с поднятыми носами. У нашего приятеля дулая даже замечается в носе излишняя массивность. В числе глазевших был один бохшо, урядник из солонов, человек, по-видимому, зажиточный, судя по платью, и неглупый, принимая в соображение замечательную толстоту желудка.

В Китае вместилищем разума принимается желудок: если у вас замечательной величины брюхо, то очевидно, что у вас замечательный ум. Это факт, в истине которого, со времени династии Цинь[12], ни один китаец не смел сомневаться, да и смешно было не верить тому, что 2 х 2 = 4. Этот бохшо, по-видимому, сильно тщеславился своим «умом» (как же не гордиться явным выражением своего превосходства). Он пристально всматривался в наши желудки, чтобы узнать степень нашей мыслительной силы, и, увидев поджарые наши субъекты, он презрительно отвернулся и особенно гордо заковылял, из чего было ясно, что о нас, русских, составил мнение самое невыгодное относительно умственной силы.

В числе свиты «гениального» бохши был шампань, старичок с плутовскими глазами. С ним были две резвые молодые девушки, его дочери. Маленькие шалуньи бегали около нас, скакали и резвились, точно егозы. На них были коротенькие китайчатые рубашки, исподнее платье и башмаки. Лоб был обрит, а остальные волосы были убраны назад. Какие-то цветы, вроде астры, были кокетливо приткнуты на их маленькие головки. Девушки были очень недурны собой, разумеется, в ки-

*[41] *Шампань*, точнее: *шанпань, чанпань (кит.)*.

тайском смысле. Я взял в руки сахар и стал их манить, повторяя единственно мне известное китайское слово «хауле!» (хорошо). Мои китаянки продолжали егозить и махали мне руками, приглашая к себе. Отец маленьких, узкоглазых нимф, увидев нашу эту сцену, как человек бывалый и высокопрактичный, живо сообразил, что всякое подаяние благо*[42], и потому, взяв дочерей за руку, || он подошел к нам и сказал: «Хауле! Здорово – бухе». Он сел и стал рекомендоваться, что он уроженец Гандуна (Кантона) и потом показал на свои скулы, обращая наше внимание на синие пятна, клейма, которыми был отличен при ссылке. Мы хорошо поняли, как он попал в Западный край.

Между делом я начал было пантомимный разговор с юными красавицами, но решительно ничего не мог сказать. Китаянки очень забавлялись и при каждом моем жесте звонко хохотали, приговаривая: «Хау! (Хорошо!)». Мне чрезвычайно нравилась детская простота и естественная веселость этих безыскусственных детей природы. Как они были рады и как весело грызли данный им сахар! Одна из них даже погладила меня по голове, сказав: «Хороший господин русский». П.[13] дал им две серебряные монеты. Господи! Как непритворно радовались они блестящему металлу, как жадно побрякивали их в руках и показывали отцу, и хвастали: одна говорила, что у ней лучше и новее, другая, – что у ней. Отец улыбался и благодарил нас низким поклоном. «Улюс – славный человек», – кричали дети, подбегая к толпе, и для совершенного удостоверения слов показывали деньги. О золото, золото! В Китае и дети знают твою цену.

Шампаны народ трудолюбивый: по дороге с поля и с пашен шли они беспрестанно. Одетые легко, в широкополых блинообразных шляпах, они несли на себе то срезанный мусуй*[43], то чий или камыш для циновок. Вообще, праздных было мало. Зеваки, смотревшие на нас, составляли исключение. Это были или народ чиновный, как «умнобрюшный» бохшо, или старики, или же дети.

Наш казак, посланный вперед в Кульджу, приехал назад и отрапортовал, что «консул изволит-де ожидать Вас в деревне в 10-ти верстах». Не знаю, как мы проехали деревню; пыль, поднятая на улице перевозчиками каменного угля, была так же густа, как всякий непроникаемый мрак. Запах от лука, перца и дым трубок носился в этой стихии на земле и не давал дохнуть; крик погонщиков то долгий оу, оу, оу..., а то вдруг резкий пур, пур, пур слышался всюду. Казалось, что сейчас попадешь под одно из этих громадных колес и сделаешься так[им] же мягким, как избитые куски мяса для beefsteaks'у*[44].

Урда-Хоза – деревня чисто китайская: в ней есть все, что должно быть в каждом порядочном местечке Поднебесной империи; есть в Урде-Хозе целый ряд харчевен и ресторанов, есть оборванные шампаны, есть трубный дым, лук, и все это как следует покрыто густым туманом пыли, и по улице стоят телеги и слышатся крики. Словом, уличная [жизнь] кипит и в разгаре. Весь народ сидит под навесами ресторанов и пьет на последний ярмак*[45] чай и [ест] суп с луком и стручковым перцем.

---

*[42] Несколько измененные слова из молитвы «...всякое даяние влага».

*[43] *Мусуй (кит.)* – клевер или люцерна.

*[44] *Бифштекс (англ.).*

*[45] *Ярмак* – медная китайская монета.

|| Сколько рож проходило мимо нас! В конусообразных шляпах и в шляпах наподобие блина шампани, голые телом, несли снопы гаоляна или воду, курили свой джен-дой и глупо улыбались, иные же хитро подмигивали, как будто говоря: вы что за люди, вот посмотрите на нас. Непостижима уму самоуверенность китайца. Он никогда не похвалит все, что не китайское. Попробует шампанское и спрашивает, где мы купили их джу, рисовую водку.

Селение это было самое грязное. Под навесами домов сидели оборванные сыны Срединного цветка, пили чай. На улице стояли огромные фуры с каменным углем. Волы, запряженные в уродливую таратайку с колокольцами, поднимали густые облака пыли, так что не было возможности видеть едущих подле. Дикий крик погонщиков раздирал ухо. Наш чиновник дулай гордо объявил, что это сборное место для всех проезжих и что дом под навесом, где чаевали, есть гостиница, и спросил, есть ли у нас такие заведения. Сделав верст 15 по степи песчано-глинистого свойства, мы въехали в другую, более опрятную деревню. Налево, около подошвы горы, виднелись две рощи. Это был город Гомту, называемый Темир-Кутлукхан*[46]. Там погребен какой-то мусульманский угодник. Ближе к нам осталась деревня Чучкалы. Деревня, в которую мы приехали, называлась Тарджи. Она населена шампанами и таранчи – кашгарскими переселенцами. Хлеб и джугара, мусуй здесь были лучше и [занимали площадь] обширнее, [чем в] других мест[ах]. Черные, как угли, с правильными чертами лица мусульмане в белых рубахах пололи хлеб и пугали криком стаю ворон, которые летали в таком множестве, что затмевали солнце. Среди деревни протекала речка, образующая пруд, где купалось несколько мальчиков. Они не обращали на нас особенного внимания. Русские ездят с матой*[47], и русские им не в диковину. Здесь ожидал нас консул, и мы отлично провели вечер. На лугу около деревни гуси подняли страшный крик и зазывали наших охотников к себе. Пока мы пили чай, на яру собрались китайцы, закурили трубки и на почтительном расстоянии начали с высоты обозревать нас, не выражая, впрочем, особенного удивления.

|| Китайский офицер, встретивший нас от имени цзян-цзюня, и другой, доставлявший провизию, провожали нас в дороге. Они имели на голове черные колпаки с хвостом соболя и с шариком. Черный колпак означает дальнюю командировку. Караульные офицеры, провожающие от своего поста до следующего, напротив, ехали в конусообразных соломенных шляпах. Это значило, что они исполняют местную службу. Впереди всегда ехал один солдат в халате с луком и колчаном. Это передовой вершник, называемый китайцами дин-ма (гвоздь-человек), неизбежный провожатый всякого порядочного человека. Офицеры же ехали верхом, согласно официальной десятитысячной церемонии, тихо и курили ганзу. На Борохуджире мы ходили в пикет и обозревали его достопримечательности. Пикет окружен глиняной четырехугольной стеной. На западной и восточной сторонах его посажены деревья, так что самого пикета за деревьями нельзя видеть. На восточной стороне был вход через восточный садик. В саду стояла тумба и на ней [было] что-то вроде клетки для птиц. Офицер маньчжу объявил, что это храм бога земли, и действительно, в клетке сидел деревянный божок в образе женщины. При входе в ворота нас поразил страшный запах чеснока и особенный приторный запах [...], похожий на запах погреба.

*[46] Точнее: *Туглук-Темир.*

*[47] *Мата* – хлопчатобумажная ткань.

Несколько собак поразило нас после вступления в зеленую ограду стражи своим враждебным расположением, но меры, принятые солоном-солдатом, остановили дальнейший ход их. Впереди стоял ряд домов с черными крышами, это был офицерский флигель. Направо и налево стояли казармы и при них солдатская кухня. Большие двери, огромные окна со множеством клеток, оклеенные бумагой, грушевидные карнизы дали [возможность] отличить их своеобразие.

Внутри на голой земле были устроены нары, где в беспорядке валялась солдатская амуниция: сапоги, обвертки и другие принадлежности обиходного употребления. Офицерский флигель отличался от казармы только маньчжурскими надписями. Мы вошли в первую тесную комнатку – это была приемная. Офицеры просили взойти на нары, и один из них для указания дороги взгромоздился на свое седалище и, поджав калачом ноги, начал рукой колотить по твердому потнику, заменявшему постель. Делать было нечего: уселись [и] мы. Обменялись трубками. Офицер приказал подать чай. Солдаты, собравшиеся тут для увеличения компании, принесли медный кувшин и чашки, украшенные сотнями запаек, налили черный густой кирпичный чай. Из вежливости мы начали хлебать.

|| Вечером в 7 часов, накануне Преображения, т. е. 5 августа, мы въехали в Кульджу. От первого караула Борохуджира до Кульджи тянется степь самая бесплодная, пустая, песчаная. Нам, русским, не пришло бы в голову иметь в этой пустыне селения, мы не знали бы, как можно устроиться тут, не подвергая лишениям переселенцев. Но китайское терпение победило все. На всем этом пространстве заселено много жителей; стоят 8 городов и несколько деревень, в которых путнику, разумеется, не заходя в дом, приятно отдохнуть под тенью высоких деревьев, пирамидальных тополей, осеняющих весь город, который весь спрятан в этой роще; дома все глиняные, с виду опрятные, улиц не существует, но каждый дом говорит за всю империю и характеризует ее сомкнутость и несообщительность*[48]. Всякий дом обнесен, как весь город, глиняной стеной и, кажется, загородился для того, чтобы не видеть своего соседа и не говорить с ним.

По прибытии нашем в Борохуджир нас, по повелению цзян-цзюня, встретил чиновник торгового двора дулай, рассыльный, что-то вроде чиновника особых поручений; он имеет белый шарик. Потолковав немного, мы расстались с чиновником, воспользовавшись двумя баранами, 10 фунтами риса и таким же количеством муки. На утро в сопровождении китайского и своего конвоя в церемониальном порядке, во вкусе китайцев, двинулись далее. На всяком ночлеге офицер наделял нас провизией, от которой нельзя отказаться и которую нужно отдарить впятеро.

7-го числа нам сделали визит один генерал, два подполковника и несколько офицеров, с которыми помучились ровно три часа. Решено 11 августа начать переговоры.

|| От нечего делать я начал осматривать комнатку. Направо была дверь, а на полу, на камне, курился огонь. Черный, как трубочист, солдат с засученными рукавами стоял у дверей и курил трубку. Должно быть, он исполнял должность кашевара. Дверь налево была полуотворена и по тесноте можно было полагать, что это кладовая. Мы стали просить, чтобы нам показали божницу. Офицеры с живостью согласились и с трубками во рту отправились в западный сад, отворили калитку. В саду стояла

*[48] Точнее: *замкнутость и необщительность.*

храмина, окруженная стеной, с воротцами, разукрашенными надписями и фигурами. Перед храмом стояли два столба; направо у ворот, под навесом, стоял на пьедестале колокол, налево – бубен. Два солдата начали бить палочками, один – в колокол, другой – в бубен, должно быть, для предупреждения фо о приходе гостей.

В самой божнице было три двери, завешенные занавесями, посредине стол с солью, чашкой, на резной полке прямо в нише в широком шелковом халате сидел жирный бог Гуань-лоя*[49] с золотым лицом, китайским типом лица; длинные, узкие усы, борода и бакенбарды доходили до пояса. Грудь его была открыта. Направо у стола стояла белая узкоглазая богиня и держала чрезвычайно нежно меч, или лучше, на руках был перекинут меч. Налево стоял черный, как китайский кауговый сапог, бог с большими на выкате глазами и злобно улыбался, обнаруживая ряд гнилых и длинных, как у кабана, зубов. В правой руке пучеглазый фо держал алебарду*[50], хитро разукрашенную, левая нахально упиралась в бедро. Одет он был в куртку и, вообще, был страшно дерзок. Богиня была вполне женственна, кроткое лицо хотело как бы спать, а сабля, лежащая на руках, сильно ее тяготила. Сибо и солоны, занимающие караулы, исповедуют религию фо, и храм этот был их фо.

√ Сибо и солоны занимают все пограничные караулы Западного края и составляют народ военный, и получают жалованье, вроде наших казаков. Солоны переселены были из Даурии и из провинции Сахаляньям еще при первом покорении Джунгарии, а сибосцы присоединились к ним после кашгарского бунта для подкрепления. Военные поселения их расположены от Кульджи на север по Или до пограничного караула империи. Они управляются бригадным генералом А б е б у, который в качестве одного из колдаев – советников – живет в Или. Хожуртай есть полковой командир, родом из сибо. Сибо и солоны делятся на 8 полков, а полки управляются зангями, имеющими степень синего шарика (штаб-офицер). Солоны занимают места, близкие к Или, а сибо – к горам. Лучший и самый воинственный народ в империи это, конечно, они: постоянная служба и отношения с киргизами и калмыками поддерживают их дух. Годичная служба [проходит] в Тарбагатае и Кашгарии (Шести городах).

|| Каждый сибо и солон обязан служить и службу начинает солдатом. По-киргизски они говорят все чрезвычайно хорошо, и многие утончены до того, что импровизируют стихи в чисто киргизском духе. Вот названия 8 поселений сибо и солонов...*[51].

С Тарджи мы решились вечером ехать в Или – Кульджу – через степь, изрытую арыками и покрытую пашнями гаоляна, проса и кустарником ильма, тополя, чия, вы-

---

*[49] Гуань-лоя был знаменитый рыцарь Срединной империи в эпоху 8-х царств. Жил он около III-го века до Р. Х. Для коварных китайцев, нападавших на врага ночью или из-за угла, благородная храбрость Гуань-лоя показалась нечеловеческой: он нападал на врага, уведомив его, как русский Святослав: «Иду на вас», так что он был включен в число богов. Особенно пошел он в ход со времени воцарения манджурского дома. Перед покорением Китая одному из старшин манджурских явился Гуань-лоя и обещал победу. После покорения Китая манджуры его, как своего патрона, возвели в степень императора, хуань-ди, и он есть теперь бог военных людей и защитник фанз. Кстати, о вере в Китае: в Китае веротерпимость в высшей степени. Почитает он и фо (шаманского бога) и буддийских бурханов, но все-таки под именем истинной веры разумеется философское учение Конфуциево. Есть здесь любопытный бурхан Шикья-Муни (анахорет из дома Шикья). Божок наслаждается блудом: на коленях у него сидит женщина. *(Примечание Ч. Валиханова.)*.

*[50] *Алебарда* – боевой топор, старинное оружие на длинном древке.

*[51] Названия не даны.

соким ковылем. Мы ехали мимо илийских садов, в пыли, и провожаемые консулом в Кульдже. От Чучкалы к горам до Сайрамкуля, где кочуют калмыки, чахары[14] и торгоуты[15], рощи учащаются садами. При приближении к берегу Или поднимаются песчаные холмы, совершенно голые; лошади с трудом, падая, выносят ноги, и песок засыпает глаза. В этот [день] мы сделали верст 50 и въехали ночью в факторию.

Вот наглядная картина проехавшей местности*[52]. (См. рис. на стр. 200).

|| Русская фактория основана в Кульдже и Чугучаке в 1852 году для выгод нашей азиатской торговли. Китайцы отвели для наших строений песчаный берег Или за Сарыбулаком, считая его невозможным для поселений. Надо отдать справедливость консулу[16], что он сумел из такой местности сделать то, что представляет теперь его прекрасная фактория.

Фактория состоит из огромного каменного с мезонином консульского дома, дома для секретаря и прислуги, гостиного ряда, торговых номеров, бани, разной службы, двух казарм. Все это окружено множеством стен с входами в китайском вкусе.

Так как рабочие были китайцы, то невольно замечается в фактории пестрота и смешение европейского с китайским. Так, например, дом консула имеет ставни разноцветные и на крыше сидят два страшных дракона. Крыши всех других домов глиняные, в китайском вкусе, с резными желобами и украшениями. Мебель сделана из ильма, в общих формах напоминающая европейский рисунок, но [в] частностях, в отделке ножек заметна китайская угловатость. Чистота бросается в глаза после грязного Или, где дом цзян-цзюня есть не что иное как калоша. Китайцы все удивляются искусству русских, цзян-цзюнь завидует заметно. При фактории есть сад, устроенный консулом для испытания китайских огородных овощей и плодов. К несчастью, песчаный берег Или обрушивается ежегодно и теперь до консульского дома остается 40 саженей. Жаль!

Мы приехали в Кульджу 5 числа, 7 имели удовольствие видеть китайских чиновников, с которыми надлежало нам иметь дело.

Туде-жень, или попросту туголдай, первый торговый пристав, коголдай – его помощник, штаб-офицер по части снабжения войск провиантом, блюститель благочиния, числом 6 человек въехали в церемониальном порядке на своих кабриолетах в факторию. Нечего говорить, что неизбежный гвоздь-человек торчал перед каждой арбой, и каждая арба конвоировалась двумя солдатами. Все арбы были запряжены на мулах; когда подъехали к воротам, гвоздь-человек подставил скамейку и слепой туголдай, поддерживаемый двумя господами, сошел и, подходя к консулу, согласно китайскому выражению степенства, искривил свое лицо, выказывая зубы; это значило, что он делает физиономию радушия, гортанные звуки, вроде крика ворона, маньчжурское приветствие, доходило до наших ушей. Мы стояли в мезонине и по этикету должны были представляться после. Когда чиновники уселись в зале и обнажили головы (т. е. сняли шляпы), [мы] || вошли. Они живо соскочили и, покрывшись шляпою, начали подавать руки, между делом «нюхая наше здоровье». Осведомившись о здоровье государя... Г. Г., они спросили, какова дорога и сыты ли мы в настоящий час. Быть сытым означает степень нашего здоровья, ибо больной человек не имеет аппетита.

---

*[52] Следует читать: «местность, которую мы проехали».

Уселись по местам. Принесли чай и фрукты. Туголдай бывал у консула и потому щеголял перед нами знаниями русского языка; вместо китайского «буцо» он всегда говорил по-русски «короши», а потом вынул из голенища сапог трубку не столько для курения, ибо с чаем китайцы не курят, но для того, чтобы спросить по-русски огня. «Огня», – закричал тонкой фистулой старичок, – и, довольный сам собой, смеялся, похваливая сам себя по-русски,– «хороши, хороши». Все гости начали курить, или лучше, вонять: курить китайский табак – это значит курить «ассу-фети-ду»*[53]. Пока мандарины пили и разделяли один кусок на два, подавая половину нам, а половину проглотив сами, я стал их осматривать.

Туголдай – худощавый старичок с подслеповатыми узкими глазами, украшенный огромными очками, с ястребиным носом. Рот у него был несколько крив, и верхняя губа имела вид треугольника, основанием которого служили концы, а вершиной средина. На этих губах торчало несколько волосков, и острый и сухой подбородок был гладко оголен. Крошечные и замечательного сочетания сине-буроватого цвета с кофейным зубы выглядывали из-под губ. Он не по летам жив и чрезвычайно разговорчив. Одет он в шелковый халат, опоясан черным пояском, на котором висят мешочек с табаком, веер.

Коголдай бледен, голова его лишена вовсе затылка, плоска, как доска, на лицевой стороне которой привинчены глаза, нос, рот, а на другой прикреплена коса. Он как будто не успел оправиться от испуга. Глаза как-то болезненно живы, и они блуждают то направо, то налево, как глаза кошек, которыми украшались старинные стенные часы.

Зато провиантный мандарин, [о] котором между делом будет сказано, пахнет мукой, любит говорить по-татарски, наделен в излишке задним черепом, который прирос к его голове, как иногда срастаются два огурца или арбуза. Словом, по всем правилам прироста голова его была бы <не малая>, а говоря [языком] правосудия, нужно было китайскому «фо» подарить свой затылок.

Смотря на плоскую коголдаеву голову и на задний нарост нашего провидмейстера, казалось очевидно ясно, что он попользовался затылком насчет коголдая. Блюститель благочиния был по глазу своему настоящим китайцем, а утонченными жестами с особенным способом зажимания и открывания глаз придавать тайные значения своим словам обнаруживал свое || классическое образование. Он был студентом философии. Остальные господа имели лица удивительно глупые, недостойные внимания.

Напившись наших вин, как было заметно по выражению узких глаз, не без удовольствия, почтенные мандарины после трехчасового визита отправились по домам. Надо сказать, что туголдай под влиянием винных паров декламировал стихи: «На небе есть рай, на Усоле – Шанхай». Мы проводили их до дверей.

7 число [августа].

От цзян-цзюня через дулая получили подарки. Дулай, как человек не без образования, понимающий дело, тотчас устроил процессию. Впереди шел сам с реестром подарков, написанном па красной бумаге. За ним шел китаец и держал вверх ногами на палке связанную свинью. Бедное животное было так измучено дальней дорогой и необычайной позитурой, что только похлопывало длинными ушами. Второй человек

*[53] *Асса-фетида* (Terulla assa foetida) – лекарственное растение.

нес на руках, согнувшись, как бы великую тяжесть, горшок с пастилой, третий – корзину с плодами, четвертый – мешок риса. Процессия в этом порядке стройно вошла на крыльцо, где они*[54] были положены напоказ также по старшинству: свинья занимала первое место. [Перемышльскому] следовало непременно войти и посмотреть. Подарки китайцев стоят втридорога: нужно было их отдарить. Чиновник маньчжу не решился сам принять и поехал с докладом к цзян-цзюню, и, пришедши от него, объявил, что цзян-цзюнь и хебе-амбань, его товарищ (китаец если говорит цзян-цзюнь, то непременно присоединяет к нему и хебе-амбаня и в бумагах своих ставит рядком) готовы принять наши подарки, ибо русские и Срединное царство находятся в дружбе. При этом дулай, по обыкновению своему, сложил два больших пальца ровно и тем выразил практически свою идею.

8 [августа].

Скука здесь страшная: представьте, что вы заключены в четырех стенах, хотя и свободны, но не можете располагать собой, некуда идти и нечем заняться. Сегодня за обедом Иван Ильич рассказывал о синологах наших, [получивших] образование в Пекине. Китайцы Пекин называют Бейцин, что значит Северная столица. Архимандрит Каменский[17], живший с миссией 18... года, был пострижен в монахи из чиновников при отправлении миссии.

|| Он со дня отправления в путь вел путевой журнал, в который записал все свои впечатления, мысли, выборки из читанного и назвал его «Мешок». По возвращении своем из Пекина он отдал его в Азиатский департамент, где он покоится поныне. В этом «Мешке» было все. Отец Каменский в досужий час перевел стихами китайскую религиозную мистерию Ин-Ян, т. е. мужское и женское начала в природе. В таком роде: Ин захочет, Ян и вскочит, Ин тому рада, и им взаимная отрада.

Отец Иакинф был побочный сын м. Амвросия, который происходил из дворянской фамилии.

Будучи 26 лет архимандритом Иакинф вел жизнь разгульную, буйную, так что Амвросий ходатайствовал об отправлении его в Пекин, думая, что он среди дальнего народа не будет иметь возможности шалить. Известно всем, как кончилось его пекинское поприще. Лишенный сана он попал в Волоколамский монастырь, где прожил 15 лет[18]. По ходатайству Азиатского департамента и барона Шиллинга[19], он был освобожден...*[55] для оставления при Министерстве иностранных дел. Отправившись с бароном Шиллингом] в Кяхту, он начал хлопотать о снятии с него рясы, чтобы сделаться светским человеком. Но упорство прокурора и сената, которые подняли опять его дело, остановили успех его намерений, и он остался при министерстве. Отец Иакинф, по свидетельству синологов, знал хорошо китайский язык и факты, сообщенные им, заимствованы из официальных документов империи. Сами китайцы не имеют лучших [исследователей]. К несчастью, отец Иакинф имел слабость впускать в текст свои мысли и догадки, не отделяя их от китайских данных. Спор его с Клапротом о восстановлении правильного чтения китайского тюгюдулгас и тюко (тюрки) Иван Ильич обещает это разъяснить с надлежащей ясностью по возвращении в Петербург.

---

*[54] Имеются в виду *подарки.*

*[55] Одно слово не разобрано. Можно прочесть: прок[урором].

Отец Аввакум, говорят, человек замечательный, прямой и честный, чуждый искательства чести и чванства. Он обладает большими знаниями и делится ими со всеми, которые обращаются к его советам. Господин Васильев[20] тоже имеет сведения разнообразные и подготовил много материалов.

9 [августа].

Китайский язык состоит из односложных звуков у, ау, дау, хау, мау, зау и пр. Каждый из этих звуков имеет несколько значений. Есть слова, имеющие 500 значений. Например, звук хой, встречающийся часто в китайском разговоре, имеет 214 значений. Китайская грамота и язык – вещи отдельные, без той связи, как у нас. Каждое значение, а не звук, имеет свое письмо. Звук хой имеет 214 разных письмен, обусловливающих 214 его значений. Посему можно читать китайские книги, не зная языка.

|| При переводе встречаются очень часто слова, употребляемые по [в] прямом значении. Например, вы читаете: правитель десяти тысяч семейств. Не все китайцы постигают тонкость исторического рассказа, чтобы сказать, что это тьма народа, управляемая темником*[56]. Страсть к созвучию слов существует и в Китае. К[алиновский][21] говорил, что он недавно читал путевой журнал какого-то китайца, ездившего в Аксу (один из семи городов туркестанских). Он пишет: «В Юаньской истории сказано, что монголы покорили асов Кинчу [Кипчак], нет сомнения, что асы Юаньской династии суть Аксу – один из семи городов Восточного Туркестана».

Сегодня за обедом был сом. Странно, что присутствие его у нас на Или не было замечено. От Кульджы вверх он попадается, по свидетельству рыбаков китайских, очень часто.

Кстати, о провизии: мясо здесь дешево – фунт скотского стоит 4 коп. серебром, баранины – 5 коп. Покупают наши у хой-хой (китайских мусульман). Китайские курицы породы, известной у нас под названием голландских кур, бывают весом до 10 ф. Известные китайские гуси с хрящевым красным рогом на носу*[57], невкусны, имеют мясо грубое. Утки обыкновенные и не отличаются от наших. Из плодов здесь преимущественно разводятся персики трех пород. Одни из них величиной бывают с большое яблоко, с пухом, другие же малы, кожица гладкая и цвет красноватый, третьи – плоские, чрезвычайно вкусны. Их нет даже в Пекине. Первый получил свою величину от прививки, а последние вкуснее. Груши хороши: бергамоты уступают нашим. Яблок много, но нехорошие. Груши кульджинские очень вкусны и напоминают французские жюльетки. Гранаты и вишни редки. Абрикос разводится в садах и во многих местах растет дико, созревает совершенно в июле. Виноград разных пород: белый, большой продолговатый, другой же грубый, имеет цвет пурпурово-фиолетовый, и еще мелкой породы, называемой на востоке кишмиш. Есть также коринка (коринский виноград, черный мелкий). Из огородных овощей есть здесь дыни желтые и кашгарские зеленые с ароматом. Зеленые дыни считаются лучшими (комульские), есть еще белые и так называемые зимние. Они могут пролежать до марта – всю зиму – и удобны для перевозки. Арбузы желтые и нехорошие; замечу, что от грунта почвы и красные перерождаются.

---

*[56] Начальник десятитысячного войска.

*[57] *Гусь-сухонос.*

Огурцы имеют вид стручковый, но при солении изменяют вид, делаются желтыми. Китайский вьющийся картофель растет большими корневищами. Луковица сараны, род лилии или тюльпана, имеет вкус, похожий на картофель, но более нежный. В Монголии он употребляется всеми в пищу. Есть у китайцев странный плод от прививки абрикоса с жужубом – китайскими финиками, называемый ши-цза..., высушенный этот плод вкусом напоминает наши винные ягоды, имеет два семени, вроде бобов.

10 [августа] был у нас китайский купец, имеющий торговлю с русскими купцами. Он говорит, конечно, с неизбежным у китайцев носовым прононсом по-русски. Он все записывал, что слышал. Кстати, анекдот, слышанный мной здесь: один любознательный китаец увидел шарманку и захотел узнать, как она называется по-русски. Ему сказали – орган. Он вынул живо мазилку, мазнул по кусочку туши и написал по-русски аркан, сделавши своими каракулями объяснение, что так русский называет...

– Кахо, Вы здолов, – спрашивал он нас. Когда же мы спросили его, как чувствует он себя, он отвечал: «Молодец! Улус (русский) – хороши чи-ляу-вик», – || говорил он, льстя по-азиатски. Рассказывал что-то о своем императоре, но за обильными вставками слов чисто китайского словаря и но особенному способу его выражений нельзя было понять: «Импелятол цирдзил на голофу отшикни ляудно! Ву-и... сказал в Или пошел – бедный ло-хань (старик) Ханту на войни выл, Ханту жил в Беджин, хорошо янзи (роду) чи-ляу-вик» и проч. Какой-то главнокомандующий за поражение от инсургентов был сослан в Или, лишен шарика, и при нас получен был указ богдыханекский о возвращении его назад.

Китайцу понравилось, видимо, складное зеркальце, и он начал его вертеть в руке, умильно рассматривая и похваливая: «Хороши янзы! Москоу янзы...а?» Когда же я предложил зеркальце ему, он этикетно отказывался и вместе с тем уверял меня, что у меня умное сердце. Я отвечал ему в китайском вкусе, что у него добрый желудок.

11 числа [августа].

Сегодня начались переговоры. Привезли они с собой обед, который состоял из 100 блюд. Повара привезли с собой печь и у порога резали продукты и готовили, выражая тем, что все это целое и свежо. За подобную предупредительность они получают награждения. Бог знает, что тут было: поросенок занимал первое место, каракатица и пауки, пирожки, утка, сваренная до безвкусия nec plus ultra*[58]; все это было в излишке приправлено перцем и луком. Я был болен и не имел удовольствия участвовать на этом обеде.

О Шикья-Муни:*[59] бурхан*[60] его, хотя и в грубо чувственной форме, но выражает высокую (разумеется, в буддизме) идею вечного блаженства. Что есть будущее блаженство и чему оно подобно? Шикья-Муни говорил на это, что блаженство это есть ничто, бытие не бытие, и в объяснение этой превыспренне хитрой идеи приводил причину в наглядном примере чувственного слития мужчины и женщины. В момент исхода семени мы не чувствуем, [но и] не забываемся; это что-то безотчетное, это бытие и не бытие, это-то ничто есть подобие вечного рода. Бог тоже, по толкованию Шикья-Муни, ничто, бытие не бытие. Глупцы те, которые представляют его в формах и тем ограничивают его силу.

*[58] *В высшей степени, в самой крайней степени (лат.).*

*[59] *Будда (кит.).*

*[60] Имеется в виду *статуя, изображение.*

Идея о слиянии в христианстве и буддизме достойна внимания: в Александрии, где была школа философов и где изучались все религии, конечно, знали и буддизм, и христианство; бывший и воспитывавшийся в Египте мог позаимствоваться. Особенно поразительны обеты монашества и их уставы.

15 числа [августа].

Все эти дни я страдал ужасно: болели зубы. Для испытания [я] обратился было к китайской медицине; из аптеки привезли какой-то белый порошок вроде золы – листья и корень какой-то пахучей травы,– но помощи не было. Как я страдал! Это ужасно. Мне кажется, что нет болезни более мучительной, как эта проклятая боль зубов. Вчера ездили в город.

Начнем рассказ последовательно. Проехали мы верхом, впереди ехал урядник в качестве нашего дин-ма – гвоздь-человека. При самом выезде через речку || С а р ы б у л а к (китайцы называют ее Ша-хе-цза) направо увидели большое здание мао-тин-цзя и налево – кладбище. Нет в мире народа более неприхотливого относительно выбора последнего помещения для умерших, как китайцы. Могилы их в виде низкого конуса разбросаны повсюду: около нашей фактории, на улицах, на берегу, под мостом, словом – везде. А для кладбища отведено место, окружено большой стеной и двумя разукрашенными вратами. Мусульмане в этом отношении представляют диаметрально противоположный контраст китайцам. Никто столько не заботится о великолепии могил, как они. Приятно смотреть на мусульманское кладбище и на памятники, красиво отделанные, испещренные надписями из корана, на луну и чалму, украшающие их. Все это в зелени, кладбище – это сад. Оттого-то на востоке местом прогулок служат кладбища.

Не помню, как мы въехали в улицу. Улица была узка, тесна и грязна. Направо и налево были стены, в которых местами стояли открытые ворота, в перспективе которых виднелся двор, дом с неизбежным навесом, под ним со сморщенным, оливкового цвета лицом сидела [...] китаянка, курила трубку, и у ней волосы были убраны назад, и у ней была шпилька. От страшной духоты*[61] не было возможности ехать. Казак повернул на главную улицу. Улица эта сравнительно была шире других. Направо виднелись зубчатые стены крепости с бойницами вроде наших китайских беседок, налево она составлялась задними стенами китайских домов. Окна многоклетчатые, расположенные без всякой симметрии, бросались в глаза. Под стенами домов шел ров, заваленный сором и навозом. Это все еще было хорошо. Поравнявшись с воротами крепости, мы свернули на улицу, что идет около божницы. На улице несколько китайцев сидели на корточках – я долго не мог понять, что они делают. Наконец встает один из них и начинает одеваться [...].

Нечего говорить об атмосфере подобной улицы. Наконец въезжаем на базар.

Базар китайский не есть площадь, как у нас, это улица, с той разницей от улиц обыкновенных, что здесь передний фасад домов смотрит на улицу, а там – задний. Словом, это огромная улица с лавками или навесами по обеим сторонам. Посредине улицы, во всю ее длину, сделано возвышение – шоссе шириной для одной телеги, и около проведены перила. При самом входе в улицу, под навесом одного дома, стояли на короткой привязи несколько лошаков и лошадей. От нетерпения бедные живот-

*[61] Точнее: *Из-за страшной духоты...*

ные грызли дерево, на которое были положены их головы, топали ногами, и, увидев нас, или лучше наших лошадей, праздные мулатры*[62] из дома толстокожих подняли дружный крик, дикий и хриплый, вроде ослиного рева.

Китайцы кормят лошадей в день только два раза, дают одну меру малую, а все же остальное время они стоят на привязи с поднятыми высоко головами. Удивительно тонко воспитаны эти лошади и без ведения в принципах десять тысяч церемоний[22], tel maitre – tel valet*[63]. Гортанные крики разносчиков, мелких торговцев, скрип телег, топот коней, бубенчики и пронзительный звон колокольцев – все это сливалось в один дикий и шумный гул.

Пестрота была ужасна. Под навесами домов были лавки с мелочью, с готовым платьем; огромные флаги, вроде наших церковных хоругвей, развевались над некоторыми лавками. В качестве вывесок на одной из [них] был изображен страшный || по величине сапог с белой подошвой, возле стояли тоже рисованные синие надраги, как называл их Петр Петрович[23], род чулок выше колен. Перед лавками сидели еще торговцы; на столах стояли корзины, полные винограда разных сортов: синего, белого; яблоки невкусные, груши, абрикосы и персики громоздились также на корзинах. Арбузы, огурцы длинные, тонкие, безобразные извивались уродливо, точно исполинского размера бобовые стручки, дыни довольно вкусные – все это было положено горой.

Торговец сидел под огромным зонтом в острой своей шляпе, и, что называется, казал товар свой лицом. Несколько спелых арбузов и дынь были разрезаны и стояли на виду – хозяин беспрестанно помахивал над ними веером из конского хвоста. Над ним стоял огромный зонт, укрепленный на жердях в три сажени длины, и, смотря по течению солнца, он склонялся все косо и косо*[64]. Под навесом в рядах стояли столы, заваленные кругом разными мелочами: китайские трубочки, кисеты, чубуки, табаки, веера, разные бляхи, зеркала и другие мелочи. Вокруг их все кипело народом.

Сколько было тут разнообразных лиц, сколько одежд! Сидел тут под навесом купец в курме и сером длинном халате, и был тут и андижанец, так называют здесь всех среднеазиатских жителей в чалме, с круглой, черной, как воронье крыло, бородой, и с правильным лицом кашгарец в белой рубахе и в одном аракчине*[65], угрюмо смотрел из-под насупленных бровей. Глаза у него были темные, нос у него был изогнут, точно дамасская сабля.

Оборванный таранчи, земледелец из мусульман, выселенный в эти провинции для службы китайским чиновникам для возделывания им земли, с наслаждением сосал только что купленный арбуз. Он был черен, как негр, а зубы у него белы, как жемчуг. Маньчжур с прямыми заспанными глазами, храбрый китаец, сосланный из южных губерний, с узкими глазами, с плоским носом, с черными и кристаллическими зубами, в белой короткой рубахе, засаленной до того, что казалась она лощеной клеенкой, кривоногий калмык в меховой рысьей шапке и стянутый поясом – все мелькало тут, все шли куда-то, у всех на лицах забота, все как будто заняты, в руках у всех звенят китайские монеты ярмак, нанизанные на нитку, и тряслись, точно

*[62] *Мулатры* – мул, помесь лошади с ослом.

*[63] *Каков господин, таков и слуга. (фр.)*

*[64] Так в оригинале.

*[65] Головной убор в виде тюбетейки.

наша колбаса*[66]. И все это курит, все смеются и приветствуют. Маньчжур меняется трубкой со своим родовичом и говорит ему: «Ганза-фина, акху». Китаец, как скворец, работает горлом и глотает звуки. «Менду!» – кричат калмыки. Явление наше произвело немало движения: все заговорили. «Улус! Улус!» – слышалось всюду, и пошли толки и разборы, как странно одеваются варвары. Особенно понравилось мне замечание одного шампаня, каторжного, который, увидев металлические пуговицы форменного сюртука, заметил своему товарищу: «Посмотри, – говорит он, – сколько на русском лое (господине) ярмаков».

Часто сталкивались мы, [находясь] в своей узкой палатке, с колымагами, в которых сидели дамы. Узкоглазые дщери Поднебесной империи были разукрашены и ужасно набелены, кокетливо водили своими глазками и нежно помахивали веером, или же некоторые, вероятно, из цеха тех красавиц, которые известны в Китае под названием разрушительницы городов, вдруг начинали хохотать и так сильно, что цветы, венчающие их головки, колыхались и падали, как бы сильным ветром сорванные с корней.

|| Доехали мы, наконец, до гостиного дома, где нам нужно было купить кое-что; гостиные дворы устроены тут же. Направо и налево вы видите во все протяжение крылец двери – это входы в гостиные дворы. Вошли в узкий двор, убранный кирпичом. Несколько оседланных лошадей стояли тут же на привязи. Очень красивы на вид эти дворы, но только нечистоты и запах имеют свой – китайский. Широкие узорчатые окна, разукрашенные карнизы, огромные двери, разные надписи и пестрота и легкость всего ensembl'a*[67] производят приятное впечатление. Тростниковые двери особенно красиво подняты и пропускают свежий воздух; матовая бумага, заменяющая стекла, дает тоже какой-то мягкий и приятный для глаз отсвет.

Хозяин встретил нас у дверей и просил садиться. Внутри магазины их довольно чисты. На стенах стояли зеркала, картины с изображением какого-то жирного мандарина с длинными донельзя и редкими донельзя усами и бородой. Висели также длинные свитки с маньчжурскими надписями. В другом месте висели трубки, мохнатки*[68]. На гвоздях висели счетные книги. Впереди был устроен нар, на котором валялась постель, кошомка-коврик и грязная подушка. Перед наром стол, в середине которого утвержден медный таз с углем, – это заменяет печь. На огне этом стоял китайский медный кувшин с чаем. На другом столе стояла чашка с табаком. Направо от дверей был длинный стол, как у нас в лавках, за столом были котлы, старательно закрытые занавеской.На этом столе лежали китайские счеты, на которых они*[69] действуют с неподражаемой скоростью. Говорят, что они на счетах своих делают все четыре правила арифметики. Над столом была перекинута жердь с ножницами и перламутровым ножом для разреза бумаги, в которую заворачивают вещи. Мы уселись частью на нарах, частью на уродливых креслах. Подали чай с леденцом. Все вещи, которые мы просили, они вытащили из-за драпри*[70]. Оказалось, что у них решительно нет ничего. Вследствие внутренних беспокойств и бунта [они] обеднели. Между тем хозя-

*[66] Точнее: [эта связка] тряслась, словно наша колбаса.

*[67] *Ансамбль (фр.)* – совокупность зданий, образующих единую архитектурную композицию..

*[68] *Мохнатка* – шапка шерстью наружу.

*[69] Имеются в виду *китайцы*.

*[70] Занавески со складками *(фр.)*.

ин стал нас просить зайти к нему в другую половину и выпить чаю: мы согласились – любопытно посмотреть на китайское угощение. Мы вошли в другую половину, менее нарядную, – это было его жилье. На низком столе, что на нарах, были ставлены чашки с разными фруктами и овощами, подали трубки, кальян*[71] и чай. В жилье видно было более беспорядочности, следы постоянного пребывания отразились на нем особой атмосферой и особой неурядицей: засаленные аракчины, кисеты, трубки, курмы висели в беспорядке. Хозяин был очень внимателен, беспрестанно подливал чаю, просил нас, чтобы принатужились. «Хе! Хе! Пей», – говорил он, указывая на чай. «Зи!» – указывал на арбуз. В числе фруктов поставил он китайских фиников – жужбу, род орехов, внутри которых есть семя с мясом. Орехи эти, называемые личжи, двух родов: одни – мужского рода, коричневые с призматической шишкой и называются, собственно, ли-чжи (Liri chini) другие – желто-табачного цвета и гладкие, называются драконовый глаз (луньянь).

|| Хозяин был до того радушен и гостеприимен, что просил нас у него обедать и хотел послать за «разрушительницами городов». Без этих нимф в Китае не обходится ни один обед. Они поют песни, играют на трехструнной лютне, а главное своим влиянием поддерживают веселость компании. Вы не хотите есть, она начинает вас просить, обвивает вашу голову, говорит нежно и музыкально: кто же может противостоять этим красавицам. Они затевают игру, и проигравший ее должен непременно пить вино. Как ни заманчива была для нас новизна подобного обеда, но мы отказались: нам нужно было на этот раз осмотреть базар. Между тем пришел какой-то разбитной господин с живыми манерами, в очках, говорил много и сильно*[72], смеялся непринужденно и делал, смотря на нас и указывая на нас, какие-то замечания, должен быть очень юмористического свойства, ибо все присутствующие заливались общим смехом. Остряк уподоблял кого-то из нас англичанам, которых он видел в Кантоне, и сказал, что у него на голове огонь. Видно было, что это столичный франт, щеголяющий перед губернской сволочью. В других магазинах было то же, с малым отличием только в комфорте. В магазине фарфоровых вещей мы попали в общество таких нахалов, которые бесцеремонно дергали, щупали нас и заглядывали в лицо так близко, что спиртуозная атмосфера рта с прибавкою лучного запаха била в нас, как отрыжка шампанского. Особенно надоедал один сухопарый господин из провинции Киан-си. На нем была короткая белая рубашка выше пояса, тонкие ноги его были обтянуты в узкие надраги так искусно, что сзади исподние его висели хвостом, как длинный курдюк отощавшего крымского барана.

Наконец, мы предприняли обратный ход восвояси и выбрали улицу ашбузумов, как называется здесь она на смешанном языке китайско-татарском от татарского слова аш – обед и китайского – фузул. Такие смешения здесь встречаются часто. От китайцев услышите нередко «худа джен-де – бог даст, бог поможет». Слово «худай» они позаимствовали у мусульман. При самом въезде в эту часть города нас поразил далекий шум, гул и жаркий удушливый запах кушаний.

Вся улица обставлена домами, которые со стороны улицы не имеют стен и открыты. Народу здесь было как в муравейнике, кишмя кишели, как говорил мой учитель татарского языка[24]. Здесь был весь город, исключая из этого числа маньчжуров-чиновников.

*[71] Прибор для курения табака.

*[72] Точнее: *громко.*

Замечательно: китайцы живут, как римская чернь, площадной, уличной жизнью; он*[73] с утра до вечера бьется на базаре, там он обедает на ярмак сытно и там же спит. Если бы не эта дешевизна и не эта доступность, то, нет никакого сомнения, что все оборванцы и бедняки, которыми так обилен Китай, вымерли бы давно от голода. Народу тысячи, и все это народ рабочий, дельный, трудолюбивый, но что же делать? Нет работы. Сколько рабочих рук пропадает даром! Сколько полезного народа. Труд здесь ставится в ничто. Китаец за 100 рублей складывает каменный дом, который бы стоил у нас 300 рублей. || Вот до чего не ценят они труд и время. У вас избилась посудина, вы бросаете, ибо она не способна ни на что*[74]. Нет, китаец возьмет, отдаст починить. Мне случалось видеть маленькую полоскательную чашечку, на которой было 150 мелких металлических скобок – на это нужно было, непременно, труда несколько дней*[75]. Это стоит ему несколько грошей. У нас за такую работу, конечно, никто бы не взялся и задаром, впрочем никто бы не отдал, ибо чашка эта сама по себе стоит 20 коп.

Лето для китайца рай: он может ходить голый и спать где ему угодно, тень садов представляет ему прекрасный ночлег; но зимой он страдает сильно: здесь не то, что в Китае*[76] – стужи и бураны свирепствуют сильно, и всегда после них несколько хохлатых голов торчат из-под снега и лежат так до лета, когда обнаженный труп не бросят в Или, или зароет тут же полиция. Вот оттого тут беспорядок, в каком встречаются могилы.

Обратимся к нашему рассказу. Под навесом этих домов устроены лавки и на них сидят тысячи человек и обедают. Несколько поваров, как угорелые, вертятся около котла, жарят, парят, кипятят. Что за неряшество, что за грязь: один берет воду и моет свое лицо в той чашке, из которой моется, наконец, кончив мытье, берет эту же воду в рот, полощет и выплевывает, еще передает [чашку с водой] другому – тот делает то же и передает третьему и т. д., пока не обойдет всю эту компанию и [вода] не обратится в черную краску, годную хоть на окраску китайских гробов. Около середины улицы, близ подмостков, под зонтами, тоже устроены рестораны: стоит очаг и на нем варится суп с вермишелью, жарится свинья, рис, приготовленный кашей, стоит на блюдах – это делается для проезжающих и для соблазна их глаз. Действительно, эти рестораны так близки [к] дороге, что вам остается только протянуть руку, чтобы получить хорошую порцию супа, заправленного до чрезмерности луком и перцем. На нас это имело другое влияние – не было возможности дохнуть от горячих паров супа, от жара очагов, а главное от запаха китайского чеснока. Красные, как бураки, морковь, бобы, горох, арбузы, огурцы предлагаются тоже к вашим услугам. Мусульмане – китайцы хой-хой*[77], имеют свою кухню и кормят мясом чистых животных своих собратьев и приезжих мусульман. Их гостиницы имеют более порядка; по крайней мере, здесь нет того облака дыма от вонючего китайского табака, как там. Наконец, мы обрадовались отменно, когда выехали из этой кучи народа, из вавилонского смешения языков. На обыкновенных улицах совершенно нет народу, только

*[73] Имеется в виду *китаец*.

*[74] Точнее: *У вас разбилась посудина, вы бросаете, ибо она не годна ни на что.*

*[75] Точнее: ... *на это нужен был, непременно, труд нескольких дней.*

*[76] Имеется в виду *Центральный Китай*.

*[77] Общее название всех китайских мусульман, в частности уйгуров и дунган.

женщины бредут уточкой на своих копытцах и дети бегают взапуски. Мальчики и девицы китайские очень хороши в молодости, но зато, что за безобразие – мужчины в летах зрелых.

Улицы эти представляли нам немало затруднений. Весь сор со дворов был выброшен и сложен на улицу, так часто в некоторых местах он достигал довольно большой степени развития и нам нужно было пробираться через него осторожно. Лошади то и дело оступались || в этот рыхлый навоз. Столько впечатлений новых, но нельзя сказать приятных, вывезли мы в первый свой визит во внутрь города.

На дороге при возвращении попались нам уже все наряды семейства таранчи. Черный чанту*[78] ехал с дражайшей своей половиной, не менее его черной. Дочь недурна лицом, но также смуглая и слишком объемистая, или, как говорят сами чанту, слишком красивая, бойко сидела на коне, закрывая и заполняя собой все существо его, кроме головы и хвоста. На ануше был пестрый халат с прямой широкой на груди тесьмой, как на венгерках*[79] шнуры, под ним был короткий жилет, вроде курмы, и также с тремя шнурами. Голова красавицы была обернута в ситцевый платок.

18 число [августа].

На днях было второе совещание. Удивительно хитрый народ «китаны». Слово «мандарин» дано португальцами: трудно узнать, от какого китайского слова взято. У китайцев, как на сословия, весь народ разделяется на мин и чен. Мин – это чернь, а чен – все служащие, собственно, оно значит – слуга царя. Кстати, от чего происходит русский чиновник? Одни говорят – от церковного чиновник (мальчик, читающий перед архиереем, что означает обрядчик, урядник). Другие же производят его от китайского чен.

Иля, или, как называют мусульмане, Кульджа, по официальным актам китайцев, есть главный город Илийской провинции. Здесь сосредоточено все управление Западного края, т. е. провинций Тарбагатая, Или и Семи городов[25].

Цзян-цзюнь есть вице-король, или генерал-губернатор края и главный начальник всех войск, здесь расположенных. Хебе-амбань есть его товарищ и советник. Тарбагатаем управляет губернатор [укуртай]. В Иле есть, кроме китайских властей, и туземные чины – хакимбеки. В мусульманском городе Старая Кульджа есть хакимбек, в Урумчи – тоже, в Турфане – тоже. Семь туркестанских городов управляются своими хакимбеками, один из них имеет достоинство вана*[80]. Он происходит от того Исхака, который помогал китайцам при убиении Джангира. Торгоутские тайши управляются через китайского пристава, но один из них имеет тоже наследственный титул вана и свои права. Под председательством цзян-цзюня состоит главное илийское правление, и торговые дворы – под председательством приставов.

Народонаселение Или составляют: туземные мусульмане, кашгарцы и таранчи. В городах живут маньчжу – чиновники и китайцы. Сибо, солоны составляют военное поселение. Около Сайрамкуля кочуют калмыки из рода чахар, а на Текесе – роды из колена олет[26].

---

*[78] Чалмоносец.

*[79] *Венгерка* – гусарская куртка с шнурами.

*[80] *Ван* – княжеский титул, которым китайцы награждали верхушку национальных меньшинств Китая.

Мусульманские поселения здесь основаны еще во времена джунгаров для снабжения их хлебом. Первое поселение есть Кульджа Старая. Сибо, солоны – переселенцы из Маньчжурии. Солоны – народ родственный с даурами[27] из пограничной линии из округа Сахалян-ола, суть смесь маньчжуров с даурами, а сибо – среднее между собственно маньчжурами и солонами. Они переселены сюда со времени завоевания края.

|| Таранчи (что по-маньчжурски значит пахарь) суть крестьяне, переселенные из Восточного Туркестана*[81]. Они обязаны заниматься хлебопашеством, снабжать им войско*[82]. Материалы для этого они получают из казны: соху, плуг, быка. Ужасно положение этих бедняков. Калмыки считаются в военной службе и состоят при пикетах пограничных в качестве табунщиков по 10 человек.

Китайцы илийские – или купцы, поселившиеся для торговли, или мастеровые, пришедшие на время, или же ссыльные. Последние под названием шанбань [шанпань] населяют многие деревни, обрабатывают рудники, состоят при городах для работ. Это народ отчаянный, буйный, люди, ничем не дорожащие, для которых, что называется, жизнь – копейка. Несколько раз шанбань производили бунты, называемые здесь по-азиатски джанджал*[83]. В прошлую зиму в Кульдже произошло восстание, но маньчжуры, предуведомленные прежде, начали преследование и избили их несколько тысяч. Половину перевешали, часть потопили в реке, часть же их убежала на юг, к границе с Киргизской степью к горе Калкану и, говорят, укрывается там до сих пор. Между китайцами*[84] есть мусульмане, называемые хой-хой. Это потомки тюрков, переселенных в Китай еще за три столетия. Они утратили свою народность, носят китайское платье, косу, говорят по-китайски, но имеют свои мечети и содержат намаз. Мечеть построена как китайская кумирня, и китайская надпись глаголет, что это храм божий. У них свои муллы, называемые а х у н. Бога вместо аллаха они в своем разговоре называют ф о я, а Мухамеда – М е м е т и.

В китайской истории под именами хой-ху, хой-хорь, хой-хой известен народ чужеземный, давший династию хой-хор и впоследствии занявший нынешний Восточный Туркестан. В восточных источниках народ этот известен под именем уйгуров. Нынешние жители Семи городов называются китайцами ч а н т у (чалмоносец), буквально – обернутая голова. [Они] говорят наречием тюркского языка, который назван Клапротом уйгурским*[85]. Действительно, язык этот, хотя и тюркского корня, но отличен от его известных диалектов. Он имеет в себе много слов монгольских и много таких, которые по однозвучно напоминают тибетский. В грамматических изменениях и в произношении слов много различия. Язык дикокаменных киргиз есть его отрасль.

Уйгуры были мусульмане еще при Чингис-хане, имели тогда еще свое письмо и, как народ более образованный, употреблялись монголами для [ведения] письмоводства. Образцов древнемонгольского письма, известного под именем уйгурского, я не нашел, несмотря на все мои усилия. Китайцы, имея в соседстве уйгуров мусульман,

*[81] Имеется в виду *Кашгария.*

*[82] Точнее:... *снабжать продуктами хлебопашества войско.*

*[83] *Джанджал (тюрк.)* – скандал, распря, ссора.

*[84] Точнее: *среди китайцев...*

*[85] Клапрот составил словарь этого языка. *(Примечание Ч. Валиханова).*

название их обратили в значение мусульманина, но, впрочем, отличают некоторые народы по именам. Всех среднеазиатцев называют анджанцами*[86], османов – хункар, русских – улус, монголов – тойцзы, киргизов – хасаков и дикокаменных киргиз – бурутов ставят в ничто, как презреннейших варваров.

Лошади в Китае большую часть дня стоят на привязи под навесом дома. Они привязываются так, что голова лежит на брусе и держится всегда поднято – это делается для приучения лошади держать [голову] хорошо[28]. В день два раза кормятся мусуем (Linaria). По свидетельству китайских историков, семена этой травы и вся порода были вывезены из Ферганы в царствование дома Хань – около 100 л. до Р. Х.

|| 20 августа.

Странное явление. Сегодня купили для обеда черную курицу. Суп от нее вышел черный, и кости птицы покрыты черной пеленой. Иван Ильич рассказывает, что действительно здесь замечено, что черные курицы имеют даже и мясо черное, грубое и невкусное. В Китае продают птиц всегда зарезав и ощипав, потому что раз отощавшая курица в продолжение года не может вполне отжиреть. Свиньи китайские все вообще черны и бывают удивительно жирны. Есть такие скоты, которые волочат сосцы по земле. Китайцы удивляются и не верят, что есть свиньи другого цвета. Мясо этого животного они очень любят. В продаже отличают они кнутовое и тележье мясо. Последнее отменно вкусное и напоминает кабанов.

21 [августа].

На Востоке Китай известен под названием Чин, под испорченным названием первого монархического императорского дома Ц и н ь, царствовавшего 221–206 до Р. Х., родоначальником которого был Цинь Ши-хуан-[ди][29]. Дом Цинь во втором колене погиб от внутренних междоусобий. Сами же китайцы не имеют общего для своей империи названия и называются по династиям, как все другие народы называют по имени сильных родов и владетельных ханов. Впрочем, для отличия от маньчжур они называются Хань. Хань была вторая историческая династия с 206 до Р. Х. по 25 г. по Р. Х. Основателем ее был деревенский староста Бак-Лю-гао-ди. Хань значит млечный путь, то же, что маньчжурские сунгоры. Одно имя для империи, употреблявшееся всегда, есть Джунго – Срединная и Небесная – Тянь-Сянь. За беспорядочное управление дом Цинь подвергся поношению истории, но, несмотря на это, как основатель прочности империи, родоначальник цинский почтен жертвой. В просторечии для отличия китайцев называют минг – чернь и маньчжуров... знамя. Каждый маньчжур принадлежит знамени.

В историческом повествовании китайцев замечательны разные выражения, характеризующие пустую формальность и рутину. В прагматической истории Г а н-М у[30] относительно китайцев и варваров одно и то же слово имеет разное значение. О смерти царствующего государя говорят б ы н – треснул, подразумевая, что треснула гора для принятия его праха; о князьях китайских говорится д з у – преставился. Об иностранцах и вообще об умерших – с ы-л е, что значит относительно человека – умер, скота – издох и пр.

Восточный Туркестан издавна, еще до Р. Х., известен китайцам: он состоял из городов, которые имели своего владетеля. К какой породе [относилось] и каким языком говорило это первоначальное население неизвестно. Потом он принадлежал к

*[86] *Анджан* – город в Кокандском ханстве *(Примечание Ч. Валиханова).*

Согдиане[31], которой столица была в Туркестане. О Бишбалыке[32], который китайцы называют Биши-балы, существует толкование, которое принимает слово бали за бель – хребет и потому доказывает, что бишь-бель – пять переездов, означающее пять переходов через горы. О происхождении слова Алты Шаар – Шесть городов – китайцы не говорят ничего положительно. Что за народы, известные у китайцев под именем тюго*[87] (дулу), жужань[33], юечжи[34]? Кара-Хитай[35] восточный есть, по мнению некоторых синологов, дом Кидань[36], а алтын-ханы[37] китайские – дом Ж о ч ж о. Под именем юечжей разумеют они, как уверяет Иван Ильич, гетов[38], массагетов[39].

Замечательно, что в китайских источниках до Р. Х., говоря о каком-то народе, сказано, что они служили н о г а я м[40]. Нужно справиться у отца Иакинфа («О народах Средней Азии)*[88].

Кстати, об этой книге: она написана бог знает как, идеи и предположения автора идут заодно с подлинными, а что за невежество в гипотезах – противоречие и себе и [чужим] данным. Иван Ильич || уверяет, что ошибка главная при составлении состоит, собственно, в программе и в выборе источников. Об этом предмете существует летопись какого-то...*[89] Алань, замечательная по последовательности изложения. У консула есть Санангсэцэн[41] в китайском переводе. Не другой ли это список?

22 [августа].

В Китае хлеб белее, нежели у нас, это зависит от того, что они при молотьбе вымачивают [зерно] водой. Действительно, подобный способ приготовления муки дает белизну, но испеченный хлеб скоро черствеет. Во внутренних губерниях присоединяют для белизны кукурузу. Китайцы имеют мельницы, движение жернова производится конской силой – запрягают двух или трех лошаков. Водяные мельницы попадаются нередко, но и устроены так, что оборот жернова соответствует обороту крыла, шести колесным...*[90]

Молотят хлеб китайцы несколько иначе: они мнут его каменным цилиндрическим вальком, запрягая [в] него вола или лошадь. Во Внутреннем Китае для молочения снимают только верх колосьев, чтобы не оставались даром зерна. Солому снимают отдельно и употребляют па покрытие крыш, делают циновки, шляпы и пр.

Китай своей площадной жизнью, своей языческой философией и эгоистическим себялюбием и, наконец, дряхлостью и слабостью своих внутренних сил и осторожной уклончивой политикой вне совершенно напоминает древний Рим в период перед его падением. Читаешь историю Китая и сходство делается еще поразительнее. Варвары теснят Китай. Китай не может противиться и прибегает [к] хитрости, свойственной бессильным,– задабривает дарами, платит им дань и гордо называет ее жалованием, принимает в службу, одних выставляет против других и льстит их тщеславию, награждая достоинством князей, ванов, гунов*[91], как Рим раздавал титул патрициев. Платит еще позорнейшую дань княжен, подобно тому, как византийские императоры выдавали своих княжен за русского Владимира, за варвара – монгола Ногая, брата Берке, и потом, в виде величайшего счастья, – за турецких султанов.

---

*[87] Китайское произношение слова *тюрк*.

*[88] Иакинф. [Н.Я. Бичурин]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. I, СПб., 1851.

*[89] В рукописи пропущена первая часть имени автора.

*[90] Пропуск в рукописи.

*[91] Титул мелких князей.

Удивительно то, что держит и крепит Китай: в том смысле, как Рим, он не раз делался добычей инородцев, но он падал только в лице кит[айской] династии, а Китай как государство стояло. Варвары приходили, завоевывали Китай – и сами делались китайцами, так сильно влияние китайской цивилизации. Отчего образованный Рим не мог подчинить своему влиянию варваров? Рим был уже разрушен рано, разрушен христианством, которое не могло вкорениться в римлян, но тем не менее успело уже повергнуть язычество. Римляне были без веры, следовательно, без путеводителя. Не варвары, а христианство разрушило этот железный колосс древнего мира[42].

|| В Китае было совершенно другое. Здесь вера играет второстепенное значение. Вера может быть у всякого своя. Вот отчего варварам нельзя было не уважать китайскую цивилизацию, ибо им не было причины их ненавидеть и презирать. Народы, покорявшие Китай, были сами веротерпимы. В Европе германцы, как все новокрещенцы, предались новой вере с жаром, с фанатизмом и, видя развратный и безверный народ римский, глубоко возмущались душой, презирали; все римское и языческое образование, несогласное с духом христианства, должно было непременно пасть. Германцы были сами причиною падения, чтобы со временем быть причиной их возрождения, только в другом виде, в другой одежде, под влиянием другого путеводителя – креста. Если бы Китай был покорен народом мусульманским или христианским, он пал бы, и вся эта всемирная глубокая его образованность или уничтожилась бы без следов или же пошла бы вперед, сделавшись только средством к новому возрождению.

Я заговорился слишком. Обратимся к тому, что именно [я] хотел сказать. Травля животных и бои занимают и китайцев. Императорская охота, описанная Марко Поло[43], показывает все утончение их. Петушьи бои, травля кошек и проч. ведут за собой огромные пари – это азартная игра. В числе драчунов замечательны сверчки полевые. Кроме драки, они знаменуют счастье, если в первый день нового года встретят своей песней. Так как насекомое это принадлежит к разряду однолетних, то и существуют в Китае особые мастера, которых ремесло состоит в воспитании до нового года сверчка. Путем тяжелого и многолетнего опыта достигнут в Китае способ продолжать жизнь этих насекомых. Микробиология*[92] в этом отношении сделала в Китае удивительный шаг. В новый год непременно должен являться придворный воспитатель сверчков, имея за пазухой в особой коробочке из тыквы это насекомое, и заставить петь [его] хвалу императору. Покойный император удивительно любил этих сверчков и всегда при себе имел коробочку со сверчком счастья. Вообще воспитание птиц и зверей находится в Китае на высшей точке развития: есть маленькие породы птичек, вроде воробья, которые, не будучи телом велики, обладают удивительно высоким духом, и одна из них, пущенная в стадо воробьев, причиняет им такой же урон, как знаменитый рыцарь Гуань-лоя один разбивал несметные полчища врагов. Мал золотник, да дорог!

23 [августа].

Сегодня было третье заседание. Шумели и пили чай. Некоторые почтенные мандарины так интересовались делом, что сочли за лучшее дремать. В Китае... свои понятия о вежливости.

---

*[92] Точнее: *энтомология.*

У консула есть генеральная карта империи, составленная в Пекине. Отделка ее очень чиста. Главные реки окрашены темно-синей краской, второстепенные, впадающие – зеленой. Горы рисуются в профиле конусами. Две главные реки Китая – Хуанхе и Янцзы-Цзян, называемые китайцами жилами государства, – рельефно выставляются на первом плане. || Есть у него также атлас Западного края, т. е. Джунгарии, Тарбагатая и Восточного Туркестана. Территория внешняя ограничивается Балхашом и Иссык-Кулем, который назван Темэрту-нор и Тускуль. Господин Девис (China during the war and since the pease etc...) о китайских картах говорит: «Китай был топографически снят иезуитами на основании тригонометрических начал (?) с такой точностью, что, за исключением английских владений Индии, ни одной части Азии не имеется такой точной съемки, как Срединная Империя».

В Западном крае глава буддийского духовенства есть х а м б а в значении хутухты[44]. Он живет в...*[93] 15 верстах от Кульджи. В Монголии, в Тибете считается до 72 хутухты, по числу учеников Шикья-Муни, которых они и есть преемники, пли, лучше в строгом смысле, – возрождение, к у б и л г а н[45]. Х у т у х т у значит всесовершенный. Ургинский хутухту в священной буддийской иерархии есть лицо высокое. Далай-лама[46] в приезд его в Тибет для обучения священным книгам служит вершником. Западный Тибет имеет своего хутухту с т и т у л о м – п а н ч ж е н - э р д е н[47]. Так как хутухту, подобно далайламе, есть суть возрождение, не нисходящее апостолов буддизма*[94], то избрание его подобно, как и далай-ламы. Китайское правительство сделало это предметом своих политических видов, а чиновники – средством для добывания денег. Правительство для поддержки своей власти старается поставлять в эти места людей более преданных, преимущественно из Кама*[95] (страна, лежащая между Тибетом и Китаем), или же ставит людей ничтожных, глупых. Во всяком случае, старается разными средствами, не разбирая их качества, ограничивать их умственное развитие. Эти живые боги бывают окружены женщинами и, предавшись страсти, делаются жертвами ее последствий. Чиновники же при выборе кандидатов успевают от богатых домов набрать поболее вещественных доказательств, а потом решают жребием. Политика Поднебесной империи старается об одном, чтобы дети монгольских ханов не избирались в эти звания, а в случаях противных сильно противится. Вообще, старанием и родительским попечением Сына неба тибетский далай-лама [и] хутухты недолговечны, между тем как их собрат панчжэн-эрден, страна которого подчинена Империи только номинально, живет уже 80 лет. Власть Китая в Тибете только наружна. У нас у бурятов есть хамбу и ламы*[96] и своя консистория. Они тоже хотели иметь х у т у х т у, н о и м о т с о в е т о в а л и.

Откуда происходит слово у р г а, название ставок монгольских князьков? Местопребывание хутухты носит это нарицательное имя, как имя собственное, неделимое. Маньчжуры его называют к у р е н ь*[97] от чего происходит и китайское к у л ю н ь. В Китайской истории то, что известно у восточных историков и называется теперь кочевниками ордой, – ханская ставка. В тесном смысле его юрта называется т и н ь - ч ж а н, становище.

*[93] Название местности пропущено.

*[94] Так в рукописи.

*[95] Очевидно, *нынешний Сикан.*

*[96] *Лама* – буддийский священник, монах.

*[97] *Курень* – ставка, резиденция монгольских и джунгарских ханов.

|| 25 [августа].

Вчера я ездил за город: нет возможности дышать городским воздухом китайских городов. Кроме пыли, решительно нечем питать себя. Для прогулки я, по совету консула, избрал шалаш рыбака, в 15 верстах от города, на берегу Или. Ехали мы по береговым песчаным дюнам, внизу расстилался зеленый роскошный ковер илийских лугов. На дороге встретили двух китайцев – охотников. Браконьеры имели длинные и тонкие фитильные ружья с маленьким, загнутым вниз прикладом, и двух гусей, и одного фазана в тороках, как трофеи езды [...]. Один из них предложил купить ружья и запросил около 150 рублей на наши деньги, уверяя, что он [много] не запрашивает. Другой хотел, для меня только, продать пороховницу, грубо сделанную из верблюжьей кожи, и просил 6 рублей серебром. За ружья я дал 15 ланов*[98] ярмаками, а [за] пороховницу – 1 лан. Китайцы странно завертели головами, испустив звук отрицания «э!», и уехали.

Мой товарищ по экскурсии, консульский секретарь[48], несколько раз подкрадывался с ружьем и всякий раз выстреливал бог знает куда. Наконец вступили на берег Или в луга. Что за свежесть сравнительно с голыми песками, на которых стоит город и по которым мы ехали. В песках нет ни капли растительности, кроме голых и тощих кустов ю з г е н я, какого-то колючего растения, вроде чертополоха, стебель которого китайцы употребляют как лекарство. А тут, в лугах, только что спустились на иловато-влажный грунт, как буквально утонули в высокой траве. Камыши, в которых, по уверению Б.,[49] [укрываются] тысячи фазанов, осока, молочай, что-то вроде астры, высоко росли, доходя до колен всадника. Солодка, мальва, китайская конопля, мелкий кипец покрывали землю так густо, как борода кашгарского муллы. На этих-то пажитях*[99] паслись маньчжурские стада, между тем как конюхи лежали под тенью огромного вяза. Наконец [мы] добрались до хижины мужика. С[50]. распорядился устроить бивак в живой беседке развесистых джигдовника и ильма. Хижины китайских рыбаков столько разнятся от хижин русских рыбаков, как узкоглазая его физиономия с несколькими клочками волос на бороде от косматой и огромной головы русского мужика. Хижина была выбита из сырого кирпича с крышей, перед ней был устроен неизбежный навес. Над дверями и около навеса висели камышовые шторы. Множество корзин, больших и малых, разнофигурных валялись всюду. Жалкая таратайка с двумя огромными колесами довершала картину. Так [как] мужика не было в хижине, мы имели в виду застать его на реке [и] отправились далее. Вдруг встречаем на берегу еще хижину, которой не было прежде, как говорит К[алиновский].

Перед шалашом бегал жирный мальчуган || с торчащими рожками волой на двух висках. Чтобы узнать о рыбаках и, главное, чтобы посмотреть на хозяйку, мы завернули в шалаш. Около дверей, спиной к нам, сидела китаянка и по движению локтей очевидно было, что она чем-то занималась. Она не обратила никакого внимания на наш приход, не удостоила ответом С., который осведомился, где рыбаки, и продолжала свое дело с невозмутимым хладнокровием, как будто бы никого не было. С. повторил свой вопрос и прибавил, кажется, какое-то нравоучение, что неприлично-де так встречать гостей. Китаянка вдруг обратилась к нам, странно замахала руками и

*[98] Китайская денежная и весовая единица; различается по весу и стоимости в разных провинциях Китая.

*[99] *Пастбищах* (устар.).

начала что-то кричать, употребляя с особенным ударением слова «мамаде пфи»![*100] Мы были так озадачены этой выходкой рыбачки, что, говоря по-восточному, положили все упование на аллаха и терпеливо стали дожидаться, когда стихнет буря. Рыбачка была недурна собой и, главное, имела такие крошечные ножки, что обуянное гневом ее тело чуть-чуть держалось на этих слабых поддержках. Я не мог удержаться от смеха, когда китаянка влезла опять в свою берлогу и продолжала ворчать [...]. Мы решительно ничего не понимали, хотя по слову «мамаде пфи», значение которого мы с первого дня [знакомства] нашего с китайцами хорошо постигнули и знали, что она бранит нас, но за что? – этого не могли себе представить при усиленном желании. Между [тем] китаянка, довольная нашим смирением или довольная своей храбростью, что порядком сожгла всех прадедов русских, вышла из шалаша и стала обозревать вокруг, не едет ли муж. Я счел нужным воспользоваться минутой и представить, сколь несообразно женщине, особенно женщине образованнейшего в мире государства, каков Срединный цветок, употреблять такое гадкое слово, как проклятый «мамаде пфи», которого добрую дюжину она заставила нас съесть. Имея в распоряжении своем китайское слово «нюйжень» – женщина и «хао» – хорошо и «бу-хао» – худо, я решил расположить их так искусно, чтобы она при помощи моих объяснительных жестов и умильного выражения лица живо бы постигнула мою мысль. Принявши гордый вид оскорбленного человека, я начал: «Нюйжень – хао...», – и, помолчав немного, прибавил ||, – «нюйжень – тррр... бу хау». Этим я хотел сказать: «Женщина – хорошая штучка, но браниться», – это – за неимением слов [я] выразил очень удачно звукоподражанием – «нехорошо». Не знаю, от обезоруживающего действия моих слов или от другой причины, она разразилась таким звонким и веселым смехом, и лицо ее осветилось так) приятно, что я вдруг почувствовал к ней особенное влечение и особенно меня смущали раскинутые бедра и удивительная округлость форм нижних частей тела, должно быть, удивительно нежных и мягких. В припадке нежности я совершенно забыл ее прошедшее поведение и подъехал к ней близко, чтобы пустить комплимент в китайском вкусе и окончательно задобрить ее в свою пользу. На этот раз словарь мой истощился, и я довольствовался словом «х а о», разумеется, произнося его очень умильно и несчетное множество раз. Мне было досадно, что «хао», как ни верти, все остается глупым «хао», мне хотелось как-нибудь хитро и замысловато, но вместе [с тем] сильно и убедительно доказать ей свое расположение и намекнуть, как говорят у китайцев, насчет весенних мыслей [...].

Побужденный ее молчанием и сильным приливом весенних мыслей, я решился без дальних околичностей приступить прямо к делу и начал объяснять жестами, что-де мне хочется посмотреть, какие у тебя ноги [...] Она, очевидно, решительно ничего не понимала и только улыбалась. Я уже было поднял руку, чтобы открыть занавес, [...] как явился рыбак и разрушил все мои благие намерения, – я, признаюсь, немного опасался, чтобы муж не вздумал «пить уксус» и заблаговременно уселся на коня. Китаянка вошла в шалаш и со своей подругой, которая прежде не показывалась, начала хохотать, бог знает зачем.

[*100] Искаженные китайские слова.

|| Муж тоже утешился, получив за проданную рыбу несколько мыскалов*[101] серебра, и был вежлив до того, что принес несколько извинений, если жена его не умела как нас принять. «Баба, – говорил он, – дрянь, а петух (так называл он себя) – другое дело и знает свет».

Так мы простились с рыбаком и его женой, которая приняла нас черт знает как и в конце обнаружила отменную доброту сердца.

Житель Старой Кульджи татарин Ш. уверил нас, что все дочери Поднебесного царства кажутся недоступными, но в сущности суть скромные «разрушительницы городов».

Возвратившись в беседку, мы напились с неизъяснимым наслаждением чаю. Действительно, прекрасные места – берега Или: густая джида, ильм, ива образуют над вами свод; барбарис, джингиль и дикие розы переплетаются вместе. Красные кисти ягод красиво висят, переплетенные белым пухом какого-то вьюна. Розы были тут трех пород – с круглыми, красными, черными ягодками, с большими...*[102] и проч. Устроив загородное гуляние и порядком учинив ристалище*[103], мы к вечеру возвратились домой, будучи чрезвычайно довольны происшествиями дня.

Китайского императора подданные китайцы называют Хуань-ди, или Сыном неба – Тхянь-дцуй. Мусульмане же и киргизы – иджен-ханом, заимствуя это слово от монгольского бодо-иджан. Знаменитый восточный фагфур происходит от слова фарфор.

* * *

|| К какому племени принадлежал народ, составлявший первоначальное население Восточного Туркестана и упоминаемый китайскими историками задолго до Р. Х.? Города Уш*[104], Аксу, Куча, Урумцы (Пулэй), Пичан (Хуху), Хотан (Юйтянь), Яркенд (Согюй), Кашгар (Сулэ) и проч. имели своих государей и составляли каждый отдельное государство. Известно из китайских же данных, что исповедовали они религию Будды, так что многие китайцы ездили в Хотан для изучения догматов и философии Шикья-Муни. Не знаю, в какой степени справедливо мнение некоторых ученых, что основателями этих городов были индейцы*[105] и что Хотан есть испорченное санскритское слово Куса-Тана, т. е. пупок земли. Предположение подобное имеет некоторое вероятие. Тибет, будучи в соседстве, мог иметь сношение с Тураном и передать ему веру Будды. По лицу же своему туркестанцы напоминают тип индо-персидский и очень походят на среднеазийских таджиков (народ персидского корня и говорит этим языком), которые считают себя аборигенами страны еще до прихода тюрок. Бронзовый или же кофейно-черный цвет кожи, углубленные глаза, прямой крючкообразный нос и худощавое сложение делают их совершенно отличными от народов тюркских или монгольских. Если уйгуры, занявшие эту страну в XI веке, были монголы, то каким образом могли так измениться физически, тогда как монголы Джучиевой орды и узбеки сохранили свой монгольский тип в Мавераннa-

*[101] Мыскал – золотник.

*[102] Одно слово не разобрано.

*[103] Состязание.

*[104] Т. е. *Уш-Турфан* (Уч-Турфан).

*[105] Т. е. *индийцы*.

гре. Еще замечательно то, что во всем Восточном Туркестане говорят тюркским языком и таджиков как отдельного сословия между ними нет. «Ум становится коротким в рассуждении этой материи».

Знаменитая буддийская энциклопедия, известная под названием Гучжуродачжуро, состоит из 520 томов, из числа которых 20 составляют алфавитный указатель. Во всех монастырях имеется эта громада книг и при перекочевывании в монгольских] аймаках*[106] 52 верблюда посвящаются только перевозке Гуджуры Джуры. В ней заключаются все обряды, догматы веры, философия, история, грамматика. Говорят, что в нее входит и санскритский словарь; какой-[то] китайский император подарил одно богатое издание этой книги российской миссии, и часть ее уже перевезена в Россию.

30 августа.

|| Вчера у нас происходило тоже [...] нечто вроде торжества. Мы праздновали именины нашего консула. Мы были очень рады, что скучно однообразная жизнь разнообразилась этим случаем. Китайский фейерверк «стораз», фонтан и другие были пущены для потехи. Фейерверки китайские очень милы и стоят какие-то пустяки. Весь вечер пускали то фонтаны, то что-то вроде наших конгревов*[107] и всего было только на 5 руб. серебром.

3 сентября.

Сегодня у китайцев тоже какое-то торжество. Страшный звук пуреня (рог из морской раковины) и гром пушек целый день раздаются с крепости. Фейерверки, «потешные огни», светят и трещат днем: для китайца все равно, что день, то и ночь для фейерверков. Фу Шан-лун, знакомый мне купец, принес мне пирог благополучия с таинственным клеймом. Я из вежливости хотя и пробовал эту китайскую сладость, но увы! Не мог проглотить и первого куска: так сильно пахнет и отзывает свиным салом.

4 сентября.

Сегодня на лугу китайцы производят военную экзертицию*[108]. В палатке сидят колдаи и курят свои джен-даи, между тем как оборванные маньчжуры с луками и одним выпуском стрел в колчане немилосердно вонзают [их] в циклопическую мишень. Впрочем, надо признаться, из лука китайцы стреляют хорошо и редко дают промах, зато пушки им не даются. Кстати, о колдаях. Колдаями здесь называют штаб-офицеров. В Китае же, как говорил наш консул, о колдаях знают только ученые. Колдай – монгольское слово, при династии Юань оно употреблялось в Китае. В русских летописях упоминается колдай. В Иле так называют в просторечии, но официально каждый чиновник носит название по чину или должности. Генералы называются анбань или даженъ. Анбань название маньчжурское, а да-женъ – китайское и буквально значит: большой человек, вроде русского вельможи. Все китайцы зовутся по чинам, а обер-офицеры – лоя-ми, штаб-офицеры и генералы – даженами, для отличия прибавляют начальный звук имени. Имена таким образом называются: Ту-дажен, Ка-дажен, Са-голдай, Ка-голдай, Бу-голдай и пр.

---

*[106] Административно-территориальная единица, равная округу или району.

*[107] Вид фейерверка.

*[108] Т. е. *экзерцицию* – военное упражнение.

В Китае вместо русского «ура» существует крик привилегированный: «хуанди» – это «десять тысяч лет», «вансуй», т. е. «здравствуй на многие лета». Иногда государя называют || просто Ван суй-э – господин десять тысяч лет. Для наследника престола такое название десять тысяч осеней – Цянь-суй; Ван-суй, Жан-суй, Вань нянь-суй!– вот народное приветствие императору. Нянь-суй есть год гражданский, просто суй – годы жизни каждого индивидуума отдельно.

В Китае нет многого, что есть у нас, и есть много того, что следовало бы перенять нам. Трудолюбие, народная гордость, прямолинейность – суть вещи, зависящие от обстоятельств и характера народа; по постановлениям китайским, например, после каждой династии учреждается комитет для составления ее истории, заимствуя все из официальных источников. Государственный стряпчий есть лицо, которое заменяет все, и суд уголовный, где судится преступник до тех пор, пока сам не изъявит согласия на справедливость приговора. У нас с идеей китайского богдыхана связана мысль, что это – азиат-деспот, властный над головами всех своих подданных и, выражаясь, как Ходжи-Баба, злейший враг всех людских пят[51]. Ничуть не бывало. Он ограничен в своем управлении. Он не имеет своего имущества или, как у нас, уделов. У тебя все есть, говорит народ, что нужно – все достанем, к твоим услугам 10 000 вещей, зачем же тебе имущество, когда ты обеспечен вполне. Ты не торгаш, чтобы заниматься своим имуществом и пускаться в обороты, ты должен думать о подданных, которые составляют для [тебя] имущество, а не о своем добре. Да, посмотрите, вникните в китайскую систему поземельной собственности: она основана на идеях, до которых Европа дошла только в наш просвещенный век.

6 [сентября].

Ездил в сады, Кульджа стоит, как известно, на реке Или; не знаю, известно ли, что она стоит при впадении в Или речки Сарыбулак (Ша-хе-цза) и более растянута по течению последней. На четыре версты растянут собственно город и на столько же в ширину, до половины песчаных и скалистых холмов. Дома в Кульдже биты из глины, хотя в «Записках Географического общества» один татарин уверяет, что дома деревянные, каждый дом составляет нечто отдельное и тоже загорожен стеной. Деревянных домов никогда не было, и во всем Китае не знают о возможности подобных строений, кроме бамбуковых шалашей. Крыши на домах большей частью из камыша или соломы и вымазаны глиной, только один главный храм покрыт зеленой черепицей. По всем нашим справкам, тесовых крыш в Срединном царстве не существовало со времен достоверной династия Хо-и-Шунь[52] почему заподозреваем правоверного рассказчика в нарушении заповеди последнего пророка, который обещал таковых повесить за язык. Конечно, распространять географические сведения – дело полезное и благое, никто против этого не спорит, но желательно бы, чтобы распространяли сведения, а не рассказывали бы басни.

В последнее время, благодаря неусыпной полезной деятельности Географического общества, сведения наши об Азии распространялись быстро и широко, но, вместе с тем, по естественному ходу вещей вкралось и несколько сомнительных повествований о том, чего нет и чего, может быть, машаллах! господа, и не будет. || Ничего нет удивительного, если необразованный татарин мог насказать чудеса – ему можно извинить: он так понимал сам или ему говорили так, или же увлечение азиатской, как

всеобщей восточной, слабостью преувеличить и представить вещь в более лучшем или худшем виде, нежели она есть. Машаллах! Он тоже некто и знает свет. Конец концов, что он за собака, чтобы при случае не примениться к образцовым сказаниям сахароустого попугая и не сказать нечто чудное. Я знаю многих почтеннейших мусульман, людей солидных и достойных доверия. Побывав в Питере или Москве, он является к своим родовичам с полным запасом разных удивительно затейливых повестей из запаса слышанного и виденного. Когда он начинает свой рассказ, вы видите ясно по его ухмыляющемуся и довольному лицу, что он просит от вас похвалы и жаждает извлечь крики удивления вроде: Барак-аллау*[109] Аформай*[110], Дари-гай*[111]? мардас и проч. Что может занять кочевника или азиатца, воспитанного на фантастических сказках о Сулеймане, владетеле волшебного кольца; о Сейфуль Малике, царевиче багдадском, который был на острове Пери (добрых духов), видел амазонок, у которых мужья имеют собачьи головы, в которых была влюблена царица обезьян, и что может занять татарина, который верит во все печатное, как священные страницы несомненной книги. Всякого бывалого человека они засыпают вопросами, вроде следующих: «Хаджи, вы были в Мекке, проходили по многим землям. Ну что, как приняла вас царица обезьян и видели ли фараона, который обратился в рыбу и всякому путешественнику, высунув голову из вод Черного моря, кричит: «Фергаун!»*[112] Конец концов, нет сомнения, порядком вы отдули Язида[53] в Чуле Кербальской (да будет над ним проклятие). Правда, что он за убиение Хасана и Хусейна обратился в рыжую собаку с черными пятнами над глазами». Нечего говорить, что ответить на это отрицанием – значит подвергнуть сомнению свой авторитет. А потому всякий татарин, киргиз, принимая во внимание мудрую поговорку: «приноравливайся к духу народа и под его дудку, как иноходец, беги», начинает повторять старую и выдумывать новую ложь. Восклицание «бара-келде, бале» слышится всюду, а чувствительные дамы за своими перегородками расчувствуются до того, что начинают хныкать, узнав, что собаки-ваххабиты[54] хотели похитить священный прах пророка и вместо него (не мои уста это говорят, а слова ваххабитов, да проклянет их аллах!) положить собаку для посрамления всех правоверных.

|| Послушайте рассказы наших киргиз, бывших в Петербурге и Москве. Вы услышите от них такие чудеса, о существовании которых вы бы, живя десять тысяч лет в Петербурге, не узнали. Следовательно, погрешности рассказа, напечатанного в «Записках общества», т. IX, простительны.

Да и очевидно, что рассказчик человек простой, доверчивый и, главное, близорукий (я говорю в буквальном смысле). Результат его доверчивости – это известие, что а н б а н ь, китайский чиновник, имеет белую шишку. Почтеннейший Абдурахман, как водилось прежде, до учреждения фактории попал в м а й т у з у – грязный приют разных торгашей некитайского происхождения. Непосредственный начальник их, чиновник во втором чине, имеющий белый шарик, для вселения своей особе более сильного уважения хвастнул им, что он анбань, генерал. Простой и доверчивый поверил этому, как достоверному факту, и передал собирателю. Он близорук – это

*[109] У мусульман восклицание удовлетворения.

*[110] Восклицание восхищения: «О, здорово!».

*[111] В этом контексте восклицание сожаления: «Как жаль, что мы не можем этого увидеть!».

*[112] Так среднеазиатские народы называют фараона.

ясно: черепица очень походит на тес, глиняные стены делаются с нарезами, как бревна, и синий прозрачный шарик коголдая (только не колохая) [от] отсвечивания желтой соломенной шляпы кажется желтым. Ведь грехи эти неумышленны. Но бывают грехи другого рода, особенно когда [вы] доверяетесь авторитету азиатца. По свойственной ему подозрительности, он начинает думать: для чего это нужно кафиру*[113], не думает [ли] он что-нибудь во вред делу ислама, не хочет ли воспользоваться моими словами, чтобы из нас, мусульман, сделать нечто менее собаки? Согласно этой arriere pensee*[114] он говорит вам факт, диаметрально противоположный истине, и, возвратившись домой, рассказывает, что против китайца кафиры ужасно грубы. А поэтому желательно было бы, чтобы господа собиратели обращали более внимания на источники и старались бы о их точности, а потом бы уже печатали то, что вероятно.

В Кульдже в ведении полиции насчитывают до 70 000 жителей, а о поселенцах, которые живут около города, нет возможности собрать [сведений]. Неудивительно, что в Кульдже могил столько же, сколько и домов, если не больше. Гарнизона в городе считается до 8000.

8 сентября. Китайцы, продавая нам свои безделушки, уверяют, что все это употребляется самим богдыханом, лучший сорт. Досадно: они воображают, что мы варвары и, следовательно, уважения к государю не можем иметь, как они. Продает ли он чашечку, уже не преминет обязать советом поднести это хану русскому.

10 сентября. Сегодня предприняли для рассеяния небольшую экскурсию в китайские сады, или загородные дачи. Надобно знать, [что]город Кульджа более лежит по Сарыбулаку, нежели по Или. По сю сторону реки идут сады на пространстве в длину верст на 10, на столько и с той стороны. Мы ехали по берегу этой речки. Начиная от угла крепости, который упирается в дельту, образованную впадением реки в Или, вплоть до самых дальних садов, весь берег реки по обеим сторонам || буквально усыпан могилами, такими же частыми и мелкими, как оспа. Надо знать величину китайских могил, чтобы вполне понять эту бесчисленность. Китайцы после смерти зарывают [труп в] землю в особенно уродливом гробе, окрашенном большей частью в красный цвет, вырыв нечто вроде земляных очагов. Над этой ямой насыпают землю в виде конуса. Конус этот в окружности не более четырех аршин и в вышину аршина полтора. Так как здесь грунт земли песчаный, даже песочный, то неудивительно, что эта маленькая насыпь сносится ветром и обнаженный гроб торчит из земли до тех пор, пока весенним снегом не размоется берег и обрушится в воду, снося с собой и гроб.

Вода в Сарыбулаке весной бывает глубока и быстра, почему покойник против воли оставляет отчизну и совершает посмертное водяное путешествие по Или в Балхаш. Когда мы приехали в Кульджу, от разлива реки берег обрушивался очень сильно и несколько костей торчали в яру. Теперь уже большая часть покойников отправилась в экспедицию на Балхаш, а часть их до сих пор висит на обрыве. Нет места, где бы не было могилы – под мостом, па дороге, на улицах – везде виднеются ходы. Из этого не следует, что у китайцев не было кладбищ, их много и даже очень много, но все они заняты, и каждая фамилия желает иметь свое отдельное помеще-

*[113] Неверный, неверующий *(араб.)*.

*[114] *Задняя мысль (фр.)*.

ние. Я не знаю, оттого ли, что в Кульдже много народонаселения или нездоров климат, но полагаю, что едва ли есть в России или в Европе город, где было бы столько могил. Обыкновенная форма могил, как я уже заметил, конусообразная насыпь; на некоторых поставлены каменные плиты, вроде тех, которые встречаются в киргизской степи на так называемых «калмыцких могилах». Однако, есть и в Кульдже один памятник, монумент, поставленный какому-то купцу. Он имеет вид четырехгранной призмы и состоит из четырех ярусов на кубическом пьедестале. В первом ярусе (нижнем) есть ниша, обращенная к северу, на втором ярусе ниша смотрит на восток, в третьем – на запад и на четвертом – на юг. Вот, собственно, могильный памятник в Кульдже. Киргизы рассказывают, что китайцы после смерти каждого смотрят на стечение планет и приговаривают: похоронить ли, бросить ли в воду или на съедение собак. К[алиновский] говорит, что это имеет некоторое основание относительно детей. В Китае, как говорили прежде, есть ужасное обыкновение детоубийства – это совершенная ложь. Есть обыкновение, проистекающее из религиозных начал буддизма о метам-психозе[55] души. Когда умирает дитя, то, чтобы оно не переродилось или не возобновилось в том же семействе, стараются его проводить из дома с видимым пренебрежением – бросают на дорогу, в яму или как-нибудь, чтоб дух покойника оскорбился. Правительство же, напротив, ежедневно посылает от полиции телегу для сбора умерших детей, чтобы их предать земле. При нас случился пример: у табунщика калмыка в майтузе умер сын, мальчик лет семи. Отец, привязав к ноге его веревку, приволок и бросил [его] под яр на песок, так что наши торговцы татары должны были засыпать песком, чтобы не видеть разложения.

На правом берегу устроены в садах огороды, и шампани занимаются их возделыванием. Шампанями || здесь называются преступники, оклейменные за убийство и за другие важные преступления и отосланные в ссылку. В Западный край ссылают из южных губерний Китая. Надо сказать правду, что эти преступники суть лучшие работники в Кульдже. Трудолюбие их превосходит границы. Они все загнаны в разные рудники и заводы, но, благодаря снисходительности местного начальства, которое, получив небольшую сумму денег, отпускает их даже на свободу, пользуясь их жалованием и отпускаемым на них провиантом. Все каменщики, плотники, слесари – из них. Маньчжуры же занимаются одним ремеслом, более спокойным – воруют.

На огородах были посеяны: кунжут, из которого добывают масло, махровый мак для приготовления опиума, китайский картофель «шань-по», капуста, редиска, свекла, морковь, огурцы, арбузы и дыни, лук, стручковый перец, бобы и сорангу. Беспрестанно попадались загородные хутора, и всюду работали китайцы.

Китаец трудолюбив до невероятия. В жарчайший день он ходит на полях своих в одном исподнем платье и плоской, как блин, с широчайшими полями шляпе. Ничто из произведений природы не пропадает даром. Один китаец сидел и очищал коноплю. Она родится здесь дико и высоты достигает выше роста всадника. Он очищал кору для веревок, а стебли готовил для продажи на покрышку крыш. Другой собрал колючую траву, растущую тут на песках, и жег ее в хитроустроенной печи. Оп уверял, что зола эта имеет целебное свойство и что фунт ее он продает за 1 лан и 6 цянь*[115] серебра (1 р. 60 коп. сер. на наши деньги). Огромные пространства земли были засеяны гаоляном (тюрк. джугара), сорго, кукурузой, маком и мусуем (Linaria). Джугара

*[115] Китайская весовая единица.

служит им для выгона водки и употребляется как хлебное зерно. Сорго имеет такое же применение. Не могу судить о значении сорго, как материала для сахара, но что же касается до мнения господина Калиновского, что листья дают отличное сено, то против этого смело говорю – нет.

Мусуй сеется в год раз, но скашивается три раза.

Мы ехали все по арыкам, канавам. Загородные сады, или дачи китайцев, очень красивы и приятны на вид. Я был в одной из них; хозяин давно не жил в ней, две женщины и один старик китаец, должно быть, управитель, расположились в ней. Прекрасные тополи составляли стройные аллеи. Прекрасный дом с резными окнами, карнизами лепной работы, с так называемыми зверями, волчьим зубом и проч., был очень красив. К счастью, нерадение владельца привело его в ужасное состояние. По комнатам бродили петухи и курицы, все карнизы были обсажены гнездами голубей и изгажены этими же птицами. Стены были подписаны картинами исторического и мифологического содержания.

Китаянки приняли нас очень радушно и дозволили осмотреть весь дом. На дворе перед галереей были посажены туя восточная (Thuya orientalis), граб, махровые мальвы и розы. На галерее висели в клетках || жаворонки (пиренейские жаворонки), называемые по-китайски б а й-л и н. Вообще в этот день китайцы приняли [нас] очень радушно, даже женщины. В одной х и ж и н е у б о г о й сидели две девушки, одна – совершенный тип калмыцкой красоты, [...] лунолицая в буквальном смысле, другая имела замечательно правильный и прямой нос, хотя глаза были несколько узковаты. Зная на опыте, после столкновения с рыбачкой, в некотором смысле нравы прекрасного пола в Поднебесной империи, я счел благоразумным держаться [на] почтительной дистанции от них и стал объезжать. Товарищ мой С. [из] консульства направился прямо на шалаш и стал вести какие-то переговоры. Услышав хохот китаянок, я ободрился и стал тихо приближаться, чтобы узнать степень благорасположения китаянок. Чрезвычайная любезность жирной китаянки к моему товарищу, оказанная взаимным курением одной трубки, совершенно меня успокоила, и я, нимало не думая, предложил свою трубку молодой китаянке, что имела правильный нос. К несчастью, моя дама была не такого приятного нрава и обхождения, как лунолицая: она все носилась и бормотала беспрестанно одно какое-то слово. Я понял, что она бранит, и отложил всякое попечение, и спокойно стал курить трубку, и смотреть на китайскую девку с жирным лицом. Надо сказать, что я здесь, в Китае, благодаря узким и черным глазам, умеренному, несколько плосковатому носу, полученным в наследство от калмыцких дедов, прослыл правоверным. Меня не иначе называли, как хорошенький лоя, и уверяли, что я человек китайского сорта «хитаньянзы». Должно быть, жирная китаянка нашла тоже меня недурным, ибо выказала ко мне чрезвычайное внимание, подавши трубку. Так как я сам не чувствовал к ее плоскому носу никакого расположения и давно уже страдаю за свой плоский нос и не могу его как-нибудь поднять в середине шишкой, то и не обратил на нее внимания и стал собираться в дорогу.

На берегу мы попили чаю, сделали небольшой кейф, смотря на стадо баранов и на стадо гусей, которые паслись вместе. Возвратились мы домой через город, [ехали]

мимо старой храмины с медным резным оконцем, изображающим какой-то знак китайского букваря. В дверях пагоды*[116] стояли два каменных болвана, образцовые по уродству рож. Нам так наскучили китайские уродливые божки, что мы выбранили фоев вслух: «олмын хером – луи шидло». Нам хотелось видеть каменный мост, но, к несчастью, он успел уже разрушиться. Громада камней напоминала о его существовании. В эту езду мы встретили поезд знатного китайца. Почтенный старик с белой острой бородой важно ехал на пегом коне. Красный шарик и павлинье перо свидетельствовали о его высоком генеральском чине и военном звании. Сзади ехали два штаб-офицера – один за другим. Генерал и его адъютанты одеты были очень опрятно и хорошо. Прибор на конях был шелковый с серебряными бляхами, и под шеей болтались красные и синие буйволовые хвосты, вроде колокольцев. Дин-ма – вершник, увидев нас, страшно замахал руками, предлагая не пересекать дорогу. Наслышавшись о китайских бамбуках, я было поворотил коня, как старожилы убедили ехать смело, говоря, что это ничего. Генерал не пошевельнул даже головой и, как человек отличного воспитания, сохранил удивительное спокойствие. Зато челядь, его сопровождавшая по два на одном коне, зашумела приветствиями – хау, улус, хау!

|| **12 [сентября].**

Фу Чан-лун, знакомый наш купец, пригласил в свой хуардан*[117]. 12 числа мы получили извещение, что он, Фу Чан-лун, жаждет нас видеть. По здешнему обыкновению, мы тотчас устроили цепь и отправились в город, имея урядника впереди в качестве вершника. Ехали мы в хуардан по той же самой дороге, как в первый раз, и без особенных приключений, кроме встречи с одним стариком, который [был], очевидно, не в своем уме. Лохань лет 50 с почтенной белой бородой, увидев нас, поднял пальцы и, считая по ним монгольский счет никен ... [один] и табын 5 (нас было 5), начал показывать рукою такие штуки, что мы пришли [в] удивление и стали спрашивать что ему нужно.

Старик [был], должно быть, большой любитель разнообразия и новизны. Ему очень нравятся русские белые лица, почему он и предлагал нам вступить с ним в некоторого рода отношения, за что обещал щедро наградить. Мы, конечно, узнав дело, расхохотались и поехали своей дорогой, оставив старику полную волю считать прохожих.

На этот раз мы были очень счастливы – хорошенькие дети бегали по улицам и простодушно изъявляли свои мнения насчет нас. Мы имели редкое счастье нравиться этим наивным существам. «Русские мальчики едут», – говорила одна; другая, держа в руках крошечную сестру, спрашивала меня: «Русский лоя, есть у тебя такой брат?». Вообще и простой народ обращал на меня более внимания, благодаря чудному блеску эполет; они от удивления щелкали языком и громко ободряли меня словом «хау-лоя!». .Чтобы не уронить приобретенного в Срединном царстве мнения, я принял марсовский вид, подбоченился в виде ферта и представлял из себя такого, выражаясь по-персидски, руфияна, что, машаллах! Сам Гуань-лоя, китайский рыцарь, был бы в сравнении с нами ничто. В таком порядке [мы] въехали в ворота хуардана.

*[116] Буддийский храм.

*[117] Жилой дом.

Чжан Гуда, хозяин, одетый по-праздничному, встретил нас у дверей и ввел в свою комнату. После разных взаимных приветствий, удостоверившись надлежащим образом о состоянии наших желудков, мы уселись на нарах, где уже стоял низкий стол, уставленный плодами и китайскими орехами лучи и жужубом.

Ободранный малый начал набивать трубки и, закурив на огне, поднес каждому с поклоном. Согласно китайскому церемониалу, мы всунули друг другу трубки и начали курить. Между тем помянутый малый снял с очага медный кувшин с чаем и налил нам в чашки. К чаю же принесли арбуз. Пока мы пили чай и кушали плоды, Чжан Гуда вступил в таинственное совещание с секретарем. Мы с любопытством ожидали результатов этих переговоров: дело объяснилось скоро. Чжан Гу-де хочется нас угостить как следует; ему хочется, чтобы сердца наши были бы веселы, словом, ему хочется, как делается у образованных людей (у китайцев), чтобы присутствовала при нашей трапезе одна из «разрушительниц городов». Это необходимо было для того, как уверял он, чтобы у нас было более аппетита и более расположения к приятным разговорам. Принимая в уважение первое – обычай страны, второе – желание хозяина, третье – желание самих нас познакомиться с срединными камелиями, мы решили, что Чжан Гу-да должен исполнять все, что ему хочется и что требует обычай Срединного цветка. || Хозяин наш был очень рад, видя такую неожиданную им беспредрассудность. Он сказал несколько слов, как оборванцы забегали взад-вперед и исчезли в дверях. Прошло несколько минут, как послышался звонкий хохот и приятный голос, несомненно долженствовавший принадлежать прекрасному полу. По мере того, как хохот и голос стали приближаться, Чжан Гу-да стал все значительнее подмигивать и улыбаться.

Наконец, шепнув нам таинственно: «Идет», – бросился за дверь и явился уже в сопровождении китайской «разрушительницы сердец». Чжан Гу-да, хотя казался ужасным медведем, но в обращении с нюйжень показал себя истинным «ши-ю» – франтом. Он говорил с ней не иначе как с улыбкой, глаза у него в это время как-то странно щурились, и голос делался слишком певучим. Сердцепохитительница приветствовала нас поклоном, присев на одно колено, и подошедши к нарам, стала вопросительно озираться, делая, по-видимому из вежливости, мину, что она конфузится. Чжан Гу-да, согнувшись в дугу, подскочил к ней и, указывая на нашу средину, сказал тихо: «Цоха идень». Чаого (яблочко) – имя нашей дамы – взобралась на нары, изгибаясь станом и ковыляя крошечными ножками. Достигнув назначенного места, Гона] уселась очень широко, поджав ноги, среди нас и начала отправлять с удивительным искусством свою должность. Сказав каждому из нас «хауле!» и какую-то любезность, которую мы не поняли, она разлила из чайника в крошечные чашки вино и поднесла прямо к нашему рту. Мы с ней разделили вино. После нескольких глотков вина оказалась наша собеседница дамой очень любезной и веселого нрава. С совершенным отсутствием несносной застенчивости она стала осматривать все статьи нашего костюма, заглядывая из любознательности во все тонкости его. Так как мы были совершенные немцы в китайском языке, то и объяснения наши ограничились разными выразительными жестами, что доставило нашей даме немало удовольствия. Она чрезвычайно мило забавлялась нашим невежеством, шныряла во все наши прорехи и хохотала. Ночной красавице, по-видимому, было лет 20, несмотря

на молодость лет, физиономия ее была очень бледна или, как говорят, поношена. Она имела довольно приятное лицо и, по китайскому вкусу, была очень хороша. Густые черные волосы были убраны назад и там ниспадали до пят роскошной и массивной косой. На голове были искусственные цветы, над которыми порхали бабочки и разные уродливые чучки*[118]. Губы ее были намазаны густо помадой и краснели, как коралл. Узенькими глазками она управляла мастерски, то поднимая их к небу, то опуская на концы своих копыт, которые, надо сказать, всегда были на виду. Единственный порок ее состоял в том, что она очень часто прибегала к платку и как-то особенно возилась с носом.

Это обстоятельство заставило меня быть осторожным при оказании ей внимания – пить вино из одной чашки. На ней сверху надета была вышитая куртка без рукавов и воротника || и застегивалась на середине груди. На пуговицах этой куртки висели мешочки, какой-то талисман и еще какие-то металлические привески, вроде зубочисток, иголок и пр. Под курткой выставлялся длинный и широкий кафтан с широкими, но короткими рукавами. Полы и рукава были убраны лентой и пестрой тесьмой. Под кафтаном была шелковая рубашка, совершенно похожая покроем на верхний халат. Надо сказать, что вообще она одета была очень недурно и опрятно, да и станом напоминала, как говорят китайцы, рисовый колос.

Особенно у ней были хороши ручки, удивительно миниатюрные и стройные. Она сама, по-видимому, хорошо понимала это и занималась ими. Ногти были у ней непомерной длины и тщательно выкрашены в розовый цвет, на мизинце и еще на одном пальце левой руки были золоченые длинные ногти. На двух пальцах были золотые кольца, на руках – браслеты, на правой еще была наверчена коралловая нить. Уши были украшены сердоликовыми серьгами, формой вроде русского калача.

К довершению всего костюма и привесок надо сказать о мушках, симметрично налепленных на правый и левый виски. Это делается для уменьшения головной боли.

Сколько нам ни случалось видеть здесь женщин, но ручки и ноги от природы у них очень малы и красивы. Выпив несколько чашек вина, красавица вытянула из рукавов маленькую дамскую трубку и начала пускать из трех отверстий рта и носа с артистическим искусством разные фигуры дыма и сделалась еще более развязною. Она уверяла нас, что мы все красавцы, и я опять имел счастье через протеже моих узких глаз и черных волос сделаться предметом особенного попечения китаянки. Она, подсев ко мне плотно, начала говорить, судя по умильному выражению лица и по действию рук, которыми она гладила мою голову, нежности.

Чувствуя неловкость своего безгласного положения, я решился «сорвать безмолвия печать» и начал двигать руками, то прижимая пальцы, то выставляя перпендикулярно один из них. Все слова татарские, употребляемые китайцами, и китайские щедро посыпались из моих [уст]. Я начал уверять ее, как делают сами китайцы, подняв один большой палец, что она х а у! Что все женщины, кроме нее, – дрянь. Эту мысль я выразил по возможности кратко, выставив мизинец, сказал: «Все женщины» и плюнул. Все слова, которые знал, начиная с чжангоянзы – этого сорта до лохань – старик, лота – верблюд, тооу – голова, были произнесены мной с подобающими жестами. Комплимент стоил мне ужасного труда, и когда я кончил монолог энергиче-

*[118] Так в рукописи.

ским «джандурля!», которое имеет тысячи значений (оно значит и высшую степень хорошего [и] nes plus ultra*[119] гадости, значит и гнусное проклятие и радушное благословение), [то] вдруг [я] почувствовал одышку и в изнеможении упал на подушку. Китаянка, разинув рот, держа проклятый платок у носа, смотрела на хозяина, || прося объяснения.

Наш синолог, генеральный] к[онсул] Ив. З[ахаров], начал свои более понятные комплименты и окончательно ее успокоил, дав серебряную плиту в 4 ф. серебром. С выражением живейшей благодарности она начала припадать на одно колено, благодаря каждого из нас порознь, но, представьте наше удивление, китаянка через несколько времени, после совещания с одним китайцем, наглость и выщипанная коса которого бесили нас прежде, положила назад деньги с замечанием, что порядочные люди должны быть более вежливы. Сказав эту умную речь, она надула свои кровяного цвета губы и уселась одиноко в углу. По всем вероятиям, она была убеждена, что сердца наши уже давно привязаны к ее уродливым подковам и что такие варвары, как русские, увидев истинную красоту Китая, должны дать все свои деньги за такую высокую честь. Мы убедили ее взять эти деньги, ибо [она] может лишиться и их, и спокойно начали между собой разговор. Так [мы] кончили знакомство с китайскими «разрушительницами городов». Мы намекнули ей насчет весенних мыслей, упоминая слово фанза. Она сначала обрадовалась приглашению, но, подумав несколько, объявила с прискорбием, что это невозможно. Если узнает полиция, говорила она, то... Она не докончила свою речь, но, несмотря на это, конец был ясен: бамбук – вещь удивительная.

13 [сентября].

Вся фактория предпринимала поездку на Или, где [находятся] пастбища наших табунов. Отлично провели день на открытом воздухе под прохладной тенью дерев.

В последние дни здесь были сильные ветры и холода – мы думали, что уже наступает осень. Здесь летом жара бывает сильная, зима бывает умеренная. Снег выпадает большей частью в конце ноября, только в прошедшем году был в октябре. Зимой высшая точка холода 15°, но это бывает очень редко.

15 [сентября].

Все пишут о европейской организации китайских учреждений, говорят, что в Китае есть прокуроры, что суд китайский есть вещь удивительная и достойная вероятия. Мне кажется, мнение г. Сенковского[56] [о том], что китайцы, может быть, только в книгах своих, которые никто в народе не читает, имеют организацию, но в существе суть тоже азиатцы, как турки, персияне. Сколько мы замечали – все в Китае относительно государственного управления напоминает Азию. Здешний цзян-цзюнь – это совершенный трехбунчужный паша. Он пьет, ест на счет народа. Мясники доставляют каждый день мясо, портные шьют платье, каменщики поправляют дом. Поборы и злоупотребления превосходят границы. Что же касается до взяточничества, то китайцы не уступают в этом и самому персидскому шаху. Я имел случай удостовериться осязательно в китайском правосудии. С водопоя вырвалась моя лошадь и с маньчжурским табуном вошла [в] город. На другой день узнаем, что лошадь продана какому-то да-жену – барину. Китайцы ответили на требование, что они не знают со-

*[119] До крайних пределов, степени *(лат.)*.

вершенно. Пересказчики китайцы не решаются сказать, боясь преследования [тех], у кого она; чиновники же, хотя и знают, но свой своему поневоле брат. Ворон ворону глаз не выклюет. Хотя я предъявлял бадрак-кузу*[120] нашему михмадару*[121], что с гостями порядочные люди так не поступают и представил ему неотразимые аргументы: первое – маньчжурскую поговорку: «Хотя в железные портки навоняй – рано ли, поздно [ли] выйдет запах», применяя это к тому, что она может после найтись; второе, – калмыцкую поговорку: «Один верблюд нагадит, тысяча верблюдов могут на этом месте поскользнуться», выражая этим, что она может повести за собой неприятность! Но увы!*[122]

|| В Китае развращение нравов достигло с незапамятных [времен], как и другие обычаи образованных людей, высшего развития. «Разрушительницы городов» считаются тысячами. Около Пекина в одном городке, где бывает в году один раз ярмарка, собирается до 700 штук этого товара. По Хуанхэ, на берегу, через каждые десять верст можно видеть шалаш, где обитает нежное существо для доставления всевозможного комфорта [в] дороге. Неприкосновенность женщин, законы стыдливости в Китае, хотя и обеспечены законом, но тем не менее они находят возможность открыто предаваться разврату. [В] 15 лет китайские [девушки] уже бывают жертвой сладострастия какого-нибудь старого грешника. Содомский грех, свойственный всем азиатским нравам, в Китае превосходит границы. Конечно, Бухара, Коканд в этом отношении суть средоточия деморализации. Там каждый вельможа ханский содержит полный гарем б я д ч е й*[123], и всякий несколько зажиточный человек ищет себе в услужение мальчика. Имея сколько-нибудь приятное лицо, нет возможности ходить по улицам без того, чтобы не подвергнуться оскорблению. Таджики уверяют, что в хорошенькой девке 10 чертей, а в бядче 12 шайтанов. В Китае есть заведения для доставления [удовольствия] любителям этого сверхъестественного удовольствия. Начало и происхождение этого в Китае приписывают, как и всегда Хуан-ди, баснословному государю, которому, впрочем, приписывают положительно все, что ни есть в Китае.

15 [сентября]. Китайцы никак не могут говорить на иностранных языках. Буквы «н» и «р» непостижимы для китайца. Подчиняя все слова мягкозвучию, они переиначивают их совершенно в другой звук. На Кяхте, как известно, есть свой отдельный торговый язык, составленный из русских, китайских и монгольских слов. Здесь, [в Кульдже], есть подобный язык, составленный из татарских и китайских слов. Кроме того, несколько татарских слов вошло и в местное китайское наречие: например, слово б и к а р – напрасно, б и б у д а – ничего. Чрезвычайно любопытен для ориенталиста этот смешанный язык. Он состоит из небольшого числа глаголов, которым придают сотни значений, и из нескольких имен существительных. Глаголы эти не спрягаются, составляются из [окончания] «н», к ним приставляется слово б а р – есть; так, если китаец хочет сказать «пойду», «иду», «иди», он выразит одинаково словом «килэнбар» كلنك ابر. В каком смысле употреблено, вы должны догадываться.

*[120] *Бадрак көз (каз.)* – эпитет пугливого зайца.

*[121] *Михмадар (перс.)* – гостеприимный хозяин.

*[122] Здесь текст обрывается (л. 26 об). Кульджинский дневник продолжается с полуфразы на л. 68 того же архивного дела.

*[123] *Бядча* (бача) – мальчик, забавляющий феодальных особ Средней Азии.

Из употребляемых ими многозначащих глаголов замечателен и общеупотребителен ч и д а м а й д ы چیدامایده от глагола چیداق ما – терпеть; چیدامایده значит: не годится, нехорошо и проч. Ташлан-бар от تاشلاماق [ташламак] – бросать, в значении: дрянь, не согласен, нехорошо и пр. Эти слова они употребляют беспрестанно. Из слов замечательно д ж а н д у р л е – جاندورله высшая степень похвалы и пес plus ultra худого, оно значит иногда русское «идет»; ч о н – большой, ч о н - к ч и – господин. И ш м р у т - к ч и – бедняк, т у л о تولا – все, а б д а н – ابدان – о т л и ч н о и х а л а с – خالاص – чистый, вместо... х а т у н – жена и к у л а к а й ч и – вор. Из китайских в большом употреблении я н з а в соединении с татарским шу, оно приставляется к каждой фразе || и выражает: подобный, так, таким образом; просто же янзы соответствует русскому – «ский». Х и т а н - я н з ы – китайский, к а г а н - я н з ы – киргизский; кату – вор в употреблении. Здесь вместо харчевни – чи-фандзе, говорят а ш ф у з у л, или а ш б у з у л. Слово это составлено из татарского аш и китайского б у д з о.

29 [сентября]. С 15 числа здесь начались признаки осени: холода и юго-западные ветры. По ночам бывали столь сильные бури, что от свиста их мы пробуждались от сна, как бы от грома.

С 18 осень почти утвердилась: дни стали холодные, даже при солнце нельзя было ходить без теплой одежды. Тысячи огней, которые прежде возжигались на полях жнецами, тысячи огней, столь частые, как массивные плошки, уже не потешают нас своими яркими и желтыми звездообразными кострами на темном фоне гор. Китайцы оделись от шеи до ног в овчины, только голова у них всегда открыта. На каждом из них красуется короткая куртка и штаны – все из овчины. Время для яблок, персиков прошло, зато поспели виноград и груши, которые, надо сказать, отменного вкуса. К[алиновский], который производит постоянно термометрические наблюдения, говорит, что здесь прежде бывали и в октябре хорошие дни. Снег обыкновенно падает здесь в конце ноября; снег бывает небольшой и тает всегда в феврале. Река Или замерзает только в половине декабря, и в феврале уже начинаются полыньи, и в марте [лед] совершенно тает. Зима 1853 года памятна в этом крае обилием снега, так что караван, отправившись из Кульджи в декабре месяце через Алтын-Эмель и Югенташ, в конце месяца пришел в Копал, ровно через 30 дней. То же самое было и в Семиреченском и Заилийском краях. Наши тогда были впервые за Или и зимовали при Иссыке, у подножия Кунгей-Алатавских гор. Почта с речки Или шла до Иссыка 15 дней, между тем как в обыкновенные годы расстояние это переезжают в двое суток. Киргизы говорят, что такой зимы они не помнят и уверяют, что русские возят с собой холод. Степные звездочеты замечают, что в долине Джеке (где стоит Копал), славной своей теплотой, климат заметно охладел*[124] с прибытием русских. Впрочем, при такой глубине снега, холода были небольшие, кроме страшных буранов.

Горы вокруг Кульджи уже давно покрыты по самые подошвы снегом и рельефно белеются на темном и зеленом поле окружных садов. Все новоприезжие в Кульджу вынесли какую-то болезнь лихорадочного свойства и с разлитием желчи. Я сам мучаюсь ею вот [уже] 8 дней. || В этот период времени мы не сделали никаких замечательных экскурсий, кроме двух поездок на Или и на Малый Сарыбулак. Охота наша была неудачна, хотя уток и фазанов было нарочито много. В последней реке, покрытой густо камышом, много выдры, и я сам видел их несколько. Выдра кричит, высунувши голову из воды, точно поросенок.

*[124] Точнее: *похолодал.*

Во время последней поездки удалось мне ночевать в юрте пастухов калмыков. Юрты их подобны киргизским, только верх составляется из прямых жердей, у киргиз же он делается выгнутым, почему имеет сфероидальный вид. В юрте был очаг, на нем котел, и в котле варился неизбежный калмак-чай, смешанный с солью и молоком. Калмыки сидели около и курили трубочки, все они были в китайских халатах и в войлочных китайских шляпах. Только калмычки сохраняли в костюме свою народность. Их было две, одна – старуха, имела на голове черный аракчин, испещренный кусками красного, синего и желтого сукна. Девка же с ужасно скуластым лицом была одета более щеголевато; на голове своей она имела старый китайский форменный колпак, убранный корольками и бусами. Белая и грязная рубашка с огромным выкладным воротником была упрятана в синий*[125]... халат, похожий на китайский, только с разрезом прямо против груди, пола от поясницы уже отделялась в виде отдельного куска и затягивалась у бедра. Волосы были убраны в две косы, и на ушах были серьги. Она курила табак и вместе с тем жевала какую-то жвачку.

Вчера приехали в Кульджу кзаевцы и расположились станом около чарбака – частокола. Чарбаком, или частоколом, называется притон торговцев азиатцев из разных владений Мавраннагра. Это вбитый [в землю] частокол, ограждающий каждую юрту, в которых живут торговцы отдельно, и потом всю ставку в сложности. Кибитки эти так часты и в таком множестве. Это грязный лабиринт и Экбатана*[126]. Здесь же кроются все те господа, которые торгуют золотом, служат шпионами китайцам и воруют лошадей как китайских, так и киргизских.

Кзаевцы гнали баранов и привезли кошмы для обмена у китайцев. Султан их предложил в виде дани известное число баранов, которые и были взяты китайцами по выбору. Бедные подданные Срединной империи жаловались, что китайцы на всех пикетах брали у них по барану.

8 октября. Получили давно ожидаемый лист от Дайцынского государства, написанный на 11-аршинном листе и украшенный 23 печатями. Утешения для нас оказалось очень мало. Как странны и противоположны обычаи Китая и Европы, также и странен способ переписки. Один путешественник справедливо заметил эту противоположность.

|| **10 октября.** Под горой [по]явились новые коши*[127] киргиз адбановских, приехавших для размена скота на домашние требы. Отдав известное количество казне ([от] 10 – две головы), меняют их [остальной скот] на разные сподручные им кашгарские бумажные материи. Около этого времени приехали наши караваны с новыми товарами и со скотом, и разъехались некоторые троицкие купцы с вымененным чаем.

По ведомости, поднесенной ими в консульство, видны цены на чай в нынешнем году [по] Мухамеджану Яушеву:

1. Байховый чай – ящик по 59 рублей, [всего] 28 ящиков на 1652 руб.; еще такого же [чая] по той же цене 52 ящика – 3068 руб.

2. Атбаш-чай (цян-лян) 45 пудов по 11 р. 50 к. – 517 р. 50 к. (В штуке этого чаю – 2 пуда 10 фунтов).

---

*[125] Одно слово не разобрано.

*[126] *Экбатана* – столица древней Мидии, огороженная семью внутренними стенами.

*[127] Походная юрта.

3. Кирпичного чаю – 271 шт. по 45 к. – 121 р. 95 к.

4. Фу-чай по 3 р. 2 шт. – 6 р. Ханчи – 1 шт. 15 [р.], полуканфе – 1 шт. 15 р., креп. – 8 р., лянза – 2 руб., фанзы – 4 р.

[Другие товары]: лисиц по 1 р. 50 к. [за штуку, всего] 43 штуки на 64 р. 50 к., [шкура] рыси – 5 р., волка – 1 р. 50 к., куницы – 1 р. 50 к., корсака – 30 к., кошки – 20 к.; мерлушек по 10 к., [всего] 86 штук.

Чашек китайских, вееров, табакерок и проч.

Тинзоль – лекарство – 6 кусочков – 2 р. 40 к.

Пластыря 1 к. – 60 к.

Румянок 100 листов – 50 к.

Итого на сумму 5702 р. 73 к.

Даб – 1080 к[онцов] по 40 к. [на] 432 р. Обратно вывезенных русских товаров – 218 р. 45 к., [в том числе] люстрину, тику, ситцу, платков, китайки, миткалю.

Надо сказать, что наем верблюдов в нынешний год был довольно дорог. Для сего акалакчи – киргизские подрядчики, приезжают из Аягузского округа. При нас приехал один из таких господ уваковского рода Байбулов с 23 верблюдами. Надобно заметить к чести аягузских киргиз, что промышленность*[128] у них развита – они ищут выгоды. Этот акалакчи привез с собой для продажи дешевые товары, доступные его капиталу, товары простые, необходимые в домашнем быту калмыков и бедных китайцев.

По ведомости значилось: 90 штук армячины по 60 к. на 54 р. 40 к.; котлов 10 пуд. по 3 рубля – 30 р.; сталь 10 пуд. по 5 р. – 50 р.; кож юфтовых 7 шт. по 3 р. – 21 р.; железо в деле и шинного 14 пуд. 30 ф. по 3 руб.; топоров 4 шт. по 1 р.; чайников медных – 3 шт., всего 5 р.; баранов 90 шт. по 1 руб.; войлоков 9 шт. по 1 р. 50 к.; армяков 7 шт. но 1 р.; мешков 80 шт. по 1 р. Всего на 192 р. 45 к серебром. Приехал он 7 октября, а 8, нанявшись с верблюдами, он уехал [обратно], сбыв все [свои товары].

8 октября приехал караван с новыми товарами. Товары, привезенные одним купцом: нанки 1310 шт. по 12 к. за аршин, сукна 16 штук по 1 р. 90 к. за арш., сахару 30 пудов по 12 р., || машуры*[129], канители 1000 шт. на 250 р., юфты 19 бунтов по 30 р., сундуков и сундучков по 2 р., подносов 3200 шт. по 20 к., столешниц [малых] 302 шт. по 40 к., столешниц больших 50 шт. по 2 р., ичигов с башмаками 17 пар по 3 р., марджану*[130] $2^1/_2$ ф. на 37 р. 50 к., лисьих мехов 2 шт. на 40 р., казанов 12 пудов по 2 р. 15 к. и ситцу 4 шт. по 15 к. Всего на сумму 10 283 р. $46^1/_2$ к.

У другого купца: нанки 1085 шт. по 12 к., ситцу 233 шт. по 10 к., коленкору 560 шт. по 1 р. 30 к., плису 53 шт. по 25 к., плису цветного 18 шт. но 55 к., материи шелковой 14 штук по 20 аршин, нанки тисненой 14 шт. по 15 к., тику 6 шт. по 15 к. аршин, выдры 20 шт. по 15 р., даб русских 8 шт. по 12 к., кумачу 154 куска по 50 к., китайки 127 тюней*[131] по 5 руб., марджану $5^1/_2$ фунтов по 26 р., сахару 10 пудов по 20 р., мех лисий 1 шт. 60 р., миткалю 10 шт. по 10 к. аршин, платков 11 штук по 25 к., ичигов 10 шт. по 1 р. 50 к., юфты 19 бунтов по 25 р., медных тазов 7 пудов по 15 р., олова 2 пуда по 20 р., подносов 500 шт. по 25 р., казанов, таганов, заступов и капканов

*[128] Имеется в виду *торговля.*

*[129] Машуру *(араб.)* дорогая полушелковая ткань.

*[130] Коралл, бисер из него.

*[131] Туюн *(тюрк.)* – связка.

190 пудов по 3 р., сундуков 15 шт. по 4 р., два сундука в 5 р. (всего 10 р.), сундучков 20 шт. по 1 р. 50 к., шкатулок 16 по 1 р., погребцов 5 шт. по 3 р., гармоний 45 шт. по 30 к. Итого на сумму 11 813 р. $44^1/_2$ к. серебром. Цены здесь показаны с провозом по объявлению самих купцов.

12 октября.

Сегодня мне удалось случаем купить образчики нефрита: из Яркенда – горного, называемого туземцами лоуча или биш-бозкаш; нефрита из Хотан-Дарьи (суташ), золотую руду из хотанских гор (кумташ), добываемую жителями селения Керия, и образчик самородной серы из окрестностей Яркенда из горы Тадера, на юго-восток от Яркенда, в днях езды по дороге в Тибет, и смолу и камень из джигды (Яркенд), называемые тогураковым клеем. Нефрит родится только в Восточном Туркестане – и то не везде – и уважается в Китае. Около Яркенда [имеется] солнообразный нефрит, он находится в реке Юрункаше, и добывание [его] запрещено. Весь лов идет в казну, и при работе наблюдает китайский чиновник. В 230 ли от Яркенда есть гора Мирджай, которая вся состоит из разноцветного нефрита, ее обламывают [при помощи огня], предварительно положив дрова. Большие куски отламывать не умеют. В Хотане добывают только солнообразный нефрит из самой Хотан-Дарьи. Сера и нашатырь добываются в Куче. Селитра тоже добывается в ней. Нашатырь ломают в пещерах, где он висит сосульками. Горная сера возится с Аксу и Уча*[132] в казну, по положению 1786 г. сто гинов в зачет 20 $^3/_{10}$ мешков пшеницы (Уложение Палаты финансов). Ежегодно, [кроме] нефрита, из Яркенда вьюком отправляют ко двору до 10000 гинов*[133] яшмы. Яркендский и хотанский нефрит добывается из рек Юрункаш и Каракаш и идет в неопределенном количестве к[о] двору. Частная продажа запрещена и строго осматривается.

Автор «Си-Юй»[57] при всем своем игнорировании слов схватил характер туркестанцев очень метко. Туркестанцы от природы недоверчивы и не всему, что говоришь им, доверяют; да и в их речах много лукавства, почему не слишком им верить должно. Начальники их особенно подвержены сему пороку. Если учтиво обходиться с ними, то они презирают и думают, что их боятся. || Если строго поступать, то внутренне беспокоятся и страдают. Если, поступая по законам, иногда употреблять перед ними важность, временами оказывать небольшие милости, то можно поселить в них страх, сопряженный с почтением. Они знают только соблюдать личные выгоды, но не знают бедности своих подчиненных: обижают низших, угнетают слабых. Таковы вообще подлые нравы туркестанцев. Равные между собой не могут уживаться; при встретившихся делах перечат друг другу и [что] неудовольствия их превращаются во вражду, иногда непримиримую*[134].

Их понятия о природе человеческой почеркнуты большей частью из учения буддистов, но они заимствовали только одну скорлупу сего учения. Впрочем, хотя их учение и не противно здравому разуму, но ахуны уже давно впали в невежество и просвещенных людей между ними трудно найти. Большая часть их, подобно гнилым членам (буддистам) в Китае, суть вредные обольстители, которые только выманива-

*[132] Т. е. *Уч-Турфана.*

*[133] Китайская весовая единица, около 660 г.

*[134][См.: *Иакинф* (Н.Я. Бичурин)]. Описание Джунгарии и Восточного Туркестана..., стр. 235.Ссылка на источник, использованный Ч. Валихановым.

ют имения у глупых людей. Это достойно крайнего сожаления*[135], много дервишей и лам в почете.

Туркестанцы любят веселиться, пьют вино, [более] всего преданы сладострастию. Женщины ходят, не закрываясь. Много танцовщиц и без них нет увеселения.

Аксуйцы известны за самых добросердечных людей в Восточном Туркестане, но имеют общую всем туркестанцам страсть к тяжбам. Яркендцы от природы робки, преданы китайцам; любят зрелищные увеселения и пиршества. Женщины хорошо поют, пляшут и знают разные фиглярства. Занимательно смотреть, как они вертятся кубарем, ходят по медной проволоке и проч. Жители сладострастны и роскошны. Беки наживаются населением и высасывают все. Хотанцы красивы, добросердечны, нет ни лености, ни притворства. Прилежат земледелию и ткацкому ремеслу. Кашгарцы самый развратный и лживый народ. Распутны: танцовщиц и певиц содержат много.

В истории династии Тан и древнее мы видим, что жители имели те же обычаи и нравы. От Луковых гор на восток [все] преданы сладострастью*[136].

О Кашгаре: жители коварны и лукавы; о Хотане: жители любят песни и пляску, прилежат к ткацкому ремеслу*[137]. В этой же истории мы находим легенду о разведении шелка в Хотане*[138]. Владетель посватал одну княжну и просил ее привести отца шелков. Девушка спрятала в шляпу червей, ее не осмотрели.

|| Танцовщицы Западного края славились и тогда и были представляемы китайскому двору в виде дани.

Ойхоры[58] были едва ли не самые самопроизвольные варвары относительно Китая в последнее время. Пользуясь смутами [периода] династии Тан, поддерживаемый мятежниками, Ань Лушан [в] 757 [г.] объявил себя императором. (Он был начальником корпуса в Инчжеу и имел [в своем распоряжении] офицеров и всех варваров). Второй государь ойхорский Мояньчжо помогал императору в эту войну. Он разбил в Шофани тунлосцев[59] и, при свидании с китайским главнокомандующим в Шофани Цзы-и, заставил его поклониться волчьему знамени. Между тем последний ойхорский шеху*[139] с 4000 конницы пришел для помощи. При свидании с китайским наследником он считался братом. В 757 [г.] он разбил мятежников во Фыншуй. Ойхоры грабили в это время и союзников. Государственное казнохранилище совершенно опустело. Князь (наследник) Чу остановить] не мог, так что жители принесли 10 тысяч кусков шелковых материй.

В 758 г. ойхорский посланник[60] вступил в спор о старшинстве с Гэчжы, главой чернокафтанных[61] дашисцев. Они представлены в одно время через разные входы. По этому посольству император выдал за хана малолетнюю дочь Н и н-г о. Император напутствовал ей до Сянь-ян. Хан принял князя Юй (родственника императора) в юрте в колпаке и красном кафтане. Хан отправил подарки и 3000 конницы для действия против мятежников, но они [в] 759 г. были разбиты. Хан умер. Ойхоры хотели

*[135] *Там же*, стр. 229.

*[136] *Там же*, стр. 218.

*[137] *Там же*, стр. 226.

*[138] *Там же*.

*[139] *Шеху* (шэху, неху) – китайская передача тюркского титула (жабгу, жабагу), титул ханского наместника.

царевну проводить за ним[62]. Царица сказала, что [такого] обычая в Китае нет и не сопутствовала хану, но подрезав лицо, плакала.

Третий Мэуюй-хан Идигянь. Ойхоры, пользуясь якобы его помощью, грабили Китай. Сам хан со 100 т. войска пришел, чтобы «стянуть горло неприятеля». Князь Юнван (наследник – начальник [военных] корпусов империи), когда имел свидание, то получил выговор от хана, что не сделал мимики[63]. Цзыма выгнали, двум сановникам, находившимся при князе, велел дать по сто палок так, что они в тот же день умерли. Ойхоры взяли восточную столицу и после усмирения мятежа продолжали грабить и неистовствовать, убили до 10 т. человек, так что жители прикрывали наготу писчей бумагой. От хана до цзяй-сяна все получили подарки.

|| В числе родов киргизских, находящихся в пределах Китая, кереи суть самые углубленные; они кочуют около Хобды, близ города Манаса, и управляются вместе с торгоутами на одних и тех же правах. Участвуют в совете дойтов*[140].

Гости до 14 [октября] выменяли все свои товары на чай. Чаю получили до 95 ящиков по 50 р. каждый. Кашгарцы ныне требуют много ситцу, нанки и проч.

|| Между Кульджой (Малыми песками) и песками находятся военные поселения китайцев, и два (Тарджи...) поселения дунган. Четыре поселения принадлежат дахурцам и солонам. Сибо занимают на левом берегу Или четыре города, и за песками четыре города принадлежат наполовину сибо и солонам. Таранчи [живут] по склону южных гор. [Они занимают] два Сарыбулака, три Аксу, Хоргос Большой и Малый, Чижа, Тышкан, Бурхан-су (у китайцев Саумал)*[141], Яркенд.

Усек разделяется на два [рукава], один приток соединяется с Яркенсу, другой – с Тургенем. От Усека начинается степь камышистая без деревьев; [там растут] эбелек, камыш и ярица; на Борохуджире, около [ее] берега, растут боярка, облепиха.

|| От гор Яманташ и Даван-кары и от реки Бугурчек к р. Иле, на пространстве дельты, лежит рыхлая глинистая степь, изрытая промоинами от весенних дождей. [Там] грунт так мягок, что весной и летом при дождях растворяется до степени топи или грязи. Вся эта степь покрыта ближе к горам саксаулом и джингилем, потом начинают показываться разные солончаковые кусты – караборак, сарыборак, балыккуз и проч. Далее видны уже наружные следы солонцоватых соров. При береге лежат песчаные холмы в виде гряд, но утвердившийся разными растениями грунт между песками черноземно-солонцеватый, на нем растут: джигда, туранги, чий и джингиль. Эти места составляют зимовье албанов[64]. Скот [здесь] питается солонцовыми, а иногда и саксаулом.

Комментарии

Автограф хранится в ААН, ф. 23, оп. I, д. 4, лл. 1–26, 68–73. Он является записью путевых впечатлений, начиная с 1-го августа по 15-е октября 1856 г. Значительное место в дневнике отведено вопросам торговых отношений России с Китаем, которые выделены Ч. Валихановым в особый подзаголовок, структурно не связанный с дневником («О ходе

*[140] *Дойт* – княжеский титул у казахов-киреев и калмыков.

*[141] Одно слово не разобрано.

торговли в Кульдже», лл. 28–38). Впервые опубликован в Избранных произведениях Ч. Валиханова (Алма-Ата, 1958), а в сокращенном виде – в журнале «Дружба народов» (М., 1958, №12, с. 160–183).

Печатается по ССВ, т. 2, Алма-Ата, 1962.

[1] *Татаринов А.А.* – доктор медицины, путешественник, знаток китайского языка и китайской медицины, первый русский консул в Чугучаке; долго жил в Пекине.

[2] *Батор* (Батур) – джунгарский хунтайджи (1635–1654), регламентатор обычного права монголов. Ему приписывается авторство известного кодекса «Степные уложения». В сороковых годах XVII в. возглавил поход калмыцких нойонов, вторгшихся в казахские земли и временно захвативших восточную часть Семиречья.

[3] *«Звонко бегущие ключи»* – Здесь Ч. Валиханов цитирует известные строки из «Демона» М.Ю. Лермонтова. Должно быть *«Звонко бегущие ручьи»*.

[4] *Солоны (монг.* – стрелки) – маньчжурская народность, живущая по р. Нонни в Маньчжурии. В конце XVIII и начале XIX вв. часть солонов была переселена китайскими властями в Кульджинский край в качестве военных сил.

[5] *...большого человека (так называли они нашего полковника)...* – очевидно, речь идет о военном губернаторе Семипалатинской области, полковнике Спиридонове, принимавшем участие в подготовке поездки Ч. Валиханова в Кульджу.

[6] *Имеретинцы* (имеретины, имери) – грузинское племя, живущее в Кутаисской области, в верховьях р. Рион.

[7] *Иссык-Кульская экспедиция* – была организована летом 1856 г. под руководством подполковника М.М. Хоментовского, общего друга Ф.М. Достоевского и Ч.Ч. Валиханова.

[8] *Сибо* (*кит.* – сибоцзу) – маньчжурская народность, переселенная из Северо-Восточного Китая в Западный край в качестве пограничных войск.

[9] *Мансуров Мухаммед Шериф* – самозванец, выступавший как пророк в середине XIX в. Живя в Северном Казахстане, он проповедовал идеи мюридизма. Был арестован и сослан на каторгу.

[10] *Мевлеви* – турецкий дервишский орден, упраздненный в 1925 г.

[11] *Таранчи* – тюркизированное население Восточного Туркестана, которое было переселено в Илийской край в середине XVIII в. китайским правительством. Название таранчи получили по хозяйственному признаку (в значении земледельцы). Обычно именовались по месту жительства: *каш-карлык, аксулук* и т. д. Китайцы их обычно называли «хуэйцзу» или «чантоу», а кочевники – *сартами.* В 1921 г. в Ташкенте на съезде представителей было принято наименование *уйгуров,* которое было распространено на все оседлое тюркское и тюркизированное население Восточного Туркестана, проживавшее в горах и земледельческих оазисах. Название *таранчи* в дореволюционный период относилось лишь к той части уйгуров, которая проживала в Илийском крае, а затем мигрировала в Семиречье. Таранчи представляли собой на этой территории относительно замкнутую и автономную этническую общность, которая отличала себя от остальной части уйгурского народа. (См.: *И.В. Захарова.* Уйгуры.– В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана, т. II. М., 1963, с. 488–526; *П.Г. Галузо.* Уйгурское и дунганское крестьянство в дореволюционном Семиречье. – ТИИАЭ АН КазССР, 1961, т. 11; *М. Кабиров.* Переселение илийских уйгур в Семиречье. Алма-Ата, 1951; *И. В. Захарова.* Материальная культура уйгуров Советского Союза. – В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник, вып. 2, М., 1959 и др.

[12] *Династия Цинь* (221–206 гг, до н. э.) – первая династия рабовладельческого Китая.

[13] Под инициалом *П.,* по-видимому, подразумевается полковник М.Д. Перемышльский, служивший в это время приставом Алатавского округа киргизов Большой орды.

[14] *Чахары* – крупное монгольское племя, расселенное в Чахарском аймаке Внутренней Монголии. В XVIII в. часть их была переселена маньчжурским правительством в Восточный Туркестан в качестве пограничного войска и пахарей. Их потомки в небольшом количестве живут в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

[15] *Торгоуты* – одно из крупных калмыцких племен, принявших участив в создании феодального государства ойратов в Джунгарии. В XVII в. значительная часть торгоутов переселилась в низовья Волги, где образовала отдельное ханство. Современные волжские калмыки являются потомками тех торгоутов.

[16] *Надо отдать справедливость консулу...* – российским консулом в Кульдже в 1856 г. был Иван Ильич Захаров, впоследствии профессор Петербургского университета.

[17] *Каменский Павел Иванович,* в монашестве Петр (1765–1845) – китаевед, в 1820–1830 гг. возглавлял русскую духовную миссию в Пекине.

[88] *Иакинф* – Бичурин Никита Яковлевич (1777–1853) – русский ученый, китаевед, автор многочисленных трудов о Китае, Монголии и народах Средней Азии. (См. наст. том, коммент. 61 в ст. «Записки о киргизах»).

По исследованию А.Н. Бернштама, Иакинф (Вичурин) был в ссылке в Волоколамском монастыре не 15 лет, а четыре года. *(Р.Е. Скачков.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977).

[19] *Шиллинг Павел Львович* (1786–1837) – русский ученый, востоковед. Долгое время работал в Восточном департаменте Министерства иностранных дел. Известен своей приверженностью к начинаниям ученых-востоковедов.

[20] *Васильев Василий Павлович* (1818–1900) – русский ученый, востоковед (синолог), профессор Петербургского университета. В молодости 10 лет пробыл с духовной миссией в Пекине.

[21] *Калиновский И.Г.* – секретарь русского консульства в Кульдже.

[22] *...без ведения в принципах десять тысяч церемоний,* т. е. без пожелания здравицы китайскому императору.

[23] *Петр Петрович* – речь идет о П.П. Семенове-Тян-Шанском.

[24] *...мой учитель татарского языка...* – очевидно, имеется в виду Сейфуллин Ташмамет – учитель тюркских языков в Омском (Сибирском) кадетском корпусе.

[25] *Провинция Семи городов* – города Турфанского и Хамийского округов.

[26] *Олеты* – монголы, принадлежащие по языку к их западной группе. Вместе с поколениями монголов: хошоут, дурбэт, торгоут составили ойратское объединение. Сейчас живут в предгорьях Монгольского Алтая и к западу от него, в Монгольской Народной Республике, в провинции Китая – Синьцзяне.

[27] *Дауры* (дахуры) – народ монгольского происхождения. Их считают потомками древних киданей. До середины XVII в. дауры жили на Амуре и по р. Зее. В 1654 г. они были переселены китайскими властями на территорию современного Дунбэя, где живут поныне. Часть дауров живет во Внутренней Монголии. В XVIII в. небольшая часть дауров переведена в западные районы Китая в качестве пограничных войск. Их потомки теперь живут в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики.

[28] Этот прием тренировки лошадей, особенно бегунцов, применялся не только в Китае, но и в Казахстане и Средней Азии.

[29] *Цинь Ши-хуан-ди* – первый император (221–206 гг. до н. э.) рабовладельческого Китая. Ему приписывается постройка Великой Китайской стены.

[30] *Ган-Му* (Тун-Цянь – Ган-Му) – китайская летопись, в которой описаны события, происшедшие в Китае и Средней Азии в период династии младших Хань, Вэй и Сун. Ее автор Чжу-Си известен также под именем Чжу-Цзы (философ Чжу).

[31] *Согдиана* – страна, расположенная в южной части Средней Азии. Центр ее находился в долине Зеравшана. Сведения о том, что Восточный Туркестан принадлежал Согдиане, не совсем точны: там была только согдийская колония.

[32] *Бишбалык (Бейчин, Бейджин)* – древний город, расположенный около Караходжи в Восточном Туркестане.

[33] *Жужань* (Жуань-жуань) – союз кочевых племен, образовавшийся в IV в. на территории Центральной Азии. Позднее жужанцы вытеснила часть усуней из Семиречья в горы Памира, Тянь-Шаня и на запад, вели войны с уйгурами и древними насельниками Казахстана. В середине VI в. под ударами тюркских племен союз жужанцев распался. Этническим дериватом жужанцев считаются авары. (См.: История Монгольской Народной Республики. Изд. 3-е. М., 1983, с. 108).

[34] *Юечжи* – восточная ветвь саков, обитавшая в Восточном Туркестане до китайской провинции Ганьсу. (См. подробнее: наст. том, коммент. 27 в статье «Записки о киргизах»).

[35] *Кара-Хитай* (Кара-Китай) – раннефеодальное государство, находившееся на территории от Монголии до Аральского моря.

[36] *Кидань* – монгольское племя, составившее основное ядро Каракитайского государства (XI–XII вв.).

[37] *Алтын-хан* (золотой царь) – титул владетелей тумэтов и хотогойтов, племен, обитавших в Северо-Западной Монголии в XVI–XVII вв.

[38] *Геты* – по Валиханову, – племя, входившее в массагетскую конфедерацию племен.

[39] *Массагеты* – племена, родственные древним сакам и обитавшие в районе Приаралья в V–IV вв. до н. э.

[40] *Ногаи* – тюркское племя, жившее на территории Западного и Северо-Западного Казахстана и имевшее значительное влияние после распада Золотой орды.

[41] *Сананг-сэцэн* – автор монгольской летописи эпохи Чингисхана.

[42] Мнение Ч. Валиханова о том, что не варвары, а христианство разрушило этот железный колосс древнего мира, говорит о его знакомстве с идеями Гиббона, который также основной причиной гибели Рима считал христианство. Гиббон писал: «Я думал и до сих пор думаю, что распространение евангелия (христианства) и торжества церкви неразрывно связаны с падением Римской империи». («История упадка и разрушения Римской Империи», ч. I, с. XVIII). Работа Гиббона (ч. I) в русском переводе вышла в 1883 г., т. е. спустя почти 20 лет после смерти Ч. Валиханова. Он мог быть знаком с идеями Гиббона на английском или французском языках,

[43] *Марко Поло* (1254–1323) – знаменитый итальянский путешественник, долгое время проведший в Монголии и Китае. В 1271–95 гг. путешествовал по южным областям Средней Азии, посетил Памир, Восточный Туркестан, а оттуда направился вглубь Азии. Длительная служба при дворе хана Хубилая дала возможность Марко Поло побывать в самых отдаленных уголках Монгольской империи, ознакомиться с жизнью различных народов, описать их быт и нравы.

[44] *Хутухта* – в ламаизме (секта тибето-монгольского буддизма), одна из высших ступеней церковной иерархии. Чаще – настоятели крупных монастырей.

[46] *Кубилган* (буквально: перевоплощение, перерождение) – основное учение монголо-тибетского буддизма.

Далай-лама – верховное духовное лицо ламаистов, а также глава светской власти в Тибете.

[47] *Панчжэн-эрден* – один из высших духовных глав ламаистов, заместитель далай-ламы по светским делам.

[48] *Консульский секретарь* – речь идет о И.Г. Калиновском.

[49] *Б.* – под инициалом Б., очевидно, подразумевается И. Безверхов – переводчик областного правления Сибирских киргизов, одновременно служивший консульским секретарем в Кульдже.

[50] С. – под инициалом С., очевидно, подразумевается Спиридонов, военный губернатор Семипалатинской области.

[51] *...злейший враг всех людских пят.* – Намек на распространенный в те времена вид наказания – бить бамбуковыми палками по голым пяткам.

[52] *Династия Хо И-шунь* – самая ранняя, легендарная династия Китая.

[53] Речь идет о Язиде – убийце внуков Мухаммеда Хасана и Хусейна в пустыне Кербала, находящейся в Ираке и расположенной на правом берегу среднего течения р. Евфрат.

[54] *Ваххабиты* – мусульманская секта, политическое учение, возникшее в Недже в XVIII в. В настоящее время их учение является официальной идеологией Саудовской Аравии.

[55] *Метампсихоз* (гр.) – религиозно-мистическое учение о переходе души из одного организма по смерти его в другой, является одной из форм учения о «загробном возмездии».

[56] *Сенковский Осип* (Юлиан) *Иванович* (1800–1858) – русский востоковед и писатель.

[57] Речь идет о Чунь-Юане – маньчжурском чиновнике, прослужившем долгое время в Восточном Туркестане. Его книга «Си-юй-вэнь-цзянь-лу» («Описание Западного края») издана на китайском языке в 1777 г. Ч. Валиханов пользовался переводами Н.Я. Бичурина («Описание Джунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии». СПб., 1829), и Г.Ю. Клапрота («Magasin Asiatique ou revue geographique et histoire de l'Asie Centrale et Septetrionale» publ. par M. I. Klaproth. Paris, 1826, t. II, pp. 187–208).

[58] *Ойхоры* (уйгуры) – см.: наст. собр. соч., т. I, с. 389.

[59] *Тунлосцы* – древнее племя в Монголии.

[60] *Ойхорский посланник* – посланник ойхорского (уйгурского) хана в Китае – (Доянь, Даянь, Таян) Эбо (Абе).

[61] *Чернокафтанные дешисцы* – так называли китайцы арабов, завоевавших Среднюю Азию (VIII–X вв.).

[62] *...ойхоры хотели царевну проводить за ним...* – следуя древнему обычаю, ойхоры хотели похоронить вместе с мужем и живую царицу, но она отказалась.

[63] *Сделать мимику* – воздать честь высокопоставленному лицу.

[64] *Албаны* – одно из основных племен Старшего жуза.

О ТОРГОВЛЕ В КУЛЬДЖЕ И ЧУГУЧАКЕ

|| Торговля наша с Западным Китаем через Кульджу и Чугучак открыта была семипалатинскими ташкенцами, [торговцами] мелочами, под именем доверенных от киргизских султанов. Первоначально привозили товары скрытно, на двух и трех лошадях. Началась она около 60 лет [назад]. При всей ограниченности провоза и в начале даже скрытого, по богатству тогда китайцев, все эти торговцы нажили здесь состояния. Конечно, китайское правительство видело это, но смотрело на это сначала сквозь пальцы, а потом даже поощряло или имело свои выгоды, брало все в казну. В Китае, надо сказать, материй прочных и дешевых для простого народа мало. Все рабочие люди, солдаты и купцы носят только русские и кашгарские материи: нанку*[1], китайку и разные бумажные, темные товары и туркестанскую грубую дабу. Нечего говорить, что русские товары были здесь редкостью и по сравнительной с их товарами дешевизне и прочности сделались доступными каждому. Сукно, часы, разные мелочи по редкости своей покупались охотно богатыми манджурскими чиновниками. Китайское начальство видело в этом большую выгоду и при привозе нужное количество товаров брало в казну, отпуская на них самой лучшей хотанской дабы, называемой ш а н - м а т а. Торговля с казной им*[2] обходилась всегда выгодно, ибо [от] торгового пристава, который производил этот торг, они успевали защитить[ся], главное, принося в дар несколько кусков сукна, нанки, ситцу, и дело улаживалось. При этом конец маты считался за 4 мыскала серебра; так за кусок нанки приходилось 10 концов дабы, которую тотчас же сбывали китайским купцам, которые брали ее охотно, ибо, кроме казны, ее ниоткуда не получали. Шанскую мату*[3] они тотчас променяли китайским купцам на серебро в ямбах, отдавая за ямбу 120 кусков. При покупке же тогда нанка стоила 6 рублей серебром кусок с провозом, следовательно, барышу они имели 48 руб. После этого уже торга объявлялась им открытая торговля.

В первые времена Китай был совершенной Калифорнией для искателей приключений, таковы были первые открыватели этой торговли, торговые ташкенцы, жившие в России. [Ее] основатели: Ауп, Бедель и тарский татарин Раджеббакы. Вся торговля находилась в руках нескольких, из русских только семипалатинский купец Санников около...*[4] года имел здесь торговлю. В начале, говорят, когда торговали еще отцы теперешних торговцев, были случаи, что скрытая от казны нанка продавалась за ямбу 8 кусков и 8 кож лучших брали за ямбу. Торговля эта началась людьми, имевшими тоже в компании 100 баранов, с вьюком от 10 до 20 лошадей, и привоз всего каравана

*[1] Хлопчатобумажная ткань из толстой пряжи, выработанная впервые в Китае, поэтому называлась также китайкой.

*[2] Т. е. *иностранным купцам.*

*[3] Т. е. *шан-мата.*

*[4] Так в рукописи.

этого равнялся многому более 10 тысяч. Впоследствии очень естественно, что слух о золотом колодце и быстром обогащении привлек сюда много людей и цены начали, естественно, уменьшаться; в казне кусок нанки = 8 концам дабы, но при всем том на ямбу отдавали от 19 до 20 и 2 бунта*[5] кожи за ямбу. Богатый народ, чиновники покупали разные мелочи – часы, ножи и прочее брали за невероятные цены, часы стоили от ямбы до 30 ланов. Шарманка, а в последние периоды перед открытием консульства продавали шарманку за 30 сäров серебра (42 р. сереб[ром]).

В те времена китайцы были очень доверчивы и давали всякому в долг, но увы! Их обманывали так сильно; ямба чистая, натуральная тогда равнялась сто сäрам ярмаков. Один казанский татарин в начале 30-х годов приехал в Кульджу с несколькими часами и в продолжение года нажил себе настолько капиталу, что в следующий год мог снарядить маленький караван с цветными стеклами и повел обороты так, что теперь первой гильдии купец.

Вывозили наши торговцы в степь кирпичный чай, получая на ямбу 420–430 кирпичей, а продавали в Семипалатинске по 30 копеек серебром. Байховый чай стали вывозить только за 10 лет перед сим, но в ничтожном количестве, на брата по 3 р. 4 ящика, перед открытием консульства вывозили до 30. Вывоз ямб запрещался, и торговцы наши производили [его] скрытно.

В самом начале, когда стали привозить, чай стоил [от] 15 до 16 сäров серебра и увеличился до 17 и 21. При начале нашего консульства еще существовали эти цены.

* * *

|| Торговля с Западным Китаем началась у нас с давних времен. Купцы троицкие и семипалатинские и торгующие азиатцы выменивали здесь на нанку чай и продавали на Нижегородской ярмарке. С основанием консульства положено было более прочное основание [торговле]. Не могут без жалости вспомнить торговцы те времена, когда они на 8 штук нанки брали ямбу и за 16 или 17 ланов серебра хороший байховый чай-кумма, что теперь стоит 25 и 26 ланов серебром и за фунт от 60 до 80 копеек серебром. Это было около 1835 и 1840 [г.].

Конечно, современный упадок торговли надо приписать ничему другому, как бедности Китая через разные междоусобные беспокойствия. Хотя в то время и полагалась с торговцев пошлина: с 10 штук одного товара одна штука и из пяти баранов – одного; но большею частью торговцы отделывались и от этого, являясь с печатью одного из султанов киргизских, которые имеют право, представивши подарки из 2 и 3-х голов лошадей, делать свободный размен. Вообще хитрые акалакчи (здесь так называют караван-башей, караванная голова) подносили подарки торговому приставу при майтузе[1] и тем освобождались от пошлины. В то былое время китайцы были более доверчивы и, главное, более денежны. Троицкие купцы торговлю с Китаем производят на своих верблюдах.

Перевозка. Тракт караванный из Троицка идет*[6] через земли сибирских киргиз до речки Аягуза, до могилы Козы-Корпеш, здесь он разделяется на два: на чугучак-

*[5] *Бунт,* т. е. связка, кипа.

*[6] См.: *П. Небольсин.* [Очерки торговли России с Средней Азией. – ЗИРГО, 1855, X] стр. 141–142.

ский и кульджинский. Чугучакский идет на Урджар, а кульджинский на Копал – Коксу и через проход Санташ*[7] в Кульджу.

Существовал в Кульджу другой путь через Урджар, по китайским пикетам на Талкы и в Кульджу. Этим путем уже давно не ездят, да на основании трактата[2], кульджинскому каравану указывается [новая] дорога. Единственное препятствие встречали торговцы от барантовщиков, и то в оное время, когда мятежный султан Кенесары[3] бесчинствовал в степи. Так как дорога следует большею частью через кочевья преданных нам родов, то несчастные случаи встречаются редко.

В Большой орде, тогда еще не принадлежавшей нашему подданству, султаны представляли себе право получать подарки, но и то в виде добровольного подношения, чем вынуждения. Они большею частью помогали нашим купцам, услуживая им гостеприимством и посылкою своих людей для их препровождения.

Перевозку товаров и теперь еще предпринимают троицкие купцы на своих верблюдах; но так как содержание верблюдов сопряжено здесь с большими хлопотами от изнурительного горного пути (они во множестве пропадают, так в зиму настоящую купец Шарафи [потерял] до 60 и один – до 50), то и предпочитают они наем киргизских верблюдов. Со времени основания Копальского укрепления (1848) и Аягузского приказа (1824) некоторые из них, отправляющиеся из Аягузского и Внутреннего округов[4] – уваки и найманы[5], нанимают «кречей»*[8], подрядив верблюдов и лошадей от Семипалатинска до Аягуза, где привезенный товар заменяется отходящему товару до Семипалатинска.

От Семипалатинска купцы отправлялись по зимнему пути на санях к Ирбитской или Нижегородской ярмарке. Подрядчиками бывают здесь ташкенцы, киргизы кызаевского и байджигитовского родов[6] (подведомственные Китаю) и калмыки.

|| Из Семипалатинска путь лежал тогда на Урджар, из Урджара по северной стороне Алакуля в Ланкол, оттуда через проход Карадаван (Судаван) на первый китайский пикет[7]. На пикете производили счет скоту, причем караульному офицеру, по заведенному порядку, давали несколько баранов, и тот давал им билет, где указывалось число скота (уменьшенное), по которому уже в Кульдже и Чугучаке брали пошлину в числе с десяти – одну голову скота (с товаров не брали); второй пикет на Боротале, откуда на третий китайский пикет на проходе Канджига; четвертый – Сайрам на Сайрам-Куле, пятый – Талкы по сю сторону прохода Талкы, шестой – Сарыбулак (Ордаходза).

При Сайраме на южном склоне прохода соединяется большая урумчинская дорога и из Чугучака в Кульджу. На Талке есть постоялый двор. По приезде в Кульджу [наши торговцы] останавливались на берегу Сарыбулака. Вначале им не дозволялось выходить в город, после же ходили по карте. Подчинялись они тогда торговому приставу – колдаю. По приходе они в качестве посланцев киргизских султанов представлялись цзян-цзюню, проходя через несколько мест, и тот спрашивал их о здоровье султана, которого они вовсе не знали, о его кочевьях и прочее.

---

*[7] Вероятно, описка, следует: *Уйгенташ.*

*[8] Погонщики верблюдов, взятых в наем.

За подарки им давали 1 манлык*[9], 1 штуку шелковой ткани, 4 конца шан-маты, 100 цзиней*[10] сорочинского пшена, 10 цзиней хлопчатой бумаги, 1 кирпич чая, 1 барана (для акалакчи*[11]), кувшин вина в цабете*[12] и китайскую чашку, и разные лекарства против глазной боли, для уничтожения опухоли тиндзи*[13] пуд пластыря и проч. Независимо от этого акалакчи просил от имени султана ради того, что он выдает замуж дочь, подали записку, в которой просили манлыку и прочее, что [было] нужно.

Дорога эта была безопасна. Проходили караваны через кочевья богатых родов и всю дорогу производили выгодный промен, с Бороталы вступали в кочевья чахаров, которые были не менее гостеприимны. Только в последние годы, когда байджигитовцы и кызаевцы стали барантовать с нашими найманами, караваны должны были прибегнуть к конвою казаков. Все ездили на своих верблюдах, если и брали кре*[14], то оно решительно [ничего] не стоило в сие богатое верблюдами время. 15 концов маты было достаточно, чтобы взять на провоз верблюда от Семипалатинска до Кульджи.

|| Здесь вьюк верблюдов не бывает выше 12 пудов. Это заведенная норма. Кречи ни за что не дозволит ставить больше. Они на опыте знают, что верблюд с этим вьюком может без устали сделать 8 часов. А верблюжий ход в один [час] равняется 5 верстам, между тем как в ташкентские караваны из Петропавловска кладут от 15 до 17 пудов. Надо сказать, что в такую дальнюю дорогу, как поездка в Ташкент, редко бывает, [что] сопутствует сам хозяин верблюдов, да и в Средней орде случаи выставления на весь караван верблюдов – редкость. Кречи нанимают верблюдов от разных лиц с известной ему выгодой. Так как расчеты там всегда не на верблюдах, как здесь, а на пуд, то и естественно, что крек[ешский] старшина, который заботится только об одном – доставить верблюда хозяину живым, дозволяет класть тяжести сколько может поднять животное. Оттого и верблюд более году не ходит.

|| Перевозочные средства и цены. Перевозочные цены здесь чрезвычайно шатки. Когда бывает много верблюдов при майтузе, то за верблюда до Семипалатинска берут от 15 до 20 рублей серебром, а иногда же до Копала приходится платить от 8 до 10 рублей. Вот почему здесь предпочитают своих верблюдов подряду. Обыкновенно вьюк для верблюда полагается два ящика чаю (12 пудов) и дабы, и другого бумажного товару – [всего] 16 пудов. Киргизские возчики «кречи» нанимаются в Семипалатинске из родов Аягузского и Внутреннего округов и нанимаются с караваном до Кульджи. Здесь всегда уже бывают товары, готовые к отправке в Россию, и они нанимаются опять до Семипалатинска. Акалакчи – старшина вожаков есть вместе с тем и сам торговец, он привозит с собою арканы, армячины, мешки, кошмы, товар нужный и который расходится скоро. Если нет караванов для скорой отправки, то хозяин не в убытке: он поправляет свой скот и производит свою мену. В Семипалатинске наем верблюдов стоит недорого, но между тем, как в Кульдже, где нет совсем верблюдов, тот же акалакчи берет за отвозку от 10 до 15 рублей более. Впрочем, здесь может быть перевозка, кроме верблюдов, и на телегах. Между Капалом

*[9] *Манлык* – полушелковая китайская ткань.

*[10] Один цзинь равен $1^1/_4$ фунта. *(Примечание Ч. Валиханова).*

*[11] *Акалакчи* – старшина торгового каравана.

*[12] *Цабет* – род упаковки.

*[13] *Тиндзи* – заболевание век глаз, ячмень.

*[14] Наем верблюдов для привоза товаров.

и Семипалатинском, даже и до Троицка, есть отличная дорога, по которой возили прежде провиант для Капальского отряда. Опытов в этом роде пока не может быть, но со временем, когда верблюды выведутся, уменьшение их уже становится слишком заметным, это будет единственное средство. Киргизы Кокчетавского округа, где теперь, можно сказать, вовсе нет верблюдов, ежегодно совершают торговую операцию мукой: закупают ее в Петропавловске и привозят к осени в южные степные роды – тобыктинский, таминский, кочующие по северному берегу Балхаша и Голодной степи, и продают с известного рода выгодой. Партии этих торговцев, известные под названием «кырчи» – степняки, успевают на одних же лошадях, на киргизских двухколесных арбах привезти и увезти, делая слишком 2000 верст. Следовательно, возможность подобного рода перевозки очевидна. В последние годы в Чугучак стали возить на телегах. Цена за пуд от 2 до $2^1/_2$ рублей ассигнациями. Большая же часть [купцов] имеет своих верблюдов и [также] троицкие купцы, верблюды их зимуют в Аягузе около Джузагача.

Весною со свежими товарами, [в том числе] и с ирбитскими, перевозят товары в Семипалатинск. Здесь, смотря по дешевизне, на верблюдах или телегах приезжают в Аягуз, откуда отправляются уже в Чугучак или Кульджу. Если верблюды хороши и успеют продать скоро, то отправляют [купленные здесь] товары на них же прямо на Троицк и Петропавловск. Все это зависит от времени. Стараются приехать и к зиме, когда бывают ярмарки. Семипалатинцы рассчитывают на Ирбит или на Тюмень, а троицкие [купцы] на все соседние ярмарки: Щадринскую, Бугульминскую и пр. Впрочем, при дешевизне «кре» даже имеющие своих верблюдов приезжают на кре, производя свои...*[15], легкими в том предположении, что [нанимать] верблюдов [в степи] стоит 5 рублей, а для прокормления своих исхудалых от пути верблюдов нужно в зиму истратить столько же.

|| Мелкие торговцы киргизы приезжают к осени с верблюдами для наемки и вместе с тем привозят арканы, мешки, армячину, алачу*[16] и халаты домашней работы из армяка, подбитые шерстью. Арканам установленная цена 11 к., алачи – от 30 до 50 к., капы [мешки] – 12–15 к., халаты же продают за 1 рубль и 10–30 к.

Предметы нашего привоза в Китай. Нанки, плис, полуситец, ситец, китайка, гарусные материи, люстрин*[17], ситец-ластик, мишуры, продаваемые в большом количестве (до 3500), сундуки (95 шт.), столешницы (2695 м), подносы, зеркала кабинетные, медь в деле, чугун в деле, железо в деле, сукна, драдедам*[18], юфты, коленкор, платки бумажные (миткаль), ножи складные, гармонии, лампадки медные для опиума, сафьян, выдры, лапы лисьи, белки, серебро в деле, канифас*[19], рога сайгачьи – 4418, кожи, русская бумажная (ткань), кисея, стекло хрустальное, часы, сахар, марджан, галуны, халаты, погребцы, железо, паласы, квасцы, нашатырь, перец, бумажное трико, шелковые материи, парчи, купорос, стекло цветное, котик, ленты, бисер.

---

*[15] Одно слово не разобрано.

*[16] *Алача* – палас, тип казахского безворсового ковра.

*[17] *Люстрин* – ситец ярких цветов *(устар.)*.

*[18] *Драдедам* – полусукно *(устар.)*.

*[19] *Канифас* – полосатая бумажная ткань *(устар.)*.

Вывоз. Чай: байховый, кирпичный, фу, атбаш*[20] и калмыцкий, даб, корца, ленз, колпаков китайских, миндалю кашгарского, покрывала из хлопчатой бумаги, бели бухарской, выбойки*[21], зендели – бухарская шерсть.

Дань – мешок (портяной), в нем 10 дэу (мерка); в дэу – 10 шень (гарнец), шен – 10 гэ (пригоршня), гэ – 10 чжо (горсть). В мешке содержится 4 пуда, $14^1/_2$ фунтов муки.

Цин – мера земли, содержит 100 му. Му равно 1200 [кв.] футов, английских – 1265 ф.; 2448 русских [кв.] сажень.

Вес количественный гин*[22] равен 16 ланам, лан (лян) равен 10 цянь, цянь равен 10 фэням, фэнь равен 10 ли [равных 0,001 лана].

Медная монета (ярмаки) связка в...*[23] равна лану и называется (сäр).

* * *

|| Курс на ямбу в 1855 году:

В январе от 150 до 155 т[енга].

В феврале от 155 до 160 т.

В марте от 153 до 158.

В апреле от 158 до 165 т. и до 170 т.

В мае от 154 до 165.

В июне от 165 до 170 т.

В июле от 170 до 175 т.

В августе от 175 до 180 т.

В сентябре от 174 до 180 т.

В октябре от 180 до 185.

В ноябре от 185 до 195 т. и до 200, а в конце опять до 195.

В декабре от 195 до 200 и даже до 203 т. до 20 числа, а в конце месяца упал на 180 и ниже на 140 т.

|| 1. Медь в Кульдже продаваться может.

2. Потребность количества ее для жителей и для вывоза в другие области Китая на первый раз определить невозможно; но судя по тому, что медь привозится в Аксу и Кашгар из Ташкента и Бухарии, можно полагать, что здесь должен быть большой сбыт. Отсюда медь может быть отправляема в китайские города: Аксу, Кашгар, Комул, Хотан и Коне-Турфан.

3. Медь нужно чтобы доставлялась в досках: длиною 5 четвертей, шириною 3 четверти, толщиною в получетверть вершка.

4. Преимущественно требуется здесь медь красная.

5. Примерная цена от 3½ до 4 мыскалов [золотников] за цзинь (1 ф. $^1/_4$ золотника) || в оптовой распродаже; в мелочной же может продаваться и дороже.

6. Китайская медь в мелочной продаже по 6 и $5^1/_2$ мыскалов; в оптовой же по 5 мыскалов ярмаками за чжин*[24].

*[20] Сорта китайского кирпичного чая.

*[21] Подкладочная ткань.

*[22] Точнее: цзинь.

*[23] Одно слово не разобрано.

*[24] Чжин – китайская мера.

7. Железо здесь продавать невыгодно и потребности в нем быть не может, потому что у китайцев его очень довольно и продается по 2 и $2^{1}/_{2}$ фыня*[25] за чжин. Разве только проволока может иметь выгодный сбыт, потому что китайцы вовсе не знакомы с искусством выделки этого необходимого в житейском быту товара. Продаваться [железо] может от 30 до 40 копеек за китайский фунт.

Комментарии

Печатается по тексту ССВ, т. 2, 1962. Автограф хранится в ААН (ф. 23, оп. I, д. 4, лл. 28–34 об., 36–36 об., 37, 39 об.).

Автограф представляет собой результат работы Ч. Валиханова над изучением вопроса о торговле России с Западным Китаем.

[1] *...торговому приставу при майтузе* (майтинцзы – *кит.*) – китайская таможня.

[2] *...на основании трактата* – имеется в виду Кульджинский трактат – торговый договор между Россией и Китаем, подписанный 25 июля 1851 г. в Кульдже. Он позволил России вскоре открыть в городах Кульдже и Чугучаке торговые фактории и учредить консульства. По договору для подданных обоих государств вводилась беспошлинная торговля менового характера. Целью договора была поддержка взаимной дружбы двух держав и забота о мире. Кульджинский трактат содействовал дальнейшему развитию политических и экономических связей России с Китаем.

[3] *...мятежный султан Кенесары.* – Кенесары Касымов – султан Среднего жуза, в течение 10 лет (1837–1847) – возглавлял феодально-монархическое движение, направленное на реставрацию ханской власти и создание казахского ханства по типу среднеазиатских феодальных государств. В 1846 г. в стычке с киргизами он был взят в плен и убит.

[4] *Внутренний округ.* По «Уставу о сибирских киргизах» 1822 г. вся территория, занимаемая казахами Среднего жуза, делилась на внешние и внутренние округа, подчиненные Омскому областному правлению. К внутренним округам относились Омский, Петропавловский, Семипалатинский и Усть-Каменогорский округа. В 1838 г. Омская область была упразднена. Города Омск, Петропавловск, Усть-Каменогорск и Семипалатинск вошли в состав Тобольской и Томской губерний, а управление казахами Внутренних округов передавалось в Пограничное управление сибирскими киргизами. См.: Материалы по истории политического строя Казахстана, т. I. Алма-Ата, 1960.

[5] *Уваки* (уаки) – одно из крупных племен Среднего жуза. См.: *Н.Э. Масанов.* К этнической истории уаков. – В кн.: Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана. Алма-Ата, 1980, с. 129–135; *Найманы* – см.: ССВ, т. 1, 1961, с. 638.

[6] *Кызаевский род* – из племени найман – в середине XIX в. кочевал по долинам рек Эмиля и Карагача, а зимой располагался по восточным притокам оз. Алакуль и в ур. Ргайты. Большая часть его кочевала на территории Китая, имела там летние и зимние кочевки; байджигитовский род относится к племени найман, ветви кара-кирей Среднего жуза. В середине XIX в. байджигитовцы кочевали на территории между р. Кара-Иртыш на северо-востоке и оз. Алакуль – на юге. С 1847 г. байджигитовцы начали переходить в подданство России. В 1855 г. из 4-х родовых делений была образована Тогасовская волость. Другая часть, постоянно кочевавшая от р. Тамырсык на восток в пределах Китая, считалась его подданной и платила ясак.

*[25] Фынь – китайская мера веса.

[7] ...первый китайский пикет находился по пути от Урджара в Чугучак – Коктума (Вэй-тан-узь), в 15 верстах от г. Чугучака.

[8] *Чугучакский курган* – небольшой двор, обнесенный глиняной стеной и открытый сверху. В нем размещались торговцы России и весь караванный скот.

[9] *Чугучакское замешательство...* на основании Кульджинского трактата 1851 г. в Чугучаке была учреждена русская торговая фактория. В августе 1855 г. она была сожжена. Все имущество фактории, товары торговцев частью погибли, а частью были разграблены. Русский консул в Чугучаке уехал сначала в Урджарский пост, а потом в Семипалатинск. Виновниками сожжения фактории местная власть считала китайских золотопромышленников, которые были недовольны запретом заниматься им намывкой золота на территории, где кочевали казахи – российские подданные.

По Указу Сената от 8/XII–1854 г., на чай, привозимый иностранными купцами на Сибирскую и Оренбургскую линии, устанавливалась пошлина, вдвое больше прежней, определенной по кяхтинскому тарифу 1817 г.

О ЗАПАДНОМ КРАЕ КИТАЙСКОЙ ИМПЕРИИ

|| Под именем Западного края разумеются «собственно» Китайский Туркестан и часть прежней Джунгарии. Снежный хребет*1 отделяет Джунгарию от Туркестана, почему северная [сторона Тянь-Шаня] называется Северною [линией], а [южная] Южною линией. Снежные горы – Сюе-Шань, Тянь-Шань – Небесные, суть одно и то же. [Теперь] собственно Джунгария разделяется на семь округов: Баркуль, Урумчи, Или, Хур-хараусу, Тарбагатай, Кобдо и Улясутай. Из этого числа Кобдо и Улясутай имеют своего цзян-цзюна и подчинены общему управлению Монголии. Урумчи и Баркуль причислились к губернии Гань-су.

[Восточный] Туркестан состоит из двух княжеств и пяти военных округов, а потому иногда двояко нарицательное имя страны, называемой «Жети Шаар» – Семь городов. Главноуправляющий Западным краем и корпусный командир войск, здесь расположенных, цзян-цзюнь и непременный его советник хебе-анбань имеют местопребывание в городе Или. В Тарбагатае находится один из его советников – хебе-анбань, в Восточном Туркестане тоже. Цзянь-цзюнь есть генерал-губернатор этого края, он же имеет заведывание над олотами, торгоутами и туркестанскими городами, поколениями заграничных ханов. По окончательном покорении Джунгарии в 1764 г. (в 29 лето правления Цянь-Луна) был основан на реке Иле, близ Старой Кульджи, местопребывания – урги – джунгарских ханов, новый город и назван Хой-юаньчен. Он более известен у нас под тюркским именем Малой или Новой Кульджы, для отличия от мусульманского города Кульджи, лежащего вверх по Иле в 35 верстах*2. Кульджа, или Или, есть средоточение властей всего Западного края и важная инспекция в военном отношении.

Здесь существует важное правительственное место: Главное Илийское управление, имеющее в своем ведомстве весь Западный край; в Илийском округе расположены манджурские*3 и китайские войска, составляющие гарнизон города; и для отправления линейной службы, содержания пограничных постов поселены в виде военного поселения в его округе сибосцы и солоны с дахурцами*4. Отряды чахоров[1] и олотов исполняют годичную пограничную службу вместе с сибо и солонами. Илийский округ обширен. На севере он граничит с Тарбагатаем, на юге – [с] Новой линией, на востоке – [с] Урумчи. Северо-западная граница с иностранцами ограждена линией военных постов, караулов, которые, начиная от Нор-Зайсана, по подошве Алатавского хребта идут до Чунджи, что около гор Темирлик, и соединяются с Новой линией. Военные поселения расположены так: по южному берегу Или стоят

*1 Имеется в виду восточный Тянь-Шань.

*2 В местности Алматуяр.

*3 Манджуры переселены из Си-ань-фу и Лян-чжеу-фу. (*Примечание Ч. Валиханова*).

*4 Первоначально сибосцев переселено было из Манджурии до 1000 чел., а солонов – около 600 и 400 дахурцев из провинции Сахалян-ула. *(Примечание Ч. Валиханова).*

восемь селений, принадлежащих восьми знаменам сибоского войска. Солоны занимают пространство к северу от Или до гор, равнину по реке Хоргос. Солоны также разделяются на восемь знамен. Каждое знамя имеет начальника, называемого зенги, которые подчиняются одному анбаню[2]. Бригадный же генерал управляет как сибо, так и солонами и живет в Кульдже в качестве одного из военных советников цзянцзюна. Кроме того, во всем округе населены китайцы из преступников из южных губерний и солдаты. Первые занимаются обработкой руд каменного угля и занимаются на свинцовых заводах. Кроме того, для занятия хлебопашеством поселены были здесь при самом покорении Джунгарии до 6000 семейств туркестанцев. Обязанность этих пахарей-таранчей состоит в том, что каждый сам должен доставлять в казну для войска известное количество зерна, риса, проса, пшеницы и кунака. Они должны получать от казны плуг, борону и вола для работы, но по || рассказам их, помощь казны ограничивалась двухгодовалым теленком, которого они получают через 10 лет. По Сайрамкулю и Боротале кочуют калмыки-чахоры под начальством своего анбаня.

I. Округ-Баркуль. Крайний округ Джунгарии. В нем стоит сильный гарнизон до 5000 [чел.] из манджуров и китайцев под начальством двух генералов.

II. Урумчи или Урумцы (по-китайски Ди-хуачжеу*[5]). Он основан китайцами при покорении Джунгарии. Впоследствии в 8 ли*[6] от него построен другой город, называемый Гун-чу; Урумчи более населен китайцами. После покорения Джунгарии в этот тупой*[7] и хлебородный [край] было переселено несколько тысяч крестьян и преступников из внутренних губерний. Главные их поселения находятся при урочищах Манас[3] и Чжонкэ[4]. Урумчи есть первый по торговле город в Западном крае. Из него развозятся товары в Кульджу, Чугучак и Китайский Туркестан через Комул. В нем много капиталистов*[8], которые закупают гуртом и отпускают товары. Наши товары сдаются в Урумчи и чай получают к нам из Урумчи; чугучакские и кульджинские купцы служат только посредниками. В нем состоит также большой гарнизон из манджуров и китайцев. Эти два округа управляются [на] общегубернских основаниях.

III. Или. Город Или лежит [под] 103° долготы и 44° сев. ш.*[9]

IV. Тарбагатай. Город Тарбагатай был основан в 1755 г. Прежде город этот стоял на реке Урджаре, но впоследствии он был перенесен на урочище Чигу. В Тарбагатае или Чугучаке управляет округом хебе-анбань, главноуправляющий. В округе есть военное поселение китайцев. Гарнизоны посылаются из Или до 1000 маньчжуров. К востоку от Чугучака поселены калмыки-торгоуты из поколения Цебан-Дорджи[5]. Чугучак – один из первых торговых городов Западного Китая и превосходит в этом отношении Кульджу*[10].

В 15 ли от Кульджи на восток есть гора Конгор, при ней много каменного угля и есть железный рудник; еще за 55 ли к востоку*[11] на урочище Баянтай существует

*[5] На северо-восток от Урумчи лежит гора Богдо-ола; китайцы называют ее Фу-шеу-шань – гора долголетия. *(Примечание Ч. Валиханова).*

*[6] *Ли* – китайская мера длины.

*[7] Т. е. *недоступный.*

*[8] Имеются в виду *купцы.*

*[9] О нем см. «Кульджинский дневник».

*[10] После *Кульджи* стоит пометка P. S. Географические заметки. Намерение автора дать географический обзор района Тарбагатая не было осуществлено.

*[11] Точнее, к *северо-западу.*

город Хойнин-чен и за ним Кульджа (от Малой Кульджи до Старой считается 30 верст). Город этот управляется чиновником из туземцев с титулом хакимбека[6], ему подчиняются и таранчи. Место кульджинского хакимбека до сих пор служит чем-то вроде ссылки: сильные беки из разных городов посылаются сюда на вид начальству. В настоящее время после турфанского бека с красной шишкой [7] [место хакимбека] занял человек ничтожный из простого звания, служивший прежде в Курбане в должности тунчи-толмача.

В 180 ли от Кульджи есть гора Хаштаг с серебряной рудою и при ней город Хаш. На юге от Бороталы лежит Сайрамкуль (Сайлиму-нор), дух которого, по уверению автора книги Сиюя-вэн-цзян-лу (смотри [Иакинф]. Описание Джунгарии и Восточного Туркестана), || который, скажем мимоходом, не имеет в ученом китайском мире большого авторитета, но зато популярен в высшей степени, является в виде горного козла с большой бородой. Иля составляется из соединения рек – справа Кунгеса и Хаша, слева Тэгуса (Текеса), простирается на 1400 ли. Балхаш, по-китайски Балхаси-нор, имеет 800 ли окружности. В истории династии Тан[8] сказано: Ван Фан-и[9] дал сражение при реке Или. Он же имел лагерь при Жехай; отец Иакинф принимал Жехай за Балхаш. Жехай не есть ли перевод имени озера Иссык-Куль, что по-тюркски значит тоже, что Же-хай*[12] – Теплое море.

Южная линия

Восточный Туркестан разделяется на семь ведомств, [каждое] ведомство состоит из одного окружного города, нескольких мелких городов и деревень. Ведомства управляются своими беками под надзором местной военной китайской власти, так называемым правителем хебе, и подчиняются анбаню, живущему в Яркенде. Все эти назначаемые китайским начальством [беки] из туземцев более преданны им, но беспрестанно сменяются из одного города в другой. Только потомки бека Исака в Комуле и турфанские ашин-ходжи имеют наследственное достоинство в а н о в за заслуги предков при покорении Джунгарии и при бунтах ходжиев. Вообще, турфанцы служат в должности хакимбеков, предпочтительно перед другими туркестанцами.

Власти туземные состоят из следующих чинов: первый – хакимбек (правитель) в 7-м классе. Следующий за ним род помощника – ишкагабек (блюститель порядка); казыначи قزینه‌چی – заведывает сбором и хранением поземельной подати; м у т а в а л и заведывает покупкой и продажей домов; муфти-шафу – глава духовенства; д у г у а н – начальник военной части, [станции] и почты; к а з и й или к а д и й [судья]; м и р а б заведывает водными сообщениями; б а г о р – уравнением цен, весов и мер, род мухтасиба; хаикбу – правитель казенных построек; Э м р или м и р – распорядитель старшин; а р б а б – собиратель пошлин за рождение, браки и смерти.

|| К высшим должностям представляют хебе-анбань и правители и утверждает богдыхан. Они имеют своих крестьян. В каждой деревне есть еще кэукэ-баш – надзиратель за хлебопашеством. || Туркестанские беки в исходе каждого года отправляются в Пекин, ко двору, для поднесения даров. Количество даров полагается по степени чина.

*[12] Ч. Валиханов прав: *Же-хай* – это действительно китайское название оз. Иссык-Куль.

Духовенство составляют ахуны, муллы и дервиши, которых здесь очень много и в большом уважении, они все носят волосы. || Кашгарцы все мусульмане суннитского толка и последователи учения имама Ш а ф и[10]. Они, подобно другим мусульманам, не отличаются религиозным фанатизмом: пьют открыто вино и не бывает пиршества без женщин и музыки. Вино квасят из шелковичных ягод, персиков и винограда.

При сборе плодов все напиваются пьяными до неистовства и пляшут до упаду. Любят тоже бузу. Для замужества платят калым, любят охоту с соколами. Женщины здесь не прячутся, клубятся в обществе мужчин, едят конину.

|| Дома в Туркестане строятся, как на всем Востоке; при доме всегда [имеется] сад и на дворе фонтан. Множество мечетей отличной мавританской архитектуры[11], [которые] славятся на Востоке.

О монете. В Кашгаре собственной местной монеты нет, кроме так называемых пулов*[13], которых связка пятидесятиштучная составляет тянга*[14] – рубль. Туркестанский пул имеет вид и форму китайских ф э н е й*[15], но только отливаются из чистой желтой меди, без примеси цинка, как китайские, которые они называют карапул – черный пул. Туркестанская монета имеет, как и китайская, в середине дыру и нанизывается на нитку, связка в 50 штук составляет сäр*[16]. На одной стороне название города на манджурском, на другой – на тюркском. Серебряные монеты – ильоже, по-китайски – ямба*[17] – слитки, и среднеазиатские тянга в большом ходе*[18].

О вулканах. Около Урумчи, к западу от станицы Бирок-булака есть вулкан. Около Кучи добывается горючая сера и нашатырь, из коих 1800 гинов селитры вносится в ежегодную подать.

В Керии добывают золото и 20 л[анов] золота доставляют в ежегодный оброк.

В Или каждый военно[по]селенец[12] должен собирать чистого хлеба 18, в Урумчи 15, в Талияцине[13] 14 дань*[19] (мешков). Впрочем, когда солдаты заняты службой и от неурожая может быть сбор менее или более. Во всяком случае, небось, офицеры имеют соблюдение и дают. Если сбор будет в Или 28 м[ешков], Урумчи – 25 и в Талияцине – 24, то офицерам даются похвальные замечания, а солдаты награждаются двухмесячной порцией единовременно. (В Хур-хараусу, Харашаре и Баркуле – по Уложению о Урумчи, в Уше – о Или).

Преступники обязаны в Или нести хлеба 9 [мешков], в Урумчи – $6^3/_5$, это положение распространяется на Баркуль, Талияцинь и Комул. Жители этих городов тоже платят подать за земли, которые заняты под хлебопашество. С му*[20] (содержит 1200 кв. футов) в Баркуле [платят] по $4^4/_5$ шэнов*[21] (гарнц*[22]) хлеба пшеницею, бобами и кукурузой. В Урумчи и Или с жителей и шампанов – половину 8 пекинских шэнов,

*[13] Разменная медная монета достоинством 1,5–2 коп.

*[14] Денежная единица, равная 20 коп. серебром.

*[15] Монета, составляющая сотую часть лана.

*[16] *Сäр* содержит 36 г золота (китайский лан).

*[17] Китайский денежный знак трех величин. Наибольший содержит $4^3/_4$ фунта серебра.

*[18] Т. е. *ходу.*

*[19] Китайская мера веса.

*[20] Китайская мера площади, равная 700 кв. м.

*[21] Китайская мера емкости, имеющая форму квадрата или цилиндра, Ч. Валиханов определяет ее как гарнец.

*[22] Мера сыпучих тел, равная 3,280 литра.

т. е. гарнцев крупой и пшеничной мукой. Таранчи платят в Или каждая душа по 16 тагар*[23] (мешков) ячменем, пшеницей, просом и кунаком.

В Пекине доу*[24] (мера) содержит 10 шэн (гарнцев). В туркестанском мешке содержится до 3 ху*[25], ху – 2 четвертинки и 3 гарнца.

|| I. Комул или Хами лежит под 112° д., 45° с. ш., основан китайцами в 630 г., обновлен [в] 1679 г., маленький город, недалеко от форштадта стоит китайский город с гарнизоном.

Комульский князь уже давно поддался по соседству влиянию Китая еще в правление Кан-си[14] (из нынешнего манджурского дома Цин), он принял подданство империи. За верность Китаю при покорении Джунгарии и за вспомоществование бек комульский И е - х а н получил наследственное достоинство князя. Округ Хами состоит из шести мелких городов. Он управляется на общегубернских основаниях.

II. Турфан. Местопребывание наследних беков от Эмин-ходжы, который за верность был возведен в достоинство цзюн-вана, князя второго класса. Хакимбек турфанский владеет шестью городами. В одном из них, маленьком городе Пичане, имеет местопребывание военный правитель с гарнизоном. Пичан лежит на большой дороге. Турфан замечателен по отменному вкусу винограда и по обильному произрастанию хлопчатой бумаги. Около озера Лобнора (Звездного моря) в стране вод, ключей и болот есть деревня Лобнор. Жители этих деревень занимаются рыболовством, говорят тюркским языком, но не держат магометанского закона. Они управляются своим беком, который непосредственно подчиняется пичанскому анбаню.

III. К а р а ш а р, по-тюркски قراشهر*, – город совершенно китайский. В нем есть несколько военных поселений, он есть местопребывание также военного правителя. В окрестностях его, по хребту Юлдуз и по реке Хайду, кочуют торгоуты, бежавшие с Убашой из России[15]. || Городки Корля и Бугур населены долонскими туркестанцами (долоны были при ходжах вроде туленгутов), они имеют своих беков и подчинены харашарскому анбаню. Бугур замечателен тем, что все дороги из Южного Туркестана сходятся в нем.

IV. Куча – обширный округ. В нем хакимбек имеет 2-й класс и повелевает городом. Турфанцы и китайский гарнизон живут вместе в городе. Из произведений его замечательны бязи, медь, селитра и нашатырь, добываемые в окрестных горах. В горах этих много пещер и летом видны огни. В одной пещере есть изсеченные*[26] буддийские кумиры. Устройство их относят к династии Тан.

V. У ш – по-тюркски Турфан или Уш-Турфан. Один из больших городов туркестанских, в нем живет анбань – правитель. При джунгарах он [город] был в цветущем состоянии, и хакимбек его наставлялся хонтайдзием*[27]. Хаким этого города Х а д и с[16] был пожалован в достоинство князя за выдачу джунгарского хана Даваци[17] китайцам. Даваци думал, что из благодарности за возведение в [должность] хакимбека Хадис укроет его. За возмущение жителей, в начале покорения края против поставленного китайцами в хакимбеки комульского уроженца Абдуллы, все жи-

*[23] По-уйгурски мешок емкостью в 4 пуда.

*[24] Старая китайская мера веса.

*[25] Старая китайская мера сыпучих тел, имеющая форму усеченной пирамиды и равная примерно *12 кг.*

*[26] Т. е. *высеченные.*

*[27] *Хонтайцзы* (хонтайджи, хонтайша) – титул феодальных владетелей джунгар.

тели были перерезаны, почему он и населен был китайцами и большим гарнизоном. В нем есть монетный двор. Теперешние жители его туркестанцы были переселены из Кашгара, Яркенда и Аксу и имеют хакимбека. Хебе-анбань при покорении края имел пребывание здесь, потом в Кашгаре и теперь в Уш-Турфане. В окрестностях его кочуют дикокаменные киргизы рода черикчи и багыш. Города Аксу, Пай, Сайрам принадлежат к этому округу, хотя они имеют независимых хакимбеков.

Аксу – один из обширнейших городов, в нем считается до 25 тысяч домов. Жители занимаются мастерством, имеют во множестве хлопку, проса, кунжут, ячмень и разные фруктовые деревья. Груши аксуские славятся своим вкусом и отправляются богдыхану. Замшевые конские приборы известны повсюду.

VI. Яркенд – один из первоклассных городов Восточного Туркестана, резиденция ходжиев и местопребывание хебе-анбаня. Он считается первым торговым городом; купцы кашгарские, бухарские и анджанские покупают и продают здесь. Он замечателен производством маты в огромном количестве. В реке Юрункаше и Каракаше добывают нефрит и отправляют в огромном количестве в Пекин, частная распродажа запрещена. К военному ведомству этого города принадлежит отдельное владение Хотан (Ильца), по-китайски Хотянь или Юйтянь, замечательный по торговле. Занимается тканьем*[28].

VII. Кашгар лежит на большой дороге из Средней и Южной Азии в Восточный Туркестан. Кашгар и Яркенд суть первые по торговле города Западного края. Все среднеазиатцы весь Китайский Туркестан называют Кашгарией; из этого уже явствует, сколь знаменит был этот город в древности. Ханы так называемого Уйгуристана и Кашгара, начиная с Темир-Туглука[18], первого отдельного от Джагатая хана, имели здесь местопребывание. Торговля Кашгара процветала с древнейших времен, через него Средняя и Южная Азия сбывала свои товары в Тибет, Китай и Джунгарию. В настоящее время это значение его сохранилось вполне.

В продолжение круглого года приходят и уходят сюда множество караванов из разных стран; самое китайское || правительство, при всем своем нетерпении чужеземного наводнения, исключило Кашгар из-под общего закона империи. Сюда могут приезжать все «западные народы». По чрезвычайной скрытности китайцев и невежеству туранцев нет возможности узнать обстоятельно о состоянии и оборотах этой торговли, но судя по пригону скота, который из киргизских поколений Дикокаменной орды и албановских Большой простирается до 60 000 одних баранов и от илиатов, подведомственных Кокану, и кашгарцев около 100 000, можно судить и об ее общей обширности. В Кашгаре, по свидетельству очевидцев, в один день бывают сделки на 40 000 голов скота. Преимущественно торговлю с Кашгаром производят так называемые здесь «анджанцы» (жители Кокана, Анджана, Намангана и Ташкента), бухарцы, персияне, индийцы, кашмирские купцы, афганы и тибетцы.

Анджанцы привозят русские произведения: железные, чугунные изделия, сукно, сталь, юфть, плис и разные бумажные товары, ситцы и продают весьма выгодно. В последнее время и в Кульдже (1855 г.) все наши товары были скуплены кашгарцами на мату и увезены в Кашгар. Бухарцы привозят мелкие мерлушки, известные в торговле под именем «данадаров», черные и серые каракульские [смушки] отличной

*[28] Т. е. производством ткани.

доброты, сушеный абрикос (урюк), виноград (изюм), кишмиш, фисташки (пысте) и разные полушелковые товары: падшаи*[29], бихасаб*[30] и другие. Персияне привозят английские ситцы, шелковые материи и ковры; индийские купцы привозят кисею, камку и кашмирские шали. Из Тибета получаются пух и медь.

Из Кашгара же получают они большой частью зеленый чай, кожаные товары, шелковые китайские материи и серебро. Анджанцы вывозят особый чай в плетушках, называемый сабет*[31] (он имеет около 12 и 13 ф[унтов], употребляемый с молоком и солью. В прежние годы большого спроса на чай в Кокане не было, и всегда ограничивались на 10 к. – 1 и 2 к. выгоды, но в последние 2 года вдруг потребность на сабет увеличилась с выгодой 5 к. на 10 к., так что в Кульджу вдруг наехало несколько человек с заказом, и сами, споря, подняли цену до невероятности. Прежде на ямбу приходилось до тридцати ящиков этого чаю, теперь же на ямбу покупали они только пятнадцать. Надо сказать, что ташкентцы здесь в Кульдже торгуют прямо на серебро и золото, почему причиняют немаловажный ущерб нашей торговле. Привозят немного маты, которая достоинством выше кашгарской дабы и потому всегда расходится. Индийцы вывозили серебро, но в последнее время, как говорят, вышло запрещение на вывоз его. Кроме этого, анджанцы, бухарцы в значительном количестве берут местные бумажные товары: серый и темный холст бумажный, крепкую и прочную полосатую материю, вроде твена, называемую «тимпаи», и полушелковую, но грубую с цветами, вроде бухарских падшаи – машру, для продажи киргизам Большой и Дикокаменной орд, которые их очень уважают. Вообще годовой оборот кашгарской торговли должен быть очень велик и превосходить до 10 миллионов рублей.

|| О городе. Кашгар – город чрезвычайно многолюдный, населен большей частью мусульманами. Китайцы занимают отдельную цитадель. От большого стечения народа жители этого города не отличаются чистотой нравов. Вообще туркестанцы Семи городов – народ чрезвычайно свободный и без предрассудков. Будучи мусульманами, они открыто пьют вино, бузу и не прячут женщин.

Говоря о Кашгаре, нельзя не сказать о кашгарских женщинах, которые славились красотою во всей Средней Азии. По уверению азиатцев, бывших в Кашгаре, полные луны, газели, кипарисы, розы и другие восточные эпитеты для красавиц заключаются в Кашгаре. Они убеждены, что вода кашгарская имеет чудесное свойство возбуждать любовь. Старые муллы, не думавшие никогда о запрещенном плоде, не выезжают из Кашгара, не отдав свою бороду во власть какой-нибудь сахароустой.В Кашгаре есть прекрасное обыкновение, согласно которому вы, не нарушая Моисеевых заповедей, можете насытиться любовью до света. Словом, всякий приезжий может иметь временную, но законную супругу, на основании закона о мутие[19]. Вы приезжаете в Кашгар, как уже начинаете чувствовать удивительное настроение к любви (что происходит от чудесного действия воды), грешные мысли овладевают вами так сильно, что вы начинаете безотносительно заговаривать историю о любви мотылька к свечке и Меджнуна к Лейле[20]. Страсть ваша еще более усугубляется

*[29] Полушелковая материя с яркими цветами.

*[30] Полушелковая материя с полотняным переплетением.

*[31] Особый сорт китайского чая.

различными сладострастными сценами, которых вы поневоле делаетесь зрителями. Куда [бы] вы ни приехали, не может быть угощения без танцовщиц, которые удивительно нежно поют любимую в Кашгаре поэму о Лейле и Меджнуне. Конец концов, если бы у вас сердце было каменное, и тогда, не устояв против такого соблазнительного пения, [оно] обратится в кабаб – жаркое. Вам остается одно – жениться, на основании мутие, иначе вы не можете удовлетворить страсти, вас сжигающей. Вы говорите о своем желании какому-нибудь из знакомых туземцев, которые от большого навыка удивительно сметливы на подобные сговоры. Он, как водится, кладет руку на сердце и живо восклицает:

– Баш устуна! На мою голову! – говорит вам, что он покажет вам такую красавицу, что сама Фатима[21], дочь пророка, известная сердцепохитительница, в сравнении с нею будет ничто. Конечно, вы спешите за ним, чтоб увидеть Фатиму. Он идет в первый попавшийся дом и спрашивает:

– Есть у вас чаукене*[32]? Отвечают обыкновенно есть (в Кашгаре чаукеней бездна).

– Сколько у ней шапок? – спрашивает опять ваш фактор*[33].

– Три, – отвечает хозяин.

Фактор делает кислую гримасу и, сказав «керек йок» (надобности нет), влечет вас дальше. Вы начинаете спрашивать его, что за грязь ест он о шапке*[34] и объясняете ему, что, машаллах! не за шапками слово || и указываете на сердце. Проводник значительно улыбается и входит в следующий дом. В комнате вы находите три кровати, богато убранные вышитыми одеялами, и видите на каждой из них ряд шапок. Фактор радостно устремляет свои взоры на кровать, на которой торчит целый полк шапок и, сосчитав их, радостно восклицает:

– Машаллах! Звезда ваша в полном восхождении, я нашел для вас более, нежели гурию! 20 шапок! Это удивительная редкость. Душа! Сотворите намаз – вы счастливее самого Сулеймана. Вы приходите в удивление и не знаете что отвечать. Наконец, собравшись с мыслями, отвечаете: «Мусульманин! 20 шапок! Это что за речи? Разве что пришли торговать шапки?». Между тем из полуоткрытой двери слышится бренчание металлических привесок и шепот. Вы видите несколько черных, жгучих и пронзящих глаз, язык ваш отнимается и в сердце вы чувствуете огонь в тысяча один раз сильнее огня джаганнамского*[35], в котором собирается нас сжечь благословенный пророк Мухамед Избранный. Фактор, пользуясь вашим онемением, подходит к двери и, пошептав несколько невнятных слов, из которых до вашего уха доходит только: «10 сäр даст», – он тотчас громко восклицает, обращаясь к хозяину, который во все время молчит, как человек, уверенный в доброте выставляемого товара. «Ходжа (то же, что мурза, господин)*[36] хочет жениться на 20 шапках, он, слава аллаху, прекрасный человек!» – и потом, понизив голос, начнет торг о калыме [магарыче].

Хозяин беспрестанно говорит: «20 шапок – это, сын мой, дороже сокровищ Иджан-хана*[37]; попробуй найти другую – 20 шапок». После некоторого спора дело

*[32] *Чаукен* – молодая незамужняя или овдовевшая женщина, ведущая свободный образ жизни.

*[33] Фактор – здесь в смысле посредник.

*[34] Т. е. что за вздор он болтает.

*[35] от арабского جهنم – жаhаннам – ад, адский огонь.

*[36] Ходжа (кожа) – еще хозяин, владелец.

*[37] Среднеазиатское название китайского императора.

решается на 25 сäрах и то ради необыкновенной редкости товара. Сговор кончен: вы отдаете 25 сäров, и хозяин отправляется во внутренние покои, чтобы нарядить и вывести невесту вашу на смотр. Между тем фактор объясняет вам значение шапок и уверяет, что это вернейший признак красоты: она была 20 раз выбрана в мутие и по каждому мужу, согласно местным обыкновениям, сшила по шапке. Вы приходите в ужас и представляете на его благоусмотрение, что после 20 мужей какая может остаться красота, если б она была даже выше Зулейхи, жены Пентефрия[22]. Он говорит, что можете посмотреть, а не [по] нравится – возьмете другую.

– А что же будет с моими деньгами? – говорите вы.

– С деньгами? – восклицает он. – Машаллах! Вы не осел: деньги заплачены и, следовательно, они уже не ваши.

Вдруг слышится усиленное бренчание, точно от целой цепи лошаков, и отворяются двери, и входит к вам целая толпа девиц; одна же из них более полная, следовательно, более красивая, с удивительным достоинством и самоуверенностью выступает || вперед. Остальные девицы окружают вас со всех сторон и, как с родственником, бесцеремонно начинают щипать и толкать [вас]. Хозяин ставит разные яства на низкий стол и, посадив вас на ковер, подводит вашу супругу. Вы ничего не видите, кроме белых покрывал и роскошных и полных форм своей суженой. Красавица берет яблоко, обломив его пополам, глотает одну половину сама, другую тыкает к вам в рот. Вы начинаете выражать нетерпение, но хозяин неумолимо продолжает вас угощать пилавом и бузой. Между тем, кроме вашей невесты, все другие чаукены снимают покрывала: сердце ваше опрокидывается вверх дном, и чрево обращается в воду. Вы видите бархатистые и большие глаза газели одной, роскошные мягкие формы и раскинутые бедра – другой, кипарисный стан – третьей; словом, аллах весть, чего тут не увидите. Помучив вас порядком, девицы требуют пешкеш*[38] за открытие лица вашей собеседницы и по получении чего при песнях и плясках торжественно и тихо начинают поднимать покрывало, как занавес в театрах.

Вдруг: «О аллах! О Магомед», – перед вами является настоящая любовница веков и столетий, насурмленная, нарумяненная до красноты и набеленная до белизны, черт знает какой! Если вы любитель восточной неги и кейфа, то «машаллах!». Вам не нужно подушек, вы можете роскошно утопать в мягких объятиях. Да, в самом деле, какой истинный азиатец, знающий хоть несколько свет и считающий себя [знатоком] отменного вкуса и наслаждений, может смотреть без восторга на мягкие лядви и, как говорится здесь, на сальную (т. е. жирную) округленность околобедренных частей. Если же вы не успели возвыситься до такового высокого понятия о красоте и предпочитаете костлявые субъекты, то остается вам одно, положить упование на аллаха и бежать, непременно бежать вам, и не увлекаться числом шапок. В Кашгаре можно иметь мутие на неопределенное число времени, словом, пока не уедете, но вывезти нельзя по закону, положенному китайским правительством. Все торговцы азиаты говорят, что закон этот основан на той редкой мысли, что, увлекшись красотою кашгарок, многие из-за них смогут остаться навсегда в пределах империи.

|| История Семи городов, по китайским историкам, заходит в древнейшие периоды истории. По свидетельству китайской истории, при государе Ву-ди[23] уже знали

*[38] Вознаграждение, подарок, подношение *(перс.)*.

Западный край и считали в нем до 36 владений. Сначала они подчинялись хуннам до тех пор, пока Чжанкянь или Чжан-цзянь в 140 г. до Р. Х. не открыл Западный край. С 121 г. китайцы, уже построив крепости по южному склону Небесных гор, постепенно покорили города Западного края. Нынешние города Хотан (Юйтян), Кашгар (Сулэ), Карашар (Яньки), Урумчи (Пулей), Аксу (Выньсу), Куча (Гуй-цы), Яркенд (Согюй), Уш (Юйту) и прочие другие были известны уже китайцам в начале второго века до Р. Х. Что за народ были первоначальные обитатели этого края, мы не знаем, ибо китайская [история] не дает никаких данных, кроме того, что каждое владение имело своего государя, ни нравами ни языком [они] не походили на хуннов*[39] и усуней, что все имеют впалые глаза и высокий нос, и густую бороду, исповедовают буддийскую веру (стр. 145)*[40]. Письмо их походит на индийское (стр. 200). Дом Хань имел в нем своих противников. После дома Хань Западный край то отделялся от Китая, то подчинялся ему снова. При возвышении жужанцев[24] и дулгасцев[25] мы видим, что владетели Западного края платят им дань и в пределах Семи городов являются владения Юебань и Кан, происшедшие первое от хуннов, второе от юечжей. Отец Иакинф называет их тюрками и в одном месте, именно о Канах, в истории династии Суй (581–618) переводит, что они употребляли тюркское письмо; не знаю, что разумеет он под тюркским письмом в этот период времени, когда не было и собственно арабского письма[26].

В истории дома Тан, когда сношения Китая с окружным владением достигли высших размеров, мы получаем сведения более точные о среднеазиатских владениях. Так, в первый раз Кашгар назван своим именем Каша вместо Суй, Хотан – Ходань, а владение Кан названо Са-Могяном (что очень напоминает Самарканд), вместо Аньси названо Бухо (напоминает Бухару) (стр. 238)*[41], на южном берегу Нами (Нарынгол – Сыр-Дарья) показано владение Хокань. Кан также лежит на речке Нами. Юечжи, изгнанные хуннами из равнин Монголии, покорили Давань, Даху и прошли далее до Западного моря*[42]. В истории дома Танского видно, что весь Туран был занят кангюйскими[27], дулгасскими и юечжийскими домами.

|| В конце VI века является Мухамед и распространяет свою веру оружием. Омар покорил Раджи Яшгар, Персию, и, по-видимому, распространил свои войны до пределов Туркестана*[43]. В 713 г. Каннский владетель, по свидетельству китайской истории, вел упорную войну с аравитянами (даши) и просил помощи у китайского императора. В повествовании о даши китайцы говорят, что Кан и Ши (туркестанские владения) признали себя вассалами дашей. Нет сомнения, что юечжи, кочевой народ, занявши нынешний Хорезм (где и ныне кочуют туркмены), и потом распростерший свое влияние на весь Туран, были тюрки, низвергавшиеся впоследствии на Азию под именем селджуков, османов, каракойлу и аккойлу. Кангюй и западные

*[39] Хунны в эпоху своего могущества имели влияние на Восточный Туркестан. *(Примечание Ч. Валиханова).*

*[40] *Иакинф* (Н.Я. Бичурин). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. I, СПб., 1851.

*[41] Там же.

*[42] Западное море, т. е. Каспийское море. *(Примечание Ч. Валиханова).*

*[43] [Сказание] о персидском царевиче, который был заложником при китайском дворе. *(Примечание Ч. Валиханова).*

дулгасцы тоже утвердились в Туране, и, по свидетельству китайцев, последние граничили далеко на западе с Фолинь (Византией) (стр. 267)*44. При всей запутанности повествований в названиях народов, которые в разные времена назывались разным именем, нельзя не признать [названий] пяти провинций в Аньси: Ань и Хоз-Бухо – Бухары, в Довохани – Фергану, в Дахя-Тухоло – Бактрию, владений мавраннагрских. Восстановить правильное чтение и определить все эти народы нет возможности в среднеазиатских государствах, где каждый город то имеет своего хана, как это было после покорения ее узбеками, то [они] сливаются в несколько владений, как в наше время: Балх, Бухара, Самарканд составляют одно владение Бухарского эмира; Ходжент, Туркестан, Ташкент и Кокан подчиняются одному коканскому хану. Во всяком случае, судя по известиям их [китайцев] об арабах, переданным довольно точно, нельзя сомневаться, что Китай действительно имел когда-то сношения со всей Азией. Азиатские сказки о богатстве и силе Чина, о фагфуре чинском, похищающем самаркандскую царевну, суть, конечно, дальние отголоски тех времен.

После дома Танского сношения Китая прерываются с Западным краем. При юечжах и доме Киданском Китай был занят северными своими пределами и истощался в междоусобиях. При появлении Чингиса мы находим в Туране обширное и соединенное владение хорезмского шаха. Ойхоры или уйгуры [у] восточных историков занимают владения Семи городов. Не знаем, в какой степени подчинялся Восточный Туркестан влиянию арабов, утвердившихся в Согдиане, и влиянию хорезмшаха, но судя по неприступности гор и в известной степени образованности, и обработки деспотической религиозности Будды, можно полагать, что влияние хотя и могло отозваться здесь, но не в такой степени как в Мавраннагре, где мусульманство и образование процветали в Самарканде.

* * *

|| Дом Тугю[28] есть отрасль хуннов. Предки этого дома жили на запад от Западного дома и составляли аймак. Неприятель разбил поколение, и остался один изуродованный мальчик, без ног и без рук, брошенный в травянистое озеро. Волчица стала кормить его мясом. Неприятель, узнавши, что мальчик [жив], приказал убить его. Волчица убежала и после явилась на восток от Западного моря в горах на северо-запад от Гао-чана (Гао-чань[29] есть бывшее при доме Хань владение Переднего Чешь[30]. Передние Чешы были в Пичане). Волчица укрылась в долине, окруженной горами, и родила десять сыновей, из которых Ашина[31], как более способный и умный, был призван владетелем. Впоследствии Асянь-ше вышел из горной котловины и признал себя вассалом жужанцев. Некто из владетелей тугю Или-хан просил у жужанского Анахуаня дочь и за оскорбительный отказ разбил жужанцев. После Или-хана был младший брат его Аи-хан, после которого был возведен его же брат Цзушу под именем Мугань-хана.

Другое предание говорит, что тугю составилось из соединения разных родов, кочевавших около Пъхинлян (Пъхин-лян-фу – областной город области того же названия в губернии Гань-су). Аймак этот назывался Ашина. Когда Тхайву – император из дома Вэй, разбил последнего государя из северного дома Л я н – Цзюйкюя

*44 *Иакинф* (Н.Я. Бичурин). Указ. соч.

Муганя, то Ашина бежал к жужанам и, поселившись в горах, стал добывать железо. Так как место это походило на шлем, то и называлось тюгу.

Третье предание. Тугю происходит от дома Со, обитавшего на север от хуннов. Старшина назывался Апанбу[32]. Их было всего 70 братьев. Старший назывался Ичжини-нишыду и родился от волчицы, он был владетелем сверхъестественного произвола над ветрами и дождями. От двух жен, которые были дочерьми духов – лета и зимы, он имел четырех сыновей, которые заняли разные места; старший жил в холодных горах и производил теплоту, почему был избран владетелем под именем Тугю. Это был Надулуше. Он имел десять жен. Младший из Ашина сделался владетелем по условию[33], выиграв жребий: выше других спрыгнул. Он назвался Ахяньше. Потомок его Тумынь по прозванию Или-хан.

Дом Тугю сначала разделялся на Восточный и Западный. Восточный дом [в продолжение] 535–745 годов имел двадцать одного хана.

Первый хан Тумынь разбил телесцев[34] в 50 тыс. кибиток и просил в жены у жужанского хана дочь. Жужанский государь Анахуань разгневался и звал его плавильным невольником[35]; Тумынь просил брака у Западного дома Вэй и получил царевну в 551 году.

|| В 552 г. Тумынь разбил жужанцев. Хан жужанский предал себя смерти. Тумынь назвался после сего И л и - х а н. Хан значит то же, что шанькюй. Супругу назвал хатунь, то же, что яньчжы. Сын его Коло (по Ганьму – Тубин) с титулом Исиги-хана сделался владетелем. После его смерти, помимо сына его Нэту, поставили младшего брата его Кигинь (Яньду) под именем Муюй-хан. Он был большой завоеватель, оружие его доходило до Кореи, с домом Вэй он воевал против Ци.

Обычаи. Распускают волосы, носят левую полу наверху. Живут в палатках и войлочных юртах, переходят с места на место, смотря по достатку в траве. Занимаются скотоводством и звероловством; питаются мясом и кумысом. Носят меховое и шерстяное одеяние. Мало честности и стыда, чужды справедливости и приличия, подобно хуннам. Хана при возведении сажают на войлок и носят по солнцу девять раз, каждый раз делают поклоны, сажают на коня и давят за горло, спрашивая: «Сколько лет можешь царствовать?»

Чины: высший – шеху, второй – дэлэ*[45], третий – сылифа*[46], четвертый – тумаофа*[47]. Все они наследственны. Луки роговые, латы и копья, и сабли. Знамя с волчьей головой. Телохранители называются фоли (бури), т. е. волк. Считают [по] зарубкам на дереве[36]. Вместо приказов употребляют стрелу с золотым копьем. Перед полнолунием делают набеги; бунт, прелюбодеяние с женой, смертоубийство наказываются смертью. За увечье платят вещами (киргизский кун); за глаз – отдай дочь, за руку – лошадь. За краденое отдавай в девять раз больше[37]. Умершего кладут в юрте, объезжают ее девять раз[38], потом с плачем надрезывают лицо и приносят жертву. Так делают семь раз. В известное время лошадь покойника, вещи и его самого жгут и зарывают в могилу. Умершего весной и летом [хоронят], когда лист падает[39], умершего осенью и зимой – когда лист распускается[40]. В день похорон делают то же, что

*[45] *Дэлэ* –китайская искаженная форма древнетюркского термина *тегин*, соответствующая позднейшему *оглан*.

*[46] *Сылифа* – очевидно, искаженная форма древнетюркского титула *сюбаши* (военачальник).

*[47] *Тумаофа* – искаженная форма древнетюркского титула *туманбаши*.

в день кончины. В здании на могиле покойника ставят его облик и описание подвигов, камни ставят по числу убитых им людей. После отца, старших братьев и дядей женятся на мачехах, невестках и тетках.

Хан живет при горе Дугинь (горы Дугинь лежат в Татаньском владении). Вход в юрту с востока – из благоговения к солнцу. Гора Бодын-Инли голая, священна. Буквы письма их походят на буквы народа ху; время замечают по траве[41]. «Мужчины любят играть в хюпу, женщины – в волан. Пьют кобылий кумыс и упиваются допьяна. Поют песни, стоя лицом друг к другу[42]. Поклоняются духам и веруют в волхвов[*48]».

|| В 561 г. китайский полководец дома Вэй, действуя с дулгасцами, доносил: «Тугю пренебрегают наградами и наказаниями, мало уважают начальников и по большей [части] не соблюдают порядка. Отсюда видно, что напрасно говорят о их могуществе[*49]».

IV. Тобо-хан разделил на восточную и западную часть; Эрфу-хан – на в[осточные] стороны, а Були-хан – левые. Он исповедовал буддийскую веру и думал разгромить Китай.

V. Илигюйлу Ше Мохэ Шиболо-хан. Он был женат на китайской царевне из дома Чжеу. В 583 г. он имел войну с Китаем, во время которой возненавидел своего полководца Або-хана, хотел его убить; тот убежал к Западному Дату-хану, двоюродному дяде хана. Вследствие этого началась междоусобная война. С Або соединились другие родственники хана и все просили императора со своей стороны о мире. Шиболо-хан писал (584 г.): «Рожденный Небом великий Тугю, мудрейший и святейший в Поднебесной Сын Неба Или-гюйлу Ше Мохэ Шиболо-хан посылает грамоту императору великого дома Суй[43]»[*50].

В этой грамоте хан уверял, что император – отец его жены, следовательно, и его. «Сии две стороны, хотя различны, но по внутреннему чувству и справедливости составляют одно. Все овцы и лошади моего царства суть скот императора, так как его шелковые ткани суть мои», – оканчивал он. Дом Суй послал посланника Кин-цзэ с благоприятной грамотой. Хан сидел с известной болезнью [и сказал], что не может встать и присовокупил, что сделался старшим дядей по отцу, и никому не делает поклонения. Кин-цзэ сделал учтивый выговор. Хан, по убеждению приближенных, встал и замешкался, и все окружающие заплакали. Посланник предложил ему сделаться вассалом. Он согласился, хотя приближенные ему объяснили, что вассал – значит раб. Хан был стеснен Западным ханом Дату и киданями. Або между тем усилился и назвался Западным тугю.

VII. Дулань-хан, сын Шиболо. При нем царевна Даи имела большое влияние. Китай, опасаясь ее козней, обвинил ее в связи с одним приближенным тугю, и Дулань убил ее в своей юрте.

IX. Шиби-хан Дуги. При нем открылось замешательство, клонившее дом Суй к падению. Многие жители из Китая бежали к нему, в числе коих императрица Сяо-

[*48] [*Иакинф* (Н.Я. Бичурин). Указ. соч.], с. 271.
[*49] [*Там же*], с. 273.
[*50] [*Там же*], с. 279.

хэу и племянник ее Ян Чжен-дао – претендент [на престол] и другие. Все они признали себя его вассалами. Он имел до миллиона войска. «Никогда и в древние времена северные кочевые не были столь сильны».

Гао-цзу – основатель династии Тан, в 618 [г.] отправил к нему посла с дарами и с просьбой о мире и, судя по словам его сына, назвался вассалом*[51]. || В 619 г. посланник их сидел на престоле возле императора.

XI. Государь Хели-хан Дуби. Вел войну с Китаем и расширил свое владение, разбитый [в] 630 году он сдался в плен и умер от чахотки в Китае. «Хели не жил в комнатах, а всегда ставил для себя орду (кибитку)». Он долго был печален и задумчив; пел со своими домашними заунывные песни и проливал слезы. Он похудел и умер [в] 634 г. Труп его, по кочевому обыкновению, сожжен, и могила его насыпана по восточную сторону реки Ба. Так пали его владения. Тугю бежали в Западный край, до ста тысяч поддались Китаю. Совет не знал, что с ними сделать; одни предлагали поселить их внутри империи и обратить в хлебопахов, другие – образовать пограничную стражу. Наконец, решено поселить их в Шо-фан и Тули-хана поставить старшиной. (Кидань и мохэ были названиями поколений, подвластных Тули-хану). В 693 г. решено дулцев*[52] переселить опять на прежние кочевья, ибо они сделали бунт. Между тем аймак Сеяньто усилился на севере песчаной степи.

Сымо – XIII хан дулский сложил свое ханское достоинство и ступил в китайскую придворную службу, и подчиненные его тоже перешли Желтую реку, в пределы Империи.

Чеби-хан, занявший земли дулцев, Сымо, тоже покорился Китаю. Посему Китай разделил Монголию на два главных наместничества: Шаньюй Ду-хо-фу и Хань-хай (Байкал) Ду-хо-фу. Первое наместничество было разделено на 4 губернии (ду-ду-фу) и на 24 округа. Второе наместничество на 7 губерний и 8 округов. В южном Шаньюевом наместничестве был поставлен наместником сын императора князь Хэй. В 679 [г.] началось восстание, и старейшины 24-х округов провозгласили Ашину Нишифу ханом. Дулцы снова начали усиливаться. Китайцы были несколько раз разбиты. Гудулу ограбил девять родов (ойхоров) и, мало-помалу разбогатев лошадьми, объявил себя ханом около 682 г., и во все свое царствование удачно воевал с Китаем. Сын его Мочжо (693 [г.] вступил на престол) был уже так силен, что заставил Китай против желания дать ему 100 000 ху проса [на посев], 3000 земледельческих снарядов [орудий] и железа и вытребовал к себе несколько тысяч дулцев, поселенных внутри, а китайская правительница назначила за убиение сего приз – княжеское достоинство первой степени. Мочжо возвратил и соединил все поколение, принадлежавшее прежде дулгасцам. Все отношения кочевников к Китаю выражаются в действиях этого хана, он то просит, то угрожает Империи. В 703 г. он предлагал дочь свою в замужество за китайского наследника престола.

|| В 706 году [он] напал на границы*[53]. В 710 году просил о мире и родстве, на что Китай был согласен, и в то же время [он] вел войну и предал всех китайских пленников смерти. Подобные поступки не помешали ему [в] 714 году отправить в Пекин

*[51] [*Там же*], с. 305.

*[52] Дулцы, то же что дулгасцы (тюрки).

*[53] [*Иакинф* (Н.Я. Бичурин). Указ. соч.], с. 330.

сына своего для службы и просить нового государя Юань-цзун о браке. Хотя просьба его уважена, и он получил княжну, но в следующем году Мочжо сделал набег на Бэй-тхин.

В 710 г. на западе Мочжо покорил Кидань и Хи[44]. Так как хан этот был жесток, то восточное поколение восстало и просило Китай о подданстве. Во время войны с восставшими поколениями Мочжо в засаде был нечаянно схвачен, убит, и голова его отправлена в [столицу Китая].

XVI (1) Бигя-хан Могилянь, сын Мочжо, был человек слабый и характера дружелюбного и находился под влиянием тестя своего, 70-летнего воинственного Туньюйгу и Кюе Далэ[45]; жена хана называлась П о ф у. Туньюйгу был человек опытный и разумный; советы его хану показывают современную политику кочевых [народов]. Он говорил: «Когда мы сильны, то должны идти вперед для приобретения, [когда] слабы – должны уклоняться». Хану отсоветовал построить буддийский храм, говоря, что вера эта делает людей слабыми и человеколюбивыми. По его совету, хан просил Китай о мире, о родстве («Народ в согласии и годы урожайны»)*[54]. Китайский [император], видя бессилие дулцев, с 300 тыс. армией, состоявшей из союза киданей и других поколений, приказал взять Могиляна. Дулцы хитростью, пользуясь холодом, раздроблением сил [противника], разбили [их] наголову, ибо китайцы не могли натягивать луки; дулцы снова подчинили [себе] все отпавшие поколения. [В] 721 г. хан просил о мире и родстве. Но неизвестно, почему Китай избегал этого. Хан поэтому говорил китайским посланникам: «Туфань происходит от собак, и дом Тан с ним в родстве. Хи и кидань мои невольники и также женятся на ваших царевнах»*[55]. Дулцы в этот период были в мире и открыли меновой торг. Когда умер Кюе-Дэлэ, то император приказал поставить ему памятник с его статуей. Хан возобновил просьбу о мире и родстве; император было согласился, но он вскоре умер от яда. После его смерти начались междоусобия и раздоры. В 742 г. ойхоры и басими[46] напали на XVIII [Ижань]-хана, убили его. Преемник его Усу-Миши тоже был убит, и ойхоры овладели правительственными местами, и, наконец, при XX хане Баймэи-хан-Хулунфу ойхорский Гули Пэйло объявил себя ханом под именем Гудулу Бигя Кюе-хана, [в] 745 [г.] он поддался Китаю. Китай был так рад падению своего врага, что Сын неба сам сочинил похвальные стихи на это событие и ханьше ойхорской положил ежегодную дачу – 200 зерен белил.

|| Д о м Западный Тугю. Дом этот тоже делился на два дома. Мугань-ханов сын – Або-хан Далобянь, обойденный на ханство, [поссорился] с Шиболо; после Яньло отделился от Шиболо и ушел на запад за Золотые горы*[56]. Весь Западный край, телесцы, Куча*[57] и Иву*[58] принадлежали ему. После того, как Далобянь был взят в плен Чулохэу-ханом, на место его был избран третий государь Западных тугю. [В] 605 г. Нигю Чуло-хан, родившийся от китаянки, имел несчастную войну с телесцами. Китай, пользуясь его бессилием, считал теперь за лучшее подчинить его своему влиянию. Вся политика Китая к инородцам выражается в этом посольстве: во-

*[54] [*Там же*], с. 332.

*[55] [*Там же*], с. 336.

*[56] *Золотые горы* (Цзинь-Шань, *кит.*) Алтай.

*[57] *Куча* – город в Восточном Туркестане.

*[58] *Иву* (Комул) – город в Восточном Туркестане.

первых, чтобы они считали китайского императора выше себя; во-вторых, для обессиливания поднимать один род против другого и производить раздоры в семействах. В смысле первого посланник Китая говорил хану о вассальстве восточных дулгасцев и намекал, что по родовой вражде хан дулгасцев просит императора уничтожить западных, грозил, что в случае отказа мать хана, жившая тогда в Китае, подвергается смерти. «К чему же, хан, – говорил он, – жалеешь двух церемониальных поклонов и сердобольную мать подвергаешь смерти [из-за] одного слова – назваться вассалом, и губишь царство хуннов?»*59. Затем тонко наводил хана на мысль воевать с тогонами. «Хан, если ты попросишь дозволения наказать их, то Сын неба, без сомнения, согласится»*60. Когда же хан, обещав лично явиться к императору, уклонился от обещания, то китайцы для отмщения стали [возвышать] старшину дулгасского Шегуя, внука Дату-хана, старшего по рождению Або-хана; при приезде послов его ко двору, стали исподволь намекать объявить себя ханом. Пхэй-Гюй, сановник, предложил: «Осмеливаюсь представить мнение – ослабить его хитростью. Надобно разделить его государство и тогда легко будет усмирить»*61. Наконец император сам сказал послу Шегуя и, дав ему бамбуковую стрелу с белым пером, сказал, чтобы дело шло так же скоро, как летит стрела. Шегуй шел на Чуло, разбил его. Чуло бежал и после явился в Китай, где и умер в 618 году.

Чуло-хан не имел постоянного местопребывания, а более жил в Усуньской земле. Он еще поставил двух малых ханов и дал им в управление части от своего ханства. Один из них жил от Ши-го*62 на север и управлял княжеством Ху (тюркский?), другой жил от Кучи на север в стране Инсо*63.

[Из чиновников] Сыфаян и Хунда управляли государственными делами. Ежегодно отправлял сановника приносить жертву предкам в той пещере, где они из рода в род обитали*64.

|| IV. Шегуй. V. Тун Шеху-хан – младший брат. Он покорил Боса*65 (Персия) и Гибинь*66 и [распространил свое влияние] на весь Западный край; перенес орду из Ши-го на урочище Тысяча ключей (Цянь-цюань)»*67. Владетелям дал титул сылифа и отправил тутуней*68 иметь надзор за ними*69. Тун-Шеху заключил с Империей союз воевать [против] Восточных тукюесцев, просил о браке.

«Западные тукюесцы удалены от нас; полагаться на скорую помощь от них невозможно; нужно ли вступать в родство?»*70 Император приказал за него выдать княжну, но он за жестокость был убит Мохэду, который вступил на ханство под именем Кюйлы Сыби-хана. При нем открылись беспорядки и междоусобия, Западный край отложился.

*59 [Иакинф (Н.Я. Бичурин). Указ. соч.], с. 342.
*60 [*Там же*], с. 343.
*61 [*Там же*], с. 344.
*62 *Ши-го* – китайское название древнего г. Ташкента, владение.
*63 *Инсо (кит.)* – название горы, расположенной на запад от оз. Баркуль.
*64 [*Иакинф* (Н.Я. Бичурин). Указ. соч.], с. 341.
*65 Китайское название древней Персии.
*66 Китайцы так называли Северную Индию (Кашмир).
*67 Знаменитое урочище недалеко от древнего города Тараза.
*68 *Тутунь* (тутук) – держатель, древнетюркский титул.
*69 [*Там же*], с. 346.
*70 [Там же], с. 347.

IX. Шаболо Хилиши-хан, он разделил свою орду на 10 поколений, поставил над ними 10 ше*[71] и дал каждому по стреле. Пять поколений дулу имели 5 великих чжо*[72], 5 поколений нушиби[47] – 5 великих сыгиней*[73]. Они разделились рекой Суй-е [Чу], нушиби жили на западе, дулу – на востоке. При нем беспорядки усилились [так] быстро, что дом Западных дулгасцев разделился на два царства.

Иби-Дулу был провозглашен западными поколениями ханом [в] 638 [г.] и, наконец, заключили при реке Или мир, по которому [земли] на запад от реки получили дулу. Дулу поставил орду около Цзыхэ и назвал Северной ордой. По смерти Хилиши один год царствовал сын его, после него же нушибиский старшина поставил Ибо Шаболо Шеху-хана. Он поставил орду на север от реки Суй-хэ и назвал Южной, к востоку близ реки Или. Восточный Туркестан, Тухоло[48], Харашар, Ши[49], Хэ[50], Му[51] и Кан принадлежали ему. Дулу северный разбил и убил Шаболо, но нушиби не хотели ему подчиниться. Дулу воевал с кангюй, но за добычу поссорившись со своими подданными перешел через реку Ие и занял разные города Ши и остался там жить. Нушиби просили Китай поставить им другого хана. Переводчик Выньвуинь избрал с народом из дома Дули-ханов Иби-хана под названием Иби-Шегуй-хана (XIII) и вручил ему грамоту. Он по восшествии на престол пошел на Дулухана, который заперся в городе Байшуйху. Дулу дал сражение при шуме литавр и труб; нушиби не устояли и бежали. Дулу после победы приглашал все прежние поколения к себе, но напрасно; видя общее нерасположение народа, он пошел на Тухоло. Между тем Иби-Шегуй просил о браке, император потребовал уступки пяти княжеств: Кучу, Хотана, Кашгара, Чжуцзюйбо и Цунлина. Хан не согласился, и брак не состоялся. [В] 646 г. (Ганьму) некто Хелу из рода Дулу-ханов, управлявший прежде при Дулу-хане пятью поколениями: чуюе[52], чуми[53], гусу[54], гэлолу[55] и нушиби, в качестве шеху, рассорился с Иби-Шегуем, поддался Китаю и в этот год (651) пошел на запад, поставил орду при «Тысячи ключах», где была орда Дулу, и назвался ханом Шаболо. Он овладел всеми десятью аймаками. Утвердившись на ханстве, он папал на Китай, разграбил уезды в Тьхинчжеу, взял в плен несколько тысяч человек и ушел. || Китай решился наказать дулгасцев. Положено отправить тридцать тысяч войска императорского и пятьдесят тысяч ойхорской конницы. При этом замечателен взгляд Ло Хун-и, преставленный императору о войне с дулгасцами*[74] «Срединное царство должно успокаивать верностью, управлять северными кочевыми силою. Зимою они не ожидают наших войск. Теперь Хэлу держится в одном только городе, надо пользоваться его стеснением. Если отложить до весны, то обстоятельства могут измениться и враждебные роды чуми, чуюе и другие могут опять соединиться с Хэлу. Надо отправить кочевые отряды вперед, а китайцам остаться при реке Пхинло – вспоможением. Такую должно употреблять меру: гнать кочевых и нападать на волков». Война началась успехом.

Тянь-фан, полководец, разбил при горе Л а о-ш а н ь[56] поколение чуе, хучжу, приславши к императору и представивши ко двору девять тысяч голов. В 654 [г.] Чен-Чжи-цзйе, главнокомандующий войск, по дороге в Луковые горы разбил гэлолу и

*[71] *Ше* (ша) – шад в орхонских надписях, титул высших чиновников.

*[72] *Чжо* (жора) – титул высших чиновников, управляющих семиреченскими племенами (дулу, дулаты).

*[73] *Сыгинь* – титул высших чиновников у нушиби.

*[74] [*Иакинф* (Н.Я. Бичурин). Указ. соч.], с. 356.

чуюе, побил до одной тысячи человек и взял добычу до десяти тысяч голов лошадей. Помощник главнокомандующего Чжеу Чжи-ду взял город чумугуней и отрезал до тридцати тысяч ушей. Между тем Су Дин-фан, назначенный в 656 г. главнокомандующим войск по дороге в Или, имел с собою ойхоров. Два дулские же старейшины из поколения чуюе и чуми, Ашина Мише и Ашина Бучжен, находящиеся при пекинском дворе, пошли через сыпучие пески. Су Дин-фан с отборной конницей с западной стороны пришел к реке Или и разбил поколение чумугунь. Хэлу напал на него со стотысячной конницей, но был разбит десятитысячной армией китайской и бежал. Пять нушибей покорились Китаю. Пять дулу бежали южной дорогой; Сяоцы-йе, помощник Су Дин-фана, и ойхорский Пожунь преследовали их до реки Долосы*[75]. День и ночь, следуя за врагами, Су Дин-фан дошел до реки Шуан-хэ и в 200 ли от ханской орды принял боевой порядок. Около гор Гинь-я-шань*[76] войско ханское занялось звериной охотой. Китайцы напали, разбили орду, взяли несколько десятков тысяч человек в плен и захватили литавру, ханское знамя и оружие. Хэлу бежал за реку Или. Сы-йе, помощник, занял «Тысячу ключей». Хэлу укрепился палисадом, но разбитый бежал. Су Дин-фан, преследовавший его до Суй-е (реки), взял все войско. Хан бежал в Ши к городу Суду*[77] и за дорогую цену был впущен в него. Там был схвачен владельцем города и представлен китайцам. По прибытии в столицу он был прощен от казни, но лишен достоинства. Земли дулгасцев разделены были на два наместничества: Гуньлинское и Хаочинское, разделены на шесть губерний и округа. Все на запад до Босы подчинено Западному наместничеству. Ашина Мише и Бучжен, помогавшие во время войны, сделаны: первый хаочинским наместником с управлением пятью поколениями дулу; второй хаочинским же [наместником] с управлением пятью поколениями нушиби. Это было в 657 году.

|| При Мише и Бучжене (XV–XVI ханы) города Восточного Туркестана подняли восстание, так что китайские главнокомандующие Дин-фан и Су Хай-чжен должны были усмирить их силою. Мише был оклеветан Бучженом и лишен власти. [В] 671 г. Бучжен умер. Старейшина из западных тюркских поколений Аши-на Ду-чжы был поставлен китайцами военным начальником. Около 676–678 г. [г] он объявил себя ханом и, соединившись с тибетцами, напал на Аньси*[78]. Китай хотел отправить против него войско, но сановник Хинь-гянь, отправленный для препровождения [сына] персидского государя и для успокоения даши, в 679 г. хитростью схватил Ду-чжы. После этого десять аймаков западных дулцев ослабли, так что [в] 693 г. китайцы были так самовластны, что по клевете перерубили в пояснице (казнили) сына Мишева, Юанькин, объявленного, вместе с Булише Хусэло, сыном Бучжена, ханом в отцовские места. После этого дом Западного дулу пресекся с убиением XXIII хана Сина. Хотя дулцы и имели при Учжил-хане (XXIV), избранном из поколения туциши[57] (после прекращения дома Ашины), и были довольно сильны, и владения их приняли опять прежний объем, но внутренние беспорядки вели его к падению. Ссора Согэ-хана (708) [г.] с одним из своих старейшин заставила его просить Китай разобрать их дело; противник его подкупил Чу-кхэ, влиятельного мини-

*[75] Т. е. Талас.

*[76] По китайским источникам, эти горы лежат в Или.

*[77] По китайским источникам, город находился в Ташкентском оазисе.

*[78] *Парфия (кит.).*

стра, который управлял государством от имени императора самовластно. Согэ, открывши их переписку, напал на границу и требовал выдачи головы Чу-кхэ. Брат его Чжену в это время поддался восточному дулге Мочжо, который напал на Согэ, взял его в плен и казнил обоих, говоря: «Вы, будучи родными братьями, не могли жить в согласии между собою, можете ли с совершенною преданностью служить мне*[79].

XXVI. Чжун Шунь-хан Сулу – старейшина из поколения же туцишинского собрал остатки разбитого поколения и объявил себя ханом в 717 г. Он хорошо управлял людьми. После каждого сражения добычу всю отдавал подчиненным, почему роды были довольны и служили ему всеми силами*[80]. Он был женат на дулской и тибетской принцессах и от дома Таи получил дочь Хуайдао (из дома Ашины). В 738 году Сулу был убит двумя старейшинами Думочжи и (Мохэ) Дагань. В это время дульцы разделились на две партии желтых родов и черных, каждая имела своего хана. Император отправил войско для примирения их. Дагань, соединившись с владетелем городов Западного края, напал на сына Сулу, разбил его. Китай поставил Эхиня, сына Худай-дао из дома Ашины. Мохэ Дагань был недоволен. После сего то черные, то желтые брали перевес и ставили своих ханов, || и вели междоусобную войну. Срединное царство, озабоченное внутренними делами, с 742 г. не входило в их отношения. В 758 г. Адопэйло Юнын –хан черных родов посылал дань [ко двору] и, сделавшись бессильным, подчинился ойхорам. Остатки этого народа осели при хребте Гинью в числе 200 000 душ.

* * *

|| Уйгуры, по свидетельству Абульгази, были народ тюркского корня и были в числе первых значительных племен огузовых: канлы, кипчаки, уйгуры. Абульгази говорит о землях, занимаемых уйгурами (союзниками). Так, в земле могольской есть две горы, [которые] в длину простираются от востока на запад, чрезвычайно большие горы. Одна из них называется Тукрату-буз-лук, другая – Аскунлуг Тукрам[58] توبوزلوق اسقون لوق تكرام – توقرا. Посреди этих двух гор, на западе страны монголов, есть еще одна гора, ее зовут Куттаг (Счастье-гора). Между этими помянутыми горами в одном месте есть десять текущих лощин, еще в одном – девять. Все они суть большие воды. Издавна уйгурский народ промеж тех лощин сидел. Которые сидели на десяти реках, тех называли он уйгур (десять уйгур), которые на девяти [реках]–тогуз уйгур (девять уйгур). Много было [у них] городов, деревень и пашен*[81]. Далее Абульгази говорит о владетелях уйгурских, которые сначала назывались у десяти уйгуров –ил, илтер, а [у] девяти уйгуров – кул-уркен, гол-эрген (начало реки), а после все владетели назывались идикут*[82]. Через 300 лет они разбились, сделались добычей اولجا [улжа] и военнопленными ياسير [ясир] и раздробились, часть осталась на старых местах, часть пришла на берега реки Ирдыш (Иртыш). Здесь разделились еще на три: один отдел пошел на город Бишбалык и, занявшись хлебопашеством, народ обогател [абадан] ابادان часть же, пася лошадей и баранов, кочуя и

*[79] [*Иакинф* (Н.Я. Бичурин). Указ, соч.], с. 368.
*[80] [*Там же*], с. 369.
*[81] *Абульгази.* [Румянцевское издание. Казань, 1825], с. 20.
*[82] *Идикут* (буквально – счастливый владыка) – титул уйгурских ханов (VIII–XIII вв.).

становясь около Бишбалыка ходили (обитали). Еще один отдел, не держа никакой скот, ловил рыбу, выдру, соболей, куниц и белок, ел их мясо и носил их шкуры. Живого скота, тканей из шелка и бумаги в жизнь свою не видели. Когда отцы проклинали дочерей, то говорили: «Чтобы ты попалась человеку, который имеет лошадей и баранов, и чтобы ела мясо и пила кумыс, да падет тем злосчастие на твою голову».

При Чингис-хане идикутом уйгурским был Баурчук, он исправно подносил дары и соединился с Чингис-ханом, когда он шел на Мавраннагр.

Между уйгурами много было сведущих в тюркском языке, в письмоводстве и в счетах были искусны. При его сынах и внуках все должности, все письмоводители были уйгуры, и один из [них] Кургуз был правителем Хорасана, Мазандерана и Гиляна. Основываясь на этих данных, Дегинь[59] полагал, что уйгуры жили в землях, известных у китайских историков под именем Передние и Задние Чешы[60]. Многие ученые принимают за первоначальную родину уйгуров Селенгу и Орхон, тем более Рашид-эддин говорит, что десять рек уйгурских называются общим именем Он Орхон اون اورقون и приводят даже названия.

Китайские историки упоминают о народе ойхор, или хой-хор, который вышел из Южной Монголии в северные песчаные степи и поселился на реке Солию (отец Иакинф [ее] принимает за Селингу), где составлял один из аймаков дулгасских.

В 744 году ойхорский государь Гули Пэйло (по прозванию Гудулу-бигя-гюе-хан), первый свергнувший иго дулгасцев, поставил свою орду между горами Удэгянь*[83] и речкой Гунь (Орхон). При нем ойхоры делились на девять поколений.

Шесть же других поколений считались равными с ойхорами, и после вместе с покоренными чужими поколениями басими и гэлолу они составили одиннадцать бу[61] (т. е. фамилий или про-] званий, в смысле рода, аймака). Отец Иакинф принимает их за || уйгуров, [описанных у] мусульманских историков. Дом Ойхор при династии Тан производил много нападений на Китай, то вступал с китайцами в мир и родство.

Ойхорцы имели города и исповедовали буддийскую веру. Их мони[62] (муни – отшельник) в 806 [г.] пробрались вместе с посольством ойхорским в Китай и Сянь-Цзун[63], «прилепившись к их лжеучению», построили монастыри. В 840 г. хагясы разбили ойхорскую столицу, убили хана их Айдынли Лоиму Мишихэ Гюй-лу Бигя-хана так, что часть родов бежала в Тибет и Аньси, часть соединилась с разными кочевыми поколениями монголов. С этого времени ослабели хойху. [В] 846 г. они были на западе, за песчаною степью. В 860–873 гг. главный их старшина напал на тангутов (тибетцев) и завоевал у них Восточный Туркестан с городами Харашар и Бюгур. В новом своем восстановлении хойху были утверждены опять в достоинство ханов*[84].

Не входя в рассуждение о том, кто были уйгуры, но мы в XIII веке находим их в Восточном Туркестане в зависимости от хана каракитайского. Абульгази китаев называет катай и говорит, что страна их была огорожена стеной. Когда джурджиты (большое поколение) убили государя, то один из вельмож каракитайцев по имени Туйси-Тайфур бежал сначала в землю киргиз, потом в город Эмил*[85], где уже проживали прежде бежавшие мятежные китаи. Это было в 1134 г.

*[83] По китайским источникам, название гор Хангай.

*[84] *Иакинф* (Н.Я Бичурин). Указ. соч., с. 425–426. *Ссылка на источник Ч. Валиханова.*

*[85] Средневековый город, находившийся в Джунгарии.

Надо сказать, что Абульгази отличает китаев и каракитаев. Под именем китаев он разумел нючжей и государя их называет алтын-ханом, а государя каракитаев называет гурханом.

[По исследованиям] Дегина, Клапрота и Фишера[64] известно, что когда тунгусский ван Нючжи (по Клапроту, Ю-Чиу – Hiy-hiy низвергнул дом Кидань (Хитан), то предводитель их Агуда дал своей династии имя Гинь (по северному произношению Цзинь), что значит металл и по преимуществу золото (1115), фандаи, титулу киданей, [соответствует] ляо – булат; манджурское Айжан-гурунь (Золотое царство) и восточный алтын-хан есть перевод этого.

Тогда кидане под начальством Туши-талгуна, воина и родственника Елу-Енги, последнего государя киданского, пошли на Туркестан и утвердились в Малой Бухарии, т. е. в Восточном Туркестане: в Кашгаре, Яркенде и Хотане. Уйгурский владетель платил ему дань и [дал] заложника.

По Абульгази, владетели Самарканда и Хорезма [тоже] платили ему дань (Bibliot. Oriental d'Herboloth, Абульгази). Когда усилились монголы и явился Чингис-хан, то и владения гурхана каракитаев и уйгуров в Восточном Туркестане подпали под власть монголов. Уйгуры, притесняемые каракитаями, которым платили дань и которые поставили в их городах даругу*[86], отправили посольство к Чингис-хану, прося его принять их в число подданных. Хан их Куат, или Идикут (Счастливый), был обласкан и осчастливлен тем, что Чингис-хан выдал за него свою дочь. Между тем случай дал в руки монголов и каракитаев.

Кушлук[65], сын найманского государя Таяна, бежал к каракитайскому гурхану, но после, усилившись беженцами из разных родов, недовольных Чингис-ханом, он отнял несколько городов у самого гурхана. Чебе-Ноян был отправлен с приказом непременно убить это беспокойное лицо. Разбитый Кушлук бежал в горы, но не успешно: преследуемый монгольским вождем, был настигнут в долине Саркола близ Бадахшана и убит. Таким образом и взяли Каракитай.

|| В походе на Мавраннагр уйгурский идикут вместе с Арасланом, ханом карлыков, соединил свои войска с монголами. Китайская история подтверждает почти теми же словами известия Абульгази. [В] 1208 году Хучулэй (Кушлук) бежал в Кидань (Каракитай).

Под 1209 годом мы находим, что владение Хойхур вступило в подданство монгольское. В Ганьму владение названо Вэй-вур и замечено, что княжество это при династии Таньской называлось Гаочан. Под 1211 годом: «Из Западного края Арслан-хан (Арслан – хан карлыков) – глава хоралукского народа поддался ему [Чингис-хану]. Идиху (Идикут) – владетель хойхорский приехал ко двору его»*[87]. Абульгази говорит, что уйгуры, как народ более образованный и имеющий письмо, служили у монголов письмоводителями, но также видно, что они вместе с каракитаями участвовали в войсках монголов. В Хиве между узбеками есть род уйгур, а в Бухаре – кытай*[88].

*[86] Монгольский чиновник, поставленный в завоеванных странах в качестве губернатора или наместника.

*[87] [Абульгази. Указ. соч.], с. 45.

*[88] Одно из сильнейших поколений узбеков называлось кытай или кытай-кипчак. *(Примечание Ч.Валиханова).*

|| После покорения Чингисом Турана, Персии и Китая, мы видим, что резиденция сына его Джагатая, которому дан был в удел весь Мавраннагр, Хоросан, земля уйгуров, Кашгар, словом от Балха и Газны до Сыр-Дарьи, находилась [в городе] Бишбалык*[89]. Джагатай все время жил при брате своем Огадае[66] а страна управлялась даругами. Вскоре после смерти Казана[67] (25 государя из дома Джагатая), Джагатайская орда разделилась на множество отдельных владений, и один из принцев джагатаевского рода Исенбуга[68]-хан утвердился независимо в Кашгаре, Уйгуристане и в стране монголов (Джунгарии). Абульгази говорит: «В Кашгаре, Яркенде, Алатаве (нынешняя земля дикокаменных киргиз и Большой орды) и Уйгурской стране до сих пор из дома Джагатая не было государя; по той причине старейшины монгольские (эмиры), собравшись па совете, призвали Исенбугу и над Кашгаром, Яркендом, Алатавом и Монгольской страной поставили государем». Из этого ясно, что Абульгази не знает о Бишбалыке, одной из столиц Джагатайской орды, которую европейцы полагали в Восточном Туркестане или Джунгарии. Хондемир[69] (История монголов) ясно говорит: «Джагатайхан, сделав столицею своею Бишбалык, большую часть времени провел при старшем брате своем Угейдей-Каане».

Сын Исенбуги, Туглук-Тимур, является сильным государем. В то время, когда в Мавраннагре потомки Джагатая под именем эмиров самоуправствовали, и один из них эмир Кузган (умер 760 г. гиджри) присвоил себе власть, ставил и низводил ханов, и, когда после смерти его сын Абдуллах, желая отнять у Баянкули[70]-хана жену, убил бедного государя и тем вооружил народ. И когда начались междоусобия в 763 г., Туглук-Тимур-хан двинулся в Мавраннагр, покорил эту страну и поставил сына своего Ильяс-ходжу[71]. Пробывши год, он возвратился в Уйгуристан (см. Абульгази и Хондемира «История Монголов»).

Ильяс-Ходжа через год (в 765 г.) был изгнан Эмир-Хусейном, Эмир-Тимуром (впоследствии ханом, известным у нас под именем Тамерлана) и, по Абульгази, возвратился в Кашгар, а по Хондемиру, был убит. Как бы то ни было со времени Исенбуги, особенно Туглук-Тимура, Туркестан Западный совершенно отделился от Восточного и в последующей истории Мавраннагра уже более не встречаем известий о Кашгаре, кроме каких-нибудь косвенных вставок о беках уйгурских и усуньских. Абульгази посвящает несколько страниц повествования о Тимуре-Туглуке. Передаем по возможности ее содержание. Исенбуга-хан от старшей жены своей Сатылмыш-хатун не имел детей, почему приблизил к своей юрте невольницу по имени Менли*[90]. || Вскоре невольница сделалась беременной, и весь народ знал, что это плод ханский. Во время отлучки мужа Сатылмыш-хатун (конечно, из ревности) подарила невольницу одному монголу Широгулу с тем, чтобы он укочевал в свою землю. Когда приехал хан и потребовал невольницу, ему изложили дело, как было. Хан ничего не сказал своей жене, ибо у монголов есть обычай, по которому старшая жена имела власть и волю над прочими. По кончине Исенбуги-хана не было человека из Джагатаева дома, который мог бы занять престол. Каждый род хотел иметь своего хана. Тогда визирь[72] Исенбуги-хана Эмир-Юлавчи*[91] вспомнил о сыне Менли-

*[89] [Абульгази], с. 84.

*[90] *Менли* – Менли-хатун.

*[91] Точнее: *Эмир Буладчи.*

хатун и отправил Таштимура отыскать этого мальчика, дав ему стадо баранов для пищи и обещав при благополучном возвращении дать ему бессчетное множество серебра. В земле Могульской он узнал, что Менли-хатун действительно родила сына от Исенбуги-хана и другого – от Широгула. Имя первого было Туглук-Тимур, а второго – Темир-Мелик. С трудом Таштимур мог взять мальчика и привезти к Эмир-Буладчи, который его тотчас провозгласил ханом, сделав по-монгольскому обычаю пир. Туглук-Тимур-хан в скором времени после избрания в ханы взял Кашгар, Яркенд, Алатав и Уйгуристан и потом, утвердив в Мавраннагре, Самарканде сына своего Ильяс-ходжу, умер. В Кашгаре он был первый, принявший ислам и утвердивший начало явной веры на незыблемом фундаменте.

Абульгази рассказывает, что хан однажды на охоте увидел на пути своем одинокий шатер путешествующего семейства. Он приказал привести к себе нарушителя его воли. (Он отдал приказ, чтобы никто не смел быть из посторонних на охоте). Этот человек был шейх Шучжаг-эддин[73] из Бухары. Шейх отозвался неведением и сказал, что он путешественник. Шах спросил его: «Не таджик ли ты?». Он ответил: «Таджик». Хан заметил на это, что таджик хуже собаки. Шейх сказал: «Правда, если мы не имеем веры, то хуже собак». Хан приказал своим нукерам после охоты привести шейха к себе в орду. После долгой беседы об истинах веры хан увидел свои заблуждения и плакал горько. Хотя хан и совершенно уверовал в несомненности ислама, но при настоящих обстоятельствах не решился явно объявить себя его последователем.

|| Шейх умер, завещав сыновьям своим передать хану его благословение и напоминать ему о его обещании. Когда хан покорил Ташкент, Анджан и Самарканд, Бухару и весь Мавраннагр, то Рашид-эддин, сын шейха, решился объявить хану завет своего отца и, чтобы обратить его внимание,–явился рано утром к орде хана и начал громко кричать азан (призыв к молитве). Хан, разбудившийся от сладкого утреннего сна, потребовал его к себе и спросил: «Для чего ты нас разбудил от сладкого сна?» Рашид-эддин напомнил хану его обещание, и тот тотчас сделался мусульманином, повторив символ веры –«калимати шахадат». Все эмиры также приняли ислам, кроме одного из них по имени Чораса[74], который предлагал сначала условие, чтобы шейх победил на единоборстве неверного пеhлевана, борца. Шейх Рашид-эддин сказал, что эмир Чорас предлагает хорошее условие и что готов и на борьбу. Неверный был побежден, и в тот [день] 160 человек приняли ислам и, таким образом, в Джагатае явно стали исповедовать веру последнего пророка.

Из этого видно, что в Кашгар ислам проникал с трудом и поздно, между тем как в Мавраннагре Б а р а к - х а н, сын Ясу-Мункэ (по Хондемиру, сын Есенту, сына Ментукова, правнук Джагатая), первый принял ислам и назывался Гаяс-эддин, а Тармаширин (по Хондемиру, Кебек), сын Дуйгаджана, окончательно утвердил ее в Мавраннагре.

Есть основание думать, что уйгурские ханы до Туглук-Тимура кочевали в степях и управляли своими владениями, как золотоордынские ханы Россией. Гробница и при ней молельня (мазар) Туглук-шаха находятся и теперь в 30 верстах от Кульджи у гор [Хоргос][*92]. В Географическом словаре о Западном крае, изданном в Пекине

[*92] Пропуск в рукописи.

ученой комиссией, которая пользовалась наблюдениями на Кульдже, существует в Восточном Туркестане урочище «Султан Яйлак», [что] подтверждает это. Там живут несколько семейств туркестанцев. Предание о Туглук-шахе сохранилось и теперь между туркестанцами, и при мазаре его есть хроника с описанием жизни этого государя; по ней известно, что он сначала был калмык (т. е. неверный) и кочевал со своей ордой в нынешней Джунгарии. При мазаре найдены были в прошлом году китайцами, распахивавшими землю, разные золотые вещи и монеты.

|| Мы имеем одну золотую тиллю этого государя, где он назван Туглук-шах Саид-элль шаhид. В числе монет, находящихся у нашего консула в Кульдже, есть также монета этого государя, но, очевидно, другой чеканки, он там назван Султан ибн Султан Эль-гази Туглук-шах. Вообще же, судя по открываемым редкостям и монетам, страна по течению Или до равнины Хоргоса была любимым местом летних кочевок ханов уйгурских.

Около реки Усека, в 120 верстах от Кульджи, близ нашей границы, найдены были одной киргизкой разные монеты с куфической надписью; одна из [этих монет] имеется у нас. У консула есть также монета аравийских халифов и несколько медных с уйгурским или монгольским письмом, но по истертости трудно прочитать что-нибудь.

Обратимся опять к повествованию нашему о Туглуке. Далее у Абульгази находим: «По смерти Эмир-Эльумара-Юлавчи остался (6–7-летний сын, которого хан и поставил преемником отца. Камар-эддин[73] – один из братьев покойного визиря, муж «удивительно чистый» и «высокосильный борец» – паhлаван, сделал однажды государю представление, чтобы за малолетством племянника поручить ему управление. Хан отвергнул. Камар-эддин с этого времени стал в груди питать ненависть. Туглук-Тимур-хан родился в 730 г.; при помощи эмира Юлавчи 18 лет сделался ханом; 24-х лет принял ислам; 34-лет кончив, «волею бога из мира тленного в мир нетленный переселился». По смерти хана Камар-эддин поднял бунт, 18 человек больших и малых из дома Ильяс-ходжи, старшего сына хана «возвел на степень шаhидов»*[93] и всюду поставил своих приверженцев, чтоб, если появятся где потомки Туглук-Тимура, убить и приказал х у т б у[76] битие монет производить на свое имя (т. е. провозгласил себя ханом). От Туглук-Тимура остался один сын, малый ребенок, пользовавшийся еще молоком. Мать этого ребенка Эмир-ага-хатун пришла к Эмир-Худойдату (сыну Юлавчи). Он принял их под свое покровительство и не хотел выдать Камар-эддину.

|| В это время Эмир-Тимур (Тамерлан) с войском пришел на Камар-эддина. Тогда Худайдат, пользуясь всеобщим смятением и страхом, отправил мальчика в горы Бадахшана, присоединив к нему машаиха*[94] и несколько надежных людей. Эмир-Тимур ходил пять раз и всегда встречал готовое к бою войско, но в последний раз Камар-эддин бежал и укрылся в одной большой пещере, когда слух о походе Тимура оказался ложным, то, к великому своему удивлению, посланные не нашли его на месте и узнали, что бежал к государю аджамскому (в Персию). Тогда призвали из Бадахшана сына Туглук-Тимура, имя которого было Хызыр-ходжа, и провозгласили государем па место отца. Повествование это Абульгази оканчивает так: «С того

*[93] Шаhидун (араб.) –мученик за веру.

*[94] Машаих – духовный старец. Здесь в смысле воспитатель, наставник.

времени до настоящего все государи, которые были в Кашгаре, Яркенде, суть потомки этого Хызыр-ходжи, сына Туглук-Темира, сына Исенбуги, сына Дуйходжана, сына Барак-хана, сына Есентуна, сына Моткена, сына Джагатаева». (Абульгази. Румянцевское издание, стр. 86–91). Китайцы сохранили нам имена всех государей, царствовавших в Семи городах, конечно, заимствуя данные из местных исторических источников.

Си-юй-тун-вынь-чжи – географический словарь, издан [в Пекине] для правильного чтения китайских текстов на маньчжурском, монголо-калмыцком и тюркском языках. Генеалогия Хызыр-Ходжи несколько отлична от сообщенного Абульгази. Вот сравнительное их дерево, (см. на стр. 302).

|| После Хизр-ходжи были Шир-Али شير على, Шир-Мухаммед شير محمد, Махмуд*95, Султан-Юнус سلطان يونس, Султан-Ахмед سلطان احمد, Султан-Сеид سلطان سيد, Абдулрашид عبد الرشيد, Абдурахим عبد الرحيم, Бабахан باباخان, Акбаш اق باش, Султан-Ахмед سلطان احمد, Искандер اسكندر, Мансур منصور (مانك سور), Касым قاسم, Абдулла عبد الله. Всего двадцать четыре государя. Что же касается до утверждения политического значения ходжиев, которые в последнее время присвоили себе светскую власть в Семи городах, то нет никаких данных к объяснению этого. В том же словаре, хотя и есть генеалогия их, начиная от Мухамеда, но когда они пришли в Кашгар и кто первый из них утвердился после султанов –того нет. Из него мы узнаем, что ходжи кашгарские, имевшие резиденцию свою в Яркенде и в последнее время восставшие против Китая и страшные*96 до сих пор, суть потомки Алия от дочери*97 его Фатимы, происходят от Сеид-Талиба سيد طالب, сына имама Али-Мусы-Ризы*98, сына имама Мусы-Казима امام موسى كاظم, сына имама Джафар-Саддыка امام جعفر الصادق, одного из 12 имамов из дома Алия или Фатимидов.

Со времени же покорения Джунгарии китайская история представляет обстоятельное обозрение всех происшествий, случившихся в Туркестане. Впоследствии, когда усилились джунгары, Восточный Туркестан был покорен Галдан-Бошокту-ханом[77] в 1679 г. и находился в нем до покорения Джунгарии китайцами. Ходжа Махмуд был человек чрезвычайно уважаемый туркестанцами, посему джунгарский хонтайдзи поручил ему управление Восточным Туркестаном. Махмуд,надеясь на преданность народа, задумал было отложиться, но замысел его был открыт, и он вызван был на Илю, в ханскую ургу и посажен в «ченрау» – подземелье. Махмуд в заточении родил двух сыновей – Бурханиддина и Ходжа-джана. Махмуд умер, когда в 1755 г. китайцы взяли Илю, и дети его были отпущены главнокомандующим Банди на родину в Яркенд. По смерти Галдан-Черена[78] (умер 1754 [г.]), пользуясь междуцарствием, хитрый и властолюбивый Амурсана[79], сын сестры Галдана-Бошокту от хухунорского хана, замыслил захватить в свои руки престол и был причиною падения Джунгарии. Владение его началось с 1750 г., когда Цаван-Дорджи был убит за жестокость побочным сыном Галдана Лама-Дорджей, Амурсана способствовал Давацию убить Лама-Дорджу. Лама-Дорджа, увидев, к чему клонят все стремления Амурсаны, по совету зайсанов, удалил его от себя. Тогда Амурсана решился добыть престол силой.

*95 У о. Иакинфа после Шир-Мухамеда – Махмуд, а Искандера и Касыма нет. *(Примечание Ч. Валиханова).*

*96 Точнее: *опасные.*

*97 Описка, следует: *жены.*

*98 В китайском слове Али-Мушириза ايمام عالى موشيريزا *(Примечание Ч. Валиханова).*

По китайскому географическому словарю

Чингис-хан
جنكيس خان

Чагантай, Мамаки
چاخانداى ماماكى

Хара-бай, Субирак
خاراباى سوبى راك

(Даваци)*99 Хаиду
خايدو

Бардан Сам-буга
باردانك سام بوغا

Батур-бухан
باتوربوخان

Тумане
تومومه

Агус
اغوس

Тимур-Туглук
تمور توغلوق

Хызри-Ходжу
خيزرى خوجو

По Абульгази

Чингис-хан
جنكز خان

Джагатай
جغتاى

Маткан
ماتكن [موتوكن]

Есунтун
يسونتون

Барак-хан
براق خان

Дуйх[оджан]
دوى خجن

Исен-буга
اسن بوغا

Т[углук]-Т[имур]
توقلوق تمور

Хызыр-[Ходжа]
حضر خواجه

*99 У отца Иакинфа в «Описании Джунгарии и Восточного Туркестана» и в словаре, которым я пользовался от нашего консула И.И. Захарова, его нет. *(Примечание Ч. Валиханова).*

Комментарии

Печатается по тексту ССВ, т. 2, 1962, Автограф хранится в ААН, ф. 23.оп. I, д. 4, лл. 40–55 об.

Автограф является черновым наброском и состоит из отдельных листов, последовательно не пронумерованных. При регистрации в ААН многие листы были перепутаны. Текст дается по первоначальной (авторской) пагинации.

[1] *Чахоры* (чахары) – см. статью «Западный край Китайской империи и город Кульджа», комм. 14.

[2] *Анбань, амбань* – один из высших титулов в Восточном Туркестане во время господства маньчжурской династии. Амбань, управляя округом, подчинялся хебе-амбаню – вице-губернатору. Здесь в смысле полковника.

[3] *Манас* – город, расположенный в Джунгарии, к северу от Урумчи.

[4] *Чжонкэ* (Чанцзи) – город в Тарбагатайском округе.

[5] *Цебан-Дорджи* Намеджи – сын Галдана-Цэрена – хана калмыков (род. прибл. в 1732 г.). В 1746 г. после смерти отца был провозглашен ханом, но в междоусобной борьбе со своим братом Лама Дорджи (от наложницы) в 1750 г. потерпел поражение, был ослеплен и сослан в Аксу.

[6] *Хакимбек* – одна из старых высших должностей в Восточном Туркестане, самостоятельный и полновластный правитель крупного города или селения. После завоевания Восточного Туркестана Китаем в 1758 г. хаким-беки были превращены в чиновников третьего класса, ограниченных в правах, и должность их из наследственной стала выборной. Лицо на должность хакимбека назначалось хебе-амбанем и утверждалось в Пекине.

[7] *Турфанский бек с красной шишкой* – уйгурский бек, получивший от китайского правительства за службу знак отличия (красный шарик) и звание вана и байцзы. Шарик носили на шапке и, в зависимости от заслуг, разных цветов. Уйгурские чиновники делились на семь классов: у чиновников первого класса шарики были рубиновые, у второго – коралловые, их носили хакимбеки – правители городов; у третьего – из ляпис-лазури, у четвертого – из голубого стекла, у пятого – из зеленого стекла, у шестого – из белого камня, у седьмого – из серебра.

[8] *Династия Тан* (618–907 гг.) – китайская династия, правившая в период развития торговых связей Китая со Средней и Западной Азией. С этого времени в китайских источниках начали встречаться более подробные географические сведения о странах Западной Азии. Одним из таких источников являются «Записки» Сюан-цзяня.

[9] *Ван Фан-и* – китайский полководец во времена императора династии Тан Гао-цзуна (650–683 гг.).

[10] *Шафи* (от араб. – *имам Шафи*) – основатель одной из четырех главных сект ислама.

[11] *...мечети ...мавританской архитектуры* – т. е. архитектуры, созданной в VII–XV вв. арабами-завоевателями и местным населением в южных областях Испании, Сицилии и Северной Африке. Для нее характерны подковообразные и многолопастные арки, сталактитовые украшения карнизов и сводов, пестрая, красно-белая отделка зданий, сплошное покрытие архитектурных украшений мелким растительным и геометрическим орнаментом.

[12] Военные поселения в Восточном Туркестане существуют с 1761 г., т. е. со времени завоевания этой области Китаем.

[13] *Талияцин* – город в Хотанском округе.

[14] *Кан-си* (1662–1722) – девиз правления второго императора Цинской (маньчжурской) династии Сюань Е.

[15] *...торгоуты, бежавшие с Убашой из России.* – Калмыки-торгоуты, кочевавшие в 30-х годах XVIII в. в низовьях рек Урала и Волги. В 1771 г. под предводительством Убаши около

30 тысяч кибиток ушли обратно в Джунгарию. Большое влияние на откочевку оказали недостаток пастбищ и экспансия царизма. См.: *А.П. Чернышев.* О перекочевке волжских калмыков в Джунгарию в 1774 г. – XV научная конференция «Общество в Китае». М., 1982.

[16] *Хадис* (Ходжа Сыбек) – Уштурфанский хакимбек, известный приверженностью к Китаю; в 1755 г. он выдал китайскому правительству джунгарского хана Даваци, а позднее – руководителей национально-освободительного движения в Синьцзяне – братьев Бурханеддина и Ходжа-Жагана.

[17] *Даваци* – последний джунгарский хан (XVIII в.), свергнутый китайскими войсками во главе с генералом Баньди и Амурсаной.

[18] *Темир-Туглук* (Туглук-Тимур) (ум. в 1362 г.). См. подробнее: ССВ, т. 1, 1961.

[19] *Мутие,* от слова «Мут» (хотанский говор) – бесплатно, даром, без вознаграждения. В данном случае, без калыма.

[20] *Любовь мотылька к свечке и Меджнуна к Лейле* – поэтические образы, принадлежащие классической литературе мусульманского Востока.

[21] *Фатима* – дочь Мухаммеда, ставшая покровительницей мусульман.

[22] *Пентефрия* – по библейскому преданию, главный начальник у фараона, купивший Иосифа Прекрасного, проданного братьями. Пентефрия сделал Иосифа своим управителем, но затем, по ложному обвинению своей жены Зулейхи, которая не могла обольстить Иосифа и оклеветала его, заключил его в тюрьму.

[23] *Ву-ди* – китайский император династии Хань (140–87 гг. до н. э.).

[24] *Жужанцы.* См. комментарий: наст. том, с. 33, 376.

[25] *Дулгасцы* (дулгасы, дулцы) – одно из названий древних тюрков, по китайским источникам.

[26] *...что разумеет он под тюркским письмом в этот период...* (VI–VII в. н. э.), когда не было и собственно арабского письма. Орхонское письмо, отмеченное в китайских источниках, во время Ч. Валиханова еще не было известно, оно было открыто учеными лишь спустя 25 лет после его смерти, т. е. в 1889 г. на р. Орхон (отсюда его название – орхонское письмо). Этим открытием подтверждена достоверность данных китайских источников о существовании рунического письма. (*В.В. Радлов* – Труды Орхонской экспедиции. АДМ. СПб., 1892; СТОЭ, I, 1892; II, 1896; V, 1901; *Н.Н. Веселовский.* Орхонские открытия. – ЖМНП, т. 92, 1894).

[27] *Кангюй* – раннегосударственное объединение начала нашей эры, известное по китайским источникам (Цянь-Ханшу, Шицзы) под названием Канцзюй. Локализовалось по среднему и нижнему течению Сырдарьи. По-видимому, под влиянием Канцзюя находилась значительная часть территории Казхастана. По мнению некоторых ученых, этническую основу племен, вошедших в Кангюйское раннегосударственное объединение, составили восточноиранские племена, потомки присырдарьинских саков (См.: *Б.Г. Гафуров.* Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972, с. 137). По мнению других ученых, кангюйские племена были тюркоязычны (см.: *А.Н. Бернштам.* Очерк истории гуннов. Л., 1951, с. 107). Ряд авторов указывает на политический характер термина Кангюй, не имевшего прямых этнических связей (см.: *С.Г. Кляшторный.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с. 173, прим. 187).

[28] *Дом Тугю* – китайское название древнетюркского каганата – раннефеодального государства, существовавшего в VI–VIII вв. на территории, ограниченной на востоке современной Монголией, на западе – Каспийским морем.

[29] *Гао-Чань* – древняя родина уйгуров, китайское название древнего Восточного Туркестана.

[30] *Чешы Передние* – княжество, существовавшее в Восточном Туркестане при династии Хань. Местопребывание князя было в г. Чжоха-хота.

[31] *Ашина* – царский род, составивший господствующую элиту в Древнетюркском каганате. Относительно этнической истории ашина существуют различные суждения и точки зрения. По мнению С.Г. Кляшторного, первоначально ашина населяли район Си Хай (низовья реки Эдзингол) и имели тесные связи с хунну, после чего последовало их переселение в Пиньлян и Хэси, где ашина восприняли в свой состав ираноязычных «смешанных ху». Позднее мигрировали в Гаочан, где попали под власть жуань-жуаней и затем были оттеснены к южным отрогам Алтая, где и приняли имя Тюрк. Ю.А. Зуев считает возможным, базируясь на методе этнонимического калькирования, объяснить трансформацию этнонима *усунь* в имя *ашина.* Предками ашина оказалась какая-то восточная часть сако-усуней, которая к V в. приняла подданство жуаньжуаней. (См.: *С.Г. Кляшторный.* Древнетюркские рунические памятники..., с. 110–113; *Ю.А. Зуев.* Тамги лошадей из вассальных княжеств. – ТИИАЭ АН КазССР, 1960, т. 8, с. 121–124; *Он же:* Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков. Автореф. дисс. канд. истор. наук. Алма-Ата, 1967, с. 5–14, и др.).

[32] *Апанбу* – один из легендарных родоначальников древнетюркских племен.

[33] *..младший из Ашина сделался владетелем...* – по патриархальному обычаю, право главы семьи после смерти отца переходило к младшему сыну.

[34] *Теласцы (тейлесцы)* – древнетюркское этническое объединение.

[35] *... звал его плавильным невольником* («*ты* мой плавильщик: как жо осмелился сделать такое предложение?») – речь идет о древнетюркских племенах, живших на Алтае, зависевших от жужаней, которым платили дань железом. (См.: *Н.Я. Бичурин (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I, М. – Л., 1950, с. 228; *Н.Д. Пигулевская.* Сирийские источники по истории народов СССР. М. – Л., 1941, с. 75).

[36] *Считают по зарубкам на дереве.* – Речь идет об учете скота и продуктов земледелия, который велся на бирках.

[37] *...за краденое отдавай в 9 раз больше.* – Число девять выражало полноту возмездия. Оно было священным при исполнении обрядов. Его придерживались и при вручении наград и подарков.

[38] *Умершего кладут в юрте, объезжают ее девять раз.* – Подобные обряды, описанные китайскими авторами у древнетюркских племен, существовали и у казахов в позднем средневековье.

[39] *Умершего весной и летом* [*хоронят*], *когда лист падает,* – т. е. поздней осенью, когда вся живая природа замирает. В основе этого обряда лежит анимистическое представление древнетюркских племен. Весной и летом они не рвали зеленую траву, считая, что это принесет несчастье человеку.

[40] *... умершего осенью и зимой хоронят, когда лист распускается* (т. е. весной) – этот обряд был распространен и у казахов до самого позднего средневековья.

[41] *...время замечают по траве.* – Скотоводческие народы строили свой календарь не только по звездному небу, но нередко и по росту и увяданию растительного покрова.

[42] *Поют песни, стоя лицом друг к другу.* – Эта манера исполнения хоровых и свадебных песен (жар-жар) была распространена и среди казахской молодежи.

[43] *Дом Суй* – Суйская династия Китая (581–618 гг.).

[44] *Хи* – по китайским данным племя каи, т. е. змеи. См.: *С.М. Ахинжанов.* Этнонимы «кимак» и «кипчак». – В кн.: Археология эпохи камня и металла Сибири. Новосибирск, 1983, с. 106–122.

[45] *Тунъюйгу* (Тоньюкук – по орхонским надписям) – имя советника при тюркских каганах Могиляне и Кюльтегине. Кюе-Дала (Кюльтегин – по орхонским надписям) – один из последних тюркских каганов.

[46] *Басими* (басмил – по орхонскпм надписям) – соседнее с уйгурами самостоятельное племя, кочевавшее в верховьях Иртыша и к западу от него.

[47] *Нушиби* – по китайским источникам, – этноним конфедерации древнетюркских племен, обитавших на территории междуречья Чу и Таласа.

[48] *Тухоло* (кит.) – название племени тохары.

[49] *Ши* – ташкентский оазис.

[50] *Хэ* – современный Катта-курган.

[51] *Му* – согдийское владение.

[52] *Чуюе* – искаженная форма названия чуйских племен.

[53] *Чуми* – конфедерация семиреченских племен.

[54] *Гусу* (гузы, огузы) – конфедерация сырдарьинских племен.

[55] *Гэлолу* (карлуки) – союз племен, обитавших на территории от Алтая до Семиречья.

[56] *Лао-шань* (Ду-мень) – гора (по кит. источникам), лежащая близко к хребту Танну, который тянется от Алтая на восток до Хангайских гор,

[57] *Туциши* – по китайским источникам – тюргеши.

[58] *Тукрату-бузлук, Аскунлуг-Тукрам,* – вероятно, описка, точнее – *Букрату-бузлук, Аскунлук-Танрим, Букрату* теперь – *Букуртай, Мукур, Мукуртай* – высокие горные вершины, часто окутанные туманом; бузлук – ледник, от буз – лед; Аскунлук (аскынлык) – высокий, висящий, высь, переносно: небесный (см.: *С.Е. Малов.* Памятники древнетюркской письменности. М.–Л., 1951, с. 361 – аскун); Тангрим – небесный, поднебесный, ср. Хан-Тенгри – Царь небесный.

[59] *Дегинь Жозеф* (1721–1800) – французский историк, востоковед, автор большого труда по истории хуннов, монголов и тюрков. См. подробнее ССВ, т. 1, 1961.

[60] *Чеши Задние* – название владения, существовавшего в Джунгарии при династии Хань и Троецарствие. Со времени династии Юнь-Вэй оно находилось в зависимости то от уйгуров, то от жужаней, то от тюрков. Китай в 640 г. по приобретении этих земель причислил их к уезду Гиньмань.

[61] *...одиннадцать бу* (було) – одиннадцать аймаков (округов), в основу деления которых берется не территориальный признак, а родовое деление. Речь идет о карлукских и басимиских родах, отождествляемых Иакинфом с уйгурами.

[62] *шони (манихейцы)* – проповедники манихейской религии, одной из сект христианства в VII–X вв.

[63] *Сянь-Цзун* – китайский император Танской династии.

[64] *Фишер Иоганн Эбергард* (1697–1771) – академик, изучавший историю Сибири и ближайших территорий. См. подробнее ССВ, т. 1, 1961.

[65] *Кушлук* – сын найманского Таян-хана, возглавил борьбу против монголов, вторгшихся на территорию Казахстана и Средней Азии.

[66] *Огадай* (Угедей, Октай) – третий сын Чингисхана и его преемник.

[67] *Казан-хан* – сын Исунту, правнук Чагатая, один из первых ханов-чагатаидов в Мавераннахре.

[68] *Исенбуга* (Елходжа) – сын Дойчечена, первый хан Восточного Туркестана из потомков Чагатая.

[69] *Хондемир Гиясуддин* (1475–1535 или 1537) – персидский историк, автор истории джагатаидов. Жил в правление тимурида Хусейна Байкары.

[70] *Баянкулы* (XIV в.) – чагатаид, его знаменитая гробница находится в Бухаре.

[71] *Илъяс-ходжа* – сын Туглук-Тимура, один из феодальных владетелей Восточного Туркестана.

[72] *Буладчи* (Пуладчи) – главный эмир Моголистана из племени дуглатов.

[73] *Шучжа-ад-дин* – шейх из потомков бухарского шейха Шуджа-ад-дина (XIV в.), вероучитель ислама в Средней Азии и Восточном Туркестане.

[74] *Чорас* – один из влиятельных эмиров Моголистана из племени дуглатов.

[73] *Камар-эддин* – влиятельный эмир из племени дуглатов, возглавил борьбу против Тимура в Восточном Туркестане.

[76] *Камар-эддин... приказал хутбу* – т е. духовенству, в его честь произносить молитвы.

[77] *Галдан-Бошокту* (1671–1697) – джунгарский хунтайджи, один из первых в начале XVII в. начавший завоевание казахских земель.

[78] *Галдан Черен* (Цэрэн) (1727–1745) – последний могущественный хан джунгарских калмыков. См. подробнее: наст. собр. соч., т. 1, с. 385.

[79] *Амурсана* (1722–1757) – соперник Даваци, претендент на ханский престол в Джунгарии в период упадка страны, впоследствии ставший руководителем национально-освободительной борьбы калмыков против феодального Китая.

ЗАПИСКА О КОКАНСКОМ ХАНСТВЕ

|| Племя кайсаков кочует в наместничестве Ташкентском и принадлежит к двум ордам Большой и Средней. Большой орды племена суть: чанчклы, канглы, кочующие около Ташкента, дулаты и джалаиры и суваны, кочующие по Чу и Таласу; а Средней: конраты и киргизы, подведомственные детям султана Кенесары Касымова, кочующие в окрестностях Туркестана и по Каратау.

|| Относительно гражданского управления и в военном отношении Кокан разделяется на несколько наместничеств, или военных округов. Правители этнх округов (хакимы) бывают вместе с тем и главными начальниками военных сил, расположенных в границах его ведомств, и получают свои места на аренду. Доходы получают они бесконтрольно и сами довольствуют войска жалованием и фуражом; хану отправляют ежегодно известную часть от доходов и дары от своей личности. Хакимы бывают с титулами кушбеги[1] (сокольничие), парваначи[2] и датха[3]. Хакимы имеют двух помощников: саркаря[4], исключительно заведывающего гражданской частью, и батыр-баши, управляющего войсками. Все более или менее значительные города ханства составляют отдельные округа. Из них более замечательны: Кокан – резиденция двора, в нем нет правителя, а войсками командует сам минбаши[5] (темник) – высший чиновник в ханстве с правами верховного визиря и главнокомандующего. Здесь сосредоточены главные военные силы ханства и отборный корпус галаватр[6] – род гвардии.

Маргелан[7] – второй [округ] по значению после Кокана. В военном отношении || округ этот и войска его называются Ярмазарским, по имени крепости, лежащей в шести верстах на юго-запад от Маргелана, в которой квартируются войска. Правитель имеет пребывание в Ярмазаре. В Ярмазарском корпусе считается до 12 тысяч солдат, из которых 4 тысячи поселены в самом Ярмазаре.

Третий [округ] – Наманган[8]. Войска его называются тюрякурганским корпусом, по имени крепости, лежащей в восьми верстах на запад.

[Другие округа]: Анджан – древняя Фергана, Ош, или Тахт-Сулейман, Шархия*[1] по долине Ангрена, Курама, Уратюпе[9], Ходженд, наконец самый обширный округ Ташкент.

Все кочевые племена по месту своих кочевок приписаны к этим округам, а воины их – в их войска. Узбеки минь и часть юзов подчинены Кокану, юзы – Уратюпе, кипчаки – Намангану и Шахрихану, тюрк – Маргелану и Ошу, а дикокаменыые киргизы принадлежат ведомству округов: Маргеланского, Ошского, Анджанского, Наманганского и Ташкентского. Вообще киргиз (бурутов) и кайсаков можно разделить на совершенных подданных Кокана и на признающих его власть. Первые пользуются одинаковыми правами с кочевыми узбеками, служат в войске и занимают военные и

*[1] То есть *Шахрухия*.

гражданские места. К ним принадлежат: киргизы племени адгене, ичкилик и найман, кочующие летом в горах Алай[10] || и зимой в Ферганской долине, и кайсаки, родов Большой орды – чанчклы или катаган и канглы, кочующие в окрестностях Ташкента. Чанчклы и канглы составляют главную основу войск ташкентского наместничества. Вторые платят зекет и обязаны давать вспомогательные войска в случае надобности. Таковы болорские киргизы, имеющие над собой от Кокана особого военного чиновника в чине датхи, который живет в укреплении Ташкурган и платит зекет маргеланскому и ошскому хакимам.

Сборщики податей разъезжают по киргизским улусам до самого Хотана. Колена киргиз, кочующие по реке Нарыну на долинах Тиекташа, до города Уш-Турфана, подчинены анджанскому правителю, которому подчинены также коменданты укреплений, построенных в кочевьях этих киргиз: Джумгал, Тогузтарау и Куртка. Кансаки и киргизы, кочующие по Таласу, Чу и Джумгалу, подчинены ташкентскому || наместнику. Для наблюдения за ними построены укрепления: Авлие-Ата, Чулак-Курган, Мерке, Пишпек и Токмак.

Таджики и оседлые жители тюркского племени по преимуществу занимаются торговлей, ремеслами и хлебопашеством; между тем как кочевники по преимуществу воины и, следовательно, составляют самостоятельный элемент в ханстве. Кипчаки вооружили против себя как городских жителей, так и кочевых узбеков и киргиз, но были так сильны, что недовольные не смели явно выразить своей ненависти. Вскоре между кипчаками обнаружилось несогласие. || Утенбай, поссорившись с минбашой во время осады Уратюпы в 1846 году за какую-то лошадь, взятую в добычу утенбаевскими солдатами, которую минбаши взял себе, соединился с Мирзатом, начальствовавшим наманганским корпусом, напал на стан его [минбаши], ограбил, уничтожил регалии, присвоенные ему по званию минбаши, и отправил его в Кокан. Хан, обрадовавшись случаю избавиться из-под опеки Мусульманкула[11], назначил || минбашой муллу Калыбека, тоже кипчака, и Мусульманкулу дозволено было отправиться*[2] в свои аулы и согласно его обещанию вести уединенный образ жизни. Избавившись от смерти, Мусульманкул на следующий год со своим родом напал на Мирзата, связал его и с наманганскими [войсками] пошел прямо на Кокан. Город был скоро взят, а Мирзат повешен на городских воротах. Таким образом, Мусульманкул овладел опять званием минбаши. Подчиняясь родовым отношениям кипчаков, Мусульманкул не смог наказать злейшего врага своего Утенбая и || неудовольствия против него усиливались все более и более, пока, наконец, в 1848 году не произошел явный разрыв с Утенбаем во время смотра Маргеланского корпуса. Утенбай убил одного солдата копьем за дурное исполнение разных штук в жигитовке, Мусульманкул заметил это Утенбаю. Оскорбленный кушбеги, во время церемониального прохождения армии минбаши, не только не сошел с лошади, но запретил своим [солдатам] и офицерам сделать ему честь, присвоенную Мусульманкулу по званию минбаши. С этого пачался разрыв, кончившийся так неблагоприятно для кипчаков. || Утенбай, отказался от повиновения, вступил в сношение с правителями Ташкента, Уратюпы, которые также были недовольны минбашой. Все знатнейшие

*[2] Против этого слова на полях Ч. Валихановым поставлен знак NB и под ним написано *Джумабай остатки в Анджане.*

родоначальники кипчаков – Куруглу, сын его Хал-Магомет, правитель Шаерхана*[3] – присоединились к партии Утенбая. [Но] минбаши был еще так силен, что успел принять меры к погашению этого бунта; недовольные минбашой бежали к ташкентскому правителю Нурмагомету, который в 1852 году явно отложился от диктаторской власти || минбаши. Неудачная осада Ташкента в марте, нюне и июле 1852 года решила окончательное падение Мусульманкула. Утенбай со своими войсками присоединился к осажденным; хан, находившись в утенбаевском лагере, принял также сторону ташкентцев, и Мусульманкул, оставленный всеми, бежал в свои аулы. Между тем Утенбай, сделавшись минбашой, предал казни всех значительных кипчаков, занимавших разные государственные должности. Этот случай соединил оставшихся кипчаков, [и] в начале 1853 года[12] до 60 тысяч войска под предводительством || самого хана выступило против кипчаков [утенбаевских], между рек[ами] Нарын и Сыр происходила страшная резня. Несмотря на отчаянную храбрость кипчаки не смогли бороться с превосходными*[4] силами неприятеля, были совершенно побиты, остатки их по указу убивались везде, где только показывались. Мусульманкул погиб на эшафоте вместе с 600 человеками лучших кипчакских воинов. Только Утенбай, Нурмагомет, Калмагомет остались живыми и сохранили || должности, а другие успели спастись бегством в Бухару.

Таким образом, освободившись от влияния кипчаков, Худояр вступил сам в непосредственное управление государством. [Все] области отданы были в удел братьям хана: Малибек назначен был наместником в Ташкент, Суфибек – в Анджан, Султан-Муратбек – в Маргелан, а остальные города были отданы его любимцам, большею частью юношам. В звание минбаши был возведен Шадман-Урак из ташкентских ходжиев. Начало правления Худояра[13] было спокойно. Человек он был кроткий, религиозный; || излишняя доверчивость к товарищам юности, которыми он окружил себя, и, наконец, склонность к мистицизму, через что усилилось влияние духовенства, возбудило неудовольствие старых солдат. [Поэтому] Малибек первый поднял знамя восстания, но должен был бежать в Бухару. Вражда между этими двумя государствами никогда не прекращалась, и бухарский эмир, заметно стремящийся к распространению своей власти во всем Туркестане, продолжая свои набеги на Уратюпу и Ходжент, с радостью || принял Малибека. Зимой 1855 года Малибек склонился на многократные просьбы своего брата, возвратился в Кокан; по приезде к двору брата Малибек, хотя и был принят очень радушно, но тем не менее, никакого места не получил, но даже поставлен был для наблюдения за ним особенный чиновник Эрназар-пансад из кокандских каракалпаков, переселенных из Туркестана на запад от Кокана.

В последний период своего правления Худояр предался крайнему мистицизму и забавам. Во время походов никто не мог курить и не являться к общей молитве. В дворце своем хан читал лекции прав и обрядов или же устраивал арены для боя животных, особенно собак; самцы свирепых верблюдов, баранов, собак и куропаток воспитывались в зверинцах. || [Он] устроил огромную голубятню, выписывал злых собак из разных провинций своего государства, даже из Хотана и Яркенда: делами

*[3] То есть *Шахрихана*.

*[4] То есть *превосходящими*.

государства управляли придворные чиновники и минбаши, которыми в последнее время были Манияс, повешенный в бухарском плену в конце 1850 года под Уратюпой, и Касим, умерший осенью 1857 года, и Шадман-Урак[14]. Под Уратюпу ходил сам хан с 40 тысячами войска. Бек уратюпинский, потомок прежних владетелей, отложился от Кокана и признал себя вассалом бухарского эмира. Коканцы были в трудном проходе [застигнуты] врасплох, 500 юзов напали на [их] арьергард, разбили его, взяли в плен минбашу, семь пансадов[15] и часть провианта, которого было 12 тысяч телег. Минбаши перед тем в Кокане, во время аудиенции бухарского посланника, бранил хана и посланцу дал плюху. После этого похода последний и самый юный член ханской фамилии Шамрат-бек[16] получил Ходжент под руководством Турсун-пансада. Это обстоятельство возбуждало все более и более недовольствие Малибека, а хан своим беспечным поведением начинал навлекать на себя народное неудовольствие; у хана [появилась новая страсть к браку: какой-то мулла сказал, что совершить тысячу браков дело не менее важное, чем покорить || семь климатов. Стремление к этому «великому» делу выразилось тем, что он в весьма короткое время женился на 80 девственницах. Между тем в Ташкенте случилось дело, давшее случай Малибеку явиться опять на политическом горизонте.

Со времени бегства Малибека в Ташкент назначен был правителем Мирза-Ахмет-парваначи – молодой человек, обязанный своим возвышением красивой наружности, [он] был прежде мехремом*5 (вроде турецкого тобукчи) у одного богатого купца. Это тот самый парваначи, который сделал два вторжения в наши границы: одно на правый фланг, на реку Сарысу, а другое со стороны Пишпека, на Большую орду. Он окружил себя великолепием, которое превосходило двор самого хана; для поддержания этой внешности он наложил обременительные налоги на кочевые племена; все внимание его было облечено на войска, которые получали щедрые награды и привязались к своему начальнику. Между тем как неудовольствие кочевников возрастало с каждым днем все более и более.

Постоянного войска в наместничестве считается до 40 тысяч, а в чрезвычайных случаях*6 || ...и будущей весной помочь ему овладеть Кашгаром; в числе перешедших [на сторону Малибека] был Нурмагомет-датха, получивший тогда же должность кашгарского аксакала. 30 октября после нескольких сшибок, где кипчаки оказали особенную ревность для отмщения за избитых единоплеменников, Малибек овладел Коканом, а Худояр, в сопровождении Мирза-Ахмета и Шадмана-Урака, бежал в Ходжент, а оттуда в Бухару, где был принят эмиром. В настоящее время этот хан живет в городе Самарканде. Малибек утвердился на ханстве иод именем Сеида-Багадур Магомет-Мале-хана. Малибек, сделавшись ханом, изменил свою политику. Обязанный своим возвышением дикокаменным киргизам он обещал главу их Алибека сделать || минбашой; но до сих пор официально не признал [его] в этом звании, хотя пользуется совершенно правами верховного визиря. Первоначально киргизы успели захватить много прав, подобных кипчаку. Но в настоящее время, хотя явное насилие и грабежи, которые [они] производили и в городах, приостановлены, но тем не менее влияние их выражается довольно заметно; многие важные места заняты

*5 *Мехрем* – доверенный.

*6 Текст обрывается. Отсутствует один лист.

киргизами. Малибек, по-видимому, хочет подражать бухарской системе управления, которая считается в Средней Азии образцовой, и поэтому говорят, что звание минбаши будет упразднено.

Первое время своего управления Мали-хан*7 ознаменовал || деятельностью и справедливостью. Личные долги, сделанные Худояром, были им уплачены, и многие вещи, неправильно присвоенные в казну, были возвращены. Потом он уничтожил многие налоги, а другие облегчены, так например: первое, н и к а х а н а نكاحانه – подать, даваемая при вступлении в брак, за девицу один золотой, за вдову половину золотого; второе, таракана تراكانه – 1/40 часть имущества умершего, поступающая в казну; третье, тараздар – за весы, которые содержит правительство; с одного батмана [зерна] 1 мир (1/4 часть тяньги) были совершенно отменены; четвертое, харадж خراج – поземельная подать – облегчена; с ирригационных полей брали прежде с 5 пудов 1 [пуд], теперь с 10–1 пуд, с пашен же без ирригации прежде брали с 10–1 пуд, || теперь же отменены вовсе. Город Маргелан за участие, оказанное ему, получил звание хасаки*8, то есть пользующегося особенным покровительством. Мали-хан обнаружил большую заботливость к управлению, к возвышению благосостояния своей страны; вскоре после вступления на ханство он посетил Маргелан, потом Ташкент, оттуда прошел прямо в Ходжент и на обратном пути иробыл несколько дней в Кокане, [затем] поехал в Анджан. Это было в марте месяце 1858 года.

В управлении Мали-хана, между всеми хорошими распоряжениями, есть одна поразительная сторона, заимствованная им, как кажется, у бухарского || эмира. [Это] коварство и двуличность. Примером этого мы представляем грамоту его кашгарскому аксакалу Насреддину и историю с маргеланским правителем Мулла-Халыкулом, который был назначен правителем этого города. [Мадали-хан], совершенно успокоенный, взял в свои руки [их] скрытое имущество и приказал [их] казнить и конфисковать имение. Подобных примеров немало.

Правителями городов избраны им: ташкентским кипчак Утенбай-кушбеги, в Маргелане после Мулла-Халыкула сделаны два правителя – военным Балбек, а гражданским (саркар) – Сеит – и потом Канагатча[17], бывший при Мадали-хане правителем города Туркестана и находившийся с того времени в бухарском плену. Он [Канагатча] известен вместе с братом своим Джурабеком и Гадайбеком за самых храбрых людей Коканского ханства. Все эти таджики служили во время знаменитого кушбеги Ляшкера[18] [в Коканде], потом в Бухаре, где пользовались особенным расположением эмира. После восшествия Малибека Канаярча*9 с 300 своих солдат прибежал в Кокан. Сын кушбеги Ешангул-датха занимает в бухарском войске видное место.

Анджанским [правителем назначен] Шамуратбек, сын Сарымсак-хана; в Наманган – Суфибек, брат хана, в Ходженте оставлен прежний правитель; || Урутюпа, переданная после поражения Худояр-хана бухарцам, теперь опять подчинилась Кокану. Этой областью [управляет] один из наследственных беков. По последним известиям, в Ташкент назначен [новый правитель]. В конце апреля Утенбай вызван в Кокан, а на его место назначен Метмуса-тюрк, а помощником его (закатчи) – Мадшарипбай по прозванию Джинны.

*7 *Мали-хан* – сокращенное от Малибек-хана.

*8 Точнее: *хаса, хасаги* – привилегированный.

*9 Искажение переписчика, следует: *Канагатча.*

Положение коканского хана в настоящее время чрезвычайно затруднительное. С одной стороны, старый враг Минского дома бухарский эмир Багадур, в последнее время (в 1856 году) усилился взятием города Шахрисябза[19], который управлялся независимым владетелем из узбекского племени кенегес. || [Последнее] враждовало с мангитами*[10] со времени [их] основания. Багадур-хан со дня вступления своего на престол постоянно воевал с кенегесами, но всякий раз возвращался без успеха. Таким образом, эмир Насрулла, усиленный покорением Шахрисябза, и, наконец, имея в своих руках Худояра, сына Мадали-хана Музаффара, сына султана Махмута, который был прежде в Шахрисябзе, становится более опасным, чем когда-либо был. Уратюпа в последние время управлялась своими беками, присвоила себе много свободы и признает только номинально права хана. || Это обстоятельство заставило Мали-хана сделать все те уступки народу, чтобы заслужить его преданность, и быть разборчивым в выборе лиц, стоящих в главе управления. В этих видах Утенбай, как старый и хитрый солдат, способный из личных выгод делать все, взят в Кокан. Вследствие этого стеснительного положения проистекает то равнодушие к протекторатству, которое присваивают себе дикокаменные киргизы, живущие на верховьях Сыр-Дарьи, не согласные с твердым и решительным характером этсго владельца. Обязанный всем этой нации и сам будучи в родстве, он может более надеяться на преданность || этих сынов природы, еще не успевших заразиться двуличностью коканцев. Кипчаки также содействовали [успеху Малибека], а потому многие из них снова заняли влиятельные места, [например], Нурмамет-кушбеги. Халмабет и отличившийся во время восстания Малибека Клычкурши. Кипчаки стекаются опять в Кокан. Малибек, очевидно, боится повторения кипчаковского влияния, потому что, хотя их и ласкает, но до сих пор не дает им мест правителей округов. Вследствие этой умеренной политики Малибек силится поддерживать миролюбивое отношение к Бухаре, к России (были слухи что он готовит посольство в Россию). Относительно Китая || Малибек выразил желание быть тоже в дружбе. Вместе с аксакалом, назначенным Малибеком, отправлен был в Кашгар посол Маткерим-бий в звании бакаулбаши для извещения о восшествии на ханский престол. С ними вернулся из Кокана кашгарский посланец Самулла-ходжа, шейх при гробнице Аппак-ходжи[20]. [Послами] назначаются кашгарские беки, духовные особы, которые подают хану подарки.

* * *

...*[11] || кончившейся падением хана Худояра и восшествием Малибека. Между К[ашгаром] и Коканом сообщение [стало] быстрое, гонцы приезжают из Кокана в 6–8 дней. До нас доходили все известия постепенно и официальным путем. События, потрясавшие Кокан, отразились и в Кашгаре сменой аксакала[21] Насыр-Эддинадатхи, на место которого назначен [Нурмагомет], бывший [в] 57 году сначала коканским аксакалом, потом при ходжах[22] минбашой. Восстание Малибека и падение Худояра-хана, по точным сведениям, которое получалось в Кашгаре, происходило таким образом*[12]. Для ясности нужно некоторое историческое отступление.

*[10] Речь идет о бухарской династии из племени мангит.

*[11] Это часть статьи сохранилась в деле №10 без начала.

*[12] Против этого на полях стоит знак NB.

После завоевания узбеками Мавераннагра (в начале XVI столетия) Ферганская долина сделалась местом кочевок некоторых узбекских родов. В пределах Кокана, около Ашпары, кочевало колено мин, около Ходженда – юз, около Анджана – тюрк и кипчаки, между Маргеланом и Наманганом – кипчак. В 1[509] году родоправитель узбекского племени мангит Шадмбек свергнул... хана из дома батуханидов и объявил себя ханом. Около этого времени начал возвышаться род Чамаш-бия из колена мин. [Из его потомков] дети Абдулькерим-бия (около 1745 года), Эрдене-батыр (1758 года), потом брат его Нарбута распространили свое влияние на долину верхнего Сыра, и Нарбута-бий приказал на свое имя читать «хутбу», а сын его Алим принял впоследствии титул хана; на монете, литой 1801 [году], он называется беком[23], || а брат и приемыш его Омар-хан (сеид М. Омар-султан) присоединил к своему имени титул сеида – султана повелителя мусульман. В 1842 [году] сын Омар-хана Мадали хан был убит бухарским эмиром Насрулла-ханом, который назначил своих наместников в Кокан. Шир-Али, сын Алим-хана, родившийся от дикокаменной киргизки, еще в юности удалился к своему деду, ото из рода сару Аджибаю и, забытый всеми, вел тихую кочевую жизнь. Женатый на дпкокаменной киргизке, он имел трех сыновей: Сарымсака, Малибека[24], Худояра. Линия Омар-хана со смерти Мадали-хана и брата его Суфия Махмуда пресекалась; малолетний сын Мадали был в руках эмира, а народ, недовольный бухарцами, волновался и готовился свергнуть ненавистное иго. У Шир-Али явилась надежда. В белой войлочной киргизской шапке и грубом киргизском плаще явился среди коканцев Алишир, как восстание вспыхнуло.

Мангиты были перерезаны. Эмир подступил к Кокану. чтобы восстановить свое влияние, но был разбит и обратился в бегство, Шир-Али сделался ханом. Хан этот был человек крайне добрый, вялый, и склонный к религиозному мистицизму и предался жадной роскоши по привычке. Коканцы, привыкшие к блестящей роскоши Мадали и тирании грозного эмира, не могли оценить этого хана. В 1845 году Мурадбек[25] при помощи кочевников юз взял Кокан, убил Шир-Али, но через 9 месяцев в Кокане сделался бунт, Мурад-хан был убит и город провозгласил ханом Сарымсака. Шир-Али-хан имел пять сыновей: Сарымсака, Малибека, Худояра, Суфибека и Султан-Мурадбека. От Сарымсака остался один сын Султан-Шах Мурадбек.

|| Малибек во время кипчаков был правителем Ташкента, после взятия Ташкента кипчаками он бежал в Бухару и [в] 1855 [году] возвратился по приказанию Худояра в Кокан и находился совершенно без [назначений, между тем как другие беки были правителями разных народов.

[В] 1858 г. киргиз [-кайсаки], доведенные притеснениями и жестокостью правителя Ташкента Мирза-Ахмета, который повесил нескольких человек почетных биев киргиз, отказались ему повиноваться и подступили к Аулие-Ата, Чимкенту и другим городам. Хан послал Малибека в Ташкент исследовать дело. Он очень ласково принял киргиз, расспросил их, что они хотят. Киргизы сказали, что мы желаем только одного, чтобы ташкентским правителем был кто-нибудь другой, а [не] Мирза-Ахмет, (а не то мы готовы отстаивать свои требования оружием [заявили они]). Малибек почетнейших из к[айсаков] отправил в Кокан, чтобы лично сказали хану свою просьбу. Хан пригласил Мирзу-Ахмета и, объявив о повышении, отправил в Кокан под конвоем, где его хан назначил тотчас минбашой. Это оскорбило Малибека и было началом

неудовольствия. Малибек, зная неудовольствие народа, возбужденного в последнее время несообразностями хана, который выписал больших собак из Китая и на одной неделе женился на 17 женах, и истощил казну на устройство загородного дворца в Джир-Мамеде, тайно удалился из Кокана по дороге на Анджан, где был правителем родной его брат Суфибек. Худояр тотчас понял, в чем дело. Попросил Малибека возвратиться в Кокан, выслал мать его Джаркын-Аим, потом Хозрета, который нагнал его в Карасу...*[13]. Но Малибек был || непреклонен. В Карасу он пригласил к себе Алимбека-датху, главнейшего родоправителя всех киргиз. Оттуда пришел в Маргелан. Между Маргеланом и Ярмазаром стал собирать войска. Людей было много, но не было денег и оружия. Он обратился к жителям Маргелана, которые сделали складчину, один купец дал 15 т. золотых. Малибек с...

* * *

|| Китайцы после успешного покорения Джунгарии (в наших бумагах Зюнгарская землица) и Восточного Туркестана распространили свои виды и на кочевые племена, сопредельные с Джунгарией (киргизы и буруты), и на страны, принадлежащие некогда джунгарским ханам: Ташкент. Сайрам, Сузак и Туркестан. Суеверные мусульмане, по господствующему преданию, что перед окончанием света китайцы покорят весь мир, пришли в такой страх, что забыли на время междоусобные раздоры и стали составлять союз, во главе которого явился Ахмет-шах, владетель Кандагара, основатель династии дураниев, как сильнейший владетель в Средней Азии. [В] 1703 [году] Ахмет с сильным войском (33 сана*[14]) и с артиллерией стал между Коканом и Ташкентом и вступил в переговоры с китайцами, для чего отправил 40 человек. Пока шли переговоры, от Ахмета было послано приглашение на «газат» – войну за веру – и к киргизским ханам Нуралию[26] и Абульмамбету с приглашением помогать против китайцев, которые наступали на южные границы.

Китайцы с воинственным напором подошли к русской границе, требуя выдачи Амурсаны.

Нурали в 1764 году писал к императрице Екатерине [письмо] о приглашении [его], сделанном ему всем и мусульманами Средней Азии .... 19 марта 1708 [года] якобы была грамота от императрицы хану Нурали.

Глава монгольского племени дураниев Ахмет-шах [в] 1747 г., когда умер Надир-шах, отторгнул от Персии провинции, лежащие от Герата, Lalungu основал королевство Луганское и распространил свою власть до Индийского моря на восток, на весь Пенджаб и Кашмир. Столица его была в Кандагаре. Ахмет умер в 1773 [году], ему наследовал Тимур. [В] 1822 [году] пала династия дураниев. Последний государь из этой династии Айюб бежал в Лагор к Раджи Сингу, а Авганстан разделили дети визиря его Мухамед-Азим-хана из племени баракзиев, одному из них, Достмухамеду, достался Кабул.

Страх был сильный, Аблай-хан Средней орды еще в 1756 году, когда китайские войска вступили в киргизскую степь, признал себя вассалом богдыхана и получил княжеское достоинство. Нурали послал посольство в Китай. Коканский владелец

*[13] Далее два сокращенных слова не разобраны.

*[14] В каждом сане 10 т[ысяч] человек *(Примечание Валиханова)*.

Эрдене-бий (Одона) в 1758 году, по свидетельству китайцев, также признал покровительство богдыхана.

|| Стремление китайцев к распространению своих владений и воинственный дух, который господствовал в правление Цянь-Луня[27], выражается тем, что к Аблаю были [отправлены] два [посольства] в 1756, 1758; [однако в] 1760 [году] выступил отряд с требованием выдачи людей, ограбленных киргизами Средней орды. Султаны Меньшей орды тоже послали [в] 1763 [году] своих послов в Пекин, [например], Нурали – Батыра и Абульфеиза, Абулмамет из Средней [орды] – сына. Наконец, в 1762 [году], осенью, явились к Абулмамет-хану и Аблаю китайские послы с 130 человеками от имени Цянь-Луна и объявили, что по воле богдыхана он намерен с наступлением весны послать войско для принесения жертвы, но китайскому обычаю, [у] гробницы ходжи Ахмета[28] и Синей горы в Самарканде, и просили один сан для препровождения войска и для корму солдатам, и просили лошадей, быков, баранов. 13 марта 1763 г. вернулся племянник Аблая Давлетгирей из Пекина, привез грамоту хану и дозволение кочевать [на] местах, оставшихся пустыми после джунгаров до реки Или, просил в аманаты Кендже-батыра неймановского рода. В июне отправил он [Аблай] Кендже с султаном Урусом, к ним присоединились от Нурали Бытыр и Абульфеиз. Видно [усилилась] боязнь к китайским салонам, особенно после объявления о намерении китайцев идти на Самарканд. Киргизы, хотя продолжали посылать в Пекин послов, но вместе с тем написали вместе с Эрдене-батыром – владетелем коканским, который в это время овладел Ташкентом, – и Фазылбием, владетелем ходжентским, письмо к Ахмету-шаху и умоляли его подать помощь. Письмо взялись доставить два сына прежних владетелей Айходжи и Кунходжи. Айходжа и Кунходжа бежали в Бадахшан, но там были убиты, а дети их из плена бежали и явились к Ахмету с просьбой о помощи, выпросили 30 леков. Весной пришли авганы, стали между Коканом и Ташкентом || и послали в Пекин послов с требованием отдать обратно Яркенд и Кашгар ходжиям. Между тем авганы старались восстановить мусульман против китайцев, писали к киргизам и убедили их и всех сартов не ездить для торговли в Кульджу. Фазыл-бий ходжентский звал Аблая для совета, он думал, [что] сможет ехать туда под предлогом войны с курама*[15]. Между тем китайцы укреплялись в завоеванном крае и думали на реке Аягузе построить город; послы авганские уже вернулись из Пекина, где были дурно приняты и им во всем отказано. До 1763 [года] кашгарцы не платили подати, а давали подарки. В лето 1764 года Эрдене писал опять к Аблаю с приглашением к газату и писал, что жители Кашгара клятвенно обязались содействовать. Авганский шах был занят войной с сяк (сейками), и войска его жили на пути в Кашгар. [Очищали] колодцы и каналы, приготовляли запасы для продовольствия войск и до августа ничего не делали, думали, что [начнут] весной*[16]. Ахмет-шах взял тогда Бадахшан с 15 тысячным войском, полонил владетеля его Султан-шаха. Бадахшанцы под проклятием мусульман [наказаны] за то, что убили ходжей. Из ходжей четыре убито в сражениях, двое попались китайцам и отведены в Пекин. Седьмой Сарымсак бежал в Большую Бухарию*[17].

*[15] *Курама* – группа населения, образовавшаяся от слияния казахов с узбеками, причислявшаяся уже в XVII в. к узбекам, жившая в основном в долине р. Ангрен.

*[16] Против этого на полях написано: «Си-юй вынь Цзянь-Лун. Конечно в 1772. Нарбута назван Налопота».

*[17] Е. Тимковский. Путешествие в Китай через Монголию, ч. II. СПб., 1824, стр. 77 и 123. Здесь же на-

Комментарии

Печатается по тексту: ССВ, т. 3, с. 451–462. Черновой набросок большой работы, задуманной Валихановым, сохранился в виде авторизованной копии с многочисленными вставками и дополнениями автора (Архив АН СССР, ф. 23, оп. 1, д. 14, лл. 4–16, д. 10, лл. 5–8).

[1] *Кушбеги* (первоначальное значение – сокольничий, т. е. начальник птичьей и ружейной охоты) – в Кокандском ханстве высшая должность, первый сановник после минбаши, правитель (наместник) крупного вилайета (области). Кушбеги обычно назначались из приближенных к хану лиц и пользовались большими полномочиями. В Бухарском ханстве кушбеги – старший визирь, премьер, чему в Кокандском ханстве соответствовал минбаши.

[2] *Парваначи* – см. комм. 3 к «Описанию пути в Кашгар...».

[3] *Датха* (дадха) – один из высших титулов при ханском дворе, согласно табелю о рангах, являлся четвертым лицом в ханстве. Он принимал челобитные на имя хана и сообщал просителям принятые по ним решения.

[4] *Саркаръ* (правильнее: *саркар*) – помощник хакима (правителя). В обязанности саркара входили сбор и сдача в казну налогов – хараджа и др. Он же заведовал продовольственными складами, из которых по указаниям хакимов выдавал провиант и фураж проходящим воинским командам.

[5] *Минбаши* (мингбаши) – одна из высших должностей в среднеазиатских ханствах. В Кокандском ханстве – это звание главнокомандующего и первого министра, в Бухарском ханстве ему соответствовал кушбеги.

[6] *Галаватр* – в кокандских источниках в форме «гала-бахадур» – часть из отборных воинов, впервые сформированная в Коканде в начале правления Алим-хана (1798–1810). (Таарих Шахрохи. История владетелей Ферганы. Сочинение Моллы Ниязи Мухаммед бен Ашур Мухаммед хокандца, изданная Н.Н. Пантусовым. Казань, 1885 (на перс. и чагатайском яз.), с. 42, 72).

[7] *Маргелан* – город в Ферганской долине. Упоминается в письменных источниках с X в. (у Ибн Хаукаля, ал-Мукаддаси и др., а также на монетах) в форме *Маргинан*. Подробное описание города составлено Ф. Назаровым – первым европейским путешественником, посетившим Фергану в 1813–1814 гг. и прожившим в Маргелане три месяца.

[8] *Наманган* – город в северной части Ферганской долины. Известен с XVII в. Ныне – областной центр Узбекской ССР.

[9] *Уратюпе* (Ура-тюбе, Уратепа) – древний город в Средней Азии. Важный пограничный пункт и крепость, за которую на протяжении XVIII–XIX вв. велась упорная борьба между Бухарским и Кокандским ханствами.

[10] *Горы Алай* (Алайский хребет) – хребет Памиро-Алайской горной системы в южной части Киргизской ССР и частью в Таджикской ССР. Имеет вид изогнутой к югу дуги, которая, начинаясь у Зеравшанского горного узла на западе, доходит до границ с Китаем на востоке. Открыт русским исследователем А.П. Федченко в 1871 г.

[11] *Мусульманкул* – известный временщик в истории Ферганы (1844–1852 гг.). Представитель феодальной знати ферганских кыпчаков. В 1845 г. получил место первого сановника ханства – *минбаши* (главнокомандующий). Был регентом и фактическим правителем в Кокандском ханстве при малолетнем хане. В эти годы он предпринимал неоднократные военные походы па Ура-тюбе и Ташкент, искавших поддержки у Бухары. В 1852 г. был казнен Худайар-ханом. (См. также комм. 19 к «Кашгарскому дневнику I»).

писано: Цянь Лунь был женат на туркестанке княжеской фамилии –3-я царица. (*Примечание Ч. Валиханова*).

[12] На самом деле разгром Худайар-ханом кыпчаков имел место осенью 1852 г. (*В.М. Плоских.* Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе. 1977, с. 164).

[13] *Худояр* (Худайар) – см. комм. 9 к «Описанию пути в Кашгар».

[14] *Шадман-Урак* – кокандский военный и политический деятель. В 1860 г. командовал 7-тысячным авангардом кокандцев в Узун-Агачской битве. В 1862–63 гг. был минбаши и боролся вместе с ферганскими степными феодалами против Худайар-хана. Затем был ими назначен управлять Ташкентом, но вскоре был убит по распоряжению кокандского диктатора Алимкула (Таарих Шахрохи..., с. 216, 232, 238–239, 255–256, 263–265).

[15] *Пансад* (пансат) – см. коммент. 15 к «Кашгарскому дневнику I».

[16] *Шамрат-бек* (Шах-Мурад-бек) – сын Сарымсак-хана, старшего сына Шир-Али-хана (1842–1844). В 1862 г. в возрасте 15 лет короткое время занимал кокандский трон как ставленник кочевых предводителей Ферганы. Убит ими же в 1863 г. (Таарих Шахрохи .., с. 230–232, 239, 264).

[17] *Канагатча* (Кана'ат-шах) – таджик, кокандский военный и политический деятель. В 1846–47 гг., управляя городом Туркестаном, выступил против стоящих у власти в Коканде ферганских кыпчаков после того, как узнал об убийстве ими Сарымсак-хана, бывшего хакима Ташкента. Семь месяцев оборонял Туркестан, затем бежал в Бухару. В 1860 г. управлял Ташкентом, командовал кокандцами в Узун-Агачской битве. В 1861–62 гг. руководил походом кокандцев в Туркестан, Йаны-Курган и Джулек. По его инициативе после известия об убийстве Малла-хана (24 февраля 1862 г.) военачальники в Туркестане пригласили на трон Худайар-хана. Тогда Кана 'ат-шах носил звание аталыка. После вторичного воцарения Худайар-хана (1862 г.) был послан для переговоров к бухарскому эмиру, но через несколько дней был казнен последним (Таарих Шахрохи ..., с. 180, 215–220, 224–225, 227, 232–237, 239, 240.).

[13] *Кушбеги Ляшкер* – Лашкар кушбеги (носил также титул *беклярбеги*) – кокандский сановник, более четверти века (до 1842 г.) управлявший Ташкентом и Южным Казахстаном (Таарих Шахрохи ..., с. 81, 87, 91–92, 132–133).

[19] *Шахрисябз* (букв: 'город зелени') – один из древнейших городов Средней Азии. Был летней резиденцией Тимура. Ныне районный центр Кашкадарьинской области Узбекской ССР.

[20] *Аппак-ходжа* (XVII в.) – потомок джуйбарского шейха Махдум-и А'зама, основателя династии белогорских (актаглыкских) ходжей, правивших в Кашгаре в XVII–XVIII вв. Был широко известен как мусульманский «святой».

[21] *Аксакал* (букв: 'седобородый') – соответствует понятию «старейшина». Аксакалы ведали в селениях делами административно-политического порядка. Они же собирали подати с населения. В городах аксакал – староста квартала *(махалля).*

[22] *Ходжа* – см. комм. 8 к «Кашгарскому дневнику II».

[23] *Бек* – древнетюркский термин, обозначает феодального владетеля, руководителя рода и племени. В эпоху феодализма беки – владетельные князья отдельных областей и городов. В кочевых районах Средней Азии и Казахстана беку соответствовал *бий.* Бии являлись представителями родовой знати.

[24] *Малибек* см. комм. 13 к «Правительственной системе...»

[25] Согласно источникам, Мурадбек захватил власть в Коканде в 1844 г. и продержался на престоле всего 7 дней (по другим данным, 9–11 дней). После него ханом был провозглашен Худайар, а не Сарымсак, который вообще никогда не был на кокандском престоле. (*В.М. Плоских.* Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977, с. 70, 160–161; Каталог монет Коканда XVIII–XIX вв. Составитель С.Х. Ишанханов. Ташкент, 1976, с. 4–5).

[26] *Нурали-хан* – сын Абулхаир-хана, хан Младшего жуза (1748–1786). В результате восстания хивинцев против наместника Надир-шаха в Хиве Тахир-хана и убийства последнего Нурали был провозглашен ханом в Хиве. Правил немногим более полугода, умер в ссылке в г. Уфе.

[27] *Цян-Лунь (Цяньлун)* – см. комм. 18 к «Историческому очерку». В 1758 г. после длительной войны с Джунгарией присоединил ее к Цинской империи. Вслед за тем в 1759 г. была подчинена и Кашгария.

[28] *Ходжа Ахмет* – см. комм. 14 к «Кашгарскому диевнику II».

Раздел II

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ЗАМЕТКИ

ҚОЗЫ КӨРПЕШ-БАЯН СҰЛУ

Кушмурунский список

Жоғартыннан көрінген сары ноғай,
Еділ суға таласқан мұ не тоғай?
«Қозы Көрпеш» дегенің біраз өлең,
Ептеп айтқан кісіге тым-ақ оңай.

Жігіттер, кісіге[*1] сөзді кен етелік,
Жер ортасы жекенді[*2] белгі етелік.
Жақсының аруағы қалмай ма екен,
Қозы-Көрпеш, Баянды тебіретелік.

Еділ-Жайық бойында жолдас болды,
Бірін-бірі екі бай танымайды.
Ат сұрамақ бұрынғыдан қалды дейді,
Сарыбай Қарабайға кімсің? – дейді.

Қарабай мен Сарыбай аңға келді,
Алдынан буаз марал душар болды.
Екеуі бір-бірінен өтінгенде,
Сарыбай атайын деп тұра келді.

Қарабай, Сарыбаймен аңға шыққан,
Екеуінің дәуірлеп даңқы шыққан.
Екі бай қосылған соң, келе жатса,
Алдынан буаз марал тұра қашқан.

Жақсы, жаман болмағы құдайдан-ды,
Бір бұлт жауайын деп шыр айланды.
Алдына буаз марал келгеннен соң,
Атқалы Қарабай мылтықпенен оңтайланды.

Мекен іздеп, жігіттер, кел кетелік,
Ортасында Көктөбе белгі етелік.

[*1] Кісіге сөз – жасырын сыр, құпия сөз.

[*2] Жекен – копалы көлдер жағасында не қарасу маңайында шығатын жойқын әдемі қара қамыс. Мұның сабағы жәй қамыстан бүтіндей жұмсақ келеді. Жекен – халық әдебиетінде жиі кездесетін, дала ландшафтын суреттейтін бейне.

Азаматтар, ерінбей тыңдасаңыз,
Қозы-Көрпеш, Баянды тебіретелік.

Қыл-көпірден*3 адамдар жүрер еміс,
Әмме жанды сиратқа*4 айдар еміс.
Тыңдай тұрған ерінбей ерлер болсаң,
Ерте заман бір, екі бай болған*5 еміс.

Сол екі байдың жайлауы Түмен еміс,
Киік атып аң етін жеген еміс.
Екі байды сұрасаңыз, азаматтар,
Қарабай мен Сарыбай деген еміс.

Бай да болса көңілі тар секілді,
Тәңірі берген дәулеті бар секілді.
Малды беріп құдайым басты бермей,
Бір шыбындай перзентке зар секілді.

Қарабай мен Сарыбай аңға шықты,
Екі байдың мергендігі, даңқы шықты.
Екеуінің зайыбы күмәнді екен,
Ғайып жерден алдынан аң қашыпты.

Қарабай мен Сарыбай аңға барған,
Буаз марал алдынан душар болған.
Атамын деп Қарабай оғын салып,
Үйімде зайыбым буаз деп атпай қалған.

Көксеңгірден*6 екі бай бөкен тосқан,
Буаз марал алдынан душарласқан.
Буаз марал алдынан душарласып,
Атпаймын деп Қарабай қайта қашқан.

Жасағанның қазынасы көпті дейді,
Киік атып, аң етін жепті дейді.
– Буаз марал алдыннан душарласты,
Неге атпадың Қарабай? – депті дейді.

*3 Қыл-көпір – мұсылман діні аңыздары бойынша ол дүниеде (тергеу күні) жазалы адамдарды өткізетін көпір-міс.
*4 Сират – арабша қыл-көпір.
*5 Ұйқасымды бұзып тұрған кейбір сөздердің орнына келтірілді.
*6 Көксеңгір, Ақсеңгір, Қарасеңгір дейтін жер аттары Арқада бірнеше жерде кездеседі, оның ішінде Ереймен тауының алдында, Сілеті өзенінің бойында. Мына Көксеңгір Аякөз өзені бойында Жорға, Жауыр тауларына көрші тұратын Көксеңгір болуға тиісті.

– Жата-жата үйімде ішім пысты,
Жігіттікте көп қылдық мұндай істі.
Атамын деп үйімнен шығып едім,
Атар жерде көңіліме бір хиял түсті.

– Мергендікті қоймадық тамам дейді,
Душар келді бір марал саған дейді.
Душар келген маралды атпай қалып,
Хиялыңды айтсаңшы маған дейді.

– Әлде қалай болады заман дейді,
Буаз марал атпағым қалай дейді.
Менің зайыбым үйімде күмәнді еді,
Сол еске түскен соң атпағым обал дейді.

– Талай қызық көрерміз аман болса,
Мергендікті қоярмыз жаман болса,
Құда болар меніменен бар ма жайың?
Құдай перзент көрсетер заман болса.

Мұнан былай көрінген қарағайың,
Қолыңдағы балтаның сабы қайың.
Үйіндегі қатыны буаз еді,
Бұл маралды атпай тұр, Сарыбайым.

– Өзен судың бойында саға дейді,
Бұ тіліңді алайын аға дейді.
Менің дағы қатыным буаз еді,
Бұл маралды атпайын, баба, дейді.

Екеуміз бір-бірімізді сыналық-ты,
Қатынның буаздығын сұралық-ты.
Сіздің қатын біздің қатынмен буаз екен,
Екеуміз бір құдайға жылалықты.

Ереннің[*7] үстіндегі сеңді дейді,
Құдайдың көрсеткені жөнді дейді.
Аңда жүріп а, баба, жолдас болдық,
Тамыр болсақ қайтеді енді дейді.

Екеумізді таптырған апамыз да,
Бір құдай барша жанға панамыз да.

[*7] Ерен – қазір ұмытылған Ереймен тауы сияқты бір таудың аты. Сең – тау басындағы көк толқын, қауырт мұз, сеңгір – қия тас.

Сіздің қатын біздің қатынымен буаз екен,
Дос та, тамыр қылалық баламызды.

Қыз болса қырық жеті болар дейді,
Шырағымыз бір құдайдың құлы дейді.
Екеуміздан екі қыз туар болса,
Бір елге берелік мұны дейді.

Қарабай енді сонда күлді дейді,
Құдайдың көрсеткені жөнді дейді.
Екеуміздан екі ұл туар болса,
Ақыреттік*8 дос болсын енді дейді.

Екеуміздің шешеміз ана дейді,
Үстімізде бір құдайым пана дейді.
Біреуі ұл, бірі қыз туар болса,
Құдай қосса, біз қосалық және дейді.

Аттан түсіп, сол маралды алмай қалды,
Оның айтқан сол сөзді құдекең*9 [қабыл] алды.
Торсықтағы малтаны шайып ішіп,
Іште жатқан балаға бата қылды.

* * *

Жиырмада жасым бар жылым тауық,
Екі бай құда болып, қылды сауық.
Алыстан кім екенін танымаймын,
Бір адам елден шықты, қатты шауып.

Қарабай, Сарыбай мен аңға желген,
Бір адам шыбын болып үйден келген,
Ол адам келді-дағы үндемеді,
– Неге асығып жүріпсін жаным деген?

– Үйіндегі мал-жаның аман депді,
Қуантқалы келіп едім Қарабайды.
Қыз тапты қатыныңыз бүгінгі күн,
Сүйіншіге шапқылап келдім дейді.

Қарабай мен Сарыбай бата оқыған,
Бата оқыған жерінде хате оқыған.

*8 Мәңгілік, не замандық.
*9 Құдакең (қабыл) алды – анттасқан құдасы қабыл алды.

Қосқаныныҥ белгісі сол емес пе,
Түсе қалып сол жерде жата оқыған.

Жиын қылып Қарабай бие сойған,
Бір биеніҥ етіне жұрты тойған.
Қарабайдыҥ зайыбы қыз тауыпты,
Баян сұлу болсын деп атын қойған.

Аякөздіҥ бойынан ел ауыпты,
Қылады екен Сарыбай бек қауіпті,
Үш күндейін толғатып азаматтар,
Сарыбайдыҥ зайыбы ұл тауыпты.

– Сарыбай қайсы жаққа кетті дейді,
Бір тазша сүйінші тілеймін депті дейді.
Елден бұрын сүйінші тілеймін деп,
Сарыбайдыҥ алдына кепті дейді.

Қарабай мен Сарыбай аҥға желген,
Бір адам тұра шауып елден келген.
Шауып келген кісі кім болады деп,
Сарыбай мен Қарабай тура жүрген.

Сарыбайдыҥ дәулеті шеннен асқан,
Шапқан кісі бұларға жақындасқан.
Сол кісініҥ кім екенін сұрайын деп,
Сарыбай оған таман қадам басқан.

– Аман ба екен үйдегі малым дейді,
Мұнша асығып, қай жаққа барасыҥ,
залым, дейді.
Атыҥ арып, өзіҥ сондай болдырыпсыҥ,
Не жаймен жүріпсіҥ тазшам дейді.

– Жол болсын деп сұрайсыз ба бізден, – дейді.
Келгенімді білдіҥіз бе, мырзам, дейді.
Қатыныҥыз бүгінгі күн бір ұл тапты,
Сүйінші сұрай кеп тұрмын сізден дейді.

Жаҥа жақсы болды ғой көҥілім дейді,
Үшбу*[10] сөзіҥ көҥіліме мәлім дейді.
Ондай атты күн туса, жаным тазша,
Төрт түлік мал берейін саған дейді.

*[10] Үшбу – осы мына, бұл.

Адамдардың таразасы теңде дейді,
Патшалардың алдары кеңде дейді.
Біреуі ұл да, біреуі қыз болыпты,
Қозы Көрпеш, Баян ат қойды дейді.

Екі бай бір-біріне қадам қойды,
Қатыны ұл тапқан соң көңілі тойды.
Біреуі ұл, біреуі қыз болғаннан соң,
Екі мырза елге таман жарыс қойды.

Қарабай Сарыбаймен желген екен,
Марал қағып бір тауға келген екен.
Қарабай мен Сарыбай жарысқанда,
Сарыбай елге жетпей жығылып өлген екен.

Қарабайдың мінгені ақтан кер-ді.
Жол үстінде өліп қалған қайран ер-ді.
– Қасыңдағы жолдасың жығылды-ай
деп,
Шауып барып Қарабайға хабар берді.

Қарабай келе жатып бір қара көрді,
Өліп жатқан жан жолдасын жаңа көрді.
Өліп калған кісіні нетейін деп,
Елге қарап Қарабай жүре берді.

Қарабай қартайғанша бой бойлайды,
Жер жүзіне сыймаған мал айдайды.
Жетім ұлға қызымды бермеймін деп,
Өз үйіне келген соң ой ойлайды.

Сарттар сауыр басады талқыменен,
Ерге жабдық жарасар нарқыменен.
Жетім ұлға қызымды бермеймін деп,
Қарабай көшіп кетті халқыменен.

Өлеңімнің басы еді Ғабділбашар*[11],
Құдайым қуат берсе, жолымды ашар.
Қарабайдың елдері көшкенінде,
Қозы Көрпеш бала еді жалғыз жасар.

Сарыбайды, жігіттер, құдай алды,
Ақырзаманды құдайым бұлай салды.

*[11]Ақындарды шабытқа келтіретін сәуегөй ата.

Көше қашып Қарабай кеткен екен,
Жесір қатын, жетім ұл білмей қалды.

Тамам молла жиылып оқыр хатым*[12],
Жеткізіпті Сарыбай жұртқа датын.
Сарыбайдың қатыны ұл тапқан соң,
Қозы Көрпеш қойыпты оның атын.

Сол екі байдың ауылы көшкен екен,
Бір перзент көкейлерін кескен екен.
Қатынымыз қыз тапса екеуі де,
Қол боқшасы бір болсын дескен екен.

Екі байдың ауылы көшкен екен,
Бір перзент көкейлерін кескен екен.
Зау заман*[13] екеуміздің екі ұл туа қалса,
Таң қалғандай дос болсын дескен екен.

Сол екі байдың ауылы көшкен екен,
Бір перзент көкейлерін кескен екен.
Біреуі ұл, біреуі қыз болғанда,
Құдай қосса, біз қостық дескен екен.

Ақ хан өліп, Қара хан босқан екен,
Көксеңгірден киікті тосқан екен.
Қозы Көрпеш құрсақта, Баян іште,
Іште жатқан екеуін қосқан екен.

Көшіп кетті Қарабай оған көнбей,
Сол кеткеннен кетеді, қайтып келмей.
Айтып қосқан қосағын Қозыкенің
Сол Қарабай кетеді-ау қайтып бермей.

Қозы Көрпеш жерінде ойнайды-мыс,
Дегеніне бір жетпей қоймайды-мыс.
Бір, екі [жыл] болған соң Қозы Көрпеш,
Тамам бала жиылып ойнайды-мыс.

Жасы кіші, ағаға іні болды,
Жігіттің өз бойына міні болды.
Екі жасқа келгенде Қозы Көрпеш
Шешесіне тамақ берген күні болды.

*[12] Хатым оқу – өлген кісіге арнап Құран шығару.
*[13] Зау заман (зәуде) – егерде, мәселен (см.: Киргизско-русский словарь. Изд. второе. Оренбург, 1903, с.90).

Үш жасында ештеме ойламайды,
Төрт жасында дәнеме болжамайды.
Бес жасқа келген соң Қозы Көрпеш,
Кісілерге бір ауыз сөз айтып, ойнамайды.

* * *

Айтайын Қозы Көрпеш өлең жаттап,
Алты жаста тұрады-ау халқы мақтап.
Жеті жасқа келгенде Қозы Көрпеш,
Өз ауылын қондырады өзі бастап.

– А, шешеке, көрсеткені құдайдың
жөн-ді дейді,
Моллалардың салғаны дем-ді дейді*[14].
А, шешеке, ойнарға жолдасым жоқ,
Маған жолдас тауып бер, енді дейді.

– А, балам, күліп ойнап қала көр
дәрменсіз боп,
Есебі жоқ, сансыз сенің дәулетің көп.
Саған қайдан табайын мен жолдасты,
Өзіңменен бір туған бауырың жоқ.

– А, шешеке, мен бір жарлық сұрайын ба,
Бермесең де сертінде тұрайын ба?
Бала тазша мұнда бір жақында бар,
Тазшаменен ойнауға барайын ба?

– Мен едім сені тапқан анаң дейді,
Бір қолымда қағаз бен қалам дейді.
Адыра қалғыр тазшаны не қыласың,
Ұрыспасаң ойнай бер, балам, – дейді.

Қозы Көрпеш жүреді екен сөздің түбін болжай,
Сұлулықтың белгісі шаңқан боздай.
Онбір жасқа келгенде Қозы Көрпеш,
Келген екен тазшамен ойын ойнай.

– Ай, тазша, сенің атың малай дейді,
Айтатұғын сөзім бар талай дейді.
Үйімнен сені тазша іздеп келдім,
Асық ойнар ауқатың*[15] қалай дейді.

*[14] Дем салу – үшкіру, ауруға су бүрку.
*[15] Ауқат – куат, күш, мерей, хал-жай.

– Ай, Қозы Көрпеш сен өзің нұрлы дейді.
Үйімде бір қарам жоқ, сорлы дейді.
Сен үйіңнен бізді қалап келген болсаң,
Асық ойнар көңілім бар-ды дейді.

Қозы Көрпеш сол күнде малды дейді,
Ақылы жоқ тазшаны – жарлы дейді.
Қозы Көрпештей ойынның жайын білмей,
Тазша ұтылып асықтан қалды дейді.

Қозы Көрпеш саған не керек дейді,
Жауған қардай бораған қызық дейді.
Ақылы жоқ сұм тазша ойнағанда,
Өз сақасын өзі сыйлап берді дейді.

Қозы Көрпеш, мен бір жауап айтайын
саған дейді,
Түрлі болған халықта заман дейді.
Мұнан былай сенімен ойнамаймын,
Өз сақамды беріп кет, маған дейді.

– Қолыңа ұстағаның бақан ба еді,
Тазшам саған бір өлім тақалды енді.
Өз қолыңнан өзің сыйлап бергеннен соң,
Қайта неге сұрайсың сақаңды енді.

Өлең айтып жүремін ертеңді-кеш,
Саған қылған Қозы Көрпеш еңбегім еш.
Қайныңа бармай жүрген жаман мұндар,
Өз сақамды беріп кет, Қозы Көрпеш!

Өштес қылған екеуін құдай ма екен?
Жаман сөзді Қозыкем тыңдай ма екен.
– Қатыныңа бара алмай маған келіп,
Асығыңды алды деп жылайды екен.

– Сен тұра-тұршы, а, тазшам, қан
қылғандай
Ақылымнан адастым дал қылғандай.
Сақа түгіл, а, тазша, ат берейін,
Менің қайным кім деген жан болғандай.

– Садағыма салғаным қайыңнан оқ,
Қозы Көрпеш бұ күнде дәулетің көп.

Наразы болдым сақамды бермеген соң,
Өтірік айттым, құда болған бұ жерде
тірі адам жоқ.

– А, тазша, мен әлі қарап тұрмын
көңіліне,
Кел, қоярмын жұдырықпен тас төбеңе.
Қайының бар деп сен өзің маған айттың,
Енді сені қоймаймын ез еркіне.

– Қозы Көрпеш қорықпаймын ақырсаң да,
Өтірікті, сірә, айтпаймын бақырсаң да,
Ойлап тұрсам, сенің қайның тіпті де жоқ,
Басымды ала кесіп өлтірсең де.

– Құдай қосқан қосақтан қалмаймын ғой,
Жамандықты, сірә, есіме алмаймын ғой.
Өтірікті айтасың сәрсең қылып,
Тазша сенің тіліне, сірә, нанбаймын ғой.

– Құдай саған бермеген сана деймін,
Ештемені білмеген бала деймін.
Менің айтқан тіліме нанбасаңыз,
Үйіне барып шешеннен сұра деймін.

– Жүруші едім [еш] нәрседен көңілім
қайтпай,
Сен қайтардың көңілімді рас айтпай.
Кішкенеден қостырған қосағымды,
Шешем өтірік неге айтсын, рас айтпай.

Қозы Көрпештің мінгені қарагер-ді,
Құдай тағала сол жерде ақыл берді.
Сол тазшадан үмітін үзгеннен соң,
Есігін сарыт ұрып үйге кірді.

Қозы Көрпеш келе жатып көзін сүзді дейді,
А, шұнақ тазша, оның ойын бұзды дейді.
Тазшадан наза болып*[16] келе жатса,
Байқамастан бір өрмекті үзді дейді.

– Алдыңдағы құрылған мынау өрмек,
Өрмектей өтірікші қыла бермек.

*[16] Наза болу (назалану) – кейю, қамығу.

Алдыңдағы өрмекті неге үздің
Қатыныңнан айрылған сұм жүгірмек.

– Ай, енеке, маған қылған ермегің де,
Естірші мен жамайын өрмегіңді.
Менің қайным қай жақта, жан енеке,
Үшбу жерде төлеп кетейін өрмегіңді.

– Садағыңа салғаның ақ қайың оқ,
Екі қайтып келмейді дүние боқ.
Өрмекті үзген соң кейіп едім.
Ойлап тұрсам а, балам, қайының жоқ.

– Сауыр етіктің табаны талда болса,
Қырық кісінің ақылы ханда болса.
Сірә еркіңе қоймаймын, жан енеке,
Қайынымның турасын айт, әлде болса.

– Барша жанның сыйынғаны бір құдайым,
Құлағың сал, а, балам, кеп қылайын.
Тоқсан қабат айтсаң да қайының жоқ
Тынышымды ала берме сұмырайым.

– Адамды сөйлеттірген тіл менен жақ,
Кемпір саған байладым бір аруақ.
Сірә тынышыңды қоймаймын, ай енеке,
Ашуланбай жылдам-ақ қайнымды тап.

– А, балам, енді саған қайрылмаймын,
Бұ сөзіңнен еш қорқып қайғырмаймын.
Қалай айтсаң, солай айт, сұмырай балам,
Не қылсаң да сол сөзден айрылмаймын.

Қозы Көрпеш атқа мініп желген екен,
Сұм кемпірдің тіліне ерген екен.
Қу тазшадан бірдеме есіткен соң,
Ашуланып үйіне келген екен.

* * *

Қаратаудың бетінде қара тас-ты,
Жығылғанда сүйегей қарындас-ты.
– Кіріп келсең шошыдым сенен балам,
Шырағым, саған не болып мұнша өңің
қашты?

– Шешеке, бір сөзім бар айтатын
саған дейді.
Қырлы болған халықта заман дейді.
Асық ойнап, қарным ашып келді,
Бидай қуырып өз қолыңнан маған
берші, – дейді.

– Баланың қасын-көзін көрсем дейді,
Қасыма шырағым, келсең дейді.
Қарның ашып, өңін қашып [қайдан келдің],
Қолымнан бидай қуырып берсем дейді.

Баласының көзінен аққан жасы,
Бауыры жоққа еш қайғырмайды жалғыз басы.
– Шешеке, қосқан жарым қайда дейді,
Қалыңдығым атын айт, кім әкесі?

Қозы Көрпеш мінгені көк-ті дейді,
Сөйлеуге қызыл тілім епті дейді.
– Күйінгеннен айтамын жалғыз балам,
Қосқаны рас еді депті дейді.

– Әуелгі моллалардың жазған хаты,
Бұзылмас патшаның шариғаты.
Қосқаны бір сұлуға рас болса,
Кім екен маған қосқан жардың аты.

– Кішкенеңнен жүруші ең көкше қоян,
Жақсы-жаман екені өзіме аян.
Алыс кеткен немені іздей көрме,
Қосқаныңның аты еді сұлу Баян.

Қозыкенің көңілі тынбайды-мыс,
Жаман-жақсы адамды сынайды-мыс.
Бұған бидай қуырды шешекесі,
Салып берсе табақтан жемейді-мыс.

Менің айтқан Қозыкеме бұ бір кеңес,
Қозыкеге шешесі ләм деп айтушы емес.
Қозыкенің көңілінде әлде не бар,
Қазанымен берсе де тағы жемес.

– Қаз келеді, ай, шешеке, ағайын да,
Ұйқым келді төсек сал жатайын да.

Еңбекпенен өсірген, жан шешеке,
Қолыңменен берсеңші татайын да.

Не жамандық Қозыке көрді дейді,
Баласының тіліне ерді дейді.
Алдағанын Қозыке қайдан білсін,
Қолыменен шеңгелдеп берді дейді.

– Шеше, сенен көрмедім пайда дейді,
Мың жылқыңды өзің ал, енді дейді.
Ыссы бидай қолына басып алып,
– Құдай қосқан қосағым қайда дейді?

– Қолым күйді, ай балам, қайтейін мен,
Қайның жоқ өтірік немді айтайын мен.
Тілі күйгір кім еді мұндай қылған,
Сәрсең қылған кім еді жоғалтайын мен.

– Тазша бір сөз айтты ғой маған кеше,
Қолың күймек түгіл, бүріссін, маған десе.
Кішкенеден қосылған қосағымды,
Енді қалай айтпайсың, маған шеше?

– Бұ жалғанда еш көзі ашылмасын,
Іздеймін деп сұрайсың жолдасың[ды]
Телі*[17] өскен көңіліңді тентек қылып,
Ау, естірген кім еді, еш оңбасын.

* * *

Оғың жондыр Қозыкем тазқарадан*[18],
Жасынан-ақ тілейді азғанадан.
Ерте кеткен Баянды іздеймін деп,
Тұрып кеңес сұрайды-ау бозбаладан.

Есітіпті Баянды көңіліне тоқ,
Бір ойнаса жарымен арманы жоқ.
Кеңес сұрап тұрады бозбаладан,
Оңды кеңес айтпайды бозбала боқ.

Ақ сақалды бір үйге төрелетіпті,
Алып келіп тазшаны жырлатыпты.

---

*[17] Телі осу екі ананың ортасында тәрбие алу, әлпештеніп ерке өсу. Теліден тентек шығады (халық мақалы).

*[18] Тазқара – қара құс, оның қауырсынынан жонып оққа сап жасайды.

Алып келіп тазшаны жырлатқан соң,
Құлақ салып ақсақалдарға тыңдатыпты.

– Дүниеден осылай [мен] өтейін бе?
Құдай қосқан қосаққа жетейін бе?
Құдай қосқан менің сол қосағыма,
Іздейін бе, яки іздемей кетейін бе?

– Қозыкем сен тәубеңді жаңылыпсың,
Еш көрмеген Баянды сағынипсын.
Сондай жақсы қалыңдық алып берсек,
Ерте кеткен Баянды не қыласын.

Тамам қызды бір үйге салды дейді,
Ағаларға көңілім қалды дейді.
Енді қыздан бір кеңес сұраймын деп,
Жүгіргеннен қыздарға барды дейді.

– Суға біткен солқылдақ жекен деймін,
Құдай қосқан қосағым екен деймін.
Құдай қосқан қосақты сағынамын,
Ал, апалар, іздесем бе екен деймін?

– Қартайғанша ер жігіт «қыз» дер болар,
Жасы үлкенді өзінен «сіз» дер болар.
Ол айтқаның жарықтығым рас дейді,
Құдай қосқан қосағын іздер болар.

– Ондай кеңес сайтандық көнбегейсің,
Өз ойыңдай Қозыкем көрмегейсің.
Өз ақылың өзіңе болатұғын,
Ұрғашының тіліне ермегейсін.

– Көргенім жоқ Баянды, өзі қандай?
Беті айдай деседі, бойы талдай.
Ерте кеткен Баянды іздемейін,
Баяндай қыз бар ма екен, сірә, сондай?

– Тілімді алсаң Қозыкем бара көрме,
Ондай ойды көңіліңе ала көрме.
Телі өскен көңіліңді тентек етіп,
Сен Баянды есіңе сала берме.

– Жүруші едім адамнан көңілім қалмай,
Енді қайтіп жүрейін есіме алмай.

Көңілім менің таразы тымық таппас,
Әкем қосқан Баянға сірә бармай.

– Мен бір сөзді айтармын көңілің қалар,
Қодар деген бір құлы ғаяр*[19] болар.
Ерте кеткен Баянды іздеймін деп,
Бір шыбындай жаныңа зиян болар.

– Үй демеңіз, сынады сағым дейді,
Қарабайда кетіпті-ау ақым дейді.
Қарабайдан ақымды ала алмасам,
Мұнда жүрсем тең құрбым «қатын» дейді.

– Айтса-дағы Қозыкем тіл алмайсың,
Барғаннан соң сен қайтып келе алмайсын.
Ерте кеткен Баянды іздеймін деп,
Енді қайтып бұл жұртты көре алмайсын.

– Есен болсам, мен қайтып келейін де,
Келе алмасам, сол жолда-ақ өлейін де,
Құдай қосқан қосағым сұлу Баян,
Қодар құлға не қылып қияйын да?

– Құрт алайын жол азыққа төрт-бес аяқ,
Бөлініп қалған жылқыдан бұ бір саяқ.
Ерте кеткен Баянды іздеймін деп,
Қодар атты құлыңнан жесем таяқ.

Айтып салды бірнеше «әлде қалай»*[20]
Өзің оңда жасаған, аллатағала-ай.
Алла бұйырса, жұртым, мені жіберіңіз,
Құлдан таяқ жегенше алсын құдай.

– Не табасын Қозыкем онда барып,
Қодар құлдар алмасын жүрегің жарып,
Ерте кеткен Баянды іздеймін деп,
Тентек Қодар қоймасын басыңды алып.

– Қалдырмай айтып жіберіңіз енді ғана
Мұнда қорқытып тұрсын жұртым ғана.
Менің әлім жоқтығын қайдан білдің,
Құлдан өлсем жатайын тұрмай ғана.

*[19] Ғаяр – қу, арам ойлы, сыйқыршы.
*[20] Әлде қалай – күдіктену, қобалжу.

– Еш басыңа жамандық келтірмесін,
Кім табады*[21] құлдардың білдірмесін
Ерте кеткен Баянды іздеймін деп,
Қисық еді Қодар құл өлтірмесін.

– Қодар, Қодар дегенің кімге сірә,
Құлдан өлсем жатайын құным сұрама.
Екі сөздің ішінде, өлімді айта бердің,
Жорығаның қалай еді жұртым сірә.

– Мақтана тұр Қозыкең мұнда тұрып,
Қайтіп алар екенсін Баянды, құлдарды ұрып.
Сол алпыс құл ортаға бір алған соң,
Өлмек түгіл, қаларсың оба тұрып*[22].

– Жан болмаймын жарымды құлға берсем,
Сөйлетпес те құрбыларым мұнда жүрсем,
Не болса да, а, жұртым, жіберіңіз,
Жатқанымнан тұрмайын құлдан өлсем.

– Талай кеңес үйреттім енді, ботам,
Кеңесімді алмайды сондай адам.
Кеңесімді алмадың кері барғыр,
Білгеніңмен бола көр енді, ботам.

* * *

– Қаз келеді, ай шеше, атайын да,
Бидай қуыр қолыңнан татайын да.
Атымды ерттеп, ай шеше, азық берші,
Әкем қосқан Баянға кетейін де.

– Ойбай, балам, ай балам, кете алмас-
сын.
Аякөздің бойынан өте алмассын.
Телі өскен көңіліңді тентек етіп.
Ерте кеткен Баянға жете алмассын.

– Ойбай, шеше, ай шеше, кетерекпін,
Аякөзден құдай жол берсе өтерекпін.
Сол Қарабай кеткелі жиырма жыл,
Жиырма жыл қусам да, соңынан жетерекпін.

*[21] Кім табады – кім біледі.
*[22] Оба тұрып – обаға айналарсың, көміліп қаларсың.

Көздің жасын көл қылып төкті дейді,
Бір тазша не қылса да түбіме жетті дейді.
– Көзім жасы көл-дария болды, балам.
Онаң қайтіп өтесің депті дейді.

Қозыкемнің мінгені көк-ті дейді,
Жасағаннан тілегім көп-ті дейді.
Көзің жасы көл-дария болса, шеше,
Көпір салып өтермін депті дейді.

Көздің жасы көл болып тағы толды,
Бір тазшаны жұрт жиылып сөкті дейді.
Қайғылының қырық бөрі бар-ды, балам,
Онан қайтіп өтерсің тағы дейді.

– Алдыңда дауылдаған қау бар, балам,
Аспанменен сөйлескен тау бар, балам.
Онан қайтіп өтесің жолдасың жоқ,
Қылышынан қан тамған жау бар, балам.

– Мені де Қозы Көрпеш деп мақтамай ма,
Қай-қайдағы жарлылар бұ үйді жақтамай ма,
Қылышынан қан тамған жау болса да
Бір құдай онда бізді сақтамай ма?

– Той сайын айтушы едім өлең бастап,
Үнімді тұрушы еді халқым қостап.
Тәңіріден тілеп алған жалғыз едің,
Шешеңді кетемісің жалғыз тастап.

– Әуелі сыйынғаным бір құдайым,
Ақыл үлкен болады күн-күн сайын.
Әкем қосқан Баянға жетейін де,
Әзір, шеше, сені мен не қылайын.

– А, балам, мен кісіге қимаймын көйлегіңді,
Қарашы, қара құл тұл күнде-күнде,
Кімге қиып кетесің, жалғыз балам,
Тоқсан қопа толулы жылқыңды енді.

– Қарағайлы бел шоқы кеткеннен соң,
Жақсының аруағын тербеткен соң,
Пайдасы жоқ жылқыңды не қылайын,
Сансыз жауға жолықсын мен кеткен соң.

– А, балам, айтпаймын мен оңайды енді,
Көрсетейін тал шыбықтай бойыңды енді,
Барма десем, болмадың байғұс, балам,
Кімге қойып кетесің, отыз қопа қойың-
ды енді.

– Әкем қосқан жарыма жетейін мен,
Қайтіп бармай жатайын, терезең тең.
Пайдасы жоқ қойыңды не қылайын,
Аш бөріге жолықсын мен кеткен соң.

– Сен кеткен соң таянайын бүйірімді,
Құдай білер бұ жерде жүреріңді.
Оны қайтіп қиясын байғұс балам,
Он бес өлке толған сиырыңды.

Қарайын мен найзамды қолыма алып,
Отырамын қолымды балға малып,
Пайдасы жоқ сиырыңды не қылайын.
Мен кеткен соң жолықсын аусыл мәлік*23

– Ондайыңды көп айтпа маған дейді,
Аллам оңды жасатқан тобам дейді.
Қиқулының қырық бөрі келсе жетіп,
Қырық кез оғым жалынсын оған дейді.

– Ойлай бөрсе, ой түбі қайда кетпес,
Жұртын тиған Қодарға әлің жетпес.
Тілімді алсаң, Қозыкем бара көрме,
Асқаралы таулар бар адам өтпес.

Айһай шеше ай шеше жетерекпін,
Құдай қосқан жарыма жетерекпін.
Асқаралы тауларың душар болса,
Қылышпенен жол салып өтерекпін.

– Айһай балам, ай балам, барасың ба,
Менен кетіп барқадар*24 табасың ба?
Тілімді алсаң Қозыкем бара көрме,
Қырық күншілік шөлі бар, өлесің бе.

*23 И.Н. Березин хрестоматиясының 105-бетіндегі бұл жолдар ауысып жазылған. Бұл жерде өзінің орнына қойылды.
*24 Барқадар – қызық, қуаныш, жетіскендік.

– Алдыңа мен енді кірмен, шеше,
Өзге қызбен дәуренді сүрмен, шеше.
Құдай қосқан жарымды естіген соң,
Адам болып жүре алман енді, шеше.

– Барамын деп, ай балам, бара алмассын,
Ерте кеткен Баянды таба алмассын.
Елі-жұртың қақсайды бармасын деп,
Жұрттың тілін алмасаң оңалмассын.

– Қалтақ балам жүрмісін кетеиін деп,
Кетіп мені сергелдең етейін деп.
Айтсам тілім алмадың, ей жүгірмек,
Ажалыңа асығып жетейін деп.

– Айһай шеше, ай шеше, кетейін де,
Құлдан өлсем жан болып нетейін де.
Мұндай бізді қақсатқан әркез оңбас
Қарабайдың түбіне бір жетейін де.

– Асқан тауы бір қиын белді, балам,
Мұнша неге қақсаттың мені, балам.
Айтсам тілім алмадың ей жүгірмек,
Ажал айдап жүр екен сені, балам.

– Шеше, мұнша мұқаттың қажырымды,
Мен білгемін аллаға жазарымды.
Енді бұлай болған соң кеткенім [жөн],
Құлдан салса көрермін ажалымды.

– Жайып қойған түсерсін торға, балам,
Бір шыбындай жаныңды қорға, балам.
Арасында аңдыған жауы көп-ті,
Өлім іздеп жүрмесең барма, балам.

– Ақылыңды тұратұр бөлмей, шеше,
Тірі болсам кешікпей келем, шеше.
Құдай қосқан жарымды іздемесем,
Не қылайын жан болып өлмей, шеше.

– Қақсап қалсын Қарабай мұндай, балам,
Сонан әрі кетерсін келмей, балам.
Айтсам, тілім алмадың, ей жүгірмек,
Қайтып сонан келмессін өлмей, балам.

– Ажалды құл әр жерде өлмей ме екен,
Тірілер күн, тірі кісі көрмей ме екен.
Ай, шешеке, бұ дегенің, не дегенің,
Қайнына барған кісі келмей ме екен.

– Қопаға бөлек біткен қарағым-ай,
Дөңгелек жылқыдайын тұяғым-ай.
Көзімнен таса болсаң өлмеймін бе,
Келмес деп шошимын шырағым-ай*[25].

– Ақылыңды тұратұр бөлмей, шеше,
Тірі болсам кетпен-ді, келмей, шеше.
Сәрсең қылған сол мені Қарабайды
Қара жерге қойман-ды енбей, шеше.

– А, балам, қысамысың көтінді енді,
Сеп тұрғанда дүнием бүтін еді,
Барма десем болмайсың жалғыз, балам,
Кімге қиып кетесің сүтінді енді!

– А, шешеке, күміс қостың айылыма,
Қазақ қарап тұрады қайырыма.
Барма дейсің байғұс шеше [ұзын жолға],
Қайтіп бармай жатайын қайыныма.

– А, балам, саған айттым базынамды,
Шешесі [іздер] сен кеткен соң тірі жанды.
Он лавке толған, сорлы балам,
Кімге қиып кетесін қазынаңды.

– А, шешеке, не болады жігітті еңіреткен соң,
Немене айтып айтпай күн өткен соң.
Ол он лавке бұйымыңды не қылайын.
Талаулы орынға жолықсын мен кеткен соң

– А, шырағым, жылап тұрмын күнімен
Көңілімді уатайын кіміңменен.
Болмайсын барма десем, жалғыз балам,
Шешеңді тастамаймысын шыныңменен.

– Мен қайтейін [тіл алмай] кеткеннен соң,
Жалғыз қалған шешеден [безгеннен] соң,

*[25] «Ажалды құл...» деп басталатын бұл екі шумақ И.Н. Березин хрестоматиясында (106-бет) ауысып басылған, бұл жерде орнына қойылып түзетілді.

Емшек берген әрі жат, – дерсін балам,
Баян сұлу жарыңа жеткеннен соң.

– Айыр емшектен сүт берсең емейін де,
Емген сүтім татыпты көмейімде.
Ондай атты күн туса ай, жан шешеке,
Емшек берген, әрі жат, демейін де.

– Сен кеткен соң, ай балам, мен өлермін,
Кеткеннен соң ішімнен күңіренермін.
Еңбекпенен өсірген жарықтығым,
Сен кеткен соң мен қайтіп күн көрермін.

– Сен өлмессін, ай шеше, мен өлермін,
Қыса болып, бармасам, енді өлермін.
Өледі деп жылама, мені шеше,
Есен болсам, мен қайтып бір келермін.

– Аскан тауы бір қиын белде, балам,
Ерте кеткен таппасын елді, балам.
Айтсам тілім алмадың, ей жүгірмек,
Кетсең сірә [сен] жоқсын енді маған.

– Бармай осылай дүниеден өтпен, шеше,
Қалай қусам мен соған жетпен шеше
Қарабайдан ақымды алғаннан соң,
Қайтып саған бір келмей кетпен, шеше.

– Тәңірі шешер көңіліннің ағын, балам,
Жарна болар малыңды бақсаң, балам.
Тілімді алмай барасың, ей жүгірмек,
Енді маған сен жоқсын кетсең, балам,

– Артылған соң тоқтамас қосым, шеше,
Еш қайғырар жоқ менің достым, шеше.
Енді былай болған соң кеткенім жөн,
Көріскенше күн жақсы болсын, шеше.

– Айһай, балам, ай балам, кетемісін,
Кетіп [мені] сергелдең етемісін.
Ақ сүтімді сауармын көкке, балам,
Мұнан кетіп мұратқа жетемісін.

– Ақылымды аузыма салар, шеше,
Баяндай қыз алашта бар ма, шеше.

Жақсы жолға барайын деп [мен] тұрғанда
Жаман сөзді аузыңа алма, шеше.

– Ала тұрған Баянды сен бе, балам
Сенің жұртың бұл сенген ел ме, балам.
Айтсам тілім алмадың, ей жүгірмек,
Барғаныңнан қайтып енді келме, балам.

– Санаменен сарғайып іші толсын,
Естірткен сол тазша байғұс болсын.
Ақ сүтіңді емгенмін сенің шеше,
Маған деген қарғысың алғыс болсын.

– Айһай, балам, ай балам, менен кеттің,
Телі өскен көңілімді тентек еттің.
Ақ сүтімді сауармын көкке, балам,
Еш қызығың көрмейінше өнер бастың*[26].

– Қақылдайды, қақсайды жазған балаң,
Қақсасаң да, ай шеше, жоқпын саған.
Осы жолда сен мені қарғай бердің,
Емшегіңнің ақ сүтін аруланбай.

* * *

– Құдай маған қоймады ата дейді,
Қылған екен атам маған бата дейді.
Құдай қосқан жарымды іздер едім,
Қандай атты мінемін апа дейді.

– Есен-аман Қозыкем жүре көрші,
Жарыңменен бірге ойнап күле көрші.
Жүгеніңді сылдырат жаным, балам,
Қараганын бетіне міне берші.

Қонған жері аулының көп қараған,
Мың жылқыны шұбыртып ат қараған.
Мың жылқыдан бір жылқы қарамады,
Қозы күрең жаман тай жалт қараған.

Қозы күрең жаман тай қарап тұрды,
Ұстай алып мойнынан жүген ұрды.
Мың жылқыдан бір жылқы қарамады,
(Ат) тоқымы (бұлайша) қайда құрыды*[27].

*[26] Өнер басу – өз ойымен кету, тыңдамау.
*[27] Тоқымы құру – мінетін ат таба алмау, жаяу қалу.

Жүгендесе жаман тай құнан болды,
Ақырзаман қараңғы тұман болды.
Ерте кеткен Баянды іздеймін деп,
Не басыңа сенің [балам] ылаң болды.

– А, шешеке, менің сөзімде болмас қата,
Әкеміз қайыңа бар деп қылды бата.
Шешеке, қайныма баруға мойын қойдым.
Менің мінер жылқымның түсін ата.

– Үйімде мен отырған адам дейді,
А, балам, сенен кетті мазам дейді.
Жүгіріп жүген алып барғаныңда,
Бетіңе қараса, соны мін, балам, дейді.

Жайлауы Сарыбайдың Шатқара еді,
Қозы Көрпеш сан жылқыдан ат қарады.
Жылқыдан ат мінгелі барғанында,
Жабағы күрең бетіне жалт қарады.

Қонғаны ауылының сай болады,
Ондағы жұрт толықсып бай болады.
Құрықты бисмилла*[28] деп салғаннан соң,
Жабағы қозы күрең тай болады.

Жердегі жорғалаған жылан болды,
Ауыздағы әр сөзім өлең болды.
Арғымаққа лайық қозы күрең,
Жүгендеп жатқанында құнан болды.

Молланың оқығаны кәләм*[29] болды,
Жаман малың түгелімен ешкі болды.
Арғымаққа лайық қозы күрең
Жайдақ жортып жөнелгенде дөнен болды.

Кигені кедейлердің ескі болды,
Арғымаққа лайық қозы күрең,
Үйінен жөнелгенше бесті болды.

Ерттегенде құнаны дөнен болды.
Құдай оңдап, сақтағын деген болды.
Ерте кеткен Баянды іздемейін
Баяндай қыз бар ма екен, мұнда өңді.

*[28] Бисмилла – алла оңғар.
*[29] Кәләм – сөз; кәлам шариф – дін сөзі (Құран).

Өзі мінсе дөнені бесті болды,
Санаменен сарғайып іші толды.
– Ей, жасаған, бір құдай өзің оңда,
Көргенім жоқ бұрын-ау еш мұндайды.

Алты жасар бестісі ат болыпты,
Бір сөз айтса түге жұрт мат*30 болыпты.
Қозыкемнің соры ғой азаматтар,
Бірге жүрген Қарабай жат болыпты.

* * *

Қозы күрең астына мінді дейді,
Құрсай садақ беліне ілді дейді.
Періштелер түсіне аян*31 беріп,
Қосыларын Баянға білді дейді.

Қозы күрең мінді де кетті дейді,
Көл-дарияның бойына жетті дейді,
Көл-дарияның бойына жеткеннен соң,
Көпір салып үстінен өтті дейді.

Жүреді екен Қозыке сөзге қанып,
Құдай қойды көңіліне қайғы салып,
Енді іздемек болыпты сол Баянды,
Арымас ат, таусылмас азық алып.

Қозыкеме жиылды жұрты дулап,
Азаматым тұра тұр, мұны тыңдап.
Күн көремін деп жүрген жалғыз ұлдан,
Қайран ана, айрылып қалды жылап.

Әуре сәрсең құдайым нетіп едім,
Әурешілік жолменен кетіп едім.
Жүрген сайын жолыма кесір қылып,
[Ей], жасаған құдайым, нетіп едім.

Жолдан бұрма, Қозыкем атың суар,
Баянға қыз алаштан қайдан ұқсар.
Бір бөгеуден құтылып бара жатса,
Қикулының қырық бөрі болды душар.

---

*30 Мат болу – аузын ашпау, қарсылық көрсете алмау.
*31 Аян беру – көрініп білдіру, хабарлау.

Үш уақытта аллаға жүрдім жылай,
Әуре сәрсең қылдың ау [мені] былай.
Бір бөгеуден құтылдым деп едім ғой,
Тағы да аңдып жүр ме едің, мені құдай.

Жұрт жақтырып сөзімді қалқалаған,
Қайғырмаңыз өткен соң енді оған.
Қайтатұғын бір амал болар ма деп,
Қасқыр болып шешесі доталаған.

Ғазрайыл*32 келіпті жәббәр пәрмән*33,
Бір саған зор келе қалса жаның қарман.
Мен де өзіннің жаратқан бендең едім,
(Бір) жасаған болмаса кетті дәрмен.

Кете алмайды Қозыкем үйге қайтып,
Сәрсең қылды сол Тазша қайдан айтып.
Қиқулының қырық бөрі келсе жетіп,
Қырық кез оқпен кетіпті бір-бір атып.

Қозы Көрпеш іздейді ауған елді,
Аллатағалам жаратты асқар белді.
Бір бөгеттен құтылып бара жатса,
Асқарлы бір тауға тағы келді.

Арымас ат, таусылмас ас болыпты,
Таусылмастай азығын мол алыпты.
Асқарлы сол тауға жетіп келіп,
Қылышпенен шапқылап жол қылыпты.

Жалғыз туған бір ұлдан ел қашыпты,
Асқарлы сол таудан бел асыпты.
Бір бөгеттен құтылып бара жатса,
Он екі айлық, қырық күншілік жол басыпты.

Сәрсең болды Қозыке үйден кетіп,
Он екі айлық, қырық күншілік жерге жетіп.
Он екі айлық, қырық күншілік жолдан өтіп,
Ел шетіне Қозыкем келді жетіп.

Үш уақытта сыйындым алла саған,
Мұндай қатты азапты қылдың маған.

*32 Ғазрайыл – ислам дінінің аңызы бойынша жан алғыш.
*33 Жәббәр пәрмән – жаратушының жарлығы.

Әрбір жерде сақтаушы бір өзіңсің,
Ендігіден сақтай көр, құдай тәубәм.

* * *

Қозы күрең асыпты белді дейді,
Жаңа тапты Қозыкем елді дейді.
Айдалада қаңғырып бара жатып,
Бір кемпірдің қасына келді дейді.

Сол кемпірді көрген соң желді дейді,
Нақ қасына кемпірдің келді дейді.
Әлде қалай бұ да бір адам да, – деп,
Қол қусырып сәлемді берді дейді.

Қозыкенің сәлемін алды дейді,
Ол бір сана көңілге салды дейді.
Қол қусырып Қозыкем сәлем берсе,
Таң тамаша сол жерде қалды дейді.

– Көкірегің қайғылы, көңілің жарық.
Қай бір жақтан келесін атың арып?
Атың арық, өзің аш, жаным балам,
Не ғып жүрген адамсың жүзің сарық?

– Мен алыстан келемін қиуадан*[34],
(Бір) құдайын білмеген болдым надан.
Хал-жайымды сұрайсыз, ау енеке,
Әуре қылған құдайым мен бір адам.

– Хас*[35] мырза Қозыкем депті дейді,
Киік атып, аң етін жепті дейді,
Атың арық, өзің аш, қаңғып жүрген,
Жаным қандай адамсың, депті дейді.

– Мен үйімнен шыққалы алты ай болды.
Мінген атым астымда тайдай болды.
Естіп, біліп көргенің бар ма, енеке,
Қарабайдың ауылы қайда болды?

– Жалғыз адам білмейді келгеніңді,
Мен де айтармын есітіп білгенімді.

*[34] Қиуадан – қиыр шеттен, алыстан.
*[35] Хас – (қас) – нақ, нағыз, анық, шын мағынасында.

Қарабайдың ауылын көрсетейін,
Бастап, балам, айт сана, бір жөніңді.

– Талай неме түседі көңілімізге.
Көп кейітпей айтсаңшы, енді бізге.
Атым арып жолаушы кейіп келдім,
Қарабайдың ауылын көрдіңіз бе?

– Көрсетейін саспай тұр, елді балам,
Расыңды айтсаңшы енді маған.
Қарабайдың ауылын сұрай беріп,
Мұнша сұрап, Қарабай нең-ді, балам?

– Қамшыласам жүрмейді атым тосаң,
Ене менің сорыма болдың қасаң,
Көп кейітпей айт сана, енді бізге,
Қарабайдың ауылын көрген болсаң.

– Біле алмадым Қарабай әлде қайда,
Әлде болса атың мен тоның пайда,
Арып, ашып ей, балам, мұнша іздеп,
Қандай қатты ісің бар Қарабайда?

– Кең құдайдан жоқ екен тым-ақ тәтті
Іздеймін деп, енеке, діңкем қатты.
Білмесеңіз, енеке, енді айтайын,
Қызы бар ма үйінде Баян атты?

– Алыс жерде көрінген ел ме, балам,
Қатты жүріп атыңмен жел ме, балам.
Қарабайдың ауылын сұрай берген,
Сарыбайдың жалғыз ұлы сен бе, балам?

– Аякөзді жағалай бітер қайың,
Оқып болған Баянды уатайын.
Қарабайдың ауылын көрсет сана,
Біротала атымды суытайын.

– Жер дүниені сен келдің бәрін құртып,
Қарабайды қалыппым мен ұмытып,
Жаным балам, бұ жаққа қарай түсші,
Көріне ме ешнеме қарауытып?

– Ініңізді жамандап табалама,
Құдай әуре қылған соң оңала ма?

Қарауытып бір нәрсе көрінеді,
Қарабайдың ауылы сол бола ма?

– Қарабайды сұрадың мұнда келе,
Тұр деп әуре қыласын мені неге?
Әбдеп болжап қарашы, жаным, балам,
Қарамола, Қараадыр көріне ме?

– Қарамола, Қараадыр көрінеді,
Қарауға да енекем ерінеді.
Қарамола, Қараадыр көріп тұрмын,
Қарабайдың жайлаған жері ме еді?

– Қарамола, Қараадыр көріне ме,
Сен түр деп әуре қыласын мені неге.
Қарамола көрінсе бойы соның,
Қараадырдан қой-малдар біліне ме?

– Қарамола көрінген түйесі ме оның,
Қараадырда жайылған қойы ма оның?
Қарамола, Қараадырды көріп тұрмын,
Қай жағынан жүрейін енді соның?

– Қайдан тауып сен келдің мұнда ғана,
Жайлаушы еді сол жерді жылда ғана.
Қараадырды қақ жарып, жаным балам,
Сол молаға барғайсың тура ғана.

– Сізден басқа жұрт маған ел емес-ті,
Қарабайдың қылығы жөн емес-ті.
Әлі менің ақылым көп жеткен жоқ,
Ей, енеке, тауып берші бір кеңесті.

– Сүйгенінен айрылған жер таянды
Қылған ісің Қозыкем жұртқа аян-ды.
Алтын күйме ішінен шығушы емес,
Енді қайтіп көресін сол Баянды.

– Мың жылқыдан ат міндім мен жа-
панда
Құдай сірә қоспасын жар жаманды.
Әлі менің ақылым көп жеткен жоқ,
Сен таба көр, енеке, бір амалды.

– Қозы Көрпеш құл болып түсер қойға
Сүйтер ме деп жігіттікте келеді ойға.
Жұмыршақты*[36] басыңа кие салып,
Тазша болып барғайсын Қарабайға.

– Тауды, тасты күңренте жел ескенде,
Баян қайда жүреді ел көшкенде?
Барған жерде Қарабай сөз сұраса,
Не деп жауап берейін, сөйлескенде?

– Жасағанның ісіне жоқ-ты шараң,
Мен қайтейін оңдасын аллатағалаң,
Барған жерде Қарабай сөз сұраса,
Кісілікке жүрмін де, байғұс балам.

Тартады екен Қозыкем күйді дейді,
Енді қайтып көрменді үйді дейді,
Бір тоқтыны сол жерде соя салып,
Жұмыршағын басына киді дейді.

– Есен-аман баламды келтіргейсің,
Қодар құлды амалдап жітіргейсін.
Зиян келсе, а, балам, сонан келер,
Ебін тапсаң Қодарды өлтіргейсің.

– Енеке, Қодар бізді нетер дейсің,
Осылай етіп дүниеңе сенің өтер дейсің.
Өзгесінен сақтасын бір құдайым,
Есіктегі Қодар құл қайтер дейсің.

– Барар болсаң сен енді жылдам және,
Қарабайдың құлдары талай неме,
Қисық құлын ол кәпірдің не деп болмас,
Асы болып*[37] құдайға олай деме.

* * *

Тазша болып Қозыкем кетті дейді,
Аякөзден сал байлап өтті дейді.
Әншейін-ақ қоландар адам болып,
Қарабайдың қасына кепті дейді.

*[36] Жұмыршақ – іші қызыл құртқа толған жылқының таз қарыны. Ерте кезде таз кісіні емдеу үшін соны басына тартатын.
*[37] Асы болу – жазып-жаңылу, жазықты болу, тәңіріден жазу.

Қарабайдың қасына келді дейді,
Тәңірі салған ісіне көнді дейді.
Қарабайдың қасына келіп тұрып,
Қол қусырып сәлемді берді дейді.

– Әлейкім, Қарабай, сәлем дейді,
Мен көрмеген бұл қалай адам дейді.
Атың арық, өзің аш, қайдан жүрсің,
Жаным қалай адамсың, балам дейді.

– Ел ішінде қаңғырған мен бір ғарып,
Келген едім алыстан атым арып,
Күн көрермін деп жүрмін, жан атеке,
Сіздей ғана біреудің малын бағып.

– Ақылыңа жетпеген баламысың,
Енші бөліп берейін аламысың.
Мен де өзіндей біреуге кем-тар едім,
Маған бала, жарқыным, боламысың?

– Ай, атай, жаңа келді менің бағым,
Жоқ үйде меніңдағы аға, інім,
Енді сізге мен байғұс мойындадым,
Сізден артық адам табылмас маған адам.

– Жылқы бақсаң, міне көр қара жалдан,
Еш зиян көрмессін кемпір-шалдан,
Өз еркіңе салайын, жаным балам,
Сүйгеніңді баға көр, мынау малдан.

– Келе жатып мен өзім ойлағанмын,
Ойлап-ойлап ой түбін қоймағанмын.
Өз еркіме салсаңыз, ей, атеке,
Жанға тыныш, әйтеуір, қой бағамын.

– Қартайғанда мен қойды бақтым дейді.
Тазшам жаңа жаныма жақтың дейді.
Үйге барып Қарабай қуанады,
Мен бір қойшы жігітті таптым дейді.

* * *

Бүгінгі өткен нешесі, туған айдың,
Еш қадірін білмейді Баян байдың.

Бір Баянның дертінен Қозы Көрпеш,
Алты ай жүріп қойын бақты Қарабайдың.

Қарабай бай болып-ақ мыңғырапты,
Қозыкемді ап келіп құл қылыпты.
Бұған енді бір амал табайын деп,
Бір тоқтының аяғын сындырыпты.

Қойға мінген қара атан бақырады,
Қозы Көрпеш шыңғырып ақырады.
Мұрындары зерлі*[38] қой қалды ғой деп,
Қозы Көрпеш дауыстап шақырады.

Шыңғырады бір адам қате ме екен,
Тыңдап көрші, балалар, Тазша ма екен,
Сол Тазшаның аяғын сындырғаны,
Асыранды Баянның тоқтысы екен.

Қарабайдың жайлауы Телі көлді,
Ауыл көшсе, сол Баян жорға мінді.
Мұрындары зерлі қой қалды ма деп,
Жорғасымен қайрылып Баян келді.

– Асықпай тұр қылайын сені ма құл!
Өз өзінен не ғылып сынады бұл?
Денем сүйген бір тоқты еді осы қойдан,
Мұны не ғып сындырдың шетемір құл?

– Мұнан бұрын көріп пе едің мұндай құлды?
Мұнша әуре қыласың мен бір сұмды.
Менен көрме, ей Баян, құдайдан көр,
Бұ тоқтының аяғы өзі сынды.

Тандырайын, мұны кім жейді – деді.
Денем сүйген менің бір тоқтым, – дейді.
Іле*[39] апарып Қодарға таңдырайын,
Өңгерт бұлай шұнақ құл, депті дейді.

Қозы Көрпеш көңіліне қайғы салды,
Бір Баянның зауқынан бақты малды,
Көтере алмаған тоқтыны кісі болып,
Оң жағының санынан шымшып алды.

*[38] Зер – алтыннан жасаған қалауыш әшекейлер. Бұл жерде мұрынға тағатын жез бұйда. Ерте кезде түсінің ерекшелігі бар құлын мен қозыны жақсы көрген баласына арнап құлын болса мойнына тұмар, қозы болса мұрнына зер тағатын. Зергер сөзі осы сөзден шыққан.

*[39] Іле – тез, шапшаң.

– Асықпай тұр, бәдірек қаның тасса,
Қымыра қыл да іше бер, қарның ашса.
Қойға келген жерімде ондай етіп,
Менің теңім сен бе едің, шұнақ Тазша?!

– Мұндай тиіп жұмсама құлды Баян,
Құдай әуре қылды ғой бізді Баян,
Ай аулақта сұрайын, осындайда,
Құдай қосқан қосағың кім-ді Баян?

– Баян әрмен жөнеліп кетті дейді,
Сірә қалай осы адам депті дейді,
Сол Тазшаның сол жерде айтқан сөзі,
Көкейінен Баянның өтті дейді.

Қозы Көрпеш құл болып қойға түсті,
Жасағанның қылығы сондай күшті,
Бұрын сірә ештеме білмейді екен,
Енді Баян ішіне пікір түсті.

Амал тауып Баянға бара алмайды,
Жақындатып қасына ала алмайды,
Алты ай қойын бақса да Қарабайдың
Сонан артық ештеме таба алмайды.

Қойды тастап Қозыкем жылқы бақты
Қарабайдың жанына жаңа жақты.
Көгәл жерге желіні тартып барып,
Жұмырықпен қазықты бір-ақ, қақты.

Жер дүниеге кетеді жылқы түнде,
Қайтара көр, Қодар құл шапшаң мұнда.
Қарабайдың жылқысын сол алпыс құл,
Әзер түгелдеп болады алпыс күнде.

Тазша байғұс кетеді ерте тұрып,
Айғай салып тұрады иттей ұлып.
Баға алмаған жылқысын алпыс құлдың,
Жалғыз өзі келіпті түгел қылып.

Жылқы жияр Қозыкем айғай салып,
Құрығына жидесін*40 байлай салып,
Жалғыз жылқы қалмастан жиылыпты,
Келді дейді ауылға айдап алып.

*40 Жиде – жейде (Ішкі) көйлек.

Оны естіп алпыс құл арланады,
Жылқы баққан бір Тазша зарланады.
Ол Тазшаның, жігіттер, қылығына,
Үйде отырып, Қарабай таң қалады.

Қозы Көрпеш бір нәрсе ойлайды-мыс,
Құрығын Қодар құл да қоймайды-мыс.
Қозыкемен жылқыға бара жатып,
Аударыспақ, алпыс құл ойнайды-мыс.

Қозыкені әпкеліп, мал бақтырды,
Мал баққанын Тазшаның жұрт жақтырды.
Аударыспақ алпыс құл ойнаған соң,
Әрқайсысын әр жерге (бір) лақтырды.

Өткен іске өкініп біз кетелі,
Біраз айтып мұратқа бір жетелі,
Ат үстінен Қозыке лақтырса,
Алты құлаш түсіпті құл көтені.

Қозы Көрпеш жарына жаңа жеткен,
Арасында Қодардың несі кеткен?
Түсіп қалған көтенді саламын деп,
Ептей алмай құлдардың есі кеткен.

Қозыке мен Қодар құл жақындайды,
Жақындасып Қодар құл тақымдайды,
Суға апарып батырса Қозы Көрпеш,
Мен өлдім деп Қодар құл ойбайлайды.

Айдалада алпыс құл арланыпты,
Қодар батыр сол жерде қорланыпты,
Айдалаға шыққан соң тамам құлдар,
Бір Тазшамен алыспақ ойнасыпты.

Қозы Көрпеш бір байдың мөлдір көзі,
Сірә хате кетпейді айтқан сөзі.
Айдалада алпыс құл ойнасқан соң
Алпыс құлды басыпты бір-ақ өзі.

Қозы Көрпеш сол құлдан жас-ты дейді.
Арақ ішкен Қодар құл мас-ты дейді.
Айдалада алпыс құл ойнасқан соң,
Алпыс құлды бір Тазша басты дейді.

Тұс-тұсынан алпыс құл алаң қылды,
Бір Тазшаның жанына жаман қылды,
Алпыс құлдың бәрін де жығып тұрып,
Ең үстіне салыпты Қодар құлды.

Бұл Тазшада қайғы бар мұнды дейді,
Бір-ақ өзі басыпты құлды дейді.
Пәле болған қу Тазша, тұршы жылдам!
Түгел менің қабырғам сынды дейді.

Сірә Қодар жүрмейді көтін қысып,
Мақтанбаңдар, барынды мықты басып.
Қодар екем тұрайын деген болса,
Басып-басып жіберді нықтай түсіп.

Тазша бала болар ма мұндай мықты,
Алпыс құлды бір өзі басып жықты.
Жығылғандар астан, үстен қышқырады,
Ойбай, менің көтімнен боғым шықты.

Тазша байғұс үстінен тұрды дейді,
Қыран-топан сол құлдар болды дейді.
Ең үстінде Қодар құл күрсінеді,
Құдай мені, жігіттер, ұрды дейді.

Тазша тұрып армаған кетті дейді,
Қыран-топан құлдарды етті дейді.
Бір айналып Қозыкем қайтып келсе,
Қодар үйге күрсіне кетті дейді.

– Мынау Тазша бұ маған қылған сөйді,
Құдай мені, жігіттер, ұрған сөйді,
Бір отырған орнымнан қозғалтпайды,
Түгел менің қабырғам сынған сөйді.

– Ыңқылдайсың, бір жаман дерт болды ма,
Саған қарар сұмда бет қалды ма,
Бір отырған орныннан қозғала алмай,
Қодареке, бір жерің мерт болды ма?

Тұр десем де жатасын сірә тұрмай,
Айтса, тілді алмайды Тазша сұмрай.
Түгел менің қабырғам қиратылды,
Жазылмаса, ау, мені ұрды құдай.

Тазша бізге бір неме нетер дейсің?
Әлі қайтіп Тазшаның жетер дейсің?
Қалжа жесең жазылар, жатып тұрып,
Қодареке, қабырғаң нетер дейсің?

* * *

Онсан ноғай бір жиын етті дейді,
Сол жиынға жұрт жиылып кетті дейді.
Өкпе-бауыр ап келіп берейік деп,
Тазша малға қала көр, депті дейді.

Адам қалмай жиынға жұрт кетіпті,
Ала тайға жігіттер тіл бітіпті.
Күн жайлатып бір амал таба көр деп,
Қозыкеме сол жерде үйретіпті.

Алып келіп биесін байлатыпты,
Қара боран соқтырып жайлатыпты.
Тағыдағы бір амал тауып бер деп,
Ала тайды сол жерде ойлатыпты.

– Астын-үстін бұлан қыл, ойран-топыр,
Аңдамаса, Қозыкем өзің білдір.
Мынау малың қырылды, жаным Баян.
Елден бұрын кел-дағы мені сыпыр.

Сүйдеді де ала тай қалды дейді,
Жүгіріп үйге Қозыке барды дейді.
– Шапшаңырақ тұра көр, жаным бике,
Мынау малың қырылып қалды дейді.

Сол Баянды оятып алды дейді,
Ала тайға жүгіріп барды дейді.
Ала тайға жүгіріп барған екен,
Қос аяқтап жүректен салды дейді.

Ала тайға жүгіріп барды дейді,
Қос аяқтап журектен салды дейді.
Қос аяқтап жүректен салған екен,
Алтын айдар жарқырап қалды дейді.

Ұйықтап жатқан сол Баян оянып ты,
Жүгірерге табанынан аянып ты.

Алтын айдар шумақтап келе жатса,
Түбі келіп Тазшаға таяныпты.

Баян жетіп жылқыға келді дейді,
Бұған енді не амал болады дейді,
Баян жетіп жылқыға жақын келсе,
Жарқыраған айдарды көрді дейді.

Болған боран болды да тына қалды,
Құдай қайдан Тазшаны ұра қалды.
Айдар келіп Тазшаға таянған соң,
Ішін тартып сол жерде тұра қалды.

Жау айдағыр бұ шіркін малды дейді,
Тазша мұнда жоғалып қалды дейді.
Жерден Баян көтеріп алды-дағы,
Аулақ үйге апарып салды дейді.

Қозыкені сол жерде білді дейді,
Жақсы көріп бетінен сүйді дейді.
Аулақ үйде екеуі сөйлескен соң,
Сонда айқасып екеуі қалды дейді.

Боран борап түгел мал ықты дейді,
Өз ісіне Қозыкем мықты дейді.
Өз жарымен ойнасып Қозы Көрпеш,
Бір құмардан екеуі шықты дейді.

Қарабайдың құлдары көпті дейді,
Келе сала бір нәрсе етті дейді.
– Торғай жырлап тұрады сұлу Баян,
Таң атыпты түрегел депті дейді.

Адам қалмай жиынға кетті дейді,
– Жата тұршы, аһ жарым, нетті дейді.
Таң атбақтан күн шықсын шырағым-ау,
Тар төсекте жан шықсын депті дейді.

Қодар енді жиыннан қайтар дейді,
Тазша келіп Баянмен жатыр дейді.
Екеуінің жатқанын көре салып,
Қайтып барып жиынға айтты дейді.

– Айдалаға Тазша екең құрар шатыр,
Қызыңызды құшақтап Тазша жатыр.

Қарабайым той тойлап мұнда жүрсің,
Қызыңызды тойлатып онда жатыр.

* * *

Қарабай жиын тастап келді дейді,
Жиын қылып жиыпты елді дейді.
Елім-жұртым ойлай көр, азаматым,
Бұған не амал болады енді дейді.

– Сол Тазшаны әрманырақ жытырыңыз,
Жытырмасаң шақырып келтіріңіз,
Бір Тазшаға түгел жұрт қысым қылып,
Соны араққа мас қылып өлтіріңіз.

Бір тазшаға түгел жұрт қысым қылды,
Алып келіп тамам жұрт аяқ ұсынды,
– Шанаш қылып берейін тамағыңа,
Ейді сенің ah, байғұс, (мысың) құрды.

Қылды дейді бір ұшын балағына
Тоғыз бегі қарайды қабағына
Ішкен кісі бол-дағы құя бер деп,
Шанаш қылып беріпті тамағына.

Босағада құл отыр екі жақтап,
Арақ ішпес Қозыке әлін шақтап.
Жүгіре шығып Қозыкем кеткен екен,
Бірін-бірі қалыпты (құл) пышақтап.

Жүгіріп атқа Қозыкем барды дейді,
Үзеңгіге аяғын салды дейді.
Қафияда түгел жұрт қайдан білсін,
Апыр-топыр адасып қалды дейді.

Жүрген екен Қозыкем сөзге қанып,
Бал ашады қолына кітап алып.
Қозы Көрпеш құтылып сала берді,
Алдын ашық, артына тұман салып.

Анау әрмән құтылып кетті дейді,
Жібермеймін осы жерде көпті дейді.
Елім-жұртым ойлай көр, азаматым,
Оған не амал болады депті дейді.

Қала жаздық осы жерде қанға батып,
Бір кеткен соң сол келмес енді қайтып.
Пышақтасып осы жерде өле жаздық,
Қаңғырып жүрген немеге қайдан қалдық.

Ол басында Қозыкем өзі сұм-ды,
Шоқ теректі барды да мекен қылды.
Мұндай сәрсең етерін білер болсам,
Баяғыда-ақ қырмас па едім мұндар құлды.

Боз бұшыққа мінді де кетті қашып,
Баяғы үйден қарайды жапсар ашып.
Шоқ еректің түбінде торғай көріп,
Боз торғайы береді мейіз тасып.

Боз торғайды жіберер біліп кел деп,
Есен болса сол жарым көріп кел деп.
Бес бауырсақ, бір күлше арқалатты,
Азық қылсын жарыма беріп кел деп.

Қалған екен Қозыкем түзде жүдеп,
Торғай ғарып қайтыпты бір күн түнеп,
Қуанғаннан боз торғай келе салып,
Қуантыпты Баянды сүйінші тілеп.

Күнде барып боз торғай келеді екен,
Баян азық жасырып береді екен,
Боз торғайдың келгенін, азаматтар,
Аңдып жүріп жеңгесі көрген екен.

Боз торғайы бір жырлап келді дейді,
Жеңгесі тыстан тыңдай қалды дейді.
Жаңа Баян жіберіп жатқанында,
Сол жеңгесі мойынан ұстап алды дейді.

– Жеңеше, торғайымды жібер, – дейді.
Осы торғай ерімді білер, – дейді,
Осынша мойын салып тілесе де,
Құрып қалғыр жеңгесі жібермейді.

Баян жылап ішінен күңреніпті,
Ерте кеткен Тазшаны кім көріпті.
Мойны үзіліп торғайдың бара жатса,
Жазған Баян аяп та, жіберіпті.

Баян жылап сол жерде тұрды дейді,
Торғайды әуре сол жерде қылды дейді.
Көріп жүрген Тазшаны айтпайсың деп,
Түгел жүнін торғайдың жұлды дейді.

Мен не қылам тәңірге жоқ дегенде,
Ештемені көргенім жоқ дегенде.
Өзге жұлын жұлғанда үндемейді,
Төбе жүнін жұлғанда «шоқ» дегенде.

Торғай ғарып бір жақтан келді дейді,
Аңдып жүріп жеңгесі көрді дейді,
Төбе жүнін жулған соң боз торғайдың,
«Шоқ» деді де, боз торғай өлді дейді.

Етін асып, торғайды қайнатыпты,
Сауын етіп, биесін байлатыпты,
Боз торғайы Баянның «шоқ» деді деп,
Жұртын жиып Қарабай ойлатыпты.

Алыс болып Баян қыз бара алмайды,
Жыты*[41] хабар жарына бере алмайды.
Жұртын жиып Қарабай ойлатса да
Сан кісіден бір кісі таба алмайды.

Асықпаңыз, жігіттер, келсін Қодар,
Қарай-қарай Қодарға көзі талар.
Сан кісіден бір кісі таба алмады,
Мұны ақыр, жігіттер, Қодар табар.

Жоғын қарап Қодар құл келді дейді,
«Шоқ» деді де боз торғай өлді дейді.
Сан кісіден бір кісі таба алмады,
Сен таба көр, Қодарым, енді дейді.

Кім ап кетті осы жұрттың ақыл-есін,
Таба алмайды еш ойлап мұның несін,
Боз торғайы Баянның «шоқ» деп өлсе,
«Шоқ теректің» түбінде жатқызған сол.

Мінді дейді Қодар құл көк серекті,
Өлтірермін ол тазша бәдіректі.

*[41] Жыты – тез, шапшаң, қолма-қол. Жыты қара – тез хабар алатын қарауыл орны (см. Киргизско-русский словарь. Изд. второе. Оренбург, 1903, с. 89).

Елін-жұртын Қарабай жиып тұрып,
Енді іздемек болыпты Шоқ теректі.

Бұрын құлды Қозыкем боқтайды екен,
Ояу болса, Қодарды мықтайды екен.
Бір ұйықтаса, жігіттер, Қозы Көрпеш,
Күні-түні он төрт күн ұйықтайды екен.

Елін-жұртын Қарабай алды дейді,
Баян жылап үйінде қалды дейді.
Басын алмай мен сірә келмен-ді деп,
Шоқ теректің түбіне барды дейді.

Айдалада құрулы шатыр дейді,
Алтын айдар жарқырап жатыр дейді.
– Әлде болса Баянға қосалық деп,
Мұнан артық табылмас батыр дейді.

Көңілім менің бұзылды әлде неге,
Жағып жүрген неме еді ата-енеге.
Әлде болса Баянға қосалық біз,
Мұнан артық берерміз қай төреге?

Коргеннен соң Қарабай қыя алмайды,
Көздің жасын сол Баян тыя алмайды.
Ажал жетсе, жігіттер, амал болмас,
Қан тартып тұр, Қозыкем оянбайды.

Сүйдеді де Қарабай қайтты дейді,
Қайтыңыз деп Қодарға айтты деді,
Басын алмай мен сірә қайтпаймын деп,
Қамыс оқпен жүректен атты дейді.

Бәсі*42 тым-ақ Қодардың қатты дейді,
Қамыс оқпен жүректен атты дейді,
Қамыс оқпен жүректен атқан екен,
Оғыменен айқасып жатты дейді.

Өлген соң Қозыкемнің әлі нешік,
Барады енді Қодардың көңілі өсіп.
Бұл Қодардың қылығын қайтерсің,
Бара салып алыпты-ау басын кесіп.

*42 Бәс – талас, күншілдік, күндестік.

– Еш декбірің жоқ екен әлі де ата,
Ақша бетім сарғайды жалғыз жата.
Атың арық, өзіңнің жүзің сарық,
Қайда барып келдің-ау, айт сана, ата.

– Бір жаман ат қайтейін болды маған,
Жүр, деді-дағы қоймады Қодар аған.
Өткендердің соңынан өкінбеңіз,
Қозыкедей мырзаны таптым саған.

– Тілімді алмай сен қайда кетіп келдің,
Менің немді бітіріп жетіп келдің.
Тілімді алмай сен сонда кетіп едің,
Құдай қосқан жарымды нетіп келдің.

– Мен біреудің тіліне сеніп келдім,
Алла оңғарса, сіздерді беріп келдім.
Өткен ердің соңынан өкінбеңіз,
Қозыкедей мырзаны көріп келдім.

– Алжып жүрсің, ай ата, өлейін деп,
Ойлаушы едім өнерін көрейін деп,
Күйеуіңді өлтіріп азған қақбас,
Қодар құлға келдің бе берейін деп.

– Елден елді қыдырып барайын да,
Емен таяқ қолыма алайын да,
Елден елді қыдырып, жаным балам,
Бір теңдесіңді мен іздеп табайын да.

– Енді не деп барасың елге ата,
Мен бейбаққа қыламысың екі бата?
Елден сәурік жиярға байтал емен,
Төсек салып жатағын өзің қайта.

Сірә, маған жақпайды сенің сөзің,
Қарай-қарай төрт болды екі көзім,
Ақ шимайлы, ақ отау бер тіктіріп,
Мені алып жата қал, атам, өзің.

Қодар түзден бір ойды ойлап келді,
Мойнын созып Баянға бойлап келді.
Бұ Қодардың мінезі тым-ақ тентек,
Басын кесіп жанына байлап келді.

Қырық құлаш Баянның шашы дейді,
Бұ Қодар құл Құдайға ғасы дейді.
Алып келіп Баянға тастай берді,
Ал, басты қара, байыңның басы, – дейді.

Бәрекелді Қодардың тентегіне,
Баян сұлу жүрмейді жетегіне.
Ал, байыңның басы, – деп тастай берсе,
Баян тосып алыпты-ау етегіне.

Құлдан өлген болар ма мұндай ғайып,
Үндемеді ол бастан бабам Қайып*[43].
Алған байы өлген соң жазған Баян,
Бетін жыртып жылайды-ау шашын жайып.

– Өлгендердің соңынан өлме сана,
Өзге адамға көңіліңді бөлме сана.
Мына жалған дүниеде кім қалмайды,
Ақша бетке дақ сала берме сана.

– Қодареке, қай жақтан келдің жетіп,
Енді мені кім алар сенен өтіп.
Енді мені сен алмай кім алады,
Сол жарымды кел сана, бір көрсетіп.

Баянды ертіп алып кетті дейді,
Көрсетейін жүріңіз депті дейді.
Алған байын өлтіріп бәдірек құл,
Бұлай әуре Баянды етті дейді.

Сол Баянды Қодар құл көзден салмас,
Бәдіректің қылығы естен қалмас.
Өлген ерін сол Баян іздеймін деп,
Бара жатып Қодармен болды жолдас.

Қылшадайын Баянды құл жақтайды,
Аламын деп Қодарқұл ыржақтайды,
Қодар құлдан бір зиян келе ме деп,
Баян сұлу бетіне бөз қаптайды.

Қодар зиян Баянға тидіріпті,
Көңілін бермей Қодарды күйдіріпті.
Алдап қана Қодардың көңілін аулап,
Шүберектің сыртынан сүйдіріпті.

*[43] Баба Қайып, Қайып-ерен – халық жырында қамыққан жолаушыға көмек беретін оның досы.

Он екі айдың жақсысы жаз болады,
Жаздың алды үйрек пен қаз болады.
Шүберектің сыртынан сүйдіргенге
Көкірегі қош болып, Қодар құл мас болады.

Сол Баянның тазасы аққудан ақ,
Жаны шықпай құр пысып жүр Қодар құл-ақ.
Шүберектің сыртынан сүйдірген соң,
Ақ бетіне түсіпті Баянның дақ.

Құлға Баян тие ме қазақ құрып,
Құлға не деп тисін-ау құдай ұрып.
Ойнағандай ойпат жер, жаным бике.
Баянменен келеді әзіл құрып.

– Қодареке, жүре бер жөніңменен,
Құдай енді қосты ғой сеніңменен.
Сол жарымды бастап бір көрсет сана,
Ойнарыңыз қашама меніңменен.

– Сенің жарың емес не анау жатқан,
Қодарекең жүректен мықтап атқан.
Мақтап жүрген байың ба мынау Баян,
Бір-ақ тартып Қодекең ыңқылдатқан.

Қодеке осы жерде бой салалы
Ойымызға ой салып той салалы.
Айдалада қаңғырып шөлдеп өлдім,
Ішерімізге бұ құдықтан су алалы.

Қодар енді құдықтан су алады,
Аламын деп шыңырауға жұмылады.
Алдағанын Баянның қайдан білсін,
Аламын деп ішінен қуанады.

Шашын байлап құдыққа салды дейді.
Кебіспенен бір суды алды дейді.
Кебіспенен бір суды ішіп алып,
Баян енді сусыным қанды дейді.

Шығамын деп ұмтылды Қодар бетке,
Күнге күйер ақ бетің басың бүрке.
– Суға сенің сусының қанған болса,
Шығайын да далаға тартшы, бике.

Көңілі қалды Баянның «ағасына»,
Бір таянды Қодардың тобасына*44.
Пышақпенен алады салып-салып,
Тартып тұрып Қодардың жағасына.

– Ақырын тарт үзерсің мойынымды,
Шығысымен аша көр қойыныңды,
Жаным шығып барады жаным, бике,
Қырға шығып қыл сана ойыныңды.

– Ойнайды екен мұндар құл меніңменен,
Ойнатқанша тәңірі алсын сеніңменен,
Мұндай қылық сен итке болар ма еді,
Көтің қысып тек жүрсең жөніңменен.

Қодар енді құдықтан суды алады,
Аламын деп шыңырауға жұмылады.
– Алған байың өліпті, бейбақ Баян
Енді сені мен алмай кім алады?

– Аламын деп жүр ме едің, ойында
құл,
Ойнар едің Баянның қойнында құл,
О дүниеге барғанда [есекпісің],
Екі жастың обалы мойнында құл.

Шығамын деп аяғы тая берді,
– Тарт сана, деп құшағын жая берді,
Тартып тұрып құдықтың жағасына
Шашын кесіп шыңырауға қоя берді.

Қодар құлдың ажалы жетті дейді,
Бұйда пышақ, өкпеден өтті дейді.
– Ойбай, Баян, сен маған бұлай қылдың,
Мені тентек Баян жан, құдай қылды.

Қозыкеден ah Баян онда айрылдың,
Мұнда тірі байыннан тағы айрылдың.
Қозыкенің алдың қой (өлі басын),
Екеумізден айрылып қараң қалдың.

– Құл да бұлай болар ма, сірә ғана,
Ажал айдап жүр екен сені ғана.

*44 Тоба – сыйыну. Бұл жерде: Қодардың сыйынатын кезі жетті дегенді білдіреді.

Баян сұлу керек пе шетемір құл,
Алатұғын неме екен мені ғана.

Енді өмірді тілеймін көбірек күн,
Ақылыңды мен білдім өзімнен кемірегін.
Сен қылғанды, а Қодар, мен де қылдым,
Соныңменен жата тұр бәдірегім.

* * *

Қодар өліп, құдықта қалды дейді,
Баян жары қасына барды дейді.
Баян жары қасына барып тұрып,
Басын бұрып, мойнына салды дейді.

Қырық күн жауын жауыпты бір жел тұрып,
Баян келді құдықтан құлды өлтіріп.
Қодар құлды өлтіріп келгенен соң,
Алған жарын жоқтайды енді өкіріп.

Жоқтағанда не дейді енді Баян,
Салғанына алланың көнді Баян,
Кішкентайдан бір өскен құдайым-ай,
Өзі жоқтай басыңа келді Баян.

– Жатырмысың ей, жалғызым, жер
бауырлап,
Қарға жүні қамыс оқ оны ауырлап,
Құдай қосқан қосағың Баян келді,
Тұра келсең нетеді күліп-ойнап!

Кішкенеден атадан жетім едің,
Тілін алмай жұртыңнан кетіп едің,
Сан кісіге болармын деуші едің ғой,
Есіктегі Қодардан нетіп өлдің?

Байғұс сені не қылып қара басты,
Қодар оғы шырағым араласты.
Жасағаным, құдайым жан беретін,
Құшақтасар күн бар ма қойындасып?

Жатырмысың ей, жалғыз, жалғыз оққа,
Жанбасыңа жер өтті, жаның жоқ па?
Әзер*45 жақсы болса да қайғырмаңыз,
Інісі жоқ артында жалғыз боққа.

*45 Әзер – тіпті сонша.

Кішкенеден атадан қалдың жетім,
Күнге күйіп сарғайды ақша бетім,
Құдай сені көзіме көрсеткен соң,
Көрмей қалдың дүниенің өнер бетін.

Құлдан қисық болар ма мұнан асқан?
Жаным жалғыз қан тартып қара басқан.
Көрсетпесі бар екен өнер бетін,
О бастан-ақ құдайым неге қосқан?

Ақылы азған, ей қақбас, о бастан қоспасаңшы,
Қосқаннан соң сөз бұзып қашпасаңшы!
Кімнің құлын аядың жалғыз байғұс,
Баяғыда қырып-ақ тастасаңшы!

Алтынды ер, ақ боз ат міне алмадым,
Мен бүйтерін Қодардың біле алмадым.
Өзің қостың а, тәңірі, өзің алдың,
Бір армансыз мен ойнап күле алмадым.

Бір пәледен құтылып қаша алмадың,
Қара басып ұйқыңды аша алмадың.
Ояу болсаң, ол итке қылар едің,
Ұйықтап жатып Қодарды ата алмадың.

Сені естісе жұртыңыз жылар ма екен?
Атың тұлдап*46, қараңды қылар*47 ма екен?
Жасағаннан жаныңды тілеп тұрмын,
Баяғыңдай ойнар күн болар ма екен?

Бұ Баянның ойлаған ойы дейді,
Басын оңға қаратып қойды дейді.
Құдайынан сол жерде жан тілейді,
Астындағы ақ боз ат сойды дейді.

Жылайды екен сол Баян сана қылып,
Құдай қойды көңілін ала қылып.
Алған жары өлген соң жазған Баян,
Күні-түні жылайды-ау налы болып*48.

Қозыкеме тұлдайды қара көкті,
Әулиеге сыйынып көп түнепті.

*46 Ат тұлдау – тұл қалған аттың құйрығын кесіп (тұлдап), оны өлген иесіне арнап жіберу.
*47 Қара қылу – қара жамылып, аза тұту.
*48 Налы – налу, күйіну, зарығу, зарлау.

Ақ боз атты құдайға айтып сойып,
Құдайынан сол жерде жан тілепті.

Баянның барады енді дәурені өтіп,
Құдай қойды байғұсты әуре етіп.
Күні-түні зар қылып тілегенде,
Бабай түкті шашты Әзиз келді жетіп.

Ақ шалмалы біреу келді аты ақсаған,
– Қандай адам далада зар қақсаған?
Тілегіңді тілеші, жаным балам,
Бір тілекті берейін енді саған.

– Налыс қылсам Һауадан пірім келер,
Таяғы бар түбінде аса темір.
Тумай тұрып қосылған жарым еді.
Енді бұған тілеймін жеті ай өмір.

– Салғанына алланың көндің дейді,
Дауысыңа шыдамай келдім дейді.
Тілегенің сол болса, жаным балам,
Жеті ай өмір мен саған бердім дейді.

Жер дүниенің бәрі де күңреніпті,
Мұндай ақырзаманды кім көріпті?
Өліп қалған, жігіттер, Қозыкеме
Бабай түкті шашты Әзиз жан беріпті.

Жасағанның қылығы күшті дейді,
Сырлы аяққа бал құйып ішті дейді.
Үш күндейін ойнасып жарыменен,
Баяғыдай тербене түсті дейді.

Мінді дейді Қозыкем көк серекті,
Мекен қылды сол жерде Шоқ теректі.
Жеті ай түгел қыдырып Қозы Көрпеш,
Кезді дейді шарық ұрып төңіректі.

Өз жұртынан Қозыкем безді дейді,
Дүниеден күдерін үзді дейді.
Жеті ай түгел қыдырып Қозы Көрпеш,
Дүниенің төрт бұрышын кезді дейді.

Ердің жасы екі төрт бел-ді дейді,
Салғанына алланың көнді дейді.

Жеті ай түгел қыдырып, Қозы Көрпеш,
Төрт бұрышынан дүниенің келді дейді.

– Кесір құлдан құдайым жасқана ма,
Жақын келші, Баян жан қасқанама.
Еңсем түсіп барады, алла менің,
Жастық қойшы, а Баян басқанама.

Әр тарапты қыдырып келді дейді,
Бармаған жер қалмаған енді дейді.
Шоқ теректің түбінде күні бітіп,
Қозы Көрпеш сол жерде өлді дейді.

– Қалған жаным не болар мұнан аяп,
Ақша бетін салыпты қанға бояп.
Құшақтасып сол жерде жата қалды,
Бұйда пышақ ұшына ішін таяп.

Қозы Көрпеш сол жерде өлді дейді,
Үш жылдан соң бір адам көрді дейді.
Көрген адам сол жерде танып тұрып,
Екі айырып екеуін көмді дейді.

Қалған екен Қозыкем сағынысып,
Бір жатыпты қара кіс жамылысып.
Ақ жұмыртқа болысып жерден шығып
Жер жүзінде ойнайды шағылысып.

Ата-анасы Баянды қарамайды,
Балам қайда кетті деп сұрамайды.
Ақ жұмыртқа болысып жерде ойнаса,
Қоңыз болып Қодар құл аралайды.

Қозыкемнің түбіне Қодар жеткен,
Екі айырып екеуін көміп кеткен,
Баян менен Қозыкем тек емес-ті,
Екі жерден байтерек болып біткен.

Қозыкемен Қодар құл атысыпты,
Бірге барып жарымен жатысыпты.
Екі жерден байтерек болып бітіп,
Басы барып бірігіп жабысыпты.

Дәрі құяр сол Баян жарасына,
Қодар құлдың қылығын қара сана.

Қозыкені өлтірген анау Қодар,
Шеңгел болып бітіпті арасына.

Құл өлтірген мырзаны қай халықта,
Сол Қодарды Баян да жай қылыпты[*49].
Қозыкені өлді деп естіген соң,
Сонда жүріп сол Айқыз қайғырыпты.

Қозы Көрпеш бір байдың жалғызы еміс,
Баян сұлу сіңлісі Айқыз еміс.
Қозыке өлсе қайғырған Айқыз сұлу,
Қозыкеңнің туысқан балдызы еміс.

Алпыс құлдың Қодар құл басы дейді,
Қозыкемен өштескен қасы дейді.
Қозыкені өлді деп есіткен соң,
Тамағынан өтпейді Айқыздың ішкен
асы дейді.

Құл көрінсе жарайын бәрін де деп,
Бұ қайдан келген шұнақ құл, жерінде деп,
Айқыз солай зар қылып жүргенінде,
Қозыкені есітті тірілді деп.

Бір қылмысты айтады мен Аймын деп,
Тәңірі салса, әрине, көнемін деп.
Жүгіре шығып сол Айқыз кетті дейді,
Жездем менің тірілсе көремін деп.

Ғажап тарих құдайым істепті,
Қодар құлға Баянды көрсетіпті.
Айқыз жолда жете алмай бара жатса,
Қозыкені өлді деп тағы есітті.

Қозыкемен Қодар құл қас болыпты,
Алпыс құлға Қодар құл бас болыпты.
Қозыкені өлді деп естіген соң,
Тұра қалып сол жерде сынтас бопты.

Қозы Көрпеш Баянның болған шағы,
Таза гүлдей аршылып солған шағы.
Қозы Көрпеш өлген соң Баян да өлген,
Сондай болсын әркімнің алған шағы.

[*49] Жай қылу – жайын табу, жытыру, жоқ қылу.

Қозы Көрпеш атанды мөлдір көзге,
Қосылады әр жерде айтқан сөзге.
Өлсе-дағы Қозыкем арманы жоқ,
Сурет болып бітіпті Аякөзге.

Жан біткенді жалмаған қара жерсің
Жалғыз туған Қозыкем сен бір ерсің,
Жебеп-жылап жүре көр, есіңе алып,
Ақыретке барғанда біздерді бір көрерсің.

Комментарии

Печатается по тексту ССВ, т. 3, Алма-Ата, 1964, с. 53–100, основанному на публикации в «Турецкой хрестоматии» И.Н. Березина (ч. III, Казань, 1876, с. 70–162). Текст записан в Кушмурунской степи Чоканом вместе с отцом в 1851 г. и передан тогда же учителем Омского кадетского корпуса Н.Ф. Костылецким И.Н. Березину. Вместе с казахским списком И.Н. Березин получил и его русское переложение, а также переложение другой поэмы «Идиге», оба переложения были сделаны Н.Ф. Костылецким при участии Чокана (И.Н. Березин, Н.Ф. Костылецкий. – НБТГУ, архив Г.Н. Потанина, д. 149, лл. 2–5; ИРАО, т. 8, вып. 1–5, с. 137–148; Архив востоковедов ЛОИНА, ф. 5, оп. 1, д. 16, лл. 2–16). В фонде И.Н. Березина (ф. 5, оп. 1, д. 12, лл. 14–15 об.) хранится также казахско-русский словарь, составленный в Омском кадетском корпусе по тексту кушмурунского списка поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Сулу».

Кушмурунский список поэмы прежде хранился в рукописном отделе бывшего Азиатского музея Академии наук (шифр 321: Березин, 15 (Kirg). قوزو كورپيچ). К сожалению, в новом инвентарном списке, составленном после реорганизации Музея в Институт, его уже нет и неизвестно, где он находится.

Русское переложение поэмы «Идиге» полностью совпадает с казахским текстом той же поэмы, записанной и переведенной Чоканом и опубликованной впоследствии П.М. Мелиоранским в виде приложения к сочинениям Ч.Ч. Валиханова, вышедшим в свет в 1904 г. под ред. Н.И. Веселовского.

Русские варианты обеих поэм были известны еще Г.Р. Державину и А.С. Пушкину. В документах А.С. Пушкина в 1837 г. был обнаружен краткий перевод поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» на русский язык, помеченный 1833 г. В архивных фондах сохранился также русский перевод чиновника Даньшинина (ЦГА КазССР, ф. 338, оп. I, д. 453, лл. 67–68). Известен также перевод поэмы, выполненный самостоятельно Н.Ф. Костылецким, хорошо знавшим казахский язык (см. «Известия Русского археологического общества», т. 8, вып. 1–5, СПб., 1877, с. 137–148).

Ч. Валиханов, как и многие русские ученые, придавал большое значение древней поэме «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» и записал ряд ее версий, одной из которых является кушмурунская. Он писал: «Известная поэма «Козу-Корпеч и Баян-Сулу» пересказана мне была знаменитым Джанаком». Этот акын был уроженцем Каркаралинских степей и мог передать версию, бытовавшую только в степях между Аягузом и Каркаралинскими горами. Эта запись Ч. Валиханова еще не отыскана. Третий полный список поэмы «Козы-Корпеш» был записан от знаменитого акына Шоже в 1864 году в Омске, на квартире Чокана, как раз перед

отъездом в экспедицию генерала М.Г. Черняева. На обложке списка имеются пометы, сделанные рукой Ч. Валиханова. Этот вариант также хранится в архиве проф. И.Н. Березина и частично опубликован в его «Турецкой хрестоматии» (с. 163–168), К сожалению, публикация И.Н. Березина весьма неудовлетворительная, в ней много ошибок и искажений. Возможно, они объясняются уровнем науки того времени или просто упущением типографии.

Кушмурунский список опубликован в наше время литературоведом Дюсембаевым в своде поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» (Алма-Ата, 1959). При всем старании преодолеть и исправить трудный и исковерканный текст поэмы в хрестоматии И.Н. Березина он не сумел полностью восстановить первоначальный текст кушмурунского списка и допустил ряд нежелательных ошибок. Это касается прежде всего историко-этнографической, этнической и географической терминологии, которая либо опущена с пометой «не разобрано», либо искажена... Например, вместо *ат тұлдау* (резать хвост коня после смерти его хозяина) – *ат талдау* (гладить коня); вместо *саур етік* (сапоги из крупа – толстой кожи) – *соры етік* (помета: непонятно); вместо *таз-қара* (стервятник) – *тасқара* (помета: непонятно); вместо *зау-заман* или *зауда* (если, а вдруг) – *зай-заман* и т. д. Но И. Дюсембаев проделал большую работу, расшифровав сложный и хаотический текст по хрестоматии И.Н. Березина. Изучив материалы, он также пришел к выводу, что список «Козы-Корпеша», опубликованный в «Турецкой хрестоматии» И.Н. Березина, принадлежит Чокану Валиханову.

ОБРАЗЕЦ ПРИЧИТАНИЙ*1

كوبچاك ساندى كورانكدى
تابيه غه جراتقان،
قرق سان قرا قلماقتى
جارلغينه قراتقان.
ايبالتاسون التون منان بوولاتقان.
الافاسون ارتتوروب
ارپالاب اتتى قووناتقان.
لاباچى ديكان بر ايلنى
انتى منان اولاتقان،
ايرانچى منان سراندى
توزغونداتوب چوولاتقان.
برستاسون جورت اوستونان دوولاتقان.
اينكساسى بيوك بوز اوردا
سلتانت غه اورناتقان.
بولات دان چيكا سوقتوروب
چنكاراغون تورلاتقان.
اوشبو يردان بك [دارون]
جاسيل كول كا مصلحت [كا] كيلتوروب
. . . . . .
مس تاباق غه تولتورغان.
قازغونى قلايى دان قاقتوروب
توقباغن سوم التون نان سوقتوروب
نقرا كموش چاپتوروب،
بولغارى سبا پيچوروب
چنى اياق مان ايچتوركان.
اورندوغن اويمشداب
اواو نقش سالدورغان.
ساندوغين سارالتونغه مالدورغان.
كوچسه قرقين ارتالماس،
قريق مينك اتان تارتالماس.
قزيل اياق مال جيب
قاليجه سين الدورغان.

*1 Песни Бухар-жырау по умершему Аблаю.

الغين چغين ارقالاب
بتينه بدير قامقا سالدورغان.
تووورليغينك قرا كيس
تولولو بر تونكلو كين
اوشيغه دان اوستاتقان.
بايتاغينك بايب مال بريب
بايراقتى جركا قيستاتقان.
عدل ليكين نشر اون عدلكا يتكوركان.
[جومارتليغين] حاتم تاى
جومارتدان اوتكاركان.
كونده مهمان كوزايب
كيساكلاب ايت بركان.
ايماندينك ايسينه قاراب بيت بركان.
بر خدايدنك ديدارين
سن كورمسنك كم كورار.
تباندااسقان دوشمن غه
كونيندا قيليچ شاويب اوتكاركان.

* * *

На*2 коновязи он тренировал
Одних мухортых коней с упругими бедрами.
Несметное число каракалмыков
Подчинил своей власти.
Покрыл позолотой свою секиру,
Окружил себя ореолом величия,
Услаждал он коней ячменем.
Племя, называемое лабачы,
Он привел к присяге.
Иранчи и Серена*3
Разогнал, рассеял во все стороны.
Ангел счастья вознес его славу над народом
Высококупольную белую юрту-ставку
Поставил он для великолепия.
Булатными гвоздями
Прикрепил шанарак*4 ее.
Вызвав на совет беков своих,
На озере Жасылколь*5

*2 Перевод песни А.Х. Маргулана и Дж. Кармышевой.
*3 Точнее: *Эренчи и Цэрэн* – имена калмыцких князей.
*4 *Шинарак* (шанрак) – верхняя часть остова юрты.
*5 Старое название озера Иссык.

Наполнил медные чаши...
Приказал вбить колья оловянные;
Колотушку велел отлить из чистого золота.
Кумыс для него готовился
В кожаной сабе с серебряной оправой.
[Гостей] поил он [кумысом] из фарфоровых чашек.
Кресло свое отделал резным орнаментом,
Украсил еще большей росписью.
Покрыл позолотой свой сундук.
При перекочевках его имущество
Не под силу было вьючить служанкам,
Сорок тысяч верблюдов
Не могли везти его.
Размножил стада красноногих*6 животных,
Наслаждался видом своего лысоголового стада.
Сборы и дары – целые возы.
Покрытие боковых стен юрты из черного соболя.
Широкое покрытие верха
Украшено разноцветным узором.
Разбогател народ твой многочисленный,
дал много добра;
Зимовать ты устроил их в обжитых местах.
В справедливости он не уступал Нуширвану
Справедливому*7
В щедрости превзошел Атымтая Щедрого*8
Каждый день он встречал гостей,
Угощал их свежим мясом;
К совестливым обращал свое лицо.
Кому же, как не тебе узреть божье лицо.
Не отступавших врагов
Рубил он саблей беспощадно.

Комментарии

Среди бумаг Ч. Валиханова имеются тексты на казахском и киргизском языках, написанные арабским алфавитом. Это – записи устных преданий, песен и пословиц казахского и киргизского народов, сделанные Ч. Валихановым во время путешествий. Запись представляет собой черновой автограф на казахском языке без перевода, озаглавленный «Для образца (причитаний)». Полный заголовок не сохранился, край листа оторван. Автор песни – известный казахский певец Бухар-Жырау (XVIII в.), он сочинил ее на смерть хана Аблая.

*6 То есть породистых.

*7 *Нуширван*, т.е. Хосров I Ануширван – персидский шах, правивший в 531 579 гг.

*8 Вернее: *Хатим ат-Та'и* (ум. в 605 г.) – полулегендарная личность у арабов, доисламский поэт, известный своей безграничной щедростью.

Один из рукописных вариантов песни хранится в Ленинграде, в ЛОИВ АН СССР, в архиве И.Н. Березина (ф 5. №1, л. 7). Этот вариант записан в 1880 г. Имантаем Сатпаевым для Г.Н. Потанина из уст известного баянаульского певца Куреке, потомка Бухар-Жырау. К песням Бухар-Жырау приложено анонимпое письмо, написанное на казахском языке и имеющее вид небольшой программы по сбору песен Бухар-Жырау. Судя по всему, оно составлено под диктовку самого Г.Н. Потанина и адресовано Имантаю Сатпаеву. Вот содержание этого письма в русском переводе:

«Привет г. Имантаю. Прошу записать от Куреке (внука певца) отдельные эпизоды и повествования Бухар-Жырау об Аблае, в частности: осуждение Аблая, восхваление его коня, эпизод об отправлении сына своего Адиля вместе с Жарылгапом в Китай; на какую тему его посланцы вели разговоры с императором Китая? Рассказы о войне с калмыками – сколько раз воевали? Как именовали калмыкских ханов?

Для записи этих рассказов (песни Бухар-Жырау) приехал товарищ Чокана Г.Н. Потанин с супругой». Запись Имантая датируется 1880 г., когда Г.Н. Потанин, возвращаясь яз монгольского путешествия, вместе с женой заехал в Баянаульский район.

Г.Н. Потанин пишет: «Возвращаясь из поездки 1880 г., я заехал в Баян-Аульский округ Семипалатинской области, где провел педелю в ауле Мусы Чормановича. Г. Чорманов обязательно предложил мне воспользоваться бумагами, которые были приготовлены им для покойного Чокана Валиханова». (См.: Очерки Северо-Западной Монголии, ч. IV, СПб., 1881, с. 13–14).

Запись Ч. Валиханова датируется 1855 г. – временем, когда Валиханов проявлял усиленный интерес к собиранию образцов казахской народной поэзии.

Вариант Имантая, хотя и записан спустя 25 лет после Чокана, но между их записями нет особых расхождений, язык и основной текст обеих записей совершенно сходен, они лишь некоторыми куплетами и отдельными строками взаимно дополняют друг друга, с точки зрения четкости правописания казахских слов, вариант И. Сатпаева лучше и является верным ключом для расшифровки некоторых неточностей, встречающихся в записи Ч. Валиханова.

Печатается по тексту ССВ, т. I, с. 169–171. Черновой автограф хранится в ЦГАЛИ (ф. 118, оп. 1, д. 469, л. 29).

ابلای تورالی جر

|| من بر جرده[1]* جرلاین،
جرلاسام بنه جرلاین؟
ایرتگه اوتکن ابلای
خانییم ده جرلاین.
اونی منان قویماین،
اوننك اتسقان جاون جرلاین.
قوسقان مالن جرلاین.
منکگنده اتی کر ایده
ایسنغول من ایر سادر
قرغزده دانکقه بر چققان ایر ایده
اناو بر سادر اتلاندی،
اتلانده ده بابلانده،
قزاق بر اویغه توسکانده
تنچ اویقتاب جاتماده،
اق سو منان کوك سوده
اتلانه کله سارت ده الده.
قرادا قو وس چنکقردان
سمز نایمان چابلده،
سوننك ایچنده
قونکراتنك جمان چابلده.
سایقال ترك توبنده،
موزده بلاق باسنده
سوقاققان قوزه مه ن لاق تابلده
اون بش یاشار یاس بالا
جاوغاچ بر سونده جلایده:
سن سادر غه قلماسام،
کوتنکنان سورگه سالماسام،
ارقاداغی ابلای خه نییمه بارماسام،
سویتب بر کگم الماسام.
تاغه بر مزگل بولغامده
جاوغاچ بر اتقه منگان کون،

[1]* جرده , т. е. جردی Валиханов ی (і, ы) в конце слов большей частью передает буквой ه_ه ; نانی (нені) он пишет ننه, ده دی (деді) – ده ده , سالدی (салды) – ساله и т.д.

بلنه ساداق سالغان کون،
قاراقانده قولینه
اورتاغه الا قونغان کون.
انکر قوزنه الغانده،
توس اویقغه بارغانده،
چالبار سالده بولغانده
تیب بر جلقی الغان کون.
تورت کشنی باچشی الوب،
بس کشی‌نی قوچشی الوب
ارقاداغه ابلای خانغه کیلگان کون،
الله یار [دیب] باس اورغان کون.
خان ابلای سورفان کون:
– جولدار بولسن جاوغاچ جان.
– خان ابلای تقسر خان،
تنکری برسه مول بولسن.
قرادا قووس چنکقردان
سمز نایمان چابلده،
سوننك ایچنده مینم
قونکراتم جمان چابلده.
اق سو منان کوك سوده
سایقال ترك توبنده،
موزده بلاق باسنده
سو قاققان قوزی اولاق تابلده.
اویناپ بر جورگن قوربه سن
جاوغاچ نك جمان ساغنده.
– ای جاوغاچم، جاوغاچم،
سن باراتور، باراتور،
سمبله تووسن جلتیب،
ات سمرسن قنتیب.
من سادرغه قلاین،
بایاغه دای بولاین،
تانا[2]* برکای خدایم.

* * *

تاغه بر مزگل بولغانده
سمبله توده جلتیب،
ات سمرده قنتیب؛

*[1] Видимо, описка, должно быть پانا (پناه) – защита, покровительство?

يوز قويغه الغان قولاچه ات
جوراكتاى بولب سمرده،
جلانداى بولب جاراده.
خان ابلاي تقسر خان
اوله بر يوزدين قول جيدى،
كچه بر يوزدىن قول جيده،
اسراسه [لوننك] اچنده
اواق بنن كريدن
رابايسز مول جيده.
كوك بورىداى جلده خان،
ايتلگه داى الده خان،
قارچغاداى قاقته خان،
تورمتايداى قوندى خان،
توقال ترك توبنده
اتلانب كنكس سورده خان.
باسنتين اوله بارلوباى
اومر اولاب سويله يده
كسى ارقينه كونبيده:
– سن كوك بورىداى جلدنك خان،
توقال ترك توبنده
اتلانب كنكس قلدنك خان.
يمانده قولغه توسمز،
كل قايتالق، ديده خان.
سونده ابلاى جلايده،
ابلاى نيداب جلايده؟
– كرى منان اوراق تنك
نايزا اوستاغان باتردنك
برده برنى جوق بولده.
من نيلكتان بوق بولدوم،
جانه توسب چوق بولدوم.
سونده كيدايچيلك مندارنك
سول مزگلده بار ايكن.
كرايدنك اوله تورسونباى
كون ساداقته دمسنك،
– كوبكه تييار سوزم بار[3]*
كوك چولاق اتته دمسنك
اولجهده الار جايم بار.

---

*[3] كون ايتكته دمسنك كوبكا تير سوزم بار – (*Примечание Валиханова*)

يمان قيلب الامز،
كل قايتالق، ديده، خان.
|| ابلای خانم جروچنك
قازدای بولب قرقلداب،
(بوراداين) برقلداب،
سای سووندای سارقلداب.
جای تاسندای جارقلداب.
..... باوره
قولغادا تولده سو لقلداب.
چابندننك ايچنده
قوس ايدارده اول كيته[4]*
قوس تولمده قز كته.
سونك جمان ايه اوتته.
يمان قيلب الامز،
كيل چابالق، ديده، خان.
سويگنده بار ابلاي
قارت بوراداى چابنده.
يوز قويغه الغان قلاچه ات
تورت اياغن قاغنده،
جاو اتندای سابلده.
سابلغانن بلكان سونك
ابلای‌دا[ی] تقسر خان
ايل تورمان تاغنده.
ارغماغن اوزدرده،
بایاو جاتقان قرغزده
ساری بلده توزده رده.
قلماقچه دای قلدرده،
قرغزدنك بلن سندرده،
چابته ده قايتته ابلای.
ابلای چاوب قايتقان سونك
سادر بالا كله ده
سای سووندای سارقراب،
جای تاسندای جارقراب.
ابلای خانننك قورقانه[5]*
قورققانه ايمی نمنه؟
توره بر قالده تنز كنب، تتراب.

---

*[4] كه تتی ,كته، كيته т.е. (кетті)
*[5] قورققانی ,قورقانه т.е. (қорыққаны)

– ای جاوغاچم، جاوغاچم!
اونك قولمده لاچن،
سول قولمده جاوغاچم.
ازدسمده تابلماس
جاوغاچ جان سندای قباچه اول.
منگانده اتی کیرایده
ایسنغول من ار سادر
قرغزده دانکقه بر چققان ار ایده.
بار سادرغا بارا کور:
ایلدسین سادرمن.
تالاستنك بویی تار جایلاو
تالاسا بارب جایلایق،
کنکستنك بویی کنك جایلاو
کنکسه بارب جایلایق،
قازی منان قار ته نه
قیه کیسب چاینایق.
– سادر باتر توراتور،
ارقاداغی ابلای
خانم منم جبرده:
– بار سادرغا بارا کور.
منگنده اتی کیرایده
ایسنغول من ار سادر
قرغزده دانکقه بر چققان ارایده.
جاولاسبایمن سادرمن،
ایلدسین سادرمن.
تالاستنك بویی تارجایلاو
تالاسه بارب جایلایق،
کنکستنك بویی کنك جایلاو
کنکسه بارب جایلایق.
قازه منان قارتانه
قیه کسوب چاینایق.

* * *

قوقی! ایلدسبایمن اونی من،
حاولاسامن اول قولمن.
تالاستنك بویی تار جایلاو
تالاسا باروب جایلامان،
کنکستنك بویی کنك جایلاو
کنکسه باروب جایلامان.

قازه منان قار ته نه
قیه کیسب چاینامان، قوقی!
ابلای دیکان کاری قول
اوچ چاپته منم اویمده
اونه منان تورماده
ابلای دیکان کاره قول
اراغن ایچوب ایسرده.
تاستاپ کیتسن جسر[م]ده،
بر قلماده منك قلده، قوقی!
جاباغمده جون قلده،
جاس قایسمده ای قلده،
بوز بالامده قول قلده،
اق اوتاوم کونك قلده.
اونی منان تنباده، قوقی،
ابلای دیکان کاری قول
اینده مغان دا قراب قلغنده، قوقی.
قان قلمای چیشسن کییمده،
بولاك – یولاك ایته رمن،
بوزدای جرتب اوتارمن.
دودوغاسن کیارمن،
اینکسه سنه منارمن،
کووده سنه سییارمن.
ایلمده چاپقان سو قولدنك
سویاکن[نك] اوستونه
منارا قیلب اویارمن.

* * *

منکنده اتی کیرایده
ایسنغول من ار سادر
قرغزدا دانکقه چققان ایرایدی.
ایلچه گا بارغان جاوغاس جان،
سادر باتر نه دیدی؟
اوی ابلای دیکان تقسر خان،
سن نتسن، نتسن؟
اناوبر تورغان سادردنك
اولکنسگن سوزی بار،
خدایدنك بزگه برار ایبه بار،
سن کیلگنسن، کیلگنسن،

|| كلب قرغز چاپقان سن،
تنكده اولجه تاپقان سن.
"قوقى! الدسبايمن سو قولمن،
اينده مغان قراپ قلغنده".
(سوندا ابلاى):
يالانكاچ حجم سن بولسانك
اناو تورغان سادر ده تورب اتسانه،
قارق او لجه غه باتسانه.
اول سادر ده اتباسنك،
سادر سنى الاده،
ات كوتنه سالاده،
تانكدينكدان تسيده،
جانغان اوتقا اوزنكده
چرقراتب باساده.
الله دان اوكم كلكان سونك
برچبندای كوكه [جان]
او قاى جاقغه قاچاده.
قونكر اتتنك كوب مرگن
كوينده بو لغان سول بايغوس
اورمه قرا ملتقته
تزه گه الا اولتورده،
اوزن براوقغه تولتورده،
اتتان بر قورغان سوغسته،
اوقچانتاين قاغسته،
الدلاى ابلاى چانچقان كون،
قوقى لاب قرغز قاچقان كون،
قزاقته دولت باسقان كون،
قرغزدان ارواق قاچقان كون.
(اتتم ده ب ايكه اووس توپراق تاستادى).
ارغماغن اوزدر ده.
بايلو جاتقان قرغز ده.
سارى بلده توزدر ده.
چاپته ده غه قايتته ابلاى.

* * *

(شول جلده اتكه جرق نى اولتركان.
سوننك قزيننك جرى).
مركن ننك باشى ملوون.
داره ننك جوله سرووون.

منه بر قزاق كلوون،
اته كم ننك اولوون.
سادر كرده قامشقه،
اته كم ننك نايزه سى
قزل چكبن بور كنب.
قزدار من بو سادر
قارا چكبن بور كنب
خاتون من بو سادر.
ابلاى خاننك نايزه سى
قولا بر بولب قايستى
اته كم ننك نايزه سى
قاراغاى بولب مايستى.
قرم توقم ابلاى
قرداسنك من اته كم،
ته ره توقوم ابلاى
تنكداسنك من اتا كاو.
باسنده قويده الككا
قاننكده الده چلككا
اوتنكده الده كرككا.
ايچب قانغه تويماده
ابلاى ديكان قاچ ايغر
اجلگه كاره كگن قويماده.

ПЕСНЯ ОБ АБЛАЕ*[1]

Спою-ка я песню удалую,
Но о чем же я вам спою?
Спою о жившем в давние времена,
О моем хане Аблае[1]
Не остановлюсь на этом,
Спою о его врагах,
С которыми он сражался,
О том, как он размножал свое богатство.
Всадники мухортых коней –
Есенгул и Ерсадыр[2] –
Славные киргизские богатыри.
Удалой Садыр раз поднялся,
Сел на коня и собрался в поход.
Он заставил казахов задуматься
Не спал спокойно,
Со своей конницей примчался
И захватил он сартов.
Па Каракуус-Чункуре
Разгромил семиз-найманов*[2]
И наголову разбил кунгратов.
На Аксу и Коксу,
Под Сайкалтереком,
У Муздыбулака
Найдено множество ягнят и козлят,
Унесенных бурным потоком.
Пятнадцатилетний юноша –
Жаугаш – тогда плачет:
«Если не отомщу тебе, Садыр,
Если не пошлю за тобой погоню,
Если не сообщу моему хану Аблаю,
Живущему на Арке,
То никогда не возмещу мою обиду!..»
Так однажды наступил день,
Жаугаш сел на коня.

*[1] Перевод А. Х. Маргулана и Дж. Кармышевой.
*[2] Подразделение казахского племени найман.

Привязал к поясу колчан,
Зажал в ладони черную кровь.
Когда день склонялся к вечеру,
В сумерках уложены ягнята,
Когда снимали шаровары*3
Пригнал Жаугаш табун лошадей.
Взяв четверых в вожаки,
Пятерых в сопроводители,
Представился к Аблай-хану на Арке.
– Аллах вам защитник, –
Склонив голову, сказал Жаугаш.
Хан Аблай осведомился:
– Куда путь держишь, Жаугаш-жан?
– Хан Аблай, государь ты мой,
Да будет у тебя обилие всего.
На Каракуус-Чункуре
Семиз-найман разбит,
В этом бою особенно
Мой кунграт сильно побит.
На Аксу и Коксу,
Под Сайкалтереком,
У Муздыбулака
Найдено множество ягнят и козлят,
Унесенных бурным потоком.
Твой Жаугаш сильно тоскует
О сверстниках, с которыми он играл.
– Ай, мой Жаугаш, Жаугаш!
Ты пока вернись домой,
Пусть взойдет, сверкая, звезда Сумбуле*4
Пусть кони откормятся.
Я задам тогда Садыру,
Как бывало раньше;
Да будет нам бог защитой.

* * *

Вот пришло время,
Взошла, сверкая, Сумбуле.
Кони разжирели,
А саврасый, купленный за сто баранов,
Округлился, как сердце,
Стал поджарый, как змея.

*3 То есть укладывались спать.

*4 *Сумбуле* – а) самая яркая звезда неба – Сириус, видная в наших широтах с начала августа до весны; б) название месяца августа.

Хан Аблай, государь,
Собрал рать с Большого жуза,
Собрал с Малого жуза,
Особенно из уваков и кереев[3]
Собрал несметное войско.
И двинулся хан, как серый волк,
Взмыл, как сокол-балабан,
Взмахнул, как ястреб,
Стал, как кобчик,
Под Токалтереком,
И, не слезая с коня,
Устроил там совет.
Сын басентиина*[5] Барлыбай,
Непокорный, говорит дерзко,
Не подчиняясь никому:
– Ты рыщешь, как серый волк,
Не слезая с коня,
Под Токалтереком устроил совет,
Дело плохо, пропадем в окружении,
Давай вернемся, – вымолвил он.
Тогда Аблай плачет.
О чем же он плачет?
– Жаль, среди вас нет ни одного
Из богатырей кереев и уваков,
Храбрых копьеносцев.
Отчего ж я опозорился,
Погас, едва воспламенясь?
Тогда (он увидел среди воинов)
Прославленного бедняка
Сына керея Турсунбая[4]
Носящего кожаный колчан.
– Я обращаюсь к народу, –
Крикнул Турсунбай.
– Не смотрите, что я на серой кляче,
Не откажусь я от добычи.
Если не пойдем в атаку,
Может стать нам плохо.
Идем в бой, о хан Аблай!

* * *

О хан Аблай, ты ходил,
Гогоча, как [гусь],
Бушуя, как [бура]*[6],

*[5] *Басентиин* – казахский род.
*[6] *Бура* – верблюд-производитель.

Бурля, как горный поток,
Сверкая, как метеор,
И печень [твоего врага]
Досталась тебе в руки.
Во время сечи
Пали юноши с чубами на голове,
Пали двукосые девицы.
О, как тяжело перенести!
Можем испортить все дело,
Давай хан в атаку, – крикнул он.
Аблай-хан еще в силе –
Бушевал, как старый бура.
Саврасый конь, равный сотне баранов,
Встрепенулся на всех четырех ногах,
Вспотел, как вражий конь.
Увидев, как конь вспотел,
Государь мой, хан Аблай
Подтянул подпруги туго
И пустил аргамака вперед.
Мирно живших киргизов
Рассеял на Сарыбеле[5],
Свое дело он сделал,
Сломал хребет киргизам.
Итак, совершив набег,
Вернулся к себе Аблай.
Наступило время затишья.
И вот явился к нему Садыр,
Бурля, как горный поток,
Сверкая, как метеор.
Вздрогнул хан Аблай.
Не признак ли это испуга?
Задрожал он, растерялся.
– О, мой Жаугаш, Жаугаш!
На правой руке моей сокол,
На левой руке мой Жаугаш,
Сколько бы ни искал,
Не найду такого лучезарного сына, как ты.
Есенгул и Ерсадыр –
Славные киргизские богатыри,
Ездят на мухортых конях.
Иди, Жаугаш, к Садыру,
Не стану враждовать с ним,
Буду в союзе с Садыром.
Тесны жайляу по Таласу,

Но будем вместе летовать,
Обширны жайляу по Кунгесу,
В мире-согласии будем летовать
И будем лакомиться казы и картой*7
Раскрошивая на куски.
Пошел Жаугаш к Садыру:
– Садыр-батыр, ты постой,
Хан-Аблай, живущий на Арке,
Послал меня к тебе, сказав:
– Иди, к Садыру, иди.
Всадники мухортых коней –
Есенгул и Ерсадыр,
Славные богатыри киргизов.
Не буду враждовать с Садыром,
Пойду на мировую с Садыром.
Жайляу по Таласу хоть тесны,
Но будем вместе летовать,
Жайляу по Кунгесу обширны,
В мире-согласии будем летовать.
Будем вкушать казы и карту,
Раскрошивая на куски.

* * *

– Коки!*8 Не помирюсь я с ним,
Буду враждовать с этим рабом!
По Таласу джайляу тесны,
Не буду вместе летовать,
По Кунгесу джайляу обширны,
Не буду с ним вместе летовать.
Не хочу лакомиться казы и картой,
Раскрошивая на куски, коки!
Старый раб этот Аблай
Три раза разорил мой дом.
На этом не остановился
Старый раб Аблай,
Напился водки и опьянел.
Пусть вернет он наших пленных.
Не одну, а тысячу бед
Причинил он, коки!
Мое жабагы*9 он растеребил,

*7 *Қазы* – особо приготовленная конская колбаса с брюшным жиром; *қарта* – толстая кишка лошади, считающаяся у казахов лакомым блюдом.
*8 *Қоқи!* – восклицание у киргизов, выражающее удивление, досаду, гнев.
*9 *Жабағы* – зимняя грубая овечья шерсть.

Сыромятный мой ремень
Выделал в кожу,
Юных сыновей моих
Сделал он рабами,
Белую юрту мою с молодоженами
Он полонил, коки!
И на этом не успокоился
Старый раб Аблай,
Теперь домогается моей жизни, коки!
Пусть снимет одежду,
Пока она не окровавлена;
Разорву ее в клочья,
Как простую бязь.
Надену его шлем,
Сяду ему на грудь,
Помочусь на его тело.
На труп этого раба,
Разорившего мой народ,
Башню навалю.

* * *

– Всадники мухортых коней –
Есенгул и Ерсадыр,
Славные богатыри киргизов.
Мой посланец Жаугаш,
Что сказал Ерсадыр?
– О, милостивый хан Аблай,
Что ты будешь делать?
Возгордился твой Садыр.
Бог сулит ведь нам удачу.
Ты пришел, разбил киргизов,
Взял несметную добычу.
Садыр-батыр сказал:
– Коки, не помирюсь я с этим рабом!
Теперь он домогается моей головы.
Тогда Аблай [сказал]:
– Ты мой голый витязь,
Иди к тому Садыру,
Застрели его,
Обильную добычу возьми.
Если не убьешь Садыра,
Он поразит тебя самого,
Привяжет к хвосту коня,

Продолбит тебе нёбо
И прожжет палящим огнем.
О, повеление аллаха!
Куда ты можешь убежать [душа],
Ничтожная, как муха?
(И, сказав: «Кидаю!»,
Бросил две горсти земли).
Многочисленные кунгратские мергены*[10],
Все они быстро и ловко
Установили на коленях фитильные ружья,
Зарядили их пулями,
Устроили защиту из коней,
Вытряхнули патронные сумки.
И вот началась пальба.
В день, когда сражался Аблай,
Когда, крича «Коки!», бежали киргизы,
Когда казахи взяли верх,
Когда киргизов покинули духи предков*[11],
Скакун Аблая шел впереди.
Беспечно живших киргизов
Разбил на Сарыбеле,
Разбил и вернулся Аблай.

* * *

(В том году, когда в сражениях был убит Атеке.
Жырык[6], его дочь сложила такую песню):
Тихо в верховьях Меркена,
Дорога по прохладному ущелью приятна.
Вот пришли эти казахи
И не стало моего Атеке.
Садыр скрылся в камышах,
Мой Атеке вышел ради чести,
Накинув на себя красный чекмень;
Садыр был вместо с девушками,
Накинув черный чекмень,
Он был вместе с женщинами.
Копье хана Аблая
Негнущейся бронзовой стрелой взвилось,
Копье моего Атеке
Погнулось, как сосна.
Под Аблаем хотя черный потник,

*[10] *Мерген* — меткий стрелок
*[11] То есть им изменило счастье

Но он сверстник тебе, Атеке.
Кожаный потник под Аблаем,
Разве ты равен ему, мой Атеке.
Вверг он голову твою в беду,
Кровь твою слил в ведро,
Желчь твою взял себе,
Пил и не напился крови твоей.
Аблай, бешеный жеребец,
Не забыл старую месть.

Комментарии

Черновая запись на смешанном казахском и киргизском языках арабским алфавитом. Датируется 1855 г. Печатается по ССВ, т. I, с. 172–187. Рукопись находится в ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, №469, лл. 4–5.

[1] *Аблай* (1711–1781) – казахский султан, а с 1771 г. – хан Среднего жуза, выдвинулся в борьбе с джунгарами.

Объединив под своей властью казахов Среднего жуза, Аблай распространил свою власть и на Старший жуз и некоторую часть Северной Киргизии (см.: комментарий 1 к ст. «Исторические предания о батырах XVIII в.).

В своей внешней политике Аблай лавировал между Россией и Цинской империей, стремясь создать прочное централизованное государство на основе удельной системы. С этой целью он передавал управление отдельными областями своим сыновьям (например, Сюк Аблайханов управлял казахами Старшего жуза, Адиль – Южным Казахстаном, Касым – племенами Центрального Казахстана и т. д.). Но Аблаю не удалось осуществить идею образования централизованного государства, тем не менее при нем политическое положение и экономика Среднего жуза значительно укрепились, расширились торговые и культурные связи с Россией.

[2] *Есенгул и Ерсадыр* – предводители киргизского племени сарыбагыш, оказавшие героическое сопротивление вторжению Аблая в пределы Киргизии.

[3] *Увак* (Уак-керей) – родоплеменной союз Среднего жуза, в XVI–XVII вв., играл значительную роль в составе казахского союза в борьбе с джунгарами. (См.: *Г.Н. Потанин.* Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки, с. 56; *С. Аманжолов.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка... с. 16).

[4] *Турсунбай* (XVIII в.) – знаменитый батыр Среднего жуза, племени керей; особенно отличился в период борьбы казахов с джунгарами. В исторических преданиях он известен под кличкой Балта-Керей Турсунбай.

[5] *Сарыбель* – горный проход в Киргизском Алатау, против Карабалты и Сокулука. По историческим преданиям, Аблай с войском хотел пройти через этот перевал на тучные джайляу Сусамыр, но киргизы преградили ему путь.

[6] *Атеке-Жырык* (XVIII в.) – знаменитый киргизский батыр из племени сарыбагыш. Известен своей мужественной борьбой против завоевательных походов Аблая и среднеазиатских ханов.

اوراقننك جرلاغانى

ارتودا ارتو تاو كيلسه
اتان دا تارتار بوگلب،
الس تان قارا كورنسه
قراقولام جتار اوگلب،
جتايينديب اونكلب
ايچ مرالداى بوگلب
سول قرا قولاننك اوستونده
ايدونده اوراق سنده (اوراق)
ايردار كيتار چويلب.
عزرايل كيلگانده
چين اجالنك جيتكانده
اوجگتدار كيتارده سونده
بر چبندای جاندان تونكلب.
كوكتنك قوسى*1 كوگاچين
كوكداب اوچار جيم اوچون،
كوگالا قامقا جاملوب
اوراق جورتار*2 مال اوچون.
تيم-تيم اوچون تيم اوچون
تينكزدار كيچتم مال اوچون،
تينكدار مينان كيم اوچون
كيم دار مينان تينك اوچون.
اويگه دا كيلب قراسام
تورت بورچن (بارلاسام)
قرادا سابام جوق اوچون،
قاتاردان كيلب قراسام
قاتاردان كوچيم كيم اوچون.
اويگه ده كيلب قورلاندوم
توزگه ده باروب زارلاندوم،
تورده تورغان سای جيبه

---

*1 Вместо зачеркнутого ايردونكده جاسى

*2 Вместо зачеркнутого ايردار

سيلكب الوب بايلانجوم.
الستا جاتقان دوشماننك
جيل جاغندان ايلاندوم.
سيركه سانده قوستادوم،
تيل ساره نه بوستادوم.
قومغه بتكان قوبارچين
سيركه سان ننك جاله جوق
تيل ساربننك قونكى جوق.
كيسوب الوب سال ايتدوم،
الستا جاتقان دوشپاننك
كوگا اله له كوب جلقى
ايداب الوب مال ايتدوم.
جلقه ايياسى كيلماك جوق،
جلقى ايياسى كيلسه ده
بيلسه نسباي برماك جوق.
او جگتدار، (جگتدار)،
جالانكغاچ جورده جاوغه چاب.
اوسناو اا جالغان دنيادا
اجال جيتماى اولماك جوق.
قانكله دان التاو كيلدوم ديب
اوراقغه زورلق قيلماكز –
قايراتنه منگان سونك
بوره لا كيتسه جات بولار
قليچ چاپسه ميرت قيلار.
سويراى – سويراى كوچار گه
سويرو تاولار بولسه ايگه،
سويرو تاولار بولسه ده
اونان سويراب كوچرگه
سويرو اتان بولسه ايگه،
سويرو اتان بولسه ده
اوننك باسين جيتالر
قويان قولتوق كيرما قاس
ارو چيچاى بولسه ايگه.
ارو چيچاى بولسه ده
سونكگوله اولدار توسه ايگه،
سونكگوله اولدار توسه ده
بيساو – التاو بولسه ايگه.
بيساو – التاو بولمه سه،
الماننك اغنانده كوكى ايگه.

جالغزده توغان سوم باسم
بارومنان جوغم كوب ايگه.

قارا باترننك تولغاغنى:

مين تولغا ديسانك تولغاين،
اوراق سغان تولغاين.
قايغايداغه مجيد*3
وتير كمان كورجانه،
تيران بويله*4 ايستاكته،
مناراسى بيوك مسكوده،
اوزه توكته اوروسته،
باسى چوقته قالماقته،
چولدورلاگان چورچوتته
اوزمه قاراتدوم.
كاپر بولسانك اوق اتتوم
مسلمان بولسانك جان تارتدوم.
اون ايكه جاسقه كيلگانده
اوچار جويروك جباروب
اون سان قولغا باش بولدوم.
اون سكز جاسقه كيلگانده
ايسان اوله بولايداى،
ايسكه اوله جولايداى
قرا باتر اتومده انكر اتدوم،
اغتقان قويداى مانكر اتدوم.
تورده جاتقان اوراقده
اوكبه گه تيوب اوياتدوم.
اله ننك اوله اى اوراق
قايداردا قايده جوروب تينكلدونك.

اوراقننك تولغاغنى

مين تولغان ديسانك تولغاين
قرا باتر سغان تولغاين.
مين سيننك توب توبنكده ايتاين.
سين مشاقر ديگان شهردين
ازوپ چققان يالغز اويلى سارب ايدونك،
اكنك قرا كيسه ده

*3 По видимому, تجيك – таджик

*4 Описка, следует تيراك بويلى – высокий, как тополь, башкир.

اس برگاننك قولى ايده،
چيچانك قرا كيسه ده
مال برگاننك كونكى ايده.
قرا قولام جالسز، اير مالسز،
الله ننك قايراننان
مال برار كونى بولجالسز.
قرا قولام جالده جابلر،
ايزديسه اوراق سنده ميرزاغه
دوشپاننك مالى تابلر.
قرا قولام جالى چينگالده
ايدونده توغان اوراقغه
ماتروشكه قلننك بالاسى
مالى منان تينك گالده.
باى بالاسى بايغه اوسار،
بايلانمغان تايغه اوسار،
قل بالاسى قلغه اوسار
قلاغن كيسكان ايتكا اوسار.
بوگوندين سونك بو توينك
ايرلداسقان ايتكه اوسار.

قيلچ ين ماقتاب بر سباغه قيلغانى،

سول كومرون جاغزده
سونده (سيكسان) سيكرت مويغان.
باسونه چيداماى بالواندار جيلغان،
تويتارونه چيداماى
توقسان سيكرت مويغان.
سوارونه چيداماى
ايدون كولدار قورغان.
ايدونينه چيداماى
اى بولتقه سينغان،
كورونه چيداماى
كوز قاباققه سيينغان.
قينغه سالسه قيلت ايتكان،
سوروب السه جيت ايكان
ساغه سى التون نور بولات.
او جگتتار، جگتتار،
بول سوزمده بلنكز –
جالغزده توغان اوراقغه
مونه ده بر سباغه قيلنكز.

ПЕСНИ УРАКА[1*1]

Через высокие, высокие горы верблюд пройдет принатужась. До дальней точки добежит быстро Каракула[2] мой, подобно тощему оленю, расстилаясь и изгибаясь;

На этом-то Каракуле понесется богатырь, подобный грозному Ураку.

Когда придет Азраил[3], когда настанет час смерти, о молодцы! оставит тогда Вас единая пылинка – душа.

Птица божья – голубь, по высоте небесной парит для пищи;

Полосатую цветную камку[*2] накинув, рыщут храбрые за добычей;

Вот почему, почему تم تم اوچون تم اوچون через моря бродил[*3]

По морям бродил, я, ища добычи.

Был равен я с низшими себе, не равен с равными себе. Смотрел ли я в свою юрту, нет у меня ее украшения, полной черной сабы с кумысом.

Посмотрел ли на длинные ряды[*4] в кочевке: не видел я своих рядов.

Сидел я дома не печален, выходил на свет я угрюм.

Тогда-то снял я меч обоюдоострый, висевший в юрте, встряхнулся и опоясался;

Серкесана взял в повод и Тельсары[4] тоже.

Серкесан мой не в теле, Тельсары мой без икр.

Нарезав [кубарчина], на // песке растущего, я сделал себе плот и перешел большую реку.

И дальнего врага против ветра обходил, и у дальнего врага, угнав огромные многопегие стада, сделал свое богатство.

Владельцам стада нет прихода, если бы и пришли, без драки нет отдачи [скота].

О! Молодцы, молодцы! нагие отправляйтесь в наезды; В этом обманчивом мире до предопределения нет смерти.

* * *

[Не пугайте], что Вас из канклинцев шесть,
Не делайте насилие Ураку:
Если он раз войдет в гнев,– он бешен,
Вынет он саблю – смерть повсюду.

---

*1 Заголовок дается по казахскому оригиналу: اوراقننك جرلاغانى

*2 *Камка* шелковая ткань с рисунком в видс разводов.

*3 Метофорическое выражение море печали. *(Примечание Валиханова).*

*4 Длинные ряды верблюдов. *(Примечание Валиханова).*

* * *

Чтобы, длинно извиваясь, кочевать, хорошо, если есть высокие хребты гор. Если есть высокие горы, хорошо, чтобы по ним тянулась волнующаяся цепь верблюдов; чтобы вести волнующуюся цепь, хорошо, если есть старушка-мать; если она есть, хорошо, если есть дети копьеносцы; если есть дети копьеносцы, хорошо, если их пять или шесть, если нет того, то лучше, когда нет плода, нежели зелень[5]. О! Лучше б было единородная моя, злосчастная голова не была бы вовсе на свете[6].

* * *

|| Карабатыр говорит[7]

Если хочешь, то буду говорить я и скажу тебе, Урак: 1. О далеких маджид[*5] и торкоманах[*6] и грузинах; 2. Глубоко лежащих башкирцах[*7]; 3. Высокобашенной Москве; 4. Мохнаторотых русских; 5. Хохлатоголовых калмыках; 6. Дикоговорящих чурчутах[8] – я одному себе обратил[9]. Если ты неверный, – стрелы обращаю, м-лим[*8], – душу мою к тебе располагаю. Когда мне было 12 лет, стрел-бегунцами владел, десять тысяч рати я был голова. 18 лет когда мне было (подобно Булаю, сыну Есена, подобно Джолаю, сыну Эсеке), имя Карабатыра повсюду пустил и славил; подобно баранам после доения, заставил блеять (и тогда) беспечно лежащего Урака, под пояс пнувши, разбудил; Сын Алия Урак! Когда и где будучи со мной был равен?

Ответ Урака[*9]

Я, если хочешь, скажу, Карабатыр, тебе, скажу я твой корень и происхождение скажу. Ты был из города Машакр, выбежавший единодомный выходец (сарт). Отец твой был простой человек, хоть давшего был слуга[*10], мать твоя была простая бедная женщина и рабыня всякого, давшего деньги. Каракула мой без холки, не в теле и молодец без скота – богатства. Но божия милость велика, день когда дает мне богатство, – неизвестно. Но дни божия (может) Каракула [мой] будет в теле. Если (захочет) поищет, мирзе, подобному Ураку, вражие табуны найдутся. [У моего] Каракула холка с горсть, грознородившемуся Ураку. Раба Матрушки сын через скот свой сравнялся. Сын богача на богача похож, на невязанного жеребенка похож, раба сын на раба схож, на собаку с отрезанными ушами схож. После этого дня этот праздник твой на драку собак будет схож.

[*5] В казахском оригинале: مجيد , вероятно надо читать: تجيك таджик.

[*6] То есть туркменах.

[*7] В казахском оригинале: تيران بويلى – *описка; следует* تير اك بويلى – высокий, как тополь, башкир.

[*8] То есть муслим, мусульманин.

[*9] Подзаголовок в казахском тексте اوراقننك تولغاغنى.

[*10] В смысле: жил на подачках.

Хвалебные песни своей сабле

При зажигании угля 80 учеников устали*[11]. Для раздувания [меха] богатыри собирались. Ковку не выдержав, 90 учеников измучились. При погружении [закалке] и огромные озера иссушились. От блеска его луна за тучи укрылась и глаза под веки бежали. В ножны – гром, вынул – молния. Золото – эфесный сверкающий булат. О! Молодцы, молодцы, в эти слова вникните и единорожденного Урака в товарищи примите*[12].

Комментарии

Казахский текст представляет собой автограф Валиханова с его же поправками и дополнениями. Впервые был опубликован в 1961 г. по черновому автографу – ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, №469, лл. 27–28. Печатается но тексту ССВ, т. I, с. 188–195. Русский перевод песен Урака сохранился в двух списках – черновой автограф (лл. 25–26) и авторизованная копия (лл. 23–24). Точная дата работы неизвестна, приблизительно она относится к 1854–1855 гг.

[1] *Урак* – ногайский батыр. По толкованию Валиханова, батыр Среднего жуза, рода караул (см.: *Ч.Ч. Валиханов.* Сочинения. Под ред. Н.И. Веселовского; ЗРГО, ОЭ, т. XXIX, СПб., 1904, с. 225).

[2] *Каракула* – В казахском тексте имя богатырского коня Кара-Кула (темно-саврасый), в переводе Кара-Кулан – не совсем точно. В русском переводе имя это дается нами так, как написано оно в казахском тексте.

[3] *Азраил* – ангел смерти, по библейской легенде.

[4] *Саркесан, Телъсары* – названия богатырских коней.

[5] *...лучше, когда, нет плода, нежели зелень.* – «Лучше, когда яблоки (плоды) зеленые, нежели белые (т. е. спелые)».

[6] *О! Лучше б единородная моя, злосчастная голова не была бы вовсе на свете.* – В казахском оригинале: «(О, родная), лучше бы не родиться, чем быть одиноким, злосчастным».

[7] *Карабатыр говорит.* – В казахском оригинале: Исповедь Кара-батыра.

[8] *Дикоговорящих чурчутах...* – В казахском тексте: «Непонятно говорящих чурчутов». Под чурчутами обычно понимаются маньчжуры.

[9] *...я одному себе обратил.* – Т. е. заставил слушать, подчинив себе.

*[11] Точнее: *умаялись, выбились из сил (молыган).*

*[12] Точнее: *и единорожденному Ураку их посвятите.*

ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ БОЛЬШОЙ КИРГИЗ-КАЙСАЦКОЙ ОРДЫ

|| Киргизы Большой орды производят себя от древнего монгольского народа уйсунов[1], родоначальником своим [считают] Майки[2]-бия, современника Чингис-хана[3].

О происхождении же народа киргизского казак и соединении своем в союз трех орд казачьих [они] имеют весьма темное понятие. Одни из них говорят, что киргизы произошли от ногайцев, заблудившихся в степях ишимских. [Другие] говорят, что предки их не имели ни рода, ни племени, долго скитались по степи, пока не похитили себе жен от какого-то неверного народа ч е г е н[4], а так как ногайцы были мусульмане, а жены их неверные, то и народ киргизский, произошедши от их смешения... в себе и в своей религии смешение двух элементов. Надо сказать вообще, что предания этой орды носят на себе следы тюркестанского влияния и сами киргизы опираются на их сказания; так говорят узбеки, так мы слышали в Капале. Вот другое предание, очевидно, произошедшее под религиозным влиянием среднеазиатских мусульман. Родоначальником Средней орды был товарищ, с а х а б а*[1] Мухаммеда[5] «избранного». Пророк, по откровению архангела Гавриила, узнав о скором своем оставлении правления сего тленного мира, чтобы там, в эдеме, на лоне гурии, отдыхать вечно и вечно, призвал своих друзей и товарищей и сказал им об этом, прося прощения, если он сделал кому-нибудь из них обиду. Все плакали и говорили: || «Ты друг аллаха, мог ли ты сделать обиду!» Только один сахаба, по имени Оксе[6], объявил претензию, что пророк при осаде какого-то города безвинно ударил его в спину. Мухаммед действительно вспомнил свою ошибку и в возмездие предложил ему свою спину. Абубекр[7], Омар[8], Осман[9], Али[10] и другие вельможи тщетно отговаривали Оксу оставить безрассудное свое намерение. Оксе ничего не хотел слушать и, при общем проклятии народа, подошел с плетью к священной спине любимца аллаха и просил его обнажить тело. Пророк снял свое верхнее платье. Оксе того и нужно было: он знал, что на спине «избранного» есть божия печать, приложившись к которой смертный делается недоступным адскому огню. Оксе вместо ожидаемого удара только наклонил голову, поцеловал и отошел прочь. Но за неудовольствие, причиненное им пророку, и по .... общественного проклятия бог обрек его и его потомков бродяжничеству, благословив, впрочем, вместе с тем на довольство и безбедность. От него [Оксе] происходит... родоначальник [уйсуней] и всего народа.

Родоначальником [киргизского] поколения Большой орды уйсунов считают они [еще] какого-то Тобея*[2], жившего еще задолго до [Майки]. Тобей имел, по преданию, четырех сыновей – Коёлдера[11], Мекрена[12], Майки и Когама. От Коёлдера произошли

*[1] *Сахаба* (араб. صحبه или اصحاب, мн. ч. от صاحب друг, попутчик) – так называли сподвижников пророка Мухаммеда.

*[2] Тобей – сокращение от Тобе-бий.

катгамы[13], что впоследствии [XV–XVI вв.] вошли в состав нового народа узбеков ([катаганы] – главный род [узбеков]). От Мекрена произошли...., от Майки – собственно уйсуны. (Когам) был родоначальником канглов[14], Абак, сын Майки, || от старшей жены имел сына Байдебека, от второй... и от рабыни..., у Байбека*3 старший сын был Сары..., второй же Джоркчи. был сын второй жены, по-киргизскому – аулие, святая. От Джоркчиевых трех детей произошли: от первого Албана – адбаны[15], от второго Дулата – дулаты[16] и Сувана – суваны[17]. Меркес родоначальник .... имел двух сыновей: Чуманака и Сваманака[18]. Адбаг*4 имел двух сыновей: Сары и Чебеля. У Сары было два сына: Суеркул и Тау-базар*5; у Чебеля дети назывались...., а дети Майки носят собирательное имя – Абак[19]. Название же [уйсун], даваемое всей орде, употребляется по большинству [и касается] собственно уйсунов, но потребления в строгом смысле предание не допускает[20]. Сказания орды говорят, что они были отдельным народом до [монголов], что Майки-бий уйсунов участвовал [в сейме] при избрании [Чингиса] на ханство.

Что же касается до соединения их [уйсунов] в состав народа [казахского], они говорят так: Золотая[21] и Джагатайская[22] [орды пали], внутренние беспокойства разъединили единство племен, некому было содержать властей и заботиться об обществе, каждый род должен был думать о себе, тогда в степях ишимских собравшийся народ....

Старики говорят, что ногай было общее название [степных] кочевых татар, для отличия от полуоседлых. Ногайли, узбекли*6 ... их называли ногай.

Действительно ... не мудрено при этом делать гипотезу, что ногай –«собака», дано было кочевникам их же собратьями, которые, приняв в Золотой орде при Узбеке[23] и в [Джагатайской] при [Тарма-Ширин] хане[24] мусульманство, и .... называли улусников за их пристрастие к древнейшим повериям и старым обычаям – собаками.

У киргизов, найманов и крымских ногайцев остатки магометанства*7 [были] все еще в [силе] и время не могло истребить их до нас. Что касается последующей исторической судьбы этого народа, как орды.... предание говорит так: до [Ишима][25] храброго (1636) все орды были [объединены] и управлялись одним ханом. Уй[суны] .... за чуйских и находились в соседстве с резиденцией ханов*8 ... непосредственно [пребывая около] самого хана. При [катаганском] хане [Турсуне][26] они брали с ним вместе Ташкент.

Комментарии

Незаконченный набросок, первая запись казахских исторических народных преданий, интерес к которым, по свидетельству Г.Н. Потанина, пробудился у Ч. Валиханова еще в кадетском корпусе. Запись отражает творческий процесс работы Валиханова первых лет его научной деятельности и относится к началу 1855 г. – времени первых его путешествий по

*3 Искажение переписчика, точнее *Байдебека.*

*4 Искажение переписчика, правильно: *Адбан* или *Албан*

*5 Правильно: *Таубасар.*

*6 *Ногайли, узбекли* – в смысле союза ногайцев или узбеков.

*7 Описка, следует: *язычества.*

*8 То есть с г. Туркестаном (Азретом).

Казахстану. Запись дошла до нас в виде двух рукописных копий (ЦГАЛИ ф. 118, оп. I, №49, лл. 48–49; ф. 159, оп. 1, №179, лл. 1–2), содержащих много пропусков и искажений. Впервые опубликована в Сочинениях Ч.Ч. Валиханова под ред. Н.И. Веселовского (ЗРГО ОЭ, т. XXIX. СПб., 1904). Печатается по тексту ССВ, т. 1, с. 107–111.

[1] *Усуни* – одно из древнейших племен на территории современного Казахстана. Первые известия о них появляются в конце II в. до н. э. В это время они обитали в Семиречье. В I в. до н. э. согласно письменных сведений количество усуней превышало 600 тыс. Это было могущественное объединение, с зачатками государственной власти, проводившее самостоятельную внешнюю политику. В древнеусуньском обществе складывались классовые отношения. Отдельные представители знати имели по 4–5 тыс. лошадей. Они занимались не только скотоводством, им было известно ремесло и земледелие. К середине V в. н. э. в результате внешнеполитических перипетий усуни потеряли свою политическую независимость. Вопрос о языке усуней спорен, существуют предположения об их тюркоязычности и ираноязычности. Имеются достаточные основания констатировать об этнической преемственной связи древних усуней с уйсунами, вошедшими позднее в состав казахского народа. В составе населения Старшего жуза уйсуны представляли одно из наиболее крупных племенных объединений. По данным генеалогических преданий, уйсуны отождествляли себя со Старшим жузом (см.: *Н. Аристов.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргизов. – ЖС, 1894, III–IV; *Гафуров Б.Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972; История Казахской ССР. тт. 1–2, Алма-Ата, 1977–1979).

[2] *Майки* (в литературе также: Байки, Байку) – легендарный родоначальник казахских биев Старшего жуза. О нем сохранилась народная поговорка: *Түгел сөздің түбі бір, түп атасы Майқы би* – «Все истинные слова (изречения) восходят к одному источнику, основоположником их был Майки-бий». По данным исторических источников, Майки (Байку) – современник Чингисхана, жил в первой четверти XIII в. По Рашид ад-дину, Майки происходит из племени уйшин (уйсун), был тысячником в улусе Джучи и руководил войском правого крыла. (*Рашид ад-дин.* Сборник-летописей, т. I, кн. 2. М.– Л., 1952. с. 274).

Казахские предания о Майки (Байки) приведены в работе Г.Н. Потанина «Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки» (ЖС, 1917, вып. II–III, с. 51, 54–55, 59).

[3] *Чингисхан* («Великий хан», первоначально – Темучин) (1155–1227) – монгольский хан, основатель огромной Монгольской империи. В 1203 г. овладел всей Монголией. С 1209 г. начались завоевательные походы Чингисхана. В 1215 г. он вторгся в Китай, в 1218–1220 гг. завоевал Туркестан, в 1225 г. возвратился в Монголию. Умер во время китайского похода.

[4] *Чеген* – древнее племя, обитавшее на территории Казахстана еще до арабского завоевания. В состав казахского народа вошло племя чегендык, которое расселялось по р. Ишим в Атбасарской степи.

[5] *Мухаммед* (Мухаммад, ок. 570–632) – основатель ислама, по представлениям мусульман – пророк, посланник Аллаха.

[6] *Оксе* (искаженное от арабского имени Уккаша) – исторически неверная легенда о происхождении казахов от Акаше и Анеса, приведена у Г.Н. Потанина (см.: ЖС. 1917, вып. II–III, с. 54, 57.)

[7] *Абубекр* (Абу Бакр) – первый арабский халиф (632–634 гг.), избранный после смерти Мухаммеда.

[8] *Омар* – второй арабский халиф (634–644 гг.).

[9] *Осман* – третий арабский халиф (644–656 гг.).

[10] *Али* – четвертый арабский халиф (656–661 гг.).

[11] *Коелдер* (Калдар, Келар) – родоначальник катаганов и чанышклы – племен, входивших в конфедерацию уйсунов, или Старшего жуза казахов.

[12] *Мекрен* (в литературе: бекрен, бекрин, по Рашид ад-Дину также – мекрин) – древнее племя (названное по имени своего родоначальника), входившее в конфедерацию уйсунов. Стойбище его находилось в области расселения уйгуров, в труднодоступных горах. Племя, родственное уйсунам, жило в горах Восточного Тянь-Шаня (Сарыяз).

[13] *Катгамы* (правильно: катаганы) – древнее племя, обитавшее на территории современного Южного Казахстана и Средней Азии. В начале XVII в. катаганы составляли основную силу ташкентского владетеля Турсун-хана. С середины XVII в. часть их вошла в состав узбекского народа, а часть слилась с казахским племенем чанышклы.

[14] *Канглы* – одно из древнейших племен, известное с III в. до н. э. История его хорошо отражена в древних и средневековых письменных источниках, написанных на восточных языках. Согласно данным этих источников, канглы занимали обширную территорию от р. Таласа до низовьев Сырдарьи и предгорий Каратау. В XIII–XIV вв. часть их распространилась до гор Улутау и Тургайской степи, к зиме они возвращались на Сырдарью. В древние времена канглы входили в конфедерацию племен, позднее составивших Старший жуз казахов. После распада Золотой Орды и Чагатайского улуса, канглы составили один из основных компонентов казахского союза. В истории казахского народа канглы и уйсуны считаются самыми старшими племенами казахских жузов, установителями древнего правопорядка, поэтому они занимают почетное место в народных преданиях (см.: *Н. Аристов.* Опыт выяснения этнического состава... с. 424; *С. Аманжолов.* Вопросы диалектологии..., с. 67–72; История Казахской ССР. тт. 1–2, Алма-Ата, 1977–1979 гг.).

[15] *Адбаны* (правильнее – албаны) – основное подразделение казахского племени уйсун.

[16] *Дулаты* – одно из древних племен, генетически связанное с племенной группировкой западных тюрок «дулу», имевших в Семиречье в VII–VIII вв. свое объединение, затем входивших в каганат карлуков и Караханидов. После распада Чагатаидского государства на территории Семиречья и Восточного Туркестана в сер. XIV в. на местной субстратной основе образовалось государственно-политическое объединение Могулистан (Джете). Ведущую роль в государстве Могулистан играли вожди племени дулат (дуглат). Дулаты в это время обитали в долинах рек Чу, Или, Талас, к югу от Иссык-Куля, а также в Южном Казахстане. В XV в. дулаты наряду с другими племенами Семиречья вошли в состав Казахского ханства. В Старшем жузе дулаты являлись одним из наиболее крупных племен (см.: *В.В. Бартольд.* Очерки Семиречья. – Соч., т. II, ч. 2, М., 1964; *К.А. Пищулина.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI веков. Алма-Ата, 1977).

[17] *Суваны* – подразделение племен уйсун.

[18] *Сваманак* (точнее, сырманак) – по казахской народной легенде, в древности существовало два родственных племени: сырманаки – на Сырдарье, и чуманаки – в долине Таласа и Чу. Основное племенное название «манак» впервые встречается в анонимном сочинении X в. «Худуд ал-'Алам» (см: «Худуд ал-алем». С введением и указателями, изд. В.В. Бартольда (рукопись Туманского), Л., 1930).

[19] *Абак* – собственно родоначальник племени кереев (кереитов). Казахи – абак-кереи теперь живут на Черном Иртыше и соседних с ним районах Северо-Западного Китая и Монголии.

[20] *Название же* (уйсун), *... в строгом смысле предание не допускает.* – Т. е. название уйсун в преданиях подразумевается.

Эти предания также записаны и опубликованы Г.Н. Потаниным в его работе «Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки» (ЖС, 1917, вып. II–III, с. 61).

[21] *Золотая Орда* (Улус Джучи) – феодальное государство, возникшее а результате монгольского завоевания в 40-х годах XIII в. В Золотую Орду входили кыпчакские степи, т. е.

основная территория современного Казахстана, исключая Семиречье, Северный Хорезм с г. Ургенчем, Волжское низовье, Северный Кавказ и Крым. Золотая Орда прекратила свое существование в конце XV в.

[22] *Джагатайский улус* – феодальное государство в Средней Азии, составлявшее с 1224 г. удел Джагатая (Чагатая), второго сына Чингис-хана.

[23] *Узбек* (1282–1341) – хан Золотой Орды, в период его правления (1312–1341 гг.) Золотая Орда достигла наивысшего могущества. При Узбеке столица Золотой Орды была перенесена в г. Сарай-Берке (на монетах – سرای الجدیده «Новый Сарай») – превратившийся в крупный для того времени культурный и ремесленный центр. Узбек способствовал распространению ислама; с его именем связано строительство ряда мечетей и медресе в Крыму и Поволжье. (См.: *В.Д. Греков, А.Ю. Якубовский.* Золотая Орда и ее падение. М.–Л., 1950, с. 64, 67–69, 90–93).

[24] *Тарма-Ширин* – чагатаид, сын Дува-хана, распространитель ислама в Средней Азии в XIV в. (См.: *Абулгази.* Шеджере-и тюрк. Изд. Демезона. СПб., 1871, с. 150–151). Правитель улуса Чагатая в 1326–1334 гг.

[25] *Ишим-хан* (ум. в 1645 г.) – сын Шигая, брат Тевеккеля; глава династии казахских ханов XVII–XVIII вв. Последними его отпрысками были Аблай (1771–1781 гг.) и Вали (1781–1819 гг.) [*1] – ханы Среднего жуза. Ишим-хан вел борьбу против ойратов. Во внутренней политике стремился к созданию централизованного государства на удельной основе. С его именем связано регламентирование казахских юридических обычаев и упорядочение феодальных кодексов, применявшихся в Белой орде в VIII–XV вв. (Есімханның ескі жолы – древний путь Ишим-хана). Ряд установлений Ишим-хана впоследствии отражен в законах его внука Тауке-хана. Несколько памятных строк посвятил Ишим-хану известный историк писатель Абулгази, который будучи в изгнании, нашел приют и гостеприимство в г. Туркестане. (См.: *Абулгази.* Шеджере-и тюрк, с. 306). Отдельные факты о деятельности хана Ишима встречаются и в русских источниках XVIII в. (См.: Архив ВГО, разр. 64, оп. 1, д. 14).

[26] *Турсун* – казахский хан, правивший Ташкентом в тридцатых годах XVII в. Погиб в 1628 г. в междоусобной войне с Ишим-ханом, правившим в г. Туркестане (См.: *Абулгази.* Шеджере-и тюрк, с. 306).

[*1] Указаны годы правления Средним жузом с момента официального избрания.

ПОГОВОРКИ БОЛЬШОЙ ОРДЫ*[1]

اوتكر پچاق قينغه قاس، اوتروك سوز جانغه قاس.

|| Острый нож вреден ножнам, а ложь – душе.

جاوده قالغان بلبل دان، ايلكا قايتقان ايت اوزده.

И собака, возвратившаяся на родину, опередила соловья, оставшегося у врага.

اولكان ارستان دان، ترى ايت يخشى.*[2]

Живая собака славнее мертвого льва.

ساقلانغانده خداى ساقتار.

Береженого бог бережет.

ايرنى خداى ساقتايدى، ايتوكتى نال ساقتايدى.

Мужа хранит бог, а сапог – гвоздь.

اوزنك بلكانننك تلن المه.

Сам не разумей и не слушайся знающего*[3].

ماقتانغانننك كوتى چاق.

Кто хвастается, тот глуп*[4].

مورن يوق بولسه، ايكه كوز برين برى چوقويده.

Если бы не было носа, глаза кололи бы друг друга.

اتا كوركان اوق جونار، انا كوركان *[5] تون پيچار.

Видевший отца (воспитателя) – будет точить стрелу, а видевшая мать (воспитательницу) – кроить шубу.

پادشاه بولسام داى جيار ايدوم.

Ах, если бы был я царь, все сало бы ел*[6].

كوب سوز بوق سوز، از سوز راست سوز.

Многословие – пустословие, мало слов – справедливо.

اسقما قارغه، توسارسن*[7]تورغه.

Не торопись, ворона, и ты попадешься в ловушку.

ياخشى منان يولداس بولسانك يتارسن مرادغه،

يمان منان يولداس بولسانك قالرسنك اوياتقه.

Дружба с добрым [человеком] принесет тебе пользу, а с худым – только срам.

*[1] В основу взят с исправлениями и уточнениями редакции перевод И. А. Бардашева[1].

*[2] В собрании И.А. Бардашева: ترى تچقان ارتوق – живая мышь славнее мертвого льва.

*[3] Иронический совет глупцу.

*[4] Этой поговорки у И.А. Бардашева нет.

*[5] У И.А. Бардашева вместо انا كوركان: چچه كوركان

*[6] Ирония на несбыточную мечту.

*[7] У И.А. Бардашева вместо تورغه : قولغه и другой перевод: и ты попадешься в руки.

بلكاننك قايده، بلماستكته كيچرماسانك.

Где твоя мудрость, когда не прощаешь незнание другим?

سوسز جرده قامس يوق، ازغان ايلده نامس يوق [*8].

В безводной местности камыш не растет, народ, пришедший в разлад, чести не имеет.

اوچكان يانبايده، اولكان ترلمايده.

Потухшее не возгорится, мертвый не воскреснет.

قامقا تونده، چوبراك بولار توزغان سونك [*9].

И камковый кафтан будет тряпкой, когда износится.

تويه قاچب جوكتان قوتولمايدى.

Верблюд не избавится от своего вьюка.

زمان يمان بولسه قودانك كتار، مالنك كيتسه باسنك بركا كتار.

Если будет худое время, и сват тебе покинет; а если уйдет твое состояние, уйдут вместе с ним и друзья твои.

توتى قوش بوين كورب سرلانادى، اياغن كوروب قورلانادى.

Павлин, увидев свой стан, любуется красотой своего оперения, увидев [свои] ноги – конфузится.

اويات كمده بولسا، ايمان سوندا.

В ком есть совесть, в том есть и человечность.

ياسنك قرققه كلكان سونك اياغنكا چدار توسار.

В сорок лет ноги окажутся уже спутанными.

كوب جييمن ديكان از جييدى، از جييمن ديكان كوب جييدى.

Кто зарится на большее, тому мало достанется.

Кто меньше думает о выгоде, тому больше достанется.

عقل داريه ايكان، كونكل دولدول ايكان.

Ум – безбрежный океан, желание – крылатый конь.

تويماسقه برمه، تولماسقه قويما.

Жадному не давай, в бездну не лей.

الپ انادان تووادى، ات بييه دان تووادى.

Герой родится от матери, добрый конь – от [породистой] матки.

اق سونقار اتقه عاشق، كويكون تاى جيمكا عاشق.

Белый кречет влюблен в коня, а мышелов – в поживу.

ايتگنك تار بولسه، دنيانك تنچ لغنان نه فايده[*10].

Когда сапог тесен, то нет для тебя пользы от благоденствия мира.

ايقو جاننك تينچى، ايمان جاننك قوانچى.

Сон – покой души, совесть – радость души.

قوس ات منان قول كوبايادى، قوزىسى منان قوى كوب كورنادى.

[*8] В собрании И.А. Бардашева вместо ازغان ايلده : از كسىدان это неверная запись и неточный перевод: на безлюдьи – стыд.

[*9] قامقا تون – камковый кафтан. И.А. Бардашев перевел *«ханская шуба»,* исходя лишь из того, что эту одежду носила только феодальная знать.

[*10] Вместо دونيانك تنچلغنان у И.А. Бардашева دونياده تنچلق يوق и перевод: нет спокойствия в мире.

Когда воины с запасными конями, войско увеличивается, а когда бараны с ягнятами – стадо увеличивается.

تویغاندان قورساق جارلمایدی، قوانغاندان مانکدای جارلمایدی.

От пищи желудок не лопнет, от радости лоб не треснет.

باسقه بلا قایدان؟ – تلدان.

Голове откуда беда?– от языка.

مزکل سز تانك اتبایدی، وقت سز جان چیقبایدی.

Без времени не светает, без смерти душа не выходит.

Из собрания киргизских пословиц господина И.А. Бардашёва.

Комментарии

Впервые текст был опубликован по автографу – ААН (ф. 23, оп. 1, д. 2, л. 17). Печатается по ССВ т. I, с. 50–52.) Основная часть поговорок взята, как говорит об этом сам Ч. Валиханов, из собрания И.А. Бардашева. Однако записи Ч. Валиханова отличаются от бардашевских правильной передачей транскрипции казахского текста, очень близкой к чагатайскому письму. Из нее видно, что Ч. Валиханов хотел приблизить транскрипцию слов к казахскому произношению. Например, у Валиханова: арыстан, сақтағанды. У Бардашева: арсылан, секлаганы и т. д.

У И.А. Бардашева иное заглавие: «Пословицы и поговорки киргизов Большой орды». Он собирал этот и другой материал казахского фольклора в 1855 году для Н.Ф. Костылецкого и в начале 1856 года отправил ему в Омск вместе с письмом, в котором писал: «Душевно радуюсь, что наконец я имею случай и удовольствие доставить Вам несколько киргизских пословиц с переводом, которые прошу Вас принять, – как слабый и первый неопытный и ничтожный труд мой, который я решился послать Вам». Собрание И.А. Бардашева и письмо хранятся в архиве Г.И. Потанина (НБТГУ, №151).

Запись Ч. Валиханова датируется 1856 г., так как была найдена в Иссыккульском дневнике.

[1] *Бардашев Иван Андреевич* (1831–1868) – переводчик при начальнике Алатауского округа и казахов Большой Орды (1848–1865 гг.). Учился при Сибирском кадетском корпусе в школе по подготовке переводчиков и толмачей. Окончив ее, он получил назначение в Капал – только что созданный центр Алатауского округа. Еще в школе состоялось его знакомство с Ч.Ч. Валихановым и Г.Н. Потаниным. В 1856 г. И.А. Бардашев вместе с Ч. Валихановым принимал участие в Иссык-Кульской экспедиции и дипломатической комиссии в г. Кульджу. Он был секретарем этой комиссии.

О ФОРМАХ КАЗАХСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

Песнь, путешествуя по миру, однажды остановилась ночевать в стойбищах каракалпаков, по ту сторону р. Сыра. Весть о прибытии невиданной и неслыханной гостьи разнеслась с быстротою стрелы во все стороны. Бесчисленное множество каракалпаков, собравшись в счастливом ауле, слушали дивную гостью с самого начала вечера и до самой утренней зари, пока наконец Песня устала и легла спать. Тысячи рассказов, повестей, песен и историй голосистой гостьи сохранили в памяти бесчисленные каракалпаки. Киргизы и трухменцы, стоявшие далеко вверх по р. Сыру на краю стойбища, – все родные племена тогда кочевали вместе, – прибыли поздно ночью и слышали только окончание чудных звуков. [...]

Джир собственно значит рапсодия. Глагол джирламак значит говорить речитативом. Все степные джиры обыкновенно поются речитативом под аккомпанемент кобыза. Предметами джира обыкновенно бывают жизнь и подвиги какого-нибудь известного в древности народного витязя. При этом должно заметить, что события жизни витязя, его подвиги, словом все, что составляет собственно повествование, рассказывается прозою, стихи же употребляются только в то время, когда герой поэмы или главные участвующие в ней лица должны говорить.

Между киргизами мне известны еще два джира, один называется Эркокче-Эркосай*[1]. В нем описываются подвиги витязя из рода уваков, Эркокче, и сына его Эркосая в войне против сильного кипчакского племени. Эта рапсодия не имеет исторического интереса, самые имена витязей, в ней действующих, совершенно нам не знакомы, между тем, стихи чрезвычайно сильны и звучны. Вся рапсодия заключает в себе беспрерывный интерес, и еще тем более замечательна, что герой первой ее части проигрывает сражение и умирает покрытый ранами. Сын его Эркосай отомщает потом кипчакам. Эта рапсодия занимательна была бы только разве потому, что в ней подробно излагается вся тактика и стратегия древних степных воинов.

В мое время в степи помнил эту рапсодию один только человек: киргиз Кокчетавского округа, Койлы-Атыгаевской волости, Арсланбай. К несчастию, я не имел времени списать эту занимательную рапсодию.

Другой джир называется Урак-батыр[1]. В нем повествуются похождения Урак-батыра, родом караульца, который, отправившись в набег на Россию, был взят русскими в плен и содержался в тюрьме 10 лет, потом женился в России, прижил детей, но соскучился по родному аулу, опять уехал в степь и там остался.

Кажется, что у нас есть фамилия Ураковых. Джир Урака-батыра знают многие киргизы, но только отрывками, всю же поэму я слышал однажды в Малой орде от песенника Нурумбая[2], он родом алчин, но почти постоянно живет в кочевьях кипчаков при султане Ахмете Джантюрине[3].

*[1]Точнее: *Ер Кокше – Ер Косай.*

Чтобы дать понятие о мере стихов, которые употребляются в джирах, я привожу здесь пример. Девять тохтамышевых богатырей догнали Идыге, и Кен-Джанбай говорит ему:

Ай Едиге сен енді қайт сана*2
Қайтып Еділ өт сана.
Еңсесі биік боз орда
Еңкейіп сәлем бер сана.
Еріні жұқа сары аяқ,
Ер сарқытын іш сана;
Жаурындары жақталы,
Түйме бауы тартпалы,
Ал қара кіс үстіңе
Тон береді ки сана.
Көк ала жорға ат мініп,
Көн дабылпаз байланып,
Тұтам бауы сом алтын
Ақ сұнқар құс береді, –
Көл айнала чүй сана! и т. д.

Джир Идыге по событиям относится к концу XIV века, [но] должен быть составлен в начале XV. Это доказывается многими старинными словами и оборотами, которых теперь нет в языке, примечательно также и то, что в целой рапсодии нет ни одного персидского или арабского слова, тогда как теперь с распространением магометанской религии, даже в обыкновенном разговоре между простым народом, вошли в употребление слова из этих языков.

В последнее время моего пребывания в степи джиры почитались уже устарелою формою поэзии. Форма джиров, как и самый кобыз, осталась теперь только достоянием баксы. Они только еще сохраняют эту форму стихов, употребляя ее при заклинании джинов. Можно утвердительно сказать, что форма джира и употребление кобыза вышли из моды со смертью знаменитого певца-импровизатора Джанака[4], он был родом кара-кесек, отделения камбар, состоящего теперь в составе Каркаралинского округа.

Хотя существующие теперь певцы употребляют его напев и повторяют слово в слово его импровизации, но для аккомпанемента употребляют наиболее балалайку*3 о двух струнах.

Кобыз род двухструнного альта, струны делаются из конских волос и играют на них смычком. Кобыз имеет ту разницу против наших струнных инструментов, что у него нет верхней деки, корпус имеет фигуру круглую, ручка так вытянута, что струн нельзя к ней прижимать, берутся же разные тоны флажолетом*4. Вообще это очень трудный и приятный инструмент, хотя он не очень звучен.

*2 Отрывок дан по правилам современного правописания казахского языка.

*3 Речь идет о казахской домбре.

*4 *Флажолет (франц.)* – здесь: музыкальный прием в игре на смычковых инструментах.

Балалайка и новейшие песни выжили теперь совершенно джир и кобыз. В степи существуют теперь следующие формы поэзии:

1. Д ж и р, который достаточно объяснен мною.

2. Д ж и л а в – надгробная песнь. Она обыкновенно изобретается женщинами и очень часто импровизируется. Размер употребляется тот же, как и в джире. Между всеми известными джилавами самые трогательные и известнейшие в Средней орде суть: Плач матери, ханши Айханым Валиевой[5] о смерти старшего ее сына Мамеке, умершего от оспы в 1833 году, и джилав известной впоследствии певицы-импровизатрисы[6], импровизированный ею на поминках мужа, когда ей было только 14 лет.

3. К а и м[7] – песни, употребляемые при свадьбах, состоящие в вопросах и ответах между молодыми людьми и девицами; они состоят из четырехстиший, в которых рифмуют первые два стиха с четвертым. Эти песни заключают иногда в себе загадки, эпиграммы и, наконец, шуточную брань, доходящую до самого отчаянного цинизма выражений.

4. Кара-улен[8] – обыкновенная песня, она состоит из четырехстиший, заключающих в себе каждая отдельную идею. Эти песни поются более для голоса. Часто четырехстишие не имеет никакого смысла.

5. У л е н[9]. Эта форма употребляется теперь всеми новейшими поэтами как для импровизации, так и для поэм, а наиболее введена в употребление певцами Орунбай[10], рода караул, отделения атеке-дживир, и слепым певцом Чодже[11], рода атыгай, отделения джана-кыргыз, постоянно находящимися при султане Абулхаире Габбасове. Предметом этих песен есть большею частью какое-нибудь религиозное повествование. Они поют теперь подвиги Сеит Батала[12] ходжи*5 и любовь Юсупа и Зюлейки, жизнь Ибрагима и проч., все эти повести, по фанатизму идей и чудовищности изображения, чрезвычайно скучны.

Форму улена певцы употребляют также для импровизации, как самую удобную, и к которой они теперь как бы более привыкли. Известная поэма Кузу-Курпеч и Баян-Сулу пересказана мне была знаменитым Джанаком в форме улена.

|| Песня (улен) вошла в употребление в киргизской степи не более 50 лет назад, когда степь сделалась доступной тобольским и казанским татарам. Прежде беглецов и выходцев татарских киргизы продавали как баранов в Китае, Бухаре и Ташкенте, но по мере водворения магометанской религии татарские выходцы сделались в степи неприкосновенными мучениками мнений и религии. Формы татарской поэзии начали преобладать над первобытной формой кыргызского героического джира, полной [гар]монии звуков и мыслей.

Улен (песня) состоит из четырех стихов, два первые и четвертый суть силлабические, кончающиеся на одну рифму; третий не рифмуют. Я представляю для примера первое четырехстишие из Кузу-Курпеча для наших ориенталистов, чтобы доказать, что не по всем размерам восточной поэзии удобно применяема арабская мера.

ميكين از داب جكتتار كيل كيتالى
اورتاسنده كوك توبه بيلكى ايتالى

*5 Описка, должно быть: *гази* – воитель.

ازاماتتار ارینبای تنکلاسانکز
قوزو کورپاچ بایاندی تیرباتالی[*6].

|| 1) Во всех наречиях, происходящих от татарского или, следуя ученым, от тюркского корня, существует слово «игит» – джигит جگت , но в разных странах оно имеет, кроме различного произношения, и разный смысл. На Кавказе, в Анатолии у курдов это слово значит лихач, молодец, наездник; в этом же смысле оно принято и в Константинополе – если говорят о военных маневрах и удальствах кавалеристов; в кочующих же татарских племенах Средней Азии слово джигит значит парень, молодец (парубок). Лета джигита не определены, потому что в степи до 80 лет можно быть даже ребенком (بالا). Слово джигит не употребляется у оседлых татар казанских и тобольских, оно заменилось словом малай (مالای) (малой), которое означает полуприказчика п полураба.

2) Слова азаматтар, чоралар (ازاماتتار چورالار) употребляются весьма часто в древних киргизских поэмах (джир). Азамат собою означает человека свободного, имеющего жену и независимое от родственников состояние, человека совершеннолетнего и выделенного из имущества [отца]. Чора – синоним азамат, но слово это делается несколько привольным будучи употреблено само по себе без прибавления слова азамат. Чора азамат – слова чисто военные и по-русски их можно перевести: товарищ, дружина.

|| 3) Сказка про Кузу-Курпеч и Баян прекрасную существует во всех татарских и монгольских племенах Средней Азии, разумеется, с разными изменениями мест и времени. Профессор Эрдманн[13] издал Кузу-Курпеч на персидском языке с комментариями, я не читал ее, потому что не знаю персидского языка. Потом Кузу Курпеч была переведена кем-то в Оренбурге с башкирского языка и издана в небольшом количестве экземпляров[14].

В Киргизской степи она существует в изустном предании между песенниками.

Формы, в которые облекается киргизская поэзия, суть следующие: улен-песня, вновь импровизированная или созданная прежде каким-нибудь знаменитым песенником (уленчи) и передаваемая сколь возможно ближе к подлинному при аккомпанементе балалайки, кобыза или жестов; уленчи, который поет песню (улен), вправе прибавить от себя вступление и заключение повести. В этом переводе[15] четыре первые куплета принадлежат песеннику Джанаку, происходящему из кара-кесеков, отделения камбар, остальное же – чистое предание, неизвестного поэта старых времен.

* * *

|| Самый замечательный исторический джир киргизский, это – Идиге ادکه , тот самый Идиге, Эдеку и Идигей, о котором говорится в ярлыке Тохтамыша, тот самый бек-мангаб[*7] и темник, который разил Витовта при Ворскле и управлял ордой без-

[*6] Джигиты, пойдем искать родину.
Сделаем ориентиром Коктобе в центре [земли],
А если, граждане, не ленитесь слушать,
То побаюкаю песню о Козы-Корпеше и прекрасной Баян.

[*7] То есть *манап* – феодал, аристократ.

отчетно при четырех ханах. Урак, Ир-Кокче*8, Ир-Косай*9 – герои других эпических поэм, также из времени первого ногайского народа, но джиры их замечательны только по любопытному описанию племенных волнений, ханских битв, батырских набегов в смутную после тохтамышевскую эпоху ордынскую. Поэтические произведения киргиз: эпосы, похвальные оды, плачи*10 – так называется песня по умершем муже жены, по сыну – матери[16]; даже песни импровизаторов имеют рифму и размер и передаются изустно из рода в род, из поколения в поколение особым сословием певцов ахунов[17], как в древней Греции передавались песни Гомера рапсодами; ахуны эти пользуются особенным уважением народа и похвальными словами богатым султанам и биям наживают себе известность и богатство. Хотя в настоящее время этих ахунов (иначе اولانچى) в степи и много, но они более импровизаторы[18], и древние джиры по непонятности своей для нового поколения с году на год выходят из употребления, и самих знатоков их остается очень мало. Собрать их также трудно: при всем старании я успел достать полный список Кузу-Курпеча, небольшой отрывок из Едиге и Урака, но, впрочем, надеюсь в скором времени найти все древние джиры от одного знающего их ахуна, с которым познакомился недавно.

Древнетатарские предания и поэмы и особенно пазвания родов, из которых составляется союз трех орд киргизских, заставляют думать, что действительно казаки*11 как народ татарский не так древни, как утверждают; в древности слова казак и сословие казаклык...*12.

Комментарии

Отрывок из нескольких разрозненных листков среди бумаг Ч. Валиханова, представляющий собой записи о происхождении казахской народной поэзии. В рукописи отрывка заглавия нет; не полностью и под другим заголовком опубликован в Сочинениях Ч. Валиханова под ред. Н.И. Веселовского (ЗРГО ОЭ, т. XXIX, СПб., 1904, с. 223–231). Автограф обнаружен в 1857 г. Датируется предположительно 1855–1856 гг. По автографу – ЦГАЛИ, ф. 118 оп. 1, №469, лл. 6, 21–22. Печатается по тексту ССВ, т. I, с. 196–202.

[1] *Урак-батыр* – о нем см. т. I настоящего издания, «Песни Урака».

[2] *Нурумбай* (XIX в.) – народный акын из северных областей Казахстана.

*8 Никоновская летопись под 1423 г., говоря о нападении на одоев паря Куйдадата, упоминает: «Тогда же убили и Когчю, богатыря татарского, велика суща телом и силою». *(Примечание Валиханова).*

*9 В «Сборнике летописей» на с. 156 говорится, что во время битвы Кадырберды-хана с Едыгеем был убит и Эр-Куше. اندين باريب ير كوشه بيقيلدى، انى نوقاى التا[ى] بهادور باريب اولتوردى *(Примечание Валиханова).*

*10 В правописании этих стихов я старался по возможности передать так, как говорят сами киргизы. *(Примечание Валиханова).*

*11 Киргизы себя называют *казак*. В древности слово *казак* встречается в смысле вольный и вольница; я не смею [в этом] сомневаться. Глагол *казаклык* очень часто попадается в Бабур-намэ – записках Бабура, в Шайбаниаде, что значение слова *казак* в смысле бродяги, скитальца было достаточно известно и употреблялось в древней Руси: «А... кове мере казаком кочует на поле, со многими людьми – то вашему царскому величеству ведомо»... В другом месте: «А тебе (Когулу) – будучи на поле и живучи казаком от нашие царские рати и от вогнанного боко» и пр. (Собрание Государ. грамот и договоров, т. II, №68). *(Примечание Валиханова).*

*12 Текст обрывается.

[3] *Ахмет Джаитюрин* (XIX в.) – султан-правитель тургайских и актюбинских казахов.

[4] *Джанак* (первая половина XIX в.) – знаменитый певец-импровизатор, сказитель и хранитель древней эпической поэзии, музыкант-кобызист; происходил из рода каракесек Каркаралинского округа. Валиханов неоднократно встречался с Джанаком и по его спеву записал известную поэму «Козы-Корпеш и Баян-Сулу».

[5] *Айханым* (Айганым) (1785–1856) – вдова хана Валия, бабушка Чокана Валиханова.

[6] *...известной впоследствии певицы...* – Очевидно, имеется в виду певица Ажар, вступавшая в поэтическое состязание (айтыс) со многими популярными акынами того времени.

[7] *Каим* – то же, что айтыс в наше время. Каимдасу – вступить в словесное или поэтическое состязание.

[8] *Кара-улен* (точнее: өлең) – поэтический жанр в форме кратких повествований о различных исторических эпизодах или других сюжетах.

[9] *Улен* (өлең) – буквально: песня, в широком смысле – всякие песни лирического или прозаического склада.

[10] *Орунбай* – известный акын-импровизатор, из кокчетавских казахов рода караул. Долго находился под влиянием старшего султана, потом советника сибирских казахов Турлубека Коченова, являясь его придворным певцом. Часто бывал в ауле Валиханова, был на встрече Чокана по возвращении его из Петербурга и пел перед ним, посвятив ему длинную импровизацию. Однако песни Орунбая мало интересовали Чокана, он критически относился к импровизации акына, считая, что его творчество пропитано духом мусульманского фанатизма.

[11] *Чоджe* (правильно Шоже) (1807–1895) – знаменитый акын-импровизатор, автор многочисленных поэм и айтысов, происходил из кокчетавских казахов рода атыгай. В поэзии Шоже получили отражение народные думы и чаяния, и потому Чокан относился к нему с большим уважением и ценил его поэтический талант. Лучшие варианты народной поэмы «Козы Корпеш и Баян-Сулу» были записаны в 60-х годах XIX в. из уст Шоже и один из них 5 марта 1864 г. в Омске, на квартире Ч. Валиханова. Затем эти записи попали к И.Н. Березину. Ныне хранятся в ЛОИВ АН КазССР (Ленинград), ф. 5, оп. 2 (267).

[12] *Сеит Баттал (Баттал-гази)* – герой турецкого феодального эпоса, пропитанного духом религиозного фанатизма и войны против немусульманских народов.

[13] *Эрдманн Франц* (Феодор Иванович, 1793–1863) – востоковед. С 1818 г. – профессор Казанского университета по кафедре арабского и персидского языков. С 1824 г. заведовал нумизматическим кабинетом, изучал историю народов Средней Азии и Монголии. Ему принадлежат многочисленные статьи на русском, немецком, французском и латинском языках по вопросам истории, филологии, нумизматики и языков восточных народов. (См.: *Н.П. Загоскин.* Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета 1804–1904 гг. Ч. 1. Казань, 1904, с. 240–242).

[14] *Потом Кузу-Корпеч была переведена кем-то в Оренбурге...* – Один из первых переводов поэмы «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» с башкирского на русский язык сделан Н. Беляевым и издан в 1812 г. в Казани под названием «Куз-Курпячь. Башкирская повесть, написанная на башкирском языке одним курайчием и переведенная на российский язык в долинах гор Рифейских».

[15] *В этом переводе четыре первых куплета принадлежат песеннику Джанаку...* – К сожалению, перевод «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», сделанный Валихановым со спева Джанака, еще не отыскан и, вероятно, хранится в одном из многочисленных архивов Г.Н. Потанина. Через Г.Н. Потанина этот перевод попал к Парафонтовой, которая просила своего племянника, поэта Г.Н. Тверитина, сделать русский поэтический перевод.

[16] *...песня по умершем муже жены, по сыну – матери...* – Речь идет о песнях-причитаниях, по-казахски – жоқтау, образец которых записан Валихановым и публикуется в настоящем издании (с. 255.).

[17] *Ахун* – титул указанного муллы, узаконенный царским правительством по Уставу о сибирских киргизах. Этот термин нельзя смешивать с акыном, почетным названием народных певцов.

[18] *Хотя в настоящее время этих ахунов... в степи и много, но они более импровизаторы...* – Здесь Валиханов объясняет разницу между сказителем (жырши), поющим древние эпические поэмы, и певцом-импровизатором (акын), который сочиняет экспромтом свои произведения.

ТЕНКРИ (БОГ)

|| Огонь почитается за аулие (святой) ... Проклятие ...*1 В огонь нельзя плевать, нельзя наступать па очаг. Невеста, поступая в новое семейство, должна войти в юрту отца [мужа], принести в жертву огня ложку масла*2, делает салем (преклонение колена) и бьет головой (падает навзничь), приговаривая: «аруах разы болсын» – аруах (дух предков), будь доволен! Во время горения жертвы мать или кто-нибудь из женщин, нагревая ладонь на огне, водит по лицу новобрачной, и новобрачная отдает в честь огня халат, который берет хозяин (отец мужа) юрты, как владелец очага, и заставляет ее сесть на баранью шкуру, говоря при этом: будь мягка, как кожа. Для того, чтобы дать джан*3 (присягу), разводят в двух местах огонь, проводят между этих двух огней и заставляют целовать дуло ружья, из которого убит человек[1].

Лечат огнем так: из семи частей тела скота вырезывают куски, бросают в огонь и греют больное место (преимущественно в ревматизмах). Очищают от болезни в этом жертвенном огне, бросают в огонь жестяной ковш, раскаляют его до красна, потом кладут в него масло и синюю тряпку; когда это загорит, то подносят его под самый нос больного и наливают холодную воду – выходит ужасный пар. Способ лечения называется джелаушук*4.

Когда увидят новую луну, то три раза прискакивают и три раза делают поклон, потом срывают траву и, принеся домой, бросают в огонь.

|| А р в а х – дух предков, во всех трудных житейских случаях обращаются к ним, говоря: «аруахи, держите меня за руку и поддерживайте под мышки»*5 и приносят жертву; из коров, такую корову: с рогами наподобие луны и копытами наподобие аша*6 (юрту поддерживает); из баранов – белого с полоской на лбу*7 и белого с желтой головой*8, синего барана с ушами наподобие баурсаков – с раздвоенными ушами и двумя зубами, и совершенно белого, как снег, с полоской на лбу – и также первенца в стаде. Если пожалеют первенца*9, то вымазывают слюной обещанного животного голову другого барана и приносят в жертву. Когда умирает человек, то его аруаху – духу – зажигают по одной свечке каждый день до сорокового дня, или только четыре дня. Свечи ставят у право [й стороны] порога. Потому [что] полагают, что до сорока дней дух умершего посещает свою юрту и узнает о расположении детей; для

*1 В рукописи оставлено место, очевидно, для казахского слова *қаргыс* – проклятие.

*2 По-казахски: *Отқа май құю.*

*3 То есть жан беру – принять присягу, клясться душой.

*4 Искажение переписчика, точнее: *джелүшик* – заклинание ветром.

*5 По-казахски: Аруақ қолдай көр, қолтығымнан жебей көр.

*6 Ай мүйізді, аша тұяқты.

*7 Бозқасқа.

*8 Ақсарбас.

*9 Тұмса мал.

того каждый день до зажжения свечи в сумерки отворяют дверь, наполняют одну чашку кумысом и в дверях постилают белую кошму, готовят прием для покойника. Все присутствующие в юрте, прочитав коран, выставляют чашку аруаху и зажигают свечку.

При выносе покойника говорят: от бога целым телом далек» и обводят около него домашнюю утварь, съестное[2].

Земля не имеет почтения, не ходят по месту, где была стоянка аула, почитая его местом собрания духов, боясь арвахов, и вообще болезни ревматизма, которые приписывают неосторожному похождению. Только не рвут первую траву.

Звезды почитают душами людей, если видят падение звезд, то говорят: «моя || звездочка стоит еще!» и делают два раза воздушное [движение], думая, что одна душа ...*[10] и, следовательно, индивидуум должен умереть. Часто приходится слышать [от] отца при входе его вечером в юрту: «Сегодня двое должны умереть». «Как? – Две звезды пали».

Все необыкновенные явления природы считают за места священные, освященные пребыванием аулии (мухаммеданского [святого]); все курганы называются оба, что значит куча. Дерево, одиноко растущее в степи, или уродливое растение с необыкновенно кривыми ветвями служат предметом поклонения и ночевок. Каждый, проезжая, навязывает на это дерево куски от платья, тряпки, бросает чашки, приносит [в] жертву животных или же навязывает гриву лошадей.

Соленое озеро тоже называется к е н, место, куда брошен взгляд аруахов или аулие.

Вообще скот, как единственное средство народа, ведет к разным поклонениям к нему: не наступают на кости животных; если прольется молоко, киргиз все [очищает], чтобы не оставить их [в осквернении]*[11] и чтобы умилостивить..., делая крест и поклон*[12]..., [поднося] правую руку к лбу, подбородку, правому плечу, потом левому. То же делают, когда переходят через конские джели, говоря, что джели имеют кие и делают таут*[13] ... Если увидят кузнечную наковальню, || то тотчас подходят и делают крест. Не переходят через укрюк, топор и бакан*[14], говоря: переступивший через топор не разбогатеет*[15], переступивший через топор никогда не будет довольствоваться*[16]...лошади*[17], верблюды, бараны, коровы. Последнее животное, если попадается ночью, то киргиз должен ударить плетью, ибо это есть седалище злых духов. Козы также не уважаются. Если животное имеет какую-нибудь особенность, то его называют аулие*[18] и почитают выражениями счастья; лошади с гнездами на гривах и хвостах, которые делают, по понятиям киргиз, злые духи-шайтаны, почитаются также за предмет счастья, таких животных никому не от-

*[10] В рукописи оставлено место, очевидно, для казахского выражения *жан біреу-ақ*.

*[11] Кесір.

*[12] Тәу ету.

*[13] От казахского: *тәу ету* – народный обряд посвящения или предназначения (жеребенка, коня и т. п.).

*[14] Бакан подпирает чангарак – круглый свод (юрты). (*Примечание Валиханова*).

*[15] По-казахски: Бақан аттаған байымайды.

*[16] Балта басқан жарымайды.

*[17] На полях карандашная пометка: *джилки аулие* (лошади святые).

*[18] Собственно: *құт* – счастье.

дают: «счастье уйдет»*[19], если отдают – только берут так называемый слекей – слюну. Например, у лошадей вырывают клочок гривы, ослюнивают в слюне животного и кладут в калту*[20]. Не стреляют лебедей, боясь кие, и называют его*[21] царем птиц. Не бьют сову, филина, дятла, коккарга (синяя ворона) и кукушку. Последнее был человек. Приехал жених, у него потерялась лошадь, сестра невесты отправилась в поиски и второпях надела один сапог жениха, другой свой; это было весной, вот отчего у кукушки одна нога красная, другая синяя и вот почему кричат аты жоқ көкек*[22] (нет лошади, ку-ку). Кукушка имеет қасиет (священное). Берут ветку, на которой сидела кукушка, и бросают в сабу с молоком*[23], говорят, что даст обильное масло.

|| Мухаммеданская вера..., [соединяя с] единобожием веру в танкриев и допуская существования бесплотных душ, джин, периев и шайтанов, не могла уничтожить злых духов шаманских. Пери бывают мусульмане и кафиры; неверные пери всегда делают зло и бывают в образе коршунов, орлов; вторые делают зло тогда, когда человек сам [провинится], они кочуют, как киргизы, делают так и... бывших в их аулах.

Джин – это дух, к которому обращаются баксы, это бес, который имеет свои имена; они бывают мужчины и женщины, молодые и старые, и, по уверению баксов и народа, они имеют образ человеческий, об них скажем в статье о баксах.

Албасты – дух, вредящий при родах. Их называют также джезтырнак – с медными когтями. Их глава – сорель*[24], вышины 3 сажени, небольшая грудь, а остальное все ноги, копыта очень тонкие.

Болезни у мусульман назыв[аются] джин. Он имеет вид рослой девки, с распущенными волосами, с грудями такой величины, что всегда бросает на плечи.

Сорель – это леший, по некоторым сказкам муж албасты: по некоторым сказкам он принимает всевозможные формы; говорят, что он живет в дремучих лесах, имеет вид человека; обыкновенное человеческое туловище его так длинно, что он бывает равен с лесом. Убивает человека, измучив еще щекотаньем, это – русский леший.

Кон-аяк – это человек, вместо ног имеет ремни, живет в лесах и [на] островах. || Призвав неосторожного путешественника, садится на него, обвязывает его ремнями и ездит на нем до тех пор, пока [тот], выбившись из сил, не падет.

Джезтырнак – медные когти. Это дух в образе женщины, живет также в лесах. Предание о джезтырнаках.

В сказках существуют людоеды: предание о Батыр-хане. При рождении дитяти бросают жертву в огонь, бросают сало, говоря: «у белого верблюда брюхо распоролось»*[25].

Если человек умрет в походе, то весь отряд, подъезжая к аулу с криком ой баурум (о, мой родственник, баурум [моя] печень), устремляется на юрту и начинает стрелять, колоть копьями и рубить дерево юрты[3] (босаги-косяки).

---

*[19] Құт кетеді.

*[20] То есть в карман.

*[21] То есть в лебедя.

*[22] Аты жоқ көкек – удод (буквально: безымянная кукушка).

*[23] Предназначенное для масла и сырников. Это молоко называется эркыт. (Іркіт). (*Примечание Валиханова*)

*[24] Мифическое существо, обитающее на высоких деревьях.

*[25] По-казахски: "ақ түйенің қарны жарылды".

Есть жертва круговая – айналмак, жертва три раза обходит существо*[26], для которого люди [это] делают. Так, схватывают птицу, окружают три раза вокруг головы и отпускают. Она берет все мое несчастье и болезни на себя. Человек, делая то же, принимает и предлагает себя духам. Для выражения любви они говорят айналаин – обойду вокруг. Нежная мать говорит любимому сыну: айналайын карагым (зрачок), шырагым (светильник), т. е. обойду вокруг зрачок, светильник [мой].

|| Все предсказатели у киргиз называются баксы*[27] ..., и все предсказания свои они говорят от лица своих духов, которых они, применяясь к настоящему мусульманству, называют персте*[28] – ангелами, а народ, как правоверные, хотя и не верует в священность их... и хотя называет их джинами, но верует в их могущество, в могущество творить зло, – следовательно, все болезни и напасти суть влияние и порча духов; а баксы, их любимцы, могут упросить своих патронов оставить особу, которую он берет под свое покровительство. Впрочем, много еще таких, которые безусловно верят в сверхъестественность и божественность баксыев. Духи эти бывают... великие, средние и мелкие, отчего баксы... и их силы бывают разные. Великие лечат всех больных..., режут животы, помогают при родах, заставляя своего духа угнать албасты, гадают, призывая духа своего игрою. Признаки большого баксы суть следующие: во время игры кладет саблю в живот, впускает до эфеса в горло, лижет раскаленное железо, бьет из всей силы себя в грудь топором, и все это сопровождается игрою на кобызе, инструменте, принадлежавшем аулие Коркоту, и || пением, которое называется сарн. Игра – это призывание духов, кличка*[29] их; во время игры [баксы] все более и более дуреет, делается неистовее и падает. Через несколько времени он встает и говорит то, что сказал ему во время этого обморока его дух... Это – пророчество. У некоторых [баксы] еще во время игры [появляются на лбу, на щеках железные иглы и на руках вместо ногтей – ножи. Духи эти имеют имена, как отдельные индивидуумы повсюду и представляются своим баксыям в виде бабы, стариков, ходжей и девок – сары кыз – желтая девка.

Гадатели. Все баксы суть гадатели на собственном их способе гадания – игрой с плетью, держа ее между двух пальцев... равновесия.

Женщины, имеющие духов, называются ильты*[30]. Это тоже баксы.

Гадатели: джаурунчи[4] – по бараньей лопатке, кумалакчи[5] – раскладывают известным образом круглые шарики. Число шариков – сорок один. Эти два рода общеупотребительные. Шариков, говорят употреблял пророк Даниил[6] (Даниер).

Первое основывается на наблюдениях линий, которые образуются от линий при ее обжигании. Баксы говорят, что лопатка всегда показывает полную судьбу семи народов: смерть царей этих народов, смерть людей... и судьбы путешественников.

Сильные те, которые гадают по необожженной лопатке. || (Для гадания употребляется лопатка; выварив, мясо съедают, но до кости не должно касаться зубами;

*[26] В частности, тяжелобольного.

*[27] Иногда: *бакшы*. В тексте далее оставлено место, очевидно, для слова *бақсы* в арабской транскрипции.

*[28] То же: *періште*.

*[29] То есть выкликание.

*[30] Ильты – состояние полного опьянения или экстаза. Происходит от казахского слова елту – опьянеть (от курения гашиша или опиума).

когда бросают в огонь, то около не должно быть железа. Анекдот о предсказании одного кумалакчи и об объяснении джаурунчи.

Ильты гадают обыкновенно по цвету пламени, бросая в огонь жир: если горит светло – значит предзнаменование хорошее, темно и красно – нехорошо. При этом джин требует какой-нибудь эксцентричности от бакши. Она все время пьет воду – ведро, или [употребляет] целый рот табаку[7].

Предсказатели метеорологии называются и с е б ч и – числитель. По их мнению, и погода имеет известный оборот, смотря по созвездию: так, берут всегда з а альфу саратан, апрель, и созвездие джауза (рак), его первое число соответствует первому числу месяца к а р а ч а (октябрь) и созвездию к а у с (август).

Из баксыев прославились баганалинец К о й л у б а й, это патрон всех баксы. Еще Балакай, баганалинец, и в настоящее время в Кокчетавском округе баксы Чумен. Кокаман и Ир-Чойлан – это его духи. Ир-Чойлан, главный Надыр-Чулак. Рассказывают, что он [Койлубай] на одну байгу поставил свой кобыз, предварительно с места приказал его привязать. Когда показалась далекая пыль байги, Койлубай с саблею в руках начал свою игру и пение с а р н, || вдруг со стороны байги показался страшный ураган и подул порывистый красный ветер, наконец, в хаосе пыли и тьмы показались первые лошади и впереди саксауловое дерево с огромным корнем, задевая то одним концом, то другим землю и волоча за собой длинный аркан. Это был кобыз Койлубая. Ветер и ураган это были силы его духа Кокамана. Приз был получен.

Ни один дух баксы из албасты, давителя при родах, не имел власти [при присутствии] Койлубая: для албасты следовало Койлубаю послать только плеть или шапку, тотчас [албасты] оставлял. В народе до сих пор есть сказание об одном случае, когда на лбу [Койлубая] появились морщины*[31]. Глава духов его из периев был Надыр-Чулак, из джинов – Кокамани, из шайтанов – храбрый Чойлан. Духов своих он держал в строгом порядке: они составляли три куряна*[32] и по его требованию обязаны были выставить хорошо вооруженный отряд.

Все это сказание из уст народа.

Однажды во сне по обыкновению с докладом будущего явился Надыр-Чулак, глава периев, и объявил ему, что через несколько дней при родах одной женщины будет сам царь албастыев и советовал ему туда не ездить, говоря, что уже довольно мы восстановили на себя собрание духов ради прихотей человека. || Вставший наутро Койлубай, при разговоре сообщил поверхностное замечание, что на днях будут страшные роды. Действительно, через два дня явился гонец от такого-то бия, прося помощи Койлубая. Все киргизы были уверены, что пока есть Койлубай, они защищены от всех напастей, кроме смерти, тагдыра (судьбы) и гонец явился очень веселый, в полной надежде на могущество Койлубая. Не ехать – значит потерять авторитет и показать свое бессилие против таких ничтожных чертей, каковы албасты, ехать – значит не уважать просьбы и советов Надыра и рисковать собой. Но честолюбие, великий двигатель народа киргизского, взяло верх. Койлубай отправился в путь, отпустил гонца вперед и приказал ему собрать двести человек около юрты больной, отворить в юрте двери и тюндук (верх юрты). Два вторых куряна в полном вооружении

*[31] В рукописи оставлено место, очевидно, для казахских слов *маңдайды тыжырылып.*

*[32] Собственно, *курен* – войско, дружина.

под начальством Кокамана и Чойлана, при нем Надыра не было: он был оскорблен и не поехал. Подъезжая к юрте, поднял гвалт и, размахивая саблей, въехал в юрту, и устремил глаза, полные гнева и бесстрашия, на чанарак юрты, размахнул саблей, сабля ударилась обо что-то, звон был металлический... Койлубай крикнул и упал бездыханный с лошади, терзаемый ужасными конвульсиями. Изо рта и ушей струилась черная запекшаяся кровь. Больная, лежавшая прежде в самоунынии, || упала в обморок. Когда Койлубай увидел на чанараке царя албастыев, на черной, как черный бархат, закованного с головы до ног в синее железо, [с] одним глазом, огромным, как чашка для кумысу, торчавшим на средине широкого лба,– он злобно улыбался на Койлубая и говорит: «Тебя мы уважали и дали много, но дай же хоть раз нам» – и в руках держал огромное красное знамя – атрибут своей победы. Металлический звон был звоном его панциря, он победил Койлубая.

Народ был в ужасе: Койлубай лежал, как издохшая лошадь среди степи, в юрте; какой-то туман покрывал юрты, и страшный сверхъестественный шум и гул смущали души людей. Это была ужасная битва между курянами духов койлубаевских и одноглазым царем албастыев[8]. Черный скакун игриво вертелся под духом, и он твердо стоял на своем месте. Вдруг вдали подул страшный ветер, огромная черная туча с страшным громом, с ужасной быстротой неслась по воздуху и над юртой вдруг спустилась: мрак покрыл воздух, шум усилился, раздался треск, туча быстро направилась на запад. Это был Надыр-Чулак, он не мог перенести беду своего любимца, с отборной дружиной, с коротким сосновым копьем, грудоломом явился и вонзил копье в самую грудь одноглазого шайтана. Албасты бежали. Лишь только прояснилась туча, Койлубай вскочил с места, крича: «Айналаин (буду кружиться) Надыр-Чулак, я твоя жертва!» – Схватил кобыз, начал играть, крича во все горло: «Схвати его живого и приведи его ко мне». Больная тоже вошла в себя: «Иншаллах, тауба» (слава богу, прости, боже!). Албасты были разбиты наголову, царь их полонен и связанный представлен к Койлубаю: его приняли в службу, назначив начальником албасты.

Комментарии

Черновые наброски, написанные Валихановым в начальный период его деятельности, вероятно, в 1854–1855 гг. после путешествия по Центральному Казахстану, Семиречью и Тарбагатаю. В связи с проектом Гасфорта «О введении переходной религии» для казахов в 1854–1855 гг. Валиханов усиленно изучал древние верования казахов и записывал все обряды и легенды, связанные с ними.

Печатается по тексту ССВ, т. I, с. 188–195. основанием для которого был черновой автограф – ЦГАЛИ, ф. 159, оп, 1. №179, лл. 199–204, имеется позднейшая копия, отредактированная проф. Н.И. Веселовским (ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, №491, лл. 1–7). Текст чернового автографа сложный, испещрен многочисленными пометками автора. Впервые наброски опубликованы в Сочинениях Ч.Ч. Валиханова (ЗРГО, ОЭ. т. XXIX, СПб., 1904, с. 274– 282).

[1] *Для того, чтобы дать джан (присягу), разводят в двух местах огонь, проводят между этих двух огней и заставляют целовать дуло ружья, из которого убит человек.* – Форма клятвы, сохранившаяся с доисламских времен. Освящение огнем описывается у Менандра при посещении византийским послом Земархом ставки тюркского кагана Дизабула (VI в.).

В древности, разумеется, клятва произносилась не на ружье, а на сабле, мече – обычай, сохранившийся до наших дней у многих народов. Особое значение, которое придавалось предметам, связанным с убийством врага, засвидетельствовано также с глубокой древности в сакской кочевой среде. Данью исламу, который существовал у казахов только в компромиссе с языческими верованиями, была клятва на Коране, который в этом случае воспринимался как «священный предмет» наряду с предметами доисламского культа.

[2] *При выносе покойника... обводят около него домашнюю утварь...* – До принятия ислама казахи погребали вместе с покойником некоторые предметы домашней утвари и пищу. Обычай сохранился с доисламского времени до конца XIX в.

[3] *...колоть копьями и рубить дерево юрты...* – Юрта без хозяина считалась символом несчастья. В древнее время ее предавали огню.

[4] *Джаурунчи* – гадатели на овечьей лопатке, прокаленной на огне. Гадатель предсказывает будущее по форме трещин, которые образуются на лопатке в процессе ее сожжения. Гаданье по бараньим лопаткам широко распространено среди монгольских и тюркских народностей Центральной Азии и Сибири.

[5] *Кумалакчи* – гадатели на кумалаках (шариках). Это был наиболее распространенный способ гадания у казахов. Он заключался в следующем: кумалаки, или круглые камешки, последовательно раскладывались определенным образом, в три параллельные линии. Кумалакчи говорит о результатах гадания, основываясь на сочетании шариков в этих трех линиях. Общее количество шариков – обычно 41 (число, ставшее традиционным).

[6] *Даниил* – один из четырех библейских пророков. Согласно библейской легенде, был уведен вавилонянами в плен, где прославился верностью своему народу и приобрел репутацию прорицателя.

[7] *...или [употребляет] целый рот табаку.* – Имеется в виду распространенный у казахов и других тюркских народов способ употребления особо изготовляемого табака (насыбай), который закладывается за губу или под язык.

[8] *... одноглазым царем албастыев.* – Казахские легенды об одноглазом великане (циклопе) представляют собой особый вариант мирового сюжета о Полифеме, происхождение которого относится к глубокой древности. Н. Остроумов приводит о циклопах два рассказа, которые будучи оригинальными произведениями устного творчества казахов, вместе с тем своими подробностями напоминают повествование Гомера о встрече Одиссея с циклопом Полифемом. (См.: *Н.Н. Остроумов.* Новые варианты сюжета о Полифеме (Одноглазе). Киргизские рассказы. ЭО, 1891, №9, с. 202– 207; *его же:* Одиссеев Полифем в киргизских сказках. СА. 1910. III, с, 61–64; *Л.С. Берг.* Киргизское сказание о циклопе. ЭО, 1915, №3–4, с. 62–67).

СЛЕДЫ ШАМАНСТВА У КИРГИЗОВ

|| Все писатели о киргизах говорят и почти во всех географических руководствах пишется, что киргизы – магометане, но держатся шаманских обрядов или, что они обряды мусульманские смешивают с шаманским суеверием. Это справедливо, но в чем состоит их шаманство[1]. Об этом, к несчастью, до сих пор никто не писал обстоятельно, хотя статьи о киргизских шаманах, или баксы, появлялись нередко в разных периодических изданиях*[1].

Вообще шаманство, как религия, составляет предмет еще неисследованный. Статья покойного Банзарова о «Черной вере» есть единственное систематическое и лучшее ученое исследование об этой отдельной вере, господствовавшей когда-то у всех народов Передней Азии. Несмотря, однако же, на превосходные достоинства этого сочинения, мы думаем, что оно не полно; именно потому не полно, что оно есть, как гласит заглавие статьи, очерки шаманства у монголов-буддистов, которые, как говорит Банзаров, «... питают отвращение || к старинным своим поверьям и не почитают их достойными грамотного человека». Это обстоятельство, по нашему мнению, весьма важно, тем более, что большую часть данных для своей статьи Банзаров заимствовал из шаманских молитв, собранных ламами в особые книги и в измененном виде усвоенных буддизму*[2], как, например, обряды и молитвы при сооружении обо[2], молитва огню, гадание на бараньей лопатке и проч., и, конечно, были изменены по понятиям нового учения, что видно из следующих слов Варджрадарка*[3] Мэргэна[3], автора сочинения о построении обо: «...хотя составление таких книг само по себе не только стыдно*[4] (ибо время их прошло), даже неприятно для мудрых, однако же невозможно противиться желающим устроить обо и проч». Буддизм со своей обширной мифологией и обрядностями более торжественными должен был скоро вытеснить первоначальных шаманских духов и большую часть шаманских обычаев. В этом отношении, т. е. в отношении обычаев шаманских, и в отношении шаманской демонологии[4], киргизы, сколько мне кажется, богаче монголов. Я этим не хочу сказать, чтобы шаманство сохранилось у киргизов чище, || чем у монголов; напротив, у киргизов оно смешалось с мусульманскими поверьями и, смешавшись, составило одну веру, которая называлась мусульманской, но [они] не знали Магомета, верили в аллаха и в то же время в онгонов[5], приносили жертвы на гробницах мусульманским угодникам, верили в шамана и уважали магометанских ходжей. Поклонялись огню, а шаманы призывали вместе с онгонами мусульманских ангелов и восхваляли аллаха.

*[1] «Библиотека для чтения». Шаманство у народов Средной Азии; Ястребов. Киргизские шаманы, «Москвитянин», [1852 г., №8], и статья Воронова, кажется, в «Библиотеке для чтения». *(Примечание Ч. Валиханова).*

*[2] Описка, следует: *буддизмом.*

*[3] Описка, следует: *Ваджрадара.*

*[4] Описка, следует: *постыдно.*

Такие противоречия нисколько не мешали друг другу, и киргизы верили во все это вместе.

Такой порядок вещей продолжался до наших дней, когда ислам вместе с русской цивилизацией проник в степь, и грамотные дети, воспитанные фанатичными татарами, с презрением отвернулись от обычаев предков и стали преследовать и запрещать их, где только замечали.

Из вышеприведенных примеров можно || видеть, что основой этой смешанной веры служило шаманство.

Мусульманство среди народа неграмотного без мулл не могло укорениться, но оставалось звуком, фразой, под которыми скрывались прежние шаманские понятия. Оттого изменению подверглись имя, слова, а не мысль. Онгон стали называть арвахом*[5], куктэнгри[6] – аллахом или худаем, духа земли – шайтаном, пери, дивана*[6] и джином[7], а идея осталась шаманская. Даже в представлениях она имела образ, олицетворение шаманское. Но тем не менее основания шаманской веры были поколеблены магометанским единобожием. Небо слилось с идеей аллаха, а второстепенные тэнгри, почитаемые в олицетворениях, и особенно те, которые имели изображения, как, например, истуканы богов земли – дзаягачи[8], – совершенно были забыты, вероятно, потому, что более преследовались при введении ислама, как идолы, столь ненавистные мусульманам. Зато солнце, луна, звезды, || которые не были олицетворены, пользуются до сих пор уважением, и в народе сохранились некоторые обряды их культа. Все шаманские обряды, понятия, легенды, столь тесно соединенные с бытом кочевым, сохранились у киргиз в совершенной целости и представляют богатый материал для исследования среднеазиатских древностей.

Банзаров в основных положениях о шаманстве, по нашему мнению, судит не совсем верно, или, лучше сказать, не обнимает всю идею шаманства.

Шаманство, с одной стороны, есть почитание природы вообще и в частности. Человек действует и живет под влиянием природы. В этом смысле шаманство представляет крайний материализм.

С другой стороны, умирая, человек сам становится божеством – это крайний спиритуализм[9]. Идея <недурна> и замечательна особенно потому, что не имеет мифологических заблуждений и дает полный простор общественным условиям, общес||твенным законам. «Поклонение есть высочайшее удивление», – говорит Карлейль[10], которого понятия о происхождении язычества, по нашему мнению, вполне объясняют шаманство. Природа и человек, жизнь и смерть были предметами высочайшего удивления и были всегда преисполнены неисследимой тайны. Природа и человек! Скажите, что может быть чудеснее и таинственнее природы и человека? Необходимая потребность познать Вселенную с ее чудесами, вопрос о жизни и смерти и отношениях человека к природе породили шаманство – обожание Вселенной или природы и духа умерших людей. Так младенчествующий человек был приведен к почитанию солнца, луны, звезд и всего того бесконечного, вечного и разнообразного, что мы называем природой или Вселенной. Вот ответ Карлейля, который так хорошо объясняет шаманское небопочитание: «Вы, верно, помните приводимый Плато||ном[11] пример человека,

*[5] *Арвах* – дух предков.

*[6] Описка, следует: *дивом*.

который, выросши в темной пещере, вдруг был выведен на свет, чтобы... Эта зеленая с цветами трава, деревья, горы, ручьи, шумящее море, эта глубокая бездонная лазурь неба, летучие ветры, клубящееся черное облако, извергающее то огонь, то дождь, то град, – что это такое? А это другое таинство – время; вот высочайшее таинство... это Вселенная ... ах, боже мой! Это какая-то сила неисследимая. Корень всех сил – сила, которая не мы».

Человек шаманский удивлялся солнцу и поклонялся ему; увидел луну – и ей поклонился; он поклонялся всему в природе, где замечал присутствие этой неизъяснимой силы, вечной, как время, которую он назвал синим небом, кок-тангри. Происхождение шаманства – это обожание природы вообще и в частности.

Другое чудо – человек. Эта душа, эти способности, этот дух мыслящий и пытливый, не есть ли очевидное присутствие божества, той неисследимой вечной силы? Он поклонялся жи||вому духу в лице шамана и мертвому духу онгону. Но влияние природы в этой жизни на человека, особенно младенчествующего, слишком сильно, слишком деятельно, и он должен был создать правила, которыми он руководствовался в отношении к таинственной природе, что делать и чего не делать. Вот происхождение тех обычаев и обрядов, которые мы называем теперь шаманским суеверием и которые тогда были истинной верой, верой несомненной, живой.

Таким образом, шаманство первоначально было почитанием природы вообще, в идее неба и, в частности, солнца, луны, рек и прочих чудес природы и стихий, и поэтому отчасти походило на фетишизм[12], хотя по идее оно далеко не похоже на эту грубую и мелкую адорацию*[7]. Олицетворения не было, и второстепенные тенгри, конечно, появились впоследствии, чему служит доказательством самое название тэнгри – небо. Влияние зороастровой религии[13] проникло, как справедливо замечает Банзаров, впоследствии и выразилось олицетворением || неба в Хормузде[14] и в поклонении огню, которое, по нашему мнению, могло существовать и в самом шаманстве, но религия магов[15] придала поклонению этому божеству более обширные размеры и обставила его большими обрядами. Какое понятие имело шаманство о небе, как о божестве, и его могуществе в отношении человека? Человек мертвый был сам свободное божество, поэтому влияние неба простиралось только на человека живого. Поэтому же и идеи греха, в смысле христианском, не было; от божества зависело благо и худо, добро и зло, счастье и несчастие во время земной жизни, а благодать и кара следовали тотчас за грехом, в шаманском смысле.

Арвахи или онгоны, духи умерших предков

«Внешний мир – природа, внутренний мир – дух человека, и явления того и другого – вот что было источником черной веры», – говорит Банзаров. Внешний мир – солнце, луна, звезды и земля – вот первые божества; почитание целого должно было привести к почитанию частностей: гор, рек, холмов и проч. || Таким образом, шаманство обоготворило природу. Небо – тэнгри, хотя впоследствии и олицетворялось, но никогда не было богом. Человек приписывал небу, солнцу и луне власть над собой, влияние чего нельзя отрицать, но влияние это действовало на него только

*[7] *Адорация (лат.)* – поклонение, обожание.

в этом мире от рождения до смерти. Он мог родиться под особенным покровительством природы – чудным образом и умереть от гнева, но по смерти власть природы на него прекращалась, он сам становился арвахом, онгоном, божеством свободным. Благополучие его в том мире зависело от того, как родственники исполняли обряды поминок. Если поминки были исправны, он был спокоен и покровительствовал всем родным, не то он становился врагом и вредным. Таким образом, небо было беспристрастно, как божество, и неревниво. У шаманских народов не было грехов, в смысле христианском; человек боялся кривить || совестью, потому что оттого уменьшался его скот; наступить на огонь, потому что он получит болезнь. Одним словом, суеверия шаманские вели за собой кеср[16] – несчастие, падеж скота, болезнь. Наказание следовало тотчас за нарушением обряда. Со смертью он освобождался от всех наказаний и дух был свободен.

Люди великие, сильные были и всесильными, всемогущими онгонами, мелкие натуры становились и по смерти ничтожными духами, <которые не могли ни порядочно любить и не умели ненавидеть>. Чингисхан после смерти был почитаем, как бог. У киргизов почитание арвахов до сих пор во всей силе. Они в трудные минуты жизни призывают имя своих предков, как мусульмане своих святых. Всякую удачу приписывают покровительству арвахов (см. свидетельство Рычкова[17]).

В честь арвахов приносят в жертвы разных животных, а иногда нарочно ездят на поклонение к их могилам и, принося жертву, просят их о чем-нибудь, например бездетные – сына. Во время приношения жертвы арваху киргизы говорят: ||...*[8] В древности могилы знатных и великих людей были скрыты или заповеданы [табу], вероятно, чтобы их не могли осквернить враги. (Аларих[18] у готов[19], скифы[20]... Дарий[21]). У нынешних киргизов воздвигнуть знатный курган или памятник считается непременной обязанностью детей, и могилы эти заменяют им обо. Это единственные святыни киргизов.

Китайские писатели сохранили нам некоторые обычаи, соблюдавшиеся при погребении царей у хунну, киданей[22] и других шаманских номадов. Европейские путешественники, ездившие к монголам[23], говорят о подобных обычаях у команов и монголов. Если сравним их с киргизскими, то найдем в них замечательное единство идей и даже сходство обрядов.

Шаманы почитались, как люди, покровительствуемые небом и духами. Шаман – человек, одаренный волшебством и знанием, выше других, он поэт, музыкант, прорицатель и вместе с тем врач. Киргизы шамана называют бахши, что по-монгольски значит || учитель, уйгуры бахшами называют своих грамотников, туркмены этим именем зовут своих певцов. Команы называли шамана кам, так называют его и теперь сибирские татары.

Мы не будем говорить о происхождении этого слова, которое достаточно разъяснено Банзаровым, не станем также опровергать мнения о том, что шаман был и есть просто шарлатан. Мы только повторим здесь слова Карлейля: «Мне грустно даже предположить, чтобы шарлатанство, хотя в дикаре, могло породить веру». И у киргизов не всякий может быть шаманом, как не всякий из нас может быть поэтом.

---

*[8] Оставлено пустое место для написания казахского: *тие берсін* – да дойдет [до арваха].

Э м*9. Болезни, по мнению шамана, происходят не от физических причин, но от воли божеств и духов или вообще от непочитания – к и е л ы, поэтому лечение болезней производилось шаманами, людьми, близкими к духам, и потому знакомыми с известными обрядами, или, как их называют сами киргизы, э м. Некоторые болезни имеют хозяина – ійе, ійели авру, т. е. своего духа.

У киргизов все болезни более или менее раз||деляются на две категории:

1. Учук*10, учунмак, всякая незначительная болезнь, сопровождаемая головной болью или тошнотой, или лихорадочным жаром. Учук бывает, по мнению киргиз, от пищи. Судя по тому, что они пищу и питье вне кибитки не едят и незакрытой не оставляют на ночь, надо думать, что делают это, боясь порчи от злых духов. Учук лечится обрядом, называемым также учук (учуктамак*11 – лечить от учука).

2. К а г ы н д ы – болезни, сопровождаемые более сильными симптомами, и лечатся обрядами, называемыми к а к м а к. В том и другом случаях имеют в виду испугать духа нечистого. В у ч у к е прыскают три раза холодной водой и кипятком, а в кагынды бьют легкими, вынутыми от разных животных.

Киргизы ревматизм называют тёз арвах, он получается от неосторожного хождения по местам старых кочевок*12. От ревматизма считают верным средством носить ...*13 на больном месте, которое должно быть || непременно повязано дикокаменным киргизом.

Женские болезни, особенно маточные, приписывают действию духов, и женщин, одержимых духами, называют зиандасты*14.

Чтобы не рожать детей, женщине слодует вымочиться на муравейнике.

Э м от водобоязни: больного заставляют кусать ушки котлов в сорока кибитках, <следовательно, сорока котлов>. У казанских татар собирают куски хлеба из сорока изб.

Огонь. Почитание огня, как справедливо думает Банзаров, заимствовано шаманскими народами от персов[24], как и Хормузда, бога неба. Мы совершенно согласны с ним в этом, но полагаем, что заимствование было в гораздо больших размерах, чем думает Банзаров. По нашему мнению, шаманство первоначально заключалось в грубом почитании мира, вообще в идее неба и всех его частностей, т. е. солнца, луны, земли также с частностями: горами, реками, замечательными камнями, деревьями и проч. Идея добрых и злых тэнгриев, культ огня, может быть самое искус||ство шаманов (но не шаманство) заимствовано от персов, даже дуализм неба, как материи – кок и как бога – вечный. Из всех шаманских поклонений у киргизов поклонение огню до сих пор имеет большую силу. Киргизы огонь называют авлие[25], этим же именем называют мусульманских угодников. Из почтения огонь киргизы, подобно монголам, называют мать. Огонь имеет качество очистительное*15. Очищают, проводя между двух огней. У киргизов обряд очищения называется аласта[26]. Скочевывая

*9 *Эм* – лечение, исцеление.

*10 *Ұшық* – лихорадка, появление прыщей на лице.

*11 *Ұшықтамақ* – вспрыскивать холодной водой.

*12 То есть старых стоянок и развалин могильных сооружений,

*13 Должно быть: *конское копыто.*

*14 *Зиандасты* – зловредный.

*15 В рукописи сделана ссылка на сноску, которая не вписана.

с зимовок, они переходят кочевкой между двух огней. Человек, дающий публичную клятву, должен также очищаться огнем.

Огонь был покровителем жилищ, домашним святилищем, поэтому у киргизов невеста при вступлении в новое семейство должна была поклониться огню в большом доме[27]. Обычай этот существует у монголов и заменяет венчание. У киргизов он, оче||видно, утратил много подробностей, если его сравнить с монгольским. Невесту, вступающую в новое семейство, женщины вводят в юрту тестя*[16]. В дверях она делает обычное коленопреклонение*[17], потом садят ее около очага на выделанную телячью кожу, чтобы она, невеста, была мягка, как шкура*[18].., затем льют в огонь жир*[19], и она падает несколько раз ниц, приговаривая: мать-огонь и жир-мать, награди меня милостью!..*[20] В это время женщины, нагрев ладони на огне, водят по лицу невесты. Надо полагать, что молитва эта первоначально была не так кратка (см. эту молитву у монголов). Точно также при рождении ребенка приносят огню жертву, говоря... Киргизы оказывают вообще большое почтение огню; в огонь нельзя плевать, нельзя проходить через огонь, даже через место, где он был когда-то разведен...»*[21] Киргизы самого взбалмошного человека называют...*[22] Почитая огонь, боялись гнева огня и потому || клялись гневом огня...*[23] Многие болезни считались гневом огня, и потому очень многие болезни лечились огнем. К числу болезней, лечимых огнем, принадлежит ревматизм – боль в ногах, которая, по мнению киргизов, происходит от неосторожного хождения по местам старых стоянок. Монголы думали точно так же, потому что у них было предание, что племя хонкират страдало болью в ноге, потому что оно вышло из Иргенехона[28] и повергло благо других племен под ноги.

Для жертвы огню употребляется у киргизов жир. Жертвенные свечи, или светильники, чрак, делались белые из ваты или из белой дабы и синие – из китайки, пропитанной салом и обернутой около тонкого стержня [24]*[24]растения ч и й. Чрак должен быть длиною в локоть. Ваточные употребляются для сжигания по умершем в первые четыре дня, каждый день жгут по десять, всего сорок. Во время лечения шаманами употребляются от некоторых болезней чраки белые и синие вместе от трех до семи и девяти.

|| О животных, приносимых в жертву

В жертву приносили и приносят животных всех видов, по преимуществу верблюдов, лошадей, баранов и редко быков, но всегда самцов и с известными приметами.

*[16] Описка, следует: *свекра.*

*[17] Коленопреклонение – *таджым.* Киргизские невесты делают таджым всякий раз, когда входят в юрту родственников, старших летами ее мужа, и когда видят их случайно (она должна от них скрываться). Она также не называет их по имени, не называет по имени и младших членов семейства, родившихся до ее вступления. *(Примечание Ч. Валиханова.)*

*[18] Пропуск, очевидно для казахского слова: *баспақ.*

*[19] По-казахски: *отқа май құю.*

*[20] Пропуск, очевидно для казахского: *от ана, май ана, жарылқа.*

*[21] Пропуск, очевидно для казахского: *от орны, жер ошақ.*

*[22] Пропуск, очевидно для казахского: *от соққан, от аттаған.*

*[23] Пропуск, очевидно для казахского: *от соқсын, от аттайын.*

*[24] Правильнее: *стебля.*

«Возьмем, – говорит в поэме «Чора» жена мужу, – от верблюдов – нара, от лошадей – жеребца, от коров – быка и от овец – барана и пойдем просить себе сына».

Ислам допускает жертву от стад только в память курбана Авраамова, но киргизы при малейшем несчастии режут животное во имя божие...*[25] или во имя арвахов и приносят жертвы не при обо, а на могилах предков. Такие жертвы они называют курбандык и саадака и этим некоторым образом смягчают их языческое значение.

Верблюд показывает крайнюю важность причины, побудившей сделать жертву. Верблюд должен быть белый. Поговорка «распоролся желудок белого верблюда»*[26] употребляется при крайне радостных случаях, например, при возвращении близких людей из опасного похода или из дальнего путешествия, при рождении наследника у || людей, которые давно этого дожидались, и, очевидно, имеет жертвенное происхождение. При подобных радостях, чтобы показать всю их важность и искренность, надо полагать, распарывали желудок верблюда, хотя в настоящее время верблюд редко приносится в жертву.

Баран должен быть белый с желтой головой...*[27] или белый с лысиной...*[28] Обыкновенно, принося жертву, киргиз в молитве описывает приметы приносимого животного. «О, арвах, для тебя именую лунорогого, раздельнокопытчатого с запахом мускуса, или с ушами... подобными баурсакам*[29], или с разрезными ушами, с двумя зубами»...*[30] и проч. Приносят в жертву и первенцев в стаде, если они и не имеют вышеприведенных примет. В молитве огню у монголов говорится также белый баран с желтой головой.

Киргизы нередко в беде именуют лошадей или скот, почему-либо им дорогой, а приносят в жертву другой, менее любезный. Для || этого слюной именованного животного мажут рот животного, которое хотят в самом деле убить[29].

Космологические понятия киргизов

Здесь трудно распознать, которая из дошедших до нас легенд более древнего происхождения, и под влиянием какого культа они произошли, тем более, что об одном и том же предмете существуют в одно и то же время различные понятия.

Звезды, по мнению некоторых киргиз, не что иное, как большие горы из драгоценных камней, лежащие от нашей планеты в таком расстоянии, что кажутся маленькими точками. Киргизы верят также во влияние звезды на человеческое счастье, как говорят в простом народе, – в планиду. По мнению других, каждая звезда соответствует душе какого-нибудь человека на земле, и когда умирает человек, то и звезда его падает на землю. Когда киргизы видят падающую звезду, то говорят...*[31]

---

*[25] Пропуск, очевидно для казахского: *құдайы, тасаддық.*

*[26] По-казахски: *ақ түйенің қарны жарылды.*

*[27] Пропуск, очевидно для казахского: *ақ сарыбас.*

*[28] Пропуск, очевидно для казахского: *боз қасқа*

*[29] Пропуск, очевидно для казахского: *Ай мүйізді, аша тұяқты, жұпар иісті, баурсақ құлақты.*

*[30] Пропуск, очевидно для казахского: *тілік құлақты, екі тісті.*

*[31] Пропуск, очевидно для казахского: *менің жұлдызым жоғары.*

(моя звезда выше!) или несколько раз чалапают*[32] губами. Счастливого человека, по||кровительствуемого судьбой, называют «человеком со звездой».

Монголы приносят, по шаманскому преданию, жертвы звездам и придают, подобно киргизам, большое значение звездам в отношении власти доставлять человеку счастье, богатство, скот и проч.

Из звезд киргизы знают и отличают поименно очень немного.

1. Полярная звезда – Темир казык*[33], по ней ориентируются киргизские путешественники во время ночи. Название железный кол, вероятно, дано вследствие видимой неподвижности, поэтому две звезды, близкие к ней и имеющие около нее движение, которое похоже на ход лошадей, привязанных на веревке к колу, называются «двумя белыми лошадьми»*[34].

2. Большая Медведица называется киргизами Семь воров – Джеты каракчи, это души семи разбойников, которые днем воровали, а ночами каялись в грехах, за || это они были обращены после смерти в семь звезд. У семи воров находится похищенная дочь Плеяд*[35].

3. Плеяды – у р к е р. Киргизы заметили поступательное движение Плеяд к Большой Медведице и думают, что она преследует семь воров, чтобы выручить свою дочь. По Плеядам киргизы узнают часы ночи и времена года.

4. Венера – Пастушеская звезда. По всходе этой планеты киргизские пастухи гонят баранов в аул, в загон.

5. Утренняя звезда – Ч у л п а н-д ж у л д у з.

Знаки Зодиака и их созвездия известны киргизам под арабскими, но несколько исковерканными названиями. Впрочем, положение их никто не знает. Киргизы имеют свои названия месяцев.

Млечный путь (Куш джол*[36]) – птичья дорога, потому что по направлению Млечного пути летают перелетные птицы.

|| Л у н а, вероятно, была божеством. Киргизы при виде новой луны делают земные поклоны и летом берут с того места, где делали поклоны, траву, которую, придя домой, бросают в огонь. Киргизы говорят, что на луне есть старуха (вероятно, вследствие округленности и пятен, которые кажутся частями лица). Киргизы не смотрят долго на луну, боясь, чтобы старуха не сосчитала ресниц, если это случится, то человек должен умереть. При отправлении естественных нужд не обращают лица к луне. Вообще о луне говорят с уважением.

Солнце. Конечно, если луна была божеством, то и солнце должно было быть тем же; между тем мы не видим у киргизов следов уважения к этому светилу. Банзаров то же говорит о монголах. Странно. Не могло ли быть, что младенчествующий че||ловек отдал первенство луне потому самому, как в анекдотах рассказывают про одного про-

*[32] Описка, следует: чмокают.

*[33] Железный кол.

*[34] По-казахски: *ақ боз ат, көк боз ат.*

*[35] Надо полагать, что легенда эта древнего происхождения, ибо монголы называют Большую Медведицу созвездием Семи старцев и приносили ей в жертву кумыс, молоко и посвящали животных. Банзаров рассказывает, что в рукописи «Книга о молитве и жертвоприношении звездам и богам» есть небольшая легенда о важности созвездия Семи старцев. Не имеет ли она сходства с киргизской? *(Примечание Ч. Валиханова.)*

*[36] По современной казахской орфографии: *құс жол.*

стака, который сказал: «луна лучше солнца, потому что днем и без солнца светло». Киргизы не обращаются лицом к солнцу, когда отправляют естественные нужды – вот единственная дань уважения, которая до сих пор нам известна [30].

Небо – это высочайшее божество в шаманстве. Кок-тэнгри – Синее небо. У киргизов первое прилагательное кок означает видимое, предметное, а существительное (тэнгри) обращено в синоним...*[37] (аллаха) и кудая (худа.) Впрочем, в отдаленных краях степей, например, в Дикокаменной орде еще живет выражение кукэ-тянгри, в виде набожного восклицания или призывания. Слово тэнгри еще при Чингис-хане магометане переводили словом алла, а европейцы словом deus, так оно было в шаманстве близко к идее всемогущего существа, а в Малой Бухарии и теперь китайское тянь переводят персидским словом худа – бог.

Небо было свободно в своих поступках, оно на||граждало и карало. От его воли зависело благополучие людей и народов. Выражения «тэнгри-джарылкасын» (джарылкамак) – да наградит тебя небо; «кок-суккан» – проклятый небом и «кук-суккыр» – чтобы не было неба[31] показывают их шаманское происхождение. Джарылкамак имеет очевидное сходство с джарлык[32] (монгольское дзарлик) – изъявление воли – и с монгольским дзаяга – воля неба, судьба.

На небе есть жители – люди. Они опоясываются под горлом; мы живем в середине на земле и носим пояс на середине тела, люди же подземные, у которых также свое солнце, луна и звезды*[38], носят пояс на ногах. Между небесными киргизами есть очень богатая старуха (образ жизни небесных жителей – киргизский, иначе и быть не могло, так как эти элементы суть плод киргизской фантазии).

Радуга – кемпирден косагы, т. е. старушкин косаг. Косагом называется привязь овец на две стороны петлями к натянутой по || земле веревке. Упоминаемая здесь старушка уже нам знакома. Радуга – ее косаг из разноцветных овец, которых старушка имеет привычку доить после дождя.

Явления в воздухе

Гром. Монголы, как говорит Рашиддин, ужасно боялись грома, считая его за гнев неба. Киргизы говорят действительно, что гром – гневный глас божий, а молния – стрелы, которыми он поражает шайтанов, но трудно распознать, аллах или небо этот гневный бог, и шайтаны, которых он поражает, мусульманского или шаманского происхождения. Мусульманские легенды в этом отношении сходятся довольно близко с киргизскими. Они говорят, что гром – крик одного страшного ангела, а молния – стрелы, коими он поражает шайтанов, но относить этот акт к самому богу, по-мусульмански, неприлично. Надо полагать, что здесь господствующая идея – шаманская, тем более, что буддисты – монголы, на которых не могла действовать мусульманская легенда, также считают молнию за стрелы небесные, направленные против злых духов.

|| Нам случалось также слышать относительно первого грома [известную форму-

*[37] Пропуск, очевидно для слова: *бога.*

*[38] Поверье о подземных людях сохранилось в некоторых сказках *(Примечание Ч. Валиханова).*

лу], что «небесный жеребец ржет...*[39]» При этом у киргизов соблюдается следующий обряд: хозяин юрты с ковшом выбегает из юрты, бьет им, бегая кругом, свою кибитку снаружи, приговаривая: «молока много, углей мало»...*[40], а потом, придя домой, втыкает ковш около дверей в керегу*[41]. Говорят еще, что льют молоко у порога*[42]. Кажется, все это делается не из страха, а есть доброе пожелание обилия молока, следовательно, и увеличения стад.

О драконе, как о производителе грома, мы не слышали. Вообще олицетворений ислам не терпит.

Вихрь, вероятно, был олицетворен как один из тэнгриев стихийного происхождения, потому что киргизы, встречая вихрь, плюют три раза «тфу, тфу, тфу». У г. Васильева[34] говорится о подобном же обыкновении у киданей.

О чарующих силах в природе

Абульгази говорит, что турки*[43] имели камень, || называемый яда или джада, посредством которого могли производить дождь, гром и молнию*[44]. Киргизы этот камень называют джайтасы*[45] до сих пор верят в джада и в возможность производить, когда нужно, дождь и непогоду, и многие между ними славятся в этом отношении. Киргизы всякое чародейство и колдовство называют джаду. Между киргизами прежде было много подверженных джаде, испорченных, т. е. околдованных. Болезнь эта считалась смертельной, и от нее можно было избавиться только через операцию шамана, который резал им желудок и извлекал оттуда какую-нибудь мерзость. К джаду прибегали обыкновенно ревнивые жены, и мы знаем, по преданию, много киргизов, умерших якобы от джаду. Чтобы обворожить, заставить кого-нибудь любить себя, или, как говорят киргизы, «вскружить голову»*[46], прибегают к разным заговорам*[47]. Замечательны между ними чары на след..., о которых упоминается в русских сказках (ведьма Марина Добрыне Никитичу). Большей частью заговоры делают на сахаре или изюме, который потом дают кому надо. || Чародейство, колдовство у киргизов носит разные названия: во-первых, арабу (от него арбын, у дикокаменных киргизов, и арбаучи, у кайсаков). В «Манасе», эпической саге дикокаменных киргизов, все герои и богатыри имеют это качество; даже их лошади, вещие говорящие кони, имеют еще способность изменяться... в птиц и проч. Они называются арбын-кулун, лошадь-чародей.

Заговоры, которыми дикокаменные киргизы ограждают себя от разных болезней, также называются арбын. Они имеют арбын даже от удушливости па высоких горах, которая происходит от малого давления воздуха. У кайсаков арбау называются по

*[39] Пропуск, для казахского: *көк айғыры кісінеді.*

*[40] Пропуск, для казахского: *сүт көп, көмір аз.*[33]

*[41] *Кереге* – решетчатое основание юрты.

*[42] По-казахски: *Босағаға сүт құю.*

*[43] Точнее: *тюрки.*

*[44] *Абульгази.* Histoire des Mongols et des Tartares par Aboul-ghazi Bèhadour khan. Изд. Демезона, т. 1. Спб., 1871, стр. 138 (текст).

*[45] То есть громовой камень, метеорит.

*[46] По-казахски: *бас айналдыру.*

*[47] По-казахски: *арбау.*

преимуществу заговоры, а арбаучи – люди, имеющие способности посредством заговора освобождать человека от чар, от болезней и проч. Для того, чтобы излечить человека от ужаления змеи, киргизы хватают живую змею и заговаривают ее. Если заговор был действителен, то змея должна тут же умереть. Вообще первоначальное значение этого слова – заговор.

Киргизы употребляют еще персидское слово сихр и от него сихрчи – колдовство, [колдун].

|| О чарующих силах, заключающихся в самом человеке

Грозны были для младенчествующего человека стихии, но от них можно укрыться; хуже беда была в самом человеке – страх перед какой-то неведомой силой, которую он ощущал в себе. Человек был окружен страхом. Даже во сне он боялся, его страшил сон.

Язык человека через слово имел, по мнению киргизов, разрушительное влияние. «Слово человека может раздробить камень, если не камень, то голову человека»...*[48]

Если у киргиза умрет красивый ребенок, пропадает хороший конь, улетит хороший сокол, испортится ружье – все приписывается человеческому языку.

Глаз – действует так же, как и слово.

Ногти. Киргизы вместо клятвы лизали ногти на руках, смотря на небо. Приписывается ли чародейская сила ногтям всех пальцев или одного пальца по преимуществу, не знаем. У Буслаева безымянный палец по преимуществу не терпит неправды.

|| Чарующая сила, приписываемая некоторым действиям

«Обвести», «окружить» употребляется в эпических сказаниях пародов индогерманского племени в смысле приворожить, околдовать. При этом действии чарующую силу они по преимуществу приписывали мертвой руке: «как мертвой рукой обвести» (Снегирев. Русские в своих пословицах, т. II, стр. 35; Лионский рецепт, 1751 г., см. Буслаева).

У киргизов чарующая сила заключается собственно в кружении. Они избегают полного круга при осмотре чего бы то ни было. Обойти человека – значит принять на себя все его болезни, все чары, которые тяготят над ним. Поэтому самое нежное слово у киргизов и самое верное выражение любви заключается в словах айналаин, у среднеазиатских турков – ургулаин, что значит «обхожу тебя». Мы слышали, что в старые годы часто чадолюбивые отцы бегали с поясом на шее вокруг юрты, где лежал больной их сын, предлагая якобы себя небу вза||мен больного, а родственники и одноаульцы старались удержать его от такого гибельного намерения. Так киргизы верили в кружение. Птицу, попавшуюся в руки, отпускают на волю не иначе, как обведя ею несколько раз около головы.

---

*[48] Пропуск, очевидно для казахского: *адам тілі тас жарар, тас жармаса бас жарар.*

Клятвы

1. «Да побьет меня огонь мой»*49.

2. «Да буду твоим синим ослом»*50, иногда они прибавляют: «в двух мирах», т. е. «на этом и на том свете».

3. «Инк дечи» – скажи инк! Это слово, по Рашиддину, значит благословление; он этим словом объясняет онгон.

У дикокаменных киргизов есть странная клятва: «Майнекен булаин». Надо полагать, что Майнеке – имя собственное какого-нибудь человека, особенно прославившегося своими дурными качествами*51, или какая-нибудь унизительная профессия. Клятва эта общеупотребительная.

Рым, т. е. обычаи, соблюдение которых в шаманстве избавляло от несчастий, а нарушение вело за собой какое-нибудь бедствие. Одним словом, те простонародные обычаи, которые европейцы называ||ют у себя суевериями или предрассудками, а в шаманстве они и составляют обрядную часть их веры. Рым называются также обряды, исполняемые в видах предзнаменования. Например, у кого нет сыновей, а родятся девочки, те дают последней из своих дочерей имя Ул-Туган – сын родился, Майкёт, чтобы оно было предзнаменованием для рождения сына.

Мы ознакомимся*52 с наиболее употребительными рымами:

1. При отчуждении из табуна лошади берут клок волос от гривы и, помочив в слюне животного, кладут в карман; этот обычай называется «брать слюну»*53.

2. Отдавая кому-нибудь платье, оставляют у себя одну пуговицу или завязку.

3. При продаже животных не отдают от лошади узды, от верблюда носовой веревки, от сокола путалищ, от собаки ошейника. В русских сказках есть чародей, который оборачивается в разных животных: в лошадь, собаку, сокола и проч., обыкновенно просит, чтобы при продаже его в этом виде не отдавать узды, ошейника и путалищ.

4. Входить в юрту с пищей во рту нехорошо, выходить, напро||тив, хорошо, «к врагу ходят жуя, а от друга выходят жуя». Если хозяин заметит, что кто-нибудь вошел к нему с жвачкой во рту, то непременно заставит его выплюнуть у порога все, что есть во рту. При входе отворяют двери гостю сами хозяева; при выходе – ни за что*54. Некоторые киргизы имеют свой собственный рым; т. е., заметив, что известные действия всегда ведут за собой худо, а известные – благо, они избегают первых и не упускают делать последние и пр. Некоторые киргизы ни за что не дают своего головного убора, боясь худых последствий.

Особенно много рымов киргизы наблюдают во время походов и баранты. Слова: «т у с» – сходи с лошади, «байла» – вяжи, дабы не послужили дурным предзнаменованием, заменяют благоприятными для них по смыслу словами: кон*55, бекет*56,

*49 По-казахски: *отым соқсын.*

*50 По-казахски: *көк есегің болаин.*

*51 *Майнеке* – образ урода, страшилища; *Майнеке болаин* – буквально; быть мне Майнеке, переносно: будь я проклят.

*52 В рукописи искажено переписчиком.

*53 По-казахски: *сілекейін алу.*

*54 Здесь в основе лежат обычаи гостеприимства.

*55 Точнее: *қон.*

*56 Точнее: *бекіт.*

пір. Песен не поют; вместо сапты-аяк[*57] говорят джулды-аяк[*58], кобылу называют жеребцом, потому что ездить на баранту на кобылах считается неблагоприятным для успеха; назначение кобылиц, по мнению киргизов, есть расплод и кумыс, а не поход.

|| Талисманы от глазу, от нечистых духов и от разных болезней

Киргизы употребляют теперь магометанские, кабалистические молитвы и называют их «тумар»; в прежние же годы талисманы были большею частью вещественные, а именно: разные части тела вещих животных или птиц, кости животных и иногда камни.

1. Кости животных, имеющие сверхъестественную силу. Локтевая кость, по мнению киргизов, могла заменить для скота пастуха, т. е. сберегать от волков и от воров, а не от падежа, как ошибочно думает г. Ильминский (см. Известия Вост. отделения] Археологического] о-ва, 1860 г., вып. 5)[*59]. Для этого ее ставят в юрте точно так же, как у монголов, по рассказу Гомбоева[35], и, как у монголов, кладут между тонкой костью также траву кипец. Кость в этом виде изображает пастуха с укрюком. По поверью киргизов, локтевая кость в виде человека стережет скот от воров и глазам воров представляется в виде человека[*60]. Киргизы эту кость называют кары-джилик, т. е. стар[ый]...[*61] Кары не есть ли испорченное слово хариту? Локтевую кость киргизы носят || также привязанную к передней луке седла, как хранителя седельного прибора и лошади.

Волчья чашка предохраняет от ревматизма в пояснице и от «глазу».

2. Голова филина, ноги и перья сохраняют от злых духов; для этого их привязывают к юрте и к колыбелям детей. Нам случалось видеть в юртах дикокаменных киргиз голову улара[*62] (Tetraogallus himalayensis). По понятию дикокаменных киргизов, мясо этой птицы навсегда предохраняет от оспы [...]

[*57] Деревянная чашечка с ручкой; употребляется для кормления мясом беркута и гончих.

[*58] То есть *джолды-аяк* – буквально: благополучная нога, в переносном смысле: счастливого пути; второе значение: «чаша счастья».

[*59] *Н.И. Ильминский.* Древний обычай распределения кусков мяса, сохранившийся у киргизов.

[*60] На этом поверье основывается, вероятно, следующая легенда. Несколько воров ходили несколько дней около стада одного киргизского бая, но ничего не могли украсть, потому что по ночам вокруг стада ходило множество людей, вооруженных укрюками. Зная, что у этого киргиза, кроме жены и дочери, не было других хранителей, не было ни сыновей, ни рабов, они решились узнать это чудо и пришли к нему на ночлег в виде кунаков, т. е. гостей. Бай зарезал им барана и накормил их досыта. Тогда они чистосердечно объяснили ему, что они воры, что давно стерегли его стадо, но не могли ничего взять, потому что ночью ходят вооруженные [люди]. «Скажите, – спросили воры, – что вы имеете такого и каким чудом вы владеете?» «Никаким чудом не владею, – отвечал бай, – у меня только одно правило, которому я следую неуклонно. Именно, отец умирая, || завещал мне один завет. «Сын мой, – сказал он, – я тебе оставлю завет, следуй ему и будешь всегда богат. Сколько тебе ни придется резать баранов, не бросай локтевых костей и привязывай их к косякам дверей и к чагараку [*чангарак* – круглый свод юрты]. Я всегда исполнял его волю и, слава богу, не помню, чтобы из стада моего потерялся или чтобы волк похитил хоть одного ягненка». Воры осмотрелись в юрте и увидели в ней столько локтевых костей, сколько видели они людей, сберегавших по ночам стадо. *(Примечание Ч. Валиханова).*

[*61] Оставлено место для казахского: *жілік* – трубчатая кость, *кәрі жілік* локтевая кость.

[*62] *Улар* – горная индейка.

3. От «худого» глазу и языка носят камень, называемый «ишек тас*[63]. Камень этот, по поверью, должен находиться в желудке ослов, но торговцы продают под этим именем зеленую муравленную глину.

Все болезни в шаманстве приписывали наваждению злых духов или гневу онгонов, оттого лечение их производилось шаманами – людьми, || покровительствуемыми духами. Кроме шаманов, злые духи боятся и некоторых живых знатных благородных или храбрых людей, которых в этом смысле называют живыми духами.

Есть и животные, которых боятся черти. Например, при родах – верблюда-самца и ежа. К колыбели детей привязывают ежовые иглы, а при родах кладут их на страждущую. Замечательно, что волосы русского человека употребляют также в числе средств для изгнания болезни.

|| Киргизы приписывают особенную силу кие некоторым стихиям, например, огню (который был божеством), некоторым животным, птицам и разным предметам, полезным в их кочевом быту, и воздают им известного рода почет, думая, что исполнение этих почетных обрядов утверждает за ними богатство и счастье – к у т (это слово заключает в себе идею счастья, соединенного с богатством), а неисполнение – бедность и какое-нибудь зло. Предметы, имеющие такую силу кие, называются киелы, а карательная сила их к е с р[36].

Известно, что монголы боялись проливать молоко; они в этом случае боялись кесра.

Поэтому надо полагать, что шаманские || народы добро и зло приписывали благоволению или гневу обоготворяемых ими предметов и стихий к и е. Благочестие заключалось в известных обрядах уважения, а грех в нарушении их; они боялись кесра.

Приводимая ниже легенда замечательна в высшей степени по своему чисто шаманскому происхождению. Вот понятие киргизов о будущей*[64] жизни, и оно совершенно согласно с свидетельством Плано Карпини, который говорит, что монголы с мертвым погребают кобылу с жеребенком, оседланную и взнузданную лошадь, чтобы ему было чем питаться на том свете и разводить лошадей для своего употребления. Киргизы кладут на могилу чашку, но животных, которые назначаются для замогильного употребления покойника, режут на его поминках со словами «тіе берсен» – да дойдет до тебя. Это очень важно; следовательно, шаманское небо было беспристрастно как божество, не ревниво. Большее или меньшее благосостояние человека умершего зависело не от неба, а от той исправности, с которой должны были родные исполнить о б ы ч а и. Чем больше зарезано лошадей || на могиле, тем благополучнее был покойник. Неотомщенный покойник, судя по этой же легенде, очевидно, должен был страдать. Влияния ислама в этой легенде, по нашему мнению, нет, кроме слов салем-алейкум*[65]. Азраила, Джебраила мы считаем не магометанскими архангелами, это, по нашему мнению, шаманская смерть, переименованная согласно духу времени. Монголы олицетворяют смерть (Эрлик-хан, бог смерти), как олицетворяют некоторые болезни, например, оспу, в виде злой и отвратительной старухи. Мы не знаем

*[63] *Ешек-тас* – ослиный камень.

*[64] То есть *загробной*.

*[65] Форма приветствия у мусульман, по-арабски: *«мир Вам»*.

из преданий, какой вид имела киргизская смерть, но знаем, что она имела укрюк, чтобы схватить, и какое-то оружие, чтобы зарезать свою жертву. Плано Карпини говорит, что монголы очищали юрту и все вещи покойника огнем. Киргизы также считают все, что в юрте покойника, нечисто, потому что когда смерть режет невидимо горло человека, то кровь его, также невидимая, доходит до 3-й клетки кереге в юрте, следовательно, потопляет все вещи, находящиеся в юрте.

Самое бегство от смерти, недопускаемое исламом, составляет один из постоянных мотивов легенд шаманских народов. У киргизских шаманов есть легенда || о Хорхуте, первом шамане, который научил их играть на кобзе и петь сарн*66. Даже у более омусульманившихся туркоманов Коруглу убежал от смерти, хотя и не надолго. Поэтому надо полагать, что, хотя воля неба в отношении смерти была в шаманстве, по понятию, близка к судьбе, но все-таки люди старались избавиться [от нее], а не покорялись ей, как древние своему fatum и магометане перед ужасным пагдыр*67.

Легенда о мертвом и живом и о дружбе их

В старину было у одного бая три сына. Потерялся раз у этого бая один косяк кысраков*68. Вот и говорит отцу старший сын: «Отец! дай я поищу наш скот, кысраков!» «Ступай, сын мой, ищи!» – говорит отец. Сын садится на лошадь, берет провизию*69 и оружие...*70 Видите, отец был чародей и хотел испытать детей, он отправляется через шесть степей и, обратившись || в шесть волков, ждет сына. Увидевши шесть волков, сын испугался, убежал домой и лег. Средний сын просится тоже у отца искать лошадей, и он также прибежал домой, испугавшись волков. Остается самый младший; он говорит: «Я буду искать». «Ладно!» – отвечает отец.

Отец-то был испытатель*71. Он обратился в шесть тигров и лег на дороге. Увидевши отца, обратившегося в шесть тигров, сын ударил несколько раз по лошади и бросился на тигров. Только что он хотел всадить копье, «Аа! – говорит отец, – это ведь я, я знаю, что ты всадишь копье. Да, я знал. Ну, подними руки, я благословлю». Тут он дает благословление и говорит: «Дай тебе благополучный путь, перед собой да обрящешь искомое, – да еще говорит – не забудь, сын, когда придется тебе быть в местах необитаемых...*72, не оставляй могил, если будут встречаться ночью – ночуй при них». По прошествии многих дней (однажды) на закате солнца младший сын увидел группу могил, вокруг не было жилищ (кочевок). Видит на западной стороне их стоит свежая черная могила. Приходит – говорит: «Суйлям!» Когда сказал 15 суйлям, он услышал ответ: «Кого спраши||ваешь?» И затем выходит молодой человек с прекрасно выведенными бровями. «Кого спрашиваю?» – «Я божий странник, думаю на ночлег». – «Сходите (с лошади)», – говорит, а сам поддерживает за узду, ссаживает, оказывает почесть. Взял за руку, и говорит мертвый живому: «Закрой глаза, и

*66 Здесь на полях рукописи поставлены знаки NB.
*67 Описка, следует: *тагдыр*.
*68 Лошадей. *(Примечание Ч. Валиханова)*.
*69 Пропуск, для казахского: *азық-түлік*.
*70 Пропуск, для казахского: *қару-жарақ*.
*71 По-казахски: *сыншы*.
*72 Пропуск, для казахского: *жапан түз*.

когда я скажу, тогда открой», – и ведет. Когда сказал: «Открой», младший сын видит: прекрасная юрта, сарай*[73], войдешь – не выйдешь, пахнет...*[74] так хорошо (запах свежей травы). Как только сели (у него был черный слуга): «Ступай, – говорит, – веди для гостя барана». Черный слуга вышел и привел, держа за шею... серого барашка. Зарезав, как следует, сварили, съели и легли, как следует. Настало утро; умыв лицо и руки, мертвый дал гостю остатки вчерашнего ужина. Сидя таким образом, сказал (мертвый): «Давай...*[75] двое будем друзьями». – «Будем, так будем!» – Тут же, открыв груди и обнявшись, сделались друзьями. «Теперь поеду, – говорит живой, – искать кысраков». «Хорошо, друг, но наперед расскажем свои тайны. Я был единственный сын одного бая. Отец мой был богат. Раз наш народ повел войско на войну, я тоже оконился.

|| Тогда один всадник в загнутой черной шапке, на черной с лысиной лошади, с длинной красной пикой в руках, с острой черной бородкой вышел, говоря на единоборство! Я тоже вышел. Он от людей и жилищ, а я от набежников. Он поправил*[76] копье и я тоже, у меня копье было короче, у него длиннее. Его удар достиг наперед, и я был убит. За то, что я умер от врага...*[77] на войне, бог сделал меня таким – саидом (шаидом*[78]). В этот поход подо мною была худая лошадь. Отец был богат, у него были две лошади... полетит – птица не нагонит, погонится неприятель – не настигнет; я на одну было сел, да отец не позволил. Если, друг мой, хочешь быть со мной другом, то сегодня доедем до нашего аула, у нас будем ночевать, твои кысраки в нашем стаде ходят, размножившись до 90 лошадей. Если меня почитаешь другом, то распори двух лошадей айчубарых*[79], они ходят вместе (бируюр)». «Ладно, – говорит живой, – распорол бы, друг, да жаль – нет у меня ножа». У мертвого джигита был маленький хорошенький ножик. «Возьми его, – говорит, – и распори. Я тебя прошу: когда будешь у наших, то не показывай ножика; моя сестра узнает и тебе будет жутко»*[80]. || Живой молодец приехал и стал на ночлег у отца мертвого своего друга. Настало утро. Пришли с урусей*[81] табуны. Сел он на лошадь и выехал навстречу табуну. Пастухи были все молодые, он не принял их за людей, а два айчубара играют в табуне, он схватил их и разрезал им желудки. «Бай! Бай! Один человек распорол двух айчубаров», крича, прибежали мальчики до аула. Кто же станет смотреть*[82], когда распороли айчубаров; со всех сторон погнались, севши на лошадей. Схватили живого друга и привезли к баю. И этот бьет и другой бьет; бьют сначала связанного и одетого, а потом стали раздевать, сняли все, остались сапоги. Когда сняли сапоги, ножик и выпал. Сестра мертвого друга стояла тут. Как увидела ножик, тотчас узнала. «Ой, бай! – крикнула она, – это ножик брата», – и схватила его в руки. Прежде били – не били, а настоящее битье началось теперь. «Это он убийца!»

*[73] Здесь в смысле дворец.
*[74] Пропуск, для казахского: *жұпар иісі аңқыған.*
*[75] Пропуск, для казахского: *дос болайық.*
*[76] Следует: *направил.*
*[77] Пропуск, для казахского: *жаудан* (от врага),
*[78] То есть мученик за правое дело.
*[79] *Айшұбар* – табун молодых чубарых лошадей.
*[80] Листы 26 об., 27 чистые.
*[81] Точнее: *өріс* – пастбище, выгон.
*[82] То есть: *кто же останется равнодушным.*

кричат кругом и хотят его убить. Но друг прежде || сказал ему: «Если очень станут мучить, то скажи все, как было». Видя, что не избежать смерти, он сказал: «Джурт*[83]. Правду скажу – умру, не скажу – умру! Я прошу всего три слова – сказать или нет?» «Скажи – говорят, если имеешь что». От начала рассказал все: «Я был сын одного бая и проч.». Все рассказал. Теперь никто не поверил. «Ложь, – говорят, – убьем! Говори правду, ты убийца». «Народ, вы мне не верите; если я вам покажу моего друга, то поверите?» «Джайрайде!*[84] Прекрасно, покажи только, поверим». Бай начал собирать народ свой, чтобы идти на могилу сына. Сели на лошадей, а нашему джигиту дали не корову, а около того. Да ведут его в середине толпы: все еще не доверяют. Доходят до кладбища. «Народ, – говорит джигит, – когда увидите, стойте вы здесь, да не плачьте, я вызову моего друга». Народ остановился, но отец бедняга не выдержал, пошел вслед за джигитом. Мертвый друг все это знает уже давно – арвахам все известно. Хотя отец его и оскорблял, но || он думает дать ему салем*[85] и выходит. С отцом поздоровался... приходит потом мать, с ней тоже поздоровался. Затем сестра единственная и с нею его невеста, которую он оставил у родителей на правой стороне (т. е. в девицах). Невеста было подошла наперед, он оттолкнул ее мизинцем правой руки. Побыл с сестрой. Бедняжка, увидя единственного брата, давно умершего, не выдержала, и одна слеза покатилась и упала на правое плечо мертвеца. Слеза капнула, и брат исчез неизвестно куда. Народ после того поверил джигиту. «Хорошо! Молодец!» И стал не как прежде; стал почитать джигита. «Ты, – сказал бай, – друг моего единственного светильника; ты мне теперь то же, что он; возьми половину моего скота и моих душ» «Ничего мне не нужно, отдай моих кысраков». Старик два раза повторил свое предложение; он два раза отказал и, поклонившись расстался с баем и погнал 90 своих кобыл. || Поехал опять на кладбище, расположил в стороне около свой косяк, а сам подъехал к могиле и говорит: «Достум!» Друг не выходит. До трех раз кричал: «Друг! В четвертый раз [друг] вышел, бледный, изнеможенный. «Я, – сказал мертвый, – давно слышал твой голос, да нельзя было мне скоро выйти. Слеза моей сестры, упавшая на мое плечо, сделалась морем и потопила меня. Когда ты звал меня в первый раз, я был на той стороне реки, в другой – я был в средине, в третий – я вышел из воды и переводил дух. Ох! Измучился я совсем в эти дни». Тут он повел друга в свое жилище, и они прожили вместе несколько дней, лошади паслись и ничто худое не могло им сделаться. Стал живой друг собираться домой. «Ну, друг, – сказал тогда мертвый, – ты, друг, уедешь с лошадьми и подводами цел и невредим домой. Своих ты застанешь в приготовлениях на войну. Твой дом*[86] будет говорить не ходи в поход, ты и так приехал измучен||ный, истощенный! Но ты не слушай их и поезжай на другой же день в наезд». Приехал джигит домой, все обрадовались. Отец, мать, родные стали уговаривать, чтобы он не ездил, но он, помня слова друга, переночевал день дома, да и в путь. Друг ему еще говорил на прощанье: «Когда достигнете вражьих аулов, все ударят в коней, ты скачи один по западной стороне; на тебя бросится из аульных людей один – в черной с загнутыми полями шапке, на черной с лысиной лошади, с длинным красным копьем и

*[83] То есть *народ*.

*[84] То есть *ладно*.

*[85] В данном случае – поклон.

*[86] То есть *родные*.

с черной острой бородкой. Ты ссадишь его при помощи бога. Это тот самый, что убил меня. Ты зарежь его, говоря: «Дойди до моего друга». Заколи и лошадь, говоря: «Дойди до друга» Как было сказано, как только что они бросились на аул, он поскакал один по западной стороне, и, как сказал друг, появился перед ним чернобородый. Он ссадил его и зарезал, говоря: «Дойди до друга». Заколол и черную лошадь с лысиной, говоря: «Дойди до друга». || Друг-мертвец говорил ему еще: «Когда все бросятся на добычу, ты скачи на запад, там, на краю аула, увидишь только что поставленный белый отав*87, привяжи на правой стороне дверей лошадь свою. В отаве увидишь молодую, только что взятую женщину и двух девиц, ястреба и черную борзую собаку в ошейнике. Всех их зарежь, говоря: «Дойдите до друга». Джигит, зарезав чернобородого человека и его лошадь, поскакал на запад. Видит белый отав, перекинул повод в правый косяк дверей, вбежал в юрту и видит молодую женщину, двух девиц – сказал бы солнце есть глаз, сказал бы месяц есть рот. Зарезал молодую, говоря: «Дойди до друга». Зарезал старшую девицу с теми же словами; другую же девицу стало ему жаль, он поцеловал ее, но, подумав, тоже зарезал. С ястребом и с собакой не стал думать. Друг говорил ему еще: «Все будут брать казну несчетную; ты ничего не бери. Перед отавом будет тополь, около него зеленый прут; сруби их; тут же увидишь верблюжий помет, собери его вместе и все это навьючь на черного нара, который ходит у дверей*88 отава, || и вези домой». Отряд возвращался, стали доходить до своих кочевок, вдруг сделалась буря; два дня, две ночи она продолжалась; весь скот награбленный разбежался и частью погиб, даже свои лошади погибли у войска. Джигит счугурил*89 верблюда и лежал себе около него спокойно. Друг говорил ему еще: «Когда останется полдня езды до аула, тогда возьми зеленый прут и ударь им мешок с пометом, говоря: «Бисмилда алдрекбан рахым!*90»» Пойдут из него верблюды с криком, лошади с ржаньем, коровы с мычанием и овцы с блеянием. Потом ударь зеленым прутом тополь-дерево, говоря: «бисмилляхи» и проч., и дерево обратится в золото и серебро – одно колено золота, другое – серебра, одно колено золота, другое серебра». Хозяин был чародей и таким образом спасал золото от воров, скот от падежа и волков. Приехали домой, все товарищи идут пешком, пальцы в ноздрях*91, а он не может управиться со своими стадами. Золота и серебра – богатства всего мира. || Проживши дома дня два-три, поехал к другу на кладбище: «Салем алейкум, достум!» «Суйлем»*92», – говорит мертвый друг, выходит и вводит могилу. Живой друг был изумлен: джигит в черной шапке, молодая келенчек*93, две девицы, ястреб, собака – все сидят тут. Друг его посмотрел на младшую из девиц и засмеялся, посмотрел и он на нее и видит в том самом месте, куда он поцеловал, черное пятно на щеке. «Бедный ты человек, – сказал мертвый друг, – я доволен тобою, младшая тебе понравилась, ее ты возьми себе, с меня будет келенчек со старшей девицей». Погостил он тут, а джигит в черной шапке прислуживает им. «Пора, – гово-

*87 *Отау* – юрта молодых супругов или молодоженов.

*88 То есть *вблизи.*

*89 От казахского: *шөгермек* – уложить верблюда.

*90 То есть «Бисмиллахи-р-рахмани-р-рахим» – *«Во имя Аллаха милостивого и милосердного».*

*91 То есть *без ничего.*

*92 *Суйлем* – от казахского *сөйлемек* – говорить.

*93 Точнее: *келеншек* – молодуха. (*Примечание Ч. Валиханова*).

рит он, – возвращаться домой». «Хорошо, – говорит ему мертвый друг, – когда ты приедешь домой, в аулах ваших будут разъезжать торговцы с товарами на двух телегах; у них есть две лошади, одна гнедая, другая рыжая; лошади тощие, но ты их купи, сколько бы ни стали просить владельцы. Сначала купи гнедую, потом рыжую, три года не клади на них ни укрюка, ни узды, ни седла с потником, не клади раздвоенных лядвей... Через три года за||режь гнедую, разбей все кости и косточки, даже пальцев, и смотри на мозжечок: если он не будет весь белый и хоть капля черноты, то отпусти рыжую лошадь еще на год в табун. По прошествии 4-х лет, на пятый, привяжи ее к веревке у юрты, давай один только раз сорвать траву и один глоток воды, но все не езди; лошадь будет, как нагайка. Через несколько времени ты почувствуешь боль в голове; пройдет – хорошо, если же станет все увеличиваться, садись на рыжую лошадь и скачи ко мне. Не забывай». Друзья простились. Джигит приехал в свой аул, видит: татары торгуют, у них две лошади; как говорил друг его, – гнедая и рыжая. Он стал просить продать ему гнедую, дает за нее две лошади, караванчи просит три. Дал. Стал торговать рыжую. Караванчи сам был испытатель...[*94], потребовал пять лошадей. Купил. На три года пустил в табун, как говорил друг; на четвертый || год убил гнедого и в пальцах нашел черноту в ноготь большого пальца. Еще год держал рыжую в табуне. На пятый год рыжую лошадь стал держать у юрты на веревке. Однажды заболела голова и не поправляется. Джигит тайну свою никому не говорил – ни отцу, ни матери, ни друзьям и сверстникам; знал ее бог, мертвый друг и он сам, только трое. «Оседлайте-ка рыжку, – сказал он, видя, что болезнь увеличивается, – я порассеюсь». Стал ездить по плачу аулам[*95], взор и силы начали быстро падать, не устоял... «Кой как[*96], аман бул!» – сказал он народу и ударил лошадь. Скачет к другу. Друг все это знает, хотя не видит. «Плохо моему другу, – думает он, рыжая лошадь, тулпар[*97], когда разгорятся бока, пожалуй, унесет мимо и не остановишь». Приказал бабам крутить шелковый аркан[*98] в сорок маховых саженей, чтобы им захватить друга. Видит – друг скачет; бросил аркан и захватил им друга, а рыжий тулпар пронесся далее; так разгорячился. Поднял || друга и внес в свою могилу. Азраил-Джебраил, душеберущий [ангел], между тем, гнался и был готов бросить укрюк, но рыжего тулпара не мог все-таки догнать. Вслед за друзьями пришел в могилу и Азраил-Джебраил, говоря: «Давай беглеца моего! Здесь он, беглец мой». «Не дам, – сказал мертвый друг, – я божий саид, и бог обязался до трех раз исполнять мою просьбу. Ступай отсюда». Азраил-Джебраил пришел к богу и сказал: «Твой приказанный от нас убежал, и один человек не дал: «Не дам, – сказал, – я саид божий, и бог обязался до трех раз исполнять мою просьбу». – «Что нам теперь делать!» Всевышний бог сказал: «Правда, правда, он мой сайд! Взял, так взял, пусть будет по его просьбе». Таким образом, они стали с другом жить вместе и достигли всех надежд своих.

[*94] Пропуск, для казахского: *сыншы* – испытатель.

[*95] То есть под плач аула.

[*96] Искажено переписчиком. *Қош, қош! аман бол!* – Прощайте, будьте *здоровы!*

[*97] Сказочный крылатый скакун.

[*98] Веревка.

Комментарии

Печатается по тексту ССВ, т. 1, с. 469–493. Текст копии написан Н.И. Веселовским в тетради чернилами, карандашом сделаны редакционные поправки. В копии много искажений. Автограф находился в архиве П.П. Семенова-Тян-Шанского, но обнаружить его не удалось. Еще редактор первого издания трудов Валиханова проф. Н.И. Веселовский обращался к ученому секретарю Географического общества А.А. Достоевскому с просьбой помочь ему найти автограф Валиханова. Он писал: «Печатание сочинений Валиханова подходит к концу, набраны две последние статьи, но с ними выходит положительно скандал. Оригиналы их находятся у Петра Петровича Семенова, а я их не видел; а П. П. найти их не мог, когда я к нему обращался... Прошу Вас попытаться добыть две рукописи Валиханова у Петра Петровича. Может быть Вы будете счастливее меня». (Архив АН СССР, ф. 723, оп. I, №32).

Рукопись даты не имеет. Судя по тетради, она написана в ауле в 1862–1863 гг. В нашем издании сохранены некоторые удачные редакционные исправления Н.И. Веселовского. Впервые опубликована в Сочинениях под ред. Н.И. Веселовского (ЗРГО ОЭ, т. XXIX, СПб., 1904, с. 8–36); *Ч. Валиханов.* Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947; *Ч. Валиханов.* Избранные произведения. Алма-Ата, 1958.

[1] *Шаманство* – обширная система анимистических верований и культов у разных народов, характерная для родового строя. Общими чертами, которые позволяют обозначить разнообразные верования различных народов одним термином, является наличие культа предков, а также отправление ритуала шаманом (каз. – *бақсы),* человеком, способным впадать в особое, экстатическое состояние, и в этом состоянии, по представлениям носителей культа, осуществлять связь с потусторонним миром. Шаманом становился человек, переболевший «шаманской болезнью», связанной с расстройством психики. При этом считалось, что духи «пересотворяют» человека, убив, а затем «воскресив» его. См.: *Л.Я. Штернберг.* Первобытная религия в свете этнографии. Ленинград, 1936; *Дж. Дж. Фрэзер.* Золотая ветвь. М., 1981; *С.А. Токарев.* Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.

[2] *Обо* (оба) – у монголов и тюрков в древности место поклонения духам – «хозяевам» данной местности. Ныне это каменные или земляные насыпи с воткнутыми в них ветками, на которые обычно навязывались лоскутки материи и пучки конских волос – жертвы горным духам, так как обо в Монголии часто располагались на высоких горных перевалах. (У казахов это делалось на наиболее памятных надгробных сооружениях).

[3] *Ваджрадар Мэрген* (Дияничи) – лама, проповедник буддизма среди монголов. Он составил две книги: «Обряды и молитвы, читаемые при обо» и «О сооружении обо». В пережиточных формах шаманских обрядов Валиханов находит аналогию с обрядами буддизма.

[4] *Демонология* – учение о злых духах, восходящее к первобытным анимистическим представлениям. Особенное развитие демонология получила в древневавилонской и древнеиранской религиях, откуда позднее проникла в иудаизм, христианство и ислам. На территории Казахстана демонология получила распространение в связи с тем, что ислам здесь первоначально насаждался суфийскими проповедниками, стремившимися приспособить мусульманские догмы к местным верованиям. Поэтому верования казахов сильно отличались от ортодоксального ислама, на что и обращает внимание Ч. Валиханов.

[5] *Онгоны* – по верованиям монголов – души предков. Казахи называют их *аруах.*

[6] *Куктэнгри* (көк теңрі) – буквально: голубое небо, переносно: небесная обитель и само верховное божество тюрков.

[7] *Шайтан, пери, дав* (дэв), *джин* (джинн) – по верованиям мусульман – фантастические злые духи.

[8] *Дэаягачи* (Джаягач) – дух-покровитель стад. У казахов – жайчи – искусник, вызывающий гром, дождь и молнию. (См.: *Я.Рычков.* Дневные записки путешествия в Киргиз-кайсацкую степь в 1771 г. СПб., 1772, с. 36–37).

[9] *Спиритуализм* (от лат. spiritualis – духовный) – объективно-идеалистическая концепция, по которой дух есть первооснова мира, независимая от материи. Спиритуализм лежит в основе всех без исключения религиозных верований.

[10] *Карлейль Томас* (1795–1881) – английский буржуазный философ, историк, публицист.

[11] *Платон* (427–347 до н. э.) – древнегреческий философ-идеалист.

[12] *Фетишизм* – обожествление отдельных вещей и предметов, приписывание им таинственной, сверхъестественной силы, недоступной человеческому пониманию. На низшей ступени развития религии фетиш (идол) – предмет поклонения верующих.

[13] *Зороастризм* – религия древних народов Средней Азии, Азербайджана и Персии. Для нее характерно признание двух начал – добра и зла, почитание огня, запрещение погребения трупов (их отдавали на съедение птицам). Зороастризм признает учение о конце мира, о загробной жизни, о воскрешении мертвых.

[14] *Хормузд* (др.-иран Ahura Mazda 'господь премудрый') – верховное божество зороастризма.

[15] *Маги* – жрецы зороастрийской религии в древнем и раннесредневековом Иране.

[16] *Кеср* (от араб. كسر –'уменьшение, урон') – терминологически – зло, несчастье, приносимое божеством, в противоположность добру (ізгі, игі).

[17] *Рычков Николай* – русский офицер. В 1771 г., преследуя калмыков-торгоутов, ушедших с низовьев Волги, он со своим отрядом дошел до Улутауских гор. Благодаря личным наблюдениям и опросам Н. Рычков собрал интересные историко-этнографические материалы, опубликованные им в книге «Дневные записки путешествия в Киргиз-кайсацкую степь в 1771 г.» (СПб., 1772).

[18] *Аларих* – имя королей древнегерманских племен вестготов: Аларих I правил в 395–410 гг., Аларих II – в 484–507 гг.

[19] *Готы* – группа германских племен. В III в. жили в Северном Причерноморье. Делились на вестготов (западные готы) и остготов (восточные готы).

[20] *Скифы* – собирательное имя древних кочевых племен, живших на обширной территории юго-восточной Европы и Азии.

[21] *Дарий I Гистасп* (522–486 гг. до н. э.) – древнеиранский царь из династии Ахменидов.

[22] *Кидани* – племя, жившее в древности на востоке Монголии. В X в. образовалось государство киданей под названием Ляо, занимавшее территорию Монголии, Северо-Западного Китая и часть Маньчжурии. В 1125 г. оно было уничтожено чжурчжэнями. Часть киданей осталась в Северо-Западном Китае, а часть ушла в Среднюю Азию (кара-кидани, карахытаи).

[23] *Европейские путешественники, ездившие к монголам* – имеются в виду Плано Карпини, Рубрук и Марко Поло (XIII в.).

[24] *Заимствовано... от персов...* – Говоря о заимствовании культа огня шаманскими народами у персов, Ч. Валиханов ошибочно следует за Банзаровым (см.: *Д. Банзаров.* Сочинения. М., 1955, с. 72). Почитание огня засвидетельствовано на территории Казахстана с глубокой древности, но конкретные черты культа огня у казахов не имеют сходства с культом огня в зороастризме. Следует предполагать параллельное развитие этого культа в зороастризме и у древнего населения Казахстана.

[25] *...огонь... – авлие* (т. е. святой, покровитель) – определение не совсем точное. Казахи поклонялись огню, но не называли его «авлие». Например, не говорят *от-авлие* (святой огонь), а говорят *от-ана* (огонь – мать). *Авлие* (араб. *аулийа,* мн. ч. от *вали*) – святой; воспринято из ислама и относится к живым существам, а не к силам природы.

[26] *Аласта* (или *аластама*) – очистить огнем. В древности *алас* (алау) – священный огонь (костер). Раньше казахи при перекочевке проводили караван между кострами, разведенными у большой дороги, и произносили заклинание: *алас, алас, әр пәледен халас* – «огонь, огонь, очисти (нас) от разной мерзости».

[27] *...поклониться огню в большом доме* – посещение невестой дома деда или отца мужа, чтобы ее семья была так же счастлива, как были счастливы предки.

[28] *Иргене-хон* (Ергене-кон) – название легендарной горной долины, окруженной неприступными горами, где жили мирные племена.

[29] *Мазать... слюной* (сілекейін алу – 'взять слюну') – обряд, происходивший также при продаже коня или других животных.

[30] *...которая до сих пор нам известна.* – Среднеазиатский историк Рузбихан утверждает, что казахи поклонялись луне и солнцу.

[31] *...чтобы не было неба...* – Здесь перевод неточен: көк соққыр – 'пусть небо покарает, небо проклянет'.

[32] *...сходство с джарлык...* – Валиханов смешивает термины *жарлық* (ярлык) – объявление, указ, грамота и *жарылқамақ* (ярлыгамак) – помиловать, одарить, делать добро.

[33] *...сүт көп, көмір аз* – кабалистическая формула, произносимая в случае, когда жизнь человека находится в опасности; выражение безнадежности.

[34] *Васильев Василий Павлович* (1818–1900) – проф. Казанского, а затем Петербургского университета, академик, выдающийся русский языковед-синолог. Известен исследованиями о буддизме. Во время своего пребывания в Петербурге (1860–1861 гг.) Валиханов поддерживал тесные дружеские связи со многими востоковедами, в том числе и с Васильевым.

[35] *Гомбоев Галсан* (1822–1863) – бурятский востоковед, с 1854 г. работал в Петербургском университете. Его главные труды: «Алтан-Тобчи – монгольская летопись в подлинном тексте и переводе с приложением калмыцкого текста истории Убаши-Хунтайджия и его войны с ойротами» (ТВО РАО, VI, СПб., 1858), «О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини» (ТВО РАО, IV, СПб., 1859).

[36] *Кие и кеср* (кесір) – у казахов два противоположных начала: *кие* – добро, *кесір* – зло. См. выше, комм. 16.

СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ КИРГИЗ-КАЙСАЦКОГО ПОРОХА

|| Составные части киргиз-кайсацкого пороха суть селитра (сор), уголь (кумур) и сера (кукурт).

Селитру киргиз-кайсаки собирают или с навоза давнишних зимовок или из земли старых «калмыцких» курганов[1], уголь употребляется исключительно из талового дерева, а сера употребляется русская, получаемая через торговцев татар, хотя и привозят сюда серу с ташкентского базара, но она признается слабою.

Положительно предполагая, что в «калмыцком» кургане в древности жили люди, кайсак берет || мешок и наполняет его землею, испытав предварительно через брошенную в огонь горсть земли из второго слоя, заключается ли в ней селитренное начало[2], которое узнается по вспышке.

Набрав земли, он ставит казан (котел) на огонь, наполняет его, сколько нужно, водою, всыпает в него собранную землю и кипятит до ключа. Земля остается на дне казана, а вода принимает желтый цвет. Вскипятив таким образом, он снимает котел с огня и дает устояться, отчего земля, само собою разумеется, отделившись от воды, садится на дно котла; после этого желтая жидкость || тщательно процеживается один раз через чистую кошму, чтобы земля не оставалась в воде, а после этого вода легко кипятится в чистом казане еще раз и выливается в чистое корыто или другой сосуд и прикрывается накладываемым крестообразно на поверхность жидкости тонким тростником (чием) с оставляемыми небольшими клеткообразными отверстиями. Селитра сама кристаллизуется, приставая к чию, и образуется много гвоздеобразных сосулек длиною в вершок и менее, а толщиною в гусиное перо. Оставшаяся вода снова кипятится и снова выливается в корыто, что повторяется раз семь; от || каждого приема кипячения и выстаивания желтой жидкости получается селитры всякий раз не менее одной глубокой тарелки.

Получив требуемое количество селитры, ее высыпают в чугунный котел и трут беспрестанно целые сутки булыжником или другим твердым камнем.

Приготовив селитру, смолотую до чрезвычайной мелкости, приступают к приготовлению угля, который исключительно выжигается из тала — дерева, признаваемого кайсаками самым мягким и годным для пороха.

Точно так же и уголь растирается в самый мельчайший, как селитра, порошок, на растирание которого, по словам кайсака, нужно пять || человек, которые бы работали до усталости целый день.

Берут вески или меру и весят или меряют селитру, уголь и серу. Так, для получения двух с половиной фунтов пороха кладут один фунт селитры, полфунта угля и один фунт серы.

Вывесив эти составные части, их все вместе высыпают в котел, нагревают его до такой степени, чтоб высыпанный состав не мог воспламениться, и трут его це-

лые сутки, поддерживая через легкое вспрыскивание водою постоянную влажность. Истерев все это в мельчайший порошок, который уже принимает цвет пороха, берут из гривы или хвоста лошади порядочный пук волос, которым и продолжают тереть состав || до тех пор, пока не образуются крупинки величиною в просяное зерно, а во все время [порошок] слегка вспрыскивают для влажности состава.

Образовавшийся требуемой величины порох отбирают от слишком крупного, который снова растирают камнем, снова вспрыскивают и опять трут волосом до тех пор, пока получат порох требуемой величины крупинок. Оставшуюся мякоть, если не хотят выкинуть ее, орошают слегка водою и потом также трут волосом. В заключение для очищения всего пороха от мякоти в хороший сухой день провеивают его на легком ветру, и порох уже делается годным к своему назначению и употреблению.

Комментарии

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 21. Рукопись, переписанная ранним почерком Г.Н. Потанина, хранится в ААН (ф. 23. оп. 1, д. 22/3, лл.1–4). Входит в серию статей о «Заилийском крае и Большой орде» и датируется по аналогии 1855 г. (см. легенды к статьям «Географический очерк Заилийского края» и «О киргиз-кайсацкой Большой орде»).

Работа дошла до нас в трех копиях, из которых две хранятся в архиве Ч.Ч. Валиханова (ААН, ф. 23. оп. I, д. 22/3. лл. 1–4 и д. 8, л. 26–26 об. и третья беловая – в архиве ВГО (разряд 70. оп. 1, д. 14, лл. 33–35).

[1] *...«калмыцких курганов».* – Условный термин, которым казахи называли памятники языческого периода. Он возник в период распространения ислама, который прививал отвращение ко всему домусульманскому.

[2] *...заключается ли в ней селитренное начало...* – Речь идет о калийной селитре, отчасти фосфоре желтого и коричневатого цветов, который казахи добывали на развалинах старых зимовок и кладбищ, где в результате большого скопления костей образовались селитренные корки с вкраплениями фосфора.

О КИРГИЗ-КАЙСАЦКИХ МОГИЛАХ (МОЛАХ) И ДРЕВНОСТЯХ ВООБЩЕ

|| По всей степи разбросано множество древних и новых могил, курганов, насыпей и пр. Эти немые памятники кайсацкого быта гораздо важнее в географическом, чем в историческом отношении, потому что имена погребенных остаются навеки в устах народа и кайсак соображает свой путь с положением этих могил.

Мола – неопределенное название, под этим именем смешивается и древняя и новая могила[1], но по преимуществу *молой* назы||вается простая, неизысканная насыпь, куча из щебня или какой-нибудь уродливый монумент, слепленный из глины. Этой простотою, безыскусственностью и отличаются новые могилы от старых, только некоторые следует исключить из этого числа, как, например, могилу Кулан-хана[2], могилы Сюка[3] и Абулхаир-хана[4] (Младшей орды).

Не менее примечателен материал, из которого строятся молы, за исключением тех, которые выстроены чалаказаками (выходцами ташкентскими)[5]. В кайсацкой моле и около нее выражается весь вкус кайсака, его искусство в архитектуре, его резьба и живопись.

|| Новые могилы имеют две главные формы: одиночную и курганообразную[6], при последнем условии могила представляет небольшой ташкентского типа курган, т. е. укрепление с небольшими дверьми на запад, укрепленными наружным траверзом[7].

Вообще могила эта составляет квадрат, стороны которого равняются саженям тридцати, высота аршин в шесть или семь, а толщина стенки вершков восемь*[1], но некоторые из них так обширны, что в них может укрыться от нападения человек до ста. Заключая по сходству этих курганов с ташкентскими укреплениями и по прочности, должно приписать || постройку их чалаказакам.

Эта форма более других нравится кайсаку, потому что громадность у него – первое условие величия предмета, и могилы таких форм поэтому устраиваются над прахом важных и богатых киргиз-кайсаков. Подобного рода могилы есть на татарском кладбище в Семипалатинске; в степи же они встречаются в Большой орде у подошвы обоих Алатау.

Большая орда кочевала за р. Чу и имела сильные сношения с Ташкентом, а потому и не мудрено, что эта форма заимствована у ташкентцев и мастера || для первоначальной постройки вызывались оттуда.

Самая большая могила, какую я встречал в Большой орде в этом роде, построена для Кулан-хана на р. Талгар по кашгарской караванной дороге. Эта могила состоит из двух частей: ограды и самой гробницы. Ограда имеет вид кургана*[2] с башенками на углах и с простым украшением над дверьми. Гробница стоит внутри ограды и

---

* Т. е. около 24 см.

** Т. е. крепостного сооружения.

имеет вид купола*3 на кубическом пьедестале. Эта могила так обширна, что в ней могла бы поместиться вся ханская фамилия.

Менее важные могилы делаются сплошной массою в виде || конусов, четырехгранных пирамид и иногда сверху приделывается какой-нибудь отросток, или пирамида устраивается с уступами, которые украшаются ломаною линией; словом, виды этих могил неисчислимы.

Повсеместный материал для постройки есть земля. Здесь она заслуживает названия более употребительного материала. Многие могилы первоначальной формы сделаны из земли и || только снаружи укреплены глиною или вымазаны ею, или обложены необожженными кирпичами. Где заняли кайсаки это искусство, неизвестно, но положительно можно сказать, что обожженный кирпич нельзя назвать редкостью в степи вообще, он нередко встречается на древних постройках.

Кайсацкий кирпич отличается прочностью глины и неровною отделкою; он очень тонок и различной формы, судя по потребности: для круглых [сооружений] – округленный, для пирамид – квадратный и прямоугольный. Около развалин || могилы султана Сюка я видел кирпичеобжигательные печи – произведение рук одного ташкентского выходца. Печи эти отнюдь не уступят русским.

Курганообразные могилы почти всегда строятся из сырого кирпича, а не лепятся из глины, как настоящие курганы в Ташкенте. Диким камнем, щебнем обкладываются могилы только небольшие и второстепенные, например, вокруг могилы Сюка погребено несколько задавленных разрушившеюся гробницею – они просто закиданы землею и сверху уложены щебнем. Вокруг Козу-Курпеча также много таких могил. К числу их принадлежит могила Капал-батыра, давшая название речке и укреплению. Из дерева очень мало встречается могил. Я видел такую толь||ко одну; она поставлена из тонкого тополя срубом суживающимся кверху.

Могилу Сюка (сына Аблая) в Большой орде, как замечено выше, строил ташкентский чалаказак. Квадратную комнату должен был покрывать монастырский свод; высота ее была аршин в пятнадцать, но чалаказак, вероятно, видел только, как кладутся своды, и не успел его замкнуть, все здание рухнуло и задавило его и девять рабочих-кайсаков. Сын Сюка – Барак едва был спасен. Развалины этой новейшей могилы, разрушившейся в 1853 году, в год ее построения, лежат в десяти верстах от р. Каратал к северу, у подошвы горы Бураной. Аблай-хан похоронен в Азрет-султане.

|| Могила Абулхаир-хана (Малой орды) находится на р. Улкояк, впадающей в Тургай справа. Она описана у Рычкова, который видел ее в 1771 году во время бегства калмыков. Мы заимствуем описание ее из энциклопедического лексикона (том первый, стр. 54): «Памятник Абулхаира сложен из сероватого кирпича и имеет вид усеченного конуса, накрытого полушаром. Вышина его аршина четыре, поперечник при основании аршина три. В вершину полушара воткнуто по обыкновению копье, обвешанное разными лоскутьями, ложками, чашками, конскими хвостами и узелками с пшеном».

Судя по описанию этой могилы, я встретил в Большой орде две||, похожих на нее, похожих по крайней мере по наружности, это могилы Атач-батыра и Байгазы.

На кубических основаниях обеих поставлены полушары готической формы; внутри полушара пустота и с боков отверстия: два больших при основании, одно вместо

*3 Т. е. купольное сооружение с кубическим основанием.

окна – небольшое; чтоб подняться к куполу, с одной стороны сделаны ступени. С южной же стороны отгорожено отдельное место невысокою стеною, примыкающей к главному строению. Оно, верно, назначено для родных этих батыров, которые погребутся с ними вместе. Кубическое же основание могилы Байгазы имеет внутри пустоту, и могила, обнесенная глиняною стеною вокруг памятника, || обсажена таловым лесом, приятно зеленеющим на безлесной долине. В куполы обеих воткнуты короткие копья с пучками конских волос.

Могилы всегда устраиваются на возвышенных местах, караванных или кочевых дорогах и около речки или озера. Это делается с целью, чтобы проезжий мог прочесть особенную над прахом молитву (бату – благословение).

Древние надгробные памятники отличаются большим разнообразием форм, лучшей отделкой материала, употреблением прочных сводов и добавочными украшениями резьбой. Путешественник, про||ходя мимо, замечает в своих записках, что эти здания суть произведения народа не дикого, а образованного. Но когда цвело просвещение среди этой пустыни? Постараюсь то дело [довести] до той степени ясности, до которой дозволяет историческая истина.

Первоначально следует заметить, что древние могилы по простоте и искусству в строении должно разделить на два разряда: на *народные могилы* (насыпи) и на *могилы почетных* (палаты).

Страна эта, наши степи, были заняты до монгольского периода истории тюрками коренными; четыре племени, участвовавшие в защите Огуз-хана против своего отца: || уйгур, каладж, канлы и карлык, составляли основу тюркского союза. Были народы, которые по происхождению принадлежали к другому поколению, но подчинялись тюркскому языку и тюркским нравам. Таковы были болгары, хазары, башкиры, мадьяры и др. Нашествие монголов совершенно изменило население этой страны, самые имена племен потерялись и только некоторые остались именами кайсацких родов; старое население, без сомнения, слилось с новым, и здесь на законах монгольских нередко возникали орды, отдельные от Золотой или Волжской орды: Ногайская, или Мангытская, орда на Урале, Синяя орда до Сейхуна и Тюменская орда в роде шейбанидов. Вероятно, ханы всех этих орд завещали хоронить себя в глубине || степей, так мы находим могилу основателя Мангытской орды Эдигея на одной из Улутавских вершин, которая и носит название этого военачальника[8]. Могила его – простая груда щебня, вероятно, она прежде имела определенную фигуру, но разрушилась; достоинство ее поддерживается очень удачно неприступностью горы, на которой она стоит.

Итак, относя постройку древних могил к монгольскому периоду, нужно требовать от монголов больших сведений в строительном искусстве этого рода, тогда как тюрки были гораздо образованнее их, имели города и оставили в них памятники своей оседлости, богатства и торговли.

|| Так, например, болгарская столица Болгары, в 60 верстах от Казани, и доныне сохраняется в развалинах. На другом крыле тюркского союза уйгуры были не менее образованы, жили также городами, имели грамоту и исповедовали даже несторианскую секту христианской религии. Эти два народа, вероятно, поставили для монгольских властителей порядочных мастеров. Итальянец Плано-Карпини описывает

изящество хаканского трона в Каракоруме[9] с четырьмя фонтанами, один из которых бил кумысом.

После этого не мудрено, что в глухой степи, около Улутау, на Кенгирах [имеется] множество могил, удивляющих своим устройством: Камыр-хан, Алача-хан, Домбаул (аулие), || Булган-Ана и другие, все они складены из кирпича, снаружи облиты финифтью разного цвета. Булган-Ана, находящаяся при устье Кара-Кенгира, на Кара-Джаре, белого цвета; это небольшое здание с куполом[10], такого же устройства и все прочие. Алача-хан несколько отличается: основание купола меньше самой гробницы, а потому вокруг него обведен потолок, а стены, продолженные вверх, образовали ряд балкона, на который с внутренней стороны ведет винтовая лестница.

Особенно замечательны в этих сооружениях прочное устройство сводов и кладка кирпичей накосо: один ряд кирпичей положен правыми концами вниз, другой левыми. Эти могилы такая редкость, || какая во всей степи уже не повторяется, кроме Нуры, недалеко от устья которой лежит могила *Ботагай;* о ее устройстве я ничего положительного не имею.

[Развиваясь] от этой формы, древняя могила, превращаясь в пирамиды, некрытые галереи и в плиты с отверстиями доходит до простых столбов.

Пирамидальные могилы с пустотою внутри обыкновенно воздвигаются из дикого камня; гробница эта принимает пирамидальную форму не прямо с земли, первоначально возвышаются отвесные стены, а потом уже начинают суживаться. Я знаком только с тремя такими || могилами; *Кашана*[11], которая описана у Палласа, близ р. Тугызак, впадающей в Уй, на Оренбургской линии; *Урдабай*[12], между истоками рек Аксу и Баскан, в 12 верстах от пикета Карасу по тракту из Аягуза в Копал; внутри ее стоит гранитный истукан; наконец, самая важная *Козу-Курпеч.* Она стоит на берегу р. Аягуз, в [90] верстах от Аягузского укрепления. К стене [сооружения] приставлены четыре гранитных истукана с азиатскими физиономиями, с ожерельями на груди и с какими-то брусками, которые они держат в обеих руках на животе*4. Эти истуканы, как говорят, изображают || героев из поэмы, которую рассказывают кайсацкие импровизаторы в долгие ночи. По герою поэмы называется и могила *Козу-Курпеч.* В версте по направлению к Аягузу находится могильный столб и около него безобразный истукан соперника Козу-Курпеча – *Кодара.* Еще есть столбы, водруженные в землю. Они находятся у подошвы гор Кызыл-Рай. Описание их можно найти в записках одного есаула, ходившего в Коканд[13]. Вершины этих столбов украшены человеческими образами. Тут же он видел косвенно поставленные плиты с отверстиями, которые он считает за двери или окна в общем здании[14].

|| На пути из Каркаралов в Актав встречается множество гробниц, составленных из плит[15] вертикально и плотно сжатых между собою, с одной стороны находятся двери. Подобные галереи есть в Большой орде.

Все остатки древностей кайсаки приписывают ногаям, которые кочевали здесь после монгольского ига, другие (в восточной части степи) – калмыкам, некоторые

*4 В Малороссии истуканы называются бабами, они также изображаются с подобными брусками и, как полагают, это книги. (Энциклопедический лексикон, т. IV). Но другие вероятнее называют это кувшинами. (*Примечание Валиханова*).

остатки в западной части – башкирам, или, как следует полагать, народу с ними соплеменному.

К этим остаткам относятся: старые разрытые рудники, ныне брошенные (медный – около Джезды-Кенгира), брошенные пашни (на урочище Тюндюгюр), || покинутые жернова (в ущелье Алматы) и старые насыпи, вроде валов.

В Большой орде часто встречаются развалины отдельных квадратных укреплений с валом и рвом, но самый замечательный остаток древности есть ров, прорытый от верховьев речки Коры в Малом Алатау до истоков р. Чу. Ров этот прорыт по всем высотам гор, глубинам рвов и едва ли не будет длиною верст на 900; глубина его и в настоящее время не менее полутора саженей. Киргизы имеют об этом рве предание, что у одного хана дикие куланы увлекли сына в поле, где он пропал без вести. Чтобы удержать куланов, когда они по||бегут обратно, он велел вырыть поперек степи ров. Но, вероятно, можно предположить, что это граница темучиновых улусов[16]. Около Копала, на р. Биень, есть старинная крепостца с гранитными столбами вокруг нее.

Комментарии

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 29–38, основанному на рукописной копии – ААН (ф. 23, оп. 1, д. 22/3, лл. 36–47). Имеется еще беловая копия архива ВГО (разряд 70, оп. 1. д. 14, лл. 17–32). Она является одной из статей, входящих в серию работ о «Заилийском крае и Большой орде». Датируется 1855 годом. См. *Г.Н. Потанин.* Киргизские могилы. XXII иллюстр, приложение к газете «Сибирская жизнь». 1903, №211 (Томск); *P.P. Semenoff.* Die Gräber bei den Kirgisen. – Mittheil. d. geograph. Gesellschaft. Wien. 1871, S. 199.

[1] Молой казахи называют памятники, построенные из неровного камня или кирпича-сырца и относящиеся к позднему средневековью. Памятники, сооруженные из жженого кирпича, они называют кумбез, кешен кесене, там. Подобные типы памятников бытовали на протяжении столетий (X–XX вв.).

[2] *Кулан-хан* – султан Кулан Адилев, внук Аблая, умер в 1831 г., считается родоначальником албановских и сувановских казахов.

[3] *Сюк* (точнее: Суюк) – сын Аблай-хана, в конце XVIII и в первой четверти XIX в. управлял казахами Большой орды, в начале 20-х годов изъявил желание добровольно вступить в российское подданство. Развалины его мавзолея находятся севернее г. Талды-Кургана, против изгиба р. Каратал.

[4] *могила Абулхаир-хана* (точнее: мавзолей Абулхаира). – Мавзолей неоднократно был описан русскими путшественниками, построен в традиционной форме древних мавзолеев с квадратным основанием, на котором покоится конический свод.

[5] *...выстроены чалаказаками (выходцами ташкентскими).* – Речь идет о ташкентских казахах, потомки которых живут в Сары-Агачском, Келеском, Бостандыкском и Пахта-Аральском районах. Из их среды действительно вышло много хороших строителей.

[6] *Новые могилы имеют две главные формы: одиночную и курганообразнию...* – Имеются в виду одиночные и групповые кладбищенского типа могильные сооружения. Казахское кладбище состоит из наружной ограды, своей формой напоминающей крепостную стену (курган) с угловыми башнями.

[7] *...укрепленными наружным траверзом* (траверсом). – Наружная стена, служающая защитой чего-либо, в данном случае внутренних строений – могильных насыпей, саркофагов, склепов, купольных мавзолеев и т. д.

[8] *...Улутавских вершин...* – Речь идет об одной из вершин гор Улутау, которая называется Едыге.

[9] *...в Каракоруме...* – Первоначально (VII–IX вв.) – резиденция уйгурских каганов, в XIII–XIV вв. – столица монголов.

[10] *Булган-Ана... небольшое здание с куполом.* – Сейчас купола нет, сохранились только четыре стены с аркой.

[11] *Кашана* (Кешене, Кесене, Кешен). – Речь идет об известном сооружении в Кустанайской области, исследованном проф. Петри.

[12] *Урдабай.* – Древнее сооружение Урдабай очень заинтересовало Чокана Валиханова своим сходством с известным надгробием на р. Аягуз – мавзолеем Козы-Корпеш и Баян-Сулу. В дневнике он записал: «Нужно осмотреть Урдабай – древнюю могилу с истуканом. [Она находится] на дороге от Аксу к Карасуйскому пикету». Это был первый из семи объектов, которые он хотел осмотреть. (См.: ААН, ф. 23, оп. 1, д. 13, л. 31).

[13] *...есаула, ходившего в Коканд.* – Подразумевается хорунжий Н.И. Потанин, сопровождавший в 1829 г. кокандское посольство.

[14] *...косвенно поставленные плиты с отверстиями...* – Имеются в виду большие бегазинские ограды эпохи бронзы, сложенные из огромных гранитных плит. Исследованы в 1947–1950 гг.

[15] *На пути из Каркаралов в Актав встречается множество гробниц, составленных из...* – Памятники этого типа относятся к ранним периодам эпохи бронзы (XVI–VIII вв. до н. э.). Большая часть из них теперь исследована Центрально-Казахстанской экспедицией Академии наук Казахской ССР.

[16] *Ров... длиною верст на 900: ...вероятно, ...это граница темучиновых улусов.* – Вопреки народным преданиям, такое толкование логично. Создание огромного искусственного рва протяженностью от Тарбагатайских гор до р. Или в казахских народных преданиях связывают с облавной охотой. Подтверждение этому можно найти в записках среднеазиатских авторов XIII–XVI вв. Ясно, что перегораживать рвом такую огромную территорию не имело никакого политического и экономического значения для Темучина. По народным преданиям, рытье этого грандиозного рва длилось на протяжении нескольких поколений, т. е. в течение ряда столетий. Основным сюжетом этой легенды является умерщвление Джучи стаей куланов во время охоты и обет отца-властелина истребить за это их всех.

ЗАМЕЧАНИЯ НА ТРЕТЬЮ ЧАСТЬ ОПИСАНИЯ КИРГИЗ-КАЗАЧЬИХ ОРД [А. И. ЛЕВШИНА]

|| *На странице 9, внизу, в выноске,* слово акбура переведено неверно: акбура значит нелегченный*[1] белый верблюд, а не белый волк, что по-кайсакски будет акборе, или каскыр.

Стр. 11. Кайсаки ходжей не относят к белой кости, а уважают их наравне с султанами, как лиц духовных, строгих исполнителей предписаний шариата, и как потомков пророка. Вообще кайсаки очень уважают людей грамотных.

Стр. 31. Кроме сластолюбия, заставляет киргиз предпочитать калмычек своим женщинам еще то, что будто бы через сие смешение родятся хорошие дети.

Стр. 42. Кайсаки зимою для питья употребляют напиток, приготовленный из муки, разведенной горячею водою, сквашенной в кадушках, и именуемый коджою; для улучшения вкуса еще прибавляют молоко. Саумал есть не вполне скисшее кобылье молоко.

Стр. 47. Девушки прежних конусообразных шапок не носят теперь, а обвертывают голову разноцветными платками, опуская один конец на спину. Замужние женщины плетут волосы только в две косы, которые в концах соединяются и опускаются по спине.

|| *Стр. 46.* Этот головной убор, называемый саукелою, женщины носят только в первое время после замужества, около года, а потом снимают и надевают только на больших праздниках и то в продолжение четырех или пяти лет.

Стр. 52. Два киргиз-кайсака, которых А.И. Левшин спрашивал: «Какой они веры?» – вероятно, [те] не вникнули как-нибудь в смысл вопроса и озадаченные новизною его не нашлись что отвечать, кроме легчайшего в подобных случаях: «Не знаю». Всякий кайсак знает, что он последователь Магомета и что он мусульманин; быть может, он не понимает смысла этого слова, но все-таки оно составляет его гордость перед иноверцами. С самого детства он то и дело слышит, что он мусульманин, а «все прочие, кроме мусульман, кафиры, осужденные богом на вечное наказание на том свете». После этого можно ли допустить, что кайсак не знает своей веры?

Стр. 52 и 57. Шайтан есть олицетворение всех более или менее пагубных страстей в нас, управляющих почти всеми нашими поступками и до того сильных и властных над нами, что помраченный ими ум и волнуемый ими человек нередко впадает в самые ужасные грехи. Хотя преобладание сих страстей над нами признает каждый || из нас, но мы не даем им никакого олицетворения, а кайсаки говорят, что это – шайтан – ослушник божьей воли и вечный враг мусульманства, который всякое мгновение старается совратить правоверного с пути истины.

Следовательно, они, кайсаки, никак не признают шайтана за божество, никогда ему не поклоняются и против нечистого его замысла всегда вооружаются различ-

*[1] Т.е. некастрированный.

ными молитвами. Для умилостивления его никакой жертвы ему не приносит и до того строги кайсаки в отношении к шайтану, что, даже бросая объедки и кости, они произносят «бисмилла», т. е. во имя бога, в той уверенности, что «бисмиллованные» кости не доступны злому и нечистому духу.

Стр. 65. А. Левшин слишком увлекся невежеством описываемого им народа, говоря, что колдовство, обман и ворожба составляют часть религии киргиз-кайсаков; они не суть части религии, а только суеверие, которое есть у народов всех вероисповеданий. Кайсак верит колдовству, гаданию и прочим в одном случае: именно, когда предсказывают ему что-нибудь доброе или хорошее; поэтому он всегда предсказывает доброе, а как из тысячи предсказаний хоть одно да сбывается, то этим только и поддерживается значение колдунов, ворожеев и т. д.

Стр. 76. Чувствительность в кайсаках и участие, принимаемое ими в несчастии ближнего, стоят внимания и похвалы. Можно сказать, что это единственная добродетель, которую нужно искать в кайсаках. Участие сие видно из следующего: нищий, куда бы он ни прошел, || в кибитку ли богача или в хижину бедняка – везде ему приют, везде выражают ему сострадательность и не только словом, но всегда чем-нибудь более или менее существенным; из кибитки первого выходит он с какою-нибудь да тряпицей, а у последнего напьется по крайней мере или наестся тем, чем тот богат. Словом, нигде и никогда не говорят ему и не отделываются от него голым пожеланием: *«бог подаст!»*. Кроме врожденной чувствительности, кайсака заставляет быть сострадательным еще то понятное всякому опасение сегодня или завтра обнищать самому через баранту или падеж, столь частые в степи. Взаимная друг другу помощь, оказываемая кайсаками в последнем случае, достойна подражания и просвещенному европейцу. Потерпевшие от баранты или падежа пользуются неотъемлемым правом идти к другим своим родовичам со смелым требованием так называемого *жлу,* т. е. вспомоществования, следующего со всего благополучно пребывающего общества, которое или из сострадания или побуждаемое каким-либо иным чувством действительно делает складчину в пользу первых. Короче сказать, право на требование *жлу* для кайсака столь же священно, сколь священно для него право на *кунакасы,* т. е. бесплатный обед или ужин, следующий всякому страннику.

Стр. 94. При обрезании родители назначают мальчику в его собственность некоторое количество скота, которое составляет его *инчу;* впрочем он при разделении наследства отца имеет право требовать себе часть наравне с прочими наследниками.

Стр. 98. Не совсем верны справки А. Левшина о ценности кайсакских жен, [которые] вызывают сказать ему в возражение, что величина калыма зависит и определяется богатством невесты или вообще большим или меньшим ее значением в свете, а не от того: первую или вторую жену берет кайсак.

Комментарии

Печатается по тексту ССВ, т. 3, с. 39–41. Рукописная копия хранится в ЦГАЛИ (ф. 159, оп. 1, д. 179, пл. 229–282) и находится в группе материалов, принадлежащих Ч.Ч. Валиханову. Она хранится в архиве проф. В.В. Григорьева (ф. 159) (см. легенду к заметке «Зимние кочевки волостей Каркаралинского внешнего округа»).

По-видимому, это одна из первых рецензий Ч. Валиханова, написанная еще на последнем курсе кадетского корпуса (1853 г.), когда Ч. Валиханов и Г. Потанин зачитывались Палласом, Левшиным и другими известными авторами.

В рецензии отмечены лишь фактические промахи А.И. Левшина. Малоопытный юноша только вскользь говорил об ошибочности некоторых взглядов и суждений почтенного историка, труды которого уже в XIX в. стали библиографической редкостью.

СМЕРТЬ КУКОТАЙ-ХАНА И ЕГО ПОМИНКИ

(Отрывок из героической саги дикокаменных киргиз «Манас»)[1].

|| То была лука золотого седла, то был отец многих народов, то был лукой серебряного седла – был отцом густого, как темная ночь, ногайского народа. Кукотай-хан собирался оставить наш свет.

«Сын сары-ногаев, густочупринный Яш-Айдар Чора[2]. Садись на Манекеря-коня и от начала до конца пройди густой и черный улус ногайский; скажи уйсунскому Амату, Аматкулу, Яйсангу, скажи биям с отвислыми животами и толстобрюхим богачам, скажи рыжебородым и густоусым, скажи молодцам с раздвоенными бородами и малыми усами, скажи всем и всем. Скажи также мурзам, пьющим мед из чашек весом в батман, мурзам, шатающимся на ногах от много и много выпитого меду, скажи темному, как ночь, ногайскому народу, что Кукотаю стало дурно, что Кукотаю пришел конец. Баймурза, сын богатого отца! Я молодых кобыл велел привязать и кумыз, подобный меду, собрал. Хороших кобыл привязал – крепкий кумыз я собрал. С закрытыми ребрами (т. е. жирный) скот – для обеда их готов. Желтоногие кобылицы, недоенные в зиму, – зарезаны. Изрезанное мясо уже на блюдах. Собирайте всех: многочисленный и черный юрт ногайский обойдите от конца в конец; я хочу исполнить первый мой долг – поминки и второй долг – произвольный завет сказать».

Солнце затмевающая густая толпа ногайцев с гулом упала на белую орду – ставку хана Кукотая.

* * *

«Многочисленный народ мой ногайский! Сердцем моим овладела болезнь, силы меня оставили, я должен || оставить жизнь и вас, мой добрый народ! Я прожил 199 лет, и челюсть моя изгнила».

Поставили мясо величиною с гору и сделали подливку обильную, как море. Так должную поминку сделал и так должные слова начал говорить.

* * *

«Народ! Когда меня не станет (когда мои глаза закроются), кумызом меня омойте, острой саблей оскребите, в панцирь оденьте и, кожею обвивши, под голову белый саван положите и головой на восток обратите[3]. Навьючьте красное сукно на красного нара*[1] (дромадера), на черного нара – черный бархат и с караваном на 40 верблюдах придите на мой сруб (могила)[4]. Кучами бабы придут – кусками раздайте им сукно. А черный сарт, начальник каравана, пусть сделает кирпичи на жире восьмидесяти коз[5].

*[1] *Нар* (дромадер) – одногорбый верблюд.

На перекрестке больших и малых дорог подобный месяцу белый сарай*2 соорудите, как голубое небо, голубой купол поставьте. Подобные дороге желоба привесьте, завитками и карнизами оденьте[6].

В первую пятницу поставьте верблюда на приз и, загнув потняки, пустите кунанов*3 на бег.

Народ! Сослужите мне службу и будьте распорядительны. Нет больше слов и нет больше заветов. Будьте здоровы и счастливы, народ! Будьте счастливы и здоровы, народ! Батыр Баймурза, сын богача! Приложи ухо и обратись ко мне: мышеловку выучил я ловить птиц и сделал птицей! Собрал шатающихся и обратил их в общество. Степного || луня употребил на охоту и бродяг обратил в народ[7]. Когда меня не будет, мышеловку не презирай и прежде шатавшихся бедняков не распусти опять, и бродяги пусть не разбредутся опять: паси и держи их. Батыр! Когда меня не будет: пешеходным беднякам – лошади нужны для езды, голотелым беднякам – сними халат с плеча. И летом и зимою пусть течет кумыз мой рекою для этих бедняков. Пусть льется айран*4 для бедных людей. Когда меня не будет: Бук-Муруна (сопляка)-найденыша пестрым щенком не называйте, ублюдком не попрекайте; давайте ему, сироте, хорошую лошадь, приличное платье и сытную пищу. Близко сказать через год, много сказать через два, он поднимется и будет человек; возмужавши, будет он батыр и с батырскими детьми равен. Тогда постелите шелковый ковер и на мое место поставьте его ханом. Богача сын, батыр Баймурза! Обратись сюда еще и приложи ухо: когда будешь давать мою сороковую поминку[8] – к большеносому батыру Кунурбаю хитайцу, Кунурбаю, называемому гордецом, к нему прикочуйте всем улусом и там от долга сороковой моей поминки освободитесь. А когда нужно будет праздновать великую тризну[9], то отправляйтесь к тому батыру, который в Анджане*5 отжирел, спелые анджанские что грыз яблоки и ел недопеченный хлеб, который двенадцати лет пускал стрелу, тринадцати разбил народ и ограбил юрту – словом, отправляйтесь к сыну Якуба юному Манасу, только что начинающему отличаться, к храброму Манасу, Манасу который в лощинах разбивает аулы и через высокие || горы угоняет скот, у которого насуплены брови и холодно лицо, кровь черна, но тело бледно, живот пестрый и хребет синий, к высокорослому ступайте Манасу. Спросите меня: каков батыр Манас? Он подобен синегривой щетинистой гиене. К этому-то Манасу кочуйте, у него мой главный завет, который исполнив, свалите с плеча. Там должны собраться кяфиры и мусульмане; среди них великий праздник задайте и тем от заветов моих успокойтесь».

У Кукотай-хана глаза закрылись, и душа, устремляясь к вечности, оторвалась. Темная, как ночь, толпа ногайцев зарыдала-заплакала и измяла верхи урюковых дерев, заревела-закричала и изломала ветви яблонь. Горе погоревали и обряды исполнили: кумызом омыли, саблей оскоблили и сделали все, что завещал старый хан. Наелся народ и рвали сукно обильно. Подобно месяцу белый и с куполом небес-

*2 *Сарай* – дворец, замок.

*3 *Кунан* – лошадь-трехлетка.

*4 *Айран* – кислое молоко, простокваша.

*5 То есть *Андижане.*

ным поставил народ большой памятник, покрыв его красками, украсив завитками и привешенными*6 желобами, как по горам идут тропинки.

* * *

Много сказать шесть тысяч, мало будет пять тысяч кунанов пестрослякотной весной пускали в бег, и теперь только, на холодную осень, показалась пыль возвращающихся скакунов. Семью мешками зерна каждый день кормленный, родившийся в горах и выросший на камнях в обществе с диким козлом, в песках кормившийся с диким куланом, железокопытный и медноногий, не знающий поту, ргаю подобный Серко – вышел первый первым. От рождения не показавший спину батыр Ир-Кокче, сын Айдар-хана, сына Камбар-хана, подобно || серопегому бегунцу, схватил коня первый из первых, заплатил за него одну девятку скотом, верблюжицу с жеребенком и рабыню дал с сыном, и юрту дал, крытую сукном. Текече-батыру принадлежавшего железокопытного и медноногого, с шеею, подобною высохшему ргаю, так приобревши, Ир-Кокче-батыр уехал в свой улус.

* * *

Все лето кочевали: стояли на Чибратчи – табунами кобыл вязали, на Ибранче стояли – Манекерь-конь не сходил с коновязи. Баймурза, сын богатого отца, открыл для всех свою сабу и кумыз полился рекою для бедных людей, полил айран ручьем для бедных же людей. Сосредоточенные на летних кочевьях многочисленные и густые волости ногайцев, единодушно поднявшись, к ястребиноносому Кунурбай-батыру хитайцев целым улусом прикочевали.

Пестроголовый иноход и чубарая лошадь были поднесены в дар батыру Кунурбаю. Так кончилась сороковая поминка и с ней первый завет Кукотая.

* * *

Многочисленный народ ногайский, плотно юртами окруживший себя, у белой сопки, пупа земли, остановился и, собравшись, все держали совет. Бии с отвислыми животами, толстобрюхие богачи были на этом совете. Но Баймурза, сын богача, не мог управиться с народом. Однажды в один день заметили, что у шестилетнего сопляка оседлана лошадь и семилетний Бук-Мурун обучался у муллы. Белым седлом с золотою лукою коня Манекеря оседлал; рожденный для власти Бук-Мурун, оседлавши, сел и, в густую толпу собравшихся ногайцев въехав, дал голос: || «Брат старший, сын богача, Баймурза! Каждый день ты держишь совет, о чем идет дело? На кольце твоем золото и лука у седла твоего золотая; подхвостник твой из литого же золота, уздечка твоя убрана чистым золотом! Старший брат! Есть у нас толстогубый серый жеребец, на него я сесть тебе не позволю. Есть поминки по отце моем – распоряжаться тебе ими не позволю. К отжиревшему в Анджане, что грызет анджанские спелые яблоки, к самаркандскому сарту Манасу, корноухой рыжей собаке Ма-

*6 То есть вертикальными, отвесными.

нису, для поминок народ свой не пущу и сам не пойду, ты же сам к нему можешь идти, если хочешь. Я твердо решился: завтра я подниму свой улус; без шума отвяжут бабы жерди, что на юрте, без клокоту поднимут на руки беркутов, баранов погонят рано, чтобы не блеяли, навьючат тихо верблюдов, чтобы не ревели, детей поднимут тихо, чтобы не плакали. Так подниму многочисленный народ ногайский! Огни, что остаются на очагах, велю погасить, пеших наделю лошадьми, нищих – платьем и пойду вперед... На болотах Кузибашских остригу я овец, на большой Актам[10] как приду – исправлю я кибитки. Оттуда вперед я поднимусь, через Тиек-Таш я пройду, на Джаланаче-реке оставлю табуны, озерами по течению реки – реки Или широкой, все пойду вперед, оставив там хлебопашцев. У Калкана я пройду через реку, на лодках и плотах я переправлюсь, на Ак-Терескен поднимусь, здесь дам отдых лошадям, не снимая седел. Через Турген-Аксу переправлюсь – верблюдам дам я отдых, не снимая вьюков. || Когда приду на соленое озеро, наварю соли и, 60 верблюдов ею навьючив, я пойду к кочующему на солонцах Бутанын-Саз, каждый день азартно играющему, неверному хану храброму Джузаю, у которого шапка, как черный котел, огромна, который властен над всеми, имеющими жизнь и кровь. К этому-то неверному хану Ир-Чолану с улусом прикочую я. Возле стану ставкой и буду, как родной, вместе стану кочевать и буду, как единородный брат. Поднесу я ему пестроголового иноходa и чубарого коня. Золотую курму*[7] надену и буду настоящий вельможа; на шапку красный шарик[11] надену и павлином украшусь – видимо, тогда буду знатный вельможа. С калмыками, покрывающими Алтай, буду вместе кочевать, с калмыками, наполняющими Катай, вместе буду улусами стоять. С знатными буду знаться – всех коней подарю, с малыми буду знаком – халатами награжу. И оттуда поднимусь; подкую серебряною подковою белую лошадь, по течению реки пойду, по течению верхнего Иртыша, днем и ночью буду идти. В верховье Иртыша через Биштерекские хребты спущусь, через воду Джурги[12] перебредши, через ханскую гору[13] пройду, на Мула-Хургой направлюсь и там на верхнем Иртыше под Бурун-Ташем остановлюсь[14]. Шесть дней будет – лошади отдохнут, семь дней пройдет – усталый народ пусть отдохнет. А оттуда после на 90 верблюдах рис вьюками получу, 90 иноходов выберу, пойду к внутреннему хану [15] и там Кукотаевские поминки устрою на весь мир. Кукотаеву белую орду подниму я на дорогу, Кукотаевы многочисленные стада пригоню я для нужной требы. Устрою очаги, изрывши землю, и над ними соберу табун, без счету буду резать, и мясо будет горой чернеть. Шесть тысяч мо||лодцов, с лицами и руками белыми, как луковица, скромных, как ходжи, читающие намаз*[8], я соберу и, давшим им в руки анджанские ножи, заставлю мясо крошить; чтобы у них не замозолились пальцы, я шелком обверну и кожею обтяну, а чтобы крошители мои не уставали, для питья им полный котел черного чая поставлю. Так я дам Кукотаевы поминки, и неверных, и мусульман для этого соберу!»

* * *

Постлали шелковый ковер и на место Кукотая рожденного для власти Бук-Муруна избрали, и собравшаяся темная, как ночь, толпа ногайцев подняла хана.

---

*7. *Курма* – верхняя одежда.

*8 *Намаз (перс.)*– пятикратная мусульманская молитва.

* * *

Рано утром поднял Бук-Мурун весь ногайский народ. Отвязали без шума бабы жерди в юрте, подняли на руки беркутов без клокота. Навьючили верблюдов – верблюды не ревели, бараны не блеяли, дети не плакали. Пешим дал Бук-Мурун коней для езды, бедным дал одежду. Погасили костры, оставшиеся после снятия шатров, и снялся улус ногайский на кочевку. Как сказано – так и сделано... Стал, наконец, он на верхнем Иртыше.

Поставил белую юрту Кукотая, зарезал кобыл жирных, сложил гору из их мяса и изрыл землю на десять верст под очаги, подобрал шесть тысяч крошителей, и был готов праздник; нужно собрать алпов-великанов, батыров храбрых и коней ретивых для бегу. Стал разъезжать Бук-Мурун по темным, как туча, улусам ногайским, стал искать глашатая-посланца. Сын сары-ногаев густочупринный Яш-Айдар Чора ловкий он был, хитрый он был раб. Вызвал его сопляк.

– Сын сары-ногаев батыр! Ой, Яш-Айдар || густочупринный! Если ты дома – дай скоро голос, не лживо и живее. Я даю Кукотаевы поминки и зарезал уже скот для того. Пригласи же ты батыров на поминки и бегунцов приведи!

– Для власти рожденный, Бук-Мурун, мой тюре![*9] Не пойду я к батырам твоим, не пойду я за бегунцами-конями. Не хочу я умереть от великанов твоих!

Кочевали мы вместе, бараны наши зимовали в одной ограде, пашни наши были вместе, верблюды и лошади паслись на одном поле, и охотились мы вместе. Вижу я теперь, что за ребяческие игры и за шалости мои ты стал рабом меня считать. Два месяца, вместе 60 дней; пока я обращусь шесть раз, шестидесятилетний отец не оставит ли мир сей? Семь концов земли нужно семь раз обойти, то верная старушка мать не умрет ли в это время? Я к алпам твоим не пойду и за копями-бегунцами идти не могу!

– Густочупринный Яш-Айдар, мой Чора! Если ты не пойдешь к батырам сильным и за конями быстроногими, я сам пойду к батырам, сам призову их; я пойду за конями быстрыми и сам их приведу. Пока меня не будет при устройстве поминок и байги, какая беда? Ты будь распорядителем. Когда же я возвращусь, тебя, Чора, поставлю я главным призом первому коню; старого отца и старушку мать также поставлю на байгу на последний приз!

* * *

Дома у себя дерзко и важно ходящий густочупринный Яш-Айдар лишился ума от страха, сильно задрожав.

* * *

– О мой господин! Укажи мне лошадей в дорогу – на лучшую я сяду и пойду на твою службу; на детские мои шутки напрасно ты, Бук-Мурун-тюре, расходился. На шутки, сказанные из любви, напрасно ты раскудахтался. Скажи мне, какую мне надеть шубу,– я надену ее. Скажи мне приметы коням я беру себе в дорогу. ||

[*9] *Тюре* – в данном случае господин.

Есть у меня 60 коней-аргамаков*[10] – любого выбирай. 90 есть крепких коней – на любого садись; 70 скакунов, обгоняющих ветер,– возьми одного из них. Много у меня в табунах золотистых коней, но золотоголовый саврасый лучше всех, хочешь – возьми его. Отец ездил на большом, как шатер, Серке, матушка ездила на игривом Серке, сестра моя Карлыгач ездила на резвом коне с выгнутой, как постель, спиною, – из них можешь выбирать. Есть во всем табуне первый, жеребец есть белый, о жеребце белом, если хочешь знать его достоинства, расскажу тебе их: ребра его, как щит, крепки, хотя хан все лето ездил – не закроет их; под хвостом его колодезь, целому стаду куланов может быть водопоем, на голове его котловина, если ее наполнить водою, то стадо маралов не испило бы. Езди на нем, не сходя шесть месяцев – он не отощает, вырежь кусок мяса на спине и тогда не будет подпарины. Словом, нет возможности быть им недовольным; пустив его в бег, он первый бегунец, для работы он крепок. Во всем моем стаде этот вислогубый белый жеребец лучший конь и славная лошадь. Хочешь? Поезжай на нем.

Рожденный быть властителем, храбрый господин мой, Бук-Мурун! Лучше я умру от тебя, нежели на жеребце твоем умирать от великанов-алпов. Под тобою, султан, Манекерь-конь, дай Манекеря, я поеду; на тебе, султан, белый панцирь, дай, надену его. Тогда поеду к великанам всем и за конями для скачки, буду глашатаем!

На Манекеря сел и белый панцирь надел.

* * *

– Густочупринный Яш-Айдар Чора! Под тобою Манекерь, я его не испытал и достоинств его не видел. Если высокие встретятся горы, он цепляется, || как аркар, – не скатись с седлом назад. В глубокие овраги он ныряет, как утка, – не упади через голову его. Не испытал я его и не знаю я его. Знаю только, если хочешь знать: мы шли когда через Талгар, Талгар тогда был в разливе, когда вода Кинмичинская выступила из берегов, когда все переправлялись на лодках, – я переправился на нем, не прижимая ног. Вот что я только знаю о достоинствах его. Когда недавно мы вторглись в Самарканд, то из тысячи был первым – этот из тысячи один, что под тобою конь. Недавно, когда в Куркуль мы вторглись, из толпы людей и коней он вышел в беге первый – он красивейший Манекерь. Когда в Туркестан мы вошли, когда тьма людей храбрых и лошадей быстрых в сборе были – первым тогда был, что под тобою, бесценный конь Манекерь! Больше его не знаю и достоинств его не ведаю!

Погоди еще, густочупринный батыр мой, Яш-Айдар! Поддержи поводья коня своего, я хочу сказать еще несколько слов, хочу я сказать признаки алпов и лошадей, которых ты должен пригласить. Мы стоим улусом среди неверных, как блоха в густой гриве яка; собрать их поблизости могу я сам. Отсюда ты иди к тому батыру, который на Улутаве кочует и золотоглавого коня Мадьяна постоянно на привязи имеет, к Ир-Косаю ты иди, который есть отец народа, к Ир-Косаю, подобному воротнику на халате и подкове для ног лошади, к Ир-Косаю, который открыл запретные двери в рае и открыл остановившийся путь в Турфан, к тому Ир-Косаю, который остановившемуся базару дал новую жизнь. Когда неверный хан Мез-Кара в темницу заточил

*[10] *Аргамак* – породистая лошадь.

Джангырова сына Белерека, что был родом из ходжей, когда никто из мусульман не отважился восстать, он, храбрый Кошай, храбростью устрашил и освободил того ходжу. К этому-то храброму батыру Кошаю ступай и скажи, чтобы сам был на моих поминках и лошадь на моей байге. Если сам не будет на поминках и лошадь на байге, то пусть не показывается перед мои очи и не обращается больше ко мне. Кукотаево золотое цветное красное знамя будет развеваться над его юртой – этого пусть он ждет. Если я красные вьюки его не разобью, краснохвостых наров не навьючу его же добром, если черные (полные) возы добычи не добуду, если развесистые сады его не опустошу, если я его корень и происхождение не оскверню, если не изрою могил его предков, если не сделаю добычей жен его, детей, которые в пеленках и которые могут уже пасти баранов, если скакунов его, которых он не отдавал другу, и не отниму я силой, если красавиц-дочерей, которых он не отдавал за большой калым, не повлеку дерзко за белые руки и не привяжу их к хвосту лошади – пусть будет проклято мое, Бук-Муруна, имя, и не буду я Бук-Муруном больше!

От него ты пойдешь, держа ровно повода; иди ты к кочующему на Кичи-Таве горе батыру, имеющему вороного вещего коня. Вещий конь его подобен соловью, что живет в рощах, и черен, как погасший уголь. К сыну плешивого Ак-Тора, к храброму Урбэ ступай, Урбэ, который, один будучи, добыл себе богатство и силу, который никому не дал и паршивую кобылу, как не дает никому вымолвить слово. Батыр Урбэ по прозванию, а по имени Мунку, пусть придет сам особой своей и чародея коня пусть приведет для бега. Если сам не придет и коня не приведет – Кукотаево красное знамя пусть ожидает в гости. Разобью вьюки с богатствами его, разметаю по полю прах отцов его || и сравняю с землею сад его цветистый... Не сделаю этого – не буду я Бук-Муруном! И его сильно напугав и как Иссыккульские воды взволновав, от него ты пойдешь поводами ровно. Камбар-хана сын, Айдар-хан, Айдарханов сын, храбрый Ир-Кокче, не знающий богатства, Ир-Кокче ты скажи: родившегося в горах с козлом горным вместе, на песках который гулял с куланом вместе, железокопытного и медноногого Серко пусть приведет на байгу; если конь на бег выйдет, то получит приз, не выйдет – то пусть посмотрит на наше веселье. Его также напугав и взволновав, как Иссык-Кульское озеро, собери. Оттуда ты пойдешь, повода держа ровно, к Агышу с Хожашем, Алеке с Баубеком, Бетчу и Четчу, скажи им всем тоже, скажи золоточуприннным хватам и серочуприннным мужам, скажи батыру Чугунное ухо, Дуюр-Кулаку тоже. Есть саврасая кобылица Урху и есть владелица ее Урунха-хатун, богатырь-баба. Всем им скажи, чтобы все были на поминках у меня, – не будут они, то увидят красное знамя Кукотая у себя. Всех их тоже напугать и как Иссык-Куль взволновать.

От них поедешь, держа ровно повода. Есть батыр Идне, Ичкиев сын. Ноги он сильно упирает в стремя, а длинное копье в небо. Есть у него серопегий конь-бегунец, рожденный от двухгодовалого жеребца, славная то лошадь, пусть приедет с ней на поминки наши.

От него ты пойдешь дальше, поводами ровно. На Семиреках, что кочевье имеет Джебекеров храбрый Багыш, говорят, батыр, разбивший ойратов, а лошадь его саврасый кунан, хороший, говорят, конь. Скажи ему, чтобы привел коня и приехал сам.

От него ты пойдешь дальше, к батыру Карачу, под которым черная гора – не гора под ним, а черная лошадь, по прозванию. «Гора». Славный конь, говорят, || караченский Тау-Кара. Пусть придет сам и коня приведет. От него как пойдешь, повода держи ровно. Плод нечестивого мужа и незаконной жены, гибкий стан которого колышется, как бай от тяжести пояса, с длинными ногами, обутыми в сапоги, с каменным сердцем и жилами из металла – есть батыр Джаналы, в гордости подобный богу. Скажи ты этому Джаналы, что огнерыжий конь его – скакун-лошадь. Пусть придет сам и лошадь приведет. От него ты иди дальше и повода держи ровно. Есть батыр, родившийся по долгим молитвам многих угодников и по просьбе угодников на свет происшедший. Младшему из девяти сыновей старого отца, богом любимому храброму Тустуку скажи: конь его – пламя-хвост – верная лошадь, чтобы сам приехал и коня привел на бег.

В средоточие мусульманских и неверных улусов стою я ставкой, пусть [он] будет хозяином поминок, которые я даю по отце, по Кукотай-хане, пусть выбирает лучший кусок мяса – почетную грудинку.

От него ты пойдешь: за ближними горами по ту сторону их, под большими горами по сю сторону их, среди двух хребтов, ты увидишь сына вонючего старичишки, который всю жизнь доил вонючую березу[16], батыра Алпай-Мамета, по прозванию сизый заяц, ты увидишь. Белый заяц его бегунец конь – пусть приведет он на байгу мою. Скажи ты всем алпам: лошадей пусть ведут и сами пусть придут; выйдут кони – получат байгу, не выйдут – посмотрят на игры. Если сами не придут и коней не приведут, то увидят они красное знамя Кукотая-хана среди своих аулов... Всех и всех напугать, как Иссык-Куль взволновать.

Оттуда ты пойдешь поводами ровно... Буюн-хан, от Буюн-хана || Чаян-хан, от Чаяна – храбрый сын Якуб. Якубов сын – юный Манас! Двенадцати лет он уже стрелял из лука; тринадцати лет, в руках копье имея, врагов уже колол; из седла уносил детей, красавиц-девиц похищал много; четырнадцати лет разбивал аулы, юрты брал в добычу и храбрые от него кричали... коки! Пятнадцати лет был властителем сильного народа. К этому-то Манасу ступай и скажи ему, что конь его, покрытый золотым седлом, в беге точно серна, скакун с копытами в обхват, с ушами точно камыш, скошенный пером, его желто-саврасый, от ветра происшедший конь-бегунец, лошадь. Пусть приведет для скачки скакуна своего, пусть посмотрит на жилище мое. Ставкой я стою в средоточении мусульман и неверных-кяфиров. Пусть выберет он лакомый кусок и пусть будет он хозяином, распорядителем там.

Для детей разных отцов (разным родам) нужно дать пестроголовых иноходов и чубарых коней и нужно мне по достоинству и старшинству раздать им соответственные части убитого скота, поднести им обед и байгу нужно устроить. Проси его (Манаса) быть распорядителем. О, густочупринный Чора! Не тяни перед ним крепко удила, не жалей ты талантливых слов своих, хорошие говори ему речи! Мягкоговорящий ретивый Яш-Айдар Чора! Хорошие говори ему речи! Чтобы тебя не убил он и Манекеря не зарезал. Сойди с лошади, отдай ему селям, подойди к нему пешком и с поклоном отдай ему селям.

От него ты пойдешь дальше... С полным прибором, лук при бедре, на самаркандских горах... кружится. Кожатай-Сайдак при нем – на бухарских горах кружится. В

белой чалме, огромный, как котел, с посохом в руке, в устах его призыв и сам на божьей дороге, на стороне, где заходит || солнце, на великом Джулане есть золотобородый ходжа по имени Ай-Ходжа; Ай-Ходже тому скажи, чтобы белого Айбана на скаку бы пустил и сам бы приехал с благословением для нас. Для Манекеря-коня ты возьми от него белую в ладонь бумагу: пусть напишет он на ней письмо. На холку ты прикрепи то письмо. Хочу знать число алпов и число коням. Много алпов на земле и подземных много, не перечтешь их, скажи всем, которых я сказал. Шесть концов колекеяка[17] шесть раз оберни, семь концов земли семь раз обойди и скоро воротись.

Сдержи еще голову коня: остановись! О байге я еще не сказал. Головой, что будет на моей байге я скажу тебе: 9 шуб парчевых я выставлю, 90 рабов я ставлю, тысячу ставлю рабынь, тысячу верблюдов молодых, тысячу золотоголовых кобыл. Не буду пересчитывать последующие призы, мне домой надо идти. Что будет в хвосте, я скажу: пестроголовый иноход, 60 рабов на 60-ти конях...*[11], верблюд и с ребенком рабыня, ногайка и юрта, крытая сукном! Будь здоров и невредим, мой Чора, и скоро возвращайся, чтобы не соскучились мы и чтобы не испортилось зарезанное для гостей мясо.

* * *

На твердую, как камень, спину подобного Манекеря-коня впилась крепкая богатырская нагайка: сбросив [жир] свой с жеребенка весом, и сделался тонок, как борзая собака, сбросив еще с барана кусок, и сделался легок, как заяц степной. Открывал рот, точно змея-дракон, кровавая пена забелелась под ребрами коня. Кой-где виднелся – инде растягивался, как синеватый дым. Топ, топ – копытами стучал, под собою пыль крутил.

Приехал, наконец, [к] кочующему на Улу-Таве горе отцу народа старому Кошаю. – Да будет мир с тобой, храбрый Кошай отец!– И над тобою тоже, сын мой, густочупринный Яш-Айдар Чора. Здоров ли ты и хорошо ли живешь, сын? [У] Манекеря-коня по ногам течет пот и по шее струится,– почему и зачем ты ездишь, сын?

– Старший в народе, отец мой, Ир-Кошай, здоров и аман*[12] живу я – узнать о тебе приехал, счастлив живу я – соскучившись по тебе, приехал. Старший в народе, храбрый Кошай, подобный воротнику халата, подкове подобный Кошай. Есть голова у серого мерина, есть поминки по Кукотай-хане, есть голова у вороной кобылицы, есть тризна по батюшке-хане. Нужно сыновьям разных отцов поднести пестроголовых иноходей и приличные куски мяса, следует тарелки прилично поставить и нужно устроить при них байгу. Если не будешь сам на моей байге и коня не приведешь, то не показывайся на мои глаза (смотри угрозы Бук-Муруна).

Старший в народе храбрый Кошай, преважно шагавший у себя дома, услышал Бук-Муруновы слова, лишился чувств, задрожав.

– Густочупринный Яш-Айдар Чора! Званый я поеду и незваный я поехал бы; от угроз его я еду, без угроз бы его поехал.

---

*[11] Пропущено слово, очевидно, *нарядных*.

*[12] *Аман (тюрк.)* – благополучно, счастливо, жив-здоров.

Старейший в юрте Кукотай жил 199 лет и челюсть его была ослабевши. За ним следующий старший есмь я. Как ты говоришь мне такие (грозные) речи, густочупринный Яш-Айдар Чора! Такие речи говори только мне; есть алпы с сильною властью, от гнева их можешь умереть.

– Старший в народе, Ир-Кошай-отец! А скажу тебе, какие призы будут на байге: 9 шуб парчевых стоят 90 рабов и 90 рабынь и пр.

Комментарии

[1] Работа написана в результате поездки Ч. Валиханова к иссыккульским киргизам в 1856 г. В 1903 г. было опубликовано 3/4 перевода («Записки Восточного отделения Русского Археологического общества», т. XV, вып. I, с. IX–XV). Полностью работа увидела свет в 1904 г. (ЗРГО ОЭ, т. XXIX, с. 208–222). Печатается по тексту: ССВ, т. 1, 1961.

«Смерть Кукотай-хана и его поминки» представляет собой отрывок из цикла сказаний, входящих в состав большого героического эпоса киргизского народа «Манас». Прозаический отрывок цикла был записан Валихановым в 1856 г., во время его путешествия по Иссык-Кулю и Тянь-Шаню. Однако при издании сочинений Ч. Валиханова в пяти томах киргизский текст этого отрывка еще не был найден.

Данный перевод отрывка прочтен Н.И. Веселовским на заседании Восточного отделения Русского Археологического общества 21 марта 1902 г., т. е. до первой его публикации. Русские востоковеды в своих откликах отмечали высокие достоинства перевода и восхищались тем, «до какой степени силы и образности Валиханов умел передать по-русски сжатую киргизскую речь» (ЗВО РАО, т. XV, вып. I. СПб., 1903, с. IX). Вместе с переводом дается оригинальный текст самой рукописи, найденный академиком Академии наук Казахской ССР А.Х. Маргуланом в Архиве востоковедов в Институте народов Азии АН СССР (р. II, оп. 4, №36) через посредство писем Чокану Валиханову лектора восточных языков Петербургского университета Хусаина Фаизханова. В одном из писем последний упоминает о наличии в тетрадях Валиханова, предоставленных ему для ознакомления, киргизского текста сказания о смерти Кукотай-хана и его поминках, сильно заинтересовавшего его своим содержанием и языком. (См.: *Әлкей Марғұлан.* Шоқан және «Манас». Алматы, 1971, с. 5, 12).

[2] *Яш-Айдар-Чора* – имя эпического богатыря.

[3] *...кумызом меня омойте... головой на восток обратите.* – Здесь под легендарным завещанием Кукотая зафиксирован весьма древний обряд погребения, существовавший у древнетюркских племен Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Отделение мяса от костей при перевозке тела покойника на дальнее расстояние и обивка его кожей применялись казахами вплоть до XVIII в. Об этом обряде говорит автор XVI в. Сейфи (см.: *В.В. Бартольд.* Киргизы. Фрунзе, 1927, с. 39) и Георги И.Г., наблюдавший жизнь казахов во второй половине XVIII в. (См.: *И.Г. Георги.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, обыкновения, одежды, жилищ, украшений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Изд. 2. СПб., 1779, с. 139).

[4] *...придите на мой сруб (могила).* – Остатки срубной могилы встречаются довольно часто; в значительном количестве они обнаружены в Семиречье (Бесшатыр и др.), в горах Тянь-Шаня, на Иртыше и в горах Алтая (Пазырыкские курганы).

[5] *...пусть сделает кирпичи на жире восьмидесяти коз.* – Изготовление кирпича-сырца на животном жире весьма распространенный способ у казахов и киргизов, так как смесь жира с глиной обеспечивает значительную крепость и долговечность материала. Сооружения, построенные из такого кирпича, мало подвергаются влиянию выветривания и стоят очень долго.

[6] *...завитками и карнизами оденьте.* – Речь идет об архитектурном убранстве портальной части здания, выполненном в традиционном стиле в виде каннелюров, завитков (кошкармуюз) и других орнаментальных мотивов.

[7] *Собрал шатающихся... и бродяг обратил в народ.* – Традиционный поэтический образ, известный еще в надписях Кюльтегина (VIII в.).

[8] *...давать мою сороковую поминку.* – У тюркских народов существует древний обычай устраивать поминки по умершим через семь, сорок и 90 дней после их смерти, затем через год.

[9] *Великая тризна* – годовые поминки. В годовые поминки устраивается большой праздник, типа поминок Кукотай-хана, описанных в эпосе «Манас», возводится надгробное сооружение, а жена покойного снимает траурную одежду.

[10] *Актам* ... в издании 1904 г. – «Акташ».

[11] *Красный шарик* – китайский знак власти, выдававшийся высшим военным чинам. Его давали также киргизским манапам и князьям малых народов, зависимых от Китая.

[12] *Джурга* – название реки в Восточном Казахстане, левый приток Иртыша.

[13] *Ханская гора* (Хантау) – одно из древних названий Чингисского хребта (теперь так называется самая высокая его вершина).

[14] *...под Бурун-Ташем остановлюсь.* – Здесь дано яркое описание кочевого пути древних киргизов, пролегавшего от Иссык-Куля до Алтая и Верхнего Иртыша. Исходным пунктом кочевого каравана в «Манасе» показано урочище Кузыбаши, расположенное в районе Иссык-Куля.

Караван следует по маршруту Кузыбаши (место весенней стрижки овец), Большой Актам (северо-восточный берег Иссык-Куля, где делался привал для исправления кибиток); далее перевал Тиекташ (спуск в Илийскую долину), горная долина Джаланаш (теперь Кегеньский район), р. Или, переезд через нее у горы Калкан, р. Аксу (у Джунгарских Ворот), далее, пройдя Джунгарские Ворота, следует по Южному Тарбагатаю в долину Верхнего Иртыша близ Бештерекского перевала, расположенного в северо-восточном конце Саурского хребта. На Верхнем Иртыше под Бурунталом большая стоянка, здесь киргизы ожидают торговый караван с рисом и другими товарами.

[15] *Внутренний хан* (ічкі хан) – под этим названием, по-видимому, подразумевается область Верхней Оби и Енисея, где в период раннего средневековья обитала часть киргизского народа; эту страну, по эпосу «Манас» киргизы называли Внутренним ханом или внутренней областью, т. е. находящуюся за высокими горами Тянь-Шаня, Каракорума и Памиро-Алая.

[16] *...доил вонючую березу...* – гиперболическое выражение, означающее действия человека, когда он от чрезмерного голода употребляет сок березы.

[17] *Колекеяк* (колекей) – обширная котловина, где собирается талая вода; в переносном смысле – море, океан.

Раздел III

ПУТЕШЕСТВИЕ В КАШГАР

О СОСТОЯНИИ АЛТЫШАРА[1] ИЛИ ШЕСТИ ВОСТОЧНЫХ ГОРОДОВ КИТАЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ НАН-ЛУ[2] (МАЛОЙ БУХАРИИ[3]) В 1858–1859 ГОДАХ

Географический обзор

|| Восточный Туркестан с трех сторон замкнут горами: на севере Тянь-Шанем, на западе Болором[4] и на юге Куэнлунем. Горы эти принадлежат к самым высоким хребтам Внутренней Азии и служат естественной границей Западного края Китайской империи. За действительную же пограничную черту надо принять линию пикетов, расположенных в предгорьях, потому что вне этой черты кочуют киргизы, признающие власть кокандского хана. На востоке пределы Восточного Туркестана ограничиваются песчаными, необитаемыми степями Махайской и Комульской гоби*[1]. В этом пространственном отношении Малая Бухария зани||мает площадь между 36 и 43° северной широты и между 70 и 92° восточной долготы от Парижского меридиана*[2].

Восточный Туркестан лежит в центре восточноазиатского нагорья. Гумбольдт, основываясь на отношениях возделывания растений, полагал, что Малобухарская равнина должна иметь не более 1200 футов абсолютной высоты, и назвал ее Таримским понижением по имени большой малобухарской реки Таримгол (иначе Эргол), которая своим бассейном занимает всю площадь Восточного Туркестана. Действительно, Малая Бухария представляет углубленный дол, имеющий характер равнины, открытой и, судя по течению реки Эргол, || несколько наклонной к востоку. Внутренняя часть этой страны представляет песчаную пустыню, которая начинается в виде узкой, холмистой гряды между Янысаром и Яркендом, и, постепенно расширяясь к востоку, образует обширную песчаную степь (гоби)[6], лишенную растительности, с резервуарами горько-соленой воды, степь, в которой песок нагроможден целыми горами, имеющими такую высоту, что туземцы дают им название «таг» (гора).

Если верить свидетельству туземных писателей, песок этот переносится, подобно африканским, и засыпает целые города. История представляет несколько примеров подобного события*[3]. Места, прилегающие к подножию гор, имеют глинистый грунт, покрытый мелким щебнем и местами пропитанный солями. Множество || рек, вытекающих из соседних гор, доставляют удобство для искусственного орошения почвы, которая без ирригации при крайней сухости воздуха производит редкую и бедную растительность. Только места, питающиеся водой, образуют острова плодородной земли. Таким образом, возделанные и заселенные оазисы образуют дугу по

*[1] Т. е. *Хамийская пустыня.*

*[2] Долгота центра Парижа 2°20′10′′ от Гринвича.

*[3] В XIV столетии погибли таким образом города Лоб и Кедек, лежавшие около озера Лобнор. (См. «Тарихи-Рашиди», рукопись Академии наук.) *(Примечание Ч. Валиханова).*

подножию Тянь-Шаня, Болора и Куэнлуня. Система р. Тарима и его притоков оживляет культурой внутренние части этой пустыни. Таков общий характер территории Южной линии, представляющий исключительно равнинные свойства, лишенные резких орографических рельефов.

Небольшие глинистые холмы, которыми оканчиваются предгорья окружающих горных цепей, впадают иногда в равнину; они, как и песчаные горы в малобухарской Сахаре, имеют незначительную высоту, но || тем не менее в общей картине страны составляют своеобразную характерную черту. Три великие цепи гор, знаменитые по влиянию своему на развитие среднеазиатских народностей и на их историческую судьбу: Небесные горы, священные для гуннов и для тюрков тугю, Болор и Куэнлунь с особой группой любопытных народов, производящих себя от Александра Македонского, огибают Восточный Туркестан колоссальной дугой. Так как горы эти лежат вне политических пределов страны, то я в настоящем случае буду говорить о них в той связи, которую (они) имеют с Малой Бухарией в отношении дорог и проходов.

Дороги, ведущие в Восточный Туркестан, или, все равно, идущие из Восточного Туркестана, пролегают частью по ущельям, частью по горным плато. В первом случае (дороги) представляют много трудностей и опасностей. Путник должен беспрестанно то подниматься, то спускаться, должен идти по узким извилистым тропинкам, иногда но краю глубокой пропасти и нередко по опасным косогорам. Когда же дороги проходят по плоскогорью, тогда встречаются незначительные округленные подъемы и небольшие овраги, удобные для езды всякого рода. Тянь-Шань относительно путей сообщения представляет наиболее удобные доступы. Этот хребет на протяжении от меридиана Кучи до пересечения с Болором имеет три характеристических рельефа. На восток от поперечного течения реки Аксу до Кучи Небесные горы образуют высокий кряж, покрытый вечными снегами и обширными ледниками, и потому носят название || Музарта (ледяных гор).

Реки, вытекающие из него на этом пространстве, имеют поперечное течение; скаты гор покрыты хвойными лесами и богаты пастбищами, но необитаемы. Через Музарт есть только один проход, известный у китайцев под названием прохода ледников, а в маршруте Гумбольдта названный Джепарле[7]. Через этот проход идет дорога из Кульджи в Аксу. Хотя он, по описанию китайцев, представляет большие трудности, но проходим на верблюдах. Музартский проход закрыт для иностранцев.

На запад от реки Аксу до меридиана Кашгара Тянь-Шань обращается в широкое нагорье, называемое киргизами Сырт, имеющее в поперечнике около 150 верст, прорезанное про||дольными долинами значительной абсолютной высоты. Сырт безлесен, вследствие постоянной низкой температуры не способен к культуре, покрыт мелкой, но густой травой и служит летними кочевками для киргиз. Через Сырт пролегает много караванных путей, и все они проходимы на верблюдах. На запад от меридиана Кашгара Тянь-Шань разделяется на несколько ветвей.Горы здесь одеты лесом. Реки вырывают углубленное ложе, и береговые долины их большею частью сопровождаются уремой. Но подъемы делаются выше. На этом пространстве есть много конных дорог и два караванных пути из Ферганской долины в Кашгар: одни из Анджана через Узгенд, Чадыркуль и по реке Тоинбаши в Кашгар, а другой че-

рез проход Теректы-Даван, известный у нас под названием Кашгарской теснины. По первому пути происходили || торговые сношения Азии с Китаем в самые отдаленные времена (Птоломеева дорога в Серы). По ней проходили орды, вторгавшиеся из Монголии на Туран. Дорога эта оставлена со времени основания и усиления города Кокана (в конце XVII века), и теперь по ней ходят изредка небольшие партии анджанских торгашей, выменивающих у киргиз баранов. Значение ее перешло теперь на Теректинский путь, идущий из Оша в Кашгар. По последней дороге идут круглый год почти каждый день вереницы вьючных лошадей. Теректинский путь обилен топливом и кормами. От Кокана до Кашгара по этому пути 18 дней караванного ходу.

Болор, или, как называют его анджанцы, Алай[8], на западном склоне крут и недоступен, а восточная часть его образует высокое холодное плоскогорье Памир, посещаемое только летом киргизами. Через Болор есть только один караванный путь, проходящий через Бадахшан. Бадахшанскнй путь, как говорят, чрезвычайно труден, проходим только на лошадях. Из Яркенда дорога через Бадахшан направляется на Хулум[9], оттуда || в Бухару и Кабул; караваны идут до Бухары 65 дней. Памир перекрещен дорогами,проложенными кочевками киргиз; все они ведут в Кокандское ханство или в Каратиген[10] и Дарваз[11]. В Куэнлуне есть также несколько дорог: первая из Кашмира через Даирим[12] на Корчу и Яркенд, вторая – из Яркенда на Канджут[13] и Гундзе[14] и потом в Искардо[15], но более всех известен один доступ – проход Каракорум, через который Восточный Туркестан сообщается с Тибетом и Индией. Дорога до Тибета проходит местами необитаемыми и бедными кормами, а из Тибета в Индию пути так трудны, что произведения Индии достигают Восточный Туркестан из Бухары черезТеректинский проход. От Яркенда до Тибета 40 дней ходу; а изТибета в Кашмир 12 дней; под вьюки на этой дороге употребляются лошадь и як.

Вообще горы, опоясывающие Малую || Бухарию, имеют немного хороших доступов, только по линии Тянь-Шаня от Аксу до пересечения его с Болором находятся наиболее удобные сообщения.

Из всех поименованных путей в настоящее время Теректинский наиболее посещаем как караванами, так и войсками; он оживлен постоянной торговой деятельностью и нет дня, чтобы через него не проходил караван. Во время зимы, особенно в эти годы, когда выпадают большие снега, горы, окружающие Малую Бухарию, бывают непроходимы, и все проходы закрываются, исключая Теректинский и Музартский. Закрываются (проходы) в ноябре, иногда даже в начале октября. Открываются некоторые в марте, а другие и гораздо позже.

[Реки]

Реки Малой Бухарии принадлежат речной системе Таримгола: только некоторые из рек, выбегающие из Куэнлуня, впадают в озера или же теряются в песках. Главные реки, составляющие Таримгол, суть: Аксу-Дарья, Файзабад-Дарья (иначе называемая Кашгар-Дарья), Яркенд-Дарья и Хотан-Дарья. Аксу-Дарья || составляется из двух притоков: собственно из реки Аксу (которая в верхних частях называется Сарыджаз, потом Капчагай и только в нижнем течении получает свое настоящее имя) и из реки Кокшал. Река Аксу берет начало из северного склона Хантенгри-Ула, течет

параллельно меридиану, рассекая Тянь-Шань в поперечнике, образует глубокое и каменистое ложе. Кокшал вытекает из холмистых возвышенностей, окружающих с восточной стороны горное озеро Чадыркуль, и под названием Аксая течет прямо на восток по широкому, довольно обширному плоскогорью; потом (он) круто поворачивает на юг, спускается на южный склон Тянь-Шаня и впадает в Аксу, имея || течение параллельное подошве гор и направление на северо-восток[16]. Реки, составляющие Кашгар-Дарью, берут начало из Тянь-Шаня и Болора. Файзабад-Дарья составляется из двух рек: Тюмень и Кызыл-Дарьи. Первая берет начало из гор Коктоин*[4], на северо-запад от озера Чадыркуля; вторая, Кызыл[17], имеет источник в горах Алай из вершины Тенгритюбе, в том мосте, где Тянь-Шань пересекается с Болором.

Файзабад-Дарья принимает: справа реку Устэн[18], или Хан-арык (означенную на наших картах под названием Яманьяр-Устэн), и реку Янгисар-Устэн, а слева реку Артыш. Река Артыш вытекает из возвышенности Торгат*[5], окружающей на юге озеро Чадыркуль, || имеет до выхода в долину название Тоин; она принимает в горах много рек, из которых более замечательна Теректы, или Астын-Артыш, впадающая с правой стороны*[6]. Река Устэн, или Яманьяр, берет начало из озера Каракуль в столовой земле Памир[19]. Река Янысар-Устэн берет начало из окрестностей озера Саркола[20] и впадает слева*[7] в Кашгар-Дарью. Яркенд-Дарья, или Яркенд-Устэн[21], составляется: из собственно Яркенд-Дарьи[22], которая течет из озера Саркола и в вершинах носит названия: Саркол и Заравшан, и из реки Тызнап[23], вытекающей из северного склона Каракорумского прохода в горах Куэнлунь. Хотан-Дарья начинается также из Каракорумских гор и составляется из двух рек: Каракаш и Юлгункаш*[8] (по || китайскому произношению Юрункаш). После соединения рек: Аксу, Кашгар, Яркенд и Хотан-Дарьи, которые сходятся почти в одном пункте, река принимает название Тарим-Устэна, а по китайской географии – Таримгола или Эргола.

Из рек, впадающих в Тарим, замечательны: Музарт, Куча-Дарья и Хайду[24], сбегающие из Тянь-Шаня и впадающие с левой стороны. Тарим вливает свои воды в озеро Лобнор[25], что значит на монгольском языке звездное море. Лобнор, по китайским источникам, имеет в длину 400, а в ширину 200 ли. Окрестности озера изобилуют источниками мутной воды, которые, подобно фонтану, бьют вверх и, как уверяют китайцы, уподобляются звездному небу.

Озер в || Малой Бухарии много, все они лежат по краям внутренней пустыни и имеют горько-соленую воду. У туземцев есть предание, что родина их была дном большого внутреннего моря.

Все реки Восточного Туркестана в верхнем течении своем носят более или менее характер горных потоков, имеющих незначительную глубину, но быстрое течение по каменистому дну. В июле и августе воды от таяния снега значительно прибывают, но (реки) во все времена года проходимы вброд; только после соединения нескольких притоков (они) получают значительную глубину и ширину. На реке Кызыл, между Кашгаром и китайской крепостью, и на Файзабат-Дарье (соединение Тюмени

*[4] На современных картах Коктун.

*[5] Точнее: *Торугарт.*

*[6] Описка, следует: *с левой.*

*[7] Описка, следует: *справа.*

*[8] В современном произношении уйгуров: *Урункаш.*

и Кызыл) устроены переправы. Хотя || Кашгар-Дарья и Яркенд-Дарья в полноводье, и Тарим во все времена года и по всему течению судоходны, но туземцы не пользуются этим средством сообщения. Относительно сообщений, и вообще, реки в Малой Бухарии имеют высшую степень важности, ибо, наделяя внутренние пустыни плодородием, делают негостеприимные земли способными к заселению.

[Внутренние пути сообщения]

Сообщения туркестанских городов Яркенда, Кашгара и Аксу между собой производятся по течению рек. Внутренние пути сообщения, т. е. сообщения между городами Восточного Туркестана и с Китаем, довольно удобны. На всех дорогах устроены китайцами станции – уртэн[26], на которых живут по 15 и 20 человек китайцев при || офицере и столько же семейств туркестанцев, обязанных ямскою повинностью; кроме того, устроены сигнальные маяки для быстрой передачи известий в случае войн или восстаний. На станциях можно достать, разумеется, для небольших караванов, фураж и съестные припасы.

Город Аксу есть центральный пункт относительно путей сообщения, где сходятся все дороги этого края. Из Аксу идут дороги в Китай, в Или и во все города Восточного Туркестана.

Все пути, идущие из Внутреннего Китая в Западный край, сосредоточиваются в городе Гунчанфу; отсюда дорога идет в Лянджеу, где устроен запасный магазин на случай войны || в Западном крае[27]. В 37 верстах от него, на западном конце Великой стены, лежит крепость Цзя-юй-гуань, служащая заставой. От этой заставы до Комула простирается песчаная степь, необитаемая, лишенная воды и растительности. В Комуле устроены хлебные магазины.

Далее дорога разделяется на две ветви: одна «северная дорога» идет в Джунгарию, другая «южная» в Восточный Туркестан. Джунгарская дорога направляется через восточное фланговое понижение Тянь-Шаня на Баркуль, Урумчи, Хурхараусу, в Или. Южная дорога идет по направлению на запад, через Пичан в Турфан, который имеет прямое сообщение с || Урумчи, через Богдо-Оло. Далее дорога идет в Харашар, который по реке Джолдус и Нарад-Даван сообщается с Илей. На юг от Харашара простираются болотистые топи, продолжающиеся на запад до города Бюгура, где устроена земляная насыпь, и, наконец, через Кучу дорога достигает Аксу.

От Пекина до Аксу китайцы считают 3844 версты. Южная дорога пролегает по местам ровным и более или менее населенным, только между заставой Цзя-юй-гуань и Хами на пространстве 750 верст лежит песчаная степь, прекращающаяся только в 65 верстах от оазиса Хами. На этом пути основаны китайцами несколько поселений и устроены станции. Замечательные пункты в военном отношении на Южной || дороге суть: Комул с запасами хлеба и оружия и Бюгур. Город этот лежит среди непроходимых болот и может с небольшими силами защищать Южную дорогу. Из Пекина караваны и войска идут до Аксу $4^1/_2$ и 5 месяцев, а экстренная почта в один месяц.

От Аксу до Или (Кульджи), средоточия военного и гражданского управления Западного края, считается 615 верст; дорога проходит местами в высшей степени гористыми. На этом пути лежит знаменитый проход ледников – Джепарле. Скорое

сообщение по этой дороге производится в 15 дней; на пути есть уртенги. Из Аксу главная трактовая китайская дорога идет в Уш-Турфан и Яркенд.До Уш-Турфана полагают 120 || верст, а до Яркенда – 670. На пути в Яркенд в 290 верстах лежит город Бурчук с китайским гарнизоном и переправой. Отсюда есть прямая дорога в Кашгар; расстояние между Кашгаром и Бурчуком полагают около 240 верст. Торговые караваны ходят всегда из Аксу прямо в Кашгар по этой дороге. Из Яркенда трактовый путь идет в Кашгар через Янысар и в Хотан. От Яркенда до Янысара 170, от последнего до Кашгара 85 верст; расстояние между Хотаном и Яркендом считают в 405 верст. Китайские войска и казенные транспорты их доходят в Кашгар и Хотан через Яркенд.

Кроме этих двух путей, есть из Аксу прямая дорога в Хотан по течению Хотан-Дарьи (по ней ходу караванного 18 дней, а скорой езды 15) и два || пути из Уш-Турфана в Кашгар. Один из Уш-Турфана выходит прямо на четвертую станцию по Яркендскому пути, потом в Бурчук и оттуда в Яркенд и Кашгар, а другой – прямо в Кашгар. Последний идет вверх по течению Кокшала и выходит через караул Борчан на Алтын-Артыш; по этой дороге считается до Кашгара 350 верст. Путь этот проходит местами необитаемыми, но обильными кормами и топливом.

Дороги, идущие из Аксу в Уш-Турфан, Кашгар, Яркенд и Хотан, пролегают через места населенные, а последние три – по течению рек, береговые поймы которых представляют прекрасные природные луга; дороги, проходящие по подножию гор, идут по местам густо || населенным, кроме дороги из Турфана в Кашгар.

В древние времена китайцы с Западным краем сообщались через Гуачжеу (в 200 верстах на запад от Цзя-юй-гуань), прямо по песчаной степи в Хотан, но в настоящее время путь этот совершенно забыт. Из Турфана через Лобнор также есть дорога в Хотан, но также забыта, как первая.

[Климат]

Несмотря на огромное свое пространство, Восточный Туркестан представляет замечательное однообразие климата, которое можно объяснить только особенностями географического положения. Горные страны, лежащие в соседстве, пользуются другими климатическими условиями, чем Малобухарская равнина; в горах и летом бывают || снежные бураны. В лето царствует прохлада, снега в долинах лежат до мая и июня месяцев, не говоря о горных вершинах, которые вечно покрыты снегом; зима начинается с октября, по крайней мере караван, выступивший из Кашгара при нашем приезде (1 октября), возвратился обратно потому, что Теректинское ущелье было покрыто непроходимыми снегами.

Теперь мы будем говорить о климате низменного пространства и исключительно о территории «Шести городов».

Начнем с личных наблюдений. 27 сентября, когда мы вошли на южный склон Тяньшанского хребта в Теректинское ущелье, берега реки Теректы были покрыты изумрудной зеленью || деревьев и кустов, термометр показывал 22 по Реомюру; при входе в Кашгар наш караван проходил между фруктовых садов, в которых женщины и дети срезывали оставшиеся виноградные лозы, а гранаты еще висели на ветвях;

сорочинское пшено и хлопчатая бумага большею частью еще не были сняты. На базарах продавались свежие овощи и фрукты: яблоки, квиты, груши, персики и фиги.

С 27 сентября до половины ноября погода стояла постоянно теплая и ясная, жары доходили до +23°; около 10 ноября ночи сделались холодные и стали падать листья, а в каналах ночью вода покрывалась тонким льдом, так что 14 ноября в арыках остановили воду. Декабря 19 выпал первый снег и продолжался до полудня || следующего дня; второй раз – 7 января – шел целый день до полночи и потом 12 января до утра 14 числа. Большею частью термометр стоял выше нуля и на 0°; только два раза спускался: 19 декабря до 8° и 16 января до 16°.

Всю зиму реки Кызыл и Тюмень не замерзали, но городские пруды покрылись льдом в четверть толщины. После китайского нового года, который туземцы считают за начало весны, действительно дни вдруг сделались теплее – 14 февраля в каналах появилась вода, и природа быстро начала пробуждаться. В последних числах февраля продавали, как новинку, пирожки, начиненные первыми отростками зелени, а 9 марта на дворе нашей квартиры || несколько деревьев совершенно распустили листья. Во все время до выхода каравана из равнины (17 марта) погода стояла ясная и теплая, только 14 и 15 числа дул теплый северо-восточный ветер. Вообще туманы, дожди были очень редки: два дня и то не постоянно покрапливал дождь. В начале февраля ветры дули очень часто и всегда западные или северо-западные. На основании этих данных и по свидетельству жителей, весна открывается здесь в начале февраля – несколько позже, чем в соседней Ферганской долине, потому что кокандцы, приехавшие перед нашим отъездом за 15 дней, говорили, что при выезде их в Коканде цвел абрикос.

Лето, говорят, отличается сильными жарами, и воздух делается невыносимо удушлив от || густых облаков пыли, тем более, что не охлаждается дождями, которые здесь весьма редки. Жители Восточного Туркестана ужасно боятся грозы. Если горизонт покрывается тучей, то все ахуны со своими школьниками выходят на террасу мечетей и читают громко молитву «кнут», которой приписывают силу разгонять облака. Причины этой боязни заключаются в том, что после дождей земля покрывается солями, вследствие чего бывает худой урожай и, наконец, потому что все дома, построенные из битой глины, имеют плоские крыши, так что если б здесь шли проливные дожди, то города Малой Бухарии подверглись бы несомненному || разрушению.

Зима имеет, как говорят, тот же характер, как бывшая при нас, т. е. снег лежит не более трех или четырех дней; реки всю зиму не замерзают. Холодными считаются зимы тогда, когда реки по берегам покрываются льдом. Сильные холода бывают в конце двенадцатого месяца, по китайскому счислению, т. е. в январе, а с китайского праздника нового года, который туркестанцы называют монгольским словом «чаган», начинается весна.

Постепенный переход от лета к осени и резкий переход от зимы к весне составляет климатическую особенность страны.

Смена четырех годовых фаз сопровождается следующим видоизменением в растительности. В средних числах марта цветет || абрикос, потом другие деревья распускают листья, искусственные луга покрываются свежими отростками густой зелени

мусуя, потом появляются в полях тюльпаны и ветрянки; в апреле начинают завязываться плоды на абрикосах; в конце мая созревают тутовые ягоды, абрикос и дыни, называемые «замуша». В это время снимают ячмень и на место его сажают морковь, лук, репу и другие огородные овощи. С июня до августа созревают яблоки, персики, а остальные хлеба и фрукты спеют в августе. К сентябрю и до октября остаются: конопля, сезам, рис, джугара, кукуруза и хлопчатая бумага.

Господствующие ветры здесь западный и северо-западный; (они) дуют || преимущественно весной и всегда поднимают пыль и густые облака песку, которым покрыта глинистая почва.

Янысар, Яркенд и Хотан находятся почти под одинаковыми климатическими условиями с Кашгаром; в Хотане зима бывает еще менее заметна. В Турфане, Аксу, особенно в Бае и Сайраме, которые лежат ближе к горам и севернее, летом больших жаров не бывает, и зима более чувствительна. Реки покрываются льдом, но снег падает в конце января и тотчас же тает; впрочем, все это не мешает произрастанию в Аксу гранат, фиговых деревьев и хлопчатой бумаги. Надо полагать, основываясь на свидетельстве императора Канси[28] и патера Жербильона[29] о культуре апельсиновых деревьев, || что Комул пользуется более благорастворенным климатом; в восточных городах, как говорят, зима бывает холодная, а лето крайне жаркое. По растительным своим произведениям славятся там города Турфан и Комул, особенно последний, дынями, которые употребляются при китайском дворе.

Климат Восточного Туркестана, судя по здоровью жителей и, наконец, по благодетельному действию на иностранцев, должен быть чрезвычайно здоров. Эпидемические опустошительные болезни туркестанцам вовсе неизвестны, кроме оспы, от которой в прежние времена вымирали целые селения, и жители в паническом страхе удалялись в горы; || а теперь стали прививать оспу. Несмотря на излишнее употребление плодов, овощей и всеобщее курение хашиша, которое, как известно, имеет разрушительное влияние на организм, больные между туркестанцами редки. Венерическая болезнь, несмотря на большой разврат, еще не распространилась. Во всем Кашгаре мы знали только двух лиц, легко обезображенных этой болезнью. Туземцы мужчины имеют крепкое сложение, сильны, но редко достигают глубокой старости. Женщины имеют слабое сложение и вследствие раннего замужества (12, даже иногда и 10 лет) подвержены разным хроническим болезням; в 50 лет кашгарки так же дряхлы, как у нас в 70 и 80 лет. В Яркенде || развиты опухоли шейных желез, или зобы; причины этой болезни туземцы приписывают свойству воды. Она встречается также в Коканде.

[Естественные произведения]

Переходя теперь к естественным произведениям Малой Бухарии, мы укажем на главные характеристические черты производительности края. Минеральные богатства Малой Бухарии очень мало исследованы. Золото вымывается в селении Керья в таком количестве, что жители подать свою оплачивают этим металлом и имеют возможность продавать в частные руки. Ежегодно ко двору отправляется из Хотана до 80 ланов[29a] золота. Медь добывается: в Аксу, Сайраме и Куче; аксуйская – известная

своею ковкостью, заключает, как говорят туземцы, || значительную примесь драгоценных металлов, но туземцы не умеют отделять их.

Восточный Туркестан производит в изобилии: серу, нашатырь, квасцы и селитру. Вулканическая почва окрестностей города Кучи особенно знаменита, как главное месторождение этих материалов.В Уш-Турфане и Яркендском округе добывают горючую серу, в Сайраме и Уш-Турфане – селитру. Соляные копи лежат в горах Янчишань, на востоке от Аксу.

К числу замечательных минеральных произведений Восточного Туркестана относится нефрит, или восточная яшма (Jade oriental), – камень, чрезвычайно уважаемый в Китае, под названием ю[30]. Нефрит бывает двух || пород: горный, у туземцев лоуча, или биш-базган, которого обломки лежат в 45 верстах от Яркенда, в горах Мирджай и Суташ, [и] добываемый в реке Юлгункаш (по китайскому произношению Юрункаш), под особенным надзором китайского офицера. Ежегодно отправляют в Пекин до 10 тысяч гинов[31] горного нефриту и все количество улова в реке Юрункаше; частная продажа строго воспрещается китайским правительством.

Разработка серебряных, железных и свинцовых руд и каменного угля в Малой Бухарии не производится, и, сколько нам известно, серебро, железо и каменный уголь, по крайней мере в территории «Шести городов», еще не открыты. В китайской истории упоминается || о серебряных рудах в Комульских окрестностях, но не знаем, в какой степени это правдоподобие.

Два завода: медный и свинцовый, лежащие на пути из Кашгара в Коканд, по политическим причинам оставлены без разработки. Так как большая часть минеральной добычи этой страны идет в дань Китаю, а вся медь отправляется на монетный двор в Аксу, то далеко не удовлетворяются потребности жителей. Железо, чугун, свинец, медь и латунь получают из Коканда, куда эти металлы привозятся в массах и в виде изделий из России. Недостаточные металлургические познания и незнание самых простых приемов рудного дела препятствуют туркестанцам пользоваться иско||паемыми богатствами, которыми должны быть богаты недра гор, окружающих Малую Бухарию. Кокандцы в верховьях р. Сыр, вытекающей из Тянь-Шаня, вымывают, как говорят, значительное количество золота; в горах, на восток от Анджана, разрабатывают серебристый свинец. Особенно богат ископаемыми драгоценностями Болор. Известно, что главную статью торговли Каратигена с Кокандом составляет золото в самородках, а Бадахшана с Яркендом – невольники, золото, Lapis Iazuri, бирюза и рубины.

Памирские киргизы привозят в Яркенд и Кашгар горный хрусталь, разные яшмы и самородки золота. Гуэн-Цсанг[32], китайский путешественник VIII века, упоминает, || что страна Помоло (Памир) производит золото огненного цвета. В Куэнлуне еще не были производимы минеральные поиски, но надо полагать, что этот хребет не лишен металлических кладов. Река Керия с золотыми приисками вытекает из этих гор. Название Заравшан (золотоносная), которое имеют некоторые реки, вытекающие из него, и предание, распространенное в Малой Бухарии, что владетель гильгитов[33] хранит в своей пещере огромные брусья золота, подтверждают это предположение.

[Растительность]

Природная растительность Малой Бухарии бедна и породы ее не разнообразны. Характер туземной флоры имеет общую аналогию со степной растительностью || Илийской долины. Северный склон Тянь-Шаня, обращенный на долину Иссык-Куля, имеет богатую альпийскую флору, которая представляет роскошные луга густой зелени и ярких цветов; скаты гор покрыты обширными пихтовыми*9 лесами, рябиной, иргаем, а по берегам рек – барбарисом, жимолостью, альпийской смородиной, шиповником и проч. Выше хвойной зоны растет вереск*10 (Juniperus sabina) и чилига – верблюжий хвост (Caragana jubatae).

Южный склон Небесных гор, ниспадающий на Малобухарскую равнину, на запад от меридиана Аксу, состоит из глинистого сланца, конгломерата, а низшие предгорья – из пластов слоистой глины. Обнаженные скалы южного склона имеют там и сям изолированно растущие || тощие травы или совершенно голы. Киргизские козы и бараны осенью едва находят пищу. На восток от Аксу горы покрыты хвойными лесами (пихтой); имеют богатые горные пастбища.

Нагорье Сырт, исключая долины рек Атбаш, Арпа и Нарын, не способно к культуре, безлесно, покрыто мелкой, но густой травой. На равнинах Атбаша и Арпа киргизы сеют пшеницу, ячмень и просо; они также лишены деревьев и кустов и поросли мелкой травой, ковылем и артемизией.

Углубленное течение Нарына образует плодородную долину, имеющую высоту, ранную иссыккульской. Берега Нарына окаймлены лесом из облепихи (Hippophae rhamnoides), ивы, тополя, разных чилиг, а горы одеты || густым пихтовым лесом и растениями, свойственными альпийским зонам северного склона. В той части Тянь-Шаня, которая примыкает к Болору, появляется таволга (Spirea), вереск и иргай (Cotoneaster multiflora). Последнее растение и разные виды линейных: тюльпаны и лук характеризуют Болорскую флору, которая, как говорят, богата пастбищными лугами.

Куэнлунь, по свидетельству Томсона[34], представляет относительно флоры крайнюю бедность: скалы его покрыты одиноко торчащими растениями, в которых преобладают астрагалы.

Растительное свойство Малобухарской равнины еще печальнее. Внутренняя масса страны представляет бесплодную степь, состоящую || или из песчаных дюн с неизбежным саксаулом (Anabasis saxaul)*11, или из обширных пустынь с обнаженным грунтом, пропитанным солями. Более плодородными считаются места, лежащие между подошвами гор и песками; в октябре месяце, когда мы приехали в Кашгар, окрестности этого города имели редкую растительность, физиономические виды которой были: колючий янтак (верблюжий терновник), гребенщик, артемизия и разные злаки, свойственные песчано-глинистой почве, каковы чий, Iris angustifolia.

По чрезвычайной сухости климата и от свойств почвы растительность держится только поблизости вод. Течение рек сопровождается двумя узкими лентами зелени и лесом из разных кустарников и лиственных деревьев. Туземцы эти береговые леса называют персидским словом || дженгель, от которого происходит английское

*9 Точнее: *еловыми.*

*10 *Вереск* – здесь и далее ошибка, должно быть: *можжевельник, арча.*

*11 Устарелое название, теперь *Haloxylon.*

(Jungle), принятое в Индии; у нас в Оренбургском крае и в Сибири подобные рощи называются уремой.

Малобухарские уремы в верхнем течении рек характеризуются низкими кустами облепихи и гребенщика в Тянь-Шане и иргаевыми рощами в Болоре. В среднем течении, когда река выходит в предгорье, урема делается разнообразнее, попадаются тополи, ивы, барбарис розовый и черный, жимолость, шиповник, желто-цветная карагана (Caragana frutescens) и другие мотыльковые кустарники, каковые (Nalimodendron argenteum) и проч. Иргай в этом течении прекращается, а облепиха получает большой рост. В нижнем течении, т. е. близ впадения, от увеличивающегося давления воды реки делаются шире и || разливами образуют поемные луга и камышовые заросты, а дженгли одевают берега густой и широкою каймой, и в них появляются новые виды: боярка и джигда (Eleagnus angustifolia). После слияния этих рек в Тарим урема прекращается, а берега Тарима обращаются в широкие и болотистые топи, поросшие густым тростником и камышом.

При помощи тщательной ирригации и вековой обработки культурная растительность Малой Бухарии довольно разнообразна. Окрестности городов и селений окружены густыми садами, в которых произрастают нежные плоды, каковы гранат и фига; плантации хлопчатой бумаги и искуственные луга покрывают большие пространства, а низменные места засеяны рисом.

Возделываемые || растения Малой Бухарии следующие: хлебные – рис, пшеница, ячмень, джугара или гаулен[35] двух родов: красный (Holcus sorghum) и белый, известный у нас под названием сахарного, чечевица, кукуруза и очень редко просо; овес не разводится.

Из красильных и фабричных растений Восточный Туркестан производит: хлопчатую бумагу, которая принадлежит травянистой и однолетней породе (Gossypium herbaceum), коноплю, кунжут (Sesamum oriental), марену (Rubia tincterum) и табак.

В огородах растут разные тыквенные растения: дыни нескольких пород отменного вкуса, арбузы, тыквы-горлянки, репа, морковь, редька, свекла, лук, мята, горох (Cicer orientinum), мак и шафран. Огурцы || очень редки и принадлежат к породе, которая известна под названием китайской.

В садах разводятся: ива, тополь (Propulus pruinosa), свойственный туземной флоре, и пирамидальный с серебристыми листьями; тутовые деревья, джигда (Eleagnus hortensis) и чилян; последние два растения дают плоды, похожие по вкусу на финики; из первой еще получается клей: из фруктовых деревьев растут яблоки двух родов, но посредственного достоинства, груши, лучшие в Средней Азии, бергамоты, персики, абрикосы, квиты*[12], гранаты и фиги.

Виноград здесь произрастает преимущественно двух пород: хусейни – белый, продолговатый, чрезвычайно вкусный, и сахиби – круглый, красного цвета. Поименованные растения свойственны всей Мало||бухарской долине; места же, лежащие в горах, составляют исключение; например, в Сайраме и Бае персики, гранаты и фиги не растут, но виноград и хлопчатая бумага разводятся с успехом. Кроме того, в Яркенде растут вишни, чернослив и грецкий орех. Селение Каргалык Яркендского округа исключительно занимается разведением ореховых деревьев, и продажа их плодов составляет главный предмет торговли этого местечка.

*[12] Айва

Из этого очерка видно, что растительность Малой Бухарии бедна и культура в упадке. Не говоря о европейских странах, лежащих под одними широтами, которые отличаются богатством и разнообразием полутропических растений, флора Малой Бухарии беднее азиатских || стран этой полосы. Растительность гор Джунгаро-Киргизской степи представляет в естественных породах гораздо более богатства. В окрестностях Верного дико растут абрикос, яблоки; лиственные деревья отличаются большим ростом, а травная растительность богата до неимоверности, хотя там бывает суровая зима и глубокие снега. Соседняя Ферганская долина считается лучшей страной во всей Центральной Азии. Горы ее покрыты хвойными лесами, грецкими орешниками, фисташковыми кустарниками и вишняком; хлебопашество и садоводство составляют немаловажный предмет торговли; кроме растений, разводимых в Малой Бухарии, в садах Ферганы произрастает миндаль, слива, даже Бухара, || представляющая остров плодородной земли среди песчаного океана, имеет, как известно, более культурных видов, чем Малая Бухария.

Восточный Туркестан характеризуется отсутствием луговых мест, плохим состоянием обработки земли, безлесием и бесплодием окружающих гор. Причиной растительной бедности края нужно считать невысокое положение страны – растительность в этой полосе может быть на значительной высоте, чему служат доказательством и виноград и персики, созревающие на берегах Иссык-Куля, а свойство почвы, которая никогда не увлажняется дождями, и недостаточная обработка земли. В заключение о растительных продуктах мы || считаем нужным сказать, что около Кашгара нигде не растет сахарный тростник, о котором упоминают китайские летописи в 1 столетии по Р. Х. и на которые Риттер советует обратить внимание. Мы думаем, что под этим названием китайцы разумели или сахарное сорго или джугару, которых стебли заключают сладкий сок, лакомый для туземных детей.

[Животный мир]

Царство животных имеет несколько характерных видоизменений. В горах много волков, лисиц, шакалов, рысей, медведей, куниц (белодушки). Горные козлы (Capra tatarica) и бараны (Ovis argali) живут на скалистых вершинах. Олени скрываются в лесах. Альпийские сурки покрывают своими норами || юго-западные склоны всех возвышенностей в высоком нагорье Тянь-Шаня, в болотистых местах около истоков рек много крыс. В песчаных степях, как говорят, бродят во множестве стада диких ослов (Eguus onager) и джейранов (Antilopa subgutturosa).

Китайцы часто упоминают об охоте на диких верблюдов, которой занимались владетели этих городов в древние времена. Хотя туземная рукопись, имеющаяся у нас, совершенно подтверждает этот замечательный факт, но тем не менее туземцы не могли дать нам положительных известий о существовании их в диком виде в настоящее время, и потому надо полагать, что в настоящее время дикие верблюды или уничтожены или удалились в неприступные средины малобухарской Сахары. Равнинной || полосе свойственны лисицы-караганки (Canis melanotus) и корсак (Canis corsac). В дженгелях водятся тигры, кабаны и зайцы (русаки).

Птицы из отряда хищных обитают в горах; известные нам породы суть: ягнятник (Gypaetus barbatus), приобревший в описаниях китайцев величину с верблюда, гриф (Vultur fulvus), беркут (Aguila chrisaetus), сокол, ястреб и проч. Беркут, единственная птица, употребляемая туземным дворянством для охоты на лисиц и горных коз, получается преимущественно из Хотана; сокола и ястреба привозятся из хвойных лесов Аксуйского округа и приучаются для охоты кокандцами. Из породы кур свойственны горам: улар, похожий на Tetrae caucasicus, но, как кажется, величиной несколько более, имеет пепельно-серые || перья и красные круги около глаз, и киклик (Perdix saxatilis). Эти птицы свойственны и другим горным странам Азии, особенно Джунгарскому Алатау. Улар имеет нежное мясо и считается в Коканде лучшим жарким; киклик также имеет вкусное мясо и приучается, как петухи в Англии, к боям. В дженгелях и камышах есть фазаны, перепелки, а на равнине летают стаями Syrrhuptes paradoxus*[13]. В городах видны вороны, грачи, сороки, воробьи, скворцы и проч.

Водяных птиц в местах населенных и в горных озерах встречается очень мало и по большей части утки и гуси, || но в нижнем течении Тарима и особенно на озере Лобнор лебедей, гусей, уток и других водяных птиц, по свидетельству туземцев и китайского писателя, так много, что туземцы одеваются в пуховые тулупы и спят на постелях из птичьего пуху. Замечательно, что Восточный Туркестан не посещается аистами[36], которые в Западном Туркестане покрывают своими гнездами мечети и здания и гуляют по улицам вместе с домашними животными.

Реки Малой Бухарии и озеро Лобнор содержат с себе много рыб. Китайцы рассказывают, что лобнорцы, приезжая по делам в Корло (селение Кучасской округи), привозят с собой для пищи рыб, потому что другой пищи не || могут есть. Другие туркестанцы почти не употребляют рыбную пищу. Судя по общему характеру естественных произведений этой страны, рыбы должны принадлежать к тем же породам, какие водятся в реках Балхашской и Аральской систем.

Песчано-глинистая почва Малой Бухарии производит много ядовитых насекомых, каковы: скорпионы, фаланги и тарантулы. Особенно много здесь разнообразных видов ящериц; змей мы не видели, но говорят, что их мало и случаи укушения очень редки. Летом бывает много слепней, комаров и мошек, особенно в болотистых местах, покрытых камышом. Из полезных насекомых в Малой Бухарии существует || шелковичный червь, разводимый в одном только Хотане и его окрестностях. Говорят, что около этого города водятся в диком виде шелковичные бабочки.

Домашние животные Малой Бухарии принадлежат к породам, разводимым соседственными народами. Лошади принадлежат к киргизской породе, пригоняются из Большой и Дикокаменной орд. Только богатые люди и извозчики содержат их десятками, потому что круглый год по недостатку природных кормов нужно довольствовать скот сухим фуражом. По особому предубеждению, из подражания китайцам, туземное дворянство предпочитает киргизских лошадей, а потому туркменские лошади здесь редки и содержатся только у кокандцев для верховой езды, они принадлежат || или к чистой крови топчак или к смешанной карабаир. Беки, следуя китайской моде, употребляют в упряжь мулов, которые в других мусульманских странах считаются животными нечистыми, и разведение их принимается за большой грех. Верблюды

*[13] *Syrrhuptes paradoxus* – саджа.

принадлежат к породе, разводимой в Монголии, и употребляются только китайцами для транспортировки казенных обозов и чайных караванов и изредка кокандцами. Туркестанцы занимаются только разведением овец, яков и ослов.

[Топография городов и селений]

Приступая к топографии городов и селений Восточного Туркестана, мы, чтобы избежать повторений, прежде всего укажем на общий их характер. Внешний вид городов Восточного Туркестана однообразен и печален. || Так как мечети в Малой Бухарии строятся без минаретов – в одном только Яркенде есть башня на старинной мечети Регистан – и так как дома невысоки и имеют плоские крыши, то путешественник, подъезжая к городу, видит только глиняные стены одного цвета с грунтом окружающей местности и по углам их легкие решетчатые башни китайской архитектуры. Все города Восточного Туркестана обнесены стеной, которая кверху суживается и имеет около 5 сажен толщины; высота их бывает до 8 и более саженей. Около ворот и по углам сделаны контрфорсы. Ворота дощатые и строятся в три ряда. Вокруг стены с наружной стороны выкопаны рвы в 3 сажени и более || глубины, через которые переброшены мосты.

Дома строятся тоже из глины, не исключая и дворцов правителей, имеют плоские крыши и окружены стеной. Внутренность их заключает открытую площадь с бассейном, осененную несколькими деревьями, жилье, конюшню и иногда сад. Комнаты бывают большие и малые; большие имеют открытый верх; около стен сделаны возвышения из глины, заменяющие мебель, над которыми построены навесы. Внутренние комнаты покрыты потолком из тонких ветвей, имеют сверху для света маленькие отверстия. Огонь разводится в каминах, а зимой ставят среди комнат еще жаровню с углями. У богатых людей внутренние стены бывают вышту||катурены, ниши в стенах украшают арабесками; многие делают китайские окна и оклеивают бумагой. Все это зависит от достатка хозяина. Стены одного дома плотно примыкают к стене другого, оттого с улицы видны одни только стены и двери; только мечети, медресе и другие общественные здания одним фасом выходят на улицу, наружная сторона их бывает выложена цветными изразцами. Улицы узки – только по главным проходят двухколесные арбы – и неправильны. Лавки, рестораны, цирюльни расположены по обеим сторонам больших улиц т.е. улиц, которые идут из ворот в центр города на торговую площадь. Некоторые из этих улиц кроются навесом из циновок.

Центр города составляет || обыкновенно соборная мечеть «Регистан» или «Айтга» и при ней базарная площадь, называемая обыкновенно Чарсу. Через город проходят один или два канала, обсаженные аллеями, которые наполняют водой несколько прудов. Зимой, когда вода в каналах замерзает и потому их останавливают, жители пользуются водой из прудов или привозят из реки.

Китайские крепости маньчены*[14], или, как называют туземцы, гульбаги, сооружены точно так же, как мусульманские города. Если маньчен лежит близко к туземному городу, то пространство между ними образует улицу, на которой устроены

*[14] *Маньчен* – букв.: маньчжурская крепость

китайские рестораны и лавки. Подобные улицы называются гайчан*[15]. В Яркенде и Хотане ганчан служит местом для недельного базара. В Кашгаре по дальнему расстоянию гайчан остается пустым и незастроенным.

Туркестанские селения или деревни состоят из разбросанных домов, стоящих отдельно один от другого. Каждый дом обнесен стеной, окружен садами, огородами и хлебными полями. Несколько таких хуторов, соединенных аллеями тутовых и джигдовых деревьев, составляют селение. В более многолюдных селениях дома группированы теснее, но нет стен. Китайцы большие селения называют городами, но туземцы называют их язы*[16], т.е. деревня.

|| Относительно туземной администрации шесть западных городов Восточного Туркестана составляют независимые одно от другого ведомства или округа. Так как китайцы не имеют непосредственного влияния на управление, то мы предпочитаем туземное деление.

[Первый – округ Кашгарский]

Кашгар – один из больших городов Восточного Туркестана – имеет 16 тыс. домов, расположен между реками Кызыл и Тюмень, окружен глиняной стеной в 6 сажен вышины, которая кверху суживается и имеет ширину: в основании около 10 аршин, а вверху до 5 аршин; стена в окружности имеет около 12 верст и вооружена шестью башнями. Город имеет двое ворот: на восточной и юго-западной сторонах; первые называются Сув-дарваза*[17], а вторые – Кум-дарваза (Песчаные)[37]. Улицы, благодаря || постоянной сухости воздуха, не грязны, но неправильны, узки, и только по двум главным улицам могут проходить двухколесные арбы. Дома глиняные, кроме четырех медресе и одной надгробной молельни, которые с наружной стороны обложены глазированными на китайский манер изразцами. Город разделяется на две почти равные части: на старый город «Куне-шаар» и новый «Ян[ы]-курган», основанный в 1838 году правителем Зурдунбеком[38].

Старый город имеет положение на высоком яру, между тем как новый занимает местность гораздо ниже. Центр города составляет торговая площадь Айтга (площадь соборной мечети). Старый город разделяется на два квартала: Чарсу и Амбарчи, а новый – на четыре: Урдаалды, Устэнбуи, Юмалак-шаар и Анджан-куча.

В Кашгаре считается 17 медресе, 70 школ (мектеб), 8 караван-||сараев и 2 базарные площади (Айтга и Чарсу): первая перед соборной мечетью, а вторая в старом городе. От двух ворот до центральной площади Айтга идут две главные улицы, занятые ресторанами, цирюльнями, мастерскими и лавками, в которых продают: мясо, сало и готовые кухонные произведения. Улица от площади Айтга и Чарсуйский базар, покрытая сверху навесом, составляет гостиный ряд. Иностранные купцы занимают лавки в сараях.

Самый большой из караван-сараев называется Анджан-сарай; он построен на центральной площади; при этом сарае находится кокандская таможня для очищения по-

*[15] Точнее: *гайшан* – базар, базарная улица

*[16] Точнее: *йеза.*

*[17] *Су-дарваза* – речные ворота.

шлиной привозимых и отвозимых иностранцами товаров. Кунак-сарай в недальнем расстоянии от вышеупомянутого, на улице, идущей из Песочных ворот на Айтга, занят по преимуществу маргеланцами, купцами из города Шахрисебза и авганами. На этой же улице есть еще один небольшой || сарай. Другие караван-сараи расположены по вышеупомянутой крытой улице, из них более известны: Уратюпинский, занятый бухарцами и уратюпинскими таджиками, Яркендский, Аксуйский и Еврейский. Кроме этих пунктов, при Песочных воротах имеются постоянные базары для продажи хлопчатой бумаги под названием Пахта-базар и Кундан для оптовой продажи дабы. Скот продается в гайчане, вне городских стен, около Песочных ворот. Для наблюдения за спокойствием города и благочиния в двух местах имеются «тынза или дынза» – род полиции; одна тюрьма и застава при гундане для взимания пошлины с туземцев за производство дабы; сверх того в городе есть два пруда и канал (устэн), проходящий через весь город. Один пруд лежит против дома хакимбека, а другой в квартале Юмалак-шаар.

В каждую пятницу в городе бывает базар, на который || привозят из окрестных деревень и городские ремесленники недельный свой труд.

Из селений, принадлежащих Кашгарскому округу, известны: Первая группа селений Устюн-Артыш (Верхний Артыш) верстах в 25 от Кашгара на север, на реке Артыш, или Тоин; небольшое селение Аргу на северо-запад от Кашгара в 95 верстах (190 ли): Сааран на речке Термечуке; Астын-Артыш (Нижний Артыш), иначе Алтын-Артыш (золотой), на северо-восток от Кашгара в 60 верстах, замечателен гробницей и мечетью, построенными на могиле султана Сутук Бограхан-гази[39], которые служат местом пилигримства для набожных мусульман. Калтаяйлак – при впадении реки Артыш в Файзабат-Дарью, в 57 верстах от Кашгара на восток. Бишкерим – в 12 верстах от города на северо-восток, между реками Артышем и Тюменью. По реке || Тюмень лежат селения: Муши, от Кашгара расстоянием около 70 верст на северо-запад, Самен и Тогузташ (иначе Джанкурган); последние два селения составляют предместья города и окружают Кашгар: первое с северо-западной, а второе с западной стороны. Джинчке и Абат в 12 верстах на восток от Кашгара, на левом берегу Тюмени. Шаптан на правом берегу реки Файзабат-Дарьи, ниже соединения Тюмени с Кызылом, в 42 верстах от Кашгара на восток, имеет переправу. Файзабат – большое селение в 52 верстах от Кашгара, на южном берегу Файзабат-Дарьи. Янгиабат – на южном берегу этой же реки, против Калтаяйлака, в 15 верстах от Файзабата.

Селения по реке Кызыл: Тугузак. в 25 верстах от города; Тазгун, на правом берегу реки, в 9 верстах на юг от Кашгара. Селение Ханарык лежит на юго-восток от Кашгара в 40 верстах, на реке Устэн, или Ханарык (Яманьяр). Здесь имеет пребывание алим-ахун, который считается || главой черногорской партии. Селения: Бурахатай, Упал и Ташмалык лежат у подножья гор, к западу от Кашгара; до Ташмалыка считается около 180 верст, а до Бурахатая – 60 верст. Из всех селений Кашгарского округа наибольшие: Файзабат, имеет до 2 тысяч домов, Ханарык – то же число, Астын-Артыш –1500 домов: все они управляются хакимами – правителями и имеют своих алим-ахунов (духовных начальников). В Файзабате бывает базар раз в неделю в понедельник; в Ханарыке два раза в неделю: в воскресенье и вторник.

В окрестностях Кашгара находится несколько гробниц святых, пользующихся большим уважением туземцев и других азиатцев. Гробница Аппак-ходжи – лучшее

здание во всем Кашгарском округе, лежит в 6 верстах от города к северо-востоку, на правом берегу реки Тюмени. Она построена из жженого кирпича и украшена с наружной и внутренней сторон || цветными изразцами; карнизы убраны рогами горных баранов, коз и оленей, принесенных в жертву, знамена и бунчуки украшают вход и самый склеп. При гробнице находится большая мечеть, построенная одним из сыновей ходжи, с прекрасным сфероидальным куполом. Гробницы Акмазар и Падшахан-ходжа лежат по дороге в Артыш, в 11 верстах от Кашгара. В самом городе есть гробница Абразык-казы-ходжа; кроме того, есть много других, но поименованные более известны. Китайский город (Маньчен) лежит в 7 верстах на юг от Кашгара, на правом берегу реки Кызыл, окружен стеной, вроде кашгарской, имеет двое ворот с северной и южной сторон, гарнизон его простирается до 5500 человек.

Янысарский округ

Янысар[40] имеет до 8 тысяч домов, лежит в 70 верстах (по китайским сведениям, около 200 ли) на юг от Кашгара, окружен стеной, имеет двое ворот и два каравансарая. Главная улица про||ходит от Яркендских ворот до дома правителя, перед которым устроен пруд и проходит канал; на этой улице «осредоточены все лавки, рестораны и прочее; здесь же расположены и сараи. Недельный базар бывает в воскресенье вне города в гайчане перед Кашгарскими воротами.

Из селений, принадлежащих ведомству этого города, более известны: Лаба в 15 верстах от Янысара на юг и Теректек, замечательный по производству хашиша. В окрестностях Янысара из священных мест примечательны: Чиланлык на юго-восток в 15 верстах и мазар Бегим в 15 верстах за Чиланлыком, по тому же направлению. На дороге в Яркенд есть сад, принадлежащий хакимбеку, с большим прудом, в котором растет лотос. Китайский город лежит в полутора верстах на запад. Гарнизон его, говорят, простирается до 2 тысяч человек.

|| Яркендскнй округ

Яркенд самый большой из туркестанских городов, бывшая резиденция ханов и потом ходжей, стоит между двумя рукавами реки Яркенд-Дарьи. Главноуправляющий Южной дорогой хебе-амбань[41] имеет местопребывание в китайской крепости этого города. В Яркенде считается до 32 тысяч домов. Город окружен стеной до восьми сажен высоты и до 25 верст в окружности с четырьмя воротами, имеет 4 сарая, 70 медресе и одну тынза (полицию) близ большой мечети – регистан. По главной улице от ворот Алтын-дарваза до ворот Кабагат расположены все лавки, магазины, таверны, сараи и, наконец, торговая площадь Чарсу. Из кварталов более известны: Урдаалды, Сокакуль, около которых живут кашмирцы и индусы; Аксакал-кучесы, где живут бадахшанцы и анджанцы. Замечательнейшие здания суть: дворец хакимбека близ Хотанских ворот и регистан, древняя || мечеть с высоким минаретом. Базар бывает здесь каждый день с 7 часов вечера по улице от регистана до пруда Насходжа-кули. Еженедельный базар бывает в пятницу и происходит в ганчане между китайской цитаделью и городом. Из Алтынских ворот до ворот китайской цитадели образовалась

улица, на которой построены тунгенями[42] рестораны; здесь сосредоточивается вся торговая деятельность.

Из иностранцев в этом городе живут по преимуществу бадахшанцы, имеющие своего старшину, и торгующие невольниками кашмирцы. Кроме того, здесь много жителей Малого Тибета, балти, которые нанимаются на работу; большая часть извозчиков и водовозов из этих горцев. Индусы также имеют свой квартал.

В окрестностях Яркенда поселены отпущенные невольники из горных владений Чатрар[43] и Вахан, известные || здесь под общим именем рофизы. Из селений, лежащих на северной границе Яркендского округа, замечательны: Барчук – в 380 верстах от Яркенда, при впадении Яркенд-Дарьи в Тарим, и Маралбаши. Селения эти населены особым племенем долонов и имеют своих правителей, а в Барчуке расположен китайский гарнизон в числе 300 человек. На запад от Яркенда в окрестностях озера Сарыкуля, лежит селение Саркол[44], в котором разводят тибетских коров. На дороге из Хотана в Яркенд находится известное в торговом отношении селение Гума, в 200 верстах от Яркенда, имеющее до 200 домов и недельный базар в субботу.

В предгорьях Куэнлуня расположены селения: Санчжу и Кильян, известные по обширному производству коров. Из селений, || лежащих по реке Тызнабу, известны: Тагбуи, Кукьяр, Юларык и Каргалык, имеющие своих хакимбеков. Из них Каргалык, или Каргалы (350 домов), замечателен производством грецких орехов, которых 1000 (штук) стоит 30 копеек серебром. В окрестностях Яркенда находятся гробницы: ходжи Мухамед-Шерифпир, Алтын-мазар, храм священного волоса*[18] (Муйму-барак) и главнейшее святилище – храм Афту-Моодан в самом городе. Китайская крепость лежит в двух верстах на запад от мусульманского города, окружена стеной, которая выше и толще кашгарской, и имеет 2200 человек гарнизона.

Хотанский округ

Хотан, у китайцев Илца, || лежит между реками Каракаш и Юрункаш, окружен низенькой стеной, имеет 8 сараев, из которых 3 заняты иностранными купцами, а в остальных торгуют торговцы из окрестных селений: Ильци, Каракаш и Юрункаш.

В Хотане считается 18 тысяч домов. Китайский город находится в 2 верстах к западу, имеет 1400 человек гарнизона. Окрестности города покрыты садами, особенно населено пространство до китайского города, которое, как в Яркенде, образует улицу, где сосредоточена вся торговая деятельность. Хотан замечателен по обширному шелководству, про||изводством тонких войлоков, ковров, полушелковой материи машру, тонкой бязи и шелковой материи дараи. В реке Юрункаш добывают нефрит, который считается лучшим и отправляется в Пекин. Из селений замечательны Ильци, примыкающее с восточной стороны к городу. Каракаш, Юрункаш, Кария и проч. Эти селения имеют значительное население и известны в торговом отношении.

Аксуйский округ

Город Аксу имеет 12 тысяч домов, расположен при соединении || реки Аксу с Кокшалом, окружен глиняной стеной, которая по объему гораздо менее кашгарской,

*[18] Волос от бороды Магомета. *(Примечание Ч. Валиханова).*

но имеет 4 ворот. В Аксу 6 караван-сараев и 5 медресе. Середину города составляет площадь Чарсу, от которой на запад до Тимурчинских ворот и на восток до ворот Акин идут главные улицы, занятые лавками, ресторанами и проч. Базар бывает два раза в неделю – в четверг и пятницу. Аксу замечателен по централизации в нем китайской торговли, не менее важен и в военном отношении, ибо дороги из внутреннего Китая || и из Или соединяются в нем. Кроме того, Аксу известен по производству дабы, называемой шиша, хорошей доброты и кож, которые вывозятся в Хотан, Яркенд и Кашгар.

К Аксуйскому округу принадлежат селения: Бай (по-китайски Пай) в 205 верстах от Аксу на северо-восток, близ гор, замечателен по обширному овцеводству и по производству войлока; имеет до 500 домов. В 40 верстах от него на восток (на границе с Кучасским округом) лежит Сайрам, имеющий китайский гарнизон. Из ближайших к Аксу селений || известны Кумбаш и Айкуль. Китайская крепость расположена на расстоянии около одной версты и на запад от Аксу, имеет 4 ворот. В Аксуйском маньчене живут много китайских купцов из торговых домов губерний Шаньси и погонщики верблюдов, по преимуществу из китайских мусульман (хуйхуй)[45]. Гарнизон его состоит из 600 человек.

[Уш-] Турфанский округ

Уш-Турфан – небольшой городок, или правильнее селение, состоит из разбросанных в беспорядке домов, стен и укреплений не имеет; в нем считается до 40 || юзбеги (сотенных начальников), следовательно, до 4 тысяч домов; по другим сведениям, 6 тысяч. В воскресенье бывает базар. Больших мечетей и медресе в нем нет. Уш-Турфан известен по пригону скота и по производству хорошего табака, который вывозится в Киргизскую орду. В историческом отношении город этот замечателен тем, что в 1765 году вследствие бунта все жители были истреблены и на место их переселено до 500 семейств из разных туземных городов, которые были записаны землепашцами (таранта), и образовано военное поселение из китайцев. Китайская || цитадель находится в центре мусульманского поселения и имеет 4 ворот, и одной стеной (северной) примыкает к скале; [она] считается сильно укрепленной, имеет до 800 человек гарнизона.

Комментарии

Печатается по тексту: ССВ, т. 2, 1962, с. 265–297. Авторизованная копия хранится в АВПР, ф. IV–3, д. I, лл. 197–237.

Один из основных разделов большой монографической работы – «Описание Алтышара, или Кашгара».

Работа сохранилась в виде нескольких авторизованных копий в разных стадиях авторской обработки и частично – автографах. Основные списки: ААН ф.23. оп.1, д.14, лл. 41–48, 52–92, 94–95 об., д.16, лл. 49–60, д.20. лл. 109–115, 164–175, 207–175, 207–224 об.. 233–236 об. (Из них лл. 112, 164–164 об. и 175–автографы); АВПР ф. IV–3, д.1, лл. 197–237.

Автографы взяты из ААН ф.23, оп.1, д.5, лл. 1–3 об; д.10, лл. 3– 4 об., 9, 47, д.11, лл. 3–4.

Списки АВПР, ААН (д.16 и д.20) в основном идентичны, расхождения и разночтения незначительны. Лишь дело 14, являющееся черновым вариантом, значительно отличается построением и редакционной обработкой.

В списке АВПР имеются позднейшие дополнения и исправления, внесенные автором.

Впервые раздел был опубликован (без последующих дополнений и исправлений автора) в ЗРГО под ред. А.Н. Бекетова (1861, кн.3, стр. 1–31) и в Сочинениях под ред. Н.И. Веселовского (СПб.. 1904. стр. 79–107). Дополнения и исправления автора приведены в них отдельно (стр. 398–403).

[1] *Алтышар* (Алтышаар, буквально Шестиградье). Одно из названий Восточного Туркестана. Происходит от шести наиболее крупных городов. У Ч. Валиханова это города: Кашгар, Янысар (Янги-Хисар), Яркенд, Хотан, Аксу, Уч-Турфан. В 70-е гг. XIX в. появилось новое название Йэтти-шар, т. е. Семиградье. Самостоятельное уйгурское государство, созданное повстанцами, сбросившими цинское иго. В него входили – Кашгар, Янги-Хисар, Яркенд, Хотан, Аксу, Куча. Карашар, а также ряд мелких городов и местечек. См.: *Д.А. Исиев.* Уйгурское государство Йэттишар (1864–1877), М., 1981.

[2] *Нан-лу* – правильно – *Наньлу,* полное наименование – *Тяньшань-наньлу (кит.);* в русской дореволюционной литературе – Южная линия, Кашгария, Восточный Туркестан. Так называлась территория, лежащая но южному склону Тянь-Шаня. Другое название – *Хойбу (кит.)* – букв. *Уйгурия.* Территория, лежащая по северному склону Тянь-Шаня, называлась *Бэйлу* (Джунгария).

[3] *Малая Бухария* – в русской дорев. литературе Восточный Туркестан, в отличие от Большой Бухарии – западного или «русского» Туркестана. Подроб. см.: Ч.Ч. Валиханов. Западный край Китайской империи, т. 2 наст. издания.

[4] *Болор* – одно из древних лестных названий северных цепей Куньлуня, известных ныне под названиями Сарыкольского и Кашгарского хребтов.

[5] *Гумбольдт Александр* (1769–1859) – известный немецкий ученый-естествоиспытатель, путешественник, один из основоположников географии растений и геофизики. Исследователь Центральной и Южной Америки. В 1829 г. он совершил путешествие по Уралу, был в Семипалатинске, Восточном Казахстане и на Алтае, а на обратном пути проводил исследования на Каспийском море. Итоги итого путешествия изложены в его известном труде «Центральная Азия» (1843 г.).

[6] *Гоби* (маньчж. – 'песок, пустыня'), *Говъ* (монг.) – название пустынь, полупустынь на юго-востоке Монголии.

[7] *Джепарле* (вернее: Джипарлык) – название не перевала (перевал называется *Музарт* – Ледяной перевал), а ледника, по поверхности которого на протяжении многих километров идет тропа перевала. («Россия». Под ред. П.П. Семенова-Тян-Шанского, т. XIX – Туркестанский край. СПб., 1913, стр. 73–75).

[8] *Алай* – хребет широтного направления, окаймляющий с юга Ферганскую долину. Начинаясь на западе Зеравшанского горного узла, на востоке он смыкается с юго-восточной оконечностью – Ферганского хребта. Ввиду крайне слабой исследованности в то время обширной области Памира и Алтая Ч. Валиханов, естественно, не мог получить точных сведений о расположении основных хребтов и долин в этой стране.

[9] *Хулум* (Хульм, Хулм) – нынешний город Ташкурган, расположенный в северном Афганистане, в низовьях реки Хульм.

[10] *Каратигеи* (Каратегин) – в прошлом Памирское бекство, занимавшее территорию бассейна среднего течения реки Вахш-Сурхоб, с центром в кишлаке Гарм. Ныне входит в состав Таджикской ССР (Гармский район).

[11] *Дарваз* – прежде Памирское бекство, расположенное в труднодоступном высокогорном районе (Дарвазский хребет) между хребтом Петра Первого, Ванчским хребтом и большой излучиной реки Пяндж. В 1895 г. в результате памирского разграничения левобережная территория Дарваза отошла к Афганистану. Ныне эта территория в основном входит в Калан-Хумбский район Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР.

[12] Под *Даиримом* имеется в виду часть хребта Каракорум, называемая Рима, по югу которой проходит тропа из Кашмира на перевал Каракорум и далее на Яркенд.

[13] *Канджут* – старое общее название княжеств Хунза и Нагар.

[14] *Гундзе* (точнее: *Хунза*) – небольшое Пригиндукушское княжество, расположенное на крайнем севере Кашмира, к северу от реки Хунза, впадающей в р. Гилгит, приток Инда.

[15] *Искардо* (Скардо) – город на р. Инд, ниже впадения р. Шайок, центр Балтистана, одного из пограничных округов Кашмира.

[10] В характеристике среднего и нижнего течения р. *Кокшаал* имеется поточность. Река Аксай, прорвав хребет Кокшаал, имеющий здесь меридиональное направление, принимает название Кокшаал (на старых картах Таушкен-Дарья) и продолжает течение с запада на восток. Приближаясь к Уш-Турфану, следуя простиранию хребтов Кокшаал и Каратеке, между которыми она течет, река принимает северо-восточное направление. Далее, у восточной оконечности хребта Каратеке, поворачивает на юго-восток и лишь перед самым впадением в Аксу снова делает плавный изгиб на северо-восток.

[17] Река *Кызылсу* берет начало с северного склона восточной оконечности Заалайского хребта (восточнее перевала Кызыларт) и течет на северо-восток. В местности Улугчат сворачивает на юго-восток. На этом отрезке имеет и другие названия: Улугчат, Кабаатсу. Название Кашгар-Дарья она принимает уже за Кашгаром, в своем нижнем течении. Западнее истоков ее берет свое начало и течет на запад другая река Кызылсу – верховье Сурхоба – Вахш.

[18] *Устэн* – магистральный канал, выведенный из реки сразу по выходе ее из гор. Обычно он имеет большое протяжение, со временем становится трудноотличимым от естественных водостоков.

[19] *Река Устэн,* или *Яманъяр,* берет начало из озера Каракуль в столовой земле Памир. Река Яманьяр (точнее, Гез-Дарья; Яманьяром называется отдельный участок) составляется из речек, берущих начало с хребта Сарыкол и из ледников западного склона Музтаг-Ата. В верховьях своих протекает через озеро Малый Каракуль, расположенное в долине Сарыкол. Большое же озеро Каракуль, лежащее в северной части Памирского плато, бессточное.

[20] *Река Янысар-Устэн берет начало из окрестностей озера Саркола...* – Эта река (на современных картах – Караташсу) берет начало с восточного склона хребта Конгур-Музтаг в Кашгарском горном массиве. Составляется из речек Меркесу, Сугетсу и Караташсу. Возможно, в верховьях Караташсу и Суготсу имеются ледниковые озера, не помещенные на картах, но называются ли они Сарыкольскими – неизвестно.

[21] *Яркенд-Устэн* – вероятно, отдельный рукав Яркенд-Дарьи или канал, выведенный из нее; но сама река так называться не могла, ибо слово өстэң – канал – не может быть употреблено по отношению к основному руслу естественного водотока.

[22] *Яркенд-Дарья,* или *Яркенд-Устэн, составляется в горах Куэнлунь.* – Здесь допущена неточность. Собственно Яркенд-Дарья, носящая в верховьях (до впадения р. Ташкурган-Дарья) название Раскем-Дарья, берет начало с северного склона Каракорумского перевала (истоки открыты англичанином Гейвордом в 1868 г.). За золотоносность и другие ископаемые богатства своей долины Яркенд-Дарья называется еще Зеравшаном, т. е. «золотомечущим».

[23] Река *Тызнап* (Тизнаб, Тизнаф) – на современных картах Ташкурган-Дарья (другие местные названия: Сарыкол, Тагдумбаш), сбегает с перевала Худжераб в хребте Музтаг (Кара-

корум), расположенном в верховьях долины Сарыкол, течет по долине Сарыкол на север до селения Ташкурган, ниже которого, у кишлака Тизнаб, круто сворачивает на восток и, пробежав около 100 км., впадает в Яркенд-Дарью.

[24] Река *Хайду* (Хайдыкгол) впадает не в Тарим, а в озеро Баграшкуль.

[25] *Лобнор* – бессточное соленое озеро на западе Китая. У Ч.Ч. Валиханова обозначает «звездное море» (монг.). *Нор, нуур* – озеро; значение слова *лоб* до сих пор не выяснено.

[26] *Уртэн, уртенги, уртон* (монг.) – станция; *тайчжань* (кит.).

[27] *Западный край* (кит. *Сиюй*) – географический термин, встречающийся со II в. до н. э. со времени правления династии Ранняя (Западная) Хань (206 г. до н. э. – 250 г. н. э.), обозначающий земли, лежащие за пограничным укреплением Дуньхуан.

[28] *Канси* – девиз правления 2-го императора династии Цин (1662–1722), личное имя императора – Сюанье, храмовое – Шэнцзу. Поскольку на личные имена императоров налагалось табу, их в китайской исторической литературе называют по девизу правления. Так стало принято называть цинских правителей в советском и западном китаеведении.

[29] *Патер Жербильон* (Жан Франсуа Жербийон, 1654–1707) – французский католический (иезуитский) миссионер в Китае при дворе императора Канси, где помимо религиозно-проповеднической деятельности выполнял и обязанности переводчика.

[29a] *Лан* (кит. *лян*) – мера веса, составлявшая в разных районах Китайской империи от 35,0 до 37,8 кг. 80 ланов – приблизительно 3 кг.

[30] *Ю* (правильно *юй*) – нефрит, яшма.

[31] *Гин* (кит. *цзинь*) – мера веса, равная 16 лянам (см. выше) и составлявшая от 560 до 605 г.

[32] *Гуэн-Цсанг,* искаж. *Сюанъ Цзан* (ок. 600–664) – китайский путешественник, буддийский монах. В 629–45 гг. странствовал по Средней, Центральной Азии и Индии. Собранные сведения опубликовал в «Записках о странах Запада» («Сиюйцзи»), 648 г.

[33] *Гильгиты* (гилгит) – собственно, название не населения, а владения Гилгит, расположенного на южном склоне хребта Гиндукуш, между Читралом и Хунзой – Нагаром. С 1890 г. – британский опорный пункт, с 1947 г. – провинция Пакистана в составе «Азад Кашмира».

[34] *Томсон Томас* (1817–1878) – английский путешественник, врач и ботаник, участник экспедиции в Тибет, организованной в 1847 г. англо-индийским правительством, с целью определения границ и проведения естественно-географических исследований. В 1848 г. исследовал реку Шайок (приток Инда) до ее истоков в проходе Каракорум. Был профессором ботаники и директором ботанического сада в Калькутте. Труды: «Western Himalaya and Tibet», London, 1852; «Flora of British India» (труд но закончен).

[35] *Гаулен* – искаж. *гаолян* (род проса) – сорго, семейство злаковых.

[36] *...что Восточный Туркестан не посещается аистами...* в Сочинениях Ч.Ч. Валиханова под ред. Н.И. Веселовского (СПб., 1904, стр. 486) приводится выдержка из письма Н.Ф. Петровского к Н.И. Веселовскому: «Аисты встречаются, но только другого рода, чем в Западном Туркестане».

[37] *Город имеет двое ворот.* – По П.Ф. Петровскому, в его время (80-е годы XIX в.) в Кашгаре было трое ворот: Сударваза, или Тишик-дарваза, Кум-дарваза и Ярбаг-дарваза. У разных авторов число ворот Кашгара варьирует от двух до восьми.

[38] *Зурдунбек* (Зухурад-дин) – правитель Кашгара с 1830 по 1846 гг., сторонник китайской ориентации в борьбе кашгарцев за свою независимость.

[39] *Сутук-Богра-хан-гази* ('Абд ал-Карим Сатук Бугра-хан, сер. X в.) – каган одного из тюркских племен, обитавших к востоку от Средней Азии, основатель династии Караханидов.

[40] *Янысар* – правильно *Янги-Гиссар* или *Янги-Хисар.*

[41] *Хебе-амбань,* правильно *хэбэй-амбань* (маньчж.); *цанцзань-дачэнь* (кит.) – титул наместника области.

[42] *Тунгени* – см. стр. 159–160, подстрочное примечание Ч. Валиханова.

[43] *Чатрар,* правильно *Читрал* – Пригиндукушское княжество, отделенное от Горно-Бадахшанской области Таджикской ССР узкой полосой афганского Памира. На западе граничит с Афганистаном. Наиболее удобные перевалы через Гиндукуш ведут в Читрал.

[44] *На запад от Яркенда, в окрестностях озера Сарыкуля, лежит селение Саркол...* Сарыкол но селение, а долинная местность с главным селением Ташкурган (замечание Н.Ф. Петровского).

[45] *Китайские мусульмане* – дунгане.

ОЧЕРКИ ДЖУНГАРИИ

|| Над Средней Азией висела до сих пор какая-то таинственная завеса. Несмотря на близкое соседство двух могущественных европейских держав, России и Англии, большая часть ее все-таки остается для европейской науки во многих отношениях недоступною. Наш ученый товарищ по Обществу П. П. Семенов[1], издавая II том своего перевода Риттеровой [книги] «Erdkunde von Asien», пришел к тому заключению, что Центральная Азия исследована никак не более внутренней Африки. Действительно, сбивчивые и противоречивые данные, существующие в нашей географической литературе о Средней Азии, делают эту страну, если не совершенной terra incognita, как говорилось в старину, то, по крайней мере, трудным научным ребусом, а о среднеазиатском человеке мы почти ничего не знаем.

Средняя Азия в настоящем своем общественном устройстве представляет явление крайне печальное, какой-то патологический кризис развития. Вся страна, нисколько не преувеличивая, есть не более не менее, как одна громадная пустыня с заброшенными водопроводами, каналами и колодцами, усеянная развалинами; пустыня, занесенная песком, заросшая уродливыми кустами колючего саксаула и обитаемая только стадами диких ослов и пугливых сайгаков. Среди этой сахары разбросаны по берегам рек небольшие оазисы, осененные тополевыми, тутовыми деревьями и вязами, там и сям попадаются рисовые поля, дурно возделанные, плантации травянистого хлопчатника, который снимают недозрелым, виноградники и фруктовые сады, предоставленные ленивым человеком исключительно попечению аллаха. На этих оазисах, на развалинах многовратных городов стоят жалкие мазанки и в них || живет дикое, невежественное племя, развращенное исламом и забитое до идиотизма религиозным и монархическим деспотизмом туземных владельцев, с одной стороны, и полицейской властью китайцев – с другой.

В Маврельнагре[2] (нынешняя Бухара, Хива и Коканд), в самой просвещенной и богатой стране древнего Востока (в XIV и XV вв.), теперь господствует невежество и бедность более чем где-нибудь. Библиотеки Самарканда, Ташкента, Ферганы (в Кокандском ханстве), Хивы, Бухары[3] и проч., обсерватория в Самарканде[4] безвозвратно погибли под беспощадной рукой татарского вандализма и бухарской инквизиции, которая предала проклятию всякое знание, кроме религиозного. Даже монументальные памятники прошедшей культуры подвергались гонению мулл, как подражание немвродовскому столпотворению[5], как греховная борьба человека с творчеством аллаха; только мечети, медресе (училища) и гробницы магометанских святых, только клопная яма (кенехане) и еще башня мунар, с которой бросают преступников, сохранились до наших дней благодаря своему благому назначению.

Среднеазиатские владельцы теперь не пишут стихов и мемуаров, не составляют астрономических таблиц, как это делали их предки, зато они каждый день торже-

ственной процессией ходят в мечеть и там смиренно беседуют с муллами, а по возвращении домой забавляются с пажами[6] или идут на арену и смотрят, как два свирепо дрессированные барана бьются лбами; смотрят до тех пор, пока у одного из бойцов не разобьется череп, а потом в кровожадном волнении бьют своих генералов 40 раз по спине и 40 раз по желудку[7].

Другая часть Центральной Азии – Малая Бухария[8] – находится в обстоятельствах не лучших. Страна, в которой, несмотря на господство ислама, развилась свобода женщин, веротерпимость, безразличие на||родностей и муниципальные начала, обнищала, под гнетом китайской цензуры и военных мундиров, а мелкие владельцы в горах Болора, производящие род свой от Александра Македонского[9], продают своих подданных, как киргизы баранов. Всюду разрушение, невежество и безграничный произвол. При таком состоянии цивилизации или, правильнее, при таком совершенном отсутствии цивилизации в Средней Азии, понятно, что попытки России и Англии поближе узнать свою дикую соседку были так мало удачны, а иногда и печальны.

В конце 1859*[1] года мне удалось с кокандским караваном, в качестве кокандского купца, проникнуть в Кашгар, в котором после знаменитого Марко Поло[10] (1272) и иезуита Гоеса[11] (1603) были только два европейца: немец, офицер ост-индской службы, неизвестный по фамилии, после которого сохранился чрезвычайно любопытный маршрут и записка[12] о его путешествии, и ученый пруссак Адольф Шлагинтвейт[13]. Первый из них был бит в Кашгаре бамбуками так больно, что два дня не мог садиться на лошадь, второму же отсечена голова и поставлена на башню, сооруженную из человеческих голов.

Кашгар принадлежит к числу окружных городов в китайской провинции Нан-Лу (Южной линии) и пользуется, можно сказать, со времени Птоломея[14] большой караванной известностью, особенно по своей обширной торговле чаем. Кашгар для Азии имеет такое же значение, как Кяхта для нас, Шанхай и Кантон для других европейцев. Кроме того, город этот славится на востоке обаятельными прелестями своих «чаукенов»*[2], молодых женщин, на которых всякий приезжий может жениться, нисколько не стесняясь, на известный срок или на время своего пребывания. Кашгар славится также своими музыкантами, танцовщиками и лучшим в мире янысарским хашишом*[3]. Благодаря этой славе Кашгар слу||жит местом, куда стекаются азиатские купцы со всех концов своего материка. Здесь можно видеть тибетца с персиянином, индуса с волжским татарином, авганов, армян, жидов, цыган (мультани и лулу) и одного нашего соотечественника, беглого сибирского казака.

В последнее время город этот начал приобретать известность совсем другого рода. В нем появились башни из человеческих голов[15], начали резать людей также обыденно, как режут только кур. «Трудно, – говорит народная песня, – содержать в кашгарском городе лошадь, потому что связка сена стоит 12 пулов; но еще труднее сохранить голову, потому, что вай! вай!». Это несколько странное окончание песни выражает то запуганное состояние, в каком находится здешний народ. Ходжи, по-

*[1] Описка, следует: 1858 г.

*[2] *Чаукен* (по-уйгурски: *чокан*, по-киргизски: *чокен*) – незамужняя женщина, невеста.

*[3] Хашиш – экстракт из конопляных цветов, имеет одуряющее, раздражительное свойство. *(Примечание Ч. Валиханова).*

томки прежних кашгарских владельцев, в пользу которых происходило в последнее время несколько кровавых восстаний в Кашгаре, не столько режут китайцев, сколько своих клиентов кашгарцев, одного за то, например, что он служил чиновником при китайском правительстве, другого за то, что зевнул, третьего за то, что он черногорец[16]. Китайцы после изгнания ходжи, в чем они до сих пор успевали, несмотря на свою военную немощь, первым делом грабят город, топчут хлебные поля своими казенными табунами, хватают женщин, ломают мечети и гробницы, а потом принимаются за экзекуцию и тянут ее с церемониальной, ужасной медлительностью.

Когда мы приехали в Кашгар, китайцы только что окончили свои разнообразные истязания, вход в городские ворота украшался длинной аллеей из тонких жердей, на которых висели в клетках желтые че||репа казненных ими туземцев. Город начинал успокаиваться. Новые туземные власти, поставленные китайцами, разъезжали в мандаринских шапках и били всех не успевавших скоро давать им дорогу. Сношения с Кокандом были возобновлены, коканский консул жил более месяца в Кашгаре, бухарские и коканские караваны с каждым днем все более и более наполняли пустые караван-сараи. Приезд нашего каравана произвел в городе большое волнение. Киргизы еще до нашего прихода успели распустить слух, что из России-де идет караван на 500 верблюдах (у нас было только 60), навьюченный сундуками, в которых скрыты какие-то разрушительные снаряды; что начальник каравана, по имени «железная доска» (имя это киргизы изобрели, вероятно, потому, что караван-баши имел железную кровать), человек подозрительный и, должно быть, русский и проч. Нет нелепости, которой бы не поверил азиатец, чем нелепее слух, тем он более кажется для него вероятным. Китайцы, как известно, в этом отношении не отличаются от других азиатцев – так и случилось. К счастью, коканский консул лично знал нашего караван-баши и некоторых других наших товарищей; таким образом, только заступничеству коканцев мы обязаны были тем, что нас пустили в город.

Я не буду теперь распространяться о тех допросах, судах, которым подвергся наш караван от китайского правительства и от туземных властей, чего не позволяет ни время, ни место, а намерен на этот раз изложить только основные результаты моего путешествия и пребывания в Дикокаменной орде.

Северный склон Тянь-Шаня был в новейшее время исследован со стороны России, || но сочлену нашему, П.П. Семенову, удалось пробраться только до источников*4 реки Нарына, одного из притоков Яксарта, я же перешел Тянь-Шань по двум направлениям, осмотрел окрестности Кашгара и Янысара до песчаной гряды, лежащей между этим последним городом и Яркендом. Политические события в Коканде, кончившиеся изгнанием прежнего хана[17] и отразившиеся беспокойствами в Кашгаре, помешали мне видеть Яркенд, самый обширнейший и многолюдный город во всем Китайском Туркестане.

Путешествие мое, по свойству пройденной местности, можно разделить на два периода. Первый период заключает путь мой по Джунгарии[18], т. е. в Семирецком, Заилийском крае и на озеро Иссык-Куль. Физический характер этих местностей хорошо уже известен по прекрасным съемкам Сибирского штаба и в научном отношении исследован г. Шренком, Влангали[19], Семеновым и Голубевым[20]. Впрочем,

*4 То есть истоков р. Нарына.

известия эти ограничивались только предметами физической географии и совершенно не касались этнографии. Я посетил Джунгарию в первый раз в 1856 году и участвовал в первой экспедиции, предпринятой полковником Хоментовским на озеро Иссык-Куль. Потом три месяца жил в Кульдже. Всего в Джунгарии я находился пять месяцев и успел осмотреть этот край вдоль и поперек, от Алакуля до Тянь-Шаня, на который я поднялся в том году по реке Джиргалан.

Я буду говорить только о том, что было пропущено или не замечено предшествовавшими мне исследователями. Скажу несколько слов о джунгарской фауне, о древностях этой страны и, наконец, о ее жителях.

Флора джунгарская бо||лее или менее известна. Александр Шренк с ученой ревностью занимался этим предметом и представил общий очерк растительности этой страны в своей любопытной стране*5, напечатанной в немецком переводе в Beitrdge zur Kenntniss des Russischen Reihes, издав. гг. Гельмерсеном[21] и Бэром[22], за 1840 год.

Г. Семенов также обратил внимание на растительность Тянь-Шаня и, кажется, имеет довольно богатый гербарий. Доктор Татаринов[23] составил список растений, определенных им во время путешествия Е.П. Ковалевского[24] в Кульджу, и напечатал его при сочинении г. Вл а н г а л и. Между тем мы не знаем ни одной статьи о джунгарской фауне. Г. К а р е л и н[25], кажется, обнародовал некоторые сведения о естественных произведениях Семирецкого края и между прочим, о его фауне; в изданиях Московского общества испытателей природы были помещены описания птиц, гадов и жуков на основании чучел и образцов, присланных в это общество г. Абакумовым[26].

Я собрал на озере Иссык-Куле небольшую орнитологическую и этнологическую*6 коллекцию.

Собрание это во время моего отсутствия было отправлено в Дрезден одним из моих знакомых, но известия о нем я еще не получил.

Озера Алакуль и Балхаш, по всей вероятности, еще в весьма недавнее время составляли одно общее водохранилище, потому что и теперь, во время весенних разливов, Алакуль, по словам киргиз, непосредственно сообщается с Балхашом через солончаковую полосу. Эту-то полосу г. Семенов считает естественной границей[27], где оканчивается Киргизская степь и начинается Средняя Азия, другая почва, другая флора и фауна.

|| Но, сколько мне кажется, Джунгария не отличается большой своеобразностью растительности. Флора равнин та же, что в южных частях Киргизской степи, а горная – похожа, с небольшими исключениями, на алтайскую, но в зоологическом отношении действительно заметна некоторая особенность.

В отношении распределения животных Джунгарию можно разделить на три полосы: горную, полугорную (Zona Subalpina)*7 и, наконец, равнинную.

В горной полосе Джунгарского Алатау и Тянь-Шаня водятся млекопитающие, свойственные горным странам южной Сибири и Киргизской степи, каковы: олень,

*5 Ошибка переписчика, следует: *статье*.

*6 Описка, следует: *энтомологическую*.

*7 Субальпийская зона.

(Cervus elaphus [марал]), горный козел (Ibex sibiricus) [Capra sibirica], архар, или горный баран (Ovis argali) [Ovis ammon], волки, лисицы черно-бурые и красные, куницы-белодушки и проч. Кроме того, водится, по рассказам киргиз, какой-то рыжеватый волк, называемый «чибури»*[8], очень похожий на собаку. Эти признаки напоминают шакала, но киргизский чибури живет преимущественно на высоких плоскогорьях и, вероятно, это не шакал, а альпийский вид из рода собак (Canis)*[9]. Из хищных птиц в Джунгарии всего более встречается ягнятник – (Gypaetus barbatus), Vultur fulvus Vultur meleagris [Gips fulvus – белоголовый сип], изредка: беркут (Aguila chriseatus), сокол (Falco peregrinus, Falco subbuteo) ястреб (Astur), а кречет (Falco candicans Gm) [Falco gyrfalko]сюда вовсе не залетает; ночных хищников мне не удалось видеть, но, по словам киргиз, они довольно редки. Из отряда соровых*[10] [куриных (Galliformes)] в горах водится улар [темнобрюхий (Tetraogallus himalayensis)], серый тетерев, совершенно похожий на Tetrao caucasicus [тетеров-косач (Lyrurus tetrix)], каменная куропатка (Perdix saxatilis), [кеклик] (Alectoris graeca) и перепелки.

В полугорной полосе мы встречаем тигров, барсов [снежных (Felis unica)], кабанов, антилоп, джей||ранов [Gazella subgutturosa*[11], дикобраза, фазанов (Phasianus colchicus), драхву*[12] (Otis tarda), колендухов*[13] и горлиц (Columba oenas et turtur) [Streptopelia turtur], некоторых лазунов. Все эти животные распространены одинаково и в равнинной полосе. Полугорные рощи особенно богаты породами пташек [воробьиных] (Passerini) [Passeres]. Вот известные мне виды:*[14]

1. Corvur dauricus; 2. Coracias garrulus; 3. Merops persica Pall.; (4. Вероятно, Corvur Panderi Fish.); 5. Tichodroma muraria; 6.Sitta uralensis; 7. Hirundo alpestris; 8. Hirundo lagopoda [Delichon urbica]; 9. Parus sibiricus [Parus cintus]; 10. Parus cyanus; 11. Fringilla orientalis [Carduelis carduelis]; 12. Fringilla arcticus; 13. Turdus sibiricus; 14. Turdus fiscatus [Turdus naumanni]; 15. Pyrrhulla rhodochlamis; 16. Pyrrhulla rosea [Erythrina roseal]; 17. Pyrrhulla pusilla [Pyrrhulla pyrrhulla]. 18. Pyrrhulla sibirica [Uragus sibiricus]; 19. Emberiza rutica; 20. Emberiza pithuornis [Emberiza leucocephalos]; 21. Emberiza bruniceps; 22. Coccothraustes speculigerus; 23. Accentor altaicus [Prunella himalayana]; 24. Accentor atrogularis [Prunella monnella atrogularis]; 25. Accentor montanellus [Prunella montanella]; 26. Cinclus leucogaster [Cinclus cinclus].

---

*[8] Точнее: *чие-бөре* (казах.) – красный волк.

*[9] Речь идет о красном волке.

*[10] В научной литературе теперь принято название *сорные*.

*[11] По-монгольски *дзерен*. В рукописи – Antilopa gutturoza Pall. (указана ошибочно)

*[12] То есть *дрофу*.

*[13] То есть *клинтухов*.

*[14] 1. Даурская галка. 2. Сизоворонка. 3. Вероятно, речь идет но о M. persica – зеленой щурке, а о золотистой щурке. M. apiaster. 4. Ошибка. Саксаульная сойка (Padoces panderi) – птица равнинных пустынь. 5. Краснокрылый стенолаз. Зимой спускается в предгорья. 6. Правильно: Sitta curopaea – поползень обыкновенный. 7. Рыжепоясная ласточка (Hirundo daurica). 8. Городская ласточка. 9. Серогорлая гаичка. 10. Белая лазоревка. 11. Щегол. 12. Сибирский вьюрок (Leocosticte arctoa). 13. Сибирский дрозд; по-видимому, указан ошибочно. 14. Дрозд Науманна; вероятно, указан ошибочно. Гнездится в Восточной Сибири. Если бывает, то на пролетах. 15. Розовая чечевица. 16. Сибирская чечевица. Указана, по-видимому, ошибочно. Если бывает, то на пролетах. 17. Снегирь обыкновенный. 18. Длиннохвостый снегирь. 19. Овсянка ремиз. 20. Белошапочная овсянка. 21. Желчная овсянка. 22. Обыкновенный дубонос (Coccothraustes coccothraustes). 23. Гималайская завирушка. 24. Черногорлая завирушка. 25. Горная завирушка. 26. Белобрюхая оляпка.

Водяных птиц и голенастых как в горной полосе Джунгарии, так и в пустынной водится очень мало, чаще всего встречается казарка (Anas rutila) [красная утка, или атайка (Casara ferruginea)].

Таким образом, джунгарская фауна в главных своих чертах сходна с южнокиргизской, отличается от нее только тем, что между млекопитающими мы не находим некоторых пород, так характеризующих киргизскую фауну, напр., сайги, кулана, а из птиц мы видим несколько новых видов между хищными, лазунами, соровыми и пташками.

Обширные пески, лежащие между Балхашом и горной полосой, суть не более не менее как продолжение киргизских Барсуков (так называются пески), Кара-Кума и Хан-Тау и ничем особым не отличаются; они усеяны такими же островами солонцеватых голышей, называемых в Киргизской степи «как»*[15], но тем не менее куланы и сайги, наполняющие Голодную степь и пески на реке Чу, никогда не переходят на восток от меридиана Ит-Кечу. Несколько лет тому || назад в Голодной степи сделалась гололедица, а потом, как и следует, «голод», когда куланы и сайги эмигрировали в Заилийский край и углубились далеко по Илийской долине; весной, однако, эти животные возвратились обратно. Мне впрочем на Илийской долине, около гор Калкан и Кату, удалось увидеть одно семейство куланов, которое, по словам киргиз, осталось тут после нашествия. Стало быть, Джунгария есть естественная граница, разделяющая среднеазиатского кулана от джигетая[28] Монгольской Гоби[29], и предел распространения сайги-антилопы низменных пустынь от джейрана нагорных степей. Туземцы это давно заметили. Киргизы рассказывают, что следы глубоких окопов, заметные по подножию Джунгарского Алатау, остались от рвов, сделанных ханом Джанибеком[30] для истребления куланов; животные эти будто бы сманили в свое стадо лошадь, на которой учился ездить маленький ханский сын, и мальчик погиб. Тогда хан сделал ров от Тарбагатая до Или и загнал в него всех джунгарских куланов, только один жеребец с кобылой спасся за Балхаш и завещал своему потомству не ходить в эту страну.

Русская Джунгария в исторической судьбе среднеазиатских народов имела классическое значение. Абульгазы говорит, что Абулджа-хан[31], сын Иафета, родоначальник тюркских племен, кочевал на реках Талас, Чу и на озере Иссык-Куле. Из китайских летописей мы знаем, что здесь задерживались и укоренялись все племена, эмигрировавшие с высокой Гоби, пока не были изгоняемы более сильными. Действительно Русская Джунгария имеет все удобства для кочевого быта: горные долины служили прохладным кочевьем в летние || жары и скот, не беспокоимый оводом, привольно пасся на сытных пастбищах; под осень кочевники спускались в долины, собирали хлеб, а на зиму скрывались в береговых уремах*[16] рек или ложбинах между песчаными буграми прибалхашской степи, обильных прекрасным топливом, каков, например, саксаул. Это обстоятельство весьма важно для кочевников потому, что в Монгольской Гоби кибитка самого великого хана отапливалась животным пометом[32].

Русская Джунгария, при сильном господстве кочевого быта, однако, имела небольшую оседлость; первые исторические известия об этом мы находим в китайской

*[15] В научной литературе: *такыр*.

*[16] *Урема* – пойма реки, поросшая кустарником и пойменным лесом.

истории – именно, известие о городе Чигу, который, надо полагать, был на восточном берегу озера Иссык-Куля и построен китайскими рабочими для усуньского куньмы[33]. В средние века оседлость здесь сильно распространилась, особенно в Илийской долине[34]. Города Алмалык[35] (ныне Туркестанское селение), Хонакай[36] и Кайнак[37] (существующие и теперь) и Алмату[38] (где ныне укрепление Верное) были известны по своей торговле и служили станциями на большой дороге, по которой ходили генуэзские купцы[39] в Китай и кипчаковские послы[40] к великому хану.

Замечательно еще, что в этой части Азии было особенно много несторианских и монофизитских конгрегаций[41], а на озере Иссык-Куле сирийские якобиты, по свидетельству каталонской карты[42], имели монастырь с мощами св. Матфия. Христианство здесь так сильно распространялось, что возбудило против себя несколько гонений, в XVI веке на Иссык-Куле было уже несколько мусульманских селений. Эти данные сильно меня заинтересовали, к несчастию, я не мог сделать больших открытий, потому что || киргизы успели уничтожить последние остатки уцелевших зданий[43], принимая все за ламайские капища[44]. Один китаец, бывший в 1820 году на Иссык-Куле, говорил мне, что он видел там громадного идола[45], вытесанного из камня, но я не мог открыть ни малейших следов древностей этого рода, однако нашел следы оседлости почти по всей Русской Джунгарии и собрал предания, ходящие о них в народе; мне удалось также приобрести несколько золотых вещей и монет, найденных на развалинах древнего Алмалыка. Я намерен изложить этот предмет в особой статье[46]. На этот раз ограничусь только замечаниями, что следы чудских копей[47], найденных мною в глубине Средней Азии, дают повод думать, что горное дело не было исключительным достоянием финской расы. Исторические данные нам говорят, напротив, более в пользу тюрков, чем финнов, потому что тугю, по свидетельству китайцев, были рудокопами жужанского дома[48], а при покорении Сибири одно тюркское поколение было названо кузнецким, потому что оно исключительно занималось сплавкой руд и снабжало металлическими изделиями соседних монголов и финнов.

В числе народов, живших в Средней Азии во времена династии Хань, китайские летописи заметили шесть племен, отличавшихся голубыми глазами и рыжим цветом волос, которых Клапрот (Tableaux historiques de l'Asie p.82) и Абель Ремюза (Recherches sur les langues tatares, т. I, p. 306) считали народами индогерманского происхождения (по Клапроту – nation Alonogothes, по Аб. Ремюза – gothiques et hindo-scythiques). К числу этих народов принадлежали, между прочим, хакасы, впоследствии киликицы*[17], т. е. киргизы и усунь, особенно поражавшие китайцев своим чуждым типом, своими лошадиными лицами[49], как говорят китайцы.

|| В настоящее время в Джунгарии обитают два народа, буруты[50], или настоящие киргизы, и киргиз-кайсаки Большой орды, носящие собирательное название уйсунь, между которыми существует поколение, называемое рыжими уйсунями (сары уйсуны[51]); это поколение к довершению интереса считает себя остатками большого и сильного народа.

Занимаясь давно собиранием киргизских сказок, мифов, эпических песен и легенд, я был поражен тождественностью их мотивов с мотивами произведений этого рода народов европейских, особенно славян*[18].

*[17] Древнекитайское произношение слова *киргиз.*

*[18] В собрании Афанасьева[52] я нашел только 6 сказок, неизвестных мне по киргизской редакции (*При-*

Я сначала объяснял этот факт, следуя Аб. Ремюза, влиянием и смешением индогерманских племен с татарскими во времена их совместного жительства на плоскостях Средней Азии; теперь я надеялся в Большой орде у дикокаменных киргиз найти ключ к разъяснению этого вопроса, найти богатые материалы для своего собрания, но ожидания мои не исполнились. Я, к крайнему сожалению, не нашел здесь ни одного рапсода, ни одного хорошего кобзаря, даже песни поют здесь редко, а если поют, то непременно о белой козе или о вороном иноходце и всегда на мотив «бойдай-талым»*[19].

Уйсуны*[20] сами сознаются, что поэзия им не далась, они говорят, что когда-то песня (мифическое олицетворение) летала над землей и учила «песне» род людской. Как женщина, капризна была эта песня: у одних она гостила подолгу, другие слышали только ее далекий голос, инде*[21] она летала молча, инде выла по-волчьему. В Средней орде она гостила, а мы только слышали голос и не можем его припомнить. Но по тем сказкам и песням, которые здесь я мог услышать, и особенно по бурутской народной поэзии, я убедился, что индогерманские мотивы наших киргиз и ногайцев могли быть заимствованы только через сношения со славянским миром, с Русью.

Этнографические очерки, статистические сведения, исторические известия, памятники народной литературы уйсунов и Дикокаменной орды составляют несколько тетрадей в моих записках. В конце своей статьи я намерен познакомить вас, мм. гг., более подробно с бурутами, которые до сих пор вовсе почти не известны; на киргизах Большой орды я не буду останавливаться потому, что они во всем похожи на своих собратий сибирских и оренбургских кайсаков.

Оканчивая свои этнографические заметки о бурутах и уйсунах, я считаю нужным заметить, что не должно смешивать эти два совершенно различных народа. Об этом заботились в свое время гг. Левшин, Мейндорф[53] и особенно горячо отец Иакинф, но до сих пор им никто не внимал. Слова их были гласом вопиющего в пустыне, даже Гумбольдт[54] и Риттер не могли понять хорошо, в чем дело: они думали, что буруты именно составляют Большую кайсацкую орду и что эту-то орду нужно отличать от Малой и Средней. Но это было || большой ошибкой со стороны почтенных корифеев науки. Большая, Средняя и Малая киргиз-кайсацкие орды составляют один народ «казак», отличный от киргизов, называемых китайцами – бурутами, русскими – дикокаменными или черными. Эти два народа отличаются по языку, по происхождению, по обычаям. Даже в физиономии бурута есть что-то своеобразное, не кайсацкое.

Вообще по устройству черепа и по типу лица среднеазиатские народы можно разделить на персиян, монголов и тюрков. Персияне разделяются на горных – галча и на низменных – таджик и относятся к кавказскому племени; таджики смуглы и черноволосы, а между галча встречаются блондины. Представителями монгольского

мечание Ч. Валиханова).

*[19] Песня о белой козе и о вороном иноходце принадлежит у киргиз к числу самых древних лирических песен, и, как думают их рапсоды, [это] были первые лирические опыты, появившиеся к концу прошедшего столетия. У киргиз теперь много голосов для песен, но в старые года они довольствовались весьма немногими мотивами и, между прочим, этим бойдай-талым. || (*Примечание Ч. Валиханова*).

*[20] Так называют их киргизы Большой *Орды. (Примечание Ч. Валиханова).*

*[21] Инде – кое-где, местами.

типа в Средней Азии можно считать калмыков; они брюнеты, цвет лица у них оливковый, глаза узки, лицо плоское, скуловатое, нос сплюснутый (Camus). Остальные народы Средней Азии, как монголо-тюркского, так и тюрко-финского происхождения, представляют странное смешение типов и красок. Вы встретите среди них блондинов с монгольским личным углом, с узкими голубыми глазами, встретите совершенно правильной нос римский и широкое скуловатое лицо. Вообще в физическом виде этих народов заметна помесь, соединение черт кавказского племени с монгольским.

Второй период моего путешествия начинается в верховьях реки Нарына, главного притока реки Сыр-Дарьи, который служил пределом путешествия» г. Семенова в этом меридиане. Далее передо мною простиралась совершенная terra incognita, никем еще не исследованная.

|| Несмотря на большую опасность, я вел во время пути и в самом Кашгаре постоянный дневник. Дружеские связи с туземцами, учеными и чиновниками, свободные разъезды по окрестностям дали мне возможность обозреть вполне эту замечательную страну.

Знакомства с купцами разных племен и из различных стран доставили мне много маршрутов, этнографических, статистических, торговых сведений о соседних странах. Находясь постоянно в обществе купцов и живя в караван-сарае, я особенно хорошо познакомился с среднеазиатской торговлей, с предметами караванной торговли вообще и особенно в Кашгаре, с среднеазиатским купечеством, с их коммерческими понятиями и экономическими соображениями.

Таким образом, сведения, собранные во время путешествия, состоят, во-первых, из личных моих наблюдений; во-вторых, из сведений и материалов, полученных от людей, достойных вероятия и поверенных другими показаниями, и, наконец, из письменных источников, полученных от купцов, чиновников, из туземных официальных документов и книг.

В настоящее время я привожу в порядок свои записки и по поручению его высокопревосходительства г. генерал-квартирмейстера занимаюсь составлением карты Средней Азии на основании новейших съемок и тех богатых материалов, которые хранятся в нашем топографическом депо.

Я старался во время своего пребывания в Кашгаре изучить уйгурский язык[56] (так называет его Абель Ремюза), на котором говорят в Кашгаре; язык этот совершенно неизвестен европейским ученым, они знакомы лишь несколько с книжным язы||ком, похожим на джагатайский. В Малой Бухарии образовался под влиянием китайских форм еще язык канцелярский[57], которого образчики вскоре будут мною напечатаны в «Записках Восточного отделения Археологического общества». Я составил маленький словарь разговорного языка, примеры идиотизмов*[22] и записал много народных песен.

История Малой Бухарии нам мало известна; мы знаем более или менее историю этой страны до времен Тамерлана из китайских летописей, далее из мусульманских источников, которые говорят [о ней], впрочем, вскользь.

---

*[22] *Идиотизмы* (устар.) или *идиоматизмы* (современ.) – обороты речи, присущие только данному языку, неразложимые и непереводимые буквально.

Между тем превосходная история этой страны написана в средине XVI столетия мирзой Мухаммед-Хайдар куреканом[58], визирем кашгарского хана Абдул-Рашида[59], и, названная им в честь этого хана «Тарихи-Рашиди»[60], до сих пор остается неизвестной.

В музее*[23] Академии наук находится турецкий перевод этого сочинения, а в библиотеке С.Петербургского университета – персидский подлинник. К сожалению, академический экземпляр не полон, а университетский изобилует ошибками и, очевидно, скопирован человеком, не знавшим персидского языка.

«Тарихи-Рашиди» разделяется на два отдела: первый отдел содержит в себе историю кашгарских ханов от Тоглук-Темира[61] до Рашида, до 962 года геджри [1554]; второй отдел имеет характер мемуаров.

Здесь автор описывает свои личные приключения, сообщает чрезвычайно много географических и этнографических сведений о Тянь-Шане, Болоре, Тибете и Куэнь-Луне. Сам автор принадлежал к знаменитой фамилии Дуглат, предки его под именем улусбеков играли в Могул-улусе*[24] || такую же роль, как мажордомы при Меровингах[62] у франков.

Я уже заметил выше, что история Хайдара оканчивается 1554 годом. Замечу также, что это единственное историческое сочинение, известное в Европе, и известное только по имени (академическая рукопись еще не описана). Но мне посчастливилось приобрести в Кашгаре рукопись под заглавием «Тазкирян Ходжагян»[63]. заключающую в себе историю династии[64] Ходжей*[25], которые в конце XVI в., изгнав чингизовичей при помощи буддистов ойратов, управляли Малой Бухарией как вассалы джунгаров. Это замечательное сочинение оканчивается взятием города Яркенда китайцами в 1758 г. Таким образом, «История ходжей» служит продолжением «Тарихи-Рашиди».

Из книг, приобретенных мною в Кашгаре, еще заслуживают внимания:

1) «Тазкиряи султан Сутук-Бугра-хан-газы»[65] (жизнеописание хана Султан-Бугра из династии Илеков[66], который первый принял ислам и распространил его в Кашгаре).

2) «Тазкиряи Туглук-Тимур-хан» (жизнь Туглук-Тимур-хана из джагатаевичей, который первый из монгольских ханов Могул-улуса принял ислам).

3) «Ришахат»[67] или известия о среднеазиатских законоучителях и чудотворцах.

4) «Абу-Муслим Марузи»[68] – героический роман, замечательный потому, что в || него вошло много местных исторических преданий.

Сверх поименованных приобретений, я собрал во время путешествия небольшую нумизматическую коллекцию[69], которая уже описана в «Бюллетенях» Академии наук (см. Melanges asiatiques, IV, livrasion), коллекцию горных пород, встречавшихся на пути, также куски нефрита, добываемого в горах Мирджей, около Яркенда и в реке Кара-Каш, болорские яшмы, мрамор, хрусталь, песочное золото из реки Керия; я

*[23] Имеется в виду Азиатский музей (ныне Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР).

*[24] Могул-улусом или Чете называлась восточная половина Джагатаева удела; ханы этого удела летом кочевали в Джунгарии, а зимой жили в Аксу, в Кашгаре или в Яркенде. «Монголов Чете» не надо смешивать с монголами, потому что они были мусульмане и говорили тюркским языком. *(Примечание Ч. Валиханова).*

*[25] Ходжами в Средней Азии называют потомков Мухаммеда; они составляют наследственное духовенство и пользуются большим народным уважением. *(Примечание Ч. Валиханова.)*

привез с собою также произведения туземных мануфактур и образчики английских товаров, встречающихся на кашгарском рынке.

Вот вкратце самые общие результаты моего путешествия по Средней Азии.

* * *

Путешествие мое началось 28 мая 1858 г.[70]. В этот день я присоединился к торговому каравану, который тогда стоял лагерем в урочище Карамула, в 30 верстах от города Капала; караван вышел из города Семипалатинска и принадлежал коканским и бухарским купцам. При караване было 8 походных юрт, 100 верблюдов, лошадей 65, прислуги 34 человека и товаров на сумму 20 000 руб. сер. Я был известен в караване под именем Алимбая и считался родственником караван-баши, достопочтенного Мусабая.

29 мая караван снялся. Прекрасная погода благоприятствовала нашему путешествию, мы шли сначала пикетной дорогой до Алтын-Эмельского пикета по прекрасным долинам Алатавских предгорий. Поля пестрели оранжевыми тюльпанами, восточным маком, и на длинных стеблях белой мальвы качались желтые пташки (Emberiza bruniceps). После 25-верстного || похода караван под вечернюю прохладу обыкновенно разбивал лагерь на берегу какой-нибудь звонкобегущей речки под тенью высоких тополей или серебролиственной джигды; весело и шумно болтали люди вокруг ярких костров, а бухарцы курили кальян и декламировали Хафиза. Киргизы, стоявшие в этих местах, приходили к нам с баранами для покупок, а знатные их родоначальники – для того, чтобы получить базарлык (подарок). Торжественно, в сопровождении большой свиты, являлись они в караван и спрашивали: «Кто всех богаче?» Богачом назывался каждый владелец палатки по очереди; таким образом, очередной богач угощал ордынских чинов чаем, сухарями, сушеными фруктами; все это киргизы клали за пазуху и, выпросив подарок, быстро удалялись. Раз караван удостоился видеть султана Джангазы, правителя джалаирского племени, с помощником, который дан ему ради его скудоумия алатавским окружным начальством и потому называется киргизами заседателем. Султан поразил нас эксцентричностью. Он вошел в палатку походкой жирного гуся, которая у киргиз употребляется в крайне официальных случаях, сел на почетное место и принял созерцательный вид; все молчали. Султан вдруг поднял голову, обвел всех быстро глазами и произнес двустишие: «У джалаиров много баранов, у Джангазы много дум», – сказал и опять углубился в буддистическую недвижимость. Между тем заседатель и другие киргизы разговорились, они рассказывали, как приезжал генерал-губернатор в укрепление Верное, с мельчайшей подробностью передавали его слова, обращенные к киргизскому народу, и жесты, которые генерал употреблял при этом. Киргизы все просили нас научить «закону»: «А то-де у нас берут на || кордонные работы быков, лошадей и редко отдают назад. Вот казаки знают закон, ну и притесняют, воруют свободно, тягаться с ними, – говорили они, – не приходится: «царский человек» на счету состоит, за него как раз пойдешь через «сверленые горы»[26] (так киргизы называют каторжную работу); у нас уже была кутерьма из-за трех казаков, которые погибли без вести: всю зиму

[26] По-казахски: *тескен тау.*

помончик (помощник окружного) и Банушка (Ванюшка-толмач) пролежали на Каратале; «сознайтесь», говорят, «вы убили казаков». «Сохрани боже – не видали вовсе!» Нынче губернатор говорит: «Найдите вы мне виноватых, а то я всех вас в бараний рог согну; я, – говорит, – гром и молния». Султан в это время как-то странно поводил глазами и изредка выстреливал двустишиями. После пилава гости удалились, оставя в юрте какой-то миндальный запах.

Перейдя Джунгарский Алатау проходом Джаксы-Алтын-Эмель, который известен тем, что под осень через него дуют сильные северо-восточные ветры, называемые «эбэ», вроде тех, что на южном берегу Алакуля, караван вышел на голую кремнистую долину. Вдали виднелась Или; мы пошли на перевоз, содержимый киргизами через эту реку, и ночевали у ключа в песках, между гор Калкан, где попали в какую-то ложбину, которая кишела змеями, тарантулами, скорпионами, фалангами, и долго не могли забыть этого проклятого ночлега. Ночь мы не спали и чуть свет поднялись в поход.

Караван два дня переправлялся черек реку Или на ветхих плоскодонных судах. Судно тянули с помощью лошадей, пущенных вплавь, а лодочники выливали ведрами воду. Отпраздновав на берегах Или «курбан»*[27], ка||раван через проходы Соготы, Тор-айгыр и Уч-Мерке достиг Каркаринской долины, сделав всего семнадцать усиленных переходов. Здесь мы нашли адбановских киргиз поколения айтбузум и разъехались по разным аулам для меновой торговли. Но киргизы были в волнении. Перед нашим приходом на берегах Каркары происходила у них кровавая схватка между коленами кызыл-бурк и айтбузум. Они ожидали русского чиновника, высланного на следствие по жалобе кызыл-буркской стороны, и в случае неудачи думали наутек. Так и случилось. 4 августа киргизы начали сниматься вдруг и к вечеру на берегах Кегена и Каркары не видно было ни одной живой души, не было слышно ни одного звука; только наши одинокие палатки с грустным выражением смотрели на мертвую окрестность. Нам было почему-то неловко. Караван-баши и некоторые наши старики находили, что 900 баранов, вымененных нами у киргиз, недостаточно и потому решили идти в Дикокаменную орду. 6 августа караван достиг киргизских кочевок. Нас встретил родоначальник племени салмеке манап Карач, по прозванию Большой*[28], благорасположенный к русскому правительству и изнывающий желанием получить чин хорунжего. Большим он назывался потому, что был толст и жирен, как дургамский бык[71]. Карач носил остроконечную белую войлочную шляпу с разрезанными на лбу и затылке полями, ваточный халат из крепкой полосатой бумажной материи вроде тика, с закругленным воротником, как у наших военных на кафтанах, и тремя зелеными шелковыми тесемками на груди. На ногах были неуклюжие сапоги из красной юфты с большими деревянными каблуками. Сын его был одет || так же, как Карач, но халат его имел более яркий цвет и плисовый воротник и рукава. Свита Карача состояла из нескольких оборванцев, вооруженных дубьем и копьями. Один рыжий копьеносец имел на себе только нижнее белье да войлочный плащ, а другой, несмотря на жаркое время, носил нагольный тулуп и меховую шапку. Киргизы говорили очень скоро и пискливо, беспрестанно сыпали в рот нюхательный табак.

---

*[27] *Курбан-байрам* – мусульманский праздник.

*[28] То есть *Чон-Карач*.

Долина Верхнего Кегена имеет высокое положение и изобилует кормами, берега речки топки, местами образуют кочковатые болота, называемые «саз», вообще три смежные нагорные долины: Кегена, Текеса и Каркары – единственные места во всей Джунгарии, отличающиеся черноземным грунтом и густо заросшие травой. На большом «сазе» стояли кибитки калмыков IX дивизии, сидевших прежде около китайского рудника, но нынче упраздненного. Мы разбили лагерь на реке Чалкуду; ночью выпал снег, ветер завывал и крутил снежной пылью, как зимой. Было ужасно холодно, два дня продолжалась метель, и сношения наши с киргизами были прерваны.

На третий день приехали в караван начальники киргизских поколений и разобрали нас по своим аулам. Я и Мамразык, мой товарищ, попали в аул бия Бурсука, родоначальника небольшого поколения кыдык.

Приехав в аул, мы отправились с визитом к нашему хозяину. Нас торжественно ссадили перед дверями кибитки с лошадей и просили войти. Кибитка была дырявая и до черноты закопченная дымом. Бурсук сидел на почетном месте, у очага, лицом к двери; направо от дверей, на телячьей коже, восседала его жена, старушка, две дочери и несколько киргизок. Тут же поближе к дверям стояли котлы, меха с айраном, ведра, чашки, тарелки и прочая утварь. Налево у дверей сидел киргиз и тачал сапоги из красной юфты, кусая не без озлобления швы после каждого узла; по полу валялись щепки, куски войлока, шерсть и оглоданные кости. Нас посадили на черный войлок, стеганный узорами, заменяющий у них ковры. Хозяин был очень любезен, только часто проклинал могилы наших отцов, но, очевидно, по привычке; жена его была бы более любезна, если бы табак, насыпанный на десны, не мешал ей высказаться. Бурсук сказал, чтобы нам дали кумыз; хозяйка вытащила небольшой, но полный мех, бережно закутанный в старый халат, и взяла несколько деревянных чашек. Так как чашки имели на себе остатки какой-то пищи, то хозяйка и ее дочки стали вытирать их пальцами, кладя в рот то, что приставало в руке. Дети Бурсука (их было 9) поднесли нам потом разлитый кумыз. Я не без аппетита выпил кумыз, не обращая ни малейшего внимания на остатки разнообразных произведений киргизской кухни, которые толстым цементом покрывали чашку. Все это для меня не было новостью. В 1856 году я был в юрте первого киргизского богача, верховного манапа Буранбая. У него, правда, мы сидели на ковре, сам он на бухарском одеяле, но жена его покоилась также на телячьей коже. Кумыз мы пили из фарфоровых чашек, но соленый чай, за неимением другого сосуда, был заварен в чугунном рукомойнике, остальная обстановка кибитки была совершенно такая же, как у Бурсука: те же щепки, кости и проч.

У киргизов неопрятность введена в обычай и освещена преданием. Мыть посуду они считают грехом, наравне, как плевать на огонь, переходить через привязь, где доят кобыл, и проч. Они думают, что с очищением посуды от нечистоты уничтожается и счастье, обилие. Мужчины у них не имеют обыкновения менять белье и носят его до тех пор, пока оно не разорвется. Траур киргизский заключается в том, что целый год жена не моет лица, не чешет волос, не снимает и не переменяет платья, хотя бы оно было совершенно негодно к употреблению.

Гостеприимство свое бурутский патриарх простер до того, что заклал для нас агнца от стад своих. При нас в юрте зарезали бедного барашка, несмотря на его слезы, розняли по частям, развели костер, поставили треножник и на него котел,

все как следует. Апатичные лица киргиз вдруг оживились, члены семейства с преувеличенной ревностью суетились около котла, мешали друг другу и, наконец, поссорились. Голодные собаки столпились на том месте, где резали баранов, и с лютым аппетитом обнюхивали пол. Киргизы в надежде получить «глоток»[*29] все более и более наполняли юрту. Киргизский артист заиграл на балалайке и пел диким голосом «доит, доит»; наконец, сняли котел, перед нами поставили большую тарелку с бараниной, сложенной горкой, на вершине которой рисовалась крестцовая кость – самый почетный кусок. Мы ели мясо, обмакивая его в соленый бульон.

На другой день рано утром к чаю посетил нас Бурсук; к обеду он опять явился; вечерний час и ужин также не обошелся без него. Это он делал потом неукоснительно каждый день. Дети не отставали от отца... Вообще прокормление семейства Бурсука, казалось, было нашей узаконенной обязанностью.

Сами киргизы питаются только молоком да палым скотом[*30], кыдыки, кажется, в первый раз имели удовольствие видеть в своих аулах торговые палатки. Это мы заметили потому, что Бурсук со времени нашего прибытия начал очень зазнаваться. «Оскверню рот твоего отца!» – говорил он своим оппонентам. – «У меня вот сарты, купцы живут» и проч.

Сверх того, нас посещали дамы и девицы; приносили они вареную баранину, кумыз или айран в ведрах, сыр с маслом. За это, по местному обычаю, следовало их дарить. Мой товарищ, человек крайне светский и отчаянный поклонник прекрасного пола, был этому очень рад. Он потчевал их сушеными фруктами, дарил их ситцем, плисом, корольками, говорил пышные комплименты, но, к сожалению, бурутки мало его понимали и все спрашивали: «Что он говорит?» Слава его гремела даже в аулах дальних и чужих.

Иногда по вечерам дочери хозяина в палатке моего товарища устраивали вечеринки. Собирались для этого молодежь, молодые бабы и девки. Женщины садились на одну сторону, а мужчины на другую. Начиналась игра. Одна из девиц с дикой кокетливостью поднималась с места и выбирала ударом платка того, кто ей нравился. Осчастливленный юноша должен был исполнить какую-нибудь хитрую гимнастическую штуку или же спеть песню. И то, и другое не совсем легко. Соль игры заключается в том, что ловкий молодец получал от своей дамы в награду здоровый сочный поцелуй, а тот, кто осрамится, бывает бит и притом крепко. Пение почему-то предпочитается кувырканиям, но, вероятно, не вследствие эстетических соображений. Процесс пения совершается таким образом: певец садится на одно колено, поет какую-нибудь песню, большей частью, эротического содержания. Напев песни поется особенным, неестественным голосом. Взять первую ноту киргизу стоит больших усилий; глаза его наливаются кровью, ноздри расширяются, сначала вырывается несколько глухих возгласов, по-видимому, неудачных, пока певец не попадает в настоящий тон[72]. Окончив пение, певец встает, становится со своей дамой dos a dos[*31] и, как-то мудренно оборачиваясь, целуется. Вообще отношения между кирги-

[*29] Гость должен, по-киргизскому обычаю, вложить своеручно в рот всем присутствующим по глотку мяса, иначе он будет невежа, неуч. (*Примечание Ч. Валиханова.*).

[*30] Киргизы пользовались мясом только животных, зарезанных волками или получивших физические повреждения. Употребление мяса падших животных запрещалось исламом.

[*31] Спина к спине (*франц.*)

зами и киргизками первобытно бесцеремонны: матери, отцы, братья смотрят на это снисходительно, а мужья даже поощряют своих друзей к более тесной дружбе с их женами. Мои караванные друзья, кажется, не пренебрегали этим обычаем, тем более, что между бурутками есть весьма недурные собою. Буруты, как и наши киргизы, очевидно, не знают ревности, столь свойственной азиатцам. Причины этой терпимости заключаются в том, что пуританизм ислама не успел еще распространиться между этим народом.

Буруты называют себя мусульманами, но даже не знают, что за человек был Мухаммед. Похороны, свадьбы справляют они по шаманскому обряду, но заставляют при этом, если найдется грамотный среднеазиатец или татарин, читать молитву. Смело можно сказать, что никто из этой расы, начиная от кочевьев их на Иссык-Куле до самого Бадахшана, не знает грамоты. Киргизы пьют вино, перегоняя его из кумыса, делают бузу и к великому соблазну правоверных при всяком удобном случае напиваются пьяными. В таких же религиозных понятиях были наши киргизы Средней орды лет тридцать тому назад. Русское правительство построило мечети, назначило мулл из татар и теперь, благодаря влиянию татарского элемента, киргизы Средней орды не уступают в фанатизме каким-нибудь дервишам кувыркателыюго ордена Мевлеви, исполняют неукоснительно пятивременную молитву и тридцатидневный пост, а некоторые начинают вводить даже гаремное затворничество. Мы не знаем, что было бы лучше для Киргизской степи: прежнее невежество, чуждое религиозной нетерпимости, или современное татарское просвещение, выражающееся в продолжение 300 лет самым антипрогрессивным образом.

Татары в России составляют совершенно отдельный восточный мир, не имеющий ничего общего с интересами русской народности. Большая орда находится в переходном состоянии. Татары теперь распространились по всей орде и действуют успешно. Замечательно, что чем дальше от татар, тем менее в киргизах фанатизма, хотя тут они живут под влиянием среднеазиатских владений, которые мы привыкли считать гнездами изуверства. Мы думаем, что бухарские муллы менее опасны, чем татарские.

В Дикокаменной орде мы жили почти месяц, перекочевывая с ней из одного места в другое, производя постоянно меновый торг на баранов.

Наш хозяин, как уже было сказало, не принадлежал к числу манапов, киргизских аристократов, не участвовал в народных совещаниях и был очень беден. Однако же Бурсук хотел иметь родовое значение и, чтобы разбогатеть, вел баранту почти со всеми киргизскими аристократами. С этой целью он выбирал для своих аулов самые крепкие позиции, удаленные от общих кочевок. Во время моего пребывания он гнездится в неприступных ущельях Музарта (ледяных гор) или в топких болотах верхнего Текеса. Он не покидал своего убежища даже и тогда, когда другие племена, в полном сборе, раскинув свои аулы на широкой долине Кегена, готовились торжественной байгой праздновать тризну верховного манапа Буранбая в 90 день его смерти. Мой хозяин и девять его хищных сыновей в это время занимались конокрадством.

Знакомство мое с киргизами, как было уже замечено выше, началось еще в 1850 г. В 1855 г. верховный манап племени бугу, Буранбай, с подведомственными ему родами, в числе 10 000 кибиток, поступил в подданство России; весной следующего года отправлен, по просьбе самих киргизов, казачий отряд под начальством полков-

ника Хоментовского для ближайшего знакомства с киргизами и для съемки земель, принадлежащих этому племени. Эта первая русская экспедиция в течение 2 месяцев успела обозреть северную часть озера Иссык-Куля и снять в двухверстном масштабе карту местности по его северному берегу до р. Аксу, по южному до р. Зауку. Находясь при экспедиции, я посетил аул Буранбая, собрал несколько замечательных преданий и составил записку о дикокаменных киргизах*[32]. Впоследствии я имел столкновение с бурутами других племен: сарыбагышами, солту и, наконец, в настоящее путешествие познакомился с их кочевьями до самого Кашгара.

Происхождение и история дикокаменных киргиз до сих пор остается для ученых, занимающихся разработкой китайских и восточных историков, вопросом нерешенным, спорным. Большинство, впрочем, держится того мнения, что нынешние дикокаменные буруты не более, не менее, как енисейские киргизы, переселенные в прошлом столетии джунгарами на новые кочевки, и потому их считают тождественными с хакасами династии Тан и киликидзами династии Юань. Рашид-Эддин в своей истории монголов относит киргизов к числу лесных народов южной Сибири, живших в стране Бархуджин-Тукум; название Кем-Кемджут, данное киргизами у него и у Абульгази, напоминает Кем (Енисей) и реку Кемчук, которые, вероятно, были тогда кочевниками этого народа. При покорении Сибири русские казаки нашли киргиз на Абакане и Юсе и вели с ними упорную войну с XVII до начала XVIII века.

С тех пор внезапно исчезло имя этого народа в сибирских летописях. Фишер полагает, что они были переселены джунгарскими хон-тайдзи и, основываясь на слухах, полагал, что новое жительство их должно быть около границ Тибета и гор Индукуш. Г. Левшин говорит, что шведские офицеры первые внесли событие это в историю и утверждает, что переселение их было следствием особого договора между русским правительством и джунгарским хон-тайдзи. Но китайцы называют дикокаменных киргиз бурутами и говорят, что они переселились в настоящие места своих кочевок с Куэнь-Луня, где они жили при династии Тан под именем булу или пулу.

О. Иакинф первый стал отличать киргизов Южной Сибири от нынешних бурутов, принимая последних за племя тюркское и называя его, для отличия от первых, кэргизами. Риттер в своей Erdkunde von Asien смешивает несправедливо дикокаменных киргиз-бурутов с киргиз-кайсаками и считает всех их за миграцию енисейских киликидзей или хакасов, которых, в свою очередь, следуя Клапроту, и Абель Ремюза принимает за племя индогерманское, отюречившееся вследствие племенных смешений. Относительно же исчезновения киргизов из русской Сибири в XVII веке Риттер говорит, что они, теснимые соседями, удалились к соплеменным бурутам в Восточный Туркестан и в степи на юго-востоке от Иртыша; следовательно, он считает бурутов за старожилов настоящих их кочевок. Вот в каком состоянии находится вопрос о происхождении нынешних дикокаменных киргиз. Для разъяснения этой путаницы мы обратились к народным преданиям и получили следующие данные: 1) народ, означаемый именем дикокаменных, черных киргиз, называет себя просто киргиз, или, как сами они произносят, кыргыз. Название бурут, данное им калмыками и китайцами, совершенно им неизвестно; 2) киргизы считают своей пер-

*[32] Рассказ об этой экспедиции см. в «Записках о киргизах» и в «Дневнике поездки на озеро Иссык-Куль».

вой родиной Анджанские горы; 3) предания о переселении из Южной Сибири между ними не сохранилось, но есть предание о том, что они кочевками своими с юга на север распространялись до Черного Иртыша, Алтая и Хангая, а на восток до Урумчи.

На основании этих данных мы думаем, что дикокаменные киргизы тождественны с енисейскими хакасами или киргизами, по китайскому произношению ки-ли-ки-цзы, потому что китайский летописец, современник монголов, говорит, что ки-ли-ки-цзы на языке туземцев значит 40 девиц[73], т. е. кырк – 40, кыз – девушка. Этой этимологией пользуются и нынешние киргизы для объяснения своего имени. Далее мы полагаем, что киргизы распространялись на восток*[33] до нынешних их кочевок в самые древние времена, ибо в маршруте Гулагу 1253 г. встречаются киргизы (килик и-цзы) на Тянь-Шане, и перекочевки их от Тянь-Шаня до Хангая и обратно продолжались и в последующие времена, что подтверждается и народными преданиями. Такие перекочевки остановились только тогда, когда между Алтаем и Тянь-Шанем образовалось сильное владение ойратов, или джунгаров. Мнение, принятое всеми учеными, что переселение киргиз с Енисея на Тянь-Шань в начале XVIII века совершено джунгарами и притом по взаимному соглашению с русским правительством, оказывается не совсем верным на основании новых данных, которые нам удалось добыть[74]. В кашгарской истории, называемой «Тарихи-Рашиди», я нашел свидетельство, что киргизы (буруты) уже кочевали в конце XV столетия в горах около Анджана, а во времена самого историка (около 1520 года) они распространяли свои кочевки до Иссык-Куля. В архиве Областного правления сибирских киргиз в Омске есть любопытный акт, относящийся к переселению киргиз из Сибири летом 1746 года; в акте этом сказано, что прибыло в Усть-Каменогорск 12 человек с бабами и детьми, которые показали себя киргиз-калмыками и объявили, что они прежде жили в Сибири между томским и енисейским городами и против города Красноярска в степи, на реке, называемой Белым Юсом, под ведением Танбын-батыра датжи и платили ясак зверями в казну ее императорского величества. Тому назад лет 50 или более, говорили они, при отце нынешнего хонтайши Галдан-Черена пришли три калмыцкие зайсана: Дунар, Сандык и Чинбынь (по другому показанию: Зухар, Сандык и Бенбень), с 500 человек войска, напали на их кочевья и увезли их в числе 3 000 дымов, вместе с сыном их прежнего хана Танбын-батыра датжи Чайнышем, насильно, но без боя, в Зюнгарскую землицу, и послали в Ургу[75], где они и теперь живут и платят Галдан-Черену албан*[34]. Между прочим, эти выходцы показали, что их родственники и прочие киргиз-калмыки живут в Сагайской степи и состоят в ясаке ее императорского величества. В следующем 1747 году пойманы еще два киргиз-калмыка, бежавшие из Джунгарии, которые показали то же самое и прибавили, что в Сагайской волости кочуют два родные дяди: Харта Идаш и брат его родной Емгень Мергень. Из этого видно, что сибирские киргизы по соседству джунгаров и урянхайцев сильно смешались с монголами и что переселен был джунгарами не весь народ, а только 3 000 кибиток, которые, как надо полагать, соединились с джунгарами. Они-то, может быть, составили калмыцкий нутук (поколение) – «киргиз», давший о. Иакинфу повод сделать заключение, что сибирские киргизы были монгольского племени. При

*[33] Описка, следует: *запад*.

*[34] *Албан* – дань, подать.

этом положении возникает вопрос: куда же девались эти сибирские киргизы, народ сильный настолько, что в продолжение целого столетия тревожил своими набегами сибирские города и боролся с иными соседями, каковы были джунгары и алтын-хан урянхайцев. На это мы отвечаем, что исчезновение их имени могло произойти по тому же закону, по которому знаменитое владение урянхайских «золотых» царей, которым киргизы платили дань, существует теперь в виде двух бедных волостей, известных под именем двоеданцев, потому что они платят дань русским и китайцам. Известно, что сибиряки всем инородцам дают особенные имена, и остатки сибирских киргиз, конечно, кочуют на старых местах, но под новыми именами. Мы читали где-то, что один из татарских народов Енисейской губернии, кажется, сагайцы считают себя потомками киргиз; г. Муравлев, офицер Генерального штаба, путешествовавший недавно по Алтаю, сообщил мне, что в верховьях Бухтармы кочуют две волости, которые называют себя киргизами и говорят, что они переселились сюда с Кема (Енисея) и Кемчука.

Ученые уже давно заметили важность для этнографии изучения памятников народной словесности, в которых лучше всего выражается характер народного быта и нравов. Любовь к старине и богатство преданий составляют особое достояние кочевых народов Северной и Средней Азии. Предания эти сохраняются свято или в виде родовых воспоминаний в памяти старейшин, как например юридические предания и генеалогические, или в форме эпоса передаются из рода в род особенным сословием певцов.

Многие слова и обороты, не употребительные в настоящее время, показывают их древность. Предание о царевне Гульмалике, как о родоначальнице Чингис-хана, распространено между всеми татарскими народами. Т ь е р р и[76] (Historie d' Attila et de ses successeurs) принимает [его] за отдаленный миф о гуннах и Атилле. Предание дикокаменных киргиз о происхождении своем от красной борзой собаки (кызыл тайган) и от какой-то царевны и 40 ее фрейлин имеет чрезвычайно древний характер. Одну из характеристических черт преданий древних среднеазиатских народов составляет миф о происхождении их от какого-нибудь животного. По свидетельству китайской истории, народ гао-гюй (Kaotsche)[77], иначе называемый телэ или чилэ, происходит от волка и от прелестной хуннекой царевны. Один из хуннских шаньоев (царей) имел двух дочерей такой необыкновенной красоты, что не хотел выдать их замуж за обыкновенных смертных и, построив высокую башню, оставил в необитаемой пустыне, сказав: «Молю небо принять их». Младшая царевна, соскучившись одиночеством, обратила свое внимание на старого волка, который в продолжение целого года день и ночь ходил около замка и, наконец, даже устроил у подножия башни свое логовище; несмотря на убеждение сестры, она вышла за него замуж*[35]. Тюгю (дулгасцы у о. Иакинфа) почитали своей родительницей волчицу, а туфаны (тибетцы) – собаку. Китайцы говорят, что Батачи, родоначальник монгольских ханов, был сын голубого волка*[36] и белой дикой лани (Memories relatifs a I Asie par Klaproth, p. 204). Некоторые племена краснокожих в Северной Америке производят свой род от бобров, черепах и проч. Из этих примеров очевидно, что этот род преданий в Средней Азии и даже

*[35] См. Histoire general des Huns, des Turcs etc. Par de Guignes, p.2, t.III.

*[36] Борте-чене. У Абульгази: *Бурте чино.*

в Америке был самый древний и, по-видимому, почетный. В пользу того, что киргизские предания очень мало подвергались изменениям и близки к первоначальной своей редакции, всего более говорит та наивная торжественность, с которой они повествуют о вещах крайне нескромных, с точки зрения современного киргизского поколения. Происхождение 99 колен кипчакских сохранилось у узбеков и кайсаков в такой неприличной форме, что мы сомневаемся, будет ли оно когда-нибудь в печати.

Весьма важный отдел преданий составляют предания генеалогические. На этих преданиях основан родовой быт. Отношения родов между собой обуславливаются степенью родства родоначальников. Старшинство одного племени перед другим выражается правом физического первородства предка. Предания сего рода важны в том отношении, что они представляют состав и образование народа. Из генеалогических таблиц кайсаков, узбеков и ногайцев видно, что это союз разных тюркских и монгольских племен, образовавшийся после падения Золотой и Джагатайской орд. Из генеалогии же бурутов следует, что главную массу их народа составляет тюркское племя киргиз, к которому присоединились впоследствии два чуждых отдела. Один из этих чуждых отделов составляют роды кипчак, найман и китай; права их на киргизскую народность в генеалогической форме выражены тем, что им дан общий родоначальник, который поставлен сыном Киргизбая. Другой чуждый отдел – ичкилик, хотя считает своего родоначальника также сыном Киргизбая, он не признается другими родами. Третий отдел составляют настоящие киргизы, разделенные на два крыла – «он» и «сол». Они в настоящем колене разветвляются на множество поколений, каждое из поколений еще на поколения и т. д.

Третий род преданий составляют так называемые ногайские былины (джир)[78]. Они существуют у кайсаков, узбеков, ногайцев и у киргиз. Надо полагать, что под ногаями первоначально разумелись в Средней Азии все кочевые племена тюркского и монгольского происхождения, говорившие татарским языком, как калмыками назывались кочевники, говорившие по-монгольски. Ногайские предания относятся к концу XIV, к XV и XVI векам. Предания эти имеют эпический характер и поются рифмованными стихами и потому принадлежат к области народной устной литературы. Они замечательны, как выражения народного духа, понятий, обычаев, нравов, образа жизни, замечательны также в филологическом отношении и не лишены исторического интереса. У кайсаков, узбеков и ногайцев, производящих себя от Золотой и Джагатайской орд, сохранилось несколько поэтических саг об ордынских героях: Эдиге, Ир-Кокче, Ураке, Чоре и проч. Лица эти исторические. Эдиге был один из генералов Тамерлана, был темником в Золотой орде при Тимур-Кутлуке и известен в истории победой над Витовтом при Ворскле. Урак, по преданию, его потомок был в русском плену и был женат на русской княжне (исторического свидетельства о нем мы не нашли). Об Ир-Кокче упоминается в Никоновской летописи под 1423 г. и по поводу нападения царя Куидадата*[37] на одоев. «Тогда же убили и Кокчю, богатыря татарского, велика суща телом и силою». Чора – татарский витязь, который идет на помощь осажденной Казани. В Казанской летописи сохранилось его имя. Эти саги показывают, в какой степени наши кочевники дорожат стариной и как умеют ее сохранять. Надо сказать, что поэтические предания, вследствие смежности кочевьев и при

*[37] То есть *Кудайдата.*

сходстве языка, легко переходят и заимствуются одним народом у другого, и потому нужно уметь их отличать. Г. Ходьзко[79] слышал отрывки из Эдиге от туркменцев, по туркменцы его заимствовали от кайсаков или от ногайцев, точно так же, как классический их разбойник Кор-Оглу известен кайсацким рапсодам. В Азии очень много странствующих преданий, легенд и саг. Академик Кастрен слышал в Лапландии и у карелов миф о циклопе Полифеме из Одиссеи, конечно, измененный сообразно их национальности. В Киргизской степи также знают этот миф. Циклоп назван алпом, великаном-людоедом, а роль Одиссея играет киргизский богатырь Батур-хан.

У дикокаменных киргиз к ногайской эпохе принадлежит единственный эпос – «Манас». «Манас» есть энциклопедическое обрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенное к одному времени и сгруппированное около одного лица – богатыря Манаса. Это нечто вроде степной Илиады. Образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их нашли себе выражение в этой огромной эпопее. Поэма эта, по нашему мнению, очевидно, подверглась новейшим добавлениям и изменениям. Может быть, самое сложение ее из прозаических джумуков (сказок) в одно целое есть дело позднейших времен. «Манас» состоит из многих отдельных эпизодов, имеющих вид целого. Другой эпос «Самятей» служит продолжением «Манаса», и это – бурутская Одиссея. Киргизы говорят, что трех ночей недостаточно, чтобы выслушать «Манас» и что столько же нужно для «Самятея», но это, вероятно, преувеличено. Герой первой поэмы богатырь Манас, сын Якуба, вначале называется владетелем ногайцев от Чу до Таласа, в других местах поэмы анджанским[*38], а иногда самаркандским сартом[*39]. Манас по происхождению не принадлежит к белой кости (т. е. чингисовичам), но силен не менее ханов. Отец его Якуб говорит: «Я отец юного Манаса, славного от Чу до Таласа, я не хан, но не хуже хана, хан Якуб я». Манас представлен в виде свирепого и чувственного степняка. Вот как характеризована его личность в самой поэме: «Он [Манас] в Анджане отжирел, кушая недопеченный хлеб и грызя зеленые анджанские яблоки. 12 лет стрелял из лука, 13 лет с копьем в руках побеждал врагов, уносил детей из седла, похищал красных девиц и заставлял храбрых (богатырей) кричать «куки» («куки» кричат киргизы, когда им больно), 14 лет разбивал аулы, стоявшие в ущельях, и через высокие горы угонял вражеские табуны, а 15 лет был владетелем бесчисленных народов. У высокорослого Манаса подняты брови и холодно лицо, кровь черна; но тело бело, живот пестрый, хребет синий. На кого похож храбрый Манас? Он подобен синегривому щетинистому волку». В гневе Манас еще более страшен. У него борода и усы поднимаются щетиной, из глаз сыплются искры, изо рта идет дым, и тонкий, подобно тополю, стан его раздувается, как алачуг (так называются у киргиз походные кибитки; у кайсаков джуламейки; отсюда русское слово лачуга).

Поэма начинается тем, что юный Манас посылает своего отца сосватать ему Караханову дочь Ханкея, у которой «лицо бело, как снег, и румянец ланит оттеняется, как кровь, упавшая на снег». Эта принцесса имеет 15 лет от роду, волосы длинные до пят, запах подобный мускусу и зубы как жемчуг».

[*38] *Андижан* – город в Кокандском ханстве. В XII веке здесь была столица владения Ферганы. *(Примечание Ч. Валиханова).*

[*39] *Сартами* среднеазиатские кочевники называют таджиков, народ персидского происхождения. (*Примечание Ч. Валиханова*).

Якуб – отец Манаса – долго странствует, отыскивая невесту сыну: «лошадь его отощала, по выражению поэмы, как иргаевая*[40] палка, и насекомые явились на его теле величиною с воробья». Наконец он достигает аулов, но получает отказ: «Моей дочери приличен ханский сын, твоему сыну – бийская плебейская дочь», – сказал хан. Манас начинает войну и берет царевну силой. В этом эпизоде Манас ведет себя крайне беспорядочно, грабит своего отца и оставляет старика Якуба и старушку-мать в крайней бедности. В последующих эпизодах мы видим в нем богатыря, который защищает слабых, воюет с калмыками и оставляет следы своих подвигов в глубине Джунгарии. Киргизы говорят, что город Манас, около Урумчи, и урочище того же имени на верхнем Иртыше получили свое название от этого героя.

Тризна по Кукотай-хану есть, конечно, самый замечательный эпизод в «Манасе». В этом эпизоде рассказывается, как Бук-Мурун, сын ногайского хана Кукотая, чтобы праздновать годовую тризну своего отца, перекочевал с окрестностей Иссык-Куля на Черный Иртыш, на Алтай и Хинган под покровительство монгольского хана Джулая. Манас и другие мусульманские кочевники, приехавшие на поминки, не могли вынести притеснений неверных и произвели драку. Началась война. Манас разбил хана Джулая и убил его. Китайский богатырь Конурбай убит им же на поединке. Впоследствии сам Манас погиб от руки монгольского хана Наз-Кары. Мщение сына Манаса Самятея за смерть отца составляет предмет второй киргизской эпопеи.

Один эпизод из поэмы «Манас», именно тризна по Кукотай-хану, записан мною со слов киргизского рапсода. Вероятно, это первая киргизская речь, переданная на бумагу. Я занимаюсь переводом этого произведения киргизской поэзии и хочу составить маленький словарь, чтобы познакомить ориенталистов с наречием, до сих пор совершенно неизвестным.

Язык дикокаменных киргиз есть наречие тюркское, более других близкое к разговорному языку, употребляемому в Малой Бухарии[80]. В этом наречии чрезвычайно мало, можно сказать, почти нет арабских и персидских слов, зато много монгольских и первообразных тюркских.

В заключение нашего рассказа о киргизах мы скажем несколько слов о настоящем распространении киргизской расы, о главных ее поколениях и о степени политической их самостоятельности.

Дикокаменная орда разделяется на два крыла: «он» и «сол», т. е. правое и левое, соответствующие монгольскому «борангар» и «джунгар». Правое крыло разделяется на два отдела: адгэне и тагай. Тагай есть самый обширный отдел. К нему принадлежат сродные, но ведущие постоянную вражду племена: сарыбагыш, бугу, солту, саяк, черик, чонбагыш и бассыз, всего семь родов. Бугу состоят с 1855 г. в русском подданстве; у них считается 11 [т.] кибиток. Бутинцы имеют хлебопашество на южном берегу Иссык-Куля, а лето кочуют в верховьях Текеса и Кегена. Сары-багышей до 10 [т.] кибиток, кочуют на реке Чу и на восточной оконечности Иссык-Куля. Солту, самый хищный род, до 15 [т.] кибиток, кочуют на Таласе и на реке Чу, около кокандского укрепления Пишпек. Саяки занимают верховье Нарына и Джумгала; черики – Тянь-Шанское нагорье на юг от озера Иссык-Куля; чонбагыши огибают горы на северо-запад от Кашгара. Последние два племени очень бедны. Остальные роды из

*[40] *Иргай* – дерево крепкое и плотное, как пальма. *(Примечание Ч. Валиханова).*

колена тагай занимают горы на с[евер] от Намангана, в окрестностях Анджана и в верховьях реки Джумгал.

Киргизы адгэне имеют хлебопашество в Ферганской долине около городов Маргелана и Оша, а лето проводят в горах от Оша до Коканда. Киргизы эти пользуются одинаковыми правами с узбеками, служат в кокандском войске сипаями, и их родоначальники занимают важные должности при дворе и в войске. Нынешний кокандский визирь Алимбек-датха есть киргизский бий этого племени; он со своими киргизами способствовал нынешнему хану Малля овладеть Кокандом.

Левое крыло состоит из трех маленьких племен, которые кочуют по Таласу. Родоначальники их состоят в родстве с кокандскими ханами, которые по женской линии киргизского происхождения. Найманы, кипчаки и китай – племена, присоединившиеся к киргизскому народу впоследствии, кочуют от Оша по Памирскому плоскогорью до Бадахшана и оттуда по Каракорумской цепи; с ними же кочуют ичкилики и некоторые роды из племени адгэне. Все киргизы, исключая бугу – русских поданных и род турайгыр-кипчак, в окрестностях кашгарского города Ташмалыка, состоят в непосредственной зависимости от Китая, признают власть кокандского хана, которому платят зякет с 100 лошадей одну. Для управления киргизами кокандцы имеют в их кочевьях крепости: Пишпек, Токмак, Мерке и на р. Чу, Авлие-ата (древний Тараз) на Таласе, Куртка и Тогузтарау на реке Нарыне, Кетментупе и Джумгал иа реке Джумгале, Бустантерек и Ташкурган на Памире.

В последних числах августа кашгарские купцы, окончив свои дела в орде, стали собираться в обратный путь. Киргизские друзья советовали нам присоединиться к кашгарцам, потому что дорога, по их словам, для малочисленного каравана была небезопасна. Берег Текеса, у прохода Учкапкак, был назначен сборным пунктом. К 27 числу сентября на этом месте собралось до 60 палаток или, как принято в караванном языке, до 60 огней. В то время, когда шли переговоры между караванными старейшинами, по какому пути идти в Кашгар, а их несколько,– вдруг случилось обстоятельство, которое совершенно расстроило наш первоначальный план. Кокандский юзбаши (сотник), присланный из Пишпека для сбора с бугинцев зякета (бугинцы, хотя русские подданные, но все-таки не пренебрегают ни кокандцами, ни китайцами), приехал в караван с шестью солдатами и требовал, чтобы ему заплатили пошлину. Его спросили: какую пошлину и за что? Юзбаши обиделся, отбил до 300 баранов и, загнав их на гору, стал торжественно охранять добычу.

Кашгарцы, привыкшие к дракам во время восстаний против китайцев, схватили в руки колья, бросились на кокандских солдат и с необычайной ловкостью побросали их с лошадей, причем избили воинов так жестоко, что на поле битвы один кокандец остался бездыханным. Киргизы, вероятно, боясь мщения ташкентцев, объявили кашгарцам, что они не отпустят их до тех пор, пока здоровье раненого солдата не поправится. Мы не принимали участия в этой потасовке, потому вместе с татарами и несколькими кашгарцами, также непричастными к этому делу, выступили в поход, тем более поспешно, что в горах начинал падать снег. Соединенный наш караван состоял из десяти огней и число людей увеличилось до 60. С вершин Текеса в два перехода мы прошли горный проход Санташ, представляющий ровное плоскогорье и знаменитый преданием о Тамерлане, потом невысокие горы Кызылкия и вышли

на долину р. Джиргалан (счастливой); от этого ночлега путь наш лежал по ровной и плодородной долине Терскей, на которой полуобнаженные буруты работали на нивах. На р. Джитыугус мы нашли своего старого приятеля Бурсука, который со своими кыдыками прикочевал сюда для сбора хлеба, и еще несколько аулов того же рода, подвластных бию Самсалы и известному хищнику Джанету. Простившись с аулами Бурсука и взяв его самого охранителем, 9 марта вступили мы в Заукинское ущелье. Присутствие Бурсука не спасло нас, однако же, от хищничества киргиз. 11 числа, когда караван подымался по узкому ущелью, заваленному обломками скал, которые г. Семенов остроумно и пророчески назвал естественными баррикадами, внезапно за нами раздался оглушительный крик и показалось несколько развивающихся значков. Едва успели мы принять оборонительное положение и укрепиться на этих баррикадах, как были стремительно атакованы шайкою киргиз из 70 человек. Наши товарищи, руководимые похвальным чувством самосохранения, удалились под защиту верблюдов и не показывались более. Между тем наша прислуга благодаря крепкой позиции и хорошему вооружению успела отразить бурутов и взять даже в плен одного из их главных предводителей. Дело ограничилось ранами с обеих сторон и разменом пленных. Почтенный Бурсук, взятый нами для охранения, считая себя компрометированным, тайно уехал, не приняв даже подарка, который мы ему обещали. Я не буду распространяться много о Заукинском ущелье, которое так живописно представлено П. П. Семеновым. Заукинское ущелье образуется течением реки Зауки, речек Заукучак, Кашкаата и Дунгурема*[41], впадающих в нее и течениями своими также образующих проходы. Таким образом, путь идет сначала по течению главной реки, а потом разветвляется. П. П. Семенов полагает, что он поднимался по реке Кашка, а наш караван шел по самой Зауке. После впадения р. Дунгурема ущелье Зауку делается круто, тесно образует террасы с двумя альпийскими озерами. Обломки скал большими массами в беспорядке загромождают дорогу. Ущелье оканчивается крутым подъемом около 800 саженей высоты. Остовы разных животных, покрывающие эту крутизну, свидетельствуют о том, как трудно преодолеть ее. Все это так согласно с описанием г. Семенова, что я подозреваю, не принял ли наш ученый путешественник проход Заукинский за Кашкаату, что очень могло случиться, если при нем не было туземных вожаков. Караван не мог подняться в продолжение одного дня и потому одна часть его ночевала на небольшом болотистом плоскогории, которым оканчивается Заукинский проход, а другая часть оставалась внизу на старом ночлеге. Снег, падавший в изобилии, значительно увеличил трудности подъема. Вьючные лошади и особенно верблюды скользили по мокрым камням и нередко, срываясь на ходу, с грохотом катились далеко вниз, делая частые рикошеты. Таким образом погибло уж пять верблюдов и две лошади. Спутники мои казались совершенно растерянными. Каждый думал только о том, чтобы благополучно провести на верх своих вьючных животных. Крики погонщиков, брань и проклятия, благочестивые воззвания [к] аллаху, Бахаведину, Апак-ходже и другим мусульманским святым потрясали эхом вековые снега окружающих гор [...]*[42].

---

*[41] Г. Семенов не знал о существовании этой реки, что видно из примечания его на стр. 16 к II т. Риттеровой Азии. *(Примечание Ч. Валиханова).*

*[42] Описание маршрутов от Каркары до Заукинского перевала здесь опущено. Оно дано более подробно в главе «Описание пути в Кашгар и обратно в Алатавскай округ».

Объем статьи, предназначенной для чтения, не позволяет мне перейти в настоящее время ко второй половине моего путешествия, но если рассказ мой удостоится внимания почтенных моих сочленов, то я поставлю себе приятным долгом передать Обществу дальнейшие впечатления моего путешествия в малоизвестной внутренности Азии в одно из последующих заседаний.

Комментарии

Одна из важнейших работ Ч.Ч. Валиханова, написана в 1860 г. в Петербурге. Печатается по тексту: ССВ. т. 1, с. 392–425. Авторизованная копия в ЦГАЛИ (ф. 118, оп.1, №374, лл. 61–71). Недостающий в конце копии текст восполнен по изданию Н.И. Веселовского.

Впервые опубликована в ЗРГО (1861, кн. I, стр. 184–200, кн. II, стр. 35–58) с портретами киргизских манапов Сартая и Бурамбая по зарисовке Ч.Ч. Валиханова. Здесь же приложена «Карта Семиреченского и Заилийского края Семипалатинской области и части Илийской провинции Китая». Отрывки, касающиеся киргизского племени (кыдык), жившего в верховьях Текеса, помещались в газете «Северная Пчела» (1861, №192). Затем были напечатаны в Сочинениях Ч.Ч. Валихаиова, изданных под. ред. Н.И. Веселовского (ЗРГО ОЭ, т. XXIX, СПб., 1904, стр. 41–78) и в издании избранных произведений (*Ч.Ч. Валиханов.* Избранные произведения. Алма-Ата, 1958).

[1] *Семенов-Тян-Шанский Петр Петрович* (1827–1914) – знаменитый русский географ, первый исследователь горной системы Тянь-Шаня, вследствие чего ему было присвоено почетное добавление к фамилии (Тян-Шанский). Семенов-Тян-Шанский был фактическим руководителем Русского географического общества, организатором ряда экспедиций по изучению России и Центральной Азии. Он автор многочисленных трудов по географии, статистике, страноведению и географическому районированию России. По его инициативе созданы такие капитальные многотомные издания, как «Географическо-статистический словарь Российской империи», «Живописная Россия», «Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении», «Россия – полное географическое описание нашего Отечества». Переведен труд «Землеведение Азии» К. Риттера и др.

Значительная часть работ Семенова-Тян-Шанского посвящена Казахстану и Средней Азии.

После встречи с Ч.Ч. Валихановым в Омске весной 1856 г. П.П. Семенов-Тян-Шанский был связан с ним многолетней дружбой. Выдающийся русский ученый оказывал всяческое содействие его научной и общественной деятельности.

[2] *Маврельнагр* (правильно: *Мавераннахр*) – в переводе с арабского значит: «то, что за рекой», «заречье». В данном случае – пространство между реками Сырдарьей и Амударьей. Название это стало употребляться с периода арабского завоевания Средней Азии (VIII в.) и преимущественно в арабоязычпой литературе.

[3] *Библиотеки Самарканда, Ташкента... безвозвратно погибли...* – Библиотеки культурных центров древней Средней Азии – Самарканда, Бухары, Хивы и Ташкента, погибли не полностью, они частью дошли до наших дней и даже пополнены новыми приобретениями от частных коллекционеров. Основные рукописные сокровища, дошедшие до нас, в настоящее время сосредоточены в столице Узбекистана – Ташкенте и научно описаны лучшими знатоками восточных рукописей. (См.: «Собрание восточных рукописей Академии наук УзССР», т. I–X. Под ред. А.А. Семенова. Ташкент, 1952–1975).

[4] *Обсерватория в Самарканде* – знаменитая обсерватория, основанная в первой половине XV в. выдающимся узбекским ученым и правителем Средней Азии Улугбеком, внуком Тиму-

ра. Длительное время она была засыпана землей, а потому ее местонахождение оставалось неизвестным.. Лишь указания древних письменных источников позволили самаркандскому археологу В.Л. Вяткину обнаружить в 1908–1909 гг. секстант – главный инструмент обсерватории. Тщательные археологические раскопки и изучение обсерватории Улугбека производились только в советское время. Сейчас уже установлено, что ее сооружение представляло собой трехэтажное здание, имеющее в плане круглую форму и разделенное па ряд помещений. В самом центре, в направлении меридиана, размещался главный инструмент (секстант), огражденный двумя капитальными стенами (см.: *Т.Н. Кары-Ниязов.* Астрономическая школа Улугбека. М., 1950, стр. 60–92).

[5] *...подражание немвродовскому столпотворению...* – Немврод (Нимрод) – легендарный основатель Вавилонского рабовладельческого государства. По библейской легенде, он предпринял грандиозное строительство – сооружение столпа (башни) высотою до неба. Но эта попытка не удалась, так как бог наказал строителей тем, что они начали говорить на разных языках и поэтому перестали понимать друг друга. Вавилонское столпотворение – символ суматохи, работы, ведущейся без толку.

[6] *Паж* – здесь употреблено условно: имеется в виду «бача» – гаремный мальчик у среднеазиатских феодалов.

[7] *...бьют ...40 раз по желудку.* – Сечение в 40 ударов (дуре) – телесное наказание, освященное шариатом и применявшееся феодальными владетелями Средней Азии по отношению к непокорным, выступившим против их власти.

[8] *Малая Бухария* – одно из нескольких названий Восточного Туркестана (ныне южной части Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР), употреблявшееся в русской и западноевропейской литературе в XIX в.

[9] *Александр Македонский* (356–323 гг. до н. э.) – великий полководец и государственный деятель древнего мира, царь Македонии в период ее расцвета. В 330 г., захватив Египет, страны Ближнего и Среднего Востока, он начал завоевание Средней Азии, дошел до верховьев рек Окса и Яксарта (Сырдарьи и Амударьи), захватив Бактрию и Согдиану. В Средней Азии сохранилось много легенд, связанных с его именем.

[10] *Марко Поло* (1254–1324) – знаменитый итальянский путешественник В 1271–1295 гг. совершил путешествие в Кашгарию и Китай. Описал районы Средней Азии, Памир, Восточный Туркестан и Южно-Китайское море. Несколько лет оп служил при дворе монгольского хана Хубилая, благодаря чему получил возможность свободно передвигаться по Внутренней Азии и ознакомиться с жизнью ряда восточных народов. (См.: «Путешествие Марко Поло». Перевод И.П. Минаева. СПб., 1902; *Jule Henry. The book of sir Marko Polo, the Venetian..... Newly tranclated and edited by Colond H. Jule*, 4 ed. London, 1921).

[11] *Гоес Бенедикт* (ум. в 1607 г.) – португальский путешественник, глава одной из иезуитских миссий в страны Востока. Долго жил в Индии при дворе «великого могола» Акбара. В 1603 г. совершил путешествие в Китай (Лахор – Кабул через Памир и Восточный Туркестан. Далее Яркенд – Аксу – Турфан – Хами – Центральный Китай). Умер во время путешествия в Сучжоу.

[12] *...немец... неизвестный по фамилии... любопытный маршрут и записка.* – Неизвестным путешественником был немецкий офицер по имени Георг Людвиг фон... (фамилия неизвестна), служивший в Ост-Индской компании. Совершил путешествие по Центральной Азии в начале XIX в. Полное название его записки: «Путешествие по Верхней Азии. Из Кашмира через страну Болоров в Кашгар, Болор, Бадахшан, Вохан, Кокан, Туркестан, Киргизскую степь и обратно через Отрар, Самарканд, Кашгар и Яркент». Записка снабжена предисловием автора с датой от 14 августа 1806 г.

По отзыву М.И. Венюкова, это «великолепная рукопись на немецком языке, к которой приложено до 40 карт пути, пройденного неизвестным путешественником» (*М.И. Венюков.* Обозрение р. Чу. ЛБ, ф. 363 д. 4/1 л. 2 об.).

Загадочный маршрут анонимного путешественника в свое время вызвал большую полемику между русскими и английскими учеными, в частности между Н.В. Ханыковым и Г. Раулинсоном, которая опубликована в «Записках Лондонского географического общества» (см: «Proceedings if the Royal Geographical Society», vol. X, №6 London, 1866, p. 301–317).

Там же опубликована записка неизвестного путешественника с 40 картами (см.: ИРГО, т. IV, № 1. СПб., 1868, стр. 210–211.)

О маршрутах пройденного Георгом Людвигом фон... пути имеются многочисленные статьи, опубликованные преимущественно в «Записках» Русского и Британского географических обществ. (См.: *В.В. Григорьев.* Восточный или Китайский Туркестан). Дополнение к Землеведению К. Риттера. СПб.. 1873, стр. 415, прим. 15; Proceedings, vol. X, p. 134–153; Jul. Essay on the Geography of the Valley of Oxus. London, 1862).

Отрывки перевода из записки неизвестного путешественника опубликованы М.И. Венюковым в ЗРГО за 1861 и 1862 гг. Она стала известной после возвращения Валиханова из поездки в Кашгар.

Переводы и публикации записки, сделанные Клапротом, до Валиханова не были признаны учеными и считались выдумкой самого Клапрота (см.: ЗРГО, 1861, кн. 1, стр. 27). После возвращения Валиханова из путешествия записка вызвала большой интерес со стороны русской научной общественности. По ее поводу в конце 1859 г. шла переписка между В.К. Ливеном (нач. главного штаба) и генерал-губернатором Западной Сибири Г.Х. Гасфортом. В письме Ливена рукопись неизвестного путешественника названа «Reise von Kaschmir duech Hoch Asien in das Land der Kirgisen» (См.: *М.И. Венюков.* Материалы для военного обозрения Азиатской России. ЛБ, ф. 363, д. 7/4).

Как видно из архивных документов, Ч. Валиханов очень тщательно работал над указанной запиской, перевел ее на русский язык, снабдил предисловием и примечаниями. Предисловие к русскому переводу написано Валихановым в Омске в декабре 1859 г., т. е. до его выезда в Петербург. Авторизованная копия перевода теперь хранится в его архиве (ААН СССР, ф. 23, оп. 1, д. 15, лл. 1–47). Ч.Ч. Валиханов хотя и подготовил свой перевод к печати, но будучи очень занятым и больным, не успел его опубликовать, как не успел опубликовать и многие другие свои работы.

М.И. Венюков (он был близким товарищем Ч. Валиханова), пользуясь немецким подлинником, хранящимся в Военно-ученом архиве, опубликовал ее раньше.

[13] *Шлагинтвейт Адольф* (1829–1857) – немецкий ученый, географ, естествоиспытатель и путешественник. В 1854–1857 гг. исследовал ряд районов Индии и Центральной Азии, собрал обширный материал по географии и этнографии, дал описание своего путешествия, изданное на английском и немецком языках. С официальным письмом прибыл в Кашгарию для изучения этой неизвестной европейцам страны, но был взят под стражу ходжой Валиханом-тюре и публично казнен в Кашгаре. Первые известия о его трагической гибели привез из своего путешествия Ч. Валиханов.

[14] *Птоломей* (Птолемей) *Лаг* – полководец Александра Македонского, основатель эллинистической династии в Египте (305–30 гг. до н. э.). При нем значительно оживилась экономическая жизнь Средиземноморья и стран Востока, с которыми Египет поддерживал оживленную торговлю.

[15] *...башня из человеческих голов...* – сооружение в Кашгаре, построенное по приказанию диктатора Валихан-тюре (1857 г.) из черепов казненных им людей. В числе их были головы

ученого-географа А. Шлагинтвейта и Намэдхана, политического изгнанника из Кокандского ханства. См.: *П.П. Семенов*[*-Тян-Шанский*]. История полувековой деятельности Русского географического общества, ч. I, СПб., 1896, стр. 276.

[16] *Черногорец* (по-уйгурски: *каратаглык*) – так назывался житель Восточного Туркестана, получивший это прозвище в связи с принадлежностью к одной из религиозно-политических партий в Кашгаре – черногорцев (вторая партия – белогорцы, или *актаглык).* Возникшие на основе религиозного раскола эти партии впоследствии получили сугубо политический характер. Во главе каждой из них стояли представители высшего мусульманского духовенства из династии ходжей. В XVI–XVIII вв. между партиями происходила ожесточенная борьба за власть, которая прекратилась лишь после присоединения Восточного Туркестана к Китаю. (См.: *В.В. Григорьев.* Восточный, или Китайский Туркестан..., стр. 355–359).

[17] *...кончившиеся изгнанием прежнего хана...* – Под прежним ханом имеется в виду Худайар-хан, изгнанный из Коканда своим братом Маллабеком в 1858 г. См. коммент. 9 к «Описанию пути в Кашгар...» и коммент. 13 к «Правительственной системе...»

[18] *Джунгария* – географическое название, употреблявшееся в XIX в. для обозначения обширной области Джунгарского Алатау между Илийской и Алакульской впадинами и Восточным Тянь-Шанем.

[19] *Влангали Александр Георгиевич* – горный инженер, путешественник. Долго работал на дипломатическом поприще. В 1849 и 1851 гг. проводил геологические исследования в Восточном Казахстане и Семиречье. Два раза посещал г. Кульджу: в 1851 г. с Е. П. Ковалевским и в 1856 г. с Ч. Валихановым. Результаты поездки Влангали по Юго-Восточному Казахстану приведены в его путевых очерках «Геогностические поездки в восточной части Киргизской степи в 1849 и 1851 гг» (СПб., 1853, ч. I–II.)

[20] *Голубев А.Ф.* (1832–1866) – преподаватель геодезии в Академии Генерального штаба, географ. Известен исследованиями озер Иссык-Куль и Алакуль. Проводил топографические съемки в Семиреченском и Заилийском краях и вокруг оз. Иссык-Куль. А.Ф. Голубев написал ряд оригинальных работ по географии и этнографии исследованных местностей. Им опубликованы топографические материалы по рассказу китайского офицера Ма Тян-ши (ЗРГО, 1862, кн. 2, стр. 93–100). С Чоканом Валихановым Голубев впервые встретился в Омске в 1859 г., затем продолжал дружеские и деловые связи с ним в Петербурге, часто посещая квартиру Ч.Ч. Валиханова.

[21] *Гельмерсен Григорий Петрович* (1803–1885) – русский геолог, академик. Известен своими исследованиями Урала, Алтая и Казахстана. Совместно с К. Бэром издавал «Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens», на которые ссылается Ч.Валиханов и где был помещен труд А.И. Шренка, о котором говорит Валиханов.

[22] *Бэр Карл Максимович* (1792–1876) знаменитый ученый-натуралист, академик, директор зоологического музея Российской академии наук, основатель кафедры эмбриологии Медико-хирургической академии в Петербурге. Бэр – один из самых разносторонних естествоиспытателей прошлого века, выдающийся эмбриолог. Некоторые из экспонатов, собранных Ч. Валихановым в путешествиях, находятся в зоологическом музее, созданном Бэром.

[23] *Татаринов А.А.* (1817–1870) – доктор медицины, первый русский консул в Чугучаке, долго работал врачом в Пекине, где основательно изучил китайский язык и китайскую медицину. А.А. Татаринов собрал обширную коллекцию предметов китайской медицины и китайского прикладного искусства. В 1865 г., путешествуя по Средней Азии, он попал в плен к бухарскому хану. Свои впечатления о Средней Азии Татаринов описал в очерке «Семимесячный плен в Бухарии (с картой)» (СПб., 1867).

[24] *Ковалевский Егор Петрович* (1811–1868) – специалист по геологии, замечательный географ, неутомимый путешественник, писатель, выдающийся общественный деятель; член и помощник председателя Русского географического общества; директор Азиатского департамента Министерства иностранные дел (1850–1861 гг.); один из основателей Общества для пособий нуждающимся литераторам и ученым. Е.П. Ковалевский получил образование в Харьковском университете. В 1829 г. он поступил на службу в горный департамент в Петербурге. До 1837 г. работал горным инженером на Алтайских рудниках. В 1839–1840 гг. вместе с Гернгроссом путешествовал по Западному Казахстану и Северному Прикаспию, где провел первые геологические исследования Мугоджарского хребта, Приаралья, Устюрта и бассейна р. Эмбы. Результатом этого путешествия явился совместный с Гернгроссом труд «Описание западной части киргиз-кайсацкой степи» («Горный журнал», 1840, IV). В 1851 г. в чине полковника корпуса горных инженеров Ковалевский возглавил геологические исследования в Семиречье, был в Кульдже (ЦГИАЛ, ф. 44, оп. 3, д. 91).

Большое культурно-историческое значение имела встреча Ковалевского с казахским поэтом Мухамметом (Махамбетом) Утемисовым, состоявшаяся в 1839 г. в Прикаспийских степях. Первое упоминание о Махамбете в записках русского писателя – факт сам по себе весьма знаменательный. В обрисовке Ковалевского встает живой образ казахского поэта, пламенного борца за свободу своего народа. (См.: «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений», 1845, т. VII, №227).

Ковалевский много путешествовал по странам Западной Европы, Ближнего и Среднего Востока, был в Египте, Судане, Эфиопии, Сирии, Греции, Средней Азии, Афганистане. Кашмире, Китае и Монголии. В итоге путешествий по Монголии и Китаю он собрал интересный материал, на основе которого издал книгу «Путешествие в Китай» (СПб., 1853).

Путевые очерки Ковалевского, посвященные изображению жизни и быта отсталых в то время народов, проникнуты гуманизмом, уважением к людям независимо от цвета кожи, сочувствием к свободолюбивым стремлениям народов. И не случайно, африканские очерки Ковалевского в свое время были тепло встречены Н.Г. Чернышевским. «Прочитал «Негрицию» Ковалевского, – пишет Чернышевский, – весьма понравился он за то, что так говорит о неграх, что они ровно ничем не хуже нас, с этим я от души согласен: когда говорят противное, мне всегда кажется, что это такой же вздор, как слова Аристотеля, что народы на север от Греции самим климатом и своего расою осуждены на рабство и варварство» (*Н.Г. Чернышевский.* Избранные философские сочинения, т. III. М., 1951, стр. 843).

Е.П. Ковалевский, будучи председателем Общества для пособий нуждающимся литераторам и ученым в 1861–1868 гг., часто устраивал литературные чтения, ставшие трибуной передовых идей и местом постоянной встречи видных деятелей культуры. На этих литературных чтениях присутствовали Н.Г. Чернышевский и Ч.Ч. Валиханов, где они могли близко познакомиться друг с другом. Первое литературное чтение состоялось 10 января 1860 г. у Е.П. Ковалевского (см.: *Н.Г. Чернышевский.* Избранные философские сочинения, т. III, стр. 490).

Е.П. Ковалевский активно содействовал Ч. Валиханову в его научной и общественной деятельности; он был одним из инициаторов организации экспедиции Валиханова в Кашгар, высоко оценил труды казахского ученого. Он хорошо знал Валиханова, часто лично встречался с ним во время совместной работы в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел (1860–1861 гг.).

[25] *Карелин Григорий Силыч* (1801–1872) – русский ученый-естествоиспытатель п путешественник. В 1827–1828 гг. путешествовал по Западному, в 1840–1845 гг. – но Центральному и Восточному Казахстану, Семиречью. Собрал богатые минералогические, ботанические

и зоологические коллекции, впервые произвел обмеры и дал описание архитектурных памятников Центрального Казахстана.

Труды Г.С. Карелина по Казахстану весьма обширны и разнообразны, но они полностью еще не опубликованы. Краткое извлечение из отчета Карелина о путешествии по Казахстану было помещено в журнале «Отечественные записки» (1841, нюнь).

[26] *Абакумов С.* – пристав Алатавского округа и казахов Старшего жуза, был корреспондентом Московского общества испытателей природы куда он посылал коллекции чучел птиц, пресмыкающихся, насекомых и т. д.

[27] *...естественной границей, где оканчивается киргизская степь и начинается Средняя Азия...* – имеется в виду условная граница, принятая в прежнее время для обозначения естественно-географических рубежей между пустынями Средней Азии (включая бывшие Сырдарьинскую и Семиреченскую области и пустынно-степную зону Казахстана севернее пустыни Бетпак-Дала).

[28] *Джигетай* (кулан – Equus hemoiius) – вид дикой лошади, обитавшей в пустынях и полупустынях Монголии и Северо-Западного Китая. Стада куланов летом живут на возвышенностях, а зимой – на равнинах, в зависимости от наличия естественных кормов.

[23] *Гоби* (по-монгольски: *безлесная сухая степь)* – великая пустыня в Монголии, переходящая в обширные степные пространства. По своему характеру Гоби напоминает Бетпак-Далу и полупустыни Центрального Казахстана.

[30] *...от рвов, сделанных ханом Джанибеком...* – «Рвы Джанибека» или «рвы Тамерлана» представляют результат грандиозных работ, произведенных не только для облавной охоты, но и, прежде всего, для орошения, встречаются в разных районах Казахстана. Об этих рвах существуют многочисленные легенды, связывающие их происхождение с деятельностью разных ханов. (См.: *Д.Н. Джетбысбаев.* Ров Тамерлана, ПТКЛА, 1899, с. 137–138).

[31] *Абулджа-хан* – по Рашид ад-дину и Абулгази, – легендарный родоначальник древнетюркских племен, живших на Сырдарье, Чу и к северу от этих рек.

[32] *Животный помет* (по-казахски *тезек,* искаженно – *кизяк*) – основной вид топлива, употребляющийся в безлесных районах Средней Азии, Казахстана и Монголии.

[33] *...для усуньского куньмы* (куньми, гуньмо) – титул усуньского владетеля, главы древнеусуньского племенного государства. Главная ставка куньми – Чигу-чэн – находилась на северо-востоке от озера Иссык-Куль.

[34] *...оседлость здесь сильно распространилась, особенно в Илийской долине.* – Об оседлости в Илийской долине и в Семиреченском крае Валихановым сделаны специальные сообщения в Географическом обществе в 1860 г. (см.: *П.А. Кельберг.* Поливные поля в Забайкальском крае. ЗРГО, 1861, кн. 1, стр. 183 – *прим. редакции).*

[35] *Алмалык* – город, существовавший в районе Хоргоса (близ совр. г. Кульджи) в средневековье и считавшийся важным пунктом на большой караванной дороге, шедшей из Средней Азии в Китай. В XIII–XIV вв. он служил главной резиденцией восточных Чагатаидов, там находились общественные и культовые здания (мечети, храмы и гробницы Чагатаидов). Алмалык прекратил свое существование в конце XV в. (См.: *В.В. Бартольд.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью 1893–1894 гг. Сочинения, т. IV, М., 1966, с. 79–81).

[36] *Хонакай* – древний город в Семиречье.

[37] *Кайнак* (по Рубруку, Cailac – *Кайлак)* – древний город, бывший центр Карлукского ханства, существовавший в долине р. Каратал в VIII–XIII вв. Его развалины, под названием Дунгене, теперь находятся недалеко от города Талды-Кургана. Раскопки, произведенные в 1939 г. проф. А.Н. Бернштамом, показали, что городище имеет три культурных слоя, в которых в значительных размерах отложились керамика, кости домашних животных, остатки орудий труда

и предметов быта. Первый слой хронологически относится к раннемонгольскому периоду, второй слой датируется монетами караханидского времени (X–XII вв.), третий – отражает историю карлуков и ранних караханидов (IX–X вв.)

О точном названии города существуют различные мнения: В.В. Григорьев считал, что Кайлак Рубрука – искаженная форма от тюркского Каялык (Кая – скала). (См.: *В.В. Григорьев.* Восточный, или Китайский Туркестан, стр. 301–302.); А.Н. Бернштам доказывал, что истинное название этого города – Койлык. (См.: *Рубрук.* Путешествия в восточные страны. Перевод А.И. Малеина. СПб., 1911, стр. 105; *А.Н. Бернштам.* Памятники старины Алма-Атинской области. – «Известия АН КазССР», серия археологическая, вып. I, Алма-Ата, 1948, стр. 82–84).

[38] *Алмату* – древний город у подножия Заилийского Алатау, на месте которого в 1854 г. был основан новый город – Верный (Алма-Ата). Остатки древнего Алмату исследованы в 1922 и 1924 гг. В.Д. Городецким, который установил топографическую основу городища, расположенного против выхода из ущелья р. Малой Алматинки. (см.: *В.Д. Городецкий.* Остатки древнего поселения к югу от г. Алматы (бывш. Верный). – В.В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927, с. 145–150).

В 90-х годах XIX в. городище Алмату было осмотрено акад. В.В. Бартольдом вместе с городским архитектором, который успел зафиксировать остатки крупных общественных зданий и обломки строительных материалов. В настоящее время при проведении земляных работ нередко обнаруживаются остатки гончарных изделий, строительного мусора, кости животных. (См.: *А.Н. Бернштам.* Прошлое района Алма-Ата. Алма-Ата, 1948).

[39] *Генуэзские купцы* – итальянские купцы из города Генуи, которые вели торговлю в степях Дашт-и Кыпчака, Средней Азии, Монголии и в Китае.

[40] *Кипчаковские послы* – послы феодальной Золотой Орды, отправляемые в XIII–XIV вв. в столицу монгольских ханов – Каракорум. После распада Монгольской империи отправка послов, как форма подчинения власти сюзеренов, прекратилась.

[41] *...в этой части Азии было особенно много несторианских и монофизитских конгрегаций, а на озере Иссык-Куле сирийские якобиты...* – несторианство, монофизитство, якобинство – особые течения (секты) в христианстве, возникшие в период раннего феодализма. Отдельные религиозные общины в них объединялись в конгрегации.

[42] *Каталонская карта* – географическая карта, составленная в Италии в 1375 г. Была издана в 1742 г. во Франции в "Notices et Extrats des Manuscrits de la Bibliotheque du roi etc. t. XIV" – (Paris, 1742).

Каталонская, как и другие итальянские карты XIV–XV вв. была составлена с практической целью в качестве маршрутной карты для итальянских купцов, ведших торговлю с Дашт-и Кыпчаком, Средней Азией и Восточным Туркестаном. С каталонской картой тесно связаны две другие карты – венецианская карта Фра Мауро (составлена в 1459 г.) и карта Франциска и Доминика Пицигани, составленная раньше Каталонской, в 1367 г. Карта Фра Мауро издана собирателем древних карт Сантаремом (Santarem. Atlas composo de mappemondes et historiques depuis la XI-me jusqu a XVII-me siecle, pour la plupart inedites. Lissabon, 1842–1853).

Итальянское издание этой карты осуществлено в 1869 г. Мюнстером (*Munzter. Li mappemonde di Fra Mauro. Camaldolese. Venezia.*). Факсимиле большой карты Пицигани издано Жомардом (*Jomard. Les monuments de la Geogr.*, №1, 1, 3). Частичные комментарии этой карты, касающиеся Нижнего Поволжья, имеются на русском языке в работе Бруно «Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия» («Записки Новороссийского университета», т. IX, Одесса, 1873) и в статьях Ф.Ф. Чекалина «Саратовское Поволжье в XIV в. по картам того времени и археологическим данным» (Труды Саратовской ученой архивной комиссии, т. II,

вып. 1, Саратов, 1889), «Нижнее Поволжье по карте космографа XV века Фра Мауро» (Труды Саратовской ученой архивной комиссии, т. II, вып. 2, Саратов, 1890).

О каталонской карте исчерпывающие сведения имеются у Лелевеля *(Iaochim Lelewel. Geographie du Moyen Age t. II, Bruxlles*, 1852, p. 52–88)

На эти исторические карты одним из первых обратил внимание молодой ученый Чокан Валиханов еще тогда, когда они оставались малоизвестными в науке. Несомненно, что Валиханов ознакомился с ними по французскому изданию XVII в. Для изучения истории городов и поселений Казахстана и Средней Азии каталонская карта имеет огромное значение, она служит важным и редким источником по исторической топографии обширной территории Советского Союза. В ней и других картах зафиксированы наиболее ранние и не известные другим источникам сведения о городах и населенных пунктах, существовавших в XIII–XIV вв. в районе Северного Прикаспия, на Сырдарье, в Центральном Казахстане и Семиречье. Все города, изображенные на средневековых итальянских картах, давно не существуют, они дошли до нас только в виде развалин и обширных холмов. Попытки использования данных каталонской карты применительно к исторической топографии Средней Азии и Казахстана были сделаны русским ученым-ориенталистом В.В. Григорьевым в его работах: «Местоположение Сарая» (ЖМВД, X, стр. 28), «Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости» (ЗРГО, 1861, №2, стр. 110) и советским ученым-академиком В.В. Бартольдом.

[43] *...киргизы успели уничтожить остатки уцелевших зданий...* – архитектурные памятники никогда не уничтожались ни киргизами, ни другими народами Средней Азии, напротив, их обычно оберегали, считая священными. Это отмечали и русские путешественники.

«В долине Большого Кебина, – пишет Венюков, – есть каменное укрепление около могилы одного знатного старика, Ниязбеков курган. Отряду 1860 года надобно было просить особого позволения ночевать в этом кургане и притом с условием ничего в нем не трогать, ничего не ломать. Могилы предков очень почитаются и делаются наподобие часовен с каменными стенами» (*М.И. Венюков.* Путешествие по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб, 1808, стр. 168).

Благодаря такой заботе многие из древних зданий дошли до нас в хорошем состоянии; они сейчас взяты на государственный учет и некоторые реставрируются (башня Бурана около Токмака, великолепные Узгенские мавзолеи, Ташрабат, «гумбез Манаса» и др.).

[44] *Ламайские капища* – здания, где отправлялись буддийские религиозные обряды. Построены джунгарскими калмыками в XVII–XVIII вв. Слово «капище» введено русской духовной цензурой в середине XIX в. для обозначения нехристианских культовых сооружений типа мечетей, кешен, дурбе, дынг и т. д.

[45] *Идол* (по-казахски: *сынтас*) – каменные изваяния, скульптурные изображения умерших людей, вытесанные из гранита или песчаника в виде высоких округлых или четырехгранных столбов. Они чаще всего стоят на равнинах, окруженных горами и открытых с восточной стороны. Недалеко от них расположены погребальные холмы, представляющие собой фамильное кладбище одной семьи.

[46] *....несколько золотых вещей и монет Алмалыка.* – Имеются в виду чагатайские монеты времен Тармаширина (30-е годы XIV в.). Они были описаны и опубликованы В.В. Вельяминовым-Зерновым (см. ниже, коммент. 69). Намерение написать специальную статью о древностях Алмалыка, видимо, не было осуществлено Ч. Валихановым ввиду болезни.

[47] *Чудские копи* – древние выработки, встречающиеся большими комплексами в районах Казахстана, Южной Сибири и Юго-Восточного Урала. Хронологически относятся к двум основным периодам (андроновскому и карасускому) эпохи бронзы.

[48] *Жужанский дом* – племенное объединение, возникшее на территории Центральной Азии в период ранних феодальных отношений (III–IV вв.). Дань железом Жужанскому дому несли тюркские племена, населявшие Алтай и Верхний Иртыш. (См.: *Н. Пигулевская.* Сирийские источники по истории СССР. М.–Л., 1941, стр. 75).

[49] *Лошадиное лицо* – (по казахски: *ат жақты*) – соответствует термину «долихоцефал» (в антропологии – «длинноголовый»).

[50] *Буруты* – одно из названий киргизского народа, данное им соседями (китайцами, калмыками).

[51] *Сары уйсуни* (рыжие усуни) – род казахского племени уйсунь, живший в низовьях р. Или и пограничных районах Джунгарии. В основном они занимались земледелием и изготовлением оригинальной домашней утвари, восходящей к глубокой древности.

[52] *Афанасьев А.П.* (1826–1871) – известный собиратель и исследователь русских и славянских сказок и былинных сюжетов. Главнейшие труды Афанасьева: «Поэтические воззрения славян на природу», в трех томах (1865–1869 гг.), «Народные русские сказки» (1835 г.).

[53] *Мейендорф Г.* (1798–1865) – офицер русского Генерального штаба, секретарь посольства Негри в Бухару в 1820 г. Ч. Валиханов ссылается на его известную работу на французском языке: Voyage d Orenbourg a Bjukhara fait en 1820» Paris, 1826). (См.: *А. Каменский.* Нравы и обычаи киргизцев (из «Путешествия в Бухару» барона Мейендорфа). «Северный архив» 1826, ч. 2, стр. 268–281).

[54] *Гумбольдт Александр* (1769–1859) – см: комм. 5 к «О состоянии Алтышара...».

[55] *Буранбай* – см. коммент. 7 к «Запискам об организации поездки в Кашгар».

[56] *Уйгурский язык* – один из древнейших тюркских языков Средней Азии, язык уйгуров, населявших Восточный Туркестан (Синьцзян) и часть Ганьсуйской провинции. Термин впервые введен Мухаммедом Хайдаром, впоследствии употреблялся французскими востоковедами Абель-Ремюза и Клапротом.

[57] *...образовался под влиянием китайских форм еще язык канцелярский...* – имеется в виду язык уйгурских юридических грамот, частично, опубликованных уже проф. С.Е. Маловым. Образцы канцелярского языка опубликованы Ч. Валихановым лишь частично. Еще не найден автограф этой работы, написанной, очевидно, в более широком плане.

[58] *Мухаммед-Хайдар Курекан* (мирза Мухаммед Хайдар дуглат, 1499–1551) – историк, автор книги «Тарих-и Рашиди», в которой описываются исторические события, происшедшие в Моголистане и Средней Азии в XV–XVI вв. (см. ниже, коммент. 60). Мухаммад Хайдар был родом из племени дуглат, пользовавшегося значительным политическим влиянием в Моголистане (Семиречье и Восточный Туркестан) в XV–XVI вв. Его предки служили улусбеками при последних Чагатаидах. Сам Мухаммад Хайдар сыграл выдающуюся роль в истории Восточного Туркестана середины XVI в. (См.: *В.В. Вельяминов-Зернов.* Исследование о Касимовских царях и царевичах.., ТВО РАО, ч. XI, СПб., 1864; *В.В. Григорьев.* Восточный, или Китайский, Туркестан...., с. 315, прим. 50).

[59] *Абдул-Рашид* – сын Са'ид-хана, кашгарский хан середины XVI в. См. коммент. 3 к «Правительственной системе...»

[60] *«Тарих-и Рашиди»* – историческое сочинение, написанное Мухаммедом Хайдаром в 40-х годах XVI в., содержит ценные сведения о Восточном Туркестане и прилегающих к нему областях, данные по истории образования казахского и узбекского ханств, о киргизах, уйгурах и их взаимоотношениях в первой половине XVI в. «Тарих-и Рашиди» дошло до нас в нескольких рукописных копиях на персидском и тюркско-кашгарском языках. Наиболее полным и ранним следует считать экземпляр, хранящийся в фондах Института языка и литературы Академии наук Таджикской ССР. В библиотеке Восточного факультета Ленинград-

ского университета находится неполная копия, изобилующая ошибками. Уйгурский вариант «Тарих-и Рашиди» является переводом Мухаммеда-Садыка Кашгарского. Лучший, но неполный экземпляр уйгурской редакции хранится в архиве Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР. Частично «Тарих-и Рашиди» переведен на русский язык В.В. Вельяминовым-Зерновым и помещен в его обширном монографическом труде «Исследование о Касимовских царях и царевичах». Полный перевод на английский язык сделан Э.Д. Россом *(Mirza Muhammed Haidar, Duglat. The Tarikh-I Rashidi A History of the Moghuls of Central Asia. An English version, ed... by Elias. The translation by E. Denison Ross/ London*, 1895). Рецензия на английское издание – В.В. Бартольда (ЗВОРАО, X, 1897, с. 215–226; Сочинения, т. VIII, М., 1973,с. 63–73).

[61] *Тоглук-Темир* (Туглук-Тимур, ум. в 1362 г.) – последний чагатаид, основатель и хан Моголистана (1347–1362 гг.), родоначальник династии, правившей в Восточном Туркестане до середины XVI в., его владения простирались от Или до Памира и Кунь-Луня. Принял ислам от Сейида Рашид ад-дина; стал жаловать мусульманское духовенство наследственной землей и предоставлять особые права и привилегии.

[62] *Меровинги* – первая франкская королевская династия, возникшая на основе развития феодальных отношений во Франции (V–VIII вв.). Меровинги были неограниченными монархами, с конца VI в. власть в стране фактически перешла в руки мажордомов, т. е. высших должностных лиц, управлявших государством при этой династии. О должностных лицах в Моголистане XV–XVI вв. см.: *В.В. Григорьев.* «Восточный, или Китайский, Туркестан...», стр. 298.

[63] *«Тазкиряи Ходжагян»* («Тазкира-и ходжаган») – تذکرهء خواجه گان – «История династии ходжей в Восточном Туркестане» – историческое сочинение, написанное в 1768 г. уйгуром Мухаммед-Садыком Кашгарским, известным также по переводу на уйгурский язык «Тарих-и Рашиди» и «Тарих-и Табари» (см.: *В.В. Вельяминов-Зернов.* Исследование о Касимовских царях и царевичах..., с. 138). Рукопись этого сочинения была привезена Валихановым из Кашгара и передана в библиотеку Азиатского музея (ныне Институт востоковедения АН СССР). (См.: *В.В. Григорьев.* Восточный, или Китайский, Туркестан...., с. 355, прим. 8).

[64] *Династия ходжей* – см. комм.[11] к «Запискам об организации поездки в Кашгар».

[65] *«Тазкиряи Султан Сутук (Сатук) Бугра-хан»* – تذکرهء سلطان ستوق بغراخان («Жизнеописание султана Сатук Бугра-хана») – средневековое сочинение, написанное в Кашгаре неизвестным автором и посвященное Сатук Бугра-хану (ум. в 955 г.) из династии Караханидов (илеков), первым принявшим ислам и распространившим его в Восточном Туркестане и Семиречье (см.: *В.В. Бартольд.* Очерк истории Семиречья. Сочинения т. II, ч. 1. М., 1963, с. 41–42). Гробница Бугра-хана находится недалеко от Кашгара, у селения Алтын-Артыш. Краткое извлечение из этого сочинения, сделанное на узбекском языке Мулла-Хаджи, хранится в Ташкенте в Институте востоковедения АН УзССР (СВР, под ред. проф. А.А. Семенова, т. I, Ташкент, 1952, с. 53–54; т. III, 1955, стр. 139–141) и в Государственной публичной библиотеке УзССР (*В.Л. Вяткин.* «Перечень восточных рукописей в Гос. пуб. библиотеке УзССР» – В кн.: «Туркестанская государственная публичная библиотека УзССР», т. I, Ташкент, 1935, стр. 68); другой список хранится в ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина («Collection scientifiques de I Institut des langues orientales du Ministere des affaires etrangeres. VIII. Manuscrits Turcs.... decrits par W. D. Smirnow». St-Pb, 1897, №79, p. 160).

[66] *Илеки* (илек – ханы) – титул «низших» ханов из династии Караханидов (X – нач. XIII в.). Он давался родственникам верховных ханов, находившимся в вассальной зависимости от них. Большое политическое значение имели илеки в Семиречье (Баласагун, Тараз) и Фергане. После XI в. титул «илек» почти не применялся. Иногда используется в работах современных

исследователей как синоним династии Караханидов в целом, хотя, строго говоря, это неверно, так как далеко не все из них были илеками.

[67] *«Ришахат айнель Хаят»* (Рашахат ‘айн ал-хайат) – رشحات عين الحيات («Капли, [просачивающиеся] из источника жизни») – сочинение, содержащее биографии и поучения шейхов дервишского ордена накшбандийа и суфийских поэтов Средней Азии и эпохи средневековья. Труд написан в 1503 г. Али ибн Хусейном ал-ва’изом (проповедником) ал-Кашифи, известным под псевдонимом ас-Сафи (ум. в 1532 г.) Неоднократно издавался в Ташкенте и Казани. Из ранних экземпляров этого сочинения хранится в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина (См.: Dorn. B. Catologue des manuscripts et... geogaphes orientaux de la Bibliotheque Imperiale Publique de St. Peterburg. St-Pb, 1852, стр. 299, №310; *В.В. Вельяминов-Зернов.* Исследование о Касимовских царях и царевичах ...., стр. 128; *К. Залеман и В. Розен.* Список персидским, турецко-татарским и арабским рукописям Санкт-Петербургского университета, ЗВО РАО, т. II, 1888, стр. 254). Другие экземпляры этого сочинения описаны в каталогах Рье (*Ch. Rieu.* Cataloque of the Persian manuscripts de la Bibliotheque Nationale, t. I. Par. E. Dlochet. Paris, 1905, p. 269) и Вильгельма (Persischen Handschriften der Dibl. zu Gotha, verzeichnet von Dr. Wilhelm 1864).

[68] *Абу-Муслим Марузи* – см. коммент. 30 к «Историческому очерку».

[69] *...я собрал ...нумизматическую коллекцию...* – небольшая коллекция восточных монет (18 экземпляров), собранная Ч.Ч. Валихановым и переданная им в дар Азиатскому музею вместе с редкой рукописью «Дивана» Хакани, была описана В.В. Вельяминовым-Зерновым и опубликована им на французском языке в 1860 г. (Description de quelques monnaies de I oulous de Djaghatai, de Kviha et de Khokand, par V. Veliaminof-Zernof.) – Bulletin de I Academie imperial des sciences de St.-Petersbourg. Tome second. St.-Pb., 1860, p. 207–218; русский перевод этого описания см. в настоящем издании, том 5). Эти монеты в составе нумизматической коллекции бывшего Азиатского музея в 1930–1931 гг. поступили в собрание Государственного Эрмитажа.

[70] *Путешествие мое началось 28 мая 1858 г.* – В рукописной копии ошибочно поставлен 1856 г. Н.И. Веселовский в издании «Сочинений Ч.Ч. Валиханова» (1904 г.) повторил эту ошибку. В описании пути в Кашгар и в дополнениях к Кашгарскому дневнику стоит не 28 мая, а 28 июня, что соответствует действительности, так как, судя по письму к К.К. Гутковскому (от 4 июня 1858 г.), в июне Чокан Валиханов в ожидании прихода каравана еще находился в районе Алтын-Эмельского хребта.

[71] *Дургамский бык* – от названия английского города Дургам (Durham), центра одноименного графства, прославившегося разведением сильных жирных быков.

[72] *Напев песни поется особенным, неестественным голосом... пока певец не попадает в настоящий тон.* – По свидетельству М.И. Венюкова, у киргизских певцов-импровизаторов «удивительно верная интонация, которую можно было ценить даже непонимающему слов поэмы, уменье вовремя употреблять скороговорку, речитатив или протяжное унылое пение, составляли неотъемлемое достоинство рапсода» (*М.И. Венюков.* Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них, стр. 169).

[73] *40 девиц* (40 кыз – 40 девушек) – кроме легендарной основы, это выражение имеет традиционное значение, получившее в эпической поэзии и древних сказаниях устойчивую форму, как литературный образ. Число 40 – наиболее излюбленное в фольклоре тюркских народов Средней Азии и Казахстана. Существуют поэмы «40 девушек», «40 джигитов», «40 визирей» и т. д.

[74] *Мнение... что переселение киргиз с Енисея на Тянь-Шань в начале XVIII века... оказывается не совсем верным...* – Ч. Валиханов энергично отвергает теорию переселения киргизов с Енисея на Тянь-Шань и доказывает, что киргизы – аборигены Тянь-Шаня, здесь они жили

с древнейших времен и лишь во время перекочевок распространялись до Алтая и Верхнего Енисея, совершая ежегодный кругооборот между Тянь-Шанем и Южной Сибирью. Эта перекочевка, по Валиханову, была приостановлена, когда древние кочевые пути киргизов были заняты сильной державой ойратов, обосновавшихся в Джунгарии (XV–XVIII вв.). Народные предания о перекочевках киргизов между Тянь-Шанем и Алтаем хорошо отражены в поэме «Манас». По этой легенде поминки по умершему Кукотай-хану устраиваются не в долине Иссык-Куля, а в горах Алтая.

О распространении киргизов до Алтая и Енисея имеется обширная историческая литература, об этом свидетельствуют и материалы археологических раскопок, произведенных в наше время. (См.: *В.В. Бартольд.* Киргизы. (Исторический очерк). Фрунзе, 1927; его же: Сочинения т. II, ч. 1. М. 1963, с. 471–543; *С.Е. Малов.* Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы, М.–Л., 1952; *С.В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири М 1951).

[75] *Урга* – ставка джунгарских ханов. Еще Миллер (XVIII в.) отмечал, что Урга служила местом сбора сеймов калмыцкой знати (нойонов), где часто происходила торговля со среднеазиатскими и кашгарскими купцами. (См.: «Ежемесячные сочинения», 1756, май, стр. 408–421; *В.В. Григорьев,* Восточный, или Китайский, Туркестан..., стр. 376–377).

[76] *Тьерри Амедей* (1797–1873) – один из виднейших французских буржуазных историков, сторонников либеральной историографии: известен своими исследованиями по истории гуннов и их взаимоотношений с древним Римом. Ч. Валиханов неоднократно ссылается на его труд «Historie d'Attila et de successeurs», выдержавший ряд изданий. Сокращенное изложение этой работы на русском языке было опубликовано в журнале «Москвитянин» (1852, №5, 7).

[77] *Kao-tsche* (Гаочен) – турфанский оазис и бассейн Тарима, древняя родина уйгуров (см.: *Д. Позднеев.* Очерк истории уйгуров. СПб.. 1883).

[78] *Ногайское былины* (по-казахски: *ногайлының жыры*) – цикл эпических сказаний казахов, ногайцев и каракалпаков, сюжетами которых являются исторические события XIII–XVII вв., сохранившиеся в памяти народа. К этому циклу относятся поэмы «Еркокше», «Ер-Саин», «Ер-Таргын», «Кобланды», «Камбар», и др. (см.: «Вопросы изучения эпоса народов СССР». М., 1958, стр. 47–49, 53).

[79] *Ходзько Александр* (род. 1804 г.) – известный польский поэт и востоковед; его поэтические произведения издавались в Петербурге (1829 г.) и Познани (1833 г.). До 1845 г. был русским консулом в Иране; занимался изучением литературы восточных народов. В Париже Л. Ходзько издал переводы иранских поэтов и грамматику персидского языка. Ч. Валиханов имеет в виду работу *A. Chodzko.* Specimens of the poplar poetry of Persia... London, 1842. Русский перевод С.С. Пенна «Кер-оглу». Восточный поэт-наездник. Тифлис, 1856. Инициал Г. (G.) при фамилии Ходзько, иногда встречающийся в изданиях, – результат ошибки: за него было принято обычное сокращение «г.» – «господин».

[80] *Язык дикокаменных киргиз... близкое к разговорному языку, употребляемому в Малой Бухарии.* – Ч.Ч. Валиханов считает киргизский язык одним из древнейших языков Средней Азии и находит большое сходство между киргизским и уйгурским языками.

СОДЕРЖАНИЕ

Мажитов С.Ф., Валиханов Э.Ж. Чокан Валиханов и его наследие XXI веке.....3
Маргулан А.Х. Основные этапы жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова.....9

РАЗДЕЛ I. Исторические исследования о казахах, о кыргызах и Восточном Туркестане

Письмо профессору И.Н. Березину.....19
Заметки при чтении книги профессора И.Н Березина «Ханские ярлыки» 36
Извлечение из «Джамиат ат-тауарих» 47
Из «Тарихи-Рашиди» 74
Исторические предания о батырах XVIII в. 83
Шуна-батыр 92
Аблай 98
Географический очерк Заилийского края 103
О киргиз-кайсацкой Большой орде 110
О кочевках киргиз 113
Киргизское родословие 118
Черновые материалы о киргизах 134
О мусульманстве в степи..... 138
Записка о судебной реформе..... 144
Родословное древо казахских ханов и султанов 168
Заметки по истории южносибирских племен 174
Записки о киргизах 186
Западный край Китайской империи и город Кульджа (Дневник поездки в Кульджу 1856 г.)..... 265
О торговле в Кульдже и Чугучаке.....322
О западном крае Китайской империи 330
Записка о Коканском ханстве..... 361

РАЗДЕЛ II. Этнографические исследования и заметки

Қозы Көрпеш – Баян сұлу 375
Образец причитаний 426
Песня о Аблае 430
Песни Урака 446
Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды..... 453
Поговорки Большой орды 458
О формах казахской народной поэзии 461
Тенкри (бог) 468
Следы шаманства у киргизов.....475
Составные части киргиз-кайсацкого пороха 497
О киргиз-кайсацких могилах (молах) и древностях вообще 499
Замечания на третью часть описания киргиз-казачьих
орд А.И. Левшина 505
Смерть Кукотай-хана и его поминки 508

РАЗДЕЛ III. Путешествие в Кашгар

О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской
провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858–1859 годах 521
Очерки Джунгарии 544

Директор издательства «Арыс»
Гарифолла АНЕС

Утвержден Ученым советом Института истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова

Чокан Валиханов
Избранные произведения

Редактор
М.АБИШЕВА

Технический редактор
Д.УМАРГАЛИЕВА

Художник
Т.МУКАТОВ

Компьютерная верстка
Р.КУРМАШЕВ

ИБ №820
Подписано в печать 20.12.2009.
Формат 70 x 100 $^{1}/_{16}$
Бумага офсетная. Объем 45 п.л.
Тираж 2000 экз. Заказ № 4417.

Республика Казахстан,050009,
г. Алматы, пр. Абая, 143. Издательство «Арыс»
тел./факс 242 65 56, 385 74 67
E-mail arys@nursat.kz
www.arys.kz

Отпечатано с файлов заказчика в
ТОО «Полиграфкомбинат» Республики Казахстан,
050002, г. Алматы, ул. М. Макатаева, 41.

Ардақты Алаш азаматтары!

Репрессияға ұшыраған Қазақстан зиялыларының мұрасын зерттейтін «АРЫС» қоры он жеті жылдан бері жазықсыз жазаланып, аттары аталмай, көпшілік жадынан өше бастаған біртуар азаматтарымыздың мұрасын жинап, еңбектерін жарыққа шығарады; ескерткіш, мүсіндерін жасап, музейлерін жабдықтайды; арыстарымыздың өмірі мен шығармашылығын насихаттаушыларға жәрдем беріп, мерейтойларын өткізуге атсалысады; ардақтыларынан ажырап қалған шаңырақтарға қайырымдылық көмек көрсетеді.

Қор жанындағы «АРЫС» баспасы
Сіздің түрлі мәдени тапсырыстарыңызды
тез әрі сапалы орындап береді

050009, Алматы қ.
Абай даңғылы, 143
5-қабат.
527, 529-бөлмелер
тел./факс: 394 37 66,
385 74 67

АРЫС

е/ш.: 001700102
30070492 (валюта)
Алматы қ-сы
Казкоммерцбанк
МФО 190501724
РНН 600400010767

E-mail: **arys-kz@mail.ru**

Дорогие читатели!

Более семнадцати лет фонд «АРЫС», созданный ведущими казахстанскими историками, политологами и публицистами, занимается сбором, исследованием и публикацией наследия выдающихся представителей казахстанской интеллигенции – жертв политических репрессий.
Фонд стремится достойно увековечить их память: содействует открытию музеев, памятников и тематических экспозиций, активно участвует в проведении юбилеев и других мероприятий, оказывает посильную помощь семьям репрессированных.

Издательство при Фонде «АРЫС» всегда квалифицированно и качественно выполнит все Ваши заказы, относящиеся к сфере науки и культуры, выпустит Ваши научные и литературные труды, монографии, брошюры, авторефераты, буклеты и т. п.

Лучшие образцы казахской науки

Немало славных сыновей казахского народа, мыслители, ученые и писатели, внесли свой вклад в развитие передовой мысли человечества. Восточную научную школу, у истоков которой стоял великий Абу Наср аль-Фараби и которую продолжили в XIX веке Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин, в начале XX века развивали по всему широкому кругу вопросов известные ученые и мыслители Алаш-Орды, переняли у них эстафету такие выдающиеся ученые нового времени, как Мухтар Ауэзов, Каныш Сатпаев, Алькей Маргулан. Их наследие – это бесценный дар, который мы должны сохранить, собрать и передать подрастающему поколению, сделать достоянием миллионов. Это – наш долг и святейшая обязанность. В сфере книгопечатания Казахстана открывается новая перспектива: рождается проект серии «Лучшие образцы казахской науки», который выпустит в свет оригинальные и наиболее значимые труды наших великих мыслителей и ученых, чьи труды и идеи вошли в золотой фонд отечественной науки.

АРЫС

ISBN 9965-17-651-5

9 789965 176517